3 1761 08821005 9

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso09mami

LR
M2655B

Mamin, Dmitry Narkisovich

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochineny

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА
И КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ П. В. БЫКОВА

494377
7.7.49

163-V

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

(V 9)

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1917 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ЗОЛОТО.

Романъ.

Посвящается Марусѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Кишкинъ сильно торопился и смѣшно шагалъ своими короткими ножками. Зимнее сѣрое утро застало его уже за Балчуговскимъ заводомъ, на дорогѣ къ Фотьянкѣ. Легкій морозецъ бодрилъ старческую кровь, а падавшій мягкій снѣжокъ устилалъ изъѣзженную дорогу точно ковромъ. Быстроту хода много умаляли разносившіяся за зиму валенки, на которыя Кишкинъ нѣсколько разъ поглядывалъ съ презрѣніемъ и громко говорилъ въ назиданіе самому себѣ:

— Эхъ, вся кошемная музыка развалилась... да. А было времечко, Андронъ, какъ ты съ завода на Фотьянку на собственной парочкѣ закатывалъ, а то верхомъ на иноходцѣ. Лихо...

Это были совсѣмъ легкомысленныя слова для убѣленнаго сѣдинами старца и его сморщеннаго лица, если бы не оправдывали ихъ маленькіе, любопытные, вороватые глаза, не хотѣвшіе старѣться. За маленькій ростъ на золотыхъ промыслахъ Кишкинъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Шишки, какъ прежде его называли только за глаза, а теперь прямо въ лицо.

„Только бы застать Родьку...“ — думалъ Кишкинъ вслухъ, прибавляя ходу.

Дорога отъ Балчуговскаго завода шла сначала по берегу рѣки Балчуговки, а затѣмъ круто забирала на лѣсистый Краюхинъ увалъ, съ котораго открывался великолѣпный видъ на заводъ, на теченіе Балчуговки и на окружавшія селеніе работы. Кишкинъ остановился на вершинѣ увала и оглянулся назадъ, гдѣ въ сѣрой зимней мглѣ тонули заводскія постройки. Кругомъ все было покрыто бѣлой снѣжной пеленой, исчерченной вдоль и поперекъ желтыми промысловыми дорожками. На Краюхиномъ увалѣ снѣжная пелена тамъ и сямъ была покрыта какими-то подозрительными красновато-бурыми пятнами, точно самая земля здѣсь вспухла болячками: это были старательскія работы. Большинство ихъ было заброшено, какъ невыгодныя или выработавшіяся, а около нѣкоторыхъ курились огоньки, — эти, слѣдовательно, находились на полномъ ходу.

— Ишь, подлецы, какъ землю-то изрыли, — проговорилъ вслухъ Кишкинъ, опытнымъ глазомъ окидывая земляныя опухоли. — Тоже, называется,

золото ищутъ... ха-ха!.. Не положилъ—не ищи... Золото моемъ, а сами голосомъ воемъ.

Кишкинъ подтянулъ опоясной свою старенькую шубенку, крытую сѣрымъ вытершимся сукномъ, и съ новой быстротой засѣменилъ съ увала, точно кто его толкалъ въ спину.

По ту сторону Краюхина увала начинались шахты: Первинка, Угловая, Шишкаревская, Подаруевская, Рублиха и Спасо-Колчеданская. Кругомъ шахтъ тянулись высокіе отвалы пустой породы, кучи ржаваго кварца, штабели заготовленнаго лѣса и всевозможныя постройки: сараи, казармы, сторожки и цѣлые корпуса. Изъ всѣхъ этихъ шахтъ работала одна Спасо-Колчеданская, надъ которой дымилась громадная кирпичная труба. Гдѣ-то отпыхивала невидимая паровая машина. Заброшенныя шахты имѣли самый жалкій видъ,—трубы покосились, всякая постройка гнила и разваливалась. Кишкинъ оглянулъ эту египетскую работу прищуренными глазками и улыбнулся.

— Одна парадная дыра осталась...—проговорилъ онъ, направляясь къ работавшей шахтѣ.—Эй, кто есть живъ человѣкъ: Родіонъ Потапычъ здѣсь?

Изъ сторожки выглянула кудластая голова, посмотрѣла удивленно на Кишкина и, не торопясь, отвѣтила:

— Былъ, да весь вышелъ...

— Ахъ, чтобъ ему ни дна ни покрышки!—обругался Кишкинъ.

— Ступай на Фотьянку, тамъ его застанешь,—посовѣтовала голова.

— Легкое мѣсто сказать: Фотьянка... Три версты надо отмѣрить до Фотьянки. Ахъ, старый чортъ... Не сидится ему на одномъ мѣстѣ.

— На брезгу Родивонъ Потапычъ спущался въ шахту и четыре взрыва діомидомъ сдѣлалъ, а потомъ на Фотьянку ушелъ. Тамъ старатели борта домываютъ, такъ онъ ихъ зоритъ...

Кишкинъ досталъ берестяную тавлинку, сдѣлалъ жестокую понюшку и еще разъ оглядѣлъ шахты. Ахъ, много тутъ денежекъ компанія закопала,—тысячъ триста, а то и побольше. Тепленькое мѣстечко досталось: за триста-то тысячъ и десяти фунтовъ золота со всѣхъ шахтъ не взяли. Да, веселенькая игрушка, нечего сказать... Впрочемъ, у денегъ глазъ нѣтъ: закапывай, если лишнихъ много.

Дорога отъ шахтъ опять пошла берегомъ Балчуговки, едва опушенной голымъ ивнякомъ. По всему теченію тянулись еще „казенныя работы“—громадные разрѣзы, громадныя свалки, громадныя запруды. Дарового труда не жалѣли, и вся земля на десять верстъ была изрыта, точно прошелъ какой-нибудь гигантскій кротъ. Кишкинъ даже вздохнулъ, припомнивъ золотое казенное время, когда вотъ здѣсь кипѣла горячая работа, а онъ катался на собственныхъ лошадяхъ. Теперь было все пусто кругомъ, какъ у него въ карманахъ... Кое-гдѣ только старатели подбирали крохи, оставшіяся отъ казенной работы.

Сдѣлавъ три версты, Кишкинъ почувствовалъ усталость. Онъ даже вспотѣлъ, какъ хорошая пристяжка. Лѣсъ точно разступался, открывъ громадное снѣжное поле, заканчивавшееся земляным валомъ казенной плотины. Это и была знаменитая Фотьяновская розсыпь, открытая имъ, Андрономъ Кишкинымъ, и давшая казнѣ больше сотни пудовъ золота. Вдали пестрѣло на мысу селеніе Фотьянка. Но ему дорога была не туда, а къ плотинѣ. Сейчасъ за плотиной по обоимъ берегамъ Балчуговки были поставлены старательскія работы. Старатели промывали борта, т.-е. невыработанные края разсыпи, которые можно было взять только зимой, когда вода въ забояхъ не такъ „долила“. Наблюдалъ за этими работами Родіонъ Потапычъ Зыковъ, старѣйшій

штейгеръ на всѣхъ Балчуговскихъ золотыхъ промыслахъ. Онъ иногда и ночевалъ здѣсь, въ землянкѣ, которая была выкопана въ насыпи плотины,—съ этой высоты старику видно было все на цѣлую версту. Въ Балчуговскомъ заводѣ у старика Зыкова былъ собственный домъ, но онъ почти никогда не жилъ въ немъ, предпочитая лѣсныя избушки, землянки и балаганы.

— Эге, дома лѣсной чортъ!—обругался Кишкинъ, завидя синенькій дымокъ около землянки.

Онъ издали узналъ высокую сгорбленную фигуру Зыкова, который ходилъ около разведеннаго огонька. Старикъ былъ безъ шапки, въ одномъ полушубкѣ, запачканномъ желтой пріисковой глиной. Окладистая сѣдая борода покрывала всю грудь. Завидѣвъ подходившаго Кишкина, старикъ сморщилъ свой громадный лобъ. Надъ огнемъ въ желѣзномъ котелкѣ у него варился картофель. Крохотная, закопченная дымомъ дверь землянки была пріотворена, чтобы провѣтрить эту кротовую нору.

— Миръ на стану!—крикнулъ весело Кишкинъ, подходя къ огоньку.

— Милости просимъ,—отвѣтилъ Зыковъ, не особенно дружелюбно оглядывая нежданнаго гостя. — Куда поволокся спозаранку? Садись, такъ гость будешь...

— А дѣло есть, Родіонъ Потапычъ. И не маленькое дѣльце. Да... А ты тутъ старателей зоришь? За ними, за подлецами, только не посмотри...

— Всѣ хороши,—угрюмо отвѣтилъ Зыковъ.—Картошки хошь?

— Въ золкѣ бы ее испечь, такъ она вкуснѣе, чѣмъ вареная.

— Ишь, лакомый какой... Привыкъ къ баловству-то, когда на казенныхъ харчахъ жиръ нагуливалъ.

— Охъ, не осталось этого казеннаго жиру ни капельки, Родіонъ Потапычъ!.. Весь тутъ, а дома ничего не оставилъ...

— Не ври. Не люблю... Разсказывай сказки-то другимъ, а не мнѣ.

Кишкинъ какъ-то укоризненно посмотрѣлъ на суроваго старика и поникъ головой. Да, хорошо ему теперь бахвалиться надъ нимъ, потому что и мѣсто имѣетъ, и жалованье, и домъ—полная чаша. Зыковъ молча взялъ деревянной спицей горячую картошку и передалъ ее гостю. Незавидное кушанье дома, а въ лѣсу первый сортъ: картошка такъ аппетитно дымилась, и Кишкинъ порядкомъ-таки промялся. Облупивъ картошку и круто посоливъ, онъ проглотилъ ее почти разомъ. Зыковъ такъ же молча подалъ вторую.

— А вѣдь отлично у тебя здѣсь, Родіонъ Потапычъ,—восторгался Кишкинъ, оглядывая разстилавшуюся передъ нимъ картину.—Много старателей-то?

— Десятка съ три наберется...

Работы начинались саженяхъ въ пятидесяти отъ землянки. Берегъ Балчуговки точно проржавѣлъ отъ разрытой глины и песковъ. Работа происходила въ двухъ ямахъ, въ которыхъ, пользуясь зимнимъ временемъ, золотоносный пластъ добывался забоемъ. Надъ каждой ямой стоялъ небольшой деревянный воротъ, которымъ „выхаживали“ деревянную бадью съ пескомъ или пустой породой двое „воротниковъ“ или „вертеловъ“. Тутъ же откатчики наваливали добытые пески въ ручныя тачки и по деревяннымъ доскамъ, уложеннымъ въ дорожку, свозили на ледъ, гдѣ стоялъ рядъ деревянныхъ вашгердовъ. Мужики работали на забоѣ, у воротовъ и на откаткѣ, а бабы и дѣвки промывали пески. Издали картина была пестрая и для зимняго времени оригинальная.

— Ишь, ледяной водой моютъ,—замѣтилъ Кишкинъ тономъ опытнаго пріисковаго человѣка. — Что бы казарму поставить да тепленькой водицей промывку сдѣлать, а то пески теперь смерзлись...

— Ничего ты не понимаешь! — оборвалъ его Зыковъ. — Первое дѣло, пески на второй сажени берутъ, а тамъ земля талая; а второе дѣло — по Фотьянкѣ пески не мясниковатые, а разрушистые... На него плесни водой — онъ и разсыпался, какъ крупа. И пески здѣсь крупные, чуть ихъ сполосни... Ничего ты не понимаешь, Шишка!..

— Да вѣдь я къ слову сказалъ, а ты сейчасъ на стѣну полѣзъ.

— А не болтай глупостевъ, особливо чего не знаешь. Ну, зачѣмъ пришелъ-то? Говори, а то мнѣ некогда съ тобой балясы точить...

— Есть дѣльце, Родіонъ Потапычъ. Слышалъ, поди, какъ толковали про казенную Кедровскую дачу?

— Ну?

— Вырѣшили ее въ конецъ... Перваго мая срокъ: всѣмъ она будетъ открыта. Кто хочетъ, тотъ и работаетъ. Конечно, нужно заявки сдѣлать и протчее. Я самъ былъ въ горномъ правленіи и читалъ бумагу.

Въ первое мгновеніе Зыковъ не повѣрилъ и только посмотрѣлъ удивленными глазами на Кишкина, не вретъ ли старая конторская крыса, но тотъ говорилъ съ такой увѣренностью, что сомнѣній не могло быть. Эта вѣсть поразила старика, и онъ смущенно пробормоталъ:

— Какъ же это такъ... гм... А Балчуговскіе промысла при чемъ останутся?

— Балчуговскіе сами по себѣ: вѣдь у нихъ площадь въ пятьдесятъ квадратныхъ верстъ. На сто лѣтъ хватитъ... Жирно будетъ, ежели бы имъ еще и Кедровскую дачу захватить: тамъ четыреста тысячъ десятинъ... А какія мѣста: по Суходойкѣ рѣкѣ, по Ипатихѣ, по Малиновкѣ — вездѣ золото. Все розсыпи отъ Каленой горы пошли, значитъ, въ ней жилы объявляются... Тамъ еще казенныя развѣдки были подъ Маяковой сланью, на Филькиной гари, на Колпаковомъ полѣ, у Кедроваго ключика. Однимъ словомъ, палестина необъятная...

— Извѣстно, золота въ Кедровской дачѣ неочерпаемо, а только ты опять зря болтаешь: кедровское золото мудреное, — кругомъ болота, вода долитъ, а внизу камень. Надо еще взять кедровское-то золото. Не объ этомъ рѣчь. А дѣло такое, что въ Кедровскую дачу кинутся промышленники изъ города и съ Балчуговскихъ промысловъ народъ будутъ сбивать. Теперь у насъ весь народъ, какъ въ чашкѣ каша, а тогда и расползутся... Ихъ только помани. Народъ отпѣтый.

— Я то и хотѣлъ поговорить съ тобой, Родіонъ Потапычъ,—заговорилъ Кишкинъ искательнымъ тономъ.—Дѣло видишь въ чемъ. Я вѣдь тогда на казенныхъ ширфовкахъ былъ, такъ одно мѣстечко запримѣтилъ: Пронькина вышка называется. Хорошіе знаки оказывались... Вотъ бы заявку тамъ хлопотнуть!

— Ну?

— Такъ я насчетъ компаніи... Можетъ, и ты согласишься. За этимъ и шелъ къ тебѣ... Вѣрное золото.

Зыковъ даже поднялся и посмотрѣлъ на соблазнителя уничтожающимъ взоромъ.

— Да ты въ умѣ ли, Шишка? Я пойду искать золота, чтобы сбивать народъ съ Балчуговскихъ промысловъ?.. Да еще съ тобой?.. Ха-ха...

— Не ты, такъ другіе пойдутъ... Я тебѣ же добра желалъ, Родіонъ Потапычъ. А что касается Балчуговскихъ промысловъ, такъ они о насъ съ тобой плакать не будутъ... Ты вотъ говоришь, что я ничего не понимаю, а я, можетъ, побольше твоего-то смыслю въ этомъ дѣлѣ. Балчуговская-то дача рядомъ прошла съ Кедровской,—ну, назаявляютъ пріисковъ на самой грани да

и будутъ скупать ваше балчуговское золото, а запишутъ въ свои книги. Тутъ не разбери-бери... Вотъ это какое дѣло!

— А вѣдь ты вѣрно,—уныло согласился Зыковъ.—Потащатъ наше золото старателишки. Это ужъ какъ нить дадутъ. Ты ихъ только поймай... Теперь за ними не услѣдишь днемъ съ огнемъ, а тогда и подавно! Только, я думаю,—прибавилъ онъ,—врешь ты все...

— А вотъ увидишь, какъ я вру.

Наступила неловкая пауза. Котелокъ съ картофелемъ былъ пустъ. Кишкинъ нѣсколько разъ взглядывалъ на Зыкова своими рысьими глазками, точно что хотѣлъ сказать, и только жевалъ губами.

— Прежде-то что было, Родіонъ Потапычъ!—какъ-то особенно угнетенно проговорилъ онъ наконецъ, втягивая въ себя воздухъ.—Иногда раздумаешься про себя, такъ точно во снѣ... Развѣ нынче промысла? Развѣ работы?

— Что старое-то вспоминать, какъ баба о прошлогоднемъ молокѣ.

— Нѣтъ, всегда вспомню!.. Кто Фотьяновскую розсыпь открылъ? Я... да. На полтора милліона рублей золота въ ней добыто, а вотъ я нагъ и сиръ...

Кишкинъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь, и мелкія старческія слезинки покатились у него по лицу. Это было такъ неожиданно, что Зыковъ какъ-то смущенно пробормоталъ:

— Ну, будетъ тебѣ... Экъ, что вздумалъ вспоминать!..

— Да!..—уже со слезами въ голосѣ повторялъ Кишкинъ. — Да... Легко это говорить: перестань!.. А никто не спроситъ, какъ мнѣ живется... да. Можетъ, я кулакомъ слезы-то вытираю, а другіе радуются... Тѣхъ же горныхъ инженеровъ взять: свои дома имѣютъ, на рысакахъ катаются, а я встъ на своихъ на двоихъ вышагиваю. А отчего, Родіонъ Потапычъ? Воровать я вовремя не умѣлъ... да.

— Было и твое дѣло, что тутъ грѣха таить!

— Да что было-то? Дадутъ три сторублевыхъ билета, а сами десять тысячъ украдутъ. Я же ихъ и покрывалъ: моихъ рукъ дѣло... Въ тѣ поры отсѣчь бы мнѣ руки, да и то мало. Дуракъ я былъ... Въ глаза мнѣ надо за это самое наплевать, въ водѣ утопить, потому кругомъ дуракъ. Когда я Фотьяновскую розсыпь открылъ, содержаніе въ пескахъ полтора золотника на сто пудовъ, значитъ, съ работой обошелся онъ казнѣ много-много шесть гривенъ, а управитель Фроловъ по три рубля золотникъ ставилъ. Это отъ каждаго золотника по два рубля сорокъ копеекъ за здорово живешь въ карманъ къ себѣ клали. А фальши-то что было... Вѣдь я разносилъ по книгамъ-то всѣ расходы: гдѣ десять рабочихъ—писалъ сто, гдѣ сто кубическихъ саженъ земли вынуто—писалъ тысячу... Жалованье я же сочинялъ такимъ служащимъ, какихъ и на свѣтѣ не бывало. А Фроловъ мнѣ все твердитъ: „Погоди, Андронъ Евстратычъ, подѣлимся потомъ: рука, слышь, руку моетъ“... Умылъ онъ меня. Самъ-то сахаромъ теперь поживаетъ, а я вонъ въ какомъ образѣ щеголяю. Только-только копеечку не подаютъ...

— А домъ гдѣ? А всякое обзаведенье? А деньги. — накинулся на него Зыковъ съ ожесточеніемъ. — Тебѣ руки-то отрубить надо было, когда ты въ карты сталъ играть, да мадеру сталъ лакать, да пустяками сталъ заниматься... Въ чьемъ дому сейчасъ Ермошка кабатчикъ какъ клопъ раздулся? Ну-ка, скажи, а?..

— Было и это,—согласился Кишкинъ.—Тысячъ съ пять въ карты проигралъ и мадеру пилъ... Было. А Фроловъ-то по двадцати тысячъ въ одинъ вечеръ проигрывалъ. Помнишь старый разрѣзъ въ Выломкахъ, его еще ре-

крута работали,—такъ мы его за новый списали, а вѣдь это, говорятъ, голенькихъ сорокъ тысячъ рубликовъ казна заплатила. Ревизоръ пріѣхалъ, а мы дно раскопали да старыя свалки сверху песочкомъ посыпали—и сошло все. Положимъ, ревизоръ-то тоже уѣхалъ отъ насъ, какъ мышь изъ ларя съ мукой, — и къ лапкамъ пристало, и къ хвостику, и къ усамъ. Эхъ, да что тутъ говорить...

— Кто старое помянетъ—тому глазъ вонъ. Было, да сплыло...

II.

Зыковъ чувствовалъ, что недаромъ Кишкинъ распинается передъ нимъ и про старину болтаетъ „неподобное“, а поэтому молчалъ, плотно сжавъ губы. Крѣпкій старикъ не любилъ пустыхъ разговоровъ.

— Ну, братъ, мнѣ некогда, — остановилъ онъ гостя, поднимаясь. — У насъ сейчасъ смывка... Вонъ объѣздной съ кружкой ѣдетъ.

На правомъ берегу Балчуговки тянулся каменистый увалъ, извѣстный подъ именемъ Ульянова кряжа. Черезъ него змѣйкой вилась дорога въ Балчуговскую дачу. Сейчасъ за Ульяновымъ кряжемъ шли тоже старательскія работы. По этой дорогѣ и ѣхалъ верхомъ объѣздной съ кружкой, въ которую ссыпали старательское золото. Зыковъ разстегнулъ свой полушубокъ, чтобы перепоясаться, и Кишкинъ замѣтилъ, что у него за ситцевой рубахой что-то отдувается.

— Это у тебя что за рубахой-то покладено, Родіонъ Потапычъ?

— А діомидъ... Я его по зимамъ на себѣ ношу, потому какъ холоду этотъ самый діомидъ не любитъ.

— А ежели грѣшнымъ дѣломъ да того...

— Взорветъ? Божья воля... Только вѣдь наше дѣло привычное. Я когда и сплю, такъ діомидъ подъ постель къ себѣ кладу.

Кишкинъ все-таки посторонился отъ начиненнаго динамитомъ старика. „Этакій безголовый чортъ“,—подумалъ онъ, глядя на отдувавшуюся пазуху.

— Такъ ты какъ насчетъ Пронькиной вышки скажешь? — спрашивалъ Кишкинъ, когда они отъ землянки пошли къ старательскимъ работамъ.

— Не нашего ума дѣло, вотъ и весь сказъ,—сурово отвѣтилъ старикъ, шагая по размятому грязному снѣгу.—Безъ насъ найдутся охотники до твоего золота... Ступай къ Ермошкѣ.

— Ермошкѣ будетъ и того, что онъ въ моемъ собственномъ домѣ сейчасъ живетъ.

Приближеніе суроваго штейгера заставило старателей подтянуться, хотя они и были вольными людьми, работавшими въ свою голову.

— Эхъ, вы, свинорои!—ворчалъ Зыковъ, заглядывая на первую дудку.— Еще задавитъ кого: наотвѣчаешься за васъ.

По горному уставу каждая шахта должна укрѣпляться въ предупрежденіе несчастныхъ случаевъ деревяннымъ срубомъ, въ родѣ того, какой спускаютъ въ колодцы; но зимой, когда земля мерзлая, на промыслахъ почти вездѣ допускаются круглыя шахты, безъ крѣпи,—это и есть „дудки“. Рабочіе, конечно, рискуютъ, но таковъ ужъ русскій человѣкъ, что вездѣ подставляетъ голову, только бы не сдѣлать лишняго шага. Такъ было и здѣсь. Собственно Зыковъ могъ заставить рабочихъ сдѣлать крѣпи, но всѣ они были такіе оборванные и голодные, что даже у него рука не поднималась. Старикъ ограничился только ворчаньемъ. Зимнее время на промыслахъ всѣхъ подтягиваетъ: работъ нѣтъ, а ѣсть нужно, какъ и лѣтомъ.

Отъ забоевъ Зыковъ перешелъ къ вашгердамъ и велѣлъ сдѣлать промывку. Вашгерды были заперты на замокъ и, кромѣ того, запечатаны восковыми печатями,—все это дѣлалось въ тѣхъ видахъ, чтобы старатели не воровали компанейскаго золота. Бабы кончили промывку, а мужики принялись за доводку. Продолжали работать только бабы, накачивавшія насосомъ воду на вашгерды. Зыковъ стоялъ и зорко слѣдилъ за доводчиками, которые на деревянныхъ шлюзахъ сначала споласкивали пески деревянными лопатками, а потомъ начали отдѣлять пустой песокъ отъ „шлиховъ“ небольшими щетками. Шлихи—черный песокъ, образовавшійся изъ желѣзняка; при промывкѣ онъ осаждается въ „головкѣ“ вашгерда вмѣстѣ съ золотомъ.

Кишкинъ смотрѣлъ на оборванную кучку старателей съ невольнымъ сожалѣніемъ: совсѣмъ заморился народъ. Рвань какая-то, особенно бабы, которыя точно сдѣланы были изъ тряпицъ. У мужиковъ лица испитыя, озлобленныя. Непокрытая пріисковая голь глядѣла изъ каждой прорѣхи. Пока Зыковъ былъ занятъ доводкой, Кишкинъ подошелъ къ рябому старику съ большимъ горбатымъ носомъ.

— Здорово, Турка... Аль не узналъ?

Турка посмотрѣлъ на Кишкина слезившимися потухшими глазами и равнодушно пожевалъ сухими губами.

— Кто тебя не знаетъ, Андронъ Евстратычъ... Прежде-то шапку ломали передъ тобой, какъ передъ бариномъ. Свѣтленько, говорю, прежде-то жилъ...

— Турка, ты ходилъ въ штейгеряхъ при Фроловѣ, когда старый разрѣзъ работали въ Выломкахъ?—спрашивалъ Кишкинъ, понижая голосъ.

— Запамятовалъ какъ будто, Антонъ Евстратычъ... На Фотьянкѣ ходилъ въ штейгеряхъ, это точно, а на старомъ разрѣзѣ какъ будто и не упомню.

— Ну, а другихъ помнишь, кто тамъ работалъ?

— Какъ не помнить... И наши фотьяновскіе и балчуговскіе. Бывало дѣло, Андронъ Евстратычъ...

Старый Турка сразу повеселѣлъ, припомнивъ старину, но Кишкинъ глазами указалъ ему на Зыкова: дескать, не въ пору языкъ развязываешь, старина... Старый штейгеръ собралъ промытое золото на желѣзную лопаточку, взвѣсилъ на рукѣ и замѣтилъ:

— Золотникъ съ четью будетъ...

Затѣмъ онъ ссыпалъ золото въ желѣзную кружку, привезенную объѣзднымъ, и, обругавъ старателей еще разъ, побрелъ къ себѣ въ землянку. Съ Кишкинымъ старикъ или забылъ проститься, или не захотѣлъ.

— Сиротское ваше золото,—замѣтилъ Кишкинъ, когда Зыковъ отошелъ саженъ десять.—Изъ-за хлѣба на воду робите...

Всѣ разомъ загалдѣли. Особенно волновались бабы, успѣвшія высчитать, что на три артели придется получить изъ конторы меньше двухъ рублей,—это на двадцать-то душъ!.. По гривеннику не заработали.

— По чемъ въ контору сдаете?—спрашивалъ Кишкинъ.

— По рублю шести гривенъ, Андронъ Евстратычъ. Обидная наша работа. На харчи не заробишь, а что одёжи износимъ, что обуя, это ужъ свое. Прямо—крохи...

Объѣздной спѣшился и, свертывая цыгарку изъ сѣрой бумаги, болталъ съ рябой и курносой дѣвкой, которая при артели стѣснялась любезничать съ чужимъ человѣкомъ, а только лукаво скалила бѣлые зубы. Когда объѣздной хотѣлъ ее обнять, отъ забоя послышался рѣзкій окрикъ:

— Ты, компанейскій песъ, не балуй, а то медали всѣ сборву...

— А ты что лаешься?—огрызнулся объѣздной.—Чужое жалѣешь...

Ругавшійся съ объѣзднымъ мужикъ въ красной рубахѣ только-что вылѣзъ изъ дудки. Онъ былъ въ одной красной рубахѣ, запачканной свѣжей ярко-желтой глиной, и въ заплатанныхъ плисовыхъ шароварахъ. Сдвинутая на затылокъ кожаная фуражка придавала ему вызывающій видъ.

— А, это ты, Матюшка...—вступился Кишкинъ.—Что больно сердитъ?

— Псовъ не люблю, Андронъ Евстратычъ... Мало стало въ Балчуговскомъ заводѣ дѣвокъ,—ну, и пусть жируетъ съ ними, а нашихъ, фотьянскихъ, не тронь.

— И въ самомъ-то дѣлѣ, чего привязался!—пристали бабы.—Ступай къ своимъ балчуговскимъ дѣвкамъ: онѣ у васъ просты... Строгаль!..

— Ахъ, вы, варнаки!—ругался объѣздной, усаживаясь въ сѣдлѣ.—Плачетъ объ васъ острогъ-то, клейменые... Право, клейменые!.. Ужо вотъ я скажу въ конторѣ, какъ вы дудки-то крѣпите.

— Скажи, а мы вотъ такими строгалями, какъ ты, и будемъ дудки крѣпить,—отвѣтилъ за всѣхъ Матюшка.—Отваливай, Михей Павлычъ, да кланяйся своимъ, какъ нашихъ увидишь.

Между балчуговскими строгалями и Фотьянкой была старинная вражда, переходившая изъ поколѣнія въ поколѣніе. Затѣмъ поводомъ къ размолвкѣ служила органическая ненависть вольныхъ рабочихъ ко всякому начальству вообще, а къ компаніи—въ частности. Когда объѣздной уѣхалъ, Кишкинъ укоризненно замѣтилъ:

— Чего ты зубы-то показываешь прежде времени, Матюшка? Не больно великъ въ перьяхъ-то...

— Скоро вода тронется, Андронъ Евстратычъ, такъ не больно страшно,—отвѣтилъ Матюшка.—Сказываютъ, Кедровская дача на волю выходитъ... Вотъ дѣлай заявку, а я мѣстечко тебѣ укажу.

— Молоко на губахъ не обсохло учить-то меня,—отвѣтилъ Кишкинъ.—Не сказывай, а спрашивай...

— Это вѣрно,—подтвердилъ Турка.—У Андрона Евстратыча на золото рука легкая. Про Кедровскую-то ничего не слыхать, Андронъ Евстратычъ?

— Не знаю ничего... А что?

— Да такъ... Мало ли что здря болтаютъ. Намедни въ кабакѣ городскіе хвалились...

Кишкинъ подсѣлъ на свалку и съ часъ наблюдалъ, какъ работали старатели. Жаль было смотрѣть, какъ даромъ время убивали... Какое это золото, когда и пятнадцать долей со ста пудовъ песку не падаетъ. Такъ, бьется народъ, потому что дѣваться некуда, а пить-ѣсть надо. Выждавъ минутку, Кишкинъ поманилъ стараго Турку и сдѣлалъ ему таинственный знакъ. Старикъ отвернулся, для видимости покопался и пошабашилъ.

— Ты куда наклался?—спрашивалъ его Кишкинъ самымъ невиннымъ образомъ.

— А въ Фотьянку, домой... Поясницу разломило, да и дѣло по домашности тоже есть, а здѣсь и безъ меня управятся.

— Ну, такъ возьми меня съ собой: мнѣ тоже надо на Фотьянку,—проговорилъ Кишкинъ, поднимаясь.—Прощайте, братцы...

Дорога шла сначала бортомъ розсыпи, а потомъ мелкимъ лѣсомъ. Фотьянка залегла двумя сотнями своихъ почернѣвшихъ избенокъ на низменномъ лѣвомъ берегу Балчуговки, прижатой здѣсь Ульяновымъ кряжемъ. Кру-

гомъ деревни росъ сплошной лѣсъ,—ни пашенъ ни выгона. Издали Фотьянка производила невеселое впечатлѣніе, которое усиливалось вблизи. Старинная постройка сказывалась тѣмъ, что дома были разставлены какъ попало, какъ строились по лѣснымъ дебрямъ. Къ рѣкѣ выдвигался песчаный мысокъ, и на немъ красовался, конечно, кабакъ. Турка и Кишкинъ, по молчаливому соглашенію, повернули прямо къ нему. У кабацкаго крыльца сидѣли тѣ особенные люди, которые лучше кабака не находятъ мѣста. Двое или трое узнали Кишкина и сняли рваныя шапки.

— Кабакъ подпираете, молодцы, чтобы не упалъ грѣшнымъ дѣломъ?— пошутилъ Кишкинъ.

Сидѣльцемъ на Фотьянкѣ былъ молодой румяный парень Фролъ. Кабакъ держалъ балчуговскій Ермошка, а Фролъ былъ уже отъ него. Кишкинъ присѣлъ на окно и спросилъ косушку водки. Турка какъ-то сразу ослабѣлъ при одномъ видѣ завѣтной посудины и взялъ налитый стаканъ дрожавшей рукой.

— Будь здоровъ на сто годовъ, Евстратычъ,—проговорилъ Турка, съ жадностью опрокидывая стаканъ водки.

— Давненько я здѣсь не бывалъ...—задумчиво отвѣтилъ Кишкинъ, поглядывая на румянаго сидѣльца.—Каково торгуешь, Фролъ?

— У насъ не торговля, а котъ наплакалъ, Андронъ Евстратычъ. Кому здѣсь и пить-то... Вотъ вода тронется, такъ тогда поправляться будемъ. Съ голаго, что со святого,—немного возьмешь.

— Дай-ка намъ пожевать что-нибудь...

Какъ политичный человѣкъ, Фролъ подалъ закуску и отошелъ къ другому концу стойки: онъ понималъ, что Кишкину о чемъ-то нужно переговорить съ Туркой.

— Вотъ что, другъ,—заговорилъ Кишкинъ, положивъ руку на плечо Туркѣ,—кто изъ фотьянскихъ стариковъ живъ, которые работали при казнѣ?.. Значитъ, сейчасъ послѣ воли?

— Есть живые, какъ же...— старался припомнить Турка.—Много перемерло, а есть и живые.

— Мнѣ штейгеровъ нужно, главное, а потомъ кто въ сторожахъ ходилъ.

— Есть и такіе! Никифоръ Лужоный, Петръ Васильичъ, Головешка, потомъ Лучокъ, Лекандра...

— Вотъ и отлично!—обрадовался Кишкинъ.—Мнѣ бы съ ними надо со всѣми переговорить.

— Можно и это... А на что тебѣ, Андронъ Евстратычъ?

— Дѣло есть... Съ перваго тебя начну. Ежели, напримѣръ, тебя будутъ допрашивать, покажешь все, какъ работалъ?

— Да что показывать-то?

— А что слѣдователь будетъ спрашивать...

Корявая рука Турки, тянувшаяся къ налитому стакану, точно оборвалась. Одно имя слѣдователя нагнало на него оторопь.

— Да ты что испугался-то?—смѣялся Кишкинъ.—Вѣдь не подъ судъ отдаю тебя, а только въ свидѣтели...

— А ежели, напримѣръ, слѣдователь гумагу заставитъ подписывать?! Нѣтъ, неладное ты удумалъ, Андронъ Евстратычъ... Меня ровно кто подъ колѣнки ударилъ.

— Ахъ, дура-голова!.. Вотъ и толкуй съ тобой...

Какъ ни бился Кишкинъ, но такъ ничего и не могъ добиться: Турка точно одеревянѣлъ и только отрицательно качалъ головой. Въ промысловомъ

отпѣтомъ населеніи еще сохранился какой-то органическій страхъ ко всякой форменной пуговицѣ: это было тяжелое наслѣдство, оставленное еще „казеннымъ временемъ“.

— Нѣтъ, съ тобой, видно, не сговоришь!—рѣшилъ огорченный Кишкинъ.

— Ты ужъ лучше съ Петромъ Васильичемъ поговори! Онъ у насъ грамотный. А мы—темные люди, каждаго пня боимся...

Изъ кабака Кишкинъ отправился къ Петру Васильичу, который сегодня случился дома. Это былъ испитой мужикъ, кривой на одинъ глазъ. На сходкахъ онъ былъ первый крикунъ. На Фотьянкѣ у него былъ лучшій домъ, единственный новый домъ и даже съ новыми воротами. Онъ принялъ гостя честь-честью и все поглядывалъ на него своимъ уцѣлѣвшимъ окомъ. Когда Кишкинъ объяснилъ, что̀ ему было нужно, Петръ Васильичъ сразу смекнулъ, въ чемъ дѣло.

— Да сдѣлай милость, хоша сейчасъ къ слѣдователю!—повторялъ онъ съ азартомъ.—Все покажу, какъ было дѣло... И всѣ другіе покажутъ. Я вѣдь смекаю, для чего тебѣ это надобно... Охъ, смекаю!..

— А смекаешь, такъ молчи. Наболѣло у меня... охъ, какъ наболѣло!..

— Сердце хочешь сорвать, Андронъ Евстратычъ?

— А ужъ это, какъ Богъ пошлетъ: либо сѣна клокъ, либо вилы въ бокъ.

Петръ Васильичъ выдержалъ характеръ до конца и особенно не разспрашивалъ Кишкина: его возъ—его и пѣсенки. Чтобы задобрить политичнаго мужика, Кишкинъ разсказалъ ему новость относительно Кедровской дачи. Это извѣстіе заставило Петра Васильича перекреститься.

— Неужто правда, анделъ мой? А? Ахъ, Бож-же мой... да, кажется, только бы вотъ дыхануть одинова дали, а то вѣдь эта наша кампанія—могила. Заживо всѣ помираемъ... Ахъ, другъ ты мой, какое ты словечко выговорилъ! Самъ, говоришь, и гумагу читалъ? Правильная совсѣмъ гумага? Съ орломъ?..

— Да ужъ правильнѣе не бываетъ...

— И что̀ только будетъ? Въ томъ родѣ, какъ огроматный пожаръ... Вѣрно тебѣ говорю... Изморился народъ подъ кампаніей-то, а тутъ на̀, работай, гдѣ хошь.

— Только смотри: секретъ.

— Да я... какъ гвоздь въ стѣну заколотилъ: вотъ я какой человѣкъ. А что̀ касаемо казенныхъ работъ, Андронъ Евстратычъ, такъ будь безъ сумлѣнія: хоша къ самому министру веди,—все, какъ на ладонкѣ, покажемъ. Ужъ это вѣрно... У меня двухъ словъ не бываетъ. И другихъ сговорю... Кажется, глупый народъ, всего боится и своей пользы не понимаетъ, а я всѣхъ подобью: и Лужонаго, и Лучка, и Турку. Ахъ, какое ты слово сказалъ... Вотъ нашъ-то змѣй Родивонъ узна̀етъ, то-то на стѣну полѣзетъ.

— Да ужъ онъ знаетъ! Я къ нему заходилъ по пути.

— Ну, что̀ онъ? Поди, изъ лица весь выступилъ? А? Вѣдь ему это безъ смерти смерть. Какъ другая цѣпная собака: ни во дворъ ни со двора не пущаетъ. Не поглянулось ему? А?.. Еще сродни мнѣ приходится по мамынькѣ,—ну, да мнѣ-то это все едино. Это ужъ мамынькино дѣло: она съ нимъ дружитъ. Ха-ха... Ахъ, анделъ ты мой, Андронъ Евстратычъ! Прямо̀нько тебѣ скажу: вдругорядь нашу Фотьянку съ праздникомъ дѣлаешь,—впервой, когда розсыпь открылъ, а теперь—словечкомъ своимъ озолотилъ.

Они разстались большими друзьями. Петръ Васильичъ выскочилъ провожать дорогого гостя на улицу и долго стоялъ за воротами,—стоялъ и кре-

стился, охваченный радостнымъ чувствомъ. Что же, въ самомъ-то дѣлѣ, достаточно всякаго горя та же Фотьянка напринималась: пора и отдохнуть. Одна казенная работа чего стоитъ, а тутъ компанія насѣла и всѣмъ духъ заперла. Подшибся народъ вконецъ...

Въ свою очередь, Кишкинъ возвращался домой тоже радостный и счастливый, хотя переживалъ совершенно другой порядокъ чувствъ.

III.

Теченіемъ рѣки Балчуговки заводъ Балчуговскій дѣлился на двѣ неравныя части, — правая Нагорная и лѣвая Низменная — Низы. Названіе завода сохранилось здѣсь отъ стародавнихъ временъ, когда въ Нагорной стоялъ казенный винокуренный заводъ, на которомъ всѣ работы производились каторжными. Впослѣдствіи, когда открылось золото, Балчуговка была запружена, а при запрудѣ поставлена такъ называемая золотопромывальная мельница, въ теченіе времени превратившаяся въ фабрику. Другая золотопромывальная мельница была устроена въ Фотьянкѣ,—мѣсто поселенія отбывшихъ каторжныя работы. Самое селеніе поэтому долгое время было извѣстно подъ именемъ Фотьянской мельницы.

Нагорная сторона Балчуговскаго завода служила настоящимъ каторжнымъ гнѣздомъ и всегда сторонилась Низовъ, гдѣ съ открытіемъ золота были посажены три рекрутскихъ набора. Промысловыя работы, какъ и каторжное винокуреніе, велись военной рукой, съ выслугой лѣтъ, палочьемъ и солдатской муштрой. Тогда все горное вѣдомство было поставлено на военную ногу. Поселившіеся въ Нагорной каторжане, согнанные сюда со всѣхъ концовъ крѣпостной Россіи, долго чуждались „некрутовъ“, набранныхъ изъ трехъ уральскихъ губерній. Эта рознь сохранилась, главнымъ образомъ, въ кличкахъ: нагорные „варнаки“, а низовые „строгали“ и „швали“. Отъ прежнихъ временъ на мѣстѣ бывшей каторги остались еще „пьяный дворъ“, гдѣ былъ заводъ, развалины каменнаго острога, „пьяная контора“ и каменная церковь, выстроенная каторжными во вкусѣ Растрелли. Нагорные особенно гордились этой церковью, такъ какъ на Низахъ своей не было, и швали должны были ходить молиться въ Нагорную. Населенія въ Балчуговскомъ заводѣ считалось за десять тысячъ.

Зыковскій домъ стоялъ недалеко отъ церкви. Это была большая деревянная изба съ высокимъ конькомъ, тремя небольшими оконцами, до которыхъ отъ земли не достанешь рукой, и старинными шатровыми воротами съ вычурной рѣзьбой. Ставилась эта изба на расейскую руку, потому что и самъ старикъ Зыковъ былъ расейскій выходецъ. Когда и за что попалъ онъ на каторгу—никто не зналъ, а самъ старикъ не любилъ разговаривать о прошломъ, какъ и другіе старики-каторжане. Да и всего-то ихъ оставалось въ Балчуговскомъ заводѣ человѣкъ двадцать, да на Фотьянкѣ около того же. Гораздо живучѣе оказывались женщины-каторжанки, которыхъ насчитывалось въ Нагорной до полусотни,—все это были, конечно, уже старухи и всѣ до одной семейныя женщины. Мужчинамъ каторга давалась тяжелѣе, да и попадали они въ нее рѣдко молодыми,—а бабы главнымъ образомъ были молодыя. Первая жена Зыкова тоже была каторжанка. Она умерла рано, оставивъ послѣ себя сына Якова, которому сейчасъ было уже подъ шестьдесятъ. Свою избу Зыковъ ставилъ при первой женѣ, которую вспоминалъ съ особеннымъ уваженіемъ.

Вторая жена была взята въ своей же Нагорной сторонѣ; она была уже

дочерью каторжанки. Зыковъ лѣтъ на двадцать былъ старше ея, но она сейчасъ уже выглядѣла развалиной, а онъ все еще былъ молодцомъ. Старикъ почему-то недолюбливалъ этой второй жены и при каждомъ удобномъ случаѣ вспоминалъ про первую: „это еще при Марѳѣ Тимоѳеевнѣ было“, или „покойница Марѳа Тимоѳеевна была большая охотница до заказныхъ блиновъ“. Въ первое время вторая жена, Устинья Марковна, очень обижалась этими воспоминаніями и разъ отрѣзала мужу:

— А не сказывала тебѣ твоя-то Марѳа Тимоѳеевна, какъ изъ острога ее водили въ пьяную контору къ смотрителю Антону Лазаричу?

Зыковъ весь побѣлѣлъ, затрясся и чуть не убилъ жены,—да и убилъ бы, если бы не помѣшали. Этого онъ никогда не могъ простить Устиньѣ Марковнѣ и обращался съ нею довольно сурово. Отношенія съ женниной родней тоже были довольно натянуты, и Зыковъ дѣлалъ исключеніе только для одной тещи, въ которой, кажется, уважалъ подругу своей жены по каторгѣ. Дома старикъ бывалъ рѣдко, какъ мы уже говорили. Онъ выходилъ домой въ субботу вечеромъ, когда шабашили всѣ работы и когда нужно было итти въ баню. Онъ ночевалъ на воскресенье дома, а затѣмъ въ воскресенье же вечеромъ уходилъ на свой постъ, потому что утро понедѣльника для него было самымъ боевымъ временемъ: нужно было всѣ работы пускать въ ходъ на цѣлую недѣлю, а рабочіе не всѣ выходили, справляя „узенькое воскресенье“, какъ на промыслахъ называли понедѣльникъ.

Вечеръ субботы въ зыковскомъ домѣ всегда былъ временемъ самаго тяжелаго ожиданія. Вся семья подтягивалась, а семья была не маленькая: сынъ Яковъ съ женой и дѣтьми, двѣ незамужнихъ дочери и зять, взятый въ домъ. Самъ старикъ жилъ въ передней избѣ, обставленной съ извѣстнымъ комфортомъ: на полу домотканные половики изъ ветоши, стѣны оклеены дешевенькими обоями, русская печь завѣшена ситцевой занавѣской, у одной стѣны своей, балчуговской работы, березовый диванъ и такіе же стулья, а на стѣнѣ лубочныя картины. Въ уголкѣ стоялъ таинственный деревянный шкапъ, всегда запертый на замокъ. Въ немъ, по глубокому убѣжденію всей семьи и всѣхъ сосѣдей, заключались несмѣтныя сокровища, потому что Родіонъ Потапычъ „ходилъ въ штейгерахъ близко сорокъ лѣтъ“, а другіе наживали на такихъ мѣстахъ состояніе въ два-три года.

Собственно отвѣтственными лицами въ семьѣ являлись Устинья Марковна и старшій сынъ Яковъ. Еще поднимаясь по лѣсенкѣ на крыльцо, Зыковъ обыкновенно спрашивалъ:

— А гдѣ малый?

Яковъ Родіонычъ подъ этой кличкой успѣлъ посѣдѣть, облысѣть и нажить внучатъ. Весь заводъ называлъ его Яшей Малымъ. Это былъ безобидный человѣкъ и вмѣстѣ упрямый, какъ резина. Жена у него давно умерла, оставивъ дѣвочку Наташу и мальчика Петю. У себя дома Яша Малый не могъ распорядиться даже собственными дѣтьми, потому что все зависѣло отъ дѣдушки, а дѣдушка относился къ сыну съ большимъ подозрѣніемъ, какъ и къ Устиньѣ Марковнѣ. Изъ всей семьи Родіонъ Потапычъ любилъ только младшую дочь Ѳедосью, которой уже было подъ двадцать, что̀ по-балчуговски считалось уже дѣвичьей старостью: какъ стукнетъ двадцать годковъ, такъ и перестарокъ. Съ первой дочерью Марьей, которая была на пять лѣтъ старше Ѳедосьи, такъ и случилось: до двадцати лѣтъ все женихи сватались, а Родіонъ Потапычъ все разбиралъ жениховъ, — этотъ нехорошъ, другой нехорошъ, третій и совсѣмъ плохъ. Сама Марья уже записала себя въ незамужницы.

Была еще одна дочь, самая старшая, Татьяна, которая въ счетъ не клалась, потому что ушла замужъ убѣгомъ за строгаля въ Низахъ, по фамиліи Мыльникова. Это былъ настоящій mésalliance, навсегда выкинувшій непокорную дочь изъ родной семьи. Вотъ уже прошло цѣлыхъ двадцать лѣтъ, а Родіонъ Потапычъ еще ни разу не вспомнилъ про нее, да и никто въ домѣ не смѣлъ при немъ слова пикнуть про Татьяну. Болѣло за непокорную дочь только материнское сердце. Устинья Марковна подъ строжайшимъ секретомъ отъ мужа раза два въ годъ навѣщала Татьяну, хотя это и самой ей было въ тягость, потому что плохо жилось непокорной дочери,—мужъ попался „карахтерный“, подъ пьяную руку совсѣмъ буянъ, да и зашибалъ онъ водкой все чаще и чаще. У Татьяны почти каждый годъ рождался ребенокъ, но, на ея счастье, дѣти больше умирали, и въ живыхъ оставались всего шесть человѣкъ, причемъ дочь старшая, Окся, занекѣстилась давно. Выпивши, Мыльниковъ не упускалъ случая потравить „дорогого тестюшку“ и систематически устраивалъ скандалы Родіону Потапычу разъ десять въ годъ. Взятый въ домъ зять Прокопій былъ смирный и работящій мужикъ, который умѣлъ оставаться въ тестевомъ домѣ совершенно незамѣтнымъ. Его связывала быстро прибывавшая семья,—дѣтей было уже трое. Работалъ Прокопій на золотопромывальной фабрикѣ въ доводчикахъ и получалъ всего двѣнадцать рублей. Родіонъ Потапычъ почему-то дѣлалъ такой видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ этого покорнаго зятя, а тотъ въ свою очередь всячески старался не попадаться старику на глаза. Собственно вся семья Родіона Потапыча жалась въ одной задней избѣ, походившей на муравьинце. Преобладаніе женскаго элемента придавало семьѣ особенный характеръ: сестры вѣчно вздорили между собой, а Устинья Марковна вѣчно ихъ мирила, плакалась на свою несчастную судьбу и въ крайнихъ случаяхъ грозилась, что пожалуется „самому“. До послѣдняго, положимъ, дѣло не доходило, но эта угроза производила желанное дѣйствіе. Главнымъ несчастьемъ всей своей жизни Устинья Марковна считала то, что у нея родились все дѣвки и ни одного сына. Этимъ она объясняла и нелюбовь мужа. Вонъ „варначка“ Марѳа Тимоѳеевна родила всего одного, да и тотъ сынъ...

Въ послѣднюю недѣлю въ зыковской семьѣ случилось такое событіе, которое сдѣлало субботу роковымъ днемъ. Дѣло въ томъ, что любимая дочь Ѳедосья бѣжала изъ дому, какъ это сдѣлала въ свое время Татьяна,—съ той разницей, что Татьяна вѣнчалась, а Ѳедосья ушла въ раскольничью семью сводомъ. Верстахъ въ шести отъ Балчуговскаго завода разлилось довольно большое озеро Тайбола, а на немъ осѣло раскольничье селеніе, одноименное съ озеромъ. По сосѣдству балчуговцы и тайболовцы хотя и дружили, но въ болѣе близкія отношенія не вступали, а число браковъ было наперечетъ. Замѣчательной особенностью тайболовцевъ было еще и то, что, живя въ золотоносной полосѣ, они совсѣмъ не „занимались золотомъ“. Съ послѣднимъ для раскольниковъ органически связывалось понятіе о каторгѣ, „некрутчинѣ“ и вообще неволѣ.

Ѳедосья убѣжала въ зажиточную сравнительно семью; но, кромѣ самовольства, здѣсь было еще уклоненіе въ расколъ, потому что бракъ былъ сводный. Все это такъ поразило Устинью Марковну, что она вмѣсто того, чтобы дать сейчасъ же знать мужу на Фотьянку, задумала вернуть Ѳедосью домашними средствами, чтобы не дѣлать липшей огласки и чтобы не огорчить старика вконецъ. Устинья Марковна сама отправилась въ Тайболу, но ее даже не допустили къ дочери, несмотря ни на ея слезы ни на угрозы.

Это обстоятельство точно оглушило Устинью Марковну. Она ходила по дому и повторяла:

— Вотъ ужо воротится отецъ съ промысловъ и голову сниметъ!.. Разразитъ онъ всѣхъ... Охъ, смертынька пришла!..

Да и всѣ остальные растерялись. Дѣло выходило самое скверное, главное, потому, что вò-время не оповѣстили старика. А суббота быстро близилась... Въ пятницу былъ собранъ экстренный семейный совѣтъ. Зять Прокопій даже не вышелъ на работу по этому случаю.

— Что ужъ, матушка, убиваться-то безъ пути, — утѣшала замужняя дочь Анна.—Наше съ тобой дѣло бабье. Много ли съ бабы возьмешь? А пусть мужики отвѣчаютъ...

— Ишь, выискалась?!—ругался Яша.—Бабы должны за дѣвками глядѣть, чтобы все сохранно было... Такъ вѣдь, Прокопій?

Прокопій по обыкновенію больше отмалчивался. У него всегда выходило какъ-то такъ, что и да и нѣтъ. Это поведеніе взорвало Яшу. Что, въ самомъ-то дѣлѣ, за все про все отдувайся онъ одинъ, а сами, чуть что, и въ кусты. Онъ напалъ на зятя съ особенной энергіей.

— Вотъ вы всѣ такіе, зятья!—ругался Яша.—Вамъ хоть трава не расти въ дому, лишь бы самихъ не трогали...

— Я, что же я?..—удивлялся Прокопій.—Мое дѣло самое маленькое въ дому: пока держитъ Родіонъ Потапычъ, и спасибо. Ты—сынъ, Яковъ Родіонычъ: тебѣ много поближе... Конечно, не всякій подступится къ Родіону Потапычу, ежели онъ въ сердцахъ...

Это была хитрая уловка со стороны тишайшаго зятя, знавшаго самое слабое мѣсто Яши. Онъ, конечно, сейчасъ же вскипѣлъ, обругалъ всѣхъ и довольно откровенно заявилъ:

— Дураки вы всѣ, вотъ что!.. Небось, прижали хвосты, а я вотъ нисколько не боюсь родителя... На волосъ не боюсь и все приму на себя. И Ѳедосьино дѣло тоже надо разсудить: одинъ женихъ не женихъ, другой женихъ не женихъ,—ну, и не стерпѣла дѣвка. По человѣчеству надо разсудить... Вонъ Марья изъ-за родителя въ перестарки попала, а Ѳеня это и обмозговала: живой человѣкъ о живомъ и думаетъ. Такъ прямо и объясню родителю... Мнѣ что, я его вотъ на эстолько не боюсь!..

— Ты бы сперва съѣздилъ еще въ Тайболу-то,—нерѣшительно совѣтовала Устинья Марковна.—Можетъ, и уговоришь... Не чужая тебѣ Ѳеня-то: родная сестра по отцу-то.

— И въ Тайболу съѣзжу! — горячился Яша, размахивая руками.—Я этихъ кержаковъ въ бараній рогъ согну... „Отдавайте Ѳедосью назадъ!“ Вотъ и весь сказъ... У меня, братъ, не отвертишься.

Напустивъ на себя храбрости, Яша къ вечеру замѣтно остылъ и только почесывалъ затылокъ. Онъ сходилъ въ кабакъ, потолкался на народѣ и пришелъ домой только къ ужину. Храбрости оставалось совсѣмъ немного, такъ что и ночь Яша спалъ очень скверно и проснулся чуть свѣтъ. Устинья Марковна поднималась въ домѣ раньше всѣхъ и видѣла, какъ Яша начинаетъ трусить. Роковой день наступалъ. Она ничего не говорила, а только тяжело вздыхала. Напившись чаю, Яша объявилъ:

— Ну, мамушка, Устинья Марковна, благословляй... Сейчасъ ѣду въ Тайболу выручать Ѳеню.

— Дай тебѣ Богъ, Яша... Смотри, отецъ выворотится сейчасъ послѣ свистка.

Въ критическихъ случаяхъ Яша принималъ самый торжественный видъ, а сейчасъ трудность миссіи сопряжена была съ вопросомъ о собственной

безопасности. Въ виду всего этого Яша засѣдлалъ лошадь и отправился на подвигъ верхомъ. Устинья Марковна выскочила за ворота и благословила его вслѣдъ.

Дорога въ Тайболу проходила Низами, такъ что Яшѣ пришлось ѣхать мимо избушки Мыльникова, стоявшей на тракту, какъ называли дорогу въ городъ. Было еще раннее утро, но Мыльниковъ стоялъ за воротами и смотрѣлъ, какъ ѣхалъ Яша. Это былъ средняго роста мужикъ съ растрепанными волосами, клочковатой рыжей бородёнкой и какими-то „ядовитыми“ глазами. Яша не любилъ встрѣчаться съ зятемъ, который обыкновенно подшималъ его на-смѣхъ, но теперь неловко было проѣхать мимо.

— Куда такую рань наклался, дорогой деверекъ?—спрашивалъ Мыльниковъ, здороваясь.

Въ окнѣ проваленной избушки мелькнуло испитое лицо Татьяны, а затѣмъ показались ребячьи головы.

— Да такъ... въ городъ по дѣлу надо съѣздить,—совралъ Яша и такъ неловко, что самъ смутился.

— Ну, ну, не ври, коли не узнѣешь!—оборвалъ его Мыльниковъ.—Неужось, въ гости къ богоданному зятю поѣхалъ?.. Ха-ха... Эхъ, вы, раздуй васъ горой: завели зятя. Только родню срамите... А что, дорогой тестюшка каково прыгаетъ?..

— И не говори! Бѣда... Объявить не знаемъ какъ, а сегодня выйдетъ домой къ вечеру. Мамушка ужъ ѣздила въ Тайболу, да ни съ чѣмъ воротилась, а теперь меня заслала... Можетъ, и оборочу Феню.

— Хо-хо!.. Нашелъ дураковъ... Дѣвка макъ, такъ ее кержаки и отпустили. Да и тебѣ не обмозговать этого самаго дѣла... да. Вонъ у меня дерево стоеросовое растетъ, Окся; съ руками бы и ногами отдалъ куда-нибудь на мясо,—да никто не береть. А вы плачете, что Феня своимъ умомъ устроилась...

— Да это Богъ бы съ ней, что убѣгомъ, Тарасъ Матвѣичъ, а вотъ вѣра-то ихняя старниковская.

Мыльниковъ подумалъ, почесалъ въ затылкѣ и проговорилъ:

— А это ты правильно, Яша... Ни баба, ни дѣвка, ни солдатка наша Феня... Ахъ, раздуй ихъ горой, кержаковъ!.. Да ты вотъ что, Яша, подвинься немного въ сѣдлѣ...

Не дожидаясь приглашенія, Мыльниковъ самъ отодвинулъ Яшу вмѣстѣ съ сѣдломъ къ гривѣ, подскочилъ, навалился животомъ на лошадиный крупъ, а затѣмъ усѣлся за Яшей.

— Да ты куда это?—изумлялся Яша.

— Какъ куда? Поѣдемъ въ Тайболу... Тебѣ одному не управиться, а ужъ я, братъ, изъ горла добуду. Эй, Окся, волоки мнѣ картузъ...

На этотъ крикъ показалась средняго роста дѣвка съ рябымъ, скуластымъ лицомъ. Это и была Окся. Она какъ-то исподлобья посмотрѣла на Яшу и подала картузъ.

— Ну, ты, дерево, смотри у меня!—пригрозилъ ей отецъ.—Чтобы къ вечеру работа была кончена...

Окся только широко улыбнулась, показавъ два ряда бѣлыхъ зубовъ. Чадолюбивый родитель, отъѣхавъ шаговъ двадцать, оглянулся, погрозилъ Оксѣ кулакомъ и проговорилъ:

— Уродится же этакое дерево... а?..

IV.

До Тайболы считали верстъ пять, и дорога все время шла столѣтнимъ сосновымъ боромъ, сохранившимся здѣсь еще отъ „казенной каторги“, какъ говорилъ Мыльниковъ, потому что золотые промысла раскинулись по ту сторону Балчуговскаго завода. Дорога здѣсь была бойкая, по ней въ городъ и изъ города шли и ѣхали „безъ утыху“, а теперь въ особенности, потому что зимній путь былъ на исходѣ, и въ городъ безъ конца тянулись транспорты съ дровами, сѣномъ и разнымъ деревенскимъ продуктомъ. Мыльниковъ зналъ почти всѣхъ, кто встрѣчался, и не упускалъ случая побалагурить.

— Ну, Яшенька, и зададимъ мы кержакамъ горячаго до слезъ!..—хвастливо повторялъ онъ, ерзая по лошадиной спинѣ.—Всю ихнюю стариковскую вѣру вверхъ дномъ поставимъ... Уважимъ въ лучшемъ видѣ! Хорошо, что ты на меня натакался, Яша, а то одному-то тебѣ гдѣ бы сладить... Э-э, мотри: вѣдь это нашъ Шишка пѣхтурой въ городъ копотитъ! Онъ...

Они нагнали шагавшаго по дорогѣ Кишкина уже въ виду Тайболы, гдѣ сосновый боръ точно разступался, открывая широкій видъ на озеро. Кишкинъ остановился и подождалъ ѣхавшихъ верхомъ родственниковъ.

— Андрону Евстратычу!—крикнулъ Мыльниковъ еще издали, взмахивая своимъ картузомъ.—Погляди-ка, какъ Тарасъ Мыльниковъ на тестевыхъ лошадяхъ покатывается...

— Али на свадьбу собрались?—пошутилъ Кишкинъ, осклабившись. Онъ уже зналъ объ убѣгѣ Ѳени.

— Горе наше лютое, а не свадьба, Андронъ Евстратычъ,—пожаловался Яша, качая головой.—Родитель сегодня къ вечеру выворотится съ Фотьянки и всѣхъ насъ распатронитъ...

— Богъ не безъ милости, Яша,—утѣшалъ Кишкинъ.—Ужъ такое ихъ дѣвичье положенье: сколь дѣвку ни корми, а все чужая... Вотъ что, други, надо мнѣ съ вами переговорить по тайности: большое есть дѣло. Я тоже до Тайболы, а оттуда домой и къ тебѣ, Тарасъ, по пути заверну.

— Милости просимъ, Андронъ Евстратычъ... Ты это не насчетъ ли Пронькиной вышки промышляешь?..

— А ты пасть-то свою раствори, Тарасъ!—огрызнулся Кишкинъ.—О Пронькиной вышкѣ своя рѣчь... Ахъ, ботало коровье!.. Съ тобой пива не сваришь...

— Только припасай денегъ, Андронъ Евстратычъ, а ужъ я тебѣ богачество предоставлю!—хвастался Мыльниковъ.—Я въ третьемъ году пришковалъ въ Кедровской, такъ завернулъ на Пронькину-то вышку... И мѣстечко только!

У самаго въѣзда въ Тайболу, на лѣвой сторонѣ дороги, зеленой шапкой виднѣлся старый раскольничій могильникъ. Дорога здѣсь двоилась: трактъ отдѣлялъ влѣво узенькую дорожку, по которой и нужно было ѣхать Яшѣ. На розстани они попрощались съ Кишкинымъ, и Мыльниковъ презрительно проговорилъ ему вслѣдъ:

— Шишка и есть: ни конца ни краю не найдешь. Однимъ словомъ, **двухорловый!.. Туда же, золота захотѣлъ!.. Ха-ха... Такъ я ему и сказалъ, гдѣ оно спрятано. А у меня есть мѣстечко... охъ, какое мѣстечко, Яша!.. Гляди-ка, вѣдь это кабатчикъ Ермошка на своемъ виноходцѣ закопачиваетъ? Онъ... Ловко. Въ городъ погналъ съ краденымъ золотомъ...**

Раскольничье „жило“ начиналось сейчасъ за могильникомъ. Третій отъ края домъ принадлежалъ скорнякамъ Кожинымъ. Старая высокая изба, поставленная изъ кондоваго лѣса, выходила огородомъ на озеро. На самомъ

берегу стояла и скорнижная—каменное низкое зданіе, распространявшее зловоніе на весь кварталъ. Верстъ на пять берегъ озера былъ обложенъ раскольничьей стройкой, разорванной въ самой серединѣ двумя пустырями: здѣсь красовались два большихъ раскольничьихъ скита, мужской и женскій, построенные въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Видъ на озеро отъ могильника лѣтомъ былъ очень красивъ, и тайбольцы ничего лучшаго не могли и представить.

— Подворачивай! — крикнулъ Мыльниковъ, когда они поровнялись съ кожинской избой.—Дорогіе гости пріѣхали.

Ворота у Кожиныхъ всегда были, по раскольничьему обычаю, на запорѣ, и гостямъ пришлось стучаться въ окно. Показалось строгое старушечье лицо.

— Летѣла жаръ-птица, уронила золотое перо, а мы по слѣду и пріѣхали къ тебѣ, баушка Маремьяна, — заговорилъ Мыльниковъ, когда отодвинулось волоковое окно.

— Заходите, гости будете,—пригласила старуха, дергая шнурокъ, проведенный къ воротной щеколдѣ.—Коли съ добромъ, такъ милости просимъ...

Дворъ былъ крытъ наглухо, и здѣсь царила такая чистота, какой не увидишь у православныхъ въ избахъ. Яша молча привязалъ лошадь къ столбу, оправилъ шубу и пошелъ на крыльцо. Мыльниковъ уже былъ въ избѣ. Яша по привычкѣ хотѣлъ перекреститься на образъ въ переднемъ углу, но Маремьяна его оговорила:

— У себя дома молись, родимый, а наши образа оставь... Садитесь, гостеньки дорогіе.

Изба была оклеена обоями на городскую руку; на полу вездѣ половики; русская печь закрыта ситцевымъ пологомъ. Окна и двери были выкрашены, а вмѣсто лавокъ стояли стулья. Изъ передней избы небольшая дверка вела въ заднюю маленькимъ теплымъ коридорчикомъ.

— Ну, начинай, чего молчишь, какъ пень?—подталкивалъ Яшу Мыльниковъ.—За дѣломъ пріѣхали...

Яша моргалъ глазами, гладилъ свою лысину и не смѣлъ взглянуть на стоявшую посреди избы старуху.

— Намъ бы сестрицу Ѳедосью Родіоновну повидать...—проговорилъ наконецъ Яша, чувствуя, какъ его начинаетъ пробивать потъ.

— Не чужіе будемъ, баушка Маремьяна,—вставилъ Мыльниковъ.

— А на какую причину она вамъ понадобилась?—отвѣтила старуха.

Старуха была одѣта по-старинному, въ кубовый косоклинный сарафанъ и въ бѣлую холщевую рубашку. Темный старушечій платокъ покрывалъ голову.

— Мы съ добромъ пріѣхали, баушка Маремьяна,—отвѣчалъ Мыльниковъ, размахивая рукой.—Однимъ словомъ, сродственники... Не съѣдимъ сестрицу Ѳедосью Родивоновну.

— Ладно, коли съ добромъ,—согласилась старуха и вышла въ маленькую дверку.

— Медвѣдица...—проговорилъ Мыльниковъ, указывая глазами на дверь, въ которую вышла старуха.—Погоди, вотъ я разговорюсь съ ней по-настоящему... **Такого холоду напущу, что не обрадуется.**

Вошла Ѳеня, высокая и стройная дѣвушка, конфузившаяся теперь своего краснаго кумачнаго платка, повязаннаго по-бабьи. Она замѣтно похудѣла за эти дни и пугливо смотрѣла на брата и на зятя своими большими сѣрыми глазами, опушенными такими длинными рѣсницами.

— Здравствуйте, братецъ Яковъ Родивонычъ,—покорнымъ тономъ проговорила она, кланяясь.—И вы Тарасъ Матвѣичъ, здравствуйте...

— Вотъ что, Ѳеня,—заговорилъ Яша,—сегодня родитель съ Фотьянки вывернется, и всѣмъ намъ изъ-за тебя безъ смерти смерть... Вотъ какая оказія, сестрица любезная. Мамушка слезьми изошла... Наказала кланяться.

— Крутенекъ тестюшка-то Родивонъ Потапычъ,—прибавилъ Мыльниковъ.—Таку резолюцію наведетъ...

— Что же я, братецъ Яковъ Родивонычъ...—прошептала Ѳеня со слезами на глазахъ.—Одинъ мой грѣхъ и тотъ на виду, а тамъ ужъ какъ батюшка разсудитъ... Мужъ за меня отвѣтитъ, Акинфій Назарычъ. Жаль мнѣ матушку до смерти...

Она всхлипнула и закрыла лицо руками. Въ коридорѣ за дверкой слышалось осторожное шушуканье, а потомъ показался самъ Акинфій Назарычъ, плотный и красивый молодецъ, одѣтый по-городски въ суконный пиджакъ и брюки на выпускъ.

— Вотъ что, господа,—заговорилъ онъ, прикрывая жену собой,—не женское дѣло разговоры разговаривать... У Ѳедосьи Родіоновны есть мужъ, онъ и въ отвѣтѣ. Такъ скажите и батюшкѣ Родіону Потапычу... Мы отъ отвѣта не прячемся. Нашъ грѣхъ...

— Вотъ ты поговори съ нимъ, съ тестемъ-то, малиновая голова!—замѣтилъ Мыльниковъ и засмѣялся.—Онъ тебѣ покажетъ...

— И поговоримъ и даже очень поговоримъ,—увѣренно отвѣтилъ Акинфій Назарычъ.—Не первая Ѳедосья Родіоновна и не послѣдняя.

— Да про убѣгъ пѣтъ слова, Акинфій Назарычъ,—вступился Яша,—дѣло житейское... А вотъ какъ насчетъ вѣры? Не стерпитъ тятенька.

— Что же вѣра? Всѣ одному Богу молимся, всѣ грѣшны да Божьи... И опять не первая Ѳедосья Родіоновна по древнему благочестію вдалась: у Мятелевыхъ жена православная по городу взята, у Никоновыхъ ваша же балчуговская... Да мало ли!.. А между прочимъ, что это мы разговариваемъ, какъ на окружномъ судѣ... Мамынька, Ѳеня, обряжайте закусочку да чего-нибудь потеплѣе для родственниковъ. Честь лучше безчестья завсегда... Такъ вѣдь, Тарасъ?

— Ахъ, и хитеръ ты, Акинфій Назарычъ!—блаженно изумлялся Мыльниковъ.—Въ самое то-есть живое мѣсто попалъ... Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ. Когда я Татьяну свою уволокъ у Родивона Потапыча, было тоже грѣха, а только я свою линію строго повелъ. Нѣтъ, братъ, шалишь... Не тронь!..

Закуска и выпивка явились какъ по щучьему велѣнью: и водка, и настойка, и теперифъ, и капуста, и грибочки, и огурчики.

— Господа, пожалуйте!—приглашалъ Акинфій Назарычъ.—Сухая ложка ротъ деретъ... Вкусимъ по единой, аще же не претитъ, то и по другой.

Яша тяжело вздохнулъ, принимая первую рюмку, точно онъ продавалъ себя. Эхъ, и достанется же отъ родителя... Ну, да все равно: семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ... И Ѳеня жаль и родительской грозы не избѣжать. Зато Мыльниковъ торжествовалъ, попавъ на даровое угощеніе... Любилъ онъ выпить въ хорошей компаніи...

— А гдѣ баушка Маремьяна?—пристадъ онъ.—Хочу безпремѣнно съ ей выпить, потому люблю... Ѳеня, тащи баушку!..

Старуха для приличія поломалась, а потомъ вышла и даже „пригубила“ какой-то настойки.

— Какъ же теперь намъ быть?—спрашивалъ Яша послѣ третьей рюмки.—Безъ ножа зарѣзала насъ Ѳеня...

— Чему быть, того не миновать!—весело отвѣтилъ Акинфій Назарычъ.—

Ну, пошумитъ старикъ, покажетъ пиль—и весь тутъ... Не всякое лыко въ строку. Мало ли наши кержанки за православныхъ убѣгомъ идутъ? Тутъ, братъ, силой ничего не подѣлаешь. Не тѣ времена, Яковъ Родіонычъ. Разсудите вы сами...

— Оно конечно,—соглашался пьянѣвшій Яша.—Я вѣдь тоже съ родителемъ на перекосыхъ... Очень ужъ онъ кампаніи нашей подвержены, а я наоборотъ: до старости у родителя въ недоноскахъ состою... Тоже въ другой разъ и обидно.

— А ты выдѣла требуй, Яша,—совѣтовалъ Мыльниковъ.—Слава Богу, своимъ умомъ пора жить... Я бы такъ давно наплевалъ: самъ большой—самъ маленькій, и знать ничего не хочу. Вотъ каковъ Тарасъ Мыльниковъ!

— Перестань молоть!—оговаривала его старая Маремьяна.—Не вездѣ въ задоръ да волчьимъ зубомъ, а миркомъ да ладкомъ, пожалуй, лучше... Такъ вѣдь я говорю, сватъ—большая родня?

— Какой я сватъ, баушка Маремьяна, когда Родивонъ Потапычъ считаетъ меня въ томъ родѣ, какъ троюродное наплевать. А мнѣ Богъ съ нимъ... Я бы его не обидѣлъ. А выпить мы можемъ завсегда... Ну, Яша, которую не жаль, та и наша.

Съ каждой новой рюмкой гости дѣлались все разговорчивѣе. У Яши начали сладко слипаться глаза, и онъ чувствовалъ себя уже совсѣмъ хорошо.

— Что же, ну, пусть родитель выворачивается съ Фотьянки...—разсуждалъ онъ, дѣлая соотвѣтствующій жестъ.—Ну, выворотится, я ему напрямки и отрѣжу: такъ и такъ, былъ у Кожиныхъ, видѣлъ сестрицу Ѳедосью Родивоновну и всякое протчее... А тамъ хоть на части рѣжь...

— Опъ за бабъ примется,—говорилъ Мыльниковъ, удушливо хихикая.—И достанется бабамъ... ахъ, какъ достанется! А ты, Яша, ко мнѣ ночевать, къ Тарасу Мыльникову. Никто пальцемъ не смѣетъ тронуть... Вотъ это какое дѣло, Яша!

Когда гости нагрузились въ достаточной мѣрѣ, баушка Маремьяна выпроводила ихъ довольно безцеремонно. Что же, будетъ, посидѣли, выпили—надо и честь знать, да и дома ждутъ. Яша съ трудомъ усѣлся въ сѣдло, а Мыльниковъ запесъ уже половину своего пьянаго тѣла на лошадиный крупъ, но вернулся, отвелъ въ сторону Акинфія Назарыча и таинственно проговорилъ:

— Ужъ я все устрою, шуринъ... все!.. У меня, братъ, Родивонъ Потапычъ не отвертится... Я его пристрою. А ты, Акинфій Назарычъ, соблаговоли мнѣ какъ-нибудь выросточекъ: у тебя ихъ много, а я саножки сошью. Ухъ, у меня ловко моя Окся орудуетъ...

— Хорошо, хорошо...—соглашался „молодой“.—Двѣ кожи подарю. Самъ привезу.

Гостей едва выпроводили. Ѳеня горько плакала. Что-то тамъ будетъ, когда воротится домой грозный тятенька?.. А эти пьянчуги только ее срамятъ... И зачѣмъ пріѣзжали, подумаешь: у обоихъ умокъ-то ребячій.

— Перестань убиваться-то,—ласково уговаривалъ жену Акинфій Назарычъ.—Москва слезамъ не вѣритъ... Хорошая-то родня по хорошимъ, а наше ужъ такое съ тобой счастье.

Яша и Мыльниковъ возвращались домой въ самомъ праздничномъ настроеніи и, миновавъ могильникъ, затянули даже пѣсню:

Какъ сибирскій енералъ
Да станового обучалъ...

На тракту ихъ опять обогналъ цѣловальникъ Ермошка, возвращавшійся изъ города. Съ нимъ вмѣстѣ ѣхалъ пріисковый доводчикъ Ераковъ. Оба были немного навеселѣ.

— Охъ, два голубя, два сизыхъ!—крикнулъ Ермошка, поровнявшись съ верховыми.—Откедова Богъ несетъ?.. Подмокли малымъ дѣломъ...

— А тебѣ завидно?—огрызнулся Мыльниковъ.—Кабацкая затычка и больше ничего.

Ермошка любилъ когда его ругали, а чтобы потѣшиться, подстегнулъ лошадь веселыхъ родственниковъ, и они чуть не свалились вмѣстѣ съ сѣдломъ. Этотъ маленькій эпизодъ нѣсколько освѣжилъ ихъ, и они опять запѣли во все горло про сибирскаго генерала. Только подъѣзжая къ Балчуговскому заводу, Яша началъ приходить въ себя: хмель сразу вышибло. Онъ все чаще и чаще сталъ пробовать свой затылокъ...

— Который теперь часъ?—спрашивалъ онъ.

— А скоро, видно, три... Гляди, ужъ господа теперь чай пьютъ. А ты, другъ, заѣдемъ наперво ко мнѣ, а отъ меня... Знаешь, я тебя провожу. Боишься родителя-то?

— А ну его... Побьетъ еще, пожалуй.

— Н-но-о?..

— Вѣрно тебѣ говорю.

Яшей овладѣло опять такое малодушіе, что онъ радъ былъ хоть на часъ отсрочить неизбѣжную судьбу. У него сохранился къ десноту-отцу какой-то паническій страхъ... А вотъ и Балчуговскій заводъ и широкая улица, на которой стояла проваленная избенка Тараса.

— Гли-ка, гли, Яша!—крикнулъ Мыльниковъ, выглядывая изъ-за его спины.—У моихъ-то воротъ кто сидитъ?

— И то какъ будто сидитъ.

— Да вѣдь это Шишка... Вѣрное слово!.. Ахъ, раздуй его горой...

У воротъ избы Тараса дѣйствительно сидѣлъ Кишкинъ, а рядомъ съ нимъ Окся. Старикъ что-то расшутился и довольно галантно подталкивалъ свою даму локтемъ въ бокъ. Окся сначала ухмылялась, показывая два ряда бѣлыхъ зубовъ, а потомъ, когда Кишкинъ попалъ локтемъ въ неприличное мѣсто, съ быстротой обезьяны наотмашь ударила его кулакомъ въ животъ. Старикъ громко вскрикнулъ отъ этой любезности, схватившись за животъ обѣими руками, а развеселившаяся Окся треснула его еще разъ по затылку и убѣжала.

— Охъ-хо-хо!—заливался Мыльниковъ, подъѣзжавшій въ этотъ трагическій моментъ къ своему пепелищу.—Вотъ такъ Окся: уважила Андрона Евстратыча... Ишь, разыгралась къ ненастью! Ахъ, курва, Окся, ловко она садануда...

V.

Ожиданіе возвращенія съ Фотьянки „самого“ въ зыковскомъ домѣ было ужасно. Сама Устинья Марковна чувствовала только одно, что у нея впередъ и языкъ нѣмѣетъ и ноги подкашиваются. Что она будетъ говорить взбѣшенному мужу, когда сама кругомъ виновата и во-время не досмотрѣла за дочерью? Понадѣялась на дѣвичью совѣсть... „Вѣковушка“ Марья и замужняя Анна, конечно, останутся въ сторонѣ. Послѣдняя, хотя и слабая, надежда у старухи была на мужиковъ, на пасынка Ящу и на зятя Прокопія. Она все поглядывала въ окошко, не ѣдетъ ли Яша. Вотъ уже стало и темнѣться, значитъ, близко шести часовъ, а въ семь свистокъ на фабрикѣ, а къ восьми

выворотится Родіонъ Потапычъ и первымъ дѣломъ хватится своей Ѳени. Каждый стукъ на улицѣ заставлялъ ее вздрагивать.

— Хоть бы Прокопій-то поскорѣе пришелъ,—вслухъ думала старушка, начинавшая сомнѣваться въ благополучномъ исходѣ Яшиной засылки.

Вотъ загудѣлъ и свистокъ на фабрикѣ. Подъ окнами затопали торопливо шагавшіе съ фабрики рабочіе,—всѣ торопились по домамъ, чтобы поскорѣе попасть въ баню. Вотъ и зять Прокопій пришелъ.

— Нѣту вѣдь Яши-то,—шопотомъ сообщила ему Устинья Марковна.— Съ самаго утра уѣхалъ... Что ему дѣлать-то въ Тайболѣ столько время?.. Думаю, не завернулъ ли Яша въ кабакъ къ Ермошкѣ...

Прокопій ничего не отвѣтилъ. Онъ закусилъ у печки вчерашняго пирога съ капустой и пошелъ изъ избы.

— Ты куда, Прокопій?—окликнула его въ ужасѣ Устинья Марковна.

— Я пойду Яшу искать,—отвѣтилъ онъ, глядя въ уголъ.—Куды мы безъ него? Некуда ему дѣться, окромя кабака.

И тещa и женa отлично понимали, что Прокопій хочетъ скрыться отъ грѣха, пока Родіонъ Потапычъ будетъ производить надъ бабами судъ и расправу, но ничего не сказали: что же, извѣстное дѣло, зять... Всякому до себя.

— А что же въ баню-то сегодня не пойдешь, что ли?—окликнула Прокопія уже на порогѣ вѣковушка Марья.

— Успѣется и баня,—отвѣтилъ Прокопій.—Пусть батюшка первымъ идетъ...

„Банный день“ справлялся у Зыковыхъ по старинѣ: прежде, когда не было зятя, первыми шли въ баню старики, чтобы воспользоваться самымъ дорогимъ первымъ паромъ, за стариками шелъ Яша съ женой, а послѣ всѣхъ остальная чадь, т.-е. дѣвки, которыя вообще за людей не считались. Съ выходомъ Анны замужъ „первый паръ“ былъ уступленъ зятю, а потомъ шли старики. Убѣгавшій теперь отъ перваго пара Прокопій показывалъ свою полную нравственную несостоятельность, что и подчеркнула своимъ вопросомъ вѣковушка Марья. Она горько улыбнулась, когда захлопнулась дверь за Прокопіемъ, и проворчала:

— Тоже, мужикъ называется... Оставилъ однѣхъ бабъ. Развѣ такъ настоящіе-то мужики дѣлаютъ?..

— Молчи, Марья!—окликнула ее мать.—Ты бы вотъ завела своего мужика да и мудрила надъ нимъ... Не больно-то много понѣ съ зятя возьмешь, а нашъ Прокопій воды не замутитъ.

— У тебя нѣтъ лучше Прокопья,—ворчала Марья.

— Ты у меня поворчи!—крикнула мать.—Зубы-то долги стали...

За убѣгомъ Ѳени съ Марьей точно что сдѣлалось, и она постоянно приставала къ матери, чего раньше и въ поминѣ не было.

Время летѣло быстро, и Устинья Марковна совсѣмъ упала духомъ: спасенья не было. Въ другой бы день, можетъ, кто-нибудь вечеромъ завернулъ, а на людяхъ Родіонъ Потапычъ и укротился бы, но теперь объ этомъ нечего было и думать: кто же пойдетъ въ банный день по чужимъ дворамъ. На всякій случай затеплила она лампадку предъ Скорбящей и положила передъ образомъ три земныхъ поклона.

Родіонъ Потапычъ явился на цѣлыхъ полчаса раньше, чѣмъ его ожидали. Его подвезъ какой-то попутній изъ Фотьянки.

— А гдѣ Ѳеня?—спросилъ онъ по обыкновенію, поднимаясь на крыльцо.

— Въ сосѣди увернулась,—отвѣтила Устинья Марковна, ни живая ни мертвая отъ страху.

— Не нашла время...

Старикъ вошелъ въ избу, снялъ съ себя шубу, поставилъ въ передній уголъ желѣзную кружку съ золотомъ, добылъ изъ-за пазухи завернутый въ бумагу динамитъ и потомъ уже помолился.

— Это на какую причину лампадка теплится?—спросилъ онъ.

— А воскресенье завтра, Родивонъ Потапычъ... Банька готова, хоть сейчасъ можно итти.

— А Прокопій когда успѣлъ въ баню сходить?

— Да онъ потомъ, Родивонъ Потапычъ, онъ тоже увернулся по дѣлу.

— Порядковъ не знаете?!—крикнулъ старикъ и топнулъ ногой.—Ты у меня смотри, потатчица...

Онъ сразу почуялъ что-то неладное и грозно посмотрѣлъ на трепетавшую старуху, потомъ хотѣлъ что-то сказать, но въ этотъ критическій моментъ подъ самымъ окномъ раздалась пьяная пѣсня:

Какъ сибирскій енералъ
Да ста-анового о-бучалъ!..

Устинья Марковна такъ и обомлѣла: она сразу узнала голосъ пьянаго Яши... Не успѣла она опомниться, какъ пьяные голоса уже послышались во дворѣ, а потомъ грузный топотъ шарашившихся ногъ на крыльцѣ.

— Батюшки, да никакъ и Тарасъ съ нимъ! — охнула Устинья Марковна, опрометью бросаясь изъ избы, чтобы прогнать пьяницъ.

Но было уже поздно. Тарасъ и Яша входили въ избу, подталкивая другъ друга и придерживаясь за косяки.

— Родителю... многая лѣта...—бормоталъ Мыльниковъ, какъ-то сдирая шапку съ головы.—А мы вотъ съ Яшей, значитъ, тово... Да ты говори, Яша?

Родіонъ Потапычъ точно онѣмѣлъ: онъ не ожидалъ такой отчаянной дерзости ни отъ Яши ни отъ зятя. Пьяные, какъ стельки, и лѣзутъ съ мокрымъ рыломъ прямо въ избу... Предчувствіе чего-то дурного остановило Родіона Потапыча отъ надлежащей мѣры, хотя онъ уже и приготовилъ руки

— Такъ мы, значитъ, изъ Тайболы... — объяснилъ Мыльниковъ, тыкая шапкой впередъ.—Отъ Ѳедосьи Родивоновны поклончикъ привезли.

— Отъ какой Ѳедосьи Родивоновны?—повторилъ старикъ, чувствуя, какъ у него волосы поднимаются дыбомъ.—Да вы сбѣсились, оглашенные?.. Да я...

— А ты не больно, родитель, тово... — неожиданно заявилъ насмѣлившійся Яша. — Не наша причина съ Тарасомъ, ежели Ѳеня тово... убѣжала, значитъ, въ Тайболу. Мы ее какъ домой тащили, а она свое... Однимъ словомъ, дура.

Тутъ уже Устинья Марковна не вытерпѣла и комомъ повалилась въ ноги грозному мужу, причитывая:

— Ужъ и что мы надѣлали!.. Ѳеня-то сбѣжала въ Тайболу... за керзжака, за Акиньку Кожина... Третій день пошелъ...

Зыковъ зашатался на мѣстѣ, рванулъ себя за сѣдую бороду и рухнулъ на деревянный диванъ. Старуха подползла къ нему и съ причитаньями ухватилась за ногу, но онъ грубо оттолкнулъ ее.

— Да вы... вы одурѣли тутъ всѣ безъ меня? — хрипло крикнулъ онъ, все еще не вѣря собственнымъ ушамъ. — Да я васъ... Яшка, вонъ!.. Чтобы и духу твоего не осталось!

— А ты не больно, родитель, тово...—дерзко отвѣтилъ Яша.

— Что-о?!..

— А вотъ это самое... Будетъ тебѣ надо мной измываться. Вполнѣ даже достаточно... Пора мнѣ и своимъ умомъ жить... Выдѣли меня, и конецъ тому дѣлу. Купи мнѣ избу, лошадь, коровенку, ну, обзаведенье, а тамъ я самъ...

— Правилько, Яша!—поощрялъ Мыльниковъ. — У меня въ сусѣдяхъ мѣсто продается, первый сортъ. Я его самъ для себя берегъ, а тебѣ, ужъ такъ и быть, уступаю...

Старикъ рванулся съ мѣста, схватилъ Яшу лѣвой рукой, зятя правой, и вытолкалъ ихъ за дверь.

— Да ты не больно!.. — кричалъ Мыльниковъ уже въ сѣняхъ. — Ишь какой выискался... Мы тоже и сами съ усами!.. Айда, Яша, со мной...

Въ этотъ моментъ выскочила изъ задней избы Наташа и ухватила отца за руку, да такъ и повисла.

— Тятя, родимый!.. Я боюсь!.. Тятя!..

— Ну вотъ...—проговорилъ Яша такимъ покорнымъ тономъ, какъ человѣкъ, который попалъ въ капканъ.—Ну что я теперь буду дѣлать, Тарасъ? Наташка, отцѣпись, глупая...

— Тятенька, миленькій...

Яша сразу обезсилѣлъ: онъ совсѣмъ забылъ про существованіе Наташки и сынишки Пети. Куда онъ съ ними дѣнется, ежели родитель выгонитъ на улицу?.. Пока большія бабы судили да рядили, Наташка не принимала въ этомъ никакого участія. Она нѣстовала своего братишку смирненько гдѣ-нибудь въ уголкѣ, какъ и слѣдуетъ сиротѣ, и все ждала, когда вернется отецъ. Когда въ передней избѣ поднялся крикъ, у ней тряслись руки и ноги.

— Наташка, перестань... брось...— уговаривалъ ее Мыльниковъ. — Не смущай своего родителя... Видишь, какъ онъ сразу укоротился. Яша, что же это ты въ самомъ-то дѣлѣ?.. По первому разу и испугался родителей...

— И ты тоже хорошъ,—корилъ Яша своего сообщника. — Только языкомъ здря болтаешь... Ступай-ка вотъ, поговори съ тестемъ-то.

Мыльниковъ презрительно фыркнулъ на малодушнаго Яшу и смѣло отворилъ дверь въ переднюю избу. Тамъ шелъ судъ. Родіонъ Потапычъ сидѣлъ попрежнему на диванѣ, а Устинья Марковна, стоя на колѣняхъ, во всѣхъ подробностяхъ разсказывала, какъ все вышло. Когда она начинала всхлипывать, старикъ грозно сдвигалъ брови и топалъ на нее ногой. Появленіе Мыльникова нарушило это супружеское объясненіе.

— Ты... ты зачѣмъ?—грозно спрашивалъ его старикъ.

— А дѣло есть, Родіонъ Потапычъ... Ты вотъ Тараса Мыльникова въ шею, а Тарасъ Мыльниковъ тебѣ же съ добромъ, съ хорошимъ словомъ.

— Говори скорѣе, коли дѣло есть, а то проваливай, кабацкая затычка...

— И не маленькое дѣльце, Родивонъ Потапычъ, только пусть любезная наша теща Устинья Марковна какъ быдто выдетъ изъ избы. Женскому полу это не слѣдствуетъ и понимать...

Зыковъ сдѣлалъ знакъ глазами, и любезная теща уплелась изъ избы, благословляя на этотъ разъ заблудящаго и отпѣтаго зятя.

— Дѣло-то самое короткое, Родивонъ Потапычъ... Шишка-то былъ у тебя на Фотьянкѣ?

— Ну, былъ...

— Спрашивалъ онъ тебя касаемо допрежнихъ временъ и казенной работы?

— Пустой онъ человѣкъ. Болталъ разное...

— Ну, такъ слушай... Ты вотъ Тараса за дурака считалъ и на порогъ не пускалъ...

— Да не болтай глупостевъ, шалая голова!.. Не люблю...

— Доносъ Шишка пишетъ, вотъ что!—точно выстрѣлилъ Тарасъ. — О казенной работѣ, какъ золото воровали на промыслахъ. Все пишетъ. Сегодня меня подговаривалъ... Значитъ, какъ я въ тѣ поры на Фотьянкѣ въ шорникахъ состоялъ, ну, такъ онъ и меня записалъ. Анжинеровъ Шишка хочетъ подъ судъ упечь, потому какъ очень ему теперь обидно, что они живутъ да радуются, а онъ дыра въ горсти. Слышь, и тебя въ главные свидѣтели запятилъ, и фотьянскихъ штегеровъ, и балчуговскихъ, всѣхъ въ одинъ узелъ хочетъ завязать. Вотъ онъ каковъ человѣкъ есть, значитъ, Шишка. Прямо такъ и говоритъ: „Всѣхъ въ Сибирь упеку“.

— Не пойму я тебя, Тарасъ, — сурово проговорилъ старикъ. — А ты садись да и разсказывай толкомъ...

Мыльниковъ съ важностью присѣлъ къ столу и разсказалъ все по порядку: какъ они поѣхали въ Тайболу, какъ по дорогѣ нагнали Кишкина, какъ потомъ Кишкинъ дожидался ихъ у его избушки.

— Сперва-то онъ издалека рѣчь завелъ,—разсказывалъ Мыльниковъ.— Насчетъ Кедровской казенной дачи, что она выходитъ на волю и что всякій тамъ можетъ работать... Извѣстно, соблазнялъ, а потомъ и подсыпался. „Ты, Тарасъ Матвѣичъ, ходилъ въ шорникахъ на Фотьянкѣ? Можешь себя обозначить, ежели я въ свидѣтели поставлю, какъ анжинеры золото воровали?“... И пошелъ. Золото, гритъ, у старателей скупали по одному рублю двадцати копеекъ за золотникъ, а въ казну его записывали по четыре да по пяти цалковыхъ. И пошелъ, и пошелъ... И нынѣшнюю, гритъ, кампанію заодно подведу, потому, гритъ, мнѣ заодно пропадать. Вотъ онъ каковъ человѣкъ есть, Шишка этотъ. Самый зловредный выходитъ...

— Ну, а еще-то что?

— Да все тутъ... А ежели относительно сестрицы Ѳедосьи Родивоновны, то могу тоже соотвѣтствовать вполнѣ.

— Ну, это не твоего ума дѣло! Убирайся...

— Только и всего?

— Достаточно по твоему великому уму... И Шишка дуракъ, что съ такимъ худымъ рѣшетомъ, какъ ты, связывается!..

— Ну и далъ Богъ родню!—ругался Мыльниковъ, хлопая дверью.

Выгнавъ изъ избы дорогого зятя, старикъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ, а потомъ велѣлъ позвать Якова. Тотъ сидѣлъ въ задней избѣ, рядомъ съ Наташей, которая держала отца за руку.

— Ты это что за модель выдумалъ... а?! — грозно встрѣтилъ Родіонъ Потапычъ непокорное дѣтище. — Кто въ дому хозяинъ?.. Какія ты слова сейчасъ выражалъ отцу? Съ кѣмъ связался-то?.. Ну, чего березовымъ пнемъ уставился?

— Изъ твоей воли, тятенька, я не выхожу, — упрямо заявилъ Яша, сторонясь, когда отецъ подходилъ слишкомъ близко. — А желаю выдѣлъ получить...

— Какой тебѣ выдѣлъ, полоумная башка?.. Выгоню на улицу, въ чемъ мать родила, вотъ и выдѣлъ тебѣ. По міру пойдешь съ ребятами...

— А ужъ что Богъ дастъ... Получше насъ съ тобой, можетъ, съ сумой въ другой разъ ходятъ. А что касаемо выдѣла, такъ ужъ какъ волостные старички разсудятъ, такъ тому и быть.

Родіонъ Потапычъ съ ужасомъ посмотрѣлъ на строптивца, хотѣлъ что-то сказать, но только махнулъ рукой и безсильно опустился на диванъ.

— Пора мнѣ и свой уголъ завести,—продолжалъ Яша.—Вотъ по веснѣ выйдетъ на волю Кедровская дача, такъ надо не упустить случая... Всѣ кинутся туда, ну и мы сговорились.

— Что-о?..

— Сговорились, говорю. Своя у насъ кампанія: значитъ, зять Тарасъ Матвѣичъ, я, Кишкинъ...

— Вотъ такъ кампанія! — охнулъ Родіонъ Потапычъ. — Всѣхъ васъ дураковъ на одно лыко связать да въ воду... Ха-ха!..

Старикъ рѣдко даже улыбался, а какъ онъ хохочетъ—Яша слышалъ въ первый разъ. Ему вдругъ сдѣлалось такъ страшно, такъ страшно, какъ еще никогда не было, а ноги сами подкашивались. Родіонъ Потапычъ смотрѣлъ на него и продолжалъ хохотать. Спрятавшаяся за печь Устинья Марковна торопливо крестилась: рехнулся старикъ...

— Такъ кампанія? А?—спрашивалъ Родіонъ Потапычъ, дѣлая передышку.—Кедровская дача на волю выйдетъ? Богачами захотѣли сдѣлаться... а?..

— Ужъ это кому какія Богъ счастки пошлетъ...

— Хорошо, я тебѣ покажу Кедровскую дачу. Ступай, оболокайся...

Когда Яша съ привычной покорностью вышелъ, изъ-за печи показалось испуганное лицо Устиньи Марковны.

— Какъ же насчетъ Оени-то?..—шептала она побѣлѣвшими отъ страха губами.—Слезьми, слышь, изошла...

Старикъ посмотрѣлъ на жену, повернулся къ образу и, поднявъ руку, проговорилъ:

— Будь она отъ меня проклята...

Устинья Марковна такъ и замерла на мѣстѣ. Она всего ожидала отъ разсерженнаго мужа, но только не проклятія. Въ первую минуту она даже не сообразила, что̀ случилось, а когда Родіонъ Потапычъ надѣлъ шубу и пошелъ изъ избы, бросилась за нимъ.

— Родіонъ Потапычъ, опомнись!.. Родной...

Но онъ уже спускался по лѣсенкѣ, а за нимъ покорно шелъ Яша.

VI.

Родіонъ Потапычъ вышелъ на улицу и повернулъ вправо, къ церкви. Яша покорно слѣдовалъ за нимъ на приличномъ разстояніи. Отъ церкви старикъ спустился подъ горку на плотину, подъ которой горбился деревянный корпусъ толчеи и промывальни. Сейчасъ за плотиной направо стоялъ ярко освѣщенный господскій домъ, къ которому Родіонъ Потапычъ и повернулъ. Было уже поздно, часовъ девять вечера, но дѣло было неотложное, и старикъ смѣло вошелъ въ настежь открытыя ворота на широкій господскій дворъ.

— Степанъ Романычъ дома? — сурово спросилъ онъ стоявшаго на крыльцѣ лакея Ганьку.

— У нихъ гости...—съ лакейской дерзостью отвѣтилъ Ганька и даже заслонилъ дверь своей лакейской особой.—Къ нимъ нельзя-съ...

— Дуракъ! — обругалъ старикъ, отталкивая Ганьку. — А ты, Яшка, подождешь меня здѣсь...

Господскій домъ на Низахъ былъ построенъ еще въ казенное время, по общему типу построекъ временъ Аракчеева: съ фронтономъ, бѣлыми колоннами, мезониномъ, галлереей и подъѣздомъ во дворъ. Кругомъ шли пристройки:

кухня, людская, кучерская и т. д. Построекъ было много, а еще больше неудобствъ, хотя главный управляющій Балчуговскихъ золотыхъ промысловъ, Станиславъ Раймундовичъ Карачунскій, и жилъ старымъ холостякомъ. Рабочіе перекрестили его въ Степана Романыча. Онъ служилъ на промыслахъ уже лѣтъ двѣнадцать и давно былъ своимъ человѣкомъ.

Въ большой передней всѣхъ гостей встрѣчали охотничьи собаки, и Родіонъ Потапычъ каждый разъ морщился, потому что питалъ какое-то органическое отвращеніе къ псу вообще. На его счастье вышла смазливая горничная въ кокетливомъ бѣломъ передникѣ и отогнала обнюхивавшихъ гостя собакъ.

— У нихъ гости...—шопотомъ заявила она, какъ и Ганька.—Анжинеръ Ониковъ да лѣсничій Штаммъ...

Доносившійся изъ кабинета молодой хохотъ не говорилъ о серьезныхъ занятіяхъ, и Зыковъ велѣлъ доложить о себѣ.

— Сурьезное дѣло есть... Такъ и скажи,—наказывалъ онъ съ обычной внушительностью.—Не задержу...

Горничная посмотрѣла на поздняго гостя еще разъ и, приподнявъ плечи, пошла въ кабинетъ. Скоро послышались легкіе и быстрые шаги самого хозяина. Это былъ высокій, бодрый и очень красивый старикъ, ходившій танцующимъ шагомъ, какъ ходятъ щеголи-поляки. Волнистые волосы снѣжной бѣлизны были откинуты назадъ, а великолѣпная сѣдая борода, закрывавшая всю грудь, эффектно выдѣлялась на черномъ бархатномъ жакетѣ. Карачунскій былъ отчаянный франтъ, настоящій идолъ замужнихъ женщинъ и необыкновенно веселый человѣкъ. Онъ всегда улыбался, всегда шутилъ и шутя прожилъ всю жизнь. Такихъ счастливцевъ остается немного.

— Ну, что, дѣдушка?—весело проговорилъ Карачунскій, хлопая Зыкова по плечу.—Шахту, видно, опустилъ?..

— Съ нами крестная сила!—охнулъ Родіонъ Потапычъ и даже перекрестился.—Ужъ только и скажешь словечко, Степанъ Романычъ...

— Что же, этого нужно ждать: на Спасо-Колчеданской шахтѣ красикъ пошелъ, значитъ, и вода близко... Помнишь, какъ Шишкаревскую шахту опустили? Ну, и съ этой то же будетъ...

— Можетъ, и будетъ, да говорить-то объ этомъ не слѣдъ, Степанъ Романычъ,—нравоучительно замѣтилъ старикъ.—Не таковское это дѣло...

— А что?

— Да такъ... Не любитъ она, шахта, когда здря про нее начнутъ говорить. Ужъ я замѣчалъ... Вотъ когда пріѣзжаютъ посмотрѣть работы, да особливо который гость похвалитъ—нѣтъ того хуже.

— Сглазить шахту можно?..—засмѣялся Карачунскій.—Ну, Богъ съ ней...

Зыковъ переминался съ ноги на ногу, косясь на стоявшую въ залѣ горничную. Карачунскій сдѣлалъ ей знакъ уйти.

— Что, развѣ чай будемъ пить, дѣдушка?—весело проговорилъ онъ.—Что мы будемъ въ передней-то стоять... Проходи.

— Охъ, не до чаю мнѣ, Степанъ Романычъ...

Оглядѣвшись еще разъ, старикъ проговорилъ упавшимъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы:

— Къ твоей милости пришелъ, Степанъ Романычъ... Не откажи, будь отцомъ роднымъ! На тебя вся надежа...

Съ послѣдними словами онъ повалился въ ноги. Неожиданность этого маневра заставила растеряться даже Карачунскаго.

— Дѣдушка, что ты... Дѣдушка, нехорошо!..—бормоталъ онъ, стараясь поднять Родіона Потапыча на ноги.—Развѣ можно такъ?..

— Парня я къ тебѣ привелъ, Степанъ Романычъ... Совсѣмъ отъ рукъ отбился малый: сладу не стало. Такъ я тово... Будь отцомъ роднымъ...

— Какого парня, дѣдушка?

— Да Яшку моего безпутнаго...

— Ахъ, да... Ну, такъ что же я могу сдѣлать?

— Окажи божецкую милость, Степанъ Романычъ, прикажи его, варнака, на конюшнѣ отодрать... Онъ на дворѣ ждетъ.

Карачунскій даже отступилъ, стараясь припомнить, нѣтъ ли у Зыкова другого сына.

— Да вѣдь онъ ужъ сѣдой, твой-то парень? Ему ужъ подъ шестьдесятъ?

— Вотъ то-то и горе, что сѣдой, а дуритъ... Надо изъ него вышибить эту самую дурь. Прикажи отправить его на конюшню...

Зыковъ опять повалился въ ноги, а Карачунскій не могъ удержаться и звонко расхохотался. Что же это такое? „Парнишкѣ“ шестьдесятъ лѣтъ, и вдругъ его драть... На хохотъ изъ кабинета показались молодой горный инженеръ Оникovъ, безцвѣтный молодой человѣкъ въ форменной тужуркѣ, и тощій носатый лѣсничій Штаммъ.

— Вотъ не угодно ли?—обратился къ нимъ Карачунскій, дѣлая отчаянное усиліе, чтобы не расхохотаться снова.—Парнишку хочетъ сѣчь, а парнишкѣ шестьдесятъ лѣтъ... Нѣтъ, дѣдушка, это не годится. А позови его сюда, можетъ-быть, я васъ помирю какъ-нибудь.

— Нѣтъ, ужъ это ты оставь, Степанъ Романычъ: не стоитъ онъ, поганецъ, чтобы въ чистыя комнаты его пущали. Одна гадость. Такъ нельзя, Степанъ Романычъ?

— Я не имѣю права, да и никто другой тоже.

— Ну, все равно, я его въ волости отдеру. Мочи не стало съ нимъ, совсѣмъ отъ рукъ отбился.

Гости Карачунскаго изъ уваженія къ знаменитому „пріисковому дѣдушкѣ“ только переглядывались, а хохотать не смѣли, хотя у Оникова уже морщился носъ и вздрагивала верхняя губа, покрытая бѣлобрысыми усами.

— Вотъ что, дѣдушка, снимай шубу да пойдемъ чай пить,—заговорилъ Карачунскій.—Мнѣ тоже необходимо съ тобой поговорить.

Пить чай въ господскомъ домѣ для Родіона Потапыча составляло всегда настоящую муку, но отказаться онъ не смѣлъ и покорно снялъ шубу.

Карачунскій повелъ его прямо въ столовую. Родіонъ Потапычъ ступалъ своими большими сапогами по налощенному полу съ такой осторожностью, точно боялся что-то пролить. Столовая была обставлена съ настоящимъ шикомъ: стѣны подъ дубъ, дубовый массивный буфетъ съ рѣзными украшеніями, дубовая мебель, поставецъ и т. д. Чай разливалъ самъ хозяинъ. Зыковъ присѣлъ на кончикъ стула и весь вытянулся.

— Разскажи сначала, дѣдушка, что у тебя съ сыномъ вышло,—заговорилъ Карачунскій, стараясь смягчить давешній неумѣстный хохотъ.—Чѣмъ онъ тебя обидѣлъ?

— А за его качества...—сурово отвѣтилъ Родіонъ Потапычъ, хмуря сѣдыя брови.—Вотъ за это за самое.

Наливъ чай на блюдечко, старикъ, не торопясь, разсказалъ про всѣ подвиги Яши, какъ онъ пріѣхалъ пьяный съ Мельниковымъ, какъ началъ „зубить“ и требовать выдѣла.

— А главная причина—донялъ онъ меня Кедровской дачей,—закончилъ Родіонъ Потапычъ свою повѣсть.—Въ старатели хочетъ итти съ зятишкой да съ Кишкинымъ.

— Кишкинъ? Это тотъ самый, который дѣло затѣваетъ?

— Вотъ я и хотѣлъ разсказать все по порядку, Степанъ Романычъ, потому какъ Кишкинъ меня въ свидѣтели хочетъ выставить... Забѣгалъ онъ ко мнѣ какъ-то на Фотьянку и все выпытывалъ про старое, а я догадался, что онъ не спроста, и ничего ему не сказалъ. Увертливъ песъ.

— А я только сегодня узналъ, дѣдушка: и до глухого вѣсти дошли. Вотъ Оникова слышалъ на фабрикѣ... Вездѣ болтаютъ про Кишкина.

— Пустой человѣкъ,—коротко рѣшилъ Зыковъ.—Ничего изъ того не будетъ, да и дѣло прошло... Тоже и въ живыхъ немного ужъ осталось, кто послѣ воли на казну робилъ. На Фотьянкѣ найдутся двое-трое да въ Балчуговскомъ десятокъ.

— А если тебя подъ присягой будутъ спрашивать?

— Ничего я не знаю, Степанъ Романычъ... Вотъ хоша и сейчасъ взять: я и на шахтахъ, я и на Фотьянкѣ, а конторское дѣло опричь меня дѣлается. Работы были такія же и раньше, какъ сейчасъ. Все одно... А потомъ пугалъ еще меня Кишкинъ вольными работами въ Кедровской дачѣ. Обложатъ, гритъ, ваши промысла пріисками, будутъ скупать ваше золото, а запишутъ въ свои книги. Это-то онъ резонно говоритъ, Степанъ Романычъ. Грѣха не оберешься.

— Ничего, все это пустяки...—отшучивался Карачунскій.—Мелкіе золотопромышленники будутъ скупать наше золото, а мы будемъ скупать ихнее. Набавимъ цѣну—и вся недолга.

— Было бы изъ чего набавлять, Степанъ Романычъ,—строго замѣтилъ Зыковъ.—Имъ сколько угодно дай—все возьмутъ... Я только одному дивлюсь, что это вышнее начальство смотритъ?.. Департаменты-то на что налажены? Все дача была казенная и вдругъ будетъ вольная. Какой же это порядокъ?.. Изроютъ старатели всю Кедровскую дачу, какъ свиньи растащатъ все золото, а потомъ и бросятъ все... Казеннаго добра жаль.

— Да ты что такъ о чужомъ добрѣ плачешься, дѣдушка?—въ шутливомъ тонѣ заговорилъ Карачунскій, ласково хлопая Родіона Потапыча по плечу.—У казны еще много останется отъ насъ съ тобой...

Эта шутка задѣла Родіона Потапыча за живое, и онъ посмотрѣлъ съ укоризной на веселаго хозяина.

— Какъ же это такъ, Степанъ Романычъ?..—бормоталъ онъ.—Всѣ мы отъ казны хлѣбъ ѣдимъ... Казна—всему голова... Да ежели бы старое-то горное начальство поднялось изъ земли да посмотрѣло на нынѣшніе порядки—Господи, что же это такое дѣлается? Точно во снѣ... Да недалеко ходить, вотъ покойничекъ, родитель Александра Иваныча (старикъ указалъ глазами на Оникова), Иванъ Герасимычъ, бывало, только еще выѣзжаетъ вотъ изъ этого самаго дома на работы, а ужъ на Фотьянкѣ всѣ знаютъ... А какъ пріѣхалъ—всѣ въ струнку, не дышатъ, а Иванъ Герасимычъ орломъ на всѣхъ, и пошла работа. По два воза розогъ передъ работой привозили, а безъ того и работы не начинали... Вотъ какіе настоящіе-то начальники были, Степанъ Романычъ! А инженеръ Телятниковъ?.. Тотъ изъ собственныхъ рукъ: ка-акъ развернется, ка-акъ ахнетъ по скулѣ... Любимая поговорка у Телятника была: „Дѣлай мое неладно, а свое ладно забудь!“. Телятникова всѣ до-смерти боялись... Какъ-то разъ одинъ служащій,—повытчики еще тогда были,—повытчикъ Мокрушинъ, сѣдой ужъ старикъ, до пенсіи ему оставалось двѣ

недѣли, выпилъ грѣшнымъ дѣломъ на именинахъ да пьяненькій и попадись Телятникову на глаза. „Зайди,—говоритъ,—дѣдушка, ко мнѣ...". Это, значитъ, Телятниковъ говоритъ. У Мокрушина, обыкновенно, душа въ пятки. Приходитъ. Телятниковъ и говоритъ: „Выбирай изъ любыхъ—или я тебя сейчасъ со службы прогоню и пенсіи ты лишишься, или выпорю". Ну, старикъ плакать, въ ноги, на колѣнкахъ ползаетъ за Телятниковымъ. Другой бы и смиловался, а Телятниковъ достигъ своего и отодралъ служащаго... Только пенсіи-то Мокрушинъ все-таки не получилъ: померъ черезъ три дня. Вотъ какіе начальники были, Степанъ Романычъ: отца родного для казны не пожалѣютъ. Отцы были... Да ежели бы они узнали, что теперь замышляютъ съ Кедровской дачей,—косточки бы ихнія въ могилкахъ перевернулись.

Карачунскій слушалъ и весело смѣялся: его всегда забавлялъ этотъ фанатикъ казеннаго пріискового дѣла. Старикъ весь былъ въ прошломъ, въ томъ жестокомъ прошломъ, когда казенное золото добывалось шпицрутенами. Ониковъ молчалъ. Нѣмецъ Штаммъ нарушилъ наступившую паузу хладнокровнымъ замѣчаніемъ:

— Будемъ посмотрѣть, дѣдушка...

— Что это я сижу-то,—спохватился Родіонъ Потапычъ.—Меня вѣдь парень-то ждетъ во дворѣ.

— Оставь, дѣдушка,—вступился Карачунскій.—Мало ли что бываетъ: не всякое лыко въ строку...

— Никакъ невозможно, Степанъ Романычъ!.. Словечко бы мнѣ съ тобой еще надо сказать...

Карачунскій проводилъ старика до передней, и тамъ Родіонъ Потапычъ повѣдалъ свое домашнее горе относительно сбѣжавшей Ѳени.

— Это которая?—припоминалъ Карачунскій.—Одна съ сѣрыми глазами была...

— Вотъ эта самая, Степанъ Романычъ... Самая, значитъ, младшая она у меня въ семьѣ. Души я въ ней не чаялъ.

— Да, дѣйствительно, непріятный случай...—тянулъ Карачунскій, закусывая свою бороду.

— Что же я теперь долженъ дѣлать?

— Гм... да... Что же, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать?—соображалъ Карачунскій, быстро вскидывая глаза: эта романическая исторія его заинтриговала.—Собственно говоря, теперь ужъ ничего нельзя подѣлать... Когда Ѳеня ушла?

— Да ужъ четвертыя сутки... Вотъ я и хотѣлъ попросить тебя, Степанъ Романычъ, яви ты божецкую милость, вороти дѣвку... Парня ежели не хотѣлъ отодрать, ну, Богъ съ тобой, а дѣвку вороти. Служилъ я на промыслахъ вѣрой и правдой шестьдесятъ лѣтъ, заслужилъ же хоть что-нибудь? Цѣпному псу и то косточку бросаютъ...

— Ахъ, дѣдушка, какъ это ты не поймешь, что я ничего не могу сдѣлать!..—взмолился Карачунскій.—Ужъ для тебя-то я все бы сдѣлалъ.

— Парня я выдеру самъ въ волости, а вотъ дѣвку-то выворотить... **Главная причина—вѣра у Кожиныхъ другая. Грѣхъ великій я на душу приму, ежели оставлю это дѣло такъ...**

— Ну, хорошо, воротишь, а потомъ что? Снова дѣвушкой отъ этого она вѣдь не сдѣлается и будетъ ни дѣвка ни баба.

— У насъ есть своя поговорка мужицкая, Степанъ Романычъ: тѣмъ море не испоганилось, что песъ налакалъ... Сама виновата, ежели не умѣла правильной дѣвицей прожить.

— Сколько ей лѣтъ?

— Да въ Спажинки девятнадцатый годъ пошелъ.

— Нельзя воротить: совершеннолѣтняя...

— Какъ же, значитъ, я родной отецъ и вдругъ не могу? Совершеннолѣтняя-то она двадцати одного будетъ... Нѣтъ, это не таковское дѣло, Степанъ Романычъ, чтобы потакать.

— Что же, пожалуй, я могу съѣздить въ Тайболу,—предложилъ Карачунскій, чтобы хоть чѣмъ-нибудь угодить старику.—Только едва ли будетъ успѣхъ... Или приглашу Кожина сюда. Я его знаю немного.

Зыковъ махнулъ рукой.

— Ежели бы живъ былъ Иванъ Герасимычъ,—со вздохомъ проговорилъ онъ,—да, кажется, изъ земли бы вырыли дѣвку. Отошло, видно, времечко... Прости на глупомъ словѣ, Степанъ Романычъ. Придется ужъ, видно, черезъ волость.

— Ничего не могу подѣлать!— увѣрялъ Карачунскій.

Старикъ такъ и ушелъ, увѣренный, что управляющій не хотѣлъ ничего сдѣлать для него. Какъ же, главный управляющій всѣхъ Балчуговскихъ промысловъ и вдругъ не можетъ отодрать Яшку?.. Своего блуднаго сына Зыковъ нашелъ у подъѣзда. Яша присѣлъ на послѣднюю ступеньку лѣстницы, положивъ голову на руки, и спалъ самымъ невиннымъ образомъ. Отецъ разбудилъ его пинкомъ и строго проговорилъ:

— Вставай, варнакъ! Ужо, завтра я тебѣ въ волости покажу, какая Кедровская дача бываетъ...

VII.

Золотопромышленная компанія „Генералъ Мансвѣтовъ и К°“ имѣла громадную силу и совершенно исключительныя полномочія. Кто такой этотъ генералъ Мансвѣтовъ, откуда онъ взялся, какими путями онъ вложился въ такое громадное дѣло—едва ли зналъ и самъ главный управляющій Карачунскій. Это былъ генералъ-невидимка, хотя его именемъ и вершились милліонныя дѣла. Самая компанія возникла на развалинахъ упраздненныхъ казенныхъ работъ, унаслѣдовавъ отъ нихъ всю организацію, штатъ служащихъ, рабочихъ и территорію въ пятьдесятъ квадратныхъ верстъ. Ограничивающимъ условіемъ при передачѣ громадныхъ промысловъ въ частныя руки было только одно, именно, чтобы компанія главнымъ образомъ вела разработку жильнаго золота, покрывая неизбѣжные убытки въ такомъ рискованномъ дѣлѣ доходами съ розсыпного золота. Затѣмъ существовала какая-то подать въ пользу казны съ добытаго пуда, но какая—этого тоже никто не зналъ, какъ и генерала Мансвѣтова, никогда не бывавшаго на своихъ промыслахъ.

Балчуговская дача была усыпана золотомъ и давала милліонные дивиденды. Пока развѣдано было меньше половины всего пространства, а остальное служило резервомъ. Всего удивительнѣе было то, что въ эту дачу попали, кромѣ казенныхъ земель, и крестьянскія, какъ принадлежавшія жителямъ Тайболы. Но главная сила промысловъ заключалось въ томъ, что въ нихъ было заперто рабочее промысловое населеніе слишкомъ въ десять тысячъ человѣкъ, именно самъ Балчуговскій заводъ и Фотьянка. Рабочіе не имѣли даже собственнаго выгона, не имѣли усадебъ,—тѣмъ и другимъ они пользовались отъ компаніи условно, пока находившаяся подъ выгономъ и усадьбами земля не была надобна для работъ. Это совершенно исключительное положеніе создало натянутыя отношенія между компаніей и мѣстнымъ промысловымъ населеніемъ. Полное безземелье отдавало рабочихъ въ безконтрольное распо-

ряженіе компаніи,—она могла дѣлать съ ними, что хотѣла, тѣмъ болѣе, что все населеніе рядомъ поколѣній выросло спеціально на золотомъ дѣлѣ, а это клало на всѣхъ неизгладимую печать. Промысловый человѣкъ—совершенно особенный, и, куда вы его ни суньте, онъ вездѣ будетъ бредить золотомъ и легкой наживой. Это была та узда, которой можно было сдерживать рабочую массу, и этимъ особенно умѣлъ пользоваться Карачунскій: онъ постоянно манилъ рабочихъ отрядными работами, которыя давали извѣстную самостоятельность, а главное, открывали вѣчно недостижимую надежду легкаго и быстраго обогащенія. Съ ловкостью настоящаго дипломата онъ умѣлъ обходить этимъ окольнымъ путемъ самыя больныя мѣста, хотя и вызывалъ строгій ропотъ такихъ фанатиковъ компанейскихъ интересовъ, какъ старѣйшій на промыслахъ штейгеръ Зыковъ. Правда, что населеніе давно вело упорную тяжбу съ компаніей изъ-за земли, посылало жалобы во всѣ щели и дыры административной машины, подавало прошенія, засылало ходоковъ, но шелъ годъ за годомъ, а рѣшенія на землю не выходило. Когда поднимался вопросъ о недоимкахъ, всплывало и дѣло о размежеваніи. Непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ выбивался изъ силъ и ничего не могъ подѣлать: рабочіе стояли на своемъ, компанія на своемъ. А недоимки росли съ каждымъ годомъ все больше, потому что народъ бѣдствовалъ серьезно, хотя и привыкъ уже давно ко всякимъ бѣдствіямъ. Кричали на сходкахъ больше молодые, которые выросли уже послѣ воли.

Карачунскій явился главнымъ управляющимъ Балчуговскихъ промысловъ съ критическаго момента перехода ихъ отъ казны въ руки компаніи. Это происходило въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Громадное дѣло было доведено горными инженерами отъ казны до полнаго разстройства, такъ что новому управляющему пришлось всѣми способами и средствами замазывать чужіе грѣхи, чтобы не поднимать скандала. Карачунскій въ принципѣ былъ врагъ всевозможныхъ репрессалій и предпочиталъ всему тѣ полумѣры, уступки и сдѣлки, которыми только и поддерживалось такое сложное дѣло. По наружному виду, пріемамъ и привычкамъ это былъ самый заурядный бонвиванъ и даже немножко мышиный жеребчикъ, и никто на промыслахъ не повѣрилъ бы, что Карачунскій что-нибудь смыслитъ въ промысловомъ дѣлѣ и что онъ когда-нибудь работалъ. Но такое мнѣніе было несправедливо: Карачунскій отлично зналъ дѣло и обладалъ величайшимъ секретомъ работать незамѣтно. Есть такіе особенные люди, которые цѣлую жизнь гору воротятъ, а ихъ считаютъ чуть не палопаями. Весь секретъ заключался въ томъ, что Карачунскій никогда не стоналъ, что заваленъ работой по горло, какъ это дѣлаютъ всѣ другіе, потомъ онъ умѣлъ распорядиться своимъ временемъ и, главное, всегда имѣлъ такой безпечный, улыбающійся видъ. Даже самъ Родіонъ Потапычъ не понималъ своего главнаго начальника и если относился къ нему съ уваженіемъ, то исключительно только по традиціи, потому что не могъ не уважать начальства. Старикъ не понялъ и того, какъ непріятно было Карачунскому узнать о затѣяхъ и козняхъ какого-то Кишкина,—въ глазахъ Карачунскаго это дѣло было гораздо серьезнѣе, чѣмъ полагалъ тотъ же Родіонъ Потапычъ. Вообще неожиданно заварилась одна изъ тѣхъ исторій, о которыхъ никто не думаетъ сначала, какъ о дѣлѣ серьезномъ: бываютъ такія сложныя болѣзни, которыя начинаются съ какой-нибудь ничтожной царапины или еще болѣе ничтожнаго прыща.

Когда вечеромъ старикъ Зыковъ ушелъ, Карачунскій долго ходилъ по столовой, насвистывая какой-то игривый опереточный мотивъ.

— Вы знаете этого... этого Кишкина?--обратился онъ неожиданно къ Оникову.

— Что-то такое слыхалъ...—небрежно отвѣтилъ молодой человѣкъ.— Даже, кажется, гдѣ-то видалъ: этакій гнусный сморчокъ. Да, да... Когда отецъ служилъ въ Балчуговскомъ заводѣ, я еще мальчишкой дразнилъ его Шишкой. У него такая кличка... Вообще что-то такое маленькое, ничтожное и... гнусное...

Карачунскій издалъ неопредѣленный звукъ и опять засвисталъ. Штаммъ сидѣлъ уже битыхъ часа три и молчалъ самымъ возмутительнымъ образомъ. Его присутствіе всегда раздражало Карачунскаго и доводило до молчаливаго бѣшенства. Если бы онъ могъ, то завтра же выгналъ бы и Штамма и этого молокососа Оникова, какъ людей совершенно ему ненужныхъ, но навязанныхъ сильными покровителями. У Оникова были сильныя связи въ горномъ мірѣ, а Штаммъ явился прямо отъ Мансвѣтова, которому приходился даже какой-то родней.

— А вы какъ думаете, Карлъ Иванычъ?—обратился къ нѣмцу Карачунскій.

— Что я думаю?—отвѣтилъ нѣмецъ вопросомъ.—Я думаю, что будемъ посмотрѣть...

„Вотъ два дурака навязались!“—со злостью думалъ Карачунскій, продолжая шагать.

Утромъ на другой день Карачунскій послалъ въ Тайболу за Кожинымъ и запиской просилъ его пріѣхать по важному дѣлу вмѣстѣ съ женой. Кожинъ поставлялъ одно время на золотопромывальную фабрику ремни, и Карачунскій хорошо его зналъ. Посланный вернулся, пока Карачунскій совершалъ свой утренній туалетъ, отнимавшій у него по меньшей мѣрѣ часъ. Онъ каждое утро принималъ холодную ванну, подстригалъ бороду, протирался косметиками, чистилъ ногти и внимательно изучалъ свое розовое лицо въ зеркалѣ.

— Сейчасъ будутъ-съ,—докладывалъ Ганька, ѣздившій въ Тайболу нарочнымъ.

Дѣйствительно, когда Карачунскій пилъ свой утренній какао, къ господскому дому подкатила новенькая кошевка. Кожинъ правилъ самъ своей бойкой лошадкой, обряженной въ наборную сбрую. Ѳеня ужасно смущалась своего перваго визита съ мужемъ въ Балчуговскій заводъ и надвинула новенькій шерстяной платокъ на самые глаза. Привязавъ лошадь къ столбу на дворѣ, Кожинъ пошелъ съ женой на крыльцо, гдѣ уже ихъ ждалъ Ганька. Самъ Карачунскій встрѣтилъ ихъ въ передней, а потомъ провелъ въ кабинетъ. Ѳеня окончательно сконфузилась и не смѣла поднять глазъ.

— Вчера у меня былъ Родіонъ Потапычъ,—заговорилъ Карачунскій безъ предисловій.—Онъ ужасно огорченъ и просилъ меня... Однимъ словомъ, вамъ нужно помириться со старикомъ. Я не впутался бы въ это дѣло, если бы не уважалъ Родіона Потапыча... Это такой почтенный старикъ, единственный въ своемъ родѣ.

— Что же, мы всегда готовы помириться...—бойко отвѣтилъ Кожинъ, встряхивая напомаженными волосами.—Только изъ этого ничего не выйдетъ, Степанъ Романычъ: карахтерный старикъ, ни въ какой ступѣ не утолчешь...

— Все-таки надо помириться... Старикъ совсѣмъ убитъ.

— И помирились бы въ лучшемъ видѣ, ежели бы не наша вѣра, Степанъ Романычъ... Все и горе въ этомъ. Развѣ бы я сталъ брать Ѳеню убѣгомъ, кабы не наша старая вѣра.

— Да... это дѣйствительно... Какъ же быть-то, Акинфій Назарычъ? Старикъ грозился повести дѣло судомъ...

— А ужъ что Богъ дастъ,—рѣшительно отвѣтилъ Кожинъ.—По моему разсужденію такъ, что, конечно, старику обидно, а судомъ дѣла не поправишь... Утихомирится, дастъ Богъ.

Ѳеня все время молчала, а тутъ не выдержала и зарыдала. Карачунскій самъ подалъ ей стаканъ холодной воды и даже принесъ флаконъ съ какими-то крѣпкими духами.

— Ничего, все устроится помаленьку,—утѣшалъ ее Карачунскій, невольно любуясь этимъ молодымъ, красивымъ лицомъ.

Это молодое горе было такъ искренне, а заплаканные дѣвичьи глаза смотрѣли на Карачунскаго съ такой умоляющей наивностью, что онъ не выдержалъ и проговорилъ:

— Хорошо, я постараюсь все это устроить... только для васъ, Ѳедосья Родіоновна.

— Что же ты не благодаришь Степана Романыча?—говорилъ Кожинъ, подталкивая растерявшуюся жену локтемъ.—Они весьма намъ могутъ способствовать...

— Не нужно, не нужно...—отстранилъ благодарность Карачунскій, когда Ѳеня сдѣлала движеніе поцѣловать у него руку.—Для такой красавицы можно и безъ благодарности сдѣлать все.

Когда Кожины уѣзжали, Карачунскій стоялъ у окна и проводилъ ихъ глазами за ворота. Насвистывая свой опереточный мотивъ и барабаня пальцами по оконному стеклу, онъ думалъ въ такомъ порядкѣ: почему женщина всегда изящнѣе мужчины, и гдѣ тайна этой неотразимой женской прелести? Взять хоть ту же Ѳеню, какая она красавица... Раньше онъ видалъ ее мелькомъ у отца, но не обратилъ вниманія. И такая красавица родится у какого-нибудь Родіона Потапыча!.. Удивительно!.. А еще удивительнѣе то, что такая свѣжая, благоухающая красота достанется въ руки какому-нибудь вахлаку Кожину. Это просто несправедливо. Въ головѣ Карачунскаго зароились ревнивыя мысли по адресу Ѳени, и онъ даже вздохнулъ. Вотъ и сѣдые волосы у него, а сердце все молодо, да еще какъ молодо... Развѣ Кожины понимаютъ, какъ нужно любить хорошенькую женщину? Карачунскій сдѣлалъ даже гримасу и щелкнулъ пальцами.

Чтобы немного провѣтриться, Карачунскій отправился на золотопромывальную фабрику, работавшую и по праздникамъ въ виду спѣшки. За зиму накопилось много работы. Весь дворъ былъ заваленъ кучками золотоноснаго кварца, добытаго рабочими. Фабрика не успѣвала истолочь его и промыть, а рабочимъ приходилось ждать очереди по мѣсяцамъ, что вызывало ропотъ и недовольство. Съ внѣшней стороны золотопромывальня представляла собой очень неказистый видъ. На мѣстѣ бывшаго каторжнаго винокуреннаго завода сейчасъ стояло всего два деревянныхъ корпуса. Въ одномъ работала толчея, а въ другомъ совершалась промывка измельченнаго кварца на шлюзахъ, покрытыхъ мѣдными амальгамированными ртутью листами. Въ первомъ корпусѣ работала небольшая паровая машина, такъ какъ воды въ заводскомъ прудѣ не хватало и на полъ-зимы. Вообще обстановка самая жалкая, не имѣвшая въ себѣ ничего импонирующаго. Эта несчастная фабрика постоянно возмущала Карачунскаго своимъ убожествомъ, и онъ мечталъ о грандіозномъ дѣлѣ. Но что подѣлаешь, когда и тутъ приходилось только сводить концы съ концами, потому что компанія требовала только дивидендовъ и больше ничего

знать не хотѣла, да и главная сила Балчуговскихъ промысловъ заключалась не въ жильномъ золотѣ, а въ розсыпномъ.

На фабрикѣ Карачунскій нашелъ все въ порядкѣ. Паровая машина работала, толчея гремѣла своими пестами, въ промывальнѣ шла промывка. Всѣхъ рабочихъ „обращалось“ на заводѣ едва пятьдесятъ человѣкъ въ двѣ смѣны: одна выходила въ ночь, другая днемъ. На „пьяномъ дворѣ“ Карачунскій осмотрѣлъ кучки добытаго старателями кварца и только покачалъ головой. Хорошаго ничего не оказывалось, за исключеніемъ одной кучки изъ Ульянова кряжа, за Фотьянкой. Здѣсь Карачунскій встрѣтилъ къ своему удивленію Родіона Потапыча. Старикъ сидѣлъ у кучи кварца на корточкахъ и внимательно разсматривалъ отдѣльные куски.

— Ну, дѣдушка, что новенькаго?

— Да такъ, изъ-за хлѣба на воду старатели добываютъ...—угрюмо отвѣчалъ Зыковъ, швыряя куски кварца въ кучу.

Карачунскій осмотрѣлъ эту кучку и понялъ, что старикъ не хочетъ выдать новой находки. Какой-то неизвѣстный старатель изъ Фотьянки отыскалъ въ Ульяновомъ кряжѣ хорошую жилу.

Съ „пьянаго двора“ они вмѣстѣ прошли на толчею. Карачунскій велѣлъ при себѣ сейчасъ же произвести протолчку заинтересовавшей его кучки кварца. Родіонъ Потапычъ все время хмурился и молчалъ. Кварцъ былъ доставленъ въ ручномъ вагончикѣ и засыпанъ въ толчею. Карачунскій присѣлъ на верстакъ и, закуривъ папиросу, прислушивался къ громыхавшимъ пестамъ. На другихъ золотыхъ промыслахъ на Уралѣ вездѣ дробили кварцъ бѣгунами, а толчея оставалась только въ Балчуговскомъ заводѣ,—Карачунскій почему-то не хотѣлъ ставить бѣгуновъ.

— Вотъ что, Родіонъ Потапычъ,—заговорилъ Карачунскій послѣ длинной паузы.—Я посылалъ за Кожинымъ... Онъ былъ сегодня у меня вмѣстѣ съ женой и согласенъ помириться, то-есть просить прощенія.

Зыковъ точно испугался и нѣсколько времени смотрѣлъ на Карачунскаго ничего не понимающими глазами, а потомъ махнулъ рукой и проговорилъ:

— Поздно, Степанъ Романычъ... Я... я проклялъ Оеню.

— А это что значитъ: проклялъ?

— А всталъ передъ образомъ и проклялъ. Теперь ужъ, значитъ, все кончено... Выворотится Оеня домой, тогда прощу.

— Ну, это ваше дѣло,—равнодушно замѣтилъ Карачунскій.—Я свое слово сдержалъ... Это мое правило.

Толчея соединялась съ промывальной, и измельченный въ порошокъ кварцъ сейчасъ же выносился водяной струей на сложный деревянный шлюзъ. Цѣлая система амальгамированныхъ мѣдныхъ листовъ была покрыта деревянными ставнями,—это дѣлалось въ предупрежденіе хищничества. Промытый зарядъ новой руды далъ блестящіе результаты. Доводчикъ Ераковъ, занимавшійся съемкой золота, преподнесъ на желѣзной лопаточкѣ около золотника амальгамированнаго золота, имѣвшаго сѣрый оловянный цвѣтъ.

— Это съ двадцати пудовъ?—замѣтилъ Карачунскій.—Недурно... А кто нашелъ жилу?

— Да ихъ тутъ цѣлая артель на Ульяновомъ кряжѣ близко года копалась,—объяснилъ уклончиво Зыковъ.—Все фотьянскіе... Гнѣздышко выкинулось, вотъ и золото.

Это открытіе обрадовало Карачунскаго. Можно будетъ заложить на Ульяновомъ кряжѣ новую шахту,—это будетъ очень эффектно и въ заводскихъ отче-

тахъ и для парадныхъ прогулокъ пріѣзжающихъ на промыслы любопытныхъ путешественниковъ. Значитъ, жильное дѣло подвигается впередъ и прочее.

Въ этомъ хорошемъ настроеніи Карачунскій возвращался домой, но оно было нарушено встрѣчей на мосту цѣлой группы своихъ служащихъ. Заводская контора была для него самымъ больнымъ мѣстомъ, потому что именно здѣсь онъ чувствовалъ себя окончательно безсильнымъ. Всѣхъ служащихъ насчитывалось около ста человѣкъ, а можно было сократить штатъ на половину. Но дѣло въ томъ, что этотъ штатъ все увеличивался, потому что каждый годъ пріѣзжали изъ Петербурга новые служащіе, которымъ нужно было создавать мѣсто и изобрѣтать занятія. Это была настоящая саранча, очень прожорливая, ничего не умѣвшая и ничего не желавшая дѣлать. Такихъ господъ высылали изъ Петербурга разныя вліятельныя особы, стоявшія близко къ дѣламъ компаніи. У каждой такой особы находились бѣдные родственники, подающіе надежды молодые люди и цѣлый отдѣлъ „пострадавшихъ“, которымъ необходимо было скрыться куда-нибудь подальше. И вотъ къ Карачунскому являлись разныхъ возрастовъ молодые люди, снабженные самыми трогательными рекомендаціями. И съ какими фамиліями, чуть не прямые потомки Синеуса и Трувора! Одинъ былъ даже съ фамиліей Монморанси. Про себя Карачунскій называлъ свою заводскую контору богадѣльней и считалъ ее громаднымъ зломъ, съѣдавшимъ напрасно десятки тысячъ рублей.

„Съѣдятъ меня эти Монморанси!“—думалъ Карачунскій, напрасно стараясь припомнить что-то пріятное, смутно носившееся въ его воображеніи.

VIII.

Лока въ воскресенье Родіонъ Потапычъ ходилъ на золотопромывальную фабрику, дома придумали средство спасенія, о которомъ раньше никому какъ-то не пришло въ голову.

Яша запировалъ съ Мыльниковымъ, а изъ мужиковъ оставался дома одинъ Прокопій. Первую мысль о баушкѣ Лукерьѣ подала Марья.

— Одна она управится съ тятенькой,—говорила дѣвушка потерявшей голову матери:—баушка Лукерья строгая и все дѣло уладитъ.

— Да вѣдь проклялъ онъ родное дѣтище, Марьюшка,—стонала Устинья Марковна, заливаясь слезами.—Свою кровь не пожалѣлъ...

— Ужъ баушка Лукерья знаетъ, что сдѣлать... Пока тятенька на заводѣ, Прокопій сгоняетъ въ Фотьянку.

Прокопій верхомъ отправился въ Фотьянку. Онъ вернулся всего часа черезъ два. Баушка Лукерья пріѣхала тоже верхомъ, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ съ большимъ хвостикомъ. Это была еще крѣпкая старуха. Она зимой носила мужскую бобровую шапку и штаны, какъ мужикъ. Высокая, крѣпкая баушка Лукерья еще цвѣла какой-то старческой красотой. Лицо у нея было такое свѣжее, а сѣрые глаза смотрѣли съ строгой ласковостью. Она себя называла „расейкой“, въ отличіе отъ балчуговскихъ бабъ, некрасивыхъ и скуластыхъ. Сынъ, Петръ Васильевичъ, нисколько не походилъ на мать.

— Ну, что у васъ тутъ случилось? — строго спрашивала баушка Лукерья.—Эй, Устинья Марковна, перестань хныкать... Экая бѣда стряслась съ Оеней, и дѣвушка была, кажись, не замути воды. Что же, грѣхъ-то не по лѣсу ходитъ, а по людямъ.

Съ появленіемъ баушки Лукерьи всѣ въ домѣ сразу повеселѣли и только ждали, когда вернется грозный тятенька. Устинья Марковна боялась, какъ бы онъ не проѣхалъ ночевать на Фотьянку, но Прокопію по дорогѣ кто-то ска-

залъ, что старика видѣли на золотой фабрикѣ. Родіонъ Потапычъ пришелъ домой только въ сумерки. Когда его въ дверяхъ встрѣтила баушка Лукерья, старикъ все понялъ.

— Иди-ка сюда, воевода,—ласково говорила старуха.—Иди... вишь, въ гости къ тебѣ пріѣхала...

— Здравствуй, баушка. И то давно не видались.

— Горденекъ сталъ, Родіонъ Потапычъ... На плотинѣ постоянно толчешься у насъ, а нѣтъ, чтобы въ Фотьянку завернуть да старуху провѣдать.

— Некогда все... Собирался не одинова, а тутъ какая-нибудь причина и выйдетъ...

— У тебя все причина... А вотъ я не погордилась и сама къ тебѣ пріѣхала. Угощай гостью...

— Не ко времю гоститься вздумала...

— Вотъ что̀ я тебѣ скажу, Родіонъ Потапычъ,—заговорила старуха серьезно:—я къ тебѣ за дѣломъ... Ты это что̀ надумалъ-то? Не похвалю твою Ѳеню, а тебя-то вдвое. Дѣвичья-то совѣсть извѣстная: до порога, а ты съ чего проклинать вздумалъ?.. Ну, пожужилъ, постращалъ, отвелъ душу и довольно...

— Что̀ ужъ теперь говорить, баушка: пролитую воду не соберешь...

— Да ты слушай, умная голова, когда говорятъ... Ты не для того отецъ, чтобы проклинать свою кровь. Самъ виноватъ, что раньше замужъ не выдавалъ. Вотъ Марью-то заморилъ въ дѣвкахъ по своей гордости. Вѣрно тебѣ говорю. Ты меня послушай, ежели своего ума не хватило. Проклясть-то не мудрено, а вѣдь ты помрешь, а Ѳеня останется. Ей-то еще жить да жить... Самъ, говорю, виноватъ!.. Ну, что̀ молчишь?..

— Татьяну я не проклиналъ, хотя она и вышла изъ моей воли,—оправдывался старикъ,—зато и расхлебываетъ теперь горе...

— И тоже тебѣ нечѣмъ похвалиться-то: взялъ бы да и помогъ той же Татьянѣ. Баба изъ послѣднихъ силъ выбилась, а ты свою гордость тѣшишь. Да что̀ тутъ толковать съ тобой... Эй, Прокопій, ступай къ отцу Акакію и веди его сюда, да чтобы крестъ съ собой захватилъ: разрѣшительную молитву надо сказать и отчитать проклятіе-то. Будетъ Господа гнѣвить... Со своими грѣхами замаялись, не то что другихъ проклинать.

Родіонъ Потапычъ былъ радъ, что подвернулась баушка Лукерья, которую онъ отъ души уважалъ. Самому бы не позвать попа изъ гордости, хотя старикъ въ теченіе сутокъ уже успѣлъ одуматься и давно понялъ, что сдѣлалъ неладно. Въ ожиданіи попа баушка Лукерья отчитала Родіона Потапыча вполнѣ, обвинивъ его во всемъ.

Батюшка, о. Акакій, былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, котораго недавно назначили въ Балчуговскій приходъ, такъ что у него не успѣли хорошенько даже волосы отрасти. Онъ былъ немало смущенъ такимъ рѣдкимъ случаемъ, когда пришлось разрѣшать отъ проклятія. Порывшись въ требникѣ, онъ велѣлъ зажечь свѣчи передъ образомъ, надѣлъ епитрахиль и началъ читать по требнику установленныя молитвы. Баушка Лукерья поставила Родіона Потапыча на колѣни и строго слѣдила за нимъ все время. Устинья Марковна стояла у печки и горько рыдала, точно хоронила Ѳеню.

Когда обрядъ кончился и всѣ приложились къ кресту, о. Акакій сказалъ коротенькое слово о любви къ ближнему, о прощеніи обидъ, о безграничномъ милосердіи Божіемъ.

— Нѣтъ, ты ему, отецъ, епитимію опредѣли,—настаивала баушка Лукерья.—Надо такъ сдѣлать, чтобы онъ чувствовалъ...

Батюшка согласился и на это, назначивъ по десяти земныхъ поклоновъ въ теченіе сорока дней.

— А теперь и о дѣлѣ потолкуемъ,—рѣшила баушка Лукерья.—Садись, отецъ Акакій, и образумь насъ, темныхъ людей...

О. Акакій уже зналъ, въ чемъ дѣло, и опять не зналъ, что̀ посовѣтовать. Конечно, воротить Ѳеню можно, но къ чему это поведетъ: сегодня воротили, а завтра она убѣжитъ. Не лучше ли пока ее оставить и подѣйствовать на мужа: можетъ, онъ перейдетъ изъ-за жены въ православіе.

— Нѣтъ, это пустое, отецъ,—рѣшила баушка Лукерья.—Самъ-то Акинфій Назарычъ, пожалуй бы, и ничего, да старуха Маремьяна не дозволитъ... Настоящая медвѣдица и крѣпко своей старой вѣры держится. Ничего изъ того не выйдетъ, а Ѳеню надо воротить... Главное дѣло, она изъ своего православнаго закону вышла, а наши роды испоконъ вѣка православные. Жиденькій еще умокъ у Ѳени, вотъ она и ввѣрилась...

— Силой нельзя заставить людей быть тѣмъ или другимъ,—замѣтилъ о. Акакій.—Мнѣ самому этотъ случай непріятенъ, но не сдѣлать бы хуже... Люди молодые, все можетъ быть. Въ своей семьѣ теперь Ѳедосья Родіоновна будетъ хуже чужой...

— А я ее къ себѣ возьму и выправлю, — рѣшила старуха.—Не погибать же православной душѣ... Ужъ я ее шелковой сдѣлаю.

— Будь ей замѣсто матери...—упрашивала Устинья Марковна, кланяясь въ ноги.—Я-то слаба, не умѣю, а Родіонъ Потапычъ перестрожитъ. Ты ужъ лучше...

— У меня отойдетъ и дурь свою броситъ...

О. Акакій посидѣлъ, сколько этого требовали приличія, напился чаю и отправился домой. Проводивъ его до порога, Родіонъ Потапычъ вернулся и проговорилъ:

— Славный бы попикъ, да молодъ больно...

— Ему же лучше, что и молодъ и уменъ. Вонъ какой очестливый да скромный...

— Ну, вотъ что̀, други мои милые, засидѣлась я у васъ,—заговорила баушка Лукерья. — Стемнилось совсѣмъ на дворѣ... Домой пора: тоже не близкое мѣсто. Поволокусь какъ ни на есть...

— Да ты верхомъ, что ли, пригнала? — сурово спросилъ Родіонъ Потапычъ.

— Пѣшкомъ-то я угорѣла ужъ ходить: было похожено вдосталь...

Старуха сходила въ заднюю избу проститься „съ дѣвками“, а потомъ надѣла шапку и стала прощаться.

— Куда ты ускорилась-то?—спрашивалъ Родіонъ Потапычъ, которому не хотѣлось отпускать старуху. — Ночевала бы, баушка, а то еще заѣдешь куда-нибудь въ ширь...

— Невозможно мнѣ... Гребтится все, какъ тамъ у насъ на Фотьянкѣ. Петръ-то Васильичъ мой что-то больно ноньѣ сталъ къ водочкѣ припадать. Связался съ Мыльниковымъ да съ Кишкинымъ... Не гожее дѣло.

— Золото хотятъ искать... Эхъ, бить-то ихъ некому, баушка!.. А я вотъ что̀ тебѣ скажу, Лукерья: погоди малость, я оболокусь да провожу тебя до Краюхина увала. Мутитъ меня дома-то, а на вольномъ воздухѣ, можетъ, обойдусь...

— И любезное дѣло,—согласилась баушка, подмигивая Устиньѣ Марковнѣ.—Одной-то мнѣ, пожалуй, и опасливо по нонѣшнему времю ѣздить, а

сегодня еще воскресенье... Пируютъ у васъ на Балчуговскомъ, страсть пируютъ. Восетта *) ѣду я также на вершпой, а навстрѣчу мнѣ ваши балчуговскіе парни идутъ. Совсѣмъ молодые, а пьяненькіе... Увидали меня, озорники, и давай галиться: „Тпру, баушка!..“. Ну, я ихъ нагайкой, а они меня обозвали что̀ ни есть хуже, да еще съ сѣдла хотѣли стащить...

— Собака-народъ сталъ, баушка...

Родіонъ Потапычъ одѣлся, захватилъ съ собой весь припасъ, помолился и, не простившись съ домашними, вышелъ. Прокопій помогъ старухѣ сѣсть въ сѣдло.

— Вотъ говорятъ, что гусь свиньѣ не товарищъ,—шутила баушка Лукерья, выѣзжая на улицу.

Ночь была темная, и только освѣщали улицу огоньки, свѣтившіеся кое-гдѣ въ окнахъ. Фабрика темнѣла чернымъ остовомъ, а высокая желѣзная труба походила на корабельную мачту. Издали еще волчьимъ глазомъ глянулъ Ермошкинъ кабакъ: у его двери горѣла лампа съ зеркальнымъ рефлекторомъ. Темныя фигуры входили и выходили, а въ открывшуюся дверь вырывалась смѣшанная струя пьянаго галдѣнья.

— Тьфу!..—отплюнулся Родіонъ Потапычъ, стараясь не глядѣть на проклятое мѣсто.—Вотъ, баушка, до чего мы съ тобой дожили: не выходитъ народъ изъ кабака... Днюютъ и ночуютъ у Ермошки.

— Охъ, и не говори, Родіонъ Потапычъ! У насъ на Фотьянкѣ тоже мужики пируютъ безъ утыху... Что̀ только и будетъ, какъ жить-то будутъ. Ополоумѣли вконецъ... Никакой страсти не стало въ народѣ.

— Глаза бы не глядѣли,—съ грустью отвѣчалъ Родіонъ Потапычъ, шагая по серединѣ улицы рядомъ съ лошадью.—Охальники... И нѣтъ хуже, какъ эти понедѣльники. Глаза бы не глядѣли, какъ работнички-то наши выйдутъ завтра на работу... Какъ мухи травленыя ползаютъ. Рыло опухнетъ, глаза затекутъ... тьфу!..

Поровнявшись съ кабакомъ, они замолчали, точно ѣхали по зачумленному мѣсту. Родіонъ Потапычъ нѣсколько разъ волкомъ посмотрѣлъ на кабацкую дверь и еще разъ плюнулъ. Угнетенное настроеніе продолжалось на разстояніи цѣлой улицы, пока кабацкій глазъ не скрылся изъ виду.

— Помнишь мѣсто-то?..—тихо проговорила баушка Лукерья, кивая головой въ сторону чернѣвшей „пьяной конторы“.—Много тутъ нашихъ варнацкихъ слезъ пролито...

Старикъ тряхнулъ головой и ничего не отвѣтилъ.

— Когда нашу партію изъ Рассеи пригнали,—продолжала тихо старуха, точно боялась разбудить каторжныя тѣни, витавшія здѣсь,—дорога-то шла черезъ Тайболу... Ну, входитъ партія въ Балчуговскій, а покойница-сестрица, Марѳа Тимоѳеевна, поглядѣла этакъ кругомъ и шепчетъ мнѣ: „Луша, тутъ наша смертынька“. Обыкновенно, тамъ въ Рассеѣ-то и слыхомъ не слыхали, что̀ такое есть каторга, а только словомъ-то пугали: „Вотъ приведутъ въ Сибирь на каторгу, такъ тамъ узнаете...“. И у меня сердце ёкнуло, когда завидѣлся заводъ, а все-таки я потихоньку отвѣчаю Марѳѣ Тимоѳеевнѣ: „Погляди, глупая, вонъ церковь-то... Помремъ, такъ хоть похоронить есть кому!“ Глупы-глупы, а это соображаемъ, что безъ попа церковь не стоитъ... И обрадѣли мы вотъ этой самой балчуговской церкви, какъ родной матери. Да и вся наша партія тоже... Извѣстно, женское дѣло, страшливое: вотъ, молъ, гдѣ

*) Восетта—въ прошлый разъ.

она, эта самая каторга. По этапамъ-то вели насъ близко полугода, такъ всего натерпѣлись и думаемъ, что въ каторгѣ еще того похуже разъ на десять.

Такъ въ разговорахъ они незамѣтно выѣхали за околицу. Небо начинало проясняться. Низкія зимнія тучи точно раздвинулись, открывъ мигавшія звѣздочки. Нѣмая тишина обступала кругомъ все. Подъемъ на Краюхинъ увалъ точно былъ источенъ червями. Родіонъ Потапычъ попрежнему шагалъ рядомъ съ лошадью, мѣрно взмахивая правой рукой.

— Привели-то насъ, какъ теперь помню, подъ вечеръ...—продолжала баушка Лукерья.—Мужицкая каторга каменная, а наша, бабья,—деревянная и деревяннымъ тыномъ обнесена. Вотъ завели партію во дворъ, выстроили, а покойникъ Антонъ Лазаричъ ужъ на крыльцѣ стоитъ и этакъ изъ-подъ ручки насъ оглядываетъ, а самъ усмѣхается. Въ окнахъ у казармы тоже все залѣплено арестантками: любопытно на свѣженькихъ поглядѣть... Этакъ съ крайчику, слѣва, значитъ, я стою, а Марѳа Тимоѳеевна жмется около меня; она въ партіи-то всѣхъ помоложе была и изъ себя красивѣе. Ну, Антонъ Лазаричъ...

— Молчи, ради Христа! Молчи...—простоналъ Родіонъ Потапычъ.

— Дѣло прошлое, что̀ грѣха таить... А покойничекъ Антонъ Лазаричъ, не тѣмъ будь помянутъ, больно ужъ погонный былъ старичокъ до дѣвокъ. Сѣденькій, лысенькій, ручки трясутся, а ни одной не пропуститъ... Бабъ не трогалъ, ни-ни, потому, говоритъ, „самъ я женатый человѣкъ, и нехорошо чужихъ женъ обижать“. Кабы не эта его повадка, такъ и лучше бы не надо намъ смотрителя: добрѣющій человѣкъ и богобоязливый... Каждое воскресенье въ церкви впередъ всѣхъ стоитъ, молится, а самъ слезьми заливается. И жена вѣдь у него молодая была... Охъ, грѣхи, грѣхи!..

— Охальникъ былъ...—сурово замѣтилъ Родіонъ Потапычъ.—Собакѣ собачья и смерть.

— Понапрасну погинулъ, это ужъ что̀ говорить!—согласилась баушка Лукерья, понукая убавившую шагъ лошадь. — Одна дѣвка-каторжанка издалась упрямая и чуть его не зарѣзала, черкаска-дѣвка... Ну, приходитъ онъ къ намъ въ казарму и намъ же плачется; „Вотъ, говоритъ, черкаска меня ножикомъ рѣзала, а я человѣкъ семейный...“. Слезьми заливается. Какъ разъ черезъ три дня его и порѣшили, сердечнаго.

— Бузунъ его зарѣзалъ... Съ нашей же каторги бѣглый. Онъ около Балчуговъ бродяжилъ.

— А пошто же на палача Никитушку говорили?

— Здря народъ болталъ...

Молчаніе. Начался подъемъ на Краюхинъ увалъ. Лошадь вытягиваетъ шею и тяжело дышитъ. Родіонъ Потапычъ, чтобы не отстать, ухватывается одной рукой за лошадиную гриву.

— Сказываютъ, Никитушку недавно въ городу видѣли,—говоритъ старуха.—Ходитъ по купцамъ и милостыньку проситъ... Охъ-хо-хо!.. А прежде-то какая ему честь была: „Никита Степанычъ, отецъ родной... благодѣтель...“ А онъ-то бахвалится.

— Пьяный былъ безъ просыпа... Перевозили его съ одной каторги на другую, а онъ ничего не помнитъ.

— Бывалъ онъ и у насъ въ казармѣ... Придетъ, поглядитъ и молвитъ: „Ну, крестницы мои, какое мнѣ отъ васъ уваженіе слѣдуетъ? Почитайте своего крестнаго...“. Крестнымъ себя звалъ. Бабенки улещали его и за себя и за мужиковъ, когда къ наказанію онъ выѣзжалъ въ Балчуги. Страшно было на него смотрѣть, на пьянаго-то...

— Вотъ ты, Лукерья, про каторгу раздумалась,—перебилъ ее Родіонъ Потапычъ,—а я вотъ про нынѣшніе порядки соображаю... Этакъ какъ раскинешь умомъ-то, такъ ровно даже ничего и не понимаешь. Въ умъ не возьмешь, что̀ и къ чему слѣдуетъ. Каторга была такъ каторга, солдатчина была такъ солдатчина, однимъ словомъ, казенное время... А теперь-то что̀?.. Не то что другихъ тамъ судить, а у себя въ дому, какъ гнилой зубъ во рту... Дальше-то что̀ будетъ?..

— На промыслахъ вездѣ одни порядки, Родіонъ Потапычъ: ослабѣлъ народъ, измалодушествовался... Главная причина: никакой народу страсти не стало... Въ церковь придешь: однѣ старухи. Вконецъ измотался народъ.

Въ этихъ разговорахъ они добрались до спуска съ Краюхина увала, гдѣ уже начинались шахты. Когда лошадь баушки Лукерьи поровнялась съ караушкой Спасо-Колчеданской шахты, старуха проговорила:

— Ну, прощай, Родіонъ Потапычъ... Такъ ты тово, Ѳеню-то добывай изъ Тайболы да вези ко мнѣ на Фотьянку, утихомиримъ дѣвку, коли на то пойдетъ.

Родіонъ Потапычъ что-то хотѣлъ сказать, но только застоналъ и отвернулся: по лицу у него катились слезы. Баушка Лукерья отлично поняла это безмолвное горе: „Эхъ, если бъ жива была Марѳа Тимоѳеевна, развѣ бы она допустила до этого!..“

IX.

Неожиданное появленіе Родіона Потапыча на шахтѣ никого не удивило, потому что рабочіе давно уже привыкли къ подобнымъ сюрпризамъ. Къ суровому старику относились съ глубокимъ уваженіемъ именно потому, что онъ видѣлъ каждое дѣло насквозь, и не было никакой возможности обмануть его въ ничтожныхъ пустякахъ. Всякую промысловую работу Родіонъ Потапычъ прошелъ собственнымъ горбомъ и „видѣлъ на два аршина въ землю“, какъ говорили про него рабочіе. Это, впрочемъ, не мѣшало ругать его за глаза иродомъ, жидомъ и пр. Балчуговское воскресенье отдалось и на шахтахъ: коморникъ Мутовка, сидѣвшій въ караулкѣ при шахтѣ, усиленно моргалъ подслѣповатыми глазами, у машиниста Семеныча, молодого парня-франта, языкъ заплетался, откатчики при шахтѣ мотались на ногахъ, какъ чумная скотина.

— Да вы тутъ совсѣмъ сбѣсились!—гремѣлъ старикъ на подгулявшихъ рабочихъ.—Чему обрадовались-то, черти? А гдѣ подштейгеръ?

Подштейгеръ Лучокъ, сѣдой старикъ, былъ совсѣмъ пьянъ и спалъ гдѣ-то за котлами, выбравъ тепленькое мѣсточко. Это ужъ окончательно взбѣсило Родіона Потапыча, и онъ началъ разносить пьяную команду въ дребезги. Проснувшійся Лучокъ вдобавокъ забунтовалъ, что̀ иногда случалось съ нимъ подъ пьяную руку.

— А ты не больно тово...—огрызался онъ изъ своей засады.—Слава Богу, не казенное время, чтобы съ живого человѣка три шкуры драть! Да...

— Ахъ, варвары!.. А кто станетъ отвѣчать, ежели вы, подлецы, шахту опустите?..

— Обыкновенно, ты отвѣтишь,—согласился Лучокъ.—Ты жалованья-то пятьдесятъ цалковыхъ получаешь, ну, значитъ, кругомъ и будешь виноватъ... А съ меня за двадцать-то цалковыхъ немного возьмешь.

— Ты еще разговаривать у меня, мокрое рыло?!..

— И скажу завсегда.

Взбѣшенный Родіонъ Потапычъ собственноручно извлекъ Лучка изъ-за

котловъ, нахлобучилъ ему шапку на пьяную башку и вытолкалъ изъ корпуса, а пожитки подштейгера велѣлъ выбросить на дорогу.

— Ступай, жалуйся на меня, песъ!—кричалъ старикъ вдогонку лукавому рабу.—Я на твое мѣсто двадцать такихъ-то найду...

— А мнѣ плевать!—слышался изъ темноты голосъ Лучка.—Ишь, какъ расшеперился... Нѣтъ, братъ, не тѣ времена.

Эта комедія изгнанія Лучка со службы продѣлывалась въ годъ раза три-четыре, благодаря его пьяной строптивости. Нѣсколько дней послѣ такой оказіи Лучокъ высиживалъ въ кабакѣ Ермошки, а потомъ шелъ къ Родіону Потапычу съ повинной. Составлялось примиреніе на непремѣнномъ условіи, что это „въ послѣдній разъ“. Всѣ знали, что и настоящая исторія закончится миромъ, потому что Родіонъ Потапычъ не могъ жить безъ Лучка и никому не довѣрялъ, кромѣ него, чѣмъ Лучокъ и пользовался. Если бы не пьянство, Лучокъ давно „ходилъ бы въ штегеряхъ“, а можетъ-быть, и главнымъ штейгеромъ. Зналъ онъ дѣло на рѣдкость, и въ трудныхъ случаяхъ Родіонъ Потапычъ совѣтовался только съ нимъ, потому что горныхъ инженеровъ и самого Карачунскаго въ пріисковомъ дѣлѣ въ грошъ не ставилъ. У Лучка была особенная смѣлость, которой недоставало Родіону Потапычу,—живо все сообразитъ и изъ собственной кожи вылѣзетъ, когда это нужно.

По-настоящему слѣдовало бы спуститься въ шахту и осмотрѣть работы, но Родіонъ Потапычъ вдругъ какъ-то обезсилѣлъ, чего съ нимъ никогда не бывало. Онъ ни разу въ жизнь свою не хворалъ и теперь только горько покачалъ головой. Эта пустячная ссора съ пьянымъ Лучкомъ окончательно подорвала старика, и онъ едва дошелъ до своей конторки, отгороженной въ уголкѣ машиннаго корпуса. Ключъ отъ конторки былъ всегда съ нимъ. Здѣсь онъ иногда и ночевалъ, прикорнувъ на засаленную деревянную скамейку. Родіонъ Потапычъ засвѣтилъ сальную свѣчу и присѣлъ къ столу. Въ маленькое оконце, дребезжавшее отъ работы паровой машины, глядѣла ночь чернымъ пятномъ; подъ поломъ, тоже дрожавшимъ, съ хрипѣньемъ и бульканьемъ бѣжала поднятая изъ шахты рудная вода; слышно было, какъ хрипѣлъ насосъ и громыхали чугунныя шестерни. Все это было, какъ всегда, какъ запомнитъ себя Родіонъ Потапычъ на промыслахъ, только самъ онъ ужъ не тотъ. Мысль о безсильной, жалкой старости явилась для него въ такой яркой и безжалостной формѣ, что онъ даже испугался. Что же это такое?..

Онъ присѣлъ къ столу, облокотился и, положивъ голову на руку, крѣпко задумался. Семейныя передряги и встрѣча съ баушкой Лукерьей подняли со дна души весь накопившійся въ ней тяжелый житейскій осадокъ.

Родился и выросъ Родіонъ Потапычъ дворовымъ человѣкомъ въ Тульской губерніи. Подросткомъ онъ состоялъ при помѣщичьемъ домѣ въ казачкахъ, а въ шестнадцать на свой грѣхъ попалъ въ барскую охоту. Не угодилъ онъ барину на волчьей облавѣ чѣмъ-то, кинулся на него баринъ съ поднятымъ арапникомъ... Окончаніе этого эпизода барской охоты было уже въ Балчуговскомъ заводѣ, куда Родіонъ Потапычъ былъ приведенъ въ кандалахъ для отбытія каторжныхъ работъ. Но промысловая каторга для него явилась спасеніемъ; серьезный не по лѣтамъ, трудолюбивый, умный и честный, онъ сразу выдвинулся изъ своей арестантской среды. Смотрителемъ тогда былъ тотъ самый Антонъ Лазаричъ, о которомъ разсказывала баушка Лукерья. Онъ очень полюбилъ молодого Зыкова и устроилъ такъ, что десятилѣтняя каторга для него была не въ каторгу, а въ обыкновенную промысловую работу, съ той разницей, что только ночевать ему приходилось въ

острогѣ. Новая работа полюбилась Родіону Потапычу, и онъ приросъ къ ней всей душой. Да, что только было тогда, теперь даже и вспоминать какъ-то странно, точно все это во снѣ привидѣлось. Работа кипѣла, благо каторжный трудъ ничего не стоилъ. Съ одной стороны работалъ каторжный винокуренный заводъ, а съ другой—золотые промыслы. Балчуговскій заводъ походилъ на военный лагерь, гдѣ вставали и ложились по барабану, обѣдали и шабашили по барабану и даже въ церковь ходили по барабану. На работу выступали поротно и повзводно, отбивая шагъ. При встрѣчѣ съ начальствомъ все вытягивалось въ струнку и дѣлало на-караулъ даже на работахъ. На площади, между каторгой и „пьяной конторой“, въ праздники производилось настоящее солдатское ученье пригнанныхъ рекрутовъ, и тутъ же происходили жесточайшія экзекуціи. Съ одной стороны орудовалъ „крестный“ Никитушка, а съ другой—солдатская „зеленая улица“. Сквозь строй гоняли каждое воскресенье, а для большаго эффекта приводили народъ для этого случая даже съ Фотьянки. Кромѣ своего каторжнаго начальства и солдатскаго для рекрутовъ, въ распоряженіи горныхъ офицеровъ находилось еще два казачьихъ батальона съ спеціальной обязанностью производить наказанія на самомъ мѣстѣ работъ; это было домашнее дѣло, а „крестный“ Никитушка и „зеленая улица“—парднымъ наказаніемъ, главнымъ образомъ, на страхъ другимъ. Когда партія рабочихъ выступала куда-нибудь на пріискъ, за ней вмѣстѣ съ провіантомъ слѣдовалъ цѣлый возъ розогъ, точно ихъ нельзя было приготовить на мѣстѣ дѣйствія. Военное горное начальство въ этомъ случаѣ разсуждало такъ, что порядокъ наказанія прежде всего, а работа пойдетъ сама собой.

Первые два года Родіонъ Потапычъ работалъ на винокуренномъ заводѣ, гдѣ все дѣло вершилось исключительно однимъ каторжнымъ трудомъ, а затѣмъ попалъ въ разрядъ исправляющихся и былъ отправленъ на промыслы. Винокуренный заводъ до самаго конца оставался за каторгой, а на промыслы высылались только отбывшіе каторгу. Родіонъ Потапычъ засталъ Балчуговскій заводъ еще совсѣмъ небольшимъ. Селеніе шло только по Нагорной высотѣ, а Низы заселились уже при немъ, когда посадили на промыслы сразу три рекрутскихъ набора. Изъ ссыльно-поселенцевъ постепенно выросла Фотьянка, которая служила главнымъ каторжнымъ гнѣздомъ. На промыслахъ Родіонъ Потапычъ прошелъ всю работу, начиная съ простого откатчика, отвозившаго на тачкѣ пустую землю въ отвалы. Сколько теперь этихъ отваловъ кругомъ Балчуговскаго завода; страшно подумать о томъ казенномъ трудѣ, который былъ затраченъ на эту египетскую работу въ полномъ смыслѣ слова. Людей не жалѣли, и промыслы работали „сильной рукой“, т.-е. высылали на розсыпь тысячи рабочихъ. Добытое такимъ даровымъ трудомъ золото составляло для казны уже чистый дивидендъ. Родіонъ Потапычъ скоро выбился на промыслахъ изъ простыхъ рабочихъ и попалъ въ десятники. Съ дѣломъ онъ освоился, и начальство цѣнило въ немъ его фанатическое трудолюбіе. Чуть только не свихнулся онъ, когда встрѣтилъ свою первую жену, Марѳу Тимоѳеевну. Ее только-что пригнали изъ Россіи, и Антонъ Лазаричъ сразу намѣтилъ красивую каторжанку. Ей было всего 19 лѣтъ, а попала она изъ помѣщичьей дѣвичьей на каторгу, какъ значилось въ спискѣ, за кражу сахара. Сестра Лукерья пришла вмѣстѣ съ ней и значилась въ спискѣ виновной въ кражѣ меда. Чья-то рука изощряла остроуміе надъ судьбой двухъ сестеръ, но онѣ должны были отбыть положенные три года, а затѣмъ поступили въ разрядъ ссыльныхъ и переселены были на Фотьянку. Антонъ Лазаричъ прозвалъ Марѳу Тимоѳеевну „сахарницей“ и на третій же день потре-

бовалъ ее къ себѣ „по секретному дѣлу“. Сестра Лукерья избѣжала этого секретнаго дѣла только потому, что Антона Лазарича вò-время успѣли зарѣзать.

— Одна сестра съ сахаромъ, другая съ медомъ,—шутилъ смотритель,— а я до сахару большой охотникъ...

Родіонъ Потапычъ числился въ это время на каторгѣ и не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ Марѳа Тимоѳеевна возвращалась по утрамъ изъ смотрительской квартиры вся въ слезахъ. Эти ли дѣвичьи слезы, дѣвичья ли краса, только началъ онъ крѣпко задумываться.... Замѣтилъ эту перемѣну даже Антонъ Лазаричъ и не разъ спрашивалъ:

— Что это съ тобой, Родіонъ?.. Какъ будто ты не въ себѣ...

— Неможется, Антонъ Лазаричъ,—сурово отвѣчалъ Зыковъ, стараясь не глядѣть на каторжнаго насильника.

Запала крѣпкая и неотвязная дума Родіону Потапычу въ душу, и онъ только выжидалъ случая, чтобы „порѣшить“ лакомаго смотрителя, но его предупредилъ другой каторжанинъ Бузунъ, зарѣзавшій Антона Лазарича за недоданный паекъ. Гора свалилась съ плечъ, а потомъ Марѳа Тимоѳеевна была переведена на Фотьянку, гдѣ онъ съ ней сейчасъ же познакомился и сейчасъ же женился. Много было каторжанокъ, и ни одна не осталась непристроенной: всѣ вышли замужъ, развели семьи и населили Фотьянку и Нагорную сторону. Замѣчательно, что среди каторжанокъ не было ни одной женщины легкаго поведенія.

Хорошо и любовно зажилъ Родіонъ Потапычъ съ молодой женой и никогда ни однимъ словомъ не напомнилъ ея прошлаго: подневольный грѣхъ въ счетъ не шелъ. Но сама Марѳа Тимоѳеевна все время замужества оставалась туманной и грустной и только передъ смертью призналась мужу, что ее заѣло.

— Не дѣвушкой я за тебя выходила замужъ...—шептали побѣлѣвшія губы.—Нѣтъ моей въ томъ вины, а забыть не могла. Чѣмъ ты ко мнѣ ласковѣе, тѣмъ мнѣ страшнѣе. Молчу, а у самой сердце кровью обливается.

— Марѳа, Богъ съ тобой, какія ты слова говоришь...

— Я сама себя осудила, Родіонъ Потапычъ, и горше это было мнѣ каторги. Вотъ сыночка тебѣ родила, и его совѣстно. Не корилъ ты меня худымъ словомъ, любилъ, а я все думала, какъ бы мы съ тобой вѣкъ свѣковали, ежели бы не моя злосчастная судьба.

Молодой умерла Марѳа Тимоѳеевна и въ гробу лежала такая красивая да бѣлая, точно восковая. Вмѣстѣ съ ней бѣлый свѣтъ закрылся для Родіона Потапыча, и на всю жизнь его брови сурово сдвинулись. Взялъ онъ вторую жену, но счастья не воротилъ, по пословицѣ: покойникъ у воротъ не стоитъ, а свое возьметъ. Поминкомъ по любимой женѣ Марѳѣ Тимоѳеевнѣ остался безпутный Яша...

Жизнь для Родіона Потапыча прошла въ суровой работѣ изо дня въ день. Онъ точно разъ и навсегда замерзъ на своемъ промысловомъ дѣлѣ да больше и не оттаялъ. Трудно приходилось—молчалъ, хорошо—молчалъ, а потомъ превратился въ живую машину. Только разъ въ теченіе своей службы онъ покривилъ душой, именно въ пятидесятыхъ годахъ, когда на Уралъ тайно пріѣхалъ казенный фискалъ. Несмотря на военныя строгости при разработкѣ золота, рабочіе ухитрялись его воровать. То же самое было и на другихъ казенныхъ и частныхъ промыслахъ. Были и свои скупщики, которые проникли и въ заколдованный кругъ Балчуговской каторги. Сыщикъ успѣлъ купить золото кой у кого, но одинъ Родіонъ Потапычъ вызналъ въ немъ настоящую птицу и пустилъ стороной слухъ, чтобы спасти десятки легковѣр-

ныхъ людей. Пожалѣлъ онъ дураковъ... И дѣйствительно, Балчуговскій заводъ пострадалъ меньше, а на другихъ промыслахъ разразилась страшная гроза. Сотни были прогнаны сквозь строй и сосланы въ Восточную Сибирь въ безсрочную каторгу. Впрочемъ, никто не зналъ на Балчуговскихъ промыслахъ, кто первый догадался относительно фискала. Родіонъ Потапычъ молчалъ, какъ будто не его дѣло. Тогда, между прочимъ, спасся только чудомъ Кишкинъ, замѣшанный въ этомъ дѣлѣ: какой-нибудь одинъ часъ, и онъ улетѣлъ бы въ Восточную Сибирь да еще прошелъ бы насквозь всю „зеленую улицу“.

„Вотъ я ему, подлецу, помяну какъ-нибудь про фискалу-то,—подумалъ Родіонъ Потапычъ, припоминая готовившееся скандальное дѣло.—Эхъ, надо бы мнѣ было ему тогда на Фотьянкѣ узелокъ завязать, да не догадался... Ну, какъ-нибудь въ другой разъ“.

Слишкомъ тридцать пять лѣтъ „казеннаго времени“ отбылъ Родіонъ Потапычъ, когда объявлена была воля. Онъ совершенно не понималъ этого событія, никакъ не укладывавшагося въ его голову. Родіонъ Потапычъ даже какъ-то совсѣмъ растерялся, особенно когда упразднили каторгу, винокуренный заводъ закрыли, а казеннымъ промысловымъ работамъ пришелъ конецъ. Мысль о томъ, что теперь нужно будетъ платить каждому рабочему, просто возмущала его. Помилуйте, такая орава рабочихъ, и вдругъ каждому плати, а что же казнѣ-то останется? Казенныя работы, переведенныя на вольнонаемный трудъ и лишенныя военной закваски, сразу захудали, и добытое этимъ путемъ золото, несмотря на готовый инвентарь и всякое промысловое хозяйство, стало обходиться казнѣ въ пять разъ дороже его биржевой стоимости. Нѣкоторое время поддержала падавшее дѣло открытая на Фотьянкѣ Кишкинымъ богатѣйшая розсыпь, давшая въ теченіе трехъ лѣтъ больше ста пудовъ золота, а дальше случился уже скандалъ—золотникъ золота обходился казнѣ въ 27 рублей при номинальной его стоимости въ 4 рубля. Немало смущали Родіона Потапыча горные инженеры.

Послѣднія пять лѣтъ Балчуговскіе заводы существовали только на бумагѣ, когда явился генералъ Мансвѣтовъ и компанія. Кое-какъ поддерживалась одна шахта да работали мѣстами старатели. Водвореніе компаніи сразу подняло дѣло, и Родіонъ Потапычъ ожилъ, перенеся на компанейское дѣло всѣ свои крѣпостныя симпатіи. Когда первое опьяненіе волей миновало, оказалось, что промысловое населеніе очутилось въ полной экономической зависимости отъ компаніи. Между тѣмъ это было казенное промысловое населеніе, нѣсколькими поколѣніями воспитавшееся на своемъ пріисковомъ дѣлѣ. Въ Низахъ бывшіе „некрута“ дѣлали отчаянныя попытки прожить своимъ средствіемъ, и здѣсь нѣкоторое время процвѣтали столяры и сапожники. Нагорная и Фотьянка, эти старыя каторжныя гнѣзда, остались вѣрными своему промысловому дѣлу и не увлекались никакими сторонними заработками.

Съ водвореніемъ на Балчуговскихъ промыслахъ компанейскаго дѣла Родіонъ Потапычъ успокоился, потому что, хотя прежней каторжной и военно-горной крѣпи уже не существовало, но ее замѣнила цѣлая система невидимыхъ нитей, которыми жизнь промыслового населенія была опутана еще крѣпче. Промысловому рабочему некуда было дѣваться, какъ онъ ни изворачивался. Примѣръ Низовъ служилъ въ этомъ случаѣ лучшимъ доказательствомъ. Не было внѣшняго давленія, какъ въ казенное время, но „вольные“ рабочіе со своей волчьей волей не знали куда дѣваться и шли работать къ той же компаніи на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, какъ вообще было обставлено дѣло: досыта не наѣшься и съ голоду не умрешь.

Открытіе Кедровской казенной дачи для вольныхъ работъ измѣняло весь строй промысловой жизни, и никто не чувствовалъ этого съ такой рельефностью, какъ Родіонъ Потапычъ, этотъ промысловой испытанный волкъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Каждое утро у кабака Ермошки, на лавочкѣ, собиралась цѣлая толпа рабочихъ. Издали эта публика казалась ворохомъ живыхъ лохмотьевъ—настоящая пріисковая рвань. А солнышко уже свѣтило по-весеннему, и рвань ждала того рокового момента, когда „тронется вешняя вода“. Только бы вода взялась, тогда всѣмъ будетъ работа... Это были именно чающіе движенія воды.

Кабакъ Ермошки помѣщался въ собственномъ полукаменномъ домикѣ, отстроенномъ заново года два назадъ. Нижній этажъ былъ занятъ наполовину кабакомъ и наполовину галантерейной и суровской торговлей, такъ что получалось заведеніе вполнѣ. Домъ стоялъ на углу, какъ разъ напротивъ золотопромывальной фабрики. Раньше онъ принадлежалъ Кишкину. Въ концѣ улицы краснымъ пятномъ выдѣлялись кирпичныя стѣны бывшей каторги, а рядомъ громадное, покосившееся бревенчатое зданіе „пьяной конторы“. Собственно каторжный винокуренный заводъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшней золотопромывальной фабрики, но онъ сгорѣлъ уже послѣ воли. Оставалась одна „пьяная контора“ да каменный дворъ съ низкими каменными казармами упраздненной каторги. Эти два памятника добраго стараго времени для Ермошки были бѣльмомъ на глазу. Сидя у себя наверху, онъ подолгу смотрѣлъ на нихъ и со вздохомъ повторялъ:

— Этакое обзаведенье и задарма пропадаетъ... Что бы тутъ можно сдѣлать, кабы къ рукамъ! То-есть, кажется, отдалъ бы все...

Ермошка былъ средняго роста, раскостый и плечистый мужикъ съ какой-то угловатой головой и сѣрыми вытаращенными глазами, поставленными необыкновенно широко, какъ у козы. Приплюснутый мягкій носъ точно былъ приклеенъ съ другого лица. Жиденькая клочковатая бороденка придавала ему встрепанный видъ, какъ у человѣка, который второпяхъ вскочилъ съ постели. Это былъ типичный россійскій сидѣлецъ, вороватый и льстивый, нахальный и умѣющій во-время принизиться. Въ люди онъ вышелъ черезъ жену Дарью, которая въ свое время состояла „на положеніи горничной“ у старика Оникова, во времена его грознаго владычества. Ермошка былъ лакеемъ, какъ теперь Ганька. Старикъ Ониковъ вдовѣлъ и отъ скуки развлекался крѣпостными красавицами, въ числѣ которыхъ Дарья являлась послѣднимъ номеромъ. Она была круглой сиротой, за красоту попала въ господскій домъ, но ничѣмъ не сумѣла бы воспользоваться при своемъ положеніи, если бы не подвернулся Ермошка. Ониковъ умеръ какъ-то вдругъ, и, что всего удивительнѣе, послѣ него не оказалось никакихъ сбереженій. Стоустая молва приписала его скоропостижную смерть Ермошкѣ, воспользовавшемуся при такой оказіи господскимъ добромъ. Онъ сейчасъ же женился на Дарьѣ и зажилъ своимъ домомъ, какъ слѣдуетъ справному мужику, а впослѣдствіи уже открылъ кабакъ и лавку. Положеніе Дарьи было самое забитое: Ермошка вы-

мещалъ на ней худую славу, вынесенную изъ господскаго дома. Бѣдная женщина ходила по своимъ горницамъ, какъ тѣнь, и вся дрожала, когда слышала шаги мужа. Открыто Ермошка ее не увѣчилъ, какъ это дѣлали другіе мужики, а изводилъ ее медленно и безжалостно, какъ ненужную скотину.

„Хоть бы умереть поскорѣе...“—мечтала иногда Дарья.

Дѣтей у нихъ не было, и Ермошка мечталъ, когда умретъ жена, завестись настоящей семьей и имѣлъ уже на примѣтѣ Ѳеню Зыкову. Такъ разсчитывалъ Ермошка, но не такъ вышло. Когда Ермошка узналъ, какъ ушла Ѳеня изъ дому убѣгомъ, то развелъ только руками и проговорилъ:

— Эхъ, Ѳедосья Родивоновна, не могла ты обождать самую малость, когда моя-то Дарья помретъ...

Жалѣла объ этомъ обстоятельствѣ и сама Дарья, потому что давно уже чувствовала себя лишней и съ удовольствіемъ уступила бы свое мѣсто молодой, любимой женѣ.

— Связала я тебя, Ермолай Семенычъ,—говорила она мужу о себѣ, какъ говорятъ о покойникахъ.—Въ самый бы тебѣ разъ жениться на зыковской Ѳенѣ... Дѣвка чистякъ. Охъ, нейдетъ моя смертынька...

— Развѣ не стало невѣстъ?—резонировалъ Ермошка въ тонъ женѣ.—Какъ помрешь, сорокъ денъ выйдетъ, и женюсь...

— Въ Балчуговскомъ у насъ невѣстъ непочатый уголъ, Ермолай Семенычъ. Любую да лучшую выбирай.

— Въ Тайболѣ возьму, а то и городскую приспособлю... Слава Богу, и мы не въ уголъ рожей-то.

— Богатую не бери, а попроще... Сиротку лучше, Ермолай Семенычъ, потому какъ ты ужъ въ годкахъ и будешь на положеніи вдовца. Богатыя-то дѣвки не больно такихъ жениховъ уважаютъ...

— Это ты правильно, Дарья... Только помирай скорѣе, а то время напрасно идетъ. Совсѣмъ изъ годовъ выйду, покедова подохнешь...

— Охъ, скоро помру, Ермолай Семенычъ... Жаль вѣдь мнѣ глядѣть на тебя, какъ ты со мной маешься.

Дарья употребляла всѣ мѣры, чтобы умереть, и никакъ не могла. Она ходила босая по снѣгу, пила „дорогую траву“, морила себя голодомъ, но ничего не помогало. Ермошка колотилъ ее только подъ пьяную руку и давно извелъ бы вконецъ, если бы не боялся отвѣтственности. Притомъ у него было какое-то темное предчувствіе, что Дарья—его судьба, которой ни на какомъ конѣ не объѣдешь. Самоуниженіе Дарьи дошло до того, что она сама выбирала невѣстъ на случай своей смерти, и въ этомъ направленіи въ ермошкиномъ домѣ велись довольно часто очень серьезные разговоры. Чета вообще была оригинальная.

Ермошка ждалъ вешней воды не меньше балчуговскихъ старателей, потому что самое бойкое кабацкое время было связано именно съ лѣтнимъ сезономъ, когда всѣ промысла были въ полномъ ходу. Онъ зналъ свой заводъ и Фотьянку, какъ свои пять пальцевъ: кто захудалъ изъ мужиковъ, кто справился, кто ни шатко ни валко живетъ. Никакой статистикъ не могъ бы представить такихъ обстоятельныхъ и подробныхъ свѣдѣній о своемъ „приходѣ“, какъ называлъ Ермошка старателей. Низы, гдѣ околачивались строгали и швали, онъ недолюбливалъ, потому что тамъ царила оголтѣлая нищета, а въ „приходѣ“ нѣтъ-нѣтъ и провернется счастье.

— Ну-ка, Боговы работнички, поворачивай!—покрикивалъ Ермошка у себя за стойкой на вѣчно галдѣвшую толпу старателей.

— Благодѣтель, на тебя стараемся!—отвѣчали пьяные голоса.—Мимо тебя ложки въ ротъ не пронесешь... Всѣ у тебя, какъ говядина въ горшкѣ.

— А куды бы вы безъ меня-то дѣлись? А?..

— Ужъ это ты правильно, отецъ родной...

Всѣхъ больше надоѣдалъ Ермошкѣ шваль Мыльниковъ, который ежедневно являлся въ кабакъ и толкался на народѣ неизвѣстно зачѣмъ. Онъ имѣлъ привычку приставать къ каждому, задиралъ, ссорился и частенько бывалъ битъ, но послѣднее мало на него дѣйствовало.

— Шелъ бы ты домой, Тарасъ,—часто уговаривалъ его Ермошка,—дома-то, поди, жена тебя вотъ какъ ждетъ. А по пути завернулъ бы къ тестю чаю напиться. Богатый у тебя тестюшка.

— А тебѣ завидно? И напьемся чаю, даже вотъ какъ напьемся.

— А не хочешь того, чѣмъ ворота запираютъ?..

Подвыпившій Мыльниковъ проявлялъ необыкновенную гордость. Онъ билъ кулаками себя въ грудь и выкрикивалъ на всю улицу, что—погодите, покажетъ онъ, каковъ есть человѣкъ Тарасъ Мыльниковъ, и т. д. Кабацкіе завсегдатаи покатывались надъ Мыльниковымъ со смѣху и при случаѣ подносили стаканчики водки.

— Погодите, братцы, разсчитаюсь...—увѣрялъ Мыльниковъ.—Ужъ я достигну... Дайте только на ноги встать, а тамъ расчетъ пойдетъ мелкими.

Послѣ Пасхи Мыльниковъ частенько сталъ приходить въ кабакъ вмѣстѣ съ Ящей и Кишкинымъ. Онъ требовалъ прямо полуштофъ и распивалъ его съ пріятелями гдѣ-нибудь въ уголкѣ. Друзья вели какія-то таинственныя душевныя бесѣды, шептались и вообще чувствовали потребность въ уединеніи. Разъ, пошатываясь, Мыльниковъ пошелъ къ стойкѣ и потребовалъ второй полуштофъ.

— Да ты съ какой это радости расширился?—спрашивалъ его Ермошка.—Наслѣдство, что ли, получилъ?..

— А тебѣ какая печаль?.. Х-хе... Никто не укажетъ Тарасу Мыльникову: самъ большой, самъ маленькій. А ты, Ермолай Семенычъ, теперь надо мной шутки шутишь, потому какъ я шваль и больше ничего...

— У всѣхъ у васъ въ Низахъ одна вѣра: голь перекатная. Хоть вывороти васъ, двоегривеннаго не найдешь...

— А что, ежели, напримѣрно, богачество у меня, Ермолай Семенычъ? Вѣдь ты первый шапку ломать будешь, такой-сякой... А я шубу енотовую надѣну, серебряные часы съ двумъ крышкамъ, гарусный шарфъ, да этакимъ чортомъ къ тебѣ подкачу. Какъ ты полагаешь?

— По одеждѣ встрѣчаютъ, Тарасъ... Разбогатѣешь, такъ насъ не забудь. Знаешь, кому счастье?..

— Ахъ, ты, курицынъ сынъ!.. Да я, можетъ, весь Балчуговскій заводъ куплю и выворочу его совершенно наоборотъ... Вотъ я каковъ есть человѣкъ...

— Не пугай впередъ, а то еще во снѣ увижу тебя богатаго... Вороны завсегда къ ненастью каркаютъ.

Эти сцены повторялись слишкомъ часто, чтобы обращать на себя серьезное вниманіе. Мыльникову никто не вѣрилъ, и только удивлялись, откуда онъ беретъ деньги на пьянство.

Къ этой компаніи потомъ присоединился Клейменый Мина, старикъ изъ балчуговскихъ каторжанъ, которыхъ уцѣлѣло не больше десятка. Это былъ молчаливый лысый старикъ, съ большимъ лбомъ и глубоко посаженными глазами. Въ кабакъ онъ заходилъ рѣдко и скромно сидѣлъ все время гдѣ-нибудь

въ уголкѣ. Потомъ появились старатели съ Фотьянки: красавецъ Матюшка, старый Турка и самъ Петръ Васильичъ. Мыльниковъ угощалъ всѣхъ и ходилъ по кабаку козыремъ. Промысловые скептики сначала относились къ этой компаніи подозрительно, а потомъ вдругъ увѣровали. Кто-то пустилъ слухъ, что раскошелился Кишкинъ въ виду открытія Кедровской дачи и набираетъ артель для развѣдки гдѣ-то на рѣкѣ Мутяшкѣ, гдѣ Клейменый Мина открылъ золото еще при казнѣ, но скрылъ до поры до времени. Даже увѣровалъ самъ Ермошка, зараженный охватившей всѣхъ золотой лихорадкой. Такъ онъ нѣсколько разъ уже заговаривалъ съ Кишкинымъ.

— Андронъ Евстратычъ, пусти въ кампанію...

— Рыломъ еще не вышелъ...—отвѣтилъ Кишкинъ торжественно.

— Да вѣдь все равно мнѣ же золото будете сдавать,—тихо прибавлялъ Ермошка, прищуривая одинъ глазъ.

— Ужъ это, какъ Господь приведетъ... Одно—сдавать золото, другое—добывать. Рука у тебя тяжелая, Ермолай Семенычъ.

— А у Мыльникова легкая?

— Пухъ—вотъ какая рука.

Совѣщанія составлявшейся компаніи не представляли тайны ни для кого, потому что о Мутяшкѣ давно уже говорили, какъ о золотомъ днѣ, и всѣ мечтали захватить тамъ мѣстечко, какъ только объявится Кедровская дача свободной. Явилась даже спекуляція на Мутяшку: нѣкоторые рабочіе ходили по кабакамъ, на базарѣ и вездѣ, гдѣ сбивался народъ, и въ самой таинственной формѣ предлагали озолотить „за красную бумагу“. На Мутяшку образовался даже свой курсъ. Таинственные обогатители сообщали подъ страшнымъ секретомъ о существованіи какого-нибудь ложка или ключика, гдѣ золото гребли лопатами. Сложился цѣлый рядъ легендъ о золотѣ на Мутяшкѣ, въ родѣ того, что тамъ на золотѣ положенъ большой зарокъ, который не дѣйствуетъ только на невинную дѣвицу, а мужику не дается. Разсказывали о какихъ-то бѣглыхъ, во времена еще балчуговской каторги, которые скрывались въ Кедровской дачѣ и первые „натакались“ на Мутяшку и простымъ ковшомъ намыли столько, сколько только могли унести въ котомкахъ, что потомъ этихъ бродягъ, нагруженныхъ золотомъ, подкараулили въ Тайболѣ и убили. Такъ и осталось неизвѣстнымъ, гдѣ собственно схоронилось мутяшское золото. Довѣрчивые люди съ замираніемъ слушали эти разсказы и все сильнѣе распалялись желаніемъ легкой наживы. Знатоки Мутяшки скоро перестали довольствоваться „красной бумагой“, а стали требовать уже четвертной билетъ. Между прочимъ, этимъ промышлялъ и кривой Петръ Васильичъ, только не въ Балчуговскомъ заводѣ, а въ городѣ. Но лучше всѣхъ повелъ дѣло Мыльниковъ, который теперь и пропивалъ дурѣмъ полученныя деньги. Всѣ знали, что это пропащій человѣкъ и что онъ даже и не знаетъ пріисковаго дѣла, но такова была жажда золота, что вѣрили пустому человѣку, сулившему золотыя горы. И разговоръ у Мыльникова былъ самый пустой и дурацкій:

— Ужъ я произведу... Вѣ-какъ по гробъ жизни благодарить будете... У меня рука легкая на золото; вотъ главная причина... Да... Всѣмъ могу руководствовать вполнѣ..

Азартъ носился въ самомъ воздухѣ, и Мыльниковъ заговаривалъ людей во сто разъ умнѣе себя, какъ тотъ же Ермошка, выдавшій швали тоже красный билетъ. Впрочемъ, Мыльниковъ на другой же день поднялъ Ермошку на смѣхъ въ его собственномъ заведеніи.

— Будешь меня благодарить, Ермолай Семенычъ!—кричалъ онъ.—А твоя красная бумага на поминъ моей души пойдетъ... У волка въ зубѣ—Егорій далъ.

Весь кабакъ надрывался отъ хохота, а Ермошка плюнулъ въ Мыльникова и со стыда убѣжалъ къ себѣ наверхъ. Центромъ разыгравшагося ажіотажа явился именно кабакъ Ермошки, куда сходились хоть послушать разсказы о золотѣ, и его владѣлецъ потерпѣлъ законно.

Кромѣ всего этого, къ кабаку Ермошки каждый день подъѣзжали таинственныя кошевки изъ города. Изъ такой кошевки вылѣзалъ какой-нибудь пробойный городской мѣщанинъ или мелкотравчатый купеческій братъ и для отвода глазъ сначала шелъ въ магазинъ, а ужъ потомъ, будто случайно, заводилъ разговоръ съ сидѣвшими у кабака старателями.

— Не надо ли партію?—спрашивали старатели.—Можетъ, насчетъ того, чтобы ширнъ ударить...

— Нѣтъ, мы этимъ не занимаемся,—продолжалъ отводить глаза отпѣтый городской человѣкъ.—Я по своимъ дѣламъ...

Ермошка, спрятавшись наверху, наблюдалъ въ окно этихъ городскихъ гостей и ругался всласть.

— Вотъ дураки-то!.. Дарь, мотри, вонъ какой крендель выкидываетъ Затыкинъ; я его знаю, у него въ Щепномъ рынкѣ лавка. Х-ха, конечно, балчуговскаго золота захотѣлось отвѣдать... Мотри, Мыльниковъ въ нему подходитъ! Ахъ, песъ, ахъ, антихристъ!.. Охо-хо-хо! То-то дураки эти самые городскіе... Мыльниковъ-то, Мыльниковъ по первому слову четвертной билетъ заломилъ, по рожѣ вижу. Всякую совѣсть потерялъ человѣкъ...

Городской человѣкъ, продѣлавъ для отвода глазъ необходимыя церемоніи, попадалъ въ кабакъ и за полуштофомъ водки получалъ самыя точныя свѣдѣнія, гдѣ найти вѣрное золото.

— Да что тутъ говорить: выставляй прямо четверть!..—бахвалился входившій въ ражъ Мыльниковъ.—Развѣ золото безъ водки живетъ? Разочнемъ четверть,—вотъ тебѣ и золото готово.

Простые рабочіе, не владѣвшіе даромъ „словесности“, какъ Мыльниковъ, довольствовались пока тѣмъ, что забирали у городскихъ охотниковъ задатки и записывались за-разъ въ нѣсколько развѣдочныхъ партій, а деньги, конечно, пропивались въ кабакѣ тутъ же. Никто не думалъ о томъ, чтобы завести новую одежду или сапоги. Всѣ надежды возлагались на будущее, а въ частности на Кедровскую дачу.

— Ишь, какъ воронье облѣпили кабакъ!—злорадствовалъ Ермошка.—Только и кампанія... Тутъ ходи да оглядывайся.

Большую сенсацію произвело появленіе въ кабакѣ извѣстнаго городского скупщика краденаго золота Ястребова. Это былъ высокій, плечистый и осанистый мужчина съ свирѣпымъ лицомъ. Густыя брови у него совсѣмъ срослись, а ястребиные глаза засѣли глубоко въ орбитахъ, какъ у настоящаго хищника. Окладистая съ просѣдью борода придавала ему степенный купеческій видъ. Одѣтъ онъ былъ въ енотовую шубу и бобровую шапку.

— Никитѣ Яковличу, благодѣтелю!..—слышались голоса раболѣпныхъ прихлебателей.—Не хошь ли мѣстечко потеплѣе?..

— Ладно, заговаривай зубы,—сурово отвѣчалъ Ястребовъ, окидывая презрительнымъ взглядомъ пріисковую рвань.—Поищите кого попроще, а я-то вполнѣ превосходно васъ знаю... Добрыхъ людей обманываете, черти.

Онъ прошелъ наверхъ къ Ермошкѣ и долго о чемъ-то бесѣдовалъ съ нимъ. Ермошка и Ястребовъ были завѣдомые скупщики краденаго съ Бал-

чуговскихъ промысловъ золота. Всѣ это знали; всѣ объ этомъ говорили, но никто и ничего не могъ доказать: очень ужъ ловкіе были люди, умѣвшіе хоронить концы. Впрочемъ, пьяный Ястребовъ,—онъ пилъ запоемъ,—хлопнувъ Ермошку по плечу, каждый разъ говорилъ:

— Ну, Ермошка, плачетъ о насъ острогъ-то!..

— Не тѣ времена, Никита Яковличъ,—подобострастно отвѣчалъ Ермошка, чувствовавшій къ Ястребову безграничное уваженіе.

II.

Дома Мыльниковъ почти не жилъ. Вставши утромъ и не прочухавшись хорошенько съ похмелья, онъ выкраивалъ съ грѣхомъ пополамъ „уроки“ для своей мастерской, ругалъ Оксю, завѣдывавшую всей работой, и уходилъ изъ дому до поздняго вечера.

Избушка у Мыльникова была самая проваленная, какъ старый грибъ. Одинъ уголъ осѣлъ, крыша прогнила, ворота покосились, а надворныя постройки постепенно шли на дрова. Однимъ словомъ, домъ рушился со всѣхъ концовъ, и отъ него вѣяло нежилымъ. Впрочемъ, на Низахъ было много такихъ развалившихся дворовъ, потому что здѣсь главнымъ образомъ царила самая вопіющая бѣдность. Дѣло въ томъ, что Нагорная, гдѣ поселились каторжные, отбывшіе срокъ наказанія, послѣ освобожденія осталась вѣрной исконному промысловому дѣлу. То же было и на Фотьянкѣ, гдѣ сгруппировались ссыльно-поселенцы. А Низы, населившіеся „некрутами“, захотѣли послѣ воли существовать своимъ средствіемъ, и здѣсь быстро развились два ремесла: столярное и чеботарное. Положимъ, что балчуговская работа пользовалась очень плохой репутаціей, но все дѣло сводилось на то, чтобы освободиться отъ пріисковаго шатанья и промысловой маяты. Мѣстомъ сбыта служилъ главнымъ образомъ городъ, а отсюда уже балчуговское ремесло расходилось по нѣсколькимъ уѣздамъ и дальше. Сотни семей были заняты однимъ и тѣмъ же дѣломъ и сбивали цѣну товара самымъ добросовѣстнымъ образомъ: городскіе купцы богатѣли, а Низы захудали до послѣдней крайности. Избушка Мыльникова служила яркимъ примѣромъ подобнаго промысловаго захуданія, и ея исторія служила иллюстраціей всей картины.

Тарасъ Мыльниковъ былъ кантонистомъ. Его отецъ, пригнанный въ одинъ изъ рекрутскихъ наборовъ въ Балчуговскій заводъ, не вынесъ золотой каторги и за какую-то провинность долженъ былъ пройти „зеленую улицу“ въ нѣсколько тысячъ шпицрутеновъ. Онъ не вынесъ наказанія и умеръ на телѣжкѣ, на которой довозили изнемогшихъ „грѣшниковъ“ до конца улицы. Дѣло въ томъ, что преступниковъ сначала вели, привязавъ къ прикладу солдатскаго ружья, и когда они не могли итти—везли на телѣжкѣ и здѣсь уже добивали окончательно. Опытные люди знали, что стоитъ такому грѣшнику сейчасъ послѣ наказанія напиться воды—и конецъ. Такъ было и съ Мыльниковымъ, но крайней мѣрѣ въ семьѣ сохранилось преданіе, что онъ умеръ отъ воды. Маленькій Тарасъ послѣ отца попалъ въ кантонисты и вынесъ тяжелую школу въ мѣстномъ батальонѣ, а когда пришелъ въ возрастъ, его отправили на промыслы. Здѣсь онъ вывернулся съ перваго раза, потому что поступилъ въ пріисковые лорники: и работа нетрудная, да и жилъ онъ все время въ теплѣ. Воля избавила Тараса отъ солдатчины и обязательной промысловой службы. Онъ сейчасъ же поселился на Низахъ, гдѣ купилъ себѣ избу и занялся столярнымъ дѣломъ. Одинокому человѣку было нужно немного, и Тарасъ зажилъ справно, какъ слѣдуетъ настоящему мужику. Это время

его благосостоянія совпало съ его женитьбой на Татьянѣ, которую онъ вывелъ изъ богатаго зыковскаго дома.

Затѣмъ послѣдовалъ крутой поворотъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда начиналась хивинская война, вдругъ образовался громадный спросъ на балчуговскій сапогъ, и Тарасъ бросилъ свое столярное дѣло. У него былъ свой расчетъ: въ столярномъ дѣлѣ ему приходилось отдуваться одному, а при сапожномъ ремеслѣ ему могли помогать жена и подраставшія дѣти. Такъ и вышло: Тарасъ разсчиталъ вѣрно. Вся семья запряглась въ тяжелую работу, а по мѣрѣ того, какъ подрастали дѣти, Тарасъ сталъ все больше и больше отлынивать отъ дѣла, удѣляя досуги любезнымъ разговорамъ въ кабакѣ Ермошки. Особенно облегчала его жизнь подросшая старшая дочь Окся, корявая и курносая дѣвка, здоровая, какъ чурбанъ. Это было безотвѣтное существо, обладавшее неистощимымъ терпѣніемъ. Жена Татьяна отъ работы, бѣдности и дѣтей давно выбилась изъ силъ и больше управлялась по домашности, а воротила всю работу Окся, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ которой работали еще двое братьевъ-подростковъ.

— И въ кого ты у насъ уродилась, Окся,—часто говорила Татьяна, наблюдая дочь.—Ровно у насъ такихъ неуворотныхъ бабъ и въ роду не бывало. Дерево деревомъ.

— Такая ужъ уродилась, маменька,—отвѣчала Окся, не разгибаясь отъ работы.—Вся тутъ...

— Охъ, горе ты мое, Окся!—стонала Татьяна.—Другія-то дѣвки вотъ замужъ повыскакали, а ты такъ въ дѣвкахъ и зачичеревѣешь... Кому тебя нужно, несообразную!

— Богъ пошлетъ счастья, такъ и я замужъ выйду, маменька... Слава Богу, не хуже другихъ.

— Охъ, дура, дура...

Оригинальнѣе всего было то, что Оксю, кормившую своей работой всю семью, походя корили каждымъ кускомъ хлѣба, каждой тряпкой. Особенно изобрѣтателенъ былъ въ этомъ случаѣ самъ Тарасъ. Онъ каждый разъ, принимая Оксину работу, непремѣнно тыкалъ ее прямо въ физіономію чѣмъ попало: сапогами, деревянной сапожной колодкой, а то и шиломъ.

— Стерва, знаешь хлѣбъ жрать!—ругался онъ.—Пропасти на тебя нѣтъ!

Онъ все больше и больше наваливалъ работы на безотвѣтную дѣвку, а когда она не исполняла ея, хлесталъ ремнемъ или таскалъ за волосы. Окся не жаловалась, не плакала, и это окончательно выводило Тараса изъ себя.

— Безчувственная стерва...—удивлялся Тарасъ, измучившись боемъ.— Что ее учи, что не учи—одинъ прокъ.

Къ счастью Окси, Тарасу некогда было серьезно заниматься наукой, и Окся въ его отсутствіи наслаждалась покоемъ. Что она думала—никто не зналъ да и не интересовался знать, а Окся работала, не разгибая спины, и вѣчно молчала. Любимымъ удовольствіемъ для нея было выйти за ворота и смотрѣть на улицу. Окся могла простоять такимъ образомъ у воротъ часа три и все время скалила бѣлые зубы. Парни потѣшались надъ ней, какъ надъ круглой дурой, и шутили грубыя шутки: то грязью запустятъ, то въ волосы закатаютъ сапожнаго вару, то вымажутъ сажей. Окся защищалась отчаянно, какъ обезьяна, и тоже не жаловалась, точно такъ все и должно быть.

Такъ шла жизнь семьи Мыльниковыхъ, когда въ нее неожиданно хлынули дикія деньги, какія Тарасъ вымогалъ изъ довѣрчивыхъ людей своей „словесностью“. Разъ подъ вечеръ онъ привелъ въ свою избушку даже гостей—со-

бытіе небывалое. Съ нимъ пришли: Кишкинъ, Яша, Петръ Васильичъ съ Фотьянки и Мина Клейменый.

— Милости просимъ,—приглашалъ Тарасъ. — Здѣсь намъ много способнѣе будетъ разговоры-то разговаривать, а въ кабакѣ еще, того гляди, подслушаютъ да вызнаютъ... Тоже народъ понѣ пошелъ, шильники. Эй, Окся, айда къ Ермошкѣ. Оборудуй четверть водки... Да у меня смотри: одна нога здѣсь, а другая тамъ. Господа, вы на нее не смотрите: дура набитая. При ней все можно говорить, потому, какъ стѣна, ничего не пойметъ.

Окся накинула на голову платокъ и бросилась къ двери.

— Эй, ты, пень березовый!—остановилъ ее отецъ.—Стой, дура, выслушай перво... Водки купишь, такъ на обратномъ пути заверни въ лавочку и купи фунтъ колбасы.

Это ужъ было совсѣмъ смѣшно, и Окся расхохоталась. Какая такая колбаса? Тоже выдумаетъ тятенька.

— Ну, не дура ли набитая?—повторялъ Тарасъ, обращаясь уже къ гостямъ.

— Однако и дворецъ у тебя, Тарасъ!—удивлялся Кишкинъ, не зная, куда сѣсть.—Однимъ словомъ, хоромина.

— А вотъ погоди, Андронъ Евстратычъ, все справимъ, Богъ дастъ.

Петръ Васильичъ степенно молчалъ, оглядывая Тарасову худобу. Онъ даже пожалѣлъ, что пошелъ сюда: срамъ одинъ. Но предстояло важное дѣло, которое Мыльниковъ все откладывалъ: именно сегодня Мина Клейменый долженъ былъ разсказать какую-то мудреную исторію про Мутяшку. Это былъ совсѣмъ древній старикъ, остовъ человѣка, и жизнь едва теплилась въ его потухшихъ глазахъ. Свое прозвище онъ получилъ отъ клеймъ на вискахъ. На старческой ссохшейся и пожелтѣвшей кожѣ сохранились буквы СК, т.-е. ссыльно-каторжный. Такихъ клейменыхъ въ Балчуговскомъ заводѣ оставалось уже немного: старики быстро вымирали. Мина былъ изъ дворовыхъ людей Рязанской губерніи и попалъ на каторгу за убійство бурмистра. Было это такъ давно, что и самъ Мина уже не могъ хорошенько припомнить, за что убилъ. Прошлое у него совсѣмъ вытерлось изъ памяти, заслоненное долголѣтней каторгой.

Когда Окся принесла водки и колбасы, твердой, какъ камень, разговоры сразу оживились. Всѣ пропустили по стаканчику, но колбасу ѣлъ одинъ Кишкинъ да хозяинъ. Окся стояла у печки и не могла удержаться отъ смѣха, глядя на нихъ: она въ первый разъ видѣла, какъ ѣдятъ колбасу, и даже отплюнула нѣсколько разъ.

— Такъ ты намъ съ начала разсказывай, Мина,—говорилъ Тарасъ, усаживая старика въ передній уголъ.—Какъ у васъ все дѣло было... Вѣдь ты тогда въ партіи былъ, когда при казнѣ по Мутяшкѣ пирны были?

— Былъ, какъ же,—соглашался Мина, шамкая беззубымъ ртомъ.—Большая партія была...

— Это при Разовѣ было?—справился Петръ Васильичъ, сохраняя необыкновенную степенность.

— Не перебивай ты его!—останавливалъ Тарасъ.—Старичокъ древній, какъ разъ запутается... Ну-ка, дѣдушка, еще стаканчикъ кувырни!

— Большая партія была...—продолжалъ Мина, точно пережевывая каждое слово.—Въ кандалахъ выгнали на работу, а мѣста по Мутяшкѣ болотистыя... лѣсъ... Казаки за нами съ нагайками... Битва была, а не работа. Ненастье поднялось страшенное, а хлѣбъ-то и подмокъ... Оголодали, промокли...

Ну, Разовъ нагналъ и сейчасъ давай насъ драть. Онъ ужъ безъ этого не могъ... Лютый человѣкъ былъ. Ну, на Мутяшкѣ-то мы цѣльный мѣсяцъ муку принимали, а потомъ и подвернись казакамъ одинъ старецъ. Онъ тутъ въ лѣсу проживалъ, душу спасалъ... Казаки-то его поймали и приводятъ. Сѣденькій такой старецъ, а головка трясется. Разовъ велѣлъ и его отполыскать... Ну, старецъ-то принялъ наказаніе, перекрестился и Разова благословилъ... „Миленькій,—говоритъ,—мнѣ тебя жаль, не отъ себя лютуешь“. Разовъ опять его бить... Тутъ ужъ старецъ слегъ: разнемогся вконецъ. И Разова тоже совѣсть взяла: оставилъ старца... Ну, мы робимъ, ширпы бьемъ, а старецъ подъ елочкой лежитъ и глядитъ на насъ. Глядѣлъ-глядѣлъ да и подзываетъ меня. „Что вы,—говоритъ,—понапрасну землю роете?.. И золото есть, да не вамъ его взять. Не вашими погаными руками...“—„Какъ же, говорю я, взять его, дѣдушка?“—„А умѣючи,—говоритъ,—умѣючи, потому положонъ здѣсь на золотѣ великій зарокъ. Ты къ нему, а оно отъ тебя... Надо, говоритъ, чтобы невинная дѣвица обошла сперва мѣсто то по три зари да и ширпъ бы она же указала...“ Ну, какая у насъ въ тѣ поры невинная дѣвица, когда въ партіи все каторжане да казаки; такъ золото и не далось. Изъ глазъ ушло... На промывкѣ какъ будто и поблескиваетъ, а стали доводить—и нѣтъ ничего. Такъ ни съ чѣмъ и ушли...

— Ну, а про свинью-то, дѣдушка,—напомнилъ Тарасъ.—Ты ужъ намъ все обскажи, какъ было дѣло...

— Тоже старецъ сказывалъ...—продолжалъ Мина, съ трудомъ переводя духъ.—Онъ самъ-то изъ Тайболы, старой вѣры... Ну, такъ въ допрежнія времена, еще до Пугача, одинъ мужикъ изъ Тайболы ходилъ по Кедровской дачѣ и разыскивалъ тумпасы. Только дошелъ онъ до Мутяшки, ударилъ гдѣ-то на мысу ширпъ, и что бы ты думалъ, братецъ ты мой?..—лопата какъ зазвенитъ... Мужикъ даже испугался... Ну, собрался съ духомъ и выкопалъ золотой самородокъ пуда въ два вѣсомъ. Выкопать-то выкопалъ мужикъ, да испугался... Первое дѣло, самородокъ-то на свинью походилъ: и какъ будто рыло, и какъ будто ноги—какъ есть свинья. Другое дѣло, куды ему дѣваться съ самородкомъ? Въ тѣ поры съ золотомъ-то такія строгости были, одна страсть... Перваго-то мужика, который на Балчуговкѣ нашелъ золото, слышь, на смерть начальство запороло... Вотъ тайбольскому мужику и сдѣлалось страшно...

— Да не дуракъ ли?—вздохнулъ угнетенно Петръ Васильичъ.—Богъ счастья послалъ, а онъ испугался...

— Не перешибай!—оборвалъ его Тарасъ.—Дай кончить.

— И сдѣлалось мужику страшно, такъ страшно—до-смерти... Ежели продать самородокъ—поймаютъ, ежель такъ бросить—жаль, а ежели объявить начальству,—повернутъ всю Тайболу въ каторгу, какъ повернули Балчуговскій заводъ. Три ночи не спалъ мужикъ: все маялся, и удумалъ штуку: взялъ да самородокъ и закопалъ въ ширпъ, гдѣ его нашелъ. А самъ убѣжалъ домой въ Тайболу и молчалъ до самой смерти, а когда сталъ помирать, разсказалъ все своему сыну и тоже положилъ зарокъ молчать до смерти. Сынъ тоже молчалъ и только передъ смертью объявилъ все внуку и тоже положилъ зарокъ, какъ дѣдушка.

— Ахъ, дуракъ мужикъ!..—воскликнулъ Кишкинъ.—Ну, не дуракъ ли?

— Да еще какой дуракъ-то: Богъ счастья послалъ, а онъ его опять въ землю зарылъ... Ему, подлецу, руки бы по локоть отрубить, а самого въ воду. Дуракъ, дуракъ...

— Удавить его мало!—заявилъ съ своей стороны Тарасъ.—Да ежели

бы мнѣ Богъ счастья послалъ, да я бы сейчасъ Ястребову въ городъ уперъ самородокъ-то, а потомъ нищи... Дуракъ мужикъ!..

Вся компанія разразилась такой неистовой руганью по адресу мужика, закопавшаго золотую свинью, что Мина Клейменый даже напугался, что всѣ накинулись на него.

— Да вѣдь это не я, братцы!—взмолился онъ, забиваясь въ уголъ.

— Ахъ, дуракъ мужикъ!.. Живого бы его изжарить на огнѣ... Дуракъ, дуракъ!..

Даже скромный Яша и тотъ ругался вмѣстѣ съ другими, размахивалъ руками и лѣзъ къ Минѣ съ кулаками. Лица у всѣхъ сдѣлались красными отъ выпитой водки и возбужденія.

— А мы его найдемъ, самородокъ-то!—кричалъ Мыльниковъ,—да къ Ястребову... Ха-ха!.. Ловко... Комаръ носу не подточитъ. Такъ я говорю, Петръ Васильичъ? Родимый мой... Вѣдь мы-то съ тобой еще въ свойствѣ состоимъ по бабушкамъ.

— Какъ есть родня: троюродное наплевать.

— А ты не хрюкай на родню. У Родіона Потапыча первая-то жена, Марья Тимоѳеевна, родной сестрой приходилась твоей матери, Лукерьѣ Тимоѳеевнѣ. Значитъ, въ свойствѣ и выходитъ. Ловко Лукерья Тимоѳеевна прижала Родіона Потапыча. Утихомирила разомъ, а то совсѣмъ Яшку собрался драть въ волости. Люблю...

— Ну, братцы, надо объ дѣлѣ столковаться,—приставалъ Кишкинъ.—Первое мая на носу, надо партію...

— Валяй партію, всѣхъ записывай!—кричали пьяные голоса.—Добудемъ Мутяшку... А то и самородку разыщемъ, свинью эту самую.

— Я на себя запишу заявку-то...—предлагалъ Кишкинъ.

— Конечно, на себя: ты одинъ у насъ грамотный...

— А я Оксю приспособлю, можетъ, она найдетъ свинью-то,—предлагалъ Мыльниковъ,—она хоша и круглая дура, а честная...

— Можно и сестру Марью на такой случай вывести...—предлагалъ расхрабрившійся Яша.—Тоже дѣвица вполнѣ... Можетъ, вдвоемъ-то онѣ скорѣе найдутъ. А ты, Андронъ Евстратычъ, главное дѣло, не ошибись гумагой, потому какъ гумага первое дѣло.

— Да уже надѣйтесь на меня: не подгадимъ дѣла,—увѣрялъ Кишкинъ.

Дальше въ избушкѣ поднялся такой шумъ, что никто и ничего не могъ разобрать. Окся успѣла слетать за второй четвертью и на закуску принесла соленаго максуна. Пока другіе пили водку, она успѣла стащить половину рыбы и раздѣлила братьямъ и матери, сидѣвшимъ въ холодныхъ сѣняхъ.

— Они теперь совсѣмъ одурѣли...—коротко объяснила она, уплетая соленую рыбу за обѣ щеки.—А тятенька прямо на стѣну лѣзетъ...

— Да развѣ на одной Мутяшкѣ золото-то?—выкрикивалъ Мыльниковъ, качаясь на ногахъ.—Да сколько его хошь, золота: по Худенькой, по Малиновкѣ, по Генеролкѣ, а тамъ Свистунья, Ледянка, Миляевъ мысъ, Суходойка, Маякова слань. Бугры золота...

Увлекшись, Мыльниковъ совсѣмъ забылъ, что этими мѣстами обманывалъ городскихъ промышленниковъ, и теперь увѣрялъ всѣхъ, что вездѣ былъ самъ и вездѣ находилъ вѣрные знаки.

— Перестань врать, непутевая голова!—оборвалъ его Петръ Васильичъ.

Пьяный Мина Клейменый давно уже лежалъ подъ столомъ. Его тамъ нашли только утромъ, когда Окся принялась за свою работу. Разбуженный

старикъ долго не могъ ничего понять, какъ онъ очутился здѣсь, и только беззвучно жевалъ своимъ беззубымъ ртомъ. Голова у него трещала съ похмелья, какъ худой колоколъ.

III.

Тронувшаяся вешняя вода не произвела обычнаго эффекта на промыслахъ. Рабочіе ждали съ нетерпѣніемъ перваго мая, когда открывалась Кедровская дача. Крупные золотопромышленники организовали пріисковыя партіи черезъ своихъ повѣренныхъ, а мелкота толкалась въ Балчуговскомъ заводѣ самолично. Цѣны на рабочія руки поднялись сразу, потому что вездѣ было нужно настоящихъ пріисковыхъ рабочихъ. Пока балчуговскіе мужики прожнвали полученные задатки, на компанейскія работы выходила только отчаянная голытьба и пріисковая рвань. Да и на эту рабочую силу былъ плохой расчетъ, потому что и эти отбросы ждали только перваго мая. Родіонъ Потапычъ рвалъ на себѣ волосы въ отчаяніи.

— Ничего, пусть поволнуются...—успокаивалъ Карачунскій.—По крайней мѣрѣ, теперь не будетъ на насъ жалобъ, что мы тѣснимъ работами, мало платимъ и обижаемъ. Къ намъ-то придутъ, повѣрь...

— А время-то какое?..—жаловался Родіонъ Потапычъ.—Вѣдь въ прошломъ году у насъ стономъ стонъ стоялъ... Однихъ старателишекъ неочерпаемое множество, а теперь они и губу на локоть. Только и разговору: Кедровская дача, Кедровская дача. Безъ рабочихъ совсѣмъ останемся, Степанъ Романычъ.

— Вздоръ... Попробуютъ и бросятъ, повѣрь мнѣ. Во всякомъ случаѣ, я ничего страшнаго пока еще не не вижу...

Чтобы развеселить старика, Карачунскій прибавилъ:

— Старатели будутъ, конечно, воровать золото на новыхъ промыслахъ, а мы будемъ его скупать... Новые золотопромышленники закопаютъ лишнія деньги въ Кедровской дачѣ, а рабочіе къ намъ же и придутъ. Уцѣлѣетъ одинъ Ястребовъ и будетъ скупать наше золото, какъ скупалъ его и раньше.

— Ужъ этотъ уцѣлѣетъ... Повѣсить его мало... Теперь у него съ Ермошкой кабатчикомъ такая дружба завелась—водой не разольешь. Рука руку моетъ... А что на Фотьянкѣ дѣлается: совсѣмъ сбѣсился народъ. Съ Балчуговскаго всѣ на Фотьянку кинулись... Смута такая пошла, что не слушай теплая хороминка. И этотъ Кишкинъ тутъ впутался, и Ястребовъ наѣзжалъ раза три... Живымъ мясомъ хотятъ разорвать Кедровскую-то дачу. Гляжу я на нихъ и дивлюсь про себя: вотъ до чего привелъ Господь дожить. Не глядѣли бы глаза.

— Ну, а что твоя Ѳеня?

Родіонъ Потапычъ не любилъ подобныхъ разспросовъ и каждый разъ хмурился. Карачунскій наблюдалъ его улыбающимися глазами и тоже молчалъ.

— Устроилъ...—коротко отвѣтилъ онъ, опуская глаза.—Къ себѣ-то въ домъ совѣстно было ее привезти, такъ я ее на Фотьянку, къ сродственницѣ опредѣлилъ. Баушка Лукерья... Она мнѣ по первой женѣ свояченой приходится. Ну, я къ ней и опредѣлилъ Ѳеню, пока что...

— А потомъ?

— А потомъ ужъ что Господь пошлетъ.

Послѣ длинной паузы старикъ прибавилъ:

— Свояченица-то, значитъ, баушка Лукерья, совсѣмъ правильная женщина, а вотъ сынъ у ней...

— Петръ Васильичъ?—подсказалъ Карачунскій, обладавшій изумительной памятью на имена.

— Онъ самый... Сродственникъ онъ мнѣ, а прямо скажу: змѣй подколодный. Первое дѣло—съ Кишкинымъ кампанію завелъ, потомъ Ястребова къ себѣ на фатеру пустилъ... У нихъ теперь на Фотьянкѣ чортъ кашу варитъ.

Чтобы добыть Ѳеню изъ Тайболы, была употреблена военная хитрость. Во-первыхъ, къ Кожинымъ отправилась сама баушка Лукерья Тимоѳеевна и заявила, что Родіонъ Потапычъ согласенъ простить дочь, буде она явится съ повинной.

— Конечно, построжитъ старикъ для видимости, — объясняла она старухѣ Маремьянѣ,—сорветъ сердце... Можетъ, и побьетъ. А только родительское сердце отходчиво. Сама, поди, знаешь по своимъ дѣтямъ.

— А какъ онъ ее запретъ дома-то?— сомнѣвалась старая раскольница, пристально вглядываясь въ хитраго посла.

— Запре-отъ?—удивилась баушка Лукерья.—Да ему-то какая теперь въ ней корысть? Была дѣвка, не умѣли беречь, такъ теперь вѣтра въ полѣ искать... Да еще и то сказать, въ Балчугахъ народъ баловапный, какъ разъ еще и ворота дегтемъ вымажутъ... Парни-то нынче ножовые. Скажутъ: нами брезговала, а за кержака убѣжала. У нихъ свое на умѣ...

— Это ты правильно, баушка Лукерья...—туго соглашалась Маремьяна.— Хошь до кого доведись.

— Я-то вѣдь не неволю, а пріѣхала васъ же жалѣючи... И Ѳенѣ-то не сладко жить, когда родители хуже чужихъ стали. А вѣдь Ѳеня-то все-таки своя кровь, изъ роду-племени не выкинешь.

— Ужъ ты-то помоги намъ, баушка...

Уластила старуха кержанку и уѣхала. Съ недѣлю думали Кожины, какъ быть. Акинфій Назарычъ былъ противъ того, чтобы отпускать жену одну, но не могъ онъ устоять передъ женипыми слезами. Нечего дѣлать, заложилъ онъ лошадь и подъ вечерокъ, чтобы не видѣли добрые люди, самъ повезъ жену на мировую. Выбрана была нарочно суббота, чтобы застать дома самого Родіона Потапыча. Высадилъ Кожинъ жену около церкви, поцѣловалъ ее въ послѣдній разъ и отпустилъ, а самъ остался дожидаться. Онъ даже прослезился, когда Ѳеня торопливо пошла отъ него и скрылась въ темнотѣ, точно чуяло его сердце бѣду.

Родіонъ Потапычъ, дѣйствительно, былъ дома и самъ отворилъ дочери дверь. Онъ ни слова не проронилъ, пока Ѳеня съ причитаньями и слезами ползала у его ногъ, а только велѣлъ Прокопію запрячь лошадь. Когда все было готово, онъ вывелъ дочь во дворъ, усадилъ съ собой въ пошевни и выѣхалъ со двора, но повернулъ не направо, гдѣ дожидался Акинфій, а влѣво. Встрепенулась-было Ѳеня, какъ птица, попавшая въ западню, но старикъ грозно прикрикнулъ на нее и погналъ лошадь. Онъ догадался, что Кожинъ ждетъ ее гдѣ-нибудь поблизости, и объѣхалъ засаду другой улицей, а тамъ мелькнула „пьяная контора“, Ермошкинъ кабакъ и послѣднія избушки Нагорной.

— Тятенька, родимый, куда ты везешь меня?—взмолилась Ѳеня.

— А вотъ узнаешь, куда...

Ѳеня вся похолодѣла отъ ужаса, такъ что даже не сопротивлялась и не плакала. Вотъ и Краюхинъ увалъ, и шахты, и казенный громадный разрѣзъ, и молодой лѣсокъ, выросшій по свалкамъ и отваламъ. Когда уже мелькнули впереди огоньки Фотьянки, Ѳеня догадалась, куда отецъ везетъ ее, и внутренно обрадовалась: баушку Лукерью она видала рѣдко, но привыкла ее уважать. Повизни переѣхали рѣку Балчуговку по бѣлому мостику, поднялись

на мысокъ, гдѣ стоялъ кабакъ Фролки, и остановились у дома Петра Васильича. На топотъ лошади въ волоковомъ оконцѣ показалась голова самой баушки Лукерьи. Старуха сама вышла на крыльцо встрѣчать дорогихъ гостей и проводила Ѳеню прямо въ заднюю избу, гдѣ жила сама.

— Ты посиди здѣсь, жаръ-птица, а я пока потолкую съ отцомъ, — сказала она, припирая дверь на всякій случай желѣзной задвижкой.

Родіонъ Потапычъ сидѣлъ въ передней избѣ, которая дѣлилась капитальной стѣной на двѣ комнаты — въ первой была русская печь, а вторая оставалась чистой горницей.

— Ну, гостенекъ дорогой, проходи въ горницу, — приглашала баушка Лукерья.—Сядемъ рядкомъ да поговоримъ ладкомъ...

— О чемъ говорить-то? Весь тутъ. Дома ничего не осталось... А гдѣ у тебя змѣй-то кривой?

— Охъ, не спрашивай... Канпанятся они теперь въ кабакѣ вотъ ужъ близко мѣсяца, и конца-краю нѣту. Только что и будетъ... Сегодня зятекъ-то твой, Тарасъ Матвѣичъ, пришелъ съ Кишкинымъ и сейчасъ къ Фролкѣ: у нихъ одно заведенье. Ну, такъ ты насчетъ Ѳени не сумлѣвайся: отвожусь какъ-нибудь...

— Ты съ нея одёжу-то ихнюю сыми первымъ дѣломъ... Ножъ мнѣ это вострый. А ежели нагонятъ на Тайболы да будутъ приставать, такъ ты мнѣ дай знать на шахты или на плотину: я ихъ живой рукой поверну.

— Всякъ куликъ на своемъ болотѣ великъ, Родіонъ Потапычъ... Управимся и безъ тебя. Чѣмъ я тебя угощать-то буду, своячокъ?.. Водочку не потребляешь?

— Отроду не пивалъ, не знаю, чѣмъ она и пахнетъ, а теперь ужъ поздно начинать... Ну такъ, своячинушка, направляй ты нашу заблудящую дѣвку, какъ тебѣ Богъ на душу положитъ, а тамъ, можетъ, и сочтемся. Что тебѣ понадобится, то и сдѣлаю. А теперь, значитъ, прощай...

Баушка Лукерья не задерживала гостя, потому что догадалась, чего онъ боится, именно встрѣчи съ Петромъ Васильичемъ и Кишкинымъ. Она проводила его за ворота.

— Пріѣду какъ-нибудь въ другой разъ...— глухо проговорилъ старикъ, усаживаясь въ свои пошевенки. — А теперь мутитъ меня... Говорить-то объ ней даже не могу. Ну, прощай...

Такъ Ѳеня и осталась на Фотьянкѣ. Баушка Лукерья нѣсколько дней точно не замѣчала ея: придетъ въ избу, дѣлаетъ какое-нибудь свое старушечье дѣло, а на Ѳеню и не взглянетъ.

— Баушка, родненькая, мнѣ страшно... — нѣсколько разъ повторяла Ѳеня, когда старуха собиралась уходить.

— Страшнѣе того, что сама надѣлала, не будетъ...

Горько расплакалась Ѳеня всего одинъ разъ, когда братъ Яша привезъ ей изъ Балчугова ея дѣвичье приданое. Снимая съ себя раскольничій косоклинный сарафанъ, подаренный богоданной матушкой Маремьяной, она точно навѣки прощалась со своей тайболовской жизнью. Ахъ, какъ было ей горько и тошно, особенно вспоминаючи любовныя рѣчи Акинфія Назарыча... Гдѣ-то онъ теперь, милъ-сердечный другъ? Принесутъ ему ея дареное платье, какъ съ утопленницы. Баушка Лукерья поняла дѣвичье горе, нахмурилась и сурово сказала:

— Не о себѣ ревешь, непутевая... Перестань дурить. То-то ваша дѣвичья совѣсть... Недаромъ слово молвится: до порога.

— Хошь бы я словечко одно ему сказала...—плакала Оеня.—За привѣтъ, да за ласку, да за его любовь...

— Очень ужъ просты на любовь-то мужики эти самые, — ворчала старуха, свертывая дареное платье.—Имъ вѣдь чужого-то вѣка не жаль, только бы свое получить. Не бойся, утѣшится твой-то съ какой-нибудь кержанкой. Не стало вашего брата, дѣвокъ... А ты у меня пореви, на поклоны поставлю.

Хотѣла Оеня повидать Яшу, чтобы съ нимъ послать Акинфію Назарычу поклончикъ, да баушка Лукерья не пустила, а опять затворила въ задней избѣ. Горько убивалась Оеня, точно ее живую похоронили на Фотьянкѣ.

Баушка Лукерья жила въ задней избѣ одна, и, когда легли спать, она, чтобы утѣшить чѣмъ-нибудь Оеню, начала разсказывать про прежнюю „казенную жизнь“: какъ она съ сестрой Марѳой Тимоѳеевной жила „за помѣщикомъ“, какъ помѣщикъ обижалъ своихъ дворовыхъ дѣвушекъ, какъ сестра Марѳа Тимоѳеевна не стерпѣла поруганья и подожгла барскій домъ.

— А стыда-то, стыда сколько напринимались мы въ дѣвичьей,—разсказывалъ въ темнотѣ баушкинъ голосъ.—Сегодня одна, завтра другая... Конечно, подневольное наше дѣвичье дѣло было, а пригнали насъ на каторгу въ Балчуги, тутъ покойничекъ Антонъ Лазаричъ лакомство свое тѣшилъ. Такъ это все грѣхъ подневольный, за который и взыску нѣтъ: чего съ каторжанокъ взять. А и тутъ, какъ вышли на поселенье, посмотри-ка, какія бабы вышли: ни про одну худого слова не молвятъ. И ни одной такой-то не нашлось, чтобы польстилась въ другую вѣру уйти... Терпѣть—терпѣли всячину, а этого не было. И Бога не забывали и въ свою православную церковь ходили... Только и радости было, что одна церковь, когда каторгу отбывали. Родная мать наша была церковь-то православная: сколько, бывало, поплачемъ да помолимся, столько и поживемъ. Вотъ это какое дѣло... расейскій народъ крѣпкій, не то, что здѣшніе.

Оеня внимательно слушала неторопливую баушкину рѣчь и проникалась прошлымъ страшнымъ горемъ, какое баушка принесла изъ далекой Расеи сюда, на каторгу. Съ дѣтства она слышала всѣ эти разсказы, но сейчасъ баушка Лукерья гнула свое, стороной обвиняя Оеню въ измѣнѣ православію. Послѣднее испугало Оеню, особенно когда баушка Лукерья сказала:

— А ты того не подумала, Оеня, что родился бы у тебя младенецъ, и потащила бы Маремьяна къ старикамъ да къ своимъ старухамъ крестить? Развѣ ихнее крещенье правильное: загубила бы Маремьяна ангельскую душеньку — только и всего. Какой бы ты грѣхъ на свою душу приняла?.. Другая дѣвушка не сохранитъ себя, — вонъ какой у насъ народъ на промыслахъ!—разродится младенцемъ, а все-таки младенецъ крещеный будетъ... Стыдъ-то свой дѣвичій сама износитъ, а младенческую душеньку ухранитъ. А того ты не подумала, что у тебя народилось бы человѣкъ пять ребятъ, тогда какъ?..

— Баушка, миленькая, я думала, что... Очень ужъ любитъ меня Акинфій-то Назарычъ, можетъ, онъ и повернулся бы въ нашу православную вѣру. Думала я объ этомъ и день и ночь...

— А Маремьяна?.. Нѣтъ, голубушка, при живности старухи нечего было тебѣ и думать. Пустое это дѣло, закостенѣла она въ своей старой вѣрѣ...

— А ежели Маремьяна умретъ, баушка? Не два вѣка она будетъ жить...

— Тогда другой разговоръ... Только старые люди сказывали, что свинья не родитъ бобра. Понадѣялась ты на любовныя рѣчи своего Акинфія Назарыча прежде времени...

Каждый вечеръ происходили эти тихія любовныя рѣчи, и Ѳеня все больше проникалась сознаніемъ правоты баушки Лукерьи. А съ другой стороны, ее тянуло въ Тайболу мертвой тягой: свернулась бы птицей и полетѣла... Хоть бы одинъ разъ взглянуть, что̀ тамъ дѣлается!

Ровно черезъ недѣлю Кожинъ разыскалъ, гдѣ была спрятана Ѳеня, и верхомъ пріѣхалъ въ Фотьянку. Сначала, для отвода глазъ, онъ завернулъ въ кабакъ, будто собирается золото искать въ Кедровской дачѣ. Поговорилъ онъ кой съ кѣмъ изъ мужиковъ, а потомъ послалъ за Петромъ Васильичемъ. Тотъ не заставилъ себя ждать и, какъ увидѣлъ Кожина, сразу смекнулъ, въ чемъ дѣло. Чтобы не выдать себя, Петръ Васильичъ съ часъ ломалъ комедію и сговаривался съ Кожинымъ о золотѣ.

— Пойдемъ-ка ко мнѣ, Акинфій Назарычъ,—пригласилъ онъ наконецъ смущеннаго Кожина,—можетъ, дома-то лучше сговоримся...

Свою лошадь Кожинъ оставилъ у кабака, а самъ пошелъ пѣшкомъ.

— Вотъ что̀, другъ милый,—заговорилъ Петръ Васильичъ,—зачѣмъ ты пріѣхалъ—твое дѣло, а только смотри, чтобы тихо и смирно. Все отъ матушки будетъ: допуститъ тебя или не допуститъ. Такъ и знай...

— Тише воды, ниже травы буду, Петръ Васильичъ, а твоей услуги не забуду...

— То-то, уговоръ на берегу. Другое тебѣ слово скажу: напрасно ты пріѣхалъ. Я такъ мекаю, что матушка повернула Ѳеню на свою руку... Бабы это умѣютъ дѣлать: тихими словами какъ примется наговаривать, да какъ слезами учнетъ донимать—хуже обуха.

Сначала Петръ Васильичъ пошелъ и предупредилъ мать. Баушка Лукерья встрепенулась вся, но раскинула умомъ и велѣла позвать Кожина въ избу. Тотъ вошелъ такой убитый да смиренный, что ей вчужѣ сдѣлалось его жаль. Онъ поздоровался, присѣлъ на лавку и заговорилъ, будто пріѣхалъ въ Фотьянку нанимать рабочихъ для заявки.

— Вотъ что̀, Акинфій Назарычъ, золото-то ты свое ужъ оставь, — обрѣзала бабушка Лукерья. — Захотѣлъ Ѳеню повидать? Такъ и говори... Прямое дерево вѣтру не боится. Я ее сейчасъ позову.

У Кожина захолонуло на душѣ: онъ не ожидалъ, что все обойдется такъ просто. Пока баушка Лукерья ходила въ заднюю избу за Ѳеней, прошла цѣлая вѣчность. Петръ Васильичъ стоялъ неподвижно у печи, а Кожинъ сидѣлъ на лавкѣ, низко опустивъ голову. Когда скрипнула дверь, онъ весь вздрогнулъ. Ѳеня остановилась въ дверяхъ и не шла дальше.

— Ѳеня...—зашепталъ Акинфій Назарычъ, дѣлая шагъ къ ней.

— Не подходи, Акинфій Назарычъ...—остановила она.—Что̀ тебѣ нужно отъ меня?

Кожинъ остановился, посмотрѣлъ на Ѳеню и проговорилъ:

— Одно я хотѣлъ спросить тебя, Ѳедосья Родіоновна: своей ты волей попала сюда, или неволей?

— Попала неволей, а теперь живу своей волей, Акинфій Назарычъ... Спасибо за любовь да за ласку, а въ Тайболу я не поѣду, ежели...

Она остановилась, перевела духъ и тихо прибавила:

— Хочу, чтобы все по нашей вѣрѣ было...

Эти слова точно пошатнули Кожина. Онъ сѣлъ на лавку, закрылъ лицо руками и заплакалъ. Петръ Васильичъ крякнулъ, баушка Лукерья стояла въ уголкѣ, опустивъ глаза. Ѳеня вся побѣлѣла, но не сдѣлала шагу. Въ избѣ раздавались только глухія рыданія Кожина. Еще бы одно мгновеніе, и

она бросилась бы къ нему, но Кожинъ въ этотъ моментъ поднялся съ лавки, выпрямился и проговорилъ:

— Богъ тебѣ судья, Ѳедосья Родіоновна... Не такъ у меня было удумано, не такъ было сложено, душу ты во мнѣ повернула.

— Зачѣмъ ты ее сомущаешь?—остановила его баушка Лукерья.—Она про свою голову промышляетъ...

Кожинъ посмотрѣлъ на старуху, ударилъ себя кулакомъ въ грудь и какъ-то простоналъ:

— Баушка, не мнѣ тебя учить, а только большой отвѣтъ ты принимаешь на себя...

— Ладно, я еще сама съ тобой поговорю... Ѳеня, ступай къ себѣ.

Разговоръ оказался короче воробьинаго носа: баушка Лукерья говорила свое, Кожинъ свое. Онъ не стыдился своихъ слезъ и только смотрѣлъ на старуху такими страшными глазами.

— Не о чемъ, видно, намъ разговаривать-то,—рѣшилъ онъ, прощаясь.—Пропадай, голова, ни за грошъ ни за копеечку!

Когда Кожинъ вышелъ изъ избы, баушка Лукерья тяжело вздохнула и проговорила:

— Хорошъ мужикъ, кабы не старуха Маремьяна.

IV.

Кишкинъ не терялъ времени даромъ и дѣлалъ два дѣла за-разъ. Во-первыхъ, онъ закончилъ громадный доносъ на бывшее казенное управленіе Балчуговскихъ промысловъ, надъ которымъ работалъ года три самымъ тщательнымъ образомъ. Нужно было собрать фактическій матеріалъ, обставить его цифровыми данными, иллюстрировать свидѣтельскими показаніями и вывести заключенія,—все это онъ исполнилъ съ добросовѣстностью озлобленнаго человѣка. Во-вторыхъ, нужно было подготовить все къ заявкѣ пріиска въ Кедровской дачѣ, а это требовало и времени и умѣнья.

Когда-то у Кишкина былъ свой домъ и полное хозяйство, а теперь ему приходилось жаться на квартирѣ, въ одной каморкѣ, заваленной всевозможнымъ хламомъ. Стяжатель по натурѣ, Кишкинъ тащилъ въ свою каморку рѣшительно все, что̀ могъ достать тѣмъ или другимъ путемъ,—старую газету, которую выпрашивалъ почитать у кого-нибудь изъ компанейскихъ служащихъ, желѣзный крюкъ, найденный на дорогѣ, образцы разныхъ горныхъ породъ и т. д. Въ одномъ уголкѣ стоялъ завѣтный деревянный шкапикъ, занятый матеріалами для доноса. По ночамъ долго горѣла жестяная лампочка въ этой каморкѣ, и Кишкинъ строчилъ свою роковую повѣсть о „казенномъ времени“. Въ этомъ доносѣ сосредоточивалась вся его жизнь. Онъ переписывалъ его нѣсколько мѣсяцевъ, выводя старческимъ убористымъ почеркомъ одну строку за другой, какъ паукъ ткетъ свою паутину. Когда работа была кончена, Кишкинъ набожно перекрестился: онъ вылилъ всю свою душу, все, чѣмъ наболѣлъ въ дни своего захуданія.

— Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ!—говорилъ онъ вслухъ и ехидно хихикалъ, закрывая ротъ рукой.—Что̀ такое теперь Кишкинъ: ничтожность! пыль!.. послѣдній человѣкъ!.. Хи-хи-хи!.. И вдругъ вотъ этотъ самый Кишкинъ всѣхъ и достигнетъ... всѣхъ!.. Э, голубчики, будетъ: пожили, порадовались—надо и честь знать. Поди, думаютъ, что все ужъ умерло и быльемъ поросло, а тутъ вдругъ сюрпризецъ... Пожалуйте на пугундеръ, имя рекъ! Хи-хи... Вы въ коляскахъ катаетесь, а Кишкинъ пѣшкомъ ходитъ. Вы въ палатахъ по-

живаете, а Кишкинъ въ норѣ гніетъ... Погодите, всѣхъ выведу на свѣжую воду! Будете помнить Кишкина.

Цѣлую ночь не спалъ старый лебедникъ и все ходилъ по комнатѣ, разговаривая вслухъ и хихикая такъ, что вдова-хозяйка рѣшила про себя, что жилецъ свихнулся.

Захвативъ свое произведеніе, свернутое трубочкой, Кишкинъ пѣшкомъ отправился въ городъ, до котораго отъ Балчуговскаго завода считалось около двѣнадцати верстъ. Дорога проходила черезъ Тайболу. Кишкинъ шелъ такой радостный, точно помолодѣлъ лѣтъ на двадцать, и все улыбался, прижимая рукопись къ сердцу. Вотъ она, голубушка... Тепленькое дѣльце заварится. Дорого бы дали вотъ за эту бумажку тѣ самые, которые сейчасъ не подозрѣваютъ даже о его существованіи. „Какой Кишкинъ?..“ Х-ха, вотъ вамъ и какой: добренькій, старенькій, бѣдненькій... Пѣшечкомъ идетъ Кишкинъ и несетъ вамъ гостинецъ.

Въ городѣ Кишкинъ зналъ всѣхъ и поэтому прямо отправился въ квартиру прокурора. Его заставили подождать въ передней. Прокуроръ, пожилой важный господинъ, отнесся къ нему совсѣмъ равнодушно и, сунувъ жалобу на письменный столъ, сказалъ, что разсмотритъ ее.

— Ничего, я подожду, ваше высокоблагородіе,— смиренно отвѣчалъ Кишкинъ, предвкушая въ недалекомъ будущемъ иныя отношенія вотъ со стороны этого важнаго чина.—Маленькій человѣкъ... Подожду.

Отъ прокурора Кишкинъ прошелъ въ горное правленіе, въ такъ называемый „золотой столъ“, за которымъ въ свое время вершились большія дѣла. Когда-то завѣтной мечтой Кишкина было попасть въ это обѣтованное мѣсто, но такъ и не удалось: „золотой столъ“ находился въ вѣдѣніи одной горной фамиліи вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, и чужому человѣку здѣсь дѣлать было нечего. А тепленькое мѣстечко... Въ горныхъ дѣлахъ царила фамилія Каблуковыхъ: старшій братъ, Илья Ѳедотычъ, служилъ секретаремъ при канцеляріи горнаго начальника, а младшій, Андрей Ѳедотычъ, столоначальникомъ „золотого отряда“. Около нихъ ютилась безчисленная родня. Собственно братья Каблуковы были близнецы, и разница въ рожденіи заключалась всего въ нѣсколькихъ часахъ. Въ нихъ была вся сила, а горные инженеры и разное начальство служили только для декораціи.

— Ну что, Андронъ Евстратычъ?—спрашивалъ младшій Каблуковъ, съ которымъ въ богатое время Кишкинъ былъ даже въ дружбѣ и чуть не женился на его родной сестрѣ, конечно, съ тайной цѣлью хотя этимъ путемъ проникнуть въ роковой кругъ.—Каково прыгаешь?

— Да вотъ думаю золотишко искать въ Кедровской дачѣ.

— Развѣ лишнія деньги есть?

— На мои сиротскія слезы, можетъ, Богъ и пошлетъ счастья...

— Что же, давай Богъ нашему теляти волка поймати. Подавай заявку, а отводъ сейчасъ будетъ готовъ. По старой дружбѣ все устроимъ...

— Знаю я вашу дружбу...

Андрей Ѳедотычъ былъ добродушный и веселый человѣкъ и любилъ пошутить, вызывая скрытую зависть Кишкина: хорошо шутить, когда въ банкѣ тысячъ пятьдесятъ лежитъ. Старшій братъ, Илья Ѳедотычъ, наоборотъ, былъ очень мрачный субъектъ и не любилъ болтать напрасно. Онъ являлся главной силой, какъ старый дѣлецъ, знавшій всѣ ходы и выходы сложнаго горнаго хозяйства. Кишкина онъ принималъ всегда сухо, но на этотъ разъ отвелъ его въ сосѣднюю комнату и строго спросилъ:

— Ты это что̀ сбѣсился, Андрошка?

— А что̀?

— А вотъ это самое... Думаешь, мы и не знаемъ? Все знаемъ, не безпокойся. Кляузы-то свои пора тебѣ оставить.

— Не поглянулось?..

— Да ты чему радуешься-то, Андрошка? Знаешь поговорку: взвыла собака на свою голову. Такъ и твое дѣло. Ты еще не успѣлъ подумать, а я ужъ все знаю. Пустой ты человѣкъ, и больше ничего.

Кишкинъ смотрѣлъ на Илью Ѳедотыча и только ухмылялся: вотъ этотъ впередъ всѣхъ догадался... Его не проведешь.

— Вотъ что̀, Илья Ѳедотычъ,—заговорилъ Кишкинъ дѣловымъ тономъ,—теперь ужъ поздно намъ съ тобой разговаривать. Сейчасъ только отъ прокурора.

— Ахъ, песъ!..

— Вотъ тебѣ и песъ... Такой ужъ уродился. Раньше-то я за вами ходилъ, а теперь ужъ вы за мной походите. И похо̀дите, даже очень похо̀дите... А пока что̀, думаю заявочку въ Кедровской дачѣ сдѣлать.

— Не дадимъ,—коротко отрѣзалъ Илья Ѳедотычъ.

— Нѣтъ, дашь...—такъ же коротко отвѣтилъ Кишкинъ и ухмыльнулся.—Въ нѣкоторое время еще могу пригодиться. Не пошелъ бы я къ тебѣ, кабы не моя сила. Давно бы мнѣ такъ-то догадаться...

Илья Ѳедотычъ съ изумленьемъ посмотрѣлъ на Кишкина: передъ нимъ, дѣйствительно, былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Великій горный дѣлецъ подумалъ, пожалъ плечами и рѣшилъ...

— Ну, чортъ съ тобой, дѣлай заявку...

Эта ничтожная по своимъ размѣрамъ побѣда для Кишкина являлась предвѣстникомъ его возрожденія: самъ Илья Ѳедотычъ трухнулъ передъ нимъ, а это что-нибудь значитъ.

Вернувшись въ Балчуговскій заводъ, Кишкинъ принялся за дѣло.

Конецъ апрѣля выдался теплый и ясный. Компанейскія работы уже шли полнымъ ходомъ, главнымъ образомъ за Фотьянкой, гдѣ по обоимъ берегамъ Балчуговки залегали богатѣйшія розсыпи. Въ виду наступленія перваго мая поисковыя партіи сосредоточивались въ Фотьянкѣ, потому что отсюда до грани Кедровской дачи было рукой подать, т.-е. всего верстъ двѣнадцать. Первымъ на Фотьянку явился знаменитый скупщикъ Ястребовъ и занялъ квартиру въ лучшемъ домѣ, именно у Петра Васильича. Баушка Лукерья не хотѣла его пускать изъ страха передъ Родіономъ Потапычемъ, но Петръ Васильичъ, жадный до денегъ, такъ взъѣлся на мать, что старуха не устояла.

— Что̀ мы развѣ невольники какіе для твоего Родіона-то Потапыча?—выкрикивалъ Петръ Васильичъ.—Ему хорошо, такъ и другимъ тоже надо... Какъ собака лежитъ на сѣнѣ: самъ не ѣстъ и другимъ не даетъ. Продался каппаніи и знать ничего не хочетъ... Захудалъ народъ вконецъ, взять хоть нашу Фотьянку, а кто цѣны-то ставитъ? У него лишняго гроша никто еще не заработалъ...

— По кабакамъ бы меньше пропивали!

— Кабакъ тутъ не причина, маменька... Подшибся народъ вконецъ, вотъ изъ послѣднихъ и каппанятся по кабакамъ. Все одно за каппаніей-то пропадомъ пропадать... И наше дѣло взять: какая намъ такая печаль до Родіона Потапыча, когда съ Ястребова ты въ мѣсяцъ цалковыхъ пятнадцать

получишь. Такого случая не скоро дождешься... Въ другой разъ Кедровскую дачу не будемъ открывать.

Старуха сдалась, потому что на Фотьянкѣ деньги стоили дорого. Ястребовъ, дѣйствительно, далъ пятнадцать рублей въ мѣсяцъ да еще сказалъ, что будетъ жить только наѣздомъ. Пріѣхалъ Ястребовъ на тройкѣ въ своемъ тарантасѣ и произвелъ на всю Фотьянку большое впечатлѣніе, точно этимъ пріѣздомъ открывалась въ исторіи кондоваго варнацкаго гнѣзда новая эра. Держалъ себя Ястребовъ настоящимъ бариномъ и сыпалъ деньгами направо и налѣво.

— Ну, баушка, будемъ жить-поживать да добра наживать, — весело говорилъ онъ, располагая свои пожитки въ чистой горницѣ.

— А я тебѣ вотъ что скажу, Никита Яковличъ,—отвѣтила старуха,— жить живи себѣ на здоровье, а только боюсь я...

— Чего испугалась-то прежде времени, баушка?

— Да какъ же, начнешь золото скупать... И насъ засудятъ.

Ястребовъ засмѣялся.

— Ну, этого у меня заведенья не полагается, баушка, — успокоилъ онъ,—у меня одинъ законъ для всѣхъ: кто изъ рабочихъ только носъ покажетъ съ краденымъ золотомъ—шабашъ. Чтобы и духу его не было... У меня строго, баушка.

— То-то, миленькій, смотри...

— Въ оба глядимъ, баушка, гдѣ плохо лежитъ, — пошутилъ Ястребовъ и даже похлопалъ старуху по плечу.—Не бойся, а только живи веселѣе,— скорѣе повѣсятъ...

— Съ тобой, съ разговоромъ, и то повѣсятъ...

Веселый характеръ опаснаго жильца понравился старухѣ, и она махнула на Родіона Потапыча.

Появленіемъ Ястребова въ домѣ Петра Васильича больше всѣхъ былъ огорченъ Кишкинъ. Онъ разсчитывалъ устроить въ избѣ главную резиденцію, а теперь пришлось занять просто баню, потому что въ задней избѣ жила сама баушка Лукерья съ Ѳеней.

— Ну, это не фасонъ, Петръ Васильичъ,— ворчалъ Кишкинъ.—Ты что раньше-то говорилъ: „У меня въ избѣ живите, какъ дома“, „у меня вольготно“, а самъ пустилъ Ястребова.

— Ахъ, Андронъ Евстратычъ, не я пустилъ, а мамынька, — оправдался Петръ Васильичъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

— Не ври ужъ въ глаза-то, а то еще какъ разъ подавишься...

Такимъ образомъ баня сдѣлалась главнымъ сборнымъ пунктомъ будущихъ милліонеровъ, и сюда же натащили разную пріисковую снасть, необходимую для развѣдки: ручной вашгердъ, насосъ, скребки, лопаты, койлы, пробный ковшъ и т. д. Кишкинъ отобралъ заблаговременно паспорта у своей партіи и предъявилъ въ волость, что требовалось по закону. Всѣ остальные слѣпо повиновались Кишкину, какъ главному коноводу.

Канунъ перваго мая для Фотьянки прошелъ въ какомъ-то чаду. Вся деревня поднялась на ноги съ ранняго утра, а изъ Балчуговскаго завода такъ и подваливала одна партія за другой. Золотопромышленники ѣхали отдѣльно въ своихъ экипажахъ парами. Около обѣда вокругъ кабака Фролки выросъ цѣлый таборъ. Кишкинъ толкался на народѣ и прислушивался, о чемъ галдятъ.

— Это твоя работа, анаѳема!..—корилъ Кишкинъ Мыльникова, котораго брали на разрывъ.—Вотъ сколько народу обовралъ...

— Былъ такой грѣхъ, Андронъ Евстратычъ, въ городу деньги легкія... Пусть потѣшится.

Къ обѣду пригналъ самъ Ермошка, повернулся въ кабакѣ, а потомъ отправился къ Ястребову и долго о чемъ-то толковалъ съ нимъ, плотно притворивъ дверь. Къ вечеру вся Фотьянка сразу опустѣла, потому что партій тридцать выступили по единственной дорогѣ въ Кедровскую дачу, которая изъ Фотьянки вела на Мелединскій кордонъ. Это былъ настоящій походъ, точно двигалась какая-нибудь армія. Золотопромышленники ѣхали верхомъ, потому что въ весеннюю распутицу на колесахъ здѣсь не было хода, а рабочіе шли пѣшкомъ. Партія Кишкина выступила одной изъ послѣднихъ. Задержалъ Мыльниковъ, пропавшій въ самую критическую минуту,—его едва разыскали. Онъ вообще что-то хитрилъ.

— Ты у меня, оборотень, смотри!..—пригрозилъ Кишкинъ, вошедшій въ роль заправилы.—Въ лѣсу-то одинъ Никола богъ: расчетъ мелкими дадимъ.

Партія составлена была изъ слѣдующихъ лицъ: Кишкинъ, Петръ Васильичъ, Мыльниковъ, Яша, Мина Клейменый, Турка и Матюшка. Настоящимъ работникомъ былъ одинъ Матюшка да развѣ Петръ Васильичъ съ Мыльниковымъ, а остальные больше для счета. Впрочемъ, пріисковая работа требовала большой сноровки, и старики могли отвѣтить за молодыхъ. Собственно вожакомъ служилъ Мина Клейменый, а другіе только провѣряли его. Въ хвостѣ партіи плелась Окся, взятая по общему соглашенію для счастья. Эта была единственная баба на всѣ поисковыя партіи, что̀ замѣтно шокировало настоящихъ мужиковъ, какъ Матюшка, дѣлавшій видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ Оксю.

— Ты, дѣдушка, не ошибись,—упрашивалъ Кишкинъ.—Тоже не молодое твое мѣсто... Можетъ, и запамятовалъ мѣсто-то?

— Чего его запамятовать-то? — обижался Мина. — Какъ перейдемъ Ледянку, сейчасъ тебѣ вправо выпадетъ дорога на Мелединскій кордонъ, а мы повернемъ влѣво, къ Каленой горѣ...

— Да вѣдь ты про Миляевъ мысъ сказывалъ-то?

— Ахъ, какой же ты, братецъ мой, непонятный: ну, тутъ тебѣ и есть Миляевъ мысъ, потому какъ Мутяшка упала въ Меледу подъ самой Каленой горой.

— Смотри, старый, не ошибись...

Кишкинъ ужасно волновался и подозрительно оглядывалъ каждаго встрѣчнаго.

— А гдѣ же Ястребовъ-то?—спохватился онъ.—Ахъ, батюшки... Какъ разъ онъ нагонитъ насъ да по нашимъ слѣдамъ и пойдетъ.

— Чай остался пить съ Ермошкой... — объяснилъ уклончиво Петръ Васильичъ.

Кедровская дача занимала громадную площадь въ четыреста тысячъ десятинъ и изъ одного угла въ другой была перерѣзана рѣкой Меледой, впадавшей въ Балчуговку верстахъ въ двадцати ниже Фотьянки. Вся дача состояла изъ непроходимыхъ болотъ и дремучаго лѣса. Единственнымъ живымъ пунктомъ былъ кордонъ на Меледѣ, гдѣ зиму и лѣто жилъ лѣсникъ. Въ Меледу впадалъ цѣлый рядъ болотныхъ рѣчекъ, какъ Мутяшка, Генералка, Ледянка, Свистунья и Суходойка. Застоявшаяся болотная вода этими рѣчонками выливалась въ Меледу. Мѣста были все глухія, куда выѣзжали только осенью „шишковать“, т.-е. собирать шишки по кедровникамъ. Дорога въ верхотинахъ Суходойки и Ледянки была еще въ казенное время правлена и получила названіе Маяковой слани,—это была сейчасъ самая скверная часть

пути, потому что мостовины давно сгнили, и приходилось людямъ и лошадямъ брести по вязкой грязи, въ которой плавали гнилыя мостовины. Про Маякову слань разсказывали нехорошія вещи: блазнило здѣсь и глаза отводило, если кто оробѣетъ. Передъ Маяковой сланью партіи дѣлали первую передышку, а часть отправилась на заявки внизъ по Суходойкѣ.

— Это твоя работа... — шутилъ Кишкинъ, показывая Мыльникову на пробитую по берегу Суходойки сажу.—Спасибо тебѣ скажутъ.

На Маяковой слани партія Кишкина „затемнала“, и пришлось брести въ темнотѣ по страшному мѣсту. Особенно доставалось несчастной Оксѣ, которая постоянно спотыкалась въ темнотѣ и нѣсколько разъ чуть не растянулась въ грязь. Мыльниковъ брелъ по грязи за ней и въ критическихъ мѣстахъ толкалъ ее въ спину чернемъ лопаты.

— Ну, ты, скотинка Богова...—ворчалъ онъ.—Вѣдь уродится же этакая тварина!

У конца Маяковой слани, гдѣ шла повертка на кордонъ, партія остановилась для совѣщанія. Отсюда къ Каленой горѣ приходилось итти прямо лѣсомъ.

— Мина, смотри, не ошибись! — кричали голоса.—Кабы на Малиновку не изгадать...

Рѣка Малиновка была правымъ притокомъ Мутяшки, о ней тоже ходили нехорошіе слухи. Когда партія двинулась въ лѣсъ, произошло нѣкоторое обстоятельство, невольно смутившее всѣхъ.

— Тятька, кто-то на вершной проѣхалъ,—заявила Окся, показывая на повертку къ кордону.—Остановился, поглядѣлъ и поѣхалъ...

— Да куда поѣхалъ-то, чучело гороховое?

— А за вами...

Кишкину тоже показалось, что кто-то „слѣдитъ“ за партіей на извѣстномъ разстояніи.

V.

Ночь на первое мая была единственной въ лѣтописяхъ золотопромышленности: Кедровскую дачу брали приступомъ, точно кладь. Всѣхъ партій по теченію Меледы и ея притоковъ сошлось больше сотни, и стономъ стонъ стоялъ. Ровно въ двѣнадцать часовъ начали копать заявочныя ямы и ставить столбы. Главная работа загорѣлась подъ Каленой горой, гдѣ сошлось нѣсколько поисковыхъ партій, кромѣ партіи Кишкина; очутился здѣсь и Ястребовъ, и кабатчикъ Ермошка, и мѣщанинъ Затыкинъ, и еще какіе-то никому невѣдомые люди, нагнавшіе изъ города. Всѣмъ хотѣлось захватить получше мѣстечко на Мутяшкѣ, о которой Мыльниковъ распустилъ самые невѣроятные слухи. На Миляевомъ мысу, гдѣ Кишкинъ предполагалъ сдѣлать заявку, произошла настоящая битва. Когда Кишкинъ пришелъ съ партіей на мѣсто, то на Миляевомъ мысу уже стояли заявочные столбы мѣщанина Затыкина, успѣвшаго предупредить всѣхъ остальныхъ.

— Руби столбы, ребята!—командовалъ Кишкинъ, размахивая руками.—До двѣнадцати часовъ поставлены... Не по закону!

— Врешь, у тебя часы переведены! — кричалъ Затыкинъ, показывая свои серебряные часы.—Не тронь мои столбы...

Поднялся шумъ и гвалтъ... Матюшка безъ разговоровъ выворотилъ затыкинскій столбъ и поставилъ на его мѣсто свой. Рабочіе Затыкина бросились на Матюшку. Произошла настоящая свалка, причемъ громче всѣхъ раздавался голосъ Мыльникова:

— Батюшки, убили!.. Родимые, пустите душу на покаяніе!..

Темнота увеличивала суматоху. Свои не узнавали своихъ, а лѣсная тишь огласилась неистовыми криками, руганью и ревомъ. Въ заключеніе появился Ястребовъ, пріѣхавшій верхомъ.

— Что за драка? — крикнулъ онъ. — Убирайтесь вонъ съ моего мѣста, дураки!..

— Давно ли оно твоимъ-то стало?—огрызался Кишкинъ охрипшимъ отъ крика и ругани голосомъ.—Проваливай въ палевомъ, проходи въ голубомъ...

Ястребовъ замахнулся на Кишкина нагайкой, но во-время остановился.

— Ну, ударь?!..—ревѣлъ Кишкинъ, наступая.—Ну?.. Не испугались... Да. Ударь!.. Не смѣешь при свидѣтеляхъ-то безобразіе свое показать...

— Не хочу!—отрѣзалъ Ястребовъ.—Вы въ моей заявкѣ столбы-то ставите... Вотъ я васъ и уважу...

— Н-но-о?

— Да ужъ видно такъ... Я зачертилъ Миляевъ мысъ отъ самой Каленой горы: какъ разъ пять верстъ вышло, какъ по закону для отвода назначено.

— Андронъ Евстратычъ, надо полагать, Ермошка бросился съ заявкой на Фотьянку, а Ястребовъ для отвода глазъ смутьянитъ, — шопотомъ сообщилъ Мыльниковъ. — Вѣрно говорю... Долженъ онъ быть здѣсь, а его нѣтъ.

Кишкинъ остолбенѣлъ: конечно, Ястребовъ перехитрилъ и заслалъ Ермошку впередъ, чтобы записать свою заявку раньше всѣхъ. Вотъ такъ дали маху, нечего сказать...

— Вотъ что, Мыльниковъ, валяй и ты въ Фотьянку, — шепнулъ Кишкинъ,—можетъ, скорѣе придешь... Да не заплутайся на Маяковой слани, гдѣ повертка на кордонъ.

— Ужъ и не знаю, какъ мнѣ быть... Боязно одному-то. Кабы Матюшка...

— Я вотъ покажу тебѣ Матюшку, оборотню!—пригрозилъ Кишкинъ.— Лупи во всѣ лопатки...

— А какъ же, напримѣръ, Окся?

— Ну тебя къ чорту вмѣстѣ и съ твоей Оксей...

Когда взошло солнце, оно освѣтило собравшіяся на Миляевомъ мысу партіи. Онѣ сбились кучками, каждая у своего огонька. Всѣ устали послѣ ночной схватки. Рабочіе улеглись спать, а бодрствовали одни хозяева, которымъ было не до сна. Они зорко слѣдили другъ за другомъ, какъ слетѣвшіяся на добычу хищныя птицы. Кишкинъ сидѣлъ у своего огня и вполголоса бесѣдовалъ съ Миной Клейменымъ.

— Такъ гдѣ казенные-то ширпы были?—допытывался онъ.

— А вонъ туда, къ самой горѣ...

— И старецъ тамъ лежалъ подъ елочкой?..

— Тамъ... Теперь мѣста-то и не узнаешь. Ужо казенные ширпы разыщемъ...

— Ну, а какъ насчетъ свиньи полагаешь? — уже совсѣмъ шопотомъ спрашивалъ Кишкинъ.—Гдѣ ее старецъ-то обозначилъ?..

— Да прямо онъ ничего не сказалъ, а только этакъ махнулъ рукою на Мутяшку...

— На Мутяшку?.. И черезъ дѣвицу, говоритъ, ищите?

— Это онъ вообще насчетъ золота..

— Значитъ, и о свиньѣ тоже, потому какъ она золотая?..

— Можетъ статься... Болотинка тутъ есть, за Каленой горой, такъ не тамъ ли это самое дѣло вышло.

— Да вѣдь ты говорилъ, что мужикъ въ лѣсу закопалъ свинью-то?

— Развѣ говорилъ? Ну, значитъ, въ лѣсу...

Окся еще спала, свернувшись клубочкомъ у огонька. Кишкинъ едва ее разбудилъ.

— Вставай ты, барышня... Возьму вотъ орясину да какъ примусь тебя обихаживать.

— Отстань!..—ворчала Окся, толкая Кишкина ногой.—Умереть не дадутъ...

Кишкину стоило невѣроятныхъ усилій поднять на ноги эту невѣжливую дѣвицу. Окся рѣшительно ничего не понимала и глядѣла на своего мучителя совсѣмъ дикими глазами. Кишкинъ схватилъ ее за руку и потащилъ за собой. Мина Клейменый пошелъ за ними. Никто изъ партіи не слыхалъ, какъ они ушли, за исключеніемъ Петра Васильича, который притворился спящимъ. Онъ вообще держалъ себя какъ-то странно и во время ночной схватки даже голосу не подалъ, точно воды въ ротъ набралъ. Фотьянскій дипломатъ убѣдился въ одномъ, что изъ ихъ предпріятія рѣшительно ничего не выйдетъ. Съ другой стороны, онъ не вѣрилъ ни одному слову Кишкина и, когда тотъ увелъ Оксю, потихоньку отправился за ними, чтобы выслѣдить все дѣло.

— Одинъ, видно, заполучить свинью захотѣлъ,—возмущался Петръ Васильичъ, продираясь сквозь чащу.—То-то прохирь: хлѣбцемъ вмѣстѣ, а табачкомъ врозь... Нѣтъ, погоди, братъ, не на таковскихъ напалъ.

Съ другой стороны, его смѣшило, какъ Кишкинъ тащилъ Оксю по лѣсу, точно свинью за ухо. А Мина Клейменый привелъ Кишкина сначала къ обвалившимся и заросшимъ лѣсомъ казеннымъ развѣдкамъ, потомъ показалъ мѣсто, гдѣ лежалъ подъ елкой старецъ, и наконецъ повелъ къ Мутяшкѣ.

— Ну, народецъ!..—ругался Петръ Васильичъ.—Все одинъ сграбастать хочетъ...

Ему приходилось дѣлать большіе обходы, чтобы не попасть на глаза Шишкѣ, а Мина Клейменый велъ все впередъ и впередъ своимъ ровнымъ старческимъ шагомъ. Петръ Васильичъ быстро утомился и даже вспотѣлъ. Наконецъ Мина остановился на краю круглаго болотца, которое выливалось ржавымъ ручейкомъ въ Мутяшку.

— Ну, ищи!.. — толкалъ Кишкинъ ничего не понимавшую Оксю. — Ну, чего уперлась-то, какъ пень?..

— Да я тебѣ развѣ собака далась?!—огрызнулась Окся, закрывая широкій ротъ рукой.—Ищи самъ...

— Ахъ, дура точеная... Добромъ тебѣ говорятъ!—наступалъ Кишкинъ, размахивая короткими ручками. — А то у меня, смотри, разговоръ короткій будетъ...

Окся неожиданно захохотала прямо въ лицо Кишкину, а когда онъ замахнулся на нее, такъ толкнула его въ грудь, что старикъ кубаремъ полетѣлъ на траву. Петръ Васильичъ зажалъ ротъ, чтобы не расхохотаться во все горло, но въ этотъ моментъ за его спиной раздался громкій смѣхъ. Онъ оглянулся и остолбенѣлъ: за нимъ стоялъ Ястребовъ и хохоталъ, схватившись руками за животъ.

— Ахъ, дураки, дураки!..—заливался Ястребовъ, качая головой.—То-то дураки-то... Другъ друга обманываютъ и другъ друга ловятъ. Ну, не дураки ли вы послѣ этого?..

— А ты проходи своей дорогой, Никита Яковличъ, — отвѣтилъ Петръ Васильичъ съ важностью,—дураки мы про себя, а ты, умный, не вязывайся.

— Боишься, что вашу свинью найду?

— Это ужъ не твоего ума дѣло...

Хохотъ Ястребова заставилъ Кишкина опять схватить Оксю за руку и утащить ее въ чашу. Мина Клейменый стоялъ на одномъ мѣстѣ и крестился.

— Съ нами крестная сила!—шепталъ онъ, закрывая глаза.

Когда они сошлись опять вмѣстѣ, Кишкинъ шопотомъ спросилъ старика:

— Слышалъ? Какъ *онъ* захохочетъ...

— Не поглянулось *ему*... Недаромъ старецъ-то сказывалъ, что зарокъ положенъ на золото. Вотъ *онъ* и хохочетъ...

— А у меня инда морозъ по кожѣ...

На мѣстѣ дѣйствія остались Ястребовъ и Петръ Васильичъ.

— Все я знаю, други мои милые,—заговорилъ Ястребовъ, хлопая Петра Васильича по плечу.— Бабьи бредни и запуки, а вы и вѣрите... Я еще пораньше про свинью-то слышалъ, посмѣялся—только и всего. Не положилъ—не ищи... А у тебя, Петръ Васильичъ, свинья-то золотая дома будетъ, ежели съ умомъ... Напрасно ты ввязался въ эту свою кампанію: ничего не выйдетъ, окромя того, что время убьете да прохарчитесь...

Петръ Васильичъ и самъ думалъ объ этомъ же, почесывая затылокъ, хотя признаться чужому человѣку и было стыдно.

— Ну, а какая дома-то свинья, Никита Яковличъ?

— А такая... Ты отъ своей-то кампаніи не отбивайся, Петръ Васильичъ, это первое дѣло, и будто мы съ тобой вздоримъ—это другое. Понялъ теперь?..

— Какъ будто и понялъ, какъ будто и нѣтъ...

— Ладно, ладно... Не валяй дурака. Развѣ съ другимъ бы я сталъ разговаривать объ этакихъ дѣлахъ?

Эта исторія съ Оксей сдѣлалась злобой промыслового дня. Кто ее распустилъ—такъ и осталось неизвѣстнымъ, но объ Оксѣ говорили на всѣ лады и на Миляевомъ мысу и на другихъ развѣдкахъ. Отчаянные промысловые рабочіе рады были случаю и складывали самые невозможные варіанты.

— Онъ, значитъ, Кишкинъ, на веревку привязалъ ее, Оксюху-то, да и волокетъ, какъ овцу... А Мина Клейменый идетъ за ней да сзади ее подталкиваетъ, „Ищи, слышь, Оксюха“... То-то идолы!.. Ну, подвели ее къ болотинѣ, а Шишка и скомандовалъ: „Ползи, Оксюха!“. То-то колдуны проклятые! Оксюха, извѣстно, дура: поползла, Шишка веревку держитъ, а Мина заговоръ наговариваетъ... И нашла бы вѣдь Оксюха-то, кабы *онъ* не захохоталъ. Учуяла Оксюха золотую свинью было совсѣмъ, а *онъ* какъ грянетъ, какъ захохочетъ...

Особенно приставалъ Петръ Васильичъ, обиженный тѣмъ, что Кишкинъ не взялъ его на поискъ свиньи.

— Ахъ, и нехорошо, Андронъ Евстратычъ! Все вмѣстѣ были, а какъ дошло дѣло до богачества—одинъ ты и остался. Ухватилъ бы свинью, только тебя и видѣли. Вотъ какая твоя деликатность, братецъ ты мой...

— Отстань, смола! — огрызился Кишкинъ.— Что пасть-то растворилъ шире баннаго окна?.. Найдешь съ вами, дураками!

Рабочіе хотя и потѣшались надъ Оксей, но въ душѣ всѣ глубоко вѣрили въ существованіе золотой свиньи, и легенда о ней разрасталась все шире. Развѣ старецъ-то сталъ бы зря говорить?.. Въ казенное время всячина бывала, хотя нашедшій золотую свинью мужикъ и оказалъ себя круглымъ дуракомъ.

Центромъ заявочныхъ работъ служилъ Миляевъ мысъ, на которомъ шла горячая работа, несмотря на возникшія недоразумѣнія. На Миляевомъ же

мысу „утвердились“ и тѣ партіи, которыя дѣлали развѣдки по Мутяшкѣ съ ея притоками — Худенькой и Малиновкой, а также по Меледѣ и Генералкѣ. Очень ужъ угодное мѣсто издалось, недаромъ Миляевымъ мысомъ называется. Каленая гора въ виду зеленой мохнатой шапкой стоитъ, а отъ нея прошелъ лѣсистый увалъ до самой Меледы, гдѣ въ нее пала Мутяшка. Въ нѣсколько дней по мысу выросли десятки старательскихъ балагановъ, кое-какъ налаженныхъ изъ бересты, еловой коры и хвои. Этотъ сборный пунктъ по вечерамъ представлялъ необыкновенно пеструю живую картину, — вездѣ пылали яркіе костры и шелъ немолчный людской гомонъ. Въ лѣсу стучалъ топоръ, гдѣ-то тренькала балалайка, а ухари-рабочіе распѣвали пѣсни. Враждебно встрѣтившіяся партіи давно побратались: пусть хозяева грызутся, а рабочимъ дѣлить нечего. Если что раздѣляло рабочую массу, такъ вынесенная еще изъ домовъ рознь. Варнаки съ Фотьянки и балчуговцы изъ Нагорной чувствовали себя настоящими хозяевами пріисковаго дѣла, на которомъ родились и выросли; рядомъ съ ними строгали и швали изъ Низовъ являлись жалкими отбросами, потому что лопаты и кайла въ руки не умѣли взять по-настоящему, да и земляная тяжелая работа была имъ не подъ силу. Варнаки относились къ нимъ съ подобающимъ презрѣніемъ и вездѣ давали чувствовать свое рабочее превосходство. Изъ-за этого происходили постоянныя стычки, перекоры, высмѣхи и безконечная ругань.

— Строгали и ходятъ-то, такъ ровно на костыляхъ,—смѣялся Матюшка, лучшій рабочій на Миляевомъ мысу. — Въ богадѣльню имъ такъ въ самую бы пору!.. Туда же, на золото польстились. Шиломъ имъ землю ковырять да стамеской...

Въ партіи Кишкина находился и Яша Малый, но онъ и здѣсь былъ такимъ же безотвѣтнымъ, какъ у себя дома. Простые рабочіе его въ грошъ не ставили, а Кишкинъ относился свысока. Матюшка дружилъ только со старымъ Туркой да со своими фотьянскими. У нихъ были и свои разговоры. Соберутся около огонька своей артелькой и толкуютъ.

— Обыщемъ золото, а ухватятъ его хозяева,—ронталъ Матюшка, уже затронутый жаждой легкой наживы.—На нихъ не наробишься... Главная причина во всемъ—деньги.

Разъ вечеромъ, когда Матюшка сидѣлъ такимъ образомъ у огонька и разговаривалъ на излюбленную тему о деньгахъ, случилось маленькое обстоятельство, смутившее всю компанію, а Матюшку въ особенности.

— Эхъ, кабы раздобыть гдѣ ни на есть рублей съ триста!—громко говорилъ Матюшка, увлекаясь несбыточной мечтой.— Сейчасъ бы самъ заявку сдѣлалъ и на себя бы робить сталъ... Не велики деньги, а такъ и помрешь безъ пихъ.

— Ужъ это ты вѣрно...—уныло соглашался Турка, сидя на корточкахъ предъ огнемъ.—Люди родомъ, а деньги водомъ. Кому счастки... Вонъ Ермошку взять, да ему наплевать на триста-то рублей!

Кругомъ было темно, и только колебавшееся пламя костра освѣщало неясный кругъ. Зашелестѣвшій вблизи кустъ привлекъ общее вниманіе. Матюшка выхватилъ горѣвшую головню и освѣтилъ кустъ—за нимъ стояла растерявшаяся и скопфуженная Окся. Она подкралась очень осторожно и все время подслушивала разговоръ, пока не выдалъ ея присутствія хрустнувшій подъ ногой сучокъ.

— Ты, уродина, чего тутъ дѣлаешь?—накинулся на нее Матюшка.

— Ишь, подслушиваетъ,—замѣтилъ кто-то изъ рабочихъ.—Дура, а на это смыселъ тоже имѣетъ...

— Гони ее, Матюшка, въ три шеи!.. Оммороппая какая-то...

Матюшка повернулъ Оксю за плечо и такъ ее двинулъ въ спину, что она отлетѣла сажени на три. Эта выходка сопровождалась общимъ хохотомъ.

— Ай да Матюшка! Уважилъ барышню... То-то она все шары пялитъ на него. Вотъ и вышло, что поглянулась собакѣ палка.

Окся съ трудомъ поднялась съ земли, отошла въ сторону, присѣла въ траву и горько заплакала. Ее съ дѣтства били, но тутъ выходило совсѣмъ особенное дѣло. Съ Оксей случилось что-то необыкновенное, какъ только она увидѣла Матюшку въ первый разъ, когда партія выступала изъ Фотьянки. И дорогой она все время присматривалась къ нему, и все время на Миляевомъ мысу. Смотритъ, а сама точно вся застыла... Остальной міръ больше для нея не существовалъ. Оксину душу освѣтилъ внутренній свѣтъ, та радость, которая боится сознаться въ собственномъ существованіи. Нѣчто подобное она испытывала въ дѣтствѣ, когда въ глухую полночь ударитъ колоколъ къ Христовой заутренѣ и недавняя тишина и мракъ смѣнялись праздничной, гулкой и свѣтлой радостью.

VI.

Кишкинъ пользовался горячимъ временемъ и, кромѣ заявки на Миляевомъ мысу, поставилъ столбы въ трехъ мѣстахъ по Мутяшкѣ. Пробные шурфы вездѣ давали хорошіе знаки. Но заявки были еще только началомъ дѣла. И отводъ заявленныхъ мѣстностей ему сдѣлаютъ раньше другихъ, какъ обѣщалъ Каблуковъ. Вся бѣда заключалась въ томъ, гдѣ взять денегъ на казенную подать,—по уставу о частной золотопромышленности полагалось ежегодно взносить по рублю съ десятины, въ среднемъ это составляло отъ 60 до 100 рублей съ пріиска. Сумма по своему существу пичтожная, но Кишкинъ зналъ по личному опыту, какъ трудно достать даже три рубля, когда они нужны до зарѣзу.

— Будетъ день—будетъ хлѣбъ!..—утѣшалъ онъ себя, раздумавшись про свои дѣла.

Все, что можно было достать, выпросить, занять и просто выклянчить—все это было уже сдѣлано. Впереди оставался одинъ расчетъ: продать одну или двѣ заявки, чтобы этимъ перекрыться на разработку другихъ. А пока Кишкину приходилось работать наравнѣ со всѣми остальными рабочими, причемъ ему это доставалось въ десять разъ тяжелѣе и по непривычкѣ къ ручному труду и просто по старческому безсилію. Набродившись по лѣсу за день, старикъ едва могъ добраться до своего балагана. Рабочіе сейчасъ же заваливались спать, а Кишкинъ лежалъ, ворочался съ боку на бокъ и все думалъ. Ахъ, если бы счастье улыбнулось ему на старости лѣтъ... Вѣдь есть же справедливость, а онъ столько лѣтъ бѣдствовалъ и терпѣлъ самую унизительную горькую нужду!.. Всего-то найти бы первое счастливое мѣстечко, чтобы расправить руки, а тамъ уже все пошло бы само собой: деньги, какъ птицы, прилетаютъ и улетаютъ стаями...

— Показалъ бы я имъ всѣмъ, каковъ есть человѣкъ Андронъ Кишкинъ!—вслухъ думалъ старикъ и даже грозилъ этимъ всѣмъ въ темнотѣ кулакомъ.—Стали бы ухаживать за мной... лебезить... Нѣтъ, братъ, шалишь!.. Былъ раньше дуракомъ, а во второй разъ извините.

Занятый этими мыслями и соображеніями, Кишкинъ какъ-то совсѣмъ позабылъ о своемъ доносѣ, да и некогда о немъ теперь было думать, когда каждый день могъ сдѣлаться роковымъ.

Часто Кишкинъ одинъ ходилъ по теченію Мутяшки и высматривалъ новыя мѣста подъ заявки. Каждый свободный клочокъ земли пробуждалъ въ немъ какой-то страхъ: а если золото вотъ именно здѣсь спряталось? Если бы была возможность, онъ захватилъ бы въ свои руки всю Меледу со всѣми притоками и никому не уступилъ бы вершка, отцу родному. Когда онъ видѣлъ чужой заявочный столбъ, его охватывало знобившее чувство зависти. А свободныхъ мѣстъ по Мутяшкѣ уже не оставалось: въ теченіе какихъ-нибудь трехъ дней все было расхватано по клочкамъ. Даже то болотце, къ которому водилъ Мина искать золотую свинью, и оно было захвачено Ястребовымъ.

— Для счету прихватилъ,—объяснилъ Ястребовъ, встрѣтивъ какъ-то Кишкина. — Что ему, болоту, даромъ оставаться... Такъ вѣдь, Андронъ Евстратычъ?.. Разбогатѣемъ мы, видно, съ тобой заодно...

— Гусь свиньѣ не товарищъ, Никита Яковличъ...

— Кто гусь-то, по-твоему?

— А ужъ какъ это тебѣ поглянется...

Кишкинъ относился къ Ястребову подозрительно, а тотъ пѣтъ-нѣтъ и заглянетъ на Миляевъ мысъ. И все-то у него шуткой да балагурствомъ: конечно, богатый человѣкъ, селезенка играетъ... Съ нимъ появлялся иногда кабатчикъ Ермошка, Затыкинъ и другіе золотопромышленники—мелочь. Острый періодъ заявочной горячки миновалъ, и предприниматели начали понемногу приглядываться другъ къ другу. Да и въ лѣсу совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ гдѣ-нибудь въ городѣ: живому человѣку каждый радъ. Душой общества являлся Ястребовъ, какъ бывалый и опытный человѣкъ, прошедшій сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы. Соберется такая компанія гдѣ-нибудь около огонька и балагуритъ.

— Никита Яковличъ, будешь ты наше золото скупать, — подшучивали надъ Ястребовымъ.—Какъ пить дашь.

— Было бы что скупать,—отъѣдается Ястребовъ, который въ карманъ за словомъ не лазилъ.—Вашего-то золота котъ наплакалъ... А вотъ мое золото будетъ оглядываться на васъ. Тотъ же Кишкинъ скупать будетъ отъ моихъ старателей... Такъ вѣдь, Андронъ Евстратычъ? Ты вѣдь еще при казнѣ набилъ руку...

— Было, да сплыло,—огрызался Кишкинъ.—Вотъ про себя лучше скажи, какъ балчуговское золото скупаешь...

— А ты видѣлъ, какъ я его скупаю? Вотъ то-то и есть... Всѣ кричатъ про меня, что скупаю чужое золото, а никто не видалъ. Значитъ, кто поумнѣе, такъ тотъ и промолчалъ бы.

Разъ Ястребовъ пріѣхалъ немного навеселѣ. Подсѣвъ къ огоньку у балагана Кишкина, онъ нѣсколько времени молчалъ, встряхивая своей большой головой и улыбаясь. Кишкинъ долго всматривался въ его коренастую фигуру и разбойничью рожу, а потомъ проговорилъ съ лѣсной откровенностью:

— Гляжу я на тебя, Никита Яковличъ, и дивуюсь... Только дать тебѣ ножъ въ руки и сейчасъ на большую дорогу: какъ есть разбойникъ.

— Это ты правильно... ха-ха!..—засмѣялся Ястребовъ. — Не было бы разбойника, не стало бы и праведника...

Въ приливѣ нѣжности Ястребовъ обнялъ Кишкина и такъ любовно проговорилъ:

— Плачетъ о насъ съ тобой острогъ-то, Андронъ Евстратычъ... Всѣ тамъ будемъ, сколько ни прыгаемъ. Ну, да это наплевать... Ахъ, Андронъ Евстратычъ!.. Развѣ Ястребовъ воръ? Воры-то ваша балчуговская компанія,

которая народъ сосетъ, воры инженеры, канцелярскія крысы въ родѣ тебя, а я хлѣбъ даю народу... Компанія-то полуторыхъ рублей не даетъ за золотникъ, а я всѣ три цалковыхъ.

— Такъ ты, значитъ, въ томъ родѣ, какъ благодѣтель?

— Теперь-то какъ хочешь зови, а вотъ когда не будетъ Никиты Ястребова, тогда и благодѣтелемъ взвеличаютъ.

Эта разбойничья философія разсмѣшила Кишкина до слезъ. Воровали и въ казенное время, только своимъ воровствомъ никто не хвастался, а Ястребовъ въ благодѣтели себя поставилъ.

— Утѣшилъ ты меня, Никита Яковличъ... Благодѣтель, говоришь?!.. Хаха... Въ самую пропорцію благодѣтель. Медаль бы тебѣ только за усердіе... А я, грѣшный человѣкъ, все за разбойника тебя почиталъ.

Ястребовъ не обижался и хохоталъ вмѣстѣ.

— Что же это Мыльникова нѣтъ?—по нѣскольку разъ въ день спрашивалъ Кишкинъ Петра Васильича.—Точно за смертью ушелъ.

Онъ долженъ былъ вернуться на другой день и не вернулся. Прошло цѣлыхъ два дня, а Мыльникова все нѣтъ.

— Ужо я самъ схожу...—предлагалъ Петръ Васильичъ, которому хотѣлось улизнуть подъ благовиднымъ предлогомъ.

— Ну, нѣтъ, братъ, шалишь!—озлился Кишкинъ.—Мыльниковъ сбѣжалъ, теперь ты хочешь уйти, кто же останется? Тоже компанія, нечего сказать...

— Да вѣдь надо въ волости объявиться?—сказалъ Петръ Васильичъ.—Мы тутъ наставимъ столбовъ, а Затыкинъ да Ястребовъ запишутъ въ волостную книгу наши заявки за свои... Это тоже не модель.

— Ладно, сказывай...—ворчалъ Кишкинъ.—Знаю я васъ, охаверниковъ. Ужъ только и нар-ро-децъ!.. Обождемъ еще мало мѣста, а потомъ я самъ пойду и все устрою.

— Да вѣдь ты сорокъ-то верстъ двѣ недѣли проползаешь, Андронъ Евстратычъ. Ножки у тебя коротенькія, задохнешься на полдорогѣ...

Мыльниковъ явился черезъ три дня совершенно неожиданно, ночью, когда всѣ спали. Онъ напугалъ Петра Васильича до смерти, когда потащилъ изъ балагана его за ногу. Петръ Васильичъ былъ мужикъ трусливый и чуть не крикнулъ караулъ.

— А я думалъ, что Андрона Евстратыча пымалъ за ногу-то,—объяснялъ Мыльниковъ.—По ногамъ-то вы схожи...

— А ты разуй глаза-то сперва... Гдѣ пропадалъ, путаная голова?

— Охъ, и не говори.

На шумъ проснулся Кишкинъ. Развели потухшій огонекъ, и охавшій все время Мыльниковъ, послѣ нѣкотораго ломанья, объяснилъ все.

— Прихожу это я на Фотьянку, чтобы въ волости въ книгу записать заявку,—разсказывалъ онъ слезливымъ тономъ,—а Затыкинъ-то ужъ въ книгѣ Миляевъ мысъ записалъ...

— Ну-у? Да не подлецъ ли... а?! Ахъ, жуликъ...

— Вѣрно говорю... Значитъ, теперь, такъ сказать, и наша заявка пропала и ястребовская, потому какъ у Затыкина столбы-то дальше нашихъ поставлены, а пока мы спорились—онъ и хлопнулъ свою заявку. Замежевалъ онъ насъ...

— Ну, это онъ вретъ!—сказалъ Кишкинъ.—Онъ, значитъ, изъ пяти верстъ вышелъ, а это не по закону... Мы ему еще утремъ носъ. Ну, разсказывай дальше-то...

— Что дальше-то, — обезножилъ я, вотъ тебѣ и дальше... Побродилъ по студеной вешней водѣ, ну, и обезножилъ, какъ другая опоенная лошадь.

— Ой, врешь!—усомнился Петръ Васильичъ.—Поди, опять у Ермошки въ кабакѣ ноги-то завязилъ? У всѣхъ у васъ, строгалей, одна вѣра-то...

— Одинова, это точно, согрѣшилъ...—каялся Мыльниковъ.—Силкомъ затащили робята. Сидимъ это, братецъ ты мой, мы въ кабакѣ напримѣрно, и вдругъ трахъ! слѣдователь... Трахъ! сейчасъ народъ сбивать на земскую квартиру и меня въ первую голову защѣпили, какъ, значитъ, я обозначенъ у него въ гумагѣ. И слѣдователь не простой, а важный—такъ и называется: важный слѣдователь.

— Это, что же, по твоей, видно, жалобѣ?—уныло спросилъ Петръ Васильичъ, почесывая въ затылкѣ.—Вотъ такъ крендель, братецъ ты мой... Ловко!

— Ну, разсказывай,—торопилъ Кишкинъ, принимая дѣловой видъ.—Не важный слѣдователь, а слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ...

— А скажу я тебѣ, Андронъ Евстратычъ, что заварилъ ты кашу... Ка-акъ мнѣ это самое сказали, что гумага и слѣдователь, точно меня кто подъ колѣнку ударилъ, дыхнуть не могу. Ужъ Ермошка сжалился, поднесъ стаканчикъ... Ну, пошелъ я на земскую квартиру, а тамъ и староста, и урядникъ, и нашихъ балчуговскихъ стариковъ человѣкъ съ пять. Сейчасъ слѣдователь, напримѣрно, ко мнѣ: „Вы—Тарасъ Мыльниковъ?“—„Точно такъ, ваше высокородіе...“—„Можете себя оправдать по дѣлу отставного канцелярскаго служителя Андрона Кишкина?“—„Точно такъ-съ...“—„А гдѣ Кишкинъ?“ Тутъ ужъ я совсѣмъ испугался и брякнулъ: „Не могу знать, ваше высокородіе... Я его совсѣмъ не знаю, а только стороной слыхивалъ, что какой-то Кишкинъ служилъ у насъ на промыслахъ“.

— Вотъ и вышелъ дуракъ!—озлился Кишкинъ. — Чего испугался-то, дурья голова? Небось, кожу не снимутъ съ живого...

Петръ Васильичъ молчалъ, угнетенно вздыхая. Вся его фигура теперь изображала собой одно слово: влопался!..

— Да ты послушай дальше-то!—спорилъ Мыльниковъ.—Слѣдователь-то прямо за горло... „Вы, Тарасъ Мыльниковъ, состояли шорникомъ на промыслахъ и должны знать, что жалованье выписывалось пятерымъ шорникамъ, а въ полученіи расписывались вы одинъ?“—„Не подверженъ я этому, ваше высокородіе, потому какъ я не грамотный, а кресты ставилъ — это было...“ И пошелъ пытать, и пошелъ мотать, и пошелъ вертѣть, а у меня поджилки трясутся. Не помню, какъ я и ушелъ отъ него да прямо сюда и стриганулъ... Какъ олень летѣлъ!

— Зачѣмъ ты про меня-то вралъ, Тарасъ?..

— Испужался, Андронъ Евстратычъ... И сюда-то бѣгу, а самому все кажется, что ровно кто за мной гонится. Вотъ-те Христосъ...

Бесѣда велась вполголоса, чтобы не услышали другіе рабочіе. Мыльниковъ повторилъ разъ пять одно и то же, съ необходимыми варіантами и украшеніями.

— Что же ты молчишь, Петръ Васильичъ?—спрашивалъ Кишкинъ.

— А что мнѣ говорить, Андронъ Евстратычъ: плакала, видно, наша золотая свинья изъ-за твоей гумаги... Поволокутъ теперь по судамъ.

— А гдѣ моя Окся?—спрашивалъ Мыльниковъ въ заключеніе.

Хватились Окси, а ея и слѣдъ простылъ: она скрылась неизвѣстно куда.

VII.

Компанейскія работы сосредоточивались на нынѣшнее лѣто въ двухъ пунктахъ: въ устьяхъ рѣки Меледы, гдѣ она впадала въ Балчуговку, и на

Ульяновомъ крякѣ. Въ первомъ пунктѣ разрабатывалась громадная розсыпь Дернуха, вскрытая разрѣзомъ еще съ зимы, а во второмъ заложена была новая шахта Рублиха. Оба мѣсторожденія открыты были фотьянскими старателями, и компанія поставила свои работы уже на готовое. Особенно заманчивой являлась Рублиха, изъ которой старатели дудками добыли около полпуда золота,—это и была та самая жила, которую Карачунскій пробовалъ на фабрикѣ самъ. Открылъ ее старикъ Кривушокъ, изъ фотьянскихъ старожиловъ-каторжанъ. Это былъ страшный бѣднякъ, цѣлую жизнь колотившійся, какъ рыба объ ледъ. Открытая имъ жила сразу его обогатила. Бывали дни, когда Кривушокъ зарабатывалъ рублей по триста. Такое дикое богатство погубило бѣднягу въ нѣсколько недѣль. То, чего не могла сдѣлать бѣдность, сдѣлало богатство. Кривушокъ закладывалъ пачку ассигнацій въ голенище и съ утра до вечера проводилъ въ кабакѣ Фролки, въ этомъ завѣтномъ мѣстѣ всѣхъ фотьянскихъ старателей. У старика не было семьи,—всѣ перемерли. Жениться было поздно, и онъ, напившись пьяный, горько плакался на свое обидное богатство, явившееся для него точно насмѣшкой.

— Кабы раньше жилка-то провернулась... — повторялъ Кривушокъ.— Жена заморилась на работѣ, ребятенки перемерли съ голодухи... Куды мнѣ теперь богатство?..

Около Кривушка собралась вся кабацкая рвань. Всѣ теперь пили на его счетъ, и въ кабакѣ шло кромѣшное пьянство.

— Ты бы хоть избу себѣ новую поставилъ,—совѣтовалъ Фролка,—а то все пропьешь, и ничего самому на похмелье не останется. Тоже вотъ насчетъ одежи...

— Угорѣлъ я, Фролушка, сызнова-то жить,—отвѣчалъ Кривушокъ.—На что мнѣ новую избу, коли и жить-то мнѣ осталось, можетъ, безъ году недѣлю... Съ собой не возьмешь. А касаемо одежи, такъ оно и совсѣмъ не пристало: всю жисть проходилъ въ заплатахъ...

Кривушокъ кончилъ скорѣе, чѣмъ предполагалъ. Его нашли мертвымъ около кабака. Денегъ при Кривушкѣ не оказалось, и молва приписала его ограбленіе Фролкѣ. Вообще все дѣло такъ и осталось темнымъ. Кривушка похоронили, а его жилку взяла за себя компанія и поставила здѣсь шахту Рублиху.

Верховный надзоръ за работами на Дернухѣ принадлежалъ Зыкову, но онъ розсыпнымъ дѣломъ интересовался мало, потому что увлекся новой шахтой.

— Смотри, Родіонъ Потапычъ, какъ бы намъ не ошибиться съ этой Рублихой, — предупреждалъ Карачунскій. — То же будетъ, что съ Спасо-Колчеданской...

— А откуда Кривушокъ золото свое бралъ, Степанъ Романычъ?.. Самъ мнѣ покойникъ разсказывалъ: такъ, говоритъ, самоваромъ жила и ушла вглубь... Онъ-то пировалъ на послѣдяхъ, ну, дудка и обвалилась. Нѣтъ, здѣсь вѣрное золото, не то что на Краюхиномъ увалѣ...

Карачунскій слѣпо вѣрилъ опытности Зыкова, но его смущало противорѣчіе Лучка,—послѣдній не хотѣлъ признавать Рублихи.

— Обманетъ она, эта самая Рублиха,—упрямо повторялъ Лучокъ.

— Да почему обманетъ-то?

— А такъ... Мѣсто не настоящее. Золото гнѣздовое: одно гнѣздышко подвернулось, а другое, можетъ, на двадцати саженяхъ... Это ужъ не работа, Степанъ Романычъ. Правильная жила идетъ ровно... Такая надежнѣе, а эта игрунья: сегодня позолотитъ, да годъ будетъ душу выматывать. Это ужъ не модель...

Рублиха послужила яблокомъ раздора между старыми штейгерами. Каждый стоялъ на своемъ, а особенно Родіонъ Потапычъ, вложившій въ новое дѣло всю душу. Это былъ своего рода фанатизмъ коренного промысловаго человѣка.

— Ужъ будьте спокойны, Степанъ Романычъ, — увѣрялъ Зыковъ. — Голову отдамъ на отсѣченье, что Рублиха вполнѣ себя оправдаетъ...

Эти увѣренія напоминали Карачунскому того француза, который доказывалъ вращеніе земли своимъ честнымъ словомъ. Но у него былъ свой расчетъ: новое кореннсе мѣсторожденіе выставляло дѣятельность компаніи въ выгодномъ свѣтѣ предъ горнымъ департаментомъ. Значитъ, она развивается и быстро шагаетъ впередъ, а это главное. Въ крайнемъ случаѣ, Рублиха могла обойтись тысячъ въ восемьдесятъ, потому что машины и шахтовыя приспособленія перевозились съ Краюхина увала, а Спасо-Колчеданская жила оказывалась „холостой“, такъ что ее оставили только до осени.

По составленному плану работы на Рублихѣ предполагались въ большихъ размѣрахъ. Дудка Кривушка оставалась въ сторонѣ, а шахта была заложена ниже, чтобы пересѣчь жилу саженяхъ на двадцати въ глубину. Такимъ образомъ за-разъ рѣшались двѣ задачи: откачивалась вода на предѣльномъ горизонтѣ, а затѣмъ работы можно было вести сразу въ двухъ направленіяхъ—вверхъ и внизъ, по отрѣзкамъ жилы. Практика показала, что всѣ жилы имѣютъ паденіе подъ угломъ, какъ и жила на Ульяновомъ кряжѣ. Слѣдовательно можно было по приблизительному расчету выйти на жилу на извѣстной глубинѣ. Въ какихъ-нибудь двѣ недѣли выросъ на Ульяновомъ кряжѣ новый деревянный корпусъ, поставлены были паровые котлы, паровая машина, и задымилась высокая желѣзная труба. Для служащихъ построена конторка, гдѣ поселился въ одной каморкѣ Родіонъ Потапычъ, а затѣмъ строились амбары для разной пріисковой снасти, навѣсы, конюшни—однимъ словомъ, вся пріисковая городьба. Ульяновъ кряжъ закрывалъ Рублиху со стороны Фотьянки, и старикъ Зыковъ былъ очень радъ этому обстоятельству, потому что могъ теперь жить совершенно въ лѣсу. Онъ даже по субботамъ домой въ Балчуговскій заводъ не выходилъ, а только время отъ времени отправлялся на Дерниху, чтобы посмотрѣть на работавшую „бутару“. Бутара—сибирскаго типа машина для промывки песковъ въ большихъ массахъ. Главную ея часть составляетъ желѣзный продырявленный цилиндръ, который приводится во вращательное движеніе паровой машиной. Золотоносный песокъ сваливался въ бутару, въ нее же проводилась сверху сильная струя воды, и промывка совершалась при страшномъ грохотѣ. Одна такая бутара въ сутки обрабатывала десятки тысячъ пудовъ песку. Но у Родіона Потапыча вообще не лежало почему-то сердце къ этой Дернихѣ, хотя розсыпь была надежная и, по приблизительнымъ расчетамъ, должна была дать въ одно лѣто около 20 пудовъ золота.

— На Фотьянской розсыпи больше ста пудовъ добыли,—повторялъ Зыковъ, точно хотѣлъ этимъ унизить благонадежность Дернихи. — Вотъ ужо Рублиха наша ахнетъ, такъ это другое дѣло...

Мѣсто сліянія Меледы и Балчуговки было низкое и болотистое, сдва тронутое чахлымъ болотнымъ лѣскомъ. Родіонъ Потапычъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на эту „чортову яму“, сравнивая про себя красивый Ульяновъ кряжъ. Да и розсыпное золото совсѣмъ не то, что жильное. Первое онъ не считалъ почему-то и за золото, потому что добыча его не представляла собой ничего грандіознаго и рискованнаго, а жильное золото надо умѣючи взять, да не всякому оно и дастся въ руки.

Увлеченіе Рублихой у старика приняло какой-то болѣзненный характеръ, точно онъ закладывалъ въ эту работу послѣднюю свою энергію. Когда спалъ неугомонный старикъ—никто не зналъ. Во всякое время дня и ночи его можно было встрѣтить на шахтѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, какъ коршунъ, ожидавшій своей добычи. Первыя сажени углубленія были пройдены съ поразительной быстротой, а дальше пошелъ камень „ребровикъ“, требовавшій „діомида“. Это были первые пропластки основныхъ гранитныхъ породъ, а жилы залегаютъ въ спаяхъ такихъ пропластковъ. Родіонъ Потапычъ высчитывалъ каждый новый вершокъ углубленія и давно опредѣлилъ про себя, въ какой день шахта выйдетъ на роковую двадцатую сажень и пересѣчетъ жилу. Онъ по десяти разъ въ сутки спускался по стремянкѣ въ шахту и зорко наблюдалъ, какъ ее крѣпятъ, чтобы не было ни малѣйшей заминки. Пока все шло отлично, потому что грунтъ былъ устойчивый, и не было опасности, что шахта въ одно прекрасное утро „сбочится“, какъ это бываетъ при слояхъ пескасѣвуна или мягкой расплывающейся глины. Рабочіе тоже невольно заражались энергіей стараго штейгера и съ нетерпѣніемъ ждали двадцатой сажени.

Если что̀ огорчало Зыкова, такъ это назначеніе молодого инженера Оникова главнымъ смотрителемъ новыхъ жильныхъ работъ. Положимъ, старикъ уважалъ Оникова „по отцу“, но это не мѣшало быть ему мальчишкой и щенкомъ. Да и поставилъ себя Ониковъ съ перваго раза крайне неудобно: пріѣдетъ въ бѣлыхъ перчаткахъ и давай распоряжаться—это не такъ, то не такъ. Самъ бы хоть разъ въ шахту спустился. Какъ ни былъ вымуштрованъ Родіонъ Потапычъ относительно всяческаго уваженія ко всяческому начальству, но поведеніе Оникова задѣло его за живое: онъ чувствовалъ, что молодой инженеръ не вѣритъ въ эту жилу и не сочувствуетъ затѣянной работѣ.

— Пріѣдетъ, папиросу выкуритъ—и вся тутъ работа,—жаловался Зыковъ Карачунскому.—Ежели бы ты самъ, Степанъ Романычъ...

— Нѣтъ, мнѣ далеко ѣздить сюда, да и Оникову нужно же какое-нибудь дѣло. Куда его мнѣ дѣвать... Какъ-нибудь ужъ безъ меня устраивайтесь.

Родіонъ Потапычъ только вздыхалъ. Находилъ же время Карачунскій ѣздить на Дериху чуть не каждый день, а тутъ отъ Фотьянки рукой подать: и двухъ верстъ не будетъ. Однимъ словомъ, не хочетъ, а Оникова подослалъ на зло. Нечего дѣлать, пришлось мириться и съ Ониковымъ и дѣлать по его приказу, благо немного онъ смыслитъ въ дѣлѣ.

— Ужо будетъ лѣтомъ гостей привозить на Рублиху—только его и дѣла,—ворчалъ старикъ, ревновавшій свою шахту къ каждому постороннему глазу.—У другого такой глазъ, что его и близко-то къ шахтѣ нельзя пущать... Не больно-то любитъ жильное золото, когда зря лѣзутъ въ шахту...

Всего больше боялся Зыковъ, что Ониковъ привезетъ изъ города барынь, а изъ нихъ выпрется какая-нибудь вертоголовая и полѣзетъ въ шахту: тогда все дѣло хоть брось. А что̀ можетъ быть другое на умѣ у Оникова, который только ѣстъ да пьетъ?.. И Карачунскій любопытенъ до женскаго полу, только у него все шито и крыто.

Такъ шло дѣло. Шахта была уже на двѣнадцатой сажени, когда изъ Фотьянки пришелъ волостной сотникъ и потребовалъ штейгера Зыкова къ слѣдователю. У старика опустились руки.

— Это по дѣлу Кипкина?—спросилъ онъ.

— Видно, по ему по самому... По первоначалу-то слѣдователь въ Балчуговскомъ заводѣ съ недѣлю выжилъ, а теперь на Фотьянку перебрался и сбиваетъ народъ со всѣхъ сторонъ. Почитай, всѣхъ стариковъ поднялъ...

Эта неожиданная повѣстка и встревожила и напугала Зыкова, а главное, не во-время она явилась: работа горитъ, а онъ долженъ терять дорогое время на допросахъ.

— Слѣдователь-то у Петра Васильича въ дому остановился,—объяснялъ сотникъ.—И Ястребовъ тамъ и Кишкинъ. Такую кашу заварили, что и не расхлебать. Главное, народъ весь на работахъ, а слѣдователь требуетъ къ себѣ...

Родіонъ Потапычъ одѣлся на скорую руку и зашагалъ за сотникомъ. Ему случалось бывать въ передрягахъ, но затѣянное Кишкинымъ дѣло возмущало его до глубины души. Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ, нельзя же всѣхъ по судамъ таскать. Двѣ версты до Фотьянки промелькнули незамѣтно. Передъ избой Петра Васильича сидѣли вызванные слѣдователемъ свидѣтели. Былъ тутъ и подштейгеръ Лучокъ, и Мина Клейменый, и Яша, и Турка, и Мыльниковъ—однимъ словомъ, вся компанія. Всѣ, видимо, чувствовали себя смущенными. Родіонъ Потапычъ сухо кивнулъ головой и пошелъ прямо въ избу. Поднимаясь по лѣсенкѣ на крыльцо, онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ дочерью Оѳеней, которая съ тарелкой въ рукахъ летѣла въ погребъ за огурцами.

— Тятенька!..—вскрикнула дѣвушка и остановилась.

Родіонъ Потапычъ медленно прошелъ мимо, не отвѣтивъ на этотъ крикъ ни однимъ движеніемъ.

Слѣдователь сидѣлъ въ чистой горницѣ и пилъ водку съ Ястребовымъ, который подробно объяснялъ пріисковую терминологію, что̀ такое розсыпь, разрѣзъ, борта розсыпи, ортовыя работы, забои, шурфы и т. д. Слѣдователь былъ пожилой лысый мужчина съ рыжеватой бородкой и темными умными глазами. Онъ испытующе смотрѣлъ на массивную фигуру Ястребова и въ тактъ его объясненій кивалъ своей лысой прежде времени головой.

„Воръ научитъ хорошему...“—подумалъ Зыковъ, наблюдая эту сцену издали.

Въ дверяхъ стояли Мыльниковъ и Петръ Васильичъ, заслонившіе спинами сидѣвшаго у двери на стулѣ Кишкина. Сотникъ протискался впередъ и доложилъ слѣдователю о приводѣ свидѣтеля.

— А, очень пріятно...—оживился слѣдователь, проглатывая наскоро закуску.—Введите его сюда.

Ястребовъ поднялся, чтобы выйти, но слѣдователь движеніемъ головы удержалъ его. Родіонъ Потапычъ, войдя въ комнату, помолился на образа и отвѣсилъ слѣдователю глубокій поклонъ.

— Вы Родіонъ Зыковъ?

— Точно такъ-съ...

Начался обычный слѣдовательскій допросъ, причемъ Зыковъ отвѣчалъ коротко и быстро, по-солдатски.

— Когда была открыта Фотьянская розсыпь, вы уже были главнымъ штейгеромъ?

— Точно такъ-съ... Я ужъ сорокъ лѣтъ состою главнымъ штейгеромъ.

— Ага...—протянулъ слѣдователь, быстро окидывая его глазами.—Тѣмъ лучше... Вы, слѣдовательно, служили при управителѣ Фроловѣ и его помощникѣ Горностаевѣ. Скажите, когда промывался казенный разрѣзъ въ Выломкахъ?

Ястребовъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и подсказалъ:

— Разрабатывался...

— Ну да, когда разрабатывался разрѣзъ въ Выломкахъ?—повторилъ слѣдователь.

— Годомъ не упомню, ваше высокоблагородіе, а только еще до воли это самое дѣло было,—отвѣтилъ безъ запинки Зыковъ.

— Вы тогда служили? Да? И при васъ этотъ разрѣзъ разрабатывался? Прекрасно... А не запомните вы, какъ при управителѣ Фроловѣ на этомъ же разрѣзѣ поставлены были новыя работы?..

Родіонъ Потапычъ ждалъ этого вопроса и, взглянувъ искоса на Кишкина, отвѣтилъ самымъ равнодушнымъ тономъ:

— Какія же новыя работы, когда вся розсыпь была выработана?.. Старатели, конечно, домывали борта, а какъ это ставилось въ конторѣ,—мы не обычны знать: до конторы я никакого касательства не имѣлъ и не имѣю...

Слѣдователь взглянулъ вопросительно на Кишкина. Тотъ заерзалъ на мѣстѣ, виновато скашивая глаза на Зыкова, и проговорилъ:

— Ваше благородіе, Родіонъ Потапычъ, то-есть главный штейгеръ Зыковъ, долженъ знать, какъ списывались работы въ Выломкахъ. Отъ него шли дневныя рапортички.

— Да ты не путляй, Шишка!—разразился неожиданно Родіонъ Потапычъ, встряхнувъ своей большой головой.—Развѣ я къ вашему конторскому дѣлу причастенъ? Вѣдь ты сидѣлъ въ конторѣ тогда да писалъ,—ты и отвѣчай...

— Вы должны отвѣчать только на мои вопросы,—строго замѣтилъ слѣдователь.

— А ежели я могу подъ присягой доказать на него еще по дѣлу о золотѣ, когда наѣзжалъ казенный фискалъ?—отвѣтилъ Родіонъ Потапычъ, у котораго тряслись губы отъ волненія.

— Это къ дѣлу не относится...—замѣтилъ слѣдователь, быстро записывая что-то на листѣ бумаги.

— Вы его подъ присягой спросите, господинъ слѣдователь,—подговаривалъ Кишкинъ, осклабляясь. — Тогда онъ сущую правду покажетъ насчетъ разрѣза въ Выломкахъ...

— Это ужъ мое дѣло,—отвѣтилъ слѣдователь, продолжая писать.—Господинъ Зыковъ, такъ вы не желаете отвѣчать на мой вопросъ?

— Ваше высокоблагородіе, ничего я въ этихъ дѣлахъ не знаю...—заговорилъ Родіонъ Потапычъ и даже ударилъ себя въ грудь. — Но злобѣ обиженъ вотъ этимъ самымъ Кишкинымъ... Мое дѣло маленькое, ваше высокоблагородіе. Всю жисть въ лѣсу прожилъ на промыслахъ, а что они тамъ въ конторѣ дѣлали,—я неизвѣстенъ. Да и давно это было... Ежели бы и зналъ, такъ запамятовалъ.

— Значитъ, вы знали, да забыли?

Пойманный на словѣ Родіонъ Потапычъ тяжело переминался съ ноги на ногу и только шевелилъ губами.

— Вы не безпокойтесь, я уже имѣю показанія по этому дѣлу другихъ свидѣтелей,—ядовито замѣтилъ слѣдователь.—Вамъ должно быть ближе извѣстно, какъ велись работы... Старатели работали въ Выломкахъ?

— Не упомню, ваше высокоблагородіе...

— Такъ я вамъ напомню: старатели работали и получали за золотникъ золота по рублю двадцати копеекъ, а въ казну оно сдавалось управленіемъ Балчуговскихъ промысловъ по пяти рублей и дороже, то-есть по общему расчету работы.

— Не старатели, а золотничники, ваше высокоблагородіе...

— Это все равно, только слова разныя...

Свои собственные вопросы слѣдователь провѣрялъ по выраженію лицъ Истребова и Кишкина, которые не спускали глазъ съ Родіона Потапыча. Изъ дѣла слѣдователь видѣлъ, что Зыковъ—главный свидѣтель, и налегъ на него съ особеннымъ усердіемъ, выжимая одно слово за другимъ. Нужно было возстановить два обстоятельства: допущенныя правленіемъ старательскія работы, причемъ скупленное у старателей золото заносилось въ промысловыя книги, какъ свое, и выставлялись произвольныя цѣны, втрое и вчетверо выше старательскихъ, а затѣмъ подновленіе стараго казеннаго разрѣза въ Выломкахъ и занесеніе его въ отчетъ за новый. Дальше слѣдовали другія нарушенія: выписка жалованья несуществовавшимъ промысловымъ служащимъ, выписка несуществовавшихъ поденщинъ, и т. д. и т. д.

Собранные свидѣтели теряли уже вторую недѣлю, когда работа кипѣла кругомъ, и это вызывало общій ропотъ и глухое недовольство, причемъ всѣ обвиняли Кишкина, заварившаго кашу.

— Мы ему башку отвернемъ, старой крысѣ!—ругались рабочіе.—Какое время-то стоитъ—это надо подумать...

Допрошенный въ качествѣ свидѣтеля Петръ Васильичъ отперся отъ всего, что̀ обѣщалъ показать, чѣмъ немало огорчилъ Кишкина...

— Ты что̀ же это, Петръ Васильичъ?—корилъ его Кишкинъ.—Какъ дошло до дѣла, такъ сейчасъ и въ кусты...

— Не нашъ возъ и не наша пѣсенка, Андронъ Евстратычъ...

— Ладно... Увидимъ, что̀ запоешь, когда подъ присягой будутъ допрашивать.

Мыльниковъ являлся комическимъ элементомъ и каждый разъ мѣнялъ свои показанія, вызывая улыбку даже слѣдователя. Приходилъ онъ всегда вполпьяна и первымъ дѣломъ заявлялъ:

— Господинъ слѣдователь, у меня лицо чистое... Ничѣмъ я не замаранъ, а чтобы насупротивъ совѣсти—къ этому я не подверженъ. Вотъ каковъ Тарасъ Мыльниковъ...

Несмотря на всю путаницу и противорѣчія, развертывалась широкая картина всевозможныхъ злоупотребленій и самаго безшабашнаго хищничества. Уже собранныхъ фактовъ было совершенно достаточно для громаднаго дѣла, а выступали все новыя подробности. Ничего не могъ подѣлать слѣдователь только съ Зыковымъ, который стоялъ на своемъ, что ничего не знаетъ. Самый важный свидѣтель ускользалъ изъ рукъ, и слѣдователь выбился изъ силъ, чтобы довести его до откровеннаго сознанія. Подмѣтивъ, что старикъ тяготился безтолковымъ сидѣньемъ, слѣдователь началъ вызывать его чуть не каждый день.

— Ваше высокоблагородіе, отпустите душу на покаяніе!—взмолился наконецъ упрямый старикъ.—Работа у меня горитъ, а я здѣсь попусту болтаюсь.

— Вы сами виноваты, что затягиваете дѣло...

А изъ Кедровской дачи шли самыя волнующія извѣстія: золото оказывалось вездѣ. О Мутяшкѣ разсказывали чудеса, а потомъ слѣдовали: Малиновка, Генералка, Свиступья, Ледянка,—сдѣланы были сотни заявокъ, и вездѣ „золото оправдывалось въ лучшемъ видѣ“. Всѣ новости и послѣднія извѣстія сосредоточивались, конечно, въ кабакѣ Фролки, куда рабочіе приходили прямо съ заявокъ. Въ праздники этотъ кабакъ представлялъ собой настоящій адъ, потому что въ Фотьянку народъ сходился со всѣхъ сторонъ. Разрушавшееся селеніе сразу ожило: не было избы, гдѣ не держали бы постоль-

цевъ, не готовили хлѣба на промысла или какую-нибудь приисковую снасть. Главнымъ образомъ наживали деньгу фотьянскія бабы, кормившія пришлый народъ. Однимъ словомъ, произошло какое-то волшебное превращеніе стараго каторжнаго гнѣзда, точно на него дунуло свѣжимъ воздухомъ. Мужики складывались въ артели, закупали харчи, готовили снасть, чтобы работать старателями на новыхъ вольныхъ промыслахъ. Это была бѣшеная игра на свой трудъ. Своими хозяйскими работами могли добывать золото только двое-трое крупныхъ золотопромышленниковъ, въ родѣ Ястребова, а остальные, конечно, сдадутъ пріиски старателямъ, и это волновало поднятую рабочую массу, разжигая промысловую азартность и жажду легкой наживы.

VIII.

Самое бойкое дѣло выпало на долю богатой избы Петра Васильича, гдѣ останавливались всѣ „господа“: и Ястребовъ и слѣдователь. Сначала старуха, баушка Лукерья, тяготилась этимъ постоемъ, а потомъ быстро вошла во вкусъ, когда посыпались легкія господскія денежки за всякіе пустяки: и за постой, и за самовары, и за харчи, и за сѣно лошадямъ, и за разныя мелкія услуги. Теперь бойкая Ѳеня оказалась какъ разъ на мѣстѣ и едва успѣвала помогать старой баушкѣ. Она и самовары подавала, и въ погребъ бѣгала, и комнаты прибирала, и господамъ услуживала.

— Ты ужъ, голубка, постарайся...—ласково говорила баушка Лукерья.—Ноги-то у тебя молодыя...

Всю жизнь прожила баушка Лукерья и не видала денегъ въ глаза, какъ сама говорила. Да и какія деньги у бабы, которая сидитъ все дома и убивается по домашности да съ ребятишками. Мужъ-покойникъ выстроилъ хорошую избу, завелъ скотину и всякую домашность, и по-фотьянски семья слыла за богатую. Правда, у баушки Лукерьи были скоплены на смертный часъ рублей пятнадцать, запрятанныхъ по разнымъ угламъ—и только. А тутъ деньги повалили сразу... Крѣпкую старуху вдругъ охватила старческая жадность. Ей стало казаться, что все мало и что нужно пользоваться короткимъ счастьемъ. Не проходило дня, чтобы она не отложила рубля или двухъ. Особенно любила она, когда давали ей серебро,—вѣдь всю жизнь прожила на мѣдныя деньги, а тутъ посыпались серебрушки. Баушка Лукерья съ какой-то дѣтской радостью пересчитывала ихъ, прятала и опять добывала, чтобы лишній разъ полюбоваться. Это перерожденіе произошло всего въ нѣсколько недѣль, и баушка Лукерья отлично изучила, кто, когда и сколько даетъ и какъ лучше взять. Старуха видѣла, что господа охотнѣе даютъ деньги Ѳенѣ, и стала ее подсылать. Конечно, молоденькая-то пріятнѣе господамъ: пошутятъ, посмѣются да и отвалятъ въ другой разъ цѣлую полтину. Сначала Ѳеня артачилась и стыдилась, а потомъ стала привыкать, чтобы хоть этимъ угодить старой баушкѣ.

— Чего ты сумлѣваешься, глупая?—усовѣщевала ее старуха.—Дикія у нихъ деньги... Не убудетъ, небось, ежели и пошутятъ въ другой разъ.

Ѳеня была не жадная и съ радостью отдавала деньги баушкѣ.

Встрѣча съ отцомъ въ первое мгновеніе очень смутила ее, поднявъ въ душѣ дѣтскій страхъ къ грозному родимому батюшкѣ, но это быстро вспыхнувшее чувство такъ же быстро и улеглось, смѣнившись чѣмъ-то въ родѣ равнодушія. „Что же, чужая, такъ чужая...“—съ горечью думала про себя Ѳеня. Раньше ее убивала мысль, что она объѣдаетъ баушку, а теперь

и этого не было: она работала въ свою долю, и баушка обѣщала купить ей даже веселенькаго ситца на платье.

— Старайся, милушка, и полушалокъ куплю, — приговаривала хитрая старуха, пользовавшаяся простотой Ѳени.—Гдѣ намъ, бабамъ, взять денегъ-то... Небось, любезный сынокъ Петръ Васильичъ не раскошелится, а все норовитъ себѣ да себѣ... Наше бабье дѣло совсѣмъ маленькое.

Эти планы баушки Лукерьи чуть не разстроились. Разъ въ воскресенье пріѣхала на Фотьянку сестра Марья. Улучивъ свободную минуту, она разговорилась съ Ѳеней.

— У васъ здѣсь, сказываютъ, веселье, не то что у насъ: сидишь, даже одурь возьметъ... Прокопій на своей фабрикѣ, Анна съ ребятишками, мамынька все вздыхаетъ али жаловаться начнетъ, а я какъ очумѣлая... Завидно на другихъ-то дѣлается.

— Тятенька-то сколько разовъ былъ у насъ, — разсказывала Ѳеня. —И не глядитъ на меня... Хуже чужого.

— И домой онъ нынче рѣдко выходитъ... Съ новой шахтой связался и днюетъ и ночуетъ тамъ. А ужъ тебѣ, сестрица, надо своимъ умомъ жить, какъ-никакъ... Дома-то все равно нечего дѣлать.

Разсказывала Ѳеня, какъ наѣзжалъ нѣсколько разъ Акинфій Назарычъ и какъ заливался слезами, а потомъ пересталъ ѣздить, точно отрѣзалъ. Разсказывая, Ѳеня всплакнула: очень ужъ ей жаль было Акинфія Назарыча.

— Гляди, потужитъ, потоскуетъ да и женится на своей тайболовской кержанкѣ,—говорила она сквозь слезы.—Молодой онъ, горе-то скоро износитъ... Такая на меня тоска нападаетъ подъ вечеръ, что и жизни своей не рада.

— Пируетъ, сказывали, Акинфій-то Назарычъ... Въ городъ уѣдетъ, да тамъ и хороводится. Мужчины всѣ такіе; наша сестра сиди да посиди, а они вездѣ пошли да поѣхали... Небось, найдетъ себѣ утѣху, коли ужъ не нашелъ.

Между прочимъ, сестра Марья подвела ловко разговоръ къ деньгамъ, которыя получала теперь баушка Лукерья.

— Пали и до насъ слухи, какъ она огребаетъ деньги-то, — завистливо говорила Марья, испытующе глядя на сестру.—Тоже, подумаешь, счастье людямъ... Мы вонъ за богатыхъ слывемъ, а въ другой разъ гроша расколотаго въ дому нѣтъ. Тятенька-то не расщедрится... Въ обрѣзъ купитъ всего самъ, а денегъ ни-ни. Такъ бьемся, такъ бьемся... Иголки не на что купить.

— Знаю вѣдь я, какъ вы живете. Сладкаго не много.

— Ну, сказывали, что и тебѣ тоже перепадаетъ... Мыльниковъ какъ-то завернулъ и говоритъ: „Ѳенѣ деньги повалили, — тотъ двугривенный дастъ, другой полтину...“ Побожился, что не вретъ.

— Я баушкѣ Лукерьѣ все отдаю, Марья... На что мнѣ деньги?..

— Вотъ ужъ это ты совсѣмъ глупая... Баушка Лукерья свое возьметъ, не безпокойся, обжадничала она, сказываютъ, а ты ей всего-то не отдавай. Себѣ оставляй... Пригодятся какъ-нибудь. Не вѣкъ тебѣ жить съ баушкой Лукерьей...

Эти рѣчи не понравились Ѳенѣ. Она даже пристыдила сестру, позавидовавшую чужому счастью.

— Я баушку Лукерью ввѣкъ не забуду, —говорила Ѳеня. — Она меня призрѣла, приголубила... Не наше дѣло считать ея-то деньги.

Сестры разстались, благодаря этому разговору, довольно холодно. У Ѳени

все-таки возникло какое-то недовѣріе къ баушкѣ Лукерьѣ, и она стала замѣчать за ней многое, чего раньше не замѣчала, точно совсѣмъ другая стала баушка и даже изъ лица похудѣла.

А баушка Лукерья все откладывала серебро и бумажки и смотрѣла на господъ такими жадными глазами, точно хотѣла ихъ съѣсть. Разъ, когда къ избѣ подкатилъ дорожный экипажъ главнаго управляющаго и изъ него вылѣзъ самъ Карачунскій, старуха ужасно переполошилась, куда ей помѣстить этого самаго главнаго барина. Карачунскій былъ вызванъ слѣдователемъ въ качествѣ эксперта по дѣлу Кишкина. Объ комнаты передней избы были набиты народомъ, и Карачунскій не зналъ, гдѣ ему сѣсть.

— Пойдемъ, касатикъ, въ заднюю избу... — предложила баушка Лукерья.—Здѣсь-то негдѣ тебѣ и присѣсть, а тамъ пока посидишь.

— Спасибо, баушка,—охотно согласился Карачунскій.

— Можетъ, самоварчикъ поставить? А то молочка али яишенку... — говорила заученнымъ тономъ старуха.—Жарко теперь лѣтнимъ дѣломъ, а слѣдователь-то еще когда позоветъ.

Карачунскій пріѣхалъ раньше, чѣмъ слѣдовало, и ему, дѣйствительно, приходилось подождать. Отворивъ дверь въ заднюю избу, онъ на порогѣ столкнулся съ Оеней и даже какъ будто смутился, до того это было неожиданно. Оеня тоже потупилась и вся вспыхнула.

— Вы какими судьбами попали сюда, Оедосья Родіоновна? — спрашивалъ удивленный Карачунскій.—Вотъ пріятная неожиданность...

— Я узъ давно здѣсь... у баушки Лукерьи...

— Ага...—протянулъ Карачунскій, пристально поглядѣвъ на наблюдавшую его старуху.—Такъ... Что же, дѣло прекрасное! Отлично... Я даже что-то такое слышалъ. Бабушка, такъ вы похлопочите относительно самоварчика.

— С-сею минуту, касатикъ...

Старуха, повидимому, что-то заподозрѣла и вышла изъ избы съ большой неохотой. Оеня тоже испытывала большое смущеніе и не знала, что ей дѣлать. Карачунскій прошелся по избѣ, поскрипывая лакированными ботфортами, а потомъ быстро остановился и проговорилъ:

— Послушайте, Оедосья Родіоновна, вы такъ похорошѣли за послѣднее время, что я даже не узналъ васъ съ перваго раза.

Оеня еще больше потупилась и раскраснѣлась.

— Вы смѣетесь, Степанъ Романычъ...—тихо прошептала она со слезами на глазахъ.—Не до красоты мнѣ.

— Да, да... Догадываюсь. Ну, я пошутилъ, вы забудьте на время о своей молодости и красотѣ, и поговоримъ, какъ хорошіе старые друзья. Если я не ошибаюсь, ваше замужество разстроилось?.. Да? Ну, что же дѣлать... Въ жизни приходится со многимъ мириться. Гм...

Онъ присѣлъ къ столу и своимъ душевнымъ голосомъ началъ разспрашивать Оеню, давно ли она здѣсь, какъ ей живется вообще, не скучаетъ ли и т. д. Никто еще съ ней не говорилъ такъ, а потомъ предъ ея глазами пронеслась сцена поѣздки съ мужемъ въ Балчуговскій заводъ, когда Степанъ Романычъ уговаривалъ ихъ помириться съ отцомъ. Да, это былъ почти родной человѣкъ, который смотрѣлъ на нее такъ участливо и ласково, а главное, такъ просто, что Оеня почувствовала себя легко именно съ нимъ. Она подробно разсказала, какъ баушка Лукерья выманила ее изъ Тайболы и увезла сюда, какъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ Акинфій Назарычъ, и какъ сама она истомилась въ этой неволѣ.

— Бѣдненькая...—еще ласковѣе проговорилъ Карачунскій и потрепалъ ее по заалѣвшей щекѣ. — Надо какъ-нибудь устраивать дѣло. Я переговорю съ Акинфіемъ Назарычемъ и даже могу заѣхать къ нему по пути въ городъ.

Ѳеня отрицательно покачала головой и тяжело вздохнула. Карачунскій понялъ совершавшійся въ ея душѣ переломъ и не сталъ больше разспрашивать. Баушка Лукерья втащила самоваръ.

— Ну, бабуся, какъ вы тутъ поживаете?

— Ничего, касатикъ... Пока Богъ грѣхамъ терпитъ. Ѳеня, ты ужъ тутъ собери чайку, а я въ той избѣ управляться пойду.

Карачунскій выпилъ стаканъ чаю, а когда его пригласили къ слѣдователю, сунулъ Ѳенѣ скомканную ассигнацію.

— Что вы, Степанъ Романычъ...

— За хлопоты: я ничего даромъ не люблю брать...

Изъ-за этихъ денегъ чуть не вышелъ цѣлый скандалъ. Приходилъ звать къ слѣдователю Петръ Васильичъ и видѣлъ, какъ Карачунскій сунулъ Ѳенѣ ассигнацію. Когда дверь затворилась, Петръ Васильичъ орломъ налетѣлъ на Ѳеню.

— Ну-ка, кажи, что онъ тебѣ далъ?.,

Ѳеня инстинктивно сжала деньги въ кулакѣ и не знала, что ей дѣлать, но къ ней на выручку прибѣжала баушка Лукерья и оттолкнула сына.

— Мамынька, хоть издали покажи, сколько онъ далъ!.. — упрашивалъ Петръ Васильичъ, заинтригованный бабьей жадностью.

Баушка Лукерья сдѣлала непростительную ошибку, въ которой сейчасъ же раскаялась,—она развернула скомканную ассигнацію при всѣхъ.

— Пять цалковихъ!..—изумленно пропелталъ Петръ Васильичъ, дѣлая шагъ къ матери.—Мамынька, что же это такое? Ежели, напримѣръ, ты всѣ деньги будешь загребастывать...

— Не твое дѣло!..—зыкнула старуха. — Развѣ я твои деньги считаю?..

— Однако это даже весьма мнѣ удивительно, мамынька... Кто у насъ, напримѣръ, хозяинъ въ дому?.. Ѳеня, въ другой разъ ты мнѣ деньги отдавай, а то я съ живой кожу сниму.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказала старуха съ искаженнымъ лицомъ.—Мнѣ!.. мнѣ!..

— Мамынька, побойся ты Бога!

— Уйди отъ грѣха, а то прокляну!..

Ѳеня ужасно перепугалась возникшей изъ-за нея ссоры, но все дѣло такъ же быстро потухло, какъ и вспыхнуло. Карачунскій уѣзжалъ, что было слышно по топоту сопровождавшихъ его людей... Петръ Васильичъ опрометью кинулся изъ избы и догналъ Карачунскаго только у экипажа, когда тотъ садился.

— Степанъ Романычъ, напредки милости просимъ!.. — бормоталъ онъ, цѣпляясь за кучерское сидѣнье.—На Дерниху поѣдешь, такъ въ другой разъ чайку напиться... молочка... И, значитъ, здѣшній хозяинъ, а Ѳеня моя сестра. Мы завсегда...

Карачунскій съ удивленіемъ взглянулъ черезъ плечо на „здѣшняго хозяина“, ничего не отвѣтилъ и только сдѣлалъ головой знакъ кучеру. Экипажъ рванулся съ мѣста и укатилъ, заливаясь настоящими валдайскими колокольчиками. Собравшіеся у избы мужики подняли Петра Васильича на-смѣхъ.

— А ты собачкой за нимъ побѣги, Петръ Васильичъ... Ахъ, прокуратъ!.. Глазъ-то кривой у него какъ заигралъ...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Зыковскій домъ запустѣлъ какъ-то сразу. Родіонъ Потапычъ живмя жилъ на своей шахтѣ и домой выходилъ очень рѣдко, недѣли черезъ двѣ. Яша „старался“ на Мутяшкѣ въ партіи Кишкина, а дома изъ мужиковъ оставался одинъ безотвѣтный зять Прокопій. Прежде было людно, теперь хоть мышей лови, какъ въ пустомъ амбарѣ. Сама Устинья Марковна что-то все недомогалась, замужняя дочь Анна возилась со своими ребятишками, а правила домомъ одна вѣковушка Марья съ подраставшей Наташкой,—послѣднюю отецъ совсѣмъ забылъ, оставивъ въ полное распоряженіе баушки. Скучно было въ зыковскомъ домѣ, точно послѣ покойника, а тутъ еще Марья на всѣхъ взъѣдается.

— Да что это съ тобой попритчилось? — недоумѣвала Устинья Марковна, удивляясь сварливости дочери.—Какой бѣсъ поѣхалъ на тебѣ?..

— Чему радоваться-то у насъ?—грубила Марья. — Хуже каторжныхъ живемъ... Ни свѣту ни радости!.. Вонъ на Фотьянкѣ... Баушка Лукерья совсѣмъ осатанѣла отъ денегъ-то. Вторую избу ставятъ... Оенѣ баушка-то ужъ второй полушалокъ обѣщала купить да ботинки козловые.

— А тебѣ завидно стало? Нашла тоже кому и позавидовать... — корила ее мать.—Достаточно натерпѣлась всего Оеня-то.

— Чего она натерпѣлась-то? Живетъ да радуется... Румяная такая стала да веселая. Ужо вотъ какъ замужъ выскочитъ... У нихъ на Фотьянкѣ-то народу теперь непочатая труба... Какъ-то цѣловальникъ Ермошка наѣзжалъ, увидалъ Оеню и говоритъ: „Ужо, вотъ моя-то Дарья подохнетъ, такъ я къ тебѣ сватовъ зашлю“...

— Ну, Ермошкины-то слова, какъ худой заборъ: всякая собака пролѣзетъ... Съ пьяныхъ глазъ черезъ чего-нибудь городилъ. Да и Дарья-то еще переживетъ его десять разъ... Такія людаціи бабенки живучи.

— Не Ермошка, такъ другой вынищется... На Фотьянкѣ теперь народу видимо-невидимо, точно праздникъ. Всѣ фотьянскія бабы лопатами деньги гребутъ: и постой держатъ, и харчи продаютъ, и обшиваютъ пріисковыхъ. За одно лѣто сколько новыхъ избъ поставили... Всѣхъ вольное-то золото поднимаетъ. А по вечерамъ такое веселье поднимается... Наши пріисковые гуляютъ.

— Экъ тебѣ далась эта Фотьянка,—ворчала Устинья Марковна, отмахиваясь рукой отъ пустыхъ словъ.—Набѣжала дикая копейка—вотъ и радуются. Только къ дому легкія-то деньги не больно льнутъ, Марьюшка, а еще уведутъ за собой и старыя, которыя у кого водись.

— Много денегъ на Фотьянкѣ было раньше-то... — смѣялась Марья.— Богачи все жили. У всѣхъ-то вмѣстѣ одна дыра въ горсти... Бабы фотьянскія теперь въ кумачи разрядились, да въ ботинки, да въ полушалки, а сами спѣть не умѣютъ по-настоящему. Смѣшно на нихъ и глядѣть-то: бувалди кувалдами супротивъ нашихъ балчуговскихъ.

— Петръ Васильичъ, сказываютъ, больно что-то форситъ?..

— Сапоги со скрипомъ завелъ, пуховую шляпу—такъ пѣтухомъ и расхаживаетъ. Я какъ-то была, такъ онъ на меня, мамынька, и глядѣть не хочетъ. А съ баушкой Лукерьей у нихъ изъ-за денегъ дѣло до драки доходитъ:

та себѣ тянетъ, а Петръ Васильичъ себѣ. Оенька, конечно, круглая дура, потому что все имъ отдаетъ...

— И то дура...—невольно соглашалась Устинья Марковна, въ которой шевельнулся инстинктъ бабьяго стяжательства.—Вотъ намъ и дѣлить нечего... Что отецъ дастъ, тѣмъ и сыты.

— Весь народъ изъ Балчуговъ бѣжитъ на Фотьянку... — со вздохомъ прибавляла Марья.

Анна рѣдко принимала участіе въ этихъ разговорахъ, занятая своими ребятишками. Ей было до себя. Да и вообще это была смирная и безотвѣтная бабенка, характеромъ вся въ мать. Подраставшая Наташка была у тетки „въ нянькахъ“ и безъ утыху возилась съ ребятами. Эта бойкая дѣвочка въ тяжелой обстановкѣ дѣдовскаго дома томилась больше всѣхъ и жадно вслушивалась въ наговоры вѣчно ропгавшей Марьи. До дѣтскихъ ушей долеталъ далекій гулъ Фотьянки, и Наташа представляла себѣ что-то необыкновенное, совсѣмъ сказочное. Исторія тетки Оени въ ея головѣ тоже была окружена поэтическими подробностями и сейчасъ сливалась неразрывно съ бойкой жизнью на промыслахъ. Теперь вездѣ говорили про Фотьянку. Отецъ Яша въ цѣлое лѣто показывался дома всего раза два, чтобы повидать ребятишекъ и захватить одежи и харчей. Онъ сильно исхудалъ въ лѣсу и еще больше облысѣлъ.

— Ну, показывай золото-то... — приставала къ нему Устинья Марковна.— Хоть бы поглядѣть, какое оно бываетъ.

— Погоди, мамынька, будетъ и золото, — коротко отвѣчалъ Яша, таинственно улыбаясь. — Тогда сама увидишь...

— Вотъ затощалъ ты, Яшенька, это-то я вижу... Охъ, и проклятенное ваше золото, ежели разобрать. А гдѣ Мыльниковъ-то?..

— Робитъ съ нами на Мутянкѣ, только плохая у насъ на него надежда: и лѣнивъ и воруватъ.

— Отца-то ты давно не видалъ? Зашелъ бы на шахту, по пути вѣдь...

— Нѣтъ, мамынька, достаточно съ меня... Обругаетъ, какъ увидитъ. Хоть и тяжело на промыслахъ, а все-таки своя воля... Самъ большой, самъ маленькій.

Появленіе отца для Наташки было настоящимъ праздникомъ. Яша Малый любилъ свое гнѣздо какой-то болѣзненной любовью и ужасно скучалъ о дѣтяхъ. Чтобы повидать ихъ, онъ долженъ былъ сдѣлать пѣшкомъ верстъ шестьдесятъ, но все это выкупалось радостью свиданья. И Наташка и маленькій Петрунька такъ и повисли на отцовской шеѣ. Особенно ластилась Наташка, скучавшая по отцѣ болѣе сознательно. Но Яша точно стѣснялся радоваться открыто и потихоньку уходилъ съ ребятишками куда-нибудь въ огородъ и тамъ пѣстовалъ ихъ со слезами на глазахъ.

— Тятенька, золотой, возьми меня съ собой! — каждый разъ просила Наташка. — Тошнехонько мнѣ здѣсь...

— Погоди, возьму... Куда тебя въ лѣсъ-то, глупая, я возьму?..

— Я обшивать бы тебя стала, рубахи мыть, стряпать — я все умѣю.

— А Петруньку какъ?

— И Петруньку съ собой возьмемъ...

— Погоди, говорю.

— Да, тебѣ-то хорошо, — корила Наташка, надувая губы. — А здѣсь-то каково: баушка Устинья ворчитъ, тетка Марья ворчитъ... Все меня чужимъ хлѣбомъ попрекаютъ. Я и то ужъ бѣжать думала... Уйду въ городъ да въ горничныя и наймусь. Мнѣ пятнадцатый годъ въ Спажинки пойдетъ.

— Вотъ ты и вышла глупая Наташка: а Петрунька куды безъ тебя?..

Только съ отцомъ и отводила Наташка свою дѣтскую душу и провожала его каждый разъ горькими слезами. Яша и самъ плакалъ, когда прощался со своимъ гнѣздомъ. Каждое утро и каждый вечеръ Наташка горячо молилась, чтобы Богъ поскорѣе послалъ тятенькѣ золота.

Послѣднее появленіе Яши сопровождалось большой непріятностью. Забунтовала, къ общему удивленію, безотвѣтная Анна. Она замѣтила, что Яша уже не въ первый разъ все о чемъ-то шепталася съ Прокопіемъ, и заподозрѣла его въ дурныхъ замыслахъ: какъ разъ сомутитъ смирнаго мужика и уведетъ за собой въ лѣсъ. Долго ли до грѣха. И то весь народъ точно бѣленымъ объѣлся...

— Что вы, сестрица Анна Родіоновна! — уговаривалъ ее Яша. — Неужто и словомъ перемолвиться намъ нельзя съ Прокопіемъ?.. Сказали, не укусили никого...

— Знаю я, о чемъ вы шепчетесь! — выкрикивала Анна. — Трое ребятишекъ на рукахъ: куды я съ ними дѣваюсь? Ты вотъ своихъ-то бросилъ дѣдушкѣ на шею, да еще Прокопія сомущаешь...

— Ахъ, сестрица, какія вы слова выражаете!.. Денно-ночно я думаю объ ребятишкахъ-то, а вы: бросилъ...

Какъ на грѣхъ, Прокопій прикрикнулъ на жену, и это подняло цѣлую бурю. Анна такъ заголосила, такъ запричитала, что вступились и Устинья Марковна и Марья. Однимъ словомъ, всѣ бабы ополчились, соединившись въ одно причитавшее и ревѣвшее цѣлое.

— Да перестаньте вы, бабы! — уговаривалъ Прокопій. — Безъ васъ тошно...

— Я тебѣ, сомутителю, зѣнки выцапаю! — ругала Яшу сестрица Анна. — Самъ-то съ голоду подохнешь да и насъ уморить хочешь...

Въ сущности, бабы были правы, потому что у Прокопія съ Яшей, дѣйствительно, велись любовные тайные переговоры о вольномъ золотѣ. У безотвѣтнаго зыковскаго зятя все сильнѣе въѣдалась въ голову мысль о томъ, какъ бы уйти съ фабрики на вольную работу. Онъ вынашивалъ свою мечту съ упорствомъ всѣхъ мягкихъ натуръ и затаился даже отъ жены. Вся сцена закончилась тѣмъ, что мужики бѣжали съ поля битвы самымъ постыднымъ образомъ и какъ-то сами собой очутились въ кабакѣ Ермошки.

— Жизнь треклятая! — проговорилъ Прокопій, бросая свою шапку о полъ. — Очумѣлъ я съ бабами, Яша...

— Погоди, зять, устроимся, — утѣшалъ Яша покровительственнымъ тономъ. — Дай срокъ, утвердимся... Только бы однова дыхнуть. А на бабъ ты не гляди: извѣстно, бабы. Онѣ, братъ, нашему брату въ томъ родѣ, какъ лошади желѣзныя путы... Знаю по себѣ, Проня. А въ лѣсу-то мы съ тобой зажили бы припѣваючи.... Надоѣла, поди, фабрика-то?

— Хуже смерти... Какъ цѣпной песъ у конуры хожу. Ежели бы не тятенька Родивонъ Потапычъ, одного часу не остался бы...

Этотъ вольный порывъ, впрочемъ, смѣнился у Прокопія на другой же день молчаливымъ унынiемъ, и Анна точила его все время, какъ ржавчина.

— Туда же расхрабрился, ворона! — выкрикивала она. — Вотъ тятенька узнаетъ, такъ онъ тебѣ покажетъ.

Устинья Марковна поддакивала дочери своимъ молчанiемъ и вздохами, и только заступилась одна Марья.

— Бучетъ тебѣ, Анна... Надоѣло слушать-то,

Не успѣли проводить Яшу на промысла, какъ накатилась новая бѣда. Разъ вечеромъ кто-то осторожно постучалъ въ окно. Устинья Марковна выглянула въ окно и даже ахнула: передъ воротами стояла чья-то „долгушка", заложенная парой, а подъ окномъ расхаживалъ Мыльниковъ съ кнутикомъ.

— Въ гости пріѣхалъ, тещенька... — объяснилъ онъ. — Пусти-ка въ избу, дѣльце есть маленькое.

— Да ты бы днемъ, Тарасъ, а то на ночь глядя лѣзешь.

— Говорю, дѣло...

Когда Марья выскочила отворить ворота, она была изумлена еще больше: съ Мыльниковымъ пріѣхалъ Кожинъ. Марья инстинктивно загородила дорогу, но Кожинъ прошелъ мимо, какъ сонный.

— Не тронь его... — объяснилъ Мыльниковъ, оттаскивая Марью. — Не бойсь, не потронетъ.

Отъ Мыльникова по обыкновенію пахнуло перегорѣлой водкой, какъ изъ винной бочки. Наклонившись, онъ удушливо прошепталъ:

— А новость слышала, Марьюшка?

— Какую новость?..

— А такую... Все будешь знать, скоро состарѣешься.

Устинья Марковна стояла посреди избы, когда вошелъ Кожинъ. Она въ изумленіи раскрыла ротъ, замахала руками и безсильно опустилась на ближайшую лавку, точно предъ ней появилось привидѣніе. Отъ охватившаго ее ужаса старуха не могла произнести ни одного слова, а Кожинъ стоялъ у порога и смотрѣлъ на нее ничего не видѣвшимъ взглядомъ. Эта нѣмая сцена была прервана только появленіемъ Марьи и Мыльникова.

— Устиньѣ Марковнѣ, любезной нашей тещѣ, многая лѣта... — заговорилъ Мыльниковъ съ пьяной развязностью. — А слышала новость?..

— Не подходи ты ко мнѣ близко-то, Тарасъ... — причитала Устинья Марковна. — Не до новостей намъ... Какъ увидѣла тебя въ окошко-то, точно у меня что оборвалось въ середкѣ. До смерти я тебя боюсь... Съ добромъ ты къ намъ не приходишь.

— Это ужъ не моя причина, тещенька...

— Да говоря толкомъ-то! — понукала его Марья, сгоравшая отъ нетерпѣнія. — Ну, чего принесъ?

— А ты вотъ его спрашивай, — указалъ Мыльниковъ на Кожина. — Мое дѣло сторона... Да сперва пригласи садиться, сестрица. Честь завсегда лучше безчестья...

— Да ну тебя, болтушка... Садитесь.

Кожинъ, пошатываясь, прошелъ къ столу, сѣлъ на лавку и съ удивленіемъ посмотрѣлъ кругомъ, какъ человѣкъ, который хочетъ и не можетъ проснуться. Марья замѣтила, какъ у него тряслись губы. Ей сдѣлалось страшно, какъ и матери. Или пьянъ Кожинъ, или не въ своемъ умѣ.

— Окся-то моя опредѣлилась къ баушкѣ Лукерьѣ, — проговорилъ наконецъ Мыльниковъ, удушливо хихикая. — Сама, стерва, пришла къ ней...

— А какъ же Ѳеня? — за-разъ спросили Устинья Марковна и Марья.

— Приказала долго жить... тьфу!.. То-бишь, жива она, а только тово...

Имя Ѳени заставило очнуться Кожина, точно по немъ выстрѣлили. Онъ хотѣлъ что-то сказать, пошевелилъ губами и махнулъ рукой.

— Да говоря ты толкомъ... — приставалъ къ нему Мыльниковъ. — Убѣгла, значитъ, наша Ѳедосья Родивоновна. Ну, такъ и говори... И съ собой ничего не взяла, все бросила. Вотъ какое вышло дѣло!

— У Карачунскаго она... — прошепталъ наконецъ Кожинъ. — Своими глазами видѣлъ. Въ горничныя нанялась...

Онъ ударилъ кулакомъ по столу и застоналъ, какъ раненый человѣкъ, котораго неосторожно задѣли за больное мѣсто. Марья смотрѣла на Устинью Марковну, которая безсмысленно повторяла:

— У Карачунскаго? Зачѣмъ ей быть у Карачунскаго? Какъ же баушка-то Лукерья не доглядѣла? Что-нибудь да не такъ...

— Нѣтъ, такъ!.. — отвѣтилъ Кожинъ. — Извѣстно, какія горничныя у Карачунскаго... Днемъ горничная, а почью сударка. А кто ее довелъ до этого? Вы довели... вы!.. Ѳеня, моя голубка... родная... Что ты сдѣлала надъ собой?..

— Убьетъ онъ Карачунскаго, — спокойно замѣтилъ Мыльниковъ. — Это хоть до кого доведись...

Опомнилась первой Марья и проговорила:

— Да вѣдь ты женился, сказываютъ, Акинфій Назарычъ? Какое тебѣ дѣло до нашей Ѳени?.. Ты самъ по себѣ, она сама по себѣ.

— А ежели она у меня съ ума нейдетъ?.. Какъ живая стоитъ... Не могу я позабыть ее, а жену не люблю. Мамынька женила меня, не своей волей... Чужая мнѣ жена. Видѣть ее не могу... День и ночь думаю о Ѳенѣ. Какой я теперь человѣкъ сталъ: въ яму бросить — вся мнѣ цѣна. Какъ я узналъ, что она ушла къ Карачунскому, — у меня свѣтъ изъ глазъ вонъ. Ничего не понимаю... Запрягъ долгушку, бросился сюда, ѣду мимо господскаго дома, а она въ окно смотритъ... Что тутъ со мной было — и не помню, а вотъ, спасибо, Тарасъ меня изъ кабака вытащилъ.

— Да когда это было-то, Акинфій Назарычъ?

— Не упомню, не то сегодня, не то вчера... Горюшко лютое, бѣда моя смертная пришла, Устинья Марковна. Раздѣлились мы вѣрами, а во мнѣ душа полымемъ горитъ... Погляжу кругомъ, а все красное. Ахъ, тоска смертная... Ѳенюшка, родная, что ты сдѣлала надъ своей головой?.. Лучше бы ты померла...

Заголосили бабы отъ привезенной Тарасомъ новости, какъ не голосятъ надъ покойниками, а Кожинъ уронилъ голову на столъ, какъ зарѣзанный.

— Ну, пошли!.. — удивлялся Мыльниковъ. — Да я самъ пойду къ Карачунскому и два раза его выворочу наоборотъ... Приведу сюда Ѳеню, вотъ вамъ и весь сказъ!.. Перестань, Акинфій Назарычъ... Отъ живой жены о чужихъ бабахъ не горюютъ...

— Отстань... убью!.. — шепталъ Кожинъ, глядя на него дикими глазами.

— А что Родіонъ-то Потапычъ скажетъ, когда узнаетъ? — повторяла Устинья Марковна. — Лучше ужъ Ѳенѣ оставаться было въ Тайболѣ: хоть не настоящая, а все же какъ будто и жена. А теперь на улицу глаза нельзя будетъ показать... У всѣхъ на виду наше-то горе!..

II.

Мыльниковъ, дѣйствительно, отправился отъ Зыковыхъ прямо къ Карачунскому. Его подвезъ до господскаго дома Кожинъ, который остался у воротъ дожидаться, чѣмъ кончится все дѣло.

— Ты меня тутъ подожди, — уговаривался Мыльниковъ. — Я и Ѳеню къ тебѣ приведу... Мнѣ только одно слово ей сказать. Какъ изъ ружья выстрѣлю...

Карачунскій былъ дома. Въ передней Мыльникова встрѣтилъ лакей Ганька и, по своему холуйскому обычаю, хотѣлъ сейчасъ же заворотить гостя.

— Мнѣ Ѳедосью Родивоновну повидать, своячину... — упирался Мыльниковъ въ дверяхъ. — Одно словечко молвить...

— Ступай, ступай! — напиралъ Ганька. — Я вотъ покажу тебѣ словечко... Не велѣно пущать.

Такое поведеніе лакея Ганьки возмутило Мыльникова, и онъ безъ лишнихъ словъ вступилъ съ холуйскимъ отродьемъ въ рукопашную. На крикъ Ганьки въ дверяхъ гостиной мелькнуло испуганное лицо Ѳени, а потомъ показался самъ Карачунскій.

— Ваше благородіе, Степанъ Романычъ... — взмолился Мыльниковъ, изнемогавшій въ борьбѣ съ Ганькой. — Одно словечушко молвить.

— Ну, говори... — коротко отвѣтилъ Карачунскій, узнавшій Мыльникова. — Что тебѣ нужно, Тарасъ?

— Прикажите Ганькѣ уйти... Имѣю до тебя, Степанъ Романычъ, особенное дѣльце.

Ганька былъ удаленъ, и Мыльниковъ, оправивъ потерпѣвшій въ схваткѣ костюмъ, проговорилъ удушливымъ шопотомъ:

— Кожинъ меня за воротами ждетъ, Степанъ Романычъ... Очертѣлъ онъ окончательно и дуракъ дуракомъ. Я съ нимъ теперь отваживаюсь вторыя сутки... А Ѳенѣ я сродственникъ: моя-то жена родная ейная сестра, значитъ, Татьяна. Ну, значитъ, я и пришелъ объявиться, потому какъ дѣло это особенное. Дома ревутъ у Ѳени, Кожинъ грозится зарѣзать тебя, а я съ емя со всѣми отваживаюсь... Вотъ какое дѣльце, Степанъ Романычъ. Силушки моей не стало...

— Я Кожина не боюсь, — спокойно отвѣтилъ Карачунскій. — И даже готовъ объясниться съ нимъ.

— Что ты, Степанъ Романычъ: очертѣлъ человѣкъ, а ты разговаривать съ нимъ. Мнѣ впору съ нимъ отваживаться... Ежели бы ты, Степанъ Романычъ, отвелъ мнѣ дѣляночку на Ульяновомъ кряжѣ, — прибавилъ онъ совершенно другимъ тономъ, — ужъ такъ и быть, постарался бы для тебя... Гора-то велика, что тебѣ стоитъ махонькую дѣляночку отвести мнѣ?

Этотъ шантажъ возмутилъ Карачунскаго, и онъ сморщился.

— Нѣтъ, не могу... — рѣшилъ Карачунскій послѣ короткой паузы. — Отвести тебѣ дѣляночку—и другимъ тоже надо отводить.

— Ахъ, анделъ ты мой, да вѣдь то другіе, а я не чужой человѣкъ, — съ нахальствомъ объяснялъ Мыльниковъ. — Ужъ я бы постарался для тебя.

— Нѣтъ, не могу... — еще рѣшительнѣе отвѣтилъ Карачунскій, повернулся въ дверяхъ и ушелъ.

У Карачунскаго слово было закономъ, и Мыльниковъ ушелъ бы ни съ чѣмъ, но, когда Карачунскій проходилъ къ себѣ въ кабинетъ, его остановила Ѳеня.

— Степанъ Романычъ, дозвольте мнѣ переговорить съ вятемъ?

— Нѣтъ, это лишнее, — ласково отговаривалъ Карачунскій. — Я уже сказалъ все... Онъ требуетъ невозможнаго, да и вообще для меня это подозрительный человѣкъ.

Но Ѳеня такъ ласково посмотрѣла на него, что Карачунскій только махнулъ рукой. О, женщины... Вездѣ онѣ одинаковы со своими просьбами, слезами и ласками!.. Карачунскій еще лишній разъ убѣдился въ этомъ и почувствовалъ впередъ, что ему придется измѣнить своему слову для новаго „сродственника“. Послѣднее слово кольнуло его, но онъ опять видѣлъ одни ласковые глаза Ѳени и ея просящую улыбку. Развѣ можно отказать жен-

щлинѣ? Оеня въ это время уже была въ передней и умоляла Мыльникова, чтобы онъ увезъ куда-нибудь отъ грѣха дожидавшагося у воротъ Кожина.

— И увезу, а ты мнѣ руководствуй дѣляночку на Краюхиномъ увалѣ,— просилъ въ свою очередь Мыльниковъ.—Кедровскую-то дачу бросилъ я, Оенюшка... Ну ее къ чорту! И кампанія у насъ была: пришей хвостъ кобылѣ. Всѣ врозь, а главный заводчикъ Петръ Васильичъ... Такая кривая ерахта!.. Съ Ястребовымъ снюхался и золото для него скупаетъ... Да вѣдь ты знаешь, чего я тебѣ-то разсказываю. А ты дѣляночку-то приспособь... Въ нѣкоторое время пригожусь, Оенюшка. Безъ меня, какъ безъ поганаго ведра, не обойдешься...

— Дома-то у насъ ты былъ, Тарасъ?

— Сейчасъ оттуда... Вмѣстѣ съ Кожинымъ были. Ну, тамъ Мамай воевалъ: какъ учали бабы ревѣть, какъ учали причитать—святыхъ вонъ неси. Ну, да ты не сумлѣвайся, Оенюшка... И не такая бѣда изнашивается. А главное, оборудуй мнѣ дѣляночку...

— А что мамынька?—спрашивала Оеня свое.—Ахъ, изболѣлось мое сердечушко, Тарась... Не увижу я ихъ, видно, больше, пропала моя головушка...

— Перестань печалиться, глупая,—утѣшалъ Мыльниковъ.—Москва нашимъ-то слезамъ не вѣритъ... А ты мнѣ дѣляночку-то охлопочи. Изнищалъ я вконецъ...

— Ахъ, какой ты, Тарась, непонятный! Я про свою голову, а онъ про дѣлянку. Какъ я раздумаюсь подъ вечеръ, такъ впору руки на себя наложить. Увидишь мамыньку, кланяйся ей... Пусть не печалится и меня не винитъ: такая ужъ, видно, выпала мнѣ судьба злосчастная...

— Ничего, привыкнешь. Ужо погляди, какая гладкая да сытая на господскихъ хлѣбахъ будешь. А главное, мнѣ дѣляночку... Вѣдь мы не чужи, слава Богу, съ Степаномъ-то Романычемъ теперь...

При послѣднихъ словахъ Мыльниковъ подмигнулъ и прищелкнулъ языкомъ, заставивъ Оеню покраснѣть, какъ огонь. Она убѣжала, не простившись, а Мыльниковъ стоялъ и ухмылялся.

„Эхъ, бабы, всѣхъ-то васъ взять да сложить вмѣстѣ—одинъ грѣхъ выйдетъ".

— Эй, ты, галманъ, отворяй дверь!—вслухъ обратился Мыльниковъ къ появившемуся лакею Ганькѣ.—Безъ очковъ-то не узналъ Тараса Мыльникова?.. Я васъ всѣхъ научу, какъ на свѣтѣ жить!

Выйдя на крыльцо, Мыльниковъ еще постоялъ, покрутилъ своей безпутной головой и зашагалъ къ воротамъ.

— Ну, твое дѣло табакъ, Акинфій Назарычъ,—объявилъ онъ Кожину съ приличной торжественностью.—Совсѣмъ вѣдь Оеня-то оболоклась-было, да тотъ змѣй-то не пустилъ... Какъ удѣлился въ нее, ну, извѣстно, женское дѣло. Знаешь, что я придумалъ: надо безпремѣнно на Фотьянку гнать, къ баушкѣ Лукерьѣ; безъ баушки Лукерьи невозможно...

Послѣднее придумалъ Мыльниковъ, стоя на крыльцѣ. Ему не хотѣлось шагать до Фотьянки пѣшкомъ, а Кожинъ на своей парочкѣ лихо довезетъ. Онъ вообще повиновался теперь Мыльникову во всемъ, какъ ребенокъ. По пути они заѣхали еще къ Ермошкѣ раздавить полштофъ, и Мыльниковъ шепнулъ кабатчику:

— Битый небитаго везетъ, Ермолай Семенычъ...

— Скоро ли тебя повѣсятъ, Тарасъ?—отвѣтилъ Ермошка въ тонъ.—Я веревку пожертвую на свой счетъ...

— Еще осина не выросла, на которой насъ съ тобой повѣсять...

Кожинъ все время молчалъ и пилъ. Даже Ермошка его пожалѣлъ: совсѣмъ замотался мужикъ.

Всю дорогу до Фотьянки Мыльниковъ болталъ безъ утыху и даже разсказалъ, какъ онъ пилъ чай съ Карачунскимъ сегодня, пока Кожинъ ждалъ его у воротъ господскаго дома.

— Мнѣ, главная причина, выманить Ѳеню-то надо было... Ну, выпилъ стакашикъ господскаго чаю, потому какъ зачѣмъ же я буду обижать барина напрасно? А теперь пріѣдемъ на Фотьянку: первымъ дѣломъ самоваръ... Я какъ домой къ баушкѣ Лукерьѣ, потому моя Окся утвердилась тамъ замѣсто Ѳени. Вѣдь поглядѣть, такъ дура набитая, а тутъ ловко подвернулась... Она ужъ во второй разъ съ нашего пріиску убѣжала да прямо къ баушкѣ, а та безъ Ѳени, какъ безъ рукъ. Ну, Окся и соотвѣтствуетъ по всѣмъ частямъ...

На Фотьянку они пріѣхали ужъ совсѣмъ поздно, хотя въ избѣ Петра Васильича еще и свѣтился огонекъ,—это сидѣлъ Истребовъ и велъ тайную бесѣду съ хозяиномъ.

— Ты куда прешь-то ни свѣтъ ни заря?—накинулась баушка Лукерья на Мыльникова.—Дня-то тебѣ мало, шатущему?

— Объ Оксѣ больно соскучился, баушка...—вралъ Мыльниковъ, не сморгнувъ глазомъ.—Трудно, поди, ей управляться одной-то. Непривычное дѣло, вотъ главная причина...

— Воду на твоей Оксѣ возить—вотъ это въ самый разъ,—ворчала старуха.—Въ два-то дня она у меня всю посуду перебила... Да ты, Тарасъ, никакъ съ ночевкой пріѣхалъ? Ну, нѣтъ, братъ, ты эту моду оставь... Вонъ Петръ Васильичъ поѣдомъ съѣлъ меня за твою-то Оксю. „Ее,—говоритъ,—корми, да еще родня—шерамыжники навяжутся...“ Такъ напрямки и отрѣзалъ.

— Вотъ такъ уважилъ... Что же это такое, баушка Лукерья? На печи проѣзду не стало мнѣ отъ сродственниковъ... Ежели такія ваши рѣчи, такъ я возьму Оксю-то назадъ.

— Сдѣлай милость, бери... Не заплачемъ. Говорю, всю посуду расколотила. А ты не накладывайся ночевать у насъ: безъ тебя тѣсно.

— Ахъ, Боже мой... Вотъ такъ роденьку Богъ далъ!..—удивлялся Мыльниковъ, распоясываясь.—Я сломя голову къ тебѣ изъ Балчуговъ гоню, а она меня вонъ какимъ шампанскимъ встрѣтила...

— Да ты съ какой радости разгонялся-то?

— А я съ Кожинымъ цѣльныхъ три дни путался. Онъ за воротами остался... Скажи ему, баушка, чтобы ѣхалъ домой. Нечего ему здѣсь дѣлать... Я для родни въ ниточку вытягиваюсь, а мнѣ вонъ какая отъ васъ честь. Надоѣло, признаться сказать...

Баушка Лукерья сама вышла за ворота и уговорила Кожина ѣхать домой. Онъ молча ее выслушалъ, повернулъ лошадей и пропалъ въ темнотѣ. Старуха постояла, вздохнула и побрела въ избу. Мыльниковъ уже спалъ, какъ зарѣзанный, растянувшись на лавкѣ.

— Этакіе безстыжіе глаза...—подивилась на него старуха, качая головой.—То-то путаникъ-мужичонка!.. И сонъ у нихъ у всѣхъ одинъ: Окся-то такъ же дрыхнетъ, какъ колода. Присунулась до мѣста и спитъ... Охъ, согрѣшила я! Не нажить, видно, мнѣ другой-то Ѳени... Ахъ, грѣхи, грѣхи!..

Баушка Лукерья, снѣдаемая недугомъ своей старческой жадности, ужасно тосковала о Ѳенѣ, являвшейся для нея той сказочной курицей, которая несла золотыя яйца. Привѣтливая была бабенка, обходительная, и всякое

дѣло у ней въ рукахъ горѣло. А какъ ушла Ѳеня, точно все ножомъ обрѣзало... Гдѣ же одной старухѣ управиться, да и не умѣла она потрафить постояльцамъ, какъ Ѳеня. Баушка Лукерья не разъ даже всплакнула по Ѳенѣ, проклиная Карачунскаго, ухватившаго ласковую бабенку. Польстилась Ѳеня на сладкое господское житье и позабыла про свою дѣвичью честь.

Мыльниковъ съ намѣреніемъ оставилъ до слѣдующаго дня разсказъ о томъ, какъ былъ у Зыковыхъ и Карачунскаго,—онъ разсчитывалъ опохмелиться на счетъ этихъ новостей и не ошибся. Баушка Лукерья сама послала Оксю въ кабакъ за полштофомъ и съ жадвымъ вниманіемъ прослушала всю болтовню Мыльникова, напрасно старалась отличить, гдѣ онъ говоритъ правду и гдѣ вретъ.

— Кланяться наказывала тебѣ, баушка, Ѳеня-то,—вралъ Мыльниковъ, хлопая одну рюмку за другой.—„Скажи, грить, что скучаю, а промежду прочимъ весьма довольна, потому какъ Степанъ Романычъ баринъ добрый и всякое уваженіе отъ него вижу...“

— Несъ онъ, Степанъ-то Романычъ. Не стало ему другихъ дѣвокъ? Изъ городу привезъ бы...

— Значитъ, Ѳеня ему по самому скусу пришлась... хе-хе!.. Харчъ, а не дѣвка: ломтями рѣжь да ѣшь. Ну, а что было, баушка, какъ я къ тещѣ любезной пріѣхалъ да объявилъ имъ про Ѳеню, что, молъ, такъ и такъ... Какъ взвыли бабы, какъ запричитали, какъ заголосили источными голосами—ложись помирай. И тебѣ, баушка, досталось на орѣхи. „Захвалилась,—говорятъ,—старая крымза, а Ѳеню не уберегла...“. Родня-то, баушка, по нынѣшнимъ временамъ вездѣ такъ разговариваетъ. Такъ отзолотили тебя, что лучше и не бываетъ, вровень съ грязью сдѣлали.

Слушалъ эти разсказы и Петръ Васильичъ, но относился къ нимъ совершенно равнодушно. Онъ отступился отъ матери, предоставивъ ей пользоваться всѣми доходами отъ постояльцевъ. Будетъ Окся или другая дѣвка—ему было все равно. Вранье Мыльникова просто забавляло вороватаго домовладыку. Да и мамынька пусть покипятится за свою жадность... У Петра Васильича было теперь свое дѣло, въ которое онъ ушелъ весь.

Опохмелившись, Мыльниковъ совралъ еще что-то и отправился въ кабакъ къ Фролкѣ, чтобы послушать, о чемъ народъ галдитъ. У кабака всегда народъ сбивался въ кучу, и всѣ новости собирались здѣсь, какъ въ узлѣ. Когда Мыльниковъ уже подходилъ къ кабаку, его чуть не сшибла съ ногъ бойко катившаяся телѣга. Онъ хотѣлъ обругаться, но оглянулся и узналъ любезную сестрицу Марью Родивоновну.

— Куды ускорилась, сестрица?

— А баушку провѣдать поѣхала,—нехотя отвѣчала Марья, понукая лошадь.

— Такъ-съ... Настоящее уваженіе старушкѣ дѣлаете.

Когда телѣга повернула за уголъ, Мыльниковъ раскинулъ умомъ и живо сообразилъ, зачѣмъ ѣхала провѣдать баушку любезная сестрица. Ухмыльнувшись, онъ подумалъ вслухъ:

— Поздно-съ, Марья Родивоновна... Мѣстечко-то занято.

На этотъ разъ Мыльниковъ ошибся. Пока онъ прохлаждался въ кабакѣ, судьба Окси была рѣшена: ея мѣсто заняла сама любезная сестрица Марья Родивоновна.

— Ты теперь ступай, голубка, домой,—объяснила баушка Лукерья ничего не понимавшей Оксѣ.—Спасибо, всю посуду переколотила...

— Не пойду...—упрямо повторяла Окся, которой нравилось жить у баушки.

Произошла комическая сцена, въ которой долженъ былъ принять участіе даже Петръ Васильичъ.

— Какъ же ты, милая, не пойдешь, ежели тебѣ сказано?—разъяснялъ онъ Оксѣ.—Надо и честь знать...

— Да что ты ко мнѣ привязался, кривой чортъ?—озлилась наконецъ Окся, перенеся все свое неудовольствіе на Петра Васильича.—Сказала, не пойду...

— Мамынька, что же это такое?—взмолился Петръ Васильичъ.—Я вѣдь, пожалуй, и шею искостыляю, коли на то пошло. Кто у насъ въ дому хозяинъ?..

Баушка Лукерья сунула Оксѣ за ея службу двугривенный и вытолкала за дверь. Это были первыя деньги, которыя получила Окся въ свое полное распоряженіе. Она зажала ихъ въ кулакъ и такъ шла все время до Балчуговскаго завода, а дома спрятала деньги въ сѣняхъ, въ расщелившемся бревнѣ. Оксю тоже охватила жадность, съ той разницей отъ баушки Лукерьи, что Окся знала, куда ей нужны деньги.

Мысль о бѣгствѣ изъ отцовскаго дома явилась у Марьи въ тотъ же роковой вечеръ, когда она узнала о новой судьбѣ сестры Ѳени. Она не спала всю ночь, раздумывая, какъ устроить ей все дѣло. Что ей ждать въ отцовскомъ домѣ? Изъ-за отца и въ дѣвкахъ осталась, а когда старикъ умретъ, тогда и дѣваться будетъ некуда. Домъ зятю Прокопію достанется „на дѣтей“, какъ обѣщалъ Родіонъ Потапычъ, не разсчитывавшій на своего Яшу, какъ на достойнаго наслѣдника. Жаль было Марьѣ старухи-матери, да жить-то вѣдь ей, Марьѣ, а мать свой вѣкъ изжила. Дѣвушка со слезами простилась съ роднымъ гнѣздомъ, сама запрягла лошадь и отправилась на Фотьянку.

III.

Компанія Кишкина и существовала и какъ будто не существовала. Дѣло въ томъ, что Мыльниковъ сбѣжалъ окончательно, обругавъ всѣхъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а затѣмъ Петръ Васильичъ бывалъ только „находомъ“,—придетъ, повернется денекъ и былъ таковъ. Настоящими рабочими оставались самъ Кишкинъ, Яша Малый, Матюшка, Турка и Мина Клейменый, — послѣдній въ артели отвѣчалъ за кашевара. Миляевъ мысъ такъ и остался спорнымъ, а работа шла на отводахъ вверхъ по рѣкѣ Мутяшкѣ. Маякова слань была исправлена лучше, чѣмъ въ казенное время, и дорога не стояла часу,—шли и ѣхали рабочіе на новые промысла и съ промысловъ. Въ одно лѣто все теченіе Меледы съ притоками сдѣлалось неузнаваемымъ: лѣсъ вездѣ вырубленъ, земля изрыта, а вода текла взмученная и желтая, унося съ собой послѣдніе слѣды горячей промысловой работы.

Дѣла у Кишкина шли ни шатко ни валко. Онъ много выигралъ тѣмъ, что получилъ отводъ пріиска раньше другихъ и слѣдовательно раньше могъ начать работу. Пріискъ получилъ названіе Сиротки,—по логу, который выходилъ на Мутяшку съ правой стороны. Для работы „сильной рукой“ не хватало средствъ, а поэтому дѣло велось наполовину старательскими работами, наполовину иждивеніемъ самого Кишкина, раздобывшагося деньгами къ общему удивленію. Никто и не подозрѣвалъ, что эти таинственныя деньги были ему даны знаменитымъ секретаремъ Ильей Ѳедотычемъ. Это была своего рода взятка,

чтобы Кишкинъ не запугалъ знаменитаго дѣльца въ проклятое дѣло о Балчуговскихъ промыслахъ.

— Ты у меня смотри...—погрозилъ Илья Ѳедотычъ, выдавая деньги.—Знаешь поговорку: клопъ клопа ѣстъ—послѣдній самъ себя съѣстъ...

По-настоящему работы на Сироткѣ нужно было начать съ генеральной развѣдки всей площади пріиска, т.-е. пробить нѣсколько шурфовъ въ шахматномъ порядкѣ, чтобы прослѣдить простираніе золотоноснаго пласта, его мощность и всѣ условія залеганія. Но подобная развѣдка стоила бы около тысячи рублей, а такихъ денегъ не было и въ поминѣ. Еще больше стоила бы „вскрыша розсыпи“, т.-е. снятіе верхняго пласта пустой породы, что дѣлается на большихъ хозяйскихъ работахъ. Это и выгодно, и впередъ можно разсчитать содержаніе золота. Но пришлось вести работы старательскимъ способомъ: взяли уголъ розсыпи и пошли вверхъ по логу „ортами“. За-разъ производились и вскрышка верховика и промывка песковъ. Содержаніе золота оказалось порядочное, хотя и не вездѣ одинаковое.

— Какая это работа: какъ мыши краюшку хлѣба грыземъ,—жаловался Кишкинъ.—Все равно, какъ лѣстницу мести съ нижней ступеньки.

Въ „забоѣ“, гдѣ добывались пески, работалъ Матюшка съ Туркой, откатывалъ на тачкѣ пески Яша Малый, а Мина Клейменый стоялъ на промывкѣ съ Кишкинымъ. Собственно промывка—бабья легкая работа. Дѣло все-таки шло очень недурно и „оправдывало себя“. На пятерыхъ въ день намывали до двухъ золотниковъ золота, что составляло поденщину рубля въ полтора. Одно смущало Кишкина, что золото шло неровное—то убавится, то прибавится. Другая бѣда была въ томъ, что близилась зима, а зимой или ставь теплую казарму, или бросай все дѣло до слѣдующей весны. Пока всѣ жили въ одной избушкѣ, кое-какъ защищавшей отъ дождя. Мысль о зимѣ не давала Кишкину покоя: партія разбредется, а потомъ начинай все сызнова.

Если бы не эти заботы, совсѣмъ было бы хорошо. Проведенное въ лѣсу лѣто точно размягчило Кишкина, и онъ даже начиналъ жалѣть о заваренной кашѣ. Недавняя озлобленность, вызванная многолѣтними неудачами, нуждой и одиночествомъ, смѣнилась бодрымъ, хорошимъ настроеніемъ. Да и хорошо жить въ лѣсу... Какія ночи выпадали, какіе ясные горячіе деньки: двадцать лѣтъ съ плечъ долой. День за работой, а вечеромъ такой здоровый отдыхъ около своего огонька въ пріятной бесѣдѣ о разныхъ разностяхъ. Съ другихъ пріисковъ народъ заходилъ, и вся Мутяшка была на вѣстяхъ: у кого какое золото идетъ, гдѣ новыя работы ставятъ и т. д. Вся Мутяшка представляла одно громадное цѣлое, жившее одними интересами и надеждами.

— Эхъ, нѣту у насъ, Андронъ Евстратычъ, первое дѣло, лошади,—повторялъ каждый день Матюшка,—а второе дѣло, надо намъ безпремѣнно завести бабу... На другихъ пріискахъ вездѣ свои бабы полагаются.

— Окся, подлая, убѣжала...—оправдывался Кишкинъ.

Было нѣсколько попытокъ пріобрѣсти бабу, но всѣ онѣ закончились полнѣйшей неудачей. Про фотьянскихъ бабъ и думать было нечего: онѣ совсѣмъ задорожились. У себя дома не успѣвали поправляться. Были, конечно, шатущія по промысламъ дѣвки, отбившіяся отъ своихъ семей, но такую и къ артельному котелку никто не пуститъ. Бабы вообще шли нарасхватъ. Главнымъ поставщикомъ этого товара служилъ Балчуговскій заводъ. На Сироткѣ жили нѣсколько времени двѣ такихъ бабы, но не зажились. Пріискъ былъ небольшой, рабочихъ мало, да и то почти все старики.

— Скучно у васъ,—говорили бабы и уходили куда-нибудь на сосѣдній пріискъ къ Ястребову.

Мыльниковъ приводилъ свою Оксю два раза, и она оба раза бѣжала. Однимъ словомъ, съ бабой дѣло не клеилось, хотя Петръ Васильичъ и обѣщалъ раздобыть таковую во что бы то ни стало.

— Да тебя какъ считать-то: не то ты съ нами робишь, не то отшибся?—спрашивалъ Кишкинъ Петра Васильича.—День поробишь да недѣлю лодырничаешь.

— Ужо погодите, управлюсь съ дѣлами, такъ въ первой головѣ пойду.

— Расчета тебѣ нѣтъ, Петръ Васильичъ: дома-то больше добудешь. Проѣзжающіе номера открылъ, а теперь, значитъ, открывай заведеніе съ арфистками... Въ самый разъ для Фотьянки теперь подойдетъ. А самъ похаживай пѣтушкомъ да командуй—всей и работы.

— Кишокъ, пожалуй, не хватитъ, Андронъ Евстратычъ,—скромничалъ Петръ Васильичъ, блаженно ухмыляясь.—Шутки шутишь надъ нашей деревенской простотой... А я какъ-то разъ былъ въ городу въ такомъ-то заведеніи и подивился, какъ огребаютъ денежки.

— Озарился, поди?.. Лютъ ты до чужихъ денегъ, Петръ Васильичъ. Глазъ у тебя такъ и заиграетъ, какъ увидитъ деньги-то...

Зачѣмъ шатался на пріиски Петръ Васильичъ, никто хорошенько не зналъ, хотя и догадывались, что онъ спроста не пойдетъ время тратить. Не таковскій мужикъ... Особенно недолюбливалъ его Матюшка, старавшійся въ компаніи поднять на смѣхъ или устроить какую-нибудь каверзу. Петръ Васильичъ относился ко всему свысока, точно дѣло шло не о немъ. Однако онъ не укрылся отъ зоркаго и опытнаго взгляда Кишкина. Разъ они сидѣли и бесѣдовали около огонька самымъ мирнымъ образомъ. Рабочіе уже спали въ балаганѣ.

— Это у тебя что назуха-то отдулась?—самымъ невиннымъ образомъ спрашивалъ Кишкинъ.

Петръ Васильичъ схватился за свою назуху, точно обожженный, а Кишкинъ засмѣялся и покачалъ головой.

— Эхъ, Петръ Васильичъ, Петръ Васильичъ,—повторялъ онъ укоризненно.—И воровать-то не умѣешь. Первое дѣло, велики у тебя вѣсы: воромысло-то и обозначилось. Ха-ха...

— Н-но-о?.. Это я въ починку захватилъ...

— Въ лѣсу починивать?.. Ну, будетъ, не валяй дурака... А ты купи маленькіе вѣски, есть такіе, въ футлярѣ. Нельзя же съ безменомъ ходить по промысламъ. Какъ разъ влопаешься. Вотъ всѣ вы такіе, мужланы: на комара съ обухомъ. Три рубля на вѣски пожалѣлъ, а головы не жаль... Да смотри, моего золота не шевели: порошину тронешь—башка прочь.

— Ну, и глазъ у тебя, Андронъ Евстратычъ: насквозь. Каюсь, былъ такой грѣхъ... Одинова попробовалъ, а лестно оно.

— Отъ кого?

Петръ Васильичъ опять замялся и заёрзалъ на мѣстѣ.

— Ну, ну, безъ тебя знаю,—успокоилъ его Кишкинъ.—Только вотъ тебѣ мой сказъ, Петръ Васильичъ... Видалъ, какъ рыбу бреднемъ ловятъ: большая щука уйдетъ, а маленькая рыбешка вся тутъ и осталась. Такъ и твое дѣло... Ястребовъ-то выкрутится: у него семьдесятъ семь ходовъ съ ходомъ, а ты влопаешься со своими вѣсами, какъ куръ во щи.

Это отеческое внушеніе и сознаніе собственной мужицкой глупости подѣйствовали на Петра Васильича самымъ угнетающимъ образомъ. Ему было

бы легче, если бы Кишкинъ прямо обругалъ его. Со всякимъ бываютъ такія скверныя положенія, когда человѣкъ радъ сквозь землю провалиться, то же самое было и съ Петромъ Васильичемъ. Убѣжать прямо отъ Кишкина было совѣстно да и оставаться тоже. Петръ Васильичъ сидѣлъ и моргалъ единственнымъ глазомъ, какъ сычъ. Мужицкая совѣсть тяжелая, и Петръ Васильичъ чувствовалъ, какъ онъ начинаетъ ненавидѣть Кишкина, ненавидѣть его за собачью догадливость. Главное, посмѣялся Кишкинъ надъ его глупостью.

— Ну, такъ какъ же?—спрашивалъ Кишкинъ, хлопая его по плечу.

— А все то же, Андронъ Евстратычъ... Напрасно ты мнѣ вѣсками-то укорилъ: пошутилъ я, никакихъ вѣсковъ нѣту со мной. Посмѣялся я, значитъ...

— Ладно, разговаривай...

— Можетъ, ты скупаешь здѣсь золото-то, тебѣ это сподручнѣе?.. Охулки на руку не положишь, а ужъ гдѣ намъ, дуракамъ!..

Они разстались врагами.

Кишкинъ угадалъ относительно дѣятельности Петра Васильича, занявшагося скупкой хищническаго золота на новыхъ промыслахъ. Дѣло было не трудное, хотя и приходилось вести его осторожно, съ разными церемоніями. Самъ Ястребовъ не скупалъ золота прямо отъ старателей и гналъ ихъ въ три шеи, если кто-нибудь приходилъ къ нему. Это всѣ знали и несли золото къ Ермошкѣ или другимъ мелкимъ ястребовскимъ скупщикамъ. Петръ Васильичъ былъ еще вновѣ, рабочіе его мало знали, и приходилось самому отправляться на промысла и вести дѣло „подъ рукой“. Опытные рабочіе не довѣряли новому скупщику, но соблазнъ заключался въ томъ, что къ Ермошкѣ нужно было еще везти золото, а тутъ получай деньги у себя на промыслахъ, изъ руки въ руку.

У Петра Васильича было нѣсколько подходовъ, чтобы отвести глаза пріисковымъ смотрителямъ и довѣреннымъ. Такъ, онъ прикидывался, что потерялъ лошадь, и выходилъ на пріискъ съ уздой въ рукахъ.

— Не видали ли, братцы, мою кобылу?—спрашивалъ онъ.—Правое ухо порото, лѣвое пнемъ... Вотъ третьи сутки въ лѣсу брожу.

— Да ты самъ-то откедова взялся?—подозрительно спрашивалъ кто-нибудь.

— А съ Мутяшки... У Кишкина на Сироткѣ робимъ.

Разговоръ завязывался. Петръ Васильичъ усаживался куда-нибудь на перемывку, закуривалъ „цыгарку“, свернутую изъ бумаги, и заводилъ неторопливыя рѣчи. Рабочіе—народъ опытный и понимали, какую лошадь ищетъ кривой мужикъ.

— Шерсть-то какая у твоей кобылы?

— Да желтая шерсть... Ни саврасая ни рыжая, а какая-то желтая уродилась. Такая ужъ мудреная скотинка...

Побесѣдовавъ, Петръ Васильичъ уходилъ и дожидался добычи гдѣ-нибудь въ сторонкѣ. Онъ пристраивался гдѣ-нибудь подъ кустикомъ и открывалъ лавочку. Подходилъ кто-нибудь изъ старателей.

— Почемъ?

— Три бумажки...

— На Малиновкѣ по четыре даютъ.

— Много даютъ, да только домой не носятъ... А мои три бумажки сейчасъ.

Въ переводѣ этотъ торгъ заключался въ желаніи скупщика пріобрѣсти золотникъ золота за три рубля, а продавецъ хотѣлъ продать по четыре. Послѣ небольшого препирательства побѣда оставалась за Петромъ Васильичемъ. Онъ

съ необходимыми предосторожностями добывалъ изъ-за пазухи свои вѣсы, завернутые въ платокъ, и принимался вѣсить принесенное золото, при чемъ не упускалъ случая обмануть, потому что вѣсы были „съ привѣсомъ“. Второпяхъ продавцу было не до провѣрки, хотя онъ долго потомъ чесалъ затылокъ, прикидывалъ въ умѣ и ругалъ кривого чорта вдогонку.

Иногда Петръ Васильичъ показывался на пріискѣ верхомъ на своей желтой кобылѣ и разыгрывалъ „заплутавшагося человѣка“, иногда приходилъ прямо въ пріисковую контору и предлагалъ доставлять какой-нибудь харчъ по очень сходной цѣнѣ и т. д. Вмѣстѣ съ практикой развивалась его изобрѣтательность и нахальство. Его уже знали на промыслахъ, и въ большинствѣ случаевъ ему стоило только показаться гдѣ-нибудь поблизости, какъ слетались сейчасъ же хищники. А золота въ Кедровской дачѣ оказалось достаточно. Вездѣ шла самая горячая работа, хотя особенно богатаго золота, о которомъ гласила стоустая молва, и не оказалось. Все-таки работать было можно, и тысячи рабочихъ находили здѣсь кусокъ хлѣба.

Добытое такимъ нелегкимъ путемъ золото сдавалось Ястребову за 20 копеекъ, т.-е. онъ прибавлялъ за каждый золотникъ 20 копеекъ премію. Сначала Петръ Васильичъ былъ чрезвычайно доволенъ, потому что въ счастливый день зашибалъ рублей до трехъ, да кромѣ того наживалъ еще на своихъ провѣсахъ и обсчетахъ рабочихъ. Въ общемъ получались довольно кругленькія денежки. Но съ Петромъ Васильичемъ повторилось то же самое, что съ матерью. Его охватило такое же чувство жадности, и ему все казалось мало. Въ самомъ, дѣлѣ, онъ наживалъ съ золотника 20 копеекъ, а Ястребовъ за здорово живешь сдавалъ въ казну этотъ же золотникъ за 4 рубля 50 копеекъ и получалъ цѣлый рубль. Конечно, Ястребовъ давалъ деньги на золото, разносилъ его по книгамъ со своихъ пріисковъ и сдавалъ въ казну, но Петръ Васильичъ считалъ свои труды больше, потому что шлялся съ уздой, валялъ дурака и постоянно рисковалъ своей шкурой какъ со стороны хозяевъ, такъ и отъ рабочихъ. И шею могутъ накостылять, и ограбить, и начальству головой выдать, а пожаловаться некому. Природная трусость Петра Васильича исчезла подъ магическимъ освѣщеніемъ золота, и онъ дѣйствовалъ смѣлѣе самыхъ опытныхъ скупщиковъ. Ахъ, если бы у него были свои деньги, что можно было бы сдѣлать! Почище Ястребова подвелъ бы механику. Съ тѣмъ же Кишкинымъ вошелъ бы въ соглашеніе, чтобы записывать скупленное золото на Сиротку. Но лиха бѣда заключалась въ томъ, что не хватало силы, а пустяками не стоило пока заниматься. Конечно, всѣ эти затаенныя мысли Петръ Васильичъ хранилъ до поры до времени про себя и Ястребову не показывалъ вида, что недоволенъ.

По предварительному уговору, съ внѣшней стороны Петръ Васильичъ и Ястребовъ продолжали разыгрывать комедію взаимной вражды. Петръ Васильичъ привязывался къ каждому пустяку въ качествѣ хозяина и ругалъ Ястребова при всемъ народѣ.

— Мамынька, это ты пустила постояльца!—накидывался Петръ Васильичъ на мать.—А кто хозяинъ въ дому?.. Я ему пок-кажу... Онъ у меня споетъ голландскимъ пѣтухомъ. Я ему носъ утру...

Баушка Лукерья выбивалась изъ силъ, чтобы утишить блажившаго сынка, но изъ этого ничего не выходило, потому что и Ястребовъ тоже лѣзъ на стѣну и нѣсколько разъ собирался поколотить сварливаго кривого чорта. Но особенно ругалъ жильца Петръ Васильичъ въ кабакѣ Фролки, гдѣ народъ помиралъ со смѣху.

— Надулся пузырь и думаетъ: шире меня нѣтъ!..—выкрикивалъ онъ по

адресу Ястребова.—Нѣтъ, погоди, братъ... Я тебѣ смажу салазки. Такой же мужикъ, какъ и нашъ братъ. На чужія деньги распухъ...

Когда Ястребовъ на своей тройкѣ проѣзжалъ мимо кабака, Петръ Васильичъ выскакивалъ на дорогу, отвѣшивалъ низкій поклонъ и кричалъ:

— Возьми меня съ собой въ Сибирь, Никита Ивановичъ. Одному-то тебѣ скучно будетъ ѣхать.

Дѣло доходило до того, что Ястребовъ жаловался на него въ волость, и Петра Васильича вызывали волостные старички для внушенія.

— Ты не показывай изъ себя богатаго-то,—усовѣщевали старички огрызавшагося Петра Васильича,—какъ разъ насыплемъ, чтобы помнилъ. Чего тебѣ Ястребовъ помѣшалъ, кривой ерахтѣ?

— А вотъ это самое и помѣшалъ,—не унимался Петръ Васильичъ.—Терпѣть его ненавижу... Чѣмъ я знаю, какими онъ дѣлами у меня въ избѣ занимается, а потомъ съ судомъ не расхлебаешься. Тоже можемъ свое понятіе имѣть...

— Отодрать тебя, вса. Вотъ и весь разговоръ... Что больно перья-то распустилъ?

IV.

Извѣстіе о бѣгствѣ Ѳени отъ баушки Лукерьи застало Родіона Потапыча въ самый критическій моментъ, именно, когда Рублиха выходила на вековую двадцатую сажень, гдѣ должна была произойти „пересѣчка". Старикъ былъ такъ увлеченъ своей работой, что почти не обратилъ вниманія на это новое горшее несчастье, или только сдѣлалъ такой видъ, что окончательно махнулъ рукой на когда-то самую любимую дочь. Укрѣпился старикъ и не выдалъ своего горя на посмѣяніе чужимъ людямъ.

Рабочихъ на Рублихѣ всего больше интересовало то, какъ теперь Карачунскій встрѣтится съ Родіономъ Потапычемъ, а встрѣтиться они были должны неизбѣжно, потому что Карачунскій тоже начиналъ увлекаться новой шахтой и слѣдилъ за работой съ напряженнымъ вниманіемъ. Эта встрѣча произошла на днѣ Рублихи, куда спустился Карачунскій по стремянкѣ.

— Обманула, видно, насъ двадцатая-то сажень?—спокойно проговорилъ Карачунскій, осматривая забой.

— Сдвигъ дала жила,—такъ же спокойно отвѣтилъ Родіонъ Потапычъ.—Некуда ей дѣваться... Не иголка.

Больше между ними не было сказано ни одного слова. Дѣло въ томъ, что Родіонъ Потапычъ рѣзко раздѣлялъ для себя Карачунскаго-управляющаго отъ Карачунскаго-соблазнителя Ѳени. Перваго онъ въ настоящую трудную минуту даже любилъ, потому что Карачунскій въ достаточной степени заразился вѣрой въ эту самую Рублиху и съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ впередъ. Дѣло усложнялось тѣмъ, что промысловый годъ уже былъ на исходѣ, первоначальная смѣта на разработку Рублихи давно перерасходована, и отъ одного Карачунскаго зависѣло выхлопотать у компаніи дальнѣйшія ассигновки. Инженеръ Оникovъ съ самаго начала былъ противъ новой шахты и, конечно, съ своей стороны могъ много повредить дѣлу. Однимъ словомъ, дорога была каждая минута, и нужно было поставить Карачунскаго въ такое положеніе, когда объ отступленіи нечего было бы и думать. Родіонъ Потапычъ слишкомъ хорошо, по личному опыту, изучилъ всѣ признаки промысловой горячки и въ Карачунскомъ видѣлъ своего единомышленника, отъ котораго зависѣло все. Новая исторія съ Ѳеней была тутъ ни при чемъ.

Когда Родіонъ Потапычъ въ ближайшую субботу вернулся домой, и когда Устинья Марковна повалилась къ нему въ ноги со своими причитаньями и слезами, онъ отвѣтилъ всего однимъ словомъ:

— Знаю...

Больше о Ѳенѣ въ зыковскомъ домѣ ничего не было сказано, точно она умерла. Когда старикъ узналъ о бѣгствѣ Марьи на Фотьянку, то только махнулъ рукой, точно сбѣжала кошка. Въ этомъ сказался мужицкій взглядъ на дѣвку въ семьѣ, какъ на что-то чужое, что̀ не-сегодня-завтра вспорхнетъ и улетитъ. Была Марья, не стало Марьи—лишній ротъ съ костей долой. Захотѣла своего дѣвичьяго хлѣба отвѣдать, ну и пусть ее... Устинья Марковна въ глубинѣ души была рада, что все обошлось такъ благополучно, хотя и наблюдала потихоньку грознаго мужа, который какъ будто немного даже рехнулся.

„Хоть бы для видимости построжилъ, — даже пожалѣла про себя привыкшая всего бояться старуха.—Какой же порядокъ въ дому безъ настоящей страсти? Вонъ Наташка скоро заневѣстится и тоже, пожалуй, сбѣжитъ, или ять Прокопій задуритъ“.

Устинья Марковна съ душевной болью чувствовала одно, что въ своемъ собственномъ домѣ Родіонъ Потапычъ является чужимъ человѣкомъ, точно ему вдругъ стало все равно, что̀ дѣлается въ своемъ гнѣздѣ. Очень ужъ это было обидно, и Устинья Марковна потихоньку отъ всѣхъ разливалась рѣкой.

Когда Родіонъ Потапычъ вернулся на свой Ульяновъ крякъ, тамъ произошло цѣлое событіе, о которомъ толковала вкривь и вкось вся Фотьянка. Дѣло въ томъ, что Тарасъ Мыльниковъ, благодаря ходатайству Ѳени, получилъ дѣлянку чуть не рядомъ съ главной шахтой, всего въ какихъ-нибудь ста саженяхъ. Сначала Родіонъ Потапычъ не повѣрилъ собственнымъ ушамъ и отправился на мѣсто дѣйствія. Дудку Мыльникова отъ компанейской работы отдѣляла одна небольшая еловая заросль. Когда старикъ пришелъ на мѣсто, тамъ уже кипѣла горячая работа. Самъ Тарасъ стоялъ по грудь въ заложенной дудкѣ и короткой лопатой выкидывалъ землю „пустякъ“ на полати, устроенныя изъ краденыхъ съ шахты досокъ. Окся сваливала „пустякъ“ въ тачку и отвозила въ сторону, гдѣ уже желтѣла новая свалка.

— Да ты съ ума сошелъ, безумная голова? — накинулся Родіонъ Потапычъ на непризнаннаго зятя.—Куды залѣзъ-то?..

— Родіону Потапычу сорокъ одно съ кисточкой... — весело отвѣтила голова Тараса изъ ямы.—Аль завидно стало? Не бойсь, твоего золота не возьму... Раздѣлимся какъ-нибудь.

— Да вѣдь здѣсь компанейское мѣсто, песъ кудлатый?.. Ступай на Краюхинъ увалъ: тамъ ваше мѣсто.

— Самъ ступай, коли такъ поглянулось, а я здѣсь останусь. Промежду прочимъ, самъ Степанъ Романычъ соблаговолилъ отвести дѣляночку... Его спроси.

— Ну, это ужъ ты врешь!..

— Вотъ что̀ я тебѣ скажу, Родіонъ Потапычъ: и чего намъ ссориться? Слава Богу, всѣмъ матушки-земли хватитъ, а я изъ своихъ двадцати пяти саженъ не выйду и вглубь дальше десятой сажени не пойду. Однимъ словомъ, по положенію, какъ всѣ другіе прочіе народы... Спроси, говорю, Степанъ-то Романыча!.. Благодѣтель онъ...

Старый штейгеръ плюнулъ на конкурента, повернулся и ушелъ.

— Эй, Родіонъ Потапычъ, не плюй въ колодецъ!—кричалъ вслѣдъ ему Мыльниковъ, — какъ бы самому же напиться не пришлось... Всяко бываетъ.

А вотъ тебѣ такое золото обыщу, что не поздоровится. А ты, Окся, что̀ имемъ стала? Чему обрадовалась-то?

Родіонъ Потапычъ уже на мѣстѣ сообразилъ, какими путями Мыльниковъ добился своей дѣляпки, и только покачалъ головой.

„Эхъ, слабъ Степанъ Романычъ до женскаго полу и только себя срамитъ поблажкой. Тотъ же Мыльниковъ охаетъ его вездѣ. Несъ и есть несъ: добра не помнитъ“.

Карачунскій, дѣйствительно, не показывался на Рублихѣ съ недѣлю: онъ совѣстился неподкупнаго стараго штейгера.

А Мыльниковъ копалъ себѣ да копалъ, какъ кротъ. Когда нельзя было выкидывать землю, онъ поставилъ деревянный воротокъ, какіе дѣлались надъ всѣми старательскими работами, а Окся „выхаживала“ воротомъ добытую въ дудкѣ землю. Но двоимъ теперь было трудно, и Мыльниковъ прихватилъ изъ фотьянскаго кабака стараго палача Никитушку, который все равно шлялся безъ всякаго дѣла. Это былъ рослый сгорбленный старикъ съ мутными, точно оловянными глазами, взъерошенной головой и длинными, необыкновенно сильными руками. Когда-то рыжая окладистая борода скатывалась войлокомъ цвѣта верблюжьей шерсти. Ходилъ Никитушка въ оборванномъ армякѣ и опоркахъ, но всегда въ красной кумачовой рубахѣ, которая для него являлась чѣмъ-то въ родѣ мундира. Городскіе купцы дарили ему каждый годъ по нѣсколько такихъ рубахъ, заставляя пѣть острожныя варнацкія пѣсни и приплясывать.

— Эй, тятенька, шевели бородой! — покрикивалъ Мыльниковъ палачу изъ своей ямы.

Это была, во всякомъ случаѣ, оригинальная компанія: отставной казенный палачъ, шваль Мыльниковъ и Окся. Какъ ухищрялся добывать Мыльниковъ пропитаніе на всѣхъ трехъ, трудно сказать; но пропитаніе, хотя и довольно скудное, все-таки добывалось. Въ котелкѣ Окся варила картошку, а потомъ являлся ржаной хлѣбъ. Палачъ Никитушка, когда былъ трезвый, почти не разговаривалъ ни съ кѣмъ,—уставитъ свои оловянные глаза и молчитъ. Поѣстъ, выкуритъ трубку и опять за работу. Мыльниковъ часто приставалъ къ нему съ разными пустыми разговорами.

— Поди, въ другой разъ ночью пригрезится, какъ полосовалъ прежде каторжанъ,—страшно сдѣлается? Тоже вѣдь и въ палачѣ живая душа... а?..

— Отстань, смола...

Но стоило выпить Никитушкѣ одинъ стаканчикъ водки, какъ онъ дѣлался совершенно другимъ человѣкомъ, — пѣлъ пѣсни, плясалъ, разсказывалъ всѣ подробности своего заплечнаго мастерства и вообще разыгрывалъ кабацкаго дурачка. Всѣ знали эту слабость Никитушки и по праздникамъ дѣлали изъ нея родъ спорта.

Втроемъ работа подвигалась очень медленно и чѣмъ глубже, тѣмъ медленнѣе. Мыльниковъ въ сердцахъ уже нѣсколько разъ побилъ Оксю, но это мало помогло дѣлу. Наступившіе заморозки увеличили неудобства: нужно было и теплую одежу и обувь, а осенній день не великъ. Даже Мыльниковъ задумался надъ своимъ дикимъ предпріятіемъ. Дудка шла все еще на пятой сажени, потому что попадался все чаще и чаще въ „пустякѣ“ каменьребровикъ, который точно чортъ подсовывалъ.

— Теперь ужъ скоро жилка будетъ, — увѣрялъ самого себя Мыльниковъ. — Мнѣ еще покойный Кривушокъ сказывалъ, когда, бывало, выѣстѣ пировали. Родіонъ-то Потапычъ достигаетъ ее на глыби, а она вся поверху расщепилась. Расшибло ее, жилу...

Это была совершенно оригинальная теорія залеганія золотоносныхъ жилъ, но нужно было чему-нибудь вѣрить, а у Мыльникова, какъ и у другихъ старателей, была своя собственная геологія и терминологія промысловаго дѣла. Наконецъ въ одно прекрасное утро терпѣніе Мыльникова лопнуло. Онъ вылѣзъ изъ дудки, бросилъ оземь мокрую шапку и рукавицы и проговорилъ:

— А чортъ съ ней и съ дудкой... Черезъ этотъ самый „пустякъ“ и съ діомидомъ не пролѣзешь. Глыбко ушла жила... Должно полагать, спьяну навралъ проклятый Кривушокъ, не тѣмъ будь помянутъ покойникъ.

Палачъ угрюмо молчалъ, Окся тоже. Мыльниковъ презрительно посмотрѣлъ на своихъ сотрудниковъ, присѣлъ къ огоньку и озлобленно закурилъ трубочку. У него въ головѣ вертѣлись самыя горькія мысли. Въ самомъ дѣлѣ, рылъ-рылъ землю, робилъ-робилъ и, кромѣ „пустяка“, ни синь-пороха. Хоть бы поманило чѣмъ-нибудь... Эхъ, жисть! Лучше бы ужъ у Кишкина на Мутяшкѣ пропадать.

— Такъ, значитъ, тово... пошабашимъ? — спрашивалъ палачъ совершенно равнодушно, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ.

— Кто это тебѣ сказалъ? — воспрянулъ духомъ Мыльниковъ; раздумье съ него соскочило, какъ съ гуся вода. — Ну, нѣтъ, братъ... Не таковскій человѣкъ Тарасъ Мыльниковъ, чтобы отъ богачества отказался. Эй, Окся, айда въ дудку...

— Не полѣзу...—рѣшительно заявила Окся, угрюмо глядя на запачканный свѣжей глиной родительскій азямъ.

Мыльниковъ сразу остервенился и избилъ несчастную Оксю въ лоскъ,— надо же было на комъ-нибудь сорвать расходившееся сердце.

— Я тебя, курву, внизъ головой спущу въ дудку! — оралъ Мыльниковъ, уставъ отъ внушенія.—Палачъ, давай привяжемъ ее за ногу къ канату и спустимъ.

Палачъ былъ согласенъ. Въ виду такого критическаго положенія, Окся, обливаясь слезами, сама спустилась въ дудку, гдѣ съ трудомъ можно было повернуться живому человѣку. Ее обрадовало то, что здѣсь было теплѣе, чѣмъ наверху, но, съ другой стороны, стѣнки дудки были покрыты липкой слезившейся глиной, такъ что она не успѣла наложить двухъ бадей „пустяка“, какъ вся промокла—и ноги мокрыя, и спина, и платокъ на головѣ. Присѣла Окся и опять заревѣла. Какъ она пойдетъ съ Ульянова кряжа на Фотьянку— околѣетъ дорогой. А Мыльниковъ уже ругался наверху, прислушиваясь къ всхлипыванію Окси.

— Вотъ я тебя!—кричалъ онъ, бросая сверху комья мерзлой глины.— Я тебя выучу, какъ родителя слушать... То-то наказалъ Господь-Батюшка дурой неотесанной!.. Хоть пополамъ разорвись...

Тяжело достался Оксѣ этотъ проклятый день... А когда она вылѣзла изъ дудки, на ней нитки не было сухой. Наверху ее сразу охватило такимъ холодомъ, что зубъ на зубъ не попадалъ.

— Бѣги бѣгомъ, дура, согрѣешься на ходу!—пожалѣлъ ее чадолюбивый папаша.—А то какъ разъ замерзнешь еще... Наотвѣчаешься за тебя!..

Окся, дѣйствительно, бросилась бѣжать, но только не по дорогѣ въ Фотьянку, а въ противоположную сторону, къ Рублихѣ.

— Не туда, дура!.. — кричалъ ей вслѣдъ Мыльниковъ. — Ахъ, дура... Не туда!..

Но Окся быстро скрылась въ еловой заросли, а потомъ прибѣжала прямо на компанейскую шахту и забралась въ теплую конторку самого Родіона Потапыча. Какъ на грѣхъ, самого старика въ этотъ критическій мо-

менѣ не случилось дома—онъ закладывалъ шнуръ въ шахтѣ, а въ конторкѣ горѣла одна жестяная лампочка. Оксю охватила пріятная теплота жарко натопленной комнаты. Сначала она посидѣла у стола, а потомъ быстро разомлѣла и комомъ свалилась на широкую лавку, на которой спалъ старикъ, подложивъ подъ себя шубу. Окся такъ измучилась, что сейчасъ же захрапѣла, какъ зарѣзанная. Можно себѣ представить удивленіе и негодованіе Родіона Потапыча, когда онъ вернулся въ свою конторку и на своемъ ложѣ нашелъ спящую невинную пріисковую дѣвицу.

— Эй, ты, птаха... — трясъ ее за плечо разсерженный старикъ. — Не туды залетѣла!.. Чья ты будешь-то?

Окся открыла глаза, сѣла и рѣшительно ничего не могла сказать въ свое оправданіе, а только что-то такое мычала несуразное. Странная вещь,— ее спасла та пріисковая глина, которой было измазано все платье, ноги, руки и лицо. У Родіона Потапыча существовало какое-то органическое чувство уваженія вотъ именно къ этой глинѣ, которая покрываетъ настоящаго рабочаго человѣка. И сейчасъ онъ подумалъ, что не шатущая эта дѣвка, коли вся въ глинѣ, чортъ чортомъ. Отъ мокраго платья Окси валилъ паръ, какъ отъ загнанной лошади,—это тоже послужило смягчающимъ обстоятельствомъ.

— Изъ дудки только вылѣзла... — коротко объяснила Окся, оглядывая свой незамысловатый костюмъ, состоявшій изъ нестрядиной станушки, ветхаго ситцеваго сарафанишка и кофточки на какомъ-то собачьемъ мѣху.— Едва не околѣла отъ холоду...

— Можетъ, и поѣсть хочешь?

— Съ утра не ѣдала...

Разговоръ былъ вообще несложный. Родіонъ Потапычъ добылъ изъ сундука свою „паужину“ и раздѣлилъ съ Оксей, которая глотала большими кусками, съ жадностью бездомной собаки, и даже жмурилась отъ удовольствія. Старикъ смотрѣлъ на свою гостью, и въ его суровую душу закрадывалась предательская жалость, смѣшанная съ тяжелымъ мужицкимъ презрѣньемъ къ бабѣ вообще.

— Откудова ты взялась-то, птаха?..

— А съ дудки... отъ Мыльникова.

— Такъ онъ тебя въ дудку запятилъ? То-то безголовый мужичонка... Кто же бабъ въ шахту посылаетъ: такого закону нѣтъ. Ну, и дуракъ этотъ Тарасъ... Какъ ты къ нему-то попала? Фотьянская, видно?

— Дочь я Тарасу, Окся...

Родіонъ Потапычъ нахмурился и отвернулся отъ внучки. Этого онъ уже никакъ не ожидалъ... Вотъ такъ внучка! Закусивъ, Окся опять прилегла, и у нея начали опять слипаться глаза.

— Ну, теперь ступай...—сурово проговорилъ старикъ, не повертываясь.— Поѣла, согрѣлась и ступай.

— Вотъ еще выдумалъ! Куды я пойду-то? Тоже и сказалъ...

— Да ты съ кѣмъ разговариваешь-то?

— Отстань, что привязался-то!.. Вотъ еще выискался...

Родіонъ Потапычъ хотѣлъ еще сказать что-то и раскрылъ даже ротъ, но Окся уже храпѣла. Онъ посмотрѣлъ на нее, покачалъ головой и на цыпочкахъ вышелъ изъ своей конторки. Паровая машина, откачивающая воду, мѣрно гудѣла, изъ шахты доносились предсмертные хрипы, лязгъ желѣзныхъ скрѣпленій и методическія постукиванья шестеренъ. Родіонъ Потапычъ подошелъ къ паровымъ котламъ, присѣлъ у топки, и вырвавшееся яркое пламя освѣтило на сердитомъ старческомъ лицѣ какую-то дѣтскую улыбку, которая

легкой тѣнью мелькнула на губахъ, искоркой вспыхнула въ глазахъ и сейчасъ же схоронилась въ глубокихъ морщинахъ старческаго лица.

— Вѣдь сама пришла, птаха...—вслухъ думалъ старикъ, испытывая какое-то необыкновенное радостное настроеніе.—Вотъ и поди, потолкуй съ ней!.. Какъ домой пришла...

Вся Рублиха, т.-е. машинисты, кочегары, штейгера и рабочіе были скомфужены ежедневнымъ появленіемъ Окси въ конторѣ Родіона Потапыча. Она приходила сюда точно домой и въ нѣсколько дней натащила какого-то бабьяго скарба, тряпицъ и „перемѣнокъ“. Старикъ все выносилъ терпѣливо. Даже свою лавочку онъ уступилъ Оксѣ, а себѣ поставилъ у противоположной стѣны другую. Положимъ, всѣ знали, что Окся—родная внучка Родіону Потапычу и что въ пребываніи ея здѣсь нѣтъ ничего зазорнаго, но все-таки вдругъ баба на шахтѣ,—какое ужъ тутъ золото.

— Ты бы, Родіонъ Потапычъ, и то выгналъ Оксюху-то,—совѣтовалъ подручный штейгеръ.—Негожее дѣло, когда бабій духъ заведется въ такомъ мѣстѣ... Не модель, однимъ словомъ.

Родіонъ Потапычъ, къ общему удивленію, на такія разумныя рѣчи только усмѣхался. Поговорятъ да перестанутъ...

V.

Съ первымъ выпавшимъ снѣгомъ большинство работъ въ Кедровой дачѣ прекратилось, за исключеніемъ пяти-шести большихъ пріисковъ, гдѣ промывка шла въ теплыхъ казармахъ. Одинъ такой пріискъ былъ у Ястребова на Генералкѣ, существовавшій спеціально для того, чтобы въ его книгу списывать хищническое золото. Кишкинъ бился на своей Сироткѣ до послѣдней крайности, пока можно было работать, но съ первымъ снѣгомъ долженъ былъ отступить: не брала сила. Отъ лѣтней работы у него оставалось около ста рублей, но на нихъ далеко не уѣдешь. Попробовалъ Кишкинъ обратиться опять къ своему доброхоту, секретарю Каблукову, но получилъ суровый отказъ.

— Жирно будетъ, пожалуй, подавишься...

— Да вѣдь дѣло-то вѣрное, Илья Ѳедотычъ!.. Вотъ только бы теплушку казарму поставить... Вѣрнѣе смерти. На золотникъ *) вышли бы.

— Ладно, разсказывай... Слыхали мы про ваши золотники. Всѣ вы рехнулись съ этой Кедровской дачей...

— Такъ и не дашь?

— И самъ не дамъ и другому заказку, чтобы не давалъ.

— Иродъ ты послѣ этого... Своей пользы не понимаешь! У Ястребова есть заявка на Мутяшкѣ, верстахъ въ десяти отъ моего пріиска... Болотинка въ берегъ ушла, ну, онъ пошурфовалъ и бросилъ. Знаки попадали, а настоящаго ничего нѣтъ. Какъ-то встрѣчаю его, разговорились, а онъ мнѣ: „Бери хоть даромъ болотину-то...“. А я все къ ней приглядывался еще съ лѣта: приличное мѣстечко. Въ томъ родѣ, какъ тогда на Фотьянкѣ. Такъ вотъ какое дѣло выпадаетъ, а ты: „жирно будетъ“. Своего счастья не понимаешь. Вторая Фотьянка будетъ, ужъ ты повѣрь моему слову...

Это предложеніе разсмѣшило сердитаго секретаря до слезъ.

— Такъ своего счастья не понимаю? Ахъ, вы, шуты гороховые... Вторая Фотьянка... ха-ха... Попадешь ты въ сумасшедшую больницу, Андрошка...

---

*) На золотникъ выйти—найти золотоносный плазть съ содержаніемъ золота въ 100 пудахъ песку 1 золотникъ.

Лягушекъ въ болотѣ давить, а онъ богатства ищетъ. Нѣтъ, ты святого на грѣхъ наведешь.

Посмѣялся секретарь Каблуковъ надъ „вновь представленнымъ“ золотопромышленникомъ, а денегъ все-таки не далъ. Знаменитое дѣло по доносу Кишкина запало гдѣ-то въ дебряхъ канцелярской волокиты, потому что ушло на предварительное разсмотрѣніе горнаго департамента, а потомъ уже должно было появиться на общихъ судебныхъ основаніяхъ. Именно такой оборотъ и веселилъ секретаря Каблукова, потому что главное—выиграть время, а тамъ хоть трава не расти. На прощанье онъ дружелюбно потрепалъ Кишкина по плечу и проговорилъ:

— Только ты себя осрамилъ, Андроника... Выйдетъ тебѣ рѣшеніе какъ разъ послѣ морковкина заговѣнья. Заварить-то кашу заварилъ, а ложки не припасъ... Эхъ, ты, чижиково горе!..

— А что, развѣ есть слухи?

— Ну, ужъ это тебя не касается. Ступай да поищи лучше свою вторую фотьянскую розсыпь... Лягушатникъ тебѣ пожертвуетъ Ястребовъ.

— Ахъ, продъ... Будешь послѣ ногти грызть, да только поздно. Помянешь меня, Илья Ѳедотычъ...

— Помяну въ родительскую субботу...

Итакъ, всѣ рессурсы были исчерпаны вконецъ. Оставалось ждать долгую зиму, сидя безъ всякаго дѣла. На Кишкина напало то глухое молчаливое отчаяніе, которое извѣстно только дѣловымъ людямъ, когда всѣ ихъ планы рушатся. Въ такомъ именно настроеніи возвращался Кишкинъ на свое пепелище въ Балчуговскій заводъ, когда ему на дорогѣ попалъ пьяный Кожинъ, кричавшій что-то издали и размахивавшій руками.

— Слыхалъ новость, Андронъ Евстратычъ?

— Чортъ съ печи упалъ?..

— Хуже... Тарасъ-то Мыльниковъ вѣдь натакался на жилу. Вѣрно тебѣ говорю... Сказываютъ, золото такъ лепешками и сидитъ въ скварцѣ, хоть ногтями его выколупывай. Этакой жилки, сказываютъ, еще не бывало съ роду. Окся эта самая робила въ дудкѣ и нашла...

— Ты куда, Акинфій Назарычъ, ѣдешь-то?

— А самъ не знаю... Въ городъ мчу, а тамъ видно будетъ.

— Поѣдемъ-ка лучше на Фотьянку: продуетъ вѣтеркомъ дорогой. Дай отдохнуть винту-то...

— Не я пью, Андронъ Евстратычъ: горе мое лютое пьетъ. Тошно мнѣ дома, вотъ и мыкаюсь... Мамынька посулила проклятіе наложить, ежели не остепенюсь.

— Такъ ѣдемъ... Жилку у Тараса поглядимъ. Вотъ именно, что дуракамъ счастье... И Окся эта самая глупѣе полѣна.

Они вмѣстѣ отправились на Фотьянку. Дорогой пьяная оживленность Кожина вдругъ смѣнилась полнымъ упадкомъ душевныхъ силъ. Кишкинъ тоже угнетенно вздыхалъ и время отъ времени встряхивалъ головой, припоминая свой разговоръ съ проклятымъ секретаремъ. Онъ жалѣлъ, что разболтался относительно болота на Мутяшкѣ,—хитеръ Илья Ѳедотычъ, какъ разъ подошлетъ кого-нибудь къ Ястребову и отобьетъ. Отъ него все станется... Подъ этимъ впечатлѣніемъ завязался разговоръ.

— Какіе подлецы на бѣломъ свѣтѣ живутъ, Акинфій Назарычъ...

— Это вы насчетъ меня?

— Нѣтъ... Я про одного человѣка, который не знаетъ, куда ему съ деньгами дѣваться, а пришелъ старый пріятель, попросилъ денегъ на дѣло,

такъ нѣтъ. Вѣдь не далъ... А школьниками вмѣстѣ учились, на одной партѣ сидѣли. А дѣльце-то какое: повѣрите въ десять разъ, чѣмъ жилка у Тараса. Однимъ словомъ, богачество... Ужъ я это самое дѣло вотъ какъ знаю, потому какъ еще за казной набилъ руку на промыслахъ. Сотню тысячъ можно зашибить, ежели съ умомъ...

— Сотню?

— Больше...

Кожинъ какъ-то сразу прочухался отъ такой большой цифры и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего спутника, который показался ему такимъ маленькимъ и жалкимъ

— Руку легкую надо на золото...—замѣтилъ въ раздумьѣ Кожинъ, впадая опять въ свое полусонное состояніе.

— А кто фотьянскую розсыпь открылъ?..

— Это точно... Ахъ, волкъ тебя заѣшь. Правильно... Сколько тебѣ денегъ-то надобно?

— Самые пустяки: рублей пятьсотъ на первый разъ...

— Пять катеринокъ... Такъ онъ, другъ-то, не далъ?.. А вотъ я дамъ... Что раньше у меня не попросить? Нѣтъ, раньше-то я и самъ бы тебѣ не далъ, а сейчасъ бери, потому какъ мои деньги сейчасъ счастливыя... Примѣта такая есть.

— Это ты насчетъ Оедосьи Родіоновны?

— Объ ней объ самой... Для чего мнѣ деньги, когда я жизни своей постылой не радъ, ну, онѣ и придутъ ко мнѣ.

Все это было такъ неожиданно, что Кишкинъ ушамъ своимъ не вѣрилъ. И примѣта самая правильная...

— Только уговоръ дороже денегъ, Андронъ Евстратычъ: увези меня съ собой въ лѣсъ, а то все равно руки на себя наложу. Оеня моя, Оеня... родная... голубка...

Нужно было ѣхать черезъ Балчуговскій заводъ; Кишкинъ повернулъ лошадь объѣздомъ, чтобы оставить въ сторонѣ господскій домъ. У старика кружилась голова отъ неожиданнаго счастья, точно эти пятьсотъ рублей свалились къ нему съ неба. Онъ такъ вѣрилъ теперь въ свое дѣло, точно оно уже было совершившимся фактомъ. А главное, какъ примѣты-то всѣ сошлись: оба несчастные, оба не знаютъ куда голову преклонить. Да тутъ золото само полѣзетъ. И какъ это раньше ему Кожинъ не пришелъ на умъ?.. Ну, да все къ лучшему. Оставалось уломать Ястребова.

Открытіе Мыльниковымъ новой жилки произвело потрясающее впечатлѣніе. Вся Фотьянка встрепенулась. Золото оказалось подъ бокомъ, и какое золото!.. Въ нѣсколько дней выросла цѣлая легенда объ „Оксиной жилѣ“. Разсказывали чудеса о томъ, какъ жила не давалась самому Мыльникову и палачу, а все-таки не могла уйти отъ невинной пріисковой дѣвицы. Сама Окся, сколько ее ни допрашивали, ничего не умѣла разсказать, а только скалила свои бѣлые зубы и глупо ухмылялась. Зимой народъ оставался опять безъ работы и промышлялъ „около домашности“, поэтому неожиданное счастье Мыльникова особенно бросалось всѣмъ въ глаза. Въ кабакѣ Фролки собирались всѣ новости, обсуждались и разносились во всѣ стороны. Мыльниковъ являлся въ кабакъ по нѣсколько разъ въ день и разсказывалъ такія несообразности, что даже желавшіе ему вѣрить должны были только качать головой. Очень ужъ онъ вралъ...

— Это отъ Кривушка отшибласъ жилка-то,—объяснялъ Мыльниковъ, отчаянно жестикулируя. — Онъ самъ сказывалъ: „Такъ, грить, самоваромъ

золото-то и ушло вглубь...". Ну, кампанія свою Рубляху наладила, а самоварь-то вонъ куда отмагнился. Изъ глазъ ушло золото-то у Родіона Потапыча...

Въ нѣсколько дней Мыльниковъ совершенно преобразился: онъ щеголялъ въ красной кумачевой рубахѣ, въ плисовыхъ шароварахъ, въ новой шапкѣ, въ новомъ полушубкѣ и новыхъ пимахъ (валенкахъ). Но его гордостью была лошадь, купленная на первыя деньги. Имѣть собственную лошадь всегда было недосягаемой мечтой Мыльникова, а тутъ вся лошадь въ сборѣ и съ кошевнями—садись и поѣзжай.

Мыльниковъ для пущей важности всюду ѣздилъ вмѣстѣ съ палачомъ Никитушкой, который состоялъ при немъ въ качествѣ адъютанта. Это производило еще бо́льшую сенсацію, такъ какъ маршрутъ состоялъ всего изъ двухъ пунктовъ: отъ кабака Фролки доѣхать до кабака Ермошки и обратно. Впрочемъ, нужно отдать справедливость Мыльникову: онъ съ первыми деньгами заѣхалъ домой и выдалъ женѣ цѣлыхъ три рубля. Это были первыя деньги, которыя получила въ свои руки несчастная Татьяна во все время замужества, такъ что она даже заплакала.

— Озолочу всѣхъ...—бахвалился Мыльниковъ передъ женой.

Чѣмъ существовала Татьяна съ ребятишками все это время, какъ Тарасъ забросилъ свое сапожное ремесло,—трудно сказать, какъ о всѣхъ бѣдныхъ людяхъ. Но она какъ-то перебилась и сама теперь удивлялась этому.

— Погоди, Татьяна, такой дворецъ выстроимъ,—хвастался Мыльниковъ.—Въ томъ родѣ, какъ была „пьяная контора"... Сказалъ: всѣхъ озолочу!

Въ слѣдующій разъ Мыльниковъ привезъ женѣ бутылку мадеры и коробку сардинъ, чѣмъ окончательно ее сконфузилъ. Впрочемъ, мадеру онъ выпилъ самъ, а сардинки велѣлъ сварить. Однимъ словомъ, зачудилъ мужикъ... Въ заключеніе Мыльниковъ обошелъ кругомъ свою проваленную избенку, даже постучалъ кулакомъ въ стѣны и проговорилъ:

— Дыра какая-то анаѳемская!..

У него сейчасъ мелькнулъ въ головѣ планъ новенькаго полукаменнаго домика съ раскрашенными ставнями. И на Фотьянкѣ начали мужики строиться—тамъ крыша новая, тамъ ворота, тамъ срубъ, а онъ всѣмъ покажетъ, какъ надо строиться.

Именно въ этотъ моментъ торжества Мыльникова на Фотьянку пріѣхали Кишкинъ съ Кожинымъ. Ихъ по дорогѣ обогналъ Мыльниковъ, у котораго въ кошевняхъ сидѣла цѣлая ватага пьяныхъ мужиковъ.

— Андрону Евстратычу!..—кричалъ Мыльниковъ, размахивая шапкой.—Что́ больно скукожился? Хошь денегъ?.. Вотъ только четвертной билетъ размѣняю въ заведеніи...

— Экъ вино-то въ тебѣ разыгралось, Тарасъ!..—подивился Кишкинъ.—Очень ужъ перья-то распустилъ... Да и пріятелей хорошихъ нашелъ.

— Охъ, и не говори: такая кампанія, что знакомому чорту подарить, такъ не возьметъ... А какова у меня лошадка, Аѳинѳій Назарычъ? Сорокъ цалковыхъ дадена...

— Замучишь, только и всего,—замѣтилъ Кожинъ, хозяйскимъ глазомъ посмотрѣвъ на взмыленную лошадь.—Не къ рукамъ конь...

На Фотьянку Кишкинъ пріѣхалъ прямо къ Петру Васильичу, чтобы сейчасъ же покончить все дѣло съЯстребовымъ, который на счастье случился дома. Имъ помѣшалъ только Ермошка, который теперь часто наѣзжалъ въ Фотьянку; приманкой для него служила Марья Родіоновна, на которую онъ перенесъ сейчасъ всѣ симпатіи. Если не судилъ Богъ жениться на Ѳенѣ, такъ надо взять, видно, Марью,—дѣвица вполнѣ правильная, безъ ошибочки.

Да и Марья Родіоновна въ какой-нибудь мѣсяцъ совершенно измѣнилась: пополнѣла, сдѣлалась такой бойкой, а въ глазахъ огоньки такъ и играютъ.

— Погодите, Марья Родіоновна, пусть только моя Дарья издохнетъ, — уговаривался Ермошка впередъ,—сейчасъ же сватовъ зашлю...

— Андроны ѣдутъ, когда-то будутъ,—отшучивалась Марья.—Да и мое-то дѣвичье время ужъ прошло. Помоложе найдете, Ермолай Семенычъ.

— Въ самый вы разъ мнѣ подойдете, Марья Родіоновна... Какъ на заказъ.

Именно такой разговоръ и былъ прерванъ появленіемъ Кишкина и Кожина. Ермошка сразу нахмурился и недружелюбно посмотрѣлъ на своего счастливаго соперника, разстроившаго всѣ его планы семейной жизни. Пока Кишкинъ разговаривалъ съЯстребовымъ въ его комнатѣ, всѣ трое находились въ очень неловкомъ положеніи. Кожинъ упрямо смотрѣлъ на Марью Родіоновну и молчалъ.

— Вы не насчетъ ли золота?—спросила она его.

— Желаю попробовать счастья, Марья Родіоновна: гдѣ наше не пропадало. Вотъ съ Кишкинымъ въ кампанію вступаю...

— И весьма напрасно-съ,—замѣтилъ Ермошка,—пустой старичонка и пустыя слова разговариваетъ...

Ермошка вообще чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ и постарался убраться подъ какимъ-то предлогомъ. Кожинъ оставался и продолжалъ молчать.

— А что Ѳеня?—тихо спросилъ онъ.—Знаете, что я вамъ скажу, Марья Родіоновна: не жилецъ я на бѣломъ свѣтѣ. Чужой хожу по людямъ... И такъ мнѣ тошно, такъ тошно!.. Нѣтъ, зачѣмъ я это говорю?.. Вы не поймете, да и не дай Богъ никому понимать...

— Вы Богу молиться попробуйте, Акинфій Назарычъ...

— Ахъ, пробовалъ... Ничего не выходитъ. Какія-то чужія слова, а настоящаго ничего нѣтъ... Молитвы во мнѣ настоящей нѣтъ, а такъ корчитъ всего. Увидите Ѳеню, поклончикъ ей скажите... скажите, какъ Акинфій Назарычъ любилъ ее... ахъ, какъ любилъ, какъ любилъ!.. Еще скажите... Да нѣтъ, ничего не нужно. Все равно, она не пойметъ... она... теперь вся скверная... убить ее мало...

— Что вы говорите, Акинфій Назарычъ! Опомнитесь...

— Да, да... Опять не то. Это вѣдь я скверный весь, и на душѣ у меня ночь темная... А Ѳеня, она хорошая... Голубка, Ѳеня... родная!..

Кожинъ не замѣчалъ, какъ крупныя слезы катились у него по лицу, а Марья смотрѣла на него, не смѣя дохнуть. Ничего подобнаго она еще не видала, и это сильное мужское горе, такое хорошее и чистое, поразило ее. Вотъ такъ бы сама бросилась къ нему на шею, обняла, приголубила, заговорила жалкими бабьими словами, вмѣстѣ поплакала... Но въ этотъ моментъ вошелъ въ избу Петръ Васильичъ, слегка пошатывавшійся на ногахъ... Онъ подозрительно окинулъ своимъ единственнымъ окомъ гостя и сестрицу, а потомъ забормоталъ:

— Кто здѣсь хозяинъ? а?.. Ты о чемъ ревешь-то, Кожинъ?.. Эхъ, братъ, у бабъ послѣднее рукомесло отбиваешь...

Марья подошла къ хозяину, повернула его и потихоньку вытолкала въ дверь.

— Ступай, ступай, Петръ Васильичъ,—наговаривала она.—Потомъ придешь. Безъ тебя тошно...

— Марьюшка, а кто хозяинъ въ дому? а? АЯстребова я распатроню!.. Я ему по-кажу-у... Я, братъ, Марья, съ горя маненько выпилъ. Тоже обидно: вонъ какое богачество дураку Мыльникову привалило. Чѣмъ я его хуже?..

Открытая Мыльниковымъ жилка совсѣмъ свела съ ума Петра Васильича, который отъ зависти норовилъ уже нѣсколько дней и нѣсколько разъ лѣзъ даже въ драку съ счастливымъ обладателемъ сокровища.

— Только товаръ портишь, шваль!—ругался Петръ Васильичъ.—Что добылъ, то и стравилъ каннанiи ни за грошъ... По полтора рубля за золотникъ получаешь. Ахъ, дуракъ Мыльниковъ... Руки бы тебѣ по локоть отрубить... утопить... Дуракъ, дуракъ, дуракъ!.. Нашелъ жилку и молчалъ бы, а то растворилъ хайло: „жилку обыскалъ!“. Да не дуракъ ли?.. Языкъ тебѣ, подлому, отрѣзать...

Совѣщанiе Кишкина съ Ястребовымъ продолжалось довольно долго. Ястребовъ неожиданно заартачился, потому что на болотѣ уже производилась шуфровка, но потомъ онъ такъ же неожиданно согласился, выговоривъ возмѣщенiе произведенныхъ затратъ. Ударили по рукамъ, и дѣло было кончено. У Кишкина дрожали руки, когда онъ подписывалъ условiе.

— Ну, владай, твое счастье!—смѣялся Ястребовъ.—У меня и безъ Мутяшки дѣла по горло. Одинъ Ягодный чего стоитъ...

VI.

Карачунскiй переживалъ свой медовый мѣсяцъ. Вся его долгая жизнь представляла непрерывную цѣпь любовныхъ приключенiй, причемъ онъ любилъ дѣлать рѣзкiе переходы отъ одной категорiи женщинъ къ другой. Были у него интрижки съ женщинами „изъ общества“, при поджигающей обстановкѣ постоянной опасности, сценъ ревности, изящныхъ слезъ и неизящныхъ попрековъ. Да, женщины любили его, но онъ не отдавался вполнѣ ни одной и велъ свои дѣла такъ, что всегда было готово отступленiе. Это была сама житейская мудрость, которая завершалась письмами. Ахъ, какая это была своеобразная литература, если бы кто-нибудь имѣлъ терпѣнiе прослѣдить ее во всѣхъ стадiяхъ! Карачунскаго обвиняли во всѣхъ преступленiяхъ, грозили, умоляли, и постепенно все дѣло сводилось къ желанному концу, т.-е. „на нѣтъ“. Что возмущало Карачунскаго, такъ это то, что всѣ эти женщины изъ общества повторяли одна другую до тошноты—и радость, и горе, и восторги, и слезы, и хитрость носили печать шаблонности. И достоинство тоже было одно: всѣ эти „сюжеты“ умѣли молчать. Параллельно съ этимъ Карачунскiй въ видѣ отдыха позволялъ себѣ легкiя удовольствiя съ „дѣтьми природы“, которыя у него фигурировали мимолетно подъ видомъ горничныхъ или экономокъ. До сихъ поръ всѣ они кончались очень печально: дитя природы устраивало крупный скандалъ съ угрозой жаловаться мировому и пр. Но „дѣти природы“ имѣли одну общую слабость: Карачунскiй откупался отъ нихъ деньгами. Знакомые смотрѣли на все это, какъ на милыя шалости стараго холостяка, а Карачунскiй былъ счастливъ тѣмъ, что съ нимъ не случалось никакихъ „органическихъ послѣдствiй“. У него не было дѣтей, и это его спасало.

Изъ этой установившейся долголѣтней практики Карачунскаго совершенно выбила исторiя съ Оѳеней. Это была совершенно незнакомая ему натура. О деньгахъ тутъ не могло быть и рѣчи, а, съ другой стороны, Карачунскiй чувствовалъ, какъ онъ серьезно увлекся этой странной дѣвушкой, не походившей на другихъ женщинъ. Прежде всего въ ней много было природнаго такта и того пониманiя, которое читаетъ между строкъ. Послѣднее было даже тяжело, потому что Карачунскiй привыкъ третировать всѣхъ женщинъ свысока, въ самыхъ изысканныхъ, но все-таки обидныхъ формахъ. Здѣсь же все было на виду, каждое движенiе, каждое слово, каждая мысль. Карачунскiй

зналъ, что Ѳеня уйдетъ отъ него сейчасъ же, какъ только замѣтитъ, что она лишняя въ этомъ домѣ. Эта благородная женская гордость, эта готовность къ самопожертвованію заставила его уважать именно эту простую, но полную жизни женскую натуру. Больше: Карачунскій съ ужасомъ почувствовалъ, что онъ теряетъ свою опытную волю и что дѣлается тѣмъ жалкимъ рабомъ, который въ его глазахъ всегда возбуждалъ презрѣніе. Мужчина долженъ быть полнымъ хозяиномъ въ той сферѣ, гдѣ женщинѣ самой природой отведена пассивная и подчиненная роль. Однимъ словомъ, онъ почувствовалъ, что серьезно влюбленъ въ первый еще разъ въ жизни. Это открытіе испугало его и опечалило. Онъ долго разсматривалъ свое цвѣтущее старческой красотой лицо, вздохнулъ и подумалъ вслухъ:

„Вѣдь это не любовь, а старость... Безсильная, подлая старость, которая цѣпенѣющими руками хватается за чужую молодость!.. Неужели я, Карачунскій, повторю другихъ, выжившихъ изъ ума стариковъ?..“

И Ѳеня все это понимаетъ, хотя словами, вѣроятно, и не сумѣла бы объяснить всего происходившаго. Она и тогда это чувствовала, когда онъ зашѣжалъ на Фотьянкѣ къ баушкѣ Лукерьѣ подъ разными предлогами, а въ сущности для того, чтобы увидѣть Ѳеню и перекинуться съ ней нѣсколькими словами. Сначала его удивляло то, почему Ѳеня не вернулась къ Кожину, но потомъ понялъ и это: молодое счастье порвалось, и склеить его во второй разъ было невозможно, а въ немъ она искала ту тихую пристань, къ какой рвется каждая женщина, не утратившая лучшихъ женскихъ инстинктовъ. Въ немъ, въ Карачунскомъ, Ѳеня чутьемъ угадала существованіе такихъ душевныхъ качествъ, о которыхъ онъ самъ не зналъ. Прежде всего онъ не былъ злымъ человѣкомъ, а затѣмъ въ немъ сохранилось формальное чувство извѣстной внѣшней порядочности. Вотъ тѣ два пункта, на которыхъ возникли ихъ отношенія.

Но это было еще не все. Однажды за утреннимъ чаемъ Ѳеня неожиданно заявила:

— Позвольте мнѣ уйти, Степанъ Романычъ...

— Куда уйти?.. Что такое случилось?..

— Да ужъ такъ нужно... Не хочу васъ срамить.

Ѳеня опустила глаза и раскраснѣлась. Карачунскій посмотрѣлъ на нее съ какимъ-то испугомъ, точно надъ его головой пронеслось что-то такое громадное и грозное. Ѳеня молчала, оставаясь въ той же позѣ. Карачунскій зашагалъ по столовой, заложивъ руки въ карманы. Вотъ когда *оно* случилось, то, на что онъ меньше всего разсчитывалъ въ теченіе всей своей жизни и что подкралось совершенно неожиданно. Да, вотъ эта дѣвушка хочетъ подарить отцовскую радость... Мысль о женѣ и дѣтяхъ мелькала иногда въ головѣ Карачунскаго, окруженная какимъ-то радужнымъ ореоломъ. Вѣдь жена—это особенное существо, меньше всего похожее на всѣхъ другихъ женщинъ, особенно на тѣхъ, съ которыми Карачунскій привыкъ имѣть дѣло, а мать—это такое святое и чистое слово, для котораго нѣтъ сравненія. И вдругъ эта Ѳеня будетъ матерью его собственнаго ребенка... Карачунскій весь какъ-то похолодѣлъ, начиная переживать что-то въ родѣ ненависти къ ней, вотъ къ этой Ѳенѣ. Въ какомъ-то туманѣ предъ нимъ пронесся Кожинъ, потомъ Фотьянка, и какое-то гаденькое чувство ревности къ ея прошлому заныло въ его душѣ.

— Куда же ты хочешь уйти?—машинально спрашивалъ онъ.

— Въ городъ...—коротко отвѣтила Ѳеня.—А тамъ ужъ какъ-нибудь поправлюсь.

— Такъ... да...

Ни слезъ, ни жалобъ, ни упрековъ, а то молчаливое горе, которое лежитъ въ душевной глубинѣ безформенной тяжестью.

Карачунскій провелъ безсонную ночь, терзаемый самыми противоположными чувствами и мыслями. Прежде всего приходилось мириться съ фактомъ, безжалостнымъ и неумолимымъ фактомъ. Ничтожный промежутокъ времени, и на свѣтъ появится таинственный пришлецъ, маленькое человѣческое существо, съ которымъ рождается и умираетъ вселенная. Тутъ нѣтъ ни сдѣлокъ, ни компромиссовъ, ни обходовъ, а одна жестокая зоологическая правда. „Вы меня не звали и не ждали, а вотъ я пришелъ“... Это вѣчная тайна жизни, которая умретъ съ послѣднимъ человѣкомъ. И рядомъ съ ней, съ этой тайной, уживаются такіе низкіе инстинкты, животный эгоизмъ и жалкія страсти. Въ Карачунскомъ проснулось смутное сознаніе своей несправедливости, и онъ съ ужасомъ оглянулся назадъ, гдѣ чередой проходили тѣни его прошлаго.

Это была ужасная ночь, полная молчаливаго отчаянія и безсильныхъ мукъ совѣсти. Вѣдь все равно прошлаго не вернешь, а начинать жить снова поздно. Но совѣсть, совѣсть—этотъ неподкупный судья, который приходитъ ночью, когда все стихнетъ, садится у изголовья и начинаетъ свое жестокое дѣло!.. Жениться на Оенѣ? Она первая не согласится... Усыновить ребенка—обидно для матери, на которой можно жениться и на которой не женятся. Сотни комбинацій вертѣлись въ головѣ Карачунскаго, а рѣшеніе вопроса ни на волосъ не подвинулось впередъ.

Раннимъ утромъ Карачунскій уѣхалъ на Рублиху, чтобы провѣтриться послѣ безсонной ночи. Онъ въ первый разъ вздохнулъ свободно, когда очутился на свѣжемъ воздухѣ. Да, есть еще свѣжій воздухъ, и снѣжные зимніе дни, и это низкое, сѣрое зимнее небо. Пара закормленныхъ вятокъ неслась вихремъ; особенно играла пристяжка. Карачунскій замѣтилъ, что и кучеръ сегодня въ новомъ армякѣ и съ удовольствіемъ правитъ выхоленной парой. Это былъ старый промысловый кучеръ Агаѳонъ, ѣздившій постоянно только съ Карачунскимъ. Онъ имѣлъ странный, спеціально кучерской характеръ. Нѣсколько мѣсяцевъ ничего не пилъ, сберегалъ каждую копейку, обзаводился платьемъ, а потомъ спускалъ все въ нѣсколько дней въ обществѣ одной и той же солдатки, которую безжалостно колотилъ въ заключеніе фестиваля. Карачунскій каждый годъ собирался ему отказать, но каждый разъ отказывался отъ этого рѣшенія, потому что всѣ кучера на свѣтѣ одинаковы. Агаѳонъ, конечно, былъ человѣкъ съ большими недостатками, но зато любилъ лошадей и ѣздилъ мастерски. Всѣ эти пустяки теперь проходили въ головѣ Карачунскаго, страшнымъ образомъ связываясь съ тѣмъ, что̀ осталось тамъ, дома. Оеня, напримѣръ, не любила ѣздить съ Агаѳономъ, потому что стѣснялась предъ своимъ братомъ-мужикомъ своей сомнительной роли полубарыни, затѣмъ она любила ходить въ конюшню и кормить изъ рукъ вотъ этихъ вятокъ, и даже заплетала имъ гривы.

Потомъ Карачунскій заставилъ себя думать о Рублихѣ, чтобы отвлечь мысль отъ домашней заботы. Онъ сдѣлалъ все, чего добивался Родіонъ Потапычъ, и представилъ относительно новыхъ жильныхъ работъ громадную смѣту. Вопросъ главнымъ образомъ шелъ о вассеръ-штольнѣ, при помощи которой предполагалось отвести воду изъ главной шахты въ Балчуговку. Нужно было пробить Ульяновъ кряжъ поперекъ, что̀ стоило громадныхъ денегъ, такъ какъ работы должны были вестись въ твердыхъ породахъ березита, сланцевъ и песчаниковъ. Многолѣтній опытъ показалъ, что вода начинаетъ „долить“ на горизонтѣ тридцати саженъ, съ этого пункта должна была выйти и вассеръ-штольня. Все это было очень рискованно, и Карачунскій

зналъ, что Ониковъ уже интригуетъ противъ него, но это только усилило его упрямство. Можно сказать, что именно съ этого пункта и началось увлеченіе Карачунскаго новой жилой.

— Вотъ наши старателишки на Фотьянку лопочутъ,—замѣтилъ кучеръ Агаѳонъ, съ презрѣніемъ кивая головой на толну оборванныхъ рабочихъ.— Отошла, видно, Фотьянка-то... Отгуляла свое, а теперь до вешней воды сиди-посиди.

Въ этихъ словахъ сказывалось ворчанье дворовой собаки на волчью стаю, и Карачунскій только пожалъ плечами. А видъ у рабочихъ былъ некрасивъ,—успѣли проѣсть лѣтніе заработки и отощали. По старой привычкѣ они снимали шапки, но глаза смотрѣли угрюмо и озлобленно. Карачунскій являлся для нихъ живымъ олицетвореніемъ всяческихъ промысловыхъ бѣдъ и напастей.

Родіонъ Потапычъ отнесся къ Карачунскому какъ-то особенно непривѣтливо и все отворачивался отъ него, не желая встрѣчаться глазами. Эти неловкія отношенія Карачунскій объяснялъ про себя домашними причинами и обрадовался, когда Родіонъ Потапычъ проговорился начистоту.

— Что же это такое, Степанъ Романычъ,—ворчалъ старикъ,—житья мнѣ не стало...

— Что опять случилось?

— Да какъ же: подъ носомъ Мыльникову жилу отдали... Какой же это порядокъ? Теперь въ народѣ только и разговору, что про мыльниковскую жилу. Галдятъ по кабакамъ, ко мнѣ пристаютъ... Проходу не стало. А главное, обидно ужъ очень. На смѣхъ поднимаютъ.

— Ну, это все пустяки!—успокаивалъ Карачунскій.—Другой дѣлянки никому не дадимъ... Пусть Мыльниковъ, по условію, до десятой сажени дойдетъ, и конецъ дѣлу. Свои работы поставимъ... Да и убытка компаніи отъ этой жилки нѣтъ никакого: онъ обязанъ сдавать по полтора рубля золотникъ... Даже расчетъ намъ имѣть даровую развѣдку. Вотъ мы сами ничего не можемъ найти, а Мыльниковъ нашелъ.

— И еще другое дѣло, Степанъ Романычъ: зятя сманилъ Мыльниковъ-то, моего, значитъ, зятя Прокопія. Онъ раньше-то въ доводчикахъ на золотопромывальной фабрикѣ ходилъ, а теперь точно бѣлены объѣлся. Жену бросилъ, ребятишекъ бросилъ, а самъ точно прилипъ къ жилкѣ... Тоже сынъ Яшка. Ахъ, отодрать его, подлеца, было нужно тогда, Степанъ Романычъ, чтобъ малый не баловался. Лѣто-то пошатался въ Кедровской дачѣ, а теперь у Мыльникова—вмѣстѣ пируютъ. Еще былъ у меня машинистъ на Спасо-Колчеданской шахтѣ, Семенычемъ звать,—хорошій машинистъ, и его Мыльниковъ сманилъ. Это какъ?..

— Это ваши семейныя дѣла, дѣдушка... Меня это не касается.

— Нѣтъ, все отъ тебя, Степанъ Романычъ: ты потачку далъ этому змѣю Мыльникову. Вотъ оно и пошло... Привезутъ ведро водки прямо къ жилкѣ и пьютъ. Тьфу... На гармоніи играютъ, пѣсни орутъ,—развѣ это порядокъ?..

— Хорошо, хорошо, все разберемъ. А вотъ какъ наши дѣла?..

— Пока ничего не обозначилось... Заложили разсѣчку на полдень,—все тотъ же ребровикъ.

— А штольня?

— На девятую сажень выбѣжала... Мы этой самой штольней насквозь пройдемъ весь кряжъ, и все обозначится, что есть, чего нѣтъ. Да и вода показалась. Какъ тридцатую сажень кончили, точно ножомъ отрѣзало: вездѣ вода. Во всей дачѣ у насъ одно положенье...

Стоило Карачунскому только свести разговоръ на шахту, какъ старый штейгеръ весь преобразился. Въ конторкѣ на столѣ были разложены планы работъ, на которыхъ детально были разрисованы всѣ „пройденныя“ породы и проектированныя „разсѣчки“ въ разныхъ горизонтахъ и въ разныхъ направленіяхъ. Карачунскій и Родіонъ Потапычъ боялись только одного, чтобы не получилось той же геологической картины, какъ въ Спасо-Колчеданской шахтѣ. Тогда бросай всѣ работы, особенно если покажется роковой „красикъ“. Общихъ признаковъ, конечно, было много, но обращали вниманіе главнымъ образомъ на особенности напластованія, мощность отдѣльныхъ породъ и тотъ порядокъ, въ которомъ онѣ слѣдовали одна за другой. Пока въ этомъ смыслѣ все шло хорошо, хотя жилы не было и званія, а только изрѣдка попадались пустыя прожилки кварца.

Среди этой дѣловой бесѣды у Карачунскаго мелькнула мысль, заставившая его похолодѣть. Онъ взглянулъ на убѣжденное, умное лицо своего собесѣдника, потеръ лобъ и проговорилъ:

— Послушайте, Родіонъ Потапычъ, вѣдь мы попали на такъ называемую блуждающую жилу? Это совершенно ясно... Мы бьемся надъ пустымъ мѣстомъ. Лучшее доказательство: шахта Мыльникова...

Зыковъ, въ свою очередь, посмотрѣлъ на главнаго управляющаго, разгладилъ свою окладистую сѣдую бороду и отвѣтилъ:

— А откуда Кривушокъ взялъ свое золото, Степанъ Романычъ? Прямо, говоритъ, самоваромъ оно ушло въ землю... Это какъ?

— Однако мы ничего еще пока не нашли? Или жила расщепилась, или опа... Да нѣтъ, это съ нашей стороны громадная ошибка.

Карачунскій опять посмотрѣлъ на главнаго штейгера и теперь понялъ все: предъ нимъ сидѣлъ сумасшедшій человѣкъ, какіе встрѣчаются только въ рискованныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Да, совершенно сумасшедшій, который похоронитъ и себя и его вотъ въ этой шахтѣ-могилѣ. Никакіе слова, доводы и убѣжденія здѣсь не могли имѣть мѣста, разъ человѣкъ попалъ на эту мертвую точку. А всего хуже было то, что онъ, Карачунскій, попался, какъ мальчишка, котораго слѣдовало выдрать за уши. И отступать было поздно, потому что дѣло слишкомъ далеко зашло. Самое лучшее было забросить эту проклятую Рублиху, но въ переводѣ это значило загубить свою репутацію, а продолжая работы, можно было, по меньшей мѣрѣ, выиграть цѣлый годъ времени. Мало ли что̀ можетъ случиться: можно наткнуться на случайную жилу, на новое „гнѣздо“ и т. д. Тогда возмѣстится хотя часть произведенныхъ расходовъ, чтобы отступить съ честью. Проклятая Рублиха съѣстъ все, и, главное, ее остановить нельзя. Карачунскій чувствовалъ, какъ все начинаетъ вертѣться у него предъ глазами, и паровая машина работала точно у него въ головѣ.

— Только бы намъ штольню пройти...—повторялъ Родіонъ Потапычъ.— Тогда все обозначится, какъ на ладони.

— Да нечему обозначаться-то...

Карачунскій отвѣчалъ машинально. Онъ былъ занятъ тѣмъ, что припоминалъ разные случаи семейной жизни Родіона Потапыча, о которыхъ зналъ черезъ Ѳеню, и приходилъ все больше къ убѣжденію, что это сумасшедшій, вѣрнѣе—маньякъ. Его отношенія къ Яшѣ Малому, къ Ѳенѣ, къ Марьѣ—все подтверждало эту мысль.

VII.

Своимъ поведеніемъ Мыльниковъ удивилъ даже людей, видавшихъ всякіе виды. Случаи дикаго счастья время отъ времени перепадали и въ Балчу-

говскомъ заводѣ и на Фотьянкѣ, когда кто-нибудь находилъ „гнѣздо“ золота или случайно натыкался на хорошій пропластъ золотоносной розсыпи гдѣ-нибудь въ бортахъ. Эти случаи сейчасъ же иллюстрировались непремѣнно лошадью новокупной, новой одеждой, пьянствомъ и новыми крышами на избахъ, а то и всей избой. За послѣднее лѣто такихъ новыхъ избъ появилось на Фотьянкѣ до десятка, а новыхъ крышъ и того больше. Куда только заглядывалъ золотой лучъ, сейчасъ сказывалось его чудотворное вліяніе. Тихо было только въ Балчуговскомъ заводѣ, потому что изъ балчуговцевъ никому не посчастливило кедровское золото. Мыльниковъ, отыскавъ жилку, поступалъ такъ, какъ никто до него еще не дѣлалъ. Онъ не работалъ „сплошь“, день за днемъ, а только тогда, когда были нужны деньги...

— Не велика жилка въ двадцати-то пяти саженяхъ, какъ разъ ее въ недѣлю выробишь!—объяснялъ онъ.—Добылъ все, деньги пропилъ, а на похмелье ничего и не осталось... Видывали мы, какъ другіе прочіе потомъ локти кусали. Нѣтъ, братъ, меня не проведешь... Мы будемъ сливочками снимать свою жилку, по удоямъ.

Такъ Мыльниковъ и дѣлалъ: въ недѣлю работалъ день или два, а остальное время „компанился“. Къ нему приклеился и Яша Малый, и зять Прокопій, и машинистъ Семенычъ. Было много и другихъ желающихъ, но Мыльниковъ чужимъ всѣмъ отказывалъ. Исключеніе представлялъ одинъ Семенычъ, котораго Мыльниковъ взялъ на зло дорогому тестюшкѣ Родіону Потапычу.

— Пусть старый чортъ чувствуетъ...—хихикалъ Мыльниковъ.—Всю его шахту за себя переведу. Тоже родню Богъ далъ...

Появленіе зятя Прокопія было слѣдствіемъ той же политики, подготовленной еще съ лѣта Яшей Малымъ. Хотъ этимъ старались донять грознаго старика, семья котораго распалась на крохи меньше чѣмъ въ одинъ годъ. Всѣ разбрелись, куда глаза глядятъ, а въ зыковскомъ домѣ оставались только сама Устинья Марковна съ Анной да ребятишками. Произошелъ полный разгромъ крѣпкой старинной семьи, складывавшейся годами. Устинья Марковна какъ-то совсѣмъ опустилась и отнеслась къ бѣгству Прокопія почти безучастно: это была та покорность судьбѣ, какая вызывается стихійнымъ несчастьемъ. Не такъ посмотрѣла на дѣло Анна. Эта скромная и не поднимавшая голоса женщина молча собралась и отправилась прямо на Ульяновъ кряжъ, гдѣ и накрыла мужа на самомъ мѣстѣ преступленія: онъ сидѣлъ около дудки и пилъ водку вмѣстѣ съ другими. Какъ вскипулась Анна, какъ заголосила, какъ вцѣпилась въ мужа—едва оттащили.

— Разоритель! погубитель!.. По міру всѣхъ пустилъ...—причитала Анна, стараясь вырваться изъ державшихъ ее рукъ.—Жива не хочу быть, ежели сейчасъ же не воротишься домой... Куда я съ ребятами-то дѣнусь?.. Охъ, головушка моя спобѣдная...

— Перестаньте, любезная сестрица Анна Родивоновна,—уговаривалъ Мыльниковъ съ ядовитой любезностью.—Не онъ первый, не онъ послѣдній, вашъ-то Прокопій... Будетъ ему сидѣть у тестя на цѣпи.

— Ахъ, ты... Да я тебѣ выцарапаю безстыжіе-то глаза!.. Всѣхъ только смущаешь, пустая башка... Пропьете жилку, а потомъ куда Прокопій-то?

— Ахъ, сестричка Анна Родивоновна: волка ноги кормятъ. А что касаемо того, что мы испиваемъ малость, такъ вѣдь и свиньѣ бываетъ праздникъ. Въ кои-то годы Господь счастья послалъ... А вы, любезная сестричка, выпейте лучше съ нами за компанію стаканчикъ сладкой водочки. Все ваше горе какъ рукой сниметъ... Эй, Яша, сдѣйствуй насчетъ мадеры!..

— Да я васъ, проклятущихъ, и видѣть-то не хочу, не то что пить съ вами!—ругалась любезная сестрица и даже плюнула на Мыльникова.

У Мыльникова сложился въ головѣ наборъ любимыхъ словъ, которыя онъ пускалъ въ оборотъ кстати и некстати: „кампанія“, „руководствовать“, „модель“ и т. д. Онъ любилъ поговорить по-хорошему съ хорошимъ человѣкомъ и обижался всякой невѣжливостью, въ родѣ той, какую позволяла себѣ любезная сестрица Анна Родивоновна. Зачѣмъ же было плевать прямо въ морду? Это ужъ даже совсѣмъ не модель, особенно въ хорошей кампаніи...

Такъ Анна и ушла ни съ чѣмъ для перваго раза, потому что мужъ былъ не одинъ и малодушно прятался за другихъ. Оставалось выжидать случая, чтобы поймать его съ глазу на глазъ и тогда разсчитаться за все.

Мы должны теперь объяснить, какимъ образомъ шла работа на жилкѣ Мыльникова и въ чемъ она заключалась. Когда деньги выходили, Мыльниковъ заказывалъ съ вечера своимъ компаньонамъ выходить утромъ на работу.

— У меня чтобы въ самую точку, какъ въ казенное время...—уговаривался онъ для внѣшности.—Ужо колоколъ повѣшу, чтобы на работу и съ работы отбивать. Законъ требуетъ порядка...

Утромъ рано всѣ являлись на мѣсто дѣйствія. Въ дудку Мыльниковъ никого не пускалъ, а лѣзъ самъ или посылалъ Оксю. Дудка углублялась на какой-нибудь аршинъ. Сначала поднимали „пустякъ“, теперь „воротниками“ или „вертелами“ состояли Яша Малый и Прокопій, а отвозилъ добытый „пустякъ“ въ отвалъ Семенычъ. При четверыхъ мужикахъ работа спорилась, не то, что когда работали сначала, при палачѣ Никитушкѣ. Кстати, послѣдній не вынесъ пьянства и куда-то скрылся. Затѣмъ добывалась самая „жилка“, т.-е. куски проржавѣвшаго кварца съ вкрапленнымъ въ него золотомъ. Обыкновенно и при хорошемъ содержаніи „видимаго золота“ не бываетъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ „гнѣздовокъ“, а „Оксина жила“ была сплошь съ видимымъ золотомъ. Въ отдѣльныхъ кускахъ благородный металлъ „сидѣлъ медуницами“.

— Точно плюнуто золотомъ-то! — объяснялъ самъ Мыльниковъ, когда привозилъ свою жилку на золотопромывальную фабрику.—А то какъ масло коровье али желтокъ изъ курячьяго яйца...

Изъ ста пудовъ кварца иногда „падало“ до фунта, а это въ переводѣ означало больше ста рублей. Значитъ, день работы обезпечивалъ цѣлую недѣлю гулянки. Въ одну изъ такихъ получекъ Мыльниковъ явился въ свою избушку, выдалъ женѣ положенные три рубля и заявилъ, что хочетъ строиться.

— И то пора бы,—согласилась Татьяна.—Все равно пропьешь деньги.

— Молчать, баба! Не твоего ума дѣло... Таку стройку подымемъ, что чертямъ будетъ тошно.

Архитектурные планы у Мыльникова были свои собственные. Онъ сначала поставилъ ворота. Это было нѣчто грандіозное: столбы рѣзные, наверху шатровая крыша, скоба луженая, а на крышѣ вырѣзанный изъ жести пѣтухъ, который повертывался по вѣтру. Ворота были поставлены въ нѣсколько дней, и Мыльниковъ все время не зналъ покоя. Но, истощивъ свою архитектурную энергію, онъ бросилъ все и уѣхалъ на Фотьянку. Избушка при новыхъ воротахъ казалась еще ниже, точно она отъ огорченія присѣла. Сосѣди подымали Мыльникова на смѣхъ, но онъ только посмѣивался: хорошій хозяинъ сначала кнутъ да узду покупаетъ, а потомъ ужъ лошадь заводитъ.

Мы уже сказали выше, что Петръ Васильичъ ужасно завидовалъ дикому счастью Мыльникова и громко ропталъ по этому поводу. Въ самомъ дѣлѣ, почему богатство „прикачнулось“ дураку, который пуститъ его по вѣтру, а

не ему, Петру Васильичу?.. Сколько одного страху наберется со своей скупкой хищническаго золота, а прибыль вся Ястребову. Тутъ было о чемъ подумать... И Петръ Васильичъ все думалъ и думалъ. Наконецъ онъ придумалъ, что было нужно сдѣлать. Встрѣтивъ какъ-то пьянаго Мыльникова на улицѣ, онъ остановилъ его и слащаво заговорилъ:

— Все еще портишь товаръ-то, безпутная голова?..

— А тебѣ какое горе приключилось отъ этого, кривая ерахта?

— Да такъ... Вчужѣ на дураковъ-то глядѣть тошно.

— Это ты къ чему гнешь?

Петръ Васильичъ оглядѣлся, нѣтъ ли кого поблизости, хлопнулъ Мыльникова по плечу и шопотомъ проговорилъ:

— Дуракъ ты, Тарасъ, вѣрно тебѣ говорю... Сдавай въ контору половину жилки, а другую мнѣ. По два съ полтиной дамъ за золотникъ... Какъ разъ вдвое выходитъ супротивъ компанейской цѣны. Говорю: дуракъ... Товаръ портишь.

Мыльниковъ задумался. Дуракъ-то онъ дуракъ, это вѣрно, но и „прелестныя рѣчи“ Петра Васильича тоже хороши. Цѣна обидная въ конторѣ, а все-таки отъ добра добра не ищутъ.

— Нѣтъ, братъ, не подходящая мнѣ эта модель,—отвѣтилъ Мыльниковъ, встряхивая головой.—Потому какъ лицо у меня чистое, не замаранное.

Ахъ, дуракъ, дуракъ...

— Таковъ уродился... Говорю: не подверженъ, чтобы такая, напримѣръ, модель.

— Да не дуракъ ли... а? Да вѣдь тебѣ, идолу, башку твою надо пустую расшибить вотъ за такія слова.

Такія грубыя рѣчи взорвали деликатныя чувства Мыльникова. Произошла настоящая ругань, а потомъ драка. Мыльниковъ былъ пьянъ, и Петръ Васильичъ здорово оттузилъ его, пока сбѣжался народъ и ихъ розняли.

— Вотъ тебѣ, новому золотопромышленнику, старому нищему!—ругался Петръ Васильичъ, давая Мыльникову послѣдняго пинка. — Давайте я его удавлю, пса...

Мыльниковъ поднялся съ земли, встряхнулся, поправилъ свой пострадавшій во время свалки костюмъ и, покрутивъ головой, философски замѣтилъ:

— Наградилъ Господь родней, нечего сказать...

Это родственное недоразумѣніе сейчасъ же было залито водкой въ кабакѣ Фролки, гдѣ Мыльниковъ чувствовалъ себя какъ дома и даже часто сидѣлъ за стойкой, рядомъ съ цѣловальникомъ, чтобы всѣ видѣли, каковъ есть человѣкъ Тарасъ Мыльниковъ.

Но Петръ Васильичъ не ограничился этой неудачной попыткой. Махнувъ рукой на самого Мыльникова, онъ обратилъ вниманіе на его сотрудниковъ. Яша Малый былъ ближе другихъ, да глупъ, Прокопій, пожалуй, и поумнѣе, да трусъ,—только телята его не лижутъ... Оставался одинъ Семенычъ, который былъ чужимъ человѣкомъ. Петръ Васильичъ зазвалъ его какъ-то въ воскресенье къ себѣ, велѣлъ Марьѣ поставить самоваръ, купилъ паливки и завелъ тихія любовныя рѣчи.

— Трудненько, поди, тебѣ, Семенычъ, съ казеннаго-то хлѣба прямо на наше волчье положенье перейти?—пыталъ Петръ Васильичъ, наигрывая единственнымъ окомъ.—Скучненько, поди, а?

— Сперва-то сумнѣвался, это точно, а потомъ пріобыкъ...

— Оно, конечно, привычка, а все-таки... При машинѣ-то въ теплѣ сидѣлъ, а тутъ на холоду да на погодѣ.

Семенычъ отъ наливки и горячаго чая замѣтно захмелѣлъ, и языкъ у него сталъ путаться. А тутъ Марья все около самовара вертится и на него поглядываетъ.

— Не заглядывайся больно-то, Марьюшка, а то послѣ тосковать будешь,—пошутилъ Петръ Васильичъ.—Парень чистякъ, ужъ это что говорить!

— Нашъ, поди, балчуговскій, безъ тебя знаю...—смѣло отвѣчала Марья, за словомъ въ карманъ не лазившая вообще.—Почитай въ сусѣдяхъ съ Петромъ Семенычемъ жили..

— Въ субботу, когда съ шахты выходилъ домой, мимо васъ дорога была, Марья Родивоновна... Тошно, поди, вамъ здѣсь на Фотьянкѣ-то?.. Однимъ словомъ, кондовое варнацкое гнѣздо.

— А ты, Марьюшка, маненько какъ будто уничтожься... — шепнулъ Петръ Васильичъ, моргая окомъ.—Дѣльце у насъ съ Петромъ Семенычемъ.

Марья вышла съ большой неохотой, а Петръ Васильичъ подвинулся еще ближе къ гостю, налилъ ему еще наливки и завелъ сладкую рѣчь о глупости Мыльникова, который „портитъ товаръ“. Когда машинистъ понялъ, въ какую сторону гнулъ свою рѣчь тароватый хозяинъ, то отрицательно покачалъ головой. Ничего нельзя подѣлать. Мыльниковъ, конечно, глупъ, а все-таки никого въ дудку не пускаетъ: либо самъ спускается, либо посылаетъ Оксю.

— Такъ, такъ...—соглашался Петръ Васильичъ, жалѣя, что напрасно только стравилъ полуштофъ наливки, а парень оказался круглымъ дуракомъ.—Ну, Семенычъ, теперь ты тово... ступай, значитъ, домой.

Когда Семенычъ, пошатываясь, выходилъ изъ избы, въ полутемныхъ сѣняхъ его остановила Марья,—она его караулила здѣсь битый часъ.

— Петръ Семенычъ, голубчикъ, не вѣрьте вы ни единому слову Петра-то Васильича,—шепнула она.—Не спроста онъ улещалъ васъ... Продастъ.

Вмѣсто отвѣта Семенычъ привлекъ къ себѣ бойкую дѣвушку и поцѣловалъ прямо въ губы. Марья вся дрожала, прижавшись къ нему плечомъ. Это былъ первый мужской поцѣлуй, горячимъ лучомъ оживившій ея завядшее дѣвичье сердце. Она, впрочемъ, сейчасъ же опомнилась, помогла спуститься дорогому гостю съ крутой лѣстницы и проводила до воротъ. Машинистъ, разлакомившись легкой побѣдой, хотѣлъ еще разъ обнять ее, но Марья кокетливо увернулась и только погрозила пальцемъ.

— Ужо выходи вечеркомъ за ворота...—упрашивалъ разгорѣвшійся Семенычъ.

— Больно ускорился... Ступай да неси и не потеряй.

Когда Марья вихремъ взлетѣла на крыльцо, охваченная пожаромъ своего поздняго счастья, ее встрѣтила баушка Лукерья. Старуха молча ухватила племянницу за ухо и такъ увела въ заднюю избу.

— Ты это что придумала-то, негодница?

— Баушка, миленькая... золотая...

— Я тебѣ покажу баушку! Ѳенька сбѣжала, да и ты сбѣжишь, а я съ кѣмъ тутъ останусь? Ну, диви бы молоденькая дѣвчонка была, у которой вѣтеръ на умѣ, а то... тьфу!.. Срамъ и говоритъ-то... По сѣнямъ жениховъ ловишь, срамница!

Марья терпѣливо выслушала ворчанье и попреки старухи, а сама думала только одно: какъ это баушка не пойметъ, что если молодыя дѣвки выскакиваютъ замужъ безъ хлопотъ, такъ ей надо самой позаботиться о своей головѣ. Не на кого больше-то надѣяться... Голова у Марьи такъ и кружилась, даже духъ захватывало. Не изъ важныхъ жениховъ машинистъ Семенычъ, а все-таки мужчина... Хорошо баушкѣ Лукерьѣ теперь бобы-то разводить, когда

свой вѣкъ изжила. Тятенька Родіонъ Потапычъ такой же: только про себя и знаютъ.

Много было подходовъ къ Мыльникову отъ своихъ и чужихъ, желавшихъ воспользоваться его жилкой, но пока все проходило благополучно. Мыльниковъ твердо велъ свою линію и знать ничего не хотѣлъ. Такъ, онъ вò-время былъ предупрежденъ относительно готовившейся ночной экспедиціи на его жилку и устроилъ засаду. Воры попались. Затѣмъ, чтобы предупредить подобныя покушенія, онъ прикрылъ свою дудку тяжелой западней, запиравшейся на два громадныхъ замка. Но и всѣ эти мѣры не спасли Мыльникова отъ хищенія: воры оказались хитрѣе его и предупредительнѣе. Вышло это слѣдующимъ образомъ. Мыльниковъ спускался въ дудку самъ или посылалъ Оксю, когда самому не хотѣлось. Послѣднее вошло мало-по-малу въ обычай, такъ что съ середины зимы самъ Мыльниковъ пересталъ совсѣмъ спускаться въ дудку, великодушно предоставивъ это Оксѣ.

— Эй, Оксюха, поворачивай!—кричалъ онъ ей сверху.—Не срами своего родителя...

Въ отвѣтъ слышалось легкое ворчанье Окси или какой-нибудь пикантный отвѣтъ. Окся научилась огрызаться, а на днѣ дудки чувствовала себя въ полной безопасности отъ родительскихъ кулаковъ. Когда требовалась мужицкая работа, въ дудку на канатѣ спускался Яша Малый и помогалъ Оксѣ, что̀ нужно. Вылѣзала изъ дудки Окся чортъ чортомъ, до того измазывалась глиной, и сейчасъ же отправлялась къ дѣдушкѣ на Рублиху, чтобы обсушиться и обогрѣться. Родіонъ Потапычъ принималъ внучку со своей сердитой ласковостью.

— Опять ты пришла свинья свиньей, Аксинья: рыломъ-то пошто въ глину тыкалась?..

— Посадить бы самого въ дудку, такъ поглядѣла бы я на тебя, какимъ бы ты анделомъ оттуда вылѣзъ,—отвѣчала Окся.

— По закону бабамъ совсѣмъ не полагается въ подземныя работы лазать. Я вотъ тебя еще въ тюрьму посажу.

— А мнѣ все одно: сади. Экъ, подумаешь, испугалъ...

Родіонъ Потапычъ любилъ разговаривать съ Оксей и даже совѣтовался съ ней относительно „разсѣчекъ“ въ шахтѣ, потому что у Окси была легкая рука на золото.

Никто не зналъ только одного: Окся каждый разъ выносила изъ дудки куски кварца съ золотомъ, завернутые въ разномъ тряпьѣ, а потомъ прятала ихъ въ дѣдушкиной конторкѣ,—безопаснѣе мѣста не могло и быть. Она продѣлывала всю операцію съ ловкостью обезьяны и безстрастнымъ спокойствіемъ лунатика.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Заручившись заключеннымъ съ Ястребовымъ условіемъ, Кишкинъ и Кожинъ, не теряя времени, сейчасъ же отправились на Мутяшку. Дѣло было въ январѣ. Стояли страшные холода, отъ которыхъ птица замерзала на лету, но это не удержало предпринимателей. Особенно торопилъ Кожинъ, точно за нимъ кто гнался по пятамъ.

— Увези ты меня въ лѣсъ, Андропъ Евстратычъ!—упрашивалъ онъ.—Можетъ, въ лѣсу отойду...

— Смотри, уговоръ на берегу: не сбѣги изъ лѣсу-то. Не сладко тамъ теперь...

— Самъ буду работать, своими руками, какъ простой рабочій, только бы избыть свою муку мученическую.

— Ну, отъ этого вылѣчимъ, а на молодомъ тѣлѣ и не такая бѣда изнашивается.

Партія составилась изъ Матюшки, Турки и Мины Клейменаго, которые работали лѣтомъ, да прибавилось еще двое молодыхъ рабочихъ. Недоставало Мыльникова, Петра Васильича и Яши Малаго, но о нихъ Кишкинъ не жалѣлъ: хороши, когда спятъ, а днемъ на работѣ точно ихъ нѣтъ. Лошади такія бываютъ, которыя на оглобли оглядываются, чтобы лишнее не перебѣжать. Зимняя дорога въ Кедровскую дачу была гораздо удобнѣе, да и пробили ее на промысла, какъ пріискъ Ягодный. Снѣгъ выпалъ въ два аршина, такъ что лошадь тонула въ немъ, стоило сбиться съ накатаннаго „полоза“. Зимнія сани поэтому дѣлались на высокихъ копыляхъ, чтобы не запруживало въ передокъ снѣгомъ. На такихъ саняхъ и ѣхали новые компаньоны.

— Посмотри, благодать-то какая!—умиленно повторялъ Кишкинъ, окидывая зеленыя стѣны дремучаго ельника.—Силища-то претъ изъ земли... А тутъ снѣжкомъ все подернуло.

Дѣйствительно, трудно представить себѣ что-нибудь лучше такого ельника зимой, когда онъ стоитъ по колѣна въ снѣгу, точно очарованный. Траурная зелень пріятно контрастировала съ дѣвственной бѣлизной снѣга. Мертвое молчаніе такого лѣса напоминало сказочный богатырскій сонъ. Не шелохнетъ, не скрипнетъ, не пискнетъ,—торжественное молчаніе охватило все кругомъ, какъ на молитвѣ. Именно такое молитвенное настроеніе испытывалъ Кожинъ, когда они ѣхали съ Фотьянки на Мутяшку. Точно мерзлая глыба отваливалась съ души... Еще есть бѣлый свѣтъ, и не клиномъ сошлась земля. Давно ничего подобнаго не переживалъ Кожинъ, и ему хотѣлось плакать отъ радости. Уйти отъ своей бѣды, схорониться отъ всѣхъ въ лѣсу, уложить здѣсь свою силу богатырскую—да какого же еще счастья нужно? Онъ припоминалъ своихъ раскольничьихъ старцевъ, спасавшихся въ пустынѣ, печальные раскольничьи „стихи“, сложенные вотъ по такимъ дебрямъ, и ему начиналъ казаться этотъ лѣсъ безконечно роднымъ, тѣмъ старымъ другомъ, къ которому можно прійти съ бѣдой и найти утѣшеніе. А морозъ какой здоровый — такъ и хватаетъ прямо за душу! Дышать больно. Снѣгъ слѣпитъ глаза, а впереди несмѣтной ратью встаетъ все тотъ же красавецъ лѣсъ, заснувшій богатырскимъ сномъ.

Зимній день коротокъ, чуть заря съ зарей не сходится. На Мутяшку пріѣхали подъ вечеръ, когда между деревьями начали кутаться быстрыя зимнія сумерки.

— Вотъ, слава Богу, мы и дома!—весело сказалъ Кишкинъ, вылѣзая изъ саней въ снѣгъ.—А вонъ дворецъ...

На берегу Мутяшки къ самомъ лѣсу приткнулась старательская землянка, полузанесенная снѣгомъ. Пришлось ее отгребать, а потомъ заново сложить печку-каменку, какія устраиваются на живую руку по охотничьимъ зимовьямъ. Весь полъ былъ устланъ сейчасъ же свѣжей хвоей, а также широкія нары, устроенныя изъ тяжелыхъ деревянныхъ плахъ. Когда вспыхнулъ въ каменкѣ веселый огонекъ и краснымъ языкомъ лизнулъ старую сажу въ отдушинѣ, все точно повеселѣло кругомъ. Весело загремѣлъ въ лѣсу топоръ, а синій дымокъ потянулъ столбомъ кверху, какъ это бываетъ только въ сильные морозы. Закипѣлъ первый котелокъ, повѣшенный надъ самымъ „пальмомъ“, и промысловый ужинъ былъ готовъ.

— Чаю мы съ тобой завтра напьемся,—утѣшалъ Кишкинъ притихшаго компаньона.—Ужо надо выйти изъ балагана-то, а то какъ разъ угоришь: отъ сырости всегда угарно бываетъ.

Ночь выпала звѣздная, свѣтлая. На искрившійся синими огоньками снѣгъ было смотрѣть больно. Мѣстность было трудно узнать—такъ все кругомъ измѣнилось. Именно здѣсь случился грустный эпизодъ неудачнаго поиска свиньи. Кишкинъ только вздохнулъ и замѣтилъ Минѣ Клейменому:

— Вѣдь нашла, подлая, жилку, а намъ не хотѣла указать...

— Отодрать бы ее тогда на этомъ самомъ мѣстѣ,—отвѣтилъ старый каторжанинъ.—Небось, сказала бы...

Долго смотрѣлъ Кишкинъ на завѣтное мѣстечко и про себя сравнивалъ его съ фотьянской розсыпью: такая же береговая покать, такая же мочежинка языкомъ влизалась въ берегъ, такъ же рѣка сдѣлала къ другому берегу отбой. Непремѣнно здѣсь должно было сгрудиться золото: некуда ему дѣваться. Онъ даже перекрестился, чтобы отогнать слишкомъ корыстныя думы, тяжелой ржавчиной ложившіяся на его озлобленную старую душу.

И ночью Кишкину не спалось. То шаги какіе-то слышатся, то птичій клектъ, то шушуканье,—не совсѣмъ чистое мѣсто. А зато намерзшійся за день Кожинъ спалъ мертвымъ сномъ. Извѣстно, молодое дѣло: только до мѣста—и готовъ. Сто разъ пересчиталъ Кишкинъ свой капиталъ и высчиталъ впередъ по днямъ, сколько можно продержаться на эти деньги. Не великъ капиталъ, а ко времени дорогъ... Передъ самымъ утромъ едва забылся старикъ, да и тутъ увидѣлъ такой сонъ, что сейчасъ же проснулся. Видѣлъ онъ во снѣ старое дуплистое дерево, а на вершинѣ сидѣли два ворона и клевали сердцевину. Какъ будто и хорошо, и какъ будто не совсѣмъ.

Утромъ на другой день поднялись всѣ рано и успѣли закусить и напиться чаю еще до свѣту. На берегу началась и работа. Предварительно были осмотрѣны ястребовскіе шурфы, пробитые по первымъ заморозкамъ. Только опытный промысловый глазъ могъ открыть едва замѣтные холмики, состоявшіе изъ земли и снѣга. Лѣтомъ изслѣдовать содержаніе болота было трудно, а изъ-подъ льда удобнѣе: прорубалась прорубь, и землю вычерпывали со дна большими промысловыми ковшами на длинныхъ черняхъ. Такая работа требовала умѣлыхъ рукъ. Кожинъ не могъ себѣ представить, что можно было сдѣлать съ такимъ болотомъ. Сейчасъ эти условія работы окончательно облегчались тѣмъ обстоятельствомъ, что болото промерзло насквозь, и вода оставалась только въ глубокихъ колдобинахъ и болотныхъ „окнахъ“. Кишкинъ еще съ лѣта разсмотрѣлъ болото въ мельчайшихъ подробностяхъ и про себя вырѣшалъ вопросъ, какъ должна была расположиться предполагаемая розсыпь—гдѣ ея „голова“ и гдѣ „хвостъ“. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ образованіи ея, конечно, являлась рѣка Мутяшка, которая раньше подбивалась здѣсь къ самому берегу и наносила золотоносный песокъ, а потомъ, размывъ берегъ, ушла, оставивъ громадную заводь, постепенно превратившуюся въ болото. Для Кишкина картина всей этой геологической работы была ясна, какъ день, и онъ еще лѣтомъ намѣтилъ пункты, съ которыхъ нужно было начать развѣдку.

— Ну, братцы, съ Богомъ,—проговорилъ Кишкинъ, очерчивая пешней размѣры перваго шурфа.—Акинфій Назарычъ, давай-ка, начни, благословясь... Твоя рука легкая.

Рабочіе очистили снѣгъ, и Кожинъ принялся топоромъ рубить ледъ, который здѣсь былъ въ аршинъ. Кишкинъ боялся, что не осталась ли подо льдомъ вода, которая затруднила бы работу въ нѣсколько разъ, но воды не

оказалось—болото промерзло насквозь. Сейчасъ подо льдомъ начиналась смерзшаяся, какъ камень, земля. Здѣсь опять была своя выгода: земля промерзла всего четверти на двѣ, тогда какъ безъ льда она промерзла на всѣ два аршина. Заложивъ шурфъ, Кожинъ присѣлъ отдохнуть. Отъ него паръ такъ и валилъ.

— Что, хорошо, Акинфій Назарычъ?

— Лучше не бываетъ...

— То-то, тебѣ въ охотку поработать. Молодой человѣкъ, не знаешь, куда съ силой дѣваться...

Пока Кожинъ отдыхалъ, его мѣсто занялъ Матюшка, у котораго работа спорилась вдвое. Привычный человѣкъ: каждое движеніе разсчитано. Кишкинъ всегда любовался на Матюшкину работу. До обѣда еще прошли всего одинъ аршинъ, а послѣ обѣда началась уже легкая работа, потому что шла талая земля, которую можно было добывать кайломъ и лопатой. На глубинѣ двухъ аршинъ встрѣтился первый фальшивый пропластокъ мясниковатаго песку, перемѣшаннаго съ синей рѣчной глиной. Кишкинъ долго разсматривалъ кусокъ этой глины и молча передалъ ее Минѣ Клейменому.

— Эта не обманетъ...—задумчиво проговорилъ старый каторжанинъ, растирая на ладони глину.—Мать наша эта синяя глинка.

— Случается и пустая,—замѣтилъ Кишкинъ.

Уже къ самому вечеру вышли на настоящій песокъ, такъ что пробу пришлось дѣлать уже въ избушкѣ. Эта операція производилась въ большомъ азіатскомъ ковшѣ. Кишкинъ набралъ полный ковшъ песку и началъ медленно размѣшивать песокъ вмѣстѣ съ водой, сбрасывая гальки и хрящъ и сливая мутную воду. Послѣдовательно продолжая отмучивать глину и выбирать крупный песокъ, онъ встряхивалъ ковшъ, чтобы крупинки золота, въ силу своего удѣльнаго вѣса, осаждались на самое дно, вмѣстѣ съ блестящимъ чернымъ песочкомъ—по-пріисковому „шлихи“. Эти послѣдніе, какъ продуктъ разрушенія бураго желѣзняка, осаждались на самое дно въ силу своей тяжести; шлиховъ получилось достаточное количество, и, когда вода уже не взмучивалась, старикъ долго и внимательно ихъ разсматривалъ.

— Поблескиваетъ одна золотинка...—проговорилъ онъ.

— Не корыстное дѣло,—отвѣтилъ за всѣхъ Турка.

Такъ открылись зимнія работы. Ежедневно выбивалось отъ двухъ до трехъ шурфовъ, причемъ Кожинъ быстро „наварлыжился“ въ земляной работѣ и уступалъ только одному Матюшкѣ. Пробу производилъ постоянно самъ Кишкинъ, не довѣрявшій никому такого отвѣтственнаго дѣла. Въ хвостѣ розсыпи было такимъ образомъ пробито десять шурфовъ, а затѣмъ перешли прямо къ „головѣ“. Это было уже черезъ недѣлю, какъ партія жила въ лѣсу. День выдался теплый, и падалъ мягкій снѣжокъ. Первый шурфъ былъ пробитъ еще до обѣда, и Кишкинъ сталъ дѣлать пробу тутъ же около огонька, разложеннаго на льду. Рабочіе отдыхали. Кожинъ сидѣлъ у самаго костра и задумчиво смотрѣлъ на весело трещавшій огонекъ.

— Ну, такъ какъ же насчетъ свиньи-то, дѣдка?—спрашивалъ Матюшка, обращаясь къ Минѣ Клейменому.—Должна она быть безпремѣнно...

— Куда ей дѣваться?—увѣренно отвѣчалъ старикъ.—Только вотъ взять-то ее умѣючи надо... Къ рукамъ она, свинья эта самая. На счастливаго, одно слово...

— Уползла, видно, она къ Мыльникову,— подшутилъ Турка. — Мы ее здѣсь достигаемъ, а она вонъ гдѣ обозначилась: зарылась въ Ульяновомъ кряжу, еще и не одна, а съ поросятами вмѣстѣ...

— Ну, то другая статья, — авторитетно замѣтилъ Матюшка, закуривая цыгарку.—Одно—жилка, другое—розсыпь...

Въ этотъ моментъ Кишкинъ слабо вскрикнулъ, точно его что̀ придавило, и выпустилъ ковшъ изъ рукъ. Всѣ оглянулись на него.

— Охъ, какъ стрѣлило...—прошепталъ Кишкинъ, хватаясь за животъ.— Инда свѣтъ изъ глазъ выкатился. Смотрю въ ковшъ-то, а меня какъ въ становую жилу ударитъ...

— Это отъ наклону кровь въ голову кинулась,—объяснилъ Мина.

Покрывшееся мертвой блѣдностью лицо Кишкина служило лучшимъ доказательствомъ схватившей его немочи.

— Перцовкой бы тебѣ поясницу натереть, Андронъ Евстратычъ, — посовѣтовалъ очнувшійся отъ своего забытья Кожинъ.—Кровь-то и разбило бы...

— Да еще запустить этой самой перцовки въ нутро, — прибавилъ Матюшка,—горошкомъ соскочилъ бы...

Кишкинъ съ трудомъ поднялся на ноги, поохалъ для „прилику“, взялъ ковшъ и выплеснулъ пробу въ шурфъ.

— И не поманило... — объяснилъ онъ равнодушнымъ тономъ. — Вотъ тебѣ и синяя глина... Надо ужо теперь по самой серединѣ шурфъ ударить.

— А отчего не здѣсь?—спросилъ Матюшка.—Надо для счету шурфовъ пять пробить, а потомъ и въ середку болотины ударить...

— Нѣтъ, здѣсь не надо, — рѣшительно заявилъ Кишкинъ. — Попусту только время потеряемъ...

Этотъ споръ продолжался и въ землянкѣ, пока обѣдали рабочіе. Самъ Кишкинъ ни къ чему не притронулся и, лежа на нарахъ, продолжалъ охать.

— Пожалуй, ты еще окачуришься у насъ... — пошутилъ надъ нимъ Турка.—Тоже дѣло твое не молоденькое, Андронъ Евстратычъ.

— Ничего, отлежусь какъ-нибудь, а вы пока въ срединѣ болота шурфъ пробейте...

Кишкинъ едва дождался, когда рабочіе кончатъ свой обѣдъ и уйдутъ на работу. У него кружилась голова и мысли путались.

— Господи, что̀ же это такое?—повторялъ онъ про себя, чувствуя, какъ спираетъ дыханіе.—Не поблазнило ли ужъ мнѣ грѣшнымъ дѣломъ...

Наконецъ всѣ ушли на работу, и Кишкинъ остался одинъ въ землянкѣ. Онъ нѣсколько времени лежалъ съ закрытыми глазами, потомъ осторожно поднялся и выглянулъ въ дверь,—рабочіе уже были на срединѣ болота. Это его успокоило. Приперевъ плотно дверь и поправивъ въ очагѣ огонь, Кишкинъ присѣлъ къ нему и вытащилъ изъ кармана правую руку съ онѣмѣвшими пальцами: въ нихъ онъ все время держалъ щепотку захваченной изъ ковша пробы. Оглянувшись кругомъ еще разъ, онъ бережно высыпалъ высохшіе шлихи на ладонь и принялся разсматривать ихъ съ жаднымъ вниманіемъ. На ладони блестѣли крупинки золота... Счетомъ ихъ было больше двадцати. Господи, да вѣдь это богатство, страшное богатство, о какомъ онъ не смѣлъ и мечтать когда-нибудь!.. По приблизительному расчету, можно было на сто пудовъ песку положить золотника три, а при толщинѣ пласта въ полтора аршина и при протяженіи розсыпи чуть не на цѣлую версту, въ общемъ можно было разсчитывать добыть пудовъ двадцать, т.-е. по курсу на четыреста тысячъ рублей.

— Господи, что̀ же это такое?..—изнеможенно повторялъ Кишкинъ, чувствуя, какъ у него на лбу выступаютъ капли холоднаго пота.

Онъ бережно собралъ всю пробу въ бумажку и замеръ надъ ней, не вѣря своимъ старымъ глазамъ. Да, это было богатство, страшное богатство...

Для чего Кишкинъ скрылъ свое открытіе и выплеснулъ пробу въ шурфъ, въ первую минуту онъ не давалъ отчета и самому себѣ, а дѣйствовалъ

по инстинкту самосохраненія, точно кто-нибудь могъ отнять у него добычу изъ рукъ. О, никто не можетъ ничего сдѣлать... Съ Ястребовымъ покончено по всей формѣ, съ Кожинымъ можно развязаться. Странно, что сейчасъ Кишкинъ вдругъ ненавидѣлъ своего компаньона съ его жалкими пятьюстами рублей. Просто взять и прогнать его—вотъ и весь разговоръ. Вѣдь онъ сдуру забрался въ лѣсъ. А деньги можно будетъ отдать назадъ да еще съ такими процентами, какихъ никто не видалъ. Отлично... Сказаться больнымъ, шурфовку забастовать, а потомъ и начать тепленькое дѣльце въ полной формѣ.

Съ другой стороны, къ радостному чувству примѣшивалось горькое и обидное сознаніе: двадцать лѣтъ нищеты, убожества и униженія и дикое счастье на закатѣ жизни. Къ чему теперь деньги, когда и жить-то осталось, можетъ-быть, безъ году недѣля? Кишкину сдѣлалось до того горько, что онъ даже всплакнулъ старческими, безсильными слезами. Эхъ, раньше бы такое богатство прикачнулось... Затѣмъ у него явилась мысль о сдѣланномъ доносѣ. Для чего онъ заварилъ всю эту кашу? Воровъ не переведешь, а про себя славу худую пустишь... Ахъ, нехорошо, да еще какъ нехорошо-то! Конечно, онъ со злости подстроилъ всю механику, чтобы отомстить старымъ недругамъ, а теперь это совсѣмъ было лишнимъ.

— Съ горя и помутился тогда“,—вслухъ думалъ Кишкинъ.

Когда вечеромъ рабочіе вернулись въ землянку, Кишкинъ лежалъ на нарахъ, закутавшись въ шубу.

— Ну что̀, Андронъ Евстратычъ, аль ущемило?

— Разнемогся совсѣмъ, братцы...—слабымъ голосомъ отвѣтилъ хитрый старикъ.—Ужо бросимъ это болото да выѣдемъ на Фотьянку. Послѣ Ястребова еще никто ничего не находилъ... А тебѣ, Акинфій Назарычъ, деньги я ворочу сполна. Будь безъ сумлѣнія...

Въ заключеніе Кишкинъ неожиданно расхохотался до того, что закашлялся. Всѣ съ изумленіемъ смотрѣли на него.

— Илья-то Ѳедотычъ... Илья-то Ѳедотычъ въ какихъ дуракахъ!—прохрипѣлъ наконецъ Кишкинъ, безсильно отмахиваясь рукой.—Илья-то Ѳедотычъ...

Кожинъ рѣшилъ про себя, что старикъ сорвался съ винта.

II.

Дальнѣйшее поведеніе Кишкина убѣдило всѣхъ окончательно, что старикъ рехнулся. Во-первыхъ, онъ бросилъ развѣдки на Мутяшкѣ и вывелъ свою партію на Фотьянку, гдѣ и произвелъ всѣмъ полный расчетъ, а Кожину возвратилъ всѣ взятыя у него деньги. Это послѣднее поставило всѣхъ въ недоумѣніе, потому что откуда быть деньгамъ у Кишкина? Впрочемъ, Кожинъ интересовался этимъ меньше всѣхъ. Онъ замѣтно остепенился въ лѣсу и бросилъ пить, такъ что вернулся въ Тайболу совершенно трезвымъ. Кишкинъ оставался въ Фотьянкѣ и что-то, видимо, замышлялъ. Пока онъ квартировалъ у Петра Васильича, занимая ту комнату, въ которой жилъ Ястребовъ, уѣхавшій до весны въ городъ.

Мысль о деньгахъ засѣла въ головѣ Кишкина еще на Мутяшкѣ, когда онъ обдумалъ весь планъ, какъ освободиться отъ своихъ компаньоновъ, а главное, отъ Кожина, которому необходимо было заплатить деньги въ первую голову. Съ этой мыслью Кишкинъ ѣхалъ до самой Фотьянки, перебирая въ умѣ всѣхъ знаковыхъ, у кого можно было бы перехватить на такой случай. Такихъ знакомыхъ не оказалось, кромѣ все того же секретаря Ильи Ѳедотыча.

„Нѣтъ, братъ, къ тебѣ-то ужъ я не пойду!—думалъ Кишкинъ, припоминая свой послѣдній неудачный походъ.—Разѣ толкнуться къ Ермошкѣ?.. Этому надо все разсказать, а Ермошка все переплеснетъ Кожину—опять не-

хорошо. Надо такъ сдѣлать, чтобы и шито и крыто. Пожалуй, у Петра Васильича можно бы было перехватить на первый разъ, да ужъ больно завистливъ песъ: надъ чужимъ счастьемъ задавится... Еще уцѣпится, какъ клещъ, и не отвяжешься отъ него...“

Такъ ничего и не придумалъ Кишкинъ: у богатства безъ гроша очутился. То была какая-то иронія судьбы. Но его осѣнила счастливая мысль. Одна удача не приходитъ.

Вечеромъ, когда уже всѣ спали, онъ разговорился съ баушкой Лукерьей, которая жаловалась на племянницу Марью, отбивавшуюся отъ рукъ на глазахъ у всѣхъ.

— Вѣдь скромница была, какъ жила у отца, — разсказывала старуха,— а тутъ дѣвка изъ ума вонъ. Присунулся этотъ машинистъ Семенычъ, голь перекатная, а она къ нему... Стыдъ дѣвичій позабыла, никого не боится, только и ждетъ проклятущаго машиниста. Замужъ, говоритъ, выйду за него... Охъ, согрѣшила я съ этими дѣвками!..

— Ну, что же дѣлать, баушка...—утѣшалъ Кишкинъ.—Всякая живая душа калачика хочетъ.

— Тьфу ты, срамникъ!.. Ему дѣло говорятъ, а онъ... тьфу!.. Распустили нонѣ дѣвокъ, вотъ и дурятъ...

Эта старушечья злость забавляла Кишкина: очень ужъ смѣшно баушка Лукерья сердилась. Но, глядя на старуху, Кишкину пришла неожиданно мысль, что онъ ищетъ денегъ, а деньги передъ нимъ сидятъ... Да, лучше и не надо. Не теряя времени, онъ приступилъ къ дѣлу сейчасъ же. Дверь была заперта, и Кишкинъ разсказалъ во всѣхъ подробностяхъ исторію своего богатства. Старушка выслушала его съ жаднымъ вниманіемъ, а когда онъ кончилъ—широко перекрестилась

— Умненько я сдѣлалъ, баушка? Комаръ носу не подточитъ... Всѣхъ отвелъ и остался одинъ, самъ большой—самъ маленькій.

— Охъ, умно, Андронъ Евстратычъ! Столь-то ты хитеръ и дошлъ, что никому и не догадаться... Въ настоящія руки попало. Только ты, смотри, не болтай до поры до времени... Теперь ты сослался на немочь, а потомъ вдругъ... Нѣтъ, ты лучше такъ сдѣлай: никому ни слова, будто и самъ не знаешь,— чтобы Кожинъ послѣ не вступался... Старателишки тоже могутъ къ тебѣ привязаться. Нонѣ вонъ какой народъ пошелъ... Уменъ, уменъ, нечего сказать: къ рукамъ и золото.

Чтобы еще больше разжечь старуху, Кишкинъ досталъ бумажку съ пробой и показалъ блестѣвшія крупинки золота.

— Плохо я вижу, голубчикъ...—шептала баушка Лукерья, наклоняясь къ самой бумажкѣ.—Слѣпой курицѣ все пшеница.

— Отъ ста пудовъ песку золотника съ три падетъ, баушка... Я ужъ все высчиталъ. А со всего болота снимемъ пудовъ съ двадцать...

— Н-но-о?..

— Вѣрнѣе смерти...

Въ заключеніе Кишкинъ разсказалъ, какъ онъ просилъ денегъ у Ильи Ѳедотыча и бралъ его въ пай, а тотъ пожадничалъ и отказался.

— То-то онъ взвоетъ теперь, секретарь-то!.. Жадящій до денегъ, а тутъ сами деньги приходили на домъ: возьми, ради Христа. Ха-ха!.. На стѣну онъ полѣзетъ со злости.

Баушка Лукерья заливалась дребезжавшимъ старческимъ смѣхомъ надъ промахнувшимся секретаремъ и даже ударила Кишкина по плечу, точно сама принимала участіе во всей этой исторіи.

— А тебѣ денегъ-то сколько достанется, Андронъ Евстратычъ?

— Охъ, и выговорить-то страшно... Считай: двадцать тысячъ за пудъ золота, за десять пудовъ это выйдетъ двѣсти тысячъ, а за двадцать всѣ четыреста. Ничего, кругленькая копеечка... Ну, за работу придется заплатить тысячъ шестьдесятъ, не больше, а остальныя голенькими останутся. Ну, считай для гладкаго счета триста тысячъ.

— Триста тысячъ?.. Этакъ ты всю нашу Фотьянку купишь и продашь... Ловко!.. Уменъ, тебѣ и деньгами владать.

— Взять ихъ только надо умненько, баушка... Такъ никто мнѣ не дастъ, значитъ, зря, а надо будетъ открыться.

— Что ты, что ты!.. Ни подъ какимъ видомъ не открывайся—все дѣло испортишь. Загалдятъ, зашумятъ... Стравятъ и Ястребова и Кожина,—не расхлебаешься потомъ. Тихонько возьми у какого-нибудь вѣрнаго человѣка.

Кишкинъ только развелъ руками: нѣтъ такого вѣрнаго человѣка, который далъ бы тихонько. Послѣ нѣкоторой паузы онъ сказалъ:

— Баушка, ссуди меня сотней-другой... Разочтемся потомъ. За рубль два отдамъ..

Старуха испуганно замахала обѣими руками, точно ее обожгли.

— Что ты, миленькій, какія у меня деньги? Да двухъ-то сотельныхъ я отродясь не видывала! На похороны себѣ берегу двѣ красненькихъ—только и всего...

— Ну, тогда придется итти къ Ермошкѣ. Больше не у кого взять,—рѣшительно заявилъ Кишкинъ.—Его счастье—все одно, рубль на рубль барыша получить не пито—не ѣдено.

Баушку Лукерью взяло такое раздумье, что хоть въ петлю лѣзть: и дать денегъ жаль, и не хочется, чтобы Ермошкѣ достались дикія денежки. Вотъ бѣсъ-сомуститель навязался... А упустить такой случай—другого, пожалуй, и не дождешься. Старушечья жадность разгорѣлась съ небывалой еще силой, и баушка Лукерья вся тряслась, какъ въ лихорадкѣ. Послѣ долгаго колебанія она заявила:

— У меня у самой-то ничего нѣтъ, а попытаюсь добыть у одного знакомаго старичка... Мнѣ-то онъ, можетъ, повѣритъ.

— Ну, мнѣ это все одно: кто ни попъ, тотъ батька.

Конечно, все это была одна комедія.

Баушка Лукерья не спала всю ночь напролетъ, раздумывая, дать или не дать денегъ Кишкину. Выходило надвое: и дать хорошо и не дать хорошо. Но ее подмывало налетѣвшее дикое богатство, точно она сама получитъ всѣ эти сотни тысячъ. Такъ бываетъ весной, когда полая вода подхватываетъ гнилушки, крутитъ и вертитъ ихъ и уноситъ вмѣстѣ съ другимъ соромъ.

„Омманетъ еще,—думала тысячу первый разъ старуха.—Нѣтъ, шабашъ, не дамъ... Пусть поищетъ кого-нибудь побогаче, а съ меня что взять-то“.

Эти разумныя мысли разлетѣлись, какъ сонъ, когда баушка Лукерья встрѣтилась утромъ съ Кишкинымъ. Ей вдругъ сдѣлалось такъ легко, точно она это дѣлала для себя.

— Ну, что твой старичокъ?—спрашивалъ Кишкинъ, лукаво подмигивая.—Вонъ секретарь Илья Ѳедотычъ отъ своего счастья отказался, можетъ, и твой старичокъ на ту же руку...

Баушка Лукерья опять засмѣялась: очень ужъ глупымъ оказалъ себя секретарь-то... Нѣтъ, старичокъ, видно, будетъ маленько поумнѣе...

— А ты мнѣ расписку напиши...—настаивала старуха, хватаясь за послѣднее средство.

— На что тебѣ расписка-то: вѣдь ты неграмотная. Да и не таковское это дѣло, баушка... Ужъ я тебѣ вѣрно говорю.

Передача денегъ происходила въ ястребовской комнатѣ. Сначала старуха притащила завязанныя въ платкѣ бумажки и вогнала Кишкина въ три пота, пока ихъ считала. Всѣхъ денегъ оказалось меньше двухсотъ рублей.

— Мало...—заявилъ Кишкинъ.—Пусть старичокъ-то серебреца поищетъ.

— Охъ, ужъ и не знаю, право, Андронъ Евстратычъ... Окружилъ ты меня и голову съ живой сымаешь.

— Давай серебро-то, а ворочу золотомъ. Понимаешь, банкъ будетъ выдавать по ассигновкамъ золотыми, и я тебѣ до послѣдней конеечки золотомъ отдамъ... На, да не поминай Кишкина лихомъ!..

Что было отвѣчать на такія змѣиныя слова? Баушка Лукерья молча принесла свое серебро, пересчитала его разъ десять и даже прослезилась, отдавая сокровище искусителю. Пока Кишкинъ разсовывалъ деньги по карманамъ, она старалась не смотрѣть на него, а отвернулась къ окошку.

— Ну, теперь прощай, баушка...

Старуха только махнула рукой,—ее душило отъ волненія. Впрочемъ, она догнала Кишкина уже на дворѣ и остановила.

— Забыла словечко тебѣ молвить, Андронъ Евстратычъ... Разбогатѣешь, такъ и меня, старуху, можетъ, помянешь.

— Въ чемъ дѣло?..

— Не женись на молоденькой... Ваша братья, старики, больно льстятся на молодыхъ, а ты бери вдову или дѣвицу въ годкахъ. Молодая-то хоть и любопытнѣе, да отъ людей стыдно, да еще она же рукавомъ растрясетъ все твое богатство...

— Вотъ тоже придумала!—изумился Кишкинъ, ухмыляясь.

До настоящаго момента мысль о женитьбѣ не приходила ему въ голову.

— Жалѣючи тебя говорю... Попомни старушечье словечко.

Марья была на дворѣ и слышала всю эту сцену. У ней въ головѣ остались такія слова, какъ „богачество“ и „дѣвица въ годкахъ“, а остального она не поняла. Ее удивило больше всего то, что у баушки завелись какія-то дѣла съ Кишкинымъ, тогда какъ раньше она и слышать о немъ не хотѣла, какъ о первомъ смутьянѣ и затѣйщикѣ, сбивавшемъ съ толку мужиковъ. Что-то неладное творится, ежели Кишкинъ обошелъ самоё баушку Лукерью... Впрочемъ, эти свои бабьи мысли Марья оставила про себя до встрѣчи съ милымъ дружкомъ, которому разсказывала все, что дѣлалось въ домѣ. Когда она поднималась на крыльцо, предъ ней точно изъ земли выросъ Петръ Васильичъ.

— Какія такія дѣла завелъ Шишка съ мамынькой? — зыкнулъ онъ на нее.

— А я почемъ знаю?... Спроси самъ баушку...

— У, змѣя!..—зашипѣлъ Петръ Васильичъ, грозя кулакомъ.—Ужо, дѣвка, я доберусь до тебя.

— Руки коротки...

Марья замѣтила, что въ заднихъ воротахъ мелькнула какая-то тѣнь,—это былъ Матюшка, какъ она убѣдилась потомъ, поглядѣвъ изъ-за косяка. Съ Петромъ Васильичемъ вообще что-то сдѣлалось, и онъ просто бросался на людей, какъ чумной быкъ. Съ баушкой у нихъ шли постоянныя ссоры, и они старались не встрѣчаться. И съ Марьей у баушки все шло „на перекосыхъ“,—зубастая да хитрая оказалась Марья, не то, что Ѳеня, и даже помаленьку стала забирать верхъ въ домѣ. Дѣлалось это само собой, незамѣтно,

такъ что баушка Лукерья только дивилась, что ей самой приходится слушаться Марьи.

— Лукавая дѣвка...—ворчала старуха.—Всѣхъ обошла, а себя раньше другихъ.

За Кишкинымъ уже слѣдили. Матюшка первый заподозрѣлъ, что дѣло не чисто, когда Кишкинъ прикинулся больнымъ и бросилъ шурфовку. Потомъ онъ припомнилъ, какъ Кишкинъ выплеснулъ пробу въ шурфъ и не велѣлъ бить слѣдующихъ шурфовъ по порядку. Вообще все поведеніе Кишкина показалось ему самымъ подозрительнымъ. Встрѣтившись въ кабакѣ Фролки съ Петромъ Васильичемъ, Матюшка спросилъ про Кишкина, гдѣ онъ ночуетъ сегодня. Слово за слово,—разговорились. Петръ Васильичъ носомъ чуялъ, гдѣ не ладно, и прильнулъ къ Матюшкѣ, какъ пластырь.

— Обыскали свинью-то?—приставалъ онъ къ Матюшкѣ.

— Съ поросятами оказалась наша свинья...

Распили полуштофъ; захмелѣвшій Матюшка разсказалъ Петру Васильичу свои подозрѣнія.

— А что бы ты думалъ, анделъ мой?..—схватился Петръ Васильичъ.— Вѣдь ты вѣрно... Не спроста Шишка бросилъ шурфовку. Вонъ какой оборотень...

— Хорошую пробу, видно, добылъ да насъ всѣхъ и сплавилъ. Не захотѣлъ подѣлиться... Кожинъ, извѣстно, дуракъ, а Кишкинъ и насъ поопасился.

— Ахъ, старый песъ... Ловкую шутку укололъ. А лѣтомъ-то, помнишь, какъ тростилъ все время: „Братцы, только бы натакаться на настоящее золото — никого не забуду“. Вотъ и вспомнилъ... А знаки, говоришь, хорошіе были?

— По первоначалу средственные, а потомъ ужъ обозначились... Выплеснулъ онъ пробу-то. Невдомекъ никому это было, покеда онъ болѣсть на себя не накинулъ и не пошабашилъ всю шурфовку...

— Хоть бы глазкомъ поглядѣть на пробу-то... Можно вѣдь добыть ее и безъ него?

— Отчего не добыть, да толку отъ этого не будетъ: все одно—пріискъ по контракту сейчасъ Кишкина. Кабы раньше...

Петръ Васильичъ даже застоналъ отъ мысли, что вѣдь и онъ могъ взять у Ястребова это самое болото ни за грошъ ни за копеечку, а прямо даромъ. Съ горя онъ спросилъ второй полуштофъ.

— Да тебѣ-то какая печаль?—удивлялся Матюшка.

— А такая!.. Вотъ погляди ты на меня сейчасъ и скажи: „Дуракъ ты, Петръ Васильичъ, да еще какой дуракъ-то... ахъ, какой дуракъ!.. Не даромъ кривой ерахтой всѣ зовутъ... Дуракъ, дуракъ!..“ Такъ вѣдь?.. а?.. Вѣдь мнѣ одно словечко было молвить Ястребову-то, такъ болото-то и мое... а?.. Ну, не дуракъ ли я послѣ этого? Убить меня мало, кривого подлеца...

Въ избыткѣ усердія онъ схватилъ себя за волосы и началъ стучать головой въ стѣну, такъ что Матюшка долженъ былъ прекратить этотъ порывъ отчаянія.

— Будетъ баловаться, Петръ Васильичъ.

— Нѣтъ, ты лучше убей меня, Матюшка!.. Вѣдь я всю зиму зарился на жилку Мыльникова, какъ бы отъ нея свою пользу получить, а богачество было прямо у меня въ дому, подъ носомъ... Ну, какъ было не догадаться?.. Вѣдь Шишка догадался же... Нѣтъ, дуракъ, дуракъ, дуракъ!.. Какъ у свиньи подъ рыломъ все лежало...

— Погоди печаловаться раньше времени, — тихонько замѣтилъ Матюшка.—А Кишкинъ нашихъ рукъ не минуетъ... Мы его еще обработаемъ, дай срокъ. Онъ всѣхъ ладитъ обмануть...

— Вѣрно!—обрадовался Петръ Васильичъ.—Такъ достигнемъ, говоришь? Ахъ, анделъ ты мой, ничего не пожалѣю...

Чтобы не терять напрасно времени, новые друзья принялись выслѣживать Кишкина съ слѣдующаго же утра, когда онъ уходилъ отъ баушки Лукерьи.

Странная вещь, вся Фотьянка узнала объ открытой Кишкинымъ богатой розсыпи раньше, чѣмъ кто-нибудь могъ подозрѣвать объ этомъ: самъ Кишкинъ сказалъ только баушкѣ Лукерьѣ, а потомъ Матюшка сообщилъ свою догадку Петру Васильичу—только и всего. И Кишкинъ, и баушка Лукерья, и Матюшка, и Петръ Васильичъ знали только про себя, а между тѣмъ загалдѣла вся Фотьянка, какъ одинъ человѣкъ, точно пчелиный улей, по которому ударили палкой. Когда Кишкинъ на другой день пріѣхалъ въ городъ, молва уже опередила его, и первымъ поздравилъ его секретарь Илья Ѳедотычъ.

— Хорошее дѣло, кабы двадцать лѣтъ назадъ оно вышло...—ядовито замѣтилъ великій дѣлецъ, прищуривая одинъ глазъ.—Досталась кость собакѣ, когда собака съѣла всѣ зубы. Да хотъ еще посмотримъ, кто будетъ расхлебывать твою кашу, Андронъ Евстратычъ: обнесъ всѣхъ натощакъ, а какъ теперь сытый-то будешь повыше усовъ ѣсть. Однимъ словомъ, въ самый разъ.

III.

Открытіе Кишкина подняло на ноги всю Фотьянку,—точно пробѣжала электрическая искра. Время было самое глухое, народъ сидѣлъ безъ работы, и всѣ мечты сводились на близившееся лѣто. Положимъ, и прежде было то же самое, даже гораздо хуже, но тогда эти зимнія голодовки принимались какъ нѣчто неизбѣжное, а теперь явились мысли и чувства другого порядка. Дѣло въ томъ, что прежде фотьяновцы жили сами собой, крѣпкіе своими каторжными завѣтами и распорядками, а теперь на Фотьянкѣ обжились новые люди, которые и распускали смуту. Поднялись разговоры о земельномъ надѣлѣ, какъ въ другихъ мѣстахъ, о притѣсненіяхъ компаніи, которая собакой лежитъ на сѣнѣ, о другихъ промыслахъ, гдѣ у рабочихъ есть и усадьбы, и выгонъ, и покосы, и всякое угодье, о посланныхъ ходокахъ „съ бумагой“, о „членѣ“, который наѣзжалъ каждую зиму ревизовать волостное правленіе. У волости и въ кабакѣ Фролки эти разговоры принимали даже ожесточенный характеръ: кому-то грозили, кому-то хотѣли жаловаться, кого-то ожидали. Расчеты на Кедровскую дачу оправдались вполовину: лѣтнія работы помазали только по губамъ, а зимой тамъ оставался одинъ пріискъ Ягодный да небольшія шурфовки. Народу нечего было дѣлать, и опять должны были итти на компанейскія работы, которыхъ тоже было въ обрѣзъ: на Рублихѣ околачивалось человѣкъ пятьдесятъ, на Дернихѣ вскрывали новый разрѣзъ до сотни, а остальные опять разбрелись по своимъ старательскимъ работамъ—промывали борта заброшенныхъ казенныхъ разрѣзовъ, били дудки и просто шлялись съ мѣста на мѣсто, чтобы какъ-нибудь убить время.

На зимнихъ работахъ опять проявилось неуклонное бдѣніе старшаго штейгера Зыкова, притѣснявшаго старателей всѣми мѣрами и средствами, какъ своихъ заклятыхъ враговъ.

— Когда только онъ дрыхнетъ?—удивлялись рабочіе. Днемъ по старательскимъ работамъ шляется, а ночь въ своей шахтѣ сидитъ, какъ коршунъ...

— Сбросить его въ дудку куда-нибудь, чтобы не заѣдалъ чужой хлѣбъ,— предлагали рѣшительные люди.

— Не безпокойся: другой почище выищется...

— Ну, другого такого компанейскаго пса не сыскать: одинъ у насъ Родька на всю округу.

Но что показалось обиднѣе всего промысловымъ рабочимъ, такъ это то, что Оникова допустилъ на Рублиху „чужестранныхъ“ рабочихъ, чѣмъ нарушилъ весь установившійся промысловый строй и вѣковые порядки. Отцы и дѣды робили, и дѣти будутъ робить тутъ же... Рабочая масса такъ срослась со своимъ исконнымъ промысловымъ дѣломъ, что не могла отдѣлить себя отъ промысловъ, несмотря на распри съ компаніей и даже тяжелыя воспоминанія о казенномъ времени. Все это были свои семейныя, домашнія дѣла, а зачѣмъ чужестранныхъ-то рабочихъ ставить на наши работы? Дѣло вышло изъ-за какого-то пятачка прибавки коннымъ рабочимъ, жаловавшимся на дороговизну овса, но Оникова уперся, какъ пень, и нанялъ двухъ посторонникъ рабочихъ. Это возмутило всю Фотьянку до глубины души, какъ самое кровное оскорбленіе, какого еще не бывало. Даже Родіонъ Потапычъ не совѣтовалъ Оникову этой крутой мѣры: онъ хотя и тѣснилъ рабочихъ, но по закону, а это ужъ не законъ, чтобы отнимать хлѣбъ у своихъ и отдавать чужимъ.

— Пустяки,—увѣрялъ Оникова со спокойной усмѣшечкой.—Надо ихъ подтянуть...

— И подтянуть умѣючи надо, Александръ Иванычъ,—смѣло заявилъ старый штейгеръ.—Двумя чужестранными рабочими мы не управимъ дѣла, а своихъ раздразнимъ понапрасну... Тоже и по человѣчеству нужно разсудить.

— Послушайте, каналья, вы должны слушать, что вамъ говорятъ, а не пускаться въ разсужденія! Съ васъ нужно начать...

Разговоръ происходилъ въ корпусѣ надъ шахтой. Родіонъ Потапычъ весь поблѣднѣлъ отъ нанесеннаго оскорбленія и дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Пятьдесятъ лѣтъ, ваше благородіе, хожу въ штегеряхъ, а такого слова не слыхивалъ даже въ каторжное время... Да!

— Молчать!

Результатомъ этой сцены было то, что враги очутились на судѣ у Карачунскаго. Родіонъ Потапычъ не бывалъ въ господскомъ домѣ съ того времени, какъ поселилась въ немъ Ѳеня, а теперь пришелъ, потому что давно уже про себя похоронилъ любимую дочь.

— Разсуди насъ, Степанъ Романычъ,—спокойно заявилъ старикъ.— Ужъ на что лютъ былъ покойничекъ Иванъ Герасимычъ Оникова, живыхъ людей въ гробъ вгонялъ, а и тотъ не смѣлъ такія слова выражать... Неужто теперь хуже каторжнаго положенья? Да и дѣло мое правое, Степанъ Романычъ... Ужъ я поблажки, кажется, не даю рабочимъ, а только зачѣмъ дразнить ихъ напрасно.

— Все это правда, Родіонъ Потапычъ, но не всякую правду можно говорить. Особенно не любятъ ея виноватые люди. Я понимаю васъ, какъ никто другой, и все-таки долженъ сказать одно: ссориться намъ съ Оникова не приходится пока. Онъ намъ можетъ очень повредить... Понимаете?.. Можно ссориться съ умнымъ человѣкомъ, а не съ дуракомъ...

„Вотъ это такъ сказалъ, какъ ножомъ обрѣзалъ...—думалъ Родіонъ Потапычъ, возвращаясь отъ Карачунскаго.—Эхъ, золотая голова, кабы не эта господская слабость...“

Съ Ониковымъ у Карачунскаго произошла, противъ ожиданія, крупная схватка. Уступчивый и неуязвимый Карачунскій не выдержалъ, когда Ониковъ сдѣлалъ довольно грубый намекъ на Оеню.

— Вы... вы забываетесь, молодой человѣкъ!—проговорилъ Карачунскій, собирая все свое хладнокровіе.—Моя личная жизнь никого не касается, а васъ меньше всего...

— Въ данномъ случаѣ именно касается, потому что и старикъ Зыковъ и старатель Мыльниковъ являются вашими креатурами... Это подаетъ дурной примѣръ другимъ рабочимъ, какъ всякая поблажка. Вообще вы распустили рабочихъ и служащихъ...

— Относительно служащихъ я согласенъ съ вами, а поэтому попрошу васъ оставить меня: я говорю съ вами, какъ вашъ начальникъ.

Выгнавъ зазнавшагося мальчишку, Карачунскій долго не могъ успокоиться. Да, онъ вышелъ изъ себя, чего никогда не случалось, и это его злило больше всего. И съ кѣмъ не выдержалъ характера—съ мальчишкой, молокососомъ. Положимъ, что тотъ самъ вызвалъ его на это, но чужія глупости еще не дѣлаютъ насъ умнѣе. Глупо и еще разъ глупо.

А рабочіе продолжали волноваться, причемъ, какъ это ни странно сказать, въ числѣ побудительныхъ причинъ являлась и открытая Кишкинымъ новая розсыпь, названная имъ Богоданкой. Собственно, логической связи тутъ не было никакой, кромѣ развѣ того, что на фонѣ этого налетѣвшаго вихремъ богатства еще ярче выступала своя промысловая голь и нищета. Съ своей стороны, самъ Кишкинъ подалъ поводъ къ неудовольствію тѣмъ, что не взялъ никого изъ старыхъ рабочихъ, точно боялся этихъ участниковъ своего пріисковаго мытарства. Это подняло общій ропотъ, потому что имъ не давали прохода другіе рабочіе своими шутками и насмѣшками.

— Нашли Кишкину свинью, а теперь ступайте на подножный кормъ! Эхъ, вы, вороны...

Особенно озлобился Матюшка, котораго подзуживалъ постоянно Петръ Васильичъ, снѣдаемый ревностью. Матюшка запилъ съ горя и не выходилъ изъ кабака. Тамъ же околачивались Мина Клейменый и старый Турка. Теперь только и было разговоровъ, что о Богоданкѣ. Недавніе сотрудники Кишкина припомнили всѣ мельчайшія подробности, какъ Кишкинъ надулъ ихъ всѣхъ, какъ надулъ Ястребова и Кожина и какъ надуетъ всякаго.

— Извѣстно, старая конторская крыса!—рычалъ Матюшка.—У нихъ у всѣхъ одна вѣра-то... Кровь нашу пьютъ.

— А вонъ Мыльниковъ тоже вмѣстѣ съ нами старался, а теперь какъ взвеселилъ себя...

— Тоже черезъ контору: Оенька подсдобила дѣлянку.

— А мы чѣмъ грѣшнѣе Мыльникова? Ему отвели дѣлянку, и намъ отводи. Пойдемъ, братцы, въ контору... Ониковъ вонъ пообѣщалъ на шахтѣ всѣхъ рабочихъ чужестранныхъ поставить. Двухъ поставилъ спервоначалу, а потомъ и другихъ поставитъ... Старый песъ Родька заодно съ нимъ. Мы тутъ съ голоду подыхай...

— Удавить ихъ всѣхъ, а контору разнести въ щепы!—кричалъ Матюшка въ пьяномъ азартѣ.—Двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать. Да и Шишку по пути вздернуть на первую осину.

Волненія съ Фотьянки перекинулись на Балчуговскій заводъ, гдѣ въ кабакѣ Ермошки собиралась своя пріисковая голытьба. Жаловались на притѣсненіе конторы, не хотѣвшей отводить новыхъ дѣлянокъ, задерживавшей протолчку добытаго старателями золотоноснаго кварца, выдачу денегъ и т. д.

Здѣсь поводомъ къ неудовольствію послужили главнымъ образомъ старые „шламы“, т.-е. уже промытые пески, получившіеся отъ протолчки кварца. Эти шламы образовали на дворѣ фабрики цѣлую гору, и компанія пустила ихъ въ промывку уже для себя. Въ шламахъ оставалось еще небольшое содержаніе золота, добыть которое съ нѣкоторой выгодой можно было только при массовой промывкѣ десятковъ тысячъ пудовъ. Въ результатѣ получалась самая ничтожная прибыль, но рабочіе считали шламы своими и волновались. Эта операція была ошибкой со стороны Карачунскаго. Въ другое время на нее никто не обратилъ бы вниманія, а теперь она вызывала громкій ропотъ. Карачунскій, съ своей стороны, не хотѣлъ уступать изъ принципа, чтобы не показать предъ рабочими своей несостоятельности. Нужно было выдержать характеръ именно въ такихъ пустякахъ, а то требованія и претензіи разрастутся безъ конца. Конечно, все это было глупо, и Карачунскій могъ только удивляться самому себѣ, какъ онъ не предвидѣлъ этого раньше. Рублиха, дѣлянка Мыльникова, чужестранные рабочіе, шламы—это былъ послѣдовательный рядъ тѣхъ ненужныхъ ошибокъ, которыя дѣлаются, кажется, только потому, что безъ нихъ такъ легко обойтись. Чтобы исправить послѣднюю ошибку съ промывкой шламовъ, Карачунскій велѣлъ отвести нѣсколько десятковъ новыхъ дѣляновъ старателямъ и ослабить надзоръ за промывкой старыхъ разрѣзовъ—это была косвенная уступка, которая была хуже, чѣмъ если бы Карачунскій отказался отъ своихъ шламовъ.

— Эхъ, Степанъ Романычъ...—замѣтилъ старикъ Зыковъ, въ отчаяніи качая головой.—Изъ лѣсу выходятъ одной дорогой. Какъ разъ взбѣленятся наши старателишки, ежели разнюхаютъ...

Это предсказаніе оправдалось скорѣе, чѣмъ можно было предполагать, именно: на Дернихѣ старатели, промывавшіе старый отвалъ, наткнулись случайно на хорошее содержаніе и прогнали компанейскаго штейгера, когда тотъ хотѣлъ ограничить какую-то дѣлянку. На мѣсто смуты полетѣлъ Родіонъ Потапычъ, но его встрѣтили чуть не кольями и даже близко не пустили къ работамъ. Услужливая молва изъ этой случайной стычки сдѣлала именно то, чего такъ боялся въ настоящую минуту Карачунскій: ничтожный по существу случай могъ поднять на ноги всю рабочую массу безтолково и глупо, какъ это бываетъ при такихъ обстоятельствахъ. Оникова торжествовалъ: онъ все это предвидѣлъ и впередъ предупреждалъ. Минута выходила критическая, и необходимо было все уладить домашними средствами, безъ лишней огласки и шума. Карачунскій лично отправился на Дерниху, одинъ, какъ всегда ѣздилъ, и не велѣлъ объѣзднымъ штейгерамъ и отводчикамъ показываться близко, чтобы напрасно не раздражать взволнованной массы старателей.

Его появленіе произвело именно то впечатлѣніе, на какое онъ разсчитывалъ.

— Что такое случилось?—спрашивалъ онъ, вмѣшиваясь въ толпу рабочихъ.

— Мы не согласны!..—крикнулъ чей-то голосъ сзади.—Достаточно...

— Что вамъ нужно? Объясните, кто потолковѣе...

Изъ толпы выдѣлился Матюшка. Онъ даже не снялъ шапки и дерзко смотрѣлъ Карачунскому прямо въ глаза.

— Первое дѣло, Степанъ Романычъ, ты насъ не тронь...—грубо заявилъ Матюшка.—Мы не дадимъ отвалъ... Вотъ тебѣ и весь сказъ. А твоихъ штейгеровъ мы въ колья...

Карачунскій вмѣсто отвѣта спустился въ старательскую яму, изъ-за которой вышло все дѣло, осмотрѣлъ работу и, поднявшись наверхъ, сказалъ:

— Хорошо. Работайте... Дня на два еще хватитъ вашего золота. А ты,

молодецъ, тебя Матвѣемъ звать? изъ Фотьянки?.. ты получишь отъ меня кружку для золота и будешь доставлять мнѣ ее лично, вмѣсто штейгера.

Этого никто не ожидалъ, а всѣхъ меньше самъ Матюшка. Карачунскій съ дѣловымъ видомъ осмотрѣлъ старый отвалъ, сказалъ нѣсколько словъ кому-то изъ стариковъ, раскурилъ папиросу и укатилъ на свою Рублиху. Рабочіе нѣсколько времени хранили молчаніе, почесывались и старались не глядѣть другъ на друга.

— Вотъ это такъ орелъ...—замѣтилъ наконецъ кричавшій давеча голосъ.—Какъ топоромъ зарубилъ Матюшку-то!.. Ловко... Сразу компанейскимъ песикомъ сдѣлался. Ужо жалованье тебѣ положатъ четыре недѣли на мѣсяцъ.

Въ числѣ бунтовщиковъ оказался и Петръ Васильичъ, который отъ Карачунскаго спрятался за чужія спины, а теперь лаялся за четырехъ. Матюшка сумрачно молчалъ, ошеломленный ловкой выходкой управляющаго. Даже Петръ Васильичъ пожалѣлъ его.

— Не вѣсь голову, Матюша, не печалуй хозяина! За нами съ тобой и не это пропадало.

Карачунскій возвращался домой успокоенный и даже довольный. Оникковъ рано торжествовалъ свою побѣду... Въ такомъ настроеніи онъ вернулся къ себѣ и прошелъ прямо въ комнату Ѳени, сильно безпокоившейся за него.

— Ну вотъ, все и кончилось,—проговорилъ онъ, обнимая ее.—Оникковъ напрасно только безпокоился устроить мнѣ пакость. Я увѣренъ, что все это его штуки.

— А я такъ боялась... Наши мужики озвѣрѣютъ, такъ на части разорвать готовы. Сейчасъ наголодались... злые поневолѣ... Прежде-то я боялась, что тятеньку когда-нибудь убьютъ за его строгость, а теперь...

Ѳеня послѣдніе мѣсяцы находилась въ самомъ угнетенномъ настроеніи и почти не выходила изъ своей комнаты. Промысловыя новости она знала черезъ лакея Ганьку, который разсказывалъ ей всѣ подробности о жилѣ Мыльникова, объ открытіи Богоданки, о всѣхъ знакомыхъ и родственникахъ. Ее занимало теперь больше всего, конечно, собственное положеніе, полное такой фальши и неопредѣленности. Она часто чувствовала на себѣ пристальный взглядъ Карачунскаго—взглядъ холодный, провѣрявшій свои собственныя противорѣчія. Да, она могла быть его любовницей, а не женой, тѣмъ больше не матерью его ребенка. Теперь встало и ея прошлое, до котораго раньше никому не было дѣла: Карачунскій ревновалъ ее къ Кожину, ревновалъ молча, тяжело, выдержанно, какъ все, что онъ дѣлалъ. Это новое чувство, граничившее съ физической брезгливостью, иногда просто пугало Ѳеню, а любви Карачунскаго она не вѣрила, потому что въ своей душѣ не находила ей настоящаго отвѣта. Развѣ можно полюбить во второй разъ?.. Нѣтъ, довольно и того, что было.

Карачунскій весь день чувствовалъ себя необыкновенно хорошо. Чтобы не портить настроенія, онъ не пошелъ вечеромъ даже въ контору. Но бѣда пришла сама въ домъ. Когда сидѣли въ столовой за самоваромъ, Ганька подалъ полученное изъ города письмо и повѣстку отъ слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ. Карачунскій на послѣднюю не обратилъ никакого вниманія, а письмо узналъ по адресу: такими прямыми буквами писали только старинные повытчики да знаменитый горный секретарь Илья Ѳедотычъ. „Считаю долгомъ предупредить васъ, что вамъ грозитъ крупная непріятность по дѣлу Кишкина,—писалъ старикъ своими прямыми буквами:—подробности передамъ лично, а пока имѣйте въ виду, что грозитъ опасность даже вашему имуще-

ству. Пишу это по сердечному расположенію къ вамъ и вашему настоящему семейному положенію, а письмо мое уничтожьте". Сначала Карачунскій даже улыбнулся, а потомъ вдругъ почувствовалъ, какъ чайный столъ точно пошатнулся и вмѣстѣ съ нимъ запатались стѣны.

— Что съ вами, Степанъ Романычъ?..—со страхомъ спрашивала Феня.

— Ничего... такъ...

IV.

Мыльниковъ провелъ почти цѣлыхъ три мѣсяца въ какомъ-то чаду, такъ что это вѣчное похмелье надоѣло наконецъ и ему самому. Главное, куда ни приди—вездѣ на тебя смотрятъ, какъ на свой карманъ. Это въ концѣ концовъ было просто обидно. Правда, Мыльниковъ успѣлъ поругаться по нѣскольку разъ со своими благопріятелями, но каждое такое недоразумѣніе заканчивалось новой попойкой.

— Монетный дворъ у меня, что ли?—выкрикивалъ Мыльниковъ, когда къ нему приставали съ требованіемъ денегъ его подручные: Яша Малый, зять Прокопій и Семенычъ.—На васъ никакихъ денегъ не напасешься...

Пьяная расточительность, когда Мыльниковъ бахвалился и сорилъ деньгами, смѣнялась трезвой скупостью и даже скаредностью. Такъ, онъ, какъ настоящій богатый человѣкъ, терпѣть не могъ отдавать заработанныя деньги всѣ сразу, а тянулъ, сколько хватало совѣсти, чтобы за нимъ походили. Далѣе Мыльниковъ сталъ относиться необыкновенно подозрительно ко всѣмъ окружающимъ, точно всѣ только и смотрѣли, какъ бы обмануть его.

— Тарасъ, будетъ тебѣ богатаго-то показывать!—корилъ его даже добродушный Яша Малый.—Надъ кѣмъ изневаживаешься?..

— А ты меня не учи... Терпѣть ненавижу!.. Всѣ вы около меня, какъ тараканы за печкой.

Въ результатѣ выходило такъ, что сотрудники Мыльникова довольствовались въ чаяніи какихъ-то благъ крохами, руководствуясь общимъ соображеніемъ, что свои люди сочтутся. Исключеніе составлялъ одинъ Семенычъ, которому Мыльниковъ, какъ чужому человѣку, платилъ поденщину сполна. Свои подождутъ, а чужой человѣкъ и молча проситъ, какъ голодное брюхо.

Семенычъ вообще держалъ себя на особицу и мало „якшилъ" *) съ остальными родственниками. Впрочемъ, это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока Мыльниковъ не сообразилъ о тайныхъ дѣлахъ Семеныча съ сестрицей Марьей и, немедленно пріобщивъ къ лику своихъ родственниковъ, пересталъ платить исправно.

— Ты это что же, Тарасъ?—удивился Семенычъ.—Что расчетъ-то не додашь?

— А такъ, голубь мой сизокрылый... Не чужіе, слава Богу, сочтемся,—безсовѣстно отвѣтилъ Мыльниковъ, лукаво подмигивая.—Сестрицѣ Марьѣ Родивоновнѣ поклончикъ скажи отъ меня... Я, братъ, свою родню вотъ какъ соблюдаю. Приди ко мнѣ на жилку сейчасъ самъ Карачунскій: милости просимъ—хошь къ воротy вставай, хошь на отпорку. А въ дудку не пущу, потому какъ не желаю обидѣть Оксю. Вотъ каковъ есть человѣкъ Тарасъ Мыльниковъ... А сестрицу Марью Родивоновну уважаю на особицу за ея развертной характеръ.

Такъ и пошло. Новый родственникъ ничего не могъ сказать въ отвѣтъ. Сестрица Марья быстро забрала его въ руки и торопила свадьбой, только не

---

*) Якшить—отъ татарскаго слова якши: да, поддакивать, дружить.

хватало денегъ на первое обзаведенье. Она была старше жениха лѣтъ на шесть, но казалась совсѣмъ молоденькой, охваченная огнемъ своей первой дѣвичьей страсти. У Семеныча былъ тайный расчетъ, что когда умретъ старикъ Родіонъ Потапычъ, то Марья получитъ свою часть наслѣдства изъ несмѣтныхъ богатствъ стараго штейгера, а пока можно будетъ перебиться и въ черномъ тѣлѣ. Сестрица Марья сама навела его на эту счастливую мысль разными обиняками, хотя прямо ничего и не говорила съ чисто-женской осторожностью. Пока между ними условлено было окончательно только то, что свадьба будетъ сыграна сейчасъ послѣ Ѳоминой недѣли. Свадьба предполагалась самокрутка, чтобы меньше расходовъ, какъ дѣлали въ Балчуговскомъ заводѣ. А пока время летѣло птицей, отъ одного свиданья до другого, какъ у всѣхъ влюбленныхъ. Дѣловитая и энергичная Марья понимала, что Семенычу нечего дѣлать у Тараса и что онъ только напрасно теряетъ время, а поэтому, когда проѣздомъ на свою Богоданку Кишкинъ останавливался у баушки Лукерьи, она улучила минутку и, подавая самоваръ, ласково проговорила:

— Андронъ Евстратычъ, вы мнѣ не откажете, если я попрошу васъ объ одномъ дѣльцѣ?

— Какъ попросишь, тоже умѣючи надо просить... хе-хе!.. Ишь, какая вострая стала на Фотьянкѣ-то!.. Ну, проси...

Марья мигомъ сѣла къ нему на колѣни, обняла одной рукой за шею и еще ласковѣе зашептала:

— Голубчикъ, Андронъ Евстратычъ, есть у меня одинъ человѣкъ... то-есть парень...

— Вотъ и неладно: ты себѣ проси, коза. Ничего не пожалѣю.

— Себѣ? Ну, а кто у васъ на Богоданкѣ хозяйничать будетъ?.. Надо и за тряпкой приглядѣть, и горницы прибрать, и старичку угодить... старенькому, сѣденькому, богатенькому, хитренькому старичку.

— Такъ, такъ... Вѣрно. Ай-да коза... Ну, а дальше?..

— Дальше-то опять про парня... Какое-нибудь мѣстечко ему приткнуться. Парень на всѣ руки, а женится послѣ Ѳоминой—жена будетъ на пріисковой конторѣ чистоту да всякій порядокъ соблюдать. Вѣдь безъ бабы и на пріискѣ не управиться...

— Ахъ, Марья Родивоновна: бойка да рѣчиста да увертлива... Быть, видно, по-твоему. Только умѣй ухаживать за старикомъ... по-настоящему. Нарочно горенку для тебя налажу: сиди въ ней канарейкой. Вотъ только парень-то... ну, да это твое дѣвичье дѣло. Уластила старика, егоза...

Разыгравшаяся сестрица Марья даже расцѣловала размякшаго старичка, а потомъ взвизгнула по-дѣвичьи и стрѣлой унеслась въ сѣни. Кишкинъ нѣсколько минутъ сидѣлъ неподвижно, точно въ какомъ туманѣ, и только моргалъ своими красными вѣками. Ну, и дѣвка: огонь бенгальскій... А Марья ужъ опять тутъ—выглядываетъ изъ-за косяка и такъ задорно смѣется.

— Цыпъ, цыпъ...—манилъ ее Кишкинъ, сыпля на полъ мелкое серебро.—Цыпъ, курочка!..

— Ну, этимъ ты меня не купишь!—разсердилась сестрица Марья.—Приласкать да поцѣловать старичка и такъ не грѣшно, а это ужъ ты оставь...

— Цыпъ, цыпъ... Старичку все можно, Машенька: никто ничего не скажетъ.

— Ахъ, безстыдникъ...

Когда баушка Лукерья получила отъ Марьи цѣлую пригоршню серебра, то не знала, что̀ и подумать, а дѣвушка нарочно отдала деньги при Кишкинѣ, лукаво ухмыляясь: вотъ-де тебѣ и твоя приманка, старый чортъ. Кое-какъ

сообразила старуха, въ чемъ дѣло, и только плюнула. Она вообще слѣдила за поведеніемъ Кишкина, особенно за тѣмъ, какъ онъ тратилъ деньги, точно это были ея собственные капиталы.

— Ты, бесстыдница, чего это надъ стариками галишься *)?—строго замѣтила она Марьѣ.—Смотри, довертишь хвостомъ... Охъ, согрѣшила я съ этими проклятущими дѣвками!

— Молодо-зелено, погулять велѣно,—заступился Кишкинъ, находившійся подъ впечатлѣніемъ охватившей его теплоты.—И стыдъ дѣвичій до порога... Вотъ это какое дѣвичье дѣло.

Мыльниковъ хотя и хвастался своими благодѣяніями роднѣ, а самъ никуда и глазъ не показывалъ. Дома онъ повертывался гостемъ, чтобы сунуть женѣ трешницу.

— Когда же строиться-то мы будемъ?—спрашивала Татьяна каждый разъ.—Ужъ пора бы, а то все равно пропьешь деньги-то.

— Ученаго учить—только портить. Мнѣ и самому надоѣло пировать-то. Родня на шею навязалась—вотъ главная причина. Никакъ развязаться не могу...

— Ты бы хоть Оксю-то пріодѣлъ... Обносилась она. У другихъ дѣвокъ вонъ приданое, а у Окси только и всего, что на себѣ. Заморилъ ты ее въ дудкѣ... Даже изъ себя похудѣла дѣвка.

— Всѣхъ ублаготворю, а Оксю на особицу... Нѣтъ, братъ, теперь шабашъ: за умъ возьмусь. Кампанію къ чорту, пусть отдохнутъ кабаки-то...

У Мыльникова, дѣйствительно, были серьезныя хозяйственныя намѣренія. Онъ даже подрядилъ плотниковъ срубить для новой избы срубъ и даже выдалъ задатокъ, какъ настоящій хозяинъ. Постройкой приходилось торопиться, потому что зима была на исходѣ,—только успѣютъ вывезти бревна изъ лѣсу, а поставятъ срубъ о Великомъ постѣ. Первый транспортъ бревенъ привелъ Мыльникова въ умиленіе: его завѣтная мечта поставить новую избу осуществлялась. Когда весь дворъ былъ заваленъ бревнами, Мыльниковымъ овладѣло такое нетерпѣніе, что онъ рѣшилъ сейчасъ же сломать старую избушку. Такое быстрое рѣшеніе даже испугало Татьяну: столько лѣтъ прожили въ ней, и вдругъ ломать.

— А куда я-то съ ребятишками дѣнусь?—взмолилась она.

— На фатеру опредѣлю... А то и у батюшки-тестя поживешь. Не велика важность, двѣ недѣли околотиться. Немного мы видѣли отъ тестюшки...

Безъ дальнихъ словъ Мыльниковъ отправился къ Устиньѣ Марковнѣ и обладилъ дѣло живой рукой. Старушка тосковала, сидя съ одной Анной, и была рада призрѣть Татьяну. Родіонъ Потапычъ попустился своему дому и все равно ничего не можетъ.

— Да вѣдь я заплачу,—съ гордостью заявлялъ Мыльниковъ.—Всю родню теперь воспитываю.

Непріятность вышла только отъ Анны, накинувшейся на него съ худыми бабьими словами. Она въ азартѣ даже тыкала въ носъ Мыльникову грудянымъ ребенкомъ.

— Любезная сестрица, Анна Родивоновна, вотъ какая есть ваша благодарность мнѣ?—удивлялся Мыльниковъ.—Можно сказать, головы своей не жалѣю для родни, а вы неистовство свое оказываете...

— Перестань, Анна,—оговорила дочь Устинья Марковна,—не одни наши мужики помутились съ золотомъ-то, а Тарасъ тутъ ни при чемъ...

---

*) Галиться—насмѣхаться.

— Куды мы съ робятами-то?—голосила Анна.—Вотъ Наташка съ Петькой объѣдаютъ дѣдушку да мои, да еще Тарасовы будутъ объѣдать.. Отъ сосѣдей стыдно.

— Молчи!—крикнула мать.—Зубы у себя во рту сосчитай, а чужіе куски нечего считать... Перебьемся какъ-нибудь. Напринималась Татьяна горя черезъ число: можно бы и пожалѣть.

— И какъ еще напринималась-то!..—соглашался Мыльниковъ.—Другая бы тринадцать разъ повѣсилась съ такимъ муженькомъ, какъ Тарасъ Матвѣевичъ... Правду надо говорить. Совсѣмъ было-измоталъ я семьишку-то, кабы не жилка... И удивительное это дѣло, тещенька любезная, какъ это во мнѣ никакой совѣсти не было. Никого, бывало, не жаль, а самъ въ кабакѣ день денской, какъ управляющій въ конторѣ.

Пристроивъ семью, Мыльниковъ сейчасъ же разнесъ пепелище въ щепы и даже продалъ старыя бревна кому-то на дрова. Такъ было разрушено родительское гнѣздо...

— Теперь, братъ, на господскую руку все наладимъ,—хвастался Мыльниковъ на всю улицу.

Занятый постройкой, онъ совсѣмъ забросилъ жилку, куда являлся только къ вечеру, когда на фабрикѣ „отдавали свистокъ съ работы“. Онъ пріѣзжалъ къ дудкѣ, наклонялся и кричалъ:

— Окся, ты тутъ?

— Здѣсь, тятенька,—откликался изъ земныхъ нѣдръ Оксинъ голосъ.

— То-то, у меня смотри...

Работа шла уже на седьмой саженя. Окся не только добывала „пустякъ“ и „жилку“, но сама крѣпила шахту и вообще отвѣчала за настоящаго ортоваго рабочаго. Жила она на Рублихѣ, въ конторѣ дѣдушки Родіона Потапыча, полюбившаго свою внучку какой-то страстной любовью. Онъ все прощалъ Оксѣ, даже грубости, чего никогда не простилъ бы роднымъ дочерямъ, и молча любовался непосредственностью этой придурковатой отъ избытка здоровья дѣвушки. Ей точно лѣнь быть умной. Не одинъ разъ они ссорились, и Родіонъ Потапычъ грозился выгнать Оксю, но та только ухмылялась.

— Куды я пойду-то, ты подумай,—усовѣщевала она старика.—Мужику это все одно, а дѣвка сейчасъ худую славу наживетъ... Который десятокъ на свѣтѣ живешь, а этого не можешь сообразить.

— Къ отцу ступай, дура... Не въ чужіе люди гоню.

— У меня и отецъ такой же, какъ ты: ничего сообразить не можетъ.

— Ахъ, Окся, Окся... да не Окся ли?!.. Какія ты слова выражаешь?..

Въ началѣ марта провернулось нѣсколько теплыхъ весеннихъ деньковъ. На пригрѣвахъ дорога почернѣла, а снѣгъ потерялъ сразу свою ослѣпительную бѣлизну. Воздухъ сдѣлался совсѣмъ особенный, такой бодрящій и свѣжій. Вешняя вода была близко, и всѣ опять заволновались, какъ это происходило каждую весну. Рабочая лихорадка охватила и Фотьянку и Балчуговскій заводъ. Въ прошломъ году въ Кедровской дачѣ шли только развѣдки, а нынче пойдутъ настоящія работы. Старатели сбивались артелями и ходили съ Фотьянки на Балчуговскій заводъ и обратно, выжидая нанимателей, Издали они походили на проснувшихся послѣ зимней спячки пчелъ, ползавшихъ по своему улью. Въ числѣ другихъ ходилъ и Матюшка, оставшійся безъ работы: золото въ Дернихѣ кончилось ровно черезъ два дня, какъ сказалъ Карачунскій. Встрѣчая на дорогѣ Мыльникова, Матюшка нѣсколько разъ говорилъ:

— Тарасъ Матвѣевичъ, что меня не возьмешь на жилку?..

— У меня своей родни дѣвать некуда...

— Родня—родней, а старую хлѣбъ-соль забывать тоже нехорошо. Вмѣстѣ бѣдовали на Мутяшкѣ-то...

Первое дыханіе весны всѣхъ такъ и подмывало. Очухавшійся Мыльниковъ только чесалъ затылокъ, соображая, сколько стравилъ за зиму денегъ по кабакамъ... Теперь можно было бы въ лучшемъ видѣ свои работы открыть въ Кедровской дачѣ и получать тамъ за золото полную цѣну. Все равно на жилку надѣяться долго нельзя: много продержится до осени, ежели продержится.

— Бить некому было стараго чорта!—вслухъ ругалъ Мыльниковъ самого себя.—Еще какъ бить-то надо было, бить да приговаривать: не пируй, варнакъ! Не пируй, каторжный!..

Именно въ такомъ тревожномъ настроеніи разъ утромъ пріѣхалъ Мыльниковъ на свою дудку. „Родственники“ не ожидали его и мирно спали около огонька. Мыльниковъ пришелъ къ вѣроту, наклонился къ отверстію дудки и крикнулъ:

— Эй, Оксюха, жива, что ли?..

Отвѣта не послѣдовало, только проснулись сконфуженные родственники.

— Гдѣ же Окся?—грозно накинулся на нихъ Мыльниковъ.—Эй, Окся, не слышишь безъ очковъ-то!.. Ужъ не задавило ли ее грѣшнымъ дѣломъ.

— Мы ее на свѣту спустили въ дудку,—объяснялъ сконфуженный Яша.—Дѣ бадью подала пустяку, а потомъ велѣла обождать...

Встревоженный Мыльниковъ спустился въ дудку: Окси не было. Валялось кайло и лопатка, а Окси и слѣдъ простылъ. Такое безобразіе возмутило Мыльникова до глубины души, и онъ „на той же ногѣ“ полетѣлъ на Рублиху,—некуда Оксѣ дѣваться, окромя Родіона Потапыча. Появленіе Мыльникова произвело на шахтѣ общую сенсацію.

— Окся здѣсь?—строго спрашивалъ Мыльниковъ.

— Была твоя Окся, да вся вышла...

— Да вы толкомъ говорите, омморошные!.. Она съ дудки, надо полагать, снять ушла сюда...

— Поищи, можетъ, найдешь. А вѣрнѣе, братцы, что на Оксѣ чортъ уѣхалъ по своимъ дѣламъ.

Родіонъ Потапычъ вышелъ на шумъ изъ своей конторки и молча нахмурился, завидѣвъ дорогого зятя.

— Оксю потерялъ, Родіонъ Потапычъ... Была въ дудкѣ, а тутъ какъ сквозь землю провалилась. Работнички-то мои проспали.

— Выгоните этого дурака,—коротко приказалъ грозный старикъ.—Здѣсь не кабакъ, чтобы шумъ подымать...

— Меня?.. Да я...

Чадолюбиваго родителя безъ церемоній вытолкали за дверь.

Мыльниковъ съ Рублихи отправился прямо на Фотьянку къ баушкѣ Лукерьѣ... Окси и тамъ не было; потомъ—въ Балчуговскій заводъ,—Окся точно въ воду канула. Такъ и пропала дѣвка.

Вмѣстѣ съ Оксей ушло и счастье Мыльникова. Черезъ недѣлю дудку его залило подступившей вешней водой, а машину для откачки воды старатели не имѣли права ставить, и ему пришлось бросить работу. Отъ всего богатства Мыльникова остались одни новыя ворота да сотни три бревенъ, которыя подрядчикъ увезъ къ себѣ, потому что за нихъ не было заплачено. Съ горя Мыльниковъ опять засѣлъ въ кабакъ къ Ермошкѣ и началъ пропивать помаленьку нажитое добро: сначала лошадь, потомъ кошевку, лошадиную сбрую и наконецъ всю одежу съ себя. Наступало лѣто, и одежа была не нужна.

Разъ, когда Мыльниковъ сидѣлъ въ кабакѣ, Ермошка сказалъ:

— А Окся-то твоя ловкую штуку уколола: за Матюшку замужъ вышла...

— Н-но-о?—изумился Мыльниковъ.

— Приданое, слышь, вынесла: цѣлый фунтъ твоего-то золота Матюшка продалъ Петру Васильичу за четыре сотельныхъ билета... Она, братъ, Оксята, поумнѣе всѣхъ оказала себя.

— Ахъ, курва... Да я ее растерзаю на мелкія части!

— Ну, теперь дудки: Матюшка-то изувѣчитъ всякаго... Другую такую-то дуру наживай.

V.

На Рублихѣ дѣла оставались въ прежнемъ положеніи. Углубляться было нельзя, пока не кончена штольня. Работы въ послѣдней подвигались къ концу, что̀ вызывало общее возбужденіе. Штольня пробуравила Ульяновъ кряжъ поперекъ, но въ этомъ горизонтѣ, къ общему удивленію, ничего интереснаго не было найдено: пласты березитовъ, сланцы, песчаники, глина—и только. Кварцъ встрѣчался ничтожными прослойками безъ всякаго содержанія золота. Всѣ надежды теперь сосредоточились именно на этой штольнѣ, потому что она отведетъ всю родную воду въ Балчуговку, и тогда можно начать углубленіе въ центральной шахтѣ. Родіонъ Потапычъ спускался въ штольню по два раза въ день и оставался тамъ часовъ по пяти. Работы шли подъ его личнымъ руководствомъ. Старикъ никому не довѣрялъ и все дѣлалъ самъ. Что̀ непріятно поражало Родіона Потапыча, такъ это то, что Карачунскій какъ будто остылъ къ Рублихѣ и совершенно равнодушно выслушивалъ подробные доклады стараго штейгера, точно все это не касалось его. Такъ продолжалось мѣсяца два, а потомъ Карачунскій точно проснулся. Онъ „зачастилъ“ на Рублиху и подолгу оставался здѣсь. То спустится въ шахту и бродитъ по разсѣчкамъ, то сидитъ наверху. Вообще съ нимъ что-то „попритчилось“, какъ рѣшили всѣ.

— Скоро ли?—спрашивалъ онъ каждый день Родіона Потапыча.

— Еще восемнадцать аршинъ осталось... Къ рѣкѣ скорѣе пойдемъ, потому тамъ ребровикъ да музга̀ пойдутъ.

Музго̀й рабочіе называютъ всякую смѣсь, а въ данномъ случаѣ музга̀ состояла изъ глины и разрушившихся песчаниковъ. Попадались еще прослойки бѣлой вязкой глины съ крупинками кварца, носившей названіе „кавардака“. Вѣроятно, оно дано было сначала кѣмъ-нибудь изъ горныхъ инженеровъ и было подхвачено рабочими, да такъ и пошло гулять по всѣмъ промысламъ, какъ забористое и зубастое словечко, тѣмъ болѣе, что такой бѣлой глины рабочіе очень не любили—лопата ея не брала, а кайло вязло, какъ въ воскѣ. Такой „кавардакъ“ встрѣчался только въ полосѣ березитовъ, какъ продуктъ ихъ разрушенія.

Новое увлеченіе Карачунскаго Рублихой находилось въ связи съ его душевнымъ настроеніемъ: это была его послѣдняя ставка. „Оправдаетъ себя“ Рублиха, и Карачунскій спасенъ... Часто онъ совершенно забывался, сидя гдѣ-нибудь у машины и прислушиваясь къ глухой работѣ и тяжелымъ вздохамъ шахты. Тамъ, въ темной глубинѣ, творилась медленная, но отчаянная борьба со скупой природой, спрятавшей въ какой-то далекій уголъ свое сокровище. И въ душѣ у человѣка, въ невѣдомыхъ глубинахъ, происходитъ такая же борьба за крупицы правды, добра и чести. Ахъ, сколько тьмы лежитъ на каждой душѣ, и какими родовыми муками добываются такія крупицы... Большинство людей счастливо только потому, что не даетъ себѣ труда заглянуть въ такія душевныя пропасти и вообще не даетъ отчета въ прой-

деннымъ пути. Родіонъ Потапычъ потихоньку наблюдалъ Карачунскаго издали и старался въ такія минуты не мѣшать барину „раздумываться“. Ничего, пусть подумаетъ... Разъ они встрѣтились глазами именно въ такую минуту, и Карачунскій весело улыбнулся.

— Знаешь, о чемъ я думалъ сейчасъ, Родіонъ Потапычъ?

— Не могу знать, Семенъ Романычъ... У господъ свои мысли, у насъ, мужиковъ, свои, а чужая душа потемки. А тебѣ пора и подумать о своемъ-то лакомствѣ... У всѣхъ господъ одна зараза, а только ты попревосходнѣй другихъ себя оказалъ.

— Вся разница въ томъ, Родіонъ Потапычъ, что есть настоящіе господа и есть поддѣльные. Настоящій баринъ за свое лакомство самъ и разсчитывается... А мужикъ полакомится—и бѣжать.

— Видалъ я господъ всякихъ, Степанъ Романычъ, а все-таки не пойму ихъ никакъ... Не къ тебѣ рѣчь говорится, а вообще. Прежнее время взять, когда мужики за господами жили—правильные были господа, настоящіе: звѣрь такъ звѣрь, во всю мѣру, добрый такъ добрый, лакомый такъ лакомый. А все-таки не понималъ я, какъ это всякую совѣсть въ себѣ загасить... Про нынѣшнихъ и говорить нечего: онъ и зла-то не можетъ сдѣлать, засилья нѣтъ, а такъ, одно званье, что баринъ.

— А какъ ты меня понимаешь, Родіонъ Потапычъ?..

— Тебя-то? Бочка меду да ложка дегтю—вотъ какъ я тебя понимаю. Кабы не твое лакомство, цѣны бы тебѣ не было... Всякая повадка въ тебѣ настоящая, и въ словѣ твердъ даже на рѣдкость.

Карачунскій пріѣзжалъ на Рублиху даже почью. Онъ вдругъ потерялъ сонъ и ужасно этимъ мучился. А тутъ проѣхаться верстъ пять по свѣжему воздуху—отлично... Весна уже брала свое. За день дорога сильно подтаивала, а къ ночи все подмерзало. Заторы и колдобины покрывались тонкимъ, какъ стекло, льдомъ, который со звономъ хрустѣлъ подъ лошадиными копытами и саннымъ полозомъ. А какъ легко дышится въ такую весеннюю ночь... Небо блѣдное, звѣзды лихорадочно свѣтятъ, въ воздухѣ разлита чуткая дремота. Вообще хорошо. Нервы напряжены, и въ тѣлѣ разливается такая бодрая теплота, какъ въ ранней молодости. Въ такія минуты хорошо думается и хорошо чувствуется. Разъ, когда ночью Карачунскій ѣхалъ одинъ, ему вдругъ пришла мысль: а что, если бы умереть въ такую ночь?.. Умереть бодрымъ, полнымъ силъ, въ полномъ сознаніи, а не безпомощнымъ и жалкимъ. Кучеръ, должно-быть, вздремнулъ на козлахъ, потому что лошади поднимались на Краюхинъ увалъ шагомъ; колокольчикъ сонно бормоталъ подъ дугой, когда коренникъ взмахивалъ головой; пристяжная пряла ушами, горячимъ глазомъ вглядываясь въ сѣрый полумракъ. Именно въ этотъ моментъ точно изъ земли выросъ надъ Карачунскимъ верховой; его обдало горячее дыханіе лошади, а въ сѣдлѣ неподвижно сидѣлъ, свѣсившись на одинъ бокъ по-киргизски, Кожинъ. Карачунскій узналъ его и почувствовалъ, какъ по спинѣ пробѣжала холодная струйка. Кучеръ встрепенулся и подтянулъ вожжи.

— Эй, ты, подальше, полуночникъ!—крикнулъ кучеръ.

Кожинъ ничего не отвѣтилъ, а только пустилъ лошадь рядомъ. Карачунскій инстинктивно схватился за револьверъ.

— Не бойсь, не трону,—отвѣтилъ Кожинъ, выпрямляясь въ сѣдлѣ.—Степанъ Романычъ, а я съ Фотьянки... Ѣздилъ къ подлецу Кишкину: на мои деньги открылъ розсынь, а теперь и знать не хочетъ. Это какъ же?..

— У васъ условіе было какое-нибудь?—спрашивалъ Карачунскій, сдерживая волненіе.

— Какія тамъ условія...

— Ну, тогда ничего не получите.

Кожинъ молча повернулъ лошадь, засмѣялся и пропалъ въ темнотѣ. Кучеръ нѣсколько разъ оглядывался, а потомъ замѣтилъ:

— Не съ добромъ человѣкъ ѣдетъ...

— А что?

— Да ужъ такъ... Куда его чортъ несетъ ночью? Да и въ словахъ мѣшается,.. Ночнымъ дѣломъ развѣ можно подъѣзжать этакъ-ту: кто его знаетъ, что у него на умѣ.

— Пустяки...

Ночью особенно было хорошо на шахтѣ. Все кругомъ спитъ, а паровая машина дѣлаетъ свое дѣло, грузно повертывая тяжелыя чугунныя шестерни, наматывая канаты и вытягивая поршни водоотливной трубы. Что-то такое было бодрое, хорошее и успокаивающее въ этой неумолчной гигантской работѣ. Свои домашнія мысли и чувства исчезали на время, смѣняясь дѣловымъ настроеніемъ.

— Развѣ такъ работаютъ...—говорилъ Карачунскій, сидя съ Родіономъ Потапычемъ на одномъ обрубкѣ дерева.—Нужно было заложить пять такихъ шахтъ и всю гору изрыть—вотъ это развѣдка. Тогда ужъ золото не ушло бы у насъ...

— Куда ему дѣваться, Степанъ Романычъ... Въ горѣ оно спряталось.

— Да и вообще всѣ наши работы ничего не стоятъ, потому что у насъ нѣтъ денегъ на большія работы.

— Это ты правильно... Кабы настоящимъ образомъ ударить тотъ же Ульяновъ кряжъ...

Карачунскій разсказывалъ подробно, какъ добываютъ золото въ Калифорніи, въ Африкѣ, въ Австраліи, какія громадныя компаніи основываются, какіе страшные капиталы затрачиваются, какія грандіозныя работы ведутся и какіе баснословные дивиденды получаются въ результатѣ такой кипучей дѣятельности. Родіонъ Потапычъ только недовѣрчиво покачивалъ головой, а съ другой стороны, очень ужъ хорошо разсказывалъ баринъ, такъ хорошо, что даже слушать его обидно.

— Мы, какъ нищіе...—думалъ вслухъ Карачунскій.—Если бы настоящія работы поставить въ одной нашей Балчуговской дачѣ, такъ не хватило бы пяти тысячъ рабочихъ... Вѣдь сейчасъ старатель самъ себѣ въ убытокъ работаетъ, потому что не пропадать же ему голодомъ. И компаніи отъ его голода тоже нѣтъ никакой выгоды... Теперь мы купимъ у старателя одинъ золотникъ и наживемъ на немъ два съ полтиной, а тогда бы мы нажили полтину съ золотника, да зато намъ бы принесли вмѣсто одного пятьдесятъ золотниковъ.

— Ну, это ужъ невозможно!—сказалъ Родіонъ Потапычъ.—Имъ, подлецамъ, сколько угодно дай—все равно потащатъ къ Ястребову.

— Тогда мы стали бы платить столько же, сколько платитъ Ястребовъ: если ему выгодно, такъ намъ въ сто разъ выгоднѣе. Главное-то свои работы...

На этомъ пунктѣ они всегда спорили. Старый штейгеръ относился къ вольному человѣку-старателю съ ненавистью старой дворовой собаки. Вотъ свои работы—другое дѣло... Это настоящее дѣло, кабы сила брала. Между разговорами Родіонъ Потапычъ вѣчно прислушивался къ смѣшанному гулу работавшей шахты и, какъ опытный капельмейстеръ, въ этой нестройной волнѣ звуковъ сейчасъ же улавливалъ малѣйшую невѣрную ноту. Разъ онъ соскочилъ совсѣмъ блѣдный и даже поднялъ руку кверху.

— Что случилось?

— Вода, Степанъ Романычъ...—прошепталъ старикъ, опрометью бросаясь къ насосу.

Несмотря на самое тщательное прислушиванье, Карачунскій ничего не могъ различить: такъ же хрипѣлъ насосъ, такъ же лязгали шестерни и желѣзныя цѣпи, такъ же подъ поломъ журчала сбѣгавшая по „сливу“ рудная вода, такъ же вздрагивалъ весь корпусъ отъ поворотовъ тяжелаго маховика. А между тѣмъ старый штейгеръ учуялъ бѣду... Поршень подавалъ совсѣмъ мало воды. Впрочемъ, причина была найдена сейчасъ же: лопнуло одно изъ колѣнъ главной трубы. Старый штейгеръ вздохнулъ свободнѣе.

— Ну, это не велика бѣда,—говорилъ онъ съ улыбкой.—А я думалъ, не вскрылась ли настоящая рудная вода на глуби. Бѣда, ежели настоящая-то рудная вода прорвется: какъ разъ одолѣетъ и всю шахту зальетъ. Бывало дѣло...

Они, кажется, переговорили обо всемъ, кромѣ главнаго, что̀ лежало у обоихъ на душѣ. Родіонъ Потапычъ не проронилъ ни одного слова о Оенѣ, а Карачунскій молчалъ о дѣлѣ Кишкина. Но это послѣднее неотступно преслѣдовало его, получивъ неожиданный оборотъ. Слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ вызывалъ Карачунскаго въ свою камеру уже три раза. Эти вызовы производили на Карачунскаго страшно двойственное впечатлѣніе: знакомый человѣкъ, съ которымъ онъ много разъ игралъ въ клубѣ въ карты и встрѣчался у знакомыхъ, и вдругъ начинаетъ офиціальнымъ тономъ допрашивать о званіи, имени, отчествѣ, фамиліи, общественномъ положеніи и подробностяхъ передачи казенныхъ промысловъ.

— Господинъ Карачунскій, вы не могли, слѣдовательно, не знать, что принимаете пріисковый инвентарь только по описи, не провѣряя фактически,— тянулъ слѣдователь, записывая что-то,—чѣмъ, съ одной стороны, вы прикрывали упущенія и растраты казеннаго управленія промыслами, а съ другой— вводили въ заблужденіе собственныхъ довѣрителей, въ данномъ случаѣ компанію.

— Господинъ слѣдователь, вамъ небезызвѣстно, что и въ казенномъ дѣлѣ и въ частномъ есть масса такихъ формальностей, какія существуютъ только на бумагѣ—это извѣстно каждому. Я сдѣлалъ не хуже, не лучше, чѣмъ всѣ другіе, какъ тѣ же мои предшественники... Чтобы провѣрить весь инвентарь такого сложнаго дѣла, какъ громадные промысла, потребовались бы цѣлые годы, и затѣмъ...

— И затѣмъ?..

— И затѣмъ я не желалъ подводить подъ обухъ своихъ предшественниковъ, которые, какъ я глубоко убѣжденъ, были виноваты столько же, сколько я въ данный моментъ.

— Вотъ это и важно, что вы сознательно прикрывали существованіе злоупотребленія!

— Позвольте, господинъ слѣдователь, я этого совсѣмъ не желалъ сказать и не могъ... Я хотѣлъ только объяснить, какъ происходятъ подобныя вещи въ большихъ промышленныхъ предпріятіяхъ.

— Это одно и то же, только вы говорите другими словами, господинъ Карачунскій.

Такой пріемъ злилъ Карачунскаго, и онъ чувствовалъ, какъ слѣдователь беретъ надъ нимъ перевѣсъ своимъ профессіональнымъ безстрастіемъ. Правосудіе должно было быть удовлетворено, и козломъ отпущенія являлся именно онъ, Карачунскій. Конечно, онъ могъ свалить на своихъ предшественниковъ, но такой маневръ былъ бы просто глупымъ, потому что онъ сейчасъ не могъ ничего доказать. И слѣдователь былъ по-своему правъ, вымотывая изъ него

душу и цѣпляясь за разныя мелочи и пустяки. Въ концѣ концовъ Карачунскій чувствовалъ себя въ положеніи травленаго звѣря, котораго опутывали цѣпкими тенетами. Могла разыграться очень скверная штука вообще, да, кажется, въ этомъ сейчасъ не могло быть и сомнѣнія. По крайней мѣрѣ Карачунскій въ этомъ смыслѣ ни на минуту не обманывалъ себя съ перваго момента, какъ получилъ повѣстку отъ слѣдователя.

Интересна была произведенная слѣдователемъ очная ставка Карачунскаго съ Кишкинымъ. Присутствіе доносчика приподняло Карачунскаго, и онъ держалъ себя съ такимъ ледянящимъ достоинствомъ, что даже у слѣдователя зародилось сомнѣніе. Кишкинъ все время чувствовалъ себя смущеннымъ..

— Господинъ Карачунскій, я желаю взять назадъ свой доносъ...—заявилъ Кишкинъ въ концѣ концовъ, виновато опуская глаза.

— Я уже сказалъ вамъ, что это невозможно,—сухо отвѣтилъ слѣдователь, продолжая писать.

— А если я по злобѣ это сдѣлалъ?.. Просто отъ непріятностей и сейчасъ самъ не помню, о чемъ писалъ... Бѣдному человѣку всегда кажется, что всѣ богатые виноваты.

— Теперь вы, кажется, разбогатѣли и не можете жаловаться на судьбу... Однимъ словомъ, это къ дѣлу не относится...

Когда Карачунскій вышелъ на подъѣздъ слѣдовательской квартиры, Кишкинъ догналъ его и торопливо проговорилъ:

— А я не виноватъ, Степанъ Романычъ... Про васъ-то я ни одного слова не говорилъ, а про другихъ.

— Что вамъ отъ меня нужно?..—сурово спросилъ Карачунскій, мѣряя старика съ ногъ до головы.—Я васъ совсѣмъ не знаю и не желаю знать...

Это презрѣніе образумило Кишкина, точно на него пахнуло холоднымъ воздухомъ, и онъ со злобой подумалъ:

„Погоди, шляхта, ужо запоешь матушку-рѣпку, когда приструнятъ...“

Карачунскому этотъ подлый старичонка-доносчикъ внушалъ непреодолимое отвращеніе, какъ пресмыкающаяся гадина. Сознавая всю опасность своего положенія, онъ гордился тѣмъ, что ничего не боится и встрѣтитъ неминучую бѣду съ подобающимъ хладнокровіемъ. Теперь уже въ отношеніяхъ собственныхъ служащихъ онъ замѣчалъ свое фальшивое положеніе: его уже начинали игнорировать, особенно Монморанси, которыхъ онъ прокармливалъ. Изъ допросовъ слѣдователя Карачунскій понималъ, что, кромѣ доноса Кишкина, былъ еще чей-то дополнительный доносъ прямо о немъ, и подозрѣвалъ, что его сдѣлалъ Оникковъ. Этотъ молодой человѣкъ старательно избѣгалъ встрѣчъ съ Карачунскимъ, чѣмъ еще больше подтверждалъ подозрѣнія. Промысловые служащіе, конечно, знали о всемъ происходившемъ и смотрѣли на Карачунскаго, какъ на обреченнаго человѣка. Все это создавало взаимно-фальшивыя отношенія, и Карачунскій желалъ только одного, чтобы все это поскорѣе разрѣшилось такъ или иначе.

Вотъ о чемъ задумывался онъ, проводя ночи на Рублихѣ. Тысячу разъ мысль проходила по одной и той же дорогѣ, безъ конца повторяя тѣ же подробности и производя гнетущее настроеніе. Если бы открыть на Рублихѣ хорошую жилу, то тогда можно было бы оправдать себя въ глазахъ компаніи и уйти изъ дѣла съ честью: это было для него единственнымъ спасеніемъ.

Въ то время, пока Карачунскій все это думалъ и передумывалъ, его судьба уже была рѣшена въ глубинахъ главнаго управленія компаніи Балчуговскихъ промысловъ: онъ былъ отрѣшенъ отъ должности, а на его мѣсто назначенъ молодой инженеръ Оникковъ.

VI.

На Ѳоминой вѣковушка Марья сыграла свадьбу-самокрутку и на свое мѣсто привела Наташку, которая уже могла „отвѣчать за настоящую дѣвку", хотя и выглядѣла тоненькимъ подросткомъ. Баушку Лукерью много утѣшало то, что Наташка лицомъ напоминала Ѳеню да и характеромъ тоже.

— Живи и слушайся баушки,—наказывала строго Марья.—И къ дѣлу привыкнешь и, можетъ, свою судьбу здѣсь-то и найдешь... У дѣдушки немного бы высидѣла, да тамъ и безъ тебя полная изба ѣдоковъ.

Наташка была рада этой перемѣнѣ и только тосковала о своемъ братишкѣ Петрунькѣ, который остался теперь безъ всякаго призора. Отецъ Яши вмѣстѣ съ Прокопіемъ пропадали гдѣ-то на промыслахъ и дома показывались рѣдко.

— Смаялась я съ дѣвками,—ворчала баушка Лукерья.—На одномъ году четвертую беру... А все промысла. Грѣхъ одинъ съ этими дѣвками...

Марья съ мужемъ поступила къ Кишкину на Богоданку, гдѣ весной закипѣла горячая работа. На берегу Мутяшки по шучьему велѣнью выросла новая контора, а при ней была налажена обѣщанная старикомъ горенка для Марьи. Весело было на Богоданкѣ, какъ въ праздникъ. Рабочихъ набралось больше трехсотъ человѣкъ. Со стороны Мутяшки еще зимой была устроена изъ глины и хворосту плотина, а затѣмъ вся вода изъ болота выкачена паровой машиной. Зимой же половина розсыпи была вскрыта, и верховикъ помелъ на плотину, такъ что за-разъ дѣлалось два дѣла. Пески промывали бутарой, которая гремѣла день и ночь, какъ прожорливое чудовище съ желѣзнымъ брюхомъ. Розсыпь оказалась прекрасной,—съ среднемъ около полуторыхъ золотниковъ содержанія. Кишкинъ жилъ въ своей конторѣ и самъ смотрѣлъ за всѣмъ, не довѣряя постороннему глазу. При немъ происходила доводка золота въ полдень и вечеромъ, и онъ самъ отжигалъ на огнѣ полученную „сортучку", какъ называютъ на промыслахъ соединеніе ртути съ золотомъ. Мелкое золото улавливалось ртутью. Нѣсколько старательскихъ артелей были допущены только для выработки бортовъ, какъ на большихъ промыслахъ, и Кишкинъ каялся въ этомъ попущеніи, потому что вѣчно подозрѣвалъ старателей въ воровствѣ. Старикъ ни въ чемъ не измѣнилъ образа жизни и ходилъ въ такомъ же рваномъ архалукѣ, какъ и въ прошломъ году. Единственную роскошь, которую онъ позволилъ себѣ—была трубка съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ. Жилъ онъ очень грязно, ходилъ въ грязномъ бѣльѣ и скупился ужасно. Даже чай ходилъ пить къ своему штейгеру Семенычу, чтобы съэкономить на этой разорительной привычкѣ. Марья, впрочемъ, не подавала вида, что замѣчаетъ эту старческую жадность, и охотно угощала старика всѣмъ, что было подъ рукой.

— Всѣ кричатъ: богатство!—жаловался Кишкинъ.—А только вотъ я не вижу его до сихъ поръ... Нечѣмъ долгъ заплатить баушкѣ Лукерьѣ. Тутъ тебѣ паровая машина, тутъ вскрышка, тутъ бутара, тутъ плотина... За все деньги подай, а деньги изъ одного кармана.

— А какъ же баушка-то Лукерья? Завидная она до денегъ...

— Проценты плачу... Охъ, разоренье, Марьюшка!..

— Ну, какъ-нибудь, Андронъ Евстратычъ. Богъ не безъ милости...

— Главное, всѣмъ деньги подавай: и штейгеру, и рабочимъ, и старателямъ. Какъ разъ безъ сапоговъ отъ богачества уйдешь... Да еще сколько украдутъ старателишки. Не углядишь за воромъ... Ихъ много, а я-то вѣдь одинъ. Не разорваться...

Всего больше Кишкинъ не любилъ, когда на пріискъ пріѣзжали гости, какъ тотъ же Ястребовъ. Знаменитый скупщикъ дѣлалъ такой видъ, что ему все равно и что онъ нисколько не завидуетъ дикому счастью Кишкина.

— Старайся, старайся, старичокъ Божій...—весело говорилъ онъ, похлопывая Кишкина своей тяжелой рукой по плечу.—Любая половина моихъ рукъ не минуетъ... Пряменько скажу тебѣ, Андронъ Евстратычъ. Быль молодцу не укоръ...

— Знаю я васъ, разбойниковъ!—брюзжалъ Кишкинъ.—Только вѣдь со мной шутки-то плохія, Никита Яковличъ...

— Не пугай, ради Христа... ха-ха!.. А что сдѣлаешь?

— А вотъ это самое... Я, братъ, дубленый: всѣ ваши ходы и выходы знаю. Меня, братъ, не проведешь...

Въ другой разъ Ястребовъ привезъ съ собой самого Илью Ѳедотыча, ѣздившаго по промысламъ для собственнаго развлеченія.

— Посмотрѣть пріѣхалъ на тебя, чудо-юдо,— пошутилъ секретарь милостиво.—Разбогатѣлъ, такъ и меня знать не хочешь.

— Онъ нынче гордый сталъ,—поддержалъ Ястребовъ расшутившагося секретаря.—Голой рукой и не возьмешь...

— А еще однокашники,—продолжалъ Илья Ѳедотычъ.—Скоро, пожалуй, на улицѣ встрѣтитъ и не узнаетъ... Вотъ тебѣ и дружба. Хе-хе... А еще говорятъ, что старая хлѣбъ-соль впереди.

Сильный былъ человѣкъ Илья Ѳедотычъ, такъ что Кишкинъ для него послалъ въ Балчуговскій заводъ за бутылкой мадеры, благо секретарь остается ночевать въ Богоданкѣ.

— Да, вотъ какія дѣла, Андронъ...—говорилъ онъ вечеромъ, когда они остались въ конторѣ одни.—Пріѣхалъ получить съ тебя должокъ. Развѣ забылъ?..

— Всѣ отдамъ, Илья Ѳедотычъ, только дай съ деньгами собраться...—жалостливо увѣрялъ Кишкинъ.—Никакъ не могу сбиться деньгами-то. Вотъ еще свои въ землю закапываю..

— Перестань врать!.. Другихъ морочь, а меня-то оставь.

Марья вертѣлась на глазахъ цѣлый вечеръ и сумѣла угодить Ильѣ Ѳедотычу. Она подала и сливокъ къ чаю и ягодъ, а на ужинъ состряпала такіе пельмени, что языкъ проглотишь. Кишкинъ только поморщился, что разгулялась баба на чужую провизію, но Марья успокоила его: она все дѣлала изъ своего.

— Нельзя же кос-какъ, Андронъ Евстратычъ,—уговаривала она старика своимъ увѣреннымъ тономъ.—Пригодится еще Илья Ѳедотычъ... Всѣ за нимъ ходятъ, какъ за кладомъ.

— Охъ, знаю, Марьюшка... Да мнѣ-то какая отъ этого корысть?.. Свою голову не знаю какъ прокормить... Ты расхарчилась-то съ какой радости?

— Нельзя, Андронъ Евстратычъ: порядокъ того требуетъ. Тоже видали, какъ добрые люди живутъ...

Илья Ѳедотычъ за бутылкой хереса сообщилъ Кишкину послѣднюю новость, именно о назначеніи Оникова главнымъ управляющимъ Балчуговскихъ промысловъ.

— А куда же Карачунскій?—удивился Кишкинъ.

— Ну, это его дѣло... Можетъ, ты же ему мѣсто-то приспособилъ своимъ доносомъ. Влетѣлъ онъ въ это самое дѣло, какъ куръ во щи... Ахъ, Андрошка, бить-то тебя было некому!..

— Отъ бѣдности очертѣлъ тогда,—согласился Кишкинъ.—Терпѣлъ-терпѣлъ и надумалъ...

За бутылкой вина старики разговорились о старинѣ, о прежнихъ людяхъ, о исхороненномъ казенномъ времени, о нынѣшнихъ порядкахъ и нынѣшнихъ людяхъ. Илья Ѳедотычъ какъ-то осовѣлъ и точно размякъ.

— Пожалѣютъ балчуговскіе-то о Карачунскомъ.—повторилъ секретарь.—И еще какъ пожалѣютъ... Въ узлѣ держалъ, а только съ толкомъ. Умный былъ человѣкъ... Надо правду говорить. Оникова-то покажетъ себя...

— Народъ изварначился нынче, Илья Ѳедотычъ...

— Ну, это тоже суди на волка и суди по волку. Промысла-то вездѣ одинаковы—сегодня вскачь, а завтра хоть плачь.

— Разжалобился ты что-то ужъ очень, Илья Ѳедотычъ... У себя въ канцеляріи такъ звѣрь звѣремъ сидишь, а тутъ жалость напустилъ.

— Охъ, помирать скоро, Андрошка... О душѣ надо подумать. Прежніе-то люди больше насъ о душѣ думали: и грѣха было больше и спасенья было больше, а мы ни-Богу свѣча ни чорту кочерга. Вотъ хоть тебя взять: напалъ на деньги и съежился весь. Изъ пушки тебя не прошибешь, а вѣдь подохнешь, съ собой ничего не возьмешь. И всѣ мы такіе, Андрошка... Хороши, пока голодны, а какъ насосались—и конецъ.

— Тебѣ въ попы итти, Илья Ѳедотычъ,—разсердился Кишкинъ.—Въ самый разъ съ постной молитвой ѣздить...

Это жалостливое настроеніе Ильи Ѳедотыча, впрочемъ, смѣнилось быстро игривымъ. Онъ долго смотрѣлъ на Марью, а потомъ весело подмигнулъ и замѣтилъ:

— Игрушка?..

— Хороша Маша, да не наша... Съ мужемъ живетъ.

— Что же, это еще лучше, коли съ мужемъ... хи-хи!.. Изъ-за мужа-то и хозяина пожалѣетъ...

Илья Ѳедотычъ рано утромъ былъ разбуженъ неистовымъ ревомъ Кишкина, такъ что въ одномъ бѣльѣ подскочилъ къ окну. Онъ увидѣлъ какихъ-то двухъ мужиковъ, надъ которыми воевалъ Андронъ Евстратычъ. Старикъ расходился до того, что, какъ пѣтухъ, такъ и наскакивалъ на нихъ и даже замахивался своей трубкой. Одинъ мужикъ стоялъ съ уздой.

— Грабить меня пришли?!..—оралъ Кишкинъ.—Петръ Васильичъ, побойся ты Бога, ежели людей не стыдишься... Знаю я, по какимъ дѣламъ ты съ уздой шляешься по промысламъ!..

— Мы насчетъ работы, Андронъ Евстратычъ,—заявлялъ другой мужикъ.—Чѣмъ мы грѣшнѣе другихъ-прочихъ?.. Отвелъ бы дѣлянку—вотъ и весь разговоръ.

Это были Петръ Васильичъ и Мыльниковъ, шлявшіеся по промысламъ каждый по своему дѣлу. На крикъ Кишкина собрались рабочіе и подняли гостей на смѣхъ.

— Ты ихъ обыщи, Андронъ Евстратычъ,—совѣтовалъ кто-то.—Мыльниковъ-то замѣсто коромысла отвѣчаетъ у Петра Васильича.

— Ну и обыщи, коли на то пошло!—согласился Петръ Васильичъ, расположываясь.—Весь тутъ... Хоть выверти.

— А мнѣ надо сестрицу Марью повидать,—заявилъ Мыльниковъ не безъ достоинства.—Кожинъ тебѣ кланяется, Андронъ Евстратычъ.

Выскочившая на шумъ Марья увела родственниковъ къ себѣ въ горенку и этимъ прекратила скандалъ.

— Скупщики...—коротко объяснилъ Кишкинъ недоумѣвавшему гостю.—Вотъ этотъ, кривой-то, настоящій и есть змѣй... Отъ Ястребова ходитъ.

— Ну, у хлѣба не безъ крохъ,—равнодушно замѣтилъ секретарь.—А я думалъ, что тебя ужъ рѣжутъ...

— И зарѣжутъ...

Мыльниковъ сидѣлъ въ горницѣ у сестрицы Марьи съ самымъ убитымъ видомъ и говорилъ:

— Вотъ, Марьюшка, до чего дожилъ: хожу по промысламъ и свою Оксю разыскиваю. Должна же она своего родителя ублаготворить?.. Конечно, она въ законѣ и всякое прочее, а цѣлый фунтъ золота у меня стащила...

— Мало ли что зря люди болтаютъ,—успокаивала Марья.—За терпѣнье Оксѣ-то Богъ судьбу послалъ, а ты оставь ее. Не ровенъ часъ, Матюшка-то и бока наломаетъ.

— Прямо убьетъ,—соглашался Мыльниковъ.—Зятя Богъ послалъ... Охъ, Марьюшка, только и жисть наша горемычная.

— Пировалъ бы меньше, Тарасъ... Правду надо говорить. Татьяну-то сбылъ тятенькѣ на руки, а самъ гуляешь по промысламъ.

Мыльниковъ удрученно молчалъ и чесалъ затылокъ. Эхъ, кабы не водочка... Петръ Васильичъ тоже находился въ удрученномъ настроеніи. Онъ вздыхалъ и все посматривалъ на Марью. Она по-своему истолковала это настроеніе милыхъ родственниковъ и, когда вечеромъ вернулся съ работы Семенычъ, выставила полуштофъ водки съ закуской изъ сушеной рыбы и какихъ-то грибовъ.

— Не обезсудьте на угощеніи, гостеньки дорогіе...—приговаривала она.

— Ахъ, Марьюшка, родная сестрица!—ахнулъ Мыльниковъ.—Вотъ когда ты уважила...

Семенычъ чувствовалъ себя настоящимъ хозяиномъ и угощалъ съ подобающимъ радушіемъ. Мыльниковъ быстро опьянѣлъ,—онъ давно не пилъ, и водка быстро свалила его съ ногъ. За нимъ послѣдовалъ и Семенычъ, непривычный къ водкѣ вообще. Петръ Васильичъ пилъ меньше другихъ и чувствовалъ себя прекрасно. Онъ все время молчалъ и только поглядывалъ на Марью, точно что хотѣлъ сказать.

— Очертѣлъ Шишка-то...—заговорилъ наконецъ Петръ Васильичъ, когда остался съ глазу на глазъ съ Марьей.—Какъ звѣрь накинулся даве на насъ...

— Его не обманешь: насквозь видитъ каждаго.

— Видитъ, говоришь?—засмѣялся Петръ Васильичъ.—Кабы видѣлъ, такъ не бросился бы... Развѣ я дуракъ, чтобы середи бѣла дня итти къ нему на пріискъ съ вѣсками, какъ прежде. Нѣтъ, мы тоже учены, Марьюшка...

— Спряталъ въ лѣсу гдѣ-нибудь вѣсы-то свои?

— Обыкновенно... И Тарасъ не видалъ, потому несуразный онъ человѣкъ. Каждое дѣло мастера боится... Вотъ твое бабье дѣло, Марья, а ты все можешь понимать.

Петръ Васильичъ придвинулся къ ней поближе и спросилъ шопотомъ:

— А есть у тебя какое-нибудь женское дѣло съ Шишкой?

Марья отрицательно покачала головой и засмѣялась.

— Себя соблюдаешь,—рѣшилъ Петръ Васильичъ.—А Шишка, вотъ погляди, сбрендитъ... Онъ теперь отдохнулъ и первое дѣло за бабой погонится, потому какъ хоша и не настоящій баринъ, а повадку-то эту знаетъ.

— Такъ поглядываетъ, а чтобы приставалъ—этого нѣтъ,—откровенно объяснила Марья.—Да и какая ему корысть въ мужней женѣ!.. Хлопотъ много. Какъ-то онъ проѣзжалъ черезъ Фотьянку и увидалъ у васъ Наташку. Ну, пріѣхалъ веселый такой и все про нее разспрашивалъ: чья да откуда...

— Про Наташку, говоришь? Польстился, значитъ...

— Не корыстна еще дѣвчонка, а ему любопытно. Востроглазая, говоритъ... Съ бабушкой-то у него свои дѣла. Она ему всѣ деньги отвалила и проценты получаетъ...

— Такъ, такъ... Ума послѣдняго рѣшилась старуха. Ужъ я это смекалъ... Такъ, своимъ умомъ дошелъ... Ахъ, песъ! Ловко обошелъ мамыньку... Заграбасталъ деньги. Пусть насосется хорошенько... Поди, много денегъ-то у стараго чорта?

— А кто его знаетъ... Мнѣ не показываетъ. На ночь очень ужъ запираться сталъ: къ окнамъ изнутри сдѣлалъ желѣзныя ставни, дверь двойная и тоже желѣзомъ окована... Желѣзный сундукъ подъ кроватью, такъ въ немъ у него деньги-то...

— Въ сундукѣ? Такъ, Марьюшка... А тяжелый сундукъ-то?..

— Да не унести его совсѣмъ, потому къ полу онъ привинченъ... Я какъ-то мела въ конторѣ и хотѣла передвинуть, а сундукъ точно пришитъ...

Петръ Васильичъ еще ближе придвинулся къ Марьѣ и слушалъ эти объясненія, затаивъ дыханіе. Когда Марья взглянула на это искаженное конвульсивной улыбкой лицо, то даже отодвинулась со страха.

— Петръ Васильичъ...

— А что?..

— Нѣтъ, къ чему ты выспрашиваешь-то? Да ты въ умѣ ли? Христосъ съ тобой...

Петръ Васильичъ опомнился и отвернулся. У него стучали зубы отъ охватившей его лихорадки. Марья схватила его за руку—рука была холодная, какъ ледъ.

— Ключикъ добудь, Марьюшка...—шепталъ Петръ Васильичъ.—Вызнай, высмотри, куда онъ его прячетъ... Съ собой носитъ? Ну, это еще лучше... Хитеръ старый песъ. А денегъ у него неочерпаемо... Мнѣ въ городу сказывали, Марьюшка. Полтора пуда ужъ сдалъ онъ золота-то, а вѣдь это тридцать тысячъ голенькихъ денежекъ. Некуда ему ихъ дѣвать. Выждать, когда у него большая получка будетъ, и накрыть... Да ты-то чего боишься, дура?

— Ахъ, страшно... уйди...

— Одинова страшно-то, а тамъ на всю жисть богачество... Живи себѣ барыней. Только твоей и работы: ключикъ отъ сундука подглядѣть.

Побѣлѣвшая Марья отчаянно замахала обѣими руками. Петръ Васильичъ посмотрѣлъ на нее съ ненавистью и прошипѣлъ:

— Не хочешь, такъ Наташку приспособимъ... Дѣвчонка вострая, а старику это и любопытно.

Въ ночь Петръ Васильичъ ушелъ въ Богоданку, а Марья осталась, какъ ошпаренная. Даже мужъ замѣтилъ, что съ бабой творится что-то неладное.

— Неможется что-то,—кратко объяснила она

VII.

— Когда же ты помрешь, Дарья?—серьезно спрашивалъ Ермолай свою супругу.—Этакъ я съ тобой всѣхъ невѣстъ пропущу... У Злобиныхъ было двѣ невѣсты, а теперь ни одной не осталось. Феня съ пути сбилась, Марья замужъ выскочила. Докуда я ждать-то буду?

— А Наташка?—виновато отвѣчала Дарья.— Можетъ, къ осени Господь меня приберетъ, а Наташка къ этому времени какъ разъ заневѣстится..

— Опять омманешь, лахудра!..—ругался Ермошка, приходя въ отчаяніе отъ живучести Дарьи.—Вѣдь въ чемъ душа держится, а все скрипишь... Пожалуй, еще меня переживешь этакъ-то.

— Помру, Ермолай Семенычъ. Потерпи до осени-то.

Съ горя Ермошка запивалъ нѣсколько разъ и билъ безотвѣтную Дарью чѣмъ попало. Ледащая бабенка замертво лежала по нѣскольку дней, а потомъ опять поднималась.

— Не по тому мѣсту бьешь, Ермолай Семенычъ,—жаловалась она.—Ты бы въ самую кость поровилъ... Охъ, въ чужой вѣкъ живу! А то страви чѣмъ ни на есть... Вонъ Кожинъ какъ жену свою изводитъ: одна страсть.

— Дуракъ онъ, Кожинъ-то: еще наотвѣчаешься потомъ...

Пѣтъ такого положенія, хуже котораго не было бы. Такъ было и здѣсь. Плохо жилось Дарьѣ. Она давно записалась въ живые покойники, а у Кожиныхъ было хуже. Кожинъ совсѣмъ озвѣрѣлъ и на глазахъ у всѣхъ изводилъ жену. Въ морозахъ онъ выгонялъ ее во дворъ босую, гонялся за ней съ ножомъ, билъ до безпамятства и вообще продѣлывалъ тѣ звѣрства, на какія способенъ очертѣвшій русскій человѣкъ. Знали объ этомъ всѣ сосѣди, женина родня, вся Тайбола, и ни одна душа не заступилась еще за несчастную бабу, потому что между мужемъ и женой одинъ Богъ судья. Бабенка попалась молоденькая и совершенно безотвѣтная. Такую выбрала сама мамынька Маремьяна, желавшая оставаться въ дому полной хозяйкой. Даже беременность не спасла эту несчастную, и Кожинъ билъ ее еще сильнѣе, вымещая свое неизбывное горе. Вѣдь не могла затяжелѣть Оня.—тогда бы все другое вышло. Мамынька Маремьяна пробовала заступаться за невѣстку, но изъ этого ничего не вышло.

— Твоя работа: гляди и казнись!—кричалъ Кожинъ, накидываясь на жену съ новой яростью.—Убью подлюгу... Видѣть ее не могу.

Въ раскольничьемъ мірѣ нравы не отличаются мягкостью, но всѣ домашнія дѣла покрывались чисто-раскольничьимъ молчаніемъ, изъ принципа—не выносить сора изъ дому.

Дошли слухи о звѣрствѣ Кожина до Оени и ужасно ее огорчали. Въ первую минуту она сама хотѣла къ нему ѣхать и усовѣстить, но сама была „на тѣхъ порахъ“ и стыдилась показаться на улицу. Ее вывелъ изъ затрудненія Мыльниковъ, который теперь завертывалъ пожаловаться на свою судьбу.

— Тарасъ, хоть бы ты усовѣстилъ Акинфія Назарыча...

— Могу соотвѣтствовать, Оенюшка... Ахъ, какой грѣхъ, подумаешь!

— Ты ему такъ и скажи, что я его прошу... А то пусть самъ завернетъ ко мнѣ, когда Степана Романыча не будетъ дома. Можетъ, меня послушаетъ...

— Пѣтъ, это не модель, Оенюшка. Тотъ же Панька переплеснетъ все Степану Романычу... Негожее это дѣло. А я въ лучшемъ видѣ все оборудую... Я его напугаю, Акинфія-то Назарыча.

— Да ты поскорѣе, Тарасъ... Долго ли до грѣха: убьетъ еще Акинфій-то Назарычъ жену...

Для большаго поощренія Оня сунула Тарасу немного денегъ.

— Живой рукой слетаю, Оедосья Родивоновна. Я его сокращу, Акинфія Назарыча... Со мной, братъ, короткіе разговоры.

Дѣйствительно, Мыльниковъ сейчасъ же отправился въ Тайболу. Кстати, его подвезъ знакомый старатель, ѣхавшій въ городъ. Ворота у кожинскаго дома были на запорѣ, какъ всегда. Тарасъ „помолитвовался“ подъ окошкомъ. Въ окнѣ мелькнуло чье-то лицо и сейчасъ же скрылось.

— Да это я!—кричалъ Мыльниковъ, взбѣзая на завалинку и заглядывая въ окно.—Не узнали, что ли?.. Баушка Маремьяна... а?..

Наконецъ показался самъ Кожинъ. Онъ, видимо, былъ чѣмъ-то смущенъ и неохотно отворилъ окно.

— Чего лѣзешь-то?—непривѣтливо спросилъ онъ.

— А дѣло есть, отъ того самаго и лѣзу...

— Врешь!

— Вотъ сейчасъ провалиться...

— Ну, иди...

Кожинъ самъ отворилъ ворота и провелъ гостя не въ избу, а въ огородъ, гдѣ подъ березой, на самомъ берегу озера, устроена была небольшая бесѣдка. Мыльниковъ даже обомлѣлъ, когда Кожинъ безъ всякихъ разговоровъ вытащилъ изъ кармана бутылку съ водкой. Вотъ это называется ударить человѣка прямо между глазъ... Да и мѣсто очень ужъ было хорошее. Берегъ спускался крутымъ откосомъ, а за нимъ разстилалось озеро, горѣвшее на солнцѣ, какъ расплавленное. У самой воды стояла каменная кожевня, въ которой лѣтомъ работы было совсѣмъ мало.

— Ахъ, какое пріятное мѣсто!—восхищался Мыльниковъ.—Только водку пить на такомъ мѣстѣ...

— Какое дѣло-то? Опять золотомъ обманывать хочешь?

— Нѣтъ, братъ, съ золотомъ шабашъ!.. Достаточно... Да потомъ я тебѣ скажу, Акинфій Назарычъ: дураки мы... да. Золото у насъ подъ рыломъ, а мы его по лѣсу разыскиваемъ... Вотъ давай, ударимъ ширпъ у тебя въ огородѣ, вонъ тамъ, гдѣ гряды съ капустой. Ей-Богу... Кругомъ золото у васъ, какъ я погляжу.

Они выпивали и болтали о Кишкинѣ, какъ тотъ „распыхался на своей Богоданкѣ, о старательскихъ работахъ, о томъ, какъ Петръ Васильичъ скупаетъ золото, о пропавшемъ безъ вѣсти Матюшкѣ и т. д. Кожинъ больше молчалъ, прислушиваясь къ глухимъ стонамъ, доносившимся откуда-то со стороны избы. Когда Мыльниковъ насторожился въ этомъ направленіи, онъ равнодушно замѣтилъ:

— Собака у меня, надо полагать, сбѣсилась... Ужо пристрѣлить надо стерву.

Когда Кожинъ ушелъ въ избу за второй бутылкой, Мыльниковъ не утерпѣлъ и побѣжалъ посмотрѣть, что дѣлается въ подклѣти, устроенной подъ задней избой. Заглянувъ въ небольшое оконце, онъ даже отшатнулся: ему показалось, что у стѣны привязанъ былъ ремнями мертвецъ... Это была несчастная жена Кожина, третьи сутки стоявшая у стѣны въ самомъ неудобномъ положеніи,—она не могла выпрямиться и висѣла на рукахъ, притянутыхъ ремнями къ стѣнѣ. Мыльниковъ перепугался до того, что весь хмель у него вышибло изъ головы, когда вернулся Кожинъ. Что было дѣлать? Первая мысль—сейчасъ бѣжать и заявить въ волости. Нельзя же такъ тиранить живого человѣка. Эти кержаки разстервенятся, такъ кожу готовы снять съ живого человѣка. Но, съ другой стороны, вѣдь вся Тайбола знаетъ, что Кожинъ изводитъ жену на смерть, и волостные знаютъ и вся родня, а его дѣло сторона. Еще по судамъ учнутъ таскать... Да и дѣло совсѣмъ чужое, никого не касаемое. Убьетъ жену Кожинъ—самъ и отвѣтитъ, а пока жена въ живности—никого это не касаемо, потому мужъ, хоша и сводный.

Такъ Мыльниковъ ничего и не сказалъ Кожину, движимый своей мужицкой политикой, а о порученіи Ѳени припомнилъ только по своемъ возвращеніи въ Балчуговскій заводъ, т.-е. прямо въ кабакъ Ермошки. Здѣсь пьяный онъ разболталъ все, что видѣлъ своими глазами. Первымъ вступился, къ общему удивленію, Ермошка. Онъ поднялъ настоящій скандалъ.

— Да развѣ это можно живого человѣка такъ увѣчить?!—оралъ онъ на весь кабакъ, размахивая руками.—Кержаки—такъ кержаки и есть... А законъ и на нихъ найдемъ!..

Весь кабакъ былъ на его сторонѣ. Много помогалъ темный антагонизмъ православнаго населенія къ раскольникамъ, который окрасился сейчасъ вполнѣ опредѣленными чувствами. Въ кабацкихъ завсегдатаяхъ и пропойцахъ проснулась и жалость къ убиваемой женщинѣ, и совѣсть, и страхъ, именно тѣ законно-хорошія чувства, которыхъ недоставало въ данный моментъ тайбольцамъ, знавшимъ обо всемъ, что дѣлается въ домѣ Кожина. Какъ это ни стр нно, но взрывъ гуманныхъ чувствъ произошелъ именно въ кабакѣ, и въ головѣ этого движенія всталъ отпѣтый кабатчикъ Ермошка,

— Нѣтъ, братцы, такъ нельзя!—выкрикивалъ онъ своимъ хриплымъ кабацкимъ голосомъ.—Душа вѣдь въ человѣкѣ, а они ремнями къ стѣнѣ... За это, братъ, по головкѣ не погладятъ.

— Своими глазами видѣлъ...—бормоталъ Мыльниковъ, не ожидавшій такого дѣйствія своихъ словъ.—Я думалъ: мертвякъ, и даже отпрянулся, а это она, значитъ, жена Кожина распята... Такъ на рукахъ и виситъ.

— Прямо къ прокурору надо объявить, потому самое уголовное дѣло,— заявлялъ Ермошка тономъ свѣдущаго человѣка.—Учить жену учи, а это ужъ другое...

— Да мы сами пойдемъ и разнесемъ по бревнышку все кержацкое гнѣздо!—кричали голоса.—Православные такъ не сдѣлаютъ никогда... Случалось, и убивали бабъ, а голько не распинали живьемъ.

— Нѣтъ, погодите, братцы, я самъ оборудую...—рѣшилъ Ермошка.

Первымъ дѣломъ онъ пошелъ посовѣтоваться съ Дарьей: особенное дѣло выходило совсѣмъ, Дарья даже расплакалась, напутствуя Ермошку на подвигъ. Чтобы не потерять времени и не дѣлать лишней огласки, Ермошка полетѣлъ въ городъ верхомъ на своемъ иноходцѣ. Онъ проникся необыкновенной энергіей и поднялъ на ноги и прокурорскую власть, и жандармерію, и исправника.

— Застанемъ либо нѣтъ ее въ живыхъ!—повторялъ онъ въ агитаціи.— Христіанская душа, ваше высокоблагородіе... Конечно, всѣ мы, мужики, въ звѣрствѣ себя не помнимъ, а только и законъ есть.

Въ Тайболу начальство нагрянуло къ вечеру. Когда подъѣзжали къ самому селенію, Ермошка вдругъ струсилъ: самъ онъ ничего не видалъ, а повѣрилъ на слово пьяному Мыльникову. Тому съ пьяныхъ глазъ могло и померещиться не знамо что... Однако эти сомнѣнія сейчасъ же разрѣшились, когда былъ произведенъ осмотръ кожинскаго дома. Самъ хозяинъ спалъ пьяный въ сараѣ. Старуха долго не отворяла и бросилась въ подклѣть развязывать сноху, но ее тутъ и накрыли.

Картина была ужасная. И прокурорскій надзоръ и полиція видали всякіе виды, а тутъ всѣ отступили въ ужасѣ. Несчастная женщина, провисѣвшая въ ремняхъ трое сутокъ, находилась въ полусознательномъ состояніи и ничего не могла отвѣчать. Ее прямо отправили въ городскую больницу. Кожинъ присутствовалъ при всемъ и оставался безучастнымъ.

— Будетъ тебѣ два исполныхъ!.. — замѣтилъ ему Ермошка. — Еще бы вѣнчанная жена была, такъ другое дѣло, а надъ сводной звѣрство свое оказывать не полагается.

Кожинъ только посмотрѣлъ на него остановившимися страшными глазами и улыбнулся. У него по странной ассоціаціи идей мелькнула въ головѣ мысль, почему онъ не убилъ Карачунскаго, когда встрѣтилъ его ночью на дорогѣ,—

все равно бы отвѣчать-то. Произошла раздирательная сцена, когда Кожина повезли въ городъ для предварительнаго заключенія. Старуху Маремьяну едва оттащили отъ него.

— Оставь, мамынька... — сухо замѣтилъ Кожинъ, а потомъ у него дрогнуло лицо, и онъ снопомъ повалился матери въ ноги.—Родимая, прости!..

— Голубчикъ... кормилецъ... — завывала старуха въ изступленіи.

— Надо бы и ее, ваше высокоблагородіе, старушонку эту самую... — совѣтовалъ Ермошка. — Самая вредная женщина есть... Отъ нея все...

Когда Кожинъ сѣлъ въ телѣгу, то отыскалъ глазами въ толпѣ Ермошку и сказалъ:

— Скажи поклончикъ Ѳенѣ, Ермолаи Семенычъ... А тебя Богъ проститъ. Я не сердитую на тебя...

Въ толпѣ показался Мыльниковъ, который нарочно пришелъ изъ Балчуговскаго завода пѣшкомъ, чтобы посмотрѣть, какъ будетъ все дѣло. Обратно онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Ермошкой.

— На каторгу обсудятъ Акинфія Назарыча? — приставалъ онъ къ Ермошкѣ.

— А это видно будетъ... На голосахъ будутъ судить съ присяжными, а это легкій судъ, ежели жена выздоровѣетъ. Кабы она померла, ну, тогда крышка... Живунци эти бабы, какъ кошки. Главное, невѣнчанная жена-то — вотъ за это за самое не похвалятъ.

— И вѣнчанныхъ-то тоже не полагается увѣчить... — усомнился Мыльниковъ.

— Про вѣнчанную такъ и говорится: мужняя, а эта ничья. Все одно, какъ пригульная скотина... Я, братъ, эти всѣ законы наскрозь произошелъ, потому въ кабакѣ безъ закону невозможно.

— Ужъ это извѣстное дѣло...

По дорогѣ Мыльниковъ завернулъ въ господскій домъ, чтобы передать Ѳенѣ обо всемъ случившемся.

— Управился я съ Акинфіемъ Назарычемъ, — хвастался онъ. — Обернулъ его прямо на каторгу вольное поселеніе... Теперь шабашъ!...

Ѳеня тихо крикнула и едва удержалась на ногахъ. Она утащила Мыльникова къ себѣ въ комнату и заставила разсказать все нѣсколько разъ. Господи, да что же это такое? Неужели Акинфій Назарычъ могъ дойти до такого звѣрства?..

— Какъ посадили его на телѣгу, сейчасъ онъ снялъ шапку и на четыре стороны поклонился, — разсказывалъ Мыльниковъ. — Тоже знаетъ порядокъ... Ну, меня увидалъ и крикнулъ: „Ѳедосьѣ Родивоновнѣ скажи поклончикъ!“. Такъ, помутился онъ разумомъ... не отъ ума...

Это происшествіе совершенно разбило Ѳеню, такъ что она слегла въ постель, а ночью выкинула мертваго ребенка. Карачунскій чувствовалъ себя тоже опустошеннымъ, точно надъ его головой разразился неожиданно ударъ грома. У него точно что провалилось въ душѣ, та больная ниточка, которая привязывала его къ жизни. Больная Ѳеня казалась совсѣмъ другой, — лицо побѣлѣло, вытянулось, глаза округлились, носъ заострился. Она не жаловалась, не стонала, не плакала, а только смотрѣла своими большими глазами, какъ смертельно раненая птица. Карачунскому было и совѣстно и больно за эту молодую, неудовлетворенную жизнь, которую онъ не могъ ни согрѣть ни успокоить отвѣтнымъ взглядомъ.

— Я его больше не люблю... — прошептала Ѳеня въ одну изъ такихъ молчаливыхъ сценъ.

— Дѣвочка, милая...

— А все-таки, Степанъ Романычъ, лучше было мнѣ умереть...

— Жить еще будемъ, Оеня.

У кабатчика Ермошки происходили разговоры другого характера. Гуманный порывъ соскочилъ съ него такъ же быстро, какъ и налетѣлъ. Хорошія и жалобныя слова, какъ „совѣсть“, „христіанская душа“, „живой человѣкъ“, уже не имѣли смысла, и обычная холодная жестокость вступила въ свои права. Ермошкѣ даже какъ будто было совѣстно за свой подвигъ, и онъ старательно избѣгалъ всякихъ разговоровъ о Кожинѣ. Прежде всего началъ выпучивать Ястребовъ, который нарочно заѣхалъ посмѣяться надъ Ермошкой.

— Съ чего ты это сунулся въ чужое дѣло? — приставалъ Ястребовъ. — Этакъ ты и на меня побѣжишь жаловаться?..

— Стихъ такой накатился, Никита Яковличъ... Обидно стало, что живого человѣка тиранятъ.

— Да ты-то развѣ прокуроръ?.. Ахъ, Ермолай, Ермолай... Дыра у тебя, видно, гдѣ-нибудь есть въ башкѣ, не иначе я это самое дѣло понимаю. Теперь въ свидѣтели потащатъ... ха-ха!.. Сестра милосердная ты, Ермошка...

Естественнымъ результатомъ всей этой исторіи было то, что Дарья получила науку хуже прежняго. Разозленный Ермошка вымещалъ теперь на ней свое униженіе.

— Скоро ли ты издохнешь, змѣя подколодная? — рычалъ онъ, пиная Дарью тяжелымъ сапогомъ. — Убить тебя мало...

Что возмущало Ермошку больше всего, такъ это то, что Дарья переносила всѣ побои, какъ деревянная, — не пикнетъ.

VIII.

Кедровская дача нынѣшнее лѣто изъ конца въ конецъ кипѣла промысловой работой. Не было такой рѣчки или ложка, гдѣ не желтѣли бы кучки взрытой земли и не чернѣли заброшенные шурфы, залитые водой. Все это были развѣдки, а настоящихъ работъ поставлено было пока сравнительно немного. Одни мѣста оказались не стоящими разработки, по малому содержанію золота, другія не были еще отведены въ полной формѣ, какъ того требовалъ горный уставъ. Работало десятка три пріисковъ, изъ которыхъ одна Богоданка прославилась своимъ богатствомъ.

Женившійся Матюшка вмѣстѣ со своей молодайкой исходилъ всю дачу, присматриваясь къ мѣстамъ. Заявлять свой пріискъ онъ не хотѣлъ, потому что много хлопотъ съ такими заявками, да и ждать приходилось, пока сдѣлаютъ отводъ. Это Кишкину было хорошо, когда своя рука въ горномъ правленіи, а мужикъ жди да подожди. Вмѣстѣ съ Матюшкой ходили старый Турка, Яша Малый и Прокопій. Они артелью кое-гдѣ брали старательскія дѣлянки на пріискахъ у Ястребова, работали недѣлю или двѣ, а потомъ бросали все и уходили. Всѣхъ манило разыскать настоящее мѣсто, вродѣ Богоданки. Можно было купить уже готовый пріискъ у мелкихъ золотопромышленниковъ или взять въ аренду.

— Только бы поманило малость, — повторялъ Матюшка съ дѣловымъ видомъ. — Обыщемъ золото...

Матюшкѣ, впрочемъ, было сполгоря прохлаждаться, потому что всѣ знали, какія у него деньги запрятаны въ кожаномъ кисетѣ, висѣвшемъ на шеѣ. Положимъ, онъ своихъ денегъ никому не показывалъ, но всѣ знали досконально, что Петръ Васильичъ отсчиталъ четыре сотенныхъ билета за выкраденное Оксей золото. Плохо приходилось Яшѣ Малому и Прокопію, но

они крѣпились: сыты, и то хорошо. Огорчала ихъ носившаяся быстро на работѣ одежда и обувь, но вѣдь все это было только пока, временно, а найдется золото, тогда сразу всѣ поправятся. Мыльниковъ такъ и не заплатилъ имъ.

— Простому рабочему вездѣ плохо: что̀ у капланіи нашей работать, что̀ у золотопромышленниковъ... — жаловался иногда Яша Малый, когда оставался съ зятемъ Прокопіемъ съ глазу на глазъ. — На что Мыльниковъ, и тотъ вонъ какъ обулъ пасъ на обѣ ноги.

Прокопій по обыкновенію молчалъ. Ему нравилась эта бродячая жизнь, если бы не заботила своя семья. Цѣлыя ночи онъ продумывалъ о женѣ Аннѣ и своихъ ребятишкахъ: что-то они тамъ, какъ живутъ, какъ перебиваются?.. Иногда его брало такое горе, хоть петлю на шею, такъ въ ту же пору. И зачѣмъ онъ ушелъ тогда съ фабрики, — жилъ бы теперь въ теплѣ, въ сухѣ и безъ заботы. Но это раздумье разлеталось вмѣстѣ съ ночнымъ сумракомъ... Развѣ одинъ онъ такъ-то волкомъ бродитъ по лѣсу?.. Тысячи рабочихъ бьются на промыслахъ, и у всѣхъ одно положенье. Стоило вообще мужику или бабѣ одинъ разъ попасть въ промысловое колесо, какъ онъ сразу дѣлался обреченнымъ человѣкомъ.

— Ты, Оксюха, ужъ постарайся для насъ-то, — шутили часто рабочіе надъ своей молодайкой.—Родителю приспособила жилку, ну и намъ какое-нибудь гнѣздышко укажи.

Окся была счастлива короткимъ бабьимъ счастьемъ и даже какъ будто похорошѣла. Не стало въ ней прежней дикости, да и одѣвалась она теперь лучше, главнымъ образомъ потому, чтобы не срамить мужа.

Матюшка часто съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее и только качалъ своей кудрявой головой. Вотъ ужъ поистинѣ отъ судьбы не уйдешь, — какія дѣвки заглядывались на него, а женился на Оксѣ. Впрочемъ, на мужицкій промысловый аршинъ Окся была настоящая пріисковая баба, лучше которой и не придумать: она обшивала всю артель, варила варево, да въ придачу еще работала за мужика. И мужики любили ее, хоть и выпучивали при случаѣ. Работящая баба, настоящая двужильная лошадь, да и здоровье такое, что мужику впору. Яша Малый и Прокопій даже ухаживали за Оксей, которая придавала ихъ промысловому скитанью почти семейный характеръ, да кромѣ всего этого и человѣкъ-то свой. По вечерамъ около огонька шли такіе хорошіе домашніе разговоры, центромъ которыхъ всегда была Окся.

— Корову бы намъ, Оксюха, — мечталъ Яша. — Корму въ лѣсу сколько угодно... Ловко бы?.. Водили бы ее за собой на пріискъ, какъ цыгане...

— И лучше бы не надо... лучше бы не надо... — соглашалась Окся авторитетнымъ тономъ настоящей бабы-хозяйки. — Съ молокомъ бы были, а то всухомятку надоѣло...

Окся съ собой таскала цѣлый ворохъ какихъ-то тряпицъ и всю походную кухню. Мужики ругались, когда приходилось перетаскивать съ пріиска на пріискъ этотъ скарбъ, но зато на стоянкахъ было все свое — и чашки, и ложки, и даже что-то въ родѣ подушекъ. По праздникамъ Окся клала безчисленныя заплаты на обносившуюся промысловую одежду и въ свою очередь ругала мужиковъ, не умѣвшихъ иглы взять въ руки. А главное, Окся умѣла починивать обувь и однимъ этимъ ремесломъ смѣло могла бы существовать на промыслахъ, гдѣ обувь — самое дорогое для рабочаго, вынужденнаго работать въ грязи и по колѣна въ водѣ. Всѣ другіе рабочіе завидовали талантамъ Окси и не могли ею нахвалиться, такъ что Матюшка только удивлялся, какой кладъ, а не баба ему досталась.

— Одного намъ теперь недостаетъ, Оксюха, — шутили мужики, — разродись ты намъ мальчонкой или дѣвчонкой... Вполнѣ бы съ хозяйствомъ были.

Деньги Матюшки, какъ онъ ни крѣпился, уплывали да уплывали, потому что за все и про все приходилось расплачиваться за всю артель ему. Старательскаго своего заработка едва хватало на прокормъ, а тамъ постоянные прогулы, потому что Матюшкѣ не сидѣлось подолгу на одномъ мѣстѣ. Поработаетъ артель недѣлю-другую на пріискѣ, а его и потянетъ куда-нибудь въ другое мѣсто, про которое наскажутъ съ три короба. Очень ужъ много такихъ слуховъ ходило... Такимъ образомъ Матюшка присмотрѣлъ мѣстечка три подходящихъ, которыя можно было бы арендовать, но все еще не рѣшался, на которомъ изъ нихъ остановиться. Въ одномъ просили за пріискъ прямо сто рублей, въ другомъ отдавали „изъ половины“, т.-е. половину чистой прибыли хозяину, въ третьемъ — продавали пріискъ совсѣмъ. Денегъ у Матюшки оставалось всего рублей триста, и онъ боялся ими рискнуть. Однимъ изъ главныхъ препятствій было еще и то, что въ артели никого не было грамотныхъ, а на своемъ пріискѣ надо было и книги вести и бумагу прочитать.

Всѣ эти сомнѣнія разрѣшились совершенно неожиданно. Разъ вечеромъ появился нежданно-негаданно Петръ Васильичъ. Онъ съ собой привелъ лакея Ганьку, которому Карачунскій отказалъ.

— Давно не видались, а какъ будто и не соскучились, — поговорилъ непривѣтливо Матюшка, не любившій хитраго мужика.

— Ахъ, Матюшка, развѣ мы чужіе?.. — отвѣтилъ Петръ Васильичъ и даже ударилъ себя въ грудь кулакомъ. — А я-то васъ разыскивалъ по всѣмъ промысламъ...

Петръ Васильичъ принесъ съ собой цѣлый ворохъ всевозможныхъ новостей: о томъ, какъ смѣнили Карачунскаго и отдали подъ судъ, о Кожинѣ, сидѣвшемъ въ острогѣ, о Мыльниковѣ, который сейчасъ ищетъ золото въ огородѣ у Кожина, о Оенѣ, выкинувшей ребенка, о новомъ главномъ управляющемъ Оникovѣ, который грозится прикрыть Рублиху, о Ермошкѣ, какъ онъ гонялъ въ городъ къ прокурору.

— Вотъ, Оксинька, какія дѣла на бѣломъ свѣтѣ дѣлаются, — заключилъ свои разсказы Петръ Васильичъ, хлопая молодайку по плечу. — А ежели разобрать, такъ ты поумнѣе другихъ протчихъ народовъ себя оказала... И ловкую штуку уколола!.. Ха-ха... У дѣдушки, у Родіона Потапыча, жилку притала?.. У родителя стянешь да къ дѣдушкѣ?.. Никто и не подумаетъ... Вѣрно!.. Ужъ такъ-то ловко... Родитель-то и сейчасъ волосы на себѣ рветъ. Ну, да ему все равно, не пошла бы впрокъ и твоя жилка. Все по кабакамъ бы растащилъ...

Къ общему удивленію, Окся заступилась за отца и обругала Петра Васильича. Не его дѣло соваться въ чужія дѣла. Зналъ бы свои вѣсы, пока въ тюрьму вмѣстѣ съ Кожинымъ не посадили. Хорошее ремесло тоже выискалъ.

— Ай да Окся, молодца!.. — хвалили ее рабочіе, поднимая на-смѣхъ смутившагося Петра Васильича. — Носи, не потеряй, да другимъ не сказывай... Хорошенько его, Оксенька, оборотня!

— Ты чего, въ самомъ-то дѣлѣ, къ бабѣ привязался, сѣра горючая? — накинулся Матюшка на гостя. — Иди своей дорогой, пока кости цѣлы...

— Да вы, черти, бѣлены объѣлись? — изумлялся Петръ Васильичъ. — Я къ вамъ, подлецамъ, съ добромъ, а они на дыбы... На кого ощерились-то, гальманы?... А ты, Матюшка, не больно храпай... Будетъ богатаго изъ себя показывать. Побогаче тебя найдутся... А что касаемо Окси, такъ къ слову сказано. Право, черти... Озвѣрѣли въ лѣсу-то.

Мужики безъ малаго не подрались, если бы не вступилась за Петра Васильича Окся.

— Будетъ вамъ вздорить-то!.. Чему обрадовались? Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ мужикъ-то съ дѣломъ пришелъ...

Во всей этой исторіи не принималъ участія одинъ Ганька, чувствовавшій себя, какъ дворовая собака, попавшая въ волчью стаю. Загорѣлые и оборванные старатели походили на настоящихъ разбойниковъ и почти не глядѣли на него. Петръ Васильичъ нѣсколько разъ ободрялъ его, подмигивая своимъ единственнымъ окомъ. Когда волненіе улеглось, Петръ Васильичъ отвелъ Матюшку въ сторону и заговорилъ:

— Жаль мнѣ васъ, Матвѣй, что вы задарма по промысламъ бродите... Ей-Богу!.. А дѣло-то подъ носомъ... Мнѣ все одно, а я такъ жалѣючи говорю. У Кишкина пустуетъ Сиротка-то: вотъ бы ее взять? Вѣрно тебѣ говорю...

— Да вѣдь она пустая, Сиротка-то?—возражалъ Матюшка.

— Была пустая, когда Кишкинъ работалъ... А чѣмъ она хуже Богоданки?.. Одна Мутяшка-то, а Кишкинъ только чуть ковырнулъ. Да и тебѣ ближе знать это самое дѣло. Мѣста нетропутаго еще много осталось...

— Да ты-то о чемъ хлопочешь, кривой чортъ?..

— Ахъ, какой ты несообразный человѣкъ, Матюшка!.. Ничего-то ты не понимаешь... Будетъ золото на Сироткѣ, ужъ повѣрь мнѣ. На Ягодномъ-то у Ястребова не лучше пески, а два пуда сдалъ въ прошломъ году.

— Ты вотъ куда метнулъ... Ну, это, братъ, статья неподходящая. Мы своимъ горбомъ золото-то добываемъ... А за такія дѣла еще въ Сибирь сошлютъ.

— А Ганька на что? Онъ грамотный и все разнесетъ по книгамъ... Мнѣ ужъ надоѣло на Ястребова работать: онъ на моей шкурѣ выѣзжаетъ. Будетъ, насосался... А Кишкинъ задарма отдаетъ сейчасъ Сиротку, потому какъ она ему совсѣмъ не къ рукамъ. Понялъ?.. Лучше всего въ аренду взять. Платить ему двугривенный съ золотника. На оборотъ денегъ добудемъ, и все какъ по маслу пойдетъ. Ужъ я вотъ какъ теперь все это дѣло знаю: наскрозь его прошелъ. Вся Кедровская дача у меня какъ на ладонкѣ...

Петръ Васильичъ по пальцамъ началъ вычислять, сколько получали бы они прибыли и какъ все это легко сдѣлать, только былъ бы свой пріискъ, на который можно бы разнести золото въ пріисковую книгу. У Матюшки даже голова закружилась отъ этихъ разговоровъ, и онъ смотрѣлъ на змѣя-искусителя осовѣлыми глазами.

— Я тебѣ скажу прямо, Матвѣй, что мы и Кедровскую дачу не тронемъ; ни одной порошины золота не возьмемъ... Будетъ съ насъ Балчуговскаго. Онъ, Оникову-то, какъ поступилъ, и сейчасъ старателямъ плату сбавилъ... А вѣдь имъ тоже пить-ѣсть надо. Ну, и несутъ мнѣ... Раньше-то я на наличныя покупалъ, а теперь и въ долгъ вѣрятъ. Только все-таки долженъ я все это золото травить Ястребову ни за грошъ... Понялъ? А самому мнѣ брать пріискъ на себя тоже неподходящая статья, потому какъ слава-то ужъ про меня идетъ. Понялъ теперь, для чего мнѣ тебя-то надо?

Матюшка колебался, почесывая въ затылкѣ. Тогда Петръ Васильичъ проговорилъ совершенно другимъ тономъ:

— Ну, видно, не сойдемся мы съ тобой, Матвѣй... Не пеняй на меня, ежели другого вѣрнаго человѣка найду.

Этотъ маневръ произвелъ надлежащее дѣйствіе. Матюшка и Петръ Васильичъ ударили по рукамъ.

— Давно бы такъ... Только никому, смотри, ни гу-гу!..

— А я тебѣ скажу одно: ежели чуть что замѣчу—башку оторву.

— Да ты и сейчасъ это показывай, для видимости, будто мы съ тобой вздоримъ. Такая же модель и у меня съ Ястребовымъ налажена... И своя артель чтобы ничего не знала. Слово сказалъ—умеръ...

„Видимость“ устроена была тутъ же, и Матюшка прогналъ Петра Васильича вмѣстѣ съ Ганькой. Старатели надрывались отъ смѣха, глядя, какъ Петръ Васильичъ уленетывалъ съ пріиска.

Черезъ нѣсколько дней Матюшка отправился на Богоданку. Кишкинъ его встрѣтилъ очень подозрительно, а когда зашла рѣчь о Сироткѣ, сразу отмякъ.

— Охота Оксины деньги закопать?—пошутилъ онъ.—Только для тебя, Матюха, потому какъ раньше вмѣстѣ горе-то мыкали... Владѣй, Ѳаддей, кривой Натальей. Одинъ уговоръ: чтобы этотъ кривой чортъ и носу близко не показывалъ... понимаешь?..

— Да вѣдь ты меня знаешь, Андронъ Евстратычъ,—клялся Матюшка, встряхивая головой.—Я ему ноги повыдергаю...

Сейчасъ же было заключено условіе, и артель Матюшки переселилась на Сиротку черезъ два дня. Къ нимъ присоединились лакей Ганька и бывшій доводчикъ на золотопромывальной фабрикѣ, Ераковъ. Народъ такъ и бѣжалъ съ компанейскихъ работъ: разъ—всѣхъ тянуло на свой вольный хлѣбъ, а второе—новый главный управляющій очень ужъ круто принялся заводить свои новые порядки.

— Всѣ уйдутъ...—разсказывалъ Ераковъ.—Пусть чужестранныхъ рабочихъ наймутъ. При Карачунскомъ куда было лучше... Съ понятіемъ былъ человѣкъ.

Ганька благоговѣлъ передъ Карачунскимъ и увѣрялъ всѣхъ, что Оникова только временно, а потомъ „опять Степанъ Романычъ наступитъ“. Такого другого человѣка и не сыскать.

На Сироткѣ была выстроена новая изба на новомъ мѣстѣ, гдѣ были поставлены новыя работы. Артель точно ожила. Это была своя настоящая работа,—сами большіе, сами маленькіе. Пока содержаніе золота было не велико, но все-таки лучше, чѣмъ по чужимъ пріискамъ шляться. Ганька велъ пріисковую книгу и сразу накинулъ на себя важность. Матюшка уже два раза уходилъ на Фотьянку для тайныхъ переговоровъ съ Петромъ Васильичемъ, который, по обыкновенію, что-то „выкомуривалъ“ и финтилъ.

Скоро все дѣло разъяснилось. Петръ Васильичъ набралъ у старателей въ кредитъ золота фунтовъ восемь да прибавилъ своего около двухъ фунтовъ и хотѣлъ продать его за настоящую цѣну помимо Ястребова. Онъ давно задумалъ эту операцію, которая дала бы ему прибыли около двухъ тысячъ. Но въ городѣ всѣ скупщики отказались покупать у него это золото, потому что не хотѣли ссориться съ Ястребовымъ: у нихъ рука руку мыла. Тогда Петръ Васильичъ сунулся къ Ермошкѣ.

— Дуракъ ты, Петръ Васильичъ,—вразумилъ его кабатчикъ.—Зазнамый ты ястребовскій скупщикъ, кто же у тебя будетъ покупать... Ступай лучше съ повинной къ Никитѣ Яковлевичу; можетъ, и смилуется...

Раздумалъ Петръ Васильичъ. Ежели на Сиротку записать, такъ надо и время выждать и съ Матюшкой подѣлиться. Думалъ-думалъ и рѣшилъ повести дѣло съ Ястребовымъ начистоту.

— Это не на твои деньги куплено золото-то, такъ ужъ ты настоящую цѣну дай,—торговался впередъ Петръ Васильичъ.

— Ладно, разговаривай... По четыре съ полтиной дамъ,—рѣшилъ Ястребовъ.

Цѣна подходящая. Петръ Васильичъ принесъ мѣшечекъ съ золотомъ, передалъ Ястребову, а тотъ свѣсилъ его и уложилъ къ себѣ въ чемоданъ.

— Ну, а теперь прощай,—заговорилъ Ястребовъ.—Кто умнѣе Ястребова хочетъ быть, трехъ дней не проживетъ. А ты дуракъ

— А деньги?!

Ястребовъ только засмѣялся, погрозилъ револьверомъ и вытолкалъ Петра Васильича въ шею изъ избы. Онъ не въ первый разъ продѣлывалъ такую штуку.

Результатомъ этого было то, что Ястребовъ былъ арестованъ въ ту же ночь. Произведеннымъ обыскомъ было обнаружено не записанное въ книги золото, а таковое считается по закону хищничествомъ. Это была месть Петра Васильича, который сдѣлалъ доносъ. Впрочемъ, Ястребовъ судился уже нѣсколько разъ и отнесся довольно равнодушно къ своему аресту.

— Пожалѣете меня, подлецы!—замѣтилъ онъ собравшейся толпѣ, когда его подъ конвоемъ увозили съ Фотьянки въ городъ. — Благодѣтеля своего продали...

Второй крупной новостью было то, что Карачунскій застрѣлился. Онъ сдалъ всѣ дѣла Оникову, сжегъ какія-то бумаги и пустилъ пулю въ високъ. Сею онъ обезпечилъ раньше.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Новый главный управляющій Балчуговскими золотыми промыслами явился той новой метлой, которая, по пословицѣ, чисто мететъ. Онъ сразу и вездѣ завелъ новые порядки, начиная со своей конторы. Его любимой фразой было:

— У меня—не у Степана Романыча...

Да... Служащимъ было убавлено жалованье, а нѣкоторымъ и совсѣмъ отказано въ видахъ экономіи. Уцѣлѣвшимъ на своихъ мѣстахъ прибавилось работы. „Монморанси“, конечно, остались попрежнему: реформаторъ не былъ имъ страшенъ. На фабрикѣ увеличены рабочіе часы, сбавлена плата ночной смѣнѣ, усиленъ надзоръ и „сокращены“ два коморника, карауливщихъ старательскія кучки золотоноснаго кварца. На Дернихѣ вводились тоже новыя строгости, причемъ Оникovъ особенно тѣснилъ конныхъ рабочихъ. Но главное вниманіе обращено было на хищничество золота: Оникovъ объявилъ непримиримую войну этому исконному промысловому злу и поклялся вырвать его съ корнемъ во что бы то ни стало. Однимъ словомъ, новый управляющій налетѣлъ на промыслы весенней грозой и ломалъ силеча все, что попадало подъ руку.

Въ первое время всѣ были какъ будто ошеломлены. Что же, ежели такіе порядки заведутся, такъ и житья на промыслахъ не будетъ. Конечно, промысловые люди не угодники, а все-таки и по человѣчеству разсудить надобно. Чаще и чаще рабочіе вспоминали Карачунскаго и почесывали въ затылкахъ. Крѣпкій былъ человѣкъ, а умѣлъ, гдѣ нужно, и не видѣть и не слышать. Въ кабакахъ обсуждался подробно каждый шагъ Оникова, каждое его слово, и наконецъ произнесенъ былъ приговоръ, выражавшійся однимъ словомъ:

— Чистоплюй!..

Кто придумалъ это слово, кто его сказалъ первый—осталось неизвѣстнымъ, но оно было сказано, и всѣ сразу почувствовали полное облегченіе. Чистоплюй—и дѣлу конецъ. Остальное было понятно, и всѣ вздохнули свободно. Сказалась способность простого русскаго человѣка однимъ словомъ выразить цѣлый строй понятій. Всѣ строгости реформы новаго главнаго управляющаго были похоронены подъ этимъ однимъ словомъ, и больше никто не боялся его и никто не обращалъ вниманія. Пусть его побалуется и наведетъ свою плевую чистоту, а тамъ все образуется само собой. Люди-то останутся тѣ же. Могли пострадать временно отдѣльныя единицы, общее остается, то общее, которое складывалось, вырастало и копилось десятками лѣтъ подъ гнетомъ каторги, казеннаго времени и своего вольнаго волчьяго труда. Объяснить все это понятными, простыми словами никто бы не сумѣлъ, а чувствовали все опредѣленно и ясно,—это опять черта русскаго человѣка, который въ массѣ, въ артели, дѣлается необыкновенно уменъ, догадливъ и сообразителенъ.

Пока реформы новаго управляющаго не касались одной шахты Рублихи, гдѣ попрежнему „руководствовалъ“ одинъ Родіонъ Потапычъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали момента, когда встрѣтятся старый штейгеръ и новый главный управляющій. Предположеніямъ и догадкамъ не было конца. Всѣ знали, что Оникова „терпѣть ненавидѣлъ“ Рублиху и что онъ ее закроетъ, но все-таки интересно было, какъ все это случится и что будетъ съ Родіономъ Потапычемъ. Старикъ не подавалъ никакого признака безпокойства или волненія и велъ свою работу съ прежнимъ ожесточеніемъ, точно боялся за каждый новый день. Вассеръ-штольня была окончена какъ разъ въ день самоубійства Карачунскаго, и теперь рудная вода не поднималась насосами наверхъ, а отводилась въ Балчуговку по новой штольнѣ. Это дало возможность начать углубленіе за тридцатую сажень.

Встрѣча произошла рано утромъ, когда Родіонъ Потапычъ находился на днѣ шахты. Сверху ему подали сигналъ. Старикъ понялъ, зачѣмъ его вызываютъ въ неурочное время. Оникова расхаживалъ по корпусу и съ небрежнымъ видомъ выслушивалъ какія-то объясненія подштейгера, ходившаго за нимъ безъ шапки. Родіонъ Потапычъ, не торопясь, вылѣзъ изъ западни, снялъ шапку и остановился. Оникова мелькомъ взглянулъ на него, повернулся и прошелъ въ его сторожку.

— Ну что, какъ дѣла?—спросилъ онъ, не глядя на старика.

— Ничего, можно хоть сейчасъ закрывать шахту,—спокойно отвѣтилъ старикъ.

У Оникова выступили красныя пятна на лицѣ, но онъ сдержался и проговорилъ съ дѣланой мягкостью:

— Мнѣ нужно серьезно поговорить... Я не вѣрю въ эту шахту, но бросить сейчасъ дѣло, на которое затрачено больше ста тысячъ, я не имѣю никакого права. Наконецъ мы обязаны контрактомъ вести жильныя работы... Во всякомъ случаѣ, я думаю расширить работы въ этомъ пунктѣ.

Родіонъ Потапычъ опустилъ голову. Онъ слишкомъ хорошо понималъ политику Оникова, свалившаго впередъ всѣ неудачи на Карачунскаго и хотѣвшаго воспользоваться только пѣнками съ будущаго золота. Изъ молодыхъ да ранній выискался... У старика даже защемило при одной мысли о Степанѣ Романычѣ, котораго въ числѣ другихъ причинъ докопала и Рублиха. Эхъ, маленько бы обождать—все бы оправдалось. Какъ теперь видѣлъ Родіонъ Потапычъ своего стараго начальника, когда онъ пріѣхалъ за три дня и съ улыбкой сказалъ: „Ну, дѣдушка, мнѣ три дня осталось жить—торопись!“.

Въ послѣдній роковой день онъ пріѣхалъ такой свѣжій, розовый и уже ничего не спросилъ, а глазами прочиталъ свой отвѣтъ на лицѣ стараго штейгера. Они вмѣстѣ спустились въ послѣдній разъ въ шахту, обошли работы, и Карачунскій похвалилъ штольни, прибавивъ: „Жаль только, что я не увижу, какъ она будетъ работать“. Потомъ выкурилъ папиросу, вышелъ, а черезъ полчаса его окровавленный трупъ лежалъ въ конторкѣ Родіона Потапыча на той самой лавкѣ, на которой когда-то спала Окся. Вотъ это былъ человѣкъ, а не чистоплюй... Старикъ понималъ, что Оникову расширеніемъ работъ хочетъ купить его и косвеннымъ путемъ загладить недавнюю ссору съ нимъ, но это нисколько не тронуло его стараго сердца, полнаго горячей преданности другому человѣку.

— Ну, что же вы молчите?—спросилъ наконецъ Оникову, обиженный равнодушіемъ стараго штейгера.

— Что же тутъ говорить, Александръ Ивановичъ: наше дѣло подневольное... Что прикажете, то и сдѣлаемъ. Будьте спокойны: Рублиха себя вполнѣ оправдаетъ...

— Есть хорошіе знаки?..

— Будутъ и знаки...

Однимъ словомъ, дѣло не склеилось, хотя непоколебимая увѣренность стараго штейгера повліяла на недовѣрчиваго Оникова. А кто его знаетъ, можетъ все случиться, чѣмъ врагъ не шутитъ! Положимъ, этотъ Зыковъ и сумасшедшій человѣкъ, но и жильное дѣло тоже сумасшедшее.

Родіонъ Потапычъ проводилъ новаго начальника до выхода изъ корпуса и долго стоялъ на порогѣ, провожая глазами знакомую пару раскормленныхъ господскихъ лошадей. И тотъ же кучеръ Агаѳонъ, а то, да не то... Отъ постояннаго пребыванія подъ землей лицо Родіона Потапыча точно выцвѣло, и кожа сдѣлалась матово-бѣлой, точно корка церковной просвиры. Живыми оставались одни глаза, упрямые, сердитые, умные... Онъ тяжело вздохнулъ и побрелъ въ свою конторку необычно вялымъ шагомъ, точно его что придавило. Раньше онъ трепеталъ за судьбу Рублихи, а когда все устроилось само собой—его охватило какое-то обидное недовольство. Къ чему послѣ поры-времени огородъ городить? Онъ даже съ какой-то ненавистью посмотрѣлъ на отверстіе шахты, откуда медленно поднималась желѣзная телѣжка съ „пустякомъ“.

„Нѣтъ, братъ, я тебя достигну!..—сердито думалъ Родіонъ Потапычъ, шагая въ свою конторку.—Шалишь, не уйдешь“.

Это враждебное чувство къ собственному дѣтищу проснулось въ душѣ Родіона Потапыча въ тотъ день, когда изъ конторки выносили холодный трупъ Карачунскаго. Живъ бы былъ человѣкъ, если бы не продала проклятая Рублиха. Поэтому онъ велъ теперь работы съ какимъ-то ожесточеніемъ, точно разыскивалъ въ землѣ своего заклятаго врага. Нѣтъ, братъ, не уйдешь...

Вообще старикъ чувствовалъ себя скверно, особенно, когда оставался въ своей конторкѣ одинъ. Предъ нимъ неотвязно стояла все одна и та же картина рокового дня, и онъ повторялъ ее про себя тысячи разъ, вызывая въ памяти мельчайшія подробности. Такъ онъ припомнилъ, что въ это роковое утро на шахтѣ зачѣмъ-то былъ Кишкинъ и что именно его противную скобленую рожу онъ увидѣлъ одной изъ первыхъ, когда рабочіе вносили еще теплый трупъ Карачунскаго на шахту. Въ переполохѣ это обстоятельство какъ-то выпало изъ памяти, и потомъ Родіонъ Потапычъ принужденъ былъ стороной навести справки у рабочихъ, что дѣлалъ Кишкинъ въ этотъ моментъ на шахтѣ и не имѣлъ ли какого-нибудь разговора съ Карачунскимъ

— Онъ, Кишкинъ-то, у котловъ сидѣлъ, когда Степанъ Романычъ пріѣхалъ...—разсказывалъ кочегаръ.—Ну, Кишкинъ, сидѣлъ ужъ дивно *) времени... Сидитъ, лясы точитъ, а что̀ къ чему—не разберешь. Извѣстный омморокъ! Ну, какъ увидѣлъ Степанъ Романыча и даже какъ будто изъ лица выступилъ... А потомъ ушелъ куда-то да и бѣжитъ: „Охъ, бѣда... Степанъ Романычъ порѣшилъ себя!..“. Онъ вѣдь не впервой захаживаетъ, Шишка: то спроситъ, другое. Все ему надо знать, чтобы у себя на Богоданкѣ наладить. Однимъ словомъ, омморошной чортъ.

Всѣ эти объясненія ничего не разъяснили, и Родіонъ Потапычъ смутно догадывался, что Шишка караулилъ Карачунскаго для какихъ-то переговоровъ. Дѣло было гораздо проще. Кишкинъ, дѣйствительно, нѣсколько разъ „навѣдывался“ на Рублиху, чтобы посмотрѣть кое-что для себя, но съ Карачунскимъ встрѣчаться онъ совсѣмъ не желалъ, а когда случайно наткнулся на него, то постарался незамѣтно скрыться. Говоря проще, спрятался... Уходить ни съ чѣмъ Кишкину не хотѣлось, и онъ рѣшился выждать, когда чортъ унесетъ Карачунскаго. Выбравшись изъ главнаго корпуса, старикъ нѣсколько времени бродилъ среди другихъ построекъ. Управительская пара оставалась у него все время на глазахъ. Но, къ удивленію Кишкина, Карачунскій съ шахты прошелъ не къ лошадямъ, стоявшимъ у воротъ ограды, а въ противоположную сторону, прямо на него. „Вотъ чортъ несетъ...“ — подумалъ Кишкинъ, пойманный врасплохъ. Онъ никакъ не ожидалъ такого оборота и стоялъ на мѣстѣ, какъ попавшійся школьникъ. Карачунскій прошелъ мимо него въ двухъ шагахъ и даже взглянулъ на него, но такимъ пустымъ, ничего не видѣвшимъ взглядомъ, что у Кишкина даже захолонуло на душѣ. Очевидно, онъ не узналъ его и прошелъ дальше. Это заинтересовало Кишкина. Старикъ вскарабкался на свалку добытаго изъ шахты свѣжаго „пустяка“ и долго слѣдилъ за Карачунскимъ, какъ тотъ вышелъ за ограду шахты, какъ постоялъ на одномъ мѣстѣ, точно что-то раздумывая, а потомъ быстро зашагалъ въ молодой лѣсокъ по направленію къ жилкѣ Мыльникова. Въ еловой заросли нѣсколько разъ мелькнула высокая фигура Карачунскаго, а потомъ глухо гукнулъ револьверный выстрѣлъ. Кишкинъ сразу понялъ все и бросился на шахту объявить о случившемся.

При самоубійцѣ оказалась записка, нацарапанная карандашомъ въ конторѣ Родіона Потапыча: „Умираю, потому что, во-первыхъ, нужно же когда-нибудь умереть, а во-вторыхъ, мой номеръ вышелъ въ тиражъ... Уношу съ собой сознаніе, что сознательно никому не сдѣлалъ зла, а если и дѣлалъ ошибки, то по присущей всякому человѣку слабости. Друзей не имѣлъ, враговъ прощаю“. Первымъ прочелъ эту записку Кишкинъ, и у него затряслись руки; отъ этой записки пахнуло на него холодомъ смерти. Уѣзжая утромъ на шахту, Карачунскій отправилъ Ѳеню въ городъ. Онъ вручилъ ей толстый пакетъ, который просилъ никому не показывать, а распечатать самой. Въ пакетѣ были процентныя бумаги и коротенькая записочка, въ которой Карачунскій оставлялъ Ѳенѣ все свое наличное имущество, заключавшееся въ этихъ бумагахъ. Ѳеня плохо разбирала по-письменному, и ей прочиталъ записку Мыльниковъ, котораго она встрѣтила въ городѣ.

— Табакъ дѣло...—рѣшилъ Мыльниковъ, крѣпко держа толстый пакетъ въ своихъ корявыхъ рукахъ.—Записку-то ты покажи въ полиціи, а деньги-то не отдавай. Нѣтъ, лучше и записку не показывай, а отдай мнѣ.

Ѳеня полетѣла въ Балчуговскій заводъ, но тамъ все уже было кончено.

*) Дивно—порядочно, достаточно.

Пакетъ и записку она представила урядннку, производившему предварительное дознаніе. Денегъ оказалось больше шести тысячъ. Мыльниковъ всѣ эти двѣ недѣли каждый день приходилъ къ Ѳенѣ и ругался, зачѣмъ она отдала деньги.

— Пенцію тебѣ оставилъ Степанъ-то Романычъ, дурѣ, а ты урядннку...

— Отстань, сѣра горючая...

— Дѣло тебѣ говорятъ. Кабы мнѣ такую уйму деньжищъ, да я бы... Первое дѣло, сгребъ бы ихъ, какъ ястребъ, и убѣжалъ, куда глаза глядятъ. Съ деньгами, братъ, на всѣ стороны скатертью дорога...

Изумленію Мыльникова не было границъ, когда деньги черезъ двѣ недѣли были возвращены Ѳенѣ, а „пріобщена къ дѣлу“ только одна записка. Но Ѳеня и тутъ оказала себя круглой дурой: цѣлый день ревѣла о запискѣ.

— Мнѣ дороже записка-то этихъ денегъ, — плакалась Ѳеня. — Поминать бы стала по ней Степана Романыча.

Искреннѣе всѣхъ горевалъ о Карачунскомъ старый Родіонъ Потапычъ, чувствовавшій себя виноватымъ. Очень уже засосала Рублиха... Когда стихалъ дневной шумъ, стариковскія мысли получали болѣзненную яркость, и онъ даже начиналъ креститься отъ этого навожденія. Охъ, много и хорошихъ и худыхъ людей онъ пережилъ, такъ что впору и самому помирать.

На Рублиху вечерами завертывали старички съ Фотьянки и изъ Балчуговскаго завода, чтобы поговорить и посовѣтоваться съ Родіономъ Потапычемъ, какъ и что. Безъ мѣры лютовалъ чистоплюй, особенно надъ старателями.

— Умякнетъ, — отвѣчалъ старый штейгеръ. — Не больно великъ въ перьяхъ-то.

— Утихомирится?.. Дай бы Богъ, кабы по твоимъ-то словамъ. Затѣснилъ старателевъ въ конецъ... Такъ и рветъ, такъ и мечетъ.

— Утишится?

— Упыхается... Главная причина, что здря все дѣлаетъ. Конечно, вашего брата, хищниковъ, не за что похвалить, а суди на волка—суди и по волку. Всѣ пить-ѣсть хотятъ, а добыча-то не велика. Удивительное это дѣло, какъ я погляжу. Жалились раньше, что работъ нѣтъ, дѣлянками притѣсняютъ, ну, открылась Кедровская дача—кажется, мѣста не въ проворотъ. Такъ? А все народъ бѣднится, все въ лохмотьяхъ ходятъ...

— Погоди, Родіонъ Потапычъ, дай время, поправятся... На Фотьянкѣ народъ улучшается на глазахъ: тамъ изба новая, тамъ ворота, тамъ лошадь... Конечно, много еще малодушія въ народѣ, особливо, когда дикая копейка навернется. Тоже вѣдь и къ деньгамъ большую надо привычку имѣть, а народъ бѣдный, необычный, ну, осталось у него двадцать цѣлковыхъ—онъ и не знаетъ, что съ ними дѣлать. Все равно, голодный: дай ему вволю поѣсть, онъ точно пьяный сдѣлается. Такъ и съ деньгами бываетъ... Вотъ купцы, кажется, ужъ привычны къ деньгамъ, а тоже дурѣютъ. Какъ-то Затыкинъ—онъ на Генералкѣ пріискъ заявилъ—въ недѣлю четыре фунта намылъ золота и пошелъ чертить. Ѣдетъ изъ города съ деньгами, кучера всю дорогу хересомъ поитъ, изъ левольверта палитъ. Дня черезъ три едва очувствовался... А ужъ гдѣ же старателю совладать, когда у него сроду четвертной бумажки въ рукахъ не бывало!

II.

Баушка Лукерья въ какихъ-нибудь два года такъ состарѣлась, что ее узнать было нельзя: посѣдѣла, сгорбилась и пожелтѣла, какъ осенній листъ. Живыми остались одни глаза. И Петръ Васильичъ тоже посѣдѣлъ отъ заботы

и разныхъ треволненій, сдѣлался угрюмымъ и мало съ кѣмъ разговаривалъ. Сосѣди говорили, что они состарѣлись отъ денегъ, которыя хлынули дуромъ. Петръ Васильичъ началъ-было строить новую избу, но поставилъ срубъ и махнулъ на него рукой. Его заѣла какая-то недомашняя дума. Пропадалъ онъ по недѣлямъ на промыслахъ, возвращался домой мрачный и непремѣнно приставалъ къ матери:

– Мамынька, а гдѣ у тебя деньги... а?.. Скажи, а то, неровенъ часъ, помрешь, мы и не найдемъ опослѣ тебя...

— Тьфу! Тоже и скажетъ,—ворчала старуха.—Прежде смерти не умремъ... И какія такія мои деньги?..

— А вотъ тѣ самыя, какія Кишкину стравила?..

— Ничего я не знаю...

— Не отдастъ онъ тебѣ, жила собачья. Вотъ попомни мое слово... Какъ онъ меня срамилъ-то восе́тта, мамынька: „Ты, гритъ, съ уздой-то за чужимъ золотомъ не ходи“... Вѣдь это что́ же такое? Ястребовъ вонъ сидитъ въ острогѣ, такъ и меня въ пристяжки къ нему запречь можно экъ-ту.

— А ты сколько фунтовъ Ястребову-то стравилъ?—язвила баушка Лукерья.—Ловко онъ тебя тогда обезживотилъ.

— Мамынька, не поминай... Ножъ это мнѣ самое дѣло. Тяжеленько досталось мое-то золото Ястребову, да и мнѣ не легче...

— Дуракомъ ты себя оказалъ, и больше ничего... Пошутилъ съ тобой тогда Ястребовъ-то, а ты и его и себя утопилъ.

— Медвѣдь тоже съ кобылой шутилъ, такъ одна грива осталась... Большому чорту большая и яма, а вотъ ты Кишкину подражаешь для какой такой модели?.. Пусть только пріѣдетъ, такъ я ему ноги повыдергаю. А денегъ онъ тебѣ не отдастъ...

— Не твоя печаль... Ты сходи къ Ястребову въ острогъ да и спроси про свои-то капиталы, а о моихъ деньгахъ и собаки не лаютъ.

— Ахъ, мамынька...

— Два года ходилъ съ уздой своей по промысламъ да сразу все и профукалъ... А еще мужикъ называешься! Не тебѣ, видно, мои-то деньги считать...

Эти ядовитые обидные разговоры повторялись при каждой встрѣчѣ, причемъ ожесточеніе обѣихъ сторонъ доходило до ругани, а разъ баушка Лукерья бѣгала даже въ волость жаловаться на непокорнаго сына. Волостные старички опять призвали Петра Васильича и сдѣлали ему внушеніе.

— Ты смотри, кривой чортъ... Тогда на Ястребова лѣзъ собакой, а теперь мать донимаешь, изъѣдуга. Мы тебя выучимъ, какъ родителевъ почитать должо́нъ... Будетъ тебѣ богатаго показывать!..

Петръ Васильичъ сгоряча нагрубилъ старикамъ и попалъ въ холодную... Онъ здѣсь только опомнился, что опять свалялъ дурака. Дѣло было совсѣмъ не въ томъ, что онъ ссорился съ матерью,—за это много-много поворчали бы старики. А ему теперь косвенно мстили за Ястребова... Вся Фотьянка знала, изъ-за кого попалъ въ острогъ знаменитый скупщикъ, и кляла Петра Васильича на чемъ свѣтъ стоитъ, потому что въ лицѣ Ястребова всѣ старатели лишились главнаго покупателя. Смѣлый былъ человѣкъ и принималъ золото со всѣхъ сторонъ, а послѣ него остались скупщики-мелкота: купятъ золотникъ и ожигаются. Однимъ словомъ, благодѣтель былъ Никита Яковличъ, всѣхъ кормилъ... Общественное мнѣніе было противъ Петра Васильича, который изъ-за своей глупости подвелъ всѣхъ. Зачѣмъ отдавалъ золото Ястребову дуро́мъ, кривая собака? Умѣючи каждое дѣло надо дѣлать... Теперь вся Фотьянка бѣдуетъ изъ-за кривого чорта. Посаженный въ холодную, Петръ

Васильичъ понялъ, что попался, какъ куръ во щи, и что старички его достигнутъ своимъ волостнымъ средствіемъ. И дѣйствительно, старички охулки на руку не положили. Сначала выдержали въ холодной три дня, а потомъ вынесли резолюцію:

— Ты въ желеткѣ нонѣ щеголяешь, Петръ Васильичъ, такъ мы тебѣ рукава наладимъ къ желеткѣ-то...

Дѣйствительно, Петръ Васильичъ незадолго до катастрофы съ Ястребовымъ купилъ себѣ жилетку и щеголялъ въ ней по всей Фотьянкѣ, не обращая вниманія на насмѣшки. Онъ сразу понялъ угрозу старичковъ и весь побѣлѣлъ отъ стыда и страха.

— Старички, есть ли на васъ крестъ?—взмолился онъ.—Ежели пальцемъ тронете, такъ всю Фотьянку выжгу...

— А, такъ ты вотъ какія слова разговариваешь... Снимай-ка желетку-то, милъ-сердечный другъ, а рукава мы тебѣ на обчественный счетъ приставимъ. Будешь родителевъ уважать...

Безъ дальнихъ разговоровъ Петра Васильича высѣкли... Это было до того неожиданно, что несчастный превратился въ дикаго звѣря: рычалъ, кусался, плакалъ и все-таки былъ высѣченъ. Когда экзекуція кончилась, Петръ Васильичъ не хотѣлъ подниматься съ позорной скамьи и нѣкоторое время лежалъ, какъ мертвый.

— Перестань дурака-то валять, а ступай да помирись съ матерью,— посовѣтовали старички.

— Куда я теперь пойду?—застоналъ Петръ Васильичъ.

— А ужъ это твое дѣло, милашъ...

Петръ Васильичъ сѣлъ, посмотрѣлъ на своихъ судей своимъ единственнымъ окомъ и заскрежеталъ зубами отъ безсильной ярости. Что бы онъ теперь ни сдѣлалъ, а безчестья не поправить...

— Выжгу... зарѣжу...—бормоталъ онъ, сжимая кулаки.—Будете всю помнить, проды...

— А ты съ міромъ не ссорься, голова. Лучше бы выставилъ четверт[illegible] бутылочку старичкамъ да поблагодарилъ за науку.

Первой мыслью, когда Петръ Васильичъ вышелъ изъ волости, было броситься въ первую шахту, удавиться—до того тошно на душѣ. Теперь глазъ показать никуда нельзя... Худая-то слава вездѣ пробѣжитъ. Свои фотьянскіе проходу не дадутъ. Его взяло такое горе, стыдъ, отчаяніе, что онъ присѣлъ на волостное крылечко и заплакалъ какими-то ребячьими слезами. Вся жизнь была погублена... Куда теперь итти?.. Что дѣлать?.. А главное, онъ понималъ, что всѣ противъ него, и волостные старички только выполнили волю „міра“. Прохожіе останавливались, смотрѣли на него, качали головами и шли дальше. Нѣсколько разъ раздавалось проклятое слово: „желетка“, которое приводило Петра Васильича въ отчаяніе: въ немъ вылилась тяжелая мужицкая иронія, пригвоздившая его именно этимъ ничего не значащимъ словомъ къ позорному столбу. Потомъ Петръ Васильичъ поднялся и, какъ говорили очевидцы, погрозилъ кулакомъ всей Фотьянкѣ. Домой онъ не зашелъ, а его встрѣтили старатели около Маяковой слани.

Вечеромъ этого рокового дня у баушки Лукерьи сидѣлъ въ гостяхъ Кишкинъ и удушливо хихикалъ, потирая руки отъ удовольствія. Онъ узналъ проѣздомъ о наукѣ Петра Васильича и нарочно завернулъ къ старухѣ.

— Давно бы тебѣ догадаться, баушка,—повторялъ Кишкинъ.—Шелковый будетъ... хе-хе!.. Ловко налетѣлъ съ кривого-то глаза. Въ лучшемъ видѣ отполировали...

— А ты-то чему обрадовался?—напустилась на него старуха.—Отъ чужого безвременья тебѣ лучше не будетъ...

— А не скупай чужого золота! Впередъ наука... Теперь куда дѣнется твой-то Петръ Васильичъ?..

— И то, слышь, грозится выжечь всю Фотьянку... Охъ, и не рада я, что заварила кашу. Постращать думала, а оно вонъ что случилось... Жаль мнѣ.

— Да вѣдь не за тебя его драли-то, а за Ястребова. Не безпокойся... Зубъ на него грызли, ну, а онъ подвернулся.

Старуха всплакну съ горя: ей именно теперь стало жаль Петра Васильича, когда Кишкинъ поднялъ его на смѣхъ. Большой мужикъ, теперь показаться на людяхъ будетъ нельзя. Чтобы чѣмъ-нибудь досадить Кишкину, она пристала къ нему съ требованіемъ своихъ денегъ.

— Отдай, Андронъ Евстратычъ... Покорыстовался ты моей простотой, пора и честь знать. Смертный часъ на носу...

— Тебя жалѣючи не отдаю, глупая... У меня сохраннѣе твои деньги: лежатъ въ желѣзномъ сундукѣ за пятью замками. Да... А у тебя еще украдутъ, или сама потеряешь.

— Ты мнѣ зубовъ не заговаривай, а подавай деньги.

— А гдѣ у тебя расписка?

— На совѣсть даваны...

— Ха-ха... Тоже и сказала: на совѣсть. Ступай-ка, разскажи, никто тебѣ не повѣритъ... Развѣ такія нынче времена?

Когда остервенившаяся старуха пристала съ ножомъ къ горлу, Кишкинъ досталъ бумажникъ, отсчиталъ свой долгъ и положилъ деньги на столъ.

— Вотъ твои деньги, коли не понимаешь своей пользы...

— Да вѣдь я такъ... У тебя все хи-хи да ха-ха, а мнѣ и полсмѣха нѣтъ.

— Ко мнѣ же придешь, поклонишься своими деньгами, да я-то не возьму...—бахвалился Кишкинъ.—Такъ будутъ у тебя лежать, а я тебѣ процентъ заплатилъ бы. Не пито, не ѣдено огребала бы съ меня денежки.

Баушка бережно взяла деньги, пересчитала ихъ и унесла къ себѣ въ заднюю избу, а Кишкинъ сидѣлъ у стола и посмѣивался. Когда старуха вернулась, онъ подалъ ей десятирублевую ассигнацію.

— Это твой процентъ, получай...

Руки у старухи дрожали, когда она брала несчитанныя деньги,—ей казалось, что Кишкинъ смѣется надъ ней, какъ надъ дурой.

— Бери, баушка, не поминай меня лихомъ... Найди другого такого-то дурака.

— Да вѣдь я такъ, Андронъ Евстратычъ... по бабьей своей глупости. Петръ Васильичъ ужъ больно меня сомущалъ... Не отдастъ, гритъ, тебѣ Кишкинъ денегъ!

— Ты ему отдай, такъ онъ тебѣ и спасибо не скажетъ, Петръ-то Васильичъ, а теперь ему деньги-то въ самый разъ...

— Старая я стала... глупа...

— Ну, ладно, будетъ намъ съ тобой дѣлиться. Посылай-ка помоложе себя чтобы мнѣ веселѣе было, а то нагнала тоску... Гдѣ Наташка?

— А куды ей дѣваться?.. Эй, Наташка... А ты вотъ что, Андронъ Евстратычъ, не балуй съ ней: дѣвчонка еще не въ разумѣ, а ты какія ей слова говоришь. У ней еще ребячье на умѣ, а у тебя сѣдой волосъ... Не пригожее дѣло.

— А у меня характеръ веселый, баушка... Люблю съ молоденькими пошутить.

— Шути съ Марьей, коли такая охота напала...

— У Марьи свой шутникъ есть. Погоди, вотъ женюсь, возьму богатую купчиху въ городѣ, тогда и остепенюсь.

— Въ годы еще не вошелъ жениться-то, — пошутила старуха.—А Наташку оставь: стыдливая она, не то, что Марья. Ты и то нынче наряжаешься въ томъ родѣ, какъ женихъ... Форсить началъ.

— Недавно на триста рублей всякаго платья заказалъ, — хвастался Кишкинъ.—Не все оборвышемъ ходить... Вотъ часы золотые купилъ, потомъ перстень...

— Охъ, мотыга, мотыга...

Съ Кишкинымъ, дѣйствительно, случилась большая перемѣна. Первое время своего богатства онъ ходилъ въ своемъ старомъ рваномъ пальто и ни за что не хотѣлъ мѣнять на новое. Знакомые даже стыдили его. А потомъ вдругъ поѣхалъ въ городъ и вернулся оттуда щеголемъ, во всемъ новомъ, и первымъ дѣломъ къ баушкѣ Лукерьѣ.

— Сватать Наташку пріѣхалъ, — шутилъ онъ. — Наташка, пойдешь за меня замужъ? Одними пряниками кормить буду...

Наташка, живя на Фотьянкѣ, выровнялась съ изумительной быстротой, какъ растеніе, поставленное на окно. Она и выросла, и пополнѣла, и зарумянилась — совсѣмъ невѣста. А глазами вся въ Ѳеню: такіе же упрямо-ласковые и спокойно-покорные. Кишкина она терпѣть не могла и пряталась отъ него. Она даже плакала, когда баушка посылала ее прислуживать Кишкину.

— Ну, недотрога-царевна, пойдешь за меня? — повторялъ Кишкинъ. — Лучше меня жениха не найдешь... Всего-то я поживу года три, а потомъ ты богатой вдовой останешься. Всѣ деньги на тебя въ духовной запишу... Съ деньгами-то потомъ любого да лучшаго жениха выбирай.

Дѣвушка только отрицательно качала головой и смотрѣла на жениха исподлобья. Впрочемъ, потомъ она стала смѣлѣе и даже потихоньку начала подсмѣиваться надъ смѣшнымъ старикомъ. Всего больше Кишкину нравилась Наташкина коса, тяжелая да толстая. У крестьянскихъ дѣвокъ никогда такихъ косъ не бываетъ. Кишкинъ часто любовался красавицей и начиналъ говорить глупости, совсѣмъ не гармонировавшія съ его сѣдинами. Въ сущности, онъ серьезно влюбился въ эту дикарку и думалъ о ней день и ночь. Эта старческая запоздалая страсть дѣлала его и смѣшнымъ и жалкимъ. Баушка Лукерья раньше другихъ смѣтила, въ чемъ дѣло, и по-своему эксплоатировала стариковское увлеченіе, подсылая Наташку за подарками. Только Кишкинъ не любилъ давать деньги, потому что зналъ, куда онѣ пойдутъ, а привозилъ разныя сласти, дешевенькія бусы, лежалаго ситцу.

— Ты ей приданое сдѣлай,—совѣтовала старуха.—Сирота не сирота, а въ томъ родѣ. Помрешь — поминать будетъ.

— Эхъ, баушка, баушка... Помереть всѣ помремъ, а лиха бѣда въ томъ, что мысли-то у меня молодыя. Пусть меня уважитъ Наташка, и приданое сдѣлаю... Всего-то въ гости ко мнѣ на Богоданку пріѣхать.

— Ишь чего захотѣлъ, старый песъ... Да за такія слова я тебя и въ домъ къ себѣ пущать не буду. Охальничать-то не пристало тебѣ...

— Шутки шучу...

Странныя дѣла творились въ дому у баушки Лукерьи. Наташкой она была довольна, но цѣлый рядъ недоразумѣній выходилъ изъ-за маленькаго Нетрупьки и отца, Яши Малаго. Старуха видѣть не могла ни того ни дру-

того, а Наташка убивалась по нимъ, какъ большая женщина. Дѣло кончилось тѣмъ, что она перетащила къ себѣ Петруньку и въ свободное время нѣстовала братишку гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ. Старуха выходила изъ себя и поѣдомъ ѣла Наташку. Она возненавидѣла ребенка какой-то слѣпой ненавистью и преслѣдовала его на каждомъ шагу. Много слезъ пролила Наташка изъ-за этой ненависти и сама возненавидѣла старуху.

— Объѣдаете меня...—корила баушка каждымъ кускомъ.—Не напасешься на васъ!.. Жилъ бы Петрунька у дѣдушки: старикъ побогаче насъ всѣхъ.

— Баушка, да вѣдь у дѣдушки и Анна съ ребятишками и Татьяна тоже. А мнѣ ничего не надо: только Петрунька бы со мной.

— А ты поразговаривай... Самоё кормятъ, такъ говори спасибо. Вонъ какую рожу наѣла на чужихъ-то хлѣбахъ...

Петрунька чувствовалъ себя очень скверно и цѣлые дни прятался отъ сердитой баушки, какъ пойманный звѣрекъ. Онъ только и ждалъ того времени, когда Наташка укладывала его спать съ собой. Наташка цѣлый день летала по всему дому стрѣлой, такъ что ногъ подъ собой не слышала, а тутъ находила и ласковыя слова, и сказку, и какіе-то бабьи наговоры, только бы Петрунька не скучалъ.

— Большимъ мужикомъ будешь, тогда меня кормить станешь,—говорила Наташка.—Зубовъ у меня не будетъ, ходить я буду съ костылемъ..

— Я старателемъ буду, какъ тятька... — говорилъ Петрунька.

Настоящимъ праздникомъ для этихъ заброшенныхъ дѣтей были рѣдкія появленія отца. Яша Малый прямо не смѣлъ появиться, а тайкомъ пробирался куда-нибудь въ огородъ и здѣсь выжидалъ. Наташка точно чувствовала присутствіе отца и птицей летѣла къ нему. Тайнъ между ними не было, и Яша разсказывалъ про всѣ свои дѣла, какъ Наташка про свои.

— Боюсь я, тятенька, этого старичонки Кишкина, — жаловалась Наташка.—Больно нехорошо глядитъ онъ... Уставится, инда совѣстно сдѣлается.

— Наплюй на него, Наташка... Это онъ отъ денегъ озорничать сталъ. Погоди, вотъ мы съ Тарасомъ обыщемъ золото... Мы сейчасъ у Кожина въ огородѣ робимъ. Золото нашли... Вся Тайбола ума рѣшилась, и всѣ кержаки по своимъ огородамъ роются, а конторѣ это обидно. Ониковъ-то штейгеровъ своихъ послалъ въ Тайболу: наша, слышь, дача. Что грѣха у нихъ, и не расхлебать... До драки дѣло доходило.

— Это все Тарасъ...—говорила серьезно Наташка.—Онъ вездѣ смутьянитъ. Въ Табойлѣ-то и слыхомъ не слыхать, чтобы золотомъ занимались. Отстать бы и тебѣ, тятька, отъ Тараса, потому совсѣмъ онъ пропащій человѣкъ... Вонъ жену Татьяну дѣдушкѣ на шею посадилъ съ ребятишками, а самъ шатуномъ шатается.

— И то брошу, — соглашался уныло Яша.—Только чуточку бы поправиться...

III.

Петръ Василычъ прошелъ прямо на Сиротку. Тамъ еще ничего не знали о его позорѣ, и онъ могъ хоть отдохнуть, чтобы опомниться и очувствоваться. Онъ былъ своимъ человѣкомъ здѣсь, и никто не обращалъ вниманія на его таинственныя исчезновенія и неожиданныя появленія. Послѣ исторіи съ Ястребовымъ онъ вообще сдѣлался разсѣяннымъ и разговаривалъ только съ Матюшкой. Добравшись до пріиска, Петръ Василычъ залегъ въ землянку да и не вылѣзалъ изъ нея цѣлыхъ два дня. Чего только онъ ни передумалъ, а выходило все скверно, какъ ни поверни. Ясно было только одно:

на Фотьянкѣ ему больше не жить. Мальчишки задразнятъ: драный! драный!.. И передъ своими тоже совѣстно. Нужно было уходить, куда глаза глядятъ. Мало ли золотыхъ промысловъ на сѣверѣ, на южномъ Уралѣ, въ „оренбургскихъ казакахъ“—вездѣ съ уздой можно походить. Эта мысль засѣла у него гвоздемъ, и Петръ Васильичъ лежалъ и думалъ:

„Ахъ, и жаль только свое родное мѣсто бросать, насиженное...“

— Да ты что̀ лежишь-то? — спросилъ наконецъ Матюшка. — Аль неможется?..

— Весь немогу...—глухо отвѣчалъ Петръ Васильичъ.

О своихъ планахъ и намѣреніяхъ онъ, конечно, не желалъ говорить никому, а всѣхъ меньше Матюшкѣ.

На Сироткѣ догадывались, что съ Петромъ Васильичемъ опять что-то вышло, и рѣшили, что или онъ попался съ краденымъ золотомъ, или его вздули старатели за провѣсъ. Съ такими-то дѣлами все равно головы не сносить. Впрочемъ, Матюшкѣ было не до мудренаго гостя: дѣла на Сироткѣ шли хуже и хуже, а Оксины деньги таяли въ карманѣ, какъ снѣгъ...

Главной ошибкой было то, что Матюшка не довольствовался малымъ и затрачивалъ деньги на развѣдки. Вѣдь одинъ разъ найти золото-то, такъ думаютъ всѣ, и такъ же думалъ Матюшка. Онъ сильно похудѣлъ отъ заботъ и неудачъ, а главное, отъ зависти: какихъ-нибудь десять верстъ податься по Мутяшкѣ до Богоданки, а тамъ золото такъ и валитъ. Въ хорошую погоду ясно можно было слышать свистокъ паровой машины, работавшей на Богоданкѣ, и Матюшка каждый разъ вздрагивалъ. Да, тамъ богатство, а здѣсь разореніе, нищета... Петръ Васильичъ тогда подтолкнулъ взять Сиротку, теперь съ ней и не расхлебаешься. Бывшій лакей Ганька, „подводившій“ пріисковыя книги, еще больше разстраивалъ Матюшку разными наговорами—тамъ богатое золото объявилось, въ другомъ мѣстѣ еще богаче, а въ третьемъ ужъ прямо „фунтитъ“, т.-е. со ста пудовъ песку даетъ по фунту золота. Положимъ, такого дикаго золота еще никто не видалъ, но чѣмъ нелѣпѣе слухъ, тѣмъ охотнѣе ему вѣрятъ въ такомъ азартномъ и рискованномъ дѣлѣ, какъ промысловое.

— И чего ты привязался къ Мутяшкѣ,—наговаривалъ Ганька. — Вонъ по Свистуньѣ, сказываютъ, какое золото, по Суходойкѣ тоже... На одну смывку съ вышгерта по десяти золотниковъ собираютъ. Это на Свистуньѣ, а на Суходойкѣ опять самородки... Ледянка тоже въ славу входитъ...

— Вездѣ золота много, только домой не носятъ. Супротивъ Богоданки всѣ протчія мѣста наплевать... Тѣмъ и живутъ, что другъ у дружки золото воруютъ.

Между прочимъ, Петръ Васильичъ заманилъ на Сиротку и тѣмъ, что здѣсь удобно было скупать всякое золото — и съ Богоданки и компанейское. Но и это не выгорѣло, потому что Петръ Васильичъ влетѣлъ въ исторію съ Ястребовымъ и остался безъ гроша денегъ, а на скупку нужны наличныя. До поры до времени Матюшка ничего не говорилъ Петру Васильичу, принимая во вниманіе его злоключеніе, а теперь хотѣлъ все выяснить, потому что денегъ оставалось совсѣмъ мало. Разсчитывать рабочихъ приходилось въ обрѣзъ. Хорошо, что свой братъ — потерпятъ, если и „недостача“ случится. Даже даромъ будутъ робить, ежели въ пай принять. Всѣ промысловые на одну колодку: ничего не жаль.

Выждавъ время, когда никого не было около избушки, Матюшка приступилъ къ Петру Васильичу съ серьезнымъ разговоромъ.

— Нѣтv денегъ-то, Петръ Васильичъ...—началъ Матюшка издали.

— Ненастье передъ вёдромъ бываетъ.

— Людей разсчитывать нечѣмъ. Кабы ты тогда не захвалился, такъ я ни въ жисть бы не сталъ робить на Сироткѣ...

— За волосы тебя никто не тащилъ! Свои глаза были... Да ты что̀ присталъ-то ко мнѣ, смола?.. Своего ума къ чужой кожѣ не пришьешь... Кабы у тебя умъ... что̀ я тебѣ наказывалъ-то, оболтусу? Самъ знаешь, что мнѣ на Богоданку дорога заказана...

Матюшка привыкъ слышать, какъ ругается Петръ Васильичъ, и не обратилъ никакого вниманія на его слова, а только подсѣлъ ближе и разсказалъ подробно о своихъ подходахъ.

— Захаживалъ я не одинова на Богоданку-то, Петръ Васильичъ... Задѣлье прикину да и заверну. Ну, конечно, къ Марьѣ — тоже не чужая, значитъ, мнѣ будетъ, тетка Оксѣ-то.

— Вся сила въ Марьѣ...

— Дура она, вотъ что̀ надо сказать! Имѣла и силу надъ Кишкинымъ, да толку не хватило... Извѣстно, баба-дура. Старичонка-то подсыпался къ ней и такъ и этакъ, а она тутъ себя и оказала дурой вполнѣ. Ну, много ли старику нужно? Одно любопытство осталось, а вреда никакого... Такъ нѣтъ, Марья сейчасъ на дыбы: да у меня мужъ, да я въ законѣ, а не какая-нибудь пріисковая гулеванка.

— Да ужъ рѣчистая баба: точно стрѣляетъ словами-то. Только и ты, Матюшка, дуракъ, ежели разобрать: Марья свое толмитъ, а ты ей свое. Этакому мужику да не обломать бабенки?.. Семенычъ-то у машины ходитъ, а ты ходилъ бы около Марьи... Поломается для порядку, а потомъ вся чужая и сдается: извѣстная бабья вѣра.

— Было и это...—сумрачно отвѣтилъ Матюшка, а потомъ разсмѣялся.— Оксюха вѣдь учуяла, что я около Марьи обихаживаю, и тоже на дыбы. Да вѣдь какую прыть оказала: чуть-чуть не зашибла меня. Вотъ какъ разозлилась, окаянная!.. Ну, я ее поучилъ малымъ дѣломъ, а она ночью-то на Богоданку какъ стрѣлитъ, да прямо къ Семенычу... Тотъ на дыбы, Марью сейчасъ избилъ, а меня пообѣщалъ застрѣлить, какъ только я носъ покажу на Богоданку.

— Ну, теперь твоя вся Марья, — рѣшилъ Петръ Васильичъ. — Тоже умѣючи надо и бабъ учить. Марья-то со злости что̀ хошь сдѣлаетъ.

— И то сдѣлаетъ... Подсылала ужъ ко мнѣ,—тихо проговорилъ Матюшка, оглядываясь.—А только мнѣ она, Марья-то, совсѣмъ не надобна, окромя того, чтобы вызнать, гдѣ ключи прячетъ Шишка... Кажный день, слышь, на новомъ мѣстѣ. Потомъ Марья же сказывала мнѣ, что онъ теперь зачастилъ больше къ баушкѣ Лукерьѣ и Наташку сватаетъ.

— Такъ, дуритъ... Комариное-то сало разыгралось.

— Марья и говоритъ, что иначе нельзя, какъ черезъ Наташку...

Послѣ короткой паузы Матюшка опять засмѣялся и прибавилъ:

— Окся ужо до тебя доберется, Петръ Васильичъ... Она и то обѣщаетъ разсчитаться съ тобой мелкими. „Это, гритъ, онъ, кривой чортъ, настроилъ тебя“... То-то дура... Я и боялся къ тебѣ подойти все время: пожалуй, какъ разъ вцѣпится... Ей бы только въ башку попало. Тебя да Марью хочетъ руками задавить.

Дальше разговоръ пошелъ уже совсѣмъ шопотомъ. Матюшка сидѣлъ, опустивъ въ раздумьѣ свою кудрявую голову, а Петръ Васильичъ говорилъ:

— Чего ждать-то?.. Все одно пропадать... а старичонкѣ много ли надо: двинулъ одинова, и не дыхнетъ...

Голова Матюшки сдѣлала отрицательное движеніе, а его могучее громадное тѣло отодвинулось отъ змѣя-искусителя. Землянка почти зашевелилась. „Ну, нѣтъ, братъ, я на это не согласенъ“,—безъ словъ отвѣтила голова Матюшки новымъ, еще болѣе энергичнымъ движеніемъ. Петръ Васильичъ тяжело дышалъ. Онъ сейчасъ ненавидѣлъ этого дурака Матюшку всей душой. Такъ бы и ударилъ его по пустой башкѣ чѣмъ попадя...

— Эй, кто живъ человѣкъ въ землянкѣ?—послышался веселый голосъ.

Петръ Васильичъ вздрогнулъ, узнавъ по голосу Мыльникова. Матюшка отскочилъ отъ него и сдѣлалъ видъ, что поправляетъ каменку. А Мыльниковъ былъ не одинъ: съ нимъ рядомъ стоялъ Ганька.

— Здѣсь...—шепталъ Ганька, показывая головой на землянку.—Третій день пластомъ лежитъ.

Ганька только-что узналъ отъ Мыльникова пикантную новость и сгоралъ отъ нетерпѣнія видѣть своими глазами дранаго Петра Васильича. Это было жадное лакейское любопытство. Мыльниковъ тоже былъ счастливъ, что первымъ принесъ на Сиротку любопытную вѣсточку.

— Кого тамъ чортъ принесъ? — отозвался Матюшка съ дѣланой грубостью.

— Такъ богоданныхъ родителевъ принимаютъ?—обидѣлся Мыльниковъ, просовывая свою голову въ дверь.—Въ гости пришелъ, зятекъ...

— Милости просимъ... Проходите почаще мимо-то, тестюшка...

Мыльниковъ уставился на Петра Васильича, который лежалъ неподвижно на нарахъ.

— Чего ощерился, какъ свинья на мерзлую кочку?—предупредилъ его Петръ Васильичъ съ глухой злобой.—Я самый и есть... Ты вѣдь за тридцать верстъ прибѣжалъ, чтобы разсказать, какъ меня въ волости драли. Ну, драли! Вотъ и гляди: я самый... Ты вѣдь за этимъ пришелъ?

Петръ Васильичъ дико захохоталъ, а голова Мыльникова мгновенно скрылась. Матюшка торопливо вышелъ изъ землянки и накинулся на незваного гостя.

— Что тебѣ здѣсь понадобилось, Тарасъ? Уходи добромъ, пока цѣлъ...

— Мнѣ бы Оксю повидать...—бормоталъ виновато Мыльниковъ.—Больно я по ней соскучился... Сказываютъ, брюхатая она.

— Не твое дѣло... Проваливай. А ты, Ганька, тоже съ нимъ можешь итти, коли глянется.

Къ общему удивленію, показался Петръ Васильичъ и проговорилъ:

— Матюшка, не тронь, въ самъ-дѣлѣ, Тараса... Его причины тутъ нѣтъ. Такъ онъ, по своему малодушеству...

— Да я тебя-то жалѣючи, Петръ Васильичъ!—заговорилъ Мыльниковъ, набираясь храбрости.—Какое такое полное право волостные старики имѣютъ, напримѣрно, драть тебя?.. Да я ихъ вотъ какъ распатроню... Прямо губернатору бумагу подать, а то въ правительственный синодъ. Найдемъ дорогу, не безпокойся...

Эта болтовня не встрѣтила никакого отвѣта. Матюшка упорно отворачивался отъ дорогого тестюшки, Ганька шмыгалъ глазами, подыскивая предлогъ, чтобы удрать, а Петръ Васильичъ вызывающе смотрѣлъ на Мыльникова своимъ единственнымъ окомъ, точно хотѣлъ его съѣсть.

— Что же, я и уйду,—рѣшилъ вдругъ Мыльниковъ.—Нахлебался у зятя щей черезъ заборъ шляпой... эхъ, роденька!..

Онъ прошелъ на пріискъ и разыскалъ Оксю, которая, дѣйствительно, находилась въ интересномъ положеніи. Она видимо обрадовалась отцу, чѣмъ

и удивила и тронула его. Грядущее материнство сгладило прежнюю мужиковатость Окси, хотя красивѣй она не сдѣлалась. Усадивъ отца на пустые вымостки, Окся разспрашивала про мать, про родныхъ, а потомъ спокойно проговорила:

— Помру скоро, тятя...

— Перестань молоть!.. Это для перваго разу страшно, а бабы живущи...

— Нѣтъ, помру... Кланяйся мамынькѣ. Такъ и скажи ей...

Петръ Васильичъ и Матюшка ушли съ Сироткй вмѣстѣ и такъ шли до самой Богоданки. Въ виду самаго пріиска Петръ Васильичъ остановился и тяжело вздохнулъ.

— Вотъ какъ поворачиваетъ Кишкинъ, братецъ ты мой!.. Красота... Помирать не надо. А прежняго мѣста и званья не осталось...

Промысловые волки долго любовались работавшимъ богатымъ пріискомъ, какъ настоящіе артисты. Эти громадные отвалы и свалка верховика и перемывокъ, правильные квадраты глубокихъ выемокъ, гдѣ добывался золотоносный песокъ, бутара, приводимая въ движеніе паровой машиной, новенькая контора на взгорьѣ, а тамъ, въ глубинѣ дымки старательскихъ огней, кучи свѣжаго хвороста и движущіяся тачки рабочихъ—все это было до того близкое, родное, кровное, что отъ нѣмого восторга духъ захватывало. Это настоящая работа, настоящее золото, недосягаемая мечта, высшій идеалъ, до котораго только въ состояніи подняться промысловое воображеніе. Духъ захватываетъ, глядя на такую работу, не то, что на Сироткѣ, гдѣ копнуто тамъ, копнуто въ другомъ мѣстѣ, копнуто въ третьемъ, а настоящаго ничего.

Петръ Васильичъ остался, а Матюшка пошелъ къ конторѣ. Онъ шелъ [illegible]ленно, развалистымъ мужицкимъ шагомъ, приглядывая новыя работы. Се[illegible]ичъ теперь у своей машины руководствуетъ, а Марья управляется въ коп[illegible]ь бабьимъ дѣломъ одна. Самое подходящее время, если бы еще старый [illegible]ужъ не вернулся. Подъ новенькимъ навѣсомъ у самой конторы стоялъ но[illegible]енькій тарантасъ, въ которомъ ѣздилъ Кишкинъ въ городъ сдавать золото, рядомъ новенькія конюшни, новенькій амбаръ—все съ иголочки, все какъ только-что облупленное яичко.

А Марья уже завидѣла гостя, и ея улыбающееся лицо мелькаетъ въ окнѣ.

— Наше вамъ, Марья Родивоновна... Легко ли прыгаете?..

— Не до прыганья, Матюшка; извелась въ конецъ.

— Какая такая причина случилась?

— По одномъ подломъ человѣкѣ сохну... Я-то сохну, а ему, кудрявому, и горюшка мало.

— Тоже навяжется лихо...

Марья болтаетъ, а сама смѣется и глазами въ Матюшку такъ упирается, что ему даже жутко дѣлается. Впрочемъ, онъ встряхиваетъ своими кудрями и подсаживается на завалинку, чтобы выкурить цыгарку, а потомъ ужъ идетъ въ Марьину горенку; Марья вдругъ стихаетъ, мѣшается и смотритъ на Матюшку какими-то радостно-испуганными глазами. Какой онъ большой въ этой горенкѣ,—Семенычъ предъ нимъ цыпленокъ.

— Ну, такъ какъ же, Марья Родивоновна?

— Да все то же, Матюшка... Давно не видались, а пришелъ—и сказать нечего. Я ужъ за упокой собиралась тебя помянать... Жена у тебя, сказываютъ, на тѣхъ порахъ, такъ объ ней заботишься?..

— Экій у тебя языкъ, Марья...

Марья наклонилась, чтобы достать какое-то угощенье изъ-за лавки, какъ

двѣ сильныхъ волосатыхъ руки схватили ее и подняли, какъ перышко. Она только жалобно пискнула и замерла.

— Чортъ, отстань...

— Выходи ужо въ лѣсъ... Выйдешь?..

— Да ты ошалѣлъ никакъ? Ступай къ своей-то Оксѣ и спроси ее, куда мнѣ приходить... Отпусти, медвѣдь!..

Марья плохо помнила, какъ ушелъ Матюшка. У ней сладко кружилась голова, дрожали ноги, опускались руки... Хотѣла плакать и смѣяться, а тутъ еще свой бабій страхъ. Вотъ сейчасъ она честная мужняя жена, а выйди въ лѣсъ—и пропала... Вспомнивъ про объятія Матюшки, она сердито отплюнулась. Вотъ охальникъ!.. Потомъ Марья вдругъ расплакалась... Присѣла къ окну, облокотилась и залилась рѣкой. Семенычъ, завернувшій вечеркомъ напиться чаю, нашелъ жену съ заплаканнымъ лицомъ.

— Ты это что?—спросилъ онъ участливо.

— Да такъ... голова болитъ... скучно..

Семенычъ былъ добрый и обходительный мужъ. Никогда слова поперечнаго не скажетъ. Марьѣ сдѣлалось ужасно стыдно, и она чуть удержалась, чтобы не разсказать про охальство Матюшки. Но, взглянувъ на Семеныча и мысленно сравнивая его съ могучимъ Матюшкой, она промолчала: зачѣмъ напрасно тревожить мужа? Полѣзетъ онъ на Матюшку съ дракой, а Матюшка его однимъ пальцемъ раздавитъ. Сама виновата, ежели разобрать. Доигралась... Нѣтъ, впередъ этого ужъ не будетъ. „Выходи въ лѣсъ“, говоритъ. Тоже нашелъ дуру! Такъ и побѣжала, какъ собачка... Да какъ онъ смѣетъ, вахлакъ, такія рѣчи говорить?..

До самаго вечера Марья проходила въ какомъ-то туманѣ, и все ее злость разбирала сильнѣе. То-то охальникъ: и мѣсто назначилъ—на розстани, гдѣ отъ дороги въ Фотьянку отдѣляется тропа на Сиротку. Семенычъ улегся спать рано, потому что за день у машины намаялся, да и вставать утромъ на брезгу. Лежитъ Марья рядомъ съ мужемъ, а мысли бѣгутъ по дорогѣ въ Фотьянку, къ розстани.

„Поди, думаетъ, лѣшій, что я его испугалась,—подумала она и улыбнулась.—Ахъ, дуракъ, дуракъ... Нѣтъ, я еще ему покажу, какъ мужнюю жену своими граблями царапать!.. Небо съ овчинку покажется... Не на таковскую напалъ. Испугалъ... ха-ха!..“

Марья поднялась, прислушалась къ тяжелому дыханію мужа и тихонько скользнула съ постели. Накинувъ сарафанъ и старое платьишко, она, какъ тѣнь, вышла изъ горенки, постояла на крылечкѣ, прислушалась и торопливо пошла къ лѣсу.

IV.

Разъ вечеромъ баушка Лукерья была до того удивлена, что даже не могла слова сказать, а только отмахивалась обѣими руками, точно предъ ней явилось привидѣніе. Она только-что вывернулась изъ передней избы въ погребушку, пересчитала тамъ утренній удой по кринкамъ, поднялась на крылечко и остановилась, какъ вкопанная: передъ ней стоялъ Родіонъ Потапычъ.

— Да ты давно онѣмѣла, что ли?—сердито проговорилъ старикъ и, повернувшись, пошелъ въ переднюю избу.

Наташка, завидѣвшая сердитаго дѣда въ окно, спряталась куда-то, какъ мышь. Да и сама баушка Лукерья трухнула: ничего худого не сдѣлала, а страшно. „Пожалуй, за дочерей пришелъ отчитывать“,—мелькнуло у ней въ

головѣ. По дорогѣ она даже подумала, какой отвѣтъ дать. Родіонъ Потапычъ зашелъ въ избу, помолился въ передній уголъ и присѣлъ на лавку.

— Случай вышелъ къ тебѣ...—заговорилъ старикъ, добывая изъ кармана окровавленный платокъ.—Вотъ, погляди, старуха.

Въ платкѣ лежали бережно завернутые четыре переднихъ зуба. Баушка Лукерья „ужахнулась“ бабьимъ дѣломъ, но ничего не могла понять.

— Гдѣ взялъ-то?—спросила она, чувствуя, что говоритъ совсѣмъ не то.

— Не укралъ, а свои собственные...

Въ подтвержденіе своихъ словъ старикъ раскрылъ ротъ и показалъ окровавленныя десны. Теперь баушка ахнула уже отъ чистаго сердца.

— Гдѣ это тебя угораздило-то?

— Въ шахтѣ.. Заложилъ четыре патрона, поджогъ фитиля: разъ ударило, два ударило, три, а четвертаго нѣтъ. Что такое, думаю, случилось?.. Выждалъ съ минуту и пошелъ поглядѣть. Фитиль-то догорѣлъ, почитай, до самаго патрона, да и заглохъ, ну, я добылъ спичку, подпалилъ его, а онъ опять гаснетъ. Ну, я наклонился и началъ раздувать, а тутъ ка-акъ чебурахнетъ... Опомнился я уже наверху, куда меня замертво выволокли. Самъ цѣлъ остался, а зубы повредило, самъ ихъ добылъ...

— Ахъ, батюшки... да какъ это тебя угораздило-то?

— Вотъ и пришелъ... Нѣтъ ли у тебя какого средствія кровь унять да противъ опуха: щеку дуетъ. Къ фершалу стыдно ѣхать, а вы, бабы, все знаете... Можетъ, и зубы на старое мѣсто можно будетъ вставить?

— Нѣтъ, этого нельзя, а кровь уймемъ... Есть такая травка.

Къ особенностямъ Родіона Потапыча принадлежало и то, что онъ самъ никогда не хворалъ и въ другихъ не признавалъ болѣзней, считая ихъ притворствомъ, т.-е. такія болѣзни, какъ головная боль, лихоманка, горячка, „сердце схватило“, „весь немогу“ и т. д. Всякая болѣзнь въ его глазахъ являлась только предлогомъ не работать. Изъ-за этого происходили часто трагикомическіе случаи. Еще при покойномъ Карачунскомъ одному рабочему придавило въ шахтѣ ногу. Его отправили въ больницу. Это до того возмутило старика, что онъ сейчасъ же заявился къ Карачунскому съ формальной жалобой:

— Это онъ нарочно, Степанъ Романычъ.

— Какъ нарочно? Фельдшеръ говоритъ, что кости повреждены и, можетъ-быть, придется даже отнять ногу...

— Нарочно, Степанъ Романычъ, ногу подставилъ, чтобы въ больницѣ полежать, а потомъ пенсію будетъ кляньчить... Извѣстно, какой нашъ народъ.

Въ восемьдесятъ лѣтъ у Родіона Потапыча сохранились всѣ зубы до одного, и онъ теперь искренне удивлялся, какъ это могло случиться, что вышибло „діомидомъ“ сразу четыре зуба. На лицѣ не было ни одной царапины. Другого разнесло бы въ крохи, а старикъ поплатился только передними зубами. „Все на счастливаго“, какъ говорили рабочіе.

Старуха сбѣгала въ заднюю избу, порылась въ сундукахъ и натащила разнаго старушечьяго снадобья: и коренья, и травы, и наговоренной соли, и еще какого-то мудренаго зелья, завернутаго въ тряпочку. Родіонъ Потапычъ принималъ все съ какой-то дѣтской покорностью, точно удивлялся самому себѣ, что дошелъ до такого ничтожества.

— А вотъ это къ ночи прими,—наставительно повторяла старуха,— кровь разбиваетъ... Хорошее способіе отъ безсонницы, али кто нехорошо задумываться начинаетъ.

Родіонъ Потапычъ улыбнулся.

— И то меня за сумасшедшаго принимаютъ,—заговорилъ онъ, покачавъ головой.—Еще покойничекъ Степанъ Романычъ такъ-то надумалъ... Для него-то я и былъ, пожалуй, сумасшедшій съ этой Рублихой, а для Оникова и за умнаго сойду. Однимъ словомъ, пустой колосъ кверху голову носитъ... Тошно смотрѣть-то.

— Всѣ жалятся на него...—замѣтила баушка Лукерья.—Затѣснилъ совсѣмъ старателей-то... Тоже вѣдь живые люди: пить-ѣсть хотятъ...

— И старателей зря тѣснитъ, и своего поведенія не понимаетъ.

Оглядѣвшись и понизивъ тонъ, старикъ прибавилъ:

— А у меня ужъ скоро Рублиха-то подастся... да. Легкое мѣсто сказать, два года около нея бьемся, и большихъ тысячъ это самое дѣло стоитъ. Какъ подумаю, что при Оникovѣ все дѣло оправдается, такъ даже жутко сдѣлается. Не для его глупой головы удумана штука... Онъ-то теперь льнетъ ко мнѣ, да мнѣ-то его даромъ не надо.

Еще болѣе понизивъ голосъ, старикъ прошепталъ на ухо баушкѣ Лукерьѣ:

— Приходилъ вѣдь ко мнѣ Степанъ-то Романычъ...

— Съ нами крестная сила!..

— Вѣрно тебѣ говорю... Спустился я ночью въ шахту, пошелъ посмотрѣть штольню и слышу, какъ онъ идетъ за мной. Ужъ я ли его шаги не зналъ!..

— А-ахъ, ба-атюшки... Да я бы на мѣстѣ померла.

— Ну, раньше смерти не помрешь. Только не надо оборачиваться въ такихъ дѣлахъ... Ну, иду я, онъ за мной, повернулъ я въ штрекъ, и онъ въ штрекъ. Въ одномъ мѣстѣ надо на четверенькахъ проползти, чтобы въ разсѣчку выйти—я проползъ и слушаю. И онъ за мной ползетъ... Слышно, какъ по хрящу шуршитъ и какъ подъ нимъ хрящъ-то осыпаетъ. Ну, тутъ ужъ, признаться, и я струхнулъ. Главная причина, что безъ покаянія кончился Степанъ-то Романычъ, ну, и бродитъ теперь...

— Почему же около шахты ему бродить?..

— А почему онъ порѣшилъ себя около шахты?.. Неприкаянная кровь пролилась въ землю.

— Ну, такъ что дальше-то было?—спрашивала баушка Лукерья, сгорая отъ любопытства.—Слушать-то страсти...

— Дальше-то вотъ и было... Повернулся я, а онъ изъ штрека-то и вылѣзаетъ на меня.

— Батюшки!.. Угодники... Ой, смертынька!

— А я опять знаю, что двигаться нельзя въ такихъ дѣлахъ. Стою и не шевелюсь. Вылѣзъ онъ и прямо на меня... блѣдный такой... глаза опущены, будто что по землѣ ищетъ. Признаться тебѣ сказать, у меня по спинѣ мурашки побѣжали, когда онъ мимо прошелъ, совсѣмъ близко, чуть локтемъ не задѣлъ.

Родіонъ Потапычъ перевелъ духъ. Баушка Лукерья вся дрожала со страху и даже перекрестилась нѣсколько разъ.

— Ну, и безстрашный ты человѣкъ, Родіонъ Потапычъ!

— Ты слушай дальше-то: онъ отъ меня, а я за нимъ... Страшновато, а я ужъ пошелъ на отчаянность: что будетъ. Завелъ онъ меня въ одну разсѣчку да прямо въ стѣну и ушелъ, въ забой. Теперь понимаешь?

— Ничего я не понимаю, голубчикъ. Обмерла, слушавши-то тебя...

— А я понялъ: онъ мнѣ показалъ, гдѣ жила спряталась.

— А вѣдь и то... Ахъ, глупая я какая!...

— Ну, я тутъ на другой же день и поставилъ работы, а мнѣ по первому разу зубы и вышибло, потому какъ не совсѣмъ чистое дѣло-то...

— А что ты думаешь, вѣдь правильно!.. Надо бы попа позвать да отчитать хорошенько...

Въ этотъ моментъ подъ окнами загремѣлъ колокольчикъ, и остановилась взмыленная тройка. Баушка Лукерья даже вздрогнула, а потомъ проговорила;

— Погляди-ка, какъ нашъ Кишкинъ отличается... Прежде Ястребовъ такъ-то ѣздилъ, голубчикъ нашъ.

Родіонъ Потапычъ только нахмурился, но не двинулся съ мѣста. Старуха всполошилась: какъ бы еще чего не вышло. Кишкинъ вошелъ къ избу совсѣмъ веселый. Онъ ѣхалъ съ обѣда отъ горнаго секретаря.

— Передохнуть завернулъ, баушка,—весело говорилъ онъ, не снимая картуза.—Да и лошадямъ надо подобрать мыло. Запозднился малымъ дѣломъ... Дорога лѣсная, пожалуй, засвѣтло не доберусь до своей Богоданки.

— Здравствуй, Андронъ Евстратычъ... Разбогатѣлъ, такъ и узнавать не хочешь,—заговорилъ Зыковъ, поднимаясь съ лавки

— Ахъ, Родіонъ Потапычъ!—обрадовался Кишкинъ—А я-то и не узналъ тебя. Давненько не видались... Когда въ послѣдній-то разъ мы съ тобой встрѣтились? Ахъ, да, вотъ здѣсь-то у слѣдователя. Еще ты меня стрямилъ...

— Мало стрямилъ-то, Андронъ Евстратычъ, потому какъ по твоему малодушеству не такъ бы слѣдовало...

— Правильно, Родіонъ Потапычъ, кабы зналъ да вѣдалъ, разѣ бы довелъ себя до этого, а теперь уже поздно... Голодный-то и архирей украдетъ.

— Претитъ, значитъ совѣсть-то? Ахъ, Андронъ Евстратычъ, Андронъ Евстратычъ..

— Отъ бѣдноты это приключилось,—объяснила баушка Лукерья, чтобы прекратить непріятный разговоръ.—Всѣ мы такъ-то: въ чужомъ рту кусокъ великъ...

— Черезъ тебя въ землю-то ушелъ Степанъ Романычъ,—наступалъ старый штейгеръ.—Истинно черезъ тебя... Мѣтилъ ты въ другихъ, а попалъ въ него.

— Такъ ужъ случилось...—смущенно повторялъ Кишкинъ.—Разѣ я теперь радъ этому?.. И то онъ, Степанъ-то Романычъ, какъ-то привидѣлся мнѣ во снѣ, такъ я напринялся страху. Панихиду отслужилъ по немъ, такъ будто полегче стало...

Родіонъ Потапычъ и баушка Лукерья переглянулись, а потомъ старикъ проговорилъ:

— Старинные люди, Андронъ Евстратычъ, такъ сказывали: покойникъ у воротъ не стоитъ, а свое возьметъ... А между прочимъ, твое дѣло, тебѣ ближе знать.

Наступило неловкое молчаніе. Кишкинъ жалѣлъ, что не во-время попалъ къ баушкѣ Лукерьѣ, и тянулъ время отъѣзда,—пожалуй, подумаютъ что онъ бѣжитъ.

— Ты бы переночевалъ?—предлагала баушка Лукерья.—Куда, на ночь глядя, поѣдешь-то?

— А мнѣ пора, въ самъ-дѣлѣ!..—поднялся Кишкинъ.—Только-только поспѣю засвѣтло-то!.. Баушка, посылай поклончикъ любезному сынку Петру Васильичу. Онъ на Сироткѣ теперь околачивается... Шабашъ, братъ: и узду забылъ и вѣсы—все ремесло.

— Охъ, и не говори,—застонала баушка Лукерья.—Домой-то и глазъ не кажетъ. Не знаю, что ужъ теперь и будетъ.

— Ничего, обмякнетъ, дай время,—успокаивалъ Кишкинъ.—До свѣжихъ вѣниковъ не забудетъ...

— А ты напрасно, баушка, острамила своего Петра Васильича,—вступился Родіонъ Потапычъ.—Поучить слѣдовало, это вѣрно, а только онять не на людяхъ... Въ самъ-то дѣлѣ, мужику теперь ни взадъ ни впередъ ходу нѣтъ. За рукомесло за его похвалить тоже нельзя, да вѣдь всѣ вы тутъ оболоунѣли и послѣдняго ума рѣшились... Нѣтъ, не ладно. Хоть бы со мной посовѣтовались: вмѣстѣ бы и поучили.

Когда Кишкинъ вышелъ за ворота, то увидѣлъ на завалинкѣ Наташку, которая сидѣла здѣсь вмѣстѣ съ братишкой,—она выжидала, когда сердитый дѣдушка уйдетъ.

— Ты это что, птаха, по заугольямъ прячешься?—спрашивалъ Кишкинъ, усаживаясь въ тарантасъ.

— Дѣдушки боюсь...—откровенно призналась Наташка, краснѣя дѣтскимъ румянцемъ.

— Ну, страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ... Поѣдемъ ко мнѣ въ гости?..

Когда лошади тронулись и дрогнули колокольчики подъ дугой, торопливо выскочила за ворота баушка Лукерья.

— Постой-ка, Андроніъ Евстратычъ!..—кричала она задыхавшимся голосомъ.—Возьми ужо деньги-то отъ меня...

— Ага... а гдѣ ты раньше-то была? Нѣтъ, теперь ты походи за мной, а мнѣ твоихъ денегъ не надо...

Тарантасъ укатилъ, заливаясь колокольчиками, а баушка Лукерья осталась со своими деньгами, завязанными въ старенькій платокъ. Она постояла на мѣстѣ, что-то пробормотала и, пошатываясь, побрела назадъ. Замѣтивъ Наташку, она ее обругала и дала тычка.

— Вотъ дармоѣды навязались!..—ворчала раздосадованная старуха.—Богадѣльня у меня, что ли?..

Родіонъ Потапычъ противъ обыкновенія засидѣлся у баушки Лукерьи. Это даже удивило старуху: не таковскій человѣкъ, чтобы задарма время проводить.

— И впрямь, надо полагать, съ ума схожу,—печально проговорилъ старикъ, разглаживая бороду.—Никакъ даже не пойму, что къ чему... Прежнее-то все понимаю, а нынѣшнее въ умъ не возьму. Измотыжился народъ вконецъ...

— Охъ, и не говори!..

— Что мужики, что бабы—всѣ точно очумѣлые ходятъ. Недалеко ходить, хоть тебя взять, баушка. Обжадничала и ты на старости лѣтъ... Отъ жадности и съ сыномъ вздорила, а теперь оба плакать будете. И всѣ такъ-то... Раздумаешься этакъ-то, и сдѣлается тошно... Ушелъ бы, куда глаза глядятъ, только бы не видать и не слыхать про ваши-то художества.

Баушка Лукерья угнетенно молчала. Въ лицѣ Родіона Потапыча передъ ней всталъ позабытый старый міръ, гдѣ все было такъ строго, ясно и просто и гдѣ баба чувствовала себя только бабой. Сказалась старая „расейка", несшая на своихъ бабьихъ плечахъ всяческую тяготу. Развѣ можно примѣнить нонѣшнюю бабу, особенно промысловую? Ихъ точно вѣтромъ дуетъ въ разныя стороны. Настоящая безпастушная скотина... Не стало, главное, строгости никакой, а мужикъ измалодушествовался. Правильно говоритъ Родіонъ-то Потапычъ.

Старики разговорились про старину и на время забыли про настоящее,

чреватое непонятными для нихъ интересами, заботами и пакостями. Теперь только поняла баушка Лукерья, зачѣмъ приходилъ Родіонъ Потапычъ: тошно ему, а отвести душу не съ кѣмъ.

Родіонъ Потапычъ ушелъ уже въ сумеркахъ. Ему не хотѣлось итти черезъ Фотьянку при дневномъ свѣтѣ, чтобы не встрѣчаться съ галдѣвшимъ у кабака народомъ. Фотьянка вечеромъ заживала лихорадочной жизнью. Съ ближайшихъ промысловъ съѣзжались всѣ рабочіе, и около кабака была настоящая давка. Родіонъ Потапычъ обошелъ подальше проклятое мѣсто, гудѣвшее пьяными голосами, звуками гармоній, пѣснями и ораньемъ, спустился къ Балчуговкѣ и только ступилъ на мостъ, какъ Ульяновъ кряжъ весь заалѣлся отъ зарева. Оглянувшись, онъ подумалъ, что горитъ кабакъ... Вечеръ былъ тихій, и пламя поднималось столбомъ.

— Да вѣдь это баушка Лукерья горитъ!—вскрикнулъ старикъ, бѣгомъ бросаясь назадъ.

Дѣйствительно, горѣлъ домъ Петра Васильича, занявшійся съ задней избы. Громадное пламя такъ и пожирало старую стройку изъ кондоваго лѣса, только трескъ стоялъ, точно кто зубами отдиралъ бревна. Вся Фотьянка была уже на мѣстѣ дѣйствія. Крикъ, гвалтъ, суматоха и никакой помощи. У волостного правленія стояли четыре бочки и пожарная машина, но бочки разсохлись, а у машины не могли найти кишки. Да и безполезно было: слишкомъ ужъ сильно занялся пожаръ, и все равно сгоритъ до тла весь домъ.

— Самъ поджогъ свой-то домъ!..—галдѣлъ народъ, запрудившій улицу и мѣшавшій работавшимъ на пожарищѣ.—Не даромъ тогда грозился въ волости выжечь всю Фотьянку. Въ огонь бы его, кривого пса!..

— Сказываютъ, дѣвчонка его видѣла!.. Онъ съ огородовъ подкрался и карасиномъ облилъ заднюю-то избу.

Родіонъ Потапычъ никакъ не могъ найти въ толпѣ баушку Лукерью.

— Да она, надо полагать, тово...—объяснилъ неизвѣстный мужикъ.—Въ самое пальмо попала. Бросилась, слышь, за деньгами, да и задохлась.

Старикъ въ ужасѣ перекрестился.

V.

На другой же день послѣ пожара въ Фотьянку пріѣхала Марья. Она первымъ дѣломъ разыскала Наташку съ Петрункой, пріютившихся у сосѣдей. Дѣти обрадовались теткѣ послѣ ночного переполоха, какъ радуются своему и близкому человѣку только при такихъ обстоятельствахъ. Наташка даже расплакалась съ радости.

— Тетя, родная, что только и было,—разсказывала она, припадая къ Марьѣ.—И разсказывать-то—такъ одна страсть...

— Дѣдушка-то зачѣмъ былъ?

— А такъ навернулся... До сумерекъ сидѣлъ и все съ баушкой разговаривалъ. Я съ Петрункой на завалинкѣ все сидѣла: боялась ему на глаза попасть. А тутъ Петрунька спать захотѣлъ... Я его въ сѣнки потихоньку и свела. Укладываю, а въ оконце—отдушинка у насъ махонькая въ стѣнѣ продѣлана,—въ оконце-то и вижу, какъ черезъ огородъ человѣкъ крадется. И вижу, несетъ онъ въ рукахъ буракъ берестяный и прямо къ задней избѣ, да изъ бурака на стѣнку и плещетъ. Испугалась я, хотѣла крикнуть, а гляжу: это дядя Петръ Васильичъ... ей-Богу, тетя, онъ!..

— Ужъ это ты врешь, Наташка. Тебѣ со страху показалось... Да и какъ ты въ сумерки могла разглядѣть?.. Петръ Васильичъ на пріискѣ былъ въ это время... Ну, потомъ-то что было?

— А потомъ я хотѣла позвать баушку, да побоялась. Ну, какъ дѣдушка ушелъ, я только къ баушкѣ, а она какъ на меня зыкнетъ... Цѣлый день она сердилась на меня за Петруньку. Ну, я со страху и замолчала. А тутъ баушка погнала въ погребъ... Выскочила я изъ погреба-то, а на дворѣ дымъ и огонь въ задней избѣ... Я забѣжала въ сѣнки, схватила Петруньку и не помню, какъ выволокла на улицу соннаго... А баушки нѣтъ... Я опять въ сѣнки, а баушка на моихъ глазахъ въ заднюю избу бросилась, прямо въ огонь. Она за сундукомъ это... Тамъ ее и нашли, около сундука... Обгорѣла вся... ничего не узнать...

Наташка въ заключеніе такъ разрыдалась, что Марьѣ пришлось отваживаться съ ней.

— Народъ-то все Петра Васильича искалъ, — продолжала Наташка, — все хотѣли его въ огонь бросить...

— А ты бы еще больше болтала, глупая!.. Все изъ-за тебя... Ежели будутъ спрашивать, такъ и говори, что никого не видала, а наболтала со страху.

— Да я видѣла...

— Молчи, дура!.. Изъ-за твоихъ-то словъ вѣдь въ Сибирь сошлютъ Петра Васильича. Теперь поняла?.. И спрашивать будутъ, говори одно: ничего не знаю.

Пожарище представляло собой страшную картину. За ночь точно языкомъ слизнуло цѣлыхъ три дома. Торчали печныя трубы да обгорѣлые столбы. Около мѣста, гдѣ стояла задняя изба баушки Лукерьи, толкался народъ. Тамъ, среди обгорѣлыхъ бревенъ, лежало обуглившееся, неузнаваемое „мертво тѣло“ самой баушки Лукерьи. Чья-то добрая рука прикрыла его бѣлымъ половикомъ. Отъ волости былъ наряженъ сотскій, который сторожилъ мертвое тѣло до пріѣзда станового. Отъ этой картины даже у Марьи сердце сжалось, особенно когда она узнала валявшіяся около баушки Лукерьи желѣзныя скобы отъ ея завѣтнаго сундука... Вѣроятно, старуха такъ и задохлась на своемъ сокровищѣ. Народъ усиленно галдѣлъ. Всѣ ругали Петра Васильича. Марья попробовала-было заступиться за него, но ее чуть не прибили.

— Мы его, пса, еще утихомиримъ!.. Его работа... Самъ грозился въ волости выжечь всю Фотьянку.

Вообще народъ былъ взбудораженъ. Погорѣвшіе сосѣди еще больше разжигали общее озлобленіе. Ревѣли и голосили бабы, погорѣвшіе мужики мрачно молчали, а общественное мнѣніе продолжало свое дѣло.

— Надо его своимъ судомъ, кривого чорта!.. А становой что̀ подѣлаетъ... Поджогъ, а руки-ноги не оставилъ. Удавить его мало, вотъ это какое дѣло!..

Такимъ образомъ Петръ Васильичъ былъ объявленъ внѣ закона. Даже не собирали уликъ, не допрашивали больше Наташки: дѣло было ясно, какъ день.

На пожарищѣ Марья столкнулась носомъ къ носу съ Ермошкой, который нарочно пришелъ изъ Балчуговскаго завода, чтобы посмотрѣть на пожарище и на сгорѣвшую старуху...

— Приказала баушка Лукерья долго жить, — замѣтилъ онъ, здороваясь съ Марьей. — Главная причина — безъ покаянія старушка окончаніе приняла. Весьма жаль... А промежду протчимъ, очень древняя старушка была, пора костямъ и на покой, кабы только по всей формѣ это самое дѣло вышло.

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ, Ермолай Семенычъ... Кому ужъ гдѣ Господь кончину пошлетъ.

— Это точно-съ. Всѣ мы люди-человѣки, Марья Родивоновна, и всѣ мы

помремъ... Сказываютъ, старушка на сундучкѣ такъ и сгорѣла? Ахъ, неправильно это вышло...

— Мало ли что зря болтаютъ! Просто, опахнуло старушку дымомъ, ну и обезпамятѣла... Много ли старому человѣку нужно! А про сундучокъ это зря болтаютъ.

— Конечно, зря, а я только къ слову. До свиданія, Марья Родивоновна... Поклонъ Андрону Евстратычу. Скоро въ гости къ нему пріѣду.

— Милости просимъ...

Ермошка отошелъ, но вернулся и, оглядываясь, проговорилъ:

— А моя-то Дарья пластъ-пластомъ лежитъ... Не-сегодня-завтра кончится. Ужъ такъ-то она рада этому самому...

Поймавъ улыбку Марьи, опъ смущенно прибавилъ:

— Вы не подумайте, чтобы черезъ мои руки она помирала... Пальцемъ не тронулъ. Прежде случалось, а теперь ни Боже мой...

— Жениться будете?

— Какъ сорочины минуютъ, подумываю... Вотъ вы-то меня не дождались, Марья Родивоновна!..

— Сватайте Наташку: она лицомъ-то вся въ Ѳеню. Я ее къ себѣ на Богоданку увезу погостить...

— А вѣдь оно тово, дѣйствительно, Марья Родивоновна, статья подходящая... ей-Богу!.. Такъ ужъ вы, тово, не оставьте насъ своею милостью... Ужо подарочекъ привезу. Только вотъ Дарья бы померла, а тамъ живой рукой все оборудуемъ. Ѳедосья-то Родивоновна въ городъ переѣхала... Я какъ-то ее встрѣтилъ. Блѣдная такая стала да худенькая...

Марьѣ пришлось прожить на Фотьянкѣ дня три, но она все-таки не могла дождаться баушкиныхъ похоронъ. Да надо было и Наташку поскорѣе къ мѣсту пристроить. На Богоданкѣ-то она и свою голову прокормитъ и пользу еще принесетъ. Недоразумѣніе вышло изъ-за Петруньки, но Марья впередъ все предусмотрѣла. Ей было это даже на руку, потому что, благодаря Петрунькѣ, изъ дѣвчонки можно было веревки вить.

— Я твоего Петруньку тоже устрою, — говорила Марья, испытующе глядя на свою жертву. — Много ли парнишкѣ надо. Покойница-баушка все взъѣдалась на него, а я такъ рада: пусть себѣ живетъ. Не чужіе вѣдь...

Наташка точно оттаяла отъ этихъ словъ, хотя раньше и не любила Марьи. Марья, не теряя времени, сейчасъ же увезла ее на пріискъ и улещала всю дорогу разными наговорами, какъ хорошій конокрадъ. Нужно замѣтить, что пріѣзжала она на Фотьянку настоящей барыней, на лошадяхъ Кишкина и въ его долгушкѣ. Наташку дорогой взяло раздумье относительно надоѣдавшаго ей старика, но Марья и тутъ сумѣла ее успокоить, а кому же вѣрить, какъ не Марьѣ. Когда она жила еще дома, такъ всѣ подъ ея дудку плясали: и сама Устинья Марковна, и тетка Анна, и тетка Ѳеня.

— Старичокъ ежели и пошутитъ, такъ не велика бѣда, — наговаривала Марья. — Это не то, что молодые парни зубы скалятъ...

Такимъ образомъ Марья торжествовала. Она обѣщала привезти Наташку и привезла. Кишкинъ, по обыкновенію разыгралъ комедію: накинулся на Марью же и долго ворчалъ, что у него не богадѣльня и что всей Марьиной родни до Москвы не перевѣшать. Скоро этакъ-то ему придется и Тараса Мыльникова кормить и Петра Васильича. На Наташку онъ не обращалъ теперь никакого вниманія и даже какъ будто сердился. Въ этой комедіи ничего не понималъ одинъ Семенычъ и ужасно конфузился каждый разъ, когда жена цѣплялась зубъ за зубъ съ хозяиномъ.

— Очень ужъ ты свободно разговариваешь съ нимъ, Маша, — усовѣщевалъ онъ жену. — Отъ мѣста еще мнѣ откажетъ...

— Не откажетъ, старый чортъ!.. А откажетъ, такъ и безъ него мѣстовъ добудемъ.

Устроивъ Наташку на пріискѣ въ своей горенкѣ, Марья опять склалась и погнала на Фотьянку хоронить баушку Лукерью, а оттуда въ Балчуговскій заводъ провѣдать своихъ. Она уже слышала стороной, что отецъ не совсѣмъ твердъ въ разумѣ и, того гляди, всѣмъ имуществомъ завладѣетъ Анна. Она и то разжалобила отца своими ребятишками. Яша Малый, конечно, ничего не получитъ да и Татьяна тоже, — развѣ удобрится мамынька Устинья Марковна да изъ своей части отвалитъ. Старушка тоже древняя и тоже очень не тверда разумомъ-то... А главная причина поѣздки заключалась въ желаніи видѣться съ Матюшкой, который по уговору долженъ былъ ее подождать у Маяковой слани. Марья уѣзжала одна, въ пріисковой телѣжкѣ, въ какихъ ѣздили всѣ старатели.

— Смотри, не пообидѣлъ бы кто-нибудь дорогой, — говорилъ Семенычъ, провожая жену, — бродяги въ лѣсу шляются...

— Ты вотъ за Наташкой-то не очень ухаживай, — огрызнулась Марья.

Она раньше боялась мужа, потомъ стыдилась, затѣмъ жалѣла и наконецъ возненавидѣла, потому что онъ упорно не хотѣлъ ничего замѣчать. И такимъ маленькимъ онъ ей казался... Вообще съ Марьей творилось неладное: она ходила, какъ въ туманѣ, полная какой-то странной рѣшимости.

— Наташка, будешь убираться въ конторѣ, такъ пригляди, куды прячетъ Аніронъ Евстратычъ ключъ отъ желѣзнаго сундука,—наказывала она передъ отъѣздомъ. — Да возьми припрячь его при случаѣ...

Наташка не понимала, для чего нужно было прятать ключъ. Марья окончательно обозлилась и объяснила:

— Надоѣлъ онъ мнѣ, какъ горькая рѣдька... Пусть поищетъ, старая крыса. За тебя съ Петрунькой поѣдомъ съѣлъ. Положи ключикъ-то на полочку подъ образа. Поняла?

Наташка теперь поняла и даже ухмыльнулась. Ей понравилась мысль испугать противнаго старичонку, который опять началъ поглядывать на нее масляными глазами.

Семенычъ „ходилъ у парового котла“ въ ночь. День онъ спалъ, а съ вечера отправлялся къ машинѣ. Кстати сказать, эту ночную работу мужа придумала Марья, чтобы Семенычъ не мѣшалъ ей пользоваться жизнью. Она сама просила Кишкина поставить мужа въ ночь.

— Играешь, Марьюшка, — посмѣялся Кишкинъ. — Ну, ну, я ничего не вижу и ничего не знаю... Между мужемъ и женой Богъ судья. Ты мнѣ только тово...

— А вотъ я уѣду въ Балчуговскій заводъ, такъ вы ужъ сами тутъ промышляйте. Въ конторѣ одна Наташка останется... Ну, что, довольны теперь?..

— Озолочу, Марьюшка.

Около полуночи, когда Семенычъ дремалъ у своей машины, прибѣжалъ кто-то и сказалъ, что въ конторѣ неладно. Всѣ бросились туда. Тамъ произошло нѣчто ужасное... Въ самой конторѣ лежалъ зарѣзанный Кишкинъ. Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ и, видимо, отчаянно защищался, потому что руки были страшно изрѣзаны. Въ горенкѣ Семеныча оказалось цѣлыхъ три трупа: въ своей постели на полу лежалъ убитый Петрунька, — видимо, его убили спящаго, Наташка лежала въ самыхъ дверяхъ съ размозженнымъ черепомъ, а на крылечкѣ сама Марья. Все было залито кровью. Цѣль убійства была ясна:

касса оказалась пустой... У всѣхъ мелькнула одна и та же мысль при видѣ этой картины: некому этого сдѣлать, кромѣ все того же Петра Васильича. Пошелъ мужикъ на отчаянность. Конечно, его работа. Кому же больше? Оставалось непонятнымъ только одно, какъ Марья опять вернулась въ свою горенку? Всѣ видѣли, какъ она еще днемъ уѣхала на Фотьянку. Лошадь нашли на дорогѣ, — она была привязана къ дереву въ сторонѣ отъ дороги. Подозрѣніе на Петра Васильича увеличилось еще тѣмъ, что его видѣли именно въ этотъ день недалеко отъ пріиска, а потомъ онъ вдругъ точно въ воду канулъ. Конечно, его дѣло... Съ Сиротки онъ ушелъ послѣ обѣда. Матюшка лежалъ больной у себя въ землянкѣ. Онъ защищалъ Петра Васильича. Мало ли по лѣсу бродягъ шляется: подглядѣли и прикончили всѣхъ.

Пріѣхалъ на Богоданку слѣдователь, урядникъ, понятые. Произвели слѣдствіе, которое подтвердило общее подозрѣніе: за кассой нашли шапку Петра Васильича, которую всѣ признали. Очевидно, онъ забылъ ее второпяхъ. Слѣдователь уже составилъ полный планъ, какъ совершилось преступленіе: Петръ Васильичъ встрѣтилъ Марью на дорогѣ и подъ какимъ-то предлогомъ уговорилъ вернуться домой. Можетъ-быть, онъ ей сказалъ, что Кишкинъ и Наташка убиты, а когда она вернулась, онъ убилъ и ее, чтобы скрыть всякіе слѣды. Въ сущности, это было очень неясное объясненіе, но пока единственное.

Когда слѣдователь уѣхалъ уже домой, раскрылось новое обстоятельство, перевернувшее все: недалеко отъ Маяковой слани нашли убитаго Петра Васильича. Очевидно, онъ былъ убитъ на дорогѣ, а затѣмъ уже стащенъ въ болото.

VI.

Дѣла у компаніи шли плохо. Старательскія работы сведены были на нѣтъ, и этимъ самымъ уничтожено было въ корнѣ хищничество, но вмѣстѣ съ тѣмъ компанія лишилась и главной части своихъ доходовъ, которые получались раньше отъ старателей. Но Оникovъ хотѣлъ быть послѣдовательнымъ и рѣшился вести дѣло исключительно компанейскими работами. Во-первыхъ, былъ расчетъ на Рублиху, а потомъ немного пониже Фотьянки отводили теченіе рѣки Балчуговки въ другое русло,—нужно было взять розсыпь, по которой протекала эта рѣка, цѣликомъ. Уже второй годъ устраивалась громадная плотина, отводившая рѣку въ новое русло. Цѣлую зиму велась эта грандіозная работа, стоившая десятковъ тысячъ. Когда вода была отведена, приступили къ вскрышкѣ верхняго пласта, покрывавшаго розсыпь. Вмѣстѣ съ наступленіемъ весны должна была открыться и промывка этой розсыпи, для чего поставлено было нѣсколько бутаръ и двѣ паровыя машины. Новый пріискъ лежалъ немного пониже Ульянова кряжа, такъ что, по всѣмъ признакамъ, розсыпь образовалась изъ разрушавшихся жилъ, залегавшихъ именно въ этомъ кряжѣ такъ, что золото за-разъ можно было взять и изъ розсыпи и изъ коренного мѣсторожденія.

— Мы возьмемъ золото съ хвоста и съ головы,—повторялъ Оникovъ, встрѣчаясь съ Родіономъ Потапычемъ.

— Что же, ваши бы слова да Богу въ уши,—уклончиво отвѣчалъ старикъ, окончательно возненавидѣвшій Оникова.

Положеніе Фотьянки было отчаянное. Кедровское золото кое-кого поманило, кое-кого даже помазало по губамъ, но въ общемъ масса бѣдствовала хуже прежняго, потому что кончились старательскія работы собственно въ Балчуговской дачѣ. Эти работы давали крохи, но эти крохи и были дороги, потому что приходились главнымъ образомъ на голодное зимнее время. Не-

расчетливый промысловый рабочій не умѣлъ сберегать на черный день, а добытые на пріискахъ гроши пѣли пѣтухами. Отдѣльные случаи болѣе или менѣе случайнаго обогащенія совершенно терялись въ общей массѣ рабочей бѣдности.

Уничтоженіе старательскихъ работъ въ компанейской дачѣ отразилось прежде всего на податяхъ. Недоимки были и раньше, а тутъ онѣ выросли до громадной суммы. Фотьянскій старшина выбился изъ силъ и ничего не могъ подѣлать: хоть кожу сдирай. Наѣзжалъ нѣсколько разъ непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія вмѣстѣ съ исправникомъ и тоже ничего не могли подѣлать.

— Какъ же это такъ,—удивлялся членъ,—кругомъ золото, а вы не можете податей заплатить?..

— Точно такъ, вашескородіе,—отвѣчалъ староста.—Кругомъ золото, а въ середкѣ бѣдность... Все отъ компаніи зависитъ: ежели бъ объявили старательскія работы, оно все же передышка... Не настоящее дѣло, а изъ-за хлѣба на воду робили.

Переговоры съ Ониковымъ по этому поводу тоже ни къ чему не повели. Онъ остался при своемъ мнѣніи, ссылаясь на прямой законъ, воспрещающій старательскія работы. Конечно, здѣсь дѣло заключалось только въ игрѣ словъ: старательскія работы уставомъ о частной золотопромышленности дѣйствительно запрещены, но въ видѣ временной мѣры разрѣшались работы „отрядныя“ или „золотничныя“, что̀ въ переводѣ значило то же самое.

— Я поступаю только по закону,—говорилъ Ониковъ съ упрямствомъ безнадежно помѣшаннаго человѣка.—Нужно же было когда-нибудь вырвать зло съ корнемъ...

— Да... гм... Но апостолъ Павелъ сказалъ, что „по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ“. Ваши реформы отзываются на казенныхъ интересахъ.

— О, это напрасно! Дайте что̀ угодно рабочимъ, они все пропьютъ... Что̀ дала Кедровская дача?..

Дѣло въ томъ, что собственно рабочимъ Кедровская дача дала только призракъ настоящей работы, потому что здѣсь, вмѣсто одного хозяина, какъ у компаніи, были десятки—только и разницы. Пока благодѣтелями являлись одни скупщики въ родѣ Ястребова. Затѣмъ мелкіе золотопромышленники могли работать только лѣтомъ, а зимой пріиски пустовали.

Недовольство рабочихъ новымъ главнымъ управляющимъ пережило свою острую форму. Его даже не ругали, а глухое мужицкое недовольство росло и подступало, какъ выступившая вода изъ береговъ.

— У меня разговоръ короткій: чуть что̀, сейчасъ рабочихъ изъ другихъ мѣстъ кликну,—хвастался Ониковъ.—Всякое дѣло необходимо доводить до конца.

Родіонъ Потапычъ сидѣлъ на своей Рублихѣ и ничего не хотѣлъ знать. Благодаря штольнѣ, углубленіе дошло уже до сорокъ шестой сажени. Шахта стоила громадныхъ денегъ, но за нее поэтому такъ и держались всѣ. Смертельная болѣзнь только можетъ подтачивать организмъ съ такой послѣдовательностью, какъ эта шахта. Но Родіонъ Потапычъ одинъ не терялъ вѣры въ свое дѣтище и боялся только одного, что компанія не дастъ дальнѣйшихъ ассигновокъ.

Разъ ночью старикъ сидѣлъ въ конторкѣ и дремалъ. Его разбудилъ осторожный стукъ въ окно.

— Кто тамъ, крещеный?

— Можно зайти, дѣдушка, обогрѣться?..

— Дня-то тебѣ не стало?—удивился Родіонъ Потапычъ, разглядывая чье-то молодое лицо съ окладистой русой бородкой.—Ступай въ двери.

Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ конторки показался Матюшка, весь засыпанный снѣгомъ. Родіонъ Потапычъ съ трудомъ призналъ его.

— Ты что̀ это полупочничаешь?—сердито спросилъ его старикъ.— Мало ли тутъ шляющихся по лѣсу-то...

— Я съ дѣломъ, дѣдушка...—разсѣянно отвѣтилъ Матюшка, перебирая шапку въ рукахъ.—Окся приказала долго жить...

— Кончилась?..—участливо спросилъ старикъ, сразу измѣнившись.— Ахъ, сердяга... Обманула она меня тогда, ну, да Богъ ее проститъ.

— Цѣльную недѣлю, дѣдушка, маялась и все никакъ разродиться не могла... На голосъ кричала цѣльную недѣлю, а въ лѣсу никакого способія. Ахъ, дѣдушка, какъ она страждила... И тебя вспомнила, „Помру, гритъ, Матюшка, такъ ты сходи къ дѣдушкѣ на Рублиху и поблагодари, что угрѣлъ меня тогда“.

— Вспомнила?..

— И еще какъ, дѣдушка... А передъ самымъ концомъ какъ будто стишала и поманила къ себѣ, чтобы я около нея присѣлъ. Ну, я, значитъ, сѣлъ... Взяла она меня за руку, поглядѣла этакъ долго-долго на меня и заплакала. „Что̀ ты,—говорю,—Окся: дастъ Богъ, поправишься...“—„Я, гритъ, не о томъ, Матюшка. А тебя мнѣ жаль“... Вонъ она какая была, Окся-то. Получше въ десять разъ другого умнаго понимала...

Постоялъ Матюшка у порога, разсказалъ еще разъ о смерти Окси и началъ прощаться. Это опять удивило Родіона Потапыча.

— Да ты чего это ночью-то хочешь итти?—проговорилъ ему старикъ.— Оставайся у насъ на шахтѣ переночевать.

Матюшка переминался съ ноги на ногу, а потомъ вдругъ у него по лицу посыпались быстрыя молодыя слезы.

— Тошно мнѣ, дѣдушка...—шепталъ онъ задыхавшимся голосомъ.— Ахъ, какъ тошно...

Старикъ нахмурился: развѣ модель мужику ревѣть?..

Матюшка такъ и не остался ночевать. Онъ нѣсколько разъ нерѣшительно подходилъ къ двери конторки, останавливался и опять отходилъ. Вообще съ Матюшкой было неладно, какъ замѣтили всѣ рабочіе.

Въ другой разъ онъ спустился въ самую шахту и отыскалъ Родіона Потапыча въ забоѣ, гдѣ онъ закладывалъ динамитные патроны для взрыва.

— Экъ ты напугалъ меня,—разсердился Родіонъ Потапычъ.—Ну, чего опять?..

Матюшка молчалъ. Старикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Экій молодчага-парень, ежели бы не дурь. Руки одинѣ чего стоятъ. Вотъ бы въ забой поставить!

Когда взрывъ былъ произведенъ и Родіонъ Потапычъ взглянулъ на обвалившіеся куски камня, то даже отшатнулся, точно отъ наваожденія. Взрывомъ была обнажена прекрасная жила, толщиной въ полтора аршина, а въ проржавѣвшемъ кварцѣ золотыми слезами блестѣлъ драгоцѣнный металлъ.

— Что̀ же это такое?—изумлялся старикъ, глядя на Матюшку.—Сколь бились мы надъ ней, надъ жилой, а она вонъ когда обозначилась... На твои счастки, Матюшка, выпала она!..

Матюшка опять молчалъ, а у Родіона Потапыча блестѣли слезы на глазахъ. Это было его послѣднее золото... Выломавъ нѣсколько кусковъ по-

лучше, старикъ велѣлъ забойщикамъ подняться наверхъ, а западню въ шахту заперъ на замокъ собственноручно... Оно меньше грѣха.

Открытіе жилы въ Ульяновомъ кряжѣ произвело настоящій переполохъ. Ониковъ прискакалъ, сломя голову, и расцѣловалъ Родіона Потапыча изъ щеки въ щеку. Спустившись въ шахту, онъ долго любовался жилой и вслухъ дѣлалъ примѣрныя вычисленія. На худой конецъ оправдаются всѣ произведенные расходы, да столько же получится дивиденда.

— Надо деньги-то считать, когда онѣ въ карманъ положены,—строго замѣтилъ Родіонъ Потапычъ.

— Ничего, сосчитаемъ и не въ карманѣ...

Старикъ молча торжествовалъ свою побѣду: Рублиха не обманула, хотя и стоила страшно дорого. Да, онъ показалъ, какое золото въ Ульяновомъ кряжѣ старые штейгера открываютъ... Вотъ только голубчикъ Степанъ Романычъ не дожилъ.

Пріѣхалъ полюбоваться Рублихой и самъ горный секретарь Илья Ѳедотычъ. Спустился въ шахту, отломилъ на память кусокъ кварцу съ золотомъ и милостиво потрепалъ стараго штейгера по плечу.

— Молодые-то хоть и поютъ пѣтухами, а безъ насъ, стариковъ, дѣло, видно, тоже не обойдется. Такъ, Родіонъ Потапычъ?

— Молодыхъ-то гусей по осени считаютъ, Илья Ѳедотычъ...

На Рублихѣ пока сдѣлана была передышка. Работала одна паровая машина да неотступно оставался на своемъ мѣстѣ Родіонъ Потапычъ. Онъ, добившись цѣли, вдругъ сдѣлался грустнымъ и задумчивымъ, точно что̀ потерялъ. Съ нимъ теперь часто дежурилъ Матюшка, повадившійся на шахту неизвѣстно зачѣмъ. Разъ они сидѣли вдвоемъ въ конторкѣ и молчали. Матюшка совершенно неожиданно рухнулъ своимъ громаднымъ тѣломъ въ ноги старику, такъ что тотъ даже отскочилъ.

— Дѣдушка, голубчикъ, тошно мнѣ, а силы своей не хватаетъ... Отвези ты меня къ слѣдователю въ городъ. Мое дѣло...

— Да ты рехнулся, парень?.. Какое дѣло?..

— А на Богоданкѣ?.. Я всѣхъ троихъ порѣшилъ. Петръ Васильичъ подбилъ: ограбимъ да ограбимъ Кишкина. Ну, я и соблазнился и Марью настроилъ, чтобы ключъ добыла, а она черезъ Наташку... Я ее на дорогѣ встрѣтилъ, ну, вмѣстѣ на пріискъ ночью и пришли. Петръ Васильичъ въ сторожахъ сперва стоялъ, а я въ горницу къ Марьѣ прошелъ. Ключъ-то Наташка у старика выкрала... Ну, я захожу въ контору изъ Марьиной горницы, а Кишкинъ и проснись на грѣхъ... Какъ закричитъ... Все у меня въ головѣ перемѣшалось... ударилъ я его и сразу заморилъ, а Петръ Васильичъ уже около кассы съ ключомъ и какія-то бумаги себѣ за пазуху суетъ... Потомъ Наташка очнулась; ну, мы всѣхъ прикончили разомъ, чтобы никакого слѣда. Деньги захватили—и въ лѣсъ. Ночью около огонька принялись дѣлить... Вижу, Петръ Васильичъ обманываетъ меня, а потомъ, думаю, уйдетъ онъ съ деньгами-то куды глаза глядятъ, а на меня все свалятъ... Ну, тутъ я и его прикончилъ. Все равно, выдалъ бы... На него всѣ улики были. Ночью же пришелъ я домой и сказался больнымъ, а Окся-то и догадалась, что неладное дѣло. Такъ ничего и не сказала, а только передъ самой смертью выговорила все... „За твой, гритъ, грѣхъ помираю!“. И такъ мнѣ стало тошно съ того съ самаго время: легче вотъ руки наложить на себя... мѣста не найду...

Родіонъ Потапычъ молча его выслушалъ, молча взялъ веревку и молча связалъ ему крѣпко руки.

— Повремени малость...—сказалъ старикъ, не глядя на Матюшку.—Я тебя предоставлю куды слѣдуетъ.

Захвативъ съ собой топоръ, Родіонъ Потапычъ спустился одинъ въ шахту. Въ послѣдній разъ онъ полюбовался открытой жилой, а потомъ поднялся къ штольнѣ. Здѣсь онъ прошелъ къ выходу въ Балчуговку и подрубилъ стойки, то же самое сдѣлалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ посрединѣ и у самой шахты, гдѣ входила рудная вода. Земля быстро обсыпалась, преграждая путь стекавшей по штольнѣ водѣ. Кончивъ эту работу, старикъ спокойно поднялся наверхъ и черезъ полчаса велъ Матюшку на Фотьянку, чтобы тамъ передать его въ руки правосудія.

Въ ту же ночь Рублиху залило водой, а старый штейгеръ сидѣлъ наверху и смѣялся теперь уже сумасшедшимъ смѣхомъ.

Залитую водой Рублиху возобновить было, пожалуй, дороже, чѣмъ выбить новую шахту, и найденная старымъ штейгеромъ золотоносная жила была снова похоронена въ землѣ. Да и компаніи теперь было не до нея. Устроенная плотина на Балчуговкѣ была размыта весенней водой, и всѣ работы, подготовленныя съ громадными затратами, были покрыты рѣчнымъ иломъ. Эти двѣ большихъ неудачи отозвались въ промысловомъ бюджетѣ очень сильно, такъ что представленныя Ониковымъ смѣты не получили утвержденія, и компанія прекратила всякія работы за ихъ невыгодностью. И это въ такой мѣстности, гдѣ при правильномъ хозяйствѣ могло благоденствовать стотысячное населеніе и десятокъ такихъ компаній...

Родіонъ Потапычъ дѣйствительно помѣшался. Это было старческое слабоуміе. Онъ бредилъ каторгой и ходилъ по Балчуговскому заводу въ сопровожденіи палача Никитушки, отдавая грозныя приказанія. За этой парой всегда шла толпа ребятишекъ.

Оеня ушла въ Сибирь за партіей арестантовъ, въ которой отправляли Кожина: его присудили въ каторжныя работы. Въ той же партіи ушелъ и Ястребовъ. Когда партія арестантовъ выступала изъ города, ей навстрѣчу попалась похоронная процессія: въ простомъ сосновомъ гробу везли изъ городской больницы Ермошкину жену Дарью, а за дрогами шагалъ самъ Ермошка.

Матюшка повѣсился въ тюрьмѣ.

1892.

НОКТЮРНЫ.

ДОРОГОЙ ДРУГЪ.

I.

Дождь шелъ уже нѣсколько дней сряду, мелкій, холодный, назойливый. Какой-то больной контрастъ представляли весело пестрѣвшіе на куртинахъ цвѣты, — они точно сознательно не желали соглашаться съ наступающей осенью. Георгины еще только распускались, астры стояли въ полномъ цвѣту. Сергѣй Петровичъ испытывалъ какую-то особенную нѣжность именно къ этимъ запоздалымъ осеннимъ цвѣтамъ и каждый разъ, когда шелъ на дачу къ Чубарскимъ, непремѣнно останавливался въ садикѣ передъ террасой и молча любовался этими нѣмыми свидѣтелями наступавшей осени. Оказывалось, что Сергѣй Петровичъ очень любилъ цвѣты и каждое лѣто долженъ былъ отказывать себѣ въ этомъ удовольствіи, т.-е. не отказывать, а какъ-то такъ выходило, что онъ оставался безъ цвѣтовъ. Была и своя небольшая дача, выстроенная для неприхотливаго холостяка, былъ распланированъ и садикъ, но экономка Марѳа Семеновна и горничная Наташа поднимали между собой отчаянную войну именно въ моментъ переѣзда на дачу, когда устраиваются цвѣтники, и Сергѣй Петровичъ оставался безъ цвѣтовъ. Въ душѣ онъ давалъ отчаянныя клятвы, что непремѣнно откажетъ этимъ милымъ фуріямъ, заставляющимъ его любоваться чужими цвѣтами, но эта рѣшимость сейчасъ же парализовалась совершенно логичными разсужденіями, что вѣдь новая Марѳа Семеновна и новая Наташа только повторятъ своихъ предшественницъ. Сказывалась привычка стараго холостяка къ покою, къ инерціи, къ лѣни.

Да, шелъ дождь, а Сергѣй Петровичъ стоялъ въ чужомъ садикѣ и любовался чужими цвѣтами. Нѣтъ, положительно, онъ долженъ отказать и экономкѣ и горничной—довольно, будетъ. Съ этой мыслью онъ бодро направился прямо на террасу, сбросилъ непромокаемое пальто и вошелъ въ гостиную безъ доклада,—въ качествѣ друга дома онъ имѣлъ право позволить себѣ эту маленькую свободу. На столикѣ въ углу лежалъ сѣрый цилиндръ,—значитъ, хозяинъ былъ дома; дверь налѣво, въ будуаръ, была закрыта—значитъ, хозяйка была чѣмъ-то недовольна. Сергѣй Петровичъ зналъ всѣ мелочи въ этомъ домѣ и всѣ привычки. Да и кому же было ихъ знать, какъ не старому другу дома? Сергѣй Петровичъ съ видомъ эксперта даже прищурилъ одинъ глазъ, стараясь мысленно разрѣшить вопросъ: разсердилась Евгенія Ивановна вообще, т.-е. такъ, какъ иногда умѣютъ сердиться женщины—дождь идетъ, портниха испортила платье, ну, однимъ словомъ, нервы, или разсердилась по частному случаю, т.-е. на Антона Ѳедорыча. Отвѣтомъ на эти тонкія размышленія послужилъ осторожный скрипъ двери изъ хозяйскаго кабинета, а затѣмъ показалась и голова самого домовладыки. На его лицѣ

появилась радостная улыбка: Сергѣй Петровичъ не могъ прійти болѣе кстати.

— Ахъ, дорогой другъ, какъ я радъ тебя видѣть!

Этимъ было все сказано: когда супруги ссорились, они начинали относиться къ Сергѣю Петровичу съ особенной нѣжностью. Онъ являлся нѣкоторымъ буферомъ самаго несомнѣннаго семейнаго счастья. Приливъ нѣжныхъ дружескихъ чувствъ прикрывалъ собой какую-нибудь неразрѣшимую семейную непріятность, а въ этомъ матеріалѣ недостатка не было. Вотъ и сейчасъ Антонъ Ѳедорычъ смотритъ на дорогого гостя такими виновато-благодарными глазами, какъ напроказившая собака. Онъ взялъ дорогого друга за рукавъ и, ступая на цыпочкахъ, ввелъ его въ свой кабинетъ.

— У *насъ* ревность, дорогой другъ...—прошепталъ онъ, подмигивая на закрытую плотно дверь.—Да-съ, ревность.

У Сергѣя Петровича по какой-то дикой ассоціаціи идей мелькнула мысль о новой горничной Чубарскихъ, но Антонъ Ѳедорычъ предупредилъ его,—они такъ хорошо были знакомы, что могли читать между строкъ.

— Нѣтъ, Маша тутъ ни при чемъ, дорогой другъ...

— Нервы?!..

Плечи Антона Ѳедорыча поднялись, а потомъ онъ уже безъ всякой видимой побудительной причины лукаво подмигнулъ дорогому другу.

— Въ сущности, положа руку на сердце, я долженъ сознаться, дорогой другъ, что Женя до извѣстной степени права... гм... да...

— Она права?!..

Сергѣй Петровичъ даже отступилъ въ нѣкоторомъ священномъ ужасѣ и смѣрялъ Антона Ѳедорыча вопросительнымъ взглядомъ съ ногъ до головы. Антонъ Ѳедорычъ обманывалъ свою жену?!.. Нѣтъ, это было что-то такое до того дикое и несообразное, что не укладывалось ни въ какія рамки. Антонъ Ѳедорычъ былъ уже въ томъ почтенномъ возрастѣ, когда молодыхъ и красивыхъ женъ не обманываютъ. У него былъ уже тотъ облѣзлый, подержаный видъ, какой приличествуетъ солидному петербургскому мужу,—онъ женился именно въ тотъ моментъ, когда мужчина чувствуетъ солидную усталость, теряетъ аппетитъ къ холостой свободѣ и ищетъ тихихъ семейныхъ радостей. Да, и вдругъ въ эту тихую пристань ворвался шквалъ... Прибавьте къ этому, что семья была образцовая и Чубарскіе слыли примѣрно-счастливой парочкой. Прибавьте къ этому еще то, что Сергѣй Петровичъ уже второй годъ былъ серьезно влюбленъ въ Евгенію Ивановну и, какъ ему казалось, могъ разсчитывать на взаимность, если бы не считалъ узы дружбы священными. Онъ припомнилъ нѣсколько такихъ прогулокъ, длинные разговоры съ глазу на глазъ, краснорѣчивые взгляды—нѣтъ, онъ умѣлъ держать себя въ рукахъ и героически душилъ въ себѣ всякое внѣшнее проявленіе подтачивавшаго его чувства. Онъ даже приносилъ жертвы—да, пожалуйста, не смѣйтесь, это было. Былъ цѣлый рядъ очень предпріимчивыхъ претендентокъ на его мужскую свободу, и онъ даже былъ мысленно не прочь пожертвовать собой, тѣмъ болѣе, что уже находился въ критическомъ возрастѣ; но стоило ему только сравнить любую изъ этихъ милыхъ особъ съ Евгеніей Ивановной, и всякая иллюзія исчезала.

— Я съ тобой говорю, Сергѣй Петровичъ, какъ съ старымъ испытаннымъ другомъ,—продолжалъ хозяинъ, прислушиваясь къ шагамъ въ гостиной.—Да, съ другомъ... Видишь ли, въ чемъ дѣло... гм... да...

Онъ подошелъ къ другу совсѣмъ близко, взялъ его за бортъ сѣренькой лѣтней визитки и заговорилъ какъ-то особенно быстро, глотая слюну:

— Видишь ли, въ чемъ дѣло... да... гм... Мнѣ, видишь ли, сегодня до зарѣзу нужно уѣхать изъ дому. Ты понимаешь? Я, вѣроятно, не вернусь домой... скажу, что опоздалъ на поѣздъ... да... Я знаю, что ты пуританинъ и будешь меня презирать... Да, да... Въ мои годы увлеченія дѣлаются тяжелыми, но что подѣлаешь съ этой подлой живучестью. Ахъ, если бы ты *ее* видѣлъ: золотистые волосы... кожа—молоко... А какъ она смѣется, какъ дурачится! Котенокъ, а не женщина...

— Я не понимаю одного, при чемъ тутъ я?..

— Подожди... Мнѣ очень трудно быть сейчасъ откровеннымъ съ тобой... И, главное, я люблю Женю, а *это* такъ... случайное маленькое знакомство. Женя немного холодна, сдержанна, какъ всякая порядочная женщина... А тутъ хлынуло такое сладкое безуміе, точно мнѣ двадцать лѣтъ... да...

— Все-таки я не поним...

— Постой...

Хозяинъ разстегнулъ визитку, взялъ дорогого друга за оба лацкана и притянулъ его къ себѣ еще ближе.

— Видишь ли, Женя подозрѣваетъ что-то... У женщинъ есть на это какое-то проклятое чутье. Да... Опредѣленнаго она ничего не знаетъ, а только подозрѣваетъ... Когда я утромъ, за чаемъ, сказалъ, между прочимъ, что, можетъ-быть, мнѣ придется вечеромъ уѣхать... Ну, однимъ словомъ, съ этого началось, и она устроила мнѣ сцену... Да... Женщины чувствуютъ соперницу инстинктивно, хотя, клянусь тебѣ, душой я не измѣняю Женѣ и очень люблю ее. Но... Нѣтъ, она такая милая... да... И вотъ, если бы ты остался у насъ сегодня на весь вечеръ... Женя такъ тебя любитъ, а если бы ты зналъ ее... гм... Знаешь, на женщинъ больше всего дѣйствуетъ самый звукъ словъ, а не ихъ смыслъ. А у тебя есть положительный талантъ именно такъ разговаривать... я наблюдалъ...

— Какой тамъ талантъ, помилосердуй...

— Перестань, пожалуйста. Что за скромность!.. Однимъ словомъ, пожертвуй для меня однимъ вечеромъ... Всего однимъ вечеромъ, голубчикъ! Ахъ, какъ много проживаешь вечеровъ совершенно напрасно, а тутъ какой-нибудь одинъ вечеръ... Знаешь, бываютъ такіе моменты, когда часъ идетъ за годъ... Однимъ словомъ, ты меня понимаешь!..

Сергѣй Петровичъ всей фигурой выражалъ какую-то дрянную нерѣшительность, и это возмущало Антона Ѳедорыча. Право, байбакъ какой-то, размазня, тюфякъ...

— Послушай, Антонъ Ѳедорычъ, *это* у тебя давно?

— Около двухъ недѣль... Знаешь, этакое милое дачное знакомство. Она живетъ съ какой-то теткой... кажется, даже есть мужъ, т.-е. догадываюсь о его существованіи по нѣкоторымъ признакамъ. Вполнѣ приличная особа... А какъ она мило умѣетъ отдаваться... Вѣдь въ этомъ именно вся женщина...

— Довольно, довольно... Охотно вѣрю.

Въ порывѣ благодарности Антонъ Ѳедорычъ расцѣловалъ дорогого друга и такъ его стиснулъ, что тотъ едва вырвался.

— О, всего одинъ вечеръ!.. Полцарства за одинъ вечеръ...—повторялъ онъ съ легкомысліемъ разыгравшагося теленка...

II.

Когда заговорщики вышли въ гостиную, гдѣ сидѣла Евгенія Ивановна, Сергѣй Петровичъ довольно логично подумалъ:

„Ахъ, какіе мы всѣ подлецы, мужчины!“

Да, ему было совѣстно, особенно когда онъ посмотрѣлъ на эту цвѣтущую молодую женщину, любящую, вѣрящую, чистую. Вѣдь Евгенія Ивановна была такъ хороша, а всякая красота уже несетъ въ самой себѣ оправданіе. Сергѣю Петровичу показалось, что она никогда еще не была такъ чудно хороша, эта жертва мужского эгоизма и дешевенькихъ увлеченій. Прежде всего, у Евгеніи Ивановны былъ великолѣпный ростъ, чудная свѣжая кожа, красивая головка, русые волосы съ золотистымъ отливомъ, очаровательные сѣрые глаза—однимъ словомъ, все хорошо. Конечно, носъ могъ быть немного правильнѣе, но и этотъ недостатокъ въ глазахъ Сергѣя Петровича превращался въ достоинство, потому что придавалъ лицу извѣстную пикантность, ту маленькую оригинальность, которую такъ охотно прощаютъ очень богатымъ людямъ и хорошенькимъ женщинамъ. Затѣмъ, красивая женщина могла имѣть только сѣрые глаза — это было убѣжденіемъ Сергѣя Петровича. Наконецъ ему нравилась манера одѣваться и больше всего манера держать себя, особенно, когда Евгенія Ивановна начинала смотрѣть на Сергѣя Петровича немного исподлобья, причемъ „капризная прядь“ слегка вившихся волосъ спускалась на этотъ бѣлый, точно выточенный изъ слоновой кости лобъ. О, она была хороша, вся хороша, каждой линіей, каждой черточкой, каждымъ движеніемъ... И рядомъ это чудовище, которое называлось Антономъ Ѳедорычемъ! Сергѣй Петровичъ искренно раскаивался, что вошелъ въ тайное соглашеніе съ такимъ человѣкомъ и продалъ себя за чечевичную похлебку дружбы. Есть положенія, когда оправданій не полагается.

— Я такъ рада васъ видѣть, Сергѣй Петровичъ...

Онъ поцѣловалъ маленькую, крѣпкую бѣлую ручку и еще разъ почувствовалъ себя порядочнымъ мерзавцемъ. Антонъ Ѳедорычъ виновато юлилъ глазами, заискивающе улыбался и оказывалъ дорогому другу всѣ знаки вниманія, какіе только были въ его распоряженіи. Послѣднее было даже лишнимъ: онъ продавалъ себя впередъ, и Евгенія Ивановна раза два посмотрѣла на него презрительно-прищуренными глазами.

— Вы, кажется, сегодня собирались ѣхать по дѣлу?—спросила она съ уничтожающимъ равнодушіемъ.

— Да, т.-е. могу и не ѣхать, Женя. Все это Карповъ... Мнѣ необходимо его видѣть, а завтра онъ уѣзжаетъ.

— Тогда нужно ѣхать, дорогой мой, а я здѣсь поскучаю одна...

— Если позволите, я съ удовольствіемъ поскучаю вмѣстѣ съ вами...—нашелся Сергѣй Петровичъ.—Да... съ удовольствіемъ.

— Я думаю, что твой Карповъ позволитъ тебѣ напиться чаю вмѣстѣ съ нами?—спрашивала Евгенія Ивановна, выдерживая тонъ.—Сергѣй Петровичъ очень любезенъ, и мы будемъ съ нимъ музицировать...

Чай прошелъ скучно, а Антонъ Ѳедорычъ держалъ себя, какъ гимназистъ, которому назначено первое любовное свиданіе. Онъ ерзалъ на стулѣ, подъ столомъ смотрѣлъ на часы, смотрѣлъ съ тоской на дверь и кончилъ тѣмъ, что проговорилъ убитымъ голосомъ:

— Нѣтъ, Женя, я не поѣду...

Она только горько улыбнулась.

— Перестань болтать глупости... И ты напрасно думаешь, что я хочу удержать тебя. Самое лучшее, если ты переночуешь въ городѣ... Я говорю тебѣ серьезно, потому что дѣло прежде всего.

Извергъ довелъ ее до того, что она сама начала упрашивать его, и онъ, только поломавшись, уступилъ этимъ усиленнымъ просьбамъ. Все это было до того гадко, что Сергѣй Петровичъ все время старался не смотрѣть на

него и почувствовалъ себя совсѣмъ гадко, когда Антонъ Ѳедорычъ на прощанье съ особенной выразительностью трясъ его руку.

Потомъ въ садикѣ мелькнула шляпа Антона Ѳедорыча.

— Какъ онъ, бѣдняжка, торопится...—замѣтила она, не обращаясь ни къ кому, а потомъ прибавила:—Вѣдь онъ просилъ васъ провести вечеръ со мной, Сергѣй Петровичъ? Да?.. Увѣряю васъ, что вы единственный человѣкъ, съ которымъ я не буду скучать...

— Гм... да... т.-е. вообще Антонъ Ѳедорычъ всегда любезенъ, и мнѣ иногда даже совѣстно, потому что чѣмъ же я могу отплатить?

— Платятъ той же монетой...

Она неожиданно засмѣялась и посмотрѣла на Сергѣя Петровича какимъ-то вызывающимъ взглядомъ. Потомъ наступила пауза, потому что Сергѣй Петровичъ рѣшительно не могъ проговорить ни одного слова. Она еще разъ улыбнулась и потомъ проговорила усталымъ голосомъ:

— Мы немного пройдемся.

Горничная подала лѣтнюю накидку и зонтикъ. Евгенія Ивановна съ разсѣяннымъ видомъ надѣла шляпку и еще разъ посмотрѣла на своего кавалера загадочно улыбавшимися глазами.

— Идемъ...

Въ ея движеніяхъ появилась какая-то особенная рѣшительность, и онъ молча любовался этой красавицей. Да, настоящая красавица... Даже горничная и та любовалась барыней,—онъ это видѣлъ и съ благодарностью посмотрѣлъ на нее, какъ на свою тайную сообщницу.

Они вышли въ садъ. Дача стояла въ полугорѣ, и изъ садика открывался довольно сносный видъ. Внизу лѣпились маленькія дачки, за ними желтой змѣйкой вилась линія желѣзной дороги, дальше зеленой стѣной уходилъ смѣшанный лѣсъ. Она внимательно осмотрѣла куртины съ завявшими цвѣтами и проговорила:

— Вотъ краснорѣчивое доказательство, что ни одинъ лѣтній солнечный день не вернется...

Что она хотѣла сказать этой фразой?.. Онъ даже что-то хотѣлъ отвѣтить, но въ этотъ моментъ тамъ, внизу, раздался рѣзкій свистокъ. Это отходилъ дачный поѣздъ въ Петербургъ. Вотъ взмылъ кверху клубъ бѣлаго пара, вотъ съ тяжелымъ грохотомъ выдвинулся поѣздъ и гремучей змѣей скрылся въ сосновомъ лѣскѣ.

— Какъ онъ счастливъ, бѣдняжка...—замѣтила она, провожая глазами потянувшуюся изъ-за лѣса струю дыма.—Послушайте, что же вы не предложите мнѣ свою руку, Сергѣй Петровичъ? Вы забываете свои обязанности...

Она могла шутить, она могла улыбаться...

Выйдя изъ садика, онъ повелъ ее по мокрой песчаной дорожкѣ налѣво, къ парку. Тамъ не было грязно даже въ дождь. Сергѣй Петровичъ съ удовольствіемъ чувствовалъ, какъ она крѣпко оперлась на его руку. Даже шелестъ модной шелковой юбки доставлялъ ему удовольствіе. Падавшія съ деревьевъ капли дождевой воды заставляли ее вздрагивать и улыбаться.

— Я люблю гулять именно въ такую погоду, Сергѣй Петровичъ. Что-то такое бодрое есть въ этой осени и немножко грустное... Хочется помечтать, забыться, куда-то унестись, какъ летятъ сейчасъ перелетныя птицы на югъ.

Она опять улыбнулась, но на этотъ разъ какъ-то печально, сдерживая невольный вздохъ. Сергѣй Петровичъ замеръ отъ нахлынувшей на него такой хорошей жалости. Ему хотѣлось ее приласкать, успокоить, утѣшить, сказать что-то такое хорошее чтобы это чудное лицо просвѣтлѣло и глаза улыбнулись.

О чемъ они говорили—трудно сказать. Есть такіе разговоры, передать содержаніе которыхъ трудно, потому что они состоятъ изъ полусловъ, намековъ и подстрочныхъ переводовъ. Почему-то Евгенія Ивановна заговорила о своемъ дѣтствѣ, потомъ привела нѣсколько эпизодовъ изъ дѣвичьей жизни, и Сергѣй Петровичъ понялъ почему-то, что она никогда не любила мужа. Да, они играли въ мужа и жену, представляя публикѣ примѣръ счастливой парочки. Ахъ, какъ часто это случается и какъ часто дѣйствующія лица такой комедіи сами вѣрятъ своему несуществующему счастью!

Домой Евгенія Ивановна вернулась немного усталая, но съ зарумянившимся лицомъ. Въ ея русыхъ волосахъ блестѣло нѣсколько капель дождевой воды. Спускались быстрыя осеннія сумерки, и въ гостиной привѣтливо горѣла большая лампа подъ моднымъ краснымъ абажуромъ. Евгенія Ивановна велѣла убрать лампу и сѣла къ роялю, перебирая на память знакомые мотивы. Сергѣя Петровича поразило, какъ она дѣлала переходы отъ грустныхъ поэтическихъ мелодій къ бѣшенымъ цыганскимъ мотивамъ, а отъ нихъ къ сентиментальнымъ мотивамъ старинныхъ романсовъ. Свѣтъ падалъ на нее изъ дверей, и Сергѣй Петровичъ видѣлъ только одну освѣщенную часть лица, точно въ ней, въ Евгеніи Ивановнѣ, сейчасъ боролись и свѣтъ и тьма.

— Вамъ нравится?..—тихо спросила она и, не дожидаясь отвѣта, весело разсмѣялась.—Садитесь, сыграемте что-нибудь въ четыре руки... на память. Впрочемъ, нѣтъ, не нужно...

Она перешла къ дивану и устало сѣла на самый уголокъ. Сергѣю Петровичу показалось, что она сейчасъ такая маленькая.

— Сергѣй Петровичъ, разскажите мнѣ откровенно, любили ли вы когда-нибудь?.. Только, пожалуйста, не придумывайте ничего.

Она сама указала ему скамеечку у своихъ ногъ. Онъ повиновался, чувствуя, какъ у него въ головѣ закружилась вся комната и какъ его подхватила и понесла какая-то сила. Что онъ говорилъ? Ахъ, да, онъ разсказалъ ей въ третьемъ лицѣ всю свою исторію тайной любви къ ней, т.-е. третьимъ лицомъ являлась она. Вѣдь онъ столько лѣтъ вынашиваетъ это чувство, какъ святыню, онъ молится на нее, онъ счастливъ однимъ ея присутствіемъ, онъ страдаетъ за нее и понимаетъ гораздо больше, чѣмъ она когда-нибудь могла предполагать. Да, все это вѣрно... И, главное, онъ никогда не смѣлъ на что-нибудь надѣяться, какъ не надѣются, что божество спустится до простого смертнаго. Онъ счастливъ этой недоступностью своей богини, счастливъ собственнымъ ничтожествомъ.

— А вотъ богиня совсѣмъ васъ не любитъ...—тихо отвѣтила она, опуская свою руку къ нему на голову.—Нисколько... да. Она ничего не видитъ, ничего не замѣчаетъ, какъ и слѣдуетъ богинѣ...

Было двѣнадцать часовъ ночи, когда дорогой другъ уходилъ съ дачи. Онъ старался не смотрѣть на горничную, подававшую пальто, какъ воръ, который уносилъ изъ дома самое дорогое. Въ саду онъ остановился и посмотрѣлъ на полуосвѣщенныя окна гостиной, потомъ провелъ рукой по лицу, точно хотѣлъ проснуться отъ какого-то сна, потомъ быстро зашагалъ мимо клумбъ съ осенними цвѣтами, на ходу сорвалъ бѣлую астру и быстро скрылся въ темнотѣ осенней глухой ночи.

III.

Бываютъ странные сны и еще болѣе странныя пробужденія.

Такъ было и съ Сергѣемъ Петровичемъ, когда онъ на другой день проснулся у себя въ кабинетѣ,—онъ спалъ на широкомъ турецкомъ диванѣ. От-

крывъ глаза, онъ что-то сразу припомнилъ и быстро сѣлъ. Потомъ онъ оглядѣлъ стѣны своего кабинета, шкапъ съ книгами, письменный столъ, фотографіи на стѣнѣ и остановился на довольно соблазнительной нимфѣ, нарисованной извѣстнымъ художникомъ.

„Какъ это глупо... Нѣтъ, больше: неприлично, вульгарно, гадко!“

— Къ чорту нимфу!.. — вслухъ рѣшилъ Сергѣй Петровичъ, опять закрывая глаза, чтобы яснѣе вызвать какую-то картину въ воображеніи.—Ахъ, милая, милая, милая...

Онъ позвонилъ и быстро началъ одѣваться. Смазливая горничная, подававшая умываться, замѣтила, что баринъ сегодня особенно старательно занялся своимъ туалетомъ. Правда, онъ всегда былъ внимателенъ къ своей особѣ по утрамъ, но сегодня по преимуществу. Вытирая шею полотенцемъ, Сергѣй Петровичъ рѣшилъ про себя, что и горничную къ чорту, вмѣстѣ съ проклятой нимфой. Да, все къ чорту... Вообще въ его домѣ отнынѣ не должно быть ничего *такого*.

— Ахъ, милая, милая...

Когда подали кофе, Сергѣй Петровичъ почувствовалъ, что ему тѣсно и душно въ комнатѣ. Онъ вышелъ на террасу и долго смотрѣлъ на пустовавшій садикъ, въ которомъ должны были расти его собственные цвѣты. О, теперь будетъ не то... Какъ жаль, что лѣто прошло! Въ сущности, онъ самъ виноватъ, что поддавался глупой экономкѣ. Нѣтъ, теперь все будетъ по-другому... Ему и самому хотѣлось сдѣлаться лучше, чище, свѣтлѣе. Въ душѣ поднималась такая сладкая тревога, такая запоздалая радость... Сергѣю Петровичу хотѣлось и плакать и смѣяться, кого-то обвинять, что онъ прожилъ всю жизнь по-свински, когда можно было устроиться нѣсколько иначе. Да-съ, иначе...

— Ахъ, милая, милая...

Вернувшись въ кабинетъ, Сергѣй Петровичъ заперъ дверь на ключъ, досталъ изъ ящика вчерашнюю астру и поцѣловалъ ее. Это была ребяческая выходка, смѣшная и нелѣпая во всякое другое время, но сейчасъ она имѣла самое серьезное значеніе. Это были первые цвѣты, напоминавшіе о любимой женщинѣ,—нѣтъ, слово „любимая“ слишкомъ жалко и ничтожно, чтобы выразить вполнѣ все то, что сейчасъ переживалъ Сергѣй Петровичъ. Вѣдь онъ прожилъ до своихъ сорока лѣтъ, не любя. Были увлеченія, шаблонныя интрижки, вообще—глупости. А настоящее охватило его только сейчасъ. Въ немъ проснулась какая-то жажда совершать что-нибудь необыкновенное, большое, чтобы всѣ это видѣли и всѣ сказали: до сихъ поръ мы всѣ не знали, что такое Сергѣй Петровичъ. И такой человѣкъ могъ прожить до сорока лѣтъ, не совершивъ рѣшительно ничего... Вѣдь женщины глубоко правы, когда онѣ дарятъ свои симпатіи знаменитымъ людямъ, громкимъ именамъ, тѣмъ мужчинамъ, которые такъ или иначе проявили ярко свою индивидуальность. Этотъ подъемъ духа, скрытая энергія и повышенный тонъ дѣйствуютъ неотразимо, вызывая въ отвѣтъ лучшія и самыя дорогія чувства. Да, для этого стоитъ жить, рисковать, жертвовать собой...

Совершать какой-нибудь подвигъ въ стѣнахъ собственной своей дачи довольно трудно—нужна другая обстановка, что-нибудь необыкновенное, а затѣмъ и время было неподходящее—утромъ всѣ великіе люди только еще приготовляютъ себя. Вообще, великое событіе требуетъ своей обстановки. Машинально Сергѣй Петровичъ направился въ паркъ. Дождь пересталъ, но небо продолжало хмуриться. Дача занимала склонъ горы и подходившую къ ней равнину. Паркъ расположенъ былъ на самомъ верху, и тамъ былъ свой

пуантъ, съ котораго открывался видъ на всю дачную городьбу. Именно на этомъ пуантѣ и остановился Сергѣй Петровичъ, отыскавъ глазами знакомую зеленую крышу и деревянную башенку съ балкономъ.

— Милая...—прошепталъ онъ, протягивая руки впередъ.—И я столько времени не подозрѣвалъ, что она меня любитъ!.. Гдѣ у меня были глаза? А какъ она страдала, бѣдная...

Этотъ бурный потокъ радостныхъ мыслей былъ прерванъ воспоминаніемъ объ Антонѣ Ѳедоровичѣ и его вчерашней исповѣди. Ахъ, какой мерзавецъ этотъ Антонъ Ѳедоровичъ... И онъ, этотъ мерзавецъ, являлся теперь живой стѣной, отдѣлявшей его навсегда отъ любимой женщины. У Сергѣя Петровича сдѣлалось страшное лицо при одной мысли объ этомъ законномъ соперникѣ. Вызвать его на дуэль? Просто убить, какъ убиваютъ вредное животное?.. И онъ, Сергѣй Петровичъ, долженъ быть свидѣтелемъ тѣхъ ласкъ, которыя супруги позволяютъ въ присутствіи близкихъ друзей. Сергѣй Петровичъ припомнилъ, какъ это скверное животное цѣловало при немъ Евгенію Ивановну, и теперь впередъ скрежеталъ зубами отъ безсильной ярости. О, нѣтъ, онъ долженъ будетъ устранить его во что бы то ни стало, даже путемъ преступленія... Вотъ и тотъ подвигъ, которымъ онъ проявитъ свою любовь. Въ ужасѣ Сергѣй Петровичъ даже закрылъ глаза, такъ ярко представилась ему картина этого подвига. Распростертый по землѣ трупъ Антона Ѳедоровича съ страшно зіяющими ранами въ груди—такъ и будетъ сказано въ репортерскомъ отчетѣ во всѣхъ газетахъ. Ему даже нравились эти уголовныя слова: „распростертый трупъ“, „зіяющая рана въ груди“. А дальше онъ видѣлъ уже самого себя на скамьѣ подсудимыхъ, спокойнаго, съ твердой рѣшимостью во взглядѣ, слышалъ собственное послѣднее слово: „Гг. присяжные засѣдатели!.. Есть святыя чувства, которыя самый обыкновенный человѣкъ не позволитъ попирать никому... Да, я убилъ своего стараго друга, но причину этого преступленія я унесу съ собой въ могилу. Судите меня по всей строгости закона: я готовъ пострадать. И если бы мой старый другъ могъ какимъ-нибудь чудомъ воскреснуть, я убилъ бы его во второй разъ“...

— Ну, послѣднее можно, пожалуй, и не говорить,—вслухъ подумалъ Сергѣй Петровичъ, соображая всѣ обстоятельства дѣла.—Это уже рисовка, а тутъ все дѣло въ одной искренности. Однако который теперь часъ?

Было всего еще десять часовъ. Она, навѣрно, еще спитъ. О, спи, милая, милая... Онъ видѣлъ эту спальню, ея кровать, защищенную японской ширмочкой, даже чувствовалъ какой-то одуряющій ароматъ крѣпкихъ японскихъ духовъ, который онъ вчера унесъ изъ этого святилища. Да, она спитъ и, можетъ-быть, видитъ во снѣ его, Сергѣя Петровича... А какъ она обнимала его, какія слова шептала, какъ ласкалась къ нему!.. А теперь все это спитъ: и ласки, и поцѣлуи, и объятія, и завороживній его шопотъ, и смѣхъ русалки. Боже мой, какъ хороша жизнь, когда проснутся эти глаза, а съ ними и весь міръ! Для такой женщины стоитъ пойти на все, до преступленія включительно.

Раньше часа онъ не могъ итти на свиданье, а ждать цѣлыхъ три часа было настоящей пыткой. Шагая по аллеѣ, Сергѣй Петровичъ впередъ старался представить себѣ эту сегодняшнюю встрѣчу и замиралъ отъ восторга. Вѣдь это его первая и послѣдняя, единственная любовь... Въ одиннадцать часовъ онъ былъ опять у себя дома, чтобы еще разъ переодѣться, а кстати необходимо было захватить книгу, какъ предлогъ для визита на всякій случай. Дѣлая всѣ эти приготовленія, Сергѣй Петровичъ могъ только удивляться собственной безсовѣстности: хоть бы тѣнь угрызенія совѣсти... Вѣдь это нехорошо обманывать своего стараго друга, даже очень нехорошо, совсѣмъ гнусно,

а онъ шелъ на свиданіе съ совершенно спокойной совѣстью. О, не все ли равно! Да и что такое совѣсть, ежели разобрать...

Съ какимъ трепетомъ шелъ онъ по знакомой дорожкѣ къ дачѣ Чубарскихъ. Вотъ и садикъ пестрѣетъ осенними цвѣтами, а на террасѣ... У него помутилось въ глазахъ отъ счастья.

— Ради Бога, осторожнѣе, — проговорила она, отворяя ему дверь террасы.—*Онъ* только-что вернулся... Кстати, не дѣлайте такого глупо-торжественнаго лица. Будьте, какъ всегда...

Его поразилъ больше всего спокойный тонъ, которымъ она говорила. У него замерли на языкѣ тѣ слова, которыя онъ повторялъ съ ранняго утра и несъ сюда, какъ святыню. И видъ у нея былъ такой же, какою онъ привыкъ видѣть ее изо дня въ день. У Сергѣя Петровича что-то точно порвалось въ душѣ, и онъ посмотрѣлъ на нее такими жалкими умоляющими глазами, точно хотѣлъ найти ту, вчерашнюю Евгенію Ивановну. Она сдѣлала знакъ глазами: „онъ идетъ“. Дѣйствительно, на террасу вошелъ Антонъ Ѳедоровичъ, немного измятый, усталый, съ кислымъ выраженіемъ лица.

— А, дорогой другъ,—лѣниво протянулъ онъ, зѣвая.

— Вы, повидимому, недурно воспользовались своимъ маленькимъ временемъ?—замѣтила Евгенія Ивановна.

— Да, долженъ сознаться, что того... Въ сущности, я ужасно жалѣлъ, что поѣхалъ, и ты напрасно не удержала меня.

Когда жена отвернулась, Антонъ Ѳедоровичъ лукаво подмигнулъ дорогому другу. Это ужъ было слишкомъ... Шла двойная игра. Вывела изъ неловкаго положенія горничная, явившаяся съ докладомъ, что завтракъ готовъ. Это было новое испытаніе. Евгенія Ивановна держала себя съ невозмутимымъ спокойствіемъ, и это произвело на Сергѣя Петровича непріятное впечатлѣніе. Онъ ожидалъ смущенно опущенныхъ глазъ, застѣнчивыхъ улыбокъ, непрошеннаго румянца, а тутъ какъ есть ничего, такъ что онъ даже усомнился въ существованіи вчерашняго дня. Только одинъ разъ онъ замѣтилъ на себѣ ея пристальный взглядъ,—она разсматривала его съ какимъ-то любопытствомъ, какъ смотрятъ на человѣка, который пришелъ въ домъ въ первый разъ. Вообще онъ ожидалъ совсѣмъ не этого и по логикѣ обманутаго человѣка во всемъ обвинялъ вернувшагося не вѣ-время Антона Ѳедоровича, котораго возненавидѣлъ еще сильнѣе.

— Вы, кажется, безъ меня поссорились?—пошутилъ Антонъ Ѳедоровичъ, приходя въ веселое настроеніе.

Она вся вспыхнула, встала и ушла, не сказавъ ни слова.

— Мы сердимся...—объяснилъ Антонъ Ѳедоровичъ, провожая жену глазами, и прибавилъ шопотомъ:—Ахъ, какая женщина, какая женщина!..

Онъ поцѣловалъ кончики пальцевъ и сдѣлалъ жестъ въ сторону Петербурга.

IV.

Бываютъ до нелѣпости странныя положенія, и именно въ такомъ положеніи очутился Сергѣй Петровичъ. Случившееся съ нимъ приключеніе окончательно и навсегда вышибло его изъ той колеи, по которой онъ шелъ до сихъ поръ, а будущее было неизвѣстно. Въ сорокъ лѣтъ любятъ тяжело, и каждый солнечный день здѣсь покупается слишкомъ дорогой цѣной. Прежде всего его совершенно сбило съ толку поведеніе Евгеніи Ивановны. Что онъ такое для нея и что она для него? Ему было стыдно за свои несбывшіяся мечты, за свое юношеское увлеченіе, за охватившій его восторгъ..

Да, онъ не принадлежалъ къ тѣмъ именно мужчинамъ, которыхъ женщины любятъ—это было ясно, и для этого не нужно быть ни молодымъ, ни красивымъ, ни богатымъ, ни талантливымъ. Любовь именно слѣпа... И все-таки обидно, горько, тяжело. Нужно быть Антономъ Ѳедорычемъ, чтобы пользоваться успѣхомъ у женщинъ. Вообще Сергѣй Петровичъ чувствовалъ себя гадко. Ему начинало казаться, что все случившееся—какой-то безобразный сонъ.

На Сергѣя Петровича напала такая хандра, что онъ нѣсколько дней никуда не показывался изъ дому. Онъ точно хотѣлъ кому-то отомстить этимъ сидѣньемъ... А вотъ возьму и буду сидѣть у себя дома, какъ кикимора. Подъ этимъ рѣшеніемъ притаилась скромная мысль, именно, дать почувствовать *ей*, что онъ ушелъ первый, а это уже стоило цѣлой побѣды. Но въ разгаръ этого стоицизма Сергѣй Петровичъ получилъ коротенькую записочку, состоявшую всего изъ двухъ предложеній: „Какъ вамъ не совѣстно... Я скучаю". Подписи не было, но Сергѣй Петровичъ зналъ руку и безъ подписи. Съ нимъ случилась странная вещь: весь стоицизмъ и всякая рѣшимость исчезли съ поразительной быстротой, смѣнившись бурной радостью. О, все забыть, все простить, все понять—какое это счастье...

Онъ полетѣлъ на дачу Чубарскихъ съ неприсвоенной его возрасту быстротой. Голова кружилась, мысли путались, въ глазахъ стоялъ радужный туманъ. На его счастье Антона Ѳедорыча не было дома. Она заставила его подождать цѣлыхъ полчаса, прежде чѣмъ показалась такая усталая, разбитая, недовольная.

— Посмотрите на себя въ зеркало,—предложила Евгенія Ивановна.

Онъ подошелъ и увидѣлъ глупо и радостно улыбавшееся лицо. Развѣ такихъ мужчинъ любятъ? У него упало сердце.

— Я былъ нездоровъ...—пробормоталъ онъ въ свое оправданіе.

— Цѣлыхъ три дня? Глупости... Подойдите сюда и смотрите мнѣ въ глаза.

— Евгенія Ивановна, если бы вы знали, какъ вы меня измучили...

Она засмѣялась беззаботно, весело, поджигающе, какъ иногда смѣются расшалившіяся дѣти. Черезъ мгновенье она смѣялась уже въ его объятіяхъ, напрасно стараясь вырваться.

— Да вы съ ума сошли, несчастный?.. Антонъ Ѳедорычъ дома...

И опять смѣхъ, прерывавшійся поцѣлуями, капризными движеніями, объятіями.

— Я пожалуюсь Антону Ѳедорычу... Неужели вы его не боитесь, безумный мужчина?

— Я? О, я его презираю... я его убью... вообще уничтожу. Только...

— Только что? Пожалуйста, не дѣлайте такихъ страшныхъ глазъ, точно въ первый разъ пришли въ фотографію и хотите сняться во всей красѣ.

— Могу сказать одно, что вы меня совершенно не знаете, Евгенія Ивановна...—шепталъ онъ, теряя голову отъ счастья.—О, сколько передумалъ я за эти дни!..

— Хорошо. Разсказывайте, а я буду слушать,—проговорила она совершенно другимъ тономъ, приводя въ порядокъ волосы. — Женщины любятъ, чтобы имъ говорили о любви, даже когда ихъ обманываютъ... Клянитесь, что вы любите еще въ первый разъ, что еще никогда и никто такъ не любилъ, что вы никого и никогда не полюбите, что... Садитесь у моихъ ногъ и говорите.

И безумецъ сидѣлъ у ея ногъ и разсказывалъ о своемъ безуміи. Она сдѣлалась вдругъ серьезна и слушала его внимательно. Онъ все ей разска-

залъ, что̀ передумалъ и перечувствовалъ за эти дни, и былъ пораженъ, когда на его лицо упала горячая слеза.

— Милая, что̀ съ тобой?

— Такъ, ничего... Такъ ты рѣшилъ, что такихъ мужчинъ, какъ ты, женщины не любятъ?

— Да... Я въ этомъ увѣренъ.

— А я?

— Ты сама не вѣришь себѣ... Я не забуду никогда, какъ ты смотрѣла на меня на другой день за завтракомъ. Ты, вѣроятно, раскаивалась и даже не вѣрила, что все это могло быть. Женщины любятъ, чтобы мужчина былъ немного нахалъ, чтобы онъ немного обманывалъ, чтобы вообще держалъ себя такъ, что вотъ сейчасъ онъ исчезнетъ... Все это я знаю и понимаю и не могу быть такимъ. Да, я смѣшонъ въ твоихъ глазахъ своей ребяческой искренностью, своимъ запоздалымъ чувствомъ, но я не умѣю быть другимъ. Я весь тутъ... И сейчасъ я знаю, что я не долженъ былъ говорить вотъ именно этого и что я окончательно гублю себя этими дѣтскими признаніями, но что̀ дѣлать, если я потерялъ голову... Все равно, будь что̀ будетъ!..

— Мнѣ больше всего нравится эпизодъ съ астрой. Недостаетъ только локона любимой женщины. Принесите сюда ножницы.

Онъ повиновался. Она подошла къ зеркалу и отрѣзала одну прядь своихъ чудныхъ волосъ.

— Вотъ, рыцарь, вамъ на память отъ дамы сердца.

Она опять засмѣялась, потомъ достала его часы, открыла крышку, положила подъ нее волосы и проговорила съ комической торжественностью:

— Я отдаю вамъ лучшую часть самой себя... Это будетъ вашимъ талисманомъ, который отгонитъ самыя черныя мысли.

Дальше опять начались дурачества и посыпался неудержимый смѣхъ. Наконецъ она утомилась, забилась въ уголокъ дивана и проговорила усталымъ голосомъ:

— Вы, дѣйствительно, совсѣмъ другой, Сергѣй Петровичъ, а не тотъ, какимъ я васъ знала раньше. Сейчасъ вы еще сами не дадите себѣ отчета, а въ свое время и это придетъ. Знаете, когда женщина отдается мужчинѣ, она уже теряетъ девяносто процентовъ своего женскаго обаянія, какъ всякая вещь, поступившая въ собственность. Это глубоко вѣрно психологически, и всѣ женщины теряютъ именно на этомъ... Недавній идеалъ, недавнее совершенство, недоступная мечта реализируются слишкомъ просто—я не хочу сказать больше. Прибавьте къ этому еще то, болѣе или менѣе искусно скрытое, торжество мужчины, добившагося цѣли... Это очень грустно и обидно для женщины, но это такъ. И вы такой же, какъ всѣ... Еще немножко—и вы настолько привыкнете къ собственному счастью, что будете смотрѣть на него, какъ на нѣчто очень обыкновенное, а я въ вашихъ глазахъ сдѣлаюсь...

— Ни слова больше! Ради Бога, ни слова!

Нѣтъ, это было что-то невѣроятное, захватывающее, безумное. Сергѣй Петровичъ возвращался домой, какъ пьяный, пьяный отъ счастья. Было уже темно, и онъ кому-то погрозилъ кулакомъ, а потомъ расхохотался.

— Я схожу съ ума,—мелькнуло у него въ головѣ.—Э, все равно...

Ему показалось, что кто-то хохочетъ другой, и дрожь пробѣжала у него по спинѣ. Потомъ онъ остановился, зажегъ спичку и посмотрѣлъ на спрятанный въ часахъ талисманъ. Да, они, эти волосы, составляли частичку ея еще утромъ, а теперь принадлежатъ ему. Глупое слово: принадлежатъ... И онъ еще могъ сомнѣваться?

Счастье идетъ быстрыми шагами, и Сергѣй Петровичъ не замѣчалъ, какъ летѣли дни за днями. Ему даже хотѣлось крикнуть солнцу: остановись! А глупая планета—земля продолжала вертѣться, какъ громадный клубокъ, наматывавшій на себя часы, дни, недѣли, мѣсяцы, годы; сердце билось, приближая каждымъ новымъ ударомъ къ небытію. Какъ вообще велико и мало въ одно и то же время счастье каждаго человѣка!.. Въ самый разгаръ счастья Сергѣя Петровича наступилъ роковой моментъ переѣзда съ дачи. Да, всему свое время и всему свой конецъ. У него сжалось сердце отъ предчувствія чего-то недобраго, что̀ ждало его тамъ, впереди. И чего бы онъ ни далъ, чтобы остаться на дачѣ навсегда, до самой смерти. Для чего, въ самомъ дѣлѣ, существуютъ эти дурацкіе города и еще болѣе дурацкій обычай переѣзжать съ дачи осенью.

— Мнѣ жаль разставаться съ нашей дачей,—замѣтила однажды Евгенія Ивановна въ присутствіи мужа и посмотрѣла на Сергѣя Петровича такими глазами, которые были краснорѣчивѣе всякихъ словъ.—Здѣсь было такъ уютно, покойно...

— На тебя осенью обыкновенно нападаетъ институтская сентиментальность,—довольно грубо отвѣтилъ Антонъ Ѳедорычъ.—Я, напримѣръ, съ удовольствіемъ ѣду на дачу и съ удовольствіемъ ѣду съ дачи... Всякая перемѣна уже сама по себѣ составляетъ цѣль. Не правда ли, дорогой другъ?

— О, да... т.-е. я не могу согласиться.

Между Антономъ Ѳедорычемъ и Сергѣемъ Петровичемъ установились какія-то странныя отношенія, начиная съ того, что они взаимно старались избѣгать другъ друга. Открытой причины для этого не было, а все выходило какъ-то такъ, само собой.

V.

Сергѣй Петровичъ жилъ на Моховой. У него была великолѣпная квартира, какія устраиваютъ себѣ богатые холостяки. Первымъ дѣломъ онъ устроилъ очищеніе этой квартиры, какое произвелъ у себя на дачѣ; всѣ фривольнаго содержанія картины были убраны, та же участь постигла двухъ Венеръ, пикантныя терракоты, китайскую запретную бронзу, кипсеки съ игривыми рисунками. Однимъ словомъ, произведенъ былъ полный разгромъ, потому что впереди предвидѣлась возможность, что сама богиня удостоитъ своимъ посѣщеніемъ эту холостую обитель. По пути Сергѣй Петровичъ подтянулъ свою экономку и горничную, а затѣмъ, уже неизвѣстно для чего, нанялъ себѣ „человѣка“, которому рѣшительно нечего было дѣлать въ домѣ.

— Ты у меня смотри...—довольно строго внушалъ баринъ.

— Слушаю-съ.

Все оно какъ-то солиднѣе, когда дверь будетъ отворять не горничная, а „человѣкъ“.

Чубарскіе жили на Николаевской. У нихъ была совсѣмъ роскошная квартира, какую могутъ имѣть люди съ годовымъ бюджетомъ въ двадцать тысячъ. Правда, что оригинальнаго во всей обстановкѣ ничего не было, а просто была нагромождена заказная роскошь, какъ ее понимаютъ мебельные магазины и обойщики. У Антона Ѳедорыча совершенно не было вкуса къ обстановкѣ, а Евгенія Ивановна относилась къ ней равнодушно,—достаточно, если все прилично, какъ у другихъ.

Когда Сергѣй Петровичъ явился къ Чубарскимъ съ первымъ визитомъ, ему показалось, что Евгенія Ивановна совсѣмъ не та, какой была на дачѣ.

„Неужели все это, что было, только глупый дачный романъ? — съ ужасомъ подумалъ Сергѣй Петровичъ.—Впрочемъ, я дѣлаюсь мнительнымъ...“

Первое время онъ ужасно ревновалъ Евгенію Ивановну къ мужу, который какъ на зло нарочно при немъ позволялъ разныя нѣжности. Всѣ эти объятія мимоходомъ, случайныя безешки и другіе знаки супружескаго вниманія коробили Сергѣя Петровича, пока онъ не привыкъ къ нимъ, потому что видѣлъ, съ какимъ отвращеніемъ принимала ихъ Евгенія Ивановна. Да, ко всему можно привыкнуть, особенно, когда другого выхода не оставалось.

— Какое у тебя странное лицо, дорогой другъ,—удивлялся Антонъ Ѳедорычъ съ затаеннымъ ехидствомъ.—Можно подумать, что ты влюбленъ. Говорятъ, что въ этомъ положеніи люди глупѣютъ; по крайней мѣрѣ, это вѣрно относительно меня. Вотъ спроси Женю, когда я ухаживалъ...

— Слушая тебя, можно подумать, что ты постоянно влюбленъ,—отвѣтила съ женской находчивостью Евгенія Ивановна.

Сергѣй Петровичъ покорно переносилъ ехидство друга и очень мучился своей непаходчивостью. Вернувшись домой, онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что придумывалъ отвѣты убійственно-остроумные, отъ которыхъ Антону Ѳедорычу не поздоровилось бы. Онъ проклиналъ собственную робость и боялся только одного, что Евгенія Ивановна перестанетъ его уважать. Показаться смѣшнымъ въ глазахъ любимой женщины—вѣдь это конецъ всему. Женщины все могутъ понять, простить, извинить, кромѣ этого.

Но худшее было еще впереди.

Разъ Сергѣй Петровичъ провожалъ Евгенію Ивановну въ оперу,—у нихъ была абонированная ложа въ бель-этажѣ. И раньше ему случалось бывать съ ней въ театрѣ, но теперь онъ испытывалъ особенный приливъ гордости, когда остался съ ней въ ложѣ вдвоемъ. Она была такъ красива, когда сидѣла у барьера и не обращала никакого вниманія на наведенные на нее бинокли. А какъ она была эффектна, когда они подъ руку гуляли въ фойе. Мужчины почтительно давали дорогу, женщины провожали завистливыми взглядами, вслѣдъ доносился восторженный шопотъ: „какая красавица... ахъ, какая красавица!“. И Сергѣй Петровичъ задыхался отъ счастья, что эта чудная женщина принадлежитъ именно ему, Сергѣю Петровичу... Ему хотѣлось даже крикнуть на весь театръ: „она—моя“. Послѣ второго дѣйствія Евгенія Ивановна отказалась итти въ фойе. Это ничтожное обстоятельство сначала не обратило на себя вниманія Сергѣя Петровича, но онъ взглянулъ на свою даму и похолодѣлъ—на ея чудномъ лицѣ появилось то тревожно-ласковое выраженіе, которое ему было такъ знакомо. Но сейчасъ это выраженіе относилось не по его адресу. Сергѣй Петровичъ замеръ отъ ужаснаго подозрѣнія и припялся молча наблюдать за своей дамой. Евгенія Ивановна нѣсколько разъ раскланивалась со знакомыми, но это было не то. У Чубарскихъ было большое знакомство, но это все были люди отчасти необходимые по дѣловымъ отношеніямъ, отчасти просто знакомые, которые появлялись на вечерникахъ и исчезали.

Сергѣй Петровичъ почувствовалъ инстинктивно присутствіе соперника и сталъ искать его въ партерѣ и въ ложахъ, продолжая наблюдать, куда смотритъ Евгенія Ивановна. Вотъ она кивнула знакомому старичку-генералу,—конечно, не онъ,—потомъ стала разсматривать въ бинокль ложу, гдѣ сидѣлъ начинающій адвокатъ,—тоже не онъ,—дальше слѣдовалъ офицеръ изъ конвоя, желѣзнодорожный инженеръ, цивилизованный купчикъ, богатый нѣмецъ, дамскій докторъ... Но въ этой толпѣ не было того, кого искалъ Сергѣй Петровичъ.

— У меня болитъ голова, — заявила Евгенія Ивановна послѣ третьяго акта.—Проводите меня домой.

Сомнѣній не могло быть: она его встрѣтила. Въ головѣ Сергѣя Петровича быстро сложилась цѣлая картина: она была влюблена въ этого неизвѣстнаго, а потомъ произошла любовная ссора, и они разстались на лѣто. Теперь въ театрѣ произошла случайная встрѣча, и старая любовь поднялась съ новой силой. Евгенія Ивановна больше не замѣчала Сергѣя Петровича и всю дорогу упорно молчала, откинувшись въ уголъ кареты и полузакрывъ глаза.

„Нѣтъ, Антонъ-то Ѳедорычъ какой дуракъ! — съ бѣшенствомъ думалъ Сергѣй Петровичъ.—Нѣтъ, гдѣ у этого болвана были глаза, когда его водили за носъ? И такъ глупо попасться... Нѣтъ, это возмутительно. Просто дуракъ, и только...“

Въ головѣ Сергѣя Петровича мысли вертѣлись вихремъ, и онъ чувствовалъ, какъ начинаетъ презирать измѣнницу. Онъ на время даже смѣшалъ себя съ Антономъ Ѳедорычемъ и вошелъ въ роль обманутаго самымъ безсовѣстнымъ образомъ мужа.

Вернувшись домой, Сергѣй Петровичъ почувствовалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ. Да, все было разбито, уничтожено, попрано... И это могла сдѣлать *она!* Получалось что-то чудовищное, невозможное... Сергѣй Петровичъ смотрѣлъ теперь на свою собственную квартиру, какъ на кладбище, на которомъ было похоронено все дорогое. Единственнымъ воспоминаніемъ объ этомъ дорогомъ являлись несчастная астра и спрятанная въ часахъ прядь русыхъ волосъ. Эти реликвіи теперь говорили только о томъ, что были другія астры и другіе локоны, которые давались на память тому, другому.

Начались дни испытаній. Сергѣй Петровичъ давалъ себѣ тысячу разъ слово порвать эту позорившую его искреннее чувство связь—и не могъ. Его убивало собственное безсиліе. Затѣмъ являлись сомнѣнія: а можетъ-быть, онъ ошибается? Онъ слишкомъ былъ ослѣпленъ собственной страстью и мучился призраками собственнаго воображенія. Какія ужасныя ночи безъ сна, съ галлюцинаціями и мучительной дремотой, и еще болѣе мучительные дни! Сергѣй Петровичъ до мельчайшихъ подробностей разобралъ всю исторію своего короткаго счастья и съ ужасомъ находилъ, что въ самыхъ интимныхъ сценахъ чувствовалось присутствіе этого неизвѣстнаго третьяго лица, оно сказывалось въ формировкѣ фразы, въ самыхъ интонаціяхъ, потому что она въ эти моменты думала о другомъ. Затѣмъ онъ еще съ болыней внимательностью отнесся къ ея привычкамъ и мельчайшимъ деталямъ всей обстановки и костюмовъ. И здѣсь съ яркой убѣдительностью опять выступалъ *онъ*, какъ грозный призракъ. Да, *онъ* незримо присутствовалъ здѣсь, все наполнялъ собой и на все клалъ свою печать. Она одѣвалась такъ, какъ это нравилось ему, она убирала волосы по его вкусу, она любила тѣ вещи, съ которыми такъ или иначе были связаны воспоминанія о немъ. Сергѣй Петровичъ теперь могъ пересчитать эти вещи по пальцамъ и по нимъ до извѣстной степени возстановить портретъ неизвѣстнаго соперника. Никакой сыщикъ не могъ бы произвести такого дознанія.

— Онъ есть...—повторялъ Сергѣй Петровичъ, ломая руки.—Его нѣтъ!

А она ничего не подозрѣвала, поглощенная неожиданной встрѣчей. Она была слишкомъ полна своей внутренней тайной. Это спокойствіе возмущало Сергѣя Петровича больше всего.

— Нѣтъ, я его найду! — клялся онъ самому себѣ.— Я его поставлю на барьеръ, если на то пошло. Вы еще не знаете, господа, что такое Сергѣй Петровичъ... да-съ. Я шутить съ собой не позволю!

А тутъ еще круглый болванъ мужъ. Этотъ истуканъ рѣшительно не желалъ ничего замѣчать, и Сергѣю Петровичу хотѣлось ему крикнуть:

— Ты, старый дуракъ, что смотрѣлъ?..

Этотъ обманутый вдвойнѣ мужъ теперь вызывалъ въ Сергѣѣ Петровичѣ какое-то органическое отвращеніе, о ревности къ нему больше не могло быть и рѣчи.

VI.

Муки и душевныя терзанія Сергѣя Петровича продолжались въ теченіе всего зимняго сезона. Евгенія Ивановна держала себя съ нимъ, какъ и раньше, полосы равнодушія смѣнялись припадками совершенно неожиданной нѣжности. И было достаточно одного ея ласковаго взгляда, чтобы всѣ его сомнѣнія разлетѣлись прахомъ. Онъ ненавидѣлъ самого себя за эту преступную слабость, ненавидѣлъ ее, но продолжалъ плыть по теченію. Объясниться откровенно съ самой Евгеніей Ивановной онъ не рѣшался, хотя и дѣлалъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ въ этомъ направленіи. Сергѣй Петровичъ, какъ всѣ безхарактерные люди, все ожидалъ чего-то, того случая, который его выручитъ.

И такой случай явился.

Это было въ разгарѣ зимняго сезона, на одномъ изъ вторниковъ у Чубарскихъ. Общество собралось смѣшанное и довольно скучное. Евгенія Ивановна не умѣла быть настоящей хозяйкой и обыкновенно отбывала свою повинность съ сдержанной зѣвотой. Ахъ, какіе всѣ скучные и неинтересные!.. А между тѣмъ нельзя, нужно улыбаться, дѣлать любезный видъ, поддерживать разговоры, вообще притворяться въ теченіе цѣлаго вечера. Такъ было и тутъ: выручалъ хозяйку обыкновенно Сергѣй Петровичъ, занимая дамъ, подсаживаясь за болвана къ винтерамъ и вообще выдѣлывая все то, къ чему обязываетъ отвѣтственное званіе друга дома. Антонъ Ѳедорычъ и въ такомъ критическомъ положеніи умѣлъ оставаться неисправимымъ эгоистомъ и являлся у себя дома какимъ-то гостемъ.

Въ затруднительныхъ случаяхъ эта тварь обращалась къ Сергѣю Петровичу и говорила:

— Дорогой другъ, займи какъ-нибудь вонъ того старичка. Онъ помѣшанъ на гомеопатіи... Что тебѣ стоитъ прикинуться злѣйшимъ гомеопатомъ? А вотъ тамъ генеральша Истолбина... Она выжигаетъ по дереву или что-то такое вообще. Однимъ словомъ, ты меня понимаешь, дорогой другъ...

И дорогой другъ превращался въ злѣйшаго гомеопата, а потомъ открывалъ, что генеральша не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о выжиганіи по дереву, а занимается спиритизмомъ. Впрочемъ, всѣ эти маленькіе сюрпризы совершенно выкупались одной благодарной улыбкой хозяйки, пожатіемъ маленькой руки, и за эту цѣну Сергѣй Петровичъ бросился бы въ Ніагару или въ жерло Везувія — не все ли равно.

Итакъ, вторникъ былъ нормально скученъ. Обычные посѣтители сидѣли съ такими обиженными лицами, точно дѣлали величайшее одолженіе уже тѣмъ, что дышатъ. Въ гостиной дамы вполголоса вели безконечный разговоръ о послѣднихъ модахъ, о новыхъ матеріяхъ, о послѣднемъ концертѣ, о скандалѣ съ одной изъ недавнихъ посѣтительницъ вторниковъ. Мужчины пробовали быть любезными, но эти героическія попытки заканчивались болѣе или менѣе удачнымъ бѣгствомъ въ кабинетъ хозяина, гдѣ разсказывались такіе интересные анекдоты. Даже Сергѣй Петровичъ не выдержалъ и тайкомъ направился изъ гостиной въ кабинетъ, проклиная не безъ основанія всю женскую

половину человѣческаго рода. Вѣдь такъ нельзя же, господа... Вѣдь это, наконецъ, чортъ знаетъ что такое!

Въ залѣ Сергѣй Петровичъ сдѣлался свидѣтелемъ довольно комической сцены. Вошелъ какой-то офицеръ и натолкнулся прямо на хозяина.

— Ахъ, очень, очень радъ... — бормоталъ Антонъ Ѳедорычъ, очевидно, не узнавая гостя.—Какъ вамъ не совѣстно забывать насъ!.. Я уже говорилъ нѣсколько разъ женѣ... А вотъ и она.

Офицеръ что-то пробормоталъ въ свое извиненіе и издали раскланялся съ хозяйкой, которая остановилась и смотрѣла на него округлившимися испуганными глазами. Въ первую минуту Сергѣй Петровичъ подумалъ, что и она тоже не узнала новаго гостя, и про себя готовъ былъ даже разсмѣяться надъ этимъ комическимъ видомъ, но она быстро подошла къ гостю, подала ему руку и съ дѣланымъ равнодушіемъ проговорила:

— Вы, господа, незнакомы, кажется? Владимиръ Васильевичъ Петриковъ... Сергѣй Петровичъ...

Окончаніе всей сцены мелькнуло для Сергѣя Петровича въ какомъ-то туманѣ, и для него ясно было только одно, именно, что передъ нимъ стоялъ *онъ*, тотъ настоящій *онъ*, котораго онъ напрасно разыскивалъ въ теченіе всего сезона. Въ сущности, какъ соперникъ, этотъ Петриковъ ничего особеннаго не представлялъ, потому что не былъ ни особенно молодымъ ни особенно краснымъ. Сергѣй Петровичъ даже замѣтилъ, что у него смѣшно торчали уши, лобъ былъ малъ, усы закручены колечкомъ — и только. Затѣмъ этотъ нахалъ посмотрѣлъ на дорогого друга съ такимъ убійственнымъ равнодушіемъ, съ какимъ смотрятъ на подержаную мебель. А глаза у него были замѣчательные, упрямые, властные, покоряющіе.

Все дальнѣйшее происходило уже въ какомъ-то туманѣ. Къ дамамъ въ гостиную Петриковъ не пошелъ.

— Знаете, Антонъ Ѳедоровичъ, я плохой дамскій кавалеръ, — довольно фамильярно объяснилъ онъ.

— Напрасно, Владимиръ Васильичъ... А Женя еще недавно мнѣ говорила про васъ...

— Ничего я не говорила про Владимира Васильича! — рѣзко отвѣтила Евгенія Ивановна, вспыхнувъ.—Развѣ говорятъ о людяхъ, которые забываютъ...

Офицеръ поклонился, улыбнулся одними глазами и отправился съ хозяиномъ въ кабинетъ. Евгенія Ивановна осталась посреди гостиной одна. Уже одна ея поза говорила за себя: эти безсильно опущенныя руки, это скрытое желаніе вернуть нахала, этотъ взглядъ, которымъ она его проводила до самыхъ дверей. Да, это былъ *онъ*...

Дальнѣйшія событія происходили въ такомъ порядкѣ. Сергѣй Петровичъ очутился въ гостиной и проявилъ необыкновенное оживленіе. Онъ шутилъ, смѣялся и даже сдѣлался остроумнымъ. Да, его часъ пришелъ... Евгенія Ивановна была удивлена, когда онъ въ третьемъ лицѣ высказалъ ей нѣсколько очень горькихъ истинъ. Нѣтъ, онъ былъ положительно въ ударѣ, и дамы хохотали до слезъ. Какъ онъ милъ, этотъ Сергѣй Петровичъ!.. Одна Евгенія Ивановна не раздѣляла общаго настроенія и смотрѣла на Сергѣя Петровича такими равнодушными глазами, въ которыхъ былъ написанъ его смертный приговоръ.

Офицеръ такъ и не показался вплоть до самаго ужина. Въ столовой и разыгрался финалъ всей исторіи. Сначала Сергѣй Петровичъ упорно молчалъ, наблюдая выдержаннаго соперника уничтожающимъ взглядомъ. Потомъ онъ ни съ того ни съ сего выпилъ сразу двѣ рюмки водки, хотя обыкновенно

этого не дѣлалъ, и вдругъ разошелся. Какъ онъ былъ милъ, этотъ милый Сергѣй Петровичъ, и какъ всѣ опять смѣялись. Закончилось это представленіе тѣмъ, что милый Сергѣй Петровичъ ни съ того ни съ сего, точно съ печи упалъ, отвѣсилъ Петрикову крупную дерзость. Тотъ посмотрѣлъ на неизвѣстнаго господина своими упрямыми глазами, сдѣлалъ нервное движеніе однимъ плечомъ и обратился къ хозяину:

— Извините меня, Антонъ Ѳедорычъ, но я рѣшительно не понимаю, что̀ этому... этому господину нужно отъ меня?

— Что̀ мнѣ нужно?—глухо отозвался Сергѣй Петровичъ, чувствуя, какъ блѣднѣетъ, трясется и перестаетъ видѣть. — Этотъ господинъ, т.-е. я, покажетъ вамъ... покажетъ...

Онъ быстро подошелъ къ офицеру и погрозилъ ему пальцемъ подъ самымъ носомъ. Петриковъ быстро поднялся, но въ этотъ моментъ подскочилъ Антонъ Ѳедорычъ, схватилъ дорогого друга подъ руку и увлекъ изъ столовой.

— Дорогой другъ, мнѣ нужно сказать тебѣ нѣсколько теплыхъ словъ...

Сергѣй Петровичъ сдѣлалъ попытку освободиться, а потомъ неожиданно проговорилъ:

— Антонъ Ѳедорычъ, а вѣдь ты великій дуракъ...

— Сейчасъ могу согласиться даже съ этимъ, дорогой другъ, только, ради Бога, успокойся.

Они прошли въ кабинетъ, гдѣ Антонъ Ѳедорычъ подалъ взволнованному дорогому другу стаканъ холодной воды. Сергѣй Петровичъ выпилъ, провелъ рукой по лицу и неожиданно захохоталъ.

— Ха-ха!.. А мнѣ тебя жаль, Антонъ Ѳедорычъ. Ты думаешь, что я обѣспился? Да? Думаешь, что я пьянъ?

— Ничего не думаю... Хочешь еще воды?

— Нѣтъ, постой...

Поднявшись съ кресла, Сергѣй Петровичъ проговорилъ тономъ трагическаго актера:

— Этотъ Петриковъ... да, Петриковъ... Онъ негодяй... да!.. Онъ любовникъ Евгеніи Ивановны, и я его убью.

Тутъ ужъ Антонъ Ѳедорычъ не выдержалъ и расхохотался.

— Ахъ, голубчикъ, что̀ ты сказалъ... — заливался онъ. — Любовникъ? Ха-ха!.. Вѣдь объ этомъ я долженъ позаботиться, а ты... Конечно, я цѣню твои чувства, понимаю твое участіе, но все-таки ты слишкомъ горячо вошелъ не въ свою роль.,. Вѣдь это я долженъ ревновать, а не ты.

Сергѣй Петровичъ посмотрѣлъ на Антона Ѳедорыча непонимавшими глазами, безсильно опустился въ кресло и только махнулъ рукой. Да, онъ вышелъ изъ своей роли и ревновалъ, какъ имѣетъ право ревновать только мужъ.

ВСТРѢЧА.

I.

„Жена и дѣти съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаютъ родныхъ и знакомыхъ, что послѣ продолжительной болѣзни, сего 9 марта, скончался Петръ Ивановичъ Рябковъ. Заупокойныя панихиды въ 6 часовъ вечера, выносъ въ четвергъ, 12 марта". Это объявленіе появилось въ понедѣльникъ и въ числѣ другихъ было прочитано Ѳедоромъ Павлычемъ Чиколевымъ.

— Вотъ тебѣ разъ...—пробормоталъ онъ, еще разъ прочитывая его.— Вотъ тебѣ и Петръ Иванычъ: жилъ долго, умеръ скоро. А вѣдь учились вмѣстѣ...

На панихиды онъ не пошелъ, года два какъ они поссорились и какъ-то неловко, а явился только къ выносу. Все-таки нужно же отдать послѣдній долгъ покойному. Въ воздухѣ кружились пушистыя снѣжинки; онѣ сейчасъ же и таяли, падая на желѣзныя крыши и каменныя плиты тротуаровъ. Гдѣ-то капала вода, а на мостовой образовалась изъ грязи и снѣга настоящая каша. Пробираясь къ дому Рябкова, Ѳедоръ Павлычъ чувствовалъ себя вообще скверно и даже вздыхалъ. Разъ, печальная церемонія — это похороны, а вѣдь—самъ Ѳедоръ Павлычъ былъ уже въ томъ возрастѣ, когда благоразумные люди стараются не думать о смерти. И борода сѣдая, и глаза поблекли, а всего-то шестьдесятъ лѣтъ—какіе это года, если разобрать. Конечно, Рябковъ умеръ и многихъ другихъ уже нѣтъ, но на то они „другіе", а это онъ, Ѳедоръ Павлычъ Чиколевъ.

У дома Рябкова стояло десятка полтора экипажей и катафалкъ. Мужики въ широкополыхъ факельщицкихъ шляпахъ сидѣли на тумбахъ и покуривали съ равнодушіемъ посторонннихъ людей. Около нихъ собралась кучка уличныхъ зѣвакъ. Ворота и двери вездѣ были растворены, на лѣстницѣ и на полу слѣды грязныхъ ногъ, точно послѣ пожара. Чиколевъ былъ доволенъ, что, благодаря набравшейся въ комнатѣ толпѣ, можетъ остаться незамѣтнымъ, да и пришелъ онъ къ самому выносу, когда охрипшій дьяконъ оканчивалъ „вѣчную память". Гурьбой двинулись пѣвчіе, поднялся топотъ и послѣдняя суета похоронной публики. Ѳедоръ Павлычъ прижался къ стѣнкѣ, когда мимо него понесли гробъ. „Какой онъ большой..."—невольно подумалъ Ѳедоръ Павлычъ, провожая глазами колыхавшійся въ рукахъ носильщиковъ гробъ. Впрочемъ, всѣ послѣ смерти вытягиваются и кажутся больше. За гробомъ шла въ траурѣ жена Рябкова, двѣ дочери и маленькій мальчикъ, а за нимъ человѣкъ десять родственниковъ и старыхъ знакомыхъ. Этихъ послѣднихъ такъ немного осталось, и Ѳедоръ Павлычъ встрѣчался съ ними только на похоронахъ. Такіе старые знакомые имѣютъ дурную привычку пріятно удивляться, что вы еще живы... Ѳедоръ Павлычъ издали раскланялся кой съ кѣмъ и побрелъ въ хвостѣ процессіи.

Церемонія отпѣванія въ церкви утомила Ѳедора Павлыча, и онъ все время съ непріятнымъ чувствомъ думалъ о томъ, какъ ему придется итти пѣшкомъ на кладбище. Старыхъ друзей такъ немного осталось, нельзя же сѣсть на извозчика, а тутъ еще снѣгъ идетъ... Никакого трогательно-умиленнаго настроенія Ѳедоръ Павлычъ рѣшительно не испытывалъ и думалъ только о себѣ, съ тѣмъ старческимъ эгоизмомъ, когда кругъ жизни съ каждымъ годомъ дѣлается все уже и уже. Когда онъ чувствовалъ, что на него смотрятъ, то начиналъ притворно вздыхать и крестился мелкими крестиками.

Кончилась и эта церемонія; отдали послѣднее цѣлованіе, при чемъ Ѳедоръ Павлычъ старался не смотрѣть въ лицо покойнику, и похоронная процессія тронулась изъ церкви. На открытомъ воздухѣ пѣніе хора совсѣмъ терялось, священникъ съ трудомъ шагалъ по осклизнувшей мостовой, за гробомъ уныло плелась кучка родственниковъ и знакомыхъ, которыхъ теперь было меньше, чѣмъ при выносѣ изъ дома. Ѳедоръ Павлычъ съ удовольствіемъ подумалъ, что вотъ, хотя ему и непріятно, а онъ выдерживаетъ характеръ, не какъ тѣ другіе, которые скромно улизнули даже отъ своего послѣдняго долга. Снѣгъ шелъ сильнѣе, мокрые хлопья попадали Ѳедору Павлычу за воротникъ и садились на носъ, вызывая непріятную дрожь, но нужно въ каждомъ дѣлѣ выдерживать характеръ до конца. Похоронный перезвонъ уныло замиралъ въ воздухѣ, попадавшіеся навстрѣчу пѣшеходы торопливо крестились и спрашивали у кучеровъ, кого хоронятъ.

Кладбище отдѣлялось отъ города пустыремъ, который на языкѣ мѣщанъ носилъ громкое названіе „степи“. Если въ городѣ начиналась уже весна, то здѣсь царила зима въ полной силѣ и бѣлый снѣгъ лежалъ толстымъ слоемъ. „Не угодно ли, когда онъ растаетъ“, — подумалъ Ѳедоръ Павлычъ, съ трудомъ шагая по изрытой кладбищенской дорогѣ. Каменная ограда кладбища, красиво бѣлѣвшая лѣтомъ, теперь на общемъ бѣломъ фонѣ совсѣмъ терялась, и только зеленой шапкой поднимался сосновый кладбищенскій лѣсъ. На кладбищенской церкви уныло перезванивали какіе-то необыкновенно тонкіе колокола, и этотъ монотонный перезвонъ начиналъ раздражать Ѳедора Павлыча.

Процессія уже приближалась къ кладбищу, когда одна изъ провожавшихъ дамъ остановилась и съ укоромъ проговорила:

— Ѳедоръ Павлычъ, вы, кажется, не ходите меня узнавать...

— Анна Васильевна, какими судьбами... да вы ли это? Давно мы не видались... да... и гдѣ пришлось встрѣтиться...

Ѳедоръ Павлычъ вдругъ засуетился и смущенно вытеръ лицо платкомъ, а она шла рядомъ съ нимъ, поддерживая одной рукой мѣшавшее шагать платье. На видъ ей было подъ шестьдесятъ. Сгорбленная высокая старуха съ сморщеннымъ желтымъ лицомъ представляла ходячую развалину, и Ѳедоръ Павлычъ съ ужасомъ подумалъ про себя: „Вотъ такъ встрѣча... отлично!.. Какъ разъ къ мѣсту... Ахъ, чортъ возьми!..“.

— Давненько мы не видались,—продолжала она совершенно спокойнымъ тономъ.—И я какъ-то, знаете, совсѣмъ упустила васъ изъ виду...

— Да, лѣтъ тридцать съ хвостикомъ будетъ, Анна Васильевна.

— Неужели тридцать? Боже мой, какъ время быстро летитъ... Давно ли, подумаешь... Вонъ идетъ моя старшая внучка. А вы остались вѣрны себѣ, Ѳедоръ Павлычъ: одинокій старый холостякъ?..

— Да, въ этомъ случаѣ я выдержалъ характеръ, Анна Васильевна.

— Послушайте, что же вы не предложите мнѣ руки?.. Прежде вы были самымъ вѣжливымъ человѣкомъ...

Ѳедоръ Павлычъ извинился и сдѣлалъ руку крепделемъ. Ему сдѣлалось даже страшно, что въ лицѣ ихъ двоихъ подъ руку идутъ цѣлыхъ сто десять лѣтъ.

II.

Снѣгъ шелъ все сильнѣе. Небольшая кучка хорошо знакомыхъ тѣсно сбилась за гробомъ, и каждый думалъ про себя со страхомъ, за кѣмъ теперь очередь?

— Ахъ, какъ немного осталось старыхъ друзей,—шептала Анна Васильевна, крѣпко опираясь на руку своего кавалера.—Какіе-то все новые люди... И откуда они взялись, эти новые?

Чиколевъ что-то мычалъ и раза два отвѣтилъ невпопадъ. Въ лицѣ своей дамы онъ видѣлъ собственную старость, то, что давно пережито, что не вернется никогда и что лучше всего позабыть... Да и гдѣ эта жизнь,—собственно говоря, никакой жизни и не было, а каждый гнался за призракомъ. То похоронное настроеніе, которое на время завладѣло имъ, теперь было разбито, и противъ желанія выступили другія лица, другое время и даже другая погода.

— Не запнитесь, здѣсь камень...—предупредила Чиколева его дама.

— Послушайте, Анна Васильевна, я еще настолько вижу, что днемъ могу ходить безъ посторонней помощи.

— Я и не считаю васъ совсѣмъ старикомъ, Ѳедоръ Павлычъ...

Недурно сказано: она не считаетъ его *совсѣмъ* старикомъ... тьфу!.. Чиколевъ сдѣлалъ невольно сердитое движеніе, какъ только-что связанный человѣкъ. Вотъ тебѣ и не совсѣмъ старикъ, старая крымза!..

Открытая могила ничего ужаснаго не представляла: яма, какъ яма, к напрасно господа поэты придаютъ этой ямѣ разные, болѣе или менѣе ужасные эпитеты, въ родѣ „зіяющая“, „мрачно чернѣющая“, „готовая поглотить“ и т. д. Рѣшительно ничего ужаснаго, кромѣ того, что приноситъ къ этой ямѣ самъ человѣкъ, когда думаетъ на тему, какъ онъ будетъ лежать въ такой „хладной“ могилѣ, какъ будетъ его трупъ постепенно разлагаться, пока, говоря языкомъ Шекспира, „господа черви“ не сдѣлаютъ своего дѣла. Могила Петра Ивановича была ни хуже ни лучше другихъ. Кругомъ уже тѣснились новыя насыпи и кресты, въ сторонкѣ скромно стояла чета голыхъ березъ, а дальше рѣдкія сосны, которыя изъ города кажутся чуть не лѣсомъ. Когда вся публика столпилась у могилы, Чиколевъ наконецъ освободился отъ своей дамы и еще разъ поблагодарилъ Бога, что онъ остался старымъ холостякомъ.

„Однако сколько народу набралось!—удивился онъ, оглядывая карабкавшихся на свѣжей насыпи.—Это опять только кажется, потому что въ процессіи всѣ шли въ разбродъ, а теперь скучились... Оптическій обманъ“.

Отъ могилы, отъ похоронпаго пѣнія и похоронной публики его мысль незамѣтно улетѣла далеко-далеко, какъ поздней осенью съ холодѣющаго сѣвера птицы летятъ на югъ, гдѣ и тепло, и свѣтъ, и весна, и радость жизни. Да и тогда была весна, когда онъ, Чиколевъ, въ первый разъ увидѣлъ Анну Васильевну,—такая милая и веселая была дѣвушка. Дѣвичья фамилія тоже отличалась у ней наивной прелестью: Анненька Ноготкова,—„ноготки“ очень милые цвѣты, и представленіе объ этихъ цвѣтахъ соединялось у Ѳедора Павлыча съ этой именно Анненькой, свѣжей и радостной, какъ сама весна. Семья Ноготковыхъ не отличалась богатствомъ, но у нихъ всегда было такъ тепло и какъ-то особенно уютно, такъ что молодежь любила проводить здѣсь

свои вечера, и въ томъ числѣ и Ѳедоръ Павлычъ. Онъ даже бывалъ чаще другихъ у Ноготковыхъ и одно время воображалъ, что не можетъ жить безъ Анненьки, тѣмъ болѣе, что и сама Анненька раздѣляла такую мысль, и ей нравилась самая фамилія: m-me Чиколева, Анна Васильевна Чиколева, Annette Чиколева. Пожалуй, даже лучше, чѣмъ Анненька Ноготкова...

— Вы поѣдете съ нами на пикникъ,—сказала однажды Анненька и строго сдвинула свои соболиныя брови.—Вы слышите, Ѳедоръ Павлычъ?

— Я?.. Я весь вашъ, Анна Васильевна, и вы можете располагать мной, какъ своей собственностью.

Господи, какія иногда глупости говорятся въ двадцать лѣтъ, особенно когда всякая такая глупость сопровождается и нѣжнымъ блескомъ красивыхъ глазъ и дрожью молодого смѣха... Пикникъ—это тоже только громкое слово, а въ сущности устраивалось самое простое катанье на двухъ лодкахъ, и просить Ѳедора Павлыча объ участіи въ этой прогулкѣ было совершенно напрасно. Итакъ, рѣка, весенній солнечный день и двѣ лодки, набитыя самымъ веселымъ народомъ... Ѳедору Павлычу даже страшно сдѣлалось, что добрая половина этихъ весельчаковъ уже въ загробномъ царствѣ, а другая половина съ ужасомъ ждетъ своей очереди—гдѣ это веселье, гдѣ горящіе взгляды, лукавыя улыбки, чудныя мечты, и гдѣ ты, безумная молодость? Неужели все исчезло, и въ лодкахъ по рѣкѣ весело катаются уже другіе люди, которые точно не хотятъ замѣчать, что украли всю радость у старыхъ людей и веселятся у нихъ подъ носомъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ... Да, тогда въ этомъ пикникѣ принималъ участіе и Петръ Иванычъ Рябковъ, занимавшій роль перваго комика—онъ шутилъ, смѣялся и весело подмигивалъ Чиколеву, указывая глазами на Анненьку. И жена Рябкова тоже была съ ними, но ни она ни самъ Рябковъ тогда еще не думали о возможности быть соединенными навѣки—это пришло послѣ, и вотъ теперь m-me Рябкова горько оплакиваетъ своего мужа.

Анненька особенно дурачилась и старалась забрызгать водой Ѳедора Павлыча, который дѣлалъ въ свою очередь то же самое, а развеселившаяся Анненька кричала тонкимъ голоскомъ и чуть не выпала изъ лодки. Такъ же весело они пристали къ берегу, еще веселѣе напились чаю и разбрелись по лѣсу. Какъ-то случилось такъ, что Анненька и Ѳедоръ Павлычъ отбились отъ остальной компаніи и очутились въ лѣсу одни.

— Я боюсь...—прошептала Анненька.

Это было смѣшно, и Ѳедору Павлычу сдѣлалось совсѣмъ весело. Онъ предложилъ свою руку дѣвушкѣ, а потомъ случилось то, что они обнимали и цѣловали другъ друга.

— Это все вы...—упрекала потомъ Анненька.—Вы первый начали...

Ѳедору Павлычу сдѣлалось еще веселѣе, и онъ опять цѣловалъ конфузившуюся дѣвушку, хотя, какъ онъ былъ увѣренъ, началъ совсѣмъ не онъ, но разбирать этотъ споръ было некогда—ихъ уже звали веселые голоса. Когда они вернулись, Рябковъ встрѣтилъ ихъ улыбавшимися глазами и только покачалъ головой.

— Поздравляю...—шепнулъ онъ на прощанье.

Но Рябковъ ошибся: Ѳедоръ Павлычъ не женился на Анненькѣ, которая долго оплакивала свою ошибку и съ горя вышла замужъ за Воинова—онъ былъ съ ними на пикникѣ и все время слѣдилъ глазами за Анненькой, хотя она этого и не замѣтила.

— Все кончено...—прошепталъ незнакомый голосъ надъ ухомъ Чиколева.

— А?.. что?..—бормоталъ онъ, просыпаясь отъ своихъ грезъ.

— Вы бросили горсть земли въ могилу?

— Я? Да, бросилъ.... т.-е. нѣтъ.

— Ахъ, какой вы разсѣянный...—журила его Анна Васильевна и заставила исполнить послѣдній долгъ старому другу.

Тамъ, гдѣ положенъ былъ нѣкогда веселый пріятель Петръ Иванычъ, выросла свѣжая кучка земли, и Ѳедоръ Павлычъ равнодушно смотрѣлъ кругомъ и думалъ, не все ли равно, гдѣ бы ни положили въ могилу его, Ѳедора Павлыча.

III.

Домой Ѳедоръ Павлычъ вернулся въ самомъ скверномъ расположеніи духа: и въ похоронахъ лучшаго друга ничего пріятнаго нѣтъ, и потомъ эта встрѣча съ Анной Васильевной.

„Это все вы..."—шепталъ неотступно молодой голосъ, а глаза видѣли старое сморщенное лицо.—„Вы первый начали".

— Нѣтъ, ужъ извините!—вслухъ возражалъ Ѳедоръ Павлычъ, отвѣчая какому-то невидимому противнику.

Онъ и на похоронный обѣдъ не поѣхалъ, чтобы лишній разъ не встрѣчаться съ *этой* Анной Васильевной. Вѣдь, нужно же было ей пріѣхать! И зачѣмъ, подумаешь, иногда добрые люди отравляютъ жизнь своему ближнему...

Скверный день провелъ Ѳедоръ Павлычъ и вечеромъ даже не пошелъ въ клубъ, какъ дѣлалъ всегда, а вытащилъ альбомъ и разсматривалъ выцвѣтшія, порыжѣлыя карточки. Вотъ Петръ Иванычъ Рябковъ, какимъ онъ былъ еще въ университетѣ, гдѣ они учились вмѣстѣ, вотъ Воиновъ, котораго онъ узналъ уже чиновникомъ особыхъ порученій, а вотъ и Анненька... На карточкѣ она совсѣмъ не казалась такой красивой, какой была тогда, или, можетъ-быть, тогда Ѳедоръ Павлычъ вообще смотрѣлъ на міръ черезъ свои двадцать лѣтъ. И носъ у нея вздернутый, и выраженіе глазъ какое-то такое... почти телячье, и нижняя часть лица очерчена расплывшейся некрасивой линіей. Давно ужъ Ѳедоръ Павлычъ не разсматривалъ этотъ забытый альбомъ и по пути добылъ изъ ящика пачку тоже пожелтѣвшихъ и выцвѣтшихъ писемъ, записокъ и записочекъ, походившихъ на засохшія растенія въ какомъ-нибудь гербаріи. Гдѣ та радость, которой дышали эти строки, гдѣ проникавшая мертвую бумагу любовь, желанія? Даже пятна отъ слезъ смотрѣли теперь на Ѳедора Павлыча, какъ бѣльма ослѣпшаго человѣка. Въ огонь все прошедшее, въ огонь... А въ этой коллекціи былъ цѣлый отдѣлъ писемъ отъ Анненьки Воиновой. Да, они опять встрѣтились, когда она уже была m-me Воиновой. Но чужая фамилія не заперла на ключъ жаждавшаго любви сердца, тѣмъ болѣе, что Анненька и замужъ вышла изъ принципа, что нужно же за кого-нибудь выйти... Бѣдняга Воиновъ не подозрѣвалъ, какъ его обманываютъ, а потомъ и самъ Ѳедоръ Павлычъ пришелъ къ убѣжденію, что не хорошо обманывать друзей, и просто бѣжалъ... Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ разрушать чужое семейное счастье, хотя и самъ Воиновъ былъ не безъ грѣшковъ—впрочемъ, память друзей священна. Послѣ Ѳедоръ Павлычъ слышалъ стороной, что въ его измѣнѣ утѣшилъ Анну Васильевну его другъ Рябковъ, человѣкъ безъ предразсудковъ. Позвольте, такъ вотъ зачѣмъ она, Анненька, явилась на похороны... Женскіе капризы не умираютъ съ годами!.. Ѳедоръ Павлычъ даже какъ будто успокоился, когда сдѣлалъ это открытіе. Онъ не желалъ обвинять Анненьку, которая дѣлала глупость отъ скуки, изъ жажды привязанности,—зачѣмъ подымать старое, то, что давно умерло и наполовину уже засыпано землей?

На другой день Ѳедоръ Павлычъ проснулся въ своемъ обычномъ хорошемъ настроеніи духа и даже подивился вчерашнему ребячеству: стоило безпокоиться... Онъ въ свое время умылся, въ свое время одѣлся, въ свое время ущипнулъ за подбородокъ принесшую свѣжую газету горничную и въ свое время вышелъ въ столовую, гдѣ уже ждалъ его кипѣвшій самоваръ. Развернувъ газету, онъ первымъ долгомъ наткнулся на некрологъ Рябкова, написанный неизвѣстной доброй рукой въ томъ плаксивно-хвалебномъ тонѣ, въ какомъ пишутся всѣ некрологи. Что же, эта послѣдняя ложь являлась только заключеніемъ общей житейской лжи...

— Инъ вѣдь, какъ расписываютъ...—вслухъ удивлялся Ѳедоръ Павлычъ, глотая горячій чай.—Подумаешь, что цѣлый Наполеонъ умеръ или благодѣтель сирыхъ и убогихъ. Этакъ и меня, пожалуй, распишутъ...

— Васъ какая-то дама спрашиваетъ,—докладывала горничная, останавливаясь въ дверяхъ: когда баринъ сидѣлъ за чаемъ, она старалась держаться на „благородномъ разстояніи“ отъ него.

— Какая дама?

— Да вотъ карточка...

Когда Ѳедоръ Павлычъ пробѣжалъ глазами карточку, онъ вскочилъ, запахнулъ халатъ и только прошепталъ:

— Меня дома нѣтъ... Слышишь: нѣтъ дома! Вѣдь сказано разъ навсегда...

Первой мыслью Ѳедора Павлыча было убѣжать и спрятаться въ кабинетъ, что онъ и сдѣлалъ. Онъ слышалъ чей-то разговоръ въ передней, а потомъ хлопнула дверь и щелкнулъ замокъ въ ней... Ну, слава Богу, все обошлось благополучно. Изъ своей засады Ѳедоръ Павлычъ сейчасъ же вышелъ, чтобы не компрометировать себя нередъ горничной. Онъ даже прошелъ въ гостиную и посмотрѣлъ изъ-за драпировокъ на улицу, какъ *она* вышла на подъѣздъ, постояла и медленно сѣла на извозчичьи дрожки... Шелъ мелкій дождь пополамъ со снѣгомъ, и вся улица походила на сплошную лужу. Добрый хозяинъ въ такую погоду собаки не выгонитъ, а она притащилась. Это была опять она, Анна Васильевна... Зачѣмъ она пріѣзжала? Когда извозчикъ медленно тронулся въ путь, Ѳедору Павлычу вдругъ сдѣлалось совѣстно, совѣстно и за себя, и за другихъ, и просто за то зло и несправедливость, какія присущи, кажется, самой природѣ...

Уѣхалъ извозчикъ, улица оставалась пустой, а Ѳедоръ Павлычъ все стоялъ у окна и смотрѣлъ, какъ назойливо шелъ дождь, какъ хмурятся сосѣдніе дома и какъ накипаетъ гдѣ-то въ глубинѣ его собственной души такое нехорошее и злое чувство. *Онъ*, Ѳедоръ Павлычъ, спрятался, какъ мальчишка... Сколько, однако, каждый человѣкъ можетъ сдѣлать непростительно-мелкихъ гадостей!

Стоитъ Ѳедоръ Павлычъ у окна и смотритъ на улицу: вотъ прокатилась крестьянская телѣга, по тротуару весело бѣгутъ гимназистки—вѣроятно, учитель былъ вчера на именинахъ, и сегодня пѣтъ четвертаго класса, вотъ гурьбой идутъ реалисты, тамъ, какъ ящерица, шмыгнула въ мелочную лавочку собственная горничная Ѳедора Павлыча, съ которой онъ заигрываетъ по утрамъ... Нѣтъ, вѣдь это положительно страшно: за каждымъ молодымъ лицомъ Ѳедоръ Павлычъ видитъ морщины старости, усталый взглядъ, горькую улыбку обманутой надежды—неужели и онъ былъ когда-то молодъ, и неужели уже ничего не остается впереди?..

НЕОТПРАВЛЕННЫЯ ПИСЬМА.

I.

Отъ нея къ нему.

I.

„Я пишу къ вамъ, мой дорогой, мой безцѣнный, мой повелитель,—пишу и чувствую всю сладость безумія, всю поэзію добровольнаго рабства, ту рѣшающую полноту, которая изъ дѣвушки дѣлаетъ женщину. Да, я пишу, и мнѣ смутно дѣлается чего-то жаль, потомъ дѣлается немного совѣстно за свое слишкомъ огромное счастье... Прежде всего, мой повелитель, я не могу, т.-е потеряла всякую способность думать послѣдовательно и логически. Мысли въ головѣ толпятся съ какимъ-то ожесточеніемъ, какъ та публика, которая ломаетъ театральныя двери—каждая единица полна неистоваго желанья ворваться первой въ предѣлы завѣтнаго круга. Тамъ, на улицѣ, и темно, и холодно, и мокро, и грязно, а въ храмѣ искусства все залито свѣтомъ, все блеститъ и все имѣетъ праздничный видъ. Что же значитъ какая-то жалкая дверь, которая отдѣляетъ тьму отъ свѣта? Извините за это немного кукольное сравненіе, но счастливые люди имѣютъ право быть глупыми, а затѣмъ имъ такъ хочется высказать, выговориться, добиться чьего-то вниманія... Ахъ, это совсѣмъ не то, не то и не то! Представьте себѣ мой ужасъ—мнѣ хочется такъ много высказать, и я не нахожу именно тѣхъ словъ, которыя сейчасъ нужны, да ихъ и не существовало никогда на свѣтѣ. Только самый злостный банкротъ, вѣроятно, испытываетъ нѣчто подобное—векселя предъявлены, а платить нечѣмъ. Опять нелѣпое сравненіе. И опять потому, что нечѣмъ говорить—понимаете: *нечѣмъ!* Если бы я умѣла, я составила бы свой особенный словарь новыхъ словъ, новую грамматику, логику и психологію,—однимъ словомъ, цѣлый новый языкъ, построенный именно на психологіи. Я изнемогаю въ мукахъ творчества, какъ умирающій отъ жажды человѣкъ, выброшенный въ море и тонущій въ той самой влагѣ, которой ему недоставало. Только сейчасъ я поняла, какія муки творчества переживаютъ всѣ настоящіе художники—поэты, артисты, живописцы, скульпторы, музыканты, даже птицы. Вѣдь то, что заставляетъ творить, неизмѣримо больше того, что получается въ результатѣ всякаго творчества. Ахъ, какъ всѣ они мучаются, бѣдные... Душа полна, а реализировать эту полноту приходится избитыми будничными словами, жалкими красками, камнемъ, вибраціей натянутой струны, ограниченнымъ діапазономъ голоса, и все это тогда, когда хочется обнять цѣлый міръ, все любить, все знать и со всѣмъ слиться. Вѣдь любовь—это моментъ пробужденія міровой души, моментъ посвященія, моментъ тайны тайнъ... Вотъ почему задыхающаяся отъ

счастья птица поетъ съ закрытыми глазами—она видитъ внутреннимъ окомъ эту міровую душу, и мы, кто ее слушаетъ, чувствуемъ это безотчетно, и въ этомъ обаяніе, счастье и восторгъ. Я опять говорю сравненіемъ—лучшее доказательство бѣдности нашего слова, Мы сравниваемъ воду съ зеркаломъ—развѣ это хоть сколько-нибудь похоже? Море называемъ бирюзовымъ—еще меньше похоже, солнечный свѣтъ съ блескомъ золота—совсѣмъ жалкое сравненіе, зубы—жемчужины, губы—кораллы, соболиныя брови—ахъ!—все это показываетъ только нашу нищету, тѣ рубища, въ которыя мы наряжаемъ нашу мысль. Но я все это понимаю, потому что нѣтъ настоящихъ словъ, и приходится прибѣгать къ сравненіямъ, какъ къ тѣмъ проселкамъ, которые, по увѣренію ямщиковъ, сокращаютъ дорогу.

„Есть и другое объясненіе, для чего употребляются эти сравненія, это—отсутствіе искренняго чувства. Я немножко себѣ противорѣчу (хорошенькимъ женщинамъ это прощается, а я, право, бываю иногда хорошенькой), но есть и основаніе для такого противорѣчія—никто такъ не страдаетъ отъ сравненій, какъ женщина, потому что мужчины этой фальшивой монетой расплачиваются за свои фальшивыя увлеченія. Да, да, да... Я глубоко убѣждена, что мужчины не уважаютъ женщинъ, и должна признаться, что я тоже не уважаю. Вѣдь это ужасно—не вѣрить самой себѣ? А я не могу вѣрить... Мнѣ противно читать восторгъ поэтовъ, которые расхваливаютъ женщинъ, какъ купцы гнилой товаръ. Все это неправда, т.-е. похвалы. Воображаю, что̀ позволяютъ себѣ мужчины говорить о насъ, когда остаются въ своей мужской компаніи. По крайней мѣрѣ откровенно, а мы и на это неспособны. Мы благоговѣемъ предъ своими идолами или низвергаемъ ихъ въ одиночку, чтобы на мѣсто низверженнаго кумира поставить новаго и этой перемѣной исправить сдѣланную ошибку. О, мой повелитель, сколько въ этомъ горькой правды, той правды, которую мы съ такой любезностью предоставляемъ другимъ... Мнѣ это больно говорить, но я не могу удержаться, потому что это меня мучитъ.

„Какъ вы видите, я совершенно поглощена мыслью о собственной особѣ, хотя меньше всего желаю именно этого. Явное противорѣчіе, которое меня тоже мучитъ... Вѣдь я счастлива, мнѣ рѣшительно ничего не нужно, а въ такія минуты является томительная жажда подвига, страстное желаніе пожертвовать собой за что-то такое хорошее, чистое, большое. Я понимаю, почему мученицы шли съ улыбкой на костры и клали головы на плаху: онѣ были слишкомъ счастливы внутреннимъ свѣтомъ. Меня тоже удивляетъ, что другіе ничего не замѣчаютъ, вѣроятно, не хотятъ замѣчать во мнѣ, т.-е ту перемѣну, которая сдѣлала изъ меня другого человѣка. Виновата, у меня есть тетя Агнеса, старая дѣвушка, которую я страшно люблю. Она со странностями, какъ всѣ старыя дѣвы, но очень наблюдательна. Недавно она такъ пристально посмотрѣла на меня и проговорила, дѣлая строгое лицо:

„— Ксенія, не забывай, что ты—дѣвушка!..

„Ахъ, какая смѣшная эта тетя Агнеса!.. Она меня всегда преслѣдуетъ этой нелѣпой фразой и дѣлаетъ трагическое лицо. Кстати, тетя почему-то не взлюбила васъ, и когда я упоминаю въ ея присутствіи ваше имя, она такъ забавно отворачивается, какъ нашъ мопсъ Боби, когда ему подносятъ къ носу зажженную папиросу. Въ сущности, я очень хорошо понимаю милую тетю—она боится васъ и ревнуетъ къ вамъ. Недавно я чуть не задушила ее въ своихъ объятіяхъ, такъ что она едва вырвалась, а потомъ проговорила по обыкновенію:

„— Ксенія, помни, что ты—дѣвушка!..

„Это была пресмѣшная сцена, и мнѣ сдѣлалось такъ весело. Жаль, что вы не могли...' Тсс! Кто-то идетъ ко мнѣ въ комнату..."

II.

„...Продолжаю. Это была тетя Агнеса—легка на поминѣ. Вошла въ мою комнату, подозрительно посмотрѣла на меня и остановилась въ формѣ вопросительнаго знака. Привожу дальнѣйшій діалогъ въ порядкѣ его произнесенія.

„*Тетя Агнеса.* Ты, кажется, что-то такое писала?

„*Я.* Да, тетя.

„*Тетя.* Ты, можетъ-быть, желаешь мнѣ показать твое письмо?

„*Я.* Дорогая тетя, я этого не могу сдѣлать...

„*Тетя.* Почему? (При этомъ у нея поднялись брови, какъ у индюшки, въ которую хотятъ бросить камнемъ).

„*Я.* Милая тетя, мнѣ идетъ уже двадцатый годъ, и я, кажется, могу имѣть самое маленькое изъ всѣхъ правъ—не показывать своихъ писемъ. Хорошая тетя, не обижайтесь: я дѣлаю такъ просто изъ принципа... (Я гадко солгала, но солгала, право, съ самой благородной цѣлью, чтобы не безпокоить старушку).

„*Тетя* (подходитъ ко мнѣ и садится къ столу). Но ты мнѣ скажешь одно, Ксенія: это письмо не къ Marie Бурцевой? Говори откровенно.

„*Я.* О, нѣтъ, тетя. Клянусь!..

„Тетя успокоенно вздыхаетъ, точно я сняла съ нея гору. Я въ свою очередь начинаю замѣтно краснѣть, потому что догадываюсь, въ чемъ дѣло. Тетя Агнеса читаетъ мои мысли и съ грустью продолжаетъ:

„— Ко мнѣ прiѣзжала мать Marie Бурцевой. Бѣдняжка въ полномъ отчаяніи... Я не обвиняю бѣдную Marie. Нѣтъ... Она забыла, что должна быть дѣвушкой... Виноваты старшіе, которые не умѣли во-время ее предупредить объ этомъ.

„— Тетя, что вы говорите? Я ручаюсь за Marie чѣмъ угодно... Мы съ ней въ институтѣ сидѣли на одной скамьѣ, потомъ вмѣстѣ же выѣхали на первый балъ,—однимъ словомъ, это чудная дѣвушка, которую я страшно люблю. Вы говорите про нее ужасныя вещи... Она не только дѣвушка, но она чудная дѣвушка. Въ институтѣ я ее обожала...

„На лицѣ тети опять изобразился ужасъ, и она прошептала, всплеснувъ руками:

„— Несчастная, что ты говоришь? У Marie нашли книгу самаго ужаснаго автора... Я не хочу его называть...

„— Поль-де-Кока, тетя?

„— О, Поль-де-Кокъ младенецъ...

„— Золя?

„— Хуже!..

„Мои познанія въ отреченной литературѣ здѣсь закапчивались. Я была рада, что могла смотрѣть въ глаза милой тетѣ съ совершенно чистымъ сердцемъ. Я не знала даже имени „самаго ужаснаго автора" и, говоря откровенно, не хочу его знать. Къ чему? Навѣрно какая-нибудь гадость, а у меня органическое отвращеніе ко всему пошлому и вульгарному. Не могу не сказать вамъ нѣсколько словъ объ этой Marie Бурцевой, потому что у насъ есть много общаго и, разсказывая о ней, я буду до извѣстной степени объяснять себя. Marie не красавица, какъ и я, но бываютъ моменты, когда она дѣлается увлекательной. Въ ней есть что-то особенное, что я назвала бы больной по-

эзіей. Вы не улыбайтесь, мой повелитель,—я васъ впередъ ревную къ ней. Да, это экзальтированная дѣвушка, которая родилась слишкомъ поздно или, можетъ-быть, слишкомъ рано. Она бредитъ средними вѣками, распѣваетъ какіе-то монашескіе гимны, до безумія любитъ цвѣты, сходитъ съ ума отъ одуряющихъ восточныхъ духовъ и ненавидитъ мужчинъ,—ненавидитъ—это будетъ невѣрное выраженіе, а правильнѣе—не находитъ того идеала, который у нея сложился. Читайте: у насъ... Увы! я уже измѣнила ей самымъ позорнымъ образомъ.

„Мы недавно были вмѣстѣ съ Marie на балу. Она блондинка и поэтому была въ чудномъ голубомъ платьѣ цвѣта незабудки—это ея любимый цвѣтъ, а я въ розовомъ. Мы танцовали какъ-то по обязанности. Кавалеры были все неинтересные, и я все время думала о васъ, мой повелитель. Мнѣ эти кавалеры казались такими жалками, а особенно одинъ, какой-то m-r Латышевъ, который вздумалъ ухаживать за мной. Не правда ли, какъ это глупо и... дерзко. Marie потомъ до слезъ смѣялась надо мной, а я злилась до слезъ.

„— Вотъ тебѣ и партія,—язвила Marie.—Это выгодный женихъ. Онъ гдѣ-то и что-то такое вообще. Мамаши усиленно его ловятъ... Не отказывайся отъ своего счастья.

„Marie ненавидитъ всѣхъ мужчинъ, а женщинъ презираетъ. На послѣднюю тему мы часто съ ней разговариваемъ. Она иногда бываетъ такая остроумная.

„— Богъ создалъ женщину, какъ извѣстно, въ минуту гнѣва,—разсуждала Marie, когда мы сидѣли на балу, какъ двѣ разряженныя куклы въ окнѣ игрушечнаго магазина.—Мы смѣшны и жалки... Мы беззащитны, какъ индюшки, и глупы, какъ гусеницы. Посмотри внимательнѣе на этотъ цвѣтникъ бальныхъ красавицъ. Могу только удивляться, что̀ могутъ находить интереснаго мужчины въ такихъ куклахъ? Самое ужасное въ женщинахъ, знаешь что̀? Это то, что всѣ женщины напоминаютъ одна другую, какъ цвѣты на обояхъ. Ни капли оригинальности... Такъ же улыбаются, такъ же поводятъ глазками, показываютъ плечи, шею и руки, такъ же прикидываются ангельчиками и вѣчно мечтаютъ о немъ... О, какъ я презираю ихъ и, если бы была мужчиной, какъ бы жестоко поступала съ ними. Мужчины слишкомъ великодушные негодяи...

„Какъ мнѣ кажется, Marie помѣщаетъ свои неудовлетворенныя чувства въ любви къ цвѣтамъ. Она бредитъ японскими хризантемами, восточными присами и особенно орхидеями. Я ничего подобнаго не видала. Это какое-то безуміе. Для Marie въ цвѣтахъ что-то мистически-поэтическое, какой-то таинственный языкъ природы, что-то безгранично-изящное, тонкое, символическое и противоположное некрасивой человѣческой организаціи. Она именно больше всего возмущается этой организаціей и съ ужасомъ думаетъ о томъ роковомъ моментѣ, когда молодость пройдетъ, потомъ пройдетъ зрѣлый возрастъ (для женщины это немного обидный терминъ—зрѣлая женщина) и потомъ старость. Мнѣ тоже дѣлается страшно, когда я раздумываюсь на эту тему, и я стараюсь не думать о печальныхъ вещахъ. Дѣйствительно, цвѣты неизмѣримо счастливѣе: они такъ красивы и умираютъ только для того, чтобы возродиться въ новой красотѣ. Какъ истинной красотѣ, имъ нечего скрывать. Если бы дѣвушки могли превращаться въ цвѣты... Я желала бы быть самой скромной маргариткой, которая такъ стыдливо складываетъ на ночь свои бѣленькіе лепестки. У цвѣтовъ нѣтъ пороковъ, нѣтъ преступленій и у всѣхъ одна любовь, неизмѣнная и вѣчная—любовь къ солнцу. Вы были бы моимъ солнцемъ, и когда вы уходили бы съ моего небосклона, я съ красивой

грустью о своемъ повелителѣ складывала бы свои бѣленькіе лепестки, чтобы встрѣтить васъ на слѣдующее утро въ освѣженной красотѣ. Боже, какія глупости я вамъ пишу и какъ вы будете смѣяться надо мной!.. Бредъ впавшей въ сентиментальность дѣвицы. Это, знаете, такая марка, которую не всякій выноситъ,—извините за вульгарность,—повторяю любимую фразу моего братца Бориса, порядочнаго шелопая.

„Итакъ, мой повелитель, мы презираемъ съ Marie женщинъ и создаемъ культъ мужчины (читайте: вы), того мужчины, который построилъ для женщины города (опять вы же; пожалуйста, не отпирайтесь изъ скромности!), завоевалъ пустыни (еще разъ: вы), открылъ паръ (всѣ физики врутъ, приписывая это открытіе Уатту—вы открыли паръ, мой повелитель), электричество, написалъ чудныя картины, создалъ еще болѣе чудную музыку, каждый день дѣлаетъ научныя открытія, философскія обобщенія, написалъ удивительнѣйшія поэтическія произведенія (все вы! вы! вы!), и такъ безъ конца. Какъ же намъ (читайте: мнѣ) не любить этого богатыря, чародѣя и волшебника... Я инстинктивно ищу его защиты, жду его ласковаго взгляда, по-дѣтски протягиваю къ нему руки... (кстати, я горжусь своими руками—маленькія, бѣленькія, мягкія, съ розовыми пальчиками). О, мой повелитель, я изнываю отъ жажды рабства, чтобы быть твоей тѣнью, эхомъ, ласковымъ призракомъ... Рабство въ человѣческой натурѣ, а каждая женщина раба отъ перваго дня рожденія. Если бы я могла сказать вамъ все, что у меня на душѣ... Опять нѣтъ словъ, и только музыка можетъ до нѣкоторой степени выразить эти мысли безъ формы, эти чувства, которыя несутся, какъ весенняя гроза. Я недавно была въ концертѣ и разговаривала съ вами: я пѣла скрипкой, корнетъ-а-пистономъ, флейтой, а вы отвѣчали мнѣ властно, покоряюще, почти сурово. Я даже желала, чтобы вы меня побранили, разсердились, но все это любя, ласково, покровительственно. Знаете, я желала бы быть птицей. Не смѣйтесь—только для того, чтобы прилетѣть къ вашему окну и взглянуть на васъ. „Ваша *К.*

„P. S. Отчего я не получаю отвѣта на свое предыдущее письмо? Вы—злой... Я могу разсердиться.

„P. P. S. Тетя Агнеса опять приходила ко мнѣ въ комнату, когда я хотѣла уже запечатать это сумасшедшее письмо. Милая тетя, какъ она меня любитъ... Я хотя и боюсь старости, но люблю такихъ чистенькихъ и строгихъ старушекъ, какъ моя тетя Агнеса. Вѣдь и я въ свое время тоже буду старушкой и буду потихоньку краснѣть, перечитывая свои сумасшедшія письма. Никто, никто о нихъ ничего не долженъ знать! Я самая скромная дѣвушка на свѣтѣ, и никто не долженъ подозрѣвать, какъ я счастлива. Вѣдь счастье, какъ орхидеи, вырастаетъ въ тѣни и прячется отъ солнечнаго свѣта, который слишкомъ грубо разоблачаетъ всякую тайну, Ахъ, какъ мнѣ хорошо...

„А письма отъ васъ все-таки нѣтъ. Вы подвергаете мое терпѣніе страшному испытанію...

„P. P. P. S. Никакъ не могу кончить этого письма. Все что-нибудь мѣшаетъ. А теперь... Если бы вы знали, какъ я виновата, какъ меня мучатъ угрызенія совѣсти, какъ я, наконецъ, презираю себя, жалкую, ничтожную, легкомысленную женщину. Моему преступленію нѣтъ наказанія, нѣтъ имени и мѣры... Представляю ваше справедливое негодованіе, когда вы прочтете слѣдующія строки. Вы отвернетесь отъ меня съ презрѣніемъ... Но все равно, я не могу скрывать камень, который меня давитъ и гнететъ. Это вышло какъ-то само собой, помимо моей воли и желанія. Въ данномъ случаѣ вы можете мнѣ вѣрить вполнѣ. Я, конечно, страшно скучаю о васъ, точно вы

живете гдѣ-нибудь въ Японіи, а не въ одномъ со мной городѣ. Да, это ужасное чувство, которое усиливается главнымъ образомъ къ вечеру, когда стихнетъ дневной шумъ и точно начинаешь прислушиваться къ самой себѣ. Да, такъ я страшно слушала, хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими мыслями и чувствами, и вотъ... Право, это вышло совсѣмъ случайно. Marie Бурцева машинально взяла ваше письмо — ящикъ въ столѣ случайно былъ открытъ. Какъ видите, все случайно.

„— Мужской почеркъ?—изумилась она—Отъ *него*?

„— Совсѣмъ не отъ него... Просто письмо, т.-е. письмо...

„Я не умѣю лгать. Меня продало мое лицо, глаза, языкъ — все. Marie посмотрѣла на меня, покачала головой и проговорила:

„— Ты влюблена, несчастная? И я этого не знала... Это не по-товарищески. Да... И тебѣ не стыдно? Ну, посмотри мнѣ въ глаза...

„Я рѣшительно не понимаю, что со мной сдѣлалось. Представьте, я расплакалась самымъ глупымъ образомъ. Marie подсѣла ко мнѣ, обняла и принялась цѣловать, какъ сумасшедшая.

„— Голубчикъ, разскажи, какъ любятъ?!..—умоляла она. — Хочешь, я стану на колѣна предъ тобой. Мое несчастіе, что я не могу любить, просто не умѣю, какъ не умѣю плавать... Милая, и *онъ* тебя тоже любитъ? О, конечно... Какая ты счастливая!

„Она говорила все это такъ искренно, что я какъ-то вдругъ взяла и разсказала все: какъ мы встрѣтились въ первый разъ (помните, какъ васъ представили мнѣ на вечерѣ у Петлиныхъ?), какъ потомъ вы появились у насъ въ домѣ, какъ я съ перваго раза почувствовала въ вашемъ присутствіи какую-то неловкость,—однимъ словомъ, все, все... Marie слушала меня блѣдная, закусивъ губы, а я разсказывала и разсказывала, плакала и смѣялась отъ счастья, точно пьяная. Да, это было опьяненіе—иначе я не могу назвать своего состоянія. Marie довела меня до того, что заставила (я потеряла волю, какъ всякій пьяный человѣкъ) показать всѣ ваши письма, и напала на нихъ съ какой-то жадностью. У нея было злое лицо, когда она перечитывала по нѣскольку разъ каждую строку. И я только тогда поняла, какую я сдѣлала непростительную глупость. Положимъ, что въ вашихъ письмахъ ничего особеннаго нѣтъ, но я не имѣла никакого права показывать ихъ. И какая глупая—я ждала, что Marie придетъ въ восторгъ, бросится ко мнѣ на шею и раздѣлитъ мой восторгъ, а она вмѣсто этого довольно сухо проговорила:

„— Мнѣ нравится одно мѣсто въ его послѣднемъ письмѣ, гдѣ *онъ* пишетъ о какой-то исповѣди, которую спеціально готовитъ для тебя. Очень чувствительно, точно откуда-нибудь изъ дешевенькаго переводнаго романа. Благодарю покорно: исповѣдь... Ха-ха! Для начала совсѣмъ даже недурно преподнести своей возлюбленной букетъ изъ прежнихъ увлеченій. Всѣ мужчины гадкіе... Мы это знаемъ отлично, зачѣмъ же ставить точку надъ *і*? Это безтактно, а мужчинѣ все можно простить, кромѣ безтактности.

„Это былъ настоящій холодный душъ для меня. Я вся точно застыла. Вѣроятно, какой-нибудь жрецъ чувствовалъ то же самое, когда у него отнимали его идола и смѣялись надъ нимъ. Я теперь не припомню даже, чѣмъ закончилась эта жалкая сцена, не припомню, какъ мы разстались съ Marie, но у меня запала въ головѣ ея послѣдняя фраза:

„— Я лично отъ себя совершенно неспособна любить и могу испытать нѣчто подобное только по аналогіи, т.-е. глядя на другихъ, и... и, знаешь, могу даже сдѣлать большую глупость, увлекшись подражаніемъ. Меня это злитъ, и я не вѣрю самой себѣ.

„Она еще вернулась съ полдороги и проговорила почти съ радостью:

„— А *онъ* развратный... да, т.-е. нравится женщинамъ.

„Что хотѣла Marie сказать этимъ? Для чего она говорила всѣ эти вещи? Я была уничтожена, стерта, унижена. Для меня ясно было только одно, что Marie умная, а я глупенькая, какъ козявка. Неужели умъ непремѣнно долженъ быть злымъ, а добрые люди глупыми? Вѣдь это ужасно... А потомъ... Боже мой, какую ужасную безсонную ночь я провела! Моя комната была наполнена женскими тѣнями, призраками вашихъ увлеченій... Я слышала звукъ преступныхъ поцѣлуевъ, дрожь счастливаго смѣха наполняла мою комнату; мнѣ казалось, что десятки женскихъ глазъ смотрятъ на меня съ злобнымъ удивленіемъ и десятки голосовъ повторяютъ:

„— Такъ вотъ она какая? Удивительно, что онъ нашелъ въ ней *такого*... Какая-то бабешка, кисейная барышня!..

„Далѣе слѣдовалъ циническій смѣхъ, который кололъ меня, точно тысячи булавокъ вонзились въ мою кожу.

„Но довольно... Идетъ тетя Агнеса, а мнѣ еще нужно сказать вамъ о...“

II.

Отъ него къ ней.

I.

„Мнѣ давно хотѣлось написать вамъ, Ксенія (давно,—мнѣ кажется, что я зналъ васъ всегда, до того времени, какъ самъ родился), но какъ-то не рѣшался и по свойственной мужчинамъ трусости все откладывалъ день за днемъ откровенное объясненіе. Вѣроятно, когда вы исповѣдывались въ первый разъ, то испытывали то же самое — и жутко, и стыдно, и хорошо. Да, мнѣ больно вамъ писать то, что я долженъ написать, больно за васъ, но я не хочу ничего скрывать отъ васъ, моя дорогая. Самое страшное въ жизни— ложь... Но читать исповѣди интересно только тогда, когда онѣ написаны большими людьми, — я это читаю впередъ на вашемъ чудномъ лицѣ, и это мнѣ особенно обидно, какъ если бы осужденному на смерть его смертный приговоръ поднесли на лучшей японской бумагѣ съ художественной виньеткой, какъ дорогому юбиляру. Собственно говоря, я самъ подписываю свой смертный приговоръ, чтобы вы знали все, все...

„Маленькое à propos. Представьте себѣ, мои друзья ревнуютъ уже меня къ вамъ и такъ смѣшно ревнуютъ, тѣмъ болѣе, что не знаютъ, кто вы и гдѣ вы,—вы для нихъ просто „она“, — та роковая „она“, которая рано или поздно вырываетъ изъ среды друзей одного члена за другимъ. Они злятся, потому что любятъ меня, и мнѣ больно, что я не имѣю права назвать вашего имени или, еще больше, показать васъ. О, тогда они раскаялись бы во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ и на колѣняхъ стали бы вымаливать у васъ прощенія. А сейчасъ я долженъ выслушивать приблизительно такіе разговоры:

„— Сергѣй, что съ тобой? — спрашиваетъ меня Коко Ведерниковъ съ притворнымъ участіемъ. — Ты или серьезно боленъ какой-нибудь модной болѣзнью, или... пожалуйста, не оскорбляйся: ты влюбленъ?

„— Я? Съ чего ты это взялъ? (Я вру совершенно безцѣльно).

„— Нѣтъ, въ тебѣ есть какая-то перемѣна, какъ въ кораблѣ, который далъ течь и сейчасъ пойдетъ ко дну и съ котораго убѣгаютъ самыя благоразумныя крысы. Напримѣръ: почему ты не поѣхалъ съ нами вчера въ Ярь? Болѣла головка? Очень мило... Какая у тебя странная голова: ты не сталъ выносить краснаго вина, дыма хорошихъ сигаръ и присутствія своихъ друзей.

„Нашъ кружокъ состоитъ изъ пяти человѣкъ: Коко Ведерниковъ, маленькій, коротенькій, задорный человѣкъ, бываетъ очень милъ, когда бываетъ въ ударѣ; Миша Степановъ, добродушный бѣлокурый увалень, хорошъ тѣмъ, что всегда внимательно слушаетъ, кто бы и что бы ни говорилъ, и всюду ѣдетъ, куда бы его ни тащили; Илья Иванычъ Китоврасовъ славится тѣмъ, что у него никакъ не можетъ умереть богатая тетка въ Тамбовѣ, и еще тѣмъ, что, когда онъ начинаетъ говорить застольный спичъ, его безъ церемоніи просятъ замолчать; Антоша Пугачовъ производитъ всюду сенсацію своей исторической фамиліей и тѣмъ, что его мизерная фигурка совсѣмъ ужъ не соотвѣтствуетъ его грозной фамиліи; впрочемъ, онъ добрый малый и можетъ пить безъ конца—это въ глазахъ истинныхъ друзей немаловажное значеніе. Виноватъ, страшный поклонникъ женщинъ, какъ всѣ некрасивые мужчины, и на этомъ основаніи считаетъ себя въ правѣ говорить о нихъ самыя непозволительныя вещи. Вотъ и всѣ. Компанія составилась совершенно случайно, отчасти еще въ университетѣ и отчасти уже на службѣ. Всѣмъ подъ тридцать. По поводу послѣдняго Коко Ведерниковъ любитъ повторять:

„— Помните, господа, кто до тридцати лѣтъ не женится, а къ сорока годамъ не наживетъ милліонъ—тотъ пропащій человѣкъ. Пожалуйста, имѣйте это въ виду...

„Говоря откровенно, мы всѣ порядочно надоѣли другъ другу, и насъ сплачиваетъ только... какъ это выразиться повѣжливѣе, чтобы не оскорбить вашего невиннаго уха—ну, порочность. Мы вмѣстѣ потихоньку кутимъ и продѣлываемъ то, что позволяется молодымъ людямъ въ нашемъ возрастѣ.

„— Женщина — существо низшей породы, — увѣряетъ всѣхъ Антоша Пугачовъ, чтобы досадить мнѣ. — Это низшій типъ во всѣхъ отношеніяхъ. Посмотрите, какихъ уродовъ любятъ самыя хорошенькія женщины. Я сказалъ слишкомъ много: любятъ. Развѣ женщина можетъ любить? Это пассивное существо можетъ испытывать это чувство только въ отраженной формѣ, т.-е. позволяетъ себя любить, отдается мужчинѣ. Ежели разобрать настоящую цѣнность того, что составляетъ невинность дѣвушки или добродѣтель замужней женщины, то...

„— Довольно, Пугачовъ! — кричу я, выходя изъ себя. — Или я вамъ расколю голову вотъ этой палкой!

„Вы думаете, они обидѣлись? Нисколько. Всѣ захохотали самымъ глупымъ образомъ. Не правда ли, какая миленькая компанія! И я могъ убивать свое время въ этой средѣ, дышать съ ними однимъ воздухомъ и повторять ихъ глупости. Нѣтъ, это ужасно...

„Васъ удивитъ, что я описываю такую неинтересную компанію, и вы удивляетесь, для чего я это дѣлаю, но „скажи мнѣ, кто твои друзья, и я скажу, кто ты“. Вы не думайте, что это какіе-нибудь забулдыги и трактирные завсегдатаи; нѣтъ, это люди все приличные, люди нашего круга. Вы ихъ навѣрно встрѣчали гдѣ-нибудь въ обществѣ. Они занимаютъ хорошія мѣста, находятся на положеніи молодыхъ людей, подающихъ блестящія надежды: въ семьяхъ, гдѣ есть молодыя дѣвушки, они — желанные гости. Но всѣ они холостяки, у всѣхъ за вычетомъ служебнаго и рабочаго времени есть еще время свободное, и вотъ здѣсь наше общее больное мѣсто. На языкѣ общества это называется вести разсѣянную жизнь, — вѣдь молодые люди должны перебѣситься, прежде чѣмъ отдать себя на алтарь семейнаго счастья. Мнѣ дѣлается больно, когда я слышу и даже читаю подобныя фразы. Вѣдь это ужасно... Если бы у меня былъ сынъ—нѣтъ, мнѣ впередъ обидно и больно за него. Вѣдь молодой человѣкъ долженъ сдѣлать карьеру,

долженъ впередъ обезпечить будущую семью, а лучшіе молодые годы проходятъ, теряется свѣжесть, самый аппетитъ жизни, и къ семейной жизни такой молодой человѣкъ приноситъ преждевременную усталость, дешевенькій скептицизмъ и очень некрасивую изношенность. Какъ видите, я не щажу себя, хотя все еще не рѣшаюсь заговорить о главномъ... Вы знаете жизнь въ лучшемъ случаѣ изъ романовъ и имѣете о ней самое фантастическое представленіе, и мнѣ жаль разбивать ваши иллюзіи. Напримѣръ, въ нашей компаніи, которую я вамъ представилъ, заключена цѣлая трагедія, да, настоящая трагедія. Вы подумайте только, что это все средніе люди, т.-е. люди среднихъ достоинствъ и недостатковъ, другими словами—подавляющее большинство, то безличное большинство, которымъ въ сущности творится жизнь. Развѣ же это не ужасно?

„Вы уже догадываетесь, что все предыдущее было только предисловіемъ, и догадываетесь, что это предисловіе ведетъ къ женщинѣ, къ той таинственной женщинѣ, которая такъ печально подготовляетъ мужчину къ настоящей брачной жизни. Странно, что мы дѣлаемся циниками чрезвычайно рано, еще въ гимназіяхъ, за чрезвычайно рѣдкими исключеніями, и вообще не уважаемъ женщину, какъ женщину, дѣлая исключеніе только для нашихъ матерей, сестеръ и только отчасти женъ, вѣроятно, потому, что онѣ для насъ не женщины. Особенно строго мы относимся къ женамъ своихъ друзей, примѣшивая къ общему неуваженію къ женщинѣ еще ревнивое товарищеское чувство, и я боюсь подумать о томъ моментѣ, когда представлю вамъ своихъ друзей. Кажется, я даже и не представлю ихъ, что и случается. Въ сущности, это самые невозможные люди, и меня впередъ коробитъ отъ одной мысли, какъ цинически будутъ разбирать мою жену, какъ только выйдутъ изъ моего дома. Если бы лошадь имѣла способность краснѣть, она покраснѣла бы за моихъ друзей, и я впередъ начинаю ихъ ненавидѣть. О, чего стоитъ какой-нибудь одинъ Коко Ведерниковъ, смакующій самые пошлые анекдоты съ видомъ знатока, да и всѣ остальные хороши. Мнѣ просто дѣлается страшно отъ одной мысли, что у меня можетъ быть дочь, я ее буду воспитывать, ухаживать за ней, любить, и вдругъ она попадетъ въ руки одного изъ такихъ милыхъ господъ. Это въ тысячу разъ хуже, чѣмъ имѣть сына, хотя я больше люблю дѣтей-дѣвочекъ. Въ нихъ такъ много какой-то особенной, чуткой поэзіи, и онѣ напоминаютъ мнѣ цвѣты, и мнѣ ихъ жаль впередъ.

„Я не буду оправдывать ни себя ни другихъ тѣмъ, что весь нашъ общественный складъ толкаетъ насъ къ разврату (простите за выраженіе), что всѣ наши удовольствія построены на чувственности — театръ, музыка, картины, романы, что если бы дѣвушка въ лучшіе свои годы прошла сотую долю того, что проходимъ мы, то она погибла бы навѣки, а мы еще съ грѣхомъ пополамъ дѣлаемся отцами семействъ и даже проповѣдуемъ нашимъ дѣтямъ нравственныя начала. Меня безгранично радуетъ, что я, напримѣръ, съ такимъ наслажденіемъ могу думать о васъ и чувствую, какъ благодаря вамъ дѣлаюсь лучше, чище, честнѣе, здоровѣе... Вѣдь я былъ въ университетѣ, чему-то учился (въ эту дипломную русскую науку я плохо вѣрю), даже пережилъ полосу юношескихъ увлеченій и былъ замѣшанъ въ очень крупной студенческой исторіи и даже „сидѣлъ“, но все это смыто было послѣдующей дѣйствительностью, которая ничего общаго съ юношескими мечтами не имѣетъ, и теперь я, опять благодаря вамъ, мой добрый геній, возвращаюсь къ этому потерянному юношескому раю. Я даже началъ (потихоньку отъ друзей) перечитывать когда-то любимыхъ авторовъ и, къ удивленію, нахожу въ нихъ много новаго и такого хорошаго, что заставляетъ краснѣть. Вѣдь стыдъ—здоровое

и хорошее чувство, и величайшее счастье, если человѣкъ его еще не потерялъ. Я совсѣмъ не хочу отрекомендоваться вамъ въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Перехожу наконецъ къ женщинамъ... На самомъ интересномъ мѣстѣ помѣшали. Принесло Коко Ведерникова. Онъ уже раздѣвается въ передней. Милое преимущество хваленой холостой свободы, когда къ вамъ лѣзетъ всякій негодяй и...“

II.

„Продолжаю свое письмо, которое немножко затянулось. Русскій человѣкъ вообще пишетъ плоховато, а письма и совсѣмъ плохо. Перехожу къ тому, съ чего слѣдовало начать. Дѣвушка, которая выходитъ замужъ, несмотря на свое полное незнаніе жизни, все-таки понимаетъ, что въ лицѣ мужа получаетъ „человѣка съ прошлымъ“. Нынѣшняя дѣвушка, благодаря гг. романистамъ, понимаетъ это особенно хорошо. Но въ ея воображеніи представляется что-то грандіозное, и она съ нѣкоторой гордостью начинаетъ думать, что именно для нея мужъ пожертвовалъ величайшими соблазнами міра и, главное, своей холостой свободой. Нѣтъ дѣвушки, которая не завидовала бы въ этомъ отношеніи счастливцу-мужчинѣ, которому позволено рѣшительно все, а ей именно все запрещено. Тутъ выступаетъ на сцену психологія запретнаго плода... Увы! онъ совсѣмъ не такъ сладокъ, какъ рисуется въ неопытномъ воображеніи, и въ нетронутомъ, свѣжемъ человѣкѣ вызываетъ вполнѣ нормальное чувство отвращенія. Много виноваты въ этомъ отношеніи сами мужчины, которые любятъ кокетничать своими мнимыми побѣдами, фантастическими романами и любовными приключеніями. Представьте себѣ, что этого нѣтъ, и вы будете правы. Нѣкоторыя исключенія въ счетъ итти не могутъ. „Женскій вопросъ“, какъ острить Коко Ведерниковъ, начинается для молодого человѣка обыкновенно съ тѣхъ пожилыхъ женщинъ бальзаковскаго возраста, которыя, такъ сказать, этимъ путемъ переживаютъ свою вторую молодость.

„Бальзаковская женщина—только вступительные шаги, это только призракъ женщины и глубокій самообманъ. Въ душѣ мужчины остается неистребимымъ влеченіе къ настоящей женщинѣ, къ настоящимъ чувствамъ, которое въ ранней юности выражается обожаніемъ кузинъ, дачными романами и мимолетными встрѣчами гдѣ-нибудь на пароходѣ, въ вагонѣ желѣзной дороги, въ театрѣ. Вотъ на этой почвѣ и разыгрывается самое печальное, т.-е. фальсификація настоящаго чувства. Боже мой, сколько тутъ разыгрывается грустныхъ исторій, сколько проливается напрасныхъ слезъ и растрачивается непроизводительно энергіи. Выступаетъ на сцену *она*. Нужны ея настоящія чувства, ея сердце, ея душа...

„Это случилось года три назадъ—нѣтъ, четыре, потому что моему сыну двѣ недѣли тому назадъ исполнилось три года. Да, у меня есть сынъ, т.-е. не сынъ, а такъ, что-то такое безъ названія, какъ бываютъ болѣзни безъ названія, когда больные говорятъ, что „все болитъ“. Меня пригласилъ лѣтомъ погостить на дачу одинъ хорошій знакомый. Мнѣ отвели комнату гдѣ-то на чердакѣ „съ протекціей“ и сквознымъ вѣтромъ,—однимъ словомъ, какъ и слѣдуетъ быть комнатѣ молодого человѣка, пріѣхавшаго „взять свѣжаго воздуха“ послѣ довольно разсѣянной зимы. У моей комнаты было одно достоинство, которое меня и погубило—она была на чердакѣ, и мнѣ съ высоты этого чердака открывался видъ на сосѣднюю дачу. Какъ опытный человѣкъ, я не показывался въ окнѣ, чтобы не нарушать обычнаго теченія жизни сосѣдей. Меня интересовало, какъ живутъ неизвѣстные мнѣ семейные люди. Вѣдь

обыкновенно всякая семья прихорашивается подъ взглядомъ постороннягo человѣка, и даже семья моего добраго знакомаго, я увѣренъ, не была тѣмъ, чѣмъ старалась казаться изо всѣхъ силъ. А со своей вышки я могъ наблюдать настоящую и ничѣмъ не подкрашенную жизнь. Я даже не старался узнать, кто мои сосѣди, какъ ихъ зовутъ, и наблюдалъ ихъ съ любопытствомъ естествоиспытателя, который разсматриваетъ подъ своимъ микроскопомъ каплю воды съ барахтающимися въ ней инфузоріями. Вѣдь это интересно видѣть людей, которые у васъ на глазахъ продѣлываютъ всѣ мелочи жизни, и вы не слышите ни одного звука. Мнѣ приходилось говорить за нихъ цѣлые монологи, вести разныя сцены и вообще разыгрывать жизнь. Это очень интересно. О, какъ отлично я ихъ изучилъ и какъ отлично понималъ каждое ихъ движеніе! Онъ былъ зрѣлыхъ лѣтъ мужчина, растворявшійся въ радостяхъ семейнаго счастья, она совсѣмъ молодая и цвѣтущая женщина, къ которой онъ относился, какъ къ ребенку. Связующимъ звеномъ служили три бебешки—двѣ дѣвочки и мальчикъ. Послѣдній являлся главнымъ лицомъ. Онъ былъ то же, что всѣ мы—въ свое время велъ разсѣянную жизнь, въ свое время усталъ и въ свое время женился. Вообще былъ хитрый мужчина, сумѣвшій взять отъ жизни все. Она была удивительно мила, когда оставалась одна съ дѣтьми. Я любовался ею. Въ его присутствіи она дѣлалась какъ будто немного неестественной, точно онъ мѣшалъ ей и стѣснялъ, какъ неловко сшитая обувь мѣшаетъ ходить. Бывали и сцены и размолвки, но не бурнаго характера, какъ у влюбленныхъ супруговъ. Очевидно, это былъ бракъ по расчету, и она уважала мужа. Возвращаясь изъ города, онъ привозилъ цѣлую кучу всевозможныхъ картонокъ, въ которыхъ бебешки уже знали толкъ и накидывались на нихъ съ жадностью. Хитрый папаша, какъ и всѣ другіе папаши, являлся для нихъ живымъ игрушечнымъ магазиномъ. Дѣти искренно любили папашу-игрушечный магазинъ, ждали его, встрѣчали съ радостнымъ визгомъ, и, какъ мнѣ казалось, она заражалась этой фальшивой дѣтской любовью, основанной на взяткѣ, и дѣлалась тоже ласковой и любящей. Въ ней вообще оставалось еще много дѣтскаго и нетронутаго, и она особенно бывала хороша въ минуты такого дѣтскаго настроенія, чѣмъ хитрецъ-мужъ и пользовался.

„Знакомство произошло случайно, какъ все дѣлается на дачѣ. Представьте, я сказалъ, что ее зовутъ Ольгой Николаевной, и угадалъ. Удивительно, что имя характеризуетъ человѣка, особенно женщину, и я долго соображалъ, какъ ее зовутъ, пока не рѣшилъ, что Ольгой. Она сначала не повѣрила мнѣ, а потомъ съ какимъ-то подозрительнымъ изумленіемъ потихоньку принялась наблюдать меня. Онъ отнесся ко мнѣ съ дѣланымъ добродушіемъ сосѣда-дачника. Его звали Петромъ Алексѣевичемъ. Онъ гдѣ-то служилъ, потомъ получалъ доходы съ какого-то имѣнья на югѣ и еще занимался какимъ-то дѣломъ, такъ что любимой его фразой было:

„— Эхъ, молодой человѣкъ, занятъ я по горло.

„Ей не нравилось имя Петръ, и она звала его Pierr'омъ, что выходило еще хуже и совсѣмъ ужъ не подходило къ его русской наружности. Она ближе показалась мнѣ еще милѣе, чѣмъ издали, особенно пытливые и дѣтски-широко раскрытые сѣрые глаза съ бахромой темныхъ рѣсницъ.

„Не буду утомлять вашего вниманія подробностями, но черезъ двѣ недѣли—ровно черезъ двѣ—Ольга Николаевна нашла, что имя Serge гораздо лучше, чѣмъ Pierre. Она отдалась съ какимъ-то дѣтскимъ страхомъ, что было такъ неестественно въ замужней женщинѣ, у которой трое дѣтей. Я, говоря откровенно, не любилъ ее, но меня манила къ себѣ эта свѣжая женщина, которая еще не любила. Что-то такое еще неиспытанное, таинственное и

волнующее охватило меня, и я любовался этими сѣрыми глазами, полными такой чудной тревоги, дѣвичьей ласковости и страха.

„Когда я уѣзжалъ съ дачи, сославшись на дѣла,—признаться, мнѣ этотъ романъ начиналъ наскучивать, особенно, когда Ольга Николаевна принималась мечтать о какомъ-то фантастическомъ будущемъ (у насъ будущее?!..),— она преподнесла мнѣ на прощанье сюрпризъ; она была, конечно, противъ моего отъѣзда и оплакивала его еще за двѣ недѣли впередъ.

„— Serge, я должна тебѣ признаться, что я... я...—лепетала она, безпомощная и жалкая, какъ раздавленная птица.

„— Не можетъ быть!—рѣшительно заявилъ я.—Это тебѣ показалось...

„Она молчала, какъ горничная, ощипывая какую-то бахромку на своей лѣтней накидкѣ.

„Признаться сказать, вернувшись въ Москву, я совсѣмъ не желалъ поддерживать этого дачнаго знакомства, какъ это обыкновенно и водится, но представьте себѣ мое пріятное изумленіе, когда Петръ Алексѣевичъ около масленицы самъ разыскалъ меня. Сначала я немного даже струсилъ, но Петръ Алексѣевичъ имѣлъ такой радостный видъ и сообщилъ мнѣ, подмигивая:

„— А у меня радость: родился сынъ Борисъ... хе-хе! Вотъ, молодой человѣкъ, вы этого даже и не поймете, а я счастливъ. И Оля счастлива... Она непремѣнно желаетъ васъ видѣть. Знаете, у женщинъ бываютъ фантазіи. Хе-хе...

„Это былъ какой-то идіотъ. Нечего дѣлать, отправился отдавать визитъ. Ольга Николаевна встрѣчаетъ меня такая радостная, такъ красиво смущенная, съ какимъ-то маняще-виноватымъ видомъ—у молодыхъ матерей бываетъ такое выраженіе въ глазахъ. Мамка выноситъ младенца,—однимъ словомъ, полная картина семейнаго счастья.

„— *Онъ* какъ двѣ капли воды походитъ на тебя...—шепнула мнѣ Ольга Николаевна, когда я уходилъ.

„Не правда ли, какъ все это мило? Даже очень мило... Моей первой мыслью было сбѣжать изъ Москвы, куда глаза глядятъ. Съ какой стати это мой ребенокъ, когда у ней есть мужъ? Кто можетъ это доказать, наконецъ? Мало ли какія фантазіи могутъ разыгрываться въ самой красивой женской головкѣ. Но она пріѣхала ко мнѣ сама, о чемъ-то умоляла, плакала, становилась на колѣна—болѣе дурацкое положеніе, чѣмъ мое, трудно себѣ представить. А я еще самъ его усугубилъ, потому что, уступая неотступнымъ просьбамъ Ольги Николаевны, началъ бывать у нихъ въ качествѣ „молодого друга“, какъ окрестилъ меня Петръ Алексѣевичъ, большой плутъ и хитрецъ. Собственно говоря, мнѣ пришлось уступить силѣ—Ольга Николаевна непремѣнно обѣщала отравиться, если я не буду у нихъ бывать. Этого еще недоставало...

„Представьте теперь мое положеніе. Эта связь продолжается уже цѣлыхъ три года. Я сдѣлался окончательно своимъ человѣкомъ въ домѣ. Прислуга мнѣ фамильярно улыбается, а кухарка спрашиваетъ, какой соусъ приготовить къ котлетамъ. Я приношу Борису игрушки, справляю день его рожденія, бѣгаю по дѣтскимъ докторамъ и въ аптеку, когда онъ боленъ, бебешки меня встрѣчаютъ радостнымъ визгомъ. Ольга Николаевна выходитъ ко мнѣ по-домашнему, Петръ Алексѣевичъ совѣтуется со мной относительно своихъ старческихъ недуговъ и т. д. Представьте себѣ душевное состояніе фальшиваго монетчика, который является каждый день на монетный дворъ и видитъ среди настоящей монеты свой собственный фальшивый двугривенный. Вѣдь это ужасно. Меня мучитъ судьба *моего* Бориса—теперь я начинаю убѣ-

ждаться, что онъ дѣйствительно *мой*. Лучше было бы, если бы онъ былъ сиротой, подкидышемъ—чѣмъ хотите. Когда супругамъ угодно ссориться, они выбираютъ меня третейскимъ судьей.

„— Молодой другъ, разсудите насъ!..—взываетъ мужъ.

„— Сергѣй Васильевичъ, войдите въ мое положеніе!—проситъ Ольга Николаевна.

„Когда Петръ Алексѣевичъ сердится на Ольгу Николаевну, онъ начинаетъ очень ядовито на что-то намекать и ведетъ діалогъ въ такомъ родѣ:

„— О, и я, молодой другъ, тоже былъ молодъ... да-съ. Мнѣ было тогда... ну, сколько вамъ сейчасъ? Да, да, ровно двадцать восемь лѣтъ... Я любилъ женщинъ... хе-хе... и онѣ того, не платили мнѣ черной неблагодарностью. И представьте такой случай: мужъ былъ моихъ лѣтъ, а жена... ну, такъ, приблизительно, въ возрастѣ Оли. Да... И представьте себѣ, она, т.-е. жена, а не Оля,—по уши въ меня врѣзалась. Даже хотѣла отравиться... Ей-Богу! Да... А мужъ оказался такимъ идіотомъ и дуракомъ... Хе-хе!.. И вѣдь какъ она меня запутала. Цѣлая исторія потомъ вышла, молодой другъ... Я-то думалъ, что мужъ ничего не замѣчаетъ, а онъ... да-съ... въ одно прекрасное утро...

„Ольга Николаевна при такихъ разговорахъ ярко вспыхиваетъ, поднимается и демонстративно уходитъ. Старый плутъ добродушно смѣется, потираетъ руки и, подмигивая, говоритъ:

„— *Налъ* не нравится, молодой другъ... Что значитъ молодая-то кровь: сейчасъ и заторѣлась. Шучу, шучу, не сердитесь... Мнѣ еще отъ Оли вотъ какъ достанется, а что подѣлаете: такой проклятый веселый характеръ.

„Ольга Николаевна въ дурную минуту дѣлаетъ еще хуже. Она принимаетъ видъ жертвы и какимъ-то разслабленнымъ голосомъ говоритъ:

„— Serge, тебѣ пора жениться... Семья—великое дѣло. Только семья даетъ намъ все. Что же, рано или поздно этимъ кончится... Я тебя не стѣсняю и не имѣю права стѣснять. Да и вообще, стоитъ ли думать о такой женщинѣ...

„Нѣтъ, вы посмотрѣли бы на нее въ такую минуту! Я начинаю ее ненавидѣть, презираю себя и даже начинаю думать о самоубійствѣ. Въ нѣкоторые моменты женщины бываютъ просто ужасны, ужасны этой своей проклятой покорностью, дѣланымъ героизмомъ, самоотверженіемъ. И за что, спрашивается?

„Еще одна подробность. Мои друзья знаютъ все, откуда—неизвѣстно. Они справляются о здоровьѣ Ольги Николаевны, горюютъ, когда Борисъ бываетъ боленъ. Сначала я бѣсился, а потомъ привыкъ. Развѣ лучше устроился Миша Степановъ?.. А Антоша Пугачовъ...

„Опять звонокъ, опять этотъ Коко Ведерниковъ, который для меня является въ роли злого духа, а я еще не кончилъ главнаго, именно, что Ольга Николаевна... тьфу!.. Онъ ужъ идетъ изъ передней“.

III.

Отъ нея къ нему.

I.

„Васъ, вѣроятно, очень удивитъ мое письмо, Сергѣй Васильевичъ, но я не могла удержаться, чтобы не напомнить вамъ о своемъ существованіи. Совершенно случайно узнала вашъ адресъ отъ одной знакомой, которую и вы когда-то встрѣчали,—ее зовутъ Ольгой Николаевной. Она разсказывала, что

вы вмѣстѣ жили на дачѣ гдѣ-то. Я ее очень люблю, такая милая женщина. Да, такъ вы удивитесь, я это чувствую. Но мнѣ страшно захотѣлось поговорить съ вами. Я не сержусь. Что вспоминать старое... Можетъ-быть, даже все къ лучшему, какъ говоритъ докторъ Панглоссъ. Да, я пережила самоё себя, хотя Лермонтовъ и говоритъ:

„...Храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все Богъ".

„— Ксенія, не забывай, что ты замужняя женщина,—говоритъ милая тетя Агнеса, когда я впадаю въ мечтательное настроеніе.

„Да, я уже замужемъ цѣлыхъ пять лѣтъ, у меня трое дѣтей, и мнѣ все-таки иногда страстно хочется васъ увидѣть—такъ, издали. Для замужней женщины желаніе почти преступное... Но мечтать можно обо всемъ. Вѣдь цѣлыхъ семь лѣтъ прошло, можетъ-быть, лучшихъ семь лѣтъ... Предупреждаю васъ, что я счастлива и даже очень счастлива. А вы? Какой вы сейчасъ? Такіе же у васъ глаза? Такъ же вы улыбаетесь? Пополнѣли отъ тихихъ семейныхъ радостей, немного опустились,—да? О, счастье не дается даромъ... Что Marie? Интересно знать, что она думаетъ о себѣ, хотя видѣть ее я, говоря откровенно, не желаю. Не изъ чувства ревности, нѣтъ, а такъ... Есть какое-то чувство брезгливости, которое внѣ нашей воли. Я даже не обвиняю ее, что она отняла у меня васъ: à la guerre comme à la guerre... Что значатъ всѣ войны мужчинъ, о которыхъ повѣствуетъ всемірная исторія, по сравненію съ нашей вѣчной бабьей войной изъ-за мужчины, т.-е. изъ-за обладанія этимъ милымъ вѣнцомъ творенія, послѣднимъ словомъ его и зиждителемъ нашего маленькаго женскаго счастья. Боже мой, если бы Дарвинъ могъ хотя приблизительно понять, что такое борьба за существованіе! Бѣдный ученый мужчина думалъ, что она выражается устройствомъ зубовъ и когтей, пушками и штыками, покровительственной окраской и пѣніемъ самцовъ. Онъ на все смотрѣлъ съ мужской точки зрѣнія и глубоко ошибался. Самая жестокая, вѣчная и безпощадная война кипитъ только между женщинами, гдѣ несчастные бантики, цвѣты, разныя погремушки и матеріи гораздо страшнѣе всѣхъ вашихъ митральезъ, динамитовъ и прочихъ милыхъ средствъ для взаимнаго истребленія. Обратите вниманіе, что ни одно животное не улыбается, кромѣ человѣка, а улыбка женщины—ваша почетная могила.

„Какъ видите, я оправдываю Marie и преклоняюсь предъ фактомъ: въ послѣднемъ чувствуется старческое онѣмѣніе, маразмъ мысли, тотъ бѣлый флагъ, который поднимаетъ сдающаяся на великодушіе непріятеля крѣпость. Да, фактъ... Но это не мѣшаетъ чувствовать себя, какъ чувствуетъ себя ограбленный человѣкъ. До сихъ поръ для меня остается загадкой, что вамъ могло понравиться въ этой Marie Бурцевой? Я не думаю, чтобы вы были съ ней счастливы, и мнѣ дѣлается даже жаль васъ... Это — сухая и черствая натура, неспособная даже на увлеченіе. Она отняла васъ у меня изъ простого женскаго соперничества, я въ этомъ убѣждена. Любить она не способна. Позвольте, къ чему я все это пишу вамъ? Какое мнѣ дѣло до васъ? Кстати, вы даже не знаете, что больше всего обидѣло меня—это то, что вы даже не отвѣтили мнѣ на мое страстное посланіе, полное безумія юности. Это даже не по-джентльменски, милостивый государь. Конечно, дѣло прошлое, но это не мѣшаетъ мнѣ съ прежней живостью чувствовать обиду. Знаете, на меня часто находитъ сомнѣніе: вы точно двоитесь въ моемъ воображеніи. Одинъ вы—дѣйствительный человѣкъ, который не отвѣчаетъ на письма, мужъ Marie (Боже, неужели вы показали ей мое безумное письмо?), а другой вы—тотъ,

котораго я такъ любила, другими словами—призракъ. Вѣдь мы, женщины, любимъ въ мужчинѣ именно призракъ, который сами создаемъ и который никакъ не подходитъ къ дѣйствительности; въ этомъ неизсякаемый источникъ нашего вѣчнаго женскаго несчастія. И сейчасъ я пишу къ воображаемому „вы“, къ своему призраку, это—отчаянная попытка поймать собственную тѣнь. И вѣдь мы, глупенькія женщины, инстинктивно понимаемъ эту ошибку и все-таки повторяемъ ее изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ умирающіе отъ жажды въ пустынѣ гонятся за миражемъ. Видите, какая удивительная логика получается, когда начинаешь оправдывать себя заднимъ числомъ?

„Когда я пишу это преступное письмо, ко мнѣ подходитъ мой первенецъ Андрюша (ему уже четыре года) и говоритъ на своемъ дѣтскомъ волапюкѣ:

„ — Мама, ты пишешь письмо папѣ?

„Я совершенно машинально отвѣчаю, какъ отвѣчаютъ дѣтямъ:

„ — Да.

„Такимъ образомъ вы возведены на высокій санъ папы, а я изъ себя изображаю конклавъ красныхъ кардиналовъ. Получается маленькая иронія. Кстати, мой первенецъ немного напоминаетъ васъ: у него такой же разрѣзъ глазъ и что-то упрямое, когда онъ смѣется. Я иногда со страхомъ наблюдаю это роковое сходство и начинаю даже краснѣть. О, милый извергъ, ваша тѣнь преслѣдуетъ меня въ моихъ дѣтяхъ. Представьте себѣ, что мой мужъ, противъ установившагося обычая, какъ будто не любитъ Андрюшу. Вѣдь всѣ мужчины страшные эгоисты и въ своихъ первенцахъ любятъ свои первые (?) восторги законной любви и свои первыя семейныя радости. Двое другихъ дѣтей тоже мальчики, чему, съ одной стороны, я радуюсь (мужчинѣ въ тысячу разъ легче жить на свѣтѣ, чѣмъ женщинѣ, и нѣтъ такой женщины, которая не желала бы быть мужчиной), а съ другой—я иногда жалѣю, что у меня нѣтъ дѣвочки. Женщина—какъ вода, безъ нея нѣтъ жизни. Мальчики вырастутъ, и поминай, какъ звали. Соперничество преслѣдуетъ женщину даже въ тихихъ радостяхъ материнства. Гдѣ-нибудь, можетъ-быть, уже родились и растутъ тѣ маленькія дѣвочки, которыя отнимутъ у меня моихъ сыновей. Да, отнимутъ, потому что любовь, даже самая чистая, не дѣлится. И я останусь одна со своей старостью и буду существовать отраженными интересами своихъ дѣтей, какъ наблюдаютъ жизнь изъ окна: кто-то куда-то ѣдетъ, кто-то спѣшитъ пѣшкомъ и т. д.

„Обыкновенно принято думать, что разъ дѣвушка вышла замужъ, разъ она любитъ мужа, разъ у нея есть дѣти, то она успокаивается, какъ человѣкъ, который вернулся наконецъ домой изъ какого-то далекаго путешествія. Это не совсѣмъ вѣрно. Самый сильный моментъ въ жизни женщины, конечно, это появленіе дѣтей. Въ этомъ есть что-то такое ошеломляющее... Но первыя заботы и страхи материнства проходятъ, является привычка къ дѣтямъ, и женщина начинаетъ задумываться. За ней уже стоитъ громадный опытъ, и въ сущности она только теперь начинаетъ жить, заплативъ первую дань своимъ женскимъ обязанностямъ. Отступавшее на время на задній планъ свое *я* опять выдвигается впередъ... Вы догадываетесь, что я хочу говорить о себѣ, о томъ, что я думаю. Вѣдь интересно провѣрить себя время отъ времени. И я думаю, много думаю и прежде всего думаю о своихъ дѣтяхъ. Я знаю то недовѣріе, съ которымъ мужчины относятся къ нашимъ бабьимъ мыслямъ, что я замѣчаю даже въ своемъ зародышѣ-мужчинѣ—Андрюшѣ, и знаю, какъ мужчины не любятъ, когда женщины (въ холостой компаніи просто бабы) начинаютъ чего-то доискиваться, что-то анализировать, что-то провѣрять. Эта

работа бабьей мысли начинается какъ разъ послѣ того, какъ пройдетъ ошеломляющее впечатлѣніе материнства и женщина (по вашей терминологіи: баба въ тѣсномъ смыслѣ) начинаетъ провѣрять себя. Эта маленькая ревизія своихъ доходовъ и расходовъ приводитъ иногда къ очень неожиданнымъ результатамъ. Говорю по собственному опыту. Чувствую, что вы начинаете улыбаться скептически, но все равно. Вотъ что̀ меня занимаетъ, напримѣръ. Я люблю наблюдать своихъ дѣтей, въ которыхъ открывается для меня цѣлый неизвѣстный міръ. Вѣдь съ каждымъ человѣкомъ, какъ сказалъ Гейне, родится и умираетъ вселенная. Это глубоко вѣрно, потому что дѣло идетъ не столько о физической сторонѣ рожденія и смерти, а главнымъ образомъ о духовной. Я испытываю какое-то благоговѣйное чувство, когда наблюдаю зарожденіе первыхъ мыслей и первыхъ чувствъ въ ихъ первоисточникѣ. Вѣдь это величайшая тайна... Въ то же время я ищу въ дѣтяхъ самоё себя, поскольку я отразилась въ ихъ физическомъ складѣ, а главнымъ образомъ въ умственномъ и нравственномъ. Вѣдь эти дѣти представляютъ только результатъ длиннаго ряда предковъ, — кстати, Андрюша называетъ меня и отца предками. Почему-то это слово ему нравится, выходитъ и забавно и остроумно, не правда ли? И представьте себѣ мое отчаяніе, что я не нахожу себя въ дѣтяхъ... Жестокая и несправедливая правда, что женщина является только почвой, болѣе или менѣе благодарной, а творцомъ является только мужчина (этимъ, можетъ-быть, объясняется тотъ инстинктивно болѣе строгій выборъ женщиной мужчины и то легкомысліе, съ какимъ въ большинствѣ случаевъ мужчина выбираетъ себѣ женщину). Да, фактъ, который остается только признать. А знаете ли, что̀ отсюда слѣдуетъ?

„Ахъ, опять прибѣгалъ Андрюша. Это несносный мальчишка и страшный эгоистъ.

„ — Какъ ты долго пишешь папѣ, мама!

„Вотъ вамъ уже и готовый контроль. Личинка уже слѣдитъ за поведеніемъ мамы... Когда онъ говоритъ, у него въ интонаціи есть что-то ваше“.

II.

„Я остановилась на выводѣ, именно, что вѣдь мои дѣти въ данномъ случаѣ только случайность и могли быть совершенно иными, если бы былъ другой отецъ, а ваши дѣти будутъ приблизительно одинаковы, хотя бы родились отъ разныхъ матерей. Очень милый выводъ... Но пойдемте дальше, чтобы быть послѣдовательными. Намъ всѣмъ, отцамъ и матерямъ, кажется, что наши дѣти именно такими и должны быть, какими они есть сейчасъ, и что другими они не могли быть. Какое глубокое и печальное заблужденіе именно съ нашей материнской стороны... Вѣдь еще маленькими дѣвочками мы учимъ въ священной исторіи, что „Авраамъ роди Исаака, Исаакъ роди Іакова“, и никакъ не можемъ понять такую смѣшную несообразность, а между тѣмъ это глубоко вѣрно. Слѣдуетъ выводъ: въ моихъ настоящихъ дѣтяхъ я вижу точно олицетворенную месть вамъ. Вы мнѣ измѣнили, и вотъ вамъ результатъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы тогда нашъ любовный дуэтъ не былъ испорченъ вмѣшательствомъ Маріе, что̀ бы было? Я часто думаю о *нашихъ* не осуществившихся дѣтяхъ, и мнѣ дѣлается грустно и больно, точно я кого-то обманула, очень близкаго, дорогого. Бѣдныя милыя дѣтки, гдѣ вы? Какими бы вы были? Мнѣ нравится о нихъ думать, объ этихъ нерodившихся покойникахъ, и я тайно грущу. И сейчасъ мнѣ хочется расплакаться... Боже мой, что̀ же это такое? Что-то такое стихійное, слѣпое, безсмысленное, гдѣ наши лучшія, самыя свѣтлыя чувства только игрушка въ

какихъ-то невидимыхъ, жестокихъ рукахъ. Кажется, это называется судьбой... Къ чему же тогда вся поэзія любви, тотъ ореолъ, которымъ мы окружаемъ нашу любовь, золотыя иллюзіи и золотые сны молодости? Все обманъ и все нелѣпо. Мы бредемъ въ темнотѣ и подаемъ любящему человѣку камень вмѣсто хлѣба.

„Благодаря этимъ мыслямъ мнѣ иногда дѣлается страннымъ, что я замужняя женщина и прожила лучшій періодъ своей жизни, и я начинаю смотрѣть на своего мужа такими глазами, какими смотрятъ на посторонняго незнакомаго человѣка. Мнѣ даже дѣлается неловко, что онъ вотъ тутъ, около меня, что у него есть на меня какія-то права, а у меня есть какія-то обязанности. Въ эти минуты тихаго помѣшательства мнѣ кажется, что у него и лицо другое и голосъ другой, и мнѣ страстно хочется остаться одной. Да, совсѣмъ одной... Вѣдь новаго ничего не будетъ. Кстати, я, какъ настоящая измѣнница, еще ничего не сказала вамъ о своемъ мужѣ. Его зовутъ Семеномъ Гаврилычемъ. Это—мужчина среднихъ лѣтъ, среднихъ достоинствъ—вообще ничего особеннаго. Онъ гордится тѣмъ, что дѣловой человѣкъ, и любитъ повторять:

„ — Мы не герои, а обыкновенные люди, да-съ. Толпа, простые черноробочіе...

„Передъ замужествомъ я его предупредила, что у меня былъ романъ, конечно, не называя вашего имени. Онъ пожалъ плечами, сдѣлалъ большіе глаза, какъ говорится въ романахъ, и проговорилъ:

„ — Меня это не касается... Попрошу только объ одномъ: не повторяйте такихъ признаній въ слѣдующій разъ. Это, знаете, какъ-то не совсѣмъ удобно. Нынѣшнія дѣвушки начитаются романовъ и хотятъ ихъ продѣлывать въ жизни, потому что не знаютъ, что жизнь совсѣмъ не требуетъ ихъ романовъ. Все это остатки романтизма...

„Романтизмъ—любимое слово мужа, которымъ онъ, по странной логикѣ, выражаетъ свое недовольство. Онъ даже кухаркѣ говоритъ, что она заражена романтизмомъ, если она сдѣлаетъ щи не по его вкусу, а онъ любитъ поѣсть, что возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе.

„Какъ всѣ мужчины, мой мужъ влюбленъ въ себя, и его семья представляетъ только придатокъ къ его особѣ, чтобы продолжать его имя въ будущемъ, услаждать въ настоящемъ и покоить въ старости. Онъ умѣетъ поставить себя такъ, что малѣйшее его желаніе исполняется безпрекословно, хотя онъ никогда не кричитъ, не бранится, не выходитъ изъ себя. Въ немъ есть способность молча подчинять себѣ. Меня возмущаетъ, что дѣти и прислуга уважаютъ его больше, чѣмъ меня. „Семенъ Гаврилычъ такъ сказалъ“, „папа это любитъ“—у насъ составляютъ законъ. Всего интереснѣе, какъ онъ порабощалъ тетю Агнесу. Сначала добрая старушка страшно меня ревновала къ мужу и все подыскивала въ немъ какіе-то таинственные недостатки. Онъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и оставался сдержанно-вѣжливымъ, корректнымъ и какъ-то тяжело-солиднымъ, что, по мнѣнію тети, составляетъ главныя достоинства мужчины. Старушка начала сдаваться, хотя медленно, а когда родился Андрюша—сдѣлалась почти рабой. У тети Агнесы что-то въ родѣ культа Семена Гаврилыча, и я убѣждена, что, не будь это неприличнымъ и дикимъ, она еще при жизни поставила бы ему какую-нибудь кумирню. Бѣдная тетя перенесла на своего идола всѣ свои неизрасходованныя дѣвичьи чувства и приходитъ въ ужасъ, когда я рѣшаюсь возражать этому совершенству или просто не соглашаться съ каждымъ его словомъ. Она строго подбираетъ губы и читаетъ мнѣ нотацію такимъ тономъ, точно я гимназистка пятаго класса и хожу въ короткихъ платьяхъ.

„— Вѣдь онъ—твой мужъ,—повторяетъ тетя.—Твои дѣти будутъ носить его фамилію... Наконецъ, если, Боже сохрани, онъ умретъ, ты останешься вдовой.

„— Тетя, вѣдь ты прожила же безъ мужа?..

„— Я—другое дѣло,—уклончиво отвѣчаетъ старушка.

„Когда мы споримъ, тетя Агнеса всегда на сторонѣ мужа, что̀ меня серьезно злитъ, потому что—къ чему такая угодливость? Мужъ принимаетъ съ тетей какой-то иронизирующе-покровительственный тонъ и позволяетъ говорить старушкѣ оскорбляющія ея чистоту вещи. Ему нравится ее травить. Вотъ вамъ вчерашняя сцена за вечернимъ чаемъ. Разбирали мужчинъ и женщинъ, говорили абсурды и договорились до того, что мужъ принялся защищать мормоновъ. Это при тетѣ-то Агнесѣ! Она сначала отпучивалась, какъ умѣла, ссылаясь на единобрачіе нѣкоторыхъ птицъ и звѣрей, а потомъ начала волноваться.

„ — Вы это серьезно говорите, Семенъ Гавриловичъ? — спросила она дрогнувшимъ голосомъ, опуская глаза.

„ — Совершенно серьезно, тетя Агнеса... Во-первыхъ, предъ нами примѣръ праотцевъ, о чемъ вы учили съ дѣтства. Такъ? Затѣмъ, человѣкъ, конечно, выше вашихъ глупыхъ птицъ и глупыхъ животныхъ. Въ-третьихъ, наконецъ, есть неопровержимое доказательство законности и даже необходимости мормонства: у самой добросовѣстной женщины можетъ быть самое большее двадцать человѣкъ дѣтей, а у мужчины можетъ быть до трехъ тысячъ. Слѣдовательно сама природа назначила мужчину къ многоженству...

„ — А какъ же дѣти?—спрашивала тетя упавшимъ голосомъ.

„ — Дѣтей должно воспитывать государство, потому что въ нихъ все его будущее. Такъ и будетъ, повѣрьте мнѣ...

„Бѣдная тебя Агнеса даже расплакалась, а я замѣтила мужу, только одна:

„ — Эта мысль была бы даже остроумной, если бы она принадлежала вамъ. Къ сожалѣнію, я уже гдѣ-то читала ее...

„Перечитала сейчасъ свое письмо и удивилась тому противорѣчію, которое вкралось въ него. Какъ будто конецъ не подходитъ къ началу... Вѣдь я начала съ того, что я счастлива и что люблю мужа, а въ концѣ вышло какъ-то такъ, точно я его не люблю, и какъ будто мое счастье требуетъ какихъ-то поправокъ. Это просто ошибка отъ неумѣнія писать, и въ любимыхъ людяхъ мы часто находимъ несуществующіе недостатки, какъ приписываемъ имъ несуществующія болѣзни. Такова ужъ область чувства: трудно сохранить равновѣсіе.

„Итакъ, я люблю мужа и совершенно счастлива. Конечно, онъ не герой романа, не блестящій выдающимися талантами человѣкъ, но зато можно быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ. А это главное, когда всѣ интересы сосредоточены въ своемъ гнѣздѣ. Обвиняя мужа, что онъ дразнитъ тетю Агнесу, я должна прибавить, что сама люблю его подразнить. Начинаю, напримѣръ, вслухъ мечтать о роскоши, завидую купцу Мухоярову, у котораго сорокъ тысячъ годового дохода, и т. д.

„— Если бы я была во второй разъ дѣвушкой...—говорю я.

„— Скромное желаніе...—не даетъ мнѣ кончить мужъ.

„— ...я ни за что не пошла бы замужъ. Да... Что̀ хорошаго въ замужествѣ? Выбираетъ жениха совершенно неопытная дѣвушка, которая и людей-то не видала, а женихъ уже прошелъ всякій опытъ. Вотъ, напримѣръ, ты,—отчего ты никогда и ничего не разскажешь о своемъ прошломъ?

„— Я?—начинаетъ злиться мужъ,—я не понимаю, о чемъ ты говоришь...

„— Перестань, пожалуйста, притворяться... Я знаю, что вы, мужчины,

всѣ одинаковы... даже въ недостаткахъ и особенно въ ошибкахъ молодости. Ну, разскажи что-нибудь!.. Меня интересуетъ, какія женщины тебя любили, какъ тебя обманывали, какъ ты съ ними разставался... Ахъ, какъ я желала бы познакомиться хоть съ одной изъ нихъ, чтобы узнать твой вкусъ!

„—Ну, это уже романтизмъ...

„Когда мужъ сердится, онъ начинаетъ заикаться, а теряетъ онъ свое самообладаніе только со мной, какъ всѣ мужья. Мнѣ нравится его позлить немного. Нѣтъ, рѣшительно я его люблю, потому что онъ весь хорошій, а нынче такъ мало хорошихъ мужей... Представьте себѣ, до свадьбы онъ не зналъ ни одной женщины. Я имѣю на это доказательства. Развѣ не сокровище такой мужъ? Онъ презираетъ всѣхъ мужчинъ, которые смотрятъ на жизнь легкомысленно, и вамъ бы досталось отъ него... Вѣдь вы самый легкомысленный человѣкъ въ свѣтѣ, я въ этомъ убѣждена.

„—Кто не уважаетъ женщину, тотъ погибшій человѣкъ,—повторяетъ мужъ, и я не могу съ нимъ не согласиться.—А нынѣшніе молодые люди слишкомъ легко смотрятъ на жизнь, и я радъ, что у меня нѣтъ дочери.

„Вотъ видите, какъ говорятъ солидные люди. Учитесь, чтобы исправиться подъ старость. Жму вашу руку. „К—пія“.

„А все-таки мнѣ очень хотѣлось бы видѣть васъ“.

IV.

Отъ него къ ней.

I.

„Пишу вамъ, Ксенія Аркадьевна, уничтоженный, жалкій, разбитый, какъ солдатъ, бѣжавшій съ поля сраженія. Куда бѣжать такому солдату? Гдѣ укрыться? Куда нести свой позоръ? Такое вступленіе, надѣюсь, заставитъ васъ дочитать мое посланіе до конца. Когда-то вы относились ко мнѣ хорошо, и я во имя этого прошлаго обращаюсь къ вамъ, чтобы выговориться и разсказать все, чѣмъ наболѣла душа. Расчетъ на великодушіе врага всегда вѣрнѣе всѣхъ расчетовъ на дружбу. Впрочемъ, у меня и нѣтъ друзей, да и не было въ томъ смыслѣ, какъ понимается это слово. Скучно, грустно, а главное—подло. Подлость въ томъ, что я извѣрился въ самомъ себѣ, что не уважаю себя, что я, говоря образно, жалкая тряпица, какъ и многіе другіе, которые счастливѣе меня тѣмъ, что не отдаютъ себѣ отчета въ собственномъ положеніи, а тянутъ лямку жалкаго существованія по дурной привычкѣ непремѣнно жить. Вѣдь живетъ и цѣпная собака, если разсуждать съ формальной стороны.

„Недавно я перебиралъ свои старыя бумаги и нашелъ длинное письмо къ вамъ, которое осталось неотправленнымъ. Я его перечиталъ съ удовольствіемъ и съ удовольствіемъ подписался бы подъ нимъ еще разъ. Давно ли все это было,—вчера, третьяго-дня... Я оттолкнулъ счастье собственными руками и теперь несу достойную кару. Вѣра простого народа, что всякое преступленіе въ свое время должно быть искуплено соотвѣтствующимъ наказаніемъ, оправдалась на моемъ примѣрѣ въ самой яркой формѣ. Я перечиталъ свое письмо два раза съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ мы разсматриваемъ выцвѣтшія и порыжѣлыя фотографіи своей молодости. Да, я смотрѣлъ на себя черезъ призму семи лѣтъ своего супружескаго опыта и не узнавалъ себя... Тамъ былъ искренній, простой, любящій человѣкъ, который вдругъ куда-то точно испарился. Грустная метаморфоза для вашего покорнаго слуги.

„Вѣроятно, вы тысячу разъ думали и передумывали, какъ я мо
увлечься Маріе Бурцевой? Представьте себѣ, и я тоже. И до сихъ поръ
продолжаю не понимать, какъ все это могло случиться, тѣмъ болѣе, что Ма
я не любилъ. Объясненіе можетъ быть только одно—къ нему я подхожу у
со стороны, наблюдая другихъ женатыхъ мужчинъ; именно, подавляющ
большинство мужчинъ женится только потому, что находится такая дѣвуш
или женщина, которая ихъ женитъ на себѣ. Для мужской гордости это обид
но это не мѣшаетъ факту оставаться фактомъ. Итакъ, Маріе Бурцева жени
меня на себѣ. Произошло это съ ошеломляющей быстротой, такъ что
опомнился только тогда, когда уже былъ мужемъ. Первый же день наше
супружества для меня былъ омраченъ сознаніемъ, что Маріе, теперь моя жен
не только не любитъ меня, но и не уважаетъ, чего она, впрочемъ, и не скр
вала. Недурное открытіе для начала.

„Такъ называемаго медоваго мѣсяца у насъ не было. Его замѣни
жестокія сцены и взаимныя подергиванія. Я могу сравнить наше супружест
съ тѣмъ, если бы завязать въ одинъ мѣшокъ кошку и собаку, причемъ кош
была бы и профессіонально злѣе, и находчивѣе, и сильнѣе. Впрочемъ, и ту
Маріе была права.

„—Вы такъ и знайте, что я васъ не люблю,—предупреждала она ме
даже въ самый день свадьбы.

„—Для чего вы въ такомъ случаѣ выходите замужъ?—удивлялся
растерявшись и напрасно стараясь принять шутливый тонъ.

„—Такъ...—отвѣтила она по-дѣтски.—Сама не знаю, зачѣмъ. Отчасти и
любопытства, отчасти потому, что нужно за кого-нибудь выходить.

„Прежде я умѣлъ говорить съ женщинами въ шутливомъ тонѣ, и
выходило совсѣмъ недурно,—женщины любятъ больше всего именно эт
тонъ,—а тутъ, съ Маріе, я никакъ не могъ попасть въ него. Въ ней,
лицѣ, въ глазахъ, въ тонѣ голоса есть что-то дѣтское и вмѣстѣ жестокое
я теряюсь со своимъ тономъ. Если съ чѣмъ я могъ бы сравнить свою же
такъ это съ сыромъ рокфоръ—такая же острота, такая же ядовитая гни
въѣвшаяся въ самую середину. Я увѣренъ, что она была бы счастлива тол
съ какимъ-нибудь износившимся и тоже прогнившимъ насквозь рамоли,
торый вдобавокъ колотилъ бы ее палкой въ необходимыхъ случаяхъ. Къ со
лѣнію, я не могу соотвѣтствовать такому идеалу, и Маріе меня презирае
Послѣднее меня мучитъ съ перваго дня нашей совмѣстной жизни и прив
къ тому, что я самъ пересталъ себя уважать. Опять долженъ высказать обі
мѣсто. Какая-то итальянская пословица говоритъ, что женщины, ослы и ор
любятъ жесткія руки, а у меня именно этого счастливаго преимуществ
нѣтъ, потому что я по существу мямля, и больше ничего.

„У каждаго человѣка въ самомъ скверномъ положеніи остается ка
нибудь надежда. Моей надеждой были дѣти. Материнство измѣнило бы Ма
какъ я увѣрялъ себя. Но дѣтей не было, и сейчасъ, умудренный жесток
опытомъ, я благословляю небо за эту милость. Развѣ Маріе могла бы б
матерью? Съ другой стороны, какой я отецъ? Итакъ, нѣтъ дѣтей и н
надежды... Что же, приходится мириться...

„Ко всѣмъ милымъ качествамъ Маріе нужно прибавить, что она деспо
самый ужасный изъ всѣхъ деспотовъ. Единственнымъ матеріаломъ для
явленія этого деспотизма служу я, и одинъ Господь знаетъ, какое тяж
иго я несу. Маріе такъ умѣла поставить себя, что малѣйшее ея желаніе,
лѣйшій капризъ исполняются безпрекословно, какъ смертный приговоръ.
является въ роли плотоядnаго хищника, а я травоядnаго пресмыкающа

въ зоологіи это новый видъ). Обыкновенно настоящіе хищники изъ любезности разрываютъ травоядное на части сразу, а Marie ѣстъ меня уже семь лѣтъ. И я привыкъ къ своему униженію и, какъ всякій рабъ, глубоко ненавижу своего господина. О, какъ я ненавижу Marie, если бъ вы знали... Съ какимъ наслажденіемъ я убилъ бы ее!.. Въ моей головѣ проносятся иногда ужасныя картины. Я уже вижу Marie мертвой, съ посинѣвшимъ искаженнымъ лицомъ, съ остановившимися въ мертвенномъ ужасѣ глазами, съ запекшейся на губахъ кровью... И мнѣ ея не жаль. Нисколько... Эти глаза не будутъ больше глядѣть, эти губы не будутъ прикрывать улыбкой тѣ лживыя слова, которыя говорилъ языкъ, это сердце не будетъ биться, какъ фальшивая монета въ пустомъ кошелькѣ: она вся ложь, и дрянная ложь. Я испытываю инстинктивное отвращеніе къ ящерицамъ, и у меня бѣгутъ мурашки по спинѣ, когда я мысленно представляю себѣ соприкосновеніе съ ея сухой и холодной кожей. Marie—ящерица громадныхъ размѣровъ. Она и притворяется на каждомъ шагу, какъ ящерица...

„Когда я пишу о своей ненависти къ Marie и кровожадныхъ фантазіяхъ о ея адресу, мнѣ дѣлается горько и смѣшно. Кто это пишетъ?—бывшій банковскій бухгалтеръ, а сейчасъ членъ банковскаго правленія. Говоря откровенно, мнѣ ужасно повезло по службѣ. Мнѣ завидуютъ, какъ счастливцу и баловню судьбы. А никто не знаетъ, какъ мнѣ противна моя дѣятельность и это банковское счастье. Мы обираемъ неизвѣстныхъ кліентовъ въ пользу неизвѣстныхъ патроновъ. Очень почтенная дѣятельность... И насъ уважаютъ, предъ нами заискиваютъ, льстятъ, пресмыкаются, унижаются, какъ льстили, унижались и пресмыкались, вѣроятно, предъ жрецами золотого тельца. Для чего же я служу въ банкѣ, когда мнѣ это не по душѣ? А для того же, почему я не расхожусь съ Marie... Нужно двѣнадцать тысячъ жалованья, безгрѣшные доходы, игра подъ сурдинку на биржѣ, чтобы добывать средства на мое мотовство. Какъ видите, одно было связано съ другимъ по-братски, чего не случается съ добродѣтелями. И я качусь по наклонной плоскости въ неизвѣдомую даль, какъ нарастающій отъ движенія съ горы комъ снѣга,—чѣмъ дальше, тѣмъ хуже.

„Мнѣ доставляетъ удовольствіе посмѣяться надъ самимъ собой. У меня роскошная квартира, убранная по послѣднему слову какой-то сумасшедшей моды, есть собственная дача въ трактирно-банномъ стилѣ, почему-то называющемся русскимъ, есть свои лошади и т. д., и т. д. И какъ я ненавижу все это! Маленькая характерная подробность: у насъ вездѣ цвѣты, самые рѣдкіе цвѣты,—это составляетъ слабость Marie. Даже за обѣдомъ столъ покрывается какими-то дурацкими папоротниками... А орхидеи? Я ихъ ненавижу и стараюсь не смотрѣть на нихъ—это какіе-то сумасшедшіе въ царствѣ растеній, и самъ я начинаю чувствовать себя живымъ покойникомъ среди этихъ орхидей, папоротниковъ, ирисовъ и хризантемъ. Я бросаю всякую работу и разыскиваю по всѣмъ оранжереямъ какіе-то рѣдкіе экземпляры, я долженъ выражать искренній восторгъ по ихъ адресу, я долженъ разыгрывать какого-то психопата, и мнѣ начинаетъ казаться, что Marie сама рѣдкій экземпляръ изъ самыхъ извращенныхъ орхидей, у которыхъ корни превращены въ цвѣты, а листья исправляютъ должность корней. О, какъ я ненавижу всѣ цвѣты...

„Я замѣтилъ что Marie любитъ все нездоровое, ненормальное, извращенное. Это распространяется, главнымъ образомъ, на нашихъ знакомыхъ, предъ которыми мы разыгрываемъ вотъ уже семь лѣтъ счастливую парочку. Собственно это общество Marie: выгнанные со сцены актеры, пѣвцы, потерявшіе голосъ, соломенныя вдовушки, какіе-то сомнительные кавказскіе князьки,

остзейскіе бароны, наши банковскіе іудеи—однимъ словомъ, отчаянный сбродъ. Какіе разговоры, какіе интересы, какіе взгляды на все!.. А лучше всѣхъ Маріе, которая поминутно проявляетъ по отношенію ко мнѣ самыя деликатныя чувства.

„— Serge, кажется, отъ окна дуетъ, а у тебя кашель...

„— Нѣтъ, ничего.

„— У тебя вообще какой-то такой видъ...

„Я сначала краснѣлъ отъ такого издѣвательства въ глаза, а потомъ привыкъ и довольно удачно продѣлываю роль кукольнаго мужа, параднаго манекена и счастливаго супруга. Я тоже проявляю признаки нѣжности и самой трогательной заботливости. Но если бы вы видѣли ту перемѣну декорацій, которая происходитъ моментально, когда наши дорогіе гости уходятъ. Сначала я больше всего стыдился прислуги, а потомъ привыкъ".

II.

„Я уже сказалъ вамъ о своемъ рабствѣ, а каждый рабъ по существу своей профессіи вынужденъ лгать. И я лгу на каждомъ шагу, лгу до того, что мнѣ это даже начинаетъ нравиться, какъ своего рода спортъ для домашняго употребленія. Я лгу даже тогда, когда молчу: лжетъ мое лицо, лжетъ каждое движеніе, лжетъ даже походка. Мнѣ доставляетъ удовольствіе обманывать самого себя. Особенно я изощрился по этой части въ обществѣ моихъ бывшихъ холостыхъ друзей, о которыхъ я когда-то писалъ вамъ. Они посѣщаютъ меня время отъ времени съ благочестивой цѣлью потомъ позлословить на мой счетъ.

„—Я тебѣ завидую, Сережа,—притворно умиляется самый умный изъ нихъ, Коко Ведерниковъ.—Ты сорвалъ банкъ въ жизни...

„—Онъ пришелъ первымъ къ столбу,—поддерживаетъ его Китоврасовъ, у котораго пятнадцать лѣтъ не можетъ умереть въ Тамбовѣ богатая тетка; этотъ милый человѣкъ говоритъ обо мнѣ, какъ о скаковой лошади.—Вѣрнѣе сказать, ты пришелъ къ столбу съ женой въ мертвомъ гитѣ, голова въ голову.

„Мои безжалостные друзья знаютъ отлично подводную часть моего мертваго гита и считаютъ своимъ долгомъ выматывать изъ меня жилы. Впрочемъ, я не остаюсь у нихъ въ долгу, и въ моихъ разговорахъ съ ними вспыхиваютъ иногда огоньки прежняго остроумія, что̀ удивляетъ Маріе каждый разъ.

„—Этотъ оселъ еще остритъ... Вѣроятно, подслушалъ у кого-нибудь.

„Маріе всегда говоритъ обо мнѣ почему-то въ третьемъ лицѣ, а „оселъ"—это мой домашній чинъ, что̀ предвидѣли мудрые зоологи, когда назвали осла asinus domesticus.

„Кстати о моихъ друзьяхъ. Всѣ они устроились. Коко Ведерниковъ служитъ гдѣ-то юрисконсультомъ, управляетъ какими-то домами, состоитъ при какой-то опекѣ—вообще типичный дѣлецъ средняго полета; смѣшнѣе всего, что онъ бредитъ толстовщиной, вегетаріанствомъ, всевозможной философской отсебятиной, что̀ совмѣстить можетъ только безшабашный русскій мозгъ. Китоврасовъ пошелъ по ученой части и углубился въ археологію, собираетъ образки, покупаетъ у бабъ полотенца и старинные кокошники и гдѣ-то кому-то что-то такое читаетъ. Удивительнѣе всего, что у него есть слушатели и есть люди, которые платятъ ему за его чтенія. Миша Степановъ—помните, добродушный, бѣлокурый увалень?—сейчасъ... вы ни за что не угадаете его профессіи,—сейчасъ онъ на сценѣ и на какой!—на опереточной и притомъ

исполняетъ комическія роли, и наконецъ у него есть настоящій талантъ, въ чемъ я убѣдился лично. Желая быть послѣдовательнымъ, онъ женился на поповнѣ и чуть не каждый день ходитъ къ ранней обѣднѣ. Мило и просто, и все какъ-то связано одно съ другимъ, такъ что, вѣроятно, логика Милля краснѣетъ за свою нелогичность. Лучше всѣхъ устроился Антоша Пугачовъ, которому рѣшительно всѣ завидуютъ. Онъ какими-то невѣдомыми путями сдѣлался сначала летучимъ корреспондентомъ „Нашей уважаемой газеты“, а сейчасъ состоитъ ея воскреснымъ фельетонистомъ, т.-е. приманкой для публики. Онъ нѣсколько разъ объѣхалъ всю Европу, сдѣлалъ кругосвѣтное путешествіе и знаетъ рѣшительно все и всѣхъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Круглыя черепаховыя очки придаютъ ему видъ испуганной летучей мыши, а произношеніе въ носъ—шикъ настоящаго „парижскаго парижанина“. Съ редакторомъ онъ на ты и, благодаря феноменальной крѣпости желудка по части неосторожнаго обращенія съ напитками, въ редакціи „Нашей уважаемой газеты“ свой человѣкъ. Онъ въ качествѣ газетнаго прозорливца предсказываетъ теченіе европейской политики (мы предвидѣли еще въ прошломъ году, что...), съ авторитетомъ застарѣлаго парламентскаго дѣятеля разбираетъ внутренніе вопросы и ведетъ ожесточенную, наѣздническую полемику. Антоша—положительно талантъ.

„Marie въ восторгѣ отъ Пугачова, зачитывается его фельетонами и хохочетъ до слезъ, когда онъ разсказываетъ свои анекдоты, отъ которыхъ сгорѣла бы со стыда бумага, если бы ихъ возможно было напечатать. У насъ вообще какое-то царство анекдота: съ него все начинается и имъ кончается. Пугачовъ собственно рѣдкій и дорогой гость, и Marie отчаянно съ нимъ кокетничаетъ, что тотъ принимаетъ за чистую монету. Я въ этомъ отношеніи спокоенъ, потому что моя ящерица застрахована отъ всякихъ увлеченій. О, если бы она только могла кѣмъ-нибудь увлечься и бросить меня... Нѣтъ, о такомъ счастьѣ я не смѣю мечтать даже во снѣ, ибо asinus domesticus во всей зоологіи одинъ, и другого такого экземпляра не можетъ быть.

„ — Все мое несчастіе, что я родилась слишкомъ рано, — повторяетъ Marie всѣмъ, давая понять, какой крестъ она несетъ въ своей семьѣ. — Но въ жизни нужно быть фаталистомъ... C'est la fatalité — какъ говоритъ belle Hélène.

„Чтобы быть понятой неблагодарными современниками, Marie печатаетъ сентиментальные стишонки въ какихъ-то декадентскихъ изданіяхъ, учится рисовать и лѣпить. Впрочемъ, все это прошло, и теперь она играетъ на тотализаторѣ, какъ кокотка. Анекдотъ у насъ неразрывно связанъ съ спортомъ—велосипедъ, скачки, гребныя гонки, поло, лаунъ-теннисъ и даже фехтованіе женщинъ. Всѣ эти удовольствія послѣдняго времени точно спеціально созданы для Marie, чтобы убивать ея никому ненужное время. Тутъ все типично и все говоритъ за себя.

„Эту картину семейнаго счастья остается дополнить только тѣмъ, что я начинаю спиваться—но такъ, какъ это дѣлаютъ простые мужики, а спиваться по-интеллигентному, какъ спиваются состоятельные люди. Пить я началъ еще въ голодное время студенчества, потомъ слѣдовалъ перерывъ, когда я пилъ только въ компаніи, а сейчасъ я напиваюсь уже въ одиночку, и это вошло въ привычку. Кажется, немного нужно силы воли, чтобы отказать себѣ въ роковой первой рюмкѣ, а между тѣмъ нѣтъ ничего труднѣе. Съ другой стороны, какъ-то дѣлается легче, даже почти совсѣмъ легко. Я какъ-то подсчиталъ и выходитъ, что я пьянъ почти каждый день, т.-е. пьянъ къ вечеру, пьянъ прилично, такъ что посторонній глазъ даже и не замѣтитъ. Что дѣ-

лать, такъ сложилась жизнь, какъ говорятъ всѣ потерянные люди. Я себя не оправдываю и не жалѣю. Много насъ такихъ, охъ, какъ много... Недавно я разсматривалъ свою особу въ зеркало, чѣмъ вообще не занимаюсь: пополнѣлъ, даже начинаю брюзгнуть, лицо съ краснотой — вы бы не узнали меня. И это человѣкъ, который еще такъ недавно мечталъ о чемъ-то, у котораго была потребность въ идейномъ существованіи, который хотѣлъ вести васъ, нѣтъ, итти съ вами рука объ руку куда-то впередъ, въ міръ лучшихъ идей, чувствъ и понятій! Да, насъ много, и представьте, что въ этой средѣ вы встрѣчаете и художника, и артиста, и писателя, и ученаго—всѣ они составляютъ одно собирательное больное, и у всѣхъ одна и та же исторія. Дома меблированный адъ, а внѣ дома — кабакъ по состоянію. Мы встрѣчаемся именно въ этихъ кабакахъ, знакомимся по-кабацки, а потомъ не узнаёмъ другъ друга вплоть до новой кабацкой встрѣчи. Ну, я простецъ, банковская запятая, а тѣ-то отчего пьютъ? Остаюсь при глубокомъ убѣжденіи, что дѣло въ женщинѣ, именно въ интеллигентной женщинѣ, которая доводитъ интеллигентнаго мужчину до позорнаго конца. Это не обвиненіе третьяго лица, чтобы оправдать себя. Нѣтъ и нѣтъ... Говорю это съ глубокимъ прискорбіемъ. Эту интеллигентную женщину я могу сравнить... Ахъ, да, я недавно по порученію банка выѣзжалъ осматривать три тысячи десятинъ строевого лѣса, который былъ заложенъ у насъ. Представьте, вѣковыя чудныя сосны и ели пожирались ничтожной бѣлой бабочкой „монашенкой“. Онѣ стояли въ своей вѣковой красѣ уже приговоренными къ смерти, а подъ корой неустанно точили маленькіе червячки, прекращая доступъ питательныхъ соковъ изъ земли. Мнѣ казалось, что эти сосны мы, то-есть я, и что я готовъ вдобавокъ ползать у ногъ своей монашенки... Считаю своимъ долгомъ оговориться: я говорю „интеллигентная женщина“ не въ смыслѣ образованія — Боже меня сохрани! — а только въ смыслѣ извѣстнаго круга общества, и это совсѣмъ не значитъ, что я предпочитаю необразованную женщину. Тысячу разъ нѣтъ... Развѣ Магіе образованная женщина, хотя она кончила институтъ и слушала какіе-то курсы? Я преклоняюсь предъ образованіемъ, какъ единственной силой, которая ведетъ человѣчество впередъ и дѣлаетъ отдѣльныя единицы счастливыми. Когда-то и я мечталъ о наукѣ, о подвигѣ, о жизни по совѣсти... Ну, объ этомъ не будемъ говорить.

„Закончу свое затянувшееся письмо характернымъ эпизодомъ. Представьте себѣ, что я прибилъ Магіе... Да, прибилъ, какъ пьяный мужикъ, потому что и самъ былъ пьянъ. Она сказала мнѣ какую-то вызывающую грубость, — сейчасъ даже не помню что. Я ее ударилъ, схватилъ за горло и бросилъ на полъ. Она какъ-то жалко пискнула, закрыла лицо руками и, какъ индюшка, приготовилась ко второму удару. Я оттолкнулъ ее ногой и опомнился.

„— Ты не стоишь даже того, чтобы тебя бить, — проговорилъ я.

„Она страшно испугалась, и это, кажется, былъ единственный случай въ нашей совмѣстной жизни, когда она была естественной. Да, она совершенно естественно защищала свое лицо руками, какъ скупой сталъ бы защищать естественно свой мѣшокъ съ золотомъ, а для нея ея дѣтское лицо — капиталъ. Когда я проспался на другой день, то пришелъ въ двойной ужасъ: мнѣ страшно было совѣстно за свое звѣрство, а потомъ я испугался за Магіе — вѣдь она на все способна. Мнѣ даже сдѣлалось ея жаль. Конечно, мы должны разойтись, но куда она пойдетъ, она, которая не способна ни къ какому труду, ни къ чему серьезному? Я уже видѣлъ ее содержанкой, потомъ кокоткой... И представьте себѣ, когда я пришелъ къ ней просить прощенія она даже не была разсерженной, а только спросила уже на ты:

„— Скажи откровенно: ты билъ когда-нибудь другихъ женщинъ?

„Я понялъ этотъ вопросъ и, хотя не шевельнулъ пальцемъ ни одной женщины, совралъ безъ всякой совѣсти:

„— О, я постоянно ихъ билъ... Ты меня еще не знаешь!

„Эта гнусная исторія кончилась ничѣмъ, и Магіе сдѣлалась какъ-то мягче. Я чувствовалъ, какъ она меня наблюдала потихоньку, открывая во мнѣ другого человѣка. Боже мой, до чего она была мнѣ противна... Я, кажется, теперь начну ее бить уже серьезно. Но будетъ. Прощайте.

„Сергѣй Меркурьевъ“.

„P. S. А какъ хочется жить... Вѣдь я еще не жилъ совсѣмъ, а жить для меня—это думать о васъ. Я помѣщаю въ васъ все лучшее, самое дорогое и чистое — въ васъ моя несбывшаяся молодость, мое несбывшееся счастье... Прощайте!“

V.

Отъ нея къ нему.

I.

. . . . . .

„P. S. Начинаю прямо съ постскриптума, потому что начала нѣтъ.

„ — Ксенія, не забывай, что ты теперь... Да, теперь ты должна быть особенно осторожна и строга къ себѣ, — говоритъ мнѣ тетя Агнеса, не рѣшаясь назвать настоящимъ именемъ мое теперешнее соціальное положеніе.

„ — Что же я такое теперь, тетя? — спрашиваю я съ горькой улыбкой.

„Тетя Агнеса поднимаетъ только брови и краснорѣчиво умолкаетъ. Милая, хорошая старушка, которая, любя, сдѣлала мнѣ много зла. Когда катастрофа (о ней потомъ) кончилась, она таинственно передала мнѣ два моихъ письма къ вамъ, — они оказались неотправленными... Тетя Агнеса перехватила ихъ изъ ревности къ вамъ, съ одной стороны, а съ другой — изъ принципа, что дѣвушка не должна писать мужчинамъ, не показавъ письма старшимъ. Эта любящая опека и погубила меня... Я убѣждена, что, получи вы мое первое письмо, вы никогда не женились бы на Магіе, а я не вышла бы замужъ за... Я не желаю называть имени, которое сдѣлало меня несчастной. Да, я несчастна и удивляюсь самой себѣ, что имѣю еще силы такъ спокойно писать вамъ. Но кому я буду писать, когда у меня нѣтъ ни одной живой души, кромѣ васъ, которому я хочу сказать все, все... Такъ какъ вы были отчасти виновникомъ моего несчастія, то и должны прочитать это письмо до конца — наказаніе, которое не всѣ мужчины выносятъ съ достаточнымъ мужествомъ. Настоящее письмо вы получите вмѣстѣ съ двумя предыдущими, которыя должны тоже прочитать, чтобы вполнѣ понять это.

„Мнѣ исполнилось въ нынѣшнемъ году ровно тридцать лѣтъ. Замужемъ я была ровно десять лѣтъ, а сейчасъ я ни дѣвушка, ни вдова, ни мужняя жена, какъ говорятъ мужики про солдатокъ. Мое положеніе хуже, чѣмъ положеніе солдатки,—я просто соломенная вдова, то-есть ушла отъ мужа. Сколько злой иронiи въ этомъ терминѣ, придуманномъ, конечно, мужчиной, и очень веселымъ мужчиной, у котораго, вѣроятно, тоже убѣжала жена. Соломенная вдова— не правда ли, какъ это смѣшно? Есть несчастія, которыя даже не вызываютъ сочувствія, а соломенное вдовство вызываетъ, кромѣ того, невольную улыбку и наталкиваетъ на игривыя мысли. Мнѣ раньше не одинъ разъ приходилось слышать этотъ терминъ, и мужчины съ разными игривыми примѣчаніями указывали пальцами на соломенныхъ вдовушекъ. Въ глубинѣ души я обви-

няла ихъ, какъ женщинъ, которыя не умѣли сохранить огня на семейномъ очагѣ, а вѣдь это главная задача женщины. Тетя Агнеса относилась къ такимъ женщинамъ съ ужасомъ, все равно, если бы въ ея комнату вошла подкованная лошадь. Она даже закрывала глаза, какъ курица, и еще разъ приходила въ ужасъ. И вотъ я теперь на положеніи этой соломенной вдовы, и тетя Агнеса много способствовала этому обстоятельству. Видно, чему посмѣешься — тому и поработаешь.

„Одно маленькое замѣчаніе à propos. Раньше мнѣ казалось, что соломенныя вдовы очень рѣдкое исключеніе, что-то въ родѣ монстра или тѣхъ уродовъ, какіе сохраняются въ анатомическихъ музеяхъ въ банкахъ со спиртомъ. А сейчасъ я убѣдилась, что это очень распространенная разновидность женщины, все нарастающая по мѣрѣ поступательнаго движенія нашей милой цивилизаціи. У меня разъ болѣли зубы, и мнѣ пришлось выйти на улицу, и я удивилась, что такъ много встрѣчалось людей съ подвязанными щеками, какъ моя. Вѣроятно, хромой встрѣчаетъ больше хромыхъ, чѣмъ люди со здоровыми ногами, горбатыхъ — горбатый, кривой — кривыхъ. Весь вопросъ въ томъ, на чемъ фиксируется наше вниманіе. Когда болитъ зубъ, кажется, что болитъ весь земной шаръ. Такъ я теперь болѣю своимъ соломеннымъ вдовствомъ, и меня приводитъ въ ужасъ наша численность, — вѣдь получается цѣлая армія женщинъ, выкинутыхъ за бортъ семейнаго корабля. Я ихъ поневолѣ встрѣчаю по разнымъ канцеляріямъ, гдѣ приходится хлопотать по своимъ дѣламъ, — да, у меня есть свои дѣла и много-много самыхъ непріятныхъ хлопотъ.

„ — Помилуйте, сударыня, вашего сословія большія тысячи, — объяснялъ мнѣ швейцаръ-старичокъ, когда я въ первый разъ пришла въ канцелярію градоначальника, чтобы хлопотать объ отдѣльномъ видѣ на жительство, и страшно волновалась съ непривычки: мнѣ казалось, что всѣ смотрятъ на меня и показываютъ пальцемъ — сторожа, курьеры, писцы, чиновники. — А вы не сумлѣвайтесь... Не вы первая, сударыня. У насъ двери не закрываются отъ вашего сословія.

„И, представьте себѣ, я почувствовала нѣкоторое душевное облегченіе именно въ этихъ канцелярскихъ стѣнахъ, гдѣ встрѣтила еще болѣе несчастныхъ соломенныхъ вдовъ. Что онѣ вынесли — вѣрнѣе сказать, чего только онѣ ни вынесли, прежде чѣмъ дошли до дверей этой канцеляріи! Вотъ къ чему приводитъ иногда жизнь... Но я забѣгаю впередъ, не разсказавъ главное. Ахъ, какъ тяжело это повторять. Вѣдь и безъ того приходится переживать все тысячу тысячъ разъ: что ни дѣлаешь, а всѣ мысли сведутся въ концѣ концовъ къ одной роковой точкѣ.

„Катастрофа произошла какъ разъ передъ Рождествомъ, когда всѣ мы готовились къ празднику и главные интересы сосредоточивались, конечно, около елки... Боже, какъ мнѣ трудно писать, если бы вы знали!.. Мое бѣдное сердце разрывается на части... Дня за три до праздника, утромъ, когда мужъ былъ на службѣ, горничная говоритъ, что меня спрашиваетъ какая-то женщина. Уже по лицу горничной я замѣтила, что что-то неладно.

„— Какая женщина?

„— А такъ... Въ дипломатѣ...

„Выхожу въ переднюю и вижу среднихъ лѣтъ женщину, одѣтую въ осенній дипломатъ, несмотря на стоявшіе холода. Мнѣ она почему-то не понравилась, особенно не понравился ея пристальный взглядъ, которымъ она точно меня взвѣшивала.

„— Что вамъ угодно? — довольно сухо спросила я.

„Она оглянулась на горничную и отвѣтила съ замѣтнымъ смущеніемъ:

„ — Мнѣ бы нужно поговорить съ вами съ глазу на глазъ...

„ — Для чего же это? — возмутилась я. — Между нами нѣтъ секретовъ, и вы можете говорить все совершенно свободно...

„ — Нѣтъ, все-таки... Я прошу васъ... Будьте любезны, ради Бога.

„У меня что-то точно оборвалось въ сердцѣ, и я почувствовала, что эта женщина въ дипломатѣ уже владѣетъ мной. Выславъ горничную, я провела ее въ свою комнату. Къ счастью, тети Агнесы не было дома. Она вошла съ какой-то робостью, оглядѣла стѣны и заплакала.

„ — Что съ вами? — начала я немного сердиться.

„ — Такъ-съ... Это пройдетъ. Я къ вамъ по серьезному дѣлу, ужъ простите.

„Дѣло, дѣйствительно, оказалось серьезнымъ. Эта женщина въ дипломатѣ была сожительницей моего супруга до его женитьбы и осталась послѣ него съ двумя дѣвочками на рукахъ. Очень недурно для начала... Оказалось, что мой супругъ содержалъ эту семью, то-есть выдавалъ по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ, и все шло хорошо до послѣдняго времени, когда онъ сдѣлался неаккуратнымъ и началъ помогать періодически, посылая по десяти и даже по пяти рублей. Вотъ послѣднее обстоятельство и привело женщину въ дипломатѣ ко мнѣ. Она уже стояла на краю нищеты и пустилась на отчаянное средство объясниться со мной. Представьте себѣ мое положеніе... Вотъ вамъ мужъ, который до женитьбы на мнѣ не зналъ ни одной женщины. У меня потемнѣло въ глазахъ отъ неожиданнаго открытія, но я не потерялась и сейчасъ же отправилась съ женщиной въ дипломатѣ на ея квартиру, чтобы провѣрить все на мѣстѣ... У меня оставалась тѣнь сомнѣнія. Мало ли что бываетъ: просто шантажъ. Я нашла въ одной комнатѣ двухъ дѣвочекъ-подростковъ, и сомнѣній не могло быть. Это были родныя сестры моимъ собственнымъ дѣтямъ. Я отдала женщинѣ въ дипломатѣ всѣ деньги, какія успѣла захватить съ собой, обѣщала что-то такое устроить для нея, поговорить съ мужемъ и т. д.

„ — Нѣтъ, вы ужъ, пожалуйста, ничего не говорите Семену Гавриловичу,—умоляла она меня.—Это ихъ разстроитъ... Они вѣдь добрые, а теперь дѣло идетъ къ празднику... все заложила, что было... Да и имъ не легко, Семену Гавриловичу.

„Женщина въ дипломатѣ, видимо, чего-то не договаривала, что меня, естественно, заинтриговало. Она помялась немного, а потомъ со слезами разсказала, что у Семена Гавриловича есть еще одна женщина, съ которой онъ живетъ вотъ уже три года и у которой отъ него есть тоже ребенокъ. Со мной сдѣлалось дурно.

„Что было потомъ, вы можете себѣ представить сами. Все мое замужество оказалось подлогомъ, жалкимъ обманомъ, и всего хуже было то, что Семенъ Гавриловичъ отпирался отъ всего и лгалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Конечно, оставаться вмѣстѣ намъ было немыслимо, но вотъ тутъ-то мой супругъ и проявилъ себя во всей красотѣ.

„ — Вида на отдѣльное жительство я тебѣ не выдамъ,—заявилъ онъ рѣшительно.—Можешь хлопотать его, гдѣ хочешь. А вотъ дѣти принадлежатъ мнѣ уже по закону-съ... Да-съ... Имѣйте это въ виду, сударыня.

„ — По какому закону? Дѣти мои...

„ — Жестоко ошибаетесь: мои... Да-съ.

„Это открытіе обезкуражило меня больше всего. Я что-то такое слыхала о нравахъ мужа по изъ пятаго въ десятое и не могла допустить даже мысль,

что на мою долю приходятся только одне обязанности, а всѣ права на сторонѣ мужа".

II.

„Да, итакъ я на улицѣ... Я не знаю, что было бы со мной, если бы я осталась совершенно одна, т.-е. безъ тети Агнесы. Это мой ангелъ-хранитель. Въ трудныя минуты она лучшая поддержка. Тетя Агнеса умѣетъ быть такой твердой и такой смѣлой. Она боится только лошадей и мышей и больше ничего на свѣтѣ.

„ — Тебѣ нужно уходить,—рѣшила она, когда разразилась катастрофа.— Все можно простить, понять, извинить, кромѣ обмана... Человѣкъ, который обманулъ разъ—обманетъ и въ другой.

„ — А какъ же дѣти, тетя?

„ — Дѣтей мы отберемъ...

„ — А законъ?

„ — Не можетъ быть такого закона. Я пойду въ комиссію... да. Надѣну свое лучшее черное шерстяное платье и пойду. Тамъ поймутъ, что нельзя обманывать, и велятъ отдать дѣтей матери. Да...

„Тетя всегда вѣрила и сейчасъ вѣритъ, и я заражаюсь ея вѣрой. Мы занимаемъ небольшую меблированную комнату, и насъ можно принять за юристовъ, готовящихся къ выпускному экзамену. Мы на послѣдніе гроши накупили законовъ и учимъ ихъ наизусть. Я даже выучилась подыскивать кассаціонныя рѣшенія къ какой угодно статьѣ. Обыкновенно я читаю, а тетя внимательно слушаетъ.

„— Да, да, всѣ законы написаны мужчинами...—шепчетъ старушка, укоризненно качая головой.—И они все написали въ свою пользу.

„Мы почти каждый день дѣлаемъ какое-нибудь открытіе въ этомъ лѣсу юридическихъ тонкостей, гдѣ притаилось столько чудовищъ. Есть такія несообразности, которыхъ никакъ не можетъ примирить нашъ бѣдный женскій умъ. Такъ, живой иллюстраціей такихъ юридическихъ несообразностей является для насъ „женщина въ дипломатѣ". Ея фамилія—Егорова, Дарья Петровна. Она изрѣдка заходитъ къ намъ, хотя тетя Агнеса и не любитъ ея, потому что въ свое время она не сумѣла быть дѣвушкой, а этого все добродушіе тети Агнесы не въ состояніи переварить. Дарья Петровна инстинктивно побаивается тети и въ ея присутствіи принимаетъ видъ виноватой собаки. Мнѣ она нравится—совсѣмъ простая женщина, сохранившая еще слѣды миловидности. О себѣ она говоритъ, какъ о третьемъ лицѣ.

„ — Конечно, глупа была, когда повѣрила Семену Гавриличу,—разсказываетъ она съ улыбкой.—У господъ жила, ну, а Семенъ Гавриличъ бывалъ у нихъ еще репетиторомъ... Пошутить любилъ... Онъ вѣдь веселый. Ну, я и повѣрила.

„Вскорѣ послѣ катастрофы Дарья Петровна пришла вся въ слезахъ: Семенъ Гавриличъ отказалъ ей во всякомъ пособіи и прогналъ. Тетя Агнеса возмутилась до глубины души.

„ — Вѣдь дѣвочки-то не виноваты!—обращалась она къ невидимому противнику.—Вѣдь его дѣвочки?

„ — Конечно, его...—отвѣчала наивно Дарья Петровна.—Меня и то одинъ адвокатъ подущаетъ по закону съ него требовать. Заставятъ, говоритъ, по закону платить, да еще сраму напринимается.

„Мы съ тетей Агнесой въ качествѣ юристовъ обратились къ закону. Дѣйствительно, адвокатъ былъ правъ. Семена Гаврилича заставятъ платить,

несмотря на то, что онъ статскій совѣтникъ и хвастается какими-то вліятельными связями.

„ — Да, вы имѣете право требовать съ него по закону на воспитаніе дѣтей,—объясняла тетя Агнеса топомъ стряпчаго.—Онъ обязанъ.

„Но Дарья Петровна не рѣшалась прибѣгнуть къ закону. Разсердится Семенъ Гаврилычъ, а теперь онъ все-таки въ родѣ отца. Можетъ, какъ-нибудь все само собой уладится.

„Я предложила ей учить ея дѣвочекъ. Старшей шелъ уже пятнадцатый годъ.

„ — Нѣтъ, ужъ какое намъ ученье...—отказалась Дарья Петровна.— Вотъ еще годикъ подержу и куда-нибудь на мѣсто опредѣлю.

„Какъ это мило—дочь Семена Гаврилыча будетъ горничной! А сколько такихъ Семеновъ Гаврилычей!.. Если бы я только подозрѣвала всю эту правду жизни, когда выходила за него замужъ!.. Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!.. А тетя Агнеса возмущается другимъ.

„ — Вотъ у этой Егоровой есть права... да... У нея есть прежде всего личная свобода, и ей не нужно мыкаться по канцеляріямъ, добывая видъ на жительство; потомъ, никто не имѣетъ права отнять у нея ея дѣтей, и наконецъ она имѣетъ право требовать отъ отца на ихъ содержаніе. Законъ здѣсь говоритъ все ясно и опредѣленно... А жена... Ксенія, ты все-таки не забывай, что ты... да...

„Хлопоты съ паспортомъ заняли много времени. Я живу сейчасъ по полицейскимъ отсрочкамъ, какъ вещь, которая допускается къ существованію только полицейскою милостью. Все-таки есть надежда на настоящій паспортъ, какъ мнѣ сказалъ одинъ старичокъ-чиновникъ.

„ — Все на счастливаго, сударыня,—добродушно объяснилъ онъ.— Хлопочите. Въ одномъ мѣстѣ откажутъ—идите въ другое.

„И я иду въ другое, и въ третье, и въ четвертое. Вся бѣда въ томъ, что у меня нѣтъ сильной протекціи, какого-нибудь вліятельнаго старичка. Кстати о чиновникахъ—они, положительно, милый народъ. Вы подумайте только, сколько нужно самаго ангельскаго терпѣнія, чтобы растолковать каждой изъ насъ одно и то же, смотрѣть на наши слезы, выслушивать однѣ и тѣ же жалобы. И все-таки они остаются вѣжливыми и предупредительными и даже стараются дѣлать сочувственныя лица и говорятъ что-нибудь въ утѣшеніе. Мы, выброшенныя на улицу женщины, ищемъ здѣсь свою правду— вотъ къ чему сводится все въ концѣ концовъ. Я увѣрена, что вотъ эти чужіе люди, чиновники, жалѣютъ насъ отъ души, но что подѣлаешь, когда существуетъ такая-то и такая статья въ Сводѣ Законовъ. Кстати, одинъ молодой чиновникъ выказываетъ мнѣ особенные знаки вниманія, что сначала меня смущало и оскорбляло, а потомъ я какъ-то привыкла. Начало романа въ канцеляріи—совсѣмъ недурно. Неужели я еще могу нравиться? Я даже плакала по этому удобному случаю. Боже сохрани, если бы тетя Агнеса узнала объ этомъ. Сейчасъ въ канцеляріи я себя чувствую какъ дома. Да и какъ не чувствовать, когда приходится ждать здѣсь цѣлые часы, приходить за справками, надоѣдать. Меня ужъ знаютъ и расклапиваются, какъ со своимъ человѣкомъ. Между прочимъ, я нѣсколько разъ заводила рѣчь о дѣтяхъ, какъ мнѣ ихъ отобрать у мужа. На лицахъ моихъ милыхъ чиновниковъ выражалось такое изумленіе, точно я спрашивала ихъ, какъ достать луну.

„— Нѣтъ, это невозможно, сударыня.

„— А если я буду хлопотать?

„— Если будете и хлопотать. Безъ согласія отца нельзя...

„— Онъ никогда не согласится.

„Чиновники только разводили руками. Тетя Агнеса, когда сердится, то совѣтуетъ начать дѣло о разводѣ. Доказательства виновности у насъ налицо, слѣдовательно мы можемъ выиграть дѣло. Но оказывается, что эти дѣла ведутся черезъ посредство духовныхъ консисторій, и тетя Агнеса ѣздила потихоньку отъ меня посовѣтоваться съ какимъ-то членомъ консисторіи и пришла въ ужасъ.

„— Я не думаю, тетя, хлопотать о разводѣ, потому что не желаю позорить отца моихъ дѣтей. Они ничего не должны знать.

„Бѣдныя мои дѣти... Я столько о нихъ плакала, столько провела безсонныхъ ночей въ горькомъ раздумьѣ, что они начинаютъ казаться мнѣ мертвыми. Да, я ихъ хороню каждый день... Тетя Агнеса навѣщаетъ ихъ по субботамъ, въ присутствіи отца. Они знаютъ только одно, что мама больна и лѣчится за границей. Маленькія уже начинаютъ забывать, а первенецъ Андрюша иногда задаетъ обезкураживающіе вопросы:

„—Почему же у другихъ дѣтей есть мамы?.. Мама очень больна, если такъ долго лѣчится?

„Дѣти счастливы своимъ святымъ невѣдѣніемъ. Они скоро меня и совсѣмъ позабудутъ. Я для нихъ останусь той фотографіей, которая раньше висѣла въ кабинетѣ Семена Гавриловича, а теперь перенесена въ дѣтскую. Я уже поступила въ область тѣней... Острая форма горя уже миновала, и я боюсь той мертвой апатіи, которая иногда мной овладѣваетъ, и мнѣ дѣлается все равно. Въ такія минуты я ухожу куда-нибудь на бульваръ и по цѣлымъ часамъ наблюдаю, какъ играютъ чужія дѣти. Я выросла сиротой подъ крылышкомъ у тети Агнесы, и мои дѣти будутъ расти сиротами. Я не ужасаюсь, не волнуюсь, не плачу, а смотрю на себя со стороны, какъ Дарья Петровна. Вотъ уже минулъ годъ моего соломеннаго вдовства, а человѣкъ привыкаетъ ко всему. Передъ Рождествомъ я, какъ тѣнь, бродила подъ окнами квартиры Семена Гавриловича—онъ переѣхалъ на новую—и цѣлый часъ наблюдала, какъ въ окнахъ, точно на экранѣ, двигались тѣни моихъ милыхъ дѣтокъ. Да, только тѣни—тѣнь матери и тѣни дѣтей.

„Но у меня еще есть что-то въ родѣ надежды. Я чего-то жду. А вдругъ Семенъ Гавриловичъ умретъ? Онъ расположенъ къ апоплексіи. А вдругъ произойдетъ крушеніе того поѣзда, на которомъ онъ поѣдетъ? Тогда полная свобода, дѣти опять будутъ моими... Боже мой, до какихъ жестокихъ мыслей можетъ довести жизнь! А если дѣти вырастутъ большими и будутъ на сторонѣ преступнаго отца? И это можетъ быть... Вѣдь изъ мальчиковъ вырастутъ мужчины, а мужчины умѣютъ быть снисходительными другъ къ другу, особенно по щекотливымъ вопросамъ семейнаго счастія. Можетъ-быть, мнѣ слѣдовало бы отречься отъ себя, закрыть на все глаза и разыгрывать свою роль подставной жены до конца? Я начинаю ничего не понимать. Мысли путаются въ головѣ. Простите, что я вамъ пишу все это... Какое вамъ до меня дѣло?

„К.“

„P. S. Опять чуть не попалась со своимъ письмомъ тетѣ Агнесѣ... Меня эта опека начинаетъ злить. Докуда же я буду на положеніи несовершеннолѣтней?

„— Ксенія, не забывай, что ты соломенная вдова,—наконецъ рѣшилась выговорить роковое слово тетя Агнеса, когда увидѣла это письмо.

„— Милая тетя, мнѣ нечего помнить и нечего забывать,—отвѣтила я совершенно спокойно.

„Перечитала это письмо и невольно сравнила его со своимъ дѣвичьимъ письмомъ къ вамъ. Неужели это я писала? Гдѣ же грезы юности? Гдѣ ея золотые сны?“

VI.

Отъ него къ ней.

I.

„На-дняхъ, Ксенія Аркадьевна, я совершенно случайно встрѣтилъ васъ на улицѣ. Это было на Кузнецкомъ Мосту, около пассажа Солодовникова. Я почему-то испугался, перебѣжалъ на другую сторону улицы, постоялъ у магазина съ какими-то фотографіями и гравюрами, сдѣлавъ видъ, что внимательно ихъ разсматриваю, а потомъ мнѣ сдѣлалось совѣстно, и я бросился васъ догонять. Мнѣ показалось, что вы пошли направо въ гору, я поднялся туда—васъ нѣтъ, спустился и взялъ налѣво къ театральному училищу—тоже. Потомъ я себя проклиналъ и успокоился, только когда пріѣхалъ обѣдать въ „Славянскій Базаръ“, гдѣ уже меня ждали „наши“, т.-е. Миша Степановъ, Китоврасовъ и Коко Ведерниковъ. Я все время думалъ о васъ,—судя по костюму, съ вами что-то случилось: простенькое черное шерстяное платье, простенькая шубка, простенькая барашковая шапочка. Да, думалъ я, въ концѣ концовъ, это, пожалуй, и хорошо, что мы не встрѣтились. Что я вамъ могъ сказать? На какомъ языкѣ мы стали бы разговаривать?

„— Что съ тобой? Ты точно муху проглотилъ!—замѣтилъ Коко Ведерниковъ, на обязанности котораго быть проницательнымъ и острить.

„Я не удостоилъ его отвѣтомъ, потому что съ нѣкотораго времени, всего лѣтъ десять, терпѣть не могу эту юридическую обезьяну.

„Черезъ день я досталъ вашъ адресъ въ адресномъ столѣ и хотѣлъ подкараулить гдѣ-нибудь на улицѣ, какъ дѣлаютъ гимназисты, но, по нѣкоторомъ раздумьѣ, оставилъ это намѣреніе. Предпочитаю написать вамъ, и проще и ближе къ цѣли. Кстати, вы получите вмѣстѣ съ этимъ письмомъ еще два—одно писано лѣтъ десять назадъ, а другое всего года три. Боже мой, какъ время идетъ, и какъ оно безжалостно поступаетъ съ нами! Приготовляясь итти къ вамъ, я съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ свою особу въ зеркало. На меня смотрѣлъ обрюзгшій, немного опустившійся мужчина лѣтъ сорока, съ красноватымъ лицомъ, съ подозрительнымъ блескомъ въ глазахъ и—увы!—съ сѣдиной въ волосахъ. На послѣднее я раньше какъ-то не обращалъ вниманія, а тутъ проговорилъ невольно вслухъ:

„— Что, братъ, старимся? Эхъ, нехорошо...

„Почему нехорошо—вопросъ. Въ сущности, даже лучше, потому что ближе къ развязкѣ. Знаете, любимой темой разговоровъ нашей компаніи служитъ мысль о смерти, которая разсматривается нами самымъ обстоятельнымъ образомъ, со всѣхъ точекъ зрѣнія. Поднимаетъ ее всегда Коко Ведерниковъ (у него вмѣсто сѣдыхъ волосъ лысина—не знаю, что лучше), жаждущій безсмертія.

„— Тебѣ-то для чего безсмертіе?—удивляется каждый разъ Степановъ.— Ты столько плутовалъ въ жизни, обманывалъ, обиралъ, устраивалъ подлоги, такъ что твой прямой расчетъ, чтобы безсмертія не существовало.

„— Позвольте, господа, мы хотя и давно знакомы, но все-таки такія вещи можно только думать про себя, — возразилъ Коко Ведерниковъ. — При такой откровенности можетъ испортиться мой характеръ.

„Мы ведемъ кочующій образъ жизни, представляя собой типичную кучку

столичныхъ номадовъ. Мы не искали другъ друга, а сошлись какъ-то такъ, сами собой, точно насъ столкнули вмѣстѣ невидимыя силы. Я присталъ къ этой маленькой ордѣ послѣднимъ. Наше кочевье занимаетъ площадь отъ „Славянскаго Базара“ до „Эрмитажа“, съ остановками въ „Большомъ Московскомъ“ трактирѣ и у Тѣстова. Въ извѣстный часъ мы уже по молчаливому соглашенію на извѣстномъ посту и, вѣроятно, умремъ на одной изъ такихъ кочевокъ, тоже на своемъ посту. Иногда для разнообразія мы дѣлаемъ „набѣги“ куда-нибудь въ глушь Москвы — въ Замоскворѣчье, на Лубянку, въ Грузины, причемъ Китоврасовъ объясняетъ значеніе такихъ перекочевокъ.

„— Хорошо, господа, время отъ времени забраться въ трактиръ съ грязцой, гдѣ и лукомъ воняетъ, и салфетки подадутъ временъ перваго тушинскаго вора, и у услужающихъ на рожахъ точно отпечатано этакое настоящее, родное, московское холопство и какая-то воровская оторопь. Такъ и пахнетъ на тебя Русью благочестивыхъ московскихъ царей, и самъ себя начинаешь чувствовать истинно-русскимъ человѣкомъ: здѣсь Ильюшка Китоврасовъ, Сережка Меркурьевъ да Мишка Степановъ, нижайшіе твои холопы, съѣли малость севрюжки, да яишенку, да кусь растегая, да испили кваску вдосталь и неумытую свою морду къ салфеткѣ приложили.

„Археологическое остроуміе Китоврасова довольно однообразно, но нашъ присяжный острякъ Коко Ведерниковъ ревнивъ и считаетъ долгомъ спорить каждый разъ.

„— Что вы вышучиваете эту приказную московскую хиромантію? Вотъ и сейчасъ наука пришла къ тому же: лучшимъ доказательствомъ удостовѣренія личности служатъ гипсовые отпечатки рукъ преступниковъ. То же и выходитъ, что „руку приложилъ“.

„— Интересно бы видѣть слѣпокъ твоей руки, Коко...

„— Пожалуйста, безъ комплиментовъ.

„Къ этому кочевью, какъ я уже сказалъ, я примкнулъ послѣднимъ, когда ушелъ отъ жены — вѣрнѣе сказать, когда она наконецъ меня прогнала. Это былъ день моего освобожденія, и я его праздную, какъ день своего второго рожденія. Случилось это знаменательное событіе довольно просто, какъ всѣ великія историческія событія. Я уже писалъ вамъ, что Антоша Пугачовъ былъ у насъ въ домѣ дорогимъ гостемъ, и что Маріе ухаживала за нимъ. Я не могъ допустить мысли о возможности какого-нибудь увлеченія съ ея стороны и еще разъ ошибся. Да, Маріе увлеклась и увѣрила самоё себя, что это истинная страсть и что до этого момента она еще не любила. Изъ моего перваго письма вы узнаете печальную исторію моихъ отношеній къ Ольгѣ Николаевнѣ, а здѣсь мнѣ пришлось разыгрывать роль обманутаго мужа. Заметьте, обманутую женщину жалѣютъ, а надъ обманутымъ мужемъ смѣются. Я переживалъ самыя жгучія и гадкія чувства — только не ревности, потому что никогда не любилъ Маріе, — и даже хотѣлъ стрѣляться съ Пугачовымъ. Только этого и недоставало для полноты картины.

„Какъ глупо мы сошлись, такъ же глупо и разошлись. Передъ нашей разлукой произошелъ приблизительно такой діалогъ:

„*Я.* — Кажется, наступилъ моментъ, когда намъ лучше всего разойтись.

„*Она.* — Что вы хотите этимъ сказать, г. оселъ?

„*Я.* — Не больше того, что сказалъ...

„*Она.* — Говорятъ люди, а ослы мычатъ...

„*Я.* — Можете оставить свое остроуміе при себѣ. Оно можетъ пригодиться для кого-нибудь другого... Намъ, дѣйствительно, не о чемъ говорить. Васъ обезпечу, а себя освобожу отъ глупой, смѣшной роли...

„*Она.* — Да вы совсѣмъ умный осликъ... ха-ха!.. Поздравляю... А я-то и не подозрѣвала ничего, бѣдная. Какъ можно ошибиться въ людяхъ, т.-е. въ гг. ослахъ. Вы желаете наградить меня милостыней?

„*Я.* — Вы имѣете право получать содержаніе отъ мужа по закону.

„*Она.* — По закону? Вотъ это мило... Какъ любезно со стороны этого закона предвидѣть даже ослиную мудрость. А вы, осликъ, жаждете этой подачкой купить себѣ свободу?

„*Я.* — Это уже дѣло мое, чего я жажду. Считаю дѣло конченнымъ.

„*Она.* — Да, можете считать и убираться вонъ. Какъ оселъ, вы не понимаете самой простой вещи, что просто невѣжливо бросать жену, а нужно поставить дѣло такъ, чтобы она васъ прогнала. Понимаете? Нужно щадить самолюбіе женщины, г. оселъ... Предоставляю вамъ право пролить даже слезу. Вы раньше были просто оселъ, а теперь выгнанный оселъ.

„Вотъ и все. Я ушелъ, въ чемъ былъ, не взялъ съ собой ни одной вещи. Мнѣ каждая такая вещь напоминала бы мое позорное прошлое и служила бы его нѣмымъ свидѣтелемъ. Теперь въ моемъ кабинетѣ поселился Антоша Пугачовъ, чему я нисколько не завидую.

„Съ Пугачовымъ мы иногда встрѣчаемся въ клубѣ или по кабакамъ. Сначала онъ сильно смущался и даже дѣлалъ попытки прятаться, но потомъ привыкъ. Въ немъ трусость уживается рядомъ съ нахальствомъ. Теперь онъ уже не стѣсняется и даже разсказываетъ кое-что изъ своего семейнаго положенія. Если ему вѣрить, то Marie сдѣлалась неузнаваемой. Онъ отъ нея въ восторгѣ. Что же, и слава Богу... Разъ въ клубѣ онъ передалъ мнѣ записку. Читаю:

„Милостивый государь, считаю долгомъ напомнить вамъ, что это невѣжливо забывать жену. Жду васъ вечеромъ пить чай.

„Бывшая Marie“.

„Въ постскриптумѣ было прибавлено, что быть джентльменомъ обязательно, и что только купцы могутъ показывать видъ, что жена ихъ прогнала.

„Я нѣсколько времени не рѣшался нанести этотъ оригинальный визитъ, а потомъ Пугачовъ самъ меня затащилъ. Страшное ощущеніе испытывалъ я, когда входилъ въ свою бывшую квартиру. Если бы покойники могли дѣлать съ кладбища визиты, они, вѣроятно, испытывали бы нѣчто подобное... Мнѣ даже сдѣлалось жаль себя, жаль пережитыхъ вотъ въ этихъ стѣнахъ мукъ, жаль погибшей молодости, жаль себя такого, какимъ я былъ сейчасъ. Marie была изысканно вѣжлива и старалась меня занимать, какъ занимаютъ дальнихъ родственниковъ, имя и отчество которыхъ позабываютъ каждый разъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

„— Надѣюсь, что вы будете у насъ бывать? — говорила Marie на прощанье, по-дружески пожимая мнѣ руку.

„— Да, постараюсь — бормоталъ я.

„Странная эта женщина, Marie...“

II.

„Васъ удивляетъ, можетъ-быть, что я такъ подробно описываю своихъ друзей, но вѣдь, описывая ихъ, я описываю себя. Вѣроятно, поэтому мы такъ и ненавидимъ другъ друга, что въ другомъ замѣтнѣе собственные недостатки. Теперь перехожу къ тому, съ чего я началъ, т.-е. къ бѣгству отъ васъ и своему раздумью по этому поводу. Вѣдь на другой день я досталъ вашъ адресъ и хотѣлъ итти къ вамъ. Мнѣ мучительно хотѣлось васъ видѣть,

чтобы сказать, что я все еще люблю васъ, что всегда васъ любилъ и что... Вотъ тутъ получился маленькій скачокъ. Я почему-то убѣжденъ, что вы вышли замужъ не любя, какъ выходитъ большинство дѣвушекъ, и что теперь бросили мужа — я этого не знаю, но мнѣ пріятно именно такъ думать. Дальше я думалъ, что мы можемъ возобновить наше знакомство, и кто знаетъ... Нѣтъ, это безумство, бредъ разстроеннаго воображенія несчастнаго номада, галлюцинація! Когда я думаю о васъ, мнѣ начинаетъ казаться, что я опять молодъ, что все еще впереди, что никакого прошлаго не было. Мое воображеніе рисуетъ тихій уголокъ гдѣ-нибудь въ провинціи (дальше, дальше отъ столицъ!), и вы, какъ центръ и душа этого уголка. Почему-то я вижу васъ непремѣнно въ бѣломъ платьѣ и съ распущенными волосами — фантазія исключеннаго за неспособность изъ шестого класса гимназиста, — почему-то мнѣ кажется, что вы страдаете, глубоко страдаете, и я ухаживаю за вами, ловлю каждый взглядъ и такъ чисто, такъ хорошо ухаживаю за вами, какъ за большимъ ребенкомъ. Вамъ всего тридцать лѣтъ, у насъ еще могутъ быть дѣти — нѣтъ, это я такъ, это нарушитъ гармонію, потому что супружество, даже въ лучшемъ случаѣ, вещь очень грубая, а я хочу васъ любить совсѣмъ чисто, какъ никто еще и никого такъ не любилъ. Мнѣ хочется поклониться вамъ и этимъ путемъ примириться съ чѣмъ-то, предъ чѣмъ я смутно чувствую себя виноватымъ.

„Выше уже я говорилъ, что въ нашемъ кружкѣ часто заходитъ рѣчь о смерти. Но вѣдь физическая смерть совсѣмъ не страшна, потому что прекращаетъ разомъ все. Нѣтъ человѣка, и кончено. Въ тысячу разъ хуже, когда человѣкъ умираетъ нравственно, задолго до окончательнаго физическаго разрушенія, и только кажется живымъ, какъ тѣ деревья, у которыхъ вмѣсто сердцевины пустое дупло. Именно вотъ я такой живой мертвецъ, представитель цѣлаго легіона такихъ же мертвецовъ. Вѣдь я чему-то учился, куда-то стремился, въ головѣ бродили кое-какія идеи — гдѣ все это? Осталось одно названіе: интеллигентный человѣкъ. Мы справляемъ свой университетскій праздникъ, жертвуемъ гроши на стипендіи, говоримъ кислыя слова по поводу просвѣщенія — и все это ложь, даже безсознательная ложь, потому что убѣждены въ глубинѣ души какъ въ собственной интеллигентности, такъ и въ томъ, что должны сохранить чему-то такому хорошему, что переживетъ и насъ и нашихъ дѣтей. Вѣдь есть это „высокое“, выражаясь терминологіей сороковыхъ годовъ. Къ собственной негодности и къ собственнымъ недостаткамъ по общечеловѣческой слабости мы относимся снисходительно, а въ качествѣ интеллигентныхъ людей прибавляемъ про себя: да, мы могли быть лучше, мы не сдѣлали ничего, но зато слѣдующее поколѣніе уже не повторитъ нашихъ ошибокъ и довершитъ зданіе. Какая горькая иронія!.. Гдѣ они, эти горячіе, вдохновенные, чистые, непоколебимые, какихъ я зналъ на первомъ курсѣ университета? Вѣдь удивительно, что лучше русскаго студента нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ, и дѣйствительно онъ хорошъ, а кончилъ университетъ — и нѣтъ его, точно онъ утонулъ. Посмотрите на пьяное нѣмецкое студенчество, которое гордится своими царапинами, посмотрите на англійское, которое считаетъ идеаломъ хорошаго гоночнаго гребца — кажется, съ нашей русской точки зрѣнія, прямо пропащіе люди, а смотришь, изъ такого нѣмецкаго рубаки и пьянаго бурша вырастетъ цѣлая ученая гора, политическій или общественный дѣятель, и то же самое изъ англійскаго студента-спортсмена. Мы даже не имѣемъ права оправдывать себя независящими обстоятельствами, потому что такія независящія обстоятельства были у нѣмца и у англичанина,

да и посейчасъ такія существуютъ. Дѣло въ чемъ-то другомъ: я не обвиняю никого,—Боже меня сохрани!—а говорю только о самомъ себѣ. Я не нахожу себѣ оправданія, что тѣмъ болѣе обидно, что я чувствую, что могъ бы быть хорошимъ человѣкомъ. Да, я окончательно не вѣрю себѣ и вотъ почему не пошелъ къ вамъ...

„Да, я пришелъ бы къ вамъ и не могъ бы ничего вамъ сказать. Теперь вы, по крайней мѣрѣ, не видите меня, и то уже хорошо. Вотъ я пишу вамъ, что любилъ и люблю васъ — все это ложь, ложь не потому, что я обманываю васъ, а потому, что такіе люди, какъ я, не могутъ любить. Въ мужчинѣ любовь активное чувство, оно захватываетъ всего человѣка, въ ней онъ проявляетъ всѣ свои лучшія стороны, а что бы я вамъ принесъ, что бы я вамъ сказалъ? Въ результатѣ получилась бы лишняя мука и больше ничего. Когда я встрѣчаю молоденькихъ дѣвушекъ, мнѣ впередъ больно за нихъ: имъ некого будетъ любить...

„Недавно видѣлъ васъ во снѣ, который являлся продолженіемъ дѣйствительности. Я рѣшился итти наконецъ къ вамъ. Вхожу. Слышу вашу мягкую походку, сердце бьется, предъ глазами круги. Вы уже вошли, а я не смѣю поднять глазъ.

„— Это вы, Сергѣй Васильичъ?

„— Я...

„— А я васъ совсѣмъ не такимъ представляла... Какъ вы постарѣли и опустились, потомъ въ васъ есть что-то такое... Я не умѣю назвать...

„Вы отошли отъ меня, чтобы получше разсмотрѣть, и проговорили съ разстановкой, отчеканивая слова:

„— И этого человѣка я любила... Боже, Боже мой! И такой человѣкъ могъ испортить мнѣ всю жизнь... Мнѣ просто дѣлается жаль себя. А вы еще нападаете на интеллигентную женщину... О, какъ мнѣ обидно и больно за васъ! Развѣ вы были такой, когда я васъ любила? Нѣтъ, это не вы... Уходите!

„Да, я виноватъ, что въ Marie (вы прочтете объ этомъ во второмъ письмѣ) обобщилъ всѣхъ интеллигентныхъ женщинъ,—это грубая ошибка, и какъ бы я былъ радъ, если бъ ошибся также и относительно самого себя, т.-е. что я совсѣмъ не представитель интеллигенціи, а просто сорная трава, чертополохъ, чортъ знаетъ что такое...“

„Это письмо было прервано появленіемъ Пугачова. Онъ вбѣжалъ ко мнѣ блѣдный, перепуганный, съ трясущимися отъ страха губами.

„— Она отравилась... да... — бормоталъ онъ, бѣгая по комнатѣ.

„— Кто отравился? — не сообразилъ я въ первую минуту.

„— Она, Marie... И оставила записку: „Прошу въ смерти моей никого не обвинять. Скучно. Мое послѣднее желаніе: украсить мой гробъ орхидеями“.

„Признаться, меня тоже поразило это извѣстіе. Я не считалъ Marie способной на такую выходку. Пугачовъ продолжалъ волноваться. Я отпаивалъ его холодной водой, говорилъ какія-то слова, и мнѣ казалось, что оба мы времъ и оба мы не вѣримъ другъ другу.

„— Что же мы тутъ сидимъ? — спохватился Пугачовъ.

„— А что же нужно дѣлать, если все кончено?

„— Ахъ, какой вы... Да вѣдь вы мужъ, т.-е. передъ закономъ! Тамъ ужъ полиція и прочее. Я — простой квартирантъ... Все равно, васъ вызовутъ къ допросу. Идите же, ради Бога... Тамъ что-то такое продѣлываютъ съ имуществомъ... слѣдователь...

„Это была послѣдняя ложь: фигурировать предъ полиціей въ качествѣ мужа, т.-е. я такъ думалъ, но худшее оказалось еще впереди: мнѣ пришлось фигурировать въ роли мужа главнымъ образомъ на похоронахъ Marie... Цѣлыхъ три мучительныхъ дня! Но вѣдь смерть примиряетъ все... Я хоронилъ прежнюю Marie, ту неосуществившуюся Marie, которая была моей женой. Пугачовъ явился только въ самый день похоронъ. Онъ не утерпѣлъ и разрыдался въ церкви, такъ что меня кто-то спросилъ:

„— Это, вѣроятно, близкій родственникъ?

„— Да... — машинально отвѣтилъ я.

„Даже у могилы ложь не прекращалась. Наши общіе знакомые знали, что я только обманутый мужъ, и считали своимъ долгомъ выказывать мнѣ знаки вниманія, какъ настоящему мужу.

„Но довольно. Больше не могу писать. Теперь уже все кончено, и впереди ничего не остается. Будьте счастливы долго-долго...

„Сергѣй Меркурьевъ“.

„P. S. Можетъ-быть, вы пожелаете меня видѣть... Впрочемъ, это ни къ чему не поведетъ. Еще разъ: прощайте“.

1897.

БЕЗДѢЛУШКА.

Эскизъ.

I.

Проглянули первые свѣтлые мартовскіе дни, солнечные, теплые. Близилась весна съ ея таинственной тревогой и еще болѣе таинственнымъ наплывомъ чувствъ. Въ газетахъ появились уже весенніе бюллетени, съ юга двигалась цѣлая армія перелетныхъ птицъ, полиція оповѣстила господъ домовладѣльцевъ объ ихъ обязанности очищать отъ снѣга крыши, дворы и самыя улицы. Съ какой радостью прежде Вѣра Васильевна ждала этого момента и каждый разъ чувствовала, точно она сама перерождается, и ей дѣлалось безотчетно весело, потому что и солнце, и „выставляется первая рама“, и веселыя хлопоты съ весенними костюмами, и еще болѣе веселые разговоры о томъ, гдѣ „взять“ весну, лѣто и осень. Вообще весело, радостно, какъ передъ большимъ праздникомъ. И какъ это хорошо все устроено: напримѣръ, Великій постъ—точно онъ только для того и установленъ, чтобы Вѣра Васильевна отдохнула отъ зимняго сезона и собралась съ силами, чтобы встрѣтить весенній сезонъ. За зиму она порядочно уставала, такъ что даже появлялась некрасивая синева подъ глазами. Да и какъ не устать, если только перебрать въ умѣ всѣ балы, спектакли и концерты, на которыхъ Вѣрочка должна была быть по обязанности,—она была здѣсь именно Вѣрочкой, какъ ее называли всѣ знакомыя старушки и солидные мужчины, помнившіе ее ребенкомъ. Съ ней вмѣстѣ веселились десятки другихъ Вѣрочекъ, Марусей, Шуръ и Таней. Это былъ настоящій цвѣтникъ, если бы цвѣты умѣли такъ мило улыбаться, такъ мило болтать всякій милый вздоръ и смотрѣть на все и всѣхъ съ такой милой серьезностью разодѣтой куколки. Вѣрочка была какъ всѣ—улыбалась, мило болтала и смотрѣла на всѣхъ наивными глазками.

Да, все это было, но три зимнихъ сезона сдѣлали свое дѣло, и въ одно прекрасное утро Вѣрочка почувствовала себя какъ будто лишней. Цвѣтникъ продолжалъ существовать попрежнему, причемъ выбывавшія куколки быстро замѣнялись свѣжими куколками. Даже получалось какъ будто нѣкоторое перепроизводство куколокъ. Вѣрочка отлично понимала, какая трагедія заключалась въ этой кукольной комедіи и что ей пора уступить свое мѣсто болѣе свѣжимъ куколкамъ. Другія куколки выходили замужъ, а Вѣрочка оставалась все на кукольномъ положеніи. За нею ухаживали, она выслушивала массу комплиментовъ, ей цѣловали ручки, а замужъ выходили другія.

— Мы еще можемъ подождать,—говорила мамаша послѣ перваго неудачнаго сезона.—Ты еще такъ молода, а эти счастливые ранніе браки рѣдко кончаются добромъ.

Маman вышла за рара не первой молодости и говорила по личному опыту. Но послѣ второго зимняго сезона она уже предпочла молчать. Ее обижало то предпочтеніе, которое отдавалось другимъ куколкамъ. Чѣмъ Вѣрочка хуже другихъ? Не красавица, но, кажется, ничѣмъ Богъ не обидѣлъ. Одни глаза чего стоятъ, сѣрые съ поволокой. А ростъ—это тоже что-нибудь значитъ. Являлись и молодые люди съ серьезными намѣреніями, вели себя, какъ слѣдуетъ вести въ подобныхъ случаяхъ, а потомъ вдругъ исчезали. Маman понимала причину такого коварства: за Вѣрочкой не было солиднаго приданаго, какъ за другими куколками. Маman жалѣла Вѣрочку, которая не могла выдержать соперничества съ болѣе счастливыми куколками. Вѣрочка знала приблизительно, что настоящаго приданаго за ней нѣтъ, но считала это пустяками.

Послѣ неудачнаго третьяго сезона maman начала говорить разныя „ядовитости“ по адресу счастливыхъ куколокъ.

— Онѣ думаютъ, что это на нихъ женятся, а выходитъ совсѣмъ другое... да. Нынѣшніе женихи ищутъ солиднаго приданаго, вотъ и все. Тутъ будь хоть раскрасавица и разумница...

Живой мѣркой въ этомъ отношеніи являлся собственный сынъ Жоржикъ, который, не скрывая, мечталъ о богатой невѣстѣ, когда еще былъ на второмъ курсѣ университета.

— Времена романтизма, маman, миновали,—авторитетно повторялъ онъ.—Кому теперь нужны эти томныя дѣвы? Всѣ женщины походятъ одна на другую, какъ три капли воды, а все дѣло только въ добавочной стоимости. Жизнь не знаетъ иллюзій. Зачѣмъ же обманывать себя...

Жоржикъ, впрочемъ, показывался дома только дорогимъ гостемъ. Онъ проводилъ свое время на скачкахъ, въ кружкѣ велосипедистовъ и мечталъ сдѣлаться атлетомъ. Маman тщательно скрывала отъ всѣхъ, что ей стоятъ всѣ эти маленькія удовольствія, и съ покорностью выплачивала добавочныя стоимости разныхъ категорій. Вѣрочка презирала брата, потому что онъ являлся иногда пьянымъ и проводилъ время въ обществѣ самыхъ сомнительныхъ женщинъ. Ее просто шокировало, когда она вынуждена была являться на скачкахъ въ сопровожденіи этого шалопая, у котораго и знакомые были все шалопаи.

Да, наступала весна. Вѣрочка стояла у окна и смотрѣла на улицу, гдѣ дворники убирали снѣгъ. Вотъ ихъ дворникъ Семенъ съ рыжей бородой лѣниво-лѣниво сгребалъ свою кучу, переговаривался съ другими дворниками, курилъ папиросы, плевалъ на руки и былъ твердо убѣжденъ, что каторжнѣе работы нѣтъ. Вчера онъ скидывалъ снѣгъ съ крыши, а сегодня его отвозили куда-то за городъ. Въ помощь Семену было нанято какихъ-то два мужика съ лошадью —одинъ старикъ въ рваномъ полушубкѣ, а другой молодой, бѣлобрысый парень съ какимъ-то застывшимъ лицомъ. У Вѣрочки было органическое отвращеніе къ этимъ низшимъ существамъ, которыя умѣютъ только сгребать снѣгъ. Ей было даже обидно немного, что они тоже называются людьми. Въ будущемъ, конечно, ихъ замѣнитъ машина, которая будетъ сама убирать снѣгъ, топить печи, закладывать лошадей и т. д. Вѣрочка вѣрила въ прогрессъ, а прогрессъ ведетъ къ тому, что все будетъ дѣлать машина.

Впрочемъ, было одно существо, которое составляло въ этомъ отношеніи исключеніе. Это была горничная Галя, простая дѣвушка изъ Тверской губерніи, еще сохранившая наивную простоту своей далекой тверской глуши. Она какъ-то всего боялась, вѣрила въ сны и дурныя приметы и говорила

какимъ-то необыкновеннымъ простымъ языкомъ, который нравился Вѣрочкѣ. Другой прислугѣ разговаривать не позволялось, и дѣлалось исключеніе только для Гали, когда она раздѣвала барышню. Въ Галѣ было что-то такое особенное, необыкновенно бабье, и на все смотрѣла она по-бабьи, съ какой-то затаенной бабьей жалостью. Звали ее Анной, но Вѣрочка передѣлала это имя въ Галю. Галя служила уже около десяти лѣтъ, служила исправно, и только по веснамъ на нее нападала какая-то необъяснимая тоска. Она безъ всякой причины плакала, дѣлалась угрюмой и вообще нервничала. Нервы у Гали—это было оригинально, и на эту тему иногда поднимались интересные разговоры, причемъ острила даже сдержанная maman. Нервное состояніе Гали достигало тогда своей высшей степени, и она начинала грубить господамъ. Ей грозили отказать отъ мѣста, прогнать, не дать аттестата и вообще уничтожить въ окончательной формѣ.

Именно въ такомъ настроеніи находилась Галя и сейчасъ. Когда мечтавшая у окна Вѣра Васильевна оглянулась, она увидѣла, что Галя тоже стоитъ у окна, смотритъ на улицу и тоже мечтаетъ. Конечно, это была дерзость и дерзость вызывающая.

— Галя, у васъ, вѣроятно, голова болитъ?—сухо спросила дѣвушка, мѣряя горничную уничтожающимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, отчего ей болѣть...—грубо отвѣтила Галя, не выражая намѣренія уходить.—Такъ, вообще...

— Прошу не разсуждать,.. Вы слишкомъ много себѣ позволяете, и я удивляюсь добротѣ maman, которая...

Фраза осталась неконченной. Галя смотрѣла на барышню и улыбалась самымъ нахальнымъ образомъ. Это было чудовищно.

— Галя, вы забываетесь... Вонъ!—крикнула Вѣра Васильевна неожиданно для самой себя.

— Перестаньте вы, барышня...—совершенно спокойно отвѣтила Галя и даже съ сожалѣніемъ покачала головой.—Вѣдь вы добрая, а гоните меня понапрасну... Ей-Богу! Я вотъ смотрю, какъ наши мужички убираютъ снѣгъ... Они не наши, то-есть не нашей губерніи, а только настоящіе, значитъ, деревенскіе.

— Какое мнѣ дѣло до вашихъ мужиковъ? Ты, кажется, совсѣмъ съ ума сошла...

— Ахъ, барышня, барышня... Какъ есть вы ничего не понимаете...

Вѣра Васильевна затопала ногами и, схвативъ за плечо, вытолкнула Галю.

— Вонъ... вонъ!

Галя не сопротивлялась и покорно пошла изъ комнаты какой-то особенно спокойной походкой. Въ дверяхъ она остановилась, оглянулась и опять покачала головой.

II

Вѣрочкинъ день былъ испорченъ. Она долго не могла успокоиться послѣ нанесенныхъ Галей оскорбленій. Итти и разсказать все maman она удержалась, потому что пришлось бы разсказывать и о томъ, какъ она топала ногами, кричала и въ буквальномъ смыслѣ вытолкала Галю по шеямъ. Отвѣтъ maman извѣстенъ былъ ей впередъ.

— Если прислуга грубитъ—виноваты сами господа, потому что не умѣютъ себя держать. Сами фамильярничаютъ, а потомъ начинаютъ требо-

вать. Нужно брать примѣръ съ англичанъ. Англичанинъ никогда не унизитъ себя до того, чтобы повысить голосъ въ разговорѣ съ прислугой... да.

А Вѣра Васильевна, совсѣмъ ужъ не по-англійски кричала, топала ногами и—ужасъ!—толкала Галю въ спину. Недоставало для полноты картины, чтобы Галя съ ревомъ побѣжала къ mamam, кинулась въ ноги и начала молить защиты отъ кулаковъ трехсезонной куколки. Получилась бы очень миленькая картинка съ натуры...

Къ обѣду возбужденное состояніе Вѣры Васильевны улеглось настолько, что она могла разсуждать почти совсѣмъ спокойно. Подъ первымъ впечатлѣніемъ она безусловно обвиняла во всемъ Галю, а потомъ у нея явилась болѣе скромная мысль: именно, если бы она, Вѣра Васильевна, держала себя такъ, какъ держитъ mamam, то ничего подобнаго, конечно, не могло бы быть. Конечно, обидно сознавать, что горничная васъ не уважаетъ, совсѣмъ не уважаетъ, но, во-первыхъ, большая разница между mamam и Вѣрой Васильевной: mamam—хозяйка дома, а Вѣра Васильевна—просто барышня, выжидающая жениха; потомъ mamam отличается опытностью, извѣстнымъ тактомъ, выдержкой характера и т. д. Разсуждая дальше, Вѣра Васильевна пришла къ тому заключенію, что Галя, собственно говоря, не имѣла ни малѣйшаго желанія ее оскорблять, а была вся поглощена какой-то своей бабьей мыслью, которую очень желала высказать, и не сумѣла этого сдѣлать. Наконецъ, Галя проявила не только самую трогательную кротость, когда барышня гнала ее въ шею, но еще отнеслась къ своей гонительницѣ съ обычной бабьей жалостью. Однимъ словомъ, получалось одно сплошное недоразумѣніе.

Вѣра Васильевна подъ этимъ впечатлѣніемъ провела весь день и вечеромъ отказалась отъ обычныхъ услугъ Гали, которая пришла ее раздѣвать.

— Я раздѣнусь сама,—говорила Вѣра Васильевна, стараясь не смотрѣть на горничную.—Можешь уходить.

Этотъ актъ великодушія не произвелъ на Галю, повидимому, никакого впечатлѣнія. Она какъ-то тупо посмотрѣла на барышню и вышла съ равнодушнымъ лицомъ.

Во снѣ Вѣра Васильевна видѣла повтореніе давешней сцены, съ той разницей, что она уже таскала Галю за волосы, причемъ совершенно нечаянно оторвала ей голову. Она даже проснулась отъ охватившаго ее ужаса. Боже мой, какъ легко сдѣлаться преступницей... Да, настоящей преступницей: разъ, и голова Гали отлетѣла, какъ плохо пришитая пуговица.

— Что же это такое?—возмущалась дѣвушка.—Это наконецъ безобразіе.

Потомъ у нея явилась обидная мысль, именно, что глупые и дикіе сны характеризуютъ того, кто ихъ видитъ, слѣдовательно... Вѣра Васильевна почувствовала угрызенія совѣсти и за сонъ и за вчерашнее и сейчасъ же рѣшила поправить все. Во-первыхъ, необходимо помириться съ Галей. Да, это прежде всего. Это рѣшеніе сразу успокоило дѣвушку. Въ самомъ дѣлѣ, не такая ужъ она скверная злючка, какъ можетъ подумать о ней Галя. Вѣра Васильевна позвонила. Обыкновенно Галя на звонокъ являлась утромъ немедленно, на ходу вытирая ротъ по-деревенски рукой,—въ это время она съ кухаркой Аннушкой пила кофе въ кухнѣ. Но на этотъ разъ Вѣрѣ Васильевнѣ приходилось позвонить еще разъ. Галя не являлась. Третій звонокъ—Гали нѣтъ. Вѣра Васильевна начала сердиться, но во-время вспомнила, что она должна быть доброй. Она сама одѣлась, т.-е. накинула утренній теплый капотъ и надѣла туфли на босу ногу,—Вѣра Васильевна терпѣть не могла сама надѣвать чулки, это была прямая обязанность Гали.

„Куда она могла запропаститься?—соображала дѣвушка, не рѣшаясь звонить въ четвертый разъ,—услышитъ маман и заявится съ допросомъ: какъ? почему? и т. д.—Можетъ-быть, она сердится на меня? Да, да, навѣрно. Вотъ и отлично. Я сама пойду въ кухню и при Аннушкѣ скажу: „Галя, нехорошо сердиться. Я немного виновата, но сердиться все-таки нехорошо...“

Эта мысль очень понравилась Вѣрѣ Васильевнѣ, и она даже улыбнулась, проходя мимо зеркала, откуда на нее такъ мило посмотрѣло такое милое, заспанное дѣвичье личико. Ей-Богу, вѣдь она бываетъ недурна, особенно по утрамъ. Къ ней такъ идутъ эти домашніе небрежные костюмы, спутанные волосы, немного сонные глаза... Развѣ можно сердиться на такую хорошенькую дѣвушку?

Въ кухню Вѣра Васильевна приходила очень рѣдко, по какому-нибудь исключительному поводу и съ большими предосторожностями. Маман разъ и навсегда наложила свое veto на такіе визиты, потому что въ кухнѣ можно было увидѣть то, чего видѣть воспитанной дѣвушкѣ совсѣмъ ужъ не полагается. Конечно, Галя себѣ ничего не позволяла, иначе не была бы допущена въ комнату барышни, но кухарка Аннушка находилась на постоянномъ подозрѣніи, главнымъ образомъ въ своемъ сочувствіи къ военному вѣдомству. Опасность по времени дня увеличивалась къ вечеру, и тогда Вѣра Васильевна не рѣшилась бы итти туда ни за что. Утромъ кухня являлась до извѣстной степени нейтральнымъ мѣстомъ, и Вѣра Васильевна шла туда безъ опасеній.

Въ коридорѣ дѣвушка остановилась у одной двери и прислушалась,—маман еще спала. Изъ кухни доносился легкій говоръ, и Вѣра Васильевна разслышала мужской голосъ. Вѣроятно, это говорилъ дворникъ. Когда она растворила дверь въ кухню, ей представилась такая картина: у кухоннаго стола Аннушка угощала чаемъ какого-то старика, у двери на черную лѣстницу стоялъ другой мужикъ, совсѣмъ молодой, а Галя сидѣла на холодной плитѣ, болтая ногами. Неожиданное появленіе барышни заставило всѣхъ встрепенуться: Галя виновато соскочила, пившій чай старикъ поднялся и схватилъ въ руки шапку, Аннушка пролила цѣлое блюдечко своего кофе. Остался спокойнымъ только одинъ молодой мужикъ, смотрѣвшій на барышню совершенно равнодушными глазами.

— Это... это что̀ такое? — спросила Вѣра Васильевна, не зная, что̀ ей слѣдовало сказать.

Отвѣтила Аннушка, сдѣлавъ сердитое лицо:

— А вотъ чай пьемъ... Тоже живые люди.

Вѣра Васильевна повернулась и вышла. Она разсердилась. Желаніе мириться съ Галей исчезло. Почему Аннушка отвѣтила ей такъ грубо? Если бы узнала маман, какъ Аннушка и Галя ведутъ себя... Вѣрѣ Васильевнѣ даже захотѣлось плакать. Вѣдь она, право, добрая, а онѣ всѣ злыя. Это и несправедливо и обидно.

Галя догнала ее въ дверяхъ ея комнаты и, запыхавшись, торопливо проговорила:

— Барышня, ужъ вы простите меня и Аннушку...

Вѣра Васильевна молчала.

— Ей-Богу, простите... Я слышала ваши звонки, а только мнѣ нельзя было уйти. И Аннушка не хотѣла вамъ совсѣмъ грубить... Видите, барышня, какъ тутъ дѣло вышло. Вотъ разсказать-то только я вамъ не умѣю.

— И не трудись.

— Ей-Богу, барышня, простите... Значитъ, мужики-то тѣ самые, которые у насъ снѣгъ убираютъ... Они, значитъ, дальніе..

— Какое мнѣ дѣло до твоихъ мужиковъ?

— Ахъ, барышня... Аннушка-то какъ давеча плакала... Вы знаете, какой у ней характеръ: змѣя подколодная. А тутъ сидитъ и плачетъ... Тоже вѣдь совѣстно... Она вамъ прямо призналась: „Живые, гритъ, люди“... да.

— Ничего я не хочу знать... Какіе-то мужики, — они еще ограбятъ. Я недавно читала въ газетахъ, вотъ точно такой же случай былъ. Кухарка и горничная подвели разбойниковъ... Вообще я совсѣмъ не желаю слышать гадостей.

— Барышня, милая, не то и даже совсѣмъ наоборотъ... И какъ это хорошо разсказывалъ старикъ этотъ самый! И я вѣдь тоже грѣшнымъ дѣломъ всплакнула... свое, кровное...

— Ничего не понимаю.

— Это ихъ, мужиковъ, дворникъ Семенъ нанялъ... Лѣнивый онъ, — снѣгъ-то во-время слѣдовало убрать, а онъ до самой весны дотянулъ. Ну, а тутъ полиція какъ потребовала, онъ и нанялъ мужиковъ за себя работать. Плутъ большой нашъ Семенъ и больше всего любитъ, чтобы другіе за него работали. Вотъ мужики-то работаютъ, а старика кашель долитъ. Стуженый онъ. Ну, Аннушка и пожалѣла, стала его поить чаемъ. Все же тепленькое... Оно и легче кашлять... Старикъ-то все о банѣ тоскуетъ. Ну, а какая тутъ баня... да... За чаемъ-то мы и разговорились, то-есть старикъ Иванъ, а молодой-то Петруха все молчитъ.

— Ничего не понимаю...

— Ахъ, барышня... Видите, какое дѣло-то вышло. Значитъ, какъ холера была, ну, сперва и умри старуха, значитъ, жена Ивана, а потомъ и молодайка у Петрухи тоже умерла... Ребеночекъ остался, его теткѣ отдали, ну, да Богъ пожалѣлъ младенца—тоже померъ. Куда онъ безъ матери-то... Охъ, какое дѣло-то, барышня. Кажется, и не разсказать... Домъ-то, сказываютъ, справный былъ: двухъ лошадей держали, корову, телочку выкармливали, ну и курей тоже и овецъ—все было. Непьющая была семья, правильная, а какъ бабы вымерли — все и рушилось. Какой же крестьянскій домъ безъ бабы? Это въ городу еще пріятнѣе, ежели мужчина холостой, а въ деревнѣ-то баба всякому дѣлу голова. Вотъ они побились-побились, да все и порѣшили: что распродали, что такъ оставили, а сами въ городъ на заработки.

— Отчего же они не женились?

— Старику-то какая тамъ женитьба, а молодой-то, значитъ, Петруха... Ахъ, барышня, тоже вѣдь жаль молодайки! Сердце, гритъ, не лежитъ. Не остылъ еще, значитъ.

— Все-таки не понимаю, Галя, о чемъ вы-то плакали?

— Ну, вотъ это самое и есть. Аннушка-то у насъ безстыдная, давеча и говоритъ старику, значитъ, Ивану: „Сватайте у насъ Галю, слышь. И приданое у ней, гритъ, и денегъ шестьдесятъ рублей въ предохранительной кассѣ“... Вотъ вѣдь какая змѣя! Со стыда я сгорѣла отъ этихъ самыхъ словъ.

— Да вѣдь ты сама же сейчасъ хвалила этого Петруху?

— Ахъ, барышня, какія вы непонятныя. Ну какая изъ меня выйдетъ баба, т.-е. настоящая деревенская баба? Обмякла я на легкихъ городскихъ хлѣбахъ, вотъ первая причина. Деревенскія-то бабы засмѣютъ меня на первой полосѣ. Да и мысли у меня ужъ тоже не деревенскія. Въ томъ родѣ,

какъ вся порченая. На видъ дѣвка какъ дѣвка, а настоящаго-то ужъ ничего и нѣтъ, значитъ, сурьезнаго, деревенскаго. Вотъ это самое мнѣ и обидно, барышня, что потеряла я себя окончательно, а Аннушка смѣется. Вы не подумайте, что по-худому себя потеряла, а такъ вообще. Аннушкѣ-то и завидно, что я совсѣмъ честная, вотъ она меня и срамитъ. И честная, да никому ненужная...

Вѣра Васильевна съ трудомъ начинала понимать то, что хотѣла высказать Галя. Предъ ней открывалось что-то такое громадное и захватывающее. что Галя на своемъ языкѣ называла „совѣстью". Выступали невѣдомые ей жгучіе интересы, центромъ которыхъ выступала самая простая деревенская баба. Да, она была нужна, вотъ эта простая баба, она творила какую-то невѣдомую куколкѣ громадную жизнь. Ее, эту бабу, такъ хорошо „жалѣлъ" овдовѣвшій Петруха, потому что онъ еще не потерялъ совѣсти, какъ дворникъ Семенъ и другіе городскіе мужики. И Галя это такъ красиво и тепло чувствовала, и Аннушка тоже, можетъ-быть. даже больше, чѣмъ Галя. Однимъ словомъ, тутъ выступала настоящая жизнь, яркая и полная глубокаго смысла.

III.

Вѣра Васильевна опять стояла у окна и смотрѣла на улицу. Падалъ мягкими бѣлыми хлопьями ласковый весенній снѣжокъ. На голой сѣткѣ сосѣдняго сада черными точками пестрѣли какія-то птицы, точно ноты неизвѣстной громадной пьесы, — недоставало только взмаха палочки дирижера, чтобы эта таинственная музыка развернулась во всей своей напряженной красотѣ. Весенній концертъ висѣлъ въ самомъ воздухѣ...

По улицѣ тянулись воза со снѣгомъ. Дворникъ Семенъ, какъ всегда, ничего не дѣлалъ, но имѣлъ видъ человѣка, которому дохнуть некогда. Старикъ Иванъ и молодой Петруха съ тупой покорностью отрабатывали дворницкую работу. Вѣрѣ Васильевнѣ теперь они казались уже совсѣмъ другими людьми, и она напрасно старалась представить себѣ тѣхъ двухъ бабъ, которыя унесли съ собой счастье вотъ этихъ простыхъ людей, и счастье и любовь. Да, тамъ была настоящая любовь, и вотъ этотъ Петруха будетъ жалѣть покойную жену тоже по-настоящему. Какое это хорошее русское слово: жалѣть...

— А вотъ меня, куколку, никто жалѣть не будетъ,— съ тоской думала дѣвушка.—Да. И никому я не нужна. Развѣ жалѣютъ бездѣлушку, которой только играютъ?

Куколкѣ тоже хотѣлось плакать, такъ просто по-бабьи поплакать, какъ плакали въ кухнѣ Аннушка и Галя.

1898.

РОКОВЫЕ ДНИ.

I.

Положительно бываютъ такіе дни, которые какъ-то располагаютъ къ семейнымъ непріятностямъ. По крайней мѣрѣ это вѣрно для Петербурга. Еще проснувшись утромъ, Сергѣй Иванычъ Лоховъ почувствовалъ какъ-то всѣмъ тѣломъ, что случится что-то неладное и случится именно сегодня. Въ окно его кабинета смотрѣлъ такой кислый осенній день. Стекла отпотѣли, и по нимъ струились капли холоднаго осенняго дождя, точно „слезы неутѣшной вдовы". Въ собственномъ смыслѣ слова свѣта не было, а въ окно смотрѣло что-то мутно-сѣрое, удручающее и безнадежное. Въ такіе именно дни человѣкъ особенно склоненъ къ несправедливости и нарочно придумываетъ разныя непріятности.

Первой мыслью Лохова была жена. Что она? какъ ея нервы? въ какомъ расположеніи духа она проснется? Впрочемъ, послѣдній вопросъ является совершенно излишнимъ, потому что было ясно само собой, что Валентина Яковлевна не могла проснуться въ хорошемъ настроеніи.

По свойственной сильной половинѣ человѣческой слабости, Лоховъ инстинктивно старался выиграть время и одѣвался дольше обыкновеннаго. Онъ даже посмотрѣлъ на себя въ старое дорожное зеркальце и нравоучительно замѣтилъ вслухъ:

— Эхъ, братъ, Сергѣй Иванычъ, какъ ты постарѣлъ за этотъ годъ... Вѣдь всего одинъ годъ, братецъ ты мой! Нехорошо... Надо подтянуться.

Изъ зеркала на Лохова смотрѣло еще не старое лицо, ну, этакъ подъ пятьдесятъ, но осунувшееся, принявшее какой-то землистый оттѣнокъ и съ какой-то затаенной тревогой въ каждой черточкѣ. У бродячихъ собакъ бываетъ такое выраженіе. Лохову больше всего не понравился лихорадочный блескъ глазъ, синева подъ глазами и предательская краснота носа. Боже мой, и это онъ, Лоховъ... Оглянувшись на дверь, онъ подошелъ къ угловому шкапику и торопливо выпилъ рюмку коньяку, какъ привыкъ дѣлать подъ разными предлогами въ послѣднее время. У него было столько непріятностей, заботъ и удручающихъ хлопотъ, что поневолѣ приходилось прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ для возстановленія нарушеннаго нравственнаго равновѣсія. Впрочемъ, сейчасъ онъ не подыскивалъ для себя даже оправданія и заботился только объ одномъ, чтобы ничего не замѣтила Валентина Яковлевна.

— Самоваръ поданъ, — довольно грубо доложила горничная, появившаяся въ дверяхъ кабинета безъ всякихъ предупрежденій.

— Хорошо, хорошо... Валентина Яковлевна проснулась?

— Онѣ одѣваются...

Лоховъ ненавидѣлъ эту горничную Сашу, потому что чувствовалъ въ каждомъ ея движеніи, что она его не уважаетъ. И кабинетъ никогда не приберетъ, какъ слѣдуетъ, и платья не почиститъ по-настоящему, и вещи швыряетъ—однимъ словомъ, не уважаетъ барина, а не уважаетъ потому, что вся сила въ барынѣ. Баринъ былъ послѣднимъ человѣкомъ въ домѣ, чѣмъ-то въ родѣ подсудимаго, котораго предсѣдатель лишилъ даже послѣдняго слова.

Обыкновенно Лохову приходилось дожидаться жены въ столовой, когда она выйдетъ къ чаю, а сегодня вышло наоборотъ. Валентина Яковлевна, одѣтая довольно небрежно, что̀ еще больше ее старило, сидѣла уже за самоваромъ, когда онъ вошелъ въ столовую. Она не отвѣтила на его привѣтствіе ни словомъ, ни движеніемъ, ни взглядомъ, а только брезгливо отвернулась. Ей было за пятьдесятъ, но она казалась старше благодаря брюзглой полнотѣ. Не спасали и подкрашенные волосы и подведенные глаза. Лоховъ какъ-то съежился и занялъ свое хозяйское мѣсто на концѣ стола. Единственная надежда оставалась на то, что выйдетъ дочь Нюта, а при ней Валентина Яковлевна всегда сдерживалась. Сейчасъ послѣ чая Лоховъ отправился бы „по дѣламъ“ и вернулся бы домой только къ обѣду. Но по оставленной чашкѣ Нюты отецъ видѣлъ, что дочь уже напилась чаю и ушла по своимъ дѣламъ. Она гдѣ-то и что-то слушала, чему-то училась и куда-то готовилась.

Лоховъ торопливо выпилъ свой стаканъ, закурилъ папиросу и поднялся.

— Вы опять пропадете на цѣлый день? — спросила Валентина Яковлевна, дѣлая кислую гримасу.

— То-есть какъ пропаду? Кажется, Валечка, тебѣ хорошо извѣстно, что я усиленно хлопочу... то-есть стараюсь... вообще...

— О, несчастный!.. Боже мой, Боже мой, до чего я дожила... Вы вчера опять были у Доминика? Отъ васъ пахло за обѣдомъ водкой... Вы шляетесь по кабакамъ и разнымъ притонамъ и называете это „хлопотать“. До чего я дожила!..

— Валечка... то-есть я, дѣйствительно, заходилъ къ Доминику. На минутку... Тамъ всегда много публики, и я надѣялся встрѣтить одного знакомаго инженера... да... ну, и выпилъ рюмку водки и закусилъ кулебякой...

— Вы забыли только одно, что у васъ есть взрослая дочь, и я не могла назвать васъ настоящимъ именемъ. Да, я щадила ея сердце и душу... Она не должна подозрѣвать той грязи, которая ее окружаетъ подъ родительскимъ кровомъ. Нюта только ростомъ большая, а въ сущности это ребенокъ, настоящій ребенокъ... Она ничего еще не понимаетъ, и я щажу ея дѣвичью невинность.

— Валечка, ну, если хочешь, я виноватъ. Я больше не буду... то-есть исправлюсь. А Нюту я люблю не меньше твоего...

— Довольно, довольно... Отправляйтесь по своимъ дѣламъ.

Лоховъ хотѣлъ еще оправдываться, но Валентина Яковлевна сдѣлала рукой такой жестъ, какъ театральная королева, которая прекращаетъ аудіенцію.

Въ передней Лоховъ сразу пріободрился. Онъ сегодня очень дешево отдѣлался и теперь радовался, какъ школьникъ, что можетъ вырваться на улицу. Бываютъ такія счастливыя семейныя минуты... Спускаясь по лѣстницѣ, онъ даже что-то насвистывалъ, что̀ очень изумило горничную Сашу.

„Чему обрадовался-то, старая мочалка?—думала она.—Тоже баринъ называется...“

Она сердито хлопнула дверью. Горничная Саша презирала своихъ господъ, какъ настоящая петербургская прислуга. Развѣ это господа? Голь перекатная, рвань коричневая... Только-только тянутся со дня на день, а старуха всѣ куски во рту считаетъ, въ кастрюли на кухнѣ заглядываетъ, поднимаетъ скандалы изъ-за каждой сдачи изъ мелочной лавки. Горничная слышала разговоръ господъ за чаемъ и только улыбнулась, когда сама назвала дочь ребенкомъ. Хорошъ ребенокъ, нечего сказать... Въ часъ ночи одна домой возвращается, записочки съ посыльнымъ получаетъ, передъ зеркаломъ вертится,—однимъ словомъ, дѣвица-скипидаръ.

— Саша, куда вы провалились? — послышался изъ столовой голосъ самой.

— Сейчасъ, барыня...

Валентина Яковлевна сорвала на горничной сердце и распекла ее за булки. Развѣ такія булки бываютъ? Это какой-то булыжникъ, а не булки.

— У васъ, милая, совсѣмъ не то на умѣ... — закончила Валентина Яковлевна, дѣлая трагическій жестъ.—Вамъ нужно быть барыней, а не прислугой.

— Помилуйте, барыня, какъ я смѣю... Кажется, я стараюсь...

— Пожалуйста, безъ разсужденій... Вы знаете, что я этого не люблю...

Обругавъ горничную, Валентина Яковлевна обошла всю квартиру, обставленную съ рыночной роскошью. Она ходила изъ комнаты въ комнату и только качала головой. Боже мой, и это обстановка! Каждая вещь только не кричитъ, что она куплена на Апраксиномъ, да еще въ разсрочку. Ничего настоящаго... Посторонняго человѣка принять стыдно. А больше всего возмутительно было то, что квартиру Лоховы нанимали на Петербургской сторонѣ, въ одной изъ глухихъ улицъ, гдѣ даже собаки не бѣгали. Положимъ, что квартира сама по себѣ недурна, но одинъ адресъ чего стоитъ. Это былъ смертельный приговоръ для опытнаго глаза...

Раздумье Валентины Яковлевны было неожиданно нарушено городскимъ письмомъ. Она узнала по почерку, отъ кого оно, и нетерпѣливо разорвала конвертъ. На узкой визитной карточкѣ размашистымъ почеркомъ было написано всего нѣсколько словъ:

„Сегодня буду у васъ. Только-что вернулся изъ поѣздки.

„Вашъ Мейчикъ".

Но этихъ строкъ было совершенно достаточно, чтобы взволновать Валентину Яковлевну до глубины души. О, она такъ страстно ждала этого дня, какъ другіе ждутъ выздоровленія отъ какой-нибудь тяжелой болѣзни. Одной изъ причинъ этой несчастной поѣздки въ Петербургъ былъ онъ, Мейчикъ, и вдругъ цѣлый годъ неудачъ, мытарствъ, хлопотъ и непріятностей, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Мейчикъ за этотъ срокъ успѣлъ побывать два раза въ Сибири, полгода жилъ въ Парижѣ, игралъ въ Монте-Карло, съѣздилъ на выставку въ Америку, и вездѣ у него были какія-то дѣла. Наконецъ-то онъ явился... Валентина Яковлевна перечитала записку нѣсколько разъ, точно не вѣрила собственнымъ глазамъ.

— О, Боже мой, наконецъ-то!—повторила она со слезами на глазахъ.

По женскому инстинкту она что-то хотѣла прибрать, переставить кое-гдѣ мебель, вообще приготовиться къ встрѣчѣ дорогого гостя, но потомъ махнула рукой и въ изнеможеніи опустилась на диванъ. Что же, пусть онъ пріѣзжаетъ и собственными глазами полюбуется на ихъ мѣщанское убожество...

II.

Валентина Яковлевна волновалась цѣлое утро и къ завтраку не прикоснулась. Она все время прислушивалась и ждала звонка. О, онъ пріѣдетъ, если обѣщалъ. Такіе люди никогда не обманываютъ, и у такихъ людей, заваленныхъ всевозможной работой, всегда найдется время для исполненія своихъ обѣщаній.

А время тянулось съ убійственной медленностью. Что̀ можетъ быть хуже ожиданія вообще?

Когда въ передней раздался звонокъ, было уже около пяти часовъ. Валентина Яковлевна не утерпѣла и вышла въ переднюю. Но это былъ не Мейчикъ, а Сергѣй Иванычъ, усталый, весь какой-то мокрый и съ заискивающимъ выраженіемъ на лицѣ, какъ онъ являлся въ послѣднее время домой. Валентина Яковлевна брезгливо отвернулась.

— Валечка, я... то-есть я познакомился съ однимъ инженеромъ...—какъ-то виновато бормоталъ Лоховъ, торопливо снимая верхнее, мокрое отъ дождя пальто.—Представь себѣ, ѣду на конкѣ...

— О, довольно, довольно!..—какъ-то застонала Валентина Яковлевна, ломая руки.

Семейная сцена все-таки разыгралась, потому что Валентина Яковлевна была въ возбужденномъ настроеніи. Это случилось за обѣдомъ, когда Саша подала скверный супъ. Безотвѣтный и всегда виноватый Лоховъ вдругъ вспылилъ. Онъ выскочилъ иъ-за стола, забѣгалъ по комнатѣ и какимъ-то захлебывающимся голосомъ началъ выкрикивать:

— Наконецъ это невозможно, Валентина Яковлевна... да! Вѣдь я—человѣкъ, живое существо, у меня есть душа. Понимаете, Валентина Яковлевна: душа. Да-съ, душа... А позвольте васъ спросить, почему я долженъ влачить самое жалкое существованіе? Изъ-за васъ, Валентина Яковлевна... Вы испортили мнѣ всю жизнь, Валентина Яковлевна... Изъ за васъ я потерялъ три мѣста, изъ-за васъ притащился въ Петербургъ, изъ-за васъ...

Немного ошеломленная въ первый моментъ этимъ взрывомъ ничѣмъ не мотивированной энергіи, Валентина Яковлевна съ удивленіемъ смотрѣла на мужа, но потомъ быстро оправилась. Она сразу взяла тономъ выше.

— И *вы* это мнѣ говорите, Сергѣй Иванычъ?!.. Вы смѣете это говорить?!.. Вы?!.. Нѣтъ, это *вы* мнѣ испортили всю жизнь. Я удивляюсь только одному, гдѣ у меня тогда были глаза, когда я выходила замужъ...

— Трудно поправимая ошибка, Валентина Яковлевна... Объ этомъ слѣдовало подумать ровно двадцать лѣтъ тому назадъ.

— И онъ же еще смѣется надо мной, несчастный человѣкъ?!.. Такъ знайте же, я сейчасъ ѣздила бы въ собственной коляскѣ, у меня была бы собственная дача въ Павловскѣ, если бы... если бы...

— Если бы вы тогда вышли замужъ не за меня, а за Мейчика? Остроумная, но немного запоздавшая комбинація...

— Молчите, ради Бога молчите! Что̀ я такое сейчасъ? Я вамъ доставила всѣми правдами и неправдами три мѣста, и вы не сумѣли удержаться ни на одномъ изъ нихъ. Потому что вы ничтожный человѣкъ, Сергѣй Иванычъ, тряпка, мое несчастіе... Послѣднее мѣсто управляющаго винокуреннымъ заводомъ чѣмъ было плохо, позвольте васъ спросить? Четыре тысячи жалованья, готовая квартира, побочные доходы, наконецъ...

— А вы подумали о томъ, что я не могу продавать свою душу чорту?

— У васъ? душа? Ха-ха... И онъ еще говоритъ... Вамъ нужно сейчасъ думать не о томъ, чего у васъ нѣтъ и не было, а о томъ, что, къ несчастію, есть: у васъ есть дочь, Сергѣй Иванычъ... да. Мы должны теперь позаботиться о судьбѣ этого несчастнаго ребенка...

Напоминаніе о дочери было каплей холодной воды, какъ всегда. Лоховъ заговорилъ совсѣмъ другимъ тономъ.

— А развѣ я не забочусь о ней, Валечка? Вотъ уже цѣлый годъ какъ я обыскиваю весь Петербургъ, точно слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ. Кажется, нѣтъ такой щели, нѣтъ такой мышиной норы, гдѣ бы я не побывалъ... И все безъ толку.

— А какъ же другіе живутъ? Имѣютъ хорошія квартиры, большіе оклады жалованья, общественное положеніе... Другіе, значитъ, умѣютъ устроиться, а у васъ, мой милый, просто нѣтъ толку, и въ этомъ рѣшительно никто не виноватъ.

— Валечка, пожалуйста, не говори мнѣ объ этихъ другихъ, которые захватили до меня, кажется, рѣшительно все на свѣтѣ, а Петербургъ въ особенности. Все занято, вездѣ свои кандидаты, и на тебя смотрятъ, какъ на сумасшедшаго... А сколько самаго подлаго униженія, когда приходится обращаться къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ? Одни швейцары чего стоятъ...

— Швейцары — опытный народъ и опредѣляютъ насъ, глупыхъ провинціаловъ, по первому взгляду.

— Почему же какой-нибудь хамъ знаетъ, кто я такой и зачѣмъ я пришелъ? Вѣдь на мнѣ не написано, что я ищу мѣста, какъ отравленная крыса ищетъ воды...

— Повторяю: никто не виноватъ, что мы глупы... Да, всѣ мы, провинціалы, неизлѣчимо глупы: потеряемъ мѣсто въ провинціи и летимъ въ Петербургъ искать новое, а здѣсь никто его для насъ и не думалъ приготовлять. Кажется, просто и ясно?

— А другіе-то, Валечка? Вѣдь они какъ-то устроились же? Да... Нужно имѣть терпѣніе, Валечка... да... Будетъ время, и мы устроимся не хуже этихъ другихъ... Да, терпѣніе и терпѣніе...

Лоховъ подошелъ къ женѣ и хотѣлъ ее обнять, но она брезгливо отстранила его рукой.

— Сергѣй Иванычъ, отъ васъ опять разитъ водкой? Вы опять пьяны? Господи, до чего я дожила...

— Валечка, я, дѣйствительно, заходилъ опять къ Доминику,—виновато забормоталъ Лоховъ.—Какъ-то легче на людяхъ... Смотришь на всѣхъ и думаешь: вѣдь вотъ люди и одѣты прилично, значитъ, у каждаго есть свое мѣсто... да...

— Вы мнѣ гадки... отвратительны! — стонала Валентина Яковлевна, ломая руки.—И это отецъ семейства...

Эта жалкая семейная сцена походила на тысячи другихъ такихъ же сценъ, какія разыгрываются въ тысячахъ другихъ семей, и подъ вліяніемъ спеціальнаго раздраженія обѣщала закончиться обычнымъ финаломъ, т.-е. Валентина Яковлевна трагически умолкала и начинала собираться уѣзжать изъ дому „навсегда“. Это было сигналомъ, что Сергѣй Иванычъ долженъ былъ просить прощенія, унижаться и брать на себя всѣ вины настоящаго, прошедшаго и будущаго. На этотъ разъ однако дѣло обошлось и безъ такого финала, потому что въ передней послышался звонокъ. Валентина Яковлевна сдѣлала движеніе, чтобы убѣжать въ свою комнату, но это былъ опять не

Мейчикъ, а дочь. Она вошла въ столовую легкой, увѣренной походкой и, снимая на ходу перчатки, коротко спросила:

— Чернолѣсовъ былъ?..

— Гм... Кажется, нѣтъ,—отвѣтилъ Лоховъ.

Дѣвушка была высокаго роста, съ некрасивымъ, но пикантнымъ лицомъ. Свѣтло-русые волосы небрежно выбивались на лобъ сбившимися прядями и частью прикрывали маленькія розовыя уши, образуя живую рамку. Всего лучше были темные, сѣрые глаза, глядѣвшіе съ скрытой дерзостью. Сѣрое осеннее платье облегало высокую фигуру, какъ перчатка. Вообще дѣвушка не походила на дочь несчастныхъ родителей.

— Нюта, какой тонъ!—укоризненно замѣтила Валентина Яковлевна.

Дѣвушка какъ-то строго посмотрѣла на отца и на мать, потомъ на остывшій супъ, и строго проговорила:

— Опять разыгрывалась пріятная семейная сцена? По всему вижу, что ссорились...

— Нюта, какъ ты говоришь?—вступилась Валентина Яковлевна, напрасно стараясь придать голосу авторитетную строгость.—Развѣ можно такъ держать себя съ отцомъ и матерью? Ты еще дѣвушка и не должна даже подозрѣвать о существованіи такихъ вещей, о которыхъ могутъ говорить между собой большіе.

— А вы, maman, не можете обойтись безъ жалкихъ словъ?—небрежно отвѣтила дѣвушка, снимая шляпу.

— По-твоему, отецъ и мать только жалкія слова?—обидѣлась Валентина Яковлевна.—Несчастная, что тебя ожидаетъ въ будущемъ? Сергѣй Иванычъ, вотъ плоды вашего воспитанія. Полюбуйтесь... Будь у Нюты другой отецъ, развѣ она позволила бы себѣ говорить такъ съ матерью?

— Валечка, что же я... то-есть я тутъ ничего не понимаю.

— И я тоже, папа... Ну, довольно, maman. Право, нехорошо ссориться съ близкими, а кромѣ того—я страшно проголодалась.

Это была маленькая военная хитрость, чтобы прекратить непріятную сцену. Питать дочь было слабостью Валентины Яковлевны, и она бросилась сама ставить приборъ. Лоховъ сразу повеселѣлъ и пріободрился. Попробовавъ ложку холоднаго супа, дѣвушка сдѣлала гримасу и проговорила:

— Развѣ можно такъ долго ссориться?

— Можно подогрѣть супъ, Нюта...

— Нѣтъ, не нужно. Что у насъ на второе.

Валентина Яковлевна позвонила и, не садясь, говорила:

— Твой милый papa, Нюта, не можетъ сойтись характеромъ съ швейцарами—въ этомъ все наше несчастіе...

— Валечка, всему есть границы...

— Бѣдный папа, у тебя сегодня нехорошій видъ,—съ участіемъ проговорила дѣвушка, дѣлая видъ, что не разслышала ядовитаго замѣчанія матери.—Мы больны? мы хандримъ?

— Да, то-есть нѣтъ... вообще ничего особеннаго.

Лоховъ какъ-то терялся и даже краснѣлъ отъ каждаго ласковаго слова дочери.

III.

Это демонстративное вниманіе къ отцу было послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія. Валентина Яковлевна заговорила какимъ-то придавленнымъ голосомъ, какимъ говорятъ провинціальныя трагическія актрисы:

— Нюта, ты ничего не понимаешь... да. Да, бѣдная моя дѣвочка... Нашихъ средствъ едва хватитъ до весны, а потомъ мы очутимся на улицѣ... Вотъ этотъ человѣкъ (трагическій жестъ въ сторону Сергѣя Иваныча) погубитъ и тебя, какъ погубилъ меня... Онъ цѣлый годъ безъ всякаго толка мыкается по Петербургу, мы доѣдаемъ послѣднія крохи, и впереди ничего. Да, ничего... Тогда какъ стоило только обратиться къ Мейчику... Да, къ Мейчику!.. Одного слова Леонида Павлыча достаточно, всего одного слова, чтобы мы устроились не хуже другихъ. Этотъ человѣкъ можетъ сдѣлать все...

Сергѣй Иванычъ покраснѣлъ, стукнулъ по столу кулакомъ и проговорилъ самымъ вызывающимъ тономъ:

— Все, что угодно, но я къ Мейчику не пойду!.. Да-съ, не пойду...

Валентина Яковлевна была поражена не самымъ отвѣтомъ, а дерзостью его тона. Она что-то хотѣла сказать, но дочь ее предупредила. Она подошла къ отцу, поцѣловала его въ лобъ и отвѣтила въ его тонъ:

— Браво, папа!.. Мы съ тобой къ Мейчику не пойдемъ. Молодецъ папа, дай я тебя еще разъ поцѣлую. Проживемъ и безъ Мейчика...

— Хорошая моя... дочь моя...—шепталъ Сергѣй Иванычъ, растроганный этимъ вниманіемъ до слезъ.

Цѣлуя отца, дѣвушка проговорила вполголоса, но настолько громко, чтобы мать могла слышать:

— А у меня для тебя, папа, есть маленькій секретъ... Совсѣмъ ма-аленькій!..

Послѣднія слова дѣвушка проговорила съ дѣтской шепелявостью, какъ говорила, когда еще ребенкомъ ласкалась къ отцу.

— А теперь папочка пойдетъ отдохнуть послѣ обѣда... да?—прибавила она шутливо.—Папочка усталъ...

Сергѣй Иванычъ уже начиналъ падать духомъ, ожидая бури, но дочь съ чисто-женской ловкостью спасла его. Буря, конечно, будетъ, но лучше ужъ пусть будетъ завтра, а только не сегодня. На сегодняшній день совершенно достаточно...

— Да, мнѣ, дѣйствительно, нужно отдохнуть, а вечеромъ опять придется итти по дѣламъ...

Когда Сергѣй Иванычъ вышелъ, въ столовой царило нѣсколько времени самое мучительное молчаніе. На лицѣ Валентины Яковлевны выступили красныя пятна, а руки лихорадочно комкали салфетку.

— Что это у васъ за секреты, сударыня?—проговорила она наконецъ, напрасно стараясь придать голосу спокойствіе.—Ты не понимаешь, что такое твой отецъ... Это сумасшедшій, это несчастіе всей нашей жизни.

— Мама, напрасно ты говоришь мнѣ все это,—спокойно отвѣтила дѣвушка.—Вѣдь я не должна и подозрѣвать того, что иногда волнуетъ большихъ. А затѣмъ, какъ мнѣ кажется, ты просто изводишь отца... Онъ такой жалкій и несчастный...

— И ты противъ меня? Вотъ награда за всѣ мои заботы и хлопоты о тебѣ... Ты, Нюта, типъ современной дочери, безчувственной и неблагодарной. У тебя совершенно нѣтъ сердца... Но я знаю гораздо больше, чѣмъ ты предполагаешь. У матери есть свой инстинктъ... да.

— А вы подумали, мама, каково живется на свѣтѣ вотъ этой неблагодарной современной дочери? Можетъ-быть, она не знаетъ даже, куда ей бѣжать отъ радостей семейной жизни? Сегодня какъ вчера, вчера какъ сегодня... Поймите, что я никого не обвиняю, но вѣдь я все-таки я и не могу не чув-

ствовать нѣкоторыхъ вещей. Идешь домой, какъ въ берлогу, гдѣ самый воздухъ насыщенъ какими-то хищническими инстинктами... Въ моемъ возрастѣ дѣвушки тоже кое-что понимаютъ, и у нихъ развиваются свои инстинкты, свое чутье... Развѣ я не понимаю, что наше положеніе отчаянное? Даже очень хорошо понимаю. Это со всякимъ можетъ быть, мама. Но изъ этого не слѣдуетъ, что изъ дома нужно дѣлать адъ. Ты будешь во всемъ обвинять папу, онъ будетъ обвинять во всемъ тебя, а я буду обвинять во всемъ обоихъ васъ... Очень милая живая картинка. Мама, вѣдь такъ жить нельзя...

„Какая она умная... Боже, какая умная!—съ восторгомъ думала Валентина Яковлевна, слушая этотъ монологъ.—И какъ она права, моя крошка... Если бы такой дѣвушкѣ хорошее приданое и болѣе опредѣленное общественное положеніе...“

Но эти материнскіе восторги были погашены всего одной фразой умной дочери.

— Мама, Чернолѣсовъ не былъ?

— Да нѣтъ же, Нюта... Я уже говорила тебѣ. Какая ты разсѣянная! Вчера онъ прибѣгалъ два раза и не засталъ тебя.

— Почему: прибѣгалъ?

— А если такой видъ у человѣка? Я не виновата... Глаза блуждающіе, задыхается... „Анна Сергѣевна дома?“ Я ужъ не говорю о вѣжливости... Впрочемъ, я уже привыкла, что въ этомъ домѣ на меня обращаютъ столько же вниманія, сколько даютъ его заблудившейся кошкѣ...

— Мама, опять жалкія слова?

— Ну, не буду... Вы всѣ противъ меня.

Валентина Яковлевна готова была расплакаться, но этотъ душевный порывъ во-время былъ остановленъ письмомъ отъ Мейчика.

— Посыльный ждетъ,—докладывала Саша.

Пробѣжавъ записку, въ которой Мейчикъ извѣщалъ, что пріѣдетъ вечеромъ, Валентина Яковлевна отвѣтила:

— Скажи, что хорошо.

Сдѣлавъ большую паузу, она прибавила:

— Какъ видишь, у меня тоже есть свои секреты, Нюта...

— А я знаю, отъ кого записка... Отъ Мейчика. Онъ здѣсь уже недѣли двѣ, и я его видѣла издали... въ театрѣ.

— Отчего же ты мнѣ ничего не сказала, Нюта?

— Забыла, мама... Кстати, мнѣ его тоже нужно видѣть и поблагодарить за одно маленькое одолженіе.

— Пожалуйста, только безъ дерзостей... Ты вообще всегда какъ-то странно держала себя съ нимъ. Я понимаю, что есть люди, которые намъ не нравятся, но это еще не значитъ, что мы должны быть съ ними дерзкими.

Дѣвушка только взглянула на мать и ничего не отвѣтила. Валентина Яковлевна вдругъ смутилась и почувствовала, что опять начинаетъ краснѣть. Наступила неловкая пауза. Валентина Яковлевна во-время вспомнила о давешней выходкѣ мужа и сразу оправилась. О, онъ дорого заплатитъ ей за эти дерзости...

— Мама, у меня что-то голова болитъ...—предупредила дѣвушка, предчувствуя взрывъ материнской энергіи.

Черезъ пять минутъ дѣвушка сидѣла у себя въ комнатѣ за письменнымъ столикомъ и торопливо писала. Но эта работа подвигалась плохо. Первое письмо начиналось такъ: „Милый Володя, мнѣ кажется, что намъ лучше объ-

ясниться письменно, хотя я и знаю твое отвращеніе къ женскимъ письмамъ"... Перечитавъ эти строки, дѣвушка только пожала плечами, разорвала письмо и бросила его въ корзинку. „Милый Володя"—такъ можетъ написать горничная Саша. Слѣдующее письмо начиналось такъ: „Дорогой другъ"...—опять не то. Можно подумать, что пишетъ какая-то огорченная дама. Только въ третьей редакціи письмо получило утвержденіе.

„Милостивый государь Владимиръ Ѳедоровичъ! Я знаю ваше отвращеніе къ женскимъ письмамъ, но все-таки пишу... Въ личныя объясненія вносится много совсѣмъ непужной энергіи, а на бумагѣ можно высказаться спокойнѣе, логичнѣе и безобиднѣе. Итакъ, мои корабли сожжены: я поступаю на сцену. Знаю ваше мнѣніе по этому вопросу, но не смущаюсь. Въ жизни необходимо поступать рѣшительно. Не скрою, что мнѣ и тяжело и грустно. Такъ и должно быть... Въ душѣ каждой женщины живетъ неискоренимое тяготѣніе къ своему углу, къ своему гнѣзду, и это скромное желаніе иллюстрируется въ дѣвичьей душѣ радужными картинами тихаго семейнаго счастья. Всякое счастье именно должно быть тихое... Впрочемъ, такъ мечтали и жили наши бабушки, а на долю внучекъ выпадаетъ только тревожное счастье. Вы понимаете, что̀ я хочу этимъ сказать, и поймете также, что я никого не хочу винить. Къ чему иллюзіи, несбыточныя мечты, сладкія дѣвичьи грезы—все это, увы! принадлежитъ къ области бутафорскихъ принадлежностей и даже не заслуживаетъ снисхожденія. На жизнь нужно смотрѣть трезвыми глазами... Изъ этихъ посылокъ и предварительныхъ размышленій на общую тему, какъ вы догадываетесь, ничего хорошаго не предвидится. Имѣйте терпѣніе дочитать это письмо до конца..."

На этомъ пунктѣ письмо остановилось. Анна Сергѣевна прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ, а потомъ улеглась на кушетку. Она смотрѣла въ потолокъ и думала о самыхъ обидныхъ вещахъ. Развѣ все, что̀ было въ душѣ, можно было описать? Да вѣдь для этого пришлось бы написать цѣлую библіотеку...

— И все-таки я баба, кислая баба... дрянь...—шептала дѣвушка, ломая руки.—Кому нужны наши бабьи стоны?.. Ахъ, какъ все глупо... И нисколько даже не чувствительно. Баба, баба, баба, проклятая, плаксивая баба...

Ей ужасно хотѣлось плакать, но она припомнила жалкія сцены между отцомъ и матерью, когда мать плакала такими фальшивыми и никому ненужными слезами, и удержалась. Нѣтъ, не нужно слезъ...

IV.

Утро слѣдующаго дня вся семья провела дома, что̀ возмущало Валентину Яковлевну. Она понимала, что дочь ждетъ своего Чернолѣсова, какъ сама ждала Мейчика. Это была самая обидная конкуренція между матерью и дочерью, и обѣ оглядывали другъ друга съ враждебнымъ любопытствомъ совершенно незнакомыхъ женщинъ. Каждая думала о томъ, зачѣмъ торчитъ здѣсь другая. Обыкновенно Анна Сергѣевна исчезала изъ дома съ утра, а тутъ торчитъ, какъ пришитая. Мать замѣтила, что сегодня костюмъ дочери, несмотря на обычную небрежность, устроенъ съ расчетомъ, и даже появилась на шеѣ бархатная ленточка съ медальономъ; дочь замѣтила, что мать одѣлась съ особеннымъ вниманіемъ и подвела глаза. Не замѣчалъ ничего одинъ Сергѣй Ивановичъ, счастливый тѣмъ, что его вчерашняя выходка обошлась такъ дешево. Въ присутствіи дочери Валентина Яковлевна не смѣла устраивать сценъ, и поэтому онъ не уходилъ „по дѣламъ".

— Ты это что же сидишь дома?—замѣтила вскользь Валентина Яковлевна.

— Я? А я отправлюсь послѣ завтрака, Валечка...

Анна Сергѣевна не была сегодня такъ ласкова съ отцомъ, какъ вчера, и это его смущало. Онъ не подозрѣвалъ, что дочь тоже была бы рада, если бы онъ ушелъ, хотя и молчала объ этомъ.

„Боже мой, этотъ человѣкъ до сихъ поръ не выучился даже уходить и приходить во-время! — думала Валентина Яковлевна, сдерживая накопившійся гнѣвъ.—Торчитъ, какъ чучело гороховое...“

Сергѣй Ивановичъ ждалъ обѣщаннаго вчера секрета, но Анна Сергѣевна ничего не отвѣчала на его нѣмые вопросы.

Такъ время протянулось до самаго завтрака. Тревога ожидавшихъ женщинъ росла съ каждой минутой, и обѣ чутко прислушивались къ каждому шороху.

— Мама, кажется, звонокъ?—раза два спрашивала Анна Сергѣевна.

— Тебѣ это кажется, Нюта... Это Саша гремитъ посудой.

Завтракъ прошелъ въ самомъ мучительномъ ожиданіи. Мать и дочь торопились поскорѣе кончить эту глупую церемонію, чтобы выпроводить Сергѣя Ивановича, и обѣ взбунтовались, когда онъ послѣ завтрака запросилъ чаю.

— Можешь у Доминика выпить свой чай,—посовѣтовала Валентина Яковлевна.—Сегодня Саша чиститъ самоваръ...

Наконецъ Сергѣй Ивановичъ началъ собираться, но у него не хватило набитыхъ папиросъ. Послѣднее лежало на обязанности горничной, но она забыла по обыкновенію.

— Я тебѣ сама надѣлаю, папа,—нашлась Анна Сергѣевна.

Получилась самая трогательная картина, когда мать и дочь наперегонку принялись набивать папиросы. Съ Валентиной Яковлевной это случилось, кажется, еще въ первый разъ, какъ она вышла замужъ. Сергѣй Иванычъ былъ растроганъ такимъ вниманіемъ до глубины души.

— Ну, теперь я того... пойду...—говорилъ онъ, накладывая папиросъ въ портсигаръ.—Мнѣ собственно не надолго...

Дамы не возражали, Анна Сергѣевна даже отыскала отцу палку.

Спускаясь по лѣстницѣ, Сергѣй Иванычъ еще разъ крикнулъ:

— А я того... скоро вернусь...

Когда онъ ушелъ наконецъ, мать и дочь посмотрѣли другъ на друга съ затаенной ненавистью, точно двѣ соперницы. Было ясно, что ни та ни другая не желаетъ уходить. Но онѣ не успѣли разойтись по своимъ комнатамъ, какъ раздался наконецъ давно ожидаемый звонокъ. Это былъ Мейчикъ, высокій, еще не старый мужчина, съ преждевременно посѣдѣвшими волосами и умными темно-сѣрыми глазами. Одѣвался онъ изысканно и выглядѣлъ моложе своихъ лѣтъ.

— Мой привѣтъ, mesdames...—заговорилъ Мейчикъ, цѣлуя руку Валентины Яковлевны и раскланиваясь съ Анной Сергѣевной издали.—Я вчера не могъ быть у васъ, Валентина Яковлевна, потому что... потому что задержало совершенно неожиданное дѣло.

Голосъ Мейчика сохранилъ свою свѣжесть, но онъ говорилъ, какъ иностранцы, которые долго жили въ Россіи.

— Ахъ, да...—спохватился онъ, усаживаясь въ гостиной на кресло.—У подъѣзда я встрѣтилъ Сергѣя Иваныча. Онъ, кажется, не узналъ меня...

— Мужъ немного близорукъ,—равнодушно отвѣтила Валентина Яковле-

вна и прибавила уже другимъ тономъ:—какъ это вы наконецъ вспомнили про насъ, Леонидъ Павловичъ?

— Я уѣзжалъ, Валентина Яковлевна, а затѣмъ просто не зналъ, что вы здѣсь.

Анна Сергѣевна стояла за стуломъ матери и молча наблюдала интереснаго гостя. Когда мать начала извиняться за свою обстановку и объяснять, что все это пока, пока Сергѣй Иванычъ устроится, она довольно сухо замѣтила:

— Мама, вѣдь не обязательно, чтобы мы жили во дворцѣ.

— А вы строги попрежнему, Анна Сергѣевна?—отвѣтилъ Мейчикъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ сухости тона.

— Ужъ какая есть, Леонидъ Павловичъ... Рѣшительно не понимаю, въ чемъ извиняется мама. Каждый живетъ по своимъ средствамъ...

— Еще разъ согласенъ съ вами,—проговорилъ Мейчикъ съ прежней невозмутимостью.—Кстати, я слышалъ о вашихъ успѣхахъ... да...

— Что касается меня, такъ я противъ такихъ успѣховъ,—строго замѣтила Валентина Яковлевна.—Да, противъ...

— Мама не довѣряетъ, что ея дочь великая артистка... въ будущемъ,—иронически отвѣтила Анна Сергѣевна.—Это вѣчная исторія съ неблагодарными современниками... Кстати, Леонидъ Павловичъ, я у васъ въ долгу: это вы мнѣ послали букетъ на послѣднемъ любительскомъ спектаклѣ?

— Нѣтъ...

— А если я знаю, что вы?

— Могу васъ увѣрить, Анна Сергѣевна...

— Хорошо, я постараюсь повѣрить вамъ, но попрошу избавить мою довѣрчивость отъ второго искушенія.

— Клянусь вамъ, что это не я!

— Я уже сказала, что вѣрю вамъ...

Чтобы досадить матери, Анна Сергѣевна нарочно не уходила изъ комнаты. Она точно хотѣла за что-то отомстить, не матери и не гостю, а кому-то третьему, который былъ виноватъ въ чемъ-то неизвѣстномъ. Поведеніе дочери волновало Валентину Яковлевну, и она старалась не смотрѣть на нее...

Чтобы выжить Анну Сергѣевну, Мейчикъ принялся разсказывать о своихъ путешествіяхъ въ удручающе-скучномъ тонѣ. Онъ описывалъ красоту итальянскихъ озеръ, кратеръ Везувія, легкое землетрясеніе въ Кадиксѣ, весеннія скачки въ Парижѣ, Ніагарскій водопадъ, выставку въ Чикаго, норвежскіе фіорды, венеціанскія лагуны, Босфоръ и т. д. Онъ нарочно подбиралъ выраженія изъ учебниковъ географіи и разныхъ путеводителей. Валентина Яковлевна кусала губы, чтобы не расхохотаться. О, какъ онъ всегда былъ уменъ и находчивъ...

Анна Сергѣевна тоже понимала эту комедію и выдерживала характеръ. Она дѣлала видъ, что ужасно интересуется всѣмъ этимъ, и задавала нелѣпые вопросы, какъ маленькія дѣти.

— А козы есть въ Америкѣ?

— То-есть какъ козы?

— Ну, обыкновенныя козы...

— Гм... Конечно, есть. Я даже, кажется, видѣлъ...

— Нюта, какіе глупые вопросы ты дѣлаешь,—вступилась Валентина Яковлевна, попавшая между двухъ огней.

— А если, мама, мнѣ интересно знать? Мнѣ кто-то разсказывалъ, или

я гдѣ-то читала, что на островѣ Майоркѣ есть женщины съ совершенно зелеными глазами, какъ у кошекъ, и что вечеромъ они даже свѣтятся, какъ у кошекъ... Вы, навѣрно, были тамъ, Леонидъ Павловичъ?

— На Майоркѣ, къ сожалѣнію, я не былъ,—совершенно серьезно отвѣтилъ Мейчикъ.—Да если бы и былъ, то, навѣрное, ничего бы не замѣтилъ, потому что меньше всего интересуюсь женщинами... Мое время прошло, Анна Сергѣевна, и приходится вѣжливо уступать мѣсто другимъ. Это въ порядкѣ вещей...

Это былъ маленькій турниръ. Подурачившись вдоволь, Анна Сергѣевна наконецъ ушла. Мейчикъ проводилъ ее глазами до дверей и задумчиво проговорилъ:

— А дѣвица меня не любитъ... Я это чувствую все сильнѣй, при каждой новой встрѣчѣ.

— Просто дурачится,—холодно отвѣтила Валентина Яковлевна.—Въ этомъ возрастѣ у дѣвушекъ являются разныя причуды...

— А знаете, она мнѣ страшно нравится... Въ ней есть что-то такое особенное. Колоритный темпераментъ...

— Вы это о комъ? Ахъ, да, о Нютѣ... Я ея не понимаю, говоря откровенно.

Валентина Яковлевна постаралась замять разговоръ о дочери и позвонила. Горничная Саша узнала, что нужно приготовить кофе.

V.

Мейчикъ любилъ кофе, но никто такъ не умѣлъ его приготовить, какъ Валентина Яковлевна. Это было настоящее священнодѣйствіе. И сейчасъ онъ сидѣлъ въ столовой и наблюдалъ, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, за каждымъ ея движеніемъ. У него что-то защемило на душѣ... О, если бы можно было вернуть прошлое съ его сладкимъ безуміемъ, грезами и дерзкими надеждами! А сейчасъ отъ жизни оставался только горькій и мутный осадокъ, какъ на днѣ чашки отъ лучшаго кофе.

— Да, я люблю Анну Сергѣевну, какъ, вѣроятно, любилъ бы родную дочь,—думалъ вслухъ Мейчикъ, дѣлая маленькіе глотки.—Въ ней я иногда точно вижу лучшую, исправленную часть самого себѣ... А эта молодая дерзость—прелесть. Вся прелесть... Да, это темное органическое чувство замѣняетъ намъ прожитую молодость...

— Тсс!.. Ради Бога, тише! *Это* должно умереть вмѣстѣ съ нами. Въ тотъ день, когда Нюта узнаетъ, чья она дочь,—она навсегда отвернется и отъ васъ и отъ меня. Повѣрьте, что я немножко знаю ея натуру, и вы ее не разжалобите своей сентиментальностью. Мнѣ иногда даже кажется, какъ будто она начинаетъ догадываться... Не далѣе, какъ вчера... Но, во всякомъ случаѣ, она ни въ чемъ не виновата, и наша обязанность щадить ея невѣдѣніе.

— Да, да... Но я все-таки не понимаю, Валентина Яковлевна, за что она такъ упорно ненавидитъ меня?

— О, это наслѣдственная ненависть, которую она всосала съ молокомъ матери... Ахъ, это ужасное чувство, Леонидъ Павловичъ!..

Она сдѣлала паузу и прибавила:

— Знаете, мнѣ иногда дѣлается даже жаль мужа... Онъ такъ быстро опускается... Человѣкъ, котораго я когда-то хотѣла отравить... Да, въ моемъ возрастѣ сожалѣніе является синонимомъ любви...

Мейчикъ холодно улыбнулся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и отвѣтилъ:

— Любовь къ мужу? Что же, время еще не потеряно, Валентина Яковлевна...

— Да, да... Я жалѣю его и обвиняю во всемъ только одну себя. Вы когда-нибудь испытывали чувство раскаянія? О, нѣтъ, все это вамъ недоступно... И моя любовь къ мужу только особая форма ненависти къ вамъ. А вы еще являетесь сюда съ видомъ добраго генія.

— Боже мой, что вы говорите?!..—взмолился Мейчикъ, ломая руки.—Мнѣ сейчасъ кажется, что мы уже умерли, похоронены и вдругъ поднимаемся изъ могилы, чтобы докончить какіе-то старые счеты. Вѣдь это ужасно, ужасно...

Онъ подошелъ къ ней, взялъ за руку и хотѣлъ поцѣловать, но она вырвала руку и горько засмѣялась.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста... Не къ лицу это ни вамъ ни мнѣ. Если бы вы знали, какъ я устала... Хлопочу, что-то разсчитываю, о чемъ-то забочусь, и, въ сущности, не все ли равно?.. Развѣ я не понимаю, что я состарилась раньше времени, и что у меня ничего нѣтъ впереди... Живешь и обманываешь себя своими хлопотами... Я знаю, что мужчины не выносятъ подобныхъ разговоровъ, но что же дѣлать,—счастливое время прошло, если только оно не было такимъ же обманомъ, какъ и вся жизнь. Вотъ сейчасъ—я чувствую, что вы жалѣете меня, и мнѣ это обиднѣе всего... Понимаете, именно отъ васъ я не хочу принимать сожалѣнія. Я никогда и ничего не требовала отъ васъ, такъ не оскорбляйте же меня своимъ сожалѣніемъ. Въ васъ я всегда уважала умнаго человѣка, такъ постарайтесь сохранить хоть это...

— Вы не договариваете, Валентина Яковлевна... Вся суть вѣдь не въ насъ съ вами, а въ *ней*. Да? Я и пріѣхалъ собственно переговорить съ вами серьезно по поводу Анны Сергѣевны, т.-е. ея будущаго.

Серьезные разговоры Мейчика всегда пугали Валентину Яковлевну, и теперь она посмотрѣла на него встревоженными глазами.

— Я слушаю,—проговорила она, чувствуя, какъ руки у нея начинаютъ холодѣть.

Онъ прошелся по столовой, поправилъ галстукъ и терпѣливо проговорилъ, точно боясь потерять нить своихъ мыслей:

— Вчера Анна Сергѣевна заключила контрактъ на зиму съ однимъ провинціальнымъ антрепренеромъ и на-дняхъ уѣзжаетъ.

Валентина Яковлевна вскочила, точно по ней выстрѣлили.

— Какъ же Нюта ничего мнѣ не сказала? Нѣтъ, этого не можетъ быть... Я вамъ не вѣрю!.. Не вѣрю...

Онъ взялъ ее за руку, усадилъ на стулъ и заговорилъ серьезно и ласково, какъ умѣлъ говорить только онъ одинъ:

— Прежде всего не волнуйтесь... Что это вѣрно, такъ я вамъ за это ручаюсь, тѣмъ болѣе, что, въ сущности, устроилъ все я же. Да, я...

— Вы?!.. Боже мой...

— Выслушайте до конца, дорогая... Вамъ не безызвѣстно, что Анна Сергѣевна увлекается Чернолѣсовымъ.

— Ничего мнѣ неизвѣстно... Просто онъ бывалъ у насъ... Потомъ они вмѣстѣ устраивали какіе-то любительскіе спектакли. Однимъ словомъ, ничего серьезнаго... Впрочемъ...

Она не договорила и глухо зарыдала.

— Валентина Яковлевна, ради Бога, не волнуйтесь. Нужно радоваться, что все такъ удачно вышло. Чернолѣсовъ педурной человѣкъ, и я его хорошо знаю, какъ своего личнаго секретаря, повѣрьте мнѣ, но онъ еще только начинаетъ карьеру, и эта женитьба погубила бы все его будущее. А тутъ мо-

лодые люди на время разстанутся, провѣрятъ себя, и время покажетъ, насколько серьезно ихъ взаимное чувство.

— Но почему она откровенно не объяснилась со мной? Кажется, я ее ни въ чемъ не стѣсняла и не могла бы принести вреда.

— Смотрите на вещи проще: во-первыхъ, это скрытная натура, а во-вторыхъ, никогда не слѣдуетъ требовать чего-нибудь за свое чувство.

— Да, да, понимаю...—бормотала она, какъ во снѣ, вытирая слезы.— Онъ третьяго-дня забѣгалъ два раза... Она его ждала вчера и волновалась... и сегодня... Да, все понятно. Чернолѣсовъ недурной человѣкъ, и если бы у него были средства, то онъ могъ бы сдѣлаться вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ.

— Въ свое время у него будутъ и средства и общественное положеніе... Вообще, онъ на хорошей дорогѣ. И знаете, Анна Сергѣевна все это отлично понимаетъ и сама предложила этотъ временный разрывъ... Мнѣ нравится ея рѣшительность. Она тоже далеко пойдетъ, повѣрьте мнѣ.

Валентина Яковлевна горько разсмѣялась и махнула рукой.

— Куда она пойдетъ? Гдѣ эти наши женскія дороги? Такъ, молодой самообманъ и вѣра въ призракъ собственнаго воображенія.

— А я вѣрю въ Анну Сергѣевну... Такія женщины не пропадаютъ, а я въ женщинахъ немного знаю толкъ.

Валентина Яковлевна успокоилась настолько, что могла говорить дальше почти спокойно. Что же, всѣ молодые люди одинаковы, всѣ увѣрены, что именно они открыли Америку и что старики мѣшаютъ имъ жить. Конечно, немного обидно, но приходится мириться съ этимъ молодымъ эгоизмомъ. Кстати Валентина Яковлевна припомнила свою бурную молодость и вздохнула. Да, у всякаго наступаетъ день итога...

Эта мирная бесѣда была прервана появившейся въ дверяхъ Анной Сергѣевной. Дѣвушка посмотрѣла испытующе на мать и скрылась.

— Она его ждетъ...—прошептала Валентина Яковлевна, качая головой.— Ахъ, какъ всѣ дѣвушки повторяютъ одна другую... Бѣдная, она такъ страдаетъ... И представьте, мнѣ и его тоже жаль... Вѣдь и онъ тоже мучится... Оба молодые, хочется жить, любить... Я не желала бы быть на его мѣстѣ... Бѣдный мальчикъ! И у него, навѣрное, есть мать, которая заботится, волнуется, боится...

— Ничего, все обойдется помаленьку, Валентина Яковлевна... Время, какъ говорятъ итальянцы, самый справедливый человѣкъ. Молодое горе скоро забывается...

— А *онъ* скоро долженъ быть, Леонидъ Павловичъ...

— Да? Гм... Мнѣ бы не хотѣлось съ нимъ встрѣтиться...

— Это можно устроить... Я васъ проведу въ свой будуаръ, и Нюта не будетъ знать, что вы здѣсь.

— Самое лучшее...

Она вышла посмотрѣть въ гостиную, гдѣ дочь, и сдѣлала Мейчику знакъ слѣдовать за собой. Онъ повиновался и пошелъ за ней такой разбитой, усталой походкой, какъ человѣкъ, выдержавшій бурю...

VI.

Горничная Саша ходила изъ комнаты въ комнату съ своимъ обычнымъ злымъ лицомъ, двигала безъ всякой необходимости мебель, прислушивалась къ тихому разговору, доносившемуся изъ будуара, и улыбалась. Нечего сказать, хороша семейка... Мамаша съ дочкой чуть не въ шею выгнали барина,

чтобы не мѣшалъ. Старуха заперлась съ гостемъ—для Саши было ясно, какъ день, что этотъ гость — старый любовникъ, а дочка ждетъ своего любовника.

— А тотъ и пойдетъ, молодой-то!—соображала про себя Саша.—У молодого-то дороги во всѣ стороны... Давеча, какъ козы, жлутъ звонка. Ха-ха...

Саша изъ любопытства пошла въ комнату барышни, посмотрѣть, какъ эта фитюлька ждетъ милъ-сердечнаго друга. Анна Сергѣевна лежала съ книгой на кушеткѣ и, не отрывая глазъ отъ книги, спросила:

— Гость еще здѣсь?

— Они ушли,—соврала Саша на всякій случай.

Анна Сергѣевна уже переволновалась и даже не шевельнулась, когда въ передней раздался давно ожидаемый звонокъ. О, это, конечно, былъ онъ. Такъ звонить могутъ только сумасшедшіе. Злючка Саша нарочно медлила отворять двери, и звонокъ повторился. Потомъ Анна Сергѣевна слышала, какъ прошла горничная по коридору, какъ она отворяла дверь и какъ отвѣтила что-то на его вопросъ съ своей обычной грубостью. Потомъ она слышала, какъ въ гостиную вышла мать, какъ *онъ* нервно шагалъ по комнатѣ, отвѣчая что-то невпопадъ. Ее тянуло выйти въ гостиную и въ то же время она не могла подняться, какъ раскапризничавшійся ребенокъ. Ей хотѣлось плакать, наговорить кому-то самыхъ обидныхъ вещей и показать, какъ ей все равно.

Въ гостиной происходила оригинальная сцена. Чернолѣсовъ, красивый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести, съ типичнымъ лицомъ, нервно шагалъ по комнатѣ, не понимая, что ему говоритъ хозяйка.

— Владимиръ Ѳедоровичъ, садитесь,—повторяла Валентина Яковлевна уже въ третій разъ.—У васъ такой разстроенный видъ сегодня... Вы больны?

Ей сдѣлалось его жаль. Бѣдняга такъ страдалъ. Чернолѣсовъ наконецъ сѣлъ, провелъ рукой по волосамъ и разсѣянно проговорилъ:

— У меня дурной видъ? Нѣтъ, кажется, ничего... Я немного усталъ. Сегодня пришлось работать почти всю ночь. Леонидъ Павлычъ заваливаетъ работой. Анна Сергѣевна дома?

— Да... Она тоже что-то чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо. Знаете, наше общее женское несчастіе—нервы...

— Анна Сергѣевна больна?

— Нѣтъ, такъ просто... Съ ней это иногда бываетъ. Она сейчасъ выйдетъ...

Валентина Яковлевна подошла къ двери въ коридоръ и крикнула:

— Нюта!.. Да иди же сюда. Владиміръ Ѳедоровичъ пріѣхалъ.

— Я сейчасъ, мама,—послышался отвѣтъ изъ-за двери.

— Она сейчасъ придетъ,—успокаивала Валентина Яковлевна волновавшагося гостя.

— Да, съ ней бываетъ... Я объясняю это глупыми театральными затѣями. Простите, вы тоже принимаете живое участіе въ любительскихъ спектакляхъ. Для Нюты даже успѣхъ является ядомъ.

— Я съ вами могу только согласиться, Валентина Яковлевна... На вашемъ мѣстѣ я просто обратился бы къ своей родительской власти и запретилъ Аннѣ Сергѣевнѣ... да...

— Ахъ, если бы дочери слушали своихъ матерей... Я увѣрена, Владиміръ Ѳедоровичъ, что Нюта скорѣе послушаетъ васъ, какъ человѣка посторонняго и поэтому вполнѣ безпристрастнаго. .

— Посторонняго? Да, да... Что же я ей могу сказать? Ахъ, да, я скажу ей все, все...

При послѣднихъ словахъ онъ схватилъ себя за голову, и Валентина Яковлевна проговорила съ неподдѣльнымъ участіемъ:

— Нѣтъ, вы просто больны... Я сейчасъ принесу вамъ холодной воды.

— Ахъ, ничего не нужно, Валентина Яковлевна. Все пройдетъ... Да... Если бы вы могли только знать, какъ мнѣ сейчасъ тяжело! Ѣду сейчасъ къ вамъ и вижу, идутъ по тротуару старичокъ со старушкой—старенькіе оба и поддерживаютъ другъ друга. И старичокъ славный и старушка славная... Смотрю на нихъ и думаю: вѣдь вотъ прожили же вмѣстѣ старички цѣлую жизнь. Все вмѣстѣ, вездѣ рука объ руку... И все такъ любовно, по-хорошему. Да... И я отъ души позавидовалъ имъ, Валентина Яковлевна.

— Ну, ужъ такія стариковскія мысли какъ будто и не къ лицу вамъ, Владимиръ Ѳедоровичъ... Право, какъ мнѣ кажется, вы не совсѣмъ здоровы.

— Я? Нѣтъ, ничего... Такъ вотъ о старичкахъ... Позавидовалъ я имъ и подумалъ, что вотъ мнѣ такъ не прожить. Какъ вы думаете, Валентина Яковлевна?

— Думаю, что проживете... Только вотъ зачѣмъ вамъ такія мысли въ голову приходятъ? Это нашъ удѣлъ, удѣлъ людей, для которыхъ уже ничего не осталось впереди...

Увлекшись разговоромъ, они не замѣтили, какъ Анна Сергѣевна вошла и остановилась въ дверяхъ.

— Даже страшно дѣлается, когда подумаешь...—продолжала Валентина Яковлевна,—даже страшно, если бы пришлось прожить всю жизнь снова...

— Страшно?—какъ эхо отозвался Чернолѣсовъ.

Анна Сергѣевна слушала этотъ разговоръ съ иронической улыбкой, а потомъ проговорила:

— Маленькая домашняя философія маленькаго домашняго отчаянія... Недурно!

Чернолѣсовъ быстро поднялся, посмотрѣлъ на нее и отвѣтилъ какъ-то всей грудью:

— Да, мы тутъ разговорились по душѣ...

— Вотъ ты, Нюта, привыкла относиться свысока къ моей домашней философіи,—съ легкимъ упрекомъ проговорила Валентина Яковлевна,—да... А вотъ Владимиръ Ѳедоровичъ находитъ возможнымъ даже разговаривать со мной.

— Что же, мама, я могу только позавидовать Владимиру Ѳедоровичу.

Дѣвушка заняла мѣсто на диванѣ, посмотрѣла на гостя вызывающе и проговорила такимъ тономъ, точно заканчивала какой-то прерванный разговоръ:

— А я уже подписала контрактъ, Владимиръ Ѳедоровичъ.

— Нюта, какой контрактъ ты могла подписывать?—удивилась Валентина Яковлевна.

— Значитъ, все уже рѣшено?—перебилъ ее Чернолѣсовъ, поднимаясь.

— Рѣшено и подписано,—отвѣтила Анна Сергѣевна съ улыбкой.—Теперь я почти официальное лицо... Боюсь даже, что буду гордиться не въ мѣру.

— Господа, о чемъ вы говорите?—обиженно спрашивала Валентина Яковлевна, тоже поднимаясь.—Нюта, что это все значитъ?

— Ахъ, мама, потомъ...

— Анна Сергѣевна заключила контрактъ на зимній сезонъ съ какимъ-то провинціальнымъ антрепренеромъ,—объяснилъ Чернолѣсовъ.

— Очень пріятная новость для матери...

— Мама, мы поговоримъ объ этомъ потомъ.

— Благодарю. Господи, до чего я дожила!..

— Мама, если ты хочешь знать, такъ я и не могла ничего объяснить тебѣ ни вчера ни сегодня, потому что ты была въ самомъ невозможномъ настроеніи. Однимъ словомъ, я ни въ чемъ не виновата.

— Какъ всегда, Нюта... До чего я дожила? Сдѣлаться въ собственномъ домѣ какой-то ненужной вещью, чѣмъ-то въ родѣ старой мебели, которую выносятъ въ сарай...

— Мама, ты должна гордиться своей дочерью. Да... Нѣсколько дней тому назадъ я была полное ничто, а сейчасъ я ingénue dramatique. Я буду получать сто рублей жалованья... Пожалуйста, мама, поменьше философіи домашняго отчаянія.

Валентина Яковлевна поднялась съ гордостью оскорбленной королевы и, обращаясь къ Чернолѣсову, проговорила:

— Вотъ поговорите вы съ ней, Владиміръ Ѳедоровичъ... да. А я больше не могу... Нѣтъ моихъ силъ...

Она почти выбѣжала изъ комнаты, прижимая платокъ къ глазамъ. Ее душили рыданія. Чернолѣсовъ показалъ глазами на нее и только покачалъ головой. Дѣвушка попрежнему сидѣла на диванѣ, безстрастная и холодная, съ улыбавшимися глазами. Она давно уже приготовилась къ этой сценѣ и ничему не удивлялась.

Мейчикъ очутился въ настоящей засадѣ. Онъ слышалъ все отъ слова до слова и страшно волновался въ ожиданіи окончательнаго объясненія. Да, онъ теперь переживалъ всю свою грѣшную жизнь и понималъ только одно, что сейчасъ самый рѣшительный моментъ. Выдержитъ она или не выдержитъ? Кажется, онъ еще никогда такъ ея не любилъ, да и никого не любилъ такъ даже приблизительно... И она этого не только не чувствуетъ, но даже и не подозрѣваетъ.

Въ гостиной нѣкоторое время царила самая мучительная пауза, которая потомъ нарушилась шагами Чернолѣсова.

„Господи, да скорѣе же!“—умоляюще подумалъ Мейчикъ, хватаясь въ нѣмомъ отчаяніи за голову.

VII.

Анну Сергѣевну раздражала привычка Чернолѣсова шагать по комнатѣ. Она чувствовала, что у нея скоро закружится голова. Но онъ быстро остановился и рѣзко проговорилъ, точно выстрѣлилъ:

— Итакъ, все рѣшено окончательно и безповоротно?..

— И даже подписано,—въ тонъ отвѣтила она.—Меня удивляетъ только то, что вы находите нужнымъ еще разъ поднимать этотъ вопросъ...

— Да, да, да... Виноватъ.

Онъ сѣлъ въ кресло и заговорилъ другимъ тономъ.

— Знаете, я сижу вотъ съ вами и въ то же время вижу васъ совершенно въ другой обстановкѣ, среди другихъ людей, которыхъ впередъ ненавижу. У меня такое чувство, какъ будто я хороню васъ, нѣтъ, вѣрнѣе—самого себя...

— Оставимте этотъ трагическій тонъ, Владиміръ Ѳедоровичъ, и поговоримте спокойно, какъ хорошіе друзья. Смотрите на меня, какъ я спокойна... Въ жизни и на сценѣ царитъ плаксивая баба, и я не желаю походить на нее. Будьте же и вы мужчиной, настоящимъ мужчиной...

— Спокойно?—засмѣялся Чернолѣсовъ.—Знаете, это самое любимое слово Леонида Павлыча...

— Очень жаль... Кстати, онъ только-что былъ здѣсь. Вы знаете, какъ я ненавижу этого человѣка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу не уважать. Въ немъ чувствуется настоящая мужская сила, какъ у всякаго животнаго хорошей породы. Развѣ Леонидъ Павлычъ когда-нибудь помирился бы на философіи домашняго отчаянія и кисленькой поэзіи маленькихъ комнатъ? Отъ жизни нужно брать все, что можно взять...

— Примѣръ недуренъ, Анна Сергѣевна,—засмѣялся Чернолѣсовъ.—Да... И философія хищничества тоже. Но это все равно...

Онъ поднялся и опять сѣлъ.

— Когда я ѣхалъ сюда, Анна Сергѣевна, сколько мучительно-хорошихъ мыслей кипѣло у меня въ головѣ, сколько хорошихъ словъ... Я везъ съ собой цѣлую бурю, а сейчасъ чувствую одинъ холодъ. Я боюсь сказать, что ошибался въ васъ...

Она придвинулась къ нему совсѣмъ близко, взяла за руку и заговорила такимъ тономъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми.

— Вы правы, то-есть сейчасъ... Я, дѣйствительно, не то, что вы думали обо мнѣ и что думала о себѣ я сама. Бываютъ такія роковыя ошибки... Единственнымъ утѣшеніемъ можетъ служить только то, что вѣдь и вы не тотъ, какимъ себя считаете. А я могу предсказать вамъ вашу судьбу, какъ цыганка. Слушайте... Сейчасъ вы негодуете на меня и, какъ всѣ негодующіе люди, дѣлаетесь несправедливымъ. Такъ? Потомъ вамъ будетъ нѣкоторое время скучно... да? Но есть одно великое слово, которое васъ утѣшитъ—*пока*. Вѣдь все это временно, пока: *пока* я служу въ провинціи, *пока* вы устроитесь здѣсь окончательно... да? Сейчасъ мы вмѣстѣ представляемъ нуль, и если бы мы сошлись окончательно, то въ результатѣ получилось бы то же самое, что я слышу вотъ въ этихъ стѣнахъ каждый день: „Ты мнѣ испортила всю жизнь!“—„Нѣтъ, это ты мнѣ испортилъ все!“... Жалкія семейныя сцены, всѣ прелести приличной бѣдности... Вы стали бы уходить изъ дому подъ разными предлогами... Потомъ утѣшеніе водкой... Явилась бы и она въ роли утѣшительницы... О, все это такъ обыкновенно!..

Онъ вскочилъ, выдернулъ руку и зашагалъ по комнатѣ, какъ тяжело раненый звѣрь. Она слѣдила за нимъ глазами и продолжала:

— Самое важное въ жизни—не обманывать себя... Это лучшая гарантія отъ всякихъ ошибокъ. И все это, что я сейчасъ говорю, должны были бы говорить вы мнѣ, а не я.

— Ахъ, не то, совсѣмъ не то...—какъ-то застоналъ онъ, останавливаясь.—Я что-то плохо понимаю, что дѣлается кругомъ меня и что я самъ дѣлаю. Важно одно—вы говорите все это вполнѣ искренно?

— О, конечно! Прослужу зимній сезонъ въ провинціи и весной вернусь опять въ Петербургъ... Вѣдь разстояніе и время—понятія отвлеченныя, которыя сами по себѣ еще не могутъ сдѣлать людей счастливыми или несчастными.

— Послушайте, Анна Сергѣевна... Я... я пришелъ сказать вамъ въ послѣдній разъ: оставайтесь.

Она поднялась и проговорила довольно сухо:

— Какъ я вижу, нашему разговору не будетъ конца... Вѣдь я не навсегда уѣзжаю... вернусь... Вы не обидитесь, Владиміръ Ѳедоровичъ?

Она съ трудомъ перевела духъ и прибавила:

— Послѣзавтра я уѣзжаю... Необходимо все приготовить... наконецъ мнѣ поздоровится сегодня...

— Другими словами, вы меня гоните?..

— Да, вѣдь мы же увидимся, переговоримъ. А только сейчасъ...

Она стояла поблѣднѣвшая и улыбавшаяся нехорошей улыбкой. Еще моментъ, и она бы разрыдалась.

— Виноватъ...—пробормоталъ Чернолѣсовъ.—Ахъ, эти женскіе нервы!..

Она вдругъ выпрямилась, схватилась за ручку кресла и проговорила задыхавшимся голосомъ:

— Да уходите же вы, ради Бога!.. Вы меня измучили. Понимаете: измучили и надоѣли. Постылый вы человѣкъ и больше ничего! Теперь довольны? Ха-ха... Никогда я васъ не любила и сейчасъ не люблю. Мало вамъ и этого? Пора же кончать эту жалкую комедію... уходите...

Чернолѣсовъ совершенно растерялся, протянулъ впередъ руки, точно искалъ какой-то невѣдомой поддержки, и страшно поблѣднѣлъ. У него тряслись губы, когда онъ собрался наконецъ отвѣтить, подбирая слова и сдерживая дрожавшій голосъ.

— Я... я не зналъ... я не подозрѣвалъ, что вы способны на такія комедіи... вѣрилъ вамъ... да... Наконецъ я уважалъ васъ, а вы...

— Ну, договаривайте... Ахъ, Боже мой! Не будьте тряпкой и кисляйной... Ну, что я такое? Дрянь, комедіантка, ломушка, дрянная женщина?

Онъ посмотрѣлъ на нее въ упоръ и проговорилъ всего одно слово:

— Да!..

Затѣмъ онъ повернулся и, пошатываясь, какъ пьяный, пошелъ въ переднюю. Въ дверяхъ онъ остановился и, держась за косякъ, прибавилъ, точно желалъ избавиться отъ какой-то непосильной ноши:

— И самое страшное—благодать забвенія. Вотъ я ухожу отъ васъ навсегда и въ состояніи думать, что забуду васъ... И все-таки...

Онъ не договорилъ, махнулъ рукой и бросился быстро надѣвать свое пальто съ такой торопливостью, точно спасался отъ какой-то погони. Всего труднѣе было попасть въ калоши. Шляпу онъ надѣлъ уже на лѣстницѣ.

Она стояла все время на одномъ мѣстѣ, чутко прислушиваясь къ каждому звуку. Когда дверь захлопнулась, она схватилась за грудь и крикнула:

— Володя... Володя, вернись! Милый...

Она бросилась къ передней, прислушалась,—все было тихо.

— Нѣтъ, онъ вернется!.. Володя...

Она вернулась въ гостиную, подбѣжала къ окну и въ какомъ-то ужасѣ всплеснула руками.

— Онъ переходитъ черезъ дорогу... Ахъ, что же это такое? Володя, милый, вернись...

Она стучала въ окно, но онъ ни разу не оглянулся. Ея руки опустились, въ головѣ что-то звенѣло.

— Все кончено...—бормотала она, останавливаясь посреди комнаты.—Все... И какъ было немного нужно... Комедіантка... жалкая комедіантка!.. Володя, гдѣ ты? Что со мной? Отчего темно кругомъ?

Когда въ гостиной раздался истерическій хохотъ, Мейчикъ вышелъ осторожно изъ будуара, взялъ ее за талію и повелъ къ креслу.

— Прежде всего садитесь, Анна Сергѣевна...

— Верните его... слышите?—крикнула она, не узнавая его.—Ахъ, что

я надѣлала... Вѣдь онъ хорошій... Пустите меня. Позвольте, а вамъ что отъ меня нужно?

— Я вашъ лучшій другъ, а съ друзьями такъ нельзя говорить. Хорошо то, только то, что хорошо кончается...

Она съ удивленіемъ смотритъ на него, а потомъ прислоняется головой къ его плечу.

— Вы—лучшій другъ? Вотъ сейчасъ... здѣсь... Зачѣмъ онъ повѣрилъ моему безумію? Зачѣмъ онъ ушелъ?

— Онъ вернется... въ свое время.

— Вернется? Нѣтъ, вы обманываете меня...

Она опять плакала и смѣялась и старалась подняться. Онъ что-то говорилъ ей, ласково и убѣдительно, но она не понимала словъ. Нѣсколько разъ она схватывала его за руку и начинала умолять.

— Идите за нимъ... верните... О, ради всего святого!... Леонидъ Павлычъ, у васъ была мать... она ласкала васъ, когда вы были ребенкомъ... Ради этой святой памяти, сдѣлайте то, о чемъ я васъ прошу...

— О, непремѣнно!.. Вѣдь я буду его видѣть каждый день... Мы будемъ говорить о васъ, вспоминать...

— Да, да... Онъ такой хорошій... берегите его... Я сейчасъ говорила ему какія-то безумныя слова, и онъ мнѣ повѣрилъ... Нѣтъ, онъ меня не любитъ! Любящій человѣкъ понялъ бы все сердцемъ... Зачѣмъ онъ ушелъ? Вѣдь это вся жизнь...

— Дорогая, успокойтесь...

Валентина Яковлевна, подслушавшая всю эту сцену въ коридорѣ, рѣшилась наконецъ войти. Дѣвушка бросилась къ ней на шею и съ плачемъ повторяла:

— Мама, мама... это въ первый и послѣдній разъ въ моей жизни! Всего одна минута слабости... Леонидъ Павлычъ, вѣдь все пройдетъ? Да? И забудется... да?

— О, совершенно...

Валентина Яковлевна цѣловала дочь въ голову и говорила со слезами на глазахъ:

— Бѣдное мое дитя...

VIII.

Мейчикъ понялъ, что ему больше нечего здѣсь дѣлать, простился молча съ дамами и на цыпочкахъ пошелъ въ переднюю, какъ докторъ, который боится нарушить благодѣтельный сонъ выздоравливающаго больного. Когда онъ выходилъ, то на площадкѣ носомъ къ носу столкнулся съ Сергѣемъ Иванычемъ. Они не подали другъ другу руки и разошлись.

— Да...—бормоталъ Сергѣй Иванычъ, провожая гостя глазами до нижней площадки лѣстницы.—Да, дѣйствительно...

Онъ какъ-то особенно долго раздѣвался въ передней, что-то бормоталъ себѣ подъ носъ и наконецъ вошелъ въ гостиную, напрасно стараясь сохранить равновѣсіе. Валентина Яковлевна была одна и съ ужасомъ смотрѣла на него.

— Валечка, я... то-есть сейчасъ отъ Доминика... да. Наконецъ я устроился... Познакомился съ однимъ милліонеромъ, по фамиліи Гордзевичъ... да... то-есть онъ будетъ милліонеромъ, когда у него умретъ двоюродная тетка со стороны матери...

— Вы... вы пьяны, какъ сапожникъ?!—въ ужасѣ проговорила Валентина Яковлевна, отступая.—И это мой мужъ? Отецъ семейства?!..

— Валечка, я... то-есть я такъ, вообще, а вся сила въ теткѣ... да...

Валентина Яковлевна бросилась къ нему, схватила за плечи и принялась выталкивать въ дверь.

— Вонъ! Сейчасъ же вонъ... Не показывайтесь мнѣ никогда на глаза, несчастный человѣкъ!..

— Что же, я... то-есть я уйду...—виновато соглашался Сергѣй Иванычъ, хватаясь одной рукой за косякъ двери.—И уйду... Ты меня гонишь, Валечка?

— Вонъ... вонъ... вонъ!..—визгливо крикнула Валентина Яковлевна, напрасно стараясь оторвать его руку отъ косяка.

— Одну минутку, всего одну минутку...—бормоталъ Сергѣй Ивановичъ, безсильно опускаясь на стулъ около двери.—Да, минутку... Я сейчасъ встрѣтилъ *его*... Что же, дѣло прошлое. Да... Потомъ видѣлъ женщину, которая цѣлую жизнь обманывала мужа... И она всю жизнь думала, Валечка, что онъ ничего не замѣчаетъ... А онъ все видѣлъ и... то-есть страдалъ... да. Ахъ, какъ онъ мучился... Ему такъ было больно, за нее больно... Вѣдь это ужасно обманывать...

— Что ты говоришь, несчастный!—шопотомъ заговорила Валентина Яковлевна, напрасно стараясь закрыть ему ротъ рукой.—Опомнись. Я позову сейчасъ швейцара...

— Сейчасъ... уйду... Что я хотѣлъ сказать? Ахъ, да... Вѣдь я никого не обвиняю, Валечка... Мужчина, котораго обманываетъ женщина, только смѣшонъ... А другой мужчина, который обманываетъ—герой... Онъ сейчасъ бѣжалъ по лѣстницѣ... А мнѣ жаль... Она больше уже не можетъ обманывать, потому что никому больше не нужна...

Валентина Яковлевна оглянулась—въ гостиной стояла Анна Сергѣевна. Она что-то хотѣла сказать, крикнуть, но только махнула рукой и повалилась прямо на полъ. Это былъ настоящій обморокъ...

1897.

ДУРНУШКА.

I.

Это началось еще въ Севастополѣ, когда Аркадій Ефимычъ Паутовъ сдѣлался какъ-то особенно внимателенъ къ дочери. Ирочка съ удивленіемъ посмотрѣла на него своими сѣрыми строгими глазами еще за обѣдомъ у Киста.

— Ирочка, ты, кажется, имѣешь что-то мнѣ сказать?—спрашивалъ Паутовъ, вытирая вспотѣвшее красное лицо.

— Ничего особеннаго... Впрочемъ, если хочешь, могу и сказать. Мнѣ всю дорогу кажется, что ты меня принимаешь за кого-то другого и не можешь попасть въ свой обыкновенный тонъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее улыбавшимися глазами и съ сухимъ смѣшкомъ прибавилъ:

— Это происходитъ, во-первыхъ, потому, что ты уже большая. Да, совсѣмъ большая...

— Кажется, это нетрудно было замѣтить, по меньшей мѣрѣ, года три-четыре назадъ.

— Представь себѣ, что мнѣ просто было некогда...

Они оба разсмѣялись, причемъ она сейчасъ же сдержала улыбку,—всякое проявленіе веселья дѣлало ее некрасивой. О, какъ она хорошо это знала и даже сейчасъ по выраженію отцовскихъ глазъ чувствовала, что ему ее немного жаль, а это ее бѣсило всегда и дѣлало еще болѣе некрасивой.

Обѣдъ, какъ всегда, былъ самый изысканный, а сейчасъ даже съ „этнографическимъ оттѣнкомъ“, какъ пошутилъ Паутовъ, заказывая къ обѣду севастопольскую султанку. Онъ любилъ поѣсть, причемъ лицо принимало какое-то отупѣлое выраженіе и большія жирныя уши начинали шевелиться. Ирочка вообще не любила отца, а въ такіе моменты не любила въ особенности. Паутовъ это зналъ, но сегодня нарочно тянулъ обѣдъ, чтобы помучить дочь,—она не пожелала ѣхать дальше на пароходѣ, и впереди предстояла надоѣвшая ему дорога въ экипажѣ и, главное, безсонная ночь, благодаря пустой женской прихоти видѣть восходъ солнца въ Байдарскихъ Воротахъ. Конечно, это была чисто-женская прихоть, капризъ, хотя, съ другой стороны, Паутовъ начиналъ смутно чувствовать какую-то отвѣтственность вотъ передъ этой дурнушкой-дочерью, которую ужъ никто не будетъ баловать, кромѣ отца (капризы и прихоти прощаются только хорошенькимъ женщинамъ). Между отцомъ и дочерью съ какой-то особенной быстротой установилось взаимное пониманіе, то пониманіе, которое не нуждается въ словахъ. Отецъ и дочь присматривались другъ къ другу, какъ дальніе родственники, которые видятся въ первый разъ и которымъ хочется узнать другъ друга.

Несмотря на вторую половину сентября, стояла совершенно лѣтняя жара, и Паутовъ нѣсколько разъ принимался пить воду съ льдомъ. Ирочка едва дождалась, когда кончится этотъ безконечный обѣдъ, и съ вызывающимъ видомъ заявила:

— Теперь, папа, мы можемъ ѣхать...

— Ѣхать?!..—взмолился Паутовъ.—Въ такую жару?

— Если ты не хочешь, я поѣду одна, папа.

— Одна, въ Байдары?

— Нѣтъ, пока на Малаховъ курганъ...

— Окончательно ничего не понимаю! Если бы ты была офицеромъ или, по меньшей мѣрѣ, дочерью боевого генерала, то...

— Я патріотка.

Уговоры ни къ чему не повели. Ирочка настояла на своемъ. Паутовъ страдалъ одышкой, а тутъ еще послѣ обѣда тащиться по такой жарѣ. Но настойчивость Ирочки ему даже понравилась.

Когда они вышли изъ ресторана, къ подъѣзду весело подкатило нѣсколько экипажей съ крымскими туристами. По привычкѣ Паутовъ осмотрѣлъ съ ногъ до головы двухъ красивыхъ молодыхъ дамъ и какъ-то вдругъ почувствовалъ себя старымъ. Да, вотъ и одышка, и просѣдь, и вставные зубы, и всѣ прелести начинающагося почтеннаго возраста. Вдобавокъ онъ поймалъ наблюдавшій его насмѣшливый взглядъ Ирочки и, точно оправдываясь, отвѣтилъ на ея тайную мысль:

— Что же дѣлать, состарился... да!..

Ирочка знала, что отецъ въ свое время пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ, бросалъ много на нихъ денегъ, а сейчасъ сохранилъ только дурную привычку говорить о нихъ съ покровительствующимъ цинизмомъ и оглядывать съ ногъ до головы съ какой-то усталой наглостью.

Они взяли коляску и отправились на ту сторону бухты. Въ воздухѣ столбомъ стояла удушливая известковая пыль; отъ накалившихся каменныхъ стѣнъ такъ и обдавало сухимъ зноемъ. Паутовъ смотрѣлъ какими-то безнадежными глазами кругомъ и обмахивалъ красное вспотѣвшее лицо платкомъ.

— Откуда у тебя, Ира, это мучительство? — заговорилъ онъ наконецъ, сдерживая раздраженіе.—Я по натурѣ совсѣмъ не злой человѣкъ, твоя мать— тоже... да. Я знаю, что тебѣ совсѣмъ не нуженъ Малаховъ курганъ, а мучить меня доставляетъ удовольствіе.

— Я хочу сдѣлать изъ тебя патріота и разбудить въ тебѣ гражданскую скорбь... Вообще необходимо тебѣ подтянуться. Что касается моей злости, то она понятна сама собой; я уже на роковой границѣ, за которой начинается стародѣвчество.

— Сама виновата... Развѣ было мало у тебя жениховъ? Нынѣшнимъ дѣвушкамъ подавай непремѣнно героя...

— Да, именно... Юридически это называется покушеніемъ съ негодными средствами,—я говорю о себѣ, а не о другихъ.

— А ты все-таки не злись. Это некрасиво...

Ирочка вдругъ покраснѣла, точно кто ударилъ ее по лицу. Отецъ попалъ въ самое больное мѣсто и сдѣлалъ это сознательно, потому что самъ злился.

Они молча поднялись въ гору, миновали предмѣстье и молча остановились у подножія кургана. Паутову опять стало жаль дочь, которую онъ напрасно обидѣлъ. Бѣдняжка, она была неизлѣчимо больна своей некрасивостью, и онъ еще разъ какъ-то смутно почувствовалъ себя виноватымъ передъ ней.

Когда они поднимались по крутой тропинкѣ къ домику сторожа, Паутовъ останавливался разъ десять, чтобы перевести духъ. Ирочка шла впереди легко и граціозно. У ней была стройная и красивая фигура и красивыя, немного кошачьи движенія. Паутовъ даже полюбовался издали, тѣмъ болѣе, что Ирочка не оборачивалась къ нему.

„Бѣдная дѣвочка...—думалъ грѣшный отецъ.—И хорошая. Право, совсѣмъ хорошая... Ахъ, если бы только не это несчастное лицо!..“

Ирочка остановилась у домика сторожа, поговорила со старикомъ и по его указанію одна прошла къ памятнику Корнилова. Она только теперь оглянулась на городъ, поражавшій контрастомъ свѣтовыхъ эффектовъ: эти чудныя бухты цвѣта эмали стариннаго фаянса и рядомъ берега какого-то безнадежнаго, казеннаго желтаго цвѣта, усѣяннаго карточными домиками. Стоявшіе въ бухтѣ броненосцы казались съ этой высоты игрушечными. А кругомъ вся зелень была выжжена, что̀ ужъ совсѣмъ не гармонировало съ лѣтнимъ жаромъ и живой, фосфорической синевой чуднаго моря. Получалось какое-то выставочное впечатлѣніе, когда зритель старается насильно вызвать иллюзію жизни. Ирочкѣ такъ и казалось, что она смотритъ въ какой-то гигантскій стереоскопъ, гдѣ на раскраску рисунковъ не пожалѣли матеріала и особенно постарались для моря, которое на горизонтѣ отъ наляпанной краски превращалось въ черное.

— И все-таки хорошо...—проговорила Ирочка, резюмируя общее впечатлѣніе, когда подошелъ отецъ.—Не правда ли?

— Да, да...

Онъ обрадовался, что она говоритъ такъ спокойно, и принялся торопливо разсказывать разные эпизоды изъ исторіи этой „русской Голгоѳы“, на которой они сейчасъ стояли. Да, война, конечно, колоссальная безсмыслица, но она родитъ героевъ. Вотъ, можетъ-быть, этотъ Малаховъ курганъ является въ русской исторіи благодѣтельнымъ поворотнымъ пунктомъ, который еще до сихъ поръ не оцѣненъ по достоинству. Да, вонъ тамъ, гдѣ развалины древняго Херсонеса, русскій народъ крестился водой, а здѣсь, на Малаховомъ, было крещеніе огнемъ.

— Не довольно ли гражданскихъ мотивовъ, папа? — остановила его Ирочка съ улыбкой.—Впрочемъ, я не мѣшаю...

Паутовъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на дочь,—она говорила совсѣмъ другимъ тономъ, тономъ усмиреннаго, успокоившагося человѣка. Спускаясь съ кургана, Ирочка замѣтила:

— А какъ хорошо, папа...

— Да, да... Природа—это все,—отвѣтилъ онъ, понимая охватившее ее настроеніе.—Природа прежде всего справедлива...

Съ послѣднимъ Ирочка не могла согласиться при всемъ желаніи, и ея плечи сдѣлали нетерпѣливое движеніе.

II.

Изъ Севастополя они выѣхали подъ вечеръ, когда спалъ дневной зной. Паутовъ даже былъ доволенъ, что согласился ѣхать въ экипажѣ, тѣмъ болѣе, что такое путешествіе, видимо, доставляетъ удовольствіе дочери. Она нѣсколько разъ оглядывалась на Севастополь, на Малаховъ курганъ, на новый соборъ въ Херсонесѣ, точно стараясь припомнить что-то хорошее. Синяя эмаль моря скрылась за выжженными солнцемъ бурыми холмами, и ей не нравилась эта пыливша лента шоссе, особенно когда попадались встрѣчные экипажи.

Паутовъ чувствовалъ потребность вздремнуть и, чтобы не поддаться этой слабости, разсказывалъ что-то объ исторіи Херсонеса, потомъ исторію послѣдняго штурма Малахова кургана, потомъ заговорилъ ни съ того ни съ сего о геологическомъ строеніи Крымскаго полуострова и кончилъ общими геологическими картинами въ связи съ нарастаніемъ органическихъ формъ.

— Спачала появились растенія и животныя низшихъ порядковъ... да. Растенія безцвѣтковыя: водоросли, хвощи, папоротники... Животныя безпозвоночныя... да. Рыбы появились только въ силурійскую эпоху, гады—въ тріасовую, птицы и млекопитающія—въ юрскую и мѣловую, а человѣкоподобныя формы—въ третичную.

— Какъ это трогательно, папа!

— А... что?..

— Я говорю: трогательно. Господинъ человѣкъ, вѣроятно, изъ вѣжливости явился на пиръ природы послѣднимъ... Это великодушно, какъ появленіе генерала на бѣдной свадьбѣ.

Вечеръ былъ чудный, настоящій лѣтній. Иллюзію портили только выжженныя солнцемъ поля. Впрочемъ, за Балаклавой все измѣнилось, а Байдарскую долину они проѣхали ночью, при фосфорическомъ лунномъ освѣщеніи. Чудныя зеленыя горы сошлись здѣсь дружной семьей, изъ овраговъ поднимался туманъ, говорившій о существованіи невидимыхъ съ высоты горныхъ рѣчекъ. А какія фантастическія кручи выступали на каждомъ шагу, точно горы сознательно старались загородить путь. И чѣмъ дальше, тѣмъ эти кручи выше. Чувствовалось приближеніе главнаго горнаго массива. Ирочка невольно залюбовалась этими картинами. Ей казалось, что она такая маленькая-маленькая, совсѣмъ ребенокъ, когда ей всѣ говорили, что нужно быть доброй, всѣхъ любить, не обманывать, учиться—много учиться. Она любила сидѣть у отца на колѣняхъ и слушать, какъ онъ разсказываетъ что-нибудь. Вѣдь папа зналъ рѣшительно все на свѣтѣ, и только онъ одинъ умѣлъ отвѣтить на каждый ея дѣтскій вопросъ вполнѣ опредѣленно, ясно и убѣдительно. Да, тогда было хорошо, и Ирочка старалась быть доброй, любящей, справедливой и трудолюбивой. Сейчасъ она даже закрывала глаза, чтобы рельефнѣе вызвать эти счастливыя иллюзіи дѣтства, и по ассоціаціи идей, неожиданно для самой себя, проговорила:

— Папа, а ты помнишь, какъ мы съ тобой ѣхали вотъ по этой дорогѣ въ послѣдній разъ?

— Да, да... Тебѣ тогда было одиннадцать лѣтъ. Очень хорошо помню...

— Ты тогда говорилъ мнѣ о святой наукѣ, о счастьѣ труда—я не умѣю по-русски это сказать—о добрѣ, красотѣ, даже о добродѣтели. О, я все помню, что ты говорилъ, потому что вѣрила тебѣ и, выражаясь образно, цѣплялась слабыми дѣтскими ручонками за каждое твое слово. Папа, зачѣмъ ты меня обманывалъ?

Послѣднюю фразу она проговорила совсѣмъ тихо, сдерживая подступившія къ горлу слезы.

— Ирочка, ты предлагаешь такой вопросъ, на какой не отвѣтитъ тебѣ ни одинъ мудрецъ. Если хочешь знать, такъ я никогда не обманываю, а если дѣлаю исключенія, то только для собственной особы...

— Ахъ, папа, папа, совсѣмъ не то... Зачѣмъ ты обманываешь вообще? Ты такъ къ этому привыкъ, что даже не замѣчаешь обмана. И представь себѣ мой ужасъ, когда я въ самой себѣ нахожу, какъ первородный грѣхъ, именно эту же фальшь, какъ у тебя... Да, я тоже фальшивая, съ той разницей,

что твоя фальшь съ оттѣнкомъ хищничества, а у меня она превратилась въ притворство маленькой, озлобленной, безсильной звѣрушки...

Это была минутная вспышка, смѣнившаяся чувствомъ усталости. Ирочка откинулась въ уголъ коляски и замолчала. А кругомъ все тѣснѣе сходились горы, раздѣлявшія ихъ темныя пропасти дѣлались глубже, дорога съ каждымъ шагомъ смѣлѣе. Мерцающая бѣлесоватая мгла придавала выдвигавшимся контурамъ фантастическій характеръ—тутъ были и углы башенъ, и развалины грозныхъ бойницъ, и остатки стѣнъ, а на нихъ неподвижно сидѣли какія-то скорченныя фигуры, точно окаменѣвшія отъ горя. Недоставало дымка отъ выстрѣла, громкаго побѣднаго окрика, призывнаго клика трубы... За каждымъ выступомъ скалы прятался кто-то, полный страха и жажды крови, каждое деревцо и каждый кустъ грозили измѣной и смертью. Ирочка невольно вспомнила опять Севастополь и Малаховъ курганъ, гдѣ призраки смерти и разрушенія бродили при дневномъ свѣтѣ. Сколько ненужной крови, озлобленія и ненужныхъ страданій, а ей еще сегодня днемъ нравилась мысль о войнѣ, и она хотѣла видѣть своими глазами мѣсто, гдѣ она происходила. Мысли ночью, какъ ночныя птицы, являлись и исчезали совершенно неожиданно.

— Папа, ты меня любишь?

— Странный вопросъ...

— А я тебя не люблю... Ты этимъ не огорчайся.

— Что же дѣлать, силой милому не быть...

— Я тебя сознательно не люблю, папа, потому что... потому что... Однимъ словомъ, если бы у меня былъ другой папа, и я была бы другая.

— Да? Жаль, что не могу сказать наоборотъ. У меня нѣтъ даже этого оправданія.

Молчаніе. Топотъ конскихъ копытъ ночью сильнѣе, а лѣсъ точно все ближе и ближе подступаетъ къ дорогѣ. Гдѣ-то въ сторонѣ, на днѣ глубокой долины, мелькнулъ красной расплывшейся точкой огонекъ. Кто тамъ живетъ? Счастливая или несчастная рука зажгла этотъ огонекъ? Дорога идетъ подъ гору, дѣлаетъ крутой поворотъ, и огонекъ показывается съ другой стороны, точно онъ перебѣжалъ черезъ дорогу. Навстрѣчу попадается экипажъ, лошади фыркаютъ, изъ экипажа смотрятъ двѣ головы. Счастливы они или нѣтъ? Куда они ѣдутъ? Гдѣ и кто ихъ ждетъ? Дорога спускается все ниже. Замелькали огоньки неизвѣстной деревушки, послышался собачій лай, въ освѣщенныхъ окнахъ замелькали колебавшіяся тѣни, точно кто танцовалъ. Ямщикъ осаживаетъ лошадей.

— Здѣсь, баринъ, ночевать можно...

— Нѣтъ, ступай къ самымъ Воротамъ.

Лошади, кажется, были согласны больше съ ямщикомъ и тронулись дальше лѣнивой собачьей рысцой. Паутовъ напрасно старается сдержать сонную зѣвоту. Ему деревня напомнила то грустное молодое время, когда онъ былъ бѣденъ, какъ церковная мышь. А сколько было смѣлыхъ замысловъ, молодой дерзости и полнѣйшаго непониманія жизни. Онъ даже не могъ назвать себя разочарованнымъ, потому что слишкомъ рано потерялъ всякую вѣру и въ другихъ и въ себя. Опьяненный первыми успѣхами, онъ плылъ по теченію вмѣстѣ съ другими. Въ минуты ожирѣлой тоски онъ все-таки любилъ вспоминать о своей голодной юности, а сейчасъ вспоминалъ о ней потому, что явилось какое-то смутное предчувствіе „начала конца“. Еще передъ отъѣздомъ изъ Петербурга онъ заѣхалъ къ одному знакомому, котораго только-что разбилъ параличъ. И не старый человѣкъ, даже, пожалуй, моложе его — и

вдругъ ничего, т.-е. нѣтъ человѣка, а остался какой-то медицинскій препаратъ, жертва науки, жалкіе лохмотья человѣка.

И сейчасъ Паутова охватилъ безпричинный страхъ смерти. Онъ уже видѣлъ себя въ гробу, видѣлъ заплаканное лицо Ирочки, трауръ, фальшивое соболѣзнованіе друзей, и ему вдругъ сдѣлалось ужасно жаль самого себя. Да, Аркадія Ефимыча Паутова не стало, Аркадій Ефимычъ Паутовъ похороненъ, и благодарное потомство успѣетъ его забыть черезъ нѣсколько дней, точно Аркадія Ефимыча Паутова никогда и на свѣтѣ не существовало. А вотъ эти горы останутся такими же, по этому шоссе поѣдутъ другіе живые люди, ихъ будетъ освѣщать такая же луна и...

— Ирочка...—проговорилъ онъ глухимъ голосомъ и взялъ дѣвушку за руку. — Ирочка, а вѣдь насъ ждутъ, какъ ты думаешь?

— Насъ? Ждутъ?

Дѣвушка тихо засмѣялась. Ихъ ждутъ? Папа сегодня первничаетъ, какъ старая дѣва. Паутовъ даже съежился отъ этого смѣха и проговорилъ такимъ тономъ, какимъ говорилъ съ Ирочкой, когда она была совсѣмъ маленькой дѣвочкой:

— Ты совсѣмъ не любишь мать, а это нехорошо. Да, нехорошо...

Ирочка опять засмѣялась, и Паутовъ готовъ былъ серьезно разсердиться, но какъ разъ именно въ этотъ моментъ припомнилъ одно обстоятельство и проговорилъ тономъ, требовавшимъ немедленнаго сочувствія:

— А вѣдь я про муль-то забылъ совсѣмъ!..

— Про какую „муль“, папа?

— А такая есть ракушка... да. Какъ это у меня изъ головы выпало давеча въ Севастополѣ?.. Ну, все равно, въ Ялтѣ поѣмъ...

III.

Къ Байдарскимъ Воротамъ они пріѣхали около часа ночи. До разсвѣта оставалось еще часа четыре. Въ маленькомъ домикѣ, гдѣ останавливаются проѣзжающіе въ ожиданіи восхода солнца, публики набралось достаточно, а экипажи все подъѣзжали. Маленькія комнаты-номера были уже всѣ заняты, и Паутовъ страшно горячился, оставшись на улицѣ. Кромѣ этого, у него явился аппетитъ, а кромѣ яицъ и соленыхъ огурцовъ, здѣсь ничего нельзя было достать. Онъ ходилъ около своей коляски и громко негодовалъ.

— Что же это такое? Да... Развѣ возможно что-нибудь подобное въ Европѣ? Вотъ она, святая родина... Напримѣръ, въ Швейцаріи — тамъ великолѣпный отель для желающихъ полюбоваться восходомъ солнца съ Риги-Кульмъ. Да... А здѣсь? Вотъ оно, любезное отечество...

Чтобы сорвать свое негодованіе на комъ-нибудь, Паутовъ отправлялся въ негостепріимный домикъ, вызывалъ арендатора номеровъ и начиналъ его распекать.

— Нѣтъ свободныхъ номеровъ? Ни одного? Что же, прикажете мнѣ ночевать подъ открытымъ небомъ? А если бы у меня была чахотка въ послѣднемъ градусѣ?

— Всѣ номера заняты-съ... — оправдывался арендаторъ и дѣлалъ такое движеніе всѣмъ тѣломъ, какъ будто желалъ для удовлетворенія гг. проѣзжающихъ вылѣзти изъ собственной кожи. — Вотъ вчера половина номеровъ стояла пустая-съ.

— Но вѣдь согласитесь, это безобразіе? Да?

— Какъ вамъ будетъ угодно-съ...

— Кромѣ яицъ, ничего? Это ужъ... это... это...

Задыхаясь отъ справедливаго негодованія, онъ обратился къ собравшейся на шумъ публикѣ и въ самыхъ краснорѣчивыхъ словахъ описалъ, какую чудную куропатку ему подали на Риги передъ самымъ восходомъ солнца, потомъ кусокъ козы, потомъ чуднаго швейцарскаго (да-съ, настоящаго!) сыра, потомъ полбутылки краснаго вина. Увлекшись, Паутовъ поцѣловалъ кончики сложенныхъ горсточкой пальцевъ и, подмигнувъ, прибавилъ:

— Признаться сказать, я изъ-за этихъ прелестей опоздалъ — выхожу изъ отеля, а солнце уже поднялось.

Ирочка все время оставалась въ экипажѣ и отнеслась къ родительскому негодованію съ самымъ обиднымъ равнодушіемъ. Когда Паутовъ вышелъ изъ-подъ негостепріимной кровли, въ экипажѣ никого не было, и кучеръ сказалъ:

— Барышня приказала сказать, что ушли къ Воротамъ...

Этого еще недоставало! Вѣдь можно было подремать въ экипажѣ... А если взять подушку и пледъ и устроиться на ночь на самыхъ Воротахъ — оригинальный ночлегъ. Однако Ирочка, кажется, нервничаетъ. Паутовъ отправился къ Воротамъ и нашелъ дочь сидѣвшей на каменной ступенькѣ лѣстницы, по которой поднимались на верхнюю площадку Воротъ.

— Ты что тутъ дѣлаешь?

— Какъ видишь, сижу и наслаждаюсь природой... А тебѣ еще не надоѣло изливать свое негодованіе?

— Помилуй, да вѣдь это безобразіе... варварство... Я ѣду на модный курортъ, и вдругъ... Остается одно — бѣжать изъ милаго отечества, куда глаза глядятъ. Да, бѣжать, потому что homo sum — nihil humanum alienum puto.

— Великолѣпно, папа! — разсмѣялась Ирочка невольно. — У тебя трагическій талантъ, только недостаетъ жестовъ — суешь впередъ одной рукой, точно мужикъ, который щупаетъ возъ съ сѣномъ. А между прочимъ, ты напрасно волнуешься. Одну ночь можно и не поспать. Будемъ любоваться природой...

— Что же, я непрочь, — уныло согласился Паутовъ, зѣвая.

Они поднялись на верхнюю площадку воротъ. Моря не было видно, оно точно подернулось флеромъ. Не видно было и пропасти, начинавшейся прямо отъ Воротъ. Небо продолжало оставаться чистымъ, хотя на лицѣ получалось такое ощущеніе, точно на него садилась самая тонкая паутина — это поднимался туманъ. Паутовъ невольно съежился, хотя ночь была совершенно теплая, — такихъ ночей въ средней Россіи не бываетъ даже въ самый разгаръ лѣта.

Ирочка присѣла на парапетъ и молча смотрѣла въ закутанную туманомъ, сбѣгавшую къ морю каменистыми кручами бездну. Паутовъ шагалъ по площадкѣ и старался не смотрѣть на негостепріимный домикъ, гдѣ горѣли въ окнахъ такіе приглашающіе огоньки. Гдѣ-то фыркали уставшія лошади, гдѣ-то сонно лаяла собака, гдѣ-то слышался грохотъ катившагося по шоссе экипажа,— напоенный влагой ночной воздухъ чутко и долго держалъ каждый малѣйшій звукъ.

— Папа, ты сердишься на меня? — заговорила Ирочка, кутаясь въ платокъ. — Это все я виновата, что затащила тебя сюда...

— Э, не все ли равно!

— Я, папа, больше не буду, — какъ-то по-дѣтски проговорила Ирочка.

Паутовъ продолжалъ шагать и время отъ времени повторялъ себѣ подъ носъ:

— Прекрасно... очень хорошо!.. А какъ спать хочется!

— Папа, я все забываю тебя спросить: зачѣмъ мы тащимся въ Крымъ?

— Странный вопросъ: у насъ въ Крыму имѣніе, а въ имѣніи живетъ моя жена и твоя мать

— Послѣдней причины я не могу признать... Я матери почти не знаю, а ты не видишь ея по цѣлымъ годамъ. Вообще очень нѣжная семья.... Вѣроятно, у тебя есть какое-нибудь дѣло? Да? Кстати, я отъ кого-то слышала, что Маторинъ уѣхалъ въ Крымъ, а не за границу.

— И что же изъ этого?

— У тебя съ нимъ вѣчно какія-то дѣла... Да, да, незадолго до отъѣзда изъ Павловска у насъ былъ Лундъ. Я его терпѣть не могу, а къ такимъ людямъ меня всегда такъ и тянетъ. Самое странное чувство... Я знаю, что этотъ Лундъ страшный негодяй, и по его лицу сразу замѣтила, что онъ привезъ какое-то непріятное извѣстіе, а тебя, какъ на бѣду, не оказалось дома. Я его приняла, была любезна, какъ маркиза, и онъ, по глупости, принималъ все за чистую монету. Вотъ онъ и разсказывалъ, что Маторинъ уѣхалъ въ Крымъ, а я поняла, что непріятность, о которой онъ пріѣхалъ тебѣ разсказать, связана именно съ Маторинымъ, можетъ-быть, даже съ его поѣздкой въ Крымъ. Видишь, какая у тебя умная дочь... Ее нужно цѣнить.

— А что же, совершенно вѣрно, — ласково заговорилъ Паутовъ, останавливаясь. — Ты все угадала, моя хорошая. Да, судьба могла бы быть немного повѣжливѣе съ отцомъ такой умной дочери.

— Значитъ, ты скоро разоришься?

— Гм... ну, до этого еще, положимъ, далеко, но...

— Все будетъ зависѣть отъ Маторина?

— Сейчасъ еще ничего неизвѣстно...

Они замолчали. Ощущеніе садившейся на лицо паутины усилилось. Когда Ирочка взглянула вверхъ — небо было уже сѣрое, точно небесная синева помутилась, а звѣзды сдѣлались меньше и ушли въ глубь небеснаго свода.

— А какъ бы хорошо было, если бы разразилась гроза, — замѣтила Ирочка, кутаясь въ свой платокъ. — Мы вѣдь сейчасъ въ облакѣ, папа? И вдругъ бы молнія...

Паутовъ боялся грозы и только пожалъ плечами.

Небо дѣлалось все сѣрѣе. Скоро они уже не могли видѣть лица другъ у друга. Ирочка опять заговорила.

— Папа, а какой жалкій этотъ Шмурло... Помнишь, когда онъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ? Была увѣренность въ себѣ, находчивость, остроуміе, а теперь онъ походитъ на прибитую собаку. Мнѣ его было даже жаль, когда онъ такими заискивающими глазами смотрѣлъ на тебя.

— Да, онъ погибъ, то-есть погибъ для нашего круга.

— Папа, когда ты разоришься окончательно, пожалуйста, не будь такимъ, какъ этотъ Шмурло. Вѣдь чувство собственнаго достоинства можно сохранить и разорившемуся человѣку... Не всѣмъ же быть богатыми, и не въ богатствѣ счастье.

— Ты стала бы бѣгать по урокамъ и кормить бѣднаго, но благороднаго отца?

— Дурного въ этомъ ничего не вижу... Все-таки былъ бы хоть какой-нибудь смыслъ въ жизни. Вотъ ты любишь вспоминать то время, когда былъ бѣденъ...

— Да, но есть много прекрасныхъ вещей... на приличномъ разстояніи...

— Папа, кстати, гдѣ эта Маня Шмурло? Она у насъ въ институтѣ считалась первой красавицей...

— Право, не умѣю сказать хорошенько. Вышла, кажется, замужъ или что-то въ этомъ родѣ.

— А вѣдь когда-то были очень близки домами... Помнишь, какъ она цѣлое лѣто гостила у насъ въ Крыму?

— Да, да... Очень хорошенькая была дѣвочка.

Паутову точно былъ непріятенъ этотъ разговоръ о Манѣ Шмурло, и онъ постарался перевести его на другую тему.

Онъ даже заговорилъ что-то такое о поэзіи чудныхъ южныхъ ночей, располагающихъ къ тихимъ грезамъ и мечтамъ.

— Ты не любишь природу, Ирочка?

— Нѣтъ, не люблю, а просто равнодушна.

— Странно слышать это отъ молодой дѣвушки... Молодость тѣмъ и хороша, что она еще не утратила способности чистыхъ наслажденій.

— Ты забываешь, папа, что красоты природы существуютъ только для хорошенькихъ дѣвушекъ, а я чувствую себя какой-то бѣдной родственницей, которая изъ-за косяка смотритъ, какъ на пиру жизни веселятся другіе... Мнѣ кажется, что все красивое точно обвиняетъ меня за дерзость существованія. Еще разъ несправедливо, потому что не было бы и красоты, если бы не существовало безобразія, и красота цѣнится особенно только потому, что безобразіе изъ великодушія слишкомъ распространено кругомъ.

IV.

Время до разсвѣта прошло какъ-то незамѣтно. Отецъ и дочь нѣсколько разъ начинали ссориться, а потомъ мирились. Ирочка старалась не раздражать отца, но какъ-то не могла попасть въ мирный тонъ.

Передъ разсвѣтомъ сдѣлалось почти совсѣмъ темно. Кругомъ лежала какая-то тяжелая мгла, насыщенная морскими испареніями, точно эту теплую и влажную мглу надышало невидимое чудовище. Паутовъ впалъ опять въ минорный тонъ и заговорилъ о бренности всего существующаго, о ничтожествѣ человѣка, о тщетѣ нашихъ стремленій, о мимолетности счастья и о роковой неизвѣстности, которая подстерегаетъ каждаго человѣка. Темнота вообще наводила на него грустныя мысли, а иногда по ночамъ, просыпаясь, онъ испытывалъ страхъ, тотъ обидный дѣтскій страхъ, когда нужно, чтобы около васъ былъ другой живой человѣкъ, чтобы слышался живой человѣческій голосъ. Онъ попробовалъ опять заговорить о женѣ, которая жила въ имѣніи.

— Я ничего не говорю о матери... да, — закончилъ онъ. — Но ты почему-то ненавидишь Крымъ съ самаго дѣтства. Я еще понимаю, что гдѣ-нибудь за границей лучше — ну да, конечно, лучше, но ты предпочитаешь даже несчастный Павловскъ.

— Да, тамъ гораздо лучше, папа. Одинъ паркъ чего стоитъ, а музыка... Нѣтъ, Павловскъ самое для меня милое мѣсто, гдѣ я чувствую себя дома. И дача у насъ въ Павловскѣ одна прелесть. Потомъ...

Она вдругъ замолчала, точно ей сдавило горло.

— Можетъ-быть, тебѣ не хочется встрѣчаться съ матерью? — попробовалъ догадаться Паутовъ.

— Нѣтъ, я этого не могу сказать... Мы настолько равнодушны другъ къ другу, что даже не можемъ мѣшать одна другой. Мнѣ только больно чи-

тать, когда описывается такъ называемая материнская любовь. Вѣдь существуетъ для этого спеціальная терминологія: материнскій инстинктъ, материнское сердце, въ объятіяхъ матери, на груди матери, — для меня это все пустые звуки. Ты знаешь, что мать не взлюбила меня, кажется, со дня моего рожденія, вѣрнѣе сказать — я для нея никогда не существовала.

— Положимъ, ты преувеличиваешь, а твоя мать... да, какъ это сказать? Ну, то, что̀ называется женщина со странностями. Знаешь ея несчастную привычку молчать: замолчитъ, и не добьешься отъ нея звука.

— Нѣтъ, дѣло не въ матери, папа. Крымъ я, дѣйствительно, ненавижу, а вышло это такъ...

Она прошлась по террасѣ, точно не рѣшаясь выговориться. Но стоявшая кругомъ мгла сдѣлала ее смѣлѣе.

— Это было давно, лѣтъ десять назадъ, — начала она измѣнившимся голосомъ. — Да, ровно десять... Мнѣ тогда было около двѣнадцати лѣтъ. Возрастъ самый чуткій для дѣвочки, хотя я была еще совсѣмъ ребенкомъ. Тогда у насъ гостила Маня Шмурло... да. Я ее очень любила... Вотъ сейчасъ все вижу, точно все это случилось только вчера, даже платья, въ какихъ мы были одѣты: Маня въ розовое, а я въ желтенькое — я сейчасъ ненавижу этотъ желтый канареечный цвѣтъ. Помню и лѣтній крымскій день... Трава еще не успѣла выгорѣть, кругомъ цвѣты... море тихое, лазурное, ласковое... Я тогда была и доброй, и ласковой, и по-дѣтски честной. Послѣднее качество у меня было развито до болѣзненности, и я краснѣла за другихъ, когда они лгали.

Паутовъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Я даже краснѣла за другихъ дѣтей, когда они были несправедливыми. Это неправда, когда говорятъ, что нѣтъ золотого дѣтства. Я его пережила и вспоминаю съ благодарностью... Оно хорошо и счастливо уже однимъ тѣмъ, что не понимаетъ несправедливости, жестокости и обмана большихъ. Что̀ можетъ быть лучше чистыхъ дѣтскихъ глазъ, которые смотрятъ вамъ прямо въ душу? Да, мнѣ было хорошо... Я тогда начинала читать и открывала въ каждой книгѣ Америку. Если бы авторы только могли понять, какую бурю новыхъ мыслей и чувствъ поднимаютъ ихъ книги... Да, я уходила къ самому морю съ какой-нибудь любимой книжкой и просиживала часы въ какомъ-то экстазѣ, убаюканная ласковымъ шопотомъ этого чуднаго моря. Печатныя страницы оживали, я видѣла собственными глазами все, о чемъ читала... Я могла бы сказать, что я была тогда счастлива, хотя у меня есть какой-то суевѣрный страхъ къ самому слову „счастье“. Маня Шмурло не раздѣляла моихъ увлеченій. Она развивалась какъ-то медленно и вела растительную жизнь: ѣла, пила, спала, скучала. Я замѣтила, что многія красивыя животныя ведутъ именно такую жизнь.

Она перевела духъ и хрустнула пальцами—послѣднее было одной изъ ея дурныхъ привычекъ, отъ которыхъ ее не могли отучить въ институтѣ.

— Папа, ты замѣчалъ, какъ въ жизни совершаются трагедіи? Необыкновенно быстро и просто... Возьми крушеніе поѣзда: одинъ ударъ, и изъ живыхъ людей получается каша. И въ дѣтской жизни бываютъ свои трагедіи, которыя кладутъ иногда неизгладимую печать на всю остальную жизнь. Да, я была ребенкомъ, очень хорошимъ ребенкомъ, и мнѣ хотѣлось прилѣпить свои чувства къ какому-нибудь живому существу. Въ дѣвочкѣ мучительно-сладко просыпалась женщина... Любовь ребенка къ своей куклѣ смѣняется любовью къ комнатной собачкѣ, къ уличному бродягѣ-коту, къ выпавшему

изъ гнѣзда галчонку, пока не вернется къ первоначальному источнику любви, къ человѣку. У меня именно и случилась такая первая дѣтская любовь. Рядомъ съ нами на дачѣ жила какая-то Марья Ивановна, очень сомнительная вдова, а у нея была дѣвочка лѣтъ семи—пухленькая, съ большими сѣрыми глазами, съ пухленькимъ ротикомъ, застѣнчивая и живая. Я въ нее влюбилась. Да... Я не умѣю иначе назвать это чувство. Я съ трепетомъ ждала, когда она покажется въ своемъ садикѣ, я съ терпѣніемъ влюбленнаго угождала каждому ея капризу, я теряла въ ея присутствіи всякое чувство своего человѣческаго достоинства, унижалась, ревновала и плакала безсильными женскими слезами. Это былъ настоящій романъ... Да, романъ въ ореолѣ первой страсти. Ее звали Соней... Я переживала всѣ сомнѣнія настоящей любви и ужасныя муки ревности. И тутъ случилось то, что̀, кажется, неизбѣжно въ истинной любви: мой маленькій идолъ отдалъ предпочтеніе другой, и этой другой была Маня Шмурло, которая не обращала на нее ни малѣйшаго вниманія. Любовь несправедлива въ самомъ основаніи, и я это пережила—Соня относилась ко мнѣ съ тупымъ равнодушіемъ, которое потомъ перешло въ какое-то озлобленіе. Ей нравилось мучить меня, она наслаждалась моимъ отчаяніемъ и съ чисто-дѣтской жестокостью прямо въ лицо объяснила мнѣ, что я безобразна. Эта маленькая дѣтская рука нанесла мнѣ смертельный ударъ.

— Ну, красота—понятіе относительное,—проговорилъ Паутовъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Нѣтъ, дай кончить... Моя отвергнутая любовь раскрыла мнѣ глаза. Я знала и раньше, что не отличаюсь красотой, но какъ-то не придавала этому особеннаго значенія и даже хотѣла ее замѣнить такими суррогатами, какъ дѣтское послушаніе, прилежаніе, доброта, справедливость и любовь къ ближнему. И вдругъ я поняла, что всѣ эти мои маленькія добродѣтели рѣшительно никому не нужны, что міръ существуетъ только для хорошенькихъ дѣвушекъ, а я должна блуждать въ немъ дантовской тѣнью. Вѣдь даже красоты природы, какъ я сказала, существуютъ только для хорошенькихъ женщинъ, потому что эта природа, самая чудная, если она не согрѣта присутствіемъ живого человѣка, не имѣетъ значенія, а этотъ человѣкъ—мой врагъ, равнодушный врагъ, который обратитъ на меня столько же вниманія, какъ на телеграфный столбъ. Ужасное чувство... Ахъ, какъ я плакала, маленькая, безнадежная дѣвочка!.. Я проклинала день своего рожденія, другихъ людей и даже вотъ эту крымскую природу, расточавшую свои красоты и ласки другимъ. Я возненавидѣла вотъ этотъ самый Крымъ, потому что онъ былъ свидѣтелемъ моего ужаснаго открытія, какъ ненавидятъ свидѣтелей своего преступленія. Мнѣ было даже больно думать о немъ.

Это была горячая исповѣдь, вылившаяся сама собой. Дѣвушка вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и ея голосъ прерывался отъ волненія. Паутовъ рѣшилъ терпѣливо выслушать до конца и малодушно былъ радъ тому, что кругомъ темно и они не видятъ выраженія лицъ другъ друга. Это было малодушное чувство, но иногда пустяки имѣютъ значеніе. Договаривая послѣднія слова, Ирочка уже раскаивалась въ своемъ порывѣ, но не имѣла силъ удержаться,—ее точно толкала впередъ какая-то невидимая сила, пока она не обезсилѣла.

— Я вполнѣ понимаю, почему мать не могла меня любить,—прибавила она въ заключеніе, точно оправдываясь.

— А я? Развѣ ты можешь меня упрекнуть въ холодности? Есть нако-

недъ, даже съ твоей точки зрѣнія, внутренній человѣкъ, а слѣдовательно должна быть внутренняя красота...

— Да? Я великодушно предоставляю это утѣшеніе другимъ уродамъ, а сама ею не желаю обманывать себя...

V.

Это странное объясненіе было прервано начинавшей собираться у Воротъ публикой. На площадкѣ показалось нѣсколько паръ. Дамы имѣли такой заспанный видъ и кутались въ теплые платки. Дорожные костюмы не придавали имъ особеннаго изящества. Всѣ подозрительно оглядывали другъ друга, какъ это принято среди русскихъ туристовъ и что всегда возмущало Паутова до глубины души. какъ проявленіе родной некультурности. Разговоры велись вполголоса, точно собрались заговорщики, а гдѣ-нибудь вотъ тутъ за ближайшими камнями спрятался предатель.

На востокѣ небо начинало бѣлѣть. Звѣзды погасли. Изъ тихо поднимавшагося сверху сѣраго тумана выступали угловатые контуры байдарскихъ скалъ, а внизу, точно съ самаго дна пропасти выплывалъ изъ этого тумана стройный силуэтъ красивой русской церкви.

— Не понимаю, что тутъ хорошаго,—ворчалъ Паутовъ, пожимая плечами.—Это мнѣ напоминаетъ модный закатъ солнца на Елагиномъ островѣ въ Петербургѣ.

Ирочка была не въ духѣ. Она сердилась на себя за свою исповѣдь. Развѣ при дневномъ свѣтѣ она стала бы говорить все то, что сказала отцу вотъ здѣсь ночью? Къ набиравшейся публикѣ она относилась почти презрительно, невольно сравнивая съ заграничными курортами—тамъ была настоящая публика, а здѣсь что-то такое подозрительное, кромѣ одного офицера-гвардейца да почтеннаго старика въ черепаховыхъ очкахъ. Офицеръ былъ съ женой, которая разсчитанно-громко говорила о своемъ крымскомъ имѣніи, куда она ѣхала въ первый разъ. Она смотрѣла на мужа влюбленными глазами и называла его Полемъ.

— Представьте себѣ,—разсказывала она старушкѣ, съ которой познакомилась тутъ же,—Поль купилъ имѣніе въ Крыму, не видавши. Да... Я ему сказала: „Поль, купи имѣніе въ Крыму“. Онъ и купилъ... Вотъ мы теперь и ѣдемъ посмотрѣть свою покупку. Не правда ли, интересно?

Самый восходъ солнца былъ совсѣмъ не интересенъ. Солнце поднималось изъ-за скалы, съ лѣвой стороны, а море казалось грязно-фіолетовымъ. Поднимавшійся туманъ сгущался въ облака, которыя ползли кверху, точно цѣпляясь за выступы скалъ и острые гребни утесовъ. Хороша была одна пропасть, сбѣгавшая къ морю своими изломанными каменистыми кручами, точно когда-то земля здѣсь провалилась. Церковь оказалась уже не на днѣ этой пропасти, а въ серединѣ, точно она остановилась на полдорогѣ вверхъ. На самомъ берегу моря обрисовалось громадное имѣніе Кузнецова, къ которому тонкой паутинкой спускалась извилистая дорога.

Паутовъ былъ радъ, когда солнце поднялось „въ окончательной формѣ“ и они могли ѣхать.

— Да, это называется удовольствіе,—ворчалъ онъ, усаживаясь въ экипажъ.—И кто только придумалъ этотъ дурацкій восходъ солнца!..

Ирочка невольно улыбалась: такъ смѣшно сердился милый папаша, капризничавшій, какъ избалованный ребенокъ. Чтобы его не раздражать, она покорно молчала, какъ любящая дочь.

Головоломный спускъ съ Байдарскихъ Воротъ удивительно красивъ, хотя Паутовъ и побаивался, какъ бы лошадямъ гдѣ-нибудь на крутомъ поворотѣ не вздумалось сдѣлать salto-mortale черезъ каменную стѣнку, загораживавшую пропасть. Что̀ стоитъ взбѣситься глупому животному... Онъ опять вспомнилъ объ удобствахъ путешествія изъ Севастополя въ Ялту на пароходѣ. Какъ на грѣхъ, въ морѣ показался пароходъ, который съ трудомъ можно было разсмотрѣть въ бинокль,—онъ казался не больше точки, какую оставляетъ муха на стеклѣ. Зато Ирочка наслаждалась. Она любила сильныя ощущенія, и ей казалось, что лошади бѣгутъ слишкомъ тихо, а безчисленные повороты шоссе недостаточно круты.

До Алупки, за исключеніемъ Кикенеиза и Лименъ, дорога не представляла ничего особеннаго, потому что однѣ и тѣ же картины повторялись съ утомительнымъ однообразіемъ: налѣво отвѣстными кручами декоративно громоздились горы, направо сбѣгали къ морю каменистыя долины. Собственно культура ютилась гдѣ-то тамъ, далеко внизу, гдѣ выставлялись крыши вычурныхъ палаццо и мелькали какія-то мудреныя зданія, названія которыхъ трудно было угадать—можетъ-быть, жилье, можетъ-быть, парадное стойло для какой-нибудь парядной скотины, можетъ-быть, подвалъ. Въ общемъ чувствовался именно этотъ парадъ, вычурность и специфическая дачная ненужность, когда люди притворяются, что они живутъ. Типичнаго крымскаго рѣшительно ничего не осталось, оно было смѣнено шальными затѣями набѣжавшаго сюда шального барства, дикаго капитала и сытаго самодурства. Ирочка смотрѣла на эти затѣи прищуренными глазами и опять сравнивала съ разными европейскими уютными уголками, гдѣ все было и типично, и культурно, и колоритно. Оставалось одно море, чудное южное море, которое отливало и лоснилось подъ лучами поднимавшагося солнца какими-то теплыми шелковыми тонами.

— Да, природа тоже называется,—продолжалъ ворчать Паутовъ.—Мнѣ все кажется, что и горы здѣсь притворяются только горами, и каждое деревцо тоже. Что-то фальшивое... Вѣроятно, раньше, во времена татарской культуры, видъ этой береговой полосы былъ совершенно иной. Начать съ того, что мы утратили секретъ орошенія, вырубили весь лѣсъ, типичную татарскую стройку замѣнили архитектурнымъ безобразіемъ доморощенныхъ геніевъ—однимъ словомъ, впечатлѣніе вещественныхъ доказательствъ неудачнаго архитектурнаго воровства.

— Папа, ты, кажется, взялъ на себя мою роль: вѣдь я не люблю Крыма, а не ты?

— Э, все равно! Я просто хочу быть самимъ собой... Если говорить откровенно, такъ вся эта пресловутая полоса южнаго крымскаго берега, за исключеніемъ нѣсколькихъ крупныхъ имѣній, та же наша Новая деревня на Невѣ.

— А море?

— И море здѣсь какъ-то ни къ чему. Такъ, совсѣмъ ненужное море... Ни движенія по нему, ни какой-нибудь жизни—никчемное море и больше ничего. Пройдетъ одинъ пароходъ въ теченіе цѣлаго дня—вотъ и вся жизнь. Если бы были хоть острова—э, да и островами не поможешь! Какой-нибудь несчастный Архангельскъ въ тысячу разъ оживленнѣе вотъ этихъ благословенныхъ южныхъ уголковъ.

— А Одесса?

— Что̀ жъ такое Одесса? Развѣ это русскій городъ? Какой-то цыганскій таборъ... разбойничье гнѣздо...

— Папа, ты ужсно смѣшно сердишься. Я подозрѣваю, что ты именно въ Одессѣ потерпѣлъ какое-нибудь крушеніе.

— Не въ Одессѣ, а около того. Есть такіе милые джентльмены, которые изъ Одессы пріѣзжаютъ въ Петербургъ... Самое скверное обыкновеніе. Кажется, ужъ Маторинъ... да, у него есть какое-то проклятое чутье на людей, а и тотъ попался. Ну, да ему это пустяки, а я чуть не погибъ. Дѣло не въ деньгахъ, а въ извѣстной репутаціи, въ реномэ... Я предвижу твое возраженіе: виноватъ, конечно, я самъ. Совершенно вѣрно, и поэтому я сержусь на скверную привычку одесситовъ ѣздить въ Петербургъ. Да, всего одинъ невѣрный шагъ...

— А счастье было такъ возможно, такъ близко?

— Обидно то, что такимъ счастьемъ воспользовались безнадежно-глупые люди. Вотъ у васъ, женщинъ, всѣ вопросы концентрируются только на своей особѣ, на такъ называемомъ счастьѣ, а наше мужское счастье зависитъ отъ какой-нибудь дурацкой нефти, залежей болотной руды, каменнаго угля и многихъ другихъ не менѣе скучныхъ вещей. Боже мой, какъ время летитъ! Давно ли только было и свѣту въ окнѣ, что банки и желѣзныя дороги, а теперь все это смѣшные пустяки въ родѣ мертвыхъ душъ почтеннѣйшаго Павла Иваныча Чичикова или того брильянта, который былъ украденъ не менѣе почтеннымъ Михаиломъ Васильевичемъ Кречинскимъ. Да, времена мѣняются, а въ воздухѣ вѣчно пахнетъ жаренымъ, только нужно угадать, гдѣ оно скрыто, вотъ это самое жареное.

— А Маторинъ знаетъ?

— О, онъ знаетъ... Это какой-то безумно-счастливый человѣкъ, который не зналъ въ жизни неудачъ. Я фаталистъ и вѣрю въ счастье. Есть избранники и счастливцы, за которыми счастье идетъ широкой тѣнью.

VI.

Имѣніе Паутова находилось недалеко отъ Алупки, на самомъ берегу моря. Съ шоссе приходилось спускаться къ нему по крутой каменистой дорожкѣ, дѣлавшей зигзаги на каждомъ шагу. Издали виднѣлась зеленая купа деревьевъ, изъ которой выдѣлялись зелеными стрѣлками высокіе кипарисы. Имѣніе давно было запущено, и деревья росли по собственному усмотрѣнію. Оно принадлежало женѣ Паутова, Еленѣ Васильевнѣ. Ирочка внимательно всматривалась въ знакомый берегъ и не узнавала знакомаго мѣста, такъ все измѣнилось за десять лѣтъ. Оставалось прежнимъ одно море да загибавшаяся линія берега.

— Не правда ли, какъ хорошо?—повторилъ нѣсколько разъ Паутовъ, начиная оживляться.—Если бы привести въ порядокъ паркъ и если бы реставрировать виллу...

— Какія громкія и совсѣмъ ненужныя слова: паркъ, вилла...—поправила его Ирочка.—Просто запущенная помѣщичья усадьба.

Паутовъ не слыхалъ этого замѣчанія, потому что вглядывался налѣво, гдѣ изъ-за каменистаго выступа показалась бѣлая вилла,—это уже была настоящая вилла, съ башенками, колоннадой и всевозможными ухищреніями настоящаго художества. Надъ одной изъ башенокъ полоскался въ воздухѣ пестрый флагъ.

— Евгеній Ѳедорычъ пріѣхалъ...—радостно проговорилъ Паутовъ, точно у него гора свалилась съ плечъ.

— Да?—равнодушно спросила Ирочка.

— Да, да... Видишь, флагъ. Онъ уже не бывалъ здѣсь лѣтъ пять.

Это была дача Маторина.

Когда-то имѣніе Паутова было обнесено изящной желѣзной рѣшеткой, но сейчасъ отъ нея оставались только кой-гдѣ покосившіяся звенья. Въ саду мелькнула высокая женская фигура въ черномъ и скрылась, какъ тѣнь.

— Вѣдь это бабушка...—удивилась Ирочка.—Она все *такая* же?

— Да, *такая*... Прячется отъ всѣхъ и только любитъ одного Валентина.

При послѣднемъ имени Паутовъ тяжело вздохнулъ.

Когда-то „вилла“ Паутова была построена затѣйливо и съ большими претензіями на неизвѣстный стиль, а сейчасъ представляла почти руину. Жилымъ оставалось лѣвое крыло, гдѣ помѣщалась m-me Паутова съ сыномъ. Бабушка жила въ башнѣ, какъ старая сова. Навстрѣчу подъѣхавшему экипажу никто не вышелъ, не раздалось веселыхъ привѣтствій и радостныхъ криковъ. Лежавшая на террасѣ собака не выразила готовности броситься съ громкимъ лаемъ къ экипажу, а только лѣниво повернулась на другой бокъ. Это было какое-то сказочное сонное царство.

— Ну, вотъ мы и дома,—говорилъ Паутовъ, вылѣзая изъ коляски и стараясь придать голосу хозяйское добродушіе.—Да, дома...

Ирочка ничего не отвѣтила, а только какъ-то вся съежилась, охваченная какимъ-то непріятнымъ предчувствіемъ. Да, здѣсь все осталось по-старому: площадка, на которой она любила играть, два кипариса, которые она называла мужемъ и женой, крутая дорожка, которая точно звала спуститься къ морю, и самое море, переливавшаяся синева котораго сквозила между деревьями.

Первое лицо, которое показалось, былъ молодой человѣкъ лѣтъ семнадцати, блѣдный и худой, съ длинными бѣлокурыми волосами, падавшими на плечи. Щегольская бархатная куртка еще сильнѣе выдѣляла блѣдность его лица. Онъ равнодушно смотрѣлъ на экипажъ и на пріѣхавшихъ.

— Валентинъ, ты не узнаёшь меня?—спрашивалъ Паутовъ, нерѣшительно подходя къ нему.

— Нѣтъ,—равнодушно отвѣтилъ молодой человѣкъ, дѣлая нетерпѣливое движеніе правой рукой и длинной шеей, точно его давилъ воротъ мягкой шелковой рубашки.

— И сестру не узнаёшь?

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на Ирочку и засмѣялся, причемъ у него непріятно оскалились мелкіе бѣлые зубы. Эта сцена была прервана появившейся въ дверяхъ террасы высокой бѣлокурой дамой, которая недовольнымъ тономъ сказала:

— Оставьте его...

Ей было за сорокъ, но для своего критическаго возраста она сохранилась замѣчательно. Румяное свѣжее лицо съ правильными чертами, блестѣвшіе молодымъ огнемъ сѣрые глаза, спокойная фигура—все было хорошо, и только въ твердомъ складѣ рта чувствовалось что-то затаенное и недосказанное. Отъ матери Ирочка унаслѣдовала одни глаза.

Семейная встрѣча прошла довольно холодно, вѣрнѣе сказать—равнодушно. Мать взглянула на дочь вскользь, точно удивляясь ея присутствію.

— Ну, вотъ мы и дома,—еще разъ проговорилъ Паутовъ, стараясь придать голосу добродушно-веселыя ноты.

Ирочка молчала, любуясь красавицей-матерью. Да, вотъ какими должны быть всѣ женщины. Ей нравилась даже безучастность вотъ этой красавицы-

матери. Развѣ такія женщины могутъ волноваться изъ-за какихъ-то пустяковъ? Это удѣлъ другихъ, тѣхъ ничтожностей, которыя обижены самимъ Богомъ.

Семья Паутовыхъ была немного странная, начиная съ родоначальницы, какъ Паутовъ называлъ бабушку Варвару Петровну. Собственно имѣніе принадлежало старухѣ и было подарено ей въ далекую эпоху ея красоты. Варвара Петровна въ свое время была настоящей львицей и сводила съ ума весь Петербургъ. Достаточно сказать, что ея мужъ, военный николаевскій генералъ, какъ говорили, отравился изъ ревности. Въ числѣ ухаживавшихъ за Варварой Петровной былъ одинъ настоящій герой, который и подарилъ ей, „на зубокъ“ маленькой Лели, матери Ирочки, это крымское имѣніе. Въ то блестящее время такой подарокъ для Варвары Петровны являлся чуть не оскорбленіемъ, какъ ничтожная дань ея совершенствамъ, но она не хотѣла обижать героя и приняла его, скрѣпя сердце. Впослѣдствіи, когда миновалъ блестящій періодъ, именно это крымское имѣніе и пригодилось. Варвара Петровна потеряла красоту какъ-то вдругъ, и это такъ подѣйствовало на нее, что являлись серьезныя опасенія за ея разсудокъ. Она такъ и осталась тронутой на всю остальную жизнь, точно выкупая этой тяжелой цѣной недолгое торжество своей красоты. Она поселилась въ Крыму навсегда и здѣсь коротала свои дни, какъ отшельница. Такимъ образомъ время героевъ миновало сразу, оставивъ послѣ себя тяжелый душевный чадъ. Маленькая Леля, происхожденіе которой подвергалось большимъ сомнѣніямъ, потому что называли еще какого-то героя, который, кромѣ геройства, ничего не имѣлъ, росла въ крымскомъ имѣньи, какъ сказочная принцесса. Это была бѣлокурая дѣвочка, нѣжная и красивая, какъ лѣсная дріада. Она унаслѣдовала отъ матери извѣстную дозу ненормальности, проявлявшуюся въ молчаніи. Молодая красивая дѣвушка могла молчать цѣлыя недѣли и мѣсяцы, точно очарованная. Паутовъ встрѣтился съ ней случайно и влюбился со всѣмъ пыломъ юности. Онъ тогда былъ на прекрасной дорогѣ, впереди предвидѣлось еще болѣе прекрасное будущее, и Елена Васильевна охотно довѣрила ему свою жизнь. Но замужество мало ее измѣнило, и даже рожденіе старшей дочери Ирочки не произвело того впечатлѣнія, какое переживается молодыми матерями.

— Она некрасива...—равнодушно проговорила Елена Васильевна, когда въ первый разъ увидѣла дѣвочку, и больше не обращала на нее вниманія.

Только съ появленіемъ на свѣтъ Валентина она точно проснулась. Но и въ этой любви было что-то болѣзненное. Въ сущности, это даже не была любовь, а какой-то вѣчный страхъ, почти животный страхъ за существованіе. Когда въ ребенкѣ появились первые признаки ненормальности, Елена Васильевна точно застыла и на этотъ разъ уже навсегда. Съ этимъ моментомъ совпалъ зенитъ карьеры Паутова, когда ему все удавалось и впереди открывались такіе широкіе горизонты, отъ которыхъ могла закружиться и не паутовская голова. Еленѣ Васильевнѣ было все равно, она даже не интересовалась его любовными интригами, безъ которымъ широкіе горизонты немыслимы. Она и не думала ревновать мужа, а просто взяла и уѣхала съ сыномъ въ крымское имѣнье къ сумасшедшей матери, гдѣ осталась погруженная въ свое таинственное молчаніе.

Изъ всей семьи одна Ирочка не унаслѣдовала фамильной ненормальности и слишкомъ рано поняла ту обстановку, въ которой ей пришлось жить. Она съ дѣтства вошла во вкусъ вынужденнаго одиночества. Сейчасъ она могла только удивляться происшедшей перемѣнѣ въ отцѣ. Онъ, этотъ неиспра-

вимый виверъ, все чаще и чаще вспоминалъ о женѣ, по-своему жалѣлъ ее и, кажется, началъ испытывать жажду запоздавшаго семейнаго счастья. Про себя Ирочка объясняла такой поворотъ близившейся безсильной старостью и главнымъ образомъ тѣмъ, что звѣзда недавно знаменитаго дѣльца Паутова быстро клонилась къ закату. Ей даже дѣлалось какъ-то обидно за отца, въ которомъ она съ дѣтства привыкла уважать силу.

VII.

Предсказанія Ирочки начали сбываться гораздо раньше, чѣмъ можно было предположить. Первые дни Паутовъ провелъ по-семейному и никуда не показывался. Онъ замѣтно ухаживалъ за женой, оказывая ей разные знаки самаго почтительнаго вниманія. Елена Васильевна нѣсколько разъ смотрѣла на мужа удивленными глазами, но по обыкновенію молчала. Сейчасъ это молчаніе жены просто убивало Паутова, и онъ волновался, какъ влюбленный въ первый разъ. Въ обращеніи съ женой у него являлся непріятный, заискивающій тонъ виноватаго кругомъ человѣка. Это была одна изъ тѣхъ жалкихъ семейныхъ комедій, когда мужья, потерпѣвъ какое-нибудь пораженіе въ своихъ внѣшнихъ дѣлахъ, начинаютъ искать утѣшенія въ теплотѣ домашняго очага. Кромѣ всего этого, Паутову серьезно начинала нравиться жена, и онъ удивлялся самому себѣ, какъ могъ мѣнять ее на другихъ женщинъ. Въ Еленѣ Васильевнѣ было что-то неуловимо-пикантное, какъ у всѣхъ серьезныхъ женщинъ, слишкомъ много страдавшихъ. Каждый ласковый взглядъ такихъ женщинъ—цѣлый капиталъ, какъ проявленіе неизрасходованнаго и еще полнаго затаенной энергіи чувства.

Отдаваясь возстановленію своего семейнаго очага, Паутовъ не переставалъ думать о сосѣдней дачѣ, надъ которой развѣвался пестрый флагъ. Его и тянуло туда и отталкивало. Дѣло доходило до того, что Паутовъ принялся потихоньку наблюдать, что̀ дѣлается въ имѣніи Маторина. Владѣлецъ, очевидно, отдыхалъ и сохранялъ инкогнито. Онъ показывался на террасѣ утромъ, когда пилъ кофе, потомъ бродилъ съ лейкой около цвѣточныхъ клумбъ, потомъ купался, а вечеромъ опять сидѣлъ на террасѣ съ газетой въ рукахъ. Паутовъ понималъ, что ему не слѣдовало нарушать это инкогнито, несмотря на вызывающе поднятый флагъ. Со своего наблюдательнаго пункта онъ видѣлъ, какъ по шоссе два раза проѣзжалъ верхомъ Лундъ, одѣтый по послѣднему слову англійской моды, а потомъ увидѣлъ Шмурло, проходившаго мимо съ видомъ скучающаго туриста. Судя по костюму, дѣла послѣдняго были уже совсѣмъ не такъ плохи, какъ говорила Ирочка. Очевидно, эти шакалы держались тоже выжидательной политики и обкладывали берлогу краснаго звѣря съ большимъ расчетомъ. Если бы они видѣли, какъ Паутовъ занимался астрономіей... Ему сдѣлалось даже совѣстно за себя. Неужели онъ такъ низко палъ, что вынужденъ прибѣгать къ заячьей хитрости?

— А все-таки я официально не знаю, что Маторинъ здѣсь,—думалъ Паутовъ вслухъ, успокаивая самого себя.—Вѣдь флага я могъ и не замѣтить... да... Лучше всего, если бы вышла какая-нибудь случайная встрѣча. На поклонъ къ Маторину я, во всякомъ случаѣ, не пойду. Это вѣрно...

Съ другой стороны, нѣсколько разъ выходило какъ-то само собой, что Паутовъ выходилъ купаться именно въ то самое время, когда купался Маторинъ, или дѣлалъ прогулки по морскому берегу въ тѣ часы, когда гулялъ Маторинъ. На его несчастье, встрѣчи все-таки не выходило. Конечно, Маторинъ зналъ, что онъ здѣсь, и если бы желалъ его видѣть, то просто послалъ бы сказать. Сердце Паутова сжималось отъ какого-то тайнаго предчувствія, нараставшаго съ каждымъ днемъ.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько мучительныхъ дней. Къ довершенію всего, разъ утромъ неожиданно заявился Шмурло,—какъ будто шелъ мимо и завернулъ. Паутовъ принялъ его любезно, но съ неуловимымъ оттѣнкомъ самой изысканной холодности, какъ держатъ себя разведенные мужъ и жена. Прежде они были на „ты“, а сейчасъ Паутовъ говорилъ выморочному другу „вы“, упорно не желая замѣтить стараго дружескаго тона. Впрочемъ, Шмурло, съ своей стороны, тоже старался не замѣчать вѣжливо отталкивающей его руки и держалъ себя съ напускной развязностью. Это переходило въ наглость совсѣмъ потерянаго человѣка.

— Маторина ты не видалъ?—между прочимъ, спросилъ Шмурло.

— Нѣтъ...

— Гм... Онъ прячется отъ всѣхъ. Удивительная скромность...

Когда-то Шмурло былъ тѣмъ, что̀ называется видный мужчина. Высокій ростъ, красивая темная шевелюра, некрасивое, но типичное лицо, красивая неуклюжесть движеній, какъ у сильнаго животнаго,—все это придавало ему оригинальный видъ. А сейчасъ онъ точно весь вылинялъ и выцвѣлъ, волосы порѣдѣли, явилась старческая сутуловатость, въ глазахъ мелькало тревожное выраженіе затравленнаго звѣря, а въ общемъ что-то такое изношенное и дешевенькое. Паутовъ невольно посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ и съ грустью подумалъ про себя,—неужели и его ждетъ такая же участь?..

— Удивительно везетъ этому Маторину,—говорилъ Шмурло какимъ-то фальшивымъ тономъ.—Помнишь его послѣднюю исторію съ акціями новаго желѣзнозаводскаго общества? Кто бы, кажется, могъ думать, а Маторинъ угадалъ. У него чертовскій нюхъ... Какая-то самая дурацкая болотная желѣзная руда, и вдругъ чистаго дивиденда на акціи около семидесяти процентовъ. Да-съ... Невольно будешь уважать человѣка, который создаетъ изъ ничего.

— По-моему, просто счастье...

Они заспорили. Паутовъ невольно увлекся, подогрѣтый горькими воспоминаніями объ одесскихъ дѣльцахъ, и началъ доказывать, что Маторинъ „не понимаетъ минуты“ и затрачиваетъ свое счастье совсѣмъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Они перебрали по пальцамъ одну за другой злобы русскаго промышленнаго дня и спорили до хрипоты о нефти, о каменномъ углѣ, о наступающей новой эрѣ русскаго желѣзнаго дѣла, о протекціонизмѣ, о желѣзнодорожныхъ тарифахъ, о кредитѣ, о грозящемъ наплывѣ въ Россію какихъ-то дешевыхъ иностранныхъ капиталовъ.

— Да, вотъ кто-то придетъ и все заберетъ и положитъ къ себѣ въ карманъ,—съ грустью замѣтилъ Шмурло.

— Э, нѣтъ... Это прежде было, что „кто-то“ приходилъ, бралъ и клалъ себѣ въ карманъ. Это была система открытаго хищничества, а теперь требуется что-нибудь поновѣе. Да-съ, система и система очень строгая и тонкая.

Сначала они сидѣли на террасѣ, а потомъ спустились въ садъ, гдѣ было прохладнѣе. Садъ былъ небольшой и запущенный. Послѣднее придавало ему своеобразную красоту, иллюстрируя дѣятельность нѣкоторыхъ буйныхъ южныхъ растеній, безнаказанно воспользовавшихся предоставленной имъ свободой. Между стволами сквозила блестѣвшая синева моря, которая противъ всякихъ правилъ художественнаго сочетанія тоновъ гармонировала съ зеленью. Шмурло шагалъ по аллеѣ, заложивъ руки за спину. Дѣловой разговоръ на мгновеніе превратилъ его въ прежняго дѣльца, когда-то подававшаго блестящія надежды и не замѣчавшаго, что сейчасъ его слова имѣютъ цѣну осеннихъ мертвыхъ листьевъ, осыпающихся дождемъ отъ самаго слабаго вѣтерка. Паутовъ вдругъ замолчалъ. Онъ старался припомнить, не выболталъ ли чего-

нибудь лишняго этому погибшему другу. Онъ по ошибкѣ нѣсколько разъ даже сказалъ „ты“ и теперь, чтобы поправить ошибку, проговорилъ:

— *Вы* теперь надолго въ Крымъ?

— *Мы* живемъ съ Маней уже второй мѣсяцъ. Ее послали сюда доктора...

— Гм... А я, признаться сказать, совершенно не вѣрю въ этотъ Крымъ, какъ климатическую станцію. Доктора придумываютъ—вотъ и только. По-моему, для больныхъ, особенно нервныхъ, сѣверъ гораздо полезнѣе. Да... И наука доказываетъ... да... наука...

Что доказываетъ наука—Паутовъ такъ и не договорилъ, точно послѣднія слова остановились у него въ горлѣ. Сквозь просвѣты между деревьями онъ увидѣлъ на морскомъ берегу два знакомыхъ силуэта. Да, это была Ирочка, съ ней рядомъ шелъ Маторинъ... Въ первое мгновеніе Паутовъ даже испугался, что Шмурло можетъ увидѣть ихъ, и быстро повернулъ назадъ. У него даже сердце забилось отъ волненія. Шмурло смотрѣлъ на него и улыбался. Онъ тоже узналъ гулявшую по берегу парочку и какъ-то фукнулъ носомъ. Охваченный волненіемъ, Паутовъ два раза отвѣтилъ что-то невпопадъ. У него въ головѣ вертѣлась мысль: если бы Ирочка была красивая... О, въ хорошенькой женщинѣ заключена такая страшная сила, о какой не смѣетъ мечтать никакая механика. Она всесильна, потому что заставляетъ пресмыкаться и ползать всякую другую силу.

— Да, вообще...—повторялъ Шмурло, продолжая улыбаться.—А знаешь, вѣдь Лундъ здѣсь!

— Да?

— Я его видѣлъ. Все катается верхомъ, вѣроятно, въ надеждѣ встрѣтить Маторина. Даже противно смотрѣть...

— Можетъ-быть, простая случайность...

— Ха-ха... Знаемъ мы эти случайности.

Прощаясь, Шмурло съ любезнымъ нахальствомъ проговорилъ:

— Заверни какъ-нибудь ко мнѣ. Мы съ Маней остановились въ „Россіи“...

Боже мой, какіе бываютъ несносные люди на свѣтѣ! Паутовъ, когда гость ушелъ, чувствовалъ себя точно послѣ горячей бани. Что же это такое, въ самомъ дѣлѣ... Ахъ, ужъ эти старые выдохшіеся друзья, отъ которыхъ нѣтъ спасенія нигдѣ!

VIII.

Сегодняшняя встрѣча произошла, дѣйствительно, случайно. Ирочка любила сидѣть на морскомъ берегу и мечтать. Методическій шумъ прибоя точно убаюкивалъ. Хотѣлось такъ сидѣть безъ конца и безъ конца слушать ропотъ морской волны. Ирочка была счастлива именно своимъ одиночествомъ. Мать по обыкновенію не обращала на нее никакого вниманія, бабушка бродила одна, какъ тѣнь, и пряталась, братъ ничего не понималъ. Дѣвушка брала съ собой какую-нибудь книгу и читала, прикрывшись зонтикомъ. Именно въ одну изъ такихъ минутъ мимо нея прошелъ какой-то господинъ, оглянулся и замедлилъ шаги. Ирочка сразу узнала Маторина и поднялась, чтобы уйти, но онъ остановилъ ее.

— Если не ошибаюсь, m-lle Паутова?..

— Да... — отвѣтила Ирочка, смущаясь и чувствуя, какъ начинаетъ краснѣть самымъ глупымъ образомъ.

— Представьте, а я васъ сразу узналъ,—продолжалъ онъ, крѣпко пожимая ея руку.—Вѣдь я васъ зналъ совсѣмъ-совсѣмъ маленькой, когда вы еще одѣвались бебе... Да, я отлично помню.

Онъ посмотрѣлъ на нее сейчасъ такими глазами, точно искалъ прежнюю Бѣбѣ, нескладную и застѣнчивую, съ угловатыми движеніями и красивыми, точно испуганными глазами. Ирочка чувствовала, что онъ смотритъ на нее какъ на женщину, сравнивая съ прежнимъ ребенкомъ, и окончательно покраснѣла густымъ румянцемъ. Ее злила всегда эта привычка мужчинъ осматривать женщинъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

Маторинъ былъ средняго роста, носилъ усы и по наружности ничего особеннаго не представлялъ. Онъ и одѣвался всегда, какъ другіе. Знавшіе его по наслышкѣ всегда при знакомствѣ удивлялись этой ординарности. Человѣкъ какъ человѣкъ,—такіе субъекты точно живутъ на желѣзнодорожныхъ вокзалахъ, въ пароходныхъ каютахъ перваго класса, въ отдѣльныхъ кабинетахъ дорогихъ кабаковъ, въ театральныхъ ложахъ на первыхъ представленіяхъ и на скамьѣ подсудимыхъ. Только когда Маторинъ улыбался, у него являлось въ лицѣ что-то особенное—рѣшительное и тонкое, причемъ глаза дѣлались свѣтлѣе, а тонкія ноздри раздувались. Что̀ касается возраста, то его, какъ говорятъ изъ вѣжливости, не было. Такіе люди сохраняются долго въ одномъ положеніи, а потомъ сразу отпускаютъ бороду и превращаются въ представительныхъ старцевъ.

Пожимая руку Ирочки, Маторинъ сразу понялъ, что дѣвушка сердится, и принялъ это на свой счетъ.

— Можетъ-быть, я помѣшалъ?—проговорилъ онъ своимъ мягкимъ, низкимъ голосомъ, переставая улыбаться.

— Нѣтъ, нисколько. Я сидѣла такъ...

Это ужъ было изъ рукъ вонъ! Особенно мило вышло: *такъ*. Ирочка отвѣтила быстро, какъ отвѣчаютъ класснымъ дамамъ дѣвочки-новички, и даже не узнала собственнаго голоса. Обычной самоувѣренности не было и въ поминѣ. Маторинъ, кажется, понялъ ея смущеніе и такъ просто говорилъ о погодѣ, о красотѣ моря, о поэзіи южной природы, точно продолжалъ недоконченный вчера разговоръ. Эти банальныя темы у него выходили какъ-то особенно мило, какъ будто онъ сообщалъ самую интересную послѣднюю новость и радовался, что первый можетъ ее сообщить.

Въ отвѣтъ на это Ирочка вдругъ почувствовала себя и легко и какъ-то особенно хорошо, точно она ждала Маторина, какъ ждутъ дорогого человѣка на свиданіе. Она отвѣтила ему въ тонъ и съ легкой иронією передала подробности своего путешествія въ Крымъ, куда пріѣхала неизвѣстно зачѣмъ.

— Мнѣ опротивѣла заграница,—разсказывала она, разсчитанно дѣлая вульгарный оборотъ.—Мнѣ въ послѣднее время начало казаться, что я вездѣ встрѣчаю самоё себя, скучающую, ненужную, равнодушную даже къ самой себѣ. Всѣ модные курорты набиты биткомъ именно такими женщинами, которыя считаютъ своимъ долгомъ показать всѣмъ, какъ имъ весело и какъ все ихъ интересуетъ. „Ахъ, Везувій!.. Ахъ, Сикстинская Мадонна!.. Ахъ, Женевское озеро!..“

— Вы, кажется, послѣднее лѣто проводили въ Павловскѣ?

— Да... И представьте, что почувствовала себя дома. Это совершенно особенное чувство.

— Въ Крыму вы едва ли будете его испытывать. Мнѣ лично Крымъ не нравится. Что-то такое есть шумное, крикливое и ненужное. Вы испытывали прелесть одиночества?

— О, даже очень, съ самаго ранняго дѣтства...

Послѣднее признаніе вырвалось у нея такъ искренно, что Маторинъ чуть замѣтно улыбнулся одними глазами.

Дальше они болтали о разныхъ пустякахъ, какъ старые знакомые, и Маторинъ нѣсколько разъ очень удачно сострилъ. Ирочка смотрѣла на него добрыми глазами и, когда Маторинъ началъ прощаться, чуть не удержала его.

Бываютъ странныя встрѣчи. Вернувшись домой, Ирочка продолжала испытывать безотчетно-пріятное настроеніе. Про себя она нѣсколько разъ повторила встрѣчу съ Маторинымъ и точно слышала его удивительный голосъ, ласковый и въ то же время властный. Въ каждой ничтожной фразѣ, въ каждомъ словѣ она старалась подыскать какой-то таинственный смыслъ. Ирочка чувствовала, что онъ посмотрѣлъ на нее совсѣмъ другими глазами, чѣмъ тѣ мужчины, которые обращали на нее вниманіе. Въ сущности, она не могла пожаловаться на равнодушіе, за ней ухаживали, но она оставалась глуха и не вѣрила ни одному изъ нихъ, потому что она считала себя дурнушкой и объясняла это вниманіе другими причинами: одни считали ее очень богатой, другіе надѣялись черезъ нее попасть въ заколдованный кругъ настоящихъ дѣльцовъ. Ея сердце еще не билось въ отвѣтъ. А теперь... Нѣтъ, она старалась не думать дальше ни о чемъ.

— Ира, ты встрѣтила Маторина?—спросилъ Паутовъ, не дождавшись отъ дочери разговора о встрѣчѣ.

— Да, встрѣтила.

— Гм... Ну, какъ онъ... то-есть спрашивалъ обо мнѣ?

— И не думалъ.

— Вы о чемъ-то говорили... Не подумай, что я слѣжу за тобой, а простая случайность.

— Болтали разные пустяки, папа.

— Гм... Это что-то не похоже на Маторина.

— И мнѣ тоже кажется. Онъ мнѣ представлялся раньше совершенно другимъ человѣкомъ.

Паутовъ только пожалъ плечами.

Изъ этого мимолетнаго разговора съ дочерью Паутовъ понялъ только одно, именно—что его звѣзда закатилась. Онъ не желалъ обманывать себя, какъ дѣлаютъ безнадежно-больные люди. Да, все кончено, и впереди оставалась приличная бѣдность. Прикинувъ въ умѣ ликвидацію своихъ дѣлъ, онъ насчиталъ въ будущемъ не болѣе десяти—двѣнадцати тысячъ годового дохода. Развѣ можно существовать порядочному человѣку на такія деньги? Одна дочь стоила ему почти такую сумму. Все, конечно, зависѣло отъ Маторина, но онъ не хотѣлъ больше его знать, а это равнялось гражданской смерти. Паутову пришли на память примѣры его погибшихъ при тѣхъ же условіяхъ предшественниковъ. Исторія повторялась по одному и тому же шаблону. И начиналась всегда одинаково: Маторинъ сразу забывалъ свою жертву, какъ забываютъ покойника, и этого было достаточно. О, какъ отлично зналъ такіе моменты Паутовъ въ качествѣ очевидца, а сейчасъ долженъ былъ примѣнять свою опытность къ собственной особѣ.

Когда Маторинъ неожиданно пришелъ самъ на виллу Елены Васильевны,—этотъ актъ вниманія не измѣнилъ ни на волосъ положенія дѣлъ. Паутовъ понялъ, что онъ пришелъ къ Ирочкѣ, и держалъ себя съ гостемъ довольно сухо.

— Ну, какъ дѣла?—равнодушно спросилъ Маторинъ тономъ человѣка, думающаго совершенно о другомъ.

— Ничего, Евгеній Ѳедорычъ,—отвѣтилъ Паутовъ, избѣгая „ты“.—Отдыхать пріѣхалъ.

— Да... Очень хорошо... Намъ пора и отдохнуть. Пусть другіе поработаютъ. Не правда ли?

— Не знаю, какъ вы, а я еще не думаю подавать въ отставку. Вотъ отдохну и за работу.

Они разговаривали какъ чужіе... Скучающее выраженіе на лицѣ Маторина прошло только съ появленіемъ Ирочки. Она, какъ и слѣдуетъ благовоспитанной дѣвицѣ, вышла къ гостю въ сопровожденіи Елены Васильевны. Паутовъ почувствовалъ себя въ положеніи того свидѣтеля, котораго вызвали въ судъ по ошибкѣ. Присутствіе Маторина дѣйствовало на дамъ возбуждающимъ образомъ. Даже Елена Васильевна сочла своимъ долгомъ нарушить свое обычное молчаніе и занимала гостя съ величіемъ королевы въ изгнаніи. Маторинъ разсказывалъ, вѣроятно, что-нибудь остроумное, потому что дамы улыбались, а глаза Ирочки вспыхивали веселымъ огонькомъ.

— Такъ мы ѣдемъ въ горы?—спрашивалъ Маторинъ.

— Непремѣнно, — соглашалась Ирочка. — Только съ проводникомъ, а иначе картина будетъ неполная.

„Да, все кончено...“—думалъ Паутовъ.

IX.

Маторинъ находилъ случай встрѣчаться съ Ирочкой каждый день. Для такого большого человѣка это выходило даже смѣшно, напоминая первые опыты какого-нибудь начинающаго кадетика. Маторину больше всего нравилось смущеніе, которое охватывало Ирочку каждый разъ, когда они встрѣчались. Тѣ женщины, съ которыми онъ дѣлилъ свои лучшія минуты до сихъ поръ, не умѣли смущаться, какъ фальшивая монета не имѣетъ блеска настоящаго драгоцѣннаго металла. Потомъ Маторину нравился острый и живой умъ Ирочки, когда она оправлялась и дѣлалась сама собой, точно они каждый разъ знакомились снова.

— Мнѣ кажется, что я васъ иногда стѣсняю,—говорилъ Маторинъ.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтила дѣвушка и смѣло посмотрѣла ему въ глаза.—Мнѣ кажется, что совершенно наоборотъ,—я чувствую себя слишкомъ просто въ вашемъ обществѣ.

— Очень радъ...

Онъ хотѣлъ прибавить что-то, но не договорилъ.

Маторинъ отлично изучилъ весь день Ирочки,—когда она гуляла, купалась, читала. Онъ въ бинокль могъ бы отлично наблюдать ее въ водѣ, но по какой-то деликатности этого не дѣлалъ. Это была именно деликатность, удивлявшая его самого. Въ сущности, каждый имѣетъ право полюбоваться красивыми формами, а на заграничныхъ курортахъ это упрощено до послѣдней степени; но вѣдь онъ не сталъ бы смотрѣть, какъ купается младшая сестра. Но его приводило въ восторгъ давно не испытанное чувство смутнаго волненія, которое охватывало его при свиданіяхъ. О, какъ давно онъ не испытывалъ этого чувства и теперь прислушивался къ нему, какъ къ внутреннему чуду. Выздоравливающій человѣкъ, когда испытываетъ первые приступы аппетита, переживаетъ то же, съ той разницей, что Маторинъ боялся признаться въ этомъ самому себѣ, точно счастливый сонъ могъ разсѣяться. Вѣдь это было бы чудомъ, своего рода воскресеніемъ, если бы онъ могъ увлечься... Съ какимъ отвращеніемъ онъ теперь думалъ о всѣхъ другихъ женщинахъ, особенно о женщинахъ своего круга. Развѣ это были люди?

Предполагавшаяся поѣздка въ горы подъ разными предлогами откладывалась день за днемъ, пока Ирочка не настояла на ней. Она прекрасно

держалась въ сѣдлѣ, такъ что проводникъ-татаринъ посмотрѣлъ на нее одобряющимъ взглядомъ.

— Я хочу въ Ялту,—предлагала Ирочка, и въ ея голосѣ послышались повелительныя нотки.

Маторину приходилось повиноваться, хотя онъ совсѣмъ не желалъ видѣть Ялты. Онъ предпочелъ бы уѣхать куда-нибудь подальше въ горы, а опытный проводникъ сумѣлъ бы оставить ихъ вдвоемъ. Ирочка была довольна и не желала замѣчать настроенія своего кавалера. Ей теперь все нравилось: и горы, и купы деревьевъ, и скрипучія арбы, на которыхъ ѣхали крымскіе „честные люди", и прятавшіяся въ зелени виллы. Ее опьяняла эта возможность летѣть впередъ. Маторинъ ѣздилъ отлично, съ лѣнивой граціей настоящаго спортсмена. Отъ быстраго движенія у него блестѣли глаза и блѣдное лицо покрылось румянцемъ.

— Какъ красиво! — повторяла Ирочка, любуясь открывшимися картинами, точно видѣла ихъ въ первый разъ.

— Да, очень...—соглашался Маторинъ.—Раньше я какъ-то не обращалъ вниманія на это.

— Смотришь-смотришь, и вдругъ хочется жить, дышать, говорить... Вы испытываете такое чувство?

— Какъ вамъ сказать?.. Это въ своемъ родѣ роскошь.

— Другими словами, вамъ все надоѣло и всѣ надоѣли.

— Конечно, послѣдняго я не скажу...

— Кажется, я должна принять это за комплиментъ? Но комплименты безнаказанно не говорятся...

— Я готовъ пострадать...

— Это слишкомъ громко сказано...

Они весело болтали всю дорогу, причемъ Ирочка смотрѣла куда-то впередъ, точно разговаривала съ какимъ-то невидимымъ горнымъ духомъ.

При спускѣ въ Ялту имъ навстрѣчу попалась большая кавалькада. Центръ составляли двѣ замѣчательно красивыхъ амазонки, съ одной изъ которыхъ Маторинъ раскланялся, а среди кавалеровъ Ирочка узнала Лунда и поморщилась.

— Вы узнали?—спросилъ Маторинъ, когда кавалькада скрылась.

— Да... Я его не виновну.

— Ахъ, да... Но я говорю не о Лундѣ, а объ одной изъ дамъ. Вы помните Маню Шмурло?

Ирочка даже оглянулась. Она хорошо разсмотрѣла обѣихъ амазонокъ. Обѣ, несмотря на молодость и красоту, имѣли такой подозрительно-подержанный видъ и были замѣтно накрашены. Неужели это Маня? И лицо совсѣмъ мертвое, съ заученной улыбкой, какъ у цирковой наѣздницы.

Жара замѣтно начала спадать. Въ воздухѣ висѣла бѣлая известковая пыль, покрывавшая всѣхъ и все. Поднималась обычная суета модпаго курорта. Неслись нарядныя коляски, гарцовали на своихъ иноходцахъ модные проводники, по набережной безцѣльно бродили скучающіе сезонные джентльмены. Настоящая публика еще не показывалась, выжидая вечерней прохлады.

— Я хочу пить,—заявила Ирочка, останавливая лошадь у ресторана надъ водой.

Затянутая парусиной веранда была полна обѣдающими. Едва нашелся свободный столикъ. Ирочка спросила мороженаго и во всѣ глаза смотрѣла на публику. Кого-кого тутъ не было, но тонъ задавали московскіе коммер-

санты со своими женами и дочерьми. Маторинъ былъ радъ, что не встрѣтилъ ни одного знакомаго.

— Какая странная публика...—вслухъ думала Ирочка.

— Какъ вездѣ,—отвѣтилъ Маторинъ, дѣлая равнодушное лицо.—Если хотите, то публики въ собственномъ смыслѣ у насъ нѣтъ...

Но Ирочка уже не слушала своего кавалера. Она сидѣла у самаго барьера и любовалась шевелившейся у берега волной, ярко-зеленой, точно пропитанной свѣтомъ. Чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ вода дѣлалась синѣе, а на горизонтѣ эта синева превращалась въ густую темную полосу.

— Что же мы сидимъ?—удивилась Ирочка—она все время думала о Манѣ Шмурло.—Пора ѣхать.

— Куда?

— Въ горы... Можетъ-быть, вы боитесь сырости?

— Нѣтъ...

Они вышли. Маторинъ сказалъ по-татарски нѣсколько словъ проводнику, которыхъ Ирочка не поняла.

— Мы поѣдемъ къ Ай-Петри,—объяснилъ Маторинъ.—Возвращаться будетъ ближе и мѣста красивѣе...

Ирочку опять охватило желаніе летѣть впередъ. Лошадь Маторина оказалась слабѣе и съ трудомъ поспѣвала за ней. Они быстро промчались по шоссе и свернули направо, на какую-то горную тропинку, по которой двѣ лошади не могли итти рядомъ. Ирочка ѣхала впереди, погоняя свою лошадь. На одномъ поворотѣ она остановилась, чтобы полюбоваться видомъ оставшейся далеко Ялты и рябившей синевой моря.

— Хорошо...—вслухъ думала она.

Маторинъ молчалъ. Онъ былъ задумчивъ, точно весь ушелъ въ себя. Проводникъ-татаринъ безучастно смотрѣлъ на господъ, спокойный за свой заработокъ. Кто же изъ проводниковъ не зналъ Маторина—ухъ! какой богатый баринъ! Такой богатый, такой богатый, что всю Ялту можетъ купить. Вотъ какой баринъ Маторинъ.

Они поднимались въ горы больше часа. Маторинъ уже начиналъ чувствовать усталость. Попадалось много хорошенькихъ уголковъ, гдѣ можно было сдѣлать привалъ, но Ирочка ѣхала все дальше.

— Я дальше не могу ѣхать...—взмолился наконецъ Маторинъ.—Пощадите мои сорокъ лѣтъ.

Остановка была сдѣлана недалеко отъ дороги, на маленькой полянѣ, окаймленной орѣховыми деревьями. Проводникъ досталъ изъ переметной сумы двѣ бутылки шампанскаго и плетеную корзиночку съ устрицами, раскинулъ на травѣ салфетку и незамѣтно исчезъ. Ирочкѣ не понравились эти приготовленія. Выходило ужъ слишкомъ банально, какъ поѣздка въ Петербургѣ на тройкахъ въ какой-нибудь шато-кабакъ.

— Я не буду пить,—коротко заявила она.—У меня что-то въ родѣ физическаго отвращенія къ пьющимъ дамамъ, даже когда это дѣлается по какому-нибудь особому случаю.

Послѣ Ялты разговоръ какъ-то не вязался. Ирочка начинала нервничать, а Маторинъ молча наблюдалъ ее и никакъ не могъ попасть въ установившійся между ними такой простой, дружескій тонъ.

Проводнику пришлось дожидаться господъ довольно долго, такъ что онъ даже успѣлъ задремать, а когда очнулся—была уже ночь. Онъ слышалъ, что господа о чемъ-то тихо разговариваютъ и барышня смѣется какимъ-то не своимъ голосомъ.

„Вотъ всегда такъ...—подумалъ татаринъ.—И у богатыхъ и у бѣдныхъ все одинаково“.

X.

Прошло недѣли двѣ. Паутовъ часто уѣзжалъ въ Ялту для какихъ-то таинственныхъ переговоровъ съ Лундомъ. Они посылали куда-то телеграммы, съ нетерпѣніемъ ждали отвѣтовъ, обсуждали, давали другъ другу совѣты и, разставаясь, думали каждый о себѣ. Дѣла были плохи, Лундъ еще на что-то надѣялся, а Паутовъ приходилъ въ молчаливое отчаяніе. Какъ на бѣду, Ирочка относилась къ отцу съ какой-то особенной нѣжностью, совсѣмъ уже не соотвѣтствовавшей всему складу ея характера. Она ждала отца и ухаживала за нимъ съ виноватой ласковостью.

— Папа, милый, ты мнѣ не нравишься... У тебя такой видъ...

— Э, пустяки!.. У меня тоже свои нервы... Мнѣ вреденъ крымскій воздухъ.

Однажды Ирочка обняла отца и проговорила съ особенной нѣжностью:

— Папа, что бы ни было, не нужно обращаться къ Маторину... Можно все потерять, кромѣ гордости.

Паутовъ молча поцѣловалъ дочь. У него были слезы на глазахъ. Событія такъ быстро шли впередъ, что не могъ помочь даже Маторинъ, потому что его помощь равнялась бы милостынѣ.

Ирочка ухаживала и за матерью и даже за бабушкой, но не получала съ ихъ стороны никакого отвѣта. Елена Васильевна смотрѣла на нее съ молчаливымъ удивленіемъ и только пожимала плечами, а сумасшедшая старуха убѣгала и пряталась. У дѣвушки опускались руки, и она просиживала на морскомъ берегу совершенно неподвижно, глядя на морскую даль, которая точно манила ее къ себѣ. Тамъ—за чертой горизонта—и просторъ, и воля, и счастье. Какъ счастливы птицы, которыя могутъ летѣть безъ конца... Море, надъ моремъ небо—и больше ничего. Нѣтъ, есть еще солнце—этотъ источникъ жизни, а слѣдовательно и податель всякаго счастья и несчастья. Значитъ, и ея счастье заключается въ жизнерадостныхъ лучахъ этого свѣтила, въ той таинственной лабораторіи, откуда льется жизнь всего органическаго міра.

— Солнце, отдай мое счастье!—шептала Ирочка.—Солнце, отдай мое маленькое счастье... Ты согрѣло мое сердце, но это еще не счастье. О, если бы я умѣла и могла, какой чудный гимнъ сложила бы въ твою честь... Чистыя дѣвушки выходили бы каждое утро на морской берегъ встрѣчать имъ твое царственное появленіе, и ихъ чистые голоса сливались бы съ таинственной музыкой морскихъ волнъ, какъ восторженный любовный шопотъ.

Особенно она любила сидѣть у моря ночью. Она съ замираніемъ сердца ждала, когда послышатся знакомые шаги, и даже закрывала глаза, какъ подстрѣленная птица, когда они раздавались.

— Ирочка...—шепталъ надъ ней знакомый чудный голосъ.

— Вы не смѣете меня такъ называть... Это мое дѣтское имя. Такъ называть меня имѣетъ право одинъ отецъ... Единственное чистое чувство—это отцовская любовь. Материнской я не испытала и поэтому не знаю.

Онъ покорно усаживался рядомъ или у ея ногъ и молчалъ. Насколько она ожидала его появленія, настолько же теперь испытывала къ нему чувство отвращенія. Да, она ненавидѣла его, и онъ это чувствовалъ.

— За что вы меня ненавидите?—тихо спрашивалъ онъ.

— Я? О, за все, за все—за все прошедшее, настоящее и будущее. Я измучилась, думая о васъ... Мнѣ больно слышать ваше имя. И вы никогда

и ничего не поймете, несчастный... Если бы вы знали, какъ я ненавижу себя—не васъ, о! это было бы слишкомъ много, а себя. Да... Я начинаю думать, что есть проклятые люди и что я принадлежу къ ихъ числу.

Онъ давалъ ей выговориться и потомъ начиналъ говорить самъ, говорить тѣ пустяки, которые говорятся только женщинамъ и которые дѣйствуютъ на нихъ сильнѣе самой страшной артиллеріи логическихъ выкладокъ и построеній. Важенъ самый тонъ, гипнотизирующій, баюкающій, не допускающій возраженій. А Маторинъ умѣлъ именно такъ говорить. Ирочка стихала какъ-то вдругъ, какъ засыпающій ребенокъ. Ей самой хотѣлось высказать такъ много, такъ много, и не хватало словъ. Въ головѣ вертѣлись какіе-то обрывки мыслей, ей хотѣлось чему-то вѣрить, и она въ смертельной истомѣ хваталась за голову, которая оказывалась лишней.

— Милый, это страшно...—шептала она, прижимаясь къ нему.—Да, страшно не вѣрить ничему, не вѣрить даже звуку собственнаго голоса... Мнѣ ничего отъ тебя не нужно... ничего... О, какъ я благодарна за то счастье, которое испытала, и какъ я жалка... Однимъ словомъ, я схожу съ ума. Мнѣ кажется, что каждый день—мой послѣдній день, каждое восходящее солнце—мое послѣднее солнце. Милый, если бы ты могъ понять хотя милліонную долю того, что переполняетъ меня всю. Мнѣ дѣлается жаль себя... Какъ въ дѣтствѣ, я опять хочу быть доброй, умной, справедливой, любящей. Я теперь люблю всѣхъ... даже камень, на которомъ сейчасъ сижу. Но я ни въ чемъ не обманываю себя, а всего меньше въ той роли, которую случайно сыграла въ твоей жизни. Помнишь, какъ ты сказалъ при первой встрѣчѣ: „я помню васъ совсѣмъ маленькой“... Тебѣ нравится любовь некрасивой дѣвушки, загаенная страсть, то, чего ты не испыталъ. О, какъ я сейчасъ понимаю все... все... все!.. И все благословляю и все проклинаю...

Она и плакала и смѣялась, охваченная сладкимъ безуміемъ. Онъ слушалъ ее и невольно поддавался какому-то уносившему чувству, какъ несетъ пловца быстрая рѣка.

— Какъ хорошо, что никто, никогда и ничего не узнаетъ,—повторяла она, загадочно улыбаясь.—Вѣдь есть неизъяснимая прелесть въ каждой тайнѣ... Никто, никто, никто!.. Такъ счастливы были языческіе боги... Тайна—это весь міръ, каждый день, каждый ударъ сердца, и тотъ счастливъ, кто владѣетъ такой тайной.

Эта мысль о тайнѣ занимала Ирочку въ особенности, и она любила возвращаться къ ней. Даже въ другихъ она цѣнила самую способность имѣть какую-нибудь тайну. Такъ, отецъ сказалъ ей:

— Ира, знаешь, я придумалъ одну вещь, о которой узнаешь потомъ...

— Да?

— Представь себѣ, самая простая вещь, а между тѣмъ разрѣшаетъ рѣшительно все. А сколько я мучился, если бы ты знала... Увѣренъ, что ты меня одобришь.

Паутовъ сдѣлался въ послѣдніе дни необыкновенно нѣженъ съ дочерью, повеселѣлъ и походилъ на прежняго Паутова. Онъ и ѣлъ попрежнему, придумывая самыя изысканныя блюда. Его тайна заключалась въ мысли о самоубійствѣ. Зачѣмъ тянуть, когда можно разомъ покончить все? А главное, не будетъ нарастающаго униженія, не будетъ жалкаго самообмана—разъ, и ничего нѣтъ. Глубокій сонъ, нирвана, покой... Умные люди даже въ почтенной древности такъ именно и дѣлали, чтобы не переживать мукъ агоніи. Будетъ, довольно. Паутову дѣлалось весело при одной мысли, какъ онъ ловко „расклапяется съ міромъ“, какъ говорятъ китайцы о смерти. Вѣроятно, большинство

его осудитъ, за исключеніемъ Ирочки, которая все пойметъ. О, это умная дѣвушка...

Разъ они вмѣстѣ отправились въ Ялту. Паутовъ, конечно, завернулъ въ „Россію“, гдѣ былъ своимъ человѣкомъ. Лакеи встрѣчали его съ той почтительностью, какъ встрѣчаютъ только настоящихъ господъ. Обѣдъ былъ заказанъ съ обычными церемоніями, причемъ нѣсколько разъ вызывался и поваръ, метръ-д'отель.

— Умѣть поѣсть—это величайшее искусство,—резонировалъ Паутовъ, когда они наконецъ выбрали себѣ столикъ на террасѣ.—Самый умный народъ, конечно, римляне, и они понимали

Паутовъ такъ и не договорилъ, что понимали римляне, и сдѣлалъ видъ, что смотритъ на море. Ирочка невольно обернулась. За два столика отъ нихъ размѣстилась какая-то компанія, а среди дамъ Ирочка узнала Маню Шмурло. Она не подошла къ нимъ поздороваться, а Паутовъ продолжалъ упорно смотрѣть на море. Получилось довольно неловкое положеніе, и обѣдъ былъ испорченъ. Съ своей стороны, Маня Шмурло тоже не узнавала Паутовыхъ и съ искусственнымъ оживленіемъ что-то разсказывала усатому господину въ цилиндрѣ. Паутовъ съ удовольствіемъ перешелъ бы на другую сторону террасы, но было уже поздно. На этомъ основаніи обѣдъ оказался скернымъ и всѣ купанья подвергались самой строгой критикѣ. Ирочка сидѣла спиной къ веселой компаніи и старалась поскорѣе кончить этотъ неудачный обѣдъ. Когда подали камбалу, приготовленную по какому-то особенному рецепту, она увидѣла, что отецъ измѣнился въ лицѣ и какъ-то жалко заморгалъ глазами. Она слышала только, что за веселымъ столомъ была произнесена фамилія Маторина..

Случилось нѣчто ужасное. Ирочка ясно разслышала одно англійское слово, которое заставило Паутова поблѣднѣть. Эта погибшая Маня Шмурло жестоко мстила за свой позоръ и разсказывала романъ Ирочки съ Маторинымъ своимъ собесѣдникамъ... У Ирочки все потемнѣло въ глазахъ. Это былъ ударъ прямо въ лицо. Она вышла изъ-за стола, пошатываясь, какъ пьяная, и чувствовала, что ее провожаютъ улыбками и насмѣшливыми взглядами. Паутовъ съ лѣстницы хотѣлъ вернуться, но она его не пустила.

— Домой...—умоляла она.

Паутовъ не спалъ всю ночь. Онъ не могъ повѣрить тому, что болтала Маня Шмурло, но его точно жгло роковое англійское слово, какимъ была заклеймлена его дочь. Недоставало только этого удара...

Утромъ онъ вышелъ на морской берегъ, чтобы немножко освѣжиться, и удивился, когда изъ воды его окликнулъ голосъ Ирочки.

— Папа... милый... прощай...

— Что ты говоришь, сумасшедшая?

— Говорю: прощай. *Они* правы...

Она поплыла отъ берега, и Паутовъ съ ужасомъ понялъ ея намѣреніе. Онъ что-то такое кричалъ, умолялъ, требовалъ лодку, а голова Ирочки была все дальше и дальше, пока не превратилась въ черную точку, которая исчезла въ морской синевѣ.

Черезъ часъ море прибило къ берегу мертвое тѣло, которое называлось еще вчера Ирочкой.

1898.

ЛИСТЪ ЖЕЛТѢЕТЪ.

I.

Утро было великолѣпное, свѣтлое, тихое, съ бодрящимъ холодкомъ. Въ началѣ сентября, когда наступаетъ бабье лѣто, такія утра провертываются нерѣдко, напоминая о быстрыхъ радостяхъ минувшей горячей поры. Варвара Ивановна особенно любила именно это бабье лѣто и не пропускала ни одного солнечнаго утра.

Было всего еще девять часовъ, когда она вышла на террасу, кутаясь въ теплый оренбургскій платокъ. Ее сразу охватилъ пріятный утренній холодокъ, и она пожалѣла мужа, который вставалъ такъ поздно и пропускалъ, благодаря лѣни, лучшее время дня. Да, все было хорошо... И этотъ запущенный старый садъ, и далекій видъ, открывавшійся съ конца главной аллеи, гдѣ была устроена бесѣдка въ самомъ отчаянномъ русскомъ стилѣ, и даже начинавшіе вянуть цвѣты. На всемъ лежалъ отпечатокъ начинавшагося увяданія, но это была здоровая и бодрая старость хорошо поработавшаго человѣка. Время не было потеряно напрасно, ни одной минуты не было потрачено даромъ. Природа точно подводила итоги сдѣланному, и Варвара Ивановна любила думать въ этомъ направленіи, гуляя по аллеѣ. Мысли неслись быстро, какъ перелетныя птицы, неслись въ какую-то безвѣстную даль, нагоняя тихую грусть и сладкое раздумье.

Съ террасы она спустилась на небольшую круглую площадку, гдѣ были разбиты цвѣточныя клумбы по всѣмъ правиламъ садовой геометріи. Увы, половина цвѣтовъ уже покончила свое существованіе естественнымъ путемъ, а другая половина была захвачена недавнимъ утренникомъ. Красавицы-георгины умирали въ полномъ цвѣту. Жаль было на нихъ смотрѣть. Вѣдь это несправедливо—умирать въ разгаръ жизни. Варвара Ивановна была увѣрена, что растенія могутъ чувствовать, конечно, по-своему. Вѣдь каждое растеніе тянется къ свѣту, слѣдовательно оно должно страдать, если лишить его свѣта. То же самое и съ тепломъ. Другое, что̀ бросалось ей въ глаза, были куры, которыя теперь преспокойно разгуливали въ садикѣ, составлявшемъ для нихъ въ теченіе лѣта запретный плодъ. Да, опѣ уже завладѣли умиравшими цвѣтниками, и садовникъ не выгонялъ ихъ. Калитка во дворъ стояла открытой. Все равно вопросъ заключался въ нѣсколькихъ дняхъ. Варвара Ивановна остановилась и наблюдала, какъ хлопотливо рылись въ грядахъ молодые цыплята, недавніе любимцы дѣтей. Вонъ ходитъ и maman, очень почтенная матрона, которую дѣти прозвали почему-то „тещей“. „Теща“ закончила воспитаніе своего выводка и сердито отгоняла отъ себя недавнихъ любимцевъ, за которыхъ готова была еще недавно отдать жизнь. Варвара Ивановна изо дня въ день наблюдала эту маленькую куриную драму и жалѣла цыплятъ, которые

въ первое время не хотѣли понять счастья наступившей самостоятельности и жались одной кучкой, какъ одинаково обиженные люди. Отъ этого куринаго выводка мысли Варвары Ивановны незамѣтно скользнули на свое собственное гнѣздо. Неужели она когда-нибудь почувствуетъ материнскую холодность къ своимъ собственнымъ дѣтямъ, какъ „тещa“? Нѣтъ, человѣческая натура въ этомъ случаѣ справедливѣе... Правда, что нѣкоторая разница уже чувствовалась. Ей казалось, что она всѣхъ дѣтей любитъ одинаково, а отецъ отдавалъ явное преимущество Сонѣ.

— Мальчишки—это твоя забота, а дочь моя,—объяснялъ онъ.

— Меня это удивляетъ, Павелъ Васильичъ...

— Нечему тутъ удивляться... Законъ природы, что мать любитъ больше сыновей, въ которыхъ видитъ будущихъ мужчинъ. А я люблю свою маленькую женщину...

— Тоже законъ природы? Это ужъ глупости.

Провѣряя себя, Варвара Ивановна нашла, что она поступаетъ тоже какъ будто „тещa“, хотя и съ другими цѣлями. Два мальчика учились въ гимназіи, а „маленькая женщина“ въ пансіонѣ. Варвара Ивановна отправляла дѣтей въ Москву раньше, а сама оставалась на дачѣ еще недѣли двѣ, чтобы воспользоваться бабьимъ лѣтомъ въ деревнѣ. Павелъ Васильичъ не протестовалъ, но, кажется, немного завидовалъ дѣтямъ. Его тоже тянуло въ Москву, гдѣ начинался съѣздъ знакомыхъ съ разныхъ концовъ Россіи.

— Ничего, пусть поживутъ одни,—говорила Варвара Ивановна.—Зато какъ они всѣ обрадуются, когда мы вернемся. Маленькая разлука оживляетъ семейныя чувства, а затѣмъ придастъ самостоятельность. Гриша выглядитъ уже совсѣмъ большимъ, когда остается одинъ.

Гуляя по аллеѣ, Варвара Ивановна невольно пожалѣла свое „маленькое человѣчество“, какъ называлъ Павелъ Васильичъ дѣтей. Какъ бы они бѣгали и веселились, а теперь бѣдняжки томятся въ классѣ, еще полные деревенскихъ лѣтнихъ впечатлѣній. Это первый житейскій холодокъ, который служитъ только предвѣстникомъ послѣдующихъ испытаній.

Варвара Ивановна зашла въ бесѣдку и долго любовалась открывавшимся отсюда видомъ. Дача стояла на горѣ, а сейчасъ подъ ней, на берегу рѣки, разсыпались деревенскія избы, за рѣкой поднимался уступами крутой берегъ. Благодаря свѣтлому осеннему воздуху, всѣ мелочи широкой картины вырѣзывались особенно отчетливо. Варвара Ивановна не была въ бесѣдкѣ уже съ недѣлю и съ грустью замѣтила, что за это время березы на горѣ уже пожелтѣли.

„Да, вотъ и листъ желтѣетъ“, — подумала про себя Варвара Ивановна и вздохнула по неизвѣстной причинѣ.

II.

„Собственная дача“ была мечтой всей жизни для Говоровыхъ, и эта мечта наконецъ осуществилась. Они гордились этой собственной дачей и даже какъ будто стѣснялись немного передъ знакомыми, у которыхъ не было собственной дачи. Вѣдь это такое счастье, а всякое счастье эгоистично по своей природѣ.

Раздумавшись на эту тему, Варвара Ивановна припомнила одно обстоятельство, которое время отъ времени отравляло ей чувство собственности. Дѣло въ томъ, что „собственная дача“ была пріобрѣтена по случаю. Говоровы уже нѣсколько лѣтъ откладывали понемногу деньги на „монрепо“, прицѣнивались и составляли планы будущаго уютнаго уголка, а кстати просматри-

вали появлявшіяся въ газетахъ объявленія о продававшихся имѣніяхъ, гдѣ ихъ вниманіе особенно привлекали такія ремарки, какъ „случайно“, „за отъѣздомъ“, „быстро“ и т. д. Между прочимъ, они наткнулись на таинственное объявленіе, гласившее, что продается отличная барская дача „совершенно случайно“. Послѣдняя фраза ихъ заинтриговала. Будущіе собственники уже испытывали припадки легкой наживы, въ чемъ не сознавались даже самимъ себѣ.

— Ого, совершенно случайно,—вслухъ думалъ Павелъ Васильичъ.—Нужно будетъ посмотрѣть. Какой-нибудь прогорѣвшій баринъ или замотавшійся маменькинъ сынокъ. Бываетъ... Сейчасъ видно по фразировкѣ: *совершенно случайно.*

Не теряя дорогого времени, Говоровъ отправился по газетному адресу навести необходимыя справки. Оказалось, что авторъ публикаціи, Владимиръ Гавриловичъ Чапчинъ, проживаетъ у себя въ имѣніи, т.-е. на той собственной дачѣ, отъ которой хотѣлъ избавиться. Пришлось ѣхать прямо на дачу. Дѣйствительность превзошла самые смѣлые планы, какими только задавались когда-нибудь Говоровы. Прекрасная дача, устроенная для себя, продавалась въ буквальномъ смыслѣ за полцѣны, такъ что Говорову сдѣлалось даже немного совѣстно.

— Мнѣ кажется, что этотъ господинъ не совсѣмъ того...—объяснялъ онъ женѣ, вернувшись изъ поѣздки.

— Именно?

— Да такъ... Представь себѣ, онъ точно ненавидитъ свою дачу, какъ можно ненавидѣть только живое существо.

— А кто онъ такой?

— Бывшій помѣщикъ... А теперь гдѣ-то служитъ. По всему видно, что человѣкъ получилъ прекрасное воспитаніе, всѣ привычки порядочнаго человѣка,—однимъ словомъ, баринъ.

— Семейный?

— Кажется... А впрочемъ, ничего не могу сказать.

На этомъ пунктѣ объясненія Говорова совершенно прекратились. Онъ ничего не могъ отвѣтить толкомъ, и Варварѣ Ивановнѣ приходилось догадываться уже самой. Ну, конечно, женатый—какъ же иначе? Развѣ холостые устраиваютъ для себя дачи? Само собой понятно, а Павелъ Васильичъ просто рохля, какъ всѣ мужчины. Впрочемъ, могла быть и не жена, а какая-нибудь „особа“, что при нынѣшней испорченности встрѣчается нерѣдко.

— А намъ-то какое дѣло?!—разсердился Говоровъ заднимъ числомъ.—Ну какое мнѣ дѣло, была у Чапчина жена или любовница, или чортъ знаетъ кто?

— Все-таки...

— Ахъ, отстань, ради Бога!..

Супруги даже немного поссорились по этому поводу, причемъ Павелъ Васильичъ, по необъяснимой логикѣ, оказался неисправимымъ эгоистомъ. Варвара Ивановна серьезно обидѣлась на него.

Дѣло съ покупкой дачи совершилось необыкновенно быстро, такъ что первое время Говоровы даже удивлялись, что у нихъ есть собственная дача. Всю жизнь прожили по чужимъ угламъ, а тутъ сразу собственники. Въ теченіе перваго лѣта это чувство не оставляло ихъ, и они любили разговаривать на эту тему.

Лично для Варвары Ивановны пріобрѣтеніе дачи было связано съ однимъ непріятнымъ эпизодомъ, о которомъ она вспомнила именно сегодня. Когда они

заканчивали устройство новаго гнѣзда по своему вкусу, въ одно прекрасное утро къ дачѣ подъѣхалъ дорожный экипажъ, изъ котораго выскочилъ полный мужчина съ великолѣпной окладистой русой бородой. Онъ позвонилъ у калитки и долго о чемъ-то разговаривалъ съ садовникомъ, замѣнявшимъ дворника. Варвара Ивановна случайно выглянула въ окно и обомлѣла отъ ужаса. Это былъ онъ, Аркадій Степанычъ Мухинъ, котораго она считала уже несуществующимъ. Это была ужасная минута...

На бѣду Павелъ Васильичъ гулялъ въ саду и тоже вышелъ на звонокъ. Произошелъ приблизительно такой діалогъ.

— Какъ жаль, что я опоздалъ,—говорилъ пріѣзжій.—Я летѣлъ изъ-за границы, чтобы купить эту дачу... да. А этотъ сумасшедшій уже успѣлъ ее продать. Не могъ подождать какого-нибудь мѣсяца, а еще пріятель. Совершенно сумасшедшій...

Повинуясь безотчетному движенію, Варвара Ивановна вышла тоже къ калиткѣ. Мухинъ посмотрѣлъ на нее прищуренными глазами и проговорилъ:

— Если не ошибаюсь, мы съ вами встрѣчались, Варвара... Варвара Ивановна.

— Да... Бываютъ пріятныя неожиданности...

Она отвѣтила съ спокойной улыбкой, не измѣнивъ себѣ ни однимъ звукомъ, ни однимъ движеніемъ. Павелъ Васильичъ въ качествѣ новаго пропріетера счелъ долгомъ пригласить гостя позавтракать, а тотъ имѣлъ нахальство принять это приглашеніе. Боже мой, какихъ ужасныхъ два часа провела Варвара Ивановна... Она все время была какъ на иголкахъ и прибѣгла къ самому рѣшительному средству, къ которому женщины иногда обращаются въ критическую минуту. На сцену появились дѣти. Они смотрѣли на гостя своими удивленными дѣтскими глазками и ничего не понимали, а Варвара Ивановна точно защищалась ими. Гость, кажется, понялъ это и нѣсколько разъ повторилъ:

— Какія милыя дѣтки...

— А вы попрежнему живете бобылемъ?

— О, да... Семейное счастье—удѣлъ избранниковъ, а я давно уже вышелъ въ тиражъ.

III.

До завтрака оставался цѣлый часъ. Успѣли перебрать всѣхъ старыхъ общихъ знакомыхъ, а время точно остановилось. Гость иногда отвѣчалъ разсѣянно, занятый какими-то своими мыслями. Наконецъ онъ проговорился.

— Знаете, на этой дачѣ разыгралась тяжелая семейная драма... Теперь дѣло прошлое, и я могу говорить. У вашего предшественника была премилая жена... Ее звали Вѣрой Ѳедоровной. Это была совсѣмъ особенная женщина... какъ сказать... со стороны она могла показаться даже странной. Да... Я ее называлъ экзальтированной идеалисткой. Знаете, есть такія особенныя натуры, не умѣющія приспособляться... Чащины слыли за счастливую парочку, хотя... Кто можетъ проникнуть въ глубину женской души и сказать, что вотъ эта женщина меня любитъ? Я бы, по крайней мѣрѣ, изъ чувства самосохраненія никогда не позволилъ себѣ этого сказать... Вѣра Ѳедоровна очень мило играла на роялѣ... пѣла... вообще обладала цѣлымъ рядомъ тѣхъ маленькихъ женскихъ талантовъ, какіе скрашиваютъ жизнь. Я думаю, что ея главное несчастье заключалось въ томъ, что у нея не было дѣтей. Можетъ-быть, поэтому она скучала, иногда даже плакала... Ея страстью были цвѣты. Это было что-то болѣзненное... Она даже разговаривала со своими любимцами... Потомъ... Въ

жизни каждаго бываютъ роковые катаклизмы... да. Потомъ она встрѣтилась съ человѣкомъ, который имѣлъ на нее какое-то непонятное и ничѣмъ необъяснимое вліяніе. Она и любила его и ненавидѣла въ одно и то же время, что̀ тоже случается съ такими натурами. Онъ, этотъ избранникъ сердца, увлекъ ее... да... Но она была вся чистая и все разсказала мужу, а этотъ негодяй, бывшій другъ дома, свой человѣкъ, самымъ позорнымъ образомъ скрылся. Да, бѣжалъ, какъ мерзавецъ...

На послѣдней фразѣ гость сдѣлалъ особенное удареніе и посмотрѣлъ своими красивыми глазами на Варвару Ивановну, у которой на лицѣ выступили красныя пятна. О, она отлично понимала, о какомъ негодяѣ шла рѣчь, и инстинктивно схватилась за своего старшаго мальчика.

— Что̀ же онъ, мужъ?—спрашивалъ Павелъ Васильичъ.

— Онъ? Представьте себѣ, онъ безумно ее любилъ и поэтому... Однимъ словомъ, между ними разыгралась довольно бурная сцена, и онъ все-таки нашелъ въ себѣ силы простить ее, но она не нашла въ себѣ силы принять этого прощенія. Она отравилась.

— Вотъ вамъ и идеальная женщина!—удивился Павелъ Васильичъ.

Увлекшись разсказомъ, гость хотѣлъ показать даже комнату, гдѣ разыгрался финалъ драмы, но Варвара Ивановна протестовала.

— Ради Бога, не нужно... Тѣнь этой отравившейся несчастной женщины будетъ преслѣдовать меня, и я не войду въ эту комнату, гдѣ...

— Виноватъ, это было даже не въ комнатѣ, а на террасѣ, на которой мы сейчасъ сидимъ. Да, да...

Варвара Ивановна быстро поднялась и еще быстрѣе ушла.

— Да, дѣйствительно...—точно жевалъ слова Павелъ Васильичъ и въ оправданіе жены прибавилъ:—Она у меня, знаете, нервная... Да и дѣтямъ это не слѣдуетъ знать.

— Простите, просто сорвалось съ языка. Я человѣкъ безъ предубѣжденій и, какъ видите, даже хотѣлъ купить эту отравленную воспоминаніями дачу.

Варвара Ивановна, нѣсколько успокоившись, вернулась и проговорила, обращаясь къ мужу:

— Я тебѣ говорила, что здѣсь что-нибудь было... Вотъ тебѣ и *совершенно случайно.*

— Да, да,—виновато бормоталъ Павелъ Васильевичъ.—Но кто бы могъ это предвидѣть? Случайность, душа моя...

Почему-то Варварѣ Ивановнѣ мужъ показался сейчасъ тѣмъ, что̀ называютъ колпакомъ, точно онъ сдѣлался ниже ростомъ и какъ-то весь распустился. Она готова была почти возненавидѣть его. А гость казался рядомъ съ нимъ такимъ молодцомъ, хотя уже былъ въ годахъ.

— Если бы вы позволили мнѣ взглянуть на вашъ садъ...—просилъ Мухинъ, когда кончился завтракъ.

Это было уже возмутительно, тѣмъ болѣе, что по деревенскому этикету пришлось итти съ нимъ хозяйкѣ.

— Вы не можете представить себѣ, Варвара Ивановна, какъ я радъ, что встрѣтилъ васъ,—говорилъ онъ, когда они вдвоемъ шли по аллеѣ.

— А вы не можете представить, какъ я удивляюсь вашему... вашему...

— Нахальству?—поправилъ Мухинъ съ улыбкой.

Въ тонѣ его голоса послышались уже фамильярныя ноты, которыя заставили Варвару Ивановну вздрогнуть. Она даже оглянулась на террасу, гдѣ оставался мужъ. Это инстинктивное движеніе заставило гостя улыбнуться.

— Несчастный, это вы про себя изволили разсказывать?—уже вполголоса спросила она.—Какъ я васъ знаю... Вы мнѣ во второй разъ отравляете жизнь...

— Повѣрьте, что противъ всякаго желанія...

— Вы ее любили?—спросила Варвара Ивановна послѣ паузы.

Теперь онъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на нее какъ-то испуганно, точно она подслушала его тайныя мысли.

— Не знаю... Мнѣ начинало казаться, что любилъ, то-есть уже послѣ ея смерти.

— Знаете, что̀ я вамъ скажу: вы гадкій... нахалыный... Въ довершеніе всего вы настолько утратили всякое нравственное чувство, что способны ломаться тамъ, гдѣ эта несчастная жертва вашего эгоизма покончила самоубійствомъ. Вообще я васъ ненавижу и презираю, какъ гадину... Вы даже не сто̀ите того, чтобы васъ убить.

Онъ слушалъ молча, опустивъ голову, и это еще больше возмущало ее.

— Вы сегодня совершили двойное преступленіе, гадкій человѣкъ... Это мѣсто только не кричитъ противъ васъ. Здѣсь страдала и мучилась ваша жертва, здѣсь наконецъ живу я... Какъ вамъ не стыдно было перешагивать порогъ нашего дома и вторгаться въ семью? Боже мой, сколько слезъ, сколько горя, мукъ и раскаянія принесли вы мнѣ...

Она въ отчаяніи ломала руки.

— Сядемте...—предложилъ онъ какимъ-то упавшимъ голосомъ.

Ей показалось, что онъ пошатнулся, какъ пьяный. Опустившись на скамью, онъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ. Плачущій мужчина вообще не возбуждаетъ сожалѣнія, и Варварѣ Ивановнѣ хотѣлось просто ногой оттолкнуть эту гадину.

— Вѣра... Вѣрочка...—шепталъ онъ сквозь слезы.—Я знаю, что она простила меня... у меня есть даже письмо...

— Значитъ, все въ исправности, до оправдательнаго документа включительно?

— А если я ее любилъ?!—какъ-то застоналъ онъ.

— Вы? любили?..

— Да, я... Любилъ и сознавалъ, что недостоинъ ея взгляда, одного ея слова... Вы совершенно правы, считая меня гадиной. Но я не хотѣлъ губить ея душу... не хотѣлъ, чтобы она презирала самоё себя.

IV.

Это была самая жалкая сцена, какую только приходилось когда-нибудь испытать Варварѣ Ивановнѣ. Ей пришлось чуть не утѣшать этого отвратительнаго человѣка...

— Ради Бога, только выслушайте меня!—молилъ онъ, хватая ее за руку.—Меня замучила совѣсть... я плохо кончу... я ненавижу самого себя въ тысячу разъ больше, чѣмъ ненавидите сейчасъ меня вы. Вѣдь вы такъ мало меня знаете, а я... Боже мой! Мнѣ кажется, что я заражаю самый воздухъ, которымъ дышу... Но вѣдь и я человѣкъ, и меня что-то создало именно такимъ, какимъ я есть. Въ жизни есть обстоятельства, которыя сильнѣе насъ... Я не вѣрю ни въ добродѣтель ни въ порокъ—все это исключительно дѣло одного темперамента, за который обвинять человѣка нельзя. Знаете, съ какими мыслями я ѣхалъ сюда?

Онъ съ улыбкой досталъ изъ кармана маленькій револьверъ.

— Перестаньте, такіе люди не стрѣляются,—спокойно замѣтила она и даже засмѣялась.—Все это слова, слова и слова...

— Вы ошибаетесь, Варвара Ивановна,—отвѣтилъ онъ, не обижаясь.— Именно такіе люди и стрѣляются... Я даже выбралъ мѣсто... вашу бесѣдку... Подъѣзжаю—и вдругъ кого же встрѣчаю!..

— Совсѣмъ трогательная картина...

— Нѣтъ, серьезно... Нужно же было такъ случиться, и это могло случиться только со мной... Мнѣ даже умереть по-человѣчески не удается.

— Вотъ что̀, Аркадій Степановичъ... Вамъ пора ѣхать.

— Вы меня гоните?

— Да...

Онъ покорно поднялся и пошелъ за ней, какъ провинившійся ребенокъ. У клумбы съ цвѣтами онъ остановился и сорвалъ на память бѣлую маргаритку. Этотъ человѣкъ не могъ ничего дѣлать безъ театральнаго эффекта. О, какъ Варвара Ивановна презирала его сейчасъ!

Когда нежданный гость уѣхалъ, Павелъ Васильичъ замѣтилъ:

— А этотъ гость того... гм...

— Именно?

— Зачѣмъ онъ пріѣзжалъ сюда?.. Какъ мнѣ кажется, онъ, то-есть у него что-то здѣсь таки-было. Очень ужъ сладко распространялся объ этой несчастной идеальной женщинѣ.

Варвара Ивановна только презрительно пожала плечами, припомнивъ фразу, которую ей сказалъ на прощанье Мухинъ:

— Мы видимся въ послѣдній разъ... Я знаю, что это васъ радуетъ. Да, въ послѣдній... Признайтесь, что вы побаивались меня?.. Ну, да я не злопамятенъ... Прощайте.

Даже добродушный Павелъ Васильичъ догадался, что странный гость пріѣзжалъ не спроста. Онъ обыкновенно ошибался въ людяхъ, какъ всѣ очень добрые люди, судящіе о другихъ по себѣ. Эта догадливость не къ мѣсту разсердила Варвару Ивановну. Она слишкомъ много пережила за эти часы и чувствовала непреодолимую потребность выплакаться. Да, теперь собственная дача была отравлена навсегда, и Варвара Ивановна возненавидѣла ее. Нужно же было пріѣхать этому несчастному человѣку! Какое счастье иногда не знать что-нибудь, какъ сейчасъ ничего не подозрѣваетъ Павелъ Васильичъ. Недоставало только, чтобы онъ догадался окончательно...

Какую ужасную ночь пережила Варвара Ивановна послѣ этого визита! То прошлое, которое казалось позабытымъ и похороненнымъ навсегда, поднялось съ новой силой. Кромѣ того, ей казалось, что по комнатамъ кто-то ходитъ, и даже различала легкіе женскіе шаги. Да, это была она, потревоженная тѣнь той женщины, которая заплатила жизнью за свою роковую ошибку. Варвара Ивановна нѣсколько разъ садилась на своей постели и слышала, какъ билось ея собственное сердце, какъ стучала кровь въ вискахъ, и опять этотъ таинственный шорохъ, заставлявшій ее дрожать. Она думала, что сходитъ съ ума... Ее неудержимо тянуло обойти всѣ комнаты и осмотрѣть всѣ углы, чтобы убѣдиться въ собственной галлюцинаціи. Потомъ ей начало казаться, что это бродитъ она сама, что она точно раздѣлилась и ея двойникъ не находитъ себѣ покоя. Она едва дождалась разсвѣта, когда таинственные шаги прекратились.

Эта мука продолжалась сряду нѣсколько ночей, и Варвара Ивановна не рѣшилась ничего сказать мужу, чтобы не показаться смѣшной въ его глазахъ. Невидимая тѣнь преслѣдовала ее и днемъ. Ей казалось, что кто-то невидимый стоитъ за ея стуломъ, и, гуляя въ саду, она слышала шаги за собой. Этотъ проклятый домъ былъ наполненъ этой женщиной. Разъ она ясно

слышала чей-то шопотъ въ саду. Кто-то назвалъ ее по имени, и она опрометью бросилась на террасу, какъ ребенокъ, испугавшійся собственной тѣни. Вмѣстѣ съ тѣмъ Варварѣ Ивановнѣ страстно хотѣлось увидѣть эту таинственную женщину, по крайней мѣрѣ узнать, какая она была: высокая, тонкая, брюнетка или блондинка? Оставшійся послѣ Чащина садовникъ хорошо ее зналъ, но отличался неразговорчивостью и на разспросы барыни отвѣтилъ довольно сурово:

— Что тутъ разсказывать... Извѣстно: грѣхъ.

Старую барыню помнила старуха, которая приходила полы мыть, но при всемъ желаніи не умѣла ничего разсказать.

— Хорошая была барыня... великатная... Плакала часто, потому какъ Господь обидѣлъ дѣтками... Придетъ къ намъ на деревню и съ нашими ребятишками возится... Добрая была душенька, а только Богъ вѣку не далъ.

Варвара Ивановна настойчиво искала хоть какихъ-нибудь слѣдовъ своей таинственной предшественницы и только въ бесѣдкѣ, на колоннѣ, нашла двѣ переплетенныхъ между собой буквы, вырѣзанныхъ ножикомъ, — В и А. Она поняла, почему Мухинъ хотѣлъ застрѣлиться именно въ бесѣдкѣ. Да, у нихъ здѣсь были свиданія, можетъ-быть, здѣсь они обмѣнялись первымъ поцѣлуемъ, сюда она торопливо шла вечеромъ, скрываясь отъ собственной тѣни, и здѣсь же мечтала о немъ, объ этомъ недостойномъ и низкомъ человѣкѣ. Варварѣ Ивановнѣ начинало казаться, что все это дѣлала она сама, и что ея уже нѣтъ на свѣтѣ, и что въ бесѣдку приходитъ уже только ея печальная тѣнь. Она по цѣлымъ часамъ сидѣла въ бесѣдкѣ, ожидая чего-то и чувствуя, что поступаетъ нехорошо. Ей дѣлалось совѣстно, но она не имѣла силъ уйти отсюда, съ этого проклятаго мѣста, и снова переживала собственное прошлое, которое неразрывно было связано съ настоящимъ.

Она была двадцатилѣтней дѣвушкой, когда познакомилась съ нимъ на морскомъ берегу, въ Финляндіи. Тогда ему было за тридцать. Это былъ левъ курорта, беззаботный, веселый, жизнерадостный. Ему все улыбалось, и всѣ ему улыбались. Одно его присутствіе, какъ солнечный лучъ, вносило какую-то радость, и всѣ точно чувствовали себя легче. Курортъ былъ до невозможности скучный, и такой кавалеръ, какъ Мухинъ, являлся для дамскаго общества настоящей находкой. Онъ, кстати, умѣлъ и ухаживать какъ-то безобидно, — ухаживалъ сразу за всѣми. Между прочимъ, и Варвара Ивановна не избѣгла общей участи. Этотъ дамскій баловень то ухаживалъ за ней, то не замѣчалъ, то начиналъ преслѣдовать своими безконечными шутками. Она даже нѣсколько разъ плакала потихоньку, проклиная собственную ненаходчивость.

— Я васъ ненавижу,—сказала она ему однажды вполнѣ откровенно.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее и улыбнулся одними глазами, какъ умѣлъ это дѣлать онъ одинъ.

— Очень ненавидите?—спросилъ онъ потомъ съ фамильярностью избалованнаго человѣка.

— Да, какъ умѣю. За что вы меня преслѣдуете?

Онъ опять засмѣялся и ничего не отвѣтилъ. Послѣ этой мимолетной сцены Варварѣ Ивановнѣ начало казаться, что онъ потихоньку наблюдаетъ ее и относится съ уваженіемъ. О, она чувствовала на себѣ теплоту этихъ чудныхъ глазъ и переживала сладкое волненіе просыпавшейся женщины. Вѣроятно, такъ же смутно волнуется похороненное въ землѣ зерно, когда его согрѣетъ первый весенній солнечный лучъ. Она не отдавала себѣ отчета, что съ ней дѣлается, и только чувствовала, что ей хорошо, чудно хорошо, какъ еще никогда не бывало. Другія водяныя дамы замѣтили ея счастливое на-

строеніе и завидовали ей, какъ счастливой избранницѣ, — вѣдь любовь заразительна, какъ всякая другая болѣзнь, и для всѣхъ было ясно, что Мухинъ въ концѣ концовъ сдѣлаетъ Варварѣ Ивановнѣ предложеніе.

Поощренная этими маленькими успѣхами, дѣвушка быстро пошла впередъ, тѣмъ болѣе, что водяной левъ въ ея присутствіи началъ теряться и не разъ попадалъ въ очень смѣшное положеніе. Роли перемѣнились. Теперь уже Варвара Ивановна преслѣдовала зазнавшагося баловня.

Но эта опасная игра закончилась совершенно неожиданно. На одномъ изъ пикниковъ, которые такъ мило умѣлъ устраивать Аркадій Степанычъ, Варвара Ивановна находилась въ особенно счастливомъ настроеніи. Пикникъ закончился прогулкой въ сосновомъ лѣсу, гдѣ „не было дорожекъ“, что составляло особенную прелесть. Компанія разбилась сама собой на парочки, и Варвара Ивановна осталась съ глазу на глазъ съ Мухинымъ. Они шли подъ-руку по сосновой чащѣ, гдѣ такъ и обдавало смолистымъ застоявшимся ароматомъ.

— Вы не боитесь?—спрашивалъ Мухинъ, прижимая къ себѣ руку дѣвушки.

— Я? Вотъ это мило...

Ей вдругъ сдѣлалось какъ-то особенно легко. Голова чуть-чуть кружилась. А онъ говорилъ о своей любви, о своихъ страданіяхъ, о томъ, что не узнаётъ самого себя, что ему жизнь опостылѣла, что онъ покончитъ съ собой, если не встрѣтитъ сочувствія. Она молчала, чувствуя, какъ вся дрожитъ и какъ у нея захватываетъ духъ. Какая чудная минута, сколько поэзіи...

— Всего одно слово, Варвара Ивановна... Варя...

И это послѣднее слово было сказано.

V.

На другой день Мухинъ исчезъ, оставивъ послѣ себя письмо, жалкое, унизительное, обидное. Онъ писалъ, что уѣзжаетъ по неотложнымъ дѣламъ всего на нѣсколько дней, но это была жалкая ложь, сквозившая въ каждой буквѣ. Варвара Ивановна поняла, что весь расчетъ построенъ только на томъ, чтобы выиграть время и дать ей срокъ прійти въ себя и одуматься. Она не плакала и наружно ничѣмъ не выдала себя, продолжая прежній образъ жизни. Привозившая ее на морскія купанья тетка ничего не подозрѣвала, какъ и всѣ другіе, хотя дамы, участвовавшія въ пикникѣ, поглядывали на нее съ загадочными улыбками, и каждый такой взглядъ кололъ и рѣзалъ ее. Но приходилось все переносить и дѣлать видъ, что ничего не замѣчаешь. Всякая мысль о счастьѣ въ будущемъ была закрыта навсегда. Дѣвичьи гордыя мечты разлетѣлись дымомъ. На общепринятомъ жаргонѣ это называлось „дѣвушкой съ прошлымъ“.

Да, это было проклятіе, нѣчто въ родѣ первороднаго грѣха. Съ морского берега Варвара Ивановна вернулась домой совершенно другимъ человѣкомъ. Приходилось начинать новую жизнь, чтобы искупить свою невольную ошибку. Но развѣ для женщины есть искупленіе? Развѣ женщинѣ что-нибудь прощается? Мужчина дѣлаетъ, что хочетъ, и ему все сходитъ съ рукъ. У Варвары Ивановны было нѣсколько жениховъ, но раньше она медлила выборомъ, потому что не любила ни одного. Они бывали въ домѣ, говорили риторныя любезности, позволяли себѣ почтительно ухаживать за ней, насколько это позволялось приличіями. А теперь? Боже мой, если бы они узнали, что она такое, съ какимъ презрѣніемъ всѣ они отвернулись бы отъ нея. О, она теперь въ каждомъ мужчинѣ начала видѣть своего злѣйшаго врага, человѣка, который по праву и безъ сожалѣнія броситъ въ нее первый камень...

И за всѣмъ тѣмъ ей приходилось разыгрывать роль дѣвушки-невѣсты, выѣзжать въ концерты, на балы, вообще продѣлывать тотъ обязательный кругъ удовольствій, который полагается дѣвушкамъ въ ея положеніи. Тогда они жили въ Петербургѣ, у отца былъ большой кругъ знакомства, и жизнь катилась быстро. Но она не могла такъ продолжаться вѣчно, и Варвара Ивановна начала чувствовать себя лишней въ родной семьѣ. Это было гнетущее сознаніе.

— Отчего ты не хочешь выходить замужъ? — ласково допытывался отецъ.

— Такъ, папа... Мнѣ никто не нравится.

— Гм... да... Прежде это дѣлалось иначе, а нынче дѣвушки всегда требуютъ невозможнаго. Нельзя для каждой найти героя... А время идетъ да идетъ, Варя. Не успѣешь оглянуться, какъ... Впрочемъ, я это такъ говорю, къ слову. Всякое принужденіе я считаю безнравственнымъ...

Какъ ей хотѣлось броситься къ отцу на шею и разсказать ему все, выплакать свое дѣвичье горе и вымолить прощеніе, но какая-то непреодолимая сила удерживала ее отъ такого объясненія. Ей дѣлалось страшно жаль отца.

Зимой она встрѣтила случайно Мухина въ концертѣ. У нея заходили круги предъ глазами. Онъ подошелъ къ ней съ улыбкой, какъ добрый старый знакомый.

— Какъ странно, что мы до сихъ поръ не встрѣчались нигдѣ...

Она молчала и только смотрѣла на него глазами, полными отчаянія.

Онъ былъ красивъ попрежнему и попрежнему жизнерадостенъ. Можетъ-быть, онъ былъ счастливъ, и за нимъ ревниво слѣдила не одна пара женскихъ глазъ. А она даже не могла отойти отъ него, чтобы не выдать себя головой. Это его даже заинтриговало, и его красивые глаза затеплились предательской теплотой. Она что-то такое болтала и даже смѣялась, такъ что онъ наконецъ проговорилъ:

— А вы умненькая...

Это замѣчаніе для нея было ударомъ хлыста, и она почувствовала даже физическую боль, какъ отъ удара. Но въ этотъ же моментъ ей сдѣлалось все понятнымъ. Господи, вѣдь она человѣкъ, живой человѣкъ, и еще цѣлая жизнь впереди... О, она будетъ жить и будетъ давать жизнь другимъ и въ этой повторенной жизни найдетъ свое оправданіе. Кому нужно ея горе, ея отчаяніе, ея слезы?

Въ теченіе двухъ сезоновъ она отыскивала себѣ мужа. Иллюзій больше уже не существовало, золотые сны юности погасли, и приходилось обратиться къ прозѣ. Развѣ одна она такая несчастная? Развѣ всѣ дѣвушки, которыя выходятъ по любви, счастливы? Развѣ одна ошибка губитъ всего человѣка? Въ Варварѣ Ивановнѣ съ томительной жаждой проснулась женщина, та женщина, которая вся уходитъ въ свое гнѣздо, въ свои маленькія семейныя радости. О, она будетъ чудной женой, матерью и другомъ того человѣка, который смѣло протянетъ ей руку.

И такой человѣкъ нашелся. Это былъ Павелъ Васильевичъ Говоровъ, тогда скромный чиновникъ, который бывалъ у нихъ въ домѣ и оставался всегда въ тѣни, какъ въ пьесахъ лица безъ рѣчей. Варвара Ивановна и раньше чувствовала, что нравится ему. Онъ такъ хорошо смотрѣлъ на нее. Какъ партія, Говоровъ не представлялъ собой ничего завиднаго, но его можно было вытащить въ люди, какъ человѣка вполнѣ честнаго и труженика. Онъ не смѣлъ даже ухаживать за ней, какъ это дѣлали другіе, и Варварѣ

Ивановнѣ нравилось это молчаливое обожаніе. Она чувствовала, что именно этому человѣку можетъ сказать все, какъ никому другому. Объясненіе произошло совершенно неожиданно. Какъ-то они остались въ гостиной двоемъ, и онъ проговорилъ:

— Варвара Ивановна, мнѣ кажется, что у васъ что-то есть на душѣ... Простите, я не имѣю права на такой вопросъ, но...

— Вы угадали...

Она смотрѣла прямо ему въ глаза, точно хотѣла видѣть въ нихъ все свое будущее. Да, онъ былъ тотъ хорошій человѣкъ, котораго ей недоставало. Она даже помогла ему выговорить роковое признаніе.

— Я не скажу, что могу вамъ отвѣтить той же монетой, — отвѣтила она, еще разъ наблюдая его. — Но скажу одну вещь, которую никто больше отъ меня и никогда не услышитъ. Я слишкомъ много пережила и мучилась, чтобы повторяться...

Она съ полной откровенностью разсказала ему про свои неудавшійся романъ, продолжая его наблюдать.

Онъ выслушалъ ее терпѣливо до конца и проговорилъ:

— Если только въ этомъ дѣло, Варвара Ивановна... О, Боже мой, если бы вы знали, что̀ у меня сейчасъ на душѣ!..

Это не было даже великодушіемъ. Павелъ Васильичъ былъ просто по натурѣ глубоко честнымъ человѣкомъ, а любовь освящала все. Онъ отнесся къ Варварѣ Ивановнѣ, какъ къ больному ребенку, и успокаивалъ ее такъ просто и хорошо

— О прошломъ никогда не будетъ сказано ни одного слова: оно умерло,— рѣшилъ онъ. — Я только простой и любящій человѣкъ... Вы не раскаетесь, что пойдете со мной по одной дорогѣ.

И онъ сдержалъ свое слово. Первое, что̀ сдѣлали молодые, это уѣхали въ Москву, чтобы навсегда покончить съ тяжелыми петербургскими воспоминаніями. Говоровъ отказался отъ всякой протекціи своей вліятельной жениной родни и остался такимъ же труженикомъ, какимъ былъ до женитьбы. Появленіе перваго ребенка окончательно изгладило всѣ слѣды прошлаго.

Варвара Ивановна была счастлива въ своей семейной жизни, и новыя заботы, интересы и стремленія затушевали прошлое. Мужа она глубоко уважала, хотя и не любила его такъ, какъ описываютъ въ романахъ. Она была довольна своимъ тихимъ семейнымъ счастьемъ и ничего лучшаго не желала. Жизнь текла въ маленькомъ масштабѣ, и какое-нибудь пріобрѣтеніе собственной дачи являлось уже крупнымъ событіемъ.

И вдругъ это мирное существованіе нарушилось неожиданнымъ появленіемъ Аркадія Степаныча, появленіемъ въ такой моментъ, когда этого никто бы не могъ предвидѣть. Варвара Ивановна еще разъ пережила страшную пытку, и ей казалось, что она обманываетъ мужа, скрывъ отъ него, что̀ такое этотъ Мухинъ. Но зачѣмъ было тревожить Павла Васильича? А тутъ еще тѣнь этой Вѣры Ѳедоровны, которая преслѣдовала Варвару Ивановну по пятамъ.

Вотъ о чемъ раздумалась Варвара Ивановна, сидя сегодня въ своей бесѣдкѣ. Сколько было пережито... Мухинъ опять пропалъ безъ вѣсти. Она не знала ничего о его существованіи уже лѣтъ десять. Жизнь шла своей колеей, и буквы, вырѣзанныя на колонкѣ, скоро исчезнутъ. Варвара Ивановна больше не волновалась. Все понемногу было забыто, до скорбной тѣни безвременно погибшей идеальной женщины включительно. Развалилась и самая бесѣдка, гдѣ желалъ застрѣлиться Мухинъ, — ее даже нельзя было реноптировать, а приходилось строить новую. На сгнившихъ деревянныхъ ступенькахъ прора-

стала зеленая трава, крыша покрылась бурыми пятнами мха, а изъ водосточной трубы росла молоденькая березка. Время дѣлало свое дѣло.

А сколько затаенной ласки въ этомъ осеннемъ солнцѣ, точно оно не вѣритъ уже самому себѣ, сколько какой-то больной поэзіи въ блекнущихъ тонахъ умирающей зелени, въ этой прозрачности ненасыщеннаго испареніями воздуха, въ каждой линіи точно просвѣтленнаго пейзажа. По аналогіи Варварѣ Ивановнѣ припомнилось свое собственное лицо, на которое она сегодня обратила особенное вниманіе въ зеркалѣ. У ней уже давно появились морщинки вокругъ глазъ, тонъ кожи сдѣлался дряблымъ, въ волосахъ сквозила сѣдина, зубы потеряли прежнюю свѣжесть — куда что̀ дѣвалось... Старухой она еще не была, но уже перешагнула за роковую черту своего критическаго возраста. Ей по пути припомнились строфы безвременно погибшаго поэта:

Гроза умчалась въ даль, минувшее забыто,
И голосъ внутренній мнѣ говоритъ порой:
Да ужъ не сонъ ли все, что̀ было пережито
И передумано тобой?

VI.

Изъ своей бесѣдки Варвара Ивановна могла видѣть почти всю деревню, теперь безмолвную и точно заснувшую... Страда кончилась, и большинство мужиковъ отправилось на заработки въ Москву. Дома остались только бабы, старики и дѣти. Но спокойствіе деревушки было только кажущееся. Тамъ свои драмы и даже слишкомъ много драмъ для такого захолустья. Возвращавшіеся съ заработковъ мужики часто до полусмерти били провинившихся женъ. Одинъ садовникъ Иванъ Никитичъ чего стоилъ. Степенный и разсудительный мужикъ по наружному виду, онъ страдалъ неизлѣчимымъ порокомъ сердца и постоянно мѣнялъ свои привязанности. Главнымъ образомъ онъ наслаждался жизнью зимней порой, когда мужиковъ не было дома, и, кажется, пользовался большимъ успѣхомъ у деревенскихъ скучающихъ дамъ, несмотря на свои за-пятьдесятъ лѣтъ. Мужики грозились его убить и не разъ приходили жаловаться „барину“ Павлу Васильичу на змѣя. Ничего комичнѣе нельзя было представить себѣ, какъ Павелъ Васильичъ въ такіе моменты. „Баринъ“, во-первыхъ, конфузился самъ, а потомъ виновато повторялъ:

— Хорошо, я поговорю съ нимъ...

Это былъ стереотипный отвѣтъ, и мужики впередъ знали, что ничего другого не получатъ, и все-таки шли жаловаться. Еще было хуже, когда являлась какая-нибудь баба, которая начинала причитать и голосить. Тутъ ужъ Павелъ Васильичъ окончательно терялся. Вообще Иванъ Никитичъ доставлялъ немало непріятныхъ минутъ, и его все-таки держали, потому что никто не могъ себѣ представить дачи безъ Ивана Никитича.

Раздумье Варвары Ивановны было нарушено тяжелыми шагами. Къ бесѣдкѣ медленно шелъ Иванъ Никитичъ, о которомъ она сейчасъ только думала, и несъ въ рукахъ письмо.

„Это отъ Гриши“,—съ радостью подумала Варвара Ивановна.

— А я васъ, значитъ, по всему дому обыскивалъ,—грубовато проворчалъ Иванъ Никитичъ, снимая шапку и подавая письмо.

Письмо было довольно полновѣсное, и по адресу Варвара Ивановна не могла догадаться, отъ кого оно могло быть. Нетерпѣливо разорвавъ конвертъ, она прочла сначала подпись и торопливо спрятала письмо. Это было письмо отъ Аркадія Степаныча. О, она отлично знала его почеркъ, но теперь онъ измѣнился,—буквы точно похудѣли и высохли. Это былъ типичный старческій почеркъ.

Иванъ Никитичъ, вы можете уходить, — замѣтила Варвара Ивановна, чувствуя, какъ начинаетъ краснѣть.

— Слушаю-съ...

Онъ еще постоялъ немного, повертѣлъ шапку и запагалъ назадъ.

„Что можетъ писать этотъ ужасный человѣкъ?“ — съ тревогой думала Варвара Ивановна, повертывая въ рукахъ желтый конвертъ и такого же цвѣта кругомъ исписанные листы почтовой бумаги, они напоминали feuille morte.

Одно мгновеніе она пожалѣла, что распечатала это несчастное письмо, которое нужно было просто разорвать и бросить, не читая. Но женское любопытство превозмогло, да и письмо было необыкновенное, цѣлыхъ четыре листа. Она оглянулась и принялась за чтеніе.

„Дорогая Варвара Ивановна, простите, что я такъ васъ называю, не имѣя на это ни малѣйшаго права... Но есть вещи, которыя возвращаютъ всѣ права. Представьте себѣ, что вы читаете письмо мертваго человѣка, а смерть даетъ право сказать послѣднее предсмертное слово. Когда вы съ негодованіемъ разорвете конвертъ моего посланія, его авторъ будетъ представлять собой только эссенцію праха. Завтра вы прочтете въ газетахъ извѣстіе, что вашъ покорный слуга покончилъ свое существованіе и оставилъ стереотипную записку: „Въ смерти моей прошу никого не обвинять“. Мнѣ нравится эта фраза, превратившаяся въ математическую формулу, а для меня она является общимъ знаменателемъ всей моей безпутной жизни. Я могъ бы прибавить къ ней кое-что, въ родѣ того, что въ самомъ себѣ убиваю своего злѣйшаго врага, который испортилъ самому себѣ всю жизнь. Мнѣ даже не на что оглянуться, некому сказать своего послѣдняго слова, кромѣ васъ, васъ, которая проклинала меня цѣлую жизнь. Знаете, всѣ друзья пристрастны и только враги справедливы—вотъ причина, по которой я пишу именно вамъ. Мнѣ кажется, что вы ошибались относительно меня и будете теперь вполнѣ безпристрастны уже по одному тому, что мертвые лишены возможности защищаться.

„Я вижу негодованіе на вашемъ лицѣ, я читаю ваши мысли: „человѣкъ не можетъ даже умереть безъ театральнаго эффекта“. Можетъ быть, вы и правы. Во всякомъ случаѣ, не желаю спорить, тѣмъ болѣе, что каждый изъ насъ актеръ и, къ несчастію, довольно неудачный. Я все дѣлаю отступленія и не говорю главнаго. Знаете, что меня навело на мысль о самоубійствѣ? Она бывала у меня и раньше, въ моменты, когда я хотѣлъ быть порядочнымъ человѣкомъ, но какъ-то все не выходило, до послѣдняго раза включительно, когда такъ неожиданно помѣшали вы. Да, вы... Но и это прошло, а сейчасъ я хочу позволить себѣ уже настоящую роскошь, именно, убить себя только для самого себя. Никакой другой посторонней причины... Да, такъ возвращаюсь къ тому моменту, какъ *это* случилось. Дѣло было за обѣдомъ. Въ послѣднее время я любилъ покушать, — первый признакъ наступающей старости. Я тщательно выбиралъ и обдумывалъ каждое кушанье, впередъ его смаковалъ и увлекался этими плодоядными соображеніями. Что можетъ быть хуже человѣка, который уже думаетъ объ ѣдѣ? Такъ дѣло было за обѣдомъ... Мнѣ подали рябчика, приготовленнаго поваромъ по моему спеціальному заказу. Я сталъ обгладывать косточку и вдругъ... у меня выпадаетъ передній зубъ. Кажется, обстоятельство по существу дѣла самое ничтожное, но меня оно повергло въ отчаяніе, доказательство котораго—отодвинутый въ сторону несчастный рябчикъ. Вѣдь это была первая повѣстка наступающей старости... Вывалится и второй зубъ, глаза помутнѣютъ, — лысина, говоря между нами, у меня уже давненько, — ноги будутъ дрожать, на лицѣ появятся старческія

морщины... Бррр!.. У меня что-то протестовало внутри противъ такого позорнаго уничтоженія. Да. Не хочу, не хочу, не хочу...

„Васъ удивляетъ, что такіе пустяки, какъ выпавшій зубъ, нагнали на меня смертельный страхъ. Я скажу вамъ больше: я плакалъ... Меня ужаснула та пропасть, по краю которой я столько лѣтъ ходилъ, какъ лунатикъ или загипнотизированный. Вѣдь надъ каждымъ изъ насъ виситъ Дамокловъ мечъ: сегодня есть человѣкъ, а завтра его не стало. Прибавьте къ этому, что каждый именно себя одного считаетъ по преимуществу порядочнымъ человѣкомъ, безъ котораго весь міръ потеряетъ свое равновѣсіе. Я имѣлъ общую слабость тоже считать себя порядочнымъ человѣкомъ, больше—хорошимъ. Не улыбайтесь горько надъ этимъ скромнымъ признаніемъ, а терпѣливо дочитайте мое посланіе до конца. Итакъ, я хорошій человѣкъ, т.-е. хорошій въ собственныхъ глазахъ, а если иногда отступалъ отъ прописной морали, то виной всему проклятый темпераментъ. Меня всю жизнь преслѣдовала боязнь жизни, и я поэтому не умѣлъ ни любить по-настоящему, ни ненавидѣть, ни пристроиться къ чему-нибудь. Это не байронизмъ, когда люди считали себя разочарованными во всемъ,—нѣтъ, просто боязнь жизни, вѣчное ожиданіе чего-то лучшаго, настоящаго, что придетъ само собой и захватитъ васъ.

„Вы даже не можете сказать, что я злой человѣкъ, а между тѣмъ у меня на совѣсти цѣлый рядъ такихъ проступковъ, которые впору закоренѣлому злодѣю или дикому звѣрю. Я выходилъ на ловитву съ улыбкой и губилъ свою жертву съ поцѣлуями... Лучшія, самыя святыя чувства втаптывались въ грязь и—что самое скверное—оставляли въ душѣ даже пріятное впечатлѣніе. Удовлетворялся самый низкій сортъ эгоизма, а душа спала глубокимъ сномъ... Въ этомъ смыслѣ я совершенно согласенъ съ афоризмомъ, что жизнь есть глубокій сонъ. Низость надъ женщиной мы называемъ побѣдой; человѣкъ, который одержалъ цѣлый рядъ такихъ побѣдъ, пользуется чуть не общественнымъ почетомъ. Да, душа спала, и я, собственно говоря, былъ не хуже и не лучше другихъ... И вотъ теперь, когда душа проснулась, мнѣ страшно даже оглянуться назадъ. Вѣроятно, то же самое испытываетъ человѣкъ, убѣгающій отъ хищнаго звѣря и чувствующій, какъ онъ обезсиливаетъ и вотъ-вотъ падетъ... Но я имѣлъ рѣшимость и твердость оглянуться — и въ этомъ моя погибель, т.-е. не въ этомъ, а во всемъ прошломъ. Вѣдь я жилъ звѣремъ и умираю звѣромъ...“

VII.

Чтеніе этого посланія было прервано появленіемъ Павла Васильича. Онъ вошелъ въ бесѣдку своей лѣнивой, развалистой походкой, лѣниво посмотрѣлъ на открывавшійся изъ бесѣдки видъ и лѣниво проговорилъ:

— Рѣшительно не понимаю, что хорошаго ты находишь сейчасъ въ этой милой природѣ... Вода въ рѣкѣ какого-то деревяннаго цвѣта, трава пожелтѣла, деревья скоро будутъ голыя, да еще, того гляди, дождь пойдетъ.

Павелъ Васильичъ даже зѣвнулъ и только теперь замѣтилъ письмо, которое держала жена въ рукѣ.

— Это отъ кого столько написано? О, какъ много... Сочинитель какой-то.

— Сумасшедшій сочинитель...

— Я терпѣть не могу писемъ, да кстати и людей, которые теряютъ на нихъ время. Можно и на словахъ сказать, если ужъ такъ нужно...

— Нѣтъ, бываютъ очень интересныя письма...

— Вотъ что, Варвара Ивановна... Ты дочитаешь письмо и придешь, а то кухарка нападетъ на меня относительно завтрака.

— Хорошо, я сейчасъ...

Варвару Ивановну немного кольнуло, что мужъ даже не поинтересовался, отъ кого было письмо. Правда, что онъ вообще изъ принципа никогда не касался ея корреспонденціи, но сейчасъ ей почему-то хотѣлось, чтобы онъ спросилъ. Другіе мужья выслѣживаютъ и ловятъ каждое письмо, ревнуютъ женъ къ каждому почтовому конверту, а этотъ даже и не взглянулъ. Потомъ Варвара Ивановна по непонятной ассоціаціи идей вздохнула. Вѣдь слѣдятъ мужья за молодыми женами, а она...

Она принялась за письмо. Оставалось читать еще цѣлую половину.

„Мои мысли, дорогая Варвара Ивановна, не совсѣмъ въ порядкѣ и немного путаются, и я все время пишу какъ будто предисловіе къ чему-то, а главное остается впереди. Вѣдь и вся наша жизнь походитъ тоже на какое-то неудачное предисловіе къ чему-то... за которымъ прямо „начинается конецъ“. Средины, настоящаго, главнаго и нѣтъ... Но перехожу наконецъ къ главному. Я уже признался, что имѣю нахальство считать себя хорошимъ человѣкомъ, хотя и реализованнымъ не совсѣмъ удачно. Теперь дальше. Мужчины дѣлятся, по-моему, на два сорта: тѣ, для которыхъ женщина составляетъ все, цѣль и смыслъ жизни, и тѣ, для которыхъ женщина только одна сторона жизни и иногда очень маленькая сторона, какъ примѣчаніе къ ученому сочиненію. Я отношу себя къ первому разряду, съ тѣмъ дополненіемъ, что всегда уважалъ женщину, любилъ ее, боготворилъ... Васъ это удивляетъ, а между тѣмъ это такъ. Боже мой, сколько доказательствъ я могъ бы представить! Цѣлая литература женскихъ упрековъ, жалобъ, слезъ, угрозъ, проклятій и еще проклятій...

„Говоря откровенно, я до сихъ поръ не могу понять того психологическаго процесса, при помощи котораго любовь превращается въ ненависть. Подозрѣваю, что это такъ же неизбѣжно, какъ превращеніе свѣта въ тьму. Если только была любовь, она должна превратиться въ ненависть, и только за ея отсутствіемъ возможно то сѣренькое и безцвѣтное существованіе, которое люди привыкли почему-то называть счастьемъ. Прибавьте къ этому, что любовь слишкомъ интенсивное чувство, чтобы продолжаться,—она одинъ моментъ, мигъ, какъ блескъ молніи. Весь вопросъ только въ томъ, какой міръ, какую картину освѣтитъ эта молнія. Мои молніи блистали въ пустотѣ... Между тѣмъ только въ этотъ моментъ душа мужчины поднимается во весь ростъ, и каждый мужчина есть то, какъ онъ умѣлъ любить. Сильную любовь называютъ еще страстью, но такъ какъ я не признаю ни маленькой ни средней любви, то не буду спорить о тонкостяхъ номенклатуры. Любовь одна, какъ одна жизнь у человѣка и какъ самъ онъ одинъ. И я тащилъ по грязи единственное святое чувство, оставляя послѣ себя заразу... Мой послѣдній опытъ была Вѣра Ѳедоровна. Какое это было чистое, идеальное и глубоко честное существо!.. Наша любовь походила на тѣ зарницы, которыя въ лѣтніе душные вечера сверкаютъ на далекомъ горизонтѣ и не даютъ грома. Это поддѣлка подъ настоящій громъ, который убиваетъ, разряжая атмосферу. Вѣра Ѳедоровна глубоко ошиблась, принявъ мои зарницы за молнію... Но предъ ея глазами раскрылся такой необъятный міръ, такая необъятная неправда, что она не пожелала больше жить. Все равно такого другого момента не будетъ, значитъ, не стоитъ жить. Логика самая неопровержимая...“

Варвара Ивановна задумалась и вздохнула. Она вѣдь тоже не любила, напуганная первымъ опытомъ... Вся жизнь прошла какъ-то изъ милости, съ вѣчнымъ страхомъ вызвать тѣнь рокового прошлаго, Она долго сидѣла, опустивъ руку съ письмомъ. На глазахъ у нея выступили слезы, но это были уже холодныя слезы, какъ осенній иней.

„Еще нѣсколько словъ... Въ послѣднее время меня какъ-то особенно часто посѣщали тѣни моего прошлаго. За что меня любили эти женщины, если каждый любитъ въ другомъ только самого себя? Значитъ, ошибка была уже въ ихъ натурѣ, а я являлся только фатальнымъ исполнителемъ предначертаній судьбы. Боже мой, до какихъ софизмовъ можетъ дойти человѣкъ, когда онъ боится старости! Нѣтъ, я ничего не боюсь, и въ этомъ мое оправданіе, если какое-нибудь оправданіе возможно и нужно вообще. Я, какъ человѣкъ, совершившій тяжелое уголовное преступленіе (моя жизнь уже есть преступленіе), по тысячѣ тысячъ разъ возвращался къ отдѣльнымъ эпизодамъ этого преступленія. Вѣдь это ужасно... А теперь у меня явилась роковая мысль, что слѣдовало жить совершенно не такъ, и слѣдовательно необходимо передѣлать себя, измѣнить весь образъ жизни и жить по-новому. Боже мой, сколько жесточайшей иронiи въ этой простой мысли... Развѣ я могу вернуться назадъ? И кому какая польза въ моемъ раскаяніи, когда мое время ушло? Я только теперь, какъ очнувшійся лунатикъ, понялъ, что стою на краю пропасти и что вернуться назадъ не могу, слѣдовательно...

„Послѣднее слово. Меня поразила мысль, что самая добродѣтель существуетъ только для сильныхъ, молодыхъ, красивыхъ, равно какъ и порокъ. Есть роковой предѣльный возрастъ, который въ жизни наступаетъ гораздо раньше, чѣмъ по Уложенію о наказаніяхъ. Развѣ я, вашъ покорный слуга, въ настоящемъ своемъ видѣ представляю хоть какую-нибудь малѣйшую опасность, способную нарушить спокойствіе общества? Нимало. Недавно я встрѣтилъ на улицѣ хорошенькую женщину, которая шла прямо на меня. Я инстинктивно прибодрился и посмотрѣлъ ей съ своимъ обычнымъ нахальствомъ, но она взглянула на меня такими равнодушными глазами, какими смотрятъ на могильную плиту съ полустертой надписью. Въ этомъ взглядѣ былъ мой смертный приговоръ... Мнѣ сдѣлалось совѣстно до слезъ. Боже! Теперь хорошенькія женщины улыбаются уже другимъ счастливцамъ, любятъ, боятся потерять, проклинаютъ и ненавидятъ. Меня даже и ненавидѣть теперь не стоитъ... Не правда ли? А впереди остается медленное разложеніе и еще большій позоръ. Я нахожу это несправедливымъ и желаю расквитаться съ здѣшнимъ міромъ, какъ говорятъ китайцы. О, довольно, довольно... Моя осень наступила, и я не хочу дожидаться зимы. Прощайте, нѣтъ—до свиданія.

„Аркадій Мухинъ“.

„P. S. Мнѣ кажется, что когда-то вы немножко любили, и мнѣ хочется немножко вашей жалости, чудной женской жалости,—вѣдь жалѣютъ только дурныхъ людей“.

Дальше слѣдовала еще приписка:

„P. P. S. А вѣдь я могъ бы быть совсѣмъ хорошимъ человѣкомъ... Мнѣ страстно кому-то хочется сказать, чтобы онъ не повторялъ моихъ ошибокъ. Я даже чувствую какой-то зудъ проповѣдничества и поученій. А впрочемъ, не стоитъ говорить о такихъ деликатныхъ матеріяхъ. Еще разъ: до свиданія. Я даже тороплюсь потерять время, котораго у меня осталось такъ немного... Могшій, но не умѣвшій васъ любить Аркадій Мухинъ“.

На этотъ разъ Мухинъ сдержалъ слово. На другой день за завтракомъ садовникъ Иванъ Никитичъ подалъ свѣжую газету съ извѣстіемъ о самоубійствѣ Мухина. Это была та послѣдняя волна, которую оставляетъ послѣ себя упавшій въ воду камень. Варвара Ивановна вышла изъ-за стола, чтобы скрыть выступившія на глазахъ слезы. Она плакала о самой себѣ...

1896.

ТЕМНАЯ ВОДА.

I.

Въ окрестностяхъ Петербурга это былъ самый фешенебельный уголокъ, въ который по вечерамъ собиралась вся знать, родовитая, служилая и денежная. Часть экипажей останавливалась только у рѣшетки сада, и отсюда разряженныя женщины слушали дорогую музыку. Вся публика состояла изъ „именъ“, что чувствовали, кажется, даже лошади, сердито грызшія удила и бившія породистыми ногами землю. Русскіе бородатые кучера, съ таліей подъ мышками, англійскіе, сухопарые и подтянутые, лакеи въ ливреяхъ, грумы— все было на своемъ мѣстѣ, декорируя заколдованный кругъ, въ которомъ вращались только избранники. Именно это особенное чувство избранности овладѣвало Константиномъ Аркадьевичемъ Бахмутовымъ, когда онъ приходилъ на музыку потолкаться и убить вечеръ. Но сегодня онъ явился въ совершенно особенномъ настроеніи, и все кругомъ ему казалось такимъ маленькимъ, ничтожнымъ и жалкимъ. Ему нравилось теперь итти въ этой разряженной толпѣ. Онъ кланялся направо и налѣво, но ни съ кѣмъ не останавливался. Нѣсколько пристальныхъ женскихъ глазъ съ любопытствомъ проводили его, но онъ продолжалъ итти впередъ, отыскивая кого-то. Еще вчера каждый такой взглядъ его могъ остановить. О, онъ хорошо зналъ, какъ женщины умѣютъ смотрѣть, и невольно принималъ одну изъ заученныхъ передъ зеркаломъ позъ, суживалъ глаза и разсѣянно улыбался. Въ тридцать лѣтъ Бахмутовъ оставался женскимъ баловнемъ, и это сказывалось въ каждой мелочи, особенно въ лицѣ. Весь костюмъ былъ пригнанъ именно къ этому лицу, красивому, но съ мелкими чертами и тѣмъ особеннымъ нахальствомъ, которое отталкиваетъ мужчинъ и неудержимо влечетъ къ себѣ женщинъ. Бахмутовъ состоялъ въ числѣ сезонныхъ львовъ, и, когда онъ проходилъ мимо, женщины начинали шептаться, точно вѣтеръ шевелитъ сухіе листья. Этотъ шопотъ сегодня не занималъ Бахмутова, слишкомъ отдавшагося личному настроенію. Да, онъ явился сюда еще не остывшимъ отъ безумныхъ ласкъ, безумныхъ словъ и безумно проведенной ночи... Счастье налетѣло вихремъ. Онъ сейчасъ страстно желалъ увидѣть ту, которая неотступно стояла передъ нимъ весь день, увидѣть именно сейчасъ, чтобы испытать то немного жесткое чувство наслажденія, которое охватываетъ каждаго побѣдителя при видѣ побѣжденнаго. Его все интересовало: съ какимъ видомъ она войдетъ, какъ отвѣтитъ на его взглядъ, что будетъ говорить, наконецъ просто какъ будетъ одѣта. Вѣдь изъ этихъ мелочей складывается каждая женщина, и всякая женщина характеризуется лучше всего именно этой встрѣчей послѣ своего рокового шага. И какая женщина—вызывающая, рѣшительная, пикантная, съ тѣми неожиданностями, какія заставляютъ кружиться голову. Въ сущности, онъ не

могъ хорошенько представить ее себѣ. Въ ней было нѣсколько женщинъ— первая, съ которой онъ случайно познакомился, вторая, за которой онъ случайно ухаживалъ третья, которая случайно ему отдалась, и четвертая должна была прійти сегодня. Ахъ, какая чудная женщина... Его охватывала дрожь при одной мысли о томъ, что было вчера. Домой онъ вернулся со свиданья какъ пьяный, цѣлый день оставался въ этомъ пьяномъ настроеніи и привезъ его сюда.

„А что, если она не придетъ?“—мелькнуло въ головѣ Бахмутова.

Эта мысль заставила его даже съежиться, потому что самъ онъ забрался на музыку цѣлымъ получасомъ раньше условленнаго. Опять онъ старался припомнить ея лицо и не могъ,—да, молодое, красивое, свѣжее лицо, и только. Оно расплывалось въ какомъ-то радужномъ туманѣ. Что онъ хорошо помнилъ, такъ это волосы, эти чудные шелковистые волосы, днемъ свѣтло-русые, иногда пепельные, а при огнѣ золотистые. И сейчасъ онъ ощущалъ ихъ ароматъ. Занятый этими соображеніями, Бахмутовъ намѣренно избѣгалъ знакомыхъ дамъ и отъ двухъ отвернулся, чтобы не встрѣтиться глазами. Впрочемъ, двѣ другихъ сами отвернулись, что заставило его только улыбнуться. О, милыя женщины, какъ вы всѣ похожи и какъ повторяете одна другую даже въ этихъ невинныхъ движеніяхъ. Исключеніе только она одна...

— Ба! кого я вижу...—послышался за плечомъ Бахмутова незнакомый хриплый басокъ.—Бахмутовъ, здравствуйте...

Когда Бахмутовъ оглянулся, онъ прежде всего встрѣтился глазами съ ней и совершенно растерялся отъ такой неожиданности. Она шла подъ руку съ какимъ-то пожилымъ, подержанаго вида господиномъ, одѣтымъ съ запоздалыми претензіями въ слишкомъ свѣтлый лѣтній костюмъ. Бахмутовъ никакъ не могъ припомнить фамиліи этого господина и обстоятельствъ, при которыхъ онъ встрѣчался съ нимъ.

— Не узнаёте?—продолжалъ неизвѣстный знакомый, протягивая руку.— А помните Кормакова? Софья Владимировна, позвольте представить вамъ молодого друга...

— Если я не ошибаюсь, мы, кажется, встрѣчались,—отвѣтила она съ убійственной простотой невиннаго человѣка.

— О, да... Я имѣлъ счастіе...—бормоталъ Бахмутовъ.

— Моя племянница...—объяснилъ старикъ, показывая противные гнилые зубы—у него все лицо было противное, точно проржавѣвшее, съ какими-то мокрыми желтыми глазами.—Да, моя племянница. Берегитесь, Бахмутовъ... О, я знаю васъ, плутишка! Соня, это ужасный человѣкъ, берегись его, какъ огня.

— Да-а?—протянула она, глядя на Бахмутова своими сѣровато-зелеными глазами, такъ же мѣнявшими свой цвѣтъ, какъ и волосы. Маленькая рука не отвѣтила на его пожатіе ни однимъ движеніемъ.—Такъ вы не узнаёте моего дядюшку?—спросила она, покачивая головой.—А между тѣмъ онъ обезсмертилъ себя на всю Россію... Помните исторію одного губернатора, смѣщеннаго за...?

— Да, да, помню...—безтактно подхватилъ Бахмутовъ поданную реплику.

— Что же изъ этого слѣдуетъ, Соня?—обидѣлся старикъ.—Ну, не стало Кормакова, и только. Былъ и нѣтъ... Насъ здѣсь трое такихъ не у дѣлъ шатается по музыкѣ, и мы даже кланяемся при встрѣчахъ.

— Дорого бы я дала, чтобы посмотрѣть на васъ вмѣстѣ,—язвила Софья Владимировна.—Милый букетъ...

— Слышали, какъ мы разговариваемъ?..—обратился старикъ къ Бахмутову, ожидая поддержки.—Чего же ожидать отъ чужихъ?.. Да, былъ Корма-

ковъ и нѣтъ Кормакова. Впрочемъ, молодые люди, мнѣ необходимо увидѣть одного господина... да... Надѣюсь, что вы не особенно будете скучать обо мнѣ.

— Фамилія этого господина Финь-Шампань?—отвѣтила вопросомъ Софья Владимировна и засмѣялась.

Бахмутовъ только теперь замѣтилъ, что смѣхъ у нея непріятный, съ какими-то сухими нотами.

Когда старикъ ушелъ, она презрительно подняла плечи, сдѣлала легкую гримасу и замѣтила:

— Можетъ ли быть что-нибудь хуже такихъ заржавѣвшихъ провинціаловъ? А вѣдь когда-то былъ молодъ, подавалъ надежды, и даже находились женщины, которыя увлекались имъ... Ха-ха!.. Подъ старость вы будете такимъ же, Константинъ Аркадьевичъ...

— Благодарю. Вы сегодня въ дурномъ расположеніи духа...

Она быстро взглянула на него и строго сложила слегка подкрашенныя губы. Онъ съ наслажденіемъ любовался ея бѣлымъ лбомъ, красивымъ оваломъ подбородка, короткимъ прямымъ носикомъ и чудной крѣпкой шеей съ двумя грядками золотистыхъ короткихъ волосковъ на затылкѣ. Сложена она была превосходно, хотя и съ замѣтной наклонностью къ полнотѣ, какъ большинство блондинокъ.

— У васъ такой видъ, какъ будто вы что-нибудь потеряли,—заговорила она, улыбаясь одними глазами.—По меньшей мѣрѣ губернаторское мѣсто, какъ мой дядюшка...

— Я слишкомъ счастливъ, Софья Владимировна, и не могу опомниться...

— Развѣ такъ отвѣчаютъ?—замѣтила она и строго покачала головой. Онъ спохватился и даже покраснѣлъ. Ужъ, кажется, онъ ли не зналъ, что женщины не любятъ подобныхъ напоминаній, и сболтнулъ совсѣмъ безтактно. Онъ начиналъ робѣть, что еще сильнѣе увеличивало его смущеніе. Да, онъ робѣетъ, Бахмутовъ... Но это именно его и спасло. Она поняла его и улыбнулась той улыбкой, отъ которой у него отлегло на сердцѣ. Онъ опять почувствовалъ себя Бахмутовымъ. И все кругомъ гармонировало съ этимъ настроеніемъ—чудный лѣтній вечеръ, пестрая праздничная толпа и опьянявшіе звуки моднаго вальса. Они болтали съ часъ тѣ пустяки, какіе говорятся въ такой обстановкѣ—обо всемъ и ни о чемъ. Кормаковъ разыскалъ ихъ, но Софья Владимировна такъ посмотрѣла на него, что онъ сейчасъ же ступевался. Потомъ у нея на лицѣ появилось скучающее выраженіе, и она усталымъ голосомъ проговорила:

— Вы меня проводите, Константинъ Аркадьевичъ...

— Съ величайшимъ удовольствіемъ...

Они направились къ выходу. Въ дверяхъ она остановилась и взглянула на него опять веселыми глазами. Нѣтъ, положительно, каждое движеніе этой женщины составляло своего рода фразу, а сама она казалась Бахмутову чѣмъ-то въ родѣ вальса—да, какъ это ни странно, но онъ именно такъ и сравнилъ ее про себя.

II.

— Вы меня проводите домой,—повторила она, когда швейцаръ выскочилъ на подъѣздъ.

Онъ, вмѣсто отвѣта, только удивленно приподнялъ брови. Домой, къ ней, въ такой часъ, когда онъ ни разу не бывалъ у нихъ и не былъ даже знакомъ съ ея мужемъ?.. Онъ, впрочемъ, сейчасъ же сдѣлалъ предположеніе, что она хочетъ его испытать, какъ любятъ дѣлать нѣкоторыя женщины, именно

поставить въ щекотливое положеніе. Да, есть и такія женщины, которыя нарочно форсируютъ возможную опасность и переживаютъ жгучее наслажденіе, если такая опасность еще тѣснѣе сближаетъ ихъ съ любимымъ человѣкомъ. Всѣ эти мысли промелькнули въ его головѣ въ одинъ моментъ, пока онъ помогалъ ей сѣсть въ коляску.—„Ты хочешь меня смутить,—думалъ онъ,—нѣтъ, подождите, Софья Владимировна...“. Ей не нравилось его спокойствіе, которое она объясняла по-своему. Да, онъ торжествовалъ дешевую побѣду, онъ привыкъ побѣждать. Если бы онъ могъ заглянуть, что̀ дѣлалось въ этой красивой головкѣ, то увидѣлъ бы, какъ Софья Владимировна сейчасъ презирала себя, а его начинала ненавидѣть, какъ это умѣютъ дѣлать однѣ женщины. У нея являлось смутное желаніе сдѣлать что-нибудь жестокое, чтобы онъ чувствовалъ боль. О, какъ бы она была рада, если бы на этомъ самодовольно-красивомъ лицѣ появилась хотя бы тѣнь страданія. Теперь она раскаивалась, что послужила живой причиной этого торжества. Еще на музыкѣ у ней созрѣлъ планъ маленькой мести, и она улыбалась, представляя себѣ, какіе большіе глаза сдѣластъ онъ, когда они пріѣдутъ „домой“. А онъ сидѣлъ и старался припомнить, какъ ея фамилія. Что-то такое довольно вульгарное: Бородулина, Гаврюшкова, Фазанова... Фамилія вертѣлась у него на языкѣ, какъ это иногда случается, но онъ не могъ ее назвать. Онъ даже гдѣ-то ее встрѣчалъ, въ мірѣ какихъ-то сомнительныхъ дѣльцовъ. Во всякомъ случаѣ, это была новая фамилія, еще не вошедшая въ составъ привилегированнаго общества. Въ сущности, какое ему дѣло до ея фамиліи? Совершенно достаточно, что у нея свой приличный экипажъ и свои приличныя лошади. Кучеръ такъ себѣ, но съ этимъ можно помириться.

— Вы, кажется, задумались?—спросила она, глядя на него съ сдержанной улыбкой.

— Ахъ, я цѣлый день хожу въ какомъ-то туманѣ...

Онъ хотѣлъ взять ее за руку, но она спрятала свою и показала глазами на кучера. Коляска быстро несла ихъ по широкой тѣнистой аллеѣ, на которую выходили своими фасадами бычурныя барскія дачи. Въ окнахъ мелькали огни, на освѣщенныхъ террасахъ подъ прикрытіемъ экзотической зелени виднѣлись семейныя группы—было время поздняго вечерняго чая, принятаго въ сезонъ дачнаго кочевья. Къ одной изъ такихъ дачъ съ эластическимъ трескомъ подкатила коляска. Къ садовой калиткѣ выскочилъ лакей. Она не спросила, дома ли мужъ, и пошла впередъ тѣмъ быстрымъ, рѣшительнымъ шагомъ, какимъ женщины ходятъ только у себя дома. У него мелькнуло въ головѣ, что, вѣроятно, ея мужъ какой-нибудь благочестивый банковскій старецъ, который по вечерамъ сидитъ со своими благочестивыми ревматизмами дома. Дача была хороша, настоящая барская, устроенная въ томъ банно-трактирно-русскомъ стилѣ, который надоѣлъ до тошноты.

Въ передней швейцаръ принялъ верхнее платье и довольно равнодушно посмотрѣлъ на гостя. Она попросила его кивкомъ головы подождать въ освѣщенной гостиной.

Когда ея шелковая юбка прошуршала въ дверяхъ, онъ почувствовалъ себя довольно непріятно. Зачѣмъ она потащила его сюда? Все-таки нехорошо, какъ хотите... Бахмутовъ, во всякомъ случаѣ, не желалъ, чтобы его будущая жена приводила своего любовника въ его собственный домъ. Вообще какъ-то неловко, особенно когда есть такіе удобные рестораны, отдѣльные кабинеты и просто милые уголки. Окружавшая его обстановка семейнаго дома глядѣла однимъ нѣмымъ укоромъ—и мебель, и картины, и бронза, и драпировки. Вѣдь все это собрала сюда, можетъ-быть, любящая мужская рука, чтобы окружить маленькую женщину всѣми удобствами.

„Нѣтъ, я гдѣ-то заразился благочестіемъ...—подумалъ невольно Бахмутовъ, беззаботно встряхивая головой.—А зачѣмъ банковскіе благочестивые старцы женятся на молодыхъ дѣвушкахъ и скромно заѣдаютъ чужой вѣкъ? Э, плевать... На бѣломъ свѣтѣ все идетъ, какъ тому слѣдуетъ итти".

Онъ подтянулся, когда послышались легкіе женскіе шаги и раздражавшее его шуршанье шелковой юбки. Она остановилась въ дверяхъ, улыбающаяся, пикантная, зовущая... Все было забыто, и онъ видѣлъ только ее одну.

Они пошли по какому-то коридору, а потомъ она остановилась и дала ему дорогу къ какой-то двери. Когда онъ проходилъ мимо нея, двѣ маленькія руки обвили его шею и молодое женское лицо припало къ его лицу. Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ, потому что въ открытую дверь увидѣлъ какого-то господина, который сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ у стола и смотрѣлъ на нихъ. Она подтолкнула его въ спину и на ходу проговорила, очевидно, заранѣе приготовленную фразу:

— Grégoire, вотъ m-r Бахмутовъ, который былъ настолько любезенъ, что проводилъ меня съ музыки...

— Очень радъ...—отвѣтилъ глухой, немного печальный голосъ.—Мнѣ кажется, что мы гдѣ-то встрѣчались... то-есть фамилія знакома.

— Навѣрное...—весело отвѣтила она, блестя глазами.

Когда мужъ поднялся въ своемъ креслѣ и протянулъ въ воздухѣ руку, Бахмутовъ понялъ все: онъ былъ слѣпъ... Протянутая рука ловила руку гостя, а напряженно-застывшее лицо смотрѣло на него остановившимися, ничего не видѣвшими глазами. Самое ужасное заключалось въ томъ, что эти глаза по внѣшнему виду оставались нормальными.

— Да, мы встрѣчались...—бормоталъ Бахмутовъ, пожимая ощупывавшую его руку.—Если не ошибаюсь, это было года три назадъ, на какомъ-то официальномъ обѣдѣ.

Лицо слѣпого оживилось.

— Да, да, именно на обѣдѣ...

— А потомъ, вѣроятно, продолжали этотъ обѣдъ гдѣ-нибудь въ модномъ кабакѣ?—дополнила Софья Владиміровна.

— Кажется, что-то такое было,—уныло согласился мужъ.

На видъ ему можно было дать лѣтъ подъ пятьдесятъ, хотя въ дѣйствительности было всего сорокъ два. Несчастіе заставило его посѣдѣть и наложило на лицо глубокія морщины преждевременной старости. Когда-то это лицо было красиво, а теперь точно застыло съ выраженіемъ напряженно прислушивающагося человѣка. Потомъ эта особенная блѣдность, которая бываетъ только у людей, вынужденныхъ вести комнатную жизнь. Не было мужскаго загара, и кожа приняла дряблый мертвенный цвѣтъ. Около больного сидѣлъ сеттеръ-гордонъ и смотрѣлъ на гостя своими темными большими глазами съ затаенной злостью. Очевидно, это былъ единственный другъ, раздѣлявшій ужасное одиночество больного, и этотъ другъ теперь смотрѣлъ на Бахмутова, какъ на тайнаго врага. Софья Владимировна смотрѣла на гостя и продолжала улыбаться.

— Григорій Иванычъ очень скучаетъ, когда остается одинъ,—объяснила она, наливая стаканы чаю.—Друзья понемногу оставили...

— Я не жалуюсь, Софи,—перебилъ ее мужъ.—Я и самъ, вѣроятно, такъ же сдѣлалъ бы, потому что кому и какое удовольствіе сидѣть со слѣпымъ. У меня, Константинъ Аркадьевичъ, такъ называемая темная вода... Вообще неизлѣчимая слѣпота. Вотъ бѣдная Софи вынуждена скучать со мной, и я очень радъ, когда она хотя немножко пользуется развлеченіями.

— Обо мнѣ можно и не говорить,—скромно замѣтила Софья Владимировна, указывая глазами Бахмутову стулъ рядомъ съ собой. Но онъ не согласился и сѣлъ напротивъ, черезъ столъ. Его охватило какое-то злое чувство. Вотъ въ чемъ разгадка всего того, что онъ не понималъ. Онъ даже отвернулся и смотрѣлъ на несчастнаго хозяина, стараясь припомнить, гдѣ и когда онъ его видѣлъ. Да, онъ его видѣлъ, это несомнѣнно, но тогда это было другое лицо, оживленное, умное, энергичное. Завязалась самая неловкая дружеская бесѣда. Слѣпой старался поддержать разговоръ зрячихъ людей, войти въ интересы, попасть въ ихъ настроеніе. Его не видѣвшіе ничего глаза поворачивались къ говорившему, и на лицѣ появлялось дѣланное оживленіе. Эти усилія производили на Бахмутова еще болѣе тяжелое впечатлѣніе, особенно когда наступала пауза и слѣпой тревожился, не зная, куда ему слѣдуетъ смотрѣть, то-есть дѣлать видъ, что смотритъ. Говорили они о музыкѣ, о погодѣ, объ общихъ знакомыхъ, и Бахмутовъ удерживался, чтобы не взглянуть на часы. Софья Владимировна оживленно болтала, а потомъ принесла надушенный листокъ почтовой бумаги и тутъ же на чайномъ столѣ карандашомъ набросала нѣсколько строкъ. Принявъ изящную позу, она передала черезъ столъ записку Бахмутову. Это видѣла одна собака и слабо взвизгнула. Это было уже слишкомъ. Записка заключала лаконическую фразу:

„Завтра я желаю сказать тебѣ тамъ же, какой ты нехорошій...“

Бахмутовъ вернулъ записку, поднялся и сталъ прощаться...

— Что же вы уходите?—встревожился слѣпой.—Я такъ радъ... Софи, ты постарайся удержать дорогого гостя.

— Что же я сдѣлаю, если онъ бѣжитъ,—довольно грубо отвѣтила Софья Владимировна, кусая губы.

— Я какъ-нибудь въ другой разъ, Григорій Ивановичъ, — бормоталъ Бахмутовъ, пожимая руку хозяина.—Боюсь опоздать на поѣздъ...

Она догнала его уже въ гостиной.

— Это что значитъ, мое дитя?—рѣзко спросила она.

— Это?.. Знаете, Софья Владимировна, этому нѣтъ названія...

— Вы хотите разыграть порядочнаго человѣка? Ха-ха...

— Нѣтъ, но я сейчасъ чувствовалъ себя уже слишкомъ большимъ мерзавцемъ... Есть всему границы. Я здѣсь не рискую даже тѣмъ, что оскорбленный мужъ вытолкаетъ меня въ шею.

Она выпрямилась и гордо указала ему на дверь.

РИВАЛЬ.

I.

Открытіе сезона въ Павловскѣ для извѣстной части петербуржцевъ является цѣлымъ событіемъ. Къ этому дню начинаютъ готовиться, какъ къ празднику. Для многихъ открытіе „музыки“ является синонимомъ весны. Въ роковой день Царскосельскій вокзалъ представляетъ собою трогательную картину настоящей дачной сутолоки. Всѣ торопятся, на всѣхъ лицахъ написана радостная тревога, всѣхъ захватываетъ что-то одно общее „павловское“,— вѣдь здѣсь собираются свои, почти родные. Всѣ и всѣхъ знаютъ. Это особенный „павловскій народъ“, какъ есть народъ болгарскій, сербскій, потому что онъ складывался цѣлыми поколѣніями, выработалъ свои традиціи и вообще сложился въ одно органическое цѣлое. Было бы большой ошибкой назвать собравшуюся на вокзалѣ публику просто дачниками именно по выше приведеннымъ соображеніямъ.

Въ пестрой толпѣ, разодѣтой по-весеннему, вѣроятно, лучше всѣхъ себя чувствовалъ Иванъ Дмитричъ Околышевъ. Это былъ осанистый, представительный мужчина подъ шестьдесятъ; выстриженныя котлетами баки придавали ему министерскій видъ. Одѣтъ онъ былъ съ самой щепетильной изысканностью и старался держать себя съ непринужденной важностью заслуженнаго дипломата. Но подъ этимъ внѣшнимъ величіемъ такъ и прыгала самая легкомысленная радость. Околышеву хотѣлось пожать руку первому встрѣчному, дружески поговорить съ жандармомъ, потрепать по плечу кондуктора, спросить о здоровьѣ старика-газетчика, подмигнуть посыльному,—вообще что-нибудь такое выкинуть, чтобы проявить свое настроеніе. На вокзалъ онъ забрался съ семьей на цѣлыхъ полчаса раньше и теперь съ особеннымъ удовольствіемъ толкался въ толпѣ, ни съ того ни съ сего выпилъ въ буфетѣ рюмку водки, перечиталъ всѣ объявленія и никакъ не могъ удержать самой глупой улыбки, какая присвоена безсовѣстно-счастливымъ людямъ. Да и какъ не быть счастливымъ, когда Иванъ Дмитричъ только-что вернулся въ Петербургъ съ далекой окраины, послѣ двадцатилѣтняго отсутствія, и чувствовалъ каждой каплей крови, что онъ наконецъ у себя дома и что никогда больше не поѣдетъ ни на какія окраины, кромѣ приличнаго кладбища, въ родѣ Александро-Невской лавры.

Онъ десять разъ возвращался въ общую залу перваго класса, гдѣ въ томительномъ ожиданіи сидѣли его жена и дочь. Анна Петровна была уже въ томъ солидномъ возрастѣ, когда не стыдятся имѣть взрослую дочь. Для своихъ лѣтъ она сохранилась порядочно, хотя бывшая красота и заплыла старческимъ жиромъ, на лицѣ уже выступили предательскія морщины, а глаза потеряли молодую живость и блескъ. Она была одѣта съ дорогой простотой,

какъ и приличествовало матери, вывозившей взрослую дочь въ первый разъ на музыку. Это былъ своего рода экзаменъ, какъ первое появленіе молодого скакуна на скаковомъ кругѣ. Поэтому слишкомъ откровенная радость мужа нѣсколько шокировала Анну Петровну, и она нѣсколько разъ посмотрѣла на него строгими глазами, что въ переводѣ значило: „Милостивый государь, вы забываете, что у насъ есть дочь“... Анна Петровна за эти двадцать лѣтъ отсутствія превратилась по-провинціальному въ строгую даму и довольно сердито посматривала на торопливо спѣшившихъ петербургскихъ дамъ и дѣвушекъ. Развѣ ихъ можно было сравнить съ Ксеніей?.. Окольшевъ думалъ то же самое, хотя смотрѣлъ на дохленькихъ, зеленькихъ петербургскихъ дѣвицъ не съ презрѣніемъ, а съ отеческимъ сожалѣніемъ, какъ на уродцевъ. Конечно, гдѣ же сравнивать ихъ съ Ксеніей... Онъ любовно смотрѣлъ на рослую, дышавшую здоровьемъ дочь и принималъ какой-то вызывающій видъ, точно хотѣлъ крикнуть громко:

— Вотъ смотрите, какая у меня дочь... Ага, что вы скажете?..

Дѣвушка, дѣйствительно, была красива, какъ бываютъ красивы въ восемнадцать лѣтъ. Она напоминала мать, а старые павловцы еще не забыли красавицу Annette Котовщеву, которая блистала на павловскомъ горизонтѣ нѣсколько сезоновъ въ качествѣ первоклассной звѣзды и потомъ вдругъ куда-то исчезла. Эта молодая особа тоже волновалась, ожидая чего-то волшебнаго. Она такъ много слышала о Павловскѣ, и теперь вдругъ раскрываются настежь тѣ двери, черезъ которыя должны были войти избранники. Ее разочаровывало только то, что на вокзалѣ было слишкомъ много стариковъ и старухъ,—эти несчастные куда стремятся? Въ представленіи дѣвушки на музыкѣ должны были быть только одни молодые, а старики и старухи сдѣлали бы самое лучшее, если бы вернулись домой. Ксенія высказала именно это соображеніе матери.

— Ахъ, какая ты глупенькая!—строго замѣтила Анна Петровна.—У молодыхъ все впереди и для нихъ Павловскъ еще ничего не значитъ, а у этихъ старичковъ и старушекъ, можетъ-быть, все тамъ осталось, то-есть лучшія воспоминанія юности.

— Я не думаю, что ихъ ревматизмы и невралгіи особенно обрадуются отъ такой поѣздки,—капризно замѣтила Ксенія.—Только кашлять будутъ...

— У тебя нѣтъ сердца...

А старички и старушки не хотѣли даже подозрѣвать этого молодого негодованія и смѣло тащили свои ревматизмы, кашли и невралгіи на открытіе музыки, потому что считали свое присутствіе тамъ необходимымъ,—какъ же это безъ нихъ-то состоится открытіе?.. Мало этого, они смотрѣли покровительственно на безпечную молодежь, какъ смотрятъ старые заслуженные солдаты на новобранцевъ.

II.

Дальнѣйшія событія слѣдовали въ такомъ порядкѣ: *papa* взялъ билеты перваго класса, *papa* усадилъ свою семью въ купэ, *papa* торжественно оглянулъ весь вагонъ, точно еще разъ хотѣлъ сказать:

— Вотъ посмотрите, какая у меня дочь...

Papa даже раскрылъ ротъ, но въ этотъ моментъ къ нему подковылялъ какой-то древній старецъ и радостно прошамкалъ:

— Ба! Кого я вижу!.. Иванъ Дмитричъ... Какими судьбами?..

Papa радостно трясъ руку старичку, говорилъ что-то, а самъ никакъ не могъ припомнить, какъ зовутъ этого старца, гдѣ онъ съ нимъ познако-

мился, гдѣ встрѣчался—просто павловскій старичокъ. *Papa* былъ недоволенъ своей памятью, которая лишила его возможности провозгласить на весь вагонъ: „Позвольте вамъ представить мою дочь“... За первымъ старичкомъ точно откуда-то изъ щели выползъ второй,—этотъ уже облобызалъ *papa*, опять не знавшаго ни имени ни фамиліи стараго павловскаго друга. Потомъ на эту семейную радость откликнулась изъ угла какая-то старушонка съ сѣдыми буклями, которая долго всматривалась въ *papa* черезъ модный лорнетъ на ручкѣ. *Papa* цѣловалъ ручку у старушонки, причемъ оказалось, что старушонка сидѣла не одна, а рядомъ съ другой такой же старушонкой, и *papa* долженъ былъ цѣловать руку и этой другой. Ксенія отвернулась къ окну, чтобы не видѣть этихъ интересныхъ знакомыхъ *papa*.

— Сколько лѣтъ, сколько лѣтъ!..—шамкали старички.—Многихъ ужъ нѣтъ... Да, печально. Помните Сергѣя Петровича? Два года назадъ умеръ. Марья Ивановна—въ прошломъ году... Иванъ Иванычъ... Аделаида Карловна... Какой былъ народъ! Ахъ, какой народъ!..

Papa долженъ былъ ахать, удивляться, качать головой, дѣлать постное лицо, соболѣзновать. Это искреннее горе нѣсколько умѣрилось только тѣмъ, что онъ за эти двадцать лѣтъ успѣлъ позабыть рѣшительно всѣхъ этихъ прекрасныхъ покойниковъ, а теперь былъ даже радъ поговорить о нихъ, чтобы слышать настоящій французскій языкъ, которымъ говорятъ только въ Павловскѣ,—разговоръ шелъ, конечно, по-французски. Все-таки *papa* вздохнулъ облегченно, когда вырвался наконецъ отъ вцѣпившихся въ него старыхъ павловцевъ.

— Кто это?—спросила Анна Петровна, когда онъ вернулся на свою скамью.

— Кто ихъ знаетъ: не помню. Во всякомъ случаѣ, я очень радъ... Да, очень.

Поѣздъ давно летѣлъ на всѣхъ парахъ. По сторонамъ мелькала довольно унылая картина, совсѣмъ уже не отвѣчавшая настроенію пассажировъ: какія-то жалкія поля, залитыя коричневой весенней водой, какіе-то чахлые кустики около самой дороги, голыя березы, грязный снѣгъ по ямамъ и канавамъ,—скупая петербургская весна еще не вступила окончательно въ свои права. Но и эта картина нравилась Околышеву, потому что говорила ему о его петербургской юности, о молодыхъ надеждахъ и радостяхъ.

— Неужели ужъ Царское?—удивился *papa*, когда завылъ свистокъ.—Да, да, скажите...

Въ Царскомъ публики было еще мало, и платформа не представляла лѣтней оживленной картины. Сидѣвшая по вагонамъ публика заволновалась, когда поѣздъ полетѣлъ впередъ,—вѣдь всего нѣсколько минутъ, и Павловскъ тутъ какъ тутъ. Милый, родной Павловскъ... Сѣдыя старухи въ буклякъ смотрѣли въ окна и любовались начинавшимся паркомъ,—вотъ и онъ, зеленый красавецъ, этотъ старый другъ, который одинъ умѣетъ хранить женскія тайны.

На павловскомъ дебаркадерѣ уже ждали поѣздъ новые старички и старушки, которые съ молодой радостью встрѣтили пріѣхавшія изъ Петербурга древности.

Настоящее маленькое воскресенье. Было много молодежи и людей зрѣлаго возраста, но „открытіемъ“ овладѣлъ именно павловскій ветхій человѣкъ, который сегодня праздновалъ это открытіе, можетъ-быть, въ послѣдній разъ.

— Да посмотрите же, вотъ она, моя дочь!—внутренно кричалъ Иванъ Дмитричъ, врѣзываясь въ галдѣвшую толпу со своими дамами.

Достопримѣчательности вокзала были осмотрѣны въ нѣсколько минутъ, пока семью Околышевыхъ не приперла къ стѣнѣ живая волна медленно двигавшагося круга. Иванъ Дмитричъ съ большимъ трудомъ извлекъ своихъ дамъ изъ этого муравейника и вывелъ въ садъ, гдѣ двигалась такая же толпа. У Ксеніи зарябило въ глазахъ отъ этихъ тысячъ лицъ. Анна Петровна смотрѣла на толпу слегка прищуренными глазами, вспоминая свои павловскія побѣды. Да, ихъ было много, и всѣ онѣ были вотъ здѣсь... Конечно, зданіе вокзала какъ будто измѣнилось, деревья выросли, но мѣсто то же. Анна Петровна даже тѣснѣе прижалась къ мужу и налегла крѣпче на его руку, точно искала защиты отъ этихъ игривыхъ воспоминаній.

— Вотъ это я называю: жить!—замѣтилъ Иванъ Дмитричъ, любовно глядя на жену.—Сейчасъ музыка начнется.

Но вмѣсто того, чтобы итти въ залу, *papa* повернулъ куда-то къ мостику. Ксенія протестовала, но безполезно,—*maman* молча поддерживала авторитетъ *papa*. Перешли деревянный мостикъ, шоссе и очутились въ аллеѣ. Начинало уже смеркаться, и дѣвушка брегливо ступала по непросохшему песку. Что за удовольствіе гулять по сырымъ аллеямъ, когда деревья еще совсѣмъ голы, когда начинаетъ вдобавокъ, темнѣть, когда наконецъ вокзалъ освѣщается разноцвѣтными огнями и слышатся звуки настраиваемыхъ инструментовъ. Нѣтъ, это рѣшительно невозможно: изъ первой аллеи *papa* повелъ въ слѣдующую... Шли-шли, наконецъ *maman* устала, и всѣ сѣли на садовую скамейку.

— *Maman*, вѣдь ты можешь простудиться,—замѣтила Ксенія, надувая губки.—Такъ нельзя рисковать своимъ здоровьемъ... Наконецъ здѣсь совсѣмъ темно: я боюсь.

Вмѣсто отвѣта *maman* горячо поцѣловала свое сокровище и прижалась къ ней своею головой. Какая странная сегодня *maman* и какая-то разсѣянная... А *papa* поглупѣлъ сразу на пять градусовъ. Вонъ онъ зажегъ спичку и что-то такое разсматриваетъ на стволѣ старой березы, а самъ дѣлаетъ видъ, что раскуриваетъ сигару. Кто же теперь куритъ сигары?.. А на березѣ еще сохранилось вырѣзанное перочиннымъ ножомъ сердце, пронзенное стрѣлой, а въ немъ точно запеклись двѣ буквы: А. и И.

— Мы найдемъ нынче дачу въ Павловскѣ,—рѣшилъ *papa*, обжигая ротъ раскуреннымъ концомъ сигары.—Да, въ Павловскѣ...

— Конечно...—подтвердила *maman*.—А то гдѣ же?

Maman такъ крѣпко оперлась на руку *papa*, когда пошли назадъ.

„Какое это наивное милое созданіе Ксенія!—думалъ *papa*. — Крошка ничего не подозрѣваетъ, а вѣдь эта скамейка... гм... да...“

III.

Музыка уже гремѣла, когда они вернулись на вокзалъ. Всѣ скамьи передъ эстрадой были заняты. Это огорчило *maman*, но *papa* сейчасъ же нашелся.

— Мы займемъ отдѣльный столикъ... Вонъ тамъ. И музыку будетъ слышно, и поужинаемъ отлично.

Когда они пробирались въ толпѣ къ залѣ, гдѣ стояли отдѣльные столики, Околышевъ вдругъ остановился и испуганно посмотрѣлъ на жену. Ему показалось, что въ толпѣ мелькнуло знакомое лицо... Онъ проводилъ глазами какого-то господина, который шелъ впереди, и успокоился. Нѣтъ, это просто показалось ему. Кстати, подвернулись новые знакомые, которые засыпали обычными вопросами: „Какими судьбами? Давно ли?... Вотъ удивилъ-то всѣхъ!“

Иванъ Дмитричъ улыбался, пожималъ направо и налѣво руки, называлъ себя милымъ провинціаломъ и опять чувствовалъ себя прекрасно.

— Будетъ, послужилъ окраинамъ, а теперь централизуюсь,—повторялъ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ.—Да, пора отдохнуть... Вотъ позвольте представить вамъ: моя дочь Ксенія.

Когда былъ занятъ столикъ, явились новые знакомые. Это дѣлалось наконецъ скучно. Ксенія смотрѣла на старыхъ знакомыхъ такими скучающими глазами. Хоть бы одинъ интересный человѣкъ, т.-е. молодой, а то все какое-то старье. Настоящій архивъ.

Пока пили чай, первое отдѣленіе успѣло кончиться. У Ксеніи начало рябить въ глазахъ отъ этихъ тысячъ лицъ, живой стѣной тянувшихся по кругу. Околышевъ замѣтилъ унылое настроеніе дочери и предложилъ пройтись.

— Вы идите, а я посижу здѣсь...—устало замѣтила Анна Петровна, дѣлая смотръ весеннему костюму Ксеніи.

Околышевъ подалъ руку дочери и съ гордостью повелъ ее въ толпу. Онъ съ торжествомъ счастливаго отца смотрѣлъ всѣмъ въ глаза и повторялъ про себя: „А посмотрите-ка, какая у насъ дочь“... Эта счастливая [illegible] обошла всю залу, подвергаясь самымъ безцеремоннымъ толчкамъ. Околышевъ опять чувствовалъ себя молодымъ, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда гулялъ здѣсь подъ руку съ Анной Петровной. Обойдя залу, они прошли въ садъ, гдѣ сплошной стѣной двигалась такая же толпа. Какъ хорошо иллюминованъ былъ фасадъ вокзала,—Околышевъ невольно залюбовался и по пути наступилъ кому-то на ногу.

— Виноватъ...

Оглянувшись на потерпѣвшаго, Околышевъ весь вздрогнулъ: это былъ *онъ*, тотъ единственный человѣкъ, съ которымъ онъ не желалъ встрѣчаться. И нужно же было ему подвернуться именно въ ту минуту... А *онъ* стоялъ и, какъ казалось Околышеву, дерзко мѣрялъ его съ ногъ до головы. Положимъ, прошло цѣлыхъ двадцать лѣтъ, какъ онъ не видалъ этого человѣка, но это не помѣшало ему узнать его сейчасъ же. Еще давеча онъ почувствовалъ его присутствіе и не ошибся. Нѣтъ, нужно же было подвернуться такому глупому случаю, чтобы испортить все настроеніе. Первая мысль, которая мелькнула у Околышева, это скорѣе вернуться къ женѣ: она тамъ сидитъ одна, а отъ этого нахала можно ожидать всего. *Онъ* на все способенъ... Для *него* вѣдь нѣтъ ничего святого.

А *онъ* продолжалъ оставаться на томъ же мѣстѣ и провожалъ глазами ударившаго непріятеля. Это былъ пожилой господинъ, приличный и важный, съ усталымъ лицомъ и кислымъ выраженіемъ рта.

„Что это за особа съ этимъ болваномъ?—думалъ онъ, припоминая свѣжее личико Ксеніи.—Должно-быть, какая-нибудь родственница“.

Чтобы не встрѣчаться съ „болваномъ“, онъ отправился въ противоположную сторону.

Анна Петровна замѣтила, что мужъ вернулся взволнованнымъ, и спросила его взглядомъ, что случилось.

— Я совсѣмъ отвыкъ отъ толпы и просто задыхаюсь,—отвѣтилъ Иванъ Дмитричъ и прибавилъ самымъ невиннымъ тономъ:—не отправиться ли намъ домой? Поѣздъ отходитъ черезъ десять минутъ...

Но тутъ запротестовала Ксенія. Помилуйте, что же это такое,—уѣхать отъ самаго интереснаго. Сейчасъ начинается только второе отдѣленіе. Скрѣпя сердце, Иванъ Дмитричъ согласился и даже заказалъ ужинъ.

— Веригинъ здѣсь... — замѣтилъ онъ вскользь, глядя на жену. — Я его сейчасъ встрѣтилъ...

— А...—протянула она и тревожно посмотрѣла на дочь. — Ты съ нимъ не поздоровался?

— Я? съ нимъ? съ этимъ?..

Околышевъ почувствовалъ, какъ его охватило то бѣшенство, отъ котораго сводитъ челюсти, руки трясутся и въ глазахъ прыгаютъ всѣ окружающіе предметы. Онъ будетъ здороваться съ Веригинымъ? Да онъ его убьетъ, этого негодяя... Да-съ, убьетъ. Анна Петровна знала вспыльчивый характеръ мужа и встревожилась въ свою очередь. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдовало сейчасъ же уѣхать, а тутъ какой-то дурацкій ужинъ... Иногда насъ удерживаютъ ничтожные пустяки, а изъ такихъ пустяковъ потомъ вырастаютъ цѣлыя событія. Началось уже второе отдѣленіе, а толпа все росла. Это была публика съ послѣдняго поѣзда. Недалеко отъ столика, занятаго Околышевыми, образовалось что-то въ родѣ водоворота, благодаря встрѣчѣ двухъ теченій. Передніе ряды подпирались задними, изъ круга точно выдавливались отдѣльныя лица, столикъ Околышевыхъ начиналъ подвергаться серьезной опасности, потому что стоялъ на краю. Именно въ этотъ моментъ Иванъ Дмитричъ замѣтилъ приближавшійся въ толпѣ модный сѣрый цилиндръ. Это опять былъ *онъ*... Анна Петровна отвернулась отъ толпы, но по выраженію лица мужа чувствовала приближеніе опасности. Положеніе, во всякомъ случаѣ, не изъ красивыхъ. Иванъ Дмитричъ только-что поддѣлъ вилкой кусокъ бифштекса, да такъ и остался. А толпа несла сѣрый цилиндръ все ближе и ближе, пока не притиснула его къ самому столику Околышевыхъ. Веригинъ, очевидно, не узналъ врага и только старался не наваливаться на стулъ, на которомъ сидѣла Ксенія. Дѣвушка оглянулась на него, и Веригинъ замеръ: это было то самое лицо... Да, то самое женское лицо, которое посмотрѣло на него черезъ двадцать лѣтъ.

Анна Петровна со страхомъ смотрѣла на мужа, который поблѣднѣлъ, поднялся и раскрылъ даже ротъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ сказать что-то ужасное. Моментъ наступилъ критическій, когда противники встрѣтились наконецъ глазами.

— Виноватъ...—машинально извинился Веригинъ, приподнимая свой цилиндръ.

— Милостивый государь, это... это...

Околышевъ хотѣлъ сказать: „это нахальство“, но противъ ожиданія проговорилъ:

— Это... это моя дочь. Да, дочь...

Дальше случилось то, чего никто не ожидалъ. Какъ это случилось—тоже никто не могъ объяснить. Противники опомнились только тогда, когда пожали другъ другу руки. Каждый утѣшалъ себя тѣмъ, что сдѣлалъ это не онъ первый.

— Да, моя дочь Ксенія...—съ гордостью повторилъ Околышевъ, предлагая врагу стулъ.

Анна Петровна ограничилась однимъ поклономъ.

— Давненько мы не видались, Иванъ Дмитричъ,—просто заговорилъ Веригинъ и этимъ окончательно разрѣшилъ все дѣло.

У всѣхъ сразу отлегло на сердцѣ. Гуря промчалась. Околышевъ даже вытеръ себѣ лобъ платкомъ, точно поднялся на какую-нибудь очень высокую гору.

— Вы очень измѣнились, Павелъ Евгеньевичъ,—замѣтила Анна Пет-

ровна съ участіемъ посторонняго человѣка, который не хочетъ сказать больше.—Да, очень... Такъ что въ первую минуту я васъ совсѣмъ не узнала.

— Вы хотите сказать, что я совсѣмъ состарился? Что же, все въ порядкѣ вещей...

Изъ вѣжливости онъ, конечно, не сказалъ, что Анна Петровна измѣнилась еще больше, т.-е. совсѣмъ состарилась. Женщинамъ этого не говорятъ, какъ не говорятъ о неизбѣжной смерти безнадежнымъ больнымъ. Да, состарилась Анна Петровна, какъ умѣютъ стариться только отставныя красавицы: отъ минувшей красоты рѣшительно ничего не осталось, и Веригинъ разсматривалъ картину разрушенія съ полнымъ равнодушіемъ. Неужели это Annette Котовцева? Иванъ Дмитричъ прочиталъ этотъ взглядъ и совершенно успокоился. Ему даже сдѣлалось смѣшно надъ самимъ собой за свой напрасный страхъ. Да вѣдь все прошло... Одна Ксенія ничего не понимала, кромѣ того, что *papa* и *maman* были чѣмъ-то взволнованы. Дѣвушка нѣсколько разъ вопросительно посмотрѣла на мать и получала въ отвѣтъ такой любящій, благодарный взглядъ.

Околышевъ разговорился и повторилъ стереотипную исторію о своей жизни на окраинѣ, назвалъ себя „добродушнымъ провинціаломъ“ и вообще почувствовалъ себя въ своей тарелкѣ. Когда Веригинъ началъ прощаться, онъ пригласилъ его къ себѣ въ городъ и далъ свою визитную карточку.

— Это ужъ лишнее... — строго замѣтила Анна Петровна, когда сѣрый цилиндръ скрылся въ толпѣ. — Какъ онъ постарѣлъ: совершенная развалина. И все-таки лишнее...

— Ахъ, Annette, какая ты странная... Мнѣ какъ-то вдругъ сдѣлалось совѣстно и вмѣстѣ жаль его. Вѣдь *тогда* я хотѣлъ его убить...

Послѣдняя фраза заставила Ксенію открыть широко глаза.

— *Papa*, ты могъ убить этого господина?

— Развѣ я это сказалъ?—смутился Околышевъ.

— Да, сказалъ...

— Я пошутилъ, крошка.

Анна Петровна опустила глаза. Теперь ужъ никто не захочетъ убить изъ-за нея...

ТѢНИ БОГОВЪ.

I.

Въ воздухѣ поднялась волна звуковъ и торжественно замерла. Казалось, что эти аккорды на одно мгновеніе останавливались на невидимой высотѣ, оглядывали открывавшуюся передъ ними даль и быстро умирали, умирали неудовлетворенные, томящіеся, зовущіе... Каждая отдѣльная нота жила такой короткой жизнью, съ тоской отыскивая гармоническаго отзвука, и умирала съ тоской, уступая мѣсто другимъ. Да, звуки родились, жили и умирали, поднимая въ душѣ вереницу молодыхъ грезъ, несбывшихся сновъ и мучительныхъ воспоминаній. И какіе знакомые звуки: оркестръ игралъ поктюрнъ Шопена. Ему дѣлалось жутко... Вѣдь эти аккорды жалуются, тоскуютъ, стонутъ, плачутъ и досказываютъ то, что̀ можно только чувствовать и предъ чѣмъ безсильно человѣческое слово. Одна музыка блуждающимъ огонькомъ ведетъ въ этотъ таинственный міръ, гдѣ пугливо прячутся смутныя грезы и неясныя тѣни нашего воображенія, гдѣ дремлютъ безсознательныя ощущенія, гдѣ кончается все опредѣленное, то, что̀ мы можемъ назвать опредѣленнымъ словомъ. Грезы наяву, сонъ, отъ котораго не хочется просыпаться, сладкое забытье... А мелодія разливалась, росла и, казалось, заполняла все кругомъ—и этотъ дремавшій старческимъ сномъ столѣтній паркъ, и усѣянное міріадами звѣздъ небо, и двигавшуюся живую массу дачной публики.

Да, онъ сидѣлъ, слушалъ, и ему начинало казаться, что вся эта толпа состоитъ не изъ людей, а изъ отдѣльныхъ нотъ. Были очень маленькія ноты, нѣжныя и мелодичныя, были энергичныя и даже грубыя, были безразличныя—тѣ живые нули, которые получали свое значеніе только рядомъ съ другими нотами. У каждой ноты была своя линейка и свое мѣсто на этой линейкѣ, хотя и не всѣ знали это мѣсто. Нѣкоторыя уже кончали свою партію, нѣкоторымъ недоставало комбинирующаго звука, наконецъ были просто лишнія ноты, которыя только мѣшали другимъ, производя диссонансъ. Онъ долго и внимательно вглядывался въ эти живыя ноты, и его смутно начиналъ раздражать этотъ подавленный гулъ живой массы, это чужое веселье, безпечность, свѣтившіеся счастьемъ взгляды, когда самъ онъ былъ весь въ прошломъ, и у него въ душѣ замирало нѣвучее рыданіе скрипокъ, глухія жалобы мѣдныхъ трубъ и подавленное негодованіе контрабасовъ. Собственно публика легкомысленно растворялась въ настоящемъ, довольная своимъ днемъ, тѣмъ, наконецъ, что она можетъ безсмысленно бродить, заглушая своими шагами чудную мелодію. Ему хотѣлось встать и уйти, но онъ продолжалъ оставаться на своемъ мѣстѣ, точно боялся потерять назрѣвавшее въ душѣ такое хорошее, хотя и болѣзненное ощущеніе.

Но все-таки нужно уходить. Слѣдующимъ номеромъ въ программѣ стоитъ какой-то „блестящій“ модный вальсъ. Онъ каждый разъ передъ тѣмъ, какъ уйти съ вокзала, обходитъ весь кругъ. Это вошло въ привычку. И сегодня онъ воспользовался антрактомъ, чтобы сдѣлать свою прогулку. Онъ шелъ въ толпѣ и съ какимъ-то мучительнымъ чувствомъ вглядывался въ мелькавшія лица, точно боялся встрѣтить что-то такое родное, близкое, безконечно дорогое. Ему даже казалось, что онъ слышитъ знакомые, легкіе женскіе шаги, онъ вздрагивалъ и не рѣшался оглянуться, впередъ переживая неизбѣжное разочарованіе,—вѣдь онъ каждый разъ ошибался, да и каждый его день—одна мучительная ошибка. А глаза продолжали искать въ толпѣ знакомыя дорогія черты... Вотъ знакомый разрѣзъ глазъ, вотъ похожій овалъ лица, вотъ тонко очерченный носикъ,—да, дорогой человѣкъ разлился въ этой толпѣ и продолжалъ существовать только какъ собирательное. Нѣтъ и есть, есть и нѣтъ. Объ этомъ плакали скрипки, объ этомъ стонали мѣдныя трубы, жаловались контрабасы, и блѣдныя сѣверныя звѣзды смотрѣли такъ печально. Звѣзды—міровыя слезы...

— Вы куда, Валерій Павлычъ?..

Его остановилъ не голосъ, а взглядъ этихъ сѣрыхъ глазъ, опушенныхъ такими темными рѣсницами.

— Я сейчасъ ухожу, Сусанна Григорьевна...

Сѣрые глаза посмотрѣли на него съ тѣмъ участіемъ, отъ котораго у него получилось ощущеніе предательской теплоты. Вѣдь она была и красива и молода, и всѣ ею восхищались, а онъ замѣтилъ это только сейчасъ, вѣрнѣе—почувствовалъ. Она отдѣлилась отъ толпы и сама взяла его за руку.

— Мнѣ тоже пора домой...—тихо проговорила она, опираясь на его руку.—Вы меня проводите. Намъ, кажется, по пути...

— Нѣтъ, т.-е. да...

Она грустно улыбнулась, а потомъ у нея лицо приняло строгое выраженіе. Въ общемъ и въ фигурѣ, и въ постановкѣ головы, и въ движеніяхъ, и особенно въ выраженіи лица сказывалась именно та милая строгость, которая въ ней ему всегда такъ нравилась. Такія женщины умѣютъ необыкновенно хорошо улыбаться. Черный лѣтній костюмъ гармонировалъ съ общимъ тономъ какъ нельзя больше, и Валерій Павлычъ въ шутку называлъ ее про себя черной женщиной.

— Идемъ...

Онъ съ удовольствіемъ чувствовалъ, какъ она шла рядомъ съ нимъ, такая молодая, цвѣтущая, полная силъ. Когда они шли по деревянному мостику, перекинутому черезъ подернутый плѣсенью садовый прудъ, она тихо проговорила:

— Вы не любите вальсовъ? Да, я понимаю... А слышите, какъ запѣлъ корнетъ-а-пистонъ? Мнѣ кажется, что этотъ мѣдный голосъ такъ идетъ и къ этой зелени, и къ застоявшейся ночной мглѣ, и къ тому настроенію, которое охватываетъ въ такія ночи.

Онъ согласился безмолвнымъ движеніемъ головы и посмотрѣлъ на нее спрашивающими глазами. Она слегка отдѣлилась отъ него всѣмъ корпусомъ, но не отняла руки. Это невольное движеніе не ускользнуло отъ него. Между ними уже устанавливалось то взаимное пониманіе, которое не нуждается въ словахъ. Да и самыя слова говорили другое, потому что явилось умѣнье читать между строкъ. Она была такая умненькая, съ такой чуткой тонкостью пониманія.

II.

Они вошли въ паркъ. Широкая вѣковая аллея тонула въ темнотѣ, точно задрапированная мягкими лѣтними тѣнями.

Раздавалось только легкое шуршанье ихъ шаговъ.

— Мнѣ не хочется итти домой...—проговорила она съ шаловливыми нотами въ голосѣ.—Да... Я хочу васъ наказать...

— За что?

— А развѣ это хорошо, когда дама приглашаетъ гулять?..

— Вы правы...

— Есть вещи, которыя понимаются сами собой и которыя нельзя даже объяснить.

— Напримѣръ?

Она неожиданно засмѣялась, чуть-чуть откинувъ голову. У другихъ женщинъ смѣхъ имѣетъ какое-то внѣшнее значеніе, а она смѣялась вся каждой каплей крови.

— [illegible]мѣръ?..—повторила она вопросъ.—Напримѣръ, мужчина не долженъ [illegible] женщину самъ, а изъ вѣжливости долженъ предоставить это [illegible]... Нужно умѣть пощадить то послѣднее, что остается ей въ [illegible] женскую гордость. Вѣдь есть мужская гордость и есть женская гордость... мнѣ смѣшно, что вы не понимаете такихъ простыхъ вещей. Какой вы ребенокъ!..

Теперь засмѣялся онъ. Вѣдь въ этихъ словахъ была скрыта цѣлая программа. О, какъ хорошо онъ понималъ ее, всю понималъ, кончая той женской гордостью, которую она сейчасъ подвергала тяжелому испытанію. Теперь же понялъ онъ, почему она пошла съ нимъ, почему съ такимъ участіемъ смотрѣли ея глаза, почему она сохранила въ себя эту дѣвичью строгость—черная женщина еще не любила... Она инстинктивно льнула къ нему, чувствуя въ немъ еще не остывшій жаръ. Она знала грустную исторію и теперь грѣлась около чужого огня. Женщины понимаютъ все это чутьемъ. Она казалась ему теперь выше, ея сѣрые глаза больше и темнѣе... Это чудный моментъ, когда женщина безъ словъ требуетъ защищающей ласки, опоры, тѣхъ безсмысленныхъ словъ, которыя обвиваются около сердца, какъ цѣпкое растеніе.

— Какая чудная ночь...—проговорилъ онъ, набирая воздухъ.

— Какъ я люблю этотъ чудный паркъ!—говорила она.—Жить хочется... Что-то такое грустное накипаетъ въ груди. Слышите, какъ опять запѣлъ корнетъ-а-пистонъ?.. Вы часто гуляете въ паркѣ?

— Да, каждый день... Вотъ здѣсь, въ этой аллеѣ. Я люблю эти вѣковыя липы, которыя были свидѣтелями моего горя. Я его выпашивалъ здѣсь, какъ святыню...

— Вы счастливы уже тѣмъ, что можете горевать... Вы и давеча думали о *ней*. Да?

— Да...

Она замолчала. Эта гордая головка поникла. Ее охватило то чувство ревности, которое служитъ предвѣстникомъ другихъ чувствъ. Зачѣмъ онъ рисуется своимъ горемъ?.. Его жену она видала только издали и помнила только одно, что это была чудная красавица. У той было такое удивительное лицо, съ непроснувшимися дѣтскими глазами, спокойное, гордое, красивое каждой линіей, каждымъ движеніемъ. Она невольно сравнила себя съ ней, и ее охватила досадная робость, какая охватываетъ новичка на первомъ экза-

мнѣ. Съ другой стороны, ей было досадно за это чувство, еще болѣе досадно за то, что онъ могъ догадаться о немъ. Она замедлила шаги, выпрямилась и проговорила:

— Я устала... Сядемте гдѣ-нибудь.

— Опять я долженъ былъ предложить эту комбинацію? Но дѣло въ томъ, что пройдемте еще одну аллею, а тамъ въ концѣ стоитъ *она*... моя мраморная богиня.

— Ваша богиня? Впрочемъ, я понимаю, что̀ вы хотите сказать, и повинуюсь...

Она легонько вздохнула и крѣпче оперлась на его руку, точно хотѣла сказать этимъ движеніемъ, что ей все-таки хорошо, несмотря на то, что у него есть эта мраморная богиня. Хоть цѣлый легіонъ мраморныхъ богинь, только бы чувствовать его присутствіе... Она точно спускалась куда-то по ступенькамъ и съ каждой новой ступенькой дѣлала новую уступку. А какъ хорошо итти такой аллеей, какъ хороша ночь, какъ хорошо на душѣ!.. Въ послѣднемъ черная женщина боялась признаться самой себѣ.

Аллея дѣлала крутой поворотъ. Дальше слѣдовалъ широкій спускъ къ рѣкѣ, запушенной прибережными кустами. Слышенъ былъ неясный ропотъ воды, сбѣгавшей по шлюзу. Надъ водой уже стлалась бѣлая пелена тумана. Противоположный высокій берегъ вырѣзался изъ этой сочной бѣлесоватой мглы неясными контурами. Тамъ красиво рвались въ небо готическія стрѣлки елей, зелеными шапками круглились тополи, точно восковыя свѣчи стройно поднимались желтые стволы сосенъ. Въ жаркіе лѣтніе дни здѣсь царитъ прохлада, и воздухъ былъ напоенъ смолистымъ ароматомъ. На легкомъ деревянномъ мостикѣ они остановились. Она оперлась на барьеръ и долго смотрѣла внизъ, гдѣ бурлила вода.

— Меня охватываетъ каждый разъ желаніе броситься туда... — объяснила она, указывая зонтикомъ подъ мостъ. — Вы этого не испытываете?.. Впрочемъ, я болтаю глупости... Что̀ вы молчите? Скажите, что̀ вы думали сейчасъ?..

Онъ даже вздрогнулъ, пойманный на мѣстѣ. Въ ея голосѣ прозвучала повелительная нота. Она уже требовала отъ него отчета даже въ мысляхъ.

— Я думалъ... нѣтъ, не думалъ, а видѣлъ зиму. Тамъ... далеко... Городскія улицы засыпаны снѣгомъ, и я шелъ по этимъ улицамъ. Мнѣ дѣлалось холодно... Я уже подходилъ къ знакомому маленькому домику, въ которомъ жила она... Да, въ окнѣ былъ синеватый свѣтъ—это горѣлъ фонарь въ ея гостиной. У меня сильно забилось сердце... Вѣдь мысленно я тысячи разъ прошелъ по этимъ улицамъ, тысячи разъ подходилъ къ знакомому подъѣзду, давалъ звонокъ и, не получая отвѣта, грустно возвращался, чтобы опять и опять итти по той же дорогѣ. Да, я видѣлъ зиму, и эта зима была въ моемъ сердцѣ...

— Вы повторяли свое счастье...—глухо отвѣтила она, заглядывая къ нему въ лицо.

Кстати, какое было у него лицо? Сейчасъ она этого не умѣла бы сказать, а первое впечатлѣніе, когда она въ первый разъ увидѣла его, было не въ его пользу. Шатенъ, съ темными большими глазами, съ характернымъ прямымъ носомъ, съ маленькой бородкой,—вообще ничего особеннаго. Такихъ лицъ тысячи. А сейчасъ это было другое лицо. Ей хотѣлось заглянуть въ него, какъ она заглядывала на бурлившую подъ мостомъ воду, что̀ тамъ дѣлается, въ этой головѣ?.. Зачѣмъ онъ говоритъ ей такія вещи, какъ сейчасъ? Можетъ-быть, онъ хочетъ показать, что весь въ прошломъ, что дру-

гихъ женщинъ для него не существуетъ, что наконецъ она для него полное ничто... А можетъ-быть, это одинъ изъ тѣхъ маневровъ, какіе употребляютъ слабые волей люди, можетъ-быть, онъ просто хочетъ искусственно подогрѣть себя, вызывая тѣнь любимой женщины. Въ концѣ-то концовъ вѣдь все-таки ея нѣтъ...

III.

Мраморная богиня, въ торжественномъ молчаніи стоявшая въ тѣни наклонившихся надъ ней липъ, сдѣлалась невольной свидѣтельницей довольно странной сцены. По крайней мѣрѣ, въ древней Греціи ничего подобнаго не случалось.

— Вамъ нравится меня мучить, Валерій Павлычъ? — говорила она, чертя на пескѣ кабалистическія фигуры.—Я это знаю... Да, вамъ нравится, что я пришла за вами, какъ комнатная собачка, что къ вамъ протягиваются руки за милостыней...

Они сидѣли на скамьѣ, защищаемые густой тѣнью отъ тѣхъ же липъ, которыя такъ любовно наклонились надъ дивной античной красотой. Ея слова заставили его откинуться на деревянную спинку скамьи. Она сразу вышла изъ своей роли, безъ всякихъ подготовительныхъ переходовъ.

— Вы глубоко ошибаетесь, Сусанна Григорьевна... да. Вдвойнѣ ошибаетесь—и за себя и за меня. Въ васъ говоритъ простое неудовлетворенное чувство...

Понизивъ голосъ, онъ прибавилъ:

— Вы еще не любили, Сусанна Григорьевна...

Она сдѣлала движеніе, но осталась на томъ же мѣстѣ. Зонтикъ смѣшалъ всѣ фигуры на пескѣ и повисъ на рукѣ, какъ крыло подстрѣленной птицы.

— Это я, а вы?..

— Если бы вы любили, то поняли бы, что я не могу быть другимъ... Мнѣ даже странно говорить все это вамъ обыкновеннымъ будничнымъ языкомъ. Есть чувства и мысли, для которыхъ нужны праздничныя, нарядныя слова... Нуженъ бархатъ, шелкъ, золото, драгоцѣнные камни, ароматъ рѣдкихъ цвѣтовъ, чудная музыка, чтобы такое чувство могло проявить себя. Вѣдь оно дѣлаетъ богачомъ послѣдняго нищаго, оно...

— Для васъ я являюсь въ роли будней?..

— Этотъ вопросъ уже служитъ приговоромъ... Охваченный чувствомъ человѣкъ не задаетъ его, онъ не будетъ сомнѣваться въ себѣ. Въ немъ всѣ чувства слишкомъ полны, и нѣтъ тѣхъ разстояній, которыя отдѣляютъ мысль отъ чувства, чувство отъ дѣйствія. Тогда человѣкъ—одна мысль, одно чувство, одно дѣйствіе... Нѣтъ, этихъ вещей нельзя разсказать. Знаете ли вы, что̀ такое ожиданіе любимаго человѣка? Мало ли красивыхъ, молодыхъ лицъ, но для васъ все сосредоточилось въ одномъ этомъ лицѣ... Вы даже не можете сказать, красиво оно или нѣтъ—оно внѣ всякой критики, какъ реликвія. Посмотрите на мою богиню—вѣдь она вся живая, потому что создана именно этой полнотой чувства, потому что она сама жизнь, любовь, счастье.

— Ваша классическая богиня увидитъ живую женщину, еще молодую и полную силъ, которая будетъ возвращаться домой вотъ по этой аллеѣ, какъ скорбная тѣнь... Боги справедливы до жестокости, и они поймутъ тотъ адъ, который унесетъ отсюда эта женщина. Да, она ошибалась, если жизнь такъ складывается... А сколько такихъ женщинъ, которыя такъ и умрутъ въ ожиданіи той полноты, о которой вы сейчасъ говорили. Одной больше, одной

меньше—вопросъ, интересный развѣ для какой-нибудь математической выкладки.

Она поднялась, гордая и холодная, какъ та богиня, которая смотрѣла на нее со своего пьедестала. Онъ тоже поднялся.

— Не трудитесь меня провожать... Я дойду одна... да, одна.

Онъ молча посторонился, давая ей дорогу.

— Простимтесь друзьями, Валерій Павловичъ...

— О, да... друзьями...

Она крѣпко сжала его руку и быстрымъ движеніемъ бросилась впередъ, точно отрывала самоё себя отъ чего-то задерживавшаго. Въ этомъ движеніи она была такъ чудно хороша, какъ хорошо все искреннее, чистое, неподдѣльное. Ему хотѣлось остановить ее, крикнуть, но онъ удержался и безсильно опустился на свою скамью. Легкіе шаги быстро удалились, онъ слышалъ, какъ шуршала шелковая юбка, какъ хрустѣлъ песокъ подъ маленькими ножками... Окружавшая его ночная тишина вдругъ точно была прорѣзана далекимъ звукомъ—это опять игралъ корнетъ-а-пистонъ. Онъ быстро вскочилъ и крикнулъ:

— Сусанна Григорьевна, вернитесь...

Ночь не отвѣтила, и только попрежнему призывно пѣлъ корнетъ-а-пистонъ.

Онъ схватилъ себя за голову и бросился догонять ее.

— Сусанна Григорьевна...

Она не остановилась и не убавила шагу. Она слышала его догонявшіе шаги, слышала тяжелое дыханіе и вдругъ испугалась. Это былъ дѣтскій страхъ, отъ котораго нѣмѣютъ ноги и сердце перестаетъ биться. Вотъ горячая сильная рука беретъ ея маленькую холодную руку, и она не имѣетъ силы ее отнять. Она даже закрываетъ въ ужасѣ глаза, какъ животное, которое предчувствуетъ смертельный ударъ. Онъ ласково и настойчиво заставилъ ее вернуться. Она шла рядомъ, какъ лунатикъ, съ трудомъ переставляя ноги.

— Что вамъ еще нужно отъ меня?..

— Мнѣ хотѣлось сказать вамъ что-то такое хорошее, Сусанна Григорьевна. Приласкать, просить въ чемъ-то прощенія, сказать, что я дрянной человѣкъ, что я все лгалъ, что я обманывалъ самого себя...

— Опомнитесь, что вы говорите...

Маленькая холодная рука оставила его руку. Къ ней вернулась какая-то неясная рѣшимость.

— Да, я безумецъ...

Онъ задыхался, чувствуя, какъ что-то щиплетъ въ горлѣ и какъ все кругомъ исчезаетъ. Оставалось одно, тяжелое и угнетавшее, отъ чего сердце билось, какъ пойманная птица. Да, онъ былъ весь одна минута, одно мгновенье...

Опять та же скамья и та же мраморная богиня. Онъ видѣлъ, какъ она, черная женщина, обезсиленнымъ движеніемъ заставила себя сѣсть. Минуту назадъ, всего одну минуту она принадлежала ему, а сейчасъ она была такъ же далеко, какъ любая звѣзда. Это послѣднее его раздражало и придавало какую-то безумную энергію. Вмѣсто словъ онъ цѣловалъ маленькія холодныя руки и не получалъ отвѣта.

— Я васъ презираю...—тихо проговорила она, улыбнувшись кроткой и горькой улыбкой.—Вы совсѣмъ не тотъ, о которомъ я думала, котораго я...

Роковое слово не было договорено.

— Милая черная женщина съ чудными сѣрыми глазами, я тебя понимаю... Ну и что же, гони меня!.. Что я сдѣлалъ, что я дѣлаю...

Этотъ припадокъ покаяннаго малодушія смѣнился неожиданной энергіей. Она почувствовала на себѣ его твердый взглядъ, она услышала его ласковый шопотъ:

— Мнѣ ничего не нужно, милая черная женщина... Только не уходите, не оставляйте меня одного.

— Что изъ этого выйдетъ?..

— Я не знаю...

IV.

Мраморная богиня видѣла, какъ онъ плакалъ и какъ она молча перебирала его волосы, подернутые серебромъ преждевременной старости. Вѣдь она такъ любила эту голову, любила гораздо раньше, чѣмъ догадалась объ этомъ. Роковое открытіе лишило ее воли, обезсилило, заставляло дѣлать то, чего она не должна была дѣлать.

— Вы угадали, что я никогда не любила,—говорила она спокойно.— И теперь не люблю... Нѣтъ, не люблю... Я знаю, что вы хорошій человѣкъ, что вы можете быть очень хорошимъ человѣкомъ... И если бы мы встрѣтились раньше...

— Нѣтъ никакого раньше, а есть только настоящее...

Она наклонилась совсѣмъ къ его лицу, ласково посмотрѣла ему прямо въ глаза и прошептала:

— А если *та* придетъ, та, первая?.. Я ее буду чувствовать во всемъ, въ каждомъ твоемъ взглядѣ, въ каждой ласкѣ... Скажу больше, я чувствую, что я сама уже умерла, и что моя соперница уже смотритъ тебѣ въ глаза и ты ей говоришь то же, что говорилъ когда-то мнѣ. Я чувствую это и съ ужасомъ чувствую, что лишена уже возможности проявить себя ни однимъ звукомъ, ни однимъ движеніемъ, и только могу ненавидѣть твое настоящее, то-есть самоё себя. И все это сонъ, мой дорогой... Твоя черная женщина пойдетъ къ себѣ опять одна, къ своему одиночеству, чтобы не было того настоящаго, въ которомъ и ты и она потомъ могутъ раскаяться...

Въ этотъ моментъ опять запѣлъ корнетъ-а-пистонъ. Она схватила его за руку и проговорила:

— Слышишь? Узнаёшь?

— Да...

— Это поетъ Маргарита о царѣ, который жилъ въ Оулѣ... Онъ вѣдь тоже любилъ, этотъ хорошій король, и она тоже умерла, и онъ хранилъ до самой смерти память о своей милой... Слышишь?..

Она вся поблѣднѣла и крѣпко прижалась къ нему.

— Слышишь? Это уже не труба поетъ, а она, любимая женщина... лѣсъ поетъ... ночь поетъ... Будь благословенна память любимой женщины, милый, и забудь ту, которая съ безумной дерзостью хотѣла нарушить эту святыню. Слышишь, король ужъ состарился... да... жива одна память... Слышишь, какъ онъ бросаетъ холодѣющей рукой завѣтное кольцо въ свой кубокъ?..

И пѣла ночь, и звѣзды, и лѣсъ, и въ воздухѣ незримо рѣяли тѣни боговъ, а среди нихъ поднималась вмѣстѣ съ пѣсней тѣнь любимой женщины, торжествующая, счастливая, побѣждающая...

1893.

ВКРУГЪ РАКИТОВА КУСТА.

Повѣсть.

I.

Солнце уже спускалось къ горизонту, дѣлаясь все больше и больше. Оно постепенно краснѣло, зажигая края вытянутыхъ надъ моремъ облаковъ живымъ огнемъ, пурпуромъ и переливавшимися цвѣтами радуги. Море было спокойно и только чуть-чуть колыхалось у самаго берега, гдѣ прилива широкая волна. Слабый шопотъ этого прибоя напоминалъ ровное дыханіе засыпающаго человѣка. Расцвѣченное всѣми огнями радуги небо отражалось въ водѣ, а набѣгавшая ткань морской волны принимала самые нѣжные перламутровые тона—розовые, голубые, зеленые, желтые съ особеннымъ нѣжнымъ отливомъ дорогого жемчуга, точно море было освѣщено изнутри. Отъ всей этой картины вѣяло какою-то сказочною красотой и той освѣжающей здоровой нѣгой, отъ которой не хочется проснуться. Да, это было то сѣверное холодненькое море, которое создало сѣверную сагу и ея неукротимыхъ героевъ—викинговъ.

Елена Григорьевна проводила каждый вечеръ на пляжѣ, переживая глухую тоску. Ей вспоминалась далекая южная родина, далекое южное теплое море... А здѣсь даже лѣтомъ было холодно, и даже краски заката казались ей холодными. Она устало смотрѣла темными глазами на толпу гулявшихъ на пляжѣ и какъ-то ни о чемъ опредѣленномъ не думала. Да, *онъ* непремѣнно придетъ, предложитъ ей руку и проведетъ черезъ эту толпу, которой она такъ не любила... Кажется, вчера, да, именно вчера она узнала одного московскаго профессора, съ которымъ встрѣчалась въ Ялтѣ, и самымъ глупымъ образомъ начала смотрѣть въ сторону, хотя онъ ея не узналъ. А еще когда-то ухаживалъ... Впрочемъ, профессорская разсѣянность вошла въ пословицу. Елена Григорьевна знала почти наперечетъ всѣхъ гулявшихъ, хотя и не была ни съ кѣмъ знакома, и знала также, что курортныя дамы ея не любятъ, считая гордой, и вмѣстѣ завидуютъ ея костюмамъ и красотѣ. Если бы онѣ знали, какъ она сама ненавидитъ себя, свою красоту, жалкія тряпки, въ которыя должна была наряжаться совсѣмъ не для себя и своего удовольствія... Въ видѣ утѣшенія у нея мелькала всего одна мысль: вѣдь когда-нибудь все это должно было кончиться, какъ кончается все на свѣтѣ.

— А я васъ ищу по всему пляжу, Елена Григорьевна...—проговорилъ надъ ея ухомъ жирный басокъ, заставившій ее вздрогнуть.

Она ничего не отвѣтила, а только умоляюще посмотрѣла на него своими темными испуганными глазами.

— Аркадій Евгеньичъ не придетъ,—отвѣтилъ басокъ на этотъ нѣмой вопросъ.—Онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ.

Елена Григорьевна поднялась, но молодой человѣкъ ее удержалъ.

— *Намъ* приказано дождаться здѣсь, пока сгорятъ костры. Можетъ-быть, Аркадій Евгеньичъ еще и придетъ, если почувствуетъ себя лучше. Онъ сейчасъ прилегъ отдохнуть... Вѣдь сегодня у эстонцевъ древній языческій обычай—жечь костры. У насъ они называются, кажется, купальными огнями... Да...

Молодой человѣкъ устало опустился на скамейку. Онъ казался старше своихъ двадцати шести лѣтъ благодаря какой-то дряблой тучности. Даже модный костюмъ изъ бѣлой фланели съ голубыми полосками старилъ его. Безцвѣтное, точно вылинявшее лицо глядѣло тусклыми безцвѣтными глазами. Онъ страдалъ одышкой и въ разговорѣ дѣлалъ паузы, глотая воздухъ, какъ только-что вытащенная изъ воды рыба. Лѣвая рука вѣчно точно чего-то искала, шевеля пухлыми безсильными короткими пальцами. Елену Григорьевну больше всего возмущало, когда этотъ пухлый молодой человѣкъ начиналъ смѣяться какимъ-то дряблымъ смѣхомъ, причемъ дѣлалось это безъ всякаго повода. Она знала, что онъ и сейчасъ будетъ смѣяться, и ее впередъ охватывало непріятное жуткое чувство. Когда его лицо уже начинало распускаться въ безцвѣтную неопредѣленную улыбку, она предупредила его смѣхъ неожиданнымъ вопросомъ:

— Павелъ Максимычъ, извините за откровенность, мнѣ кажется, что вы боитесь Аркадія Евгеньича?

Дряблое лицо Павла Максимовича сразу приняло непривычно-серьезное выраженіе, какъ у человѣка, которому помѣшали чихнуть. Онъ повелъ плечами и отвѣтилъ съ заикающимися паузами пойманнаго школьника:

— Нѣтъ, то-есть да... если хотите...

Потомъ онъ поднялся и съ неожиданной для самого себя смѣлостью, глядя прямо въ лицо Еленѣ Григорьевнѣ, проговорилъ:

— А вы боитесь?

— И даже очень боюсь,—просто отвѣтила Елена Григорьевна, стараясь равнодушнымъ тономъ замаскировать внутреннее волненіе.—Каждая женщина должна кого-нибудь бояться...

— Неужели и меня какая-нибудь женщина будетъ бояться?

— О, непремѣнно... Именно та, которая васъ полюбитъ.

Павелъ Максимовичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и ничего не отвѣтилъ. На его дряблomъ лицѣ появилось какое-то брезгливое выраженіе. Ему показалось, что Елена Григорьевна смѣется надъ нимъ. Его полюбитъ женщина... этого не было и не будетъ. Онъ повертѣлъ въ рукахъ свою палку и какъ-то безсильно опустился на скамейку.

Публика все прибывала на пляжѣ. Яркіе лѣтніе туалеты дамъ пестрили гуляющую толпу красивыми пятнами. Около приготовленныхъ костровъ суетилась дачная дѣтвора. Собственно эстонцевъ почти не было. Они кучками сидѣли въ дальнемъ концѣ пляжа, гдѣ на берегу пріютились рыбачьи избушки. Народнымъ праздникомъ завладѣли господа. Елена Григорьевна продолжала молчать, напрасно стараясь придумать какую-нибудь тему для разговора. Съ Павломъ Максимовичемъ иногда было трудно разговаривать, и, кромѣ того, онъ въ этихъ случаяхъ совсѣмъ не умѣлъ слушать и какъ-то по-дѣтски перебивалъ на половинѣ фразы.

— Да, скучно...—неожиданно проговорилъ онъ.

— Благодарю за комплиментъ...—отвѣтила она.—Вы иногда бываете очень любезны, Павелъ Максимычъ.

— Это я не про себя, а про васъ. Я замѣтилъ, что вамъ хочется зѣвнуть... А я не умѣю занимать дамъ. Это особенный талантъ...

— Вы правы: съ дамами обыкновенно говорятъ ни о чемъ, чтобы убить время.

— Не всегда... Вонъ посмотрите, какъ заразительно-весело смѣется вонъ та дѣвушка... съ розовымъ зонтикомъ...

— Она смѣется потому, что еще очень молода... А молодость счастлива уже тѣмъ, что многаго не понимаетъ.

— Да, пожалуй... Вѣрнѣе сказать: ей еще не въ чемъ раскаиваться. Мнѣ эта смѣющаяся дѣвушка напоминаетъ счастливаго путешественника, у котораго весь багажъ состоитъ изъ одного розоваго зонтика.

Ей показалось, что онъ сдѣлалъ намекъ на что-то, о чемъ начиналъ догадываться. Она даже хотѣла разсердиться, но сдержала себя. Потомъ этотъ нелѣпый приказъ Аркадія Евгеньевича присутствовать при глупой церемоніи сжиганія костровъ,—здѣсь все было пропитано только ей одной понятной ироніей. Она припомнила именно такую купальную ночь тамъ, на далекомъ тепломъ югѣ, гдѣ около костровъ собралась счастливая молодежь. Какъ милы были дѣвичьи лица, улыбавшіеся безграничной радостью глаза, напоенный молодыми пѣснями воздухъ, счастливая дрожь молодого смѣха... Она шла подъ руку съ нимъ кругомъ такого горѣвшаго костра, а онъ шепталъ: „Это наше вѣнчанье... вкругъ ракитова куста!“... Она была счастлива тѣмъ счастьемъ, которое нагоняетъ страхъ. Да, счастлива, какъ человѣкъ, который только-что перенесъ самую рискованную и опасную операцію и болѣе не чувствуетъ боли. Онъ не забылъ этого момента и послалъ напомнить о немъ...

II.

Они не замѣтили, какъ солнце опустилось въ море и какъ зажглись первые костры въ дальнемъ концѣ пляжа. Публика съ дѣтской торопливостью хлынула въ сторону этихъ огней. Разодѣтыя дачныя дѣти бѣжали съ радостнымъ крикомъ, перегоняя другъ друга. Особенно эффектно выдѣлялся одинъ костеръ, охваченный огнемъ сразу. Надъ нимъ крутившимся облакомъ поднимался багровый дымъ.

— Намъ пора...—нерѣшительно проговорилъ Павелъ Максимовичъ, поднимаясь и выгибая руку кренделемъ.

— Да?—точно удивилась она, торопливо опираясь на его руку.—Мы должны исполнить предписаніе въ точности?

— Точно такъ-съ, Елена Григорьевна.

Они оба принужденно засмѣялись, вмѣшиваясь въ толпу публики, которой было сейчасъ не до нихъ.

— А вѣдь хорошо...—ни къ чему сказалъ Павелъ Максимовичъ, съ удовольствіемъ чувствуя, какъ Елена Григорьевна опирается на его руку и какъ отъ каждаго ея шага онъ получалъ толчокъ, точно его сердце начинало биться внѣ его тѣла.

— Что вамъ такъ понравилось?—спросила она такимъ тономъ, когда не ждутъ отвѣта.

— Я люблю огонь... Въ немъ есть что-то мистическое, символъ жизни... Вѣдь и наша жизнь только медленное сгораніе... Каждое наше чувство, каждая наша мысль есть только отблескъ этого невидимаго, внутренняго, пожирающаго насъ огня.

— Знаете, это очень красиво сказано, Павелъ Максимычъ... Вѣдь вы кончили университетъ?

— Да, только за границей... Потомъ я лѣтъ пять провелъ въ Англіи и

страшно тосковалъ по родинѣ. Это смѣшно, а я главнымъ образомъ тосковалъ именно о томъ, что въ англійскихъ паркахъ и скверахъ нельзя разложить огня и посидѣть около него. Такъ, просто посидѣть, ни о чемъ не думая... Впрочемъ, я встрѣчалъ много такихъ огнепоклонниковъ, главнымъ образомъ, конечно, среди охотниковъ.

— Развѣ вы охотникъ?

— А вы какъ думаете?

Она посмотрѣла на него и недовѣрчиво покачала головой. Павелъ Максимовичъ меньше всего походилъ именно на охотника.

— У васъ есть родные въ Москвѣ?—спросила она, продолжая какую-то неожиданную мысль.

— Дальніе... Собственно отъ своей родни я какъ-то отвыкъ, да и отъ своего купеческаго круга отсталъ. Сохранились одни дѣловыя отношенія... Какъ-то даже странно, когда знаешь людей съ дѣтства, даже радъ ихъ видѣть, а встрѣтишься—и сказать нечего.

— У богатыхъ московскихъ коммерсантовъ теперь мода давать своимъ дѣтямъ англійское воспитаніе?..

— Отчасти мода, а отчасти заставляетъ необходимость...

— Это очень оригинально, когда молодыя купеческія дѣвушки говорятъ по-англійски. Я сама слышала не одинъ разъ въ Ялтѣ...

Они шли и болтали обо всемъ, что приходило на умъ. Павелъ Максимовичъ говорилъ какъ-то торопливо, точно боялся, что не успѣетъ всего высказать. Она перебивала его и тоже торопилась. Вѣдь у нея было такъ мало времени, когда она могла быть сама собою, и, вѣроятно, поэтому она старалась выговориться.

— Вамъ приходило на умъ, Павелъ Максимычъ, что, въ сущности, мы вѣдь цѣлую жизнь молчимъ, то-есть говоримъ совсѣмъ не то, что хотѣли бы сказать? Я еще маленькой дѣвочкой прошла эту школу молчанія... А потомъ пришлось молчать еще больше... Есть спеціальное выраженіе: старческая болтливость. Ахъ, какъ я это понимаю!.. Не правда ли, какъ хорошо, когда уже ничто человѣка не стѣсняетъ... Я и теперь уже начинаю иногда думать по-старушечьи. Вѣдь, право, девять десятыхъ того, что насъ волнуетъ и заботитъ, чего мы боимся и чему радуемся—все это пустяки, если посмотрѣть со стороны. Напримѣръ, мнѣ было всего тринадцать лѣтъ, когда я въ первый разъ влюбилась. Принято обыкновенно смѣяться надъ этой влюбчивостью дѣвочекъ-подростковъ, а по-моему это совсѣмъ не смѣшно. Мой идеалъ тогда былъ пожилой учитель географіи, брюзгливый отъ пива, некрасивый, съ краснымъ носомъ вдобавокъ... Онъ на меня не обращалъ, конечно, никакого вниманія, а я вся дрожала, когда онъ проходилъ мимо, совершенно терялась, когда онъ спрашивалъ меня урокъ. Представьте себѣ, у меня до сихъ поръ сохранилось по отношенію къ нему что-то такое, какое-то смутное чувство, какъ сохраняются у растенія первые засохшіе листья... И мнѣ сейчасъ чего-то жаль, какъ жалѣешь потерянную вещь, когда кажется, что здѣсь такой другой больше не найдешь. Гдѣ онъ сейчасъ, мой учитель географіи? Можетъ-быть, умеръ, можетъ-быть, спился окончательно, можетъ-быть, попрежнему тянетъ свою учительскую лямку... А въ сущности, къ чему я это все говорю?..

— Я отлично васъ понимаю, Елена Григорьевна,—въ томъ же тонѣ отвѣтилъ Павелъ Максимовичъ.—Въ этихъ недосказанныхъ словахъ и недоразвившихся чувствахъ есть своя логика, и они иногда дороже настоящихъ словъ и чувствъ. У меня была тоже такая привязанность, хотя я былъ гораздо старше васъ. Мальчики въ этомъ отношеніи развиваются позднѣе... Это было

въ Лондонѣ. Я ее встрѣтилъ на одномъ людномъ гуляньи. Мальчики влюбляются въ дамъ, а не въ дѣвушекъ. Когда я ее увидѣлъ въ первый разъ, меня точно ударилъ электрическій токъ... Даже я затруднился бы отвѣтить, была ли она красива или какъ тысячи другихъ женщинъ. Но я былъ полонъ ею, для меня ничего больше не существовало...

— Это, вѣроятно, была родная сестра моего учителя географіи? — пошутила Елена Григорьевна.

— По всей вѣроятности, — согласился онъ. — Посмотрите, почти уже всѣ костры горятъ... Очень хорошо!.. Если бы не было стыдно, я съ удовольствіемъ началъ бы бѣгать вокругъ нихъ вонъ съ тѣми счастливыми ребятишками. А вонъ та дѣвушка съ розовымъ зонтикомъ, которая давеча такъ заразительно смѣялась. Она успѣла уже сдѣлаться серьезной...

Начинали сгущаться лѣтнія сумерки. Морской горизонтъ закрывался широкими тѣнями. Огни отъ костровъ отражались въ водѣ. Пахло дымомъ.

— Зачѣмъ вы живете здѣсь? — спросила Елена Григорьевна послѣ длинной паузы. — Гунгербургъ — одинъ изъ самыхъ скучныхъ курортовъ, а у васъ свое имѣніе въ Крыму...

— Я? Зачѣмъ я живу здѣсь? Неужели вы не догадываетесь, Елена Григорьевна?..

— Нѣтъ, одно время я пробовала догадаться, но вы — умный человѣкъ и, конечно, сами давно поняли, что я не изъ тѣхъ женщинъ, для которыхъ стоитъ скучать...

— А если мнѣ некуда больше итти? Я хочу дышать однимъ воздухомъ съ вами — и больше ничего...

— Могу пожалѣть только объ одномъ, что вы, значитъ, слишкомъ мало меня знаете...

— Но это не мѣшаетъ мнѣ, если можно такъ выразиться, *чувствовать* васъ, всю чувствовать...

— Чувствовать усталость, безволіе, тоску?

— Все, все!.. Прибавьте къ этому еще ненависть...

Она вздрогнула и быстро отняла свою руку, точно онъ ее ударилъ.

— Да, ненависть... — повторилъ онъ, дѣлая удареніе. — О, какъ мнѣ это чувство знакомо! Но это не та здоровая, настоящая ненависть, которая дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, а отраженное чувство, какъ прямое слѣдствіе безволія... Вѣдь собака ненавидитъ палку, которой ее бьютъ. Здѣсь хуже... Моя ненависть только отраженіе моего рабства. Самою большою злостью, какъ извѣстно, отличаются самыя маленькія насѣкомыя, которыя умираютъ, вцѣпившись во врага зубами. Нарушенная воля — первоисточникъ всевозможныхъ преступленій, особенно когда это утраченное душевное равновѣсіе окрашено личными чувствами.

Она отлично понимала, о чемъ онъ говоритъ, и ей дѣлалось страшно. Вѣдь всѣ эти безсвязныя мысли, совершенно непонятныя для посторонняго человѣка, служили тѣмъ полупризнаніемъ въ любви, которое такъ цѣнится умными женщинами. Зачѣмъ слова, когда они дѣлаются только шелухой и скорлупой таинственнаго зерна и когда вся суть заключается въ тембрѣ голоса, въ интонаціи, въ краснорѣчивыхъ паузахъ... И ей было больно, потому что этотъ странный молодой человѣкъ не хотѣлъ понять, что ей нечѣмъ было отвѣтить его настроенію. Развѣ можно объясняться въ любви съ женской тѣнью?

— Я встаю очень рано и люблю встрѣчать восходъ солнца, — продолжалъ Павелъ Максимовичъ. — Мы слишкомъ привыкли къ нему, то-есть къ

этому источнику жизни, въ которомъ уже впередъ заключены всѣ наши мысли и чувства, радости и страданія. Эта блестящая, сверкающая и ослѣпляющая тайна, около которой вращается наша планета и которая въ то же время въ силу психическаго обмана кажется висящей надъ нашею головой... Вообще, если...

Онъ хотѣлъ что-то еще сказать, но въ этотъ моментъ кто-то назвалъ его по имени.

III.

Это былъ человѣкъ Арсеній, изъ кургауза, съ веснущатымъ лицомъ, какими-то жесткими кудрями и ногтями въ траурѣ. Онъ прибѣжалъ на пляжъ безъ шапки и съ салфеткой подъ-мышкой.

— Палъ Максимычъ... извините, у насъ неладно въ номерѣ.

— Что такое случилось?

Арсеній посмотрѣлъ на Елену Григорьевну и прибавилъ уже шопотомъ:

— Баринъ Аркадій Евгеньичъ померши...

Елена Григорьевна разслышала эту фразу и тихо вскрикнула. Арсеній струсилъ, что, можетъ-быть, напрасно сразу проговорилъ все дѣло и напугалъ барыню прежде времени, и, чтобы поправить ошибку, закрылъ ротъ рукою.

— Ты что-нибудь путаешь... — строго замѣтилъ Павелъ Максимовичъ, подавая руку Еленѣ Григорьевнѣ.

— Никакъ нѣтъ-съ, Палъ Максимычъ... Я, значитъ, отворилъ дверь въ ихній номеръ, а они изволятъ лежать на полу и не дышатъ-съ... я и побѣжалъ объявить вамъ... Ноги даже трясутся со страху... Какъ есть безъ дыханія лежатъ на коврѣ у письменнаго стола...

Всѣ трое ускореннымъ шагомъ отправились къ кургаузу. Елена Григорьевна тяжело дышала. До кургауза было всего минутъ десять ходьбы, но эта дорога сейчасъ показалась безконечной. Было уже темно, и Павелъ Максимовичъ по близорукости нѣсколько разъ запинался на совершенно гладкой дорожкѣ. Человѣкъ Арсеній изъ вѣжливости не рѣшился обойти господъ, а свернулъ на сосѣднюю дорожку и побѣжалъ бѣгомъ.

— Доктора... Ради Бога, доктора! — крикнула ему вслѣдъ Елена Григорьевна.

— Слушаю-съ! — долетѣлъ изъ темноты отвѣтъ.

— Доктора! — крикнулъ Павелъ Максимовичъ охрипшимъ отъ волненія голосомъ.

— Слушаю-съ...

Гунгербургскій курзалъ по вечерамъ освѣщался какъ-то особенно привѣтливо, точно онъ былъ насыщенъ уютнымъ тепломъ. Номеръ Елены Григорьевны выходилъ прикрытымъ полосатою маркизой балкономъ къ морю, и сейчасъ можно было видѣть отворенную дверь, потому что на письменномъ столѣ Аркадія Евгеньевича горѣла лампа.

— Съ нимъ это случалось и раньше, — говорила Елена Григорьевна, подбирая шелестѣвшую шелковую юбку. — Да, случалось... въ Кіевѣ... потомъ когда мы были въ Варшавѣ... У него сердце не въ порядкѣ... Вѣдь вы знаете доктора Брусницына? Полный такой... Мы съ нимъ встрѣчаемся за табльдотомъ... Такъ онъ предупреждалъ Аркадія Евгеньича...

— Докторъ самъ, кажется, тоже боленъ?

— И даже очень боленъ... У него тоже сердце... Онъ такъ спокойно говоритъ о своей смерти...

— Я не люблю людей, которые много ѣдятъ, — замѣтилъ Павелъ Максимовичъ совершенно не къ мѣсту, припомнивъ прекрасный аппетитъ доктора Брусницына.

Человѣкъ Арсеній встрѣтилъ господъ въ дверяхъ номера; въ коридорѣ толпилось нѣсколько горничныхъ, а въ номерѣ толстый докторъ Брусницынъ, стоя на колѣняхъ, старался привести лежавшаго на полу больного въ чувство.

— Докторъ, ради Бога, что̀ случилось? — умоляюще шептала Елена Григорьевна, опускаясь на колѣни, чтобы поддержать безсильно перекатывавшуюся голову больного.

— Ничего особеннаго... — грубовато отвѣтилъ докторъ. — Дайте одеколонъ... Можетъ-быть, есть англійская соль... Натирайте одеколономъ виски... Человѣкъ, принесите льду... Мадамъ, помогите разстегнуть рубашку...

Еленѣ Григорьевнѣ, несмотря на волненіе, невольно бросилась въ глаза эта разсчитанная грубость доктора. Раньше онъ былъ совсѣмъ-другимъ. Но теперь было не до этого, и она покорно исполняла докторскія приказанія. Больной лежалъ на лѣвомъ боку. Это былъ средняго роста худощавый господинъ съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и плотно сжатыми губами. Большой лобъ оттѣнялся густою темною шевелюрой, въ которой уже сквозила преждевременная сѣдина. Темные усы скрывали некрасивый чувственный ротъ. Въ общемъ это было самое обыкновенное лицо, которое оживлялось только странными сѣрыми глазами, пристальными, строгими, насмѣшливыми и въ минуту возбужденія казавшимися совсѣмъ черными. Но сейчасъ эти глаза были закрыты, и лицо оставалось обыкновеннымъ.

Павелъ Максимовичъ стоялъ около письменнаго стола и смотрѣлъ, какъ умѣло и быстро руки Елены Григорьевны исполняли докторскія слова. Докторъ раза два вскидывалъ на него свои глаза и почему-то считалъ нужнымъ морщиться. Сознавая свою безполезность, Павелъ Максимовичъ все-таки не рѣшался уйти въ свой номеръ. Ему казалось, что это бѣгство можетъ обидѣть Елену Григорьевну. Когда больной полуоткрылъ одинъ глазъ, Павелъ Максимовичъ вздрогнулъ отъ какого-то терпкаго и непріятнаго ощущенія, какъ дрессированное животное, когда къ нему подходитъ хозяинъ. Боже мой, какъ бы онъ былъ счастливъ, если бы эти глаза никогда не открывались.

— Что̀ вы тутъ стоите? — обратился къ нему докторъ, хмуря брови. — Помогите намъ перенести его на кровать... Мадамъ, вы поддерживайте голову...

Несмотря на свою худощавость и маленькій ростъ, больной оказался настолько тяжелымъ, что потребовалась помощь Арсенія. Когда больной былъ положенъ въ кровать и раздѣтъ, онъ тяжело вздохнулъ и удивленно открылъ глаза.

— Ну, вотъ все и кончилось, — недовольнымъ голосомъ замѣтилъ докторъ. — Теперь покой, покой и покой... Я кстати пропишу одну микстурочку, которая, въ сущности, и не нужна. Да... Крѣпкій куриный бульонъ... молоко, а еще лучше простокваша... и больше ничего.

Докторъ любилъ подшучивать надъ своей медицинскою кухней и въ то же время обижался, если другіе шутили надъ ней. Написавъ рецептъ, онъ грузно поднялся и, не простившись, пошелъ къ дверямъ. Елена Григорьевна догнала его въ коридорѣ.

— Докторъ, ради Бога, что̀ съ *нимъ*?

Докторъ остановился, посмотрѣлъ на нее черезъ очки и сухо спросилъ:

— Онъ много пилъ?

— Никогда!..

— Вы въ этомъ убѣждены? Гм... Можетъ-быть, онъ страдалъ нѣкоторыми грѣхами юности?..

— Докторъ!..

Докторъ задалъ еще одинъ вопросъ, который заставилъ Елену Григорьевну покраснѣть съ ушами. Она быстро повернулась и бѣгомъ бросилась въ свой номеръ. Докторъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, снялъ очки и долго ихъ протиралъ, точно они мѣшали ему просмотрѣть что-то такое важное и рѣшающее.

— *Онъ* зналъ толкъ въ хорошихъ сигарахъ, а это главное... — бормоталъ докторъ, спускаясь по лѣстницѣ въ общую залу. — Да, самое главное...

Человѣкъ Арсеній былъ нѣмымъ свидѣтелемъ этой сцены и, провожая глазами спускавшагося по лѣстницѣ доктора, обругалъ его требушиной. Зачѣмъ онъ обижаетъ барыню, которая всегда даетъ на чай?

Павелъ Максимовичъ оставался у постели больного, который лежалъ съ закрытыми глазами. Онъ дышалъ неровно, съ усиліемъ набирая воздухъ. Когда Елена Григорьевна вернулась, онъ открылъ глаза, и Павлу Максимовичу показалось, что онъ улыбнулся.

— Тебѣ лучше, Аркадій? — тихо спросила Елена Григорьевна, наклонясь къ нему.

— Ничего... пройдетъ... — съ трудомъ отвѣтилъ онъ.

Она видѣла по его безпокойному взгляду, что онъ что-то старается припомнить и не можетъ. Павелъ Максимовичъ ушелъ въ кабинетъ и принялся осторожно шагать по мягкому ковру. Его вниманіе обратилъ валявшійся на полу разорванный конвертъ, котораго онъ раньше не замѣтилъ. На письменномъ столѣ лежало письмо, вѣроятно, вынутое изъ этого конверта. Павелъ Максимовичъ никогда не читалъ чужихъ писемъ, но именно это лежавшее на столѣ письмо тянуло его къ себѣ, какъ магнитъ. У него мелькнула мысль, что между этимъ письмомъ и обморокомъ Аркадія Евгеньевича есть какая-то связь. Не отдавая себѣ отчета, что̀ дѣлаетъ, Павелъ Максимовичъ какимъ-то крадущимся шагомъ подошелъ къ столу, схватилъ письмо и быстро спряталъ его въ карманъ. Какъ разъ въ этотъ моментъ вошла Елена Григорьевна и удивилась, что Павелъ Максимовичъ покраснѣлъ и какъ-то виновато спряталъ руку въ карманъ.

IV.

Павелъ Максимовичъ прямо убѣжалъ изъ номера, оставивъ Елену Григорьевну въ полномъ недоумѣніи. У него стучала кровь въ вискахъ, сердце билось тяжело, голова горѣла. Его номеръ былъ въ концѣ коридора и выходилъ окнами въ сосновый лѣсокъ, — Павелъ Максимовичъ не выносилъ морского вѣтра и шума прибоя.

„Что̀ я сдѣлалъ? — думалъ онъ въ ужасѣ, хватаясь за голову. — Вѣдь это воровство... Боже мой, до чего я дошелъ!“

Но вѣдь все можно исправить. Да, нужно исправить... На него нашла рѣшимость безвольнаго человѣка. Вѣдь онъ письма не читалъ, слѣдовательно виновать только вполовину... Придерживая письмо въ карманѣ, Павелъ Максимовичъ направился твердою походкой въ коридоръ и къ номеру Елены Григорьевны. По дорогѣ его встрѣтилъ какой-то знакомый по табльдоту, фамилію котораго онъ забылъ. Неизвѣстный знакомый что-то его спрашивалъ и, вѣроятно, получилъ очень безсвязный отвѣтъ, потому что посмотрѣлъ на него удивленными глазами.

— Извините, я спѣшу, — пробормоталъ Павелъ Максимовичъ.

Этотъ господинъ испортилъ все дѣло, потому что, когда Павелъ Максимовичъ подошелъ къ номеру больного, ему сдѣлалось страшно, и онъ зашагалъ по коридору въ другой конецъ, выходившій открытымъ окномъ въ садикъ

кургауза, гдѣ сейчасъ играла музыка. Ночь была тихая, темная, и въ зелени садовыхъ деревьевъ, какъ свѣтлячки, красиво мелькали разноцвѣтные фонарики. Павлу Максимовичу сдѣлалось душно, и онъ съ трудомъ набиралъ въ легкія воздухъ. На лбу у него выступалъ холодный потъ, въ ногахъ чувствовалась нервная дрожь. А въ саду лилась музыка, радостная и зовущая, которая нагоняла сладкую тоску. Эти мѣдныя трубы, скрипки и віолончели досказывали невысказанное, то, чему нѣтъ словъ и мѣры.

Собравъ послѣднія силы, Павелъ Максимовичъ почти бѣгомъ бросился къ номеру Елены Григорьевны. Онъ прислушался у двери, — тамъ было все тихо. На осторожный стукъ въ дверяхъ показалась Елена Григорьевна, успѣвшая переодѣться въ сѣрый капотъ.

— Это я... письмо... то-есть я его укралъ,—шопотомъ проговорилъ Павелъ Максимовичъ, подавая письмо. — Но я не читалъ... даю честное слово...

— Письмо? Да, *онъ* спрашивалъ про него... — шопотомъ же отвѣтила Елена Григорьевна, перечитывая нѣсколько совершенно непонятныхъ для нея строкъ и неразборчивую подпись. — Что это такое?.. Отъ кого?.. Вотъ прочтите...

Въ запискѣ стояло: „На югѣ жарко и пыльно. Бойтесь сѣверо-восточнаго вѣтра, чтобы не простудиться. Буду“. Очевидно, письмо было шифрованное, какъ и подпись

— Тайны мадридскаго двора,—проговорила Елена Григорьевна, вынужденно улыбаясь.—Покойной ночи, Павелъ Максимычъ.

— Если вамъ что-нибудь нужно, я къ вашимъ услугамъ...

— Благодарю васъ, но припадокъ уже прошелъ...

На этотъ разъ Елена Григорьевна ошиблась. Припадокъ повторился. Когда она вернулась въ спальню, больной лежалъ съ открытыми глазами и посмотрѣлъ на нее со своей обычной подозрительностью...

— Ты это съ кѣмъ разговаривала тамъ?—спросилъ онъ.

— Я? Ни съ кѣмъ,—солгала Елена Григорьевна.

— Я слышалъ, какъ ты съ кѣмъ-то шепталась, и слышалъ мужской голосъ.

— Тебѣ это показалось, Аркадій...

— Ты лжешь?!—рѣзко крикнулъ онъ, приподнимаясь на локоть и не сводя съ нея глазъ.

Она вынужденно засмѣялась и отвѣтила, стараясь сохранить простоту тона:

— Ахъ, да, виновата: приходилъ Арсеній, и я спрашивала его, не видалъ ли онъ того письма, о которомъ ты меня давеча спрашивалъ. Представь себѣ, оно валялось на полу.

— Еще разъ лжешь: оно оставалось на столѣ!

— Нѣтъ, на полу... И въ суматохѣ Арсеній бросилъ его въ корзинку. Я его нашла и сейчасъ тебѣ принесу.

— Не нужно... Мнѣ только хотѣлось знать, какъ ты умѣешь обманывать...

— Аркадій, ты меня оскорбляешь...

— Довольно... мнѣ дурно...

По начавшимся конвульсіямъ Елена Григорьевна поняла, что опять будетъ припадокъ, и быстро позвонила.

— Ради Бога, скорѣе доктора!..—крикнула она горничной.

— Они въ ресторанѣ ужинаютъ...

Докторъ, дѣйствительно, ужиналъ въ обществѣ барона фонъ-Клаккъ и

еще какого-то господина съ закрученными рыжими усами. Онъ поморщился, когда горничная вызвала его.

— Опять припадокъ?—говорилъ онъ, вытирая губы салфеткой.—Не можетъ этого быть... Ты что-нибудь напутала. Господа, извините, я сейчасъ вернусь...

— Мы подождемъ, Егоръ Иванычъ,—съ изысканной любезностью отвѣтилъ баронъ, поправляя распущенные по-кошачьи усы.—Это у Искрицкихъ кто-то боленъ?

— Да, припадокъ...—неохотно отвѣтилъ докторъ.

Когда онъ вышелъ, господинъ съ рыжими усами спросилъ:

— Это господинъ небольшого роста и очень красивая молодая дама?

— Да, очень колоритная брюнетка...

Еще разъ поправивъ усы, баронъ равнодушно прибавилъ.

— Какая-то таинственная парочка... Никто ихъ здѣсь не знаетъ, и они ни съ кѣмъ не знакомятся. Впрочемъ, онъ прекрасный партнеръ въ винтъ...

— Да? А вы не обратили вниманія на его лѣвую руку: средній палецъ у него не разгибается?.. Впрочемъ, я, можетъ-быть, и ошибаюсь. Вѣроятно, есть нѣсколько Искрицкихъ.

Докторъ вошелъ въ номеръ Искрицкихъ съ недовольнымъ лицомъ и какъ-то брезгливо проговорилъ:

— Что у васъ такое?

— Кажется, повторяется припадокъ.

— Пустяки!

Больной лежалъ съ закрытыми глазами и тяжело дышалъ. Пульсъ былъ ненормальный, съ перебоями и остановками. На лбу показался холодный потъ. Докторъ покосился на стоявшую на ночномъ столикѣ склянку съ лѣкарствомъ и попробовалъ на языкъ остатки этого лѣкарства изъ стоявшей рядомъ рюмки.

— Это вы прописали ему третьяго-дня, докторъ,—объяснила Елена Григорьевна.

— Да, да, помню... Я вамъ пропишу новую микстурку.

Прописывая въ сосѣдней комнатѣ новый рецептъ, докторъ, не глядя на хозяйку, говорилъ:

— У васъ въ спальнѣ... да... для чего, однимъ словомъ, торчатъ эти дурацкіе чемоданы? Они отнимаютъ напрасно воздухъ...

Объяснивъ употребленіе новаго лѣкарства, докторъ прибавилъ съ особеннымъ удареніемъ:

— Странный случай... совсѣмъ странный. Необходимо подождать, какъ все выяснится... Кстати я захвачу съ собой старую микстурку... Мнѣ кажется, что въ аптекѣ не совсѣмъ правильно ее приготовили...

Елена Григорьевна чувствовала, какъ докторъ при послѣднихъ словахъ посмотрѣлъ ей прямо въ лицо съ какой-то особенной пристальностью, и покраснѣла.

— Да, такъ велите убрать ваши чемоданы,—еще разъ повторилъ докторъ, останавливаясь въ дверяхъ.—Странный случай вообще...

Въ коридорѣ докторъ встрѣтилъ Павла Максимовича, остановился и проговорилъ:

— Очень странный и непонятный случай... да...

— Опять припадокъ, докторъ?

— Нѣтъ, но что-то такое... А впрочемъ, идемте ужинать. Тамъ баронъ ждетъ... Можемъ повинтить.

Павелъ Максимовичъ покорно побрелъ за докторомъ. Онъ все время шагалъ по коридору, какъ часовой, и былъ радъ, что чужая воля вытолкнула его отсюда.

V.

Елена Григорьевна переживала жгучее чувство несправедливаго оскорбленія, нанесеннаго ей докторомъ. Изъ его разспросовъ и полусловъ она отлично поняла, что онъ ее подозрѣваетъ въ медленномъ отравленіи мужа. Ему оставалось досказать всего нѣсколько роковыхъ словъ. Больной, кстати, притворялся, что ничего не сознаётъ,—онъ всегда притворялся. Когда докторъ вышелъ, онъ проговорилъ:

— Докторъ глупъ... Онъ тебя подозрѣваетъ въ желаніи меня отравить, но у тебя не хватитъ на это силы воли. А мнѣ очень скверно, и я умру безъ твоей помощи. Чемоданы не смѣй трогать... Еще разъ: докторъ глупъ.

Какая ужасная, мучительная ночь!.. Еленѣ Григорьевнѣ казалось, что всѣ подслушиваютъ ея тайную мысль. Да, всего одинъ рѣшительный шагъ, и она свободна... Боже мой, чего бы она не дала за эту свободу!.. Человѣкъ, котораго она ненавидѣла всей душой, былъ сейчасъ въ ея полной власти. Такого другого момента можетъ не повториться. Отомстить за всю свою изломанную жизнь, вырваться на свободу и получить величайшее счастье быть только самой собой,—это стоило риска. Если бы только знали, какъ она ненавидѣла этого человѣка, съ которымъ связала ее безжалостная судьба... И въ то же время она не знала, что̀ это за человѣкъ, кто онъ и что̀ онъ. Было извѣстно одно,—его желѣзная воля, которая чувствовалась даже случайными знакомыми, какъ Павелъ Максимовичъ Чвановъ, молодой московскій купчикъ съ университетскимъ образованіемъ.

Больной тревожно дремалъ. Раза два у него начинался бредъ. Чтобы не заснуть, Елена Григорьевна выходила на свой балкончикъ. Ночь была теплая, и только съ моря чуть-чуть тянуло утренней свѣжестью. Музыка изъ сада перешла въ залу кургауза, гдѣ шелъ четверговый танцовальный вечеръ. Слышалось взвизгиванье скрипокъ и глухое подвыванье мѣдныхъ трубъ. Кому-то весело, кто-то радуется... Когда-то и она тоже веселилась. Но, Боже, какъ это было давно! Она точно во снѣ видѣла себя въ розовомъ платьѣ, счастливую, трепещущую отъ безпричинной радости, съ счастливыми глазами и счастливой улыбкой! Неужели это была она, Елена Григорьевна?

Ей хотѣлось плакать. Ей было жаль тѣхъ дѣвушекъ, которыя сейчасъ танцовали тамъ, въ освѣщенной залѣ, и были счастливы. Какое жестокое пробужденіе ожидаетъ ихъ всѣхъ, бѣдненькихъ... Да, плакать... Вотъ, точно сквозь сонъ, подходитъ къ ней, той Еленѣ Григорьевнѣ, которая танцовала въ розовомъ платьѣ, ея будущій мужъ, Ефимъ Петровичъ Серединъ, учитель гимназіи. Развѣ она могла тогда подумать, что это подходило къ ней несчастье всей ея жизни? Онъ не былъ красавцемъ, но въ немъ было что-то такое, что̀ нравилось женщинамъ, и онѣ, эти женщины, съ завистью и затаенною злобой слѣдили за ней, осчастливленной его вниманіемъ. Потомъ онъ пріѣхалъ къ нимъ съ визитомъ, и старушка-мать какъ-то сразу довѣрилась ему.

— Это серьезный мужчина, Елена, не какой-нибудь вертопрахъ.

Потомъ она выходила замужъ, какъ выходили другія дѣвушки. Однимъ изъ поводовъ такого рѣшающаго поступка была смерть отца. Мать оставалась съ маленькою пенсіей. Былъ еще братъ-неудачникъ, который пропадалъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. *Онъ* все это зналъ и началъ дѣйствовать

рѣшительнѣе. Замужество не принесло счастья, какъ не принесъ его и первый ребенокъ, родившійся какимъ-то чужимъ и ненужнымъ. Онъ скоро умеръ, какъ уходитъ изъ дома гость не во-время. Елена Григорьевна никогда не любила мужа, и никто изъ мужчинъ ей не нравился. Она рѣшила про себя, что принадлежитъ къ типу тѣхъ женщинъ, которыя не способны любить, и не жалѣла о томъ, тѣмъ болѣе, что уже привыкла къ мужу и своему положенію замужней женщины. Бывали, конечно, отдѣльные моменты какой-то неопредѣленной тоски, но все это проходило.

— Счастье, какъ здоровье, существуетъ только тогда, когда его не замѣчаешь,—объясняла ей мать въ такія минуты безпричинной хандры и смутнаго безпокойства.—*Это* все случается отъ того, что нынѣшнія дамы читаютъ слишкомъ много романовъ... Я знала нѣсколько такихъ случаевъ: начитается дама романовъ и пошла, и пошла. И жизнь-то ее не удовлетворяетъ, и среда-то ее, бѣдную, заѣла, и никакихъ ея идеаловъ никто не можетъ проявить, и все это прежде всего валится на голову бѣднаго мужа. Ты подумай только, что вѣдь нельзя требовать отъ человѣка, чтобы онъ былъ непремѣнно героемъ, да еще героемъ у себя дома, въ четырехъ стѣнахъ, гдѣ нѣтъ даже ни красивыхъ ни безобразныхъ людей...

Елена Григорьевна, дѣйствительно, много читала, читала даже не изъ потребности читать, а, какъ большинство женщинъ, читала, чтобы убить время. Ее удивляло, какія нелѣпости пишутъ господа авторы. Вѣдь такихъ мужчинъ и женщинъ никогда не бываетъ. Все придумано и все кое-какъ сшито на живую нитку. А какія невозможныя чувства описываются, и всѣ любовныя сцены по одному шаблону: встрѣча съ *нимъ*, оба поражены, и т. д. Онъ начинаетъ ухаживать сначала почтительно и робко, она не желаетъ его замѣчать, потомъ какая-нибудь роковая случайность, и она дѣлаетъ пріятное открытіе, что не можетъ безъ него жить, что другого такого человѣка нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ, что она до сихъ поръ еще ничего не знала и жила какъ во снѣ, что впереди раскрывается свѣтлое будущее. Ахъ, какъ это скучно, господа авторы, чтобы не сказать больше...

Прислушиваясь къ гудѣвшей внизу музыкѣ, Елена Григорьевна припомнила и тотъ роковой моментъ, когда встрѣтилась съ Аркадіемъ Евгеньевичемъ. Это было въ Крыму. Она съ мужемъ „дѣлала сезонъ“ въ Ялтѣ. Ахъ, какъ все, все было глупо, нелѣпо и еще разъ глупо, точно она повторяла собственнымъ опытомъ самый глупый изъ всѣхъ романовъ, какіе только приходилось ей читать. Да, настоящій романъ... Они обѣдали во французскомъ ресторанчикѣ надъ моремъ. Она была занята тѣмъ, что бросала ломтики бѣлаго хлѣба и любовалась, какъ на нихъ бросались цѣлыя стаи кефали и съ жадностью съѣдали одинъ ломтикъ за другимъ. Вода у берега была изумрудно-зеленаго цвѣта, и бойкія рыбки мелькали въ ней, какъ брошенная въ море горсть серебряной монеты.

— Елена, позволь тебѣ представить моего знакомаго,—проговорилъ мужъ,—Аркадій Евгеньевичъ Искрицкій.

Она почему-то вздрогнула и съ нерѣшительнымъ видомъ протянула руку новому знакомому. Мужъ пригласилъ его пообѣдать къ ихъ столику и былъ какъ-то особенно любезенъ. За обѣдомъ Елена Григорьевна все время чувствовала на себѣ пристальный взглядъ этого новаго знакомаго и чуть-чуть даже разсердилась на него, потому что *такъ* смотрѣть для перваго знакомства по меньшей мѣрѣ невѣжливо. Ее возмущало и то, что мужъ, очень ревнивый по натурѣ, точно нарочно не желалъ ничего замѣчать. Что они говорили за обѣдомъ—совершенно выпало изъ ея памяти, потому что бол-

тали какіе-то пустяки. Прощаясь, Искрицкій такъ пожалъ руку Елены Григорьевны, что она невольно съ удивленіемъ посмотрѣла ему прямо въ лицо и сейчасъ же опустила глаза, встрѣтивъ пристальный взглядъ его сѣрыхъ упрямыхъ глазъ.

— Какой-то странный этотъ Искрицкій,---замѣтилъ мужъ, когда они остались вдвоемъ.

— Да, странный... Гдѣ ты съ нимъ познакомился?

— Хорошенько не помню... Кажется, гдѣ-то на пароходѣ. И даже не знаю, чѣмъ онъ занимается. Богатый человѣкъ, какъ кажется...

Богатство въ глазахъ мужа Елены Григорьевны являлось чѣмъ-то въ родѣ титула, какой дается только избранникамъ. Богатство—это все, какъ самая точная изъ всѣхъ мѣръ.

Первое знакомство тѣмъ и кончилось. Въ слѣдующій разъ они встрѣтились на пароходѣ, когда возвращались моремъ изъ Ялты въ Севастополь.

— Опять этотъ твой знакомый,—замѣтила Елена Григорьевна недовольнымъ тономъ.

Не встрѣтиться лицомъ къ лицу, когда всѣ ѣхали въ первомъ классѣ, было невозможно. Искрицкій подошелъ первымъ. Елена Григорьевна обратила вниманіе, что онъ былъ одѣтъ съ какой-то особенной изысканностью, на англійскій манеръ, и даже въ рукахъ у него была какая-то новенькая англійская книга. Всѣмъ пришлось опять обѣдать вмѣстѣ. Елена Григорьевна опять чувствовала на себѣ его упорный взглядъ, но на этотъ разъ уже не стѣснялась. Въ концѣ обѣда мужчины поспорили, причемъ Искрицкій отстаивалъ свое мнѣніе съ какимъ-то холоднымъ достоинствомъ, точно дарилъ каждое слово своему оппоненту. Кажется, онъ ничего не пилъ, кромѣ содовой воды, и во время спора его лицо принимало непріятное выраженіе.

— Это — невозможный человѣкъ, — резюмировалъ мужъ Елены Григорьевны свое впечатлѣніе.

У нея запала одна фраза, которую Искрицкій точно уронилъ, пожимая ея руку на прощанье:

— Мы еще встрѣтимся...

Она почему-то улыбнулась и ничего не отвѣтила.

VI.

Они, дѣйствительно, встрѣтились. Это было зимой въ Одессѣ. Искрицкій, какъ злой духъ, преслѣдовалъ Елену Григорьевну на каждомъ шагу, даже у ея знакомыхъ, съ которыми онъ умѣлъ знакомиться съ цѣлью встрѣчать ее. Ей буквально никуда нельзя было показать глазъ, чтобы не встрѣтиться съ нимъ. Она дошла до такого состоянія, что чувствовала его присутствіе даже издали, и начала его ненавидѣть. Собственно, это была даже не ненависть, а смѣшанное чувство неопредѣленнаго отвращенія и безпричиннаго страха.

Это настойчивое ухаживаніе довело Елену Григорьевну до того, что она разъ довольно рѣзко замѣтила ему:

— Вы не обидитесь, Аркадій Евгеньичъ, если я попрошу васъ не удѣлять мнѣ такъ много вниманія. Кажется, я ничѣмъ его не заслужила..

Въ отвѣтъ онъ только улыбнулся, что̀ ее окончательно вывело изъ терпѣнія.

— Вы забываете, въ какое глупое положеніе меня ставите безъ малѣйшаго повода съ моей стороны. Да... И забываете наконецъ, что у меня есть мужъ.

— Мужъ тотъ, кто владѣетъ женщиной...

— Что же, по-вашему, женщиной можно владѣть, какъ вещью? Еще разъ: вы ошибаетесь... И мнѣ странно, что все это я говорю вамъ, совершенно постороннему человѣку. Вы меня сердите...

— А когда человѣкъ сердится, онъ обязательно дѣлается несправедливымъ. Впрочемъ, это совершенно все равно. Простите, какое у насъ сегодня число?

— Восьмое декабря.

— Да, именно восьмое, а тринадцатаго вы будете въ клубѣ... одиннадцать часовъ...

— Вы, кажется, дошли до того, что назначаете свиданія? Мнѣ васъ жаль, чтобы не сказать больше... Какъ порядочная женщина, я не имѣю права слушать подобныя вещи. Наконецъ мнѣ просто не нравится тонъ, какимъ вы говорите со мною...

— Не забудьте: тринадцатое число...

— Что это, гипнотизмъ? Какой вы смѣшной, Аркадій Евгеньичъ...

Онъ опять разсмѣялся и отвѣтилъ ея тономъ:

— Да, я смѣшной... Даже, если хотите, немного больше, чѣмъ смѣшной.

И она пришла тринадцатаго числа въ клубъ, хотя совсѣмъ объ этомъ не думала. Даже больше,—тринадцатаго она была должна ѣхать къ матери. Онъ ее встрѣтилъ въ дверяхъ танцовальной залы и показалъ на свои часы. Было ровно одиннадцать. Она вся вспыхнула, припомнивая забытый разговоръ.

— Одна изъ величайшихъ добродѣтелей—умѣть слушаться,—замѣтилъ онъ съ какою-то особенною ласковостью.

— Если вы порядочный человѣкъ, то, ради Бога, оставьте меня,—умоляюще отвѣтила она, чувствуя, что говоритъ глупость.

Онъ отвѣтилъ взглядомъ, въ которомъ было столько муки, отчаянія и покорности. Она только теперь поняла, какой это глубоко несчастный человѣкъ, и ей сдѣлалось совѣстно, что она явилась причиною этого несчастья.

И сейчасъ Елена Григорьевна не могла вспомнить объ этомъ глупомъ моментѣ своей жизни безъ краски въ лицѣ. Что это собственно было,—она до сихъ поръ не могла отдать себѣ яснаго отчета. Она могла сравнить себя съ мышью, посаженной подъ воздушный колоколъ, изъ котораго медленно выкачиваютъ воздухъ. Около нея образовалась гнетущая пустота, ей хотѣлось крикнуть о спасеніи, какъ это бываетъ иногда во снѣ,—и не было голоса. Она была наполнена имъ однимъ, и остальной міръ больше не существовалъ. Меньше всего къ этому состоянію подходило слово „любовь“.

Боже мой, что было тогда съ ней... Она обманывала всѣхъ, лгала всѣмъ своимъ тѣломъ, каждымъ словомъ и взглядомъ. Несчастный мужъ сдѣлался первою жертвой этой несчастной страсти, и Еленѣ Григорьевнѣ нисколько не было его жаль. Она съ хитростью обезьяны устраивала свиданія у него подъ носомъ, и чѣмъ рискованнѣе было положеніе, тѣмъ сильнѣе наслажденіе.

— Что съ тобою, Леля?—удивлялась старушка-мать.—Ты вся какая-то чужая...

— Нѣтъ, ничего особеннаго, мама,—лгала Елена Григорьевна, глядя матери прямо въ глаза.

Ревность мужа она тушила вымученной нѣжностью и наслаждалась собственнымъ позоромъ, точно мстила кому-то. И въ то же время она не могла сказать, что любитъ Аркадія Евгеньевича, больше,—когда она его не видѣла, въ ея душѣ пробуждалось злобное чувство къ нему. Но достаточно было ему войти въ комнату, какъ она дѣлалась покорной, въ родѣ тѣхъ дрессированныхъ „на свободѣ“ цирковыхъ лошадей, которыя видятъ только одинъ хлыстъ.

Что будетъ и какъ будетъ,—объ этомъ не могло быть и мысли. Онъ приказывалъ—она исполняла.

— Мы уѣзжаемъ изъ Одессы и, вѣроятно, навсегда,—командующимъ тономъ заявилъ онъ весной.—Предупредите вашу мать... Что касается мужа, то онъ въ данный моментъ немножко меньше постороняго человѣка. Можете и ему оставить какую-нибудь записку. Долженъ предупредить, что послѣ нашего отъѣзда не въ его интересахъ встрѣчаться со мною.

— Какъ въ старинныхъ романахъ: „я бью пулей туза пикъ, у меня стальные мускулы“, и т. д.

— Это все равно. Я считалъ своимъ долгомъ предупредить васъ.

Она не имѣла силы объясниться ни съ матерью ни съ мужемъ, а оставила имъ по письму. Мужу было написано, что она уѣзжаетъ навсегда и что онъ только напрасно потеряетъ свое время, если будетъ ее разыскивать. Письмо къ матери носило мелодраматическій характеръ, и сейчасъ Еленѣ Григорьевнѣ было совѣстно за тѣ глупыя и пустыя слова, какими она обманывала старушку. Всего хуже было то, что она въ тотъ моментъ сама вѣрила этимъ пустымъ словамъ, какъ фальшивый монетчикъ начинаетъ вѣрить собственной фальшивой монетѣ, когда она бойко расходится и принимается за настоящую. Это былъ апогей всяческой лжи.

Они уѣхали. Куда? Зачѣмъ? Меньше всего объ этомъ знала она, Елена Григорьевна. Она повиновалась съ какою-то озлобленною покорностью. Э!.. Все равно, тѣмъ болѣе, что возврата нѣтъ и не можетъ быть. Она удивилась только тогда, какъ въ Москвѣ оказалась m-me Искрицкой. Никакихъ своихъ документовъ она не имѣла, и мужъ ни за что не выдалъ бы ей отдѣльнаго вида на жительство. Въ первое время ее больше всего интересовалъ вопросъ, что за человѣкъ Аркадій Евгеньевичъ и какое его общественное положеніе. Онъ былъ уменъ и на всѣ наводящіе вопросы отвѣчалъ одною фразой:

— Твой рабъ, Елена... Вотъ и все мое общественное положеніе.

Они нигдѣ не заживались подолгу и разъѣзжали по всей Россіи. Елену Григорьевну удивляло, что у Аркадія Евгеньевича была такая масса знакомыхъ. Чуть городъ побольше—его уже кто-нибудь встрѣчалъ на станціи. А сколько писемъ и телеграммъ... Что особенно не нравилось Еленѣ Григорьевнѣ, такъ это тѣ быстрые переѣзды, которые происходили время отъ времени по этимъ телеграммамъ. Нѣсколько разъ случалось такъ, что приходилось уѣзжать черезъ часъ или черезъ два. Аркадій Евгеньевичъ отличался въ этомъ отношеніи величайшей аккуратностью и всегда готовъ былъ къ отъѣзду.

— Мои чемоданы—мой домъ,—шутилъ онъ.

— Я это понимаю,—соглашалась Елена Григорьевна.—Когда ты пожелаешь избавиться отъ меня, то это для тебя не составитъ особеннаго труда.

Самою удивительною чертой въ характерѣ Аркадія Евгеньевича было какое-то особенное, почти женское малодушіе. Елена Григорьевна не повѣрила собственнымъ глазамъ, когда въ первый разъ увидѣла его растеряннаго, блѣднаго, со слезами на глазахъ. Она перепугалась.

— Что такое случилось?!..

— Ахъ, оставь меня, пожалуйста... Все пройдетъ. Это маленькій первый припадокъ.

Да, онъ плакалъ, какъ нервная женщина. Второю характерною чертой было то, что Аркадій Евгеньевичъ не умѣлъ смѣяться, а улыбка у него являлась только конвульсіей.

VII.

Была ли она счастлива? Нѣтъ. Больше того,—она вѣчно находилась въ страхѣ. Временами Аркадій Евгеньевичъ обращался съ нею очень грубо и даже билъ, если она выражала хоть малѣйшій протестъ. Чисто-физическое страданіе совершенно погашалось сознаніемъ несмываемаго позора. Да, ее били, какъ хозяинъ бьетъ собаку... Ей казалось, что она сойдетъ съ ума отъ ужаса подобнаго существованія, но второй опытъ въ этомъ направленіи уже не произвелъ такого впечатлѣнія. Она даже не плакала, а только впала въ какое-то оцѣпенѣлое состояніе, какъ змѣя, которую схватили за хвостъ. Потомъ явилось совершенно подлое соображеніе: вѣдь и другихъ женщинъ тоже бьютъ... Да, бьютъ келейно, при закрытыхъ дверяхъ, и если простая баба, которую могутъ „учить“ чѣмъ попало, реветъ благимъ матомъ, бѣжитъ простоволосая по своей деревенской улицѣ и вообще протестуетъ открыто и ярко, то онѣ, вотъ эти разодѣтыя въ шелкъ и бархатъ дамы, когда ихъ собственные джентльмены тоже бьютъ,—никогда не жалуются и изнашиваютъ свой позоръ въ своихъ четырехъ стѣнахъ. И такихъ битыхъ дамъ очень много... У Елены Григорьевны въ этомъ отношеніи явилось что-то въ родѣ чутья, и она угадывала тѣхъ дамъ, которыхъ мужья бьютъ. Являлось что-то такое особенное въ выраженіи лица, въ глазахъ, въ движеніяхъ, какъ у человѣка, который ждетъ удара. И она сдѣлалась такой же, и даже получалось почти наслажденіе собственнымъ позоромъ. Да, есть и такой сортъ наслажденій... Недаромъ же деревенская баба, если мужъ ее не бьетъ, говоритъ, что онъ ее не любитъ.

И этотъ человѣкъ любилъ ее... Да, безумно любилъ, что она чувствовала на каждомъ шагу. Она была окружена настоящею атмосферой его любви и еще сильнѣе боялась его, потому что въ каждомъ его чувствѣ заключалась какая-то острая тяжесть. Напримѣръ, какъ ужасно онъ ревновалъ,—ревновалъ безъ малѣйшаго повода, а просто потому, что иначе онъ не могъ любить. Она была убѣждена, что онъ рано или поздно убьетъ ее въ одномъ изъ припадковъ такой ревности.

— Я знаю, что ты меня не любишь и никогда не любила,—шепталъ онъ побѣлѣвшими отъ бѣшенства губами.—Но это все равно...

— Любовь въ твоемъ смыслѣ я не понимаю... Ты требуешь чего-то невозможнаго.

— Да, да, да... Невозможнаго!... Потому что любовь творитъ чудеса... Когда я подумаю, что можетъ же существовать на свѣтѣ такой человѣкъ, котораго бы ты могла дѣйствительно полюбить... О, у меня нѣтъ словъ, чтобы выразить тебѣ тотъ адъ, который я вынашиваю въ своей груди!...

— Послушай, даже для Отелло нужна была реальная причина для его ревности... И потомъ Отелло въ сюртукѣ является нелѣпостью...

Между прочимъ, „Отелло“ была его любимая пьеса, которую онъ не пропускалъ нигдѣ. Она тоже должна была смотрѣть ее вездѣ и при всякихъ обстоятельствахъ, что доводило ее до изступленія, какъ медленная казнь. Вообще вся жизнь представляетъ какую-то глупую и невозможную по безсмысленности комедію.

Но былъ одинъ случай, когда Елена Григорьевна не могла не оцѣнить своего второго мужа, какъ человѣка очень находчиваго и смѣлаго. Это произошло года три тому назадъ, когда она совершенно неожиданно встрѣтилась со своимъ законнымъ мужемъ въ Москвѣ. Дѣло было на улицѣ, когда Елена Григорьевна возвращалась съ какими-то покупками домой.

— Ахъ, это вы,—услышала она знакомый голосъ.

— Да, это я,—отвѣтила она съ неожиданнымъ для самой себя спокойствіемъ.

— Я уже въ теченіе трехъ лѣтъ разыскиваю васъ, сударыня, по всей Россіи...

— И совершенно напрасно...

— Нужно отдать вамъ справедливость, что вы очень ловко скрывались все время... подъ чужою фамиліей.

— Если я не желала васъ видѣть—это не значитъ скрываться, а что̀ касается фамиліи, то объ этомъ потрудитесь переговорить съ моимъ мужемъ.

— Мужъ?!.. Ха-ха...

— Вы посмѣетесь потомъ, когда кончатся переговоры.

— Мнѣ нравится тонъ, какимъ вы разговариваете со мною...

— А мнѣ, представьте, совершенно не нравится вашъ тонъ...

Она дала ему свой адресъ и ушла. Когда Аркадій Евгеньевичъ узналъ объ этой встрѣчѣ, то пожалъ только плечами.

— Что̀ нужно этому идіоту?—удивлялся онъ.—Кажется, что дѣло не требуетъ поясненій... впрочемъ, я къ его услугамъ.

Мужъ и любовникъ въ концѣ концовъ встрѣтились, и Елена Григорьевна сдѣлалась свидѣтельницей довольно оригинальнаго разговора. Аркадій Евгеньевичъ принялъ свой почтительно-холодный видъ и заявилъ:

— Въ такихъ случаяхъ обыкновенно принято оскорблять другъ друга, а потомъ вызывать на дуэль. Формально виноватымъ являюсь я и меньше всего желаю лишать васъ жизни... Но есть другая, болѣе глубокая основа всего случившагося, именно—нельзя владѣть женщиной по какимъ-то тамъ правамъ, какъ вещью. Если разъ женщина уходитъ отъ своего мужа, то виноватъ онъ, потому что не могъ создать для нея той обстановки, въ которой она могла бы жить счастливо.

— Все это софизмы, милостивый государь!..

— Нисколько... Если женщина любитъ, она прощаетъ любимому человѣку даже его недостатки и пороки и все-таки любитъ. Мнѣ странно объяснять вамъ такую простую вещь, что женщина прежде всего человѣкъ и, какъ таковой, существо разумно-свободное.

— А мнѣ еще болѣе странно, что я васъ слушаю, милостивый государь...

— А я васъ предупреждаю, что не люблю, когда со мною говорятъ такимъ тономъ...

— Угроза?

— Да... Есть положенія и вещи, когда нельзя позволять ни одного лишняго слова.

Недавній повелитель Елены Григорьевны, огражденный въ своихъ правахъ цѣлымъ законодательствомъ, струсилъ первой же угрозы. Для Елены Григорьевны ясно было только одно, что все это была одна комедія. Оскорбленный мужъ совсѣмъ не желалъ ея возвращенія да и успѣлъ обзавестись за время ея отсутствія побочною семьей, а благородныя слова Аркадія Евгеньевича являлись только насмѣшкой по ея адресу. Онъ, Аркадій Евгеньевичъ, выступилъ защитникомъ свободы женщины и ея правъ... Онъ говорилъ это при той, которую билъ своими руками. Однимъ словомъ, оба оказались лучше, какъ говорятъ дѣти.

Чтобы вполнѣ закончить эту комедію, Аркадій Евгеньевичъ сказалъ ей при мужѣ:

— Вы, Елена Григорьевна, совершенно свободны и можете вернуться къ вашему мужу, если желаете... Мой принципъ—никого не стѣснять.

Она покраснѣла и убѣжала изъ комнаты, какъ институтка. Ей вернуться къ мужу? Если бы даже онъ имѣлъ силу простить ей все, то и въ такомъ случаѣ она не пошла бы на такую домашнюю каторгу. Въ роли любовницы она все-таки сохранила за собою тѣнь честной женщины, а вернувшись къ мужу, она осталась бы опозоренной на всю жизнь. Нѣтъ, оставалось только итти впередъ... Развѣ мало живетъ въ Россіи такихъ нелегальныхъ паръ, какъ они съ Аркадіемъ Евгеньевичемъ. Нелегальность еще не составляетъ несчастья, если жизнь складывается хорошо.

Результатъ этой встрѣчи получился уже совершенно неожиданный, именно—между мужемъ и Аркадіемъ Евгеньевичемъ состоялось примиреніе, переходившее даже границы прежняго знакомства. Мужъ приходилъ къ нимъ обѣдать и говорилъ съ улыбкою добряка:

— Знаете, я привыкъ, чтобы все было просто... по-семейному. Да... Такой ужъ характеръ. А у васъ я чувствую себя почти дома.

Это была медленная пытка, придуманная мужемъ, ни одному слову котораго Елена Григорьевна не вѣрила. Если бы посторонній человѣкъ посмотрѣлъ, какъ они втроемъ обѣдали или ужинали гдѣ-нибудь въ „Эрмитажѣ“ или въ „Большой Московской“,—никто бы не подумалъ, какая драма разыгрывается между этими тремя лицами. И мужъ и любовникъ мучили Елену Григорьевну по безмолвному соглашенію, и часто обѣдъ заканчивался стереотипною фразой, заставлявшей мужчинъ весело смѣяться:

— Вы сегодня, Елена Григорьевна, съ которымъ мужемъ поѣдете домой?

Въ такой пыткѣ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, а затѣмъ, уѣхавъ изъ Москвы, мужъ не оставилъ ее и аккуратно писалъ ей черезъ каждыя двѣ недѣли самыя дружескія письма. Ея здоровье его очень безпоконло, и т. д. Потомъ онъ возстановилъ свои отношенія съ ея матерью, съ которой одно время разошелся, и являлся между нею и дочерью добрымъ геніемъ.

VIII.

Послѣднимъ испытаніемъ для Елены Григорьевны было появленіе Павла Максимовича Чванова. Это была громкая фамилія, давно фигурировавшая среди кровныхъ московскихъ милліонеровъ. Даже здѣсь, въ Гунгербургѣ, она производила впечатлѣніе, и всѣ остзейскіе бароны высоко поднимали брови, просматривая на черной доскѣ фамиліи остановившихся въ курзалѣ. Съ Чвановымъ Искрицкіе познакомились въ Москвѣ, благодаря мужу Елены Григорьевны.

— Скучающій московскій Гамлетъ изъ милліонеровъ,—рекомендовалъ онъ, подмигивая.—Очень образованный молодой человѣкъ, хотя и съ нѣкоторыми странностями, какія могутъ позволять себѣ одни московскіе богачи.

Странность Чванова заключалась въ томъ, что онъ рѣшительно не зналъ, куда ему дѣваться и чѣмъ погасить вѣчную скуку. Этотъ молодой человѣкъ какъ-то сразу точно прилипъ къ Искрицкимъ и вездѣ ѣздилъ за ними. Для Елены Григорьевны онъ являлся почти находкой, потому что бывалъ иногда очень интереснымъ собесѣдникомъ и всюду ее сопровождалъ какъ тѣнь. Аркадій Евгеньевичъ держалъ себя съ нимъ такъ, какъ будто никакого Чванова и не было, а какъ въ пьесѣ—лицо безъ рѣчей. Даже не проявлялась обычная ревность, что очень удивляло Елену Григорьевну,—она такъ привыкла къ сценамъ самой безумной ревности.

Въ первое время Елена Григорьевна отнеслась къ Чванову съ предубѣжденіемъ, потому что онъ съ перваго же знакомства влюбился въ нее. Она это поняла сразу и чувствовала себя въ его присутствіи очень неловко. Но потомъ эта неловкость исчезла, и она относилась къ нему, какъ къ брату. Они зимой часто ѣздили въ театръ, а потомъ Чвановъ приносилъ книги, и они читали вмѣстѣ.

— Я часто удивлялась, что когда-то и чему-то училась въ институтѣ,— откровенно признавалась она.—Потомъ читала... Но все это было что-то такое постороннее, ненужное, и я сама чувствовала себя чужой.

Чвановъ выслушивалъ ее съ величайшимъ терпѣніемъ и постепенно пробуждалъ эту застывшую въ испугѣ душу. Любимымъ ихъ чтеніемъ были иностранные романы, потому что другая жизнь и другіе люди вытѣняли и объясняли свое лучше всякихъ теоретическихъ разсужденій.

— Вы, кажется, все на свѣтѣ знаете,—удивлялась Елена Григорьевна.— Рѣшительно все, и я чувствую себя глупенькой рядомъ съ вами. Могу только удивляться вашему терпѣнію, что вы теряете со мною свое время.

Онъ печально улыбался и ничего не отвѣчалъ. О, онъ готовъ былъ отдать за нее всю свою непутную жизнь... А чувствовать ея присутствіе,— развѣ бываетъ другое счастье? Они начали жить какой-то странной совмѣстной жизнью, гдѣ дѣйствительность мѣшалась съ фантазіей и гдѣ ихъ взаимныя мысли и чувства переплетались между собой.

Въ книгахъ они находили много собственныхъ мыслей и чувствъ, и Елена Григорьевна каждый разъ радовалась какъ-то по-дѣтски.

— Боже мой, да вѣдь я это передумала тысячи разъ!.. И какъ хорошо сказано... Даже немного страшно, что кто-то тамъ, далеко-далеко, думаетъ то же самое, точно твой двойникъ. Вѣдь люди вездѣ одинаковы, особенно когда они мучатся... Несчастія бываютъ разныя, у каждаго свое, а мучатся всѣ одинаково.

На сближающей почвѣ этого совмѣстнаго чтенія разрасталась взаимная близость. Чвановъ умѣлъ такъ хорошо и просто разсказывать о своемъ прошломъ, именно просто, точно рѣчь шла о постороннемъ человѣкѣ. Это былъ вызовъ на отвѣтную откровенность. Елена Григорьевна долго не рѣшалась говорить о самой себѣ, пока это не вышло само собой, именно въ одинъ изъ моментовъ отчаянія, послѣ дикой семейной сцены, когда Аркадій Евгеньевичъ избилъ ее.

— Онъ... онъ... онъ...—шепталъ Чвановъ побѣлѣвшими губами, не рѣшаясь выговорить рокового слова.—Нѣтъ, этого не можетъ быть!.. Это... это... это...

Она спохватилась и съ дѣланымъ смѣхомъ начала увѣрять, что пошутила, вѣрнѣе сказать, прибавила много лишняго, какъ это случается съ огорченными женщинами. Онъ сдѣлалъ видъ, что вѣритъ ей, но съ этого момента началъ избѣгать откровенныхъ разговоровъ на личной почвѣ. Ему дѣлалось страшно при одной мысли, что можетъ повториться подобное роковое признаніе. Кажется, еще въ первый разъ Чвановъ почувствовалъ себя мужчиной, тѣмъ мужчиной, который несетъ въ себѣ смутное сознаніе отвѣтственности за чужія страданія. Да, ты мужчина и долженъ защищать слабаго: это — твое назначеніе. Въ данномъ случаѣ дѣло касалось женщины, любимой женщины, и Чвановъ понималъ одно,—что онъ въ состояніи убить Искрицкаго. Вѣдь дѣлаютъ преступленія уголовнаго характера именно такіе простые, добрые и безхарактерные люди, какъ онъ. Всего какой-нибудь одинъ

моментъ, и всѣ будутъ удивляться, что это сдѣлалъ добрѣйшій Павелъ Максимовичъ Чвановъ. Сейчасъ онъ испытывалъ какое-то особенно угнетенное состояніе въ обществѣ Аркадія Евгеньевича, точно какая-то невидимая желѣзная рука душила его за горло. Онъ настолько изучилъ Елену Григорьевну, что безъ словъ зналъ, когда она была бита, и какъ-то терялся отъ каждаго ея взгляда, точно она просила его о защитѣ.

Они взаимно наблюдали другъ за другомъ и провѣряли собственное настроеніе. Разъ Елена Григорьевна, поймавъ такой взвѣшивающій взглядъ Чванова, сказала съ неожиданной для самой себя откровенностью:

— Знаете, Павелъ Максимычъ, я очень люблю и уважаю васъ, какъ хорошаго, умнаго и добраго человѣка, но одно мнѣ не нравится въ васъ...

Онъ понялъ впередъ, что̀ она скажетъ, и весь какъ-то съежился и замеръ. Онъ хотѣлъ ей крикнуть: „Остановитесь, не убивайте!“, но было уже поздно.

— Да, вы видите во мнѣ только женщину, а не человѣка,—продолжала она безжалостно.—Я чувствую, что вы такъ искренно и хорошо меня любите, и мнѣ дѣлается просто совѣстно, что я не могу отвѣтить вамъ ничѣмъ... Если бы вы знали, какъ мнѣ надоѣло быть женщиной и только женщиной!.. Въ утѣшеніе вамъ могу сказать, что я вообще никого не люблю и не могу любить, потому что устала жить, не живши, не вѣрю самой себѣ, не уважаю себя...

— Ради Бога, не будемте объ этомъ говорить, Елена Григорьевна... Мнѣ ничего не нужно... Я не знаю, что̀ со мной дѣлается...

Тотъ ужасъ, какой онъ испыталъ въ началѣ этого разговора, смѣнился сумасшедшей радостью. Иначе онъ не могъ назвать своего настроенія. Она никого не любитъ, слѣдовательно... Онъ ни о чемъ не мечталъ, ни на что не надѣялся, но когда остается даже безсмысленная надежда,—человѣкъ все-таки можетъ быть счастливъ. Да, она тутъ, близко, и онъ сумѣетъ ее защитить... Какъ это просто и какъ это трудно, особенно—когда совсѣмъ не просятъ вашей защиты.

У нея было одно ощущеніе, какъ у человѣка, заблудившагося въ дремучемъ лѣсу, когда онъ слышитъ живой человѣческій голосъ, случайнымъ эхомъ докатившійся до настороживщагося уха. Неизвѣстный чужой голосъ, но именно потому и дорогой въ тысячу разъ.

Тоска, мука, любовь... Какъ это старо и какъ это ново для каждаго отдѣльнаго случая. Да... тоска, мука и любовь... Больше муки!.. Милліонеръ Чвановъ почувствовалъ себя обыкновеннымъ человѣкомъ, тѣмъ человѣкомъ, гдѣ счетъ идетъ обыкновенными цифрами и гдѣ нѣтъ исключеній. Становись въ шеренгу и жди... Чвановъ позволялъ даже третировать себя, и Аркадій Евгеньевичъ этимъ пользовался довольно безсовѣстно. Онъ просто командовалъ Чвановымъ и передъ отъѣздомъ въ Гунгербургъ заявилъ самымъ фамильярнымъ тономъ:

— Ну-съ, милѣйшій, значитъ, мы ѣдемъ лѣчиться холоднымъ моремъ...

IX.

Вотъ о чемъ думала Елена Григорьевна, сидя на своемъ балкончикѣ. Было уже поздно, но на террасѣ кургауза виднѣлись еще огоньки за игорными столами, и ей показалось, что кто-то нѣсколько разъ называлъ ее по фамиліи. Это ей не понравилось, и она ушла въ свою комнату, затворивъ за собой дверь на ключъ, точно боялась, что кто-нибудь можетъ подслушать ея мысли.

Внизу, на террасѣ, играли въ карты за тремя столами. Вокругъ крайняго стола размѣстились докторъ Брусницынъ, баронъ фонъ-Клаккъ, господинъ съ рыжими усами и Чвановъ. Послѣдняго докторъ затащилъ играть почти насильно.

— Какъ же мы будемъ играть безъ четвертаго партнера?—говорилъ докторъ вызывающимъ тономъ.—Вдобавокъ Искрицкій, точно на зло, заболѣлъ... Онъ отлично играетъ. Знаете, игра освѣжаетъ мозгъ, и напрасно философы доказываютъ, что это гнусное занятіе. Грѣшный человѣкъ, люблю за картишками посидѣть...

Чвановъ не любилъ играть, но не умѣлъ отказаться. Онъ по обыкновенію игралъ очень разсѣянно и все время поглядывалъ на освѣщенныя окна номера Искрицкихъ. Несмотря на близорукость, онъ видѣлъ сидѣвшую на балкончикѣ Елену Григорьевну, вѣрнѣе, чувствовалъ ея присутствіе. Докторъ тоже игралъ плохо и время отъ времени бормоталъ:

— Да, странный случай... Совсѣмъ странный. Баронъ, мы сегодня, кажется, останемся безъ двухъ. Да, случай, вообще...

— Докторъ, если вы такъ же разсѣянно пишете ваши рецепты...—ядовито замѣтилъ баронъ.—Вы, кажется, больше думаете о вашей хорошенькой паціенткѣ и на этомъ основаніи пропустили чужую даму пикъ безъ всякаго вниманія.

— Виноватъ, баронъ... Да, странный случай...

Господинъ съ рыжими усами игралъ все время молча, наблюдая Чванова, который дѣлалъ одинъ промахъ за другимъ.

Кончивъ игру, партнеры отправились въ столовую поужинать. Чвановъ совсѣмъ не хотѣлъ ѣсть, но опять не сумѣлъ отказаться. За ужиномъ, какъ всегда, рѣчь шла о женщинахъ, причемъ баронъ разсказалъ нѣсколько „дѣтскихъ анекдотовъ“ и хохоталъ первый, показывая свои длинные бѣлые зубы.

— Самые счастливые люди на свѣтѣ — это доктора, — говорилъ онъ, подмигивая Чванову.—Не правда ли, Егоръ Иванычъ?

— Вы забыли прибавить, что молодыя и здоровыя женщины совсѣмъ не обращаются къ намъ за помощью,—отвѣтилъ докторъ.—А когда женщина больна, это—наше несчастье.

— Да, но бываютъ случаи... Недаромъ всѣ дамскіе доктора смотрятъ львами.

Затѣмъ слѣдовали спеціально-курортныя сплетни. О водяныхъ дамахъ говорили, какъ о скаковыхъ лошадяхъ. У одной была слишкомъ коротка шея, у другой—слишкомъ длинна талія, у третьей плечи были слишкомъ остры, и т. д. Не стѣснялись говорить прямо именами, не щадя никого. Бѣдной Еленѣ Григорьевнѣ особенно досталось.

Баронъ фонъ-Клаккъ былъ сегодня въ ударѣ, то-есть особенно неприличенъ. Онъ даже совсѣмъ забылъ, что Чвановъ—близкій знакомый Елены Григорьевны, и прочиталъ чуть не цѣлую лекцію о какой-то особенной комбинаціи ея ногъ и бюста. Чвановъ сидѣлъ, глядя въ тарелку. Онъ всегда возмущался подобными свободными разговорами и чувствовалъ, что долженъ былъ, съ своей стороны, что-то такое возразить барону или проще—попросить его оставить Елену Григорьевну въ покоѣ. Про себя онъ успѣлъ сказать цѣлую рѣчь о неприличномъ поведеніи барона и даже заставилъ его извиниться. Потомъ его возмущало хихиканье доктора, который имѣлъ привычку напиваться каждый вечеръ и сейчасъ сидѣлъ, хлопая глазами...

— Да, бываютъ женщины, которыя самой природой созданы для скамьи подсудимыхъ,—неожиданно заявилъ онъ, наливая себѣ рюмку фиш-шампань.

Эта счастливая мысль рѣшительно не вязалась съ предыдущимъ разговоромъ, и Чвановъ опять чувствовалъ, что долженъ что-то такое возразить, и опять ничего не возразилъ, а промолчалъ самымъ преступнымъ образомъ. Вѣдь въ нѣкоторыхъ случаяхъ молчаніе является преступленіемъ. Господинъ съ рыжими усами тоже молчалъ, точно находился съ Чвановымъ въ заговорѣ. Время отъ времени онъ разсматривалъ собственныя руки, смотрѣлъ на часы и сдерживалъ зѣвоту.

— А вотъ еще былъ случай, когда я служилъ въ ....скомъ полку,—ораторствовалъ баронъ.—Дѣло было въ Западномъ краѣ... Да, такъ тамъ была одна жидовочка... Дочка самаго простого фактора, и, представьте себѣ, отецъ... Ахъ, это цѣлый анекдотъ!..

— Ради Бога, довольно анекдотовъ!—неожиданно заявилъ Чвановъ, поднимаясь.—Навѣрно, опять что-нибудь такое скверное...

Баронъ фонъ-Клакъ отлично зналъ, когда человѣка оскорбляютъ, и только-что хотѣлъ обидѣться, но во-время вспомнилъ, что Чвановъ—милліонеръ, и только пожалъ плечами.

— Господа, все на свѣтѣ—дѣло вкуса,—вмѣшался докторъ.—А о вкусахъ не спорятъ... Павелъ Максимычъ, успокойтесь.

Выручилъ всѣхъ изъ неловкаго положенія господинъ съ рыжими усами, который заговорилъ о разныхъ физическихъ аномаліяхъ, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу, но такъ тщательно скрываются, что ихъ можетъ отличать только опытный глазъ. Этотъ неожиданный оборотъ разговора свелся, къ общему удивленію, на то, что есть люди съ шестью пальцами—и вы этого не замѣчаете, есть люди съ четырьмя пальцами—вы тоже ничего не замѣчаете, есть наконецъ люди, которые чрезвычайно ловко скрываютъ согнутый отъ природы или по болѣзни палецъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спрашивалъ докторъ, протирая глаза.

— Рѣшительно ничего, кромѣ того, что сказалъ...

Всѣ только пожали плечами. А потомъ удивился уже одинъ Чвановъ, когда господинъ съ рыжими усами какъ-то въ упоръ спросилъ его:

— Мнѣ кажется, что я когда-то встрѣчалъ васъ въ обществѣ Ефима Петровича Середина?

— Да...

Докторъ Брусницынъ, вѣроятно, вызванный разговоромъ о согнутомъ пальцѣ, прочиталъ цѣлую лекцію спеціально о преступныхъ аномаліяхъ, какъ „морелевскія уши“ съ приросшею мочкой, о „гутчинсоновскихъ зубахъ“, „сѣдлообразномъ нёбѣ“ и т. д.

Чвановъ вернулся въ свой номеръ, какъ пьяный, хотя пилъ очень мало. Онъ имѣлъ дурную привычку подводить итогъ каждому прожитому дню, и каждый прожитой день въ его жизни являлся какимъ-то минусомъ, особенно сегодняшній. Развѣ такъ можно жить? А вечеръ былъ прямо безобразенъ... Онъ слушалъ эти дурацкіе баронскіе анекдоты, когда она томилась въ двухъ шагахъ отъ него въ полномъ одиночествѣ. Что они говорили! А онъ слушалъ, какъ настоящій идіотъ.

Возвращаясь къ себѣ въ номеръ, онъ встрѣтилъ человѣка Арсенія и спросилъ:

— Что это за господинъ, который игралъ съ нами въ карты?

— Съ рыжими усами?

— Да....

Человѣкъ Арсеній только сдѣлалъ руками широкій жестъ. Мало ли господъ перебываетъ въ кургаузѣ за лѣто. Онъ сдѣлалъ глупое лицо и проговорилъ:

— Такъ, проѣзжающій...

— Но вѣдь у всѣхъ проѣзжающихъ есть какая-нибудь фамилія.

— Неизвѣстно-съ, Палъ Максимычъ... Разные господа бываютъ.

И человѣкъ Арсеній былъ сегодня глупъ, какъ никогда.

Лежа въ постели, Чвановъ долго прислушивался къ каждому шороху въ коридорѣ. Ему все казалось, что вотъ-вотъ постучатъ къ нему въ двери. Что теперь дѣлается тамъ, въ номерѣ Искрицкихъ? Елена Григорьевна, навѣрно, не спитъ. Что она думаетъ? У ночи свои мысли и свои чувства...

Онъ забывался чуткимъ сномъ и просыпался нѣсколько разъ, пока не взошло солнце.

Его разбудилъ осторожный стукъ въ дверь. Это была номерная горничная. Она имѣла такой испуганный видъ, что Павелъ Максимычъ сразу понялъ, что случилось что-то ужасное.

— Аркадій Евгеньевичъ...—бормотала горничная.

— Опять припадокъ?

— Никакъ нѣтъ-съ... Приказали долго жить. Господинъ докторъ уже тамъ, а барыня послали за вами.

X.

Это была не смерть, а только глубокій обморокъ, предвѣстникъ смерти. Видѣлъ и понималъ это одинъ докторъ Брусницынъ, заспанный, съ измятымъ лицомъ и безъ галстука.

— Да, странный случай, чортъ возьми,—бормоталъ онъ, напрасно стараясь разжать чайной ложкой стиснутые зубы больного, чтобы влить какое-то лѣкарство.

Поведеніе доктора наконецъ взорвало Елену Григорьевну, и она рѣзко замѣтила:

— Докторъ, вы все время такъ странно себя держите, что можно подумать, что вы меня принимаете за отравительницу...

Онъ посмотрѣлъ на нее красными похмельными глазами и отвѣтилъ совершенно спокойно:

— Сейчасъ трудно сказать что-нибудь опредѣленное, но бываютъ странные случаи...

Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ Чвановъ, и докторъ посмотрѣлъ на него съ улыбкой... Елена Григорьевна вышла въ другую комнату, закрывъ лицо платкомъ, а докторъ проговорилъ отеческимъ тономъ:

— Павелъ Максимычъ, послушайте моего совѣта и уѣзжайте отсюда сейчасъ же, а то наживете большія хлопоты. Предупреждаю васъ по дружбѣ...

— Ни за что на свѣтѣ!—отвѣтилъ Чвановъ.

— Какъ знаете, конечно...

— Да, это уже мое дѣло.

Чвановъ повернулся и вышелъ. Елена Григорьевна стояла у балконной двери и беззвучно плакала, не отнимая платка отъ лица. Вздрагивали только ея плечи и поднималась грудь. Когда Чвановъ подошелъ, она протянула ему руку и прошептала:

— Я не знаю, зачѣмъ васъ позвала... Но мнѣ такъ страшно было оставаться одной... Всю жизнь одна...

Онъ молча поцѣловалъ ея холодную руку. Она не отняла руки и продолжала рыдать.

— Распоряжайтесь мной, Елена Григорьевна... Вы знаете, что я все готовъ сдѣлать для васъ.

— О, да... знаю... И мнѣ больно, что вы это говорите... говорите именно сейчасъ... Вы не знаете, что докторъ подозрѣваетъ меня въ отравленіи, и вы можете попасть въ мои сообщники...

— Успокойтесь, все это вздоръ...

— Одна, одна, одна... — продолжала шептать Елена Григорьевна, не отнимая платка.—Боже мой, какъ я измучилась... я сойду съ ума...

Вошла горничная со льдомъ на тарелкѣ, и Елена Григорьевна пошла за ней въ спальню. Чвановъ вышелъ на балконъ и долго стоялъ, глядя на виднѣвшійся въ концѣ парковой аллеи краешекъ моря. Солнце уже поднялось, и съ моря поднимался вѣтеръ. Слышался глухой гулъ прибоя. У Чванова всѣ внѣшнія впечатлѣнія больше не существовали, и онъ смотрѣлъ на море ничего не видѣвшими глазами. Искрицкій несомнѣнно умретъ, и тогда... Онъ, Чвановъ, такъ жаждалъ, чтобы Елена Григорьевна освободилась отъ своего позорнаго рабства, и вотъ это освобожденіе пришло само собой, но было что-то такое, что вносило въ это освобожденіе непріятный элементъ. Получилась та обидная свобода, которая напоминаетъ милостыню.

Сколько времени Чвановъ простоялъ на балконѣ, онъ затруднился бы отвѣтить. Это былъ какой-то сонъ наяву. Онъ могъ уйти и не могъ уйти. Самыя противоположныя чувства проходили въ его душѣ, и онъ не замѣчалъ времени. Въ сущности, все было поглощено ей, этой странной и загадочной Еленой Григорьевной.

„А можетъ-быть, она самая обыкновенная авантюристка,—думалъ онъ и, припоминая мужа, опровергалъ самого себя.—Развѣ съ такимъ лицомъ, съ такими глазами могутъ быть авантюристки?“

Изъ этого полуобморочнаго состоянія Чванова вывелъ голосъ доктора Брусницына:

— Finita la comedia...

— А... что?..

— Вашъ другъ отошелъ въ лучшій изъ міровъ.

— Умеръ?!..

— Да.

Подумавъ немного, докторъ, раскуривая папиросу, прибавилъ своимъ обычнымъ случающимъ тономъ:

— А можетъ-быть, онъ сдѣлалъ это хорошо, какъ человѣкъ, которому больше ничего не оставалось дѣлать...

Чвановъ молчалъ, и докторъ почувствовалъ себя неловко за свою собственную болтливость.

Искрицкій, дѣйствительно, лежалъ мертвый. Около его кровати сидѣла Елена Григорьевна, и ей все казалось, что онъ притворяется и что вотъ-вотъ его глаза откроются, а на губахъ появится презрительная улыбка. Она сидѣла и не смѣла шевельнуться, какъ загипнотизированная. Въ сущности, она тоже ничего не видѣла, какъ и Чвановъ, но съ той разницей, что ей хотѣлось плакать и она не могла. Въ данный моментъ она даже забыла о позорныхъ намекахъ доктора. Не все ли для нея равно? Ну, ее доведутъ до

публичнаго позора, но вѣдь это—капля въ морѣ по сравненію съ тѣмъ, чего она никому не могла сказать. И тутъ же рядомъ смерть,—примиряющая, прощающая... Но вѣдь есть же молитвы праведниковъ, святыя слова утѣшенія, есть искупленіе, жертва, подвигъ?.. О, это все для другихъ!

Приходилъ докторъ Брусницынъ и говорилъ что-то такое о дезинфекціи; приходилъ Чвановъ и опять предлагалъ свои услуги; приходила горничная, эстонка Эмма, и увела ее на балконъ.

— Барынь будетъ сидѣть, вѣтеръ будетъ дуть,—объясняла на ломаномъ языкѣ добрая дѣвушка.—У меня такъ же померла папаша... Сидѣла, ѣла картофель и — кнаксъ!.. У насъ въ номерахъ помиралъ одинъ генералъ и очень плакалъ... Богатый генералъ, два дома, брильянтовое кольцо, собака-водолазъ... И все-таки генералъ умерла, какъ умерла моя папаша, у которой ничего не бывало.

Потомъ явилась полиція. Съ ней пришелъ и господинъ съ рыжими усами. Онъ сильно волновался и нѣсколько разъ повторялъ:

— Я надъ этимъ господиномъ работалъ цѣлыхъ три года... Выслѣживалъ его по пятамъ и только-что хотѣлъ арестовать, а онъ, на зло мнѣ, возьми да и умри.

Вскрыли таинственные чемоданы, о содержаніи которыхъ не знала даже Елена Григорьевна, къ чему господинъ съ рыжими усами отнесся очень скептически. Въ чемоданахъ найдены были слесарные инструменты, склянки съ ядами и наркотическими препаратами, разные костюмы, которыхъ Аркадій Евгеньевичъ никогда не носилъ, подложный паспортъ, фальшивыя печати, однимъ словомъ—цѣлый арсеналъ преступныхъ приспособленій.

— Все это ему теперь не было нужно,—объявлялъ господинъ съ рыжими усами.—Да, совершенно не нужно...

— Для чего же, въ такомъ случаѣ, онъ таскалъ съ собой весь этотъ музей?—удивлялся докторъ Брусницынъ, приглашенный къ обыску въ качествѣ эксперта по токсикологіи.

— А привычка... Только люди съ такими привычками могутъ быть настоящими преступниками,—объяснялъ господинъ съ рыжими усами.—А это былъ рѣдкій экземпляръ...

Говорили о какомъ-то преступленіи, которое лѣтъ двѣнадцать тому назадъ надѣлало на югѣ Россіи много шума и виновникъ котораго не былъ разысканъ.

Была какая-то связь этого преступленія съ господиномъ, у котораго на лѣвой рукѣ средній палецъ былъ согнутъ, и господинъ съ рыжими усами демонстрировалъ эту примѣту на еще неостывшемъ трупѣ Аркадія Евгеньевича.

— Да, это *онъ*,—повторялъ господинъ съ рыжими усами.

На Елену Григорьевну никто не обращалъ вниманія, кромѣ доктора, который сейчасъ былъ съ ней какъ-то особенно вѣжливъ. Только разъ ее попросили указать вещи, принадлежащія лично ей, чтобы онѣ не попали въ общую опись имущества..

— У меня ничего нѣтъ своего,—отвѣтила она съ какимъ-то удивленіемъ.— Рѣшительно ничего.

Прошло цѣлыхъ три мучительныхъ дня, пока не похоронили Искрицкаго. Настоящая его фамилія, какъ оказалось, была Штальбергъ, т.-е. та фамилія, которую онъ носилъ во время преступленія. Такъ какъ Елена Григорьевна познакомилась съ нимъ позже этого преступленія, то ее даже не вызвали къ слѣдователю, ограничившись простымъ полицейскимъ актомъ предварительнаго дознанія.

— Странно, какъ это вы, живя съ нимъ около шести лѣтъ, не знаете ничего о его прошломъ,—замѣтилъ ядовито господинъ съ рыжими усами.

Чвановъ все время находился около нея, стараясь быть ненавязчивымъ. Весь курортъ сейчасъ только и говорилъ объ этой таинственной парочкѣ. Слежилась цѣлая легенда о настоящей причинѣ скоропостижной смерти Искрицкаго, не совпадавшая, какъ всѣ легенды, съ составленнымъ по этому случаю полицейскимъ протоколомъ.

Послѣ похоронъ Елена Григорьевна оставалась еще цѣлыя сутки. Ей нездоровилось. Наканунѣ отъѣзда Чвановъ едва могъ заставить ее выйти вечеромъ, когда уже стемнѣло и они не рисковали встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ, прогуляться по пляжу. Море было такое бурное, и волны съ сѣдыми гребнями лѣзли на берегъ. По небу неслись разорванныя облака. Елена Григорьевна шла усталою походкой, опираясь на руку Чванова. Онъ говорилъ о завтрашнемъ отъѣздѣ, не рѣшаясь ее спросить, куда она имѣетъ въ виду ѣхать. Вѣрнѣе всего можно было предположить, что она вернется къ матери.

— Я знаю, о чемъ вы сейчасъ думаете,—заговорила она, отвѣчая на его тайную мысль.—Куда я поѣду? Да? И вы рѣшили про себя, что я вернусь къ матери.

— Да, вы угадали... Если бы вы по пути остановились отдохнуть въ Москвѣ... да... Такъ, недѣльки на двѣ...

— Зачѣмъ?

— Пока напишете вашей матери и пока получите отъ нея отвѣтъ... Да, отвѣтъ...

Онъ растягивалъ каждое слово и остановился. Зонтикъ Елены Григорьевны чертилъ по мокрому песку какія-то кабалистическія фигуры. Наступила неловкая пауза. Потомъ она повернулась къ нему и проговорила всего одно слово:

— Договаривайте...

— Вы знаете, что я могу сказать...

Кабалистическія фигуры подъ зонтикомъ сдѣлали рядъ зигзаговъ. Она нѣсколько времени молчала, опустивъ голову.

— Мнѣ трудно говорить съ вами, Павелъ Максимычъ...

— Да, я понимаю, что сейчасъ такой моментъ...

— Моментъ самъ по себѣ, а такъ вообще...

— Но вѣдь вы хорошо знаете, что я могъ бы предложить вамъ...

Опять пауза. Опять зонтикъ чертилъ по песку какую-то неразрѣшимую геометрическую задачу.

— Мнѣ приходится дать вамъ отвѣтъ,—заговорила Елена Григорьевна пониженнымъ тономъ.—Я понимаю ваши намѣренія и впередъ благодарю... Но вотъ какая дилемма: мой мужъ никогда не согласится на разводъ. Это разъ... Затѣмъ, если бы онъ и согласился на разводъ, все равно я не могла бы быть вашей женой, потому что... потому что за мной слишкомъ большое прошлое и я совсѣмъ не желаю отравлять вамъ жизнь. Я почти однихъ лѣтъ съ вами, но вы сравнительно со мной совсѣмъ, совсѣмъ молодой человѣкъ... Вы еще ждете чего-то отъ жизни и въ правѣ ждать. Вы встрѣтите на своемъ пути хорошую, простую русскую дѣвушку, и, право, не нужно быть особенно требовательнымъ... А я... Что я вамъ могу дать? Измученная, жалкая, вся несчастная... Поймите, что любовь, основой которой является сожалѣніе, не есть любовь... А вы, какъ хорошій и добрый человѣкъ, по-хорошему жалѣете меня и принимаете это чувство за любовь.

— А если вы ошибаетесь?

— Повѣрьте, что нѣтъ... Будемте просто друзьями и больше ничего. Какую бы пару мы могли съ вами составить? Знаете, одинъ мой знакомый лошадникъ говорилъ, что есть пара и есть просто двѣ лошади. Вотъ именно послѣдней комбинаціи я и не желаю...

Море глухо шумѣло, бросая на песчаную отмель гряды пѣнившихся волнъ. Было уже настолько темно, что они не видѣли лицъ другъ друга. Онъ взялъ ее за руку и тихо проговорилъ:

— Хорошо, будемъ довольствоваться черствымъ хлѣбомъ дружбы... Вотъ вы говорили о сожалѣніи, а настоящая русская женщина именно жалѣетъ, а не любитъ.

Она безъ словъ пожала его руку.

XI.

Они вмѣстѣ пріѣхали въ Москву. Чвановъ былъ счастливъ, когда на доскѣ въ швейцарской „Славянскаго Базара“ прочелъ: „Г-жа Середина“. Ненавистная для него фамилія „m-me Искрицкая“ умерла вмѣстѣ съ Аркадіемъ Евгеньевичемъ. Елена Григорьевна ко всему относилась какъ-то пассивно, точно она сама себѣ была чужая. Средствъ у нея не было никакихъ, и это обстоятельство сдѣлалось поводомъ къ первой размолвкѣ. Чвановъ не зналъ, какъ ему вывернуться изъ неловкаго положенія, и несъ какую-то околесную.

— Вы не обижайтесь, Елена Григорьевна, что я буду платить по вашимъ счетамъ... то-есть, это собственно мои счета, и я буду радъ, если чѣмъ-нибудь могу служить вамъ. Да... А потомъ... да, потомъ мы какъ-нибудь сочтемся...

Она улыбнулась въ первый разъ послѣ смерти Аркадія Евгеньевича и отвѣтила не безъ ядовитости:

— О, конечно... Это будетъ самымъ лучшимъ и вѣрнымъ помѣщеніемъ для вашихъ милліоновъ.

— Къ сожалѣнію, я только ношу фамилію милліонера, а въ дѣйствительности имѣю...

— Мнѣ совершенно не интересно знать, сколько вы имѣете,—съ неожиданной рѣзкостью оборвала его Елена Григорьевна.—Да... Я знаю только одно, что господа милліонеры убѣждены въ своемъ исключительномъ правѣ купить все на свѣтѣ, а прежде всего и послѣ всего—купить женщину...

— Елена Григорьевна, вы меня оскорбляете...

— Нѣтъ, вы меня оскорбляете!.. Да... Вы не хотите понять даже такой простой истины, что есть такія вещи, о которыхъ не говорятъ, особенно женщинамъ. Есть извѣстная деликатность, которая удерживаетъ человѣка... Однимъ словомъ, вы отлично понимаете, что̀ я хочу сказать.

Онъ хотѣлъ что-то возразить и даже раскрылъ ротъ, но она его перебила фразой, которая была для него ударомъ хлыста по лицу:

— А вотъ Аркадій Евгеньичъ не позволилъ бы себѣ сказать *этого*...

Чвановъ поблѣднѣлъ отъ этого незаслуженнаго имъ оскорбленія, которое было особенно тяжело, потому что его нанесла любимая женщина. Онъ совершенно растерялся и не нашелъ, что̀ отвѣтить. Для него было ясно одно, именно, что Аркадій Евгеньевичъ лично для него еще не умеръ, и что тѣнь этого ненавистнаго человѣка будетъ вѣчно стоять между нимъ и Еленой Григорьевной. При каждомъ недоразумѣніи эта тѣнь будетъ подниматься грознымъ призракомъ и отравлять все. Вѣдь она его любила, а женщины не забываютъ своихъ первыхъ чувствъ.

Пока Елена Григорьевна остановилась въ Москвѣ временно, и Чвановъ не зналъ ея плановъ относительно будущаго, кромѣ того, что его судьба неразрывно связана съ нею. Онъ принадлежалъ къ типу тѣхъ мужчинъ, которые по натурѣ не способны мѣнять своихъ привязанностей.

— Моя мечта—имѣть маленькую-маленькую комнатку и жить своимъ трудомъ,—любила говорить Елена Григорьевна, когда на нее нападало мечтательное настроеніе.—Я завидую самой несчастной швеѣ и даже каждой кухаркѣ. Что̀ можетъ быть лучше честнаго труда?

Слушая эти рѣчи, Чвановъ только ежился, потому что не вѣрилъ имъ. Это было для него очень грустнымъ открытіемъ, именно, что Елена Григорьевна, на которую онъ готовъ былъ молиться, способна была лгать и лгать безъ малѣйшаго стѣсненія, потому что сама вѣрила этой лжи. Впрочемъ, онъ какъ-то умѣлъ извинять эту ложь, какъ ее извиняютъ любимымъ дѣтямъ. Просто перевѣсъ фантазіи, спеціально-женская впечатлительность и наконецъ желаніе найти выходъ изъ своего положенія.

Странно, что прежнихъ душевныхъ разговоровъ какъ не бывало, и Чванову казалось, что передъ нимъ совсѣмъ другая женщина. Нѣкоторыя странности въ характерѣ Елены Григорьевны онъ объяснялъ ненормальностью ея положенія, начиная съ этого проживанія въ номерѣ шикарной гостиницы и кончая тѣмъ, что они, несмотря на близость, не могли говорить другъ другу „ты“. Какъ-то разъ въ минуту откровенности Чвановъ предложилъ ей переѣхать жить къ нему въ домъ, что̀ вызвало цѣлую бурю.

— Вы хотите, Павелъ Максимычъ, похвастаться передъ родными и знакомыми, какую пріобрѣли себѣ содержанку?—говорила она со слезами на глазахъ.—Недостаетъ только, чтобы о нашихъ отношеніяхъ говорила вся Москва и на меня указывали пальцами...

— Я буду хлопотать о разводѣ...

— Еще того лучше: всѣ будутъ говорить, что милліонера Чванова погубила какая-то авантюристка... Наконецъ мой мужъ никогда не согласится на разводъ, что̀ вамъ небезызвѣстно. А потомъ, я какъ-то совсѣмъ не думаю о будущемъ... Будетъ, что̀ будетъ, а пока будемъ довольствоваться настоящимъ.

Это настоящее выражалось въ томъ, что Чвановъ являлся въ „Славянскій Базаръ“ ежедневно, какъ на дежурство. Его уже знали всѣ офиціанты, коридорные и горничныя, а швейцаръ встрѣчалъ, какъ своего человѣка. Послѣднее особенно возмущало Чванова, тѣмъ болѣе, что ему часто приходилось дежурить въ общей залѣ, гдѣ онъ дожидался Елену Григорьевну къ завтраку, къ обѣду или ужину. Буфетчикъ и управляющій, какъ и швейцаръ, смотрѣли на Чванова тоже какъ на своего человѣка, и у него даже былъ свой столъ и свой офиціантъ, очень ловкій услуживающій человѣкъ, сумѣвшій „привѣситься“ главнымъ образомъ къ барынѣ. Елена Григорьевна не любила завтракать и обѣдать у себя въ номерѣ и являлась въ общую залу каждый разъ въ новомъ костюмѣ. Она умѣла одѣваться и обращала на себя общее вниманіе мужчинъ и завистливые взгляды женщинъ, что̀ льстило самолюбію Чванова.

Разъ за завтракомъ къ нимъ подошелъ докторъ Брусницынъ, остановившійся проѣздомъ съ юга въ Москвѣ. Онъ похудѣлъ и какъ-то еще больше обрюзгъ и постарѣлъ.

— Здравствуйте, многоуважаемые,—говорилъ онъ, сдерживая одышку.—Вотъ не думалъ васъ встрѣтить здѣсь...

— Я въ Москвѣ только проѣздомъ,—отвѣтила Елена Григорьевна.—Мнѣ здѣсь холодно.

— А я ѣду умирать на сѣверъ,—спокойно объяснилъ докторъ, просматривая карточку кушаній.—Вся машинка испортилась, а главное—сердце...

— Нужно лѣчиться, Егоръ Иванычъ,—совѣтовалъ Чвановъ.

— Э, батенька, доктора лѣчатъ только другихъ. Лично я предпочитаю принять смерть отъ руки Божіей, а не человѣческой...

Чвановъ все время чувствовалъ, что докторъ присматривается къ нему, и старался не встрѣчаться съ нимъ глазами. А вдругъ милѣйшій толстякъ-докторъ прищуритъ одинъ глазъ, а другой подмигнетъ. Дескать, ловко вы, молодой человѣкъ, такую аппетитную штучку приспособили... У доктора бывали моменты какого-то вульгарнаго легкомыслія. Штучка милліонера Чванова—только этого недоставало. Елена Григорьевна, наоборотъ, не испытывала ни малѣйшаго смущенія, а, наоборотъ, успѣла за завтракомъ сказать доктору нѣсколько крупныхъ колкостей.

— А гдѣ этотъ вашъ другъ, господинъ съ рыжими усами?—спрашивала она.—Мнѣ онъ очень понравился...

— Какой же онъ мой другъ...—оправдывался докторъ, нимало не смущаясь.—Простое табльдотное знакомство... Оказался какимъ-то сыщикомъ. Ахъ, кстати... гм... Впрочемъ, это все равно.

Докторъ хотѣлъ разсказать о томъ, что говорили на югѣ по поводу смерти Аркадія Евгеньевича, но во-время удержался. Онъ удовлетворился тѣмъ, что еще поговорилъ о своей собственной смерти, которая, по его расчетамъ, должна была случиться въ февралѣ будущаго года. Чванову казалось, что онъ смотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ и догадывался о томъ игѣ, которое онъ несъ.

XII.

Елена Григорьевна въ номерахъ „Славянскаго Базара“ прожила всю зиму. По недѣлямъ на нее находило какое-то оцѣпенѣлое состояніе, когда она даже не хотѣла одѣваться, а въ капотѣ лежала на диванѣ съ книгой въ рукахъ. Это было не чтеніе, а просто желаніе какъ-нибудь убить ненавистное время. Въ такіе моменты оцѣпенѣнія къ ней лучше было не подходить. Кстати она пріобрѣла какой-то особенный грубый тонъ въ обращеніи съ Чвановымъ и третировала его на каждомъ шагу. Это было совершенно непонятное для него превращеніе, и онъ чувствовалъ себя глубоко несчастливымъ. Но являлся свѣтлый промежутокъ, и онъ забывалъ все. О, какъ она умѣла быть женщиной въ такіе свѣтлые моменты, и Чвановъ начиналъ надѣяться, что со временемъ онъ ее передѣлаетъ, устроитъ разводъ, и жизнь пойдетъ совершенно по-другому. Часто ему хотѣлось сказать ей столько хорошаго, подѣлиться съ ней своими завѣтными мечтами и вообще этимъ путемъ вывести ее на новую дорогу. Вѣдь она хорошая, вся хорошая, если бы не это несчастное нелегальное положеніе въ настоящемъ и не тяжелое прошлое. Чвановъ переходилъ отъ надежды къ отчаянію и отъ отчаянія къ надеждѣ.

— Время—самый справедливый человѣкъ,—утѣшалъ онъ себя извѣстною итальянскою пословицей.

Чвановскій домъ точно спрятался въ одномъ изъ глухихъ переулковъ Замоскворѣчья. Это были хоромы стараго купеческаго стиля съ высокою желѣзною крышей, съ узкими окнами-амбразурами, съ глухою каменною стѣной вмѣсто забора, глухимъ запущеннымъ садомъ, множествомъ совершенно ненужныхъ хозяйственныхъ пристроекъ и заросшимъ зеленою травой большимъ дворомъ. Внутри оставалось все въ томъ же видѣ, какъ было при старикахъ.

Чвановъ ничего не трогалъ и занималъ вверху всего двѣ комнаты, одна изъ которыхъ была его рабочимъ кабинетомъ и библіотекой. У него была единственная слабость, это—книги, и онъ ничего не жалѣлъ, составлял свою библіотеку изъ дорогихъ и рѣдкихъ книгъ на трехъ языкахъ.

Всѣмъ домомъ правила нянька Агаѳья, которая няньчила Павла Максимовича, а внизу жила глухая старуха-тетка, посвятившая себя посту и молитвѣ. Чвановъ чувствовалъ себя въ этой допотопной обстановкѣ совершенно чужимъ человѣкомъ и не продавалъ дома только изъ сожалѣнія къ двумъ старушкамъ. Его удивляло то, что эти отшельницы знали почти все, что дѣлалось въ Москвѣ, а главное, какими-то невѣдомыми путями развѣдали объ его отношеніяхъ къ Еленѣ Григорьевнѣ.

— Ужъ ѣхалъ бы ты лучше въ свою заграницу,—съ какой-то особенной суровостью совѣтовала ему нянька Агаѳья, считавшая его все еще маленькимъ.—Чего зря въ Москвѣ болтаешься...

— Мнѣ и въ Москвѣ хорошо...

— Ну, ужъ ѣхалъ бы...

Старуха прямо не договаривала всего до конца и только вздыхала. Зато, прибирая утромъ комнаты, она ворчала себѣ подъ-носъ:

— Мало ли худыхъ людей на бѣломъ свѣтѣ... А другая баба навяжется, такъ безъ смерти смерть... Лукавыя есть бабы, особливо когда попадется денежный человѣкъ...

— Да это ты про кого, няня?

— А такъ, летѣла мимо сорока да на хвостѣ принесла... Измалодушествовался понѣ народъ въ Москвѣ, сами себя потеряли и концовъ не могутъ найти. Ну, вотъ старуха и ворчитъ!.. Нечего взять со старухи...

Въ одно прекрасное утро нянька Агаѳья не вытерпѣла и выложила все на чистоту, до обвиненія Елены Григорьевны въ отравленіи любовника включительно. Чвановъ страшно разсердился и даже затопалъ на няньку ногами.

— Молчать и не смѣть повторять подобныхъ глупостей!—кричалъ онъ.— И какое кому дѣло до меня?!

— Вотъ, вотъ это самое и есть... Добрымъ-то людямъ на тебя со стороны жаль смотрѣть, какъ ты пропадомъ пропадаешь у своей-то жаръ-птицы.

Развѣ можно было сердиться на выжившую изъ ума старуху, кричать на нее и даже топать ногами? Чванову ужасно было совѣстно, когда онъ опомнился и пришелъ въ себя. Да, онъ уже не былъ онъ, а кто-то другой, неизвѣстный и чужой. Потомъ онъ видѣлъ заплаканное старушечье лицо и говорилъ:

— Няня, вѣдь у каждаго своя судьба? Да?

— Ахъ, голубчикъ... Пашенька... Ежели, напримѣрно, родители-то поглядѣли бы на тебя...

— Хорошо, хорошо... Будетъ, няня. Я никому зла не дѣлаю и не желаю дѣлать, а остальное—пустяки.

И Чванову было совѣстно. Откуда приходитъ это таинственное чувство совѣсти, какъ оно складывается, нарастаетъ и проявляется, и что такое само по себѣ? Взять хоть этотъ старый чвановскій домъ, пропитанный тугими и неуклонными традиціями старины, а онъ казался сейчасъ Чванову какимъ-то молчаливымъ протестомъ, тѣмъ старымъ-старымъ человѣкомъ, который затаилъ въ себѣ свои истинныя мысли и чувства и смотритъ на легкомысленную молодежь съ снисходительною улыбкой. Что-то чувствовалось недосказанное, какое-то неудовлетворенное стремленіе къ какой-то правдѣ, и конечный ре-

зультатъ—эти двѣ старушки, жившія мыслью о близкой смерти. Чванову невольно напрашивался, въ видѣ контраста, опредѣлявшій собственную смерть докторъ Брусницынъ, невѣрующій, жалкій и фальшивый.

Есть „чувство дома“, именно то чувство, которое переживаетъ свившая свое гнѣздо птица, и Чванову казалось, что когда-нибудь разваливавшійся купеческій домъ оживетъ, согрѣтый улыбкой любимой женщины. Онъ уже отдѣлилъ этой женщинѣ ея комнаты и мысленно обставилъ ихъ сообразно требованіямъ современнаго комфорта. Ему нравились эти мысли, потому что съ ними связывалась мечта о будущемъ. Вѣдь такъ нельзя было жить и не стоило. У Чванова давно была мечта пріобрѣсти маленькое имѣньице, именно маленькое, гдѣ онъ могъ бы устроить и школку, и фельдшерскій пунктъ, и небольшое опытное хозяйство, какъ живую сельскохозяйственную школу для окрестнаго населенія. И жизнь была бы полна, особенно если бы работа шла рука-объ-руку съ любимымъ человѣкомъ. Сейчасъ Чвановъ не выдавалъ своихъ тайныхъ плановъ и выжидалъ удобнаго момента. О, такой моментъ наступитъ, онъ долженъ быть...

— Ты бы, Павелъ Максимычъ, поменьше сидѣлъ въ своемъ кабакѣ,— говорила какъ-то няня Агаѳья, провожая его утромъ изъ дома.

— Въ какомъ кабакѣ, няня? Что вы такое говорите?

— А вотъ такое... Днюешь и ночуешь тамъ, а когда надъ тобой же смѣются: „Нашъ сидѣлецъ пришелъ“... Легко этакія слова слушать?

— Няня, да откуда вы все это можете знать?—удивлялся Чвановъ, стараясь сдержать гнѣвъ.

— Слухомъ земля полнится, голубчикъ, а въ Москвѣ не спрячешься... У насъ въ сусѣдяхъ, значитъ, куфарка, а у этой куфарки, значитъ, родная племянница въ горничныхъ служитъ въ „Базарѣ“, ну, вотъ тебѣ и все, какъ на ладонькѣ. Всѣ тебя жалѣютъ...

Чванову сдѣлалось вдругъ жутко, точно его что придавило. Онъ даже ничего не отвѣтилъ старухѣ-нянькѣ, а молча повернулся и пошелъ своею дорогой. Э, пусть всѣ смотрятъ и смѣются. Все равно, возврата нѣтъ и не будетъ.

XIII.

Время шло. Елена Григорьевна почти каждый день уѣзжала куда-нибудь въ театръ, конечно, въ сопровожденіи Чванова. Онъ досталъ абонементъ въ оперу, въ Маломъ театрѣ у нихъ тоже была своя ложа,—Елена Григорьевна не выносила партера. Въ театрѣ она точно просыпалась отъ своего оцѣпенѣнія и дѣлалась прежнею Еленой Григорьевной, удивительно милой и простой. Она плакала, какъ институтка, когда играли что-нибудь грустное, и смѣялась до слезъ въ комическихъ сценахъ. Чвановъ терпѣть не могъ оперъ съ ихъ безсмысленнымъ содержаніемъ, безсмысленнымъ кривляніемъ знаменитыхъ артистовъ и вообще съ ихъ удручающей и принижающей пошлостью, прикрытою словомъ „искусство“. Они постоянно спорили на эту тему, и Елена Григорьевна снисходила до того, что допускала возраженія.

— Можетъ-быть, вы и правы, Павелъ Максимычъ, но эта пошлость производитъ на меня глубокое впечатлѣніе.

— Да, конечно, о вкусахъ не спорятъ, но есть границы всему.

— Вѣдь и жизнь, если разобрать, тоже пошлость, только не такая яркая... Мнѣ кажется, что люди живутъ только по привычкѣ жить. Сознаніе усыпляется сутолокой ежедневныхъ мелочей, обманомъ собственныхъ ощущеній и вѣчною скукой.

Послѣ спектакля они уѣзжали куда-нибудь поужинать, чаще всего въ „Эрмитажъ“. Елена Григорьевна обыкновенно сохраняла хорошее расположеніе духа, и со стороны всѣ могли полюбоваться этой счастливою парочкой. Разъ, въ одну изъ такихъ хорошихъ минутъ, Елена Григорьевна вся съежилась и проговорила:

— *Онъ* здѣсь...

— Кто?

— Мужъ... Вонъ столикъ налѣво, у окна.

— Что же, вы его боитесь?

— Не боюсь, но мнѣ какъ-то совѣстно съ нимъ встрѣтиться... А впрочемъ...

Ее неожиданно охватило любопытство. Что онъ можетъ съ ней сдѣлать, въ самомъ дѣлѣ? Рѣшительно ничего... Относительно „совѣстно“ она прилгала, потому что никогда не уважала этого человѣка.

— Вотъ что, Павелъ Максимычъ,—проговорила она съ веселою улыбкой.—Онъ сидитъ одинъ, и, кажется, ему скучно. Идите и позовите его къ намъ... Все-таки не чужой человѣкъ. Мнѣ даже жаль его, бѣдненькаго...

— Это капризъ, Елена Григорьевна...

— Ну, голубчикъ, сдѣлайте это для меня... Мнѣ вѣдь неудобно подойти къ нему. Пожалуйста, голубчикъ...

— Хорошо, сдѣлаю по-вашему, но только это ваше желаніе...

Серединъ сидѣлъ за своимъ столикомъ въ большомъ раздумьѣ, такъ что даже не замѣтилъ, какъ подошелъ къ нему Чвановъ.

— Здравствуйте, Ефимъ Петровичъ...

— А... что? Ахъ, это вы, молодой человѣкъ... Очень радъ васъ видѣть. Присаживайтесь, пожалуйста...

Онъ крѣпко пожалъ руку Чванова и пытливо посмотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Меня послала къ вамъ Елена Григорьевна... Мы сидимъ вонъ тамъ... Она желаетъ васъ видѣть.

Елена Григорьевна встрѣтила мужа съ самой предупредительной улыбкой и сразу замѣтила въ немъ большую перемѣну. Онъ какъ-то опустился и точно выцвѣлъ. Въ глазахъ стояла тревога. Вообще получалось то, что называется почтеннымъ подержанымъ джентльменомъ. Видимо, въ его жизни произошелъ какой-то крутой переворотъ, и переворотъ не въ его пользу.

— Я недавно узналъ, что вы здѣсь,—мягко и немного заискивающе заговорилъ Серединъ, какъ-то неловко усаживаясь на стулъ.—И хотѣлъ какъ-нибудь завернуть къ вамъ... да.

— Очень рада буду васъ видѣть, Ефимъ Петровичъ.

Чвановъ сдѣлался свидѣтелемъ самой милой встрѣчи супруговъ, добрыхъ знакомыхъ, и рѣшительно не понималъ, чего хотѣла Елена Григорьевна. Онъ очутился въ самомъ дурацкомъ положеніи.

— А я переѣхалъ въ Москву,—разсказывалъ Серединъ.—То-есть переѣхалъ пока... У меня есть одно дѣло, отъ котораго зависитъ все. Вообще много непріятныхъ хлопотъ...

— Извините за нескромный вопросъ, Ефимъ Петровичъ,—заговорила Елена Григорьевна съ дѣловымъ видомъ.—У васъ вѣдь есть вторая семья... да?.. Неужели вы ее оставили тамъ, на югѣ?

— Гм... Пока еще ничего неизвѣстно, гдѣ я и самъ устроюсь, поэтому, конечно, они остались тамъ.

— И много „ихъ“?

— Двѣ дѣвочки и мальчикъ.

— А она? Мнѣ очень хотѣлось бы видѣть свою преемницу. Вы не сбижайтесь на меня, Ефимъ Петровичъ, за такое любопытство...

Онъ только посмотрѣлъ на нее умоляющими глазами. Она поняла, что онъ потерялъ службу и бросилъ свою семью на произволъ судьбы самымъ безсовѣстнымъ сбразомъ, что̀ и было въ дѣйствительности.

— Я въ Москвѣ тоже *пока*...—заговорила Елена Григорьевна, нарушая неловкую паузу.—Вы, вѣроятно, тоже слышали, что Аркадій Евгеньичъ скоропостижно скончался прошлымъ лѣтомъ.

— О, да... Читалъ объ его смерти даже въ газетахъ. Да, читалъ и не вѣрю тому, что̀ о немъ писали... О мертвомъ можно все написать...

Эта деликатность тронула Елену Григорьевну, и она сдержала вздохъ.

— Да, хорошій былъ человѣкъ,—продолжалъ Серединъ, наблюдая Чванова.— А главное, какая цѣльная натура... Мощный характеръ. Нѣтъ, не вѣрно, что̀ про него разсказываютъ на югѣ...

Чванова удивило, когда онъ взглянулъ на Елену Григорьевну: у нея на глазахъ выступили слезы. А Серединъ, точно на зло, продолжалъ говорить объ Аркадіи Евгеньичѣ, припоминая разные эпизоды своихъ встрѣчъ съ нимъ.

— Помните, Елена Григорьевна, какъ мы втроемъ обѣдали вонъ за тѣмъ столикомъ?

Серединъ усердно прихлебывалъ изъ своего стакана шампанское и замѣтно началъ хмелѣть. Подогрѣтый виномъ, онъ точно весь распустился. Подъ конецъ ужина онъ не утерпѣлъ и разсказалъ о таинственномъ дѣлѣ, которое его задерживало въ Москвѣ.

— Со службы, говоря откровенно, меня прогнали... да... За послѣднее время я сильно опустился и, конечно, самъ во всемъ виноватъ. И никого не виню... Начинать службу съ первой ступеньки поздно... Да... У меня сохранились кое-какія сбереженія, и я хочу пріобрѣсти себѣ гдѣ-нибудь подъ Москвой небольшой клочокъ земли и буду жить трудомъ собственныхъ рукъ...

У Чванова даже подъ ложечкой засосало, когда Серединъ заговорилъ его собственными мыслями. Да, онъ, Чвановъ, думалъ то же самое, что̀ сейчасъ говорилъ Серединъ, и основаніемъ этихъ мыслей служило одно и то же, именно, скромное желаніе уйти куда-нибудь отъ самого себя, какъ это бываетъ съ больными, которые хотятъ съ перемѣной мѣста убѣжать отъ болѣзни.

— А вѣдь хорошо,— резюмировала Елена Григорьевна, перебивая мужа.—Возьмите меня, Ефимъ Петровичъ, въ экономки...

Эта выходка даже не показалась смѣшной, и Серединъ отвѣтилъ совершенно серьезно:

— Нѣтъ, Елена Григорьевна, безъ шутокъ—я живу этими мыслями... Моя послѣдняя козырная карта..

XIV.

Появленіе Серединa усилило страданія Чванова и сдѣлало его положеніе невыносимымъ. Елена Григорьевна точно прикармливала мужа, и Чвановъ испытывалъ первыя муки ревности. Елена Григорьевна потихоньку отъ него назначала мужу свиданія, и это больше всего мучило Чванова. Они о чемъ-то говорили между собой, чего онъ не зналъ, у нихъ были какіе-то общіе интересы, проявлялось что-то сближающее до того, что Елена Григорьевна въ присутствіи Чванова начинала жалѣть мужа.

— Я начинаю жалѣть бѣднягу,—говорила она.—Онъ плохо кончитъ...

— Вѣроятно, такъ же, какъ всѣ мы.

— Вы думаете?

— Почти увѣренъ.

Она вызывающе улыбнулась и перемѣнила разговоръ, какъ это дѣлаютъ съ гостями, которые не умѣютъ себя держать.

Серединъ быстро освоился со своей новой ролью и началъ относиться къ Чванову покровительственно, какъ къ начинающему молодому человѣку. Когда Елена Григорьевна была недовольна Чвановымъ, онъ заводилъ рѣчь объ Аркадіи Евгеньевичѣ. Эта тема оказалась неистощимою и варьировалась на тысячи ладовъ. Подавали кушанье,—Аркадій Евгеньевичъ любилъ его или не любилъ,—мелочи домашней обстановки, костюмы Елены Григорьевны, удовольствія—все мѣрялось Аркадіемъ Евгеньевичемъ.

Съ каждымъ днемъ Серединъ дѣлался смѣлѣе и подъ хмелькомъ пускался въ самую обидную откровенность.

— А признайтесь, Павелъ Максимычъ, достается вамъ отъ Елены Григорьевны?—спрашивалъ онъ, подмигивая.—Кто бы могъ думать, что у нея окажется такой характеръ...

— Намъ, Ефимъ Петровичъ, лучше не поднимать подобныхъ темъ...

— Отчего же? Я давно примирился со своей ролью мужа въ отставкѣ и могу смотрѣть на вещи совершенно безпристрастно... Помните, какъ Аркадій Евгеньичъ держалъ ее въ ежовыхъ рукавицахъ? Хе-хе... Что же, было такое дѣло, и я знаю, что онъ ее билъ. Да, билъ. А она и сейчасъ не можетъ вспомнить о немъ безъ слезъ. Вотъ тутъ что-нибудь и поймите... Надо мной она просто издѣвается, какъ и надъ вами. А отчего? Недостаетъ у насъ съ вами, баленька, характера, а, по итальянской пословицѣ, орѣхи, ослы и женщины требуютъ жесткихъ рукъ.

Выведенный изъ терпѣнія, Чвановъ спасался самымъ постыднымъ бѣгствомъ, чтобы избавиться отъ этого стараго негодяя. Онъ только потомъ находилъ остроумные отвѣты ему и ей и оказывался дѣйствительно находчивымъ, ловкимъ и остроумнымъ. Но эти минуты тяжелаго раздумья проходили, одинъ ласковый взглядъ Елены Григорьевны—и все забывалось до слѣдующаго раза. Каждая ласка, каждая улыбка, каждое милое слово покупались слишкомъ дорогою цѣной.

Настроеніе самой Елены Григорьевны было крайне смутное, вѣрнѣе сказать, она даже не понимала, что съ ней дѣлается и какъ вышло, что она сблизилась съ Чвановымъ. Да, онъ хорошій, добрый и умный человѣкъ, но все-таки она его не любила и не могла къ нему привыкнуть. Ей часто казалось, что вотъ-вотъ войдетъ къ ней въ комнату Аркадій Евгеньевичъ, посмотритъ кругомъ прищуренными глазами и скажетъ всего одну фразу:

— Это что такое?!

Всего удивительнѣе для нея самой было то, что та ненависть, съ которою она относилась еще такъ недавно къ нему, ненависть, близкая къ преступленію, какъ-то отпала сама собой, обиды были забыты, и оставалось только одно, именно, что онъ ее дѣйствительно любилъ, какъ другіе не могутъ полюбить. Въ немъ была эта властная, покоряющая мужская ласка, была та энергія, которая не останавливается ни передъ чѣмъ, только съ нимъ она испытывала моменты жгучаго счастья... И сейчасъ же является его преемникомъ Чвановъ. Боже, какъ она презирала и ненавидѣла себя и вымещала собственный позоръ съ женскою логикой на немъ. Ее захватило чувство

власти, женскаго деспотизма и мелкой женской жестокости, точно она мстила какому-то несправедливому и злому божеству. Беззащитность Чванова ее еще сильнѣе раздражала. Этотъ несчастный даже не могъ разсердиться на нее по-настоящему и готовъ былъ просить прощенія за нанесенныя ему же оскорбленія.

Въ сущности, послѣ тихаго домашняго рабства, какое она переживала замужемъ, послѣ бурной власти Аркадія Евгеньевича, сейчасъ Елена Григорьевна переживала опьяняющее состояніе собственнаго деспотизма. Для нея ничего невозможнаго не было, и каждое ея слово являлось закономъ. Когда, огорченный какой-нибудь новою выходкой, Чвановъ уходилъ, ей хотѣлось его вернуть, приласкаться и наговорить тѣхъ безумныхъ словъ, какія понятны только однимъ влюбленнымъ. А когда онъ возвращался, — увы! этихъ чудныхъ словъ, этого волшебнаго любви уже не было. Елена Григорьевна часто упрекала себя за жестокость и все-таки не могла быть другою. Да, не прошло еще и года послѣ смерти Аркадія Евгеньевича, и она не узнавала сама себя. Боже мой, давно ли она сама пресмыкалась какъ червь и ловила каждый взглядъ?.. А теперь? Сознаніе собственной силы дѣлало ее жестокою.

Появленіе мужа являлось въ этой цѣпи психологическихъ моментовъ послѣднимъ звеномъ. Сейчасъ, наблюдая его, Елена Григорьевна никакъ не могла понять, какъ въ свое время этотъ человѣкъ являлся въ ея жизни послѣднимъ словомъ. Вѣдь, въ сущности, это—олицетворенное ничтожество, какъ большинство такъ называемыхъ корректныхъ мужей, которые для своихъ женъ являются государствомъ въ государствѣ. Когда-то она по цѣлымъ часамъ ждала его возвращенія со службы, старалась по-бабьи угодить ему каждой мелочью домашняго обихода, скучала по немъ и была увѣрена, что другой жизни нѣтъ и не можетъ быть, и что всѣ на свѣтѣ живутъ такъ же, хотя природа и распредѣлила свои блага между мужчинами и женщинами крайне несправедливо.

И вмѣстѣ со всѣмъ этимъ у Елены Григорьевны просыпалась какая-то непонятная для нея самой жалость къ мужу. Можетъ-быть, онъ и сдѣлался такимъ благодаря ей. А за нимъ стояла брошенная семья, въ возникновеніи которой она тоже была отчасти виновата. Она нѣсколько разъ заводила съ мужемъ разговоръ на эту тему, но онъ отдѣлывался общими мѣстами и даже что-то такое острилъ.

— И васъ это не мучитъ, Ефимъ Петровичъ?

— Какъ вамъ сказать... Конечно, непріятно. Но чѣмъ я виноватъ, если не сошелся со своей второю женой характеромъ?

— А дѣти?

— Я посылаю на ихъ воспитаніе, сколько могу.

— Но вѣдь они васъ ждутъ? Не вашихъ денегъ ждутъ, а васъ... Я убѣждена, что, уѣзжая, вы сказали имъ, что уѣзжаете не надолго, по дѣламъ. Да?

— И я, дѣйствительно, уѣхалъ по дѣламъ...

— Вы не думаете о нихъ, когда видите другихъ дѣтей, не видите ихъ во снѣ?

— Какъ вамъ сказать... Въ этихъ случаяхъ у каждаго свой характеръ.

Разъ Елена Григорьевна съ рѣзкой откровенностью проговорила:

— Знаете, я убѣждена, Ефимъ Петровичъ, что вы и денегъ не посылаете дѣтямъ... да. Вы—погибшій человѣкъ...

Онъ сдѣлалъ какое-то глупое лицо и отвѣтилъ почти съ нахальствомъ:

— Я не требую отчета у васъ относительно вашей личной жизни и самъ не считаю себя обязаннымъ давать отчетъ.

XV.

Павелъ Максимовичъ Чвановъ былъ счастливъ... Это было 3-го апрѣля утромъ, когда онъ шелъ пѣшкомъ въ „Славянскій Базаръ“. Онъ поднялся рано утромъ и не зналъ, какъ убить ему время до 12-ти часовъ, когда просыпалась Елена Григорьевна. Московская весна уже вступила въ свои права. Солнце свѣтило такъ любовно и ласково, вызывая всюду жизнь, движеніе и радость. По дорогѣ изъ своего Замоскворѣчья Чвановъ зашелъ въ Кремль, чтобы убить не желавшее двигаться время, и долго любовался Москвой. Не страдая квасным патріотизмомъ, Чвановъ не могъ не любоваться роднымъ гнѣздомъ, въ которомъ сконцентрировалась вся русская сила.

„Да, хорошо“,—думалъ Чвановъ вслухъ, разсматривая свое Замоскворѣчье.

И все было, дѣйствительно, хорошо, и все отвѣчало радостному настроенію Чванова. У него даже тихо кружилась голова, а лицо распускалось въ улыбку. Всѣ счастливые люди имѣютъ немного глупый видъ, и ихъ счастье, что имъ некогда смотрѣться въ зеркало. Счастье Чванова началось вчера послѣ обѣда. Середина, противъ обыкновенія, не было. Елена Григорьевна имѣла серьезный и задумчивый видъ. За кофе они разговорились, какъ давно не говорили,—просто, душевно, искренно. Это было что-то новое и неожиданное.

— Ахъ, какъ мнѣ нужно вамъ сказать много-много,—нѣсколько разъ повторила Елена Григорьевна.—Вѣдь я скоро уѣзжаю изъ Москвы...

Конечно, она только изъ вѣжливости говорила объ одной себѣ, какъ дѣлала и раньше.

— Теперь отлично на югѣ,—поддерживалъ эту мысль Чвановъ.—Можно взять весну на южномъ берегу Крыма, только не въ Ялтѣ...

Она отрицательно покачала головой.

— Впрочемъ, это будетъ зависѣть отъ васъ,—поспѣшилъ согласиться Чвановъ.

Они говорили о прелести жизни въ глухой провинціи, о своемъ маленькомъ-маленькомъ уголкѣ, гдѣ никому и ничего неизвѣстно и гдѣ можно начать жизнь сызнова. Время летѣло незамѣтно, и оба удивились, когда часы на каминѣ пробили одиннадцать.

— Вамъ, голубчикъ, пора домой,—предупредила Елена Григорьевна.

Когда онъ вышелъ въ коридоръ, она вернула его, крѣпко обняла и, цѣлуя, прошептала:

— Не думайте, милый, дурно обо мнѣ... Я совсѣмъ не такая нехорошая, какъ вы думаете...

Опять объятія и поцѣлуи. Это была еще первая нѣжная сцена между ними, и Чвановъ вышелъ на улицу пьяный отъ счастья. Онъ даже пошатывался и нѣсколько разъ протиралъ глаза, точно не могъ проснуться.

Да, все это было, и Чвановъ почти не спалъ цѣлую ночь. Онъ лежалъ въ своей постели и улыбался. Боже мой, какъ она была хороша, и какъ онъ ее безконечно любилъ!

Какъ мы уже сказали, апрѣльское утро было безконечно. и Чвановъ пришелъ въ „Славянскій Базаръ“ ровно въ одиннадцать часовъ утра, т.-е.

раньше срока ровно на часъ. Проходя въ общую залу, Чвановъ успѣлъ замѣтить, что артельщики, принимавшіе платье въ передней, сегодня были какъ-то особенно милы. И буфетчикъ тоже былъ милъ, и услуживающій офиціантъ милъ

— Эге, господинъ Чвановъ?—остановилъ его знакомый голосъ, когда онъ проходилъ къ своему столику.

Это былъ знакомый по Гунгербургу баронъ фонъ-Клакъ. Онъ жестомъ пригласилъ Чванова къ своему столику, даже самъ подалъ ему стулъ.

— Давненько не видались... — говорилъ баронъ, расправляя свои кошачьи усы. — А знаете, докторъ Брусницынъ сдержалъ свое слово.

— Да?

— Какъ же, какъ сказалъ. Сказалъ, что умретъ въ февралѣ нынѣшняго года,—такъ и сдѣлалъ... Это очень порядочно...

Извѣстіе о смерти доктора не произвело на Чванова никакого впечатлѣнія. Какой докторъ Брусницынъ? Что ему вздумалось умирать именно въ февралѣ, когда такъ холодно?

— Да, онъ сдержалъ свое слово, какъ долженъ дѣлать всякій порядочный человѣкъ... А я, знаете, уже успѣлъ заказать поросенка съ хрѣномъ, фаршированный калачъ... Вѣдь эти вещи можно получить только въ Москвѣ.

Чвановъ не слушалъ этой баронской болтовни и совершенно невѣжливо посмотрѣлъ на часы два раза. Было всего еще двадцать минутъ двѣнадцатаго.

— А помните этого сыщика съ рыжими усами, съ которымъ мы играли въ карты въ Гунгербургѣ? — продолжалъ баронъ и захохоталъ съ какой-то особой фамильярностью.

Въ этотъ моментъ офиціантъ подалъ Чванову на серебряномъ подносѣ два письма.

— Отъ барыни,—коротко объяснилъ онъ.

Чвановъ разорвалъ конвертъ дрожавшими руками и прочелъ:

„Милый, дорогой Павелъ Максимовичъ, когда вы будете читать это письмо, я уже буду далеко... Проститься съ вами лично я не имѣла силы... Прощайте, прощайте, дорогой, милый, и не поминайте меня лихомъ... Я пишу это письмо, и меня душатъ слезы... Но нужно быть рѣшительной, а я уже давно рѣшила. Я уѣзжаю на югъ съ мужемъ... Не удивляйтесь и не осуждайте. Причинъ для этого шага достаточно. Оставаться въ Москвѣ я не могла, чтобы напрасно не мучить васъ... Мнѣ больно говорить вамъ, какъ вы хорошо и безгранично меня любили и какъ я этого не заслуживала. Напомню вамъ нашъ разговоръ передъ отъѣздомъ изъ Гунгербурга. Я говорила вамъ, что мнѣ *нечѣмъ* любить, что я устала, что я никого не могу любить... Вы были другого мнѣнія, и вы знаете, къ чему это повело. Боже мой, что я выдѣлывала съ вами, и какъ мнѣ сейчасъ стыдно... Сейчасъ приступаю къ искупленію всѣхъ своихъ ошибокъ. Именно, я еще могу поднять на ноги мужа и спасти его отъ окончательнаго паденія; затѣмъ на моей совѣсти лежитъ брошенная имъ его вторая семья, которую онъ бросилъ на произволъ судьбы, затѣмъ... Милый, дорогой, вы не знаете, какъ мнѣ трудно было разставаться съ вами, но это необходимо,—*я* не желаю губить вашу молодую жизнь, потому что не могу сдѣлать васъ счастливымъ. Вы погорюете, посердитесь на меня и... согласитесь со мной, что я была права. Мы повидаемся съ мамой, а потомъ уѣдемъ куда-нибудь въ глушь, чтобы начать новую

жизнь. Еще разъ: не презирайте и не проклинайте меня. Буду вамъ писать. Прощайте, милый, дорогой...

„Всегда ваша Елена".

Второе письмо было отъ Середина, который писалъ лаконически:

„Дорогой другъ Павелъ Максимовичъ, во всей всемірной исторіи это, кажется, первый случай, когда мужъ похищаетъ собственную жену,—и этотъ мужъ—вашъ покорнѣйшій слуга. Да, бываютъ сны, а наяву чуднѣй... Кстати, я остаюсь вамъ должнымъ около шестидесяти рублей, каковые и вышлю почтой. Жму вашу руку и желаю всего лучшаго.

„Весь вашъ Ефимъ Серединъ".

Чвановъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, перечитывая эти роковыя для него письма. У него кружилась голова, а передъ глазами плыли какія-то красныя пятна. Половины прочитаннаго онъ не понималъ и перечитывалъ снова.

— А вотъ и фаршированный калачъ!..—радостно заявилъ баронъ фонъ-Клаккъ, когда офиціантъ подалъ закуску.—Только съ чего начать: съ поросенка или съ калача? Какъ это у васъ дѣлается въ Москвѣ, господинъ Чвановъ?

Но Чвановъ поднялся и, не отвѣчая на вопросъ, направился къ выходу. Офиціантъ догналъ его со шляпой уже въ передней. Чвановъ какъ-то особенно нахлобучилъ шляпу на голову, махнулъ рукой и навсегда вышелъ изъ „Славянскаго Базара". Онъ походилъ на угря, съ котораго живьемъ сняли кожу.

1901.

СТРЕКОЗА.

Изъ лѣтнихъ идиллій.

I.

Утро было свѣжее. Ночью выпалъ дождь, и мокрая трава блестѣла на солнцѣ. Но утренняя свѣжесть уже не имѣла той чарующей, пахучей теплоты, какъ лѣтомъ. Стояли первые дни августа, и въ воздухѣ чувствовался первый осенній холодокъ.

Настасья Ивановна нарочно выбрала дальнюю дорожку парка, чтобы „продышаться“ на цѣлый день. Вѣдь въ ея распоряженіи былъ всего одинъ свободный часъ, именно—отъ семи до восьми часовъ утра, и она ежедневно дѣлала одну и ту же прогулку со своего дачнаго чердачка до вокзала. Ей казалось, что столѣтнія березы, сосны и ели уже знаютъ ее и, когда она проходила мимо, шепчутъ ей: „Здравствуйте, Настенька. Вы опять идете въ свою проклятую будку? Бѣдная Настенька!..“ Дѣвушка знала до мельчайшихъ подробностей свою ежедневную дорогу, каждый кустикъ, мутную рѣчку, катившуюся въ низкихъ глинистыхъ берегахъ, каждое дерево. Ей казалось, что всѣ деревья добрыя, да иначе и быть не могло, потому что они пользуются величайшимъ счастьемъ быть вѣчно на свѣжемъ воздухѣ. А какъ имъ весело, когда солнце обливаетъ ихъ своимъ ликующимъ свѣтомъ... Солнце—вѣдь это сама жизнь, и Настенька ничему такъ не завидовала, какъ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые цѣлые дни, недѣли и мѣсяцы могутъ пользоваться этимъ солнцемъ. О! она всегда сидѣла бы гдѣ-нибудь на солнышкѣ и пила бы солнечный свѣтъ, какъ больные пьютъ свои лѣкарства. Да, солнце, солнце, солнце и еще немножко солнца... Тогда бы Настенька не была такимъ заморышемъ, руки и ноги у нея не были бы такими тоненькими, лицо не было бы такимъ блѣднымъ, а глаза не смотрѣли бы такъ печально, точно она только-что перенесла какую-то тяжелую болѣзнь.

Да, сегодня было первое осеннее утро, и съ березъ медленно падали желтые листья, точно слетали обезсилѣвшія бабочки. Въ воздухѣ въ первый разъ чувствовался горькій ароматъ этого палаго осенняго листа, и дѣвушка съ искреннею радостью думала:

„Слава Богу, лѣто прошло...“

Дѣвушка даже улыбнулась, глядя на валявшіеся по травѣ желтые листья. Да, они еще недавно давали кому-то тѣнь, кому-то нашептывали свои зеленыя лѣтнія сказки, веселили своей шепчущею зеленью чей-то глазъ... И вдругъ все кончено: солнечные лучи уже не давали настоящаго живого тепла... Въ одномъ мѣстѣ, на поворотѣ дорожки, гдѣ стояла зеленая скамейка, На-

стасья Ивановна подняла валявшуюся на пескѣ поблекшую за ночь розу. Дѣвушка внимательно ее осмотрѣла и только вздохнула. Кто-то сорвалъ эту розу, чтобы поднести какой-то дѣвушкѣ или дамѣ. Вѣроятно, эта дѣвушка была счастлива, улыбалась, смотрѣла на *него* благодарными глазами... Вѣдь цвѣты, а особенно розы — само счастье. Каждое утро, идя на службу, Настасья Ивановна находила брошенные цвѣты, и ей дѣлалось какъ-то обидно и горько за неслыханное счастье, которымъ пользовались вотъ въ этомъ паркѣ другіе. Ей казалось, что въ цвѣтахъ сохранилась еще теплота державшихъ ихъ рукъ.

„Скоро не будетъ цвѣтовъ,—озлобленно думала дѣвушка, разрывая чужую розу по лепесткамъ.—Довольно, нарадовались...“

Она уже видѣла деревья голыми, видѣла покрывавшій землю первый снѣгъ, сквозь который пробивалась замерзавшая трава, слышала завыванье холоднаго вѣтра и карканье голодныхъ воронъ,—лѣто кончено, а съ нимъ кончилось и завидное чужое счастье.

Настасья Ивановна всегда испытывала непріятное чувство, когда ея дорога кончалась. Вотъ крутой берегъ рѣчки съ великолѣпною аллеей изъ сосенъ и елей, спускъ къ мостику, изъ-подъ котораго съ шумомъ падала вода, крутой подъемъ, на которомъ она задыхалась, широкій лугъ, послѣдніе дубы и липы, а тамъ уже виднѣлось зданіе вокзала съ эстрадой для музыкантовъ и большою площадкой для гуляющей публики. Она проходила по этой площадкѣ какъ-то торопливо, точно бѣжала, стѣсняясь за свое старенькое платье, прошлогоднюю дешевенькую шляпу и выцвѣтшую пелерину. Въ этотъ ранній часъ собственно публики на площадкѣ, конечно, не было, кромѣ торопливо шагавшихъ на вокзалъ мелкихъ служащихъ, которымъ было не до нея, да офиціантовъ, убиравшихъ свои столики на галлереѣ около буфета. Правда, въ это время всегда стоялъ татаринъ Хайбибула, приземистый сѣдой старикъ съ угловатою головой и щетинистыми усами. Онъ кланялся издали Настасьѣ Ивановнѣ и говорилъ всегда одно и то же:

— На службу идешь?

— На службу...

— Служи, служи. Нельзя, надо служить...

Другіе офиціанты смотрѣли на Настасью Ивановну съ улыбкой и что-то говорили Хайбибулѣ, который съ презрѣніемъ отмахивался рукой. Дѣвушкѣ казалось, что офиціанты говорятъ про нее, и говорятъ что-то дурное, и ей дѣлалось обидно. Развѣ она сдѣлала кому-нибудь зло или сказала про кого-нибудь что-нибудь дурное?

Сегодня было, какъ всегда, и Хайбибула къ обычному вопросу о службѣ прибавилъ только одну фразу, точно видѣлъ мысль, которую несла Настасья Ивановна:

— А лѣто прошелъ...

Дѣвушка только улыбнулась въ отвѣтъ и быстро, какъ ящерица, скрылась въ дверяхъ громадной концертной залы, гдѣ такъ гулко раздавались даже ея легкіе шаги. Изъ концертной залы шелъ широкій выходъ на платформу. Налѣво пристроилась фруктовая лавочка, а рядомъ—крошечная будка, гдѣ Настасья Ивановна торговала газетами. Молодцы изъ фруктовой не обращали на нее никакого вниманія, точно мимо нихъ проходила кошка, и это ей было немножко обидно. Дѣвушка боялась пропустить первый поѣздъ изъ Петербурга, съ которымъ получались свѣжія газеты и пріѣзжалъ обыкновенно самъ хозяинъ, пожилой господинъ съ просѣдью. У него по линіи дороги было

нѣсколько газетныхъ киосковъ, и онъ постоянно жаловался, что дѣла идутъ плохо, хотя послѣдняго и не было. Звали его Ѳедоромъ Егорычемъ. Настасья Ивановна знала, что у него большая семья и что онъ добрый человѣкъ, совсѣмъ добрый, если бы постоянно не нуждался въ деньгахъ.

— Охъ, ужъ эти деньги...—повторялъ Ѳедоръ Егорычъ, вытирая лицо платкомъ.—Дыхнуть нельзя безъ денегъ.

Настасью Ивановну онъ называлъ просто Настенькой, что̀ выходило у него какъ-то особенно ласково.

— Эхъ, Настенька, и отчего вы только худѣете? Никакого настоящаго дѣвичьяго фасона у васъ нѣтъ, чтобы покупающей публикѣ было пріятно... Вонъ какія развертныя продавщицы бываютъ. Другой бы и мимо прошелъ, а тутъ за фасонъ газетину купитъ. Ужъ, кажется, все у васъ: и паркъ, и музыка, и всякая публичность...

Если бы добрый Ѳедоръ Егорычъ нарочно придумывалъ что-нибудь пообиднѣе, то, навѣрное, не сумѣлъ бы придумать. Настасья Ивановна забиралась въ свою будку въ концѣ восьмого часа и выходила изъ нея только въ двѣнадцать часовъ ночи, когда отходилъ послѣдній дачный поѣздъ. Она не видѣла въ теченіе цѣлаго дня солнца, а только проходившую публику, которая вѣчно куда-то торопилась. Свой обѣдъ она приносила съ собой въ узелочкѣ, а Хайбибула два раза подавалъ ей чай за старыя газеты, которыя она давала ему читать.

II.

Изъ будки Настасьи Ивановны никогда не было видно солнца, что̀ ее огорчало больше всего. Освѣщался только дальній конецъ платформы, да и то вечеромъ, когда уходилъ семичасовой поѣздъ. Молодцы изъ фруктовой, когда не было покупателей, поочередно выскакивали на освѣщенную часть платформы и въ садъ, а Настасья Ивановна не могла даже этого сдѣлать, потому что не на кого было оставить будку. Ей приходилось только завидовать счастливымъ фруктовымъ молодцамъ, которые хоть урывками видѣли лѣтнее солнце, могли свободно двигаться за своимъ прилавкомъ и безъ конца болтать съ покупателями и между собой.

Но въ самомъ скверномъ положеніи бываютъ еще болѣе скверныя положенія, и въ данномъ случаѣ это были тѣ часы, когда играла музыка. Настасья Ивановна сначала слушала музыку съ удовольствіемъ, а потомъ она начала ее раздражать, больше—дѣвушка испытывала тяжелое чувство, которое не сумѣла бы назвать. Это было что-то въ родѣ того безпричиннаго страха, какой испытывается иногда во снѣ. Дѣвушка начинала волноваться съ того момента, когда пріѣзжали музыканты. Она смотрѣла на нихъ, какъ на своихъ личныхъ враговъ, которые являлись каждый вечеръ съ спеціальною цѣлью мучить ее, такую хилую и беззащитную.

А тутъ еще дачная публика, которая гуляла по платформѣ цѣлые дни,—одни уѣзжали, другіе провожали, третьи встрѣчали пріѣзжавшихъ. Какъ имъ всѣмъ весело... Настасьѣ Ивановнѣ часто хотѣлось имъ крикнуть:

„Развѣ вы не видите, что я совсѣмъ одна, что мнѣ скучно, что я совсѣмъ не вижу солнца?!“

Но ея никто не замѣчалъ. У каждаго было свое дѣло, каждаго кто-нибудь ждалъ, и всѣ ужасно торопились, чтобы не пропустить ни одного хорошаго солнечнаго дня. Боже мой, какіе люди злые!.. Чтобы они имѣли въ свое время газеты. Настасья Ивановна должна была по шестнадцати часовъ

отсиживать въ своей будкѣ. Вѣдь всѣ это видѣли, и никто, никто этого не замѣчалъ. Дѣвушка начинала думать, что и тѣ люди, которые пишутъ въ газетахъ, тоже злые, всѣ злые... И проклятыя газеты печатаются только для того, чтобы она, Настенька, все лѣто не видала солнца.

— Злые, всѣ злые, — повторяла дѣвушка, когда мимо нея безъ конца тянулась всегда по-праздничному разодѣтая толпа.

Особенно ее возмущали дамы, которыя ничего не дѣлали и знали только наряжаться. Довольныя, сытыя, счастливыя, онѣ жили какъ чужеядныя растенія.

Единственный человѣкъ, который замѣчалъ Настеньку, былъ старикъ Хайбибула, хотя онъ и относился къ ней съ непонятною для нея грубостью.

— Чего сидишь?—спрашивалъ онъ сердито.—Другія бабы гуляй, а ты сиди... Сколько угодно сиди, все равно ничего не высидишь...

— Вѣдь и ты тоже служишь, Хайбибула, — точно оправдывалась Настасья Ивановна.—И давно служишь...

— Я — другое... совсѣмъ наоборотъ... Я тридцать пять лѣтъ офиціантомъ служу, да пять лѣтъ въ мальчикахъ... Ухъ, какъ ремнемъ драли, когда былъ въ мальчикахъ... Спать вотъ какъ хотѣлось, а тутъ соннаго ремнемъ... Соскочишь, ничего не понимаетъ, а тебя опять ремнемъ... Вотъ я и знаю свою службу лучше всѣхъ. У Бореля служилъ, у Ломача... на островахъ... Я все могу понимать... Хайбибула все знаетъ...

Эти разговоры происходили, когда старикъ приносилъ чай. Онъ точно немного конфузился, и вмѣстѣ съ тѣмъ Настенькѣ казалось, что ему нравилось говорить съ ней и что онъ какъ будто чего-то не договариваетъ. Хайбибула смотрѣлъ на нее своими черными глазами съ желтымъ бѣлкомъ какъ-то особенно, въ упоръ, а при разговорѣ сдвигалъ черныя густыя брови. Были моменты, когда старикъ какъ-то вдругъ весь измѣнялся и даже говорилъ другимъ тономъ, именно, когда говорилъ о своемъ родномъ Касимовскомъ уѣздѣ и своемъ татарскомъ гнѣздѣ. Развѣ что-нибудь можетъ быть лучше на свѣтѣ Касимовскаго уѣзда, гдѣ у Хайбибулы былъ и свой домъ и все хозяйство, настоящее хозяйство. Старый татаринъ съ какимъ-то умиленіемъ разсказывалъ Настенькѣ объ этомъ своемъ домѣ, объ оставшейся дома семьѣ и о томъ, какъ онъ самъ вернется туда коротать свою старость.

— У васъ одно нехорошо, — сказала Настасья Ивановна, невольно завидуя благополучію Хайбибулы.—Вы выдаете дѣвушекъ замужъ насильно... да.

— Мы?! Насильно?!.. — недоумѣвалъ Хайбибула. — Пришло дѣвушкѣ время—и выдаемъ, а насильно—нѣтъ... Сдѣлай милость.

— Дѣвушка, можетъ-быть, и въ глаза не видала своего жениха...

— А зачѣмъ ей смотрѣть? Отецъ да мать получше смотрятъ...

— А она его все-таки не знаетъ и не можетъ любить...

— Эге, не можетъ... Все можетъ, когда замужъ выпла. Все... Ваша дѣвушка сегодня посидитъ съ кавалеромъ, завтра посидитъ съ кавалеромъ, семь разъ посидитъ съ кавалеромъ—дѣвушки и нѣтъ... Тридцать пять лѣтъ служу и все могу отлично понимать. Дѣвушка... Развѣ нашу татарскую дѣвушку посадятъ въ такую конуру? Эге, старый Хайбибула все понимаетъ... У меня своя дочь есть; развѣ я ее посажу на вокзалъ газеты продавать? Шайтанъ печаталъ ваши газеты... все врутъ...

— У васъ по четыре жены у каждаго татарина,—сказала Настенька.

— Такой законъ... У меня одна жена, а кто хочетъ... Зато у насъ старыхъ дѣвокъ нѣтъ и другихъ пустяковъ... У насъ дѣвку изъ семьи не вы-

пустятъ, потому что больно ее берегутъ... У насъ дѣвка — дорогой товаръ. Вашу дѣвку женихъ безъ приданаго не беретъ, а за нашу дѣвку женихъ большой калымъ платитъ.

Въ словахъ стараго татарина Настасья Ивановна противъ желанія находила много правды, точно онъ говорилъ о ней, больше—точно онъ видѣлъ все, что она сейчасъ переживала. Даже шестнадцатичасовое сидѣнье въ будкѣ не могло убить живого человѣка... Да, у Настасьи Ивановны была тайна, настоящая тайна, о существованіи которой догадывался одинъ Хайбибула, когда говорилъ о „пустякахъ“, да еще, какъ ей казалось, знали музыканты. Они точно досказывали ей то, чего она не могла выговорить словами, а только чувствовала. Всѣ эти мѣдныя трубы, скрипки и контрабасы пѣли вмѣстѣ съ ея сердцемъ, жаловались, страдали, плакали и радовались... О! пусть разгуливаютъ эти счастливыя, разодѣтыя, красивыя дамы, за которыми ухаживаютъ красивые и разодѣтые и счастливые кавалеры,—никто и ничего не узнаетъ о большой тайнѣ худенькой маленькой дѣвушки, которая сидитъ все лѣто въ своей будкѣ.

Въ первый разъ *онъ* подошелъ къ ея будкѣ и по разсѣянности спросилъ не газету, а спичекъ.

— Это рядомъ,—отвѣтила она и только теперь увидѣла стоявшаго у ея прилавка стройнаго молодого студента.

— Ахъ, виноватъ, барышня,—весело отвѣтилъ онъ и засмѣялся рѣшительно безъ всякаго основанія.

Настасья Ивановна смотрѣла на него и только чувствовала, какъ у нея захолонуло на душѣ. Да, это былъ *онъ*, настоящій *онъ*... Боже мой, какая красота родится на свѣтѣ! Дѣвушка представляла себѣ *его* именно такимъ: высокаго роста, стройный, съ румянымъ свѣжимъ лицомъ, маленькими рыжеватыми усиками, распущенными по послѣдней модѣ на концахъ, что придавало этому молодому лицу немного удивленный видъ. А какіе ласковые каріе глаза, какая милая, безобидная улыбка, свѣжій, съ не остывшими еще дѣтскими нотками голосъ—и вообще что-то такое свѣжее, молодое, радостное, счастливое и еще не проснувшееся отъ здороваго дѣтства.

Онъ подошелъ къ фруктовой, купилъ коробку шведскихъ спичекъ, по пути съѣлъ три яблока и ушелъ.

Вернувшись вечеромъ домой, въ свой дачный чердачокъ, Настасья Ивановна просидѣла у открытаго окна до утренней зари и не замѣчала, какъ по ея лицу бѣжали слезы.

III.

Онъ бывалъ на вокзалѣ каждый день, потому что нужно же было куда-нибудь ѣхать на велосипедѣ. Настасья Ивановна знала даже часы, когда онъ пріѣзжалъ, и каждый разъ страшно волновалась. Съ нимъ пріѣзжали другіе велосипедисты въ какихъ-то шутовскихъ курточкахъ и шапочкахъ, полосатыхъ фуфайкахъ и шерстяныхъ чулкахъ до колѣнъ. Они называли его Жоржикомъ, и Настасью Ивановну коробило, когда кто-нибудь хлопалъ его фамильярно по плечу. Какъ они смѣютъ, эти гороховые шуты, такъ обращаться съ нимъ! Жоржикъ всегда былъ одѣтъ въ бѣлоснѣжный китель съ высокимъ накрахмаленнымъ воротникомъ; форменная фуражка была самая модная—съ козырькомъ до половины лба, съ прямою тульей; панталоны въ обтяжку, какъ у гусаръ,—вообще онъ походилъ скорѣе на офицера, чѣмъ на студента, и даже ходилъ по-кавалерійски, подавшись корпусомъ впередъ и разставляя

широко на ходу носки. Говорилъ онъ, растягивая слова, и нарочно шепелявилъ. А какъ мило онъ почти къ каждому слову прибавлялъ букву „э“. По разсѣянности Жоржикъ раза два еще подходилъ къ будкѣ Настасьи Ивановны.

— Э... позвольте спичекъ... Ахъ, виноватъ, барышня.

Когда не было никого изъ велосипедистовъ, Жоржикъ забирался въ отдѣленіе, гдѣ продавали пирожное, и наѣдался, какъ гимназистъ приготовительнаго класса.

Настасья Ивановна переживала всѣ счастливыя муки перваго чувства, до ревности включительно. О! какое это ужасное чувство—ревность... И въ матеріалѣ для него не было недостатка, потому что коварный Жоржикъ ухаживалъ за каждою юбкой. Однѣхъ кузинъ у него было нѣсколько дюжинъ. Настасья Ивановна глубоко страдала и бранила Жоржика, называя его про себя „проклятымъ моржикомъ“. Но вѣдь онъ рѣшительно былъ не виноватъ, что всѣ дамы ухаживали за нимъ, въ чемъ Настасья Ивановна убѣждалась каждый день собственными глазами.

„Да пусть ухаживаютъ, а онъ все-таки мой,—думала дѣвушка, глядя на ухаживавшихъ дамъ съ подобающимъ въ такихъ случаяхъ презрѣніемъ.— Мой, мой, мой... еще разъ мой... А вы, несчастныя, и не подозрѣваете ничего. Мой моржикъ...“

Это чувство собственности выросло какъ-то само собой и даже перешло въ своего рода скупость. Настасья Ивановна владѣла Жоржикомъ безраздѣльно. Ей принадлежалъ каждый его взглядъ, каждое движеніе и каждая мысль. Она мысленно гуляла съ нимъ каждый вечеръ подъ звуки музыки, а потомъ уходила въ тѣнистыя аллеи вѣкового парка, гдѣ разсказывала ему все, все... Она рано осталась сиротой и выросла у тетки, бѣдной и больной женщины, которой сейчасъ помогала. Десяти лѣтъ тетка отдала ее въ швейный магазинъ, гдѣ она пробыла ужасныхъ пять лѣтъ и едва вырвалась. Ее морили голодомъ, били, заставляли работать по восемнадцати часовъ въ сутки. Потомъ она вырвалась изъ этого ада благодаря дальнему родственнику, служившему на финляндскомъ пароходикѣ, который доставилъ ей мѣсто кассирши на одной изъ маленькихъ пристаней-плотовъ на Фонтанкѣ. Тамъ была тоже будка, только еще хуже, чѣмъ здѣсь: единственное окошечко упиралось въ рыбный садокъ, и она видѣла только руки счастливыхъ пассажировъ, платившихъ ей въ кассу по двѣ копейки. Фонтанка всегда такая грязная, и она съ ранней весны до глубокой осени дышала зараженнымъ воздухомъ. А тутъ еще постоянная сырость отъ воды... Жоржикъ все это выслушалъ и такъ хорошо ее жалѣлъ, а она разсказывала и плакала счастливыми слезами. Онъ вѣдь такой добрый и славный... А тамъ, на садовой эстрадѣ, играла такая хорошая музыка, и вмѣстѣ съ Настенькой плакали и скрипки и мѣдныя трубы, и тихо жаловались контрабасы.

Однимъ словомъ, дѣвушка переживала всѣ муки непережитаго счастья.

Итакъ, день стоялъ осенній, съ бодрымъ осеннимъ холодкомъ, что Настенька скоро почувствовала, когда забралась въ свою будку. На ходу похолодѣвшій воздухъ дѣйствовалъ ободряюще, а въ будкѣ онъ заставилъ ее дрожать и прятать покраснѣвшія руки въ рукава.

— Ухъ, студено! — выкрикивалъ кто-то изъ фруктовыхъ молодцовъ, похлопывая руками.—Хоть въ шубу полѣзай, въ самый разъ.

Утромъ газеты раскупались нарасхватъ, и Настасья Ивановна едва успѣвала давать сдачу, что всегда ее немного сердило. Вѣдь она одна, а покупателей много, и каждый требуетъ сдачи, точно пельзя впередъ пригото-

вить пятачокъ или семь копеекъ. Къ одиннадцатичасовому поѣзду неожиданно явился Жоржикъ. Онъ пришелъ пѣшкомъ, такой свѣжій и розовый отъ осенняго холода. Заложивъ руки въ карманы и насвистывая арію изъ „Маскотты“, Жоржикъ бродилъ по платформѣ съ дѣловымъ видомъ.

„Ахъ, какой онъ хорошенькій сегодня“, — съ гордостью подумала Настасья Ивановна, глядя на него съ чувствомъ собственности.

Жоржикъ подходилъ раза два къ ея будкѣ, что-то раздумывалъ и говорилъ:

— Э... у васъ нѣтъ спичекъ, барышня?.. э?..

— Нѣтъ, я торгую газетами... Хотите „Новости“?

— Э... я читаю только „Петербургскую Газету“...

Въ сущности, Жоржикъ не читалъ даже и „Петербургской Газеты“, потому что чувствовалъ органическое отвращеніе къ печатной бумагѣ. Вся его литература заключалась въ анонсахъ скачекъ и вообще въ отдѣлѣ спорта. Онъ могъ перечислить фамиліи всѣхъ жокеевъ, зналъ наизусть родословную каждой лошади и всевозможные рекорды, чѣмъ по справедливости могъ гордиться въ своемъ велосипедномъ кругу. А дома у себя, гдѣ духовныя потребности исключительно удовлетворялись одной „Петербургской Газетой“, онъ являлся великимъ свѣточемъ, оракуломъ и авторитетомъ, потому что вся семья была поглощена спортомъ, до семилѣтней Вовочки включительно. Такихъ спортсменскихъ семей было нѣсколько, и лѣтомъ на дачѣ между ними устраивалось что-то въ родѣ семейнаго тотализатора, составлялись пари и велись самые ожесточенные споры по поводу разныхъ фаворитовъ, рекордовъ и особенно по поводу будущихъ выигрышей. Изъ болтовни велосипедистовъ Настасья Ивановна знала многое о семьѣ Жоржика, о какой-то его сестрѣ Ритѣ, которая обладала счастливымъ даромъ предсказывать будущіе выигрыши, и сейчасъ рѣшила, что Жоржикъ, вѣроятно, жестоко проигрался въ тотализаторъ и поэтому имѣетъ такой дѣловой видъ. Но причина оказалась другою.

Настасья Ивановна думала, что Жоржикъ ушелъ, какъ вдругъ услышала его голосъ сейчасъ рядомъ со своей будкой, гдѣ стояла рѣшетчатая деревянная скамейка. Да, это говорилъ онъ, но такимъ убитымъ, растереннымъ тономъ.

— Послушай, Люся, такъ нельзя...—виновато повторялъ онъ.—Э... наконецъ тутъ публика... насъ могутъ услышать...

— А мнѣ все равно, пусть слушаютъ,—отвѣчалъ рѣшительный женскій голосъ съ хриплыми нотами.—Да, пусть всѣ смотрятъ, какъ несчастный мальчишка... вѣдь ты мальчишка... Да, какъ такой скверный мальчишка обманываетъ меня. О! я все знаю, вижу и понимаю!..

Настасьѣ Ивановнѣ показалось, что кто-то ударилъ ее прямо по лицу. Она страшно поблѣднѣла и чувствовало только одно—что ей дышать нечѣмъ. *Ея* Жоржика смѣли называть мальчишкой!.. И кто же, какая-то старая, озвѣрѣвшая баба... Настасья Ивановна видѣла, какъ она подходила давеча къ Жоржику,—совсѣмъ-совсѣмъ старая, брюзглая и носъ крючкомъ, а глаза, какъ у вороны, злющіе, противные, безсовѣстные.

IV.

Положеніе Жоржика ухудшалось съ каждою секундой. Онъ старался незамѣтно отступить къ линіи вагоновъ, но энергичная дама загородила ему дорогу.

— Ты хочешь бѣжать, скверный мальчикъ!..—возмутилась она въ окончательной формѣ.—А кто платилъ за твою игру на тотализаторѣ, а?..

— Люся, ради Бога!..—умоляюще шепталъ Жоржикъ, оглядываясь на фруктовую лавку, которая, какъ ему казалось, вся состояла изъ улыбающихся рожъ.—Мы обращаемъ на себя общее вниманіе.

— Я этого и хочу!..

Нѣсколько кондукторовъ наблюдали эту сцену и тоже улыбались. Станціонный жандармъ шагалъ по платформѣ, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ. Сидѣвшая на скамьѣ швея съ картонкой долго удерживалась и наконецъ фыркнула, зажимая ротъ рукой. Въ дверяхъ концертной залы показался Хайбибула. Онъ видалъ на своемъ вѣку столько скандаловъ, что уже не могъ ничему удивляться и только сурово сдвинулъ свои густыя брови, когда зонтикъ въ рукахъ Люси началъ принимать угрожающее положеніе.

— Ловко барыня отчекрыживаетъ велосипедиста,—хвалили фруктовые молодцы.

— А не играй въ тотошку на чужой счетъ...

— Ужо вотъ она ему залѣпитъ прямо по наружности... Лихая барыня, настоящій французскій скипидаръ.

Настасьѣ Ивановнѣ показалось, что у нея точно сто ушей и глазъ, и что она видитъ и слышитъ всѣхъ заразъ, а главнымъ образомъ ея вниманіе сосредоточивалось на зонтикѣ, которымъ Люся размахивала все съ бо́льшимъ азартомъ. Вотъ-вотъ эта сумасшедшая баба ударитъ Жоржика и ударитъ непремѣнно по лицу. Дальше Настасья Ивановна помнила только одно, именно, что этотъ ненавистный зонтикъ очутился какъ-то у нея въ рукахъ и что она его сломала. Да и другіе не успѣли замѣтить, когда она успѣла выскочить изъ своей будки.

— Вы... вы не смѣете его бить!..—задыхавшимся голосомъ шептала Настасья Ивановна: ей казалось, что она кричитъ на весь вокзалъ.—Да, не смѣете... Вы—гадкая, гадкая...

Въ первый моментъ m-me Люся совершенно растерялась и даже закрыла инстинктивно лицо руками; ей казалось, что выскочившая точно изъ-подъ земли сумасшедшая дѣвчонка хочетъ ударить ее именно по лицу. Можетъ-быть, такъ бы и случилось, если бы не подбѣжалъ не растерявшійся Хайбибула и не удержалъ Настасью Ивановну за руку.

— Барышня, оставь... ухъ, нехорошо!—говорилъ Хабибула, стараясь увести вырывавшуюся изъ его рукъ дѣвушку.

— Оставьте меня... *Она* злая... *она* хотѣла его ударить по лицу...—повторяла Настенька съ истерическимъ смѣхомъ.

— Говорятъ: оставь...—сурово повторялъ Хайбибула.—Говорятъ... Ухъ, нехорошо.

Появленіе жандарма измѣнило сразу всю картину. M-me Люся съ вызывающимъ видомъ заявила ему:

— Эта... эта особа хотѣла убить меня, то-есть ударить зонтикомъ. Удивительно милые порядки на вашей желѣзной дорогѣ... Порядочной женщинѣ нельзя показаться...

— Извините, сударыня, а это ужъ начальство разберетъ...—съ жандармскою вѣжливостью отвѣтилъ жандармъ.—Сейчасъ составимъ протоколъ, а тамъ ужъ все разберутъ. Очень просто...

При словѣ „протоколъ“ m-me Люся грозно посмотрѣла на Жоржика и, указывая глазами на Настеньку, прошипѣла:

— Вотъ до чего вы довели эту несчастную жертву вашего темперамента... да. Любовный дуэтъ разрѣшается полицейскимъ протоколомъ... Очень

мало вообще. Господинъ жандармъ, я попрошу васъ составить протоколъ и записать все, все, записать съ самаго начала...

Когда жандармъ повернулся къ будкѣ, Хайбибула предупредилъ его:

— Не безпокойся... *Онъ* помиралъ.

Но старикъ ошибся. Дѣвушка была только въ обморокѣ. Хайбибула перенесъ ее на рукахъ, какъ ребенка, въ жандармскую комнату, куда былъ вызванъ по телефону желѣзнодорожный врачъ.

— Скажите, пожалуйста, какія нѣжности,—возмущалась m-me Люся и, обернувшись въ сторону Жоржика, прибавила:—Вотъ полюбуйтесь вашей жертвой...

Но—увы!—Жоржика уже не было. Онъ воспользовался моментомъ суматохи и незамѣтно скрылся.

Настасья Ивановна пришла въ себѣ только на своемъ чердакѣ. Она лежала у себя на кровати, прикрытая старенькимъ пледомъ, замѣнявшимъ ей одѣяло. Она только сейчасъ испугалась, напрасно старалась припомнить что-то ужасное, что случилось сегодня. Впечатлѣніе этого ужаснаго оставалось въ сознаніи смутно и нелѣпо. Что-то она такое сдѣлала, около нея было много народа, на нее кричала какая-то дама, потомъ ее велъ домой по парку Хайбибула... Она едва тащилась и нѣсколько разъ должна была отдыхать, а Хайбибула совалъ ей въ руку какой-то пряникъ и повторялъ:

— Ѣшь, все пройдетъ... Ухъ, нехорошо..,

Дешевый, совершенно черствый пряникъ лежалъ сейчасъ на столѣ въ качествѣ вещественнаго доказательства, и благодаря ему Настасья Ивановна постепенно возстановила выпавшія изъ памяти подробности всего случившагося. Ахъ, какая была противная эта дама съ зонтикомъ...? Бѣдный Жоржикъ, зачѣмъ онъ знакомится съ такими ужасными женщинами? Она хотѣла его ударить по лицу...

— Противная... гадкая... — шептала Настасья Ивановна, переживая снова ужасную сцену.

Закрывъ глаза, она видѣла больше, чѣмъ случилось. Да, она ударила зонтикомъ эту злющую бабу, сорвала съ нея шляпу, толкнула громаднаго жандарма прямо въ грудь и т. д., и т. д. Разстроенное воображеніе работало съ особенною яркостью, и дѣвушка сжимала свои худенькіе кулачки, угрожая, повидимому, врагу. Настасья Ивановна больше не плакала и лежала съ сухими холодными глазами, убитая, уничтоженная, жалкая. Временами она даже улыбалась и начинала думать вслухъ.

— Развѣ такія дѣвушки, какъ я, имѣютъ право любить?.. *Это* могутъ дѣлать совсѣмъ другія дѣвушки, тѣ, которыхъ воспитываютъ нарочно для *этого*... Да, ихъ для *этого* откармливаютъ, какъ индюшекъ, для *этого* ихъ одѣваютъ, для *этого* чему-то учатъ, а поэтому онѣ и дѣлаются такими смѣлыми, веселыми, красивыми... А дѣвушки, у которыхъ всего и свѣта въ окнѣ, что какая-нибудь голодная и больная тетка,—такимъ нечего объ *этомъ* и думать... смѣшно и глупо думать... Прощай, Жоржикъ!..

Настенька больше не показывалась въ своей будкѣ, и Ѳедору Егорычу пришлось самому бѣгать съ газетами по платформѣ. Содержатель фруктовой лавки, съ которымъ они ходили иногда въ трактиръ пить чай, сочувствовалъ пріятелю и жалѣлъ его.

— Подвела тебя стрекоза-то, Ѳедоръ Егорычъ! Вотъ даже какъ подвела... Долго ли было потерпѣть до конца сезону, а она вонъ какую штуку отколола.

Ѳедоръ Егорычъ не роптaлъ, хотя и принималъ это сожалѣніе, какъ нѣчто заслуженное. Онъ всегда помнилъ, что онъ добрый человѣкъ, и отвѣчалъ фруктовщику, точно оправдываясь именно въ этой своей добротѣ:

— Что ужъ тутъ подѣлаешь, то-есть, скажемъ, касаемо этихъ стрекозъ... Неочерпаемый ихъ уголъ въ городѣ Санктъ-Петербургѣ, и всѣ на одинъ фасонъ: глядѣть—какъ будто и человѣкъ, а у всѣхъ кость жидкая. Вотъ на мѣсто Настеньки сейчасъ двадцать такихъ-то явится, выбирай любую да лучшую, а цѣна всѣмъ одна... Хотятъ свой хлѣбъ ѣсть, а того и не понимаютъ, что бѣлый-то хлѣбъ на черной землѣ родится.

Фруктовщикъ тоже былъ не злой человѣкъ и не могъ не пожалѣть бѣдную стрекозу.

— Трудно имъ, которыя ежели немного съ благородствомъ... Горничной хорошей—и того не выйдетъ, не говоря ужъ о кормилкахъ и тому подобномъ.

„Стрекоза“ исчезла съ вокзала, и это событіе осталось совершенно незамѣченнымъ. Такъ же гуляла праздная дачная публика, такъ же играла по вечерамъ музыка, такъ же старый Хайбибула какими-то жадными глазами выискивалъ въ толпѣ знакомыхъ *хорошихъ* господъ, которые могли понимать настоящую службу, и т. д. Куда дѣвалась Настасья Ивановна? Никто этимъ не интересовался и никто этого не зналъ. Ея мѣсто въ будкѣ заняла другая „стрекоза“.

1900.

584

МЕЖДУ НАМИ.

I.

Говоря *между нами*, мнѣ нынче стукнуло ровно сорокъ шесть лѣтъ... и я остался старымъ холостякомъ, который по вечерамъ подолгу сидитъ одинъ у камина, какъ старый котъ. У меня есть и настоящій котъ, который грѣется у огня вмѣстѣ со мной. Это настоящій философъ, хотя изъ скромности и прикрытый кошачьею шерстью. Старый плутъ отлично понимаетъ меня, хотя и притворяется. Это самый упрямый эгоистъ изъ всѣхъ философовъ и постоянно находится въ созерцательномъ настроеніи.

— Ну что, Васька, плохи дѣла?..—говорю я иногда.

— Э, все равно, плевать!..—мурлычетъ мой философъ.—Не стоитъ, знать, Платонъ Васильевичъ...

Въ подтвержденіе своей мысли старый плутъ сладко жмурится и даже подбираетъ подъ себя свой хвостъ. Я знаю, что этотъ хвостъ конфузитъ мохнатаго философа. Въ самомъ дѣлѣ, давно ли этотъ хвостъ былъ такой пушистый, а теперь вытерся, вылинялъ и сдѣлался такимъ тощимъ! Ни одна кошка не заинтересуется такимъ гадкимъ хвостомъ, и ничего больше не остается, какъ только скромнымъ образомъ спрятать его подъ себя. „Э, не стоитъ, знать... плевать!..“

Человѣкъ, которому сидѣть по вечерамъ подъ огонькомъ вошло уже въ привычку, собственно даже не человѣкъ, а такъ, какая-то человѣческая тѣнь,—то, что остается отъ каждаго человѣка въ сорокъ шесть лѣтъ, когда недостатокъ внутренняго огня замѣняется внѣшнею теплотой. Мой другъ, докторъ Клейстъ, такъ и говоритъ:

— Ну, старина, намъ необходимо погрѣться... Это принципъ всякаго движенія, а движеніе есть жизнь, и только движеніе.

— Да, докторъ, необходимо поддерживать температуру... Вы сегодня что намѣрены пустить въ ходъ?..

— По обыкновенію, водку...

Докторъ Клейстъ скалитъ свои вставные зубы, и мы идемъ въ клубный буфетъ. Собственно, докторъ вретъ: онъ считаетъ себя еще достаточно молодымъ, чтобы ухаживать за молоденькими дѣвушками, но мнѣ его жаль. Ничего нѣтъ хуже этихъ вѣчно молодящихся старичковъ, которые обманываютъ самихъ себя. А докторъ Клейстъ очень любитъ молоденькихъ женщинъ, и у него бываетъ такое глупое лицо, когда онъ начинаетъ говорить свои комплименты, которые походятъ на его рецепты.

Да-съ... Недавно въ нашемъ клубѣ былъ семейный вечеръ. Публики, противъ обыкновенія, набралось много, особенно молоденькихъ дѣвушекъ, и

докторъ Клейстъ танцовалъ съ увлеченіемъ. Я сталъ въ дверяхъ танцовальной залы и долго смотрѣлъ на кружившуюся толпу. Сколько свѣжихъ молодыхъ лицъ (я говорю о женщинахъ)! Были очень красивыя лица, какъ это дѣлаетъ природа въ семнадцать лѣтъ. Около меня, у стѣны сидѣла блондинка въ голубомъ платьѣ. Кавалеры не давали ей отдыха, и она являлась на свой стулъ только перевести духъ. Славная дѣвушка, и я, по старой привычкѣ, выпрямилъ грудь—вѣдь моя фигура когда-то сводила съ ума женщинъ, но я вспомнилъ своего стараго кота и подумалъ:

„Э, все равно... плевать!“

Музыка играла, пары кружились; докторъ Клейстъ танцовалъ, какъ кадетъ, а я смотрѣлъ кругомъ, и мнѣ вдругъ сдѣлалось очень жаль вотъ этихъ разгорѣвшихся счастливыхъ дѣвушекъ, которыя улыбались, кокетливо обмахивались вѣерами и вообще дѣлали то же самое, что̀ дѣлали ихъ мамаши, бабушки и прабабушки, вплоть до нашей праматери Евы.

Да, чортъ возьми, въ свое время Платонъ Васильевичъ Казаринъ тоже танцовалъ и очень недурно танцовалъ. Тогда тоже были красивыя дѣвушки, а голова Платона Васильевича была украшена настоящею гривой изъ русыхъ кудрей. Ничего, было весело, а главное—такъ легко на душѣ. Вотъ по части денегъ—другой вопросъ. У Платона Васильевича едва хватало на входный билетъ да за платье швейцару. Но это все пустяки... Теперь есть и деньги, но недостаетъ именно того, что̀ на деньги не покупается, и у Платона Васильевича, вмѣсто стоявшихъ копной кудрей, просвѣчиваетъ лысина. Впрочемъ, это между нами, и я вполнѣ надѣюсь на скромность моей читательницы—нѣтъ, она меня не выдастъ, я въ этомъ увѣренъ, потому что и моя читательница такого приличнаго возраста, о которомъ изъ вѣжливости не говорятъ. Та бѣлокурая дѣвушка, которая такъ весело танцовала въ нашемъ клубѣ, конечно, ужъ не будетъ читать этихъ строкъ: счастливая молодость читаетъ свое прямо изъ великой книги жизни.

Однако я начинаю болтать, а это симптомъ неизлѣчимой старости. Все-таки я разскажу одну исторію, которая вспомнилась именно въ клубѣ и по поводу которой я пожалѣлъ счастливыхъ дѣвушекъ. Кстати, и докторъ Клейстъ, котораго вы, конечно, знаете, отчасти входитъ въ нее, а послушать про знакомаго человѣка всегда пріятно. Но еще одно слово: вся эта исторія—между нами.

А огонекъ въ моемъ каминѣ такъ весело потрескиваетъ, и я не могу оторвать глазъ отъ бойкихъ искорокъ, которыя такъ весело танцуютъ въ голубоватомъ пламени, чтобы сейчасъ же потухнуть или стремительно улетѣть въ трубу. Старый философъ Васька погрузился въ сладкую дремоту вмѣстѣ со своимъ хвостомъ и тоже, вѣроятно, вспоминаетъ, что̀ было двадцать лѣтъ назадъ. Еще одно слово...

— А что̀, старина, если бы лѣтъ пятнадцать съ костей долой?—говорилъ мнѣ недавно докторъ Клейстъ.—Вѣдь недурно бы... а?..

— Нѣтъ, докторъ, не стоитъ... Если хотите, двадцать, а то плевать.

Докторъ Клейстъ только пожалъ плечами, и я замѣтилъ, что ему было жаль меня, хотя—если кто изъ насъ двоихъ былъ жалокъ, такъ это онъ, мой другъ, докторъ Клейстъ.

II.

Двадцать лѣтъ тому назадъ я жилъ въ одномъ изъ губернскихъ приволжскихъ городовъ, гдѣ служилъ мой дяди, Павелъ Семеновичъ. Городъ былъ бойкій, и дядя нашелъ мнѣ подходящее занятіе при одной комиссіо-

некоей торговой фирмѣ, занимавшейся очень крупными операціями. Для двадцатипятилѣтняго малаго лучшаго желать было нечего, и я зажилъ привѣваючи. Какъ во всѣхъ провинціальныхъ городахъ, молодые люди были наперечетъ, и я скоро перезнакомился со всѣмъ городомъ. Въ качествѣ только-что пріѣхавшаго изъ столицы молодого человѣка, я представлялъ собою интересную новинку; притомъ у меня былъ счастливый ростъ, цвѣтущее здоровье и вообще приличный видъ. Женщины находили меня даже красавцемъ, но это дѣло личнаго вкуса.

Лѣтомъ публика по вечерамъ собиралась на крутомъ берегу Волги, въ плохомъ и пыльномъ городскомъ саду, гдѣ играла плохая военная музыка. Дядя всегда тащилъ меня въ этотъ садъ и усаживалъ куда-нибудь въ тѣнистый уголокъ или въ бесѣдку, гдѣ мы и болтали за бутылкой дрянного вина. Нужно признаться, что мой дядя былъ очень дрянной человѣкъ, и нѣкоторая зависимость отъ него всегда меня стѣсняла. Можетъ-быть, поэтому я и не могъ никогда отказаться отъ этихъ прогулокъ tête-à-tête. Представьте себѣ лысаго, безобразнаго старика, который вѣчно говоритъ о „хорошенькихъ“ и вѣчно повторяетъ одни и тѣ же скабрезные анекдоты—вотъ вамъ портретъ моего милаго родственника.

— О, я люблю женщинъ!..—подмигивалъ дядя и прибавлялъ:—Знаешь, плутишка, я не могу пожаловаться на свою судьбу въ этомъ отношеніи! Учись у меня... Вѣдь если и стоитъ жить на свѣтѣ, то только для женщины.

Это было обыкновенною прелюдіей къ какой-нибудь исторіи изъ жизни дяди, т.-е. онъ вралъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, разсказывая свои похожденія съ женщинами. Конечно, эти героини были красавицы чистѣйшей воды и бросались дядѣ прямо на шею, чтобы потомъ отравиться отъ безнадежной любви къ нему или утопиться. Впрочемъ, Богъ давно простилъ моего дядю за это невинное хвастовство, потому что такія красавицы существовали только въ его разстроенномъ воображеніи, а затѣмъ своею болтовней о женщинахъ и скабрезными анекдотами онъ вознаграждалъ себя за печальную дѣйствительность. Павелъ Семеновичъ былъ женатъ на богатой старухѣ и сидѣлъ у жены подъ башмакомъ. И меня таскалъ онъ въ садъ только потому, что жена не отпускала его одного, да его и отпустить было нельзя, какъ нельзя было держать женскую прислугу моложе пятидесяти лѣтъ. Денегъ тетка, конечно, не давала въ руки своему супругу, и Павелъ Семеновичъ довольствовался жалкими крохами, которыя успѣвалъ утянуть всякими правдами и неправдами при разныхъ хозяйственныхъ расчетахъ, чтобы потомъ прокутить ихъ гдѣ-нибудь въ номерахъ.

— Да, я не могу пожаловаться на женщинъ, чортъ возьми!..—повторялъ дядя съ апломбомъ, когда тетки не было въ комнатѣ.—Вся сила въ характерѣ. Нужно умѣть покорить женщину—въ этомъ весь секретъ. Павелъ Казаринъ умѣлъ пожить... хе-хе!.. Учись, Платонъ, у старика, если желаешь себѣ добра. Нужно себя держать съ женщиной такъ, чтобы она всегда немножко тебя боялась... Это, по крайней мѣрѣ, мое правило!..

Дядя какъ-то особенно гадко прищуривалъ лѣвый, косившій глазъ и сладко улыбался, показывая кривые зубы. Сказать кстати, мнѣ иногда кажется, что и я начинаю хвастать, какъ дядя, вспоминая свое прошлое, но вѣдь я никогда не былъ женатъ и мнѣ некого обманывать, а въ этомъ единственное преимущество всѣхъ старыхъ холостяковъ.

Итакъ, мы сидѣли съ дядей въ городскомъ саду и любовались прямо изъ своей бесѣдки чуднымъ закатомъ солнца. Сквозь рѣдкую сѣтку деревьевъ проступала необъятная даль Волги, тонувшей въ сѣровато-фіолетовыхъ то-

пахъ горизонта; по блестѣвшей, какъ серебро, водяной шири ползли букашками пароходы, а лодки походили на тѣ черныя точки, какія оставляетъ на зеркалахъ муха. Лѣвый волжскій берегъ уходилъ изъ глазъ низкою равниной, точно громадный коверъ, который въ Волгу спускался желтою причудливою бахромой,—это были волжскія отмели, такія красивыя издали и такія печальныя вблизи. Въ красотѣ Волги есть что-то лѣнивое и недосказанное, чувствуется какая-то скрытая сила, но вмѣстѣ съ тѣмъ на меня эта рѣка производила всегда немножко грустное впечатлѣніе, точно проголосная русская пѣсня; именно—красавица Волга разливается по русскимъ равнинамъ, какъ проголосная пѣсня,—болѣе удачнаго сравненія не умѣю подобрать. По правому гористому берегу лѣпились городскіе домишки со своими яблоневыми садиками, а ближе къ нашему саду вставьли каменныя хоромины, стѣснявшія старинную красную церковь съ пузатымъ куполомъ и почернѣвшими крестами. Такая же церковь стояла подъ горой, у самыхъ пристаней, гдѣ вѣчно шла рабочая суета и люди ползли въ гору и съ горы, какъ муравьи.

Собственно говоря, я вижу отчетливе именно теперь эту картину Волги, покрытую радужною дымкой и расцвѣченную розовыми огоньками заката, переливавшимися въ водѣ живой дрожью, а тогда я больше смотрѣлъ на гуляющую публику, т.-е. на женщинъ. Вотъ ходятъ по липовой аллеѣ двѣ сестры Хвостинскія, черноглазыя и румяныя—это изъ бѣдныхъ помѣщицъ, проживавшихъ въ городѣ послѣднія крохи; вотъ курносая штабсъ-капитанша Черепанова, за которою всегда тянется хвостъ провинціальныхъ кавалеровъ; вотъ дочь исправника, сентиментальная голубая дѣвица, вотъ шустрая попова, тамъ чиновничьи дочери, купеческія—много ихъ, и многія изъ нихъ мнѣ нравились. Что же, всѣ славныя дѣвушки, и я зимой танцовалъ съ ними до упаду. Нѣкоторыя, побойчѣе, смѣло заглядывали въ нашу сторону и чуть-чуть улыбались, отвѣчая на мои поклоны, хотя бѣдный дядя принималъ эти улыбки по своему адресу и совсѣмъ закрылъ свой косой глазъ для большаго эффекта. Э! чортъ возьми, хорошо въ двадцать шесть лѣтъ, когда весело отъ всякихъ пустяковъ...

— Ты развѣ съ ней знакомъ?—шопотомъ спрашивалъ меня дядя, указывая прямымъ глазомъ на проходившую мимо насъ дочь откупщика Быкова.

— Да... немножко...

— Э, да ты плутишка, какъ я вижу! Хе-хе... Недурна штучка!.. Я люблю бѣлокурыхъ, у нихъ такая нѣжная кожа... Чортъ возьми, не будь я женатъ, я не далъ бы спуска этой крошкѣ. Вѣдь у ней милліонъ, плутишка... Пойми и не зѣвай. Милліонъ!..

— Говорятъ...

— Это вѣрно, какъ въ аптекѣ. Смотри, ухаживай за ней посильнѣе—смѣлость города беретъ. А это кто съ ней шелъ, ну... молодой человѣкъ въ цилиндрѣ?..

— Это мой хорошій другъ, докторъ Клейстъ... Онъ недавно только сюда пріѣхалъ.

— Ага... Послушай, Платонъ: ты глупъ. Извини за откровенность, но старикъ-дядя желаетъ тебѣ добра. Ты, Платонъ, дуракъ... Будь я на твоемъ мѣстѣ, клянусь тебѣ всѣмъ святымъ, я на выстрѣлъ не подпустилъ бы къ ней не только своего друга, доктора Клейста, но родного отца.

Эта пѣтушиная храбрость дяди меня разсмѣшила, но я ничего не отвѣтилъ расходившемуся старику.

— А вотъ докторъ Клейстъ умнѣе тебя,—не унимался дядя, залпомъ выпивая стаканъ вина.—Да, онъ далеко пойдетъ. Докторъ не теряетъ на-

красно времени, и голову отдаю на отсѣченіе, что онъ у тебя подъ носомъ женится на этой барышнѣ Быковой.

— Что же, пусть женится,—я буду у него на свадьбѣ шафером.

— Дуракъ!..

— Да вѣдь вы сами же говорите, что у Быковой милліонъ, а у меня ничего нѣтъ—какая же это пара?..

— Вздоръ... Если у человѣка ничего нѣтъ, значитъ, и нужно отыскать такую дуру, у которой много. Притомъ, эта Быкова совсѣмъ не дурна... наконецъ у такой молоденькой дѣвушки и такой роскошный бюстъ,—о, это много обѣщаетъ! Повѣрь, я знаю толкъ въ женщинахъ...

Барышня Быкова опять проходила мимо нашей бесѣдки, и я толкнулъ дядю локтемъ, чтобъ онъ замолчалъ. Докторъ Клейстъ, дѣйствительно, велъ серьезную атаку и выступалъ передъ своею дамой какъ-то пѣтушкомъ, а она улыбалась и чертила по песчаной дорожкѣ своимъ свернутымъ зонтикомъ. Признаться сказать, это глупое ухаживанье меня задѣло за живое, да и слова дяди, противъ желанія, произвели свое впечатлѣніе. Вы, конечно, знаете то особенное самолюбіе, когда подходишь къ женщинѣ и знаешь, что она видитъ только одного тебя, а остальные мужчины больше не существуютъ для нея... Да, чортъ возьми, Платонъ Казаринъ имѣлъ успѣхъ у женщинъ и теперь расплачивается за эту мелкую монету счастья своимъ одиночествомъ.

Черезъ пять минутъ я уже былъ около m-lle Быковой и чувствовалъ, какъ ея маленькая ручка крѣпко пожимаетъ мою, а въ сѣрыхъ, немного дѣтскихъ глазахъ плаваютъ тѣ искорки, которыя краснорѣчивѣе цѣлой ученой библіотеки. Докторъ Клейстъ былъ уничтоженъ и жалко плелся въ хвостѣ, а дядя сидѣлъ въ своей бесѣдкѣ и хихикалъ самымъ торжествующимъ образомъ.

— Отчего это васъ такъ давно не видно?..—спрашивала меня m-lle Быкова, дѣлая задумчивое лицо.

— Много было занятій, Агнія Ефимовна...

На ней было широкое шелковое платье и кринолинъ, какъ тогда носили. Теперь смѣшно смотрѣть на эти моды, когда дамы походили на капустные вилки, поставленные кочномъ вверхъ, но всякая мода хороша для своего времени, и мнѣ нравилось платье моей дамы, и надвинутая на уши широкая, загнутая чепчикомъ, соломенная шляпа, и пестрый зонтикъ съ шелковою бахромой, и серьги въ ушахъ.

— Иди, я тебя поцѣлую, плутишка,—говорилъ мнѣ дядя, когда я вернулся въ бесѣдку, проводивъ m-lle Быкову до ея экипажа.—А твой другъ, Клейстъ, въ какихъ дуракахъ остался... Ха-ха!.. Нѣтъ, я не желалъ бы быть на его мѣстѣ.

III.

Молодость глупа, глупа тою счастливой молодой глупостью, которая скрываетъ предъ ней всѣ прорѣхи, дыры и живыя нитки нашей жизни.

Наступила зима. Волга замерзла подъ толстымъ слоемъ сковавшаго ее льда. Нашъ городъ совсѣмъ былъ занесенъ снѣгомъ и походилъ на кладбище своими мертвыми пристанями, глухими улицами и домами безъ признаковъ жизни. Всѣ приволжскіе города на зиму умираютъ, какъ мухи. Жизнь едва теплилась только подъ крышами домовъ, гдѣ шла какая-то усталая работа. Публика сообщалась въ дрянномъ мѣстномъ театрѣ да въ клубѣ, гдѣ играли больше въ преферансъ или въ стуколку. Вообще зима самое печальное время въ провинціи, и я страшно скучалъ о столицѣ, гдѣ теперь въ полномъ раз-

тарѣ катился зимній веселый сезонъ. Развернешь столичную газету и, по обрывкамъ отдѣльныхъ извѣстій, стараешься возстановить, какъ живутъ добрые люди на бѣломъ свѣтѣ: пріѣхала знаменитая пѣвица, въ Дворянскомъ Собраніи рядъ концертовъ, балы, въ театрахъ новыя пьесы, дамы раздѣлись по новой модѣ. Да, тамъ жизнь, а здѣсь прозябаніе, но нужно умѣть довольствоваться тѣмъ, что у каждаго подъ руками.

Домъ покойнаго откупщика Быкова стоялъ на главной Московской улицѣ. Въ немъ теперь жили всего двое — наслѣдница милліона Агнія Ефимовна со старою теткой. Половина комнатъ стояла пустая. Молва говорила, что богатство старика Быкова нажито нечистымъ путемъ. Онъ былъ, кажется, гробовщикомъ и, какъ говорили, нажилъ деньги, раскапывая могилы богатыхъ покойниковъ, а потомъ примазался къ откупу. Но это все равно,—барышня Быкова была самою богатою невѣстой въ городѣ, и отъ жениховъ не было отбоя. Я бывалъ нерѣдко въ быковскомъ домѣ, гдѣ постоянно встрѣчался съ докторомъ Клейстомъ. Этотъ человѣкъ, кажется, поклялся не отступать отъ милліона, и меня это бѣсило, хотя, конечно, я не подавалъ никакого вида, что замѣчаю что-нибудь. Агнія Ефимовна, какъ мнѣ начинало казаться, склонялась на сторону этого ловкаго нѣмчурки. Есть такіе люди,—воплощенное ничтожество сами по себѣ,—которые умѣютъ опутывать женщинъ съ дьявольской ловкостью и берутъ самые лакомые куски тамъ, гдѣ дѣйствительно умные люди остаются круглыми дураками. Докторъ Клейстъ былъ именно такимъ человѣкомъ и плелъ свою паутину съ настойчивостью и аккуратностью нѣмца.

— Э, дѣло скверное...—говорилъ я самому себѣ.—Мой другъ Клейстъ не любитъ, гдѣ плохо лежитъ, а эта Агнія Ефимовна глупа на цѣлыхъ два милліона.

Она, собственно говоря, мнѣ не нравилась, какъ нравились другія женщины, несмотря на свои семнадцать лѣтъ и замѣчательный бюстъ, грезившійся моему дядѣ во снѣ. Въ этой дѣвушкѣ было что-то апатичное и скучное, какая-то преждевременная усталость. Правда, она умѣла улыбаться очень мило и такъ наивно смотрѣла всегда прямо въ глаза; но, признаться, я больше люблю женщинъ, которыя заставляютъ насъ смотрѣть имъ въ глаза и ловить каждое движеніе. Впрочемъ, быковскій милліонъ могъ придавить своей тяжестью кого угодно, и во всѣхъ богатыхъ домахъ всегда чувствуется эта тяжесть денегъ. Еще одна маленькая особенность: у Агніи Ефимовны ея маленькія ручки всегда были холодны, какъ ледъ, даже когда она во время танцевъ вспыхивала яркимъ румянцемъ, какъ роза, а я не люблю женщинъ съ холодными руками.

Докторъ Клейстъ не терялъ дорогого времени и быстро шелъ къ намѣченной цѣли. Между прочимъ, онъ, преслѣдуя вездѣ Агнію Ефимовну, устроилъ одинъ загородный пикникъ и подобралъ веселую компанію.

„Ага! такъ ты вотъ какъ!—сообразилъ я, получивъ приглашеніе на этотъ пикникъ.—Намъ остается, слѣдовательно, бить тебя твоимъ же оружіемъ“.

Я рѣшился воспользоваться этимъ удовольствіемъ по-своему, чтобы отбить доктору Клейсту охоту продолжать эту дурацкую игру въ томъ же направленіи.

Когда я пріѣхалъ въ день пикника къ Быковымъ, тамъ былъ новый гость, котораго привелъ докторъ.

— Мой старый другъ, Илья Егоровичъ Свищовъ, капитанъ,—рекомендовалъ докторъ гостя тономъ какого-то хозяина въ домѣ.

— Очень пріятно познакомиться...—пробормоталъ я, пожимая мясистую и волосатую руку капитана, и сначала не могъ сообразить, что̀ была за фантазія у доктора затащить этого хвата къ Быковымъ.

А капитанъ былъ настоящій молодецъ, какіе попадаются только среди моряковъ,—высокій, статный, съ красивою черноволосой головой и веселыми темными глазами. Мнѣ въ этомъ молодцѣ не нравилась бычачья красная шея и слишкомъ большая развязность, какою щеголяютъ въ провинціи военные изъ дешевенькихъ полковъ. Но, во всякомъ случаѣ, капитанъ Свищовъ былъ милый человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ и очень оживилъ нашу компанію своими морскими анекдотами. Онъ не спускалъ своихъ темныхъ глазъ съ Агніи Ефимовны и предупреждалъ каждое ея движенье съ завидною ловкостью, хотя я не могъ смотрѣть безъ смѣха, какъ онъ ходилъ по комнатѣ своими вывороченными ногами, какъ ходятъ всѣ моряки, точно они разъ и навсегда замерзли на первой позиціи, когда учились танцовать.

Когда мы садились въ пошевни, чтобы ѣхать въ какую-то дурацкую деревню, и когда капитанъ Свищовъ очень ловко очутился въ обществѣ Агніи Ефимовны, предоставивъ на мою долю старую тетку Агніи Ефимовны и голубую исправничью дочь, я ударилъ себя по лбу, потому что только тогда понялъ хитрую политику моего друга, доктора Клейста. Этотъ милый человѣкъ устраивалъ въ лицѣ лупоглазаго капитана громоотводъ моему вліянію на Агнію Ефимовну. Въ самомъ дѣлѣ, штука получалась самая простая: капитанъ чистосердечно будетъ ухаживать за Агніей Ефимовной, я буду ревновать, и мы кончимъ тѣмъ, что подеремся, а докторъ Клейстъ въ это время будетъ имѣть совершенно достаточно свободнаго времени, чтобы излиться на Агніи Ефимовнѣ. Однимъ словомъ, намъ предоставлялась роль двухъ львовъ, которые, по разсказу барона Мюнхгаузена, дрались до того, что на пескѣ африканской пустыни остались только два львиныхъ хвоста: разсерженныя животныя съѣли другъ друга.

— Нѣтъ, этого не будетъ, милый докторъ Клейстъ,—сказалъ я самому себѣ, сидя въ обществѣ тетки и голубой барышни, давно мечтавшей о женихѣ.—У меня есть одинъ секретъ.

Если бы кто со стороны посмотрѣлъ на нашу веселую компанію, катавшую на пяти тройкахъ по зимней дорогѣ, тотъ никогда не угадалъ бы черныхъ мыслей, которыя мы везли съ собой. Каюсь, мнѣ ужасно хотѣлось перехитрить милаго доктора, который теперь уѣхалъ въ однѣхъ санях съ Агніей Ефимовной и капитаномъ и весело махалъ мнѣ издали своей мѣховою шапкой, когда моя тетка вскрикивала въ каждомъ ухабѣ и ухватывалась обѣими костлявыми руками за мой рукавъ. Чортъ возьми, скверное положеніе! И я съ удовольствіемъ вышвырнулъ бы эту старушонку въ снѣгъ.

— Не правда ли, какъ весело?..—ехидно говорилъ докторъ, когда мы пріѣхали наконецъ въ деревню.

— Да, недурно, докторъ.

Во время пути я имѣлъ достаточно времени, чтобы обдумать планъ дѣйствій и сдѣлать капитана Свищова совершенно безвреднымъ. Пока докторъ Клейстъ любезничалъ съ дамами, я успѣлъ напоить капитана въ лоскъ, такъ что бѣдняга только мычалъ, и обратно его положили въ сани несчастной тетки, которая, сказать кстати, чуть не замерзла дорогой и потомъ прохворала недѣли двѣ.

Освободившись отъ капитана, я обратно ѣхалъ въ однѣхъ саняхъ съ Агніей Ефимовной. Мы были съ глазу на глазъ; а такъ какъ бѣдная дѣвушка боялась вылетѣть изъ саней, я ее крѣпко обнялъ одной рукой. Зимняя ѣзда

имѣетъ захватывающую прелесть, особенно, когда ѣдешь въ миломъ обществѣ. Мнѣ сегодня Агнія Ефимовна нравилась, какъ никогда раньше, можетъ-быть, потому, что мнѣ стоило недешево ѣхать обратно въ однѣхъ саняхъ именно съ ней. Мы весело болтали всю дорогу. Дѣвушка смѣялась, а лицо у нея такъ и горѣло румянцемъ. Положительно, она была хороша.

— Вы не боитесь?—шепталъ я въ сотый разъ и все крѣпче прижималъ ее къ себѣ.

— Нѣтъ...—отвѣчала она шопотомъ и, какъ мнѣ казалось, сама прижималась ко мнѣ съ граціей разыгравшагося котенка.

Что было дальше?.. Мнѣ немножко совѣстно разсказывать, потому что старый котъ Васька такъ хитро смотритъ на меня, и въ его зеленыхъ глазахъ свѣтится мысль: „Э, Платонъ Васильичъ, не стоитъ вспоминать... Пловать!“. Но я началъ и долженъ кончить. Зарумянившаяся щечка Агніи Ефимовны была такъ близко ко мнѣ, ея глаза теплились, и я чувствовалъ, какъ она порывисто дышитъ почти у меня на груди... Не помню, какъ, но я прильнулъ губами къ этой розовой щечкѣ, и маленькія холодныя руки покорно обвили мою шею. Эта щечка была такая холодная, и я опять ее цѣловалъ, а на пути цѣловалъ лобъ, глаза, розовыя пухлыя губки. Меня охватила минута безумія, которой я себѣ никогда не прощу. Дѣвушка лежала въ моихъ объятіяхъ, такая покорная, ласковая, счастливая, а на глазахъ у ней стояли слезы перваго молодого счастья, эта первая роса перваго солнечнаго утра.

— Ты меня любишь... да?.. Ты мой?..—шептали пухлыя губки, и розовое дѣтское лицо пряталось у меня на груди, а я опять цѣловалъ холодныя щечки.

— Не правда ли, какъ было весело?—говорилъ я доктору, когда тотъ вытаскивалъ изъ саней замороженную тетку.

Докторъ Клейстъ, постоянно владѣвшій собой, притворился глухимъ и только наклонился въ сани съ головой, чтобы растолкать мертвецки-пьянаго Свинцова.

IV.

Проснувшись на слѣдующее утро, я почувствовалъ угрызенія совѣсти. Вѣдь я не любилъ этой Агнички Быковой. Цѣлый день я рылся въ своей душѣ и ничего не нашелъ въ ней, что походило бы на любовь. Правда, я уважалъ Агнію Ефимовну, какъ простую, хорошую дѣвушку безъ претензій, и немножко жалѣлъ за ея дѣтство, но это не было даже тѣнью любви.

— Проклятый докторъ Клейстъ: это все онъ виноватъ,—разсуждалъ я съ логикой кругомъ виноватаго человѣка.—Онъ устроилъ этотъ дурацкій пикникъ, онъ подсунулъ этого капитана, онъ усадилъ меня съ теткой... Потомъ я выпилъ, кажется, лишнее, чтобы сдѣлать капитана безвреднымъ, и наконецъ, изъ желанія разбить планъ доктора Клейста, я постарался уѣхать назадъ въ саняхъ Агніи Ефимовны съ глазу на глазъ. Быстрая ѣзда, красивое личико, вѣдь я не деревянный, наконецъ!.. Рѣшительно виноватъ во всемъ мой другъ, докторъ Клейстъ...

Однимъ словомъ, я провелъ очень скверный день, какъ человѣкъ, укравшій очень дорогую вещь, съ которою не знаетъ даже, куда дѣваться. Раздумывая и такъ и этакъ, я пришелъ къ такой мысли: если бы Агнія Ефимовна была моя родная сестра и если бы съ ней поступилъ такъ же какой-нибудь молодой человѣкъ, какъ въ данномъ случаѣ поступилъ я,—какъ смотрѣть на такую исторію?.. Этотъ глупый молодой человѣкъ прежде всего долженъ извиниться предъ моей сестрой Агніей Ефимовной, а иначе я его за-

душу, какъ кошку. Теперь мнѣ сдѣлалось все ясно, что̀ я самъ долженъ былъ дѣлать.

Кончивъ свои служебныя занятія, я вечеромъ отправился къ Быковымъ. Тетка лежала больная, а бѣдная Агнія Ефимовна вышла ко мнѣ съ заплаканными глазами. Каюсь, былъ такой моментъ, когда я готовъ былъ упасть предъ ней на колѣни, но я переломилъ себя и только почтительно поцѣловалъ маленькую холодную ручку, которая задрожала въ моей рукѣ, какъ пойманная рыбка. Чортъ возьми, прескверное положеніе, говоря между нами!..

Она молчала, но говорили эти дѣтскіе заплаканные глаза, которые сверлили мое сердце до самаго дна. Мы прошли въ большую странную гостиную, сѣли рядомъ на диванъ, и я, взявъ маленькую холодную ручку, заговорилъ:

— Агнія Ефимовна, намъ необходимо объясниться...

Она вся вздрогнула и какъ-то дико посмотрѣла на меня—бѣдняжка не ожидала такого приступа. Смѣлѣе, Платонъ Васильевичъ! Э, чортъ возьми, вотъ двадцать лѣтъ, какъ я часто повторяю эту сцену про себя, и который разъ мое сердце болитъ старою болью—такія вещи не забываются. Помню это сѣренькое платье съ оборками, этотъ шарфикъ на тоненькой шейкѣ, эти гладко зачесанные волосы, эту застывшую позу бѣдной дѣвушки—ну, да для васъ это все равно.

— Весь день я обдумывалъ вчерашнее происшествіе,—продолжалъ я, хотя мой глупый языкъ сегодня походилъ на замороженную вчера тетку Агніи Ефимовны,—и считаю своимъ долгомъ, какъ порядочный человѣкъ, открыть предъ вами всю свою душу: смотрите и рѣшайте...

Бѣдняжка опустила голову, и только чуть замѣтно дрогнула одна бровь на этомъ застывшемъ лицѣ.

Нужно отдать полную справедливость самому себѣ—я ничего не скрылъ отъ Агніи Ефимовны и разсказалъ ей до мельчайшихъ подробностей все, что̀ произошло отъ нашего перваго знакомства и до сегодняшняго дня включительно. Можетъ-быть, я представилъ себя немножко въ болѣе темномъ свѣтѣ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, но мнѣ нужно было покаяться предъ чистою душой этой дѣвушки.

— Къ этой глупой исторіи мнѣ остается прибавить только одно, что я не люблю васъ, какъ могъ бы любить другую женщину,—заканчивалъ я свою исповѣдь.— Я уважаю васъ, но вѣдь этого слишкомъ мало... Притомъ по моему характеру мнѣ нужно такую женщину, которая держала бы меня въ рукахъ, а то можетъ случиться совсѣмъ скверная исторія: вы слишкомъ скромны и чисты, чтобы сократить такого звѣря, какъ я. Въ семейной жизни непремѣнно одинъ давитъ другого, и я предпочитаю, чтобы меня давила тоже. Кромѣ всего этого, вы знаете, что я бѣднякъ, у котораго, кромѣ головы и двухъ здоровыхъ рукъ, рѣшительно ничего нѣтъ. А вы богаты и даже слишкомъ богаты для такого бѣдняка... Представьте себѣ только такую картину, что всѣ, рѣшительно всѣ, начиная отъ моего друга, доктора Клейста, и кончая кухаркой, будутъ цѣлую жизнь повторять на всѣ лады: „О, этотъ Казаринъ ловкій человѣкъ... умѣлъ подцѣпить милліонъ и теперь катается, какъ сыръ въ маслѣ!“ Это отравило бы мнѣ жизнь, потому что я простой, нетребовательный человѣкъ и совсѣмъ не гонюсь за чужими деньгами. Но все это, что̀ я говорю сейчасъ вамъ, плохое оправданіе для меня... да, я это чувствую и не оправдываюсь. Подумайте, обсудите хладнокровно все, что̀ я только высказалъ вамъ, и рѣшайте... Можетъ-быть, я первый приду къ вамъ съ повинною, но сейчасъ я не могу обманывать ни васъ ни себя.

Бѣдняжка молчала, и только одна большая слеза прокатилась у нея по лицу. Прошло много лѣтъ, когда я объяснилъ себѣ значеніе этого молчанія— она меня не понимала... Да, она ничего не поняла изъ моихъ словъ, какъ я не понималъ ея молчанія, потому что слишкомъ ясно и хорошо чувствовалъ то, что говорилъ. Это часто повторяется въ жизни: мы въ другомъ видимъ прежде всего самихъ себя и мѣряемъ всѣхъ на эту фальшивую мѣрку.

Наступила тяжелая пауза.

— Теперь все?..—тихо спросила Агнія Ефимовна, не поднимая глазъ.

— Да, все... Могу прибавить развѣ еще только то, что я могъ бы любить васъ, какъ братъ, какъ другъ...

— О, нѣтъ, благодарю васъ!..—съ живостью отозвалась она и отодвинулась отъ меня.—Вы, дѣйствительно, честный и хорошій человѣкъ... прощайте!..

Мнѣ показалось, что послѣднюю фразу сказала совсѣмъ другая женщина, особенно когда Агнія Ефимовна вдругъ вскинула на меня свои потемнѣвшіе глаза. Послѣдними словами она придавила меня, какъ тяжелымъ камнемъ, что я понялъ опять послѣ, когда уже было поздно. Но не будемъ забѣгать впередъ.

— Прощайте...—повторила она, поднимаясь съ мѣста.

— Вы меня гоните?..

— Нѣтъ... Но вы сами отлично понимаете, что намъ лучше всего больше не встрѣчаться.

— Пожалуй, да...

Она поклонилась мнѣ издали и торопливыми короткими шажками вышла изъ гостиной, оставивъ вашего покорнаго слугу въ самомъ дурацкомъ положеніи. Да, я былъ глупъ, но не просто глупъ, какъ счастливое большинство, а очень глупъ...

Помню, какъ я выходилъ въ послѣдній разъ на подъѣздъ стараго быковскаго дома. По моимъ наблюденіямъ, въ самыхъ крупныхъ событіяхъ нашей жизни память обыкновенно удерживаетъ разныя мелочи и пустяки, которые въ нашей душѣ потомъ точно спаиваются съ самой сутью событій. Когда я вышелъ на подъѣздъ, швейцаръ что-то ѣлъ и, завидѣвъ меня, по-видимому очень смѣшно,—старикъ покраснѣлъ, на глазахъ у него выступили слезы, и онъ что-то конфузливо спряталъ за спину полученный двугривенный. Я часто встрѣчаюсь вижу этого старика, который, въ громкомъ званіи швейцара, исправлялъ въ быковскомъ домѣ собственною особой должность дворника и часто выходилъ на звонокъ въ одной рубахѣ. День былъ зимній, но такой свѣтлый и яркій. Къ крыльцу въ разбитыхъ саняшкахъ подкатилъ дряннои извозчикъ.

— Баринъ, пожалуйте...

Подавившійся корочкой старикъ-швейцаръ не выходилъ у меня изъ головы до самаго дома, и какъ-то странно: я не могу припомнить Агніи Ефимовны, чтобы не вспомнить этого старика.

Время идетъ быстро. Зима смѣнилась весной. Я, конечно, не бывалъ у Быковыхъ и получалъ извѣстія объ Агніи Ефимовнѣ только чрезъ доктора Клейста, который иногда завертывалъ ко мнѣ по старой памяти. Нѣмчикъ догадывался, что между нами что-то произошло, и терялся въ предположеніяхъ. Онъ пробовалъ вызывать меня разными путями на откровенность, но безуспѣшно. Я зналъ, что у Быковыхъ бываетъ часто капитанъ Свищовъ, и что докторъ Клейстъ выдѣлилъ тетку, которая теперь ему покровительствовала всѣми зависящими средствами. Иногда докторъ являлся ко мнѣ въ очень

игривомъ настроеніи духа и разсказывалъ послѣднія городскія сплетни, которыя извѣстны однимъ врачамъ.

Какъ-то послѣ Пасхи мой другъ, докторъ Клейстъ, заѣхалъ ко мнѣ въ самомъ игривомъ расположеніи духа и, не снимая шляпы, проговорилъ:

— Я тебя, Платонъ Васильичъ, всегда считалъ своимъ лучшимъ другомъ.

— Несомнѣнно.

— Да... Поэтому я пришелъ подѣлиться съ тобой своимъ горемъ. Капитанъ Свищовъ, котораго я ввелъ въ домъ Быковыхъ, котораго я рекомендовалъ, котораго... однимъ словомъ, онъ женится на Агніи Ефимовнѣ! Ты мнѣ другъ, единственный другъ, и скажи по совѣсти: честно или нѣтъ поступилъ со мной капитанъ Свищовъ?..

Я, какъ умѣлъ, утѣшалъ бѣднягу, и докторъ даже прослезился.

Вечеромъ ко мнѣ ворвался мой милый дядюшка—на немъ лица не было, а косой глазъ какъ-то страшно бѣгалъ изъ стороны въ сторону, точно хотѣлъ выпрыгнуть.

— Ты дуракъ, Платошка... круглый дуракъ!..—кричалъ на меня Павелъ Семеновичъ, дѣлая трагическій жестъ рукой. — Выпустилъ изъ-подъ носу милліонъ... да, милліонъ!.. Ха-ха... Я съ удовольствіемъ отколотилъ бы тебя, Платошка. Милліонъ... а?.. Вѣдь я отказываюсь отъ тебя: ты мнѣ больше не племянникъ... Слышишь?.. У меня нѣтъ больше племянника... Эта барышня выходитъ за капитана Свищова.

— Я ужъ слышалъ, дядюшка.

— А, ты слышалъ?.. Ну, тебѣ же хуже, если ты даже не сознаёшь собственной глупости... Ты—безнадежный человѣкъ, ты—погибшій человѣкъ, ты—идіотъ!.. Ахъ, да, вотъ что, Платонъ,—совсѣмъ другимъ топомъ прибавилъ дядя:—нѣтъ ли у тебя трешницы?.. Мнѣ до завтра.

Тетка не давала бѣднягѣ ни гроша, и старикъ часто прибѣгалъ ко мнѣ за грошовыми займами, безъ отдачи, какъ и въ этомъ случаѣ.

V.

Милліонная невѣста дѣйствительно вышла замужъ за лупоглазаго капитана Свищова, и счастливая парочка надолго сдѣлалась темой для общихъ разговоровъ и сплетенъ.

Капитанъ былъ милый человѣкъ, и его вѣчно шаркавшія ноги частенько заносили капитанское тѣло въ нашъ клубъ, гдѣ онъ любилъ плотно выпить и поиграть. Я часто встрѣчался съ нимъ то въ буфетѣ, то за карточнымъ столомъ, и мы ничего не имѣли другъ противъ друга. Вообще. капитанъ, несмотря на свою женитьбу на богатой невѣстѣ, пользовался общими симпатіями, какъ душа-человѣкъ. Нѣкоторымъ казалось страннымъ только то, что онъ ѣздилъ въ клубъ постоянно одинъ,—вѣрнѣе сказать, въ обществѣ доктора Клейста, который сдѣлался своимъ человѣкомъ въ старомъ быковскомъ домѣ.

— Жена любитъ сидѣть дома, какъ насѣдка, — развязно объяснялъ иногда капитанъ, когда его спрашивали.—Никакъ не могу вытащить, а мое правило — силой милому не быть...

Въ городѣ чету Свищовыхъ считали примѣрной парочкой и постоянно указывали на нихъ, когда происходила какая-нибудь семейная исторія.

Я не бывалъ у нихъ и только разъ встрѣтилъ Агнію Ефимовну въ клубѣ, что для меня было пріятной неожиданностью. Въ первую минуту я даже не узналъ ее: изъ застѣнчивой вялой дѣвушки вышла красивая женщина. Въ ней было что-то совсѣмъ особенное. что бываетъ при такихъ перерожде-

пяхъ: ласковое, спокойное, увѣренное, сильное. Мы раскланялись издали, и мнѣ еще больше понравилась эта Агнія Ефимовна, потому что она держалась съ такою изящною простотой, которой обыкновенно недостаетъ захваленнымъ красавицамъ.

— Вѣдь вы знакомы съ женой?—говорилъ капитанъ, пожимая любезною руку.—Отчего же вы забываете насъ?.. Ахъ, нехорошо, молодой человѣкъ!

Я поклонился. Агнія Ефимовна разсѣянно смотрѣла куда-то въ другую сторону. Капитанъ былъ необыкновенно любезенъ и предупредителенъ съ женой. Онъ ходилъ за ней, какъ за ребенкомъ: отыскивалъ стулъ, спрашивалъ десять разъ: не жарко ли ей, подбѣгалъ къ окну, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли сквозного вѣтра. Старушки, привозившія въ клубъ своихъ дочерей и родственницъ, были въ восторгѣ отъ счастливой парочки. Докторъ Клейстъ вертѣлся тутъ же и, какъ собака, ловилъ каждое движеніе счастливой молодой женщины.

Полное равнодушіе къ моей особѣ нѣсколько задѣло меня за живое, и я все время наблюдалъ молодыхъ счастливцевъ. Раза два мы встрѣчались глазами съ Агніей Ефимовной, но она съ прежнимъ равнодушіемъ переводила глаза на что-нибудь другое.

— Она влюблена въ мужа, какъ кошка! — шепталъ мнѣ докторъ Клейстъ. — Э, батенька, дѣло прошлое, а вѣдь ты былъ немножко того...

— Чего?..

— Перестань притворяться... Говоря между нами, ты сильно ухаживалъ за Агніей Ефимовной, и даже можно было подумать, что ты въ нее влюбленъ очень сильно.

— Да... Я дѣлалъ ей предложеніе и получилъ отказъ.

— Такъ... такъ. Теперь я понимаю все... гм...—бормоталъ мой коварный другъ и подумалъ: „Чортъ тогда меня дернулъ подсунуть этого капитана!“

Чужое счастье какъ-то мозолитъ намъ глаза, и самые добрые люди радуются, какъ дѣти, когда откроютъ въ этомъ счастьѣ первую трещину. Такъ было и съ четой Свищовыхъ. Первымъ и невольнымъ сыщикомъ сдѣлался я, невольнымъ въ томъ смыслѣ, что я не давалъ себѣ отчета—почему меня такъ интересуетъ эта парочка, тѣмъ болѣе, что у меня недостатка въ своихъ собственныхъ дѣлахъ не чувствовалось. Тутъ же въ клубѣ у меня было назначено свиданіе одной... Но прежде всего нужно быть скромнымъ: молчаніе! Э... все равно... плевать...

Послѣ какой-то кадрили капитанъ оставилъ жену на нѣсколько минутъ, и я воспользовался этимъ, чтобы подойти къ ней. Присутствіе капитана какъ-то меня стѣсняло.

— Позволяю себѣ, Агнія Ефимовна, поздравить васъ съ тѣмъ счастьемъ, которому всѣ завидуютъ, — заговорилъ я.

— Да, я очень счастлива..—отвѣтила она съ гордостью (да, у ней была уже своя гордость).—А вы попрежнему пользуетесь успѣхомъ?..

— Ничего... На свои занятія я не могу пожаловаться.

— Нѣтъ, не то: я говорю о женщинахъ...

Она чуть замѣтно улыбнулась, и я, польщенный этимъ замѣчаніемъ, совсѣмъ не почувствовалъ тоненькой булавки, скрытой въ немъ. Чортъ возьми, какъ иногда люди бываютъ непростительно глупы!.. Но въ этотъ моментъ я заслышалъ знакомое шарканье капитанскихъ ногъ, и нашъ разговоръ оборвался на пустыхъ клубныхъ фразахъ. Все-таки Агнія Ефимовна заинтересовала меня, и, когда я вернулся изъ клуба домой, мысль о ней вертѣлась въ моей головѣ, какъ болтается пробка въ пустой бутылкѣ, а чрезъ нѣсколько

дней я отправился въ старый быковскій домъ и здѣсь окончательно убѣдился въ несомнѣнномъ семейномъ счастіи. Агнія Ефимовна была спокойна попрежнему, а капитанъ былъ любезенъ къ ней, какъ влюбленный котъ. Это было уже неможко приторное счастіе, отъ котораго непривычнаго человѣка даже тошнитъ. Но это не мѣшало мнѣ бывать у Свищовыхъ все чаще и чаще. Я просто отдыхалъ душой въ этомъ мирномъ уголкѣ и, говоря между нами, иногда завидовалъ.

Мой милый дядюшка Павелъ Семеновичъ послѣ обѣда всегда былъ пьянъ. Это ему позволялось, потому что сейчасъ изъ-за стола онъ долженъ былъ итти спать. Тетка шутить не любила и, въ случаѣ сопротивленія, собственноручно снимала съ него сапоги. Въ одну изъ такихъ печальныхъ минутъ домашняго ареста старикъ прибѣжалъ въ однихъ носкахъ въ мою комнату, разсчитывая, вѣроятно, что я ушелъ гулять, а онъ можетъ воспользоваться моими сапогами. Но я почему-то остался дома, и дядюшкѣ ничего не оставалось, какъ притвориться, что онъ зашелъ ко мнѣ просто поболтать.

— Говоря между нами, племяшъ, твоя тетка большая дура, — заговорилъ старикъ, весело подмигивая. — Да-а... Это и есть семейное счастіе... да. Хе-хе...

— Отчего ты, дядя, безъ сапогъ?.. Еще простудишься...

— А у меня мозоли... Да, мозоли, чортъ возьми, скверная штука. Хе-хе... Счастливая парочка... тьфу!.. Знаемъ, что знаемъ... А я капитана одобряю — такъ и слѣдуетъ... Мужчина долженъ быть прежде всего мужчиной и держать бабу въ кулакѣ... Знаемъ мы эти счастливыя парочки. Все шито и крыто, и мы знаемъ... Счастливая-то женщина изъ синяковъ не выходитъ, а при постороннихъ улыбочка... стуликъ подставитъ... Ха-ха!... Нѣтъ, капитанъ этотъ молодецъ... одобряю... Главное, умѣетъ бить по такому мѣсту ударомъ, что никому не видно... Небось, не звякнетъ по рылу, или синякъ не посадитъ на самое то-есть видное мѣсто. Вотъ какъ, братецъ ты мой, добрые люди милліоны изъ женъ вышибаютъ... Это, братъ, тоже музыка!.. А если при людяхъ, такъ онъ будто ее обнимаетъ, а самъ щипнетъ въ больное мѣсто или булавку всадитъ...

— Ты, дядя, прилегъ бы уснуть? — предложилъ я.

— А ты думаешь, я вру?

— Я ничего не понимаю...

— Притворяйся, а мы знаемъ... Конечно, ты дуракъ, Платошка, что не женился на Агніи Ефимовнѣ; ну, да тебѣ бы и не взять изъ нея ничего. Хе-хе...

— Да откуда вы можете это знать?.. Такъ болтаютъ...

— Мы-то знаемъ...

Дядя приперъ двери, оглядѣлся и, подмигнувъ, заговорилъ:

— У Свищовыхъ горничная есть... Только, пожалуйста, между нами, потому что твоя тетка дура набитая. Ну, у меня мозоли... Что же изъ этого?.. У каждаго человѣка могутъ быть мозоли... Да, такъ есть горничная. Сашей зовутъ... Этакій шельмецъ дѣвочка, и шустрая. Хе-хе... Она пріѣзжаетъ въ номера... ну, и разсказываетъ мнѣ. Этотъ капитанъ настоящій звѣрь, а Агнія-то Ефимовна дрожитъ только предъ нимъ... Онъ ее селедкой кормитъ и до трехъ поръ воды не дастъ, пока она ему тысченокъ десятокъ изъ ручки въ ручку не положитъ. Сейчасъ поцѣлуи... „Милая моя, хорошая“. А прокутилъ денежки—опять Агничка должна селедку кушать, а то капитанъ ее мучить примется... Вотъ оно какъ... А при чужихъ улыбочка, и стуликъ, и „не жарко ли тебѣ, душечка“... Саша-то все разсказываетъ, потому—ей плевать. Если бы у меня не мозоли, да я... Ты еще меня не знаешь, Платонъ!..

Конечно, я не повѣрилъ этой пьяной болтовнѣ, тѣмъ болѣе, что дядя былъ записной сплетникъ. Однако въ мою душу закралось сомнѣніе, и я часто началъ задумываться о бѣдной Агніи Ефимовнѣ. А если все это правда? Вся кровь бросалась мнѣ въ голову, и я сжималъ кулаки. Пусть Агнія Ефимовна скажетъ мнѣ одно, только одно слово, и капитанъ полетитъ въ первое окно турманомъ, Я чувствовалъ себя виноватымъ передъ ней, и мнѣ дѣлалось гадко, когда я вспомнилъ шарканье капитанскихъ ногъ.

Къ моему счастью, болтовня дяди такъ и осталась одной болтовней. Я бывалъ попрежнему у Свищовыхъ и рѣшительно ничего не могъ найти подозрительнаго, кромѣ плутовской рожицы горничной Саши, которая ходила съ синими подглазницами. Дядюшка, конечно, безсовѣстно вралъ. Въ слѣдующій разъ онъ попался мнѣ на самомъ мѣстѣ преступленія: я засталъ его какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ надѣвалъ мои сапоги, чтобы улизнуть изъ дома.

— А... это ты...—бормоталъ онъ, торопливо снимая съ себя чужое добро.

— А это вы, дядюшка?..

— Да, я хотѣлъ примѣрить твои сапоги... Знаешь, у меня мозоли, а сапожникъ-мерзавецъ шьетъ мнѣ чортъ знаетъ что: пытка ходить въ нихъ. Еще до обѣда ходишь, а послѣ обѣда просто мочи нѣтъ... Вотъ твои сапоги точно лучше сшиты...

— Въ моихъ сапогахъ можно и послѣ обѣда ходить, если комната остается не запертой на ключъ, и я боюсь, что они когда-нибудь уйдутъ безъ меня...

— Да, да... отличный у тебя сапожникъ, — притворялся дядя, что не понимаетъ моихъ словъ. — А знаешь, тутъ у одного попа есть горничная... такъ у этой горничной подбородокъ... и въ самой серединѣ этакая канальская ямочка. Совѣтую обратить вниманіе... Да, а что капитанъ? Знаешь, кто его съ ума-то сводитъ?.. Твой пріятель, этотъ докторъ Клейстъ... Онъ капитана въ лоскъ спаиваетъ и по всякимъ притонамъ таскаетъ. Хе-хе... Не мытьемъ, такъ катаньемъ надо брать!

VI.

Если разобрать серьезно, то человѣческое сердце устроено немножко странно, чтобы не сказать больше. Я иногда задумываюсь на эту тему. Въ самомъ дѣлѣ, человѣку нужно прожить сорокъ шесть лѣтъ, чтобы додуматься, какъ нужно было сдѣлать тогда-то и тогда-то, а тутъ еще этотъ вѣчный обманщикъ нашептываетъ вамъ свои глупости, и этотъ обманщикъ бьется горячей кровью въ вашей собственной груди. Рѣшительно не понимаю... Впрочемъ, даже это уже сказано какимъ-то философомъ, который увѣрялъ всѣхъ, что знаетъ только то, что ничего не знаетъ. Я съ удовольствіемъ пожалъ бы руку этого великаго человѣка. Э, все равно... плевать!..

Предыдущія размышленія значатъ вотъ что: въ одно прекрасное утро Платонъ Васильевичъ Казаринъ почувствовалъ, что онъ во-первыхъ—свинья, во-вторыхъ—свинья и въ-третьихъ—свинья. Потомъ Платонъ Казаринъ тосковалъ, потомъ пришелъ къ заключенію, что онъ влюбленъ, и наконецъ отыскалъ причину всѣхъ причинъ, — именно, что влюбленъ въ Агнію Ефимовну Свищову... Какъ это случилось, когда, почему,—осталось неизвѣстнымъ, и мнѣ всегда смѣшно читать въ романахъ, что такой-то полюбилъ такую-то за голубые глаза, за чистоту души, за такіе-то таланты... Вздоръ!.. Даже нѣтъ того, на что намекаетъ постоянно докторъ Клейстъ, когда, улыбаясь, говоритъ:

— Человѣкъ прежде всего животное...

Относительно моего друга, доктора Клейста, я не буду спорить, но, припоминая свои чувства, могу сказать, положа руку на сердце, что докторъ Клейстъ не только „прежде всего животное“, но и послѣ всего животное. Много людей изживаютъ вѣкъ въ потемкахъ, но кто разъ увидѣлъ свѣтъ, тотъ его не забудетъ. Мнѣ теперь смѣшно вспомнить тѣ мысли, которыя меня занимали до рокового момента. Какъ всѣ молодые люди, я смотрѣлъ на женщинъ очень просто и очень опредѣленно. Тутъ не было никакихъ сомнѣній, а дѣйствительность только подтверждала эту дешевенькую мудрость. Я вижу цѣлый рядъ красивыхъ женскихъ лицъ... вижу эти взгляды, которые зажигаютъ кровь, вижу эту интригующую своей таинственностью обстановку разныхъ приключеній, а въ результатѣ одно: всѣ женщины повторяютъ другъ друга, какъ и мы, мужчины; красота этихъ женщинъ исчезаетъ сейчасъ же, какъ только прикоснешься къ ней.

Да... Но есть другой міръ, и вотъ въ этотъ таинственный, необъятный міръ заглянулъ ослѣпленный Платонъ Казаринъ, заглянулъ ослѣпленный, уничтоженный, сконфуженный. А въ центрѣ этого міра стояла она, Агнія Ефимовна, о которой я даже не могъ сказать, хороша она или дурна, красива или некрасива, а только чувствовалъ, что я не могу больше жить безъ нея. Меня охватывала непонятная робость, когда я встрѣчался съ ней, и только потомъ я припоминалъ, что я долженъ былъ говорить и какъ держать себя. Да, у меня была тайна въ душѣ, которой никто не подозрѣвалъ, и я былъ глубоко счастливъ этимъ одиночествомъ. Другихъ женщинъ больше не существовало, и я могъ только удивляться самому себѣ, что когда-то цѣловалъ холодныя щечки Агніи Ефимовны и что потомъ объяснялся съ ней. Она тогда вышла съ заплаканными глазами, потомъ убѣжала отъ меня, потомъ этотъ подавившійся швейцаръ... Да, тогда стоило протянуть руку... а теперь я былъ счастливъ уже однимъ тѣмъ, если могъ, хотя издали, видѣть ее. Да, я преслѣдовалъ ее съ ловкостью сыщика, а когда встрѣчался, не зналъ, что говорить.

Величайшимъ наслажденіемъ для меня было сидѣть въ той комнатѣ, гдѣ была она, и чувствовать каждою каплей крови ея близость. А она, попрежнему, точно не замѣчала меня, или въ моемъ присутствіи смотрѣла на мужа влюбленными глазами. Мнѣ было смѣшно вспоминать глупую болтовню пьянаго дяди. Къ капитану я относился какъ-то равнодушно, точно онъ составлялъ жалкую песчинку, случайно прильнувшую къ подолу ея платья. Да и что такое капитанъ... Она одна наполняла собой все, и у меня холодѣло на душѣ, когда наши глаза встрѣчались. Чортъ возьми, Платонъ Казаринъ умѣлъ любить!..

— У тебя, братъ, на чердакѣ того...—говорилъ мнѣ мой другъ, докторъ Клейстъ, и повертывалъ пальцемъ около своего лба:—не совсѣмъ въ порядкѣ. Я позволяю себѣ это говорить, потому что считаю тебя своимъ лучшимъ другомъ...

Клейстъ постоянно бывалъ въ быковскомъ домѣ и обыкновенно увозилъ съ собой капитана „по дѣлу“. Я не разъ пользовался этимъ, чтобы забраться въ заѣтный уголокъ безъ капитана. Горничная Саша встрѣчала меня съ плутовски-нахмуренною рожицей и точно изъ милости позволяла мнѣ платить ей тѣ три рубля, которые я приносилъ спеціально для нея. Эта особа понимала, что я въ ея полномъ распоряженіи, и иногда очень обидно меня третировала, заставляла ждать на подъѣздѣ, подавала чужую шляпу, не отвѣчала на мой вопросъ. Разъ она даже отказалась отъ моей обыкновенной платы.

— Мало?..—удивился я и сейчасъ же досталъ пять рублей.

Плутовка серьезно покачала головой и сердито проговорила:

— Не за что..

— Барыня дома?..

— Баринъ только-что уѣхалъ...

Эта фамильярность не удивила меня, и я торопливо вбѣжалъ по парадной лѣстницѣ, предчувствуя что-то необыкновенное. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдная горничная — и вдругъ отказалась отъ пяти рублей, когда получала десятки разъ по три.

Занятый этими мыслями, я не замѣтилъ совсѣмъ, какъ прошелъ пустую залу, потомъ гостиную и наконецъ очутился въ столовой, гдѣ еще не былъ прибранъ конченный завтракъ. На тарелкахъ валялись объѣдки сыра, косточки отъ дичи и корки хлѣба, нѣсколько бутылокъ стояли безъ пробокъ, потому что капитанъ имѣлъ обыкновеніе допивать до дна каждую початую бутылку. Я хотѣлъ уже вернуться, когда, взглянувъ на полъ, совершенно остолбенѣлъ: на полу лежала въ самомъ отчаянномъ видѣ Агнія Ефимовна... Платье на ней было разорвано, на лицѣ виднѣлись слѣды крови... Несчастная женщина лежала со стиснутыми зубами, какъ мертвая. Я перенесъ ее въ сосѣднюю комнату на какой-то диванъ, вспрыснулъ водой, и только тогда она открыла свои большіе дѣтскіе глаза.

— Боже мой, Агнія Ефимовна!.. Что съ вами?..

Это блѣдное лицо вдругъ подернулось тѣнью, а губы искривились вынужденною улыбкой.

— Вы сами видите, что со мной... — прошептала она и опять тяжело закрыла свои глаза.

— Онъ... онъ билъ васъ?..

— Да... не въ первый разъ...

Что-то въ родѣ стона вырвалось изъ ея груди, а я со слезами цѣловалъ маленькія холодныя руки.

— Скажите мнѣ одно слово, и я сейчасъ же задушу его, — шепталъ я, хватаясь за голову.—Наконецъ можно уѣхать за границу... можно обратиться къ суду... Приказывайте!..

Помню, какъ это странное блѣдное лицо вдругъ запылось неровнымъ румянцемъ, а глаза посмотрѣли на меня блаженнымъ и полнымъ сожалѣнія взглядомъ. Агнія Ефимовна тихо поднялась съ дивана и, улыбаясь, совершенно твердо проговорила:

— А если я люблю его... моего мужа?...

Горничная Саша проводила меня на подъѣздъ и, когда я инстинктивно обернулся, она закрыла лицо руками и убѣжала. Нѣтъ, я рѣшительно отказывался понимать женщинъ.

VII.

Я больше не видалъ Агніи Ефимовны, а только слышалъ стороной, что она была очень больна, и что потомъ капитанъ Свищовъ уѣхалъ за границу, откуда и не возвращался. Онъ вышибъ изъ жены свой милліонъ и пропалъ съ нимъ безъ вѣсти.

Докторъ Клейстъ одинъ бывалъ въ старомъ быковскомъ домѣ. Разсказывали, что онъ лѣчилъ Агнію Ефимовну, которая никуда больше не показывалась. Потомъ и онъ куда-то исчезъ, а старый быковскій домъ совсѣмъ замеръ, и только иногда старикъ-швейцаръ выходилъ на подъѣздъ погрѣться на солнышкѣ.

У меня было много работы, и я съ радостью хватался за всякое новое дѣло, чтобы забыться отъ сосавшей меня глухой тоски. Но часто, по вечо-

рамъ, мнѣ дѣлалось ужасно жутко, и я былъ радъ даже дядѣ, который попрежнему не оставлялъ меня своимъ родственнымъ вниманіемъ и надоѣдалъ иногда ужасно. Это было какое-то человѣческое отребье, и я наблюдалъ это отребье изо дня въ день, погружаясь съ головой въ мизантропію.

— А вѣдь докторъ Клейстъ здѣсь...— объявилъ однажды дядя.

— Какъ здѣсь?..

— Очень просто: онъ и не думалъ никуда уѣзжать... хе-хе!.. Тутъ, братъ, цѣлая исторія... Бѣдняга этотъ Клейстъ... Вотъ не желалъ бы я быть на его мѣстѣ... Я думалъ о немъ гораздо лучше. Представь себѣ, онъ живетъ въ быковскомъ домѣ, подъ крылышкомъ у Агніи Ефимовны, то-есть на цѣпочкѣ и подъ замочкомъ.

— Ты что-нибудь врешь, дядя.

— Я?.. Ты знаешь хорошо мой взглядъ на женщинъ и, надѣюсь, поймешь меня. Дѣло вотъ въ чемъ: Клейстъ лѣчилъ Агнію Ефимовну и вылѣчилъ, а она ему и говоритъ: „Жить мнѣ осталось недолго, а недвижимой собственности наберется тысячъ на двѣсти; если хочешь, Клейстъ, получить эти двѣсти тысячъ, живи со мной до моей смерти, а я на твое имя духовную напишу“. И представь себѣ, твой Клейстъ согласился... Ха-ха!.. Она его буквально никуда изъ дому не выпускаетъ, ну, Клейстъ и сидитъ въ ожиданіи наслѣдства. Каковъ молодецъ? Чтобы меня моя жена не смѣла выпустить изъ дому? Ты знаешь мой характеръ, Платонъ, и поэтому можешь судить, какой мазурикъ этотъ Клейстъ.

Черезъ два года Агнія Ефимовна умерла. Клейстъ, дѣйствительно, получилъ послѣ нея наслѣдство и, конечно, сейчасъ же улепетнулъ въ столицу наверстывать потерянное. Я встрѣтился съ нимъ черезъ пятнадцать лѣтъ въ нашемъ клубѣ, гдѣ мы долго разговаривали, перебирая старыхъ знакомыхъ.

— Представь себѣ, изъ всѣхъ дѣвушекъ, съ которыми мы тогда танцовали, ни одна не устроилась счастливо,—говорилъ мой другъ Клейстъ, когда мы поддерживали температуру въ буфетѣ.—Это что-нибудь значитъ.

— Да, это что-нибудь значитъ.

Вотъ почему мнѣ сдѣлалось жаль танцовавшихъ дѣвушекъ въ нашемъ клубѣ, хотя я совсѣмъ не желаю навязывать своихъ мыслей другимъ: старому холостяку позволительно быть мизантропомъ.

Недавно ко мнѣ пришла пожилая, обрюзглая женщина съ подозрительнымъ запахомъ перегорѣлой водки — это была горничная Саша. Она была одѣта бѣдненько; я предложилъ ей денегъ, но она даже обидѣлась и швырнула скомканную бумажку на полъ.

— Не за деньгами я пришла къ вамъ,—сердито заговорила она.

— Что же тебѣ нужно?.. Ты, кажется, жила въ быковскомъ домѣ до самой смерти Агніи Ефимовны.

— На моихъ рукахъ барыня умерла.

— Такъ... Можетъ-быть, ты помнишь моего дядю, онъ разсказывалъ мнѣ...

Странная женщина покраснѣла и сердито плюнула.

— Что же тутъ разсказывать, дѣло извѣстное,—перебила она меня.— Только я вамъ одно скажу: покойная барыня до самой смерти васъ любила... Мнѣ все равно, а она со мной все говорила... Помните, какъ избитую-то вы ее въ столовой застали?.. Я прихожу, а она и плачетъ, и смѣется, и меня цѣлуетъ. „Онъ меня любитъ... онъ меня любитъ“. Ну, потомъ, какъ капитанъ-то проклятущій уѣхалъ, я и думала, что дѣло наше склеивается, а вышло не то... Барыня тогда этого Клейста заперла къ себѣ въ домъ. Потомъ, ужъ

передъ смертью, и говоритъ мнѣ: „Саша, а я его и теперь люблю, Платона Васильича... только силы во мнѣ нѣтъ... боюсь я его“. Съ этимъ и умерла.

Признаться сказать, я не повѣрилъ Сашѣ, подумалъ, что она все это разсказываетъ съ самой простой цѣлью, чтобы выманить отъ меня побольше денегъ, но она приходила еще нѣсколько разъ и наотрѣзъ отказалась взять хотя копейку.

Говоря между нами, въ жизни иногда бываетъ такое... позвольте, какъ это получше сказать?.. А впрочемъ, не стоитъ... плевать.

1886.

АНГЕЛОЧКИ.

Разсказъ.

I.

— Ахъ, братецъ ты мой... а?—возмущался церковный сторожъ Сысой, хлопая руками.—Это онъ мнѣ на зло, все на зло... Ну, и вредный человѣкъ!.. „Я, грить, просто шелъ по улицѣ, гляжу, грить, а новый попъ и ѣдетъ“... Ловко!.. Акимъ-то совсѣмъ за дурака меня считаетъ... Такъ я и повѣрилъ тебѣ. Какъ же, разставляй карманъ шире... Ахъ, братецъ ты мой!.. А того не подумаетъ, чья недѣля-то? Развѣ это порядокъ, чтобы меня подводить? Ну и Акимка, совѣсти въ ёмъ вотъ ни на эстолько...

Церковные сторожа села Клычи враждовали между собой лѣтъ пятнадцать. Вѣрнѣе сказать, враждовалъ Сысой, отличавшійся завистливымъ и недовѣрчивымъ характеромъ. Это былъ лысенькій, небольшого роста старикъ съ бородой, въ формѣ мочалки, и бѣгающими, живыми глазами. Онъ вѣчно суетился, вѣчно хлопоталъ и вѣчно былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ. Да и какъ быть довольнымъ, когда человѣку всю жизнь не везетъ... Хоть кто озлобится. Другіе что ни сдѣлаютъ—все хорошо, а Сысою все поперекъ дороги. Всю жизнь Сысой старался устроиться получше, лѣзъ изъ кожи, бился, какъ рыба о ледъ, и терпѣлъ вѣчныя неудачи. Особенно ему обидно было то, что его врагъ, старикъ Акимъ, человѣкъ сонный, неповоротливый и лѣнивый, прожилъ жизнь шутя, лежа на боку. И вѣдь глупый совсѣмъ человѣкъ, а что подѣлаешь, когда счастье дураку валитъ. Въ прошломъ году по телушкѣ вмѣстѣ растили,—кажется, ужъ тутъ можно было сровняться, а вышло наоборотъ: Акимова телушка здравствуетъ, а Сысоеву по осени волкъ зарѣзалъ. Теперь взять ребятъ: что ни ребенокъ у Акима, то парень, а у Сысоя дѣвка за дѣвкой. Положимъ, это было еще до церковной службы, а все-таки обидно. Но всего лучше послѣдняя штука Акима: недѣля дежурства Сысоева, Сысой ждетъ новаго батюшку съ часу на часъ—сколько разъ на колокольню сбѣгалъ, а встрѣтилъ батюшку все-таки Акимъ... Прикидывая въ умѣ всѣ послѣдствія этого подвоха со стороны Акима, Сысой приходилъ въ ужасъ. Первое дѣло, новый батюшка обидится... И то давеча церковный староста Онуфрій Степанычъ сказалъ: „Ахъ, Сысой, Сысой, зачѣмъ ты проспалъ попа?“—„Какое тутъ проспалъ, Онуфрій Степанычъ... Съ бабами все возился: одолѣли съ своими упокойничками. Ну, а тѣмъ временемъ Акимъ и оммануль“... Второе дѣло, Акимъ теперь носъ задеретъ вотъ какъ: не подступайся. У стараго батюшки Сысой вошелъ въ милость по-настоящему, лѣтъ десять добивался, только сталъ на точку, а отецъ Петръ возьми да и умри. Изволь-ка теперь съ новымъ устраиваться...

— Ахъ, братецъ ты мой!—повторялъ Сысой, хлопая руками.—Акимка то успѣлъ, поди, всячины наговорить на меня... Онъ на это мастеръ.

Новый батюшка пріѣхалъ поздно вечеромъ, и Сысой узналъ объ этомъ только утромъ, когда пришелъ церковный староста. Сысой сейчасъ же побѣжалъ въ поповскій домъ, а Акимъ ужъ тамъ.

— Пока что, наказалъ батюшка состоять при ёмъ,—мрачно объяснилъ онъ.

— Такъ, такъ...—уныло согласился Сысой.—Ловко ты, Акимъ, меня околпачилъ. Въ самый разъ подвелъ...

Акимъ только отвернулся: онъ не любилъ вздорить.

— Спитъ попъ-то?

— Извѣстно, спитъ съ дороги...

— Молодой?

— Молодой-то молодой, а вотъ попадья совсѣмъ неправильная: стриженая попадья-то.

— — Но-о?

— Да еще въ очкахъ...

— Ну-у?

Дѣло выходило совсѣмъ неладное. Сысой побѣжалъ къ дьякону и сообщилъ ему о коварствѣ Акима и неправильной попадьѣ.

— Что же, бываетъ...—уклончиво отвѣтилъ дьяконъ, человѣкъ осторожный и большой сутяга: онъ вѣчно судился въ духовной консисторіи.—Да, бываетъ...

— Десятый часъ на дворѣ, а новый-то попъ все еще спитъ...

— Онъ городской, а городскіе подолгу спятъ...

— А бабы уже пронюхали, что попъ пріѣхалъ, и постащили своихъ упокойничковъ. Дожидаютъ... Время-то жаркое, духъ идетъ...

Дѣйствительно, въ церкви уже стояли пять маленькихъ гробиковъ, а на паперти сбились въ одну кучу десятка полтора женщинъ. У всѣхъ лица были истомленныя, въ глазахъ тупая покорность, разбитыя движенія,—эта куча походила на стадо овецъ, загнанныхъ лѣтнимъ зноемъ куда-нибудь въ тѣнь. Преобладали старушечьи лица, да и молодыя бабы походили на старухъ, столько въ нихъ было заботы, нужды, своего бабьяго горя. А горячій лѣтній день уже такъ и пылалъ солнечнымъ зноемъ... Съ паперти виднѣлась зарѣчная сторона Клычей, теперь совсѣмъ пустая, потому что весь народъ былъ въ полѣ,—стояла самая горячая, страдная пора. Бабы точно забыли про своихъ упокойничковъ и съ тоской смотрѣли на уходившую къ горизонту полосу созрѣвшихъ нивъ. Всѣ бабьи мысли были теперь тамъ, гдѣ шла горячая, страдная работа... Богъ послалъ урожай, погода стояла отличная, и всѣ деревенскія мысли были въ полѣ.

— Что же это батюшка-то нейдетъ?—раздавался бабій шопотъ.—Отпустилъ бы душеньку.

По бабьему наущенію Сысой уже пять разъ бѣгалъ въ домъ священника и возвращался ни съ чѣмъ: спитъ.

— А ты бы его разбудилъ, Сысоюшка. Время-то какое, родной! Вѣдь горитъ наша-то работа...

Сысой только разводилъ руками.

— Пусть Акимъ будитъ, онъ его встрѣлъ. Безъ васъ тошно.

Бабы даже подкупали Сысоя, давая ему пятакъ, но Сысой устоялъ и передъ этимъ искушеніемъ: разбуди новаго попа, а онъ вконецъ разсердится. Не обрадуешься вашему бабьему пятаку...

Только въ одиннадцатомъ часу показался новый батюшка. Онъ торопливо шелъ въ церковь въ сопровожденіи псаломщика Павла Ивановича. Это былъ еще молодой человѣкъ съ умнымъ, энергичнымъ лицомъ. Новенькая камлотовая ряска, видимо, его стѣсняла,—онъ еще не научился ходить въ ней, и длинныя полы рясы заплетали ему ноги.

— Что же вы меня не разбудили?—говорилъ онъ псаломщику.—Народъ ждетъ, а я ничего не знаю...

Павелъ Ивановичъ, забитый и смирный человѣчекъ, запибавшійся иногда водкой, вмѣсто отвѣта снималъ свою заношенную шляпу и что-то такое бормоталъ, чего нельзя было разобрать.

— Оно конечно... Страда... въ полѣ... Сысой прибѣгалъ пять разъ...

Священникъ только пожалъ плечами, отчаявшись получить какой-нибудь разумный отвѣтъ. Псаломщикъ еще больше конфузился и вспотѣлъ до того, точно его только-что вытащили изъ воды. Изъ вѣжливости бѣдняга не смѣлъ даже вытереть катившагося по лицу пота. Затѣмъ со страха у него всегда начиналось урчаніе въ животѣ. А боялся онъ всего: и церковнаго старосты, и сельскаго старшины, и отца-дьякона.

Сысой выскочилъ встрѣчать новаго батюшку за ограду и съ умиленіемъ облобызалъ благословляющую пастырскую руку. Священникъ осмотрѣлъ немного прищуренными глазами церковь и остался доволенъ. Церковь была каменная и большая. Староста встрѣтилъ въ самой церкви, степенно принялъ благословеніе и спокойно проговорилъ съ тонкимъ мужицкимъ укоромъ:

— А мы таки-заждались васъ, отецъ Николай... Бабы такъ и рвутся въ поле, потому какъ страда.

— Я же ничего не зналъ...

— Конечно, гдѣ же знать... Въ городу-то поздно встаютъ, а свой-то деревенскій хлѣбъ поднимается чуть свѣтъ.

Отецъ Николай прошелъ прямо въ алтарь, унося съ собой непріятное чувство. Хитрый мужикъ староста хотѣлъ съ перваго раза взять верхъ, воспользовавшись его неопытностью. Потомъ ему было непріятно, что его пастырская дѣятельность начинается прямо съ похоронъ.

— Ужъ вы ихъ вмѣстѣ отпойте, батюшка,—училъ староста, зажигая свѣчи.—Младенчики, ангельскія душки...

Начался грустный обрядъ. Послышались бабьи всхлипыванья, тяжелые вздохи, тяжелые поклоны. Земная печаль перевѣшивала святыя слова утѣшенія.

— Господи, упокой младенцевъ...—голосилъ Павелъ Ивановичъ какимъ-то раздражающе-скрипучимъ голосомъ, такъ-что за него хотѣлось откашляться.

Староста подпѣвалъ сладковатымъ „пшеничнымъ“ теноркомъ и умиленно вздыхалъ.

Откуда-то появились ветхіе, древніе старички, двѣ нищихъ-побирушки, а впереди всѣхъ, у самаго амвона, стоялъ дурачокъ Гриша, крестившійся лѣвой рукой. Новый священникъ служилъ по-своему, не торопясь, и задерживалъ голосившаго псаломщика. Изъ пяти открытыхъ гробиковъ глядѣли восковыя дѣтскія личики. Смерть пощадила свѣтлую дѣтскую красоту, и отцу Николаю казалось, что вотъ-вотъ откроются свѣтлые дѣтскіе глазки и съ нѣмымъ укоромъ посмотрятъ кругомъ. Именно съ укоромъ, потому что порвалась только-что начинавшаяся жизнь... Онъ съ особеннымъ чувствомъ благословилъ въ послѣдній разъ своихъ духовныхъ чадъ и остановился въ недоумѣніи,—неужели все кончено?.. Началось прощаніе. Бабы всхлипывали, одна громко запричитала, но голосъ порвался на половинѣ. Отцу Николаю почему-

то показалось, что и плачъ и всхлипыванья притворны, и это было ему непріятно. Потомъ старики взяли крошечные гробики и понесли на кладбище. Провожавшія бабы ужасно торопились и даже подталкивали стариковъ. Онѣ точно хотѣли поскорѣе избавиться отъ этихъ гробиковъ.

Отецъ Николай подошелъ къ старостинской конторкѣ и посмотрѣлъ, какъ Павелъ Ивановичъ записалъ „младенцевъ“. Въ графѣ, гдѣ обозначались причины смерти, прописана была одна и та же фраза: отъ животной болѣзни...

— Что̀ это такое: животная болѣзнь?—спросилъ отецъ Николай.

— А какъ же иначе?—вступился староста, выручая смущеннаго псаломщика.—Какое теперь время-то? Въ страду сколько ребятъ перемретъ отъ живота.

II.

Клычи произвели на новаго батюшку невыгодное впечатлѣніе, а особенно на новую матушку.

— Неужели мы здѣсь будемъ жить?—спрашивала она мужа.

— Пока придется здѣсь...—уклончиво отвѣтилъ онъ.

Матушка была въ такомъ положеніи, когда отъ женщинъ стараются отогнать всѣ непріятныя мысли. Молодое симпатичное лицо получило такое хорошее тревожное выраженіе, точно молодая женщина боялась грядущаго счастья. Это были новые люди въ средѣ духовенства. Онъ кончилъ академію и нѣкоторое время служилъ инспекторомъ духовнаго училища. Она происходила изъ чиновничьей семьи, служила послѣ гимназіи сельской учительницей и теперь немного стѣснялась своей новой роли—деревенской матушки. Вообще они были городскіе люди, съ городскими привычками и городскими потребностями.

Отецъ Николай наблюдалъ жену и видѣлъ, что она недовольна, прежде всего, квартирой, хотя прямо и не высказывала этого. Онъ такъ любилъ жену и понималъ ее по выраженію лица. Квартира, дѣйствительно, заставляла желать многаго. Домъ былъ старый и требовалъ ремонта. Внутри все было такъ грязно и оборвано. Отцу Николаю было обидно, что никто и ничего не сдѣлалъ къ его пріѣзду. Хоть тотъ же церковный староста, кажется, могъ бы позаботиться. Его предшественникъ, священникъ, былъ человѣкъ старый больной, обремененный большою семьей, и жилъ очень бѣдно.

— Понемножку устроимся,—успокаивалъ жену отецъ Николай.—Выбѣлимъ потолки, стѣны оклеимъ обоями, мебель... Вотъ относительно мебели ужъ не знаю, какъ мы сдѣлаемся. Придется выписывать изъ города и эту дрянь выбросить.

Не желая напрасно тревожить жену, отецъ Николай не говорилъ главнаго, именно о тѣхъ деревенскихъ людяхъ, съ которыми ему пришлось встрѣтиться съ перваго раза. Больше всего не понравился ему отецъ-дьяконъ. Это былъ типъ озлобленнаго консисторскаго ябедника. Церковный староста видимо его побаивался и держалъ его руку. Къ нему они отнеслись, какъ къ ничего не понимающему городскому человѣку, и по-своему третировали его. Все это были, конечно, мелочи, но изъ мелочей складывается вся жизнь. Оставались еще псаломщикъ Павелъ Ивановичъ, какой-то запуганный идіотъ, учительница, сторонившаяся новаго батюшки, и сельскія власти въ лицѣ старшины и старосты. Послѣдній тоже въ счетъ не шелъ: онъ просто отбывалъ свою „обязанность“, какъ тяжелую повинность или неизбѣжную болѣзнь, а старшина, молодой мужикъ, принадлежалъ къ типу деревенскихъ дипломатовъ, говорилъ съ заискивающей слащавостью и тоже дружилъ съ отцомъ-дьякономъ. Вообще

картина была незавидная и обѣщала въ будущемъ много мелкихъ непріятностей.

Въ довершеніе всего заявился Сысой и началъ подводить свою политику. Началъ онъ издалека, именно съ покойнаго батюшки, который такъ ему довѣрялъ, такъ довѣрялъ.

— Бывало, такъ и говоритъ: только тебѣ и вѣрю, Сысой, потому какъ ты прямой человѣкъ... Дьяконъ-то у насъ заодно со старостой и, пряменько сказать, съѣли старика. Наѣзжалъ благочинный два раза слѣдствіе наводить. Вотъ они какіе... И Акимъ тоже хорошъ...

— Какой Акимъ?

— А сторожъ, который тебя встрѣлъ... Это онъ мнѣ на зло, ваше благословеніе, потому какъ недѣля была моя. Староста проходу теперь не даетъ: „проспалъ попа, Сысой!“. А я завсегда старался, и то-есть вотъ какъ старался.

Слушая сплетничавшаго Сысоя, отецъ Николай съ горечью думалъ о положеніи сельскаго священника, надъ которымъ не ломается только лѣнивый: и консисторія и богатый мужикъ, и всякая другая власть, и тутъ еще горькая зависимость отъ своихъ духовныхъ чадъ, въ видѣ тѣхъ грошей и сборовъ натурой, которые приходится дѣлать сельскому попу. Во время своей службы въ духовномъ училищѣ отецъ Николай встрѣчался съ нѣмецкимъ пасторомъ и польскимъ ксендзомъ. Какую выгодную позицію они занимаютъ и какимъ уваженіемъ пользуются, а все оттого, что не должны ходить съ ручкой по своимъ прихожанамъ и вымогать натурой. Получаютъ опредѣленное жалованье, какъ всѣ другіе чиновники, и больше ничего. Они и дѣтямъ могутъ дать лучшее образованіе уже въ силу своего лучшаго матеріальнаго положенія. Въ деревню отецъ Николай поступалъ на время, какъ молодой священникъ, а потомъ разсчитывалъ вернуться въ городъ, что ему было обѣщано владыкой. Дѣйствительность сразу разочаровала его книжныя представленія о деревнѣ. Самъ онъ сохранилъ о ней только смутныя воспоминанія, потому что десяти лѣтъ уже поступилъ въ лоно almae matris бурсы и затѣмъ не бывалъ въ деревнѣ. Настоящій опытъ имѣлъ значеніе для будущаго, когда отецъ Николай надѣялся занять мѣсто въ городѣ.

— Отчего у васъ такъ много умираетъ дѣтей?— спрашивалъ отецъ Николай, прерывая кляузы Сысоя.

— Какъ это много? — искренно удивился Сысой. — Урожай нонѣ...

— При чемъ тутъ урожай?..

— А то какъ же?.. Матки въ полѣ, а ребята въ деревнѣ со старухами да съ няньками. Ну, анделочки и выходятъ...

— Какіе анделочки?..

— А вотъ хоронили-то... Безвинныя душеньки совсѣмъ, ну и вышли анделочки, это ужъ счастье которой бабѣ Богъ пошлетъ и анделочка возьметъ...

— Въ чемъ же тутъ счастье?

— Первое дѣло, такой анделочекъ молиться будетъ за отца съ матерью— разъ... А второе, напримѣрно, та же самая мать ослобонится, работать будетъ наряду съ другими протчими. Тяготу Господь съ нея снимаетъ, значитъ, съ бабы... Это ужъ на счастливую, а другія маются-маются, безъ конца просте.

Отецъ Николай отвернулся къ окну, слушая эту приводившую его въ ужасъ философію. Вотъ отчего такъ ждали тогда его бабы, вотъ отчего онѣ такъ торопливо уносили своихъ „анделочковъ“ на кладбище, вотъ отчего ему

показались неискренними ихъ слезы и причитанья... Что же это такое?.. Даже урожай и тотъ повышаетъ дѣтскую смертность... Маленькія жертвы гибнутъ сотнями, и ихъ стоновъ и голоднаго крика никто не слышитъ, кромѣ выжившихъ изъ ума старухъ и „нянекъ“, шести- и семилѣтнихъ дѣвочекъ. Отецъ Николай чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи даже относительно Сысоя, смотрѣвшаго на него съ сожалѣніемъ, какъ на человѣка, который не понимаетъ даже того, что такое „анделочки“. Прежній батюшка отлично это понималъ, а этотъ еще совсѣмъ несмысленный.

— Ты еще все здѣсь, Сысой?—удивился отецъ Николай, точно просыпаясь отъ нахлынувшихъ на него мыслей.

Сысой переминался съ ноги на ногу и не уходилъ.

— Ты ужъ, батюшка, тово... не серчай...

— За что?

— А не встрѣлъ я тебя тогда. Это Акимъ на зло инъ сдѣлалъ.

— Хорошо, хорошо. Я не сержусь. Ступай...

А каждый новый день приносилъ новыхъ „анделочковъ“. Отецъ Николай съ утра начиналъ испытывать какое-то гнетущее безпокойство и считалъ, глядя изъ окна, сколько пронесутъ маленькихъ гробиковъ. Несли ихъ женщины, сами матери, торопливо и озабоченно. Отцу Николаю дѣлалось какъ-то совѣстно, точно онъ въ чемъ-то былъ виноватъ. Бѣдные „анделочки“... Потомъ онъ сталъ обходить свою паству изъ двора во дворъ и на мѣстѣ познакомился съ причинами этого ужаснаго факта. Грудныя дѣти оставались на попеченіи самыхъ древнихъ старухъ и маленькихъ дѣвочекъ. Ихъ кормили ржанымъ жеванымъ хлѣбомъ, давали сосать грязныя соски, набитыя этимъ же хлѣбомъ, и пичкали разною другой дрянью. Даже коровье молоко являлось здѣсь недоступною роскошью, а молоко матерей, истомившихся на работѣ и приходившихъ кормить дѣтей грудью только поздно вечеромъ, являлось отравой. Чѣмъ-то безвыходнымъ и обидно-безсмысленнымъ вѣяло отъ всего. Мысль объ этихъ „ангелочкахъ“ неотступно преслѣдовала отца Николая, и онъ даже видѣлъ ихъ во снѣ. Вѣдь ихъ погибаютъ тысячи, десятки тысячъ ежегодно... Это цѣлая армія маленькихъ страдальцевъ и мучениковъ, а за ними стоитъ такая же армія отупѣвшихъ отъ горя матерей. И такъ изъ года въ годъ. Садясь обѣдать, отецъ Николай думалъ, что онъ ѣстъ чей-то чужой хлѣбъ. Ему теперь казалось непозволительною роскошью то платье, которое онъ носилъ, обстановка, которую онъ считалъ скверной. Онъ провѣрилъ всю свою жизнь, свои стремленія, свои желанія... Боже мой, какъ все это было ничтожно и жалко, и какъ онъ, книжный человѣкъ, безсовѣстно мало зналъ жизнь роднаго народа, жизнь тѣхъ безвѣстныхъ милліоновъ, которые незримо творили русскую исторію.

По вечерамъ въ поповскомъ домѣ шли такія тихія, хорошія бесѣды. Матушка сидѣла за работой,—она готовила дѣтское приданое. Отецъ Николай ходилъ по комнатѣ и говорилъ:

— Знаешь, Наташа, мнѣ кажется, что я нехорошій человѣкъ... Я провѣрилъ себя, всю свою жизнь, мысли, съ которыми ѣхалъ сюда, и мнѣ дѣлается совѣстно за себя. Вѣдь я стремился къ комфорту, къ удобствамъ и думалъ, что совершенно достаточно, если буду добросовѣстно исполнять свою обязанность. Нѣтъ, этого мало... Я завидовалъ нѣмецкимъ пасторамъ, получающимъ чиновничье жалованье, католическимъ ксендзамъ, а сейчасъ... сейчасъ я понимаю отлично одно, именно, что русскій священникъ долженъ, прежде всего, дать обѣтъ бѣдности. Насколько этотъ простой русскій деревенскій попъ стоитъ выше этихъ сытыхъ патеровъ и чопорныхъ пасторовъ,—вѣдь

опъ дѣлитъ и горе и бѣдность родного народа. Это — великая миссія, и стоитъ для этого жить... Я и хочу быть такимъ деревенскимъ попомъ. Въ городъ я не поѣду... Мое мѣсто здѣсь. Развѣ тутъ справедливо думать о себѣ, когда у тебя на глазахъ мрутъ сотни дѣтей буквально отъ голода. Помочь имъ, утѣшить несчастныхъ матерей, войти въ жизнь народа дѣятельнымъ началомъ—вотъ задача, для которой стоитъ и слѣдуетъ жить.

Матушка все это отлично понимала, кромѣ одного,—ее пугала мысль остаться навсегда въ деревенской глуши. Сказывалась городская женщина. Отецъ Николай это сознавалъ и постепенно подготовлялъ жену.

— Все это пустяки, Наташа... Понемногу привыкнешь, а тамъ будетъ дѣлъ по горло. Не придется скучать... А мы-то будемъ устраивать ясли для грудныхъ дѣтей—сколько хорошей заботы и труда. Вѣдь у насъ будетъ свой ребенокъ, и мы это будемъ дѣлать для него. Я хочу, чтобы онъ росъ не въ городѣ, а въ деревнѣ, и чтобы онъ видѣлъ ту страшную историческую нужду, которой впослѣдствіи долженъ будетъ служить. Понимаешь, какое это счастье, и другого нѣтъ. Во имя нашего будущаго ребенка будемъ спасать этихъ несчастныхъ ангелочковъ, а средства я найду.

Молодая женщина слушала и чувствовала себя глубоко счастливой. Ей тоже дѣлалось совѣстно за свой городской эгоизмъ и тяготѣніе къ показной роскоши. Нѣтъ, они останутся въ деревнѣ и вмѣстѣ понесутъ не иго, а счастье. Это та простая обязанность, которую должно исполнить.

1894.

ЧЕРНОЕ СЛОВО.

Эскизъ.

I.

Царскосельскій вокзалъ имѣлъ особенно оживленный видъ въ этотъ майскій день. Масса публики съ радостно озабоченнымъ видомъ сновала по платформѣ. Все это были счастливцы, ѣхавшіе на дачи, вѣрнѣе сказать—бѣжавшіе отъ городской пыли и духоты. Это оживленіе чувствовалось даже въ залѣ третьяго класса, гдѣ набилась публика средняго разбора—лакеи, кучера, горничныя, дачные дворники, рабочіе и дачники изъ небогатыхъ.

Лично я имѣю какое-то предубѣжденіе противъ второго класса, гдѣ набирается всегда такая чопорно-скучная публика. Всѣ оглядываютъ другъ друга съ подозрительностью коренныхъ петербуржцевъ, принимаютъ унылодѣловой видъ и непремѣнно стараются чѣмъ-то казаться. Всю дорогу никто не промолвитъ слова съ сосѣдомъ, точно боится потерять драгоцѣннѣйшую часть собственнаго достоинства. Вообще скучно, и я предпочитаю третій классъ, гдѣ сѣрая публика такъ наивно знакомится въ теченіе получаса, и вы чувствуете, что ѣдете съ живыми людьми, а не съ манекенами. Впрочемъ, это мое личное впечатлѣніе—не больше.

Беру билетъ третьяго класса, отыскиваю вагонъ для курящихъ и усаживаюсь на скамью къ окну. До отхода остается всего минутъ десять, и публика начинаетъ ажитироваться, какъ на пожарѣ. Главною причиной этой ажитаціи являются узлы, картонки, коробки и дѣти,—нужно все это пристроить, а поѣздъ не ждетъ. Другіе волнуются просто такъ, потому что всѣ другіе куда-то торопятся, бѣгутъ, проталкиваются и проявляютъ спеціальную энергію путешествующихъ людей. Нашъ вагонъ наполняется довольно быстро, и однимъ изъ послѣднихъ вскакиваетъ какой-то дворникъ въ „спиджакѣ“, сапогахъ бутылкой и бѣломъ фартукѣ. Онъ какъ-то пугливо озирается кругомъ, наконецъ отыскиваетъ мѣсто напротивъ меня и бросается къ нему съ такимъ видомъ, точно деревянная скамейка можетъ вспорхнуть и улетѣть.

— Ну, слава Богу, — говоритъ онъ, усаживаясь.

Снявъ фуражку и вытеревъ лицо платкомъ, дворникъ принимаетъ удобную позу успокоившагося за свою судьбу путешественника. Онъ вытягиваетъ ноги, разсѣянно смотритъ въ окно и достаетъ жестяную коробку съ папиросами.

— Однако здорово народу-то наперло, — говоритъ онъ, затягиваясь и отдувая дымъ въ сторону сердитаго сосѣда. — Ужъ время такое... да...

Дворникъ, очевидно, человѣкъ словоохотливый, и, кромѣ того, онъ замѣтно выпивши, т.-е. выпивши прилично, какъ полагается старшему солидному дворнику одной изъ барскихъ дачъ. Я разсматриваю его крѣпкую при-

земистую фигуру, добродушное русское лицо, весь дворницкій костюмъ и нахожу, что это типичный представитель того мужика, который приспособился „подъ барина“ и благоденствуетъ. Въ немъ чувствуется что-то такое завидно уравновѣшенное, какъ у человѣка, который окончательно опредѣлился, нашелъ свое мѣсто въ природѣ и не безпокоится о будущемъ. Это сказывается во всемъ—и въ костюмѣ, и въ движеніяхъ, и въ выраженіи глазъ. Главное, нѣтъ той удручающей заботы, олицетвореніемъ которой является обыкновенный мужикъ. Однимъ словомъ, приспособленъ человѣкъ и нашелъ свою точку устойчиваго равновѣсія. Нужно было видѣть, какъ посматривалъ дворникъ на остальную публику третьяго класса: развѣ это настоящая публика, настоящіе господа? Такъ, шахеръ-махеры и больше ничего.

Но это благодушное настроеніе сразу пропало, и дворникъ сорвался съ мѣста, точно по нему выстрѣлили. Онъ какими-то испуганными глазами обвелъ сосѣдей, осмотрѣлъ свое мѣсто и даже ощупалъ свой „спинджакъ“.

— Зонтикъ... Ахъ, Божже мой! Господа, вы не видали, какъ я вошелъ въ вагонъ? Былъ при мнѣ зонтикъ?..

Всѣ молчали, и дворникъ еще разъ посмотрѣлъ на насъ, обыскалъ себя и съ какимъ-то отчаяніемъ опустилъ руки. Что же это такое, въ самомъ дѣлѣ?.. Публика отнеслась къ нему совершенно безучастно, и только съ дальней скамейки отвѣтилъ невидимый бабій голосъ:

— Никакого зонтика у тебя не было... Такъ шелъ, съ пустыми руками.

— Ну, а на вокзалъ какъ я пріѣхалъ?

Въ глубинѣ показалось типичное лицо дачной кухарки и объяснило увѣреннымъ тономъ:

— А на вокзалъ-то съ зонтикомъ пріѣхалъ, я видѣла. Еще въ третьемъ классѣ пиво пилъ у буфета...

— Ну вотъ, вотъ,—обрадовался дворникъ.—Я, значитъ, былъ у кумы... Ну, маленько выпили, потому какъ она именинница. Ну, пріѣхалъ на вокзалъ, зашелъ въ классъ къ буфету, напримѣръ...

— Да ты сбѣгай въ классъ-то,—посовѣтовала съ участіемъ кухарка.—Еще поспѣешь... Третьяго-то звонка не было.

— Ахъ, ты, Божже мой!..

Дворникъ, какъ ошпаренный, выскочилъ изъ вагона и вернулся только послѣ третьяго звонка. Зонтика не было. Онъ уныло посмотрѣлъ на всѣхъ, напрасно отыскивая сочувствія, и уныло сѣлъ на свое мѣсто, махнувъ рукой. Дѣло выходило табакъ.

— Нѣтъ зонтика-то?—спрашивала кухарка черезъ вагонъ.

— Нѣту... Какъ скрозь землю провалился,—уныло отвѣтилъ удрученный горемъ дворникъ.—Шелковый зонтикъ-то передъ Пасхой шесть цалковыхъ дадено...

— Ахъ, ты, грѣхъ какой вышелъ!—соболѣзновала кухарка, качая головой.—А я еще давѣ посмотрѣла на тебя, какъ ты къ вокзалу-то на извозчикѣ подкатилъ. Вижу, что изъ нашихъ дворниковъ, изъ Царскаго... А зонтикъ точно что отличный.

— Ужъ такой былъ зонтикъ, что другого такого и не нажить... Вѣдь вотъ поди жъ ты, какая штука вышла, а?.. Значитъ, присѣлъ это я къ столику, ну, спросилъ бутылку пива... А буфетчикъ говоритъ, что никакого зонтика не видалъ.

— Кто-нибудь другой ухватилъ твой зонтикъ,—поддерживала разговоръ кухарка.—Мало ли народу!.. Другому на голодные-то зубы твой зонтикъ въ самый разъ.

— Да вѣдь шесть цалковыхъ дадено... Цѣлыхъ три года собирался купить. Ну, и штука... Да не видалъ ли кто, господа, какъ я въ вагонъ входилъ?

Опять общее молчаніе. Дворникъ тряхнулъ головой, поправилъ фуражку и сердито отвернулся къ окну съ обиженнымъ видомъ. Очевидно, онъ теперь сердился уже на публику, отнесшуюся къ его горю съ такимъ обиднымъ безучастіемъ.

II.

Поѣздъ тронулся, унося дачную публику въ благословенную дачную мѣстность, облюбованную петербургскими богатыми людьми. Кругомъ сейчасъ же запестрѣли огороды, тощія поля, далекая кайма какихъ-то фабричныхъ зданій, однимъ словомъ, весь незавидный ландшафтъ окрестностей Петербурга. Третьеклассная публика начала знакомиться; послышался веселый говоръ, смѣхъ, и только одинъ дворникъ оставался безучастнымъ къ этому общему оживленію. Онъ время отъ времени поправлялъ свою фуражку, встряхивалъ головой и угнетенно вздыхалъ. Очевидно, его глодала всепоглощающая мысль объ утраченномъ зонтикѣ, а остального міра не существовало.

— А чортъ съ нимъ и съ зонтикомъ! — заявилъ онъ наконецъ, обращаясь прямо ко мнѣ такимъ вызывающимъ тономъ, точно я желалъ что-то оспаривать. — Наплевать... да! Не онъ меня нажилъ... да. Слава Богу, и другой купимъ, ежели на то пошло. Однимъ словомъ, наплевать, и все тутъ!

Въ доказательство этой мысли дворникъ, дѣйствительно, плюнулъ и вызывающе посмотрѣлъ на всѣхъ. Недавній хмель съ него какъ рукой сняло.

— Конечно, можно всегда другой купить, — поддержалъ я.

— Вѣдь можно... а? — обрадовался онъ, схватившись за поданную реплику. — Да сколько угодно, сдѣлайте милость... Мы не какіе-нибудь, чтобы шесть цалковыхъ насъ съѣли. Я, напримѣръ, теперь пятнадцать рублей жалованья получаю у господъ, квартира даровая, дѣтей нѣтъ. Ну, господа, прямо сказать, отличные... Наѣдутъ лѣтомъ, поживутъ до осени, а потомъ але-маршъ. Нѣтъ, нельзя пожаловаться, жисть правильная, прямо сказать — хорошая жизнь. Господа Бога надо благодарить... Ничѣмъ не обиженъ, все есть, на черный день скоплено малую толику, пятьсотъ рублей въ кассѣ лежитъ, — ну, какого мнѣ рожна еще нужно? А тутъ зонтикъ... Наплевать!..

Видимо, дворникъ подбадривалъ себя, отгоняя какую-то непріятную мысль, неразрывно связанную съ пропавшимъ зонтикомъ.

— Конечно, царскосельскаго дворника нельзя примѣнить къ питерскому, — продолжалъ онъ. — Въ Питерѣ-то только и береги затылокъ, значитъ, дворникъ, а у насъ вольготнѣе невримѣръ. Только и знаемъ одно лѣто, когда господа наѣзжаютъ, а зимой только и работы, что мало-мало снѣгъ убрать. Да и то кос-какъ, не то что въ Питерѣ, гдѣ сейчасъ, напримѣрно, околоточный тутъ какъ... „А гдѣ дворникъ? Ты, такой-сякой!..“ У насъ этого ни-ни!.. Всю зиму дворники — въ томъ родѣ, какъ которые коты по печкамъ лежатъ. Однимъ словомъ, помирать не надо. Вѣдь дачу безъ дворника нельзя оставить, ну, и живутъ. Господа богатые, что имъ значитъ пятнадцать цалковыхъ дворнику платить... Развѣ петербургскій дворникъ купитъ зонтикъ въ шесть цалковыхъ? Ни въ жисть... А мнѣ наплевать! Ну, былъ зонтикъ, ну, нѣтъ зонтика... Этакая невидаль, подумаешь! А возьму да новый и куплю... Да хоть сейчасъ. На, получай шесть цалковыхъ... Наживемъ.

Пауза. Кругомъ одни поля, и только кой-гдѣ топорщатся жалкіе, точно общипанные кустики. Безъ конца тянется это чухонское болото, подернутое

жидкой зеленью. Кое-гдѣ по низинамъ еще стоитъ вешняя вода. Мнѣ уже давно примелькался этотъ пейзажъ, и не хочется на него смотрѣть. Дворникъ, выгрузивъ все, что̀ можно было высказать въ собственное утѣшеніе, на время умолкаетъ и начинаетъ курить одну папиросу за другой. Но настоящаго спокойствія все-таки нѣтъ, и онъ время отъ времени тревожно поглядываетъ на меня, точно ждетъ возраженія, а потомъ крутитъ головой, передвигаетъ фуражку и вздыхаетъ. Конечно, хорошо жить царскосельскимъ дворникомъ, а зонтика-то все-таки нѣтъ. Весь міръ дворника сейчасъ вращался на этомъ зонтикѣ, какъ магнитная стрѣлка на своемъ шпенькѣ.

— Средняя Рогатка! — кричитъ кондукторъ.

Это удивительный полустанокъ, на которомъ въ теченіе лѣта садятся ровно два пассажира. Между прочимъ, здѣсь проходитъ старый московскій трактъ, и именно Средняя Рогатка служила прощальнымъ пунктомъ: досюда провожали изъ Петербурга. Невольно является мысль о тѣхъ милліонахъ путниковъ, вольныхъ и невольныхъ, которые прошли этотъ путь въ до-желѣзнодорожное время. Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ, и сколько „рогатокъ“, малыхъ, среднихъ и большихъ, упразднено навѣки... Мои размышленія въ этомъ направленіи прерываются новымъ движеніемъ дворника: онъ схватываетъ фуражку и съ остервенѣніемъ бросаетъ ее на лавочку.

— Что̀ съ вами?

— Со мной-съ?.. А вотъ это самое-съ... Ка-акъ это вспомню, такъ ножъ вострый.

— Опять зонтикъ?

— Нѣ-ѣтъ, не то...

Онъ придвигается ближе ко мнѣ и начинаетъ говорить сдержаннымъ речитативомъ, помогая своимъ мыслямъ руками и движеніемъ головы:

— Видите ли, господинъ, какое дѣло... да. Женился я совсѣмъ молодымъ, ну, еще у себя въ деревнѣ, и прожили мы, напримѣрно, душа въ душу съ женой цѣльныхъ двадцать два года. Какъ это по-вашему? Этакъ-то по нынѣшнимъ временамъ уже совсѣмъ не живутъ, не говоря о господахъ, а и у насъ, значитъ, въ самой сѣрости. Такъ-съ? Хорошо... И какъ я теперь подумаю, что моя жена помретъ — вотъ какъ это чижало!.. Разорвался бы, кажется. Придумать даже не могу, какъ это я могу только перенести...

— Развѣ она очень больна?

— Нѣтъ, такъ, просто хилая бабенка... Завсегда она такая была: все скрипитъ, все скрипитъ. И какъ это я подумаю, что она должна помереть, даже обидно сдѣлается. Помилуйте, прожили душа въ душу цѣльныхъ двадцать два года, все у насъ есть, деньжонокъ накопили пятьсотъ цалковыхъ, и вдругъ... Конечно, дѣтей у насъ не было, это точно, потому какъ она хилая, жена; ну, значитъ, я какъ есть одинъ и останусь, какъ перстъ.

— Ты ее очень любишь?

— Какъ же возможно, господинъ, родную-то жену не любить? Вонъ чужихъ женъ любятъ, а тутъ своя... Вотъ сижу я и думаю про жену, и такъ мнѣ ее жаль сдѣлалось, точно бы вотъ самъ, вмѣсто нея, умеръ.

Сдѣлавъ короткую паузу, дворникъ прибавилъ уже другимъ тономъ:

— А вѣдь она доведетъ меня сегодня до чернаго слова... да. Ужъ у ней такая зараза... Вотъ пріѣду въ Царское, стану подходить къ своей дачѣ, а она ужъ въ окошко узо̀ритъ, что я безъ зонтика. Другая бы увидала и смолчала... Ну, уѣхалъ съ зонтикомъ, а выворотился безъ зонтика, — ну, какая такая особенная бѣда? А эта нѣтъ... Войду это я, а она сейчасъ: „Гдѣ у тебя зонтикъ-то?“ Въ первое слово... Я этакъ смолчу, укрѣплюсь,

значитъ. А она во второй разъ: „Ахъ, ты, пьяница ты, такой-сякой... Нахлестался, видно, до того, что и зонтикъ потерялъ“. Ну, тутъ я еще пуще укрѣпилюсь и во второй разъ смолчу... Другая бы и отстала: сорвала два раза, показала себя, и будетъ. Весьма довольно... Такъ нѣтъ!.. Она въ третій на меня: „Какой ты такой есть человѣкъ?.. Бить тебя некому, пропащая башка“... Ну, ужъ тутъ я не стерплю и со всего маху обругаю что̀ ни есть самымъ черным словомъ. И что̀ бы вы думали, господинъ: доведетъ, сама доведетъ меня, а какъ благословлю ее, она сразу какъ въ мохъ упадетъ. Ни-ни... Не пикнетъ. Ну, зачѣмъ доводить человѣка до грѣха?.. Другая бы пожалѣла, еще успокоила, а эта по первому разу: „Гдѣ зонтикъ?“

Бѣдный дворникъ мучился предвкушеніемъ непріятной семейной сцены и опять бросилъ фуражку на лавку.

III.

Поѣздъ подходилъ къ Царскому Селу. По мѣрѣ приближенія дворникомъ овладѣвало прежнее безпокойство. Фуражка на его головѣ начала дѣлать судорожныя движенія. Мысль о зонтикѣ выступала съ новой яркостью... А тамъ впереди и жена и неизбѣжное, какъ судьба, „черное слово“. Мнѣ сдѣлалось даже жаль бѣднягу. А поѣздъ уже сбавляетъ ходъ, скрипятъ тормоза, мелькаютъ первыя дачи. Дворникъ высунулся въ окно и заглядываетъ на платформу, которая точно плыветъ навстрѣчу намъ и вотъ-вотъ врѣжется въ поѣздъ.

— Вотъ и знакомый жандаръ стоитъ, — говоритъ дворникъ. — Благопріятель... Иваномъ Митричемъ звать... Мы съ нимъ чай вмѣстѣ не одинова пивали. Обстоятельный человѣкъ...

Остановка. Публикой овладѣваетъ прежняя суматоха. Всѣ торопятся выскочить поскорѣе изъ вагона съ такимъ видомъ, точно преступники, получившіе амнистію благодаря какому-нибудь „милостивому манифесту“. Дворникъ остается на мѣстѣ и выжидаетъ. Видимо, имъ овладѣваетъ малодушіе отдалить непріятный моментъ хоть на нѣсколько мгновеній. Его взглядъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на пассажирахъ, которые проходятъ съ зонтиками, и я увѣренъ, что ему кажется, что всѣ пассажиры поголовно имѣютъ зонтики. Говорятъ, хромые и кривые вездѣ видятъ только хромыхъ и кривыхъ. Наконецъ вагонъ опустѣлъ наполовину. Подъ окномъ мелькаетъ жандармская форма. Дворникъ въ послѣдній разъ встряхиваетъ головой и съ рѣшимостью человѣка, который приготовился броситься въ воду, срывается съ мѣста.

— До свиданія, господинъ... — бросаетъ онъ мнѣ, подтягиваясь на ходу и оправляя свой дворницкій передникъ.

Я выхожу на площадку вагона. Дворникъ развязно подходитъ къ жандарму и съ напускной молодцоватостью здоровается съ нимъ за руку.

— Ты изъ городу? — спрашиваетъ жандармъ.

— Изъ городу.

— На именины ѣздилъ?.. Ну, каково кума угощала?

— Какая тамъ кума: зонтикъ потерялъ...

— Экъ тебя угораздило!.. — возмущается жандармъ.

Молодцоватость исчезаетъ, и дворникъ какъ-то весь съеживается. Фуражка начинаетъ опять двигаться на головѣ.

— Ахъ, братецъ ты мой! — журитъ жандармъ, покачивая головой. — Нехорошо, братъ. Что̀ тебѣ жена-то скажетъ?..

Въ этотъ моментъ изъ толпы высовывается давешняя кухарка и какимъ-то верещащимъ тономъ заявляетъ:

— Видѣла, своими глазами видѣла, какъ онъ на вокзалъ съ зонтикомъ пріѣхалъ... Пришелъ это въ вагонъ, а зонтика и нѣтъ!..

Дворникомъ овладѣваетъ неожиданная ярость, которая и обрушивается на ни въ чемъ неповинную бабенку.

— А тебя спрашиваютъ, килу? — рычитъ дворникъ. — Ахъ, ты...

Въ моментъ, когда „черное слово“ сорвалось совсѣмъ не по адресу, проходившій мимо другой жандармъ молча беретъ дворника за шиворотъ и молча тащитъ въ толпу, какъ узелъ. Дворникъ барахтается, что-то объясняетъ, но жандармъ неумолимъ.

— Вотъ тебѣ и зонтикъ... — ворчитъ жандармъ-благопріятель, передвигая свою шапку. — Не миновать мирового.

1894.

КЛЯТВА АНТОНА.

Разсказъ.

I.

— Баринъ... а баринъ...

— А? что?.. — бормоталъ баринъ, зарываясь головой въ подушку.

— Да они пришли, Антонъ Ильичъ... Сѣли въ гостиной и говорятъ: „Не уйду, покуда своего барина не разбудишь!..“ Что же я буду съ ними дѣлать?

— К кой Антонъ Ильичъ? Пожалуйста, убирайся ко всѣмъ чертямъ...

Будимная барина горничная сдѣлала небольшую паузу и снова принялась повторять то же съ начала, точно осенняя муха, которая съ одной ноющей жалобной нотой бьется въ стекло. Баринъ напрасно прятался съ головой, напрасно закрывалъ уши, напрасно угрожающе протянулъ руку за туфлей, защищая свое законное право выспаться, — спасенья не было.

— Они сидятъ въ гостиной, Антонъ Ильичъ...

— А, чортъ возьми...

Горничная Глаша, какъ горничныя многихъ старыхъ холостяковъ и соломенныхъ вдовцовъ, отличалась той мягкой настойчивостью, которая по праву принадлежитъ только женамъ. Въ синодикѣ Глаши настоящій баринъ приходился по счету уже шестымъ, и она знала свое дѣло

— Послушайте, Глаша, это... это называется свинство... Который теперь часъ?

— Только семь пробило... Они, Антонъ Ильичъ, сначала по тротуару ходили, потомъ сѣли на лавочкѣ у воротъ... А сейчасъ они въ гостиной.

— Хорошо, я сейчасъ... Только, ради Бога, уходи.

Уходя, Глаша оглянулась, — баринъ уже сидѣлъ на кровати. Онъ даже погрозилъ ей кулакомъ, и Глаша успокоилась. Баринъ нѣсколько разъ встряхнулъ головой, издалъ неопредѣленный носовой звукъ и еще разъ обругалъ Антона Ильича. Вотъ тоже чортъ принесъ ни свѣтъ ни заря...

Виновникъ этого переполоха сидѣлъ въ гостиной, вѣрнѣе — спрятался въ старинномъ глубокомъ креслѣ. Это былъ совсѣмъ маленькій человѣчекъ съ моргавшими глазами, съ какимъ-то испуганнымъ лицомъ и короткими ножками. Онъ такъ и сидѣлъ въ креслѣ, поджавъ подъ себя ноги и раскачиваясь изъ стороны въ сторону. Измятый костюмъ свидѣтельствовалъ о безсонной ночи.

— Послушай, Антонъ, что такое случилось? — проговорилъ надъ самымъ его ухомъ заспанный голосъ хозяина.

Антонъ посмотрѣлъ испуганно и сдѣлалъ короткой ручкой такой жестъ,

точно земной шаръ повернулся въ другую сторону. Хозяинъ только поморщился. Какъ это ни странно, но даже настоящее горе маленькаго мужчины не производитъ того впечатлѣнія, какъ горе мужчины большого.

— Тэночка уѣзжаетъ... совсѣмъ... — простоналъ Антонъ, закрывая лицо руками. — Да, совсѣмъ...

— Анна Гавриловна? уѣзжаетъ? Зачѣмъ же ты здѣсь въ такую пору? Впрочемъ, извини, можетъ-быть, это нескромный вопросъ...

— Э, нечего скрывать: она прогнала меня еще съ вечера... да. Ну, я и бродилъ всю ночь по городу, какъ собака.

— Гм... да-а.

Гость и хозяинъ посмотрѣли другъ на друга. Все было ясно, какъ день. Маленькій человѣчекъ сдѣлалъ какое-то больное движеніе и заговорилъ, быстро роняя слова:

— Видишь ли, Иванъ Васильевичъ... Я, да, я считаю тебя лучшимъ своимъ другомъ... да. И поэтому пришелъ къ тебѣ... Ты видишь, въ какомъ я положеніи?

— Опять исторія съ докторшей?—строго спросилъ Иванъ Васильевичъ, хмуря брови.

— Какая тамъ докторша... Это ужъ давно позабыто.

Гость даже улыбнулся, а хозяинъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. Послѣдній вспомнилъ, что Антонъ только на-дняхъ вернулся изъ Петербурга, значитъ, привезъ съ собой какое-нибудь приключеніе.

— Послушай, Антонъ, у тебя странный характеръ, чтобы не сказать больше... Я могу только удивляться тебѣ.

— Презирай меня, бей, но спаси... Я тебя буду просить на колѣняхъ.

Маленькій человѣчекъ быстро скатился со своего кресла и дѣйствительно очутился на колѣняхъ. Онъ умоляюще протянулъ впередъ свои маленькія ручки и заговорилъ еще быстрѣе, точно кого-то догонялъ:

— Спаси, спаси... Ваня, спаси! Я знаю, что ты сейчасъ презираешь меня,—я самъ презираю себя. Но все-таки спаси... Ты знаешь, какой характеръ у Тэночки?..

— Послушай, Антонъ... Что же я могу сдѣлать?.. Это не въ первый разъ...

— Клянусь тебѣ всѣмъ святымъ, что въ послѣдній. Больше ни-ни... Будетъ. О, довольно... И потомъ, ты знаешь, какъ я люблю Тэночку.

Иванъ Васильевичъ взялъ гостя за руку, подвелъ къ зеркалу и проговорилъ:

— Посмотри, у тебя сѣдые волосы пробиваются на головѣ... Какъ тебѣ не стыдно, Антонъ! Мы ужъ совсѣмъ старики... Пора остепениться!..

Въ зеркалѣ обрисовались два портрета. Одинъ толстый обрюзглый мужчина за сорокъ лѣтъ—въ томъ возрастѣ, когда женщины проходятъ мимо, другой походилъ на цыпленка. Зеркало являлось для обоихъ самымъ жестокимъ обвинительнымъ актомъ, какой только можно было себѣ представить. Иванъ Васильевичъ уже давно примирился со своей участью и могъ только удивляться роковой жизнерадостности Антона.

— Видишь ли, Ваня, я еще жить хотѣлъ, то-есть даже и не жить, а такъ... вообще...—оправдывался Антонъ, оправляясь передъ зеркаломъ.—Докторша пустяки, это давно прошло, а... Однимъ словомъ, Тэночка тебѣ лучше разскажетъ. У тебя, право, есть такое особенное умѣнье разговаривать съ женщинами...

Антонъ, спасая свою шкуру, льстилъ самымъ грубымъ манеромъ, но

сейчасъ онъ былъ готовъ рѣшительно на все. „Ораторъ“ взглянулъ на него черезъ плечо и только вздохнулъ. Онъ припомнилъ грустную исторію, какъ бѣжала его собственная жена и какъ его ораторство способствовало этому бѣгству. Да, старая рана на минуту раскрылась, и Иванъ Васильевичъ посмотрѣлъ на своего друга почти съ ненавистью.

— Да одѣвайся же ты, ради Бога,—торопилъ Антонъ, поглощенный мыслью объ отъѣздѣ жены.—Понимаешь: *совсѣмъ* уѣзжаетъ. Ты знаешь, какой у нея рѣшительный характеръ.

— Сейчасъ еще рано... Она спитъ. Мы напьемся чаю, ты немного успокоишься... Вообще торопиться некуда.

Антонъ взглянулъ на друга умоляюще, закрылъ лицо руками, и въ комнатѣ послышались глухія рыданія.

— Я... такъ... ее... люблю... Я... безъ... нея... жить... не... не... могу... Я... за...стрѣ...люсь...

— Застрѣлиться еще успѣешь, а чаю мы все-таки напьемся... Перестань хныкать. Я сейчасъ позову Глашу... Нехорошо при прислугѣ показывать все.

— Ахъ, я несчастный... Что такое чай?.. Ты, просто, циникъ... У человѣка вопросъ жизни и смерти рѣшается, а онъ—чай.

Иванъ Васильевичъ только фыркнулъ носомъ и крупными шагами отправился въ свою спальню одѣваться.

„Лучшій другъ, не угодно ли? — сердито думалъ онъ, засучивая рукава рубашки для умыванья. — Благодарю покорно... Итти объясняться съ этой взбалмошной бабой... Пожалуй, еще въ шею выгонитъ...“

Кстати, Иванъ Васильевичъ припомнилъ, что онъ членъ окружного суда, занимаетъ извѣстное общественное положеніе, всѣ въ городѣ его знаютъ, и вдругъ скандалъ... За Тэночку нельзя поручиться. И когда проклятый Антонъ успѣлъ возвести его въ санъ главнаго друга? Кажется, достаточно у него друзей и могъ бы почтить этой милой привилегіей кого-нибудь другого. Впрочемъ, у Антона исторіи съ женой повторяются періодически, и эти другіе уже испили свою чашу, а теперь его очередь.

Кстати, Антона всѣ любили. Онъ создалъ себѣ какое-то особенное положеніе, невпримѣръ другимъ. Когда-то онъ кончилъ университетъ, когда-то и гдѣ-то служилъ, потомъ бросилъ все и „сѣлъ на хозяйство“. Это сидѣнье закончилось полнѣйшимъ крахомъ. Антонъ очутился на улицѣ, и его спасла только смерть какой-то богатой тетки, оставившей ему кругленькое состояніе. Сейчасъ Антонъ рѣшительно ничего не дѣлалъ, а просто жилъ, т.-е. по-русски убивалъ время: днемъ скучалъ у себя дома, а вечеромъ отправлялся скучать въ клубъ или къ кому-нибудь изъ знакомыхъ. Однихъ именинниковъ сколько наберется, а потомъ званые обѣды, юбилеи, крестины, свадьбы—однимъ словомъ, дохнуть некогда, хотя и скучно чертовски. Антонъ былъ вездѣ душой общества, какъ лучшій разсказчикъ и остроумный человѣкъ. Несмотря на свою невзрачную наружность, онъ пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ. Онѣ съ нимъ не скучали и платили за это удовольствіе золотой монетой. Антонъ обладалъ секретомъ необыкновенно быстро сближаться, и его сейчасъ же посвящали во всѣ интимныя дѣла. Эти успѣхи у женщинъ избаловали Антона и служили неизсякаемымъ источникомъ разныхъ домашнихъ исторій. Антонъ хитрилъ, лгалъ, вывертывался и, выведенный на свѣжую воду, каялся самымъ чистосердечнымъ образомъ. Такихъ Антоновъ по провинціальнымъ захолустьямъ наберется достаточно, и всѣ они походятъ другъ на друга, какъ „три капли воды“.

II.

Пробило девять часовъ. Иванъ Васильевичъ нарочно тянулъ время, чтобы наказать Антона за предстоявшее непріятное объясненіе. Глаша проводила господъ съ сдержанной улыбкой,—она догадывалась, въ чемъ дѣло.

Очутившись на улицѣ, Антонъ сразу опять упалъ духомъ. Онъ только смотрѣлъ на главнаго друга своими моргавшими глазками и покорно сѣменилъ за нимъ по тротуару, какъ комнатная собачка. Иванъ Васильевичъ всю дорогу молчалъ, еще разъ переживая близившуюся непріятность.

— Хоть бы извозчика взять...—взмолился-было Антонъ.

— Ничего, и такъ дойдешь.

Иванъ Васильевичъ выигрывалъ время. Вотъ и членъ суда, рѣшитель судебъ въ нѣкоторомъ родѣ, а извольте-ка столковаться съ бабой. Тоже, нечего сказать, пріятная миссія... Чортъ бы побралъ всѣхъ Антоновъ на свѣтѣ. Желая выдержать характеръ, Иванъ Васильевичъ ни разу не спросилъ, въ чемъ дѣло. Да это было и совершенно излишне. Опять какая-нибудь женщина... Развѣ Антонъ можетъ прожить полгода безъ приключеній?

— Ты бы судью попросилъ или доктора, Антонъ, а то я-то и не сумѣю.

— Судья меня ужъ мирилъ съ женой два раза, а докторъ хотѣлъ меня убить... Тогда эта глупая исторія вышла съ его женой. Собственно, серьезнаго ничего и не было, а Тэночка подняла цѣлую бурю... Однимъ словомъ, скандалъ въ благородномъ семействѣ.

Завидѣвъ родное пепелище, Антонъ остановился въ нерѣшительности.

— Нѣтъ, братъ, шалишь, я одинъ не пойду!—рѣшительно заявилъ Иванъ Васильевичъ, подхватывая Антона подъ руку.—Люби кататься, люби и саночки возить... Еще неизвѣстно, какъ меня приметъ Анна Гавриловна.

— Я боюсь...

— Вздоръ!.. Заварилъ кашу, самъ и расхлебывай...

— Она тебя любитъ, Тэночка... Когда ушла у тебя жена, какъ она тебя жалѣла! Это удивительная женщина вообще...

Антонъ вздрогнулъ, когда Иванъ Васильевичъ позвонилъ у подъѣзда. Начиналось... Послышались шаги старухи-няньки, которая спускалась по лѣстницѣ съ старческимъ кряхтѣньемъ... Антонъ даже закрылъ глаза, когда повернулся ключъ въ дверяхъ.

— Анна Гавриловна дома?—твердымъ голосомъ спросилъ Иванъ Васильевичъ.

Старуха посмотрѣла на господъ равнодушными глазами и прошамкала:

— Не знаю... Ужо я спрошу ее.

Она ушла, а господа остались на подъѣздѣ.

— Вѣдь вотъ какая Тэночка, никогда молоденькой горничной не возьметъ,—ронталъ про себя Антонъ, вспоминая бойкую Глашу.

— Пожалуйте...—послышалось сверху.

— Я останусь въ передней...—шепталъ Антонъ, поднимаясь по лѣстницѣ.

— Ну нѣтъ, братъ, это дудки...

Они должны были подождать въ гостиной, по крайней мѣрѣ, четверть часа, прежде чѣмъ Анна Гавриловна вышла изъ своей комнаты. Это была высокаго роста женщина, съ некрасивымъ, но рѣшительнымъ лицомъ. Она была одѣта въ дорожное сѣрое платье и даже держала въ рукахъ дорожную кожаную сумочку. Поздоровавшись съ Иваномъ Васильевичемъ, она сдѣлала видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ мужа. Антонъ стоялъ за кресломъ и вино-

вато крутилъ въ рукахъ собственную шляпу. Онъ походилъ на бѣднаго родственника, попавшаго въ домъ къ богатому дядѣ.

— Я пришелъ къ вамъ, Анна Гавриловна... то-есть я...—заговорилъ Иванъ Васильевичъ, сбившись на первомъ словѣ.—Однимъ словомъ, вы хотите уѣзжать...

— Да, я сегодня оставляю этотъ вертепъ...

— Послушайте, Анна Гавриловна. Прежде, чѣмъ сдѣлать такой рѣшительный шагъ, поговоримте серьезно... по душѣ.

Анна Гавриловна томно опустилась на ближайшее кресло и приготовилась слушать. Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ паузу, чувствуя, какъ у него пересохло въ горлѣ. Бываютъ такія проклятыя положенія... Онъ даже оглянулся на Антона и посмотрѣлъ съ укоромъ. Да, тяжела шапка главнаго друга...

— Вы хотите бросить мужа, Анна Гавриловна...

— Не мужа, а мерзавца...

Антонъ сдѣлалъ безпокойное движеніе за кресломъ, какъ попавшаяся въ западню крыса.

— Конечно, трудно судить семейныя дѣла, особенно со стороны, уважаемая Анна Гавриловна... (О, чортъ бы тебя побралъ!) да. Но заинтересованныя стороны относятся другъ къ другу слишкомъ пристрастно и дѣлаются часто несправедливыми. Посторонній человѣкъ можетъ отнестись спокойнѣе... Во всякомъ случаѣ, необходимо разобраться, обсудить, взвѣсить. Вѣдь нѣтъ такого положенія, изъ котораго не было бы выхода.

— Я не понимаю, во-первыхъ, что̀ вамъ нужно отъ меня?—отрѣзала Анна Гавриловна, принимая оскорбленный видъ,—а во-вторыхъ, мнѣ совершенно непонятна роль, въ какой вы явились сюда. Какое можетъ быть посредничество между мужемъ и женой?

— Я явился сюда только по просьбѣ вашего мужа, а моего друга Антона. Я даже не знаю, въ чемъ дѣло, и даже не спросилъ его ни слова, потому что мнѣ одинаково дороги интересы какъ его, такъ и ваши интересы.

— Какъ это мило съ вашей стороны... Ха-ха! Прекрасная роль... Я могу только удивляться, что среди моихъ друзей находятся... находятся... подобные субъекты.

— Позвольте, Анна Гавриловна, вы выражаетесь слишкомъ рѣзко...

— Нѣтъ, я очень мягко выражаюсь. Поймите, что мнѣ жаль васъ. Да, жаль. Въ концѣ концовъ, вы все-таки являетесь въ роли защитника этого мерзавца, который имѣетъ дерзость считать себя моимъ мужемъ. Вы пришли защищать его интересы, а не мои... Мнѣ даже кажется, что ваша роль неблагодарнѣе его роли, какъ защитника отъявленнаго негодяя.

Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ безпокойное движеніе, какъ большая неуклюжая птица, приготовившаяся вспорхнуть. Это движеніе перемѣнило сразу непріятный оборотъ дѣла. Анна Гавриловна величественно поднялась и проговорила уже дѣловымъ тономъ:

— Такъ какъ вы взяли на себя непріятный трудъ ходатайства по такому грязному дѣлу, то я считаю своей обязанностью познакомить васъ съ нимъ въ общихъ чертахъ... Я сейчасъ.

Она величественно вышла изъ комнаты. Иванъ Васильевичъ чувствовалъ, какъ у него стучитъ кровь въ вискахъ, а на лбу выступаетъ холодный потъ. Обернувшись къ Антону, онъ погрозилъ ему кулакомъ и проговорилъ:

— Помни, Антонъ, что это въ послѣдній разъ!.. Если ты еще разъ позволишь себѣ какую-нибудь исторію, я подаю въ отставку изъ должности главнаго друга.

— Въ послѣдній разъ... Клянусь!—шепталъ Антонъ и прибавилъ уже

другимъ тономъ:—Но какая женщина!.. Какая энергія!.. Вотъ именно такихъ женщинъ я и люблю... Представь себѣ только картину, когда она улыбнется? Восторгъ... А ты, знаешь, прекрасно началъ. Такое благородство въ голосѣ... жестъ... Однимъ словомъ, произвелъ впечатлѣніе.

— Замолчи, несчастный.

Послышалось шуршанье платья, и Антонъ малодушно спрятался за свое кресло. Анна Гавриловна вошла походкой оскорбленной королевы и подала Ивану Васильевичу смятый листокъ.

— Потрудитесь прочесть вслухъ,—предложила она, повертывая въ рукахъ кожаную записную книжку.

Иванъ Васильевичъ въ качествѣ юриста пробѣжалъ молча поданную бумагу, посмотрѣлъ на оборотѣ, приподнялъ плечи и началъ читать:

— „Садъ „Кинь-Грусть“... счетъ г. Кривскому... гм... восемь порцій бѣфъ а-ля-модъ... четыре порціи филе соте... десять порцій мороженаго“. Извините, я ничего не понимаю, Анна Гавриловна. Какой-то старый счетъ...

— Нѣтъ, читайте... Вверху есть дата: 18-го іюня 1891 года.

— Гм... да... „десять порцій мороженаго... восемь бутылокъ шампанскаго Помери... телячья печенка... три ящика пива... русскому хору 25 руб. семь бутербродовъ... цыганскому хору 30 руб... за разбитую посуду 7 р. 33 к. Да... ризки“... Это что̀ такое?..

— Ризки—это когда крестятъ дѣтей... Продолжайте.

— „Деньгами выдано цыганкѣ Манѣ 25 руб... 12 бутылокъ сельтерской воды... 2 стакана шерри-коблеръ... банка килекъ... изломанный стулъ... крюшонъ“. Гм... Общій счетъ—184 р. 33 к.

Бумажка еще разъ была повернута и потомъ возвращена Аннѣ Гавриловнѣ...

— Однако не могъ же Антонъ выпить три ящика пива?

— Вы скажете, Иванъ Васильевичъ, что могъ быть другой Кривскій? Что, наконецъ, это общій счетъ? А вотъ не угодно ли полюбоваться его собственной книжкой...

Порывшись въ книжкѣ, Анна Гавриловна отыскала роковую страницу, помѣченную 18-мъ іюня, и прочитала сама:

— 18-е іюня... на расходы по дѣлу о наслѣдствѣ 184 р. 33 к. Не правда ли, какое странное совпаденіе? Это именно та самая цифра, которая значится на счетѣ...

— Да, странно... гм...—мычалъ Иванъ Васильевичъ.—Да, очень странно... Я думаю, что въ такихъ дѣлахъ самое лучшее полная откровенность.

— О, нѣтъ, я не вѣрю, ни одному его слову не вѣрю!—рѣшительно заявила Анна Гавриловна, дѣлая такой жестъ, точно ей предлагали наступить на змѣю.—Это ни къ чему не поведетъ...

— Я, то-есть я разскажу все, Тэночка...—заявилъ Антонъ какимъ-то не своимъ голосомъ.—Вѣдь я не говорю, что счетъ не мой и что въ книжку занесенъ не онъ... Неловко же было написать, что пропито 184 р. 33 к.

— Онъ меня довелъ до того, что я должна осматривать его карманы и записныя книжки...—объясняла Анна Гавриловна съ слезливыми нотами въ голосѣ.—Это уже послѣднее дѣло... Помилуйте, женщина должна дѣлать обыски! Я кончила гимназію съ серебряной медалью... Наконецъ у меня совсѣмъ не такой характеръ. Довести женщину до этого состоянія, это... это...

Конечно, явились слезы. Друзьямъ пришлось переждать, когда этотъ дождь пройдетъ.

III.

— Я прошу только объ одномъ: дайте мнѣ разсказать все... все...—началъ Антонъ взволнованнымъ голосомъ.—Да, все... Въ Петербургъ я поѣхалъ хлопотать по дѣлу о наслѣдствѣ послѣ моей тетки (Анна Гавриловна горько улыбнулась). Да, о наслѣдствѣ... Хорошо. Пріѣзжаю туда. Разыскалъ знакомаго адвоката—Пищалкинъ, мы съ нимъ еще въ университетѣ вмѣстѣ учились. Хорошо. Ну, то-се... Дѣлали справки, собирали какія-то справки, однимъ словомъ, устали, какъ собаки. Пищалкинъ и говоритъ: „Поѣдемъ, братъ, на острова, передохнемъ свѣжимъ воздухомъ“... Тэночка, пожалуйста, не перебивай меня. Вѣдь это онъ говоритъ, а не я. Хорошо. Я думалъ, что мы такъ пройдемся по островамъ и самое большее зайдемъ поужинать куда-нибудь къ Фелисьену (Анна Гавриловна сдѣлала нетерпѣливый жестъ). Да, къ Фелисьену... А тутъ по дорогѣ эта „Кинь-Грусть“. Пищалкинъ и затащилъ меня туда... Онъ тоже человѣкъ семейный, недавно старшая дочь въ гимназію поступила. Такая славная дѣвочка... Хорошо. Погуляли мы по саду, посмотрѣли представленіе на открытой сценѣ, зашли въ буфетъ—онъ выпилъ двѣ рюмки водки, а я англійской горькой. Всего одну рюмку, Тэночка. Потомъ отправились въ закрытый театръ. Тамъ шла новая оперетка „Дѣвушка въ трехъ юбкахъ“. Ну, оперетка такъ себѣ, могло бы быть лучше... Впрочемъ, одна француженка ничего... гм... да...

— И все онъ лжетъ...—тихо проговорила Анна Гавриловна, заломивъ въ отчаяніи руки.—Ни одного слова правды!

Иванъ Васильевичъ нѣмымъ взглядомъ попросилъ ее не перебивать разсказчика. Его начали интересовать похожденія Антона.

— Пищалкинъ и говоритъ, Тэночка: „Давай, поужинаемъ въ отдѣльномъ кабинетѣ?“ Кажется, чего невиннѣе... Я согласился. Всякій человѣкъ ужинаетъ... Кажется, ничего въ этомъ особеннаго нѣтъ? Хорошо. Заказали ужинъ. Я нарочно выбралъ самое дешевое, что только было. Антрекотъ какой-то...

— Вотъ и лжешь,—не утерпѣла Анна Гавриловна.—Въ счетѣ никакого антрекота нѣтъ...

— Можетъ-быть, и не антрекотъ,—великодушно согласился Антонъ.—Чортъ съ нимъ, съ антрекотомъ. Хорошо. Сидимъ. Пищалкинъ опять выпилъ двѣ рюмки водки, а я опять англійской горькой. Потомъ пили портеръ... Потомъ я спросилъ бутылку шампанскаго... Видишь, Тэночка, я ничего не скрываю. Нельзя же, человѣкъ хлопочетъ по моему дѣлу, привыкъ пить дорогія вина... Только это мы выпили шампанское и спросили ликера—не помню, какой—и кофе... Да... А по коридору въ это время что-то такъ и шуршитъ, потомъ этакій смѣхъ... женскій смѣхъ. А у Пищалкина характеръ игривый... Выскакиваетъ въ коридоръ, и не успѣлъ я оглянуться, какъ онъ ужъ тащитъ двухъ цыганокъ—одна черная, какъ головешка, а другая бѣлокурая. Все это сдѣлалось какъ-то вдругъ, и я даже хотѣлъ уйти... Ей-Богу, хотѣлъ! Но не ловко обижать товарища, съ которымъ вмѣстѣ въ университетѣ учился... И потомъ завтра у насъ опять хлопоты по дѣлу.

— Какъ трудно было, я думаю, тебѣ остаться въ такой компаніи?—съязвила Анна Гавриловна.

— Да вѣдь Пищалкинъ тоже человѣкъ семейный. У него дочь въ гимназію поступила... Хорошо. Сидимъ... Я ничего не скрываю, Тэночка. Пищалкинъ сѣлъ рядомъ съ черномазой, а около меня помѣстилась эта бѣлокуренькая... Признаюсь, она меня заинтересовала: цыганка и вдругъ бѣлокурая.

Вѣдь и ты удивилась бы, если бы увидѣла бѣлаго воробья. Костюмъ на ней такой, цыганскій, монеты звенятъ, а глазенки такъ и свѣтятся. Такъ это смотритъ на меня пристально-пристально, точно вотъ хочетъ узнать и не можетъ. „Мы, говоритъ, гдѣ-то съ тобой встрѣчались“... Такъ и рѣжетъ на „ты“. Ужасная нахалка, какъ оказалось впослѣдствіи. Да... Ну, конечно, сейчасъ запросили ужинъ, потомъ цвѣтовъ, потомъ конфетъ... Смотрю, а Пищалкинъ финь-шампань такъ и душитъ. Я еще спросилъ себѣ антрекотъ...

— Опять врешь...

— Тьфу! Ошибся... Что-то однимъ словомъ спросилъ... изъ съѣстного. А Пищалкинъ сразу потребовалъ шампанскаго двѣ бутылки... Тутъ и пошло все колесомъ. Его черномазая проситъ русскій хоръ пригласить... Пригласили. Ну, что-то такое пѣли... Пищалкинъ подарилъ примадоннѣ свое обручальное кольцо. А моя бѣлокуренькая ласкается ко мнѣ, какъ котенокъ, и шепчетъ: „Заставьте пѣть васъ, цыганокъ“... Я ничего не скрываю, Тэночка. Я соглашаюсь, потому что попалъ на пьяную зарубку, какъ говорятъ купцы. Вотъ и привалила орда невѣрная... Однимъ словомъ, фараоны. Пѣсни, гиканье, пляска... Пищалкинъ пустился въ присядку. Такъ и жаритъ... А моя Таня, это бѣлокуренькая-то, такъ и жмется ко мнѣ плечомъ... Видитъ, конечно, что человѣкъ съ непривычки опьянѣлъ и ничего не понимаетъ... Жмется ко мнѣ и этакъ колѣнкой меня подъ столомъ толкаетъ.

— Довольно!—протестовала Анна Гавриловна.—Дальше все извѣстно...

— Нѣтъ, ужъ позвольте, Анна Гавриловна,—возмущался Иванъ Васильевичъ, увлекаясь разсказомъ Антона все больше.—Продолжай, Антонъ...

— Да, жмется эта Танька, колѣнкой меня толкаетъ и шепчетъ: „А вы бы мужчинъ нашихъ угостили... Они пиво пьютъ“. Конечно, я сказалъ лакею, чтобы дали пива этимъ подлецамъ. Черномазые, носатые, глаза какъ угли—страшно смотрѣть, однимъ словомъ. Я еще думаю про себя: „разорвутъ они Пищалкина, какъ кошку“, потому что онъ ужъ началъ обнимать и цѣловать свою головешку. Да... Только смотрю я, а въ сосѣдній номеръ лакеи и тащатъ цѣлыхъ три ящика пива. Вотъ такъ хороши „мужчины“... Я нарочно ходилъ посмотрѣть, какъ они пьютъ—настоящіе черные тараканы или компотъ изъ чернослива. Ну, а у насъ шампанское рѣкой льется, какіе-то жиды на цымбалахъ зажариваютъ... Виноватъ, забылъ: когда я спросилъ пива мужчинамъ, Таня поблагодарила меня ногой. Видишь, Тэночка, я ничего не скрываю. Дальше—больше... Пищалкинъ совсѣмъ разошелся и, смотрю, сидитъ уже съ двумя головешками: одну обнимаетъ, другую цѣлуетъ. И меня, признаюсь, начало подмывать... Думаю, что же, жена ничего не узнаетъ—такъ и думаю, вотъ до чего напился, а интересно, какъ это бѣлокурыя цыганки любятъ... Начинаю на эту тему заговаривать, Таня смѣется и говоритъ мнѣ: „А видѣлъ цыгана, который басомъ пѣлъ? Это мой мужъ... Смотри, достанется намъ обоимъ“. А цыганище, я вамъ скажу, невѣроятный, прямо монументъ... Какъ быть?.. Я то-се, а Таня только головкой качаетъ и этакъ легонько вздыхаетъ. „Жаль мнѣ, говоритъ, тебя, ужъ очень хорошій баринъ“... Я настаиваю... „Хорошо, говоритъ, есть еще одна штука, чтобы намъ съ тобой наединѣ встрѣтиться... Одна цыганка у насъ родила недавно, бѣдная такая цыганка—вотъ хочешь быть кумомъ? А тамъ все устроимъ“... Понимаете, у меня столбы въ головѣ ходятъ—готовъ весь фараоновъ хоръ окрестить. Она, то-есть Таня, опять благодаритъ меня ногой... Смотрю, а тутъ ужъ какая-то беззубая старушонка около меня вертится, тоже головешка головешкой. Ну, на ризки и выклянчила... Только я ей наличными отдалъ, а какъ эти ризки въ счетъ попали—не умѣю сказать. Да... Я ничего не скрываю,

Тэночка. Хорошо... Только, смотрю, ужъ совсѣмъ свѣтло... Хвать, а Пищалкина и слѣдъ простылъ. Вотъ такъ пріятель: завести завелъ да и бросилъ. А въ дверяхъ этотъ цыганище, мужъ Тани, стоитъ и какіе-то ей знаки дѣлаетъ... Дальше ужъ я плохо помню, да и не интересно: уплатилъ по счету, лакей довелъ меня до извозчика... однимъ словомъ, одна грусть получилась.

Наступила пауза. Рѣшающій голосъ принадлежалъ Аннѣ Гавриловнѣ, но она хранила гробовое молчаніе, опустивъ глаза.

— Что же, и все?—недовольнымъ голосомъ спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Больше ничего не было,—отвѣтилъ Антонъ какимъ-то дѣтскимъ голосомъ.—Впрочемъ, могу прибавить: клянусь, что никогда и ничего подобнаго не произойдетъ. Вѣдь, въ сущности, я ничего не сдѣлалъ... Нужно быть справедливымъ и ко мнѣ. Да, былъ пьянъ, надѣлалъ глупостей, бросилъ на вѣтеръ двѣсти рублей—вотъ и все.

Иванъ Васильевичъ понялъ, что его миссія кончена, поднялся съ кресла и молча пожалъ руки молчавшимъ супругамъ.

Они остались вдвоемъ.

Ровно черезъ три дня Антонъ явился къ Ивану Васильевичу. Онъ имѣлъ безпечный и довольный видъ человѣка, который избавился отъ большой опасности, благодаря счастливой случайности.

— Ну что, какъ дѣла?—довольно сухо спросилъ Иванъ Васильевичъ, надѣвая свой судейскій мундиръ,—онъ отправлялся въ засѣданіе.

— Ты это про что?

— Какъ про что?

— Ахъ, да... Виноватъ. Пришелъ тебя поблагодарить, голубчикъ. Ты меня выручилъ... Конечно, Тэночка ругала меня, потомъ плакала, потомъ опять ругала, гнала отъ себя и кончила отпущеніемъ грѣховъ. Это чудная женщина... да. А мнѣ до сихъ поръ совѣстно. Войди въ ея положеніе: что ей было дѣлать, какъ и всякой другой женщинѣ? Подлецы мы, мужчины... Если бы не ты, все было бы кончено, а теперь я снова ожилъ.

Антонъ даже прищелкнулъ языкомъ и подмигнулъ, охваченный обычнымъ легкомысліемъ. Это наконецъ взорвало Ивана Васильевича.

— Послушай, Антонъ, въ слѣдующій разъ я не буду разыгрывать роль какого-то буфера, чортъ возьми. Это, наконецъ, смѣшно...

— Клянусь...

— Ты лучше клянись Аннѣ Гавриловнѣ; а я не желаю валять дурака. Пойми, что это просто неудобно.

— Да вѣдь я... ей-Богу, клянусь тебѣ, что...

— Ну, извини, мнѣ некогда. У насъ сегодня засѣданіе.

Они вышли вмѣстѣ. Антонъ сѣлъ вмѣстѣ на извозчика увѣряя, что ему по пути. Дорогой онъ нерѣшительно заявилъ:

— А я къ тебѣ по дѣлу, Ваня... Ты не сердись. Видишь ли... гм... Мнѣ нужно устроить свиданіе съ одной дамой, и я сказалъ, что она твоя родственница. Пока ты будешь въ судѣ, я ее приму у тебя въ квартирѣ... Ты ее и не увидишь.

— Извозчикъ, ступай...

Иванъ Васильевичъ крикнулъ адресъ квартиры Кривскихъ. Антонъ сдѣлалъ-было попытку соскочить съ извозчика, но былъ удержанъ.

— Ваня, не буду...—бормоталъ онъ.—Я пошутилъ...

— То-то... Извозчикъ, въ судъ!

1894.

ОТЧАЯННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

Разсказъ.

I.

Павелъ Митричъ по обыкновенію всталъ утромъ рано,—не было еще шести часовъ. Въ его каморкѣ, пристроенной къ парикмахерской, огня не было, и онъ одѣлся въ темнотѣ, не желая зажигать стѣнной лампочки, какъ это дѣлалъ по утрамъ зимой.

— Выйду на улицу,—свѣту сколько угодно,—думалъ вслухъ старикъ.— Сдѣлай милость, не зимняя пора, а керосинъ тоже денегъ стоитъ.

Вся парикмахерская еще спала мертвымъ сномъ, то-есть хозяинъ съ хозяйкой и три подмастерья.

— Ишь, лодыри, какъ дрыхнутъ,—обругалъ Павелъ Митричъ двухъ подмастерьевъ, спавшихъ на полу въ самой парикмахерской.—Добрые люди успѣли ужъ досыта наработаться, а они дрыхнутъ.

Изъ квартиры Павелъ Митричъ вышелъ чернымъ ходомъ. На дворѣ пятиэтажнаго каменнаго дома уже „припахивало весной“, какъ вѣжливо объяснялъ старшій дворникъ происхожденіе специфическаго аромата отъ помойной ямы, украшавшей самый центръ двора. Павелъ Митричъ только покрутилъ носомъ и проворчалъ:

— Этакого духа напущено!.. Тьфу...

Два младшихъ дворника поливали улицу изъ пожарной кишки. Стоявшій на углу городовой слѣдилъ за ними, напрасно стараясь „подыскаться“, то-есть найти поводъ для какой-нибудь придирки. Павелъ Митричъ постоялъ за воротами, нѣсколько разъ зѣвнулъ, крестя ротъ, и почесалъ занѣмѣвшую отъ спанья руку. На видъ ему было лѣтъ пятьдесятъ, а въ дѣйствительности шестьдесятъ. По происхожденію крестьянинъ, Павелъ Митричъ, по странной игрѣ природы, походилъ на кровнаго француза,—прямой носъ, большіе каріе глаза, большой лобъ, характерно очерченныя губы и подбородокъ. Объяснялось это тайнами дѣвичьей блаженной памяти громаднаго помѣщичьяго двора, гдѣ жила мать Павла Митрича на особомъ положеніи дворовой дѣвушки. Воспоминаніемъ и таинственнымъ отголоскомъ этого далекаго прошлаго явился Павелъ Митричъ со своею французскою наружностью, которая обрисовывалась еще ярче благодаря его городскому костюму, козлиной бородкѣ и усамъ щильцемъ. Начинавшуюся просѣдь онъ тщательно замазывалъ фиксатуаромъ.

— А хорошо...—резюмировалъ Павелъ Митричъ свои впечатлѣнія.— Градусовъ пятнадцать тепла, а къ обѣду всѣ двадцать пять выбѣжитъ. Очень хорошо.

Дворники для шутки брызнули краемъ струи на Павла Митрича и сдѣ-

лали видъ, что это вышло нечаянно. Павелъ Митричъ обругалъ ихъ, но не разсердился. Развѣ можно сердиться на глупыхъ людей,—тѣмъ болѣе сердиться въ такое чудное весеннее утро? Онъ стряхнулъ воду со своего порыжѣлаго фіолетоваго сюртука, который надѣвалъ только по утрамъ, смахнулъ воду носовымъ платкомъ со штиблетъ и даже улыбнулся: „Ахъ, какіе глупые дворники...“

— Куда такую рань наклался, Павелъ Митричъ?—спрашивалъ городовой, когда онъ сровнялся съ нимъ.

— А для воздуху,—объяснилъ Павелъ Митричъ, поправляя крахмальный воротничокъ.—Продышаться свѣжимъ воздухомъ—первое дѣло. Вонъ какая благодать стоитъ...

— Да, оно дѣйствительно...—согласился городовой, наблюдая за опасливо бѣжавшей по тротуару собакой безъ ошейника.—Ужъ это—что говорить—первое дѣло...

— А вы какой губерніи будете?—полюбопытствовалъ Павелъ Митричъ, [illegible] потелокъ, чтобы погрѣть начавшую лысѣть голову.

— Мы-то? А мы—витебскіе...

— Такъ-съ... А я съ рѣки Сяси, сейчасъ за Ладожскимъ, ежели ѣхать на Онегу. Хо-оромное мѣсто у насъ по рѣкѣ Сяси. Вотъ сейчасъ иду на Фонталку, къ Лѣтнему саду, посмотрѣть землячковъ, которые съ Сяси дрова пригоняютъ сюда, а другіе съ рыбой на собственныхъ соймахъ. Народъ у насъ особенный супротивъ другихъ мѣстовъ, потому какъ два агромадныхъ озера, а потомъ агромаднѣющіе лѣса... Нѣтъ лучше нашихъ мѣстовъ...

— И у насъ Витебская губернія не хуже,—обидчиво отвѣтилъ городовой, продолжая наблюдать бѣжавшую уже въ концѣ улицы собаку.

Павелъ Митричъ какъ-то по-дѣтски хихикнулъ и только махнулъ рукой. [illegible] не понимаетъ г. городовой, хотя и всю военную службу прослужилъ. Разъ можно прировнять Витебскую губернію къ Олонецкой? И даже [illegible] понимаетъ, что изъ Невы-то нашу ладожскую воду пьетъ. Очень [illegible].

Начало петербургской весны, когда вскрывалась Нева и появлялись сверху первые караваны, на Павла Митрича производило совершенно особенное впечатлѣніе. Онъ какъ-то начиналъ тосковать, и его тянуло на воздухъ. Раньше этого не было, а подъ старость тоска прикачнулась. Выйдетъ утречкомъ старикъ на набережную Невы и по цѣлымъ часамъ любуется красавицей-Невой, караванами барокъ, пароходами, лодками, рабочей сутолокой и тѣмъ оживленіемъ, какое весной даетъ только большая рѣка. Онъ точно старался что-то вспомнить—такое хорошее, молодое и счастливое, что уже не вернется, какъ не вернется рѣка обратно. Послѣ Невы весной Павелъ Митричъ больше всего любилъ Фонтанку,—не рѣка, а угодница. Вотъ какъ работаетъ чуть не цѣлый годъ и передышки не знаетъ до самаго рѣкостава. И сейчасъ Павелъ Митричъ вышелъ на Фонтанку и долго любовался закипавшей на ней работой. Сколько барокъ съ дровами, бутовымъ камнемъ, кирпичомъ, пескомъ и разнымъ другимъ строительнымъ матеріаломъ! И все это нужно, и тысячи рабочихъ находятъ дѣло. Всѣхъ матушка-Фонтанка накормитъ, только не лѣнись. А между барками на шестахъ пробираются рыбацкія соймы, къ которымъ Павелъ Митричъ относился особенно любовно: все съ Ладожскаго озера рыбку везутъ.

— Городъ Санктъ-Петербургъ все скушаетъ,—думалъ вслухъ Павелъ Митричъ, любуясь соймами,—только подавай...

Старикъ останавливался нѣсколько разъ въ бойкихъ мѣстахъ. Хорошо

работаютъ Христовы работнички и не даромъ свой кусокъ хлѣба ѣдятъ. Покатай вотъ такую тачку съ дровами день-то денской или потаскай кирпичи,— и руки и ноги отнимутся. А какъ такой настоящій-то рабочій человѣкъ ѣстъ, какъ спитъ—любо поглядѣть. Павлу Митричу даже дѣлалось совѣстно за свою легкую парикмахерскую работу,—развѣ это работа, ежели разобрать по-настоящему? Одно баловство и даже какъ будто не къ лицу настоящему, природному крестьянину. Павлу Митричу нравилось думать о себѣ, какъ о крестьянинѣ, и онъ даже гордился своимъ крестьянствомъ, особенно весной. Вѣдь ежели разобрать, такъ настоящій-то человѣкъ—одинъ крестьянинъ, потому что онъ всю державу своей крестьянской работой кормитъ, а все остальное— сущіе пустяки. Отыми у барина деньги,—куда онъ дѣнется? Такъ и погибнетъ, какъ капустный червь. И служба барская—тоже пустяки...

— Эхъ, матушка-Фонтанка, всѣхъ-то ты накормишь и напоишь,—восхищался Павелъ Митричъ, точно Фонтанка была живое существо.

Только одно обстоятельство смущало восхищенную душу Павла Митрича, именно, что Фонтанка, конечно, хороша, а вотъ по теченію времени начинаетъ отъ нея отдавать тяжелымъ духомъ, какъ на дворѣ парикмахерской, да еще, пожалуй, и похуже. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хоть носъ зажимай... Ну, если съ судовъ валятъ всякую дрянь прямо въ воду, такъ это и Богъ велѣлъ. А главное, все дѣло портятъ тѣмъ, что изъ домовъ все спускаютъ въ Фонтанку. Какой же это порядокъ?

Подходя къ Цѣпному мосту, Павелъ Митричъ всплеснулъ руками и громко крикнулъ:

— Да вѣдь это Ѳедоръ Евсеичъ?!.. Ей-Богу, онъ—и на своей соймѣ ирикатилъ...

II.

Дѣйствительно, къ громадной баркѣ съ дровами приткнулась рыбачья сойма. На палубѣ этого утлаго суденышка стоялъ сѣдой старикъ въ полушубкѣ и валенкахъ, несмотря на паливавшееся тепло.

— Онъ, Ѳедоръ Евсеичъ!—радостно повторялъ Павелъ Митричъ, ускоряя шагъ.—И въ полушубкѣ... Ѳедоръ Евсеичъ, здравствуй!..

Старикъ посмотрѣлъ на него и тоже, видимо, узналъ. Онъ что-то крикнулъ, указывая на барку съ дровами.

— Знаю, черезъ барку къ тебѣ попадать, а не вплавь!—крикнулъ Павелъ Митричъ.—Ахъ, ты, братецъ ты мой...

Павелъ Митричъ съ большою ловкостью перебрался по тонкой сходнѣ на барку, а съ барки уже перелѣзъ на сойму

— Ну, здравствуй, Палъ Митричъ,—здоровался съ нимъ старый рыбакъ.—Каково прыгаешь?

— А ничего, слава Богу, живемъ, нога за ногу не задѣваемъ.

— Такъ, такъ... На что лучше. Какъ въ городу не жить... Всѣ деньги въ городу.

— Денегъ-то въ городѣ много, а вотъ добывать ихъ трудно. Очень ужъ много на деньги охотниковъ...

— И у насъ въ деревнѣ любятъ на деньги посмотрѣть.

Они присѣли на лежавшую на палубѣ мачту отъ паруса и разговорились. Да и было о чемъ поговорить. У каждаго была своя забота, свое дѣло, а главное—много общихъ воспоминаній. Они были изъ одной деревни Кургана, на рѣкѣ Сяси, и по-деревенски приходились какой-то дальней родней. Въ Курганѣ между собою всѣ были родня. Павелъ Митричъ называлъ ста-

рика дядей. Онъ изъ своей деревни увезенъ былъ еще мальчикомъ и всю жизнь провелъ въ Петербургѣ, но своей деревни все-таки не могъ забыть. И сейчасъ Павелъ Митричъ смотрѣлъ на дядю съ нѣмымъ восторгомъ и даже пощупалъ его полушубокъ изъ своей домашней овчины. Правильный, крѣпкій старикъ... Жарко, а онъ валенокъ не сниметъ, потому какъ въ валенкахъ ногамъ мягко.

— Гдѣ-то у меня Мишутка запропастился,—говорилъ старикъ, приглядывая набережную изъ-подъ руки.—Да вонъ онъ, пострѣлъ... Мишукъ, поди сюды!..

Мишукъ, бѣловолосый четырнадцатилѣтній мальчуганъ съ загорѣлымъ лицомъ, перебѣжалъ черезъ барку и съ улыбкой смотрѣлъ на Павла Митрича, который почему-то показался ему смѣшнымъ.

— Внучекъ мнѣ будетъ,—рекомендовалъ старикъ.—Отъ младшей дочери Авлотьи... Вотъ учу его рыбу возить въ Питеръ. Ну, Мишукъ, сбѣгай-ка за [illegible]... Будемъ гостя угощать.

Мишукъ схватилъ жестяной чайникъ и полетѣлъ на берегъ.

— Славный мальчуганъ,—похвалилъ Павелъ Митричъ.

— Маленькіе-то всѣ они славные, а вотъ какой большимъ вырастетъ. Балуется нынче народъ и по деревнямъ.

Черезъ десять минутъ они сидѣли за чаемъ, и Ѳедоръ Евсеичъ только тутъ спохватился, что забылъ наказать Мишуку купить ситнаго.

— Не поглянется тебѣ нашъ деревенскій ржаной хлѣбушко, Палъ Митричъ.

— Нѣтъ, оставь. Именно деревенскаго хлѣбушка и закусимъ. Соскучился я объ немъ вотъ какъ... Ситный-то надоѣлъ до смерти. Вотъ ужъ это для меня первое угощенье.

— Кушай на здоровье, Палъ Митричъ. У насъ нынче и по деревнямъ тоже все ситный... Модель развели въ лавочкѣ хлѣбъ-то покупать. Бабамъ это на руку... Охъ, портится вездѣ народъ! Чаи, да ситцы, да ситный, да матупика-водочка...

Мишукъ долго смотрѣлъ на гостя и наконецъ не вытерпѣлъ, прыснулъ отъ смѣха. И пиджакъ короткій, и крахмальная рубаха, и штиблеты, и усы вилкомъ,—кругомъ шутъ гороховый.

— Это онъ надъ тобой, Палъ Митричъ,—объяснилъ Ѳедоръ Евсеичъ.—Деревня-матушка... Смѣшно глядѣть на городскую одежу. Мишукъ-то въ первый разъ въ Питерѣ, вотъ ему все и смѣшно...

— Нельзя, братъ, въ городѣ вахлакомъ ходить,—говорилъ Павелъ Митричъ, вытирая потъ съ лица.—Въ аккуратѣ себя надо содержать. Въ городѣ одежа—первое дѣло... А хлѣбушко, дядя, первый сортъ.

— Зачерствѣлъ, малымъ дѣломъ, дорогой-то.

— Ничего, у насъ зубы-то свои, а не казенные.

За чаемъ перебрали безконечную деревенскую родню, причемъ всѣ новости въ большинствѣ случаевъ оказывались очень невеселаго характера. Тетка Матрена погорѣла два раза; у дяди Агаѳона родились двойни, и жена померли отъ родовъ; дѣдушка Трифонъ второй годъ лежитъ безъ ногъ; въ сосѣдней деревнѣ Тюшкахъ червь съѣлъ всю капусту; рыбаки въ Сяси выловили утопленника; въ деревнѣ Куровой двѣ курицы нѣли нѣтухомъ,—ждали пожара, но все обошлось благополучно; былъ моръ на овцу,—повертится-повертится и подохнетъ; ждали по коровамъ сибирской язвы; въ лѣсахъ появилась какая-то муха съ бѣлыми крыльями и черной головой, зовутъ ее „монашиной“, и она жретъ лѣсъ безъ конца; на Ладожскомъ озерѣ плавали пузыри, изъ которыхъ выходили живые люди съ свѣтлыми пуговицами; кала

огненная звѣзда на деревню Акино и т. д., и т. д. Въ тактъ этого разсказа Павелъ Митричъ только сочувственно качалъ головой.

— Да, конечно, бываетъ-съ... У насъ въ Питерѣ чудеса запрещены, а то, сдѣлай милость, сколько угодно. У насъ сейчасъ, напримѣръ, городовой — и все кончено...

— Кончено?—удивлялся Ѳедоръ Евсеичъ.—Значитъ, и тетка Матрена не погорѣла бы?

— Ни-ни... у насъ строго. „А, ты желаешь горѣть—пожалуйте въ участокъ!“ И ни-ни...

Мишукъ сбѣгалъ еще съ чайникомъ за кипяткомъ. Павелъ Митричъ предался дѣтскимъ воспоминаніямъ и сразу напуталъ, когда заговорилъ о сяськой рыбѣ.

— Какая у насъ рыба?—оговорилъ его Ѳедоръ Евсеичъ съ улыбкой сожалѣнія.—Такъ, плотва иногда попадаетъ, окуньки мелкіе да щука... Наша вся рыба въ устьѣ, гдѣ пески. И наша рыба—самая дорогая; лосось, форель... Даже и сига мало. Это у Волхова ловятъ сига, да около острововъ, у Валаама. Наша рыба—первый сортъ.

Оглядѣвшись кругомъ, старикъ съ грустью прибавилъ:

— Только и нашей дорогой рыбѣ пришелъ конецъ...

— Неужто всю выловили?!.

— Гдѣ выловить—озеро-то, слава Богу, велико. А лиха бѣда въ томъ, что наши рыбаки всѣ начали продаваться купцу. Что̀ поймалъ, то и подавай купцу... Значитъ, въ томъ родѣ, какъ ренда... Живемъ у самой рыбы, а у себя на берегу фунта не купишь. Вся рыба въ Питеръ заарендована еще съ зимы. Она, значитъ, еще въ озерѣ ходитъ, а ужъ подъ нее задатки рыбакамъ дадены. Потомъ крупные купцы рыбные завелись, которые вотъ какія тони выстроили: тыщъ на сорокъ одной снасти у такого купца, и лучшія мѣста откуплены.

— Ну, а вы какъ?

— А мы, значитъ, бочко̀мъ, гдѣ мало-мало поманитъ,—тутъ и промышляемъ.

Ѳедоръ Евсеичъ тяжко вздохнулъ и только махнулъ рукой. Ему не хотѣлось говорить при Мишуткѣ, и онъ его подъ какимъ-то предлогомъ выслалъ на берегъ. Наливъ гостю чаю, старикъ еще разъ вздохнулъ и проговорилъ:

— Пряменько тебѣ сказать, Палъ Митричъ, такъ даже какъ будто и понятія не стало. Что̀, значитъ, и къ чему... Вотъ я при Мишуткѣ даже и выговаривать не хочу. Дѣло такое подходитъ, что по древности лѣтъ я еще доживу попрежнему, а какъ будутъ жить другіе протчіе народы—ума не приложу.

— А что̀ такое случилось?—спрашивалъ Павелъ Митричъ, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Да ужъ, видно, такъ все одно съ однимъ... Прежде-то жили—ничего, а теперь—день прошелъ, и слава Богу. Вотъ ты обрадовался своему деревенскому хлѣбушку,—и ему пришелъ конецъ. Которые еще займаются по крестьянству, такъ сперва его продадутъ, а потомъ его же обратно покупаютъ... Развѣ это порядокъ? На заработки потянулъ народъ, который ищетъ легкаго хлѣба...

III.

Второй чайникъ былъ уже пустъ, и Павелъ Митричъ вынулъ серебряные часы.

— Ого, засидѣлся я у тебя, дядя... Пора мнѣ на работу...

— Да, у тебя того... дѣйствительно, работа,—замѣтилъ съ улыбкой Ѳедоръ Евсеичъ.—Поди, къ вечеру-то поясницу вотъ какъ ломитъ, да и руки вымахаешь съ ножницами.

Это замѣчаніе обидѣло Павла Митрича.

— У каждаго своя работа,—отвѣтилъ онъ, раскуривая папиросу.

— Ну, а какъ ты вообще живешь?—спрашивалъ старикъ, чтобы поправить обиду.

— Ничего, помаленьку, Ѳедоръ Евсеичъ... Пока Богъ грѣхамъ терпитъ.

Потомъ, пріосанившись, онъ съ гордостью прибавилъ:

— Тебѣ вотъ смѣшно, что я по парикмахерской части. И за работу не считаешь... Такъ, пустяки. А парикмахеръ парикмахеру рознь. Да, милый человѣкъ. Другіе не Богъ вѣсть какъ живутъ, а я—въ лучшемъ видѣ... А почему?

— Умственность, значитъ, въ тебѣ...

— Вотъ и не угадалъ... Секретъ въ томъ, что отчаянный я человѣкъ, наскрозь отчаянный.

— Н-но?

— Да... Тебѣ опять смѣшно, потому что нашего дѣла ты не понимаешь. А спроси, кто мертвыхъ нѣмцевъ брѣетъ? Павелъ Митричъ Востриковъ... Нѣмцы—народъ аккуратный и любятъ, чтобы на тотъ свѣтъ явиться въ полной формѣ. Ну, а кто будетъ покойника брить? Живой-то человѣкъ и носъ морщитъ, и ушами дергаетъ, когда его брѣешь, а покойникъ не шевельнется. Потомъ и то сказать, случается грѣхъ, что живого-то и подрѣжешь, ну, на живомъ и заживетъ, а покойника подрѣжешь.—тутъ ужъ зажива не будетъ. Шабашъ, значитъ. Пробовали другіе изъ нашего брата покойниковъ-то брить, да не могли. Страшно, а у нихъ отчаянности никакой...

— И дорого ты получаешь за свою музыку?

— И получать надо умѣючи... Сперва-то я вполнѣ дуракомъ оказалъ: по десяти цалковыхъ бралъ. Ну, а теперь,—шалишь, меньше тридцати ни-ни...

У Ѳедора Евсеича явилось на лицѣ недовѣрчивое выраженіе.

— Какъ будто и много, Палъ Митричъ?

— А для чего человѣку умъ даденъ? Вотъ тутъ и штука... За работу я, дѣйствительно, получаю десять цалковыхъ по положенью. А инструментъ? Я какъ дѣлаю... Сейчасъ натащу и бритвъ, и щипцовъ, и точилокъ, и щетокъ,—однимъ словомъ, полный наборъ. Всѣ довольны—какой старательный парикмахеръ. А кончилъ работу, получилъ свои десять цалковыхъ и сейчасъ: „Позвольте получить четвертной билетъ за весь парикмахерскій приборъ“. Ну, обпаковенно, сейчасъ родственники на дыбы: „Намъ не нужно твоего прибора“. А я имъ: „И мнѣ онъ не нуженъ... Развѣ я смѣю послѣ покойника этимъ приборомъ живыхъ людей брить? Онъ весь въ заразѣ, и мнѣ придется отвѣчать передъ начальствомъ“. Ну, побьются-побьются, поругаются, а я сдѣлаю скидочку на пять рублей—глядишь, и получилъ. Гдѣ тутъ въ суматохѣ спориться.... А тамъ у меня есть татаринъ, который скупаетъ старыя вещи,—ему и продадутъ всю музыку за рубль, много за два, а татаринъ продастъ мнѣ за трешницу. Съ новымъ покойникомъ та же музыка... Одинъ купецъ такъ разстервенился, что не хотѣлъ платить. Я къ мировому, а мировой и присудилъ купца къ уплатѣ, да еще меня похвалилъ, потому какъ я поступаю правильно.

— Ахъ, ты, братецъ ты мой!—удивлялся Ѳедоръ Евсеичъ, качая головой.—Да ты и дѣйствительно отчаянный... Удумалъ тоже штуку.

— Жить надо, Ѳедоръ Евсеичъ...

— Вѣдь у тебя дѣти есть?

— Какъ же: старшій, Васька,—вотъ какой лобъ, а потомъ дѣвчонка Клепатра, подросточекъ.

— И тоже въ тебя, значитъ, отчаянные?

— Въ самый разъ!.. Особливо Васька... Ему въ прошломъ году надо было солдатчину отбывать, а онъ объявилъ начальству, что у него отъ рожденья кость жидкая и становая жила не дѣйствуетъ...

— Ишь ты... а? Тоже удумалъ. Въ родителя, значитъ, пошелъ.

— Я ужъ и самъ не радъ. Какъ-то меня чуть не побилъ... Пришелъ утромъ съ похмелья и денегъ требовать началъ.

— Правильно... А дочь?

— Клепатра-то? Ну, ту я пристроилъ къ хорошей должности... Мнѣ одной генеральшѣ приходилось голову брить, значитъ, докторъ велѣлъ. Ну, познакомился... Потомъ пуделей у нея каждую весну въ львиный образъ стригу. Какъ-то разговорились, она и взяла Клепатру въ няньки къ пудолямъ. Значитъ, должна, напримѣрно, водить ихъ гулять по два раза каждый день, а потомъ, главное, играть съ ними, чтобы не скучали и не выли зря. Три рубля жалованья Клепатра получаетъ и всю одежу.

— Такъ, устроился ты на отличку, Палъ Митричъ. Жена-то померши?

— Нѣтъ, жива, только мы съ ней на господскій манеръ: я—самъ по себѣ, а она—сама по себѣ.

— Чѣмъ же она живетъ?

— А кто ее знаетъ... По кухарочной части раньше служила.

— Такъ, такъ... А твой Васька чѣмъ занимается?

— Ну, этотъ на всѣ фасоны: и лакеемъ у господъ служилъ, и фиціантомъ, и въ поварахъ, и по лѣтамъ ягоды продавалъ на дачахъ, съ мороженымъ ѣздилъ, егеремъ состоялъ, кондукторомъ на конкѣ, извозчикомъ,—нигдѣ не уживается по своей отчаянности. Ему слово, а онъ два... Такой ужъ родился, а что̀ касаемо словесности, такъ и меня за поясъ заткнетъ.

— Такъ, такъ... Значитъ, фасонистый твой Васька.

Подумавъ немного, старикъ прибавилъ:

— А ты бы его, фасона, за виски... да въ одно ухо, да хорошую проволочку, да въ морду... а? Да прямо по зубамъ, да еще разъ по зубамъ... Не забывай, молъ, родительскую хлѣбъ-соль! Да по загривку, да по скуламъ, да подъ микитки, да въ волостное, чтобы тамъ еще старички хорошенько поучили.

— Никакихъ у насъ старичковъ не полагается,—уныло отвѣтилъ Павелъ Митричъ.—У насъ участокъ, а въ участкѣ еще отца же и завинятъ: зачѣмъ дѣлаешь непріятность родному сыну. Очень даже просто.

Увлекшись своей идеей ученья, Ѳедоръ Евсеичъ вскочилъ и заходилъ по соймѣ, какъ поднятый изъ берлоги медвѣдь. Могучая стариковская грудь отъ волненія тяжело поднималась, глаза горѣли. Остановившись передъ парикмахеромъ, старикъ заговорилъ:

— А ежели разобрать, такъ самъ ты во всемъ виноватъ, Палъ Митричъ... Каковъ ты есть человѣкъ, ежели разобрать? И вся твоя отчаянность—такъ плюнуть да и растереть нечего. Набаловалъ парня, вотъ онъ и задурилъ... Ты его послали ко мнѣ на Сясь, такъ я изъ него всю дурь вышибу.

Павелъ Митричъ конфузливо присмирѣлъ и только моргалъ жалко глазами. Дядя былъ правъ, и Васька былъ правъ. Деревенскія правильныя слова били Павла Митрича прямо по головѣ, какъ бьетъ чугунная баба по головѣ деревянную сваю.

„Экъ его взяло,—думалъ отчаянный человѣкъ, не зная, куда дѣваться.— Еще меня же поколотитъ, старый чортъ".

Оставалось одно—спасаться бѣгствомъ. Павелъ Митричъ вынулъ свои серебряные часы и дѣловымъ тономъ проговорилъ:

— Ухъ, какъ я опоздалъ. Растерзаетъ меня хозяинъ.

— Вотъ такъ отчаянный человѣкъ!—засмѣялся Ѳедоръ Евсеичъ. — Хозяина испугался...

Павелъ Митричъ окончательно сконфузился. Но, взглянувъ на Цѣпной мостъ, онъ радостно проговорилъ:

— Да вонъ онъ, Васька мой отчаянный, бѣжитъ по мосту и тычетъ барынѣ прямо въ носъ букетъ ландышей. Ахъ, прокуратъ!.. На вербѣ вотъ какъ торговалъ американскимъ чортомъ и воздушными пузырями, а сейчасъ ландыши продаетъ.

Ѳедоръ Евсеичъ изъ-подъ руки посмотрѣлъ на мостъ и увидѣлъ, какъ за извозчичьимъ экипажемъ бѣжалъ съ букетомъ ландышей здоровенный парень въ красной рубахѣ и спинджакѣ, что-то кричалъ и кланялся.

— Онъ самый, мой Васька,—подтвердилъ еще разъ Павелъ Митричъ.

IV.

Въ теченіе трехъ дней Павелъ Митричъ аккуратно рапнимъ утромъ являлся на сойму Ѳедора Евсеича пить чай. Онъ приносилъ съ собою французскихъ булокъ, московскихъ калачей, малиноваго варенья, селедку, водки и т. п.

— Дома я эту самую водку не уважаю,—говорилъ Ѳедоръ Евсеичъ.— А на водѣ она угрѣваетъ...

— Вѣ-время она даже очень пользительна,—согласился Павелъ Митричъ.—Нынче какъ-то мало пьютъ ее, а больше все пиво... Вредное оно, а пьешь вмѣстѣ съ другими. Мой Васька такъ и лакаетъ это самое пиво.

Отчаянный Васька какъ-то разъ зашелъ съ отцомъ на сойму посмотрѣть своихъ деревенскихъ. Ѳедоръ Евсеичъ все время присматривался къ нему и потомъ проговорилъ:

— Смотрю я на тебя, Василій, и въ самый бы разъ тебѣ за сохой ходить. А покажи руки?

Руки отчаяннаго Васьки оказались бѣлыми, какъ у горничной, и Ѳедоръ Евсеичъ только покачалъ головой. Какой же человѣкъ, когда руки совсѣмъ бабьи!

— Истварился ты, Василій, на легкой городской работѣ вконецъ. И настоящей деревни въ глаза не видалъ...

— Мы больше по дачамъ,—отвѣчалъ Васька, встряхивая волосами.— Значитъ, около господъ...

— Такъ, такъ... Денегъ много зарабатываешь около своихъ господъ, только домой не носишь. Заѣзжіе-то рубли пѣтухами поютъ...

Наканунѣ отъѣзда Павелъ Митричъ пришелъ на сойму вечеркомъ. Онъ имѣлъ такой грустный и несчастный видъ.

— Ужъ ты здоровъ ли, милъ человѣкъ?—спрашивалъ Ѳедоръ Евсеичъ.

— Такъ, ничего,—уклончиво отвѣтилъ со вздохомъ Павелъ Митричъ.— Тоже вѣдь и мои года не маленькіе. Подъ шестьдесятъ идетъ... да... А потомъ мысли... Раздумаешься—и вдругъ скучно сдѣлается.

— О чемъ раздумаешься-то?

— А разное... По ночамъ даже не сплю.

Начинало уже темнѣть. На баркахъ зажигали фонари. Финляндскіе

пароходики какъ-то особенно весело неслись по Фонтанкѣ, ярко освѣщая передъ собою дорогу носовыми фонарями. Павелъ Митричъ нѣкоторое время молчалъ, попыхивая папиросой, а потомъ проговорилъ:

— Эхъ бы теперь огоньку разложить, Ѳедоръ Евсеичъ? Въ лучшемъ бы видѣ около огоньку посидѣть...

— Начальство не дозволяетъ...

Въ головѣ Павла Митрича пронеслись картины далекаго-далекаго дѣтства, когда онъ съ другими деревенскими мальчишками ранней весной насъ лошадей по зеленямъ и уходилъ въ ночное. Горитъ весело огонекъ, въ темнотѣ слышится лошадиное фырканье, кто-нибудь разсказываетъ „страшное“,—эхъ, хорошо было!

— Да, хорошо...—думалъ вслухъ Павелъ Митричъ.—Когда у насъ въ мастерской топится печь, такъ я нарочно вытащу полѣно и понюхаю дымокъ...

Ѳедоръ Евсеичъ не могъ понять, къ чему ведется рѣчь, и молчалъ. Ему даже показалось, что Павелъ Митричъ пришелъ немного подъ хмелькомъ и плететъ что-то такое несообразное. Вотъ тебѣ и мысли... У пьянаго-то этихъ самыхъ мыслей хоть отбавляй. Старикъ не успѣлъ въ полную мѣру утвердиться въ этомъ предположеніи, какъ вдругъ послышался какой-то дѣтскій плачъ.

— Палъ Митричъ, Христосъ съ тобой...

— Ахъ, оставь...

Павелъ Митричъ сидѣлъ на мачтѣ и, закрывъ лицо руками, продолжалъ плакать. Ѳедоръ Евсеичъ былъ ужасно сконфуженъ и опасливо посмотрѣлъ на спавшаго врастяжку на палубѣ Мишутку: проснется парень—тогда ужъ совсѣмъ стыдъ и срамъ.

— Перестань, Палъ Митричъ... Мало ли что бываетъ на свѣтѣ. Этакъ у насъ въ деревнѣ у одного мужика лошадка пала... Вотъ какъ убивался, а потомъ выправилъ другую, и все пошло по-старому.

— Да я не о себѣ... А такъ, вообще...

— Хошь, я Мишутку за парой пива сгоняю?

— А ну его, пиво... Сейчасъ пройдетъ все... У меня это бываетъ... Докторъ знакомый къ намъ ходитъ, я его подстригаю, такъ онъ говоритъ, что это отъ нервовъ...

— Значитъ, въ томъ родѣ, какъ лихоманка?

— Нѣтъ, другое... Даже совсѣмъ наоборотъ.

— Значитъ, тошнитъ, какъ съ перепою? У насъ такъ-то одинъ мужичокъ на помочи съ вина сгорѣлъ... Навалился на даровое вино—почернѣлъ весь.

— Нисколько даже не похоже, Ѳедоръ Евсеичъ. Конечно, я принимаю и водку и пиво, а только знаю свою мѣру... А сейчасъ, напримѣръ... Эхъ, ничего ты не понимаешь, Ѳедоръ Евсеичъ, а еще настоящій, правильный крестьянинъ. Ну, посмотри на меня, каковъ я есть человѣкъ, ежели разобрать? Развѣ я самъ-то не понимаю... Взять тебя: привезъ ты рыбу въ Питеръ, продалъ, получилъ деньги, а завтра поставишь парусъ—и домой.

— Обнакновенно...

— А тамъ ужъ тебя ждутъ: вотъ дѣдушка изъ Питера возворотится... Ребятишкамъ баранки... Снохѣ-то ситцу купилъ... Вотъ оно самое... Прямо, значитъ, въ свое гнѣздо пріѣдешь. И домишко у тебя, свой уголъ, и все крестьянское обзаведенье... Овечекъ-то шесть штукъ держишь? Такъ... Однимъ словомъ, человѣкомъ пріѣдешь и будешь по-человѣчьи жить. А мы будемъ про-

надомъ пропадать, пока не подохнемъ... Себя мнѣ не жаль—все прожито, а вотъ ребятъ жаль. Ты вотъ про себя посмѣялся надъ моимъ отчаяннымъ Васькой и надъ собачьей пянькой Кленатрой тоже, а виноватъ-то я, самъ ты говорилъ, потому какъ не могъ поставить своего гнѣзда на правильную точку. Оно ужъ все, значитъ, одно къ одному: тутъ тебѣ пуговица, а тутъ тебѣ и петелька.

Раскуривъ новую папироску, Павелъ Митричъ неожиданно прибавилъ:

— А что, Ѳедоръ Евсеичъ, ежели бы, напримѣрно, опять собрать все гнѣздо?.. То-есть, видишь ли, ежели бы я опять махнулъ въ деревню: жена есть, сынъ-работникъ, дѣвчонка-подростокъ, я тоже могу соотвѣтствовать... Я вѣдь не выписался изъ крестьянъ и за землю плачу. Ну, поставили бы избенку, обрядили лошадку, коровушку, пару овечекъ, курочекъ... Какъ ты думаешь?..

Ѳедоръ Евсеичъ долго молчалъ, а потомъ тряхнулъ головою и категорически заявилъ:

— Не гоже...

— Ты думаешь, не гоже?

— Совсѣмъ не гоже... Ты ужъ совсѣмъ отбился отъ крестьянства и всю семью отбилъ. Ничего не выйдетъ...

— Значитъ, помирать?

— Раньше смерти никто не помираетъ, Палъ Митричъ,

Мужицкій отвѣтъ былъ жестокъ. У Павла Митрича все какъ-то потемнѣло въ глазахъ, точно его ударили палкой по головѣ. Онъ посидѣлъ, помолчалъ и молча началъ прощаться.

— Приходи ужо утречкомъ въ послѣдній разъ чайку попить,—приглашалъ Ѳедоръ Евсеичъ.

— Ладно,—донесся голосъ Павла Митрича изъ темноты.

Утромъ Павелъ Митричъ не пришелъ. Ѳедоръ Евсеичъ подождалъ его лишній часъ и сказалъ:

— Ну, нашъ отчаянный, видно, пропалъ, а намъ съ тобою пора...

Когда сойма уже вышла на шестахъ въ Неву, Ѳедоръ Евсеичъ видѣлъ, какъ по набережной бѣжалъ Павелъ Митричъ и махалъ ему фуражкой.

„Отчаянный человѣкъ“ провожалъ уходившую вверхъ по Невѣ сойму полными слезъ глазами, точно она увозила его послѣднюю надежду.

1901.

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО.

Разсказъ.

I.

Анна Сергѣевна Мякишева, какъ всегда, проснулась „съ дѣловымъ видомъ“, который и сохраняла на цѣлый день, какъ лошадь, которую ежедневно закладываютъ въ одинъ и тотъ же экипажъ и которая сама просовываетъ свою голову въ знакомый хомутъ. Извиняюсь за это вульгарное сравненіе, но я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія унизить имъ или огорчить почтенную дѣловую женщину. Говоря между нами, нѣкоторыя дамы отъ души завидовали именно этому дѣловому виду Анны Сергѣевны и напрасно старались ей подражать. Выходило то, да не то, какъ это всегда бываетъ при подражаніяхъ. Другой Анны Сергѣевны не могло быть.

Укладываясь спать, Анна Сергѣевна имѣла привычку подводить дѣловой итогъ прожитому дню и дѣлала самой себѣ что-то въ родѣ экзамена. Вѣдь ни одинъ день не вернется и ни одно солнце не поднимется заднимъ числомъ, а въ сорокъ пять лѣтъ дѣловые люди начинаютъ крѣпко задумываться надъ количествомъ оставшихся въ ихъ распоряженіи дней, и на этомъ основаніи Анна Сергѣевна, просыпаясь утромъ и лежа въ постели, составляла подробную программу для наступающаго дня.

— Докончить переводъ восьмой главы,— думала она вслухъ, борясь съ утренней дремотой.—Послѣ завтрака съѣздить въ комитетъ... визитъ къ Просперовой... Ахъ, какіе это тошные люди, а не отдать визита нельзя. Сегодня... да... именно сегодня обѣдъ у Колчевыхъ. Тоже не много будетъ радости, если не придетъ Черняковъ, который обѣщалъ похлопотать по одному дѣлу. Вечеромъ засѣданіе въ благотворительномъ обществѣ и ужинъ по подпискѣ. Это все наша взбалмошная княгиня придумываетъ, „для сближенія элементовъ“, какъ она говоритъ.

Однимъ словомъ, цѣлый день оказывался полнымъ, и еще не хватало времени съѣздить въ двѣ школы, побывать въ книжномъ магазинѣ, заѣхать въ типографію и т. д., и т. д. Больше всего огорчалъ Анну Сергѣевну ужинъ по подпискѣ, потому что она терпѣть не могла платить деньги и, вѣроятно, на этомъ основаніи умѣла вымогать деньги на свои благотворительныя дѣла съ изумительной ловкостью, находчивостью и упорствомъ. Когда она подходила съ улыбкой къ кому-нибудь изъ богатыхъ людей гдѣ-нибудь въ фойе театра или въ концертной залѣ, отъ нея откупались безъ всякихъ видимыхъ знаковъ сопротивленія, сознавая ихъ полную безполезность. Говоря проще, Анна Сергѣевна была скупа, торговалась съ каждымъ извозчикомъ до ожесточенія, не давала прислугѣ на чай, а своихъ кухарокъ считала поголовно

воровками и торговалась каждое утро съ ними изъ-за каждаго гроша до бѣшенства. Конечно, послѣдняго никто не видалъ, и Анна Сергѣевна слыла просто дѣловой, строгой женщиной.

Итакъ, Анна Сергѣевна проснулась, составила программу на цѣлый день и позвонила. Вошла горничная съ блѣднымъ, немного испуганнымъ лицомъ и остановилась въ дверяхъ.

— Что Эввочка?—спросила Анна Сергѣевна съ скрытой тревогой въ голосѣ, какъ спрашивала каждое утро.

— Онѣ спятъ...

— Подними шторы... Подай теплой воды... Достань синее суконное платье... Пришей пуговицу къ ботинкѣ.. Барину принеси сухарей... Впрочемъ, не нужно: осталась вчерашняя булка... У Эввочки вчера плохо была вычищена юбка... Потомъ въ углу подъ роялью я вчера замѣтила паука: поймай его и раздави... Потомъ скажи кухаркѣ, что она вчера не подала мнѣ за масло двухъ копеекъ... Скажи дворнику, чтобы онъ не смѣлъ носить сырыхъ дровъ... Подожди: кто вчера отбилъ ручку у бѣленькой чайной чашки?

У Анны Сергѣевны былъ деспотическій характеръ, и она держала всѣхъ въ домѣ, особенно мужа, въежовыхъ рукавицахъ.

Павелъ Максимовичъ Мякишевъ обладалъ мягкимъ, податливымъ характеромъ и съ первыхъ дней супружества терпѣливо несъ тяжелое иго семейнаго счастья. Этотъ худенькій, тихій и скромный человѣкъ съ какой-то скромной лысиной на головѣ и робкими движеніями былъ счастливъ только тогда, когда сидѣлъ въ своемъ правленіи и вырѣзывалъ изъ газетъ объявленія о продающихся дворянскихъ имѣніяхъ, домахъ, дачахъ и земляхъ. Онъ вставалъ рано и проводилъ утро въ столовой, раскладывая пасьянсъ. Анна Сергѣевна просыпалась поздно и часа два совершала свой утренній туалетъ. Прислуга въ грошъ не ставила робкаго барина и не обращала на него никакого вниманія. Какой это баринъ, который боится не только жены, но родной дочери, тоже робкой и слишкомъ замуштрованной дѣвушки.

Чета Мякишевыхъ жила, какъ тысяча такихъ счастливыхъ парочекъ, достигшихъ въ своемъ семейномъ счастьѣ того предѣльнаго возраста, когда отъ жизни нечего ожидать. Впрочемъ, Анна Сергѣевна, какъ многія дамы ея возраста, постепенно пришла къ убѣжденію, что сдѣлала непоправимую ошибку, выйдя замужъ за Павла Максимовича, и что ея жизнь могла бы сложиться иначе. Примиряющимъ элементомъ являлась только Эввочка, но и та несла въ своемъ характерѣ мякишевскія черты, да и вообще была какая-то вялая, инертная и безвольная.

По утрамъ Мякишевъ очень страдалъ, потому что Анна Сергѣевна по скупости не выписывала ни одной газеты („Все глупости въ твоихъ дурацкихъ газетахъ пишутъ, а шестнадцать рублей—деньги... Посчитай-ка, сколько французскихъ булокъ выйдетъ на шестнадцать рублей: триста двадцать булочекъ! А ты еще сухарей требуешь... Читай въ своемъ правленіи, сколько угодно“). И Мякишевъ уныло слонялся по столовой, какъ замореный звѣрь въ зоологическомъ саду слоняется по своей клѣткѣ. У него былъ великолѣпный „дѣловой“ кабинетъ, съ такимъ большимъ письменнымъ столомъ, какой годился бы для любой кухмистерской, но онъ его терпѣть не могъ, потому что ему рѣшительно нечего было дѣлать въ этомъ кабинетѣ. Скромнаго Павла Максимовича всегда немного коробило, когда Анна Сергѣевна говорила:

— Ахъ, Павелъ Максимовичъ такъ занятъ, такъ занятъ, что я его вижу только за обѣдомъ и поздно вечеромъ...

И онъ долженъ былъ цѣлую жизнь разыгрывать роль человѣка, которому дохнуть некогда, и знакомые даже жалѣли его, какъ заработавшагося человѣка, который неизбѣжно долженъ кончить нервнымъ переутомленіемъ.

— Я и сама боюсь за него,—подтверждала Анна Сергѣевна, изображая на лицѣ покорность судьбѣ.—Но что подѣлаете: каждый долженъ работать.

Слова: работать, работа, рабочій,—были любимыми словами для Анны Сергѣевны, и она очень часто себя называла рабочей бабой.

Сегодня все было, какъ всегда. Анна Сергѣевна вышла въ столовую уже совсѣмъ готовая, т.-е. затянутая въ синее суконное платье, что означало, что она сейчасъ послѣ завтрака отправится по дѣламъ. Никакихъ капотовъ она не признавала и любила повторять слова Бисмарка, что каждая кляча должна умереть въ своихъ оглобляхъ.

— Здравствуй, Поль!..

Павелъ Максимовичъ немного трусилъ, какъ это ни смѣшно сказать, всѣхъ именно этого синяго суконнаго платья, въ которомъ Анна Сергѣевна являлась для него чѣмъ-то въ родѣ неприступной крѣпости, и даже у нея въ [illegible] являлось какое-то зловѣщее выраженіе. Онъ почтительно [illegible] ее въ дряблую щеку и что-то такое пробормоталъ, чего нельзя было [illegible], какъ встрѣчаетъ рота своего командира.

— А что Еввочка?—еще разъ спросила Анна Сергѣевна, усаживаясь на свое мѣсто за столомъ.

— Онѣ еще спятъ,—отвѣтила, какъ эхо, горничная.

II.

Отпивая свой кофе короткими глотками, Анна Сергѣевна имѣла привычку упорно слѣдить глазами за мужемъ, и онъ впередъ чувствовалъ себя виноватымъ, какъ тотъ кроликъ, на котораго уставилась глазами гремучая змѣя.

— Опять за работу?—иронически спросила она, разламывая на мелкіе кусочки сахаръ,—это была ея дурная привычка.—Вырѣзывать объявленія?

— Что же, я... я, вообще, никому не мѣшаю, Анюта...

— И это называется—работа. Удивляюсь... И всѣ члены вашего правленія тоже занимаются только тѣмъ, что вырѣзываютъ газетныя объявленія?.. Я посовѣтовала бы вашему правленію раскрашивать картинки изъ „Нивы“,—тоже очень интересно.

Анна Сергѣевна презрительно повела жирными плечами. За послѣдніе годы она начала быстро старѣть, что ее серьезно огорчало, потому что портило дѣловой видъ. И лицо дѣлалось полнымъ и брюзгливымъ, около глазъ выступали морщины, бѣлки глазъ по утрамъ покрывались желтизной,—вообще наступала старость.

Павелъ Максимовичъ былъ всегда радъ, когда утренній кофе кончался. Это было сигналомъ, что онъ можетъ уходить на службу, т.-е. быть до самаго обѣда самимъ собой. Онъ уходилъ на службу всегда съ немного виноватымъ видомъ, повторяя одну и ту же фразу:

— Я къ обѣду вернусь, Анюта.

Анна Сергѣевна провожала его презрительнымъ взглядомъ и еще разъ пожимала плечами. Трудно было объяснить это презрѣніе, тѣмъ болѣе, что Павелъ Максимовичъ рѣшительно ничего такого не дѣлалъ, что дало бы къ этому какой-нибудь поводъ. Единственнымъ объясненіемъ могло быть развѣ только то, что онъ всегда былъ очень скромнымъ человѣкомъ. И женился онъ тоже изъ скромности, т.-е., вѣрнѣе сказать, Анна Сергѣевна женила его на себѣ. Въ

ранней юности она прошла тяжелую школу бѣдности и лишеній. Ея отецъ, профессоръ-филологъ, говоря словами Некрасова, „кромѣ каменной болѣзни не имѣлъ ничего“ и умеръ отъ этой же болѣзни, оставивъ семью нищею. Мякишевъ былъ знакомъ съ братомъ Анны Сергѣевны и бывалъ иногда у нихъ въ домѣ. Скромный и застѣнчивый студентикъ къ окончанію курса неожиданно сдѣлался богачомъ, благодаря какимъ-то участкамъ земли около Баку, пріобрѣтеннымъ еще его дѣдомъ. Неожиданное богатство не сдѣлало Павла Максимовича смѣлѣе, и онъ никогда не рѣшился бы сдѣлать ей предложеніе, хотя смѣлая и рѣшительная дѣвушка нравилась ему. Анна Сергѣевна сама пошла навстрѣчу къ нему.

— Мнѣ вашего богатства не нужно, — предупредила она, когда еще была невѣстой.—Я буду жить своимъ трудомъ. Да... Вы такъ и знайте. Время женъ-содержанокъ, къ счастью, прошло...

Дальше пошло, какъ и слѣдовало итти. Прежде всего Анна Сергѣевна тщательно скрывала отъ всѣхъ свои болѣе чѣмъ солидныя средства и не проявила ни малѣйшаго стремленія къ показной роскоши. Затѣмъ она не пожелала войти въ кругъ финансовой аристократіи, а предпочла остаться въ своемъ кругу. Больнымъ мѣстомъ въ ея жизни было только то, что Павелъ Максимовичъ не проявлялъ рѣшительно никакихъ талантовъ и едва сумѣлъ попасть въ члены правленія какого-то акціонернаго общества, гдѣ былъ однимъ изъ главныхъ пайщиковъ. Для знакомыхъ Анны Сергѣевны онъ оставался сфинксомъ.

Когда Павлу Максимовичу все-таки приходилось показываться при гостяхъ, онъ дѣлался настоящимъ мученикомъ, потому что долженъ былъ разыгрывать роль дѣлового человѣка. Зато онъ отводилъ душу у себя въ правленіи, вырѣзая газетныя объявленія. У него развилось что-то въ родѣ маніи быстро разбогатѣть еще разъ. Вѣдь богатѣли же другіе, богатѣли прямо у него подъ носомъ. Богатство оказывалось вездѣ, даже тамъ, гдѣ о его существованіи никто и подозрѣвать не могъ. Ужъ не говоря о Кавказѣ, богатства открывались по всему югу Россіи, на сѣверѣ, на востокѣ,—вездѣ рѣшительно.

Одной изъ причинъ скрывать свое богатство для Анны Сергѣевны былъ вѣчный страхъ, что всѣ, какъ только узнаютъ, полѣзутъ занимать въ долгъ, начнутъ клянчить, приставать. Съ другой стороны, ей хотѣлось совершенно самостоятельно создать себѣ извѣстное положеніе въ обществѣ, а главное— играть видную роль. Она сохранила знакомства отца и особенно дорожила нѣкоторыми литературными именами. Здѣсь же она получала и работу, главнымъ образомъ переводы.

Кофе конченъ. Анна Сергѣевна поднялась и еще разъ спросила горничную:

— А что Еввочка?

— Онѣ еще не просыпались...

Анна Сергѣевна безумно любила дочь, но никакъ не могла понять: взрослая дѣвушка, знающая три иностранныхъ языка, и такъ безсовѣстно спитъ. Еввочка тоже „работала“, не считая занятій на курсахъ: она тоже „переводила“, и Анна Сергѣевна гордилась, когда подъ какимъ-нибудь переводомъ появлялось имя Еввочки. Ахъ, какая способная дѣвчонка, только ужасно вялая. Ну, въ свое время оживится, а пока пусть выспится хорошенько. Собственно Еввочка только числилась на курсахъ, хотя, какъ не „медальерка“, и не имѣла права на нихъ поступить, а попала туда благодаря протекціи

— Какіе нынче профессора?—говорила Анна Сергѣевна тономъ своего человѣка при университетѣ.—Такъ, что-то такое... вообще... Не думаю, чтобы Евочка вынесла оттуда особенно много, но пусть поучится... Все-таки извѣстный режимъ, товарищество, и наконецъ нужно же молодой дѣвушкѣ что-нибудь дѣлать...

Переходя изъ столовой въ свой рабочій кабинетъ, Анна Сергѣевна думала:

„Что же дѣлать, служба... Нельзя себя распускать. Дѣло прежде всего".

Кабинетъ, большая, высокая и свѣтлая комната, былъ обставленъ съ дѣловой простотой, съ тою разницей отъ дѣлового кабинета Павла Максимовича, что письменный столъ здѣсь былъ приставленъ къ стѣнѣ и, благодаря вычурнымъ полкамъ и этажеркамъ, походилъ отчасти на буфетъ, отчасти на церковный органъ. Конечно, это довольно сложное сооруженіе было завалено бумагами просто, бумагами въ папкахъ, бумагами въ спеціальныхъ картонкахъ, бумагами въ трубочкахъ и т. д., и т. д. Анна Сергѣевна входила въ свой кабинетъ съ видомъ замученнаго на работѣ начальника какого-нибудь департамента, медленно усаживалась къ столу и еще медленнѣе старалась повторить про себя программу сегодняшняго дня.

— Прежде всего докончить восьмую главу,—думала она вслухъ, протягивая руку къ картонкѣ съ надписью: „Переводы".

Картонка уже была раскрыта, когда въ передней послышался звонокъ. Анна Сергѣевна нахмурилась, потому что терпѣть не могла, когда ей мѣшали работать.

„Кто бы это могъ быть?—сердито подумала она.—Всего еще только одиннадцать часовъ..."

По сдержанному голосу горничной, доносившемуся изъ передней, Анна Сергѣевна поняла все.

— Рекомендательное письмо...

Горничная, дѣйствительно, подала письмо и на нѣмой вопросъ барыни отвѣтила:

— Я говорила, что вы принимаете отъ двухъ до трехъ часовъ, а онѣ мнѣ суютъ прямо въ носъ письмо. Я ужъ не знаю...

— Барышня?

— Точно такъ-съ, въ томъ родѣ, какъ на курсы приняли проситься...

— Ахъ, ужъ эти мнѣ курсы... Нельзя же всю Россію помѣстить на курсы! Навѣрно, какая-нибудь провинціалочка... изъ дальнихъ...

Письмо имѣло довольно затасканный видъ, и Анна Сергѣевна какъ-то брезгливо прочитала адресъ, написанный мелкимъ старческимъ почеркомъ. Разорвавъ конвертъ и прочитавъ подпись, она съ несвойственной быстротой проговорила:

— Пригласите барышню сюда...

III.

Изъ передней вошла молодая дѣвушка въ темномъ шерстяномъ платьѣ и помятой фетровой шляпѣ и нерѣшительно остановилась у дверей. Анна Сергѣевна сама подошла къ ней и, протягивая руку, проговорила:

— Вы дочь Алексѣя Васильича? Да? Очень, очень рада васъ видѣть... Садитесь, пожалуйста. Да, рада...

Анна Сергѣевна старалась придать своему голосу ласковость и въ то же время съ какой-то жадностью разсматривала дѣвушку.

— Вотъ вы какая...—въ какомъ-то раздумьѣ проговорила она, кончивъ

осмотръ.—Именно такой я васъ и представляла себѣ... И зовутъ васъ тоже Еввой, какъ и мою дочь.

При послѣдней фразѣ Анна Сергѣевна подавленно вздохнула и, извинившись, принялась читать письмо. Время отъ времени она взглядывала изъ-за письма на гостью и улыбалась.

— Ахъ, какъ я его узнаю, вашего папу... Все такой же неисправимый идеалистъ. Да... Боже мой, а сколько времени прошло... Вы хотите поступить на курсы? Но, къ сожалѣнію, уже поздно... Срокъ подачи прошеній былъ напечатанъ во всѣхъ газетахъ.

— Я подавала прошеніе и получила отказъ,—конфузливо отвѣтила дѣвушка.—Я кончила гимназію безъ медали, а такихъ не принимаютъ...

— Совершенно вѣрно... И вы все-таки пріѣхали?

— Да... Вѣдь бываютъ случаи, что поступаютъ на курсы и безъ медали...

— Гм... конечно, иногда случается... Вездѣ бываютъ свои исключенія.

Анна Сергѣевна, собственно, не слышала этихъ объясненій и продолжала разсматривать гостью. Да, вотъ и отцовскій лобъ, и упрямый вихоръ на проборѣ волосъ, и горбинка на носу, и эти сѣрые съ поволокой глаза,—однимъ словомъ, вылитый отецъ. Если бы тогда Анна Васильевна вышла замужъ за Алексѣя Васильича, то у нея была бы, вѣроятно, такая же дочь... Мысленно она невольно сравнила двухъ Еввочекъ и ревниво нахмурилась.

„Эта не пропадетъ“,—рѣшила она про себя, принимая обычный дѣловой видъ.

— Разскажите мнѣ что-нибудь про своего папу,—проговорила она не совсѣмъ кстати.—Онъ, кажется, успѣлъ послужить во всѣхъ университетахъ и все еще приватъ-доцентъ?

— У папы такой характеръ... Ему трудно гдѣ-нибудь ужиться.

— Да, дѣйствительно, характеръ... Впрочемъ, я кое-что слышала объ его исторіи въ Харьковѣ, потомъ въ Казани или въ Варшавѣ... Вообще, одинъ изъ русскихъ *историческихъ* людей.

Гостьѣ не понравился вынужденный смѣхъ Анны Сергѣевны, и она опустила глаза. Зачѣмъ она такъ говоритъ объ ея отцѣ и еще обидно подчеркиваетъ слова?

Анна Сергѣевна замѣтно волновалась и нѣсколько разъ прошлась по комнатѣ, чтобы успокоиться. Изрѣдка она взглядывала на гостью, и ей дѣлалось жутко, точно это сидѣла на стулѣ сама она, когда была просто дочерью профессора. О, какъ она хорошо понимала эту приличную бѣдность, которая притаилась въ каждой складкѣ скромнаго шерстянаго платья, придала прошлогодней шляпѣ измятый видъ и т. д., понимала все, до того неловкаго душевнаго состоянія, которое сейчасъ переживала вотъ эта дѣвушка въ качествѣ просительницы.

— Ахъ, да, вы хотѣли бы поступить на курсы,—спохватилась Анна Сергѣевна, просыпаясь отъ своего раздумья.—Я, конечно, могу похлопотать... Могу поговорить кое съ кѣмъ... Но впередъ могу сказать, что изъ этого ничего не выйдетъ. Вы представьте себѣ, что до трехсотъ прошеній получили отказъ...

— А если записаться кандидаткой?

— Это, конечно, можно, но... Право, мнѣ дѣлается больно говорить о томъ, что я совершенно безсильна въ данномъ случаѣ, какъ безсильны и другіе. Каждая дѣвушка думаетъ, что она первая такая неудачница и единственная, а ихъ такъ много... Вы не можете себѣ представить, какъ тяжело

отказывать, и я каждый разъ страшно волнуюсь. Я понимаю, что и вамъ нелегко. О, какъ я отлично понимаю эти золотыя мечты юности, эти порывы впередъ, эту молодую энергію... Да!.. Наконецъ просто: въ ваши годы жить хочется...

„Къ чему она все это говоритъ?“—удивлялась гостья.

— Да... А съ другой стороны...—тянула Анна Сергѣевна, видимо, затрудняясь высказать что-то окончательное и рѣшающее.—Конечно, непріятно, что вы не попадете нынче на курсы, но, съ другой стороны, когда вы подумаете объ этомъ и хорошенько провѣрите себя, то, можетъ-быть, даже будете довольны именно такимъ исходомъ дѣла...

— Что вы этимъ хотите сказать, Анна Сергѣевна?

— Самую простую вещь, моя дорогая... Вы не обижайтесь на меня. Представимъ себѣ такой случай, именно, что благодаря рекомендаціи вы попадете на курсы,—говорю это къ примѣру. Да, попадете... А не будетъ вамъ немного совѣстно, что вы попали именно по рекомендаціи, то-есть, называя вещи своими именами, заняли чье-то чужое мѣсто, то-есть мѣсто той дѣвушки, которая не имѣла никакой рекомендаціи?

Гостья покраснѣла и сдѣлала движеніе подняться.

— Пожалуйста, не волнуйтесь, моя хорошая, и не сердитесь на меня,—удержала ее Анна Сергѣевна.—Въ жизни встрѣчаются такія роковыя комбинаціи... Вы себя будете оправдывать тѣмъ, что другія дѣвушки поступаютъ же по рекомендаціи, но вѣдь это чисто-формальное оправданіе и даже, если хотите, совсѣмъ не оправданіе. Мало ли что могутъ дѣлать другіе, и мы нисколько не обязаны подражать дурнымъ примѣрамъ. Говорю все это только потому, что мнѣ постоянно приходится съ этимъ считаться.

Гостья вся вспыхнула и вскочила. На глазахъ у нея были слезы.

— Анна Сергѣевна, вы совершенно правы, и я сама то же самое думала, но... Есть еще одна сторона дѣла, именно—сейчасъ на курсахъ неизвѣстно зачѣмъ числятся такія дѣвушки, которымъ совершенно нѣтъ даже охоты учиться. Идутъ на курсы, потому что такая мода и потому что дома имъ нечего дѣлать. И такихъ, къ сожалѣнію, очень много... Посидятъ нѣсколько семестровъ и все бросятъ. Думаю, что это похуже всякой рекомендаціи.

— Да, случается...—согласилась Анна Сергѣевна, припоминая собственную дочь, которая и на курсы попала только благодаря рекомендаціи и никакой охоты къ серьезнымъ занятіямъ не чувствовала.—Да, бываетъ.

— Я собственно никого не желаю обвинять, Анна Сергѣевна. Богъ съ ними, съ курсами. Я пришла къ вамъ главнымъ образомъ съ другой просьбой...

— Вы ищете работы!..—перебила ее Анна Сергѣевна и въ какомъ-то ужасѣ развела руками.—Да? Работы?!..

— Я могу дѣлать переводы съ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго...

— Боже мой! Боже мой!..—какъ-то застонала Анна Сергѣевна.—Да знаете ли вы, моя дорогая, что на каждую букву найдется нѣсколько переводчицъ? Цѣны за эту работу сбиты до невозможности... Прибавьте конкуренцію тѣхъ переводчицъ, которыя уже имѣютъ свое имя въ литературѣ. Укажу, голубушка, на собственный примѣръ... Говорю это не изъ хвастовства, а къ слову. Я тоже переводчица..

— Я это знаю, Анна Сергѣевна...

— У меня есть маленькое имя въ литературѣ, и мнѣ прямо заказываютъ переводы. Да... Но вѣдь нынче мало знать языки, а надо имѣть та-

лантъ, особенно въ такихъ областяхъ, какъ беллетристика. Мало того, чтобы передать дословно текстъ автора, а необходимо проникнуться духомъ этого автора, передать его настроеніе, тѣ мельчайшія особенности и тонкости въ языкѣ, которыми отличается именно данный авторъ. Какъ видите (Анна Сергѣевна обвела свой кабинетъ глазами), я человѣкъ обезпеченный и работаю совсѣмъ не изъ-за денегъ, а только изъ любви къ дѣлу. У меня это въ крови... Каждая женщина должна работать. Не правда ли? Время женъ-содержанокъ миновало... У меня мужъ тоже хорошій работникъ, и у него буквально нѣтъ ни одной свободной минуты... Да...

Анна Сергѣевна говорила еще много и горячо, и гостья едва улучила моментъ, чтобы уйти.

IV.

Анна Сергѣевна была немного удивлена, что гостья такъ быстро ушла. Походило даже на бѣгство... А, кажется, она была съ ней достаточно любезна, даже слишкомъ любезна, потому что пожертвовала ей цѣлый рабочій часъ. Впрочемъ, эти наивныя провинціалки совершенно не понимаютъ, что̀ значитъ работать, рабочее время, работающій человѣкъ. Однимъ словомъ, порядочные эгоисты, какъ всѣ истинныя дѣти природы.

— Ушла и даже не оставила своего адреса,—думала вслухъ Анна Сергѣевна, пожимая плечами.—Очень мило... Ни за что ни про что оторвать человѣка отъ срочной работы—и уйти...

Нужно было сдѣлать надъ собой нѣкоторое усиліе, чтобы снова усѣсться за письменный столъ и отыскать то мѣсто восьмой главы, съ котораго шло продолженіе перевода. Анна Сергѣевна чувствовала, что все это только одна комедія, а работа все равно не будетъ клеиться. Она была вышиблена изъ обычнаго рабочаго настроенія. Вмѣсто того, чтобы продолжать переводъ, Анна Сергѣевна позвонила.

— Что̀ Еввочка?

— Онѣ проснулись...

— Хорошо. Иди...

— Кухарка спрашиваетъ, что̀ готовить къ обѣду...

— Ахъ, говорятъ тебѣ: уходи. Развѣ не видишь, что я работаю. Потомъ приду въ кухню...

Вопросы питанія для Анны Сергѣевны составляли вѣчную и неразрѣшимую задачу, потому что наука двигалась впередъ и вмѣстѣ съ этимъ поступательнымъ движеніемъ мѣнялись и взгляды на питаніе. Сколько огорченія доставляли Аннѣ Сергѣевнѣ одни яйца,—одно время яйцо вкрутую считалось чуть не ядомъ, потомъ смятку замѣнили яйцомъ въ мѣшочкѣ, потомъ было рѣшено, что нужно ѣсть одинъ бѣлокъ, потомъ—совершенно наоборотъ—ѣсть одинъ желтокъ, потомъ прописывались яйца вкрутую, и наконецъ вегетаріанцы заявили, что ѣсть яйца совсѣмъ не слѣдуетъ и съ точки зрѣнія этики пищи даже стыдно. Вотъ подите и разберитесь тутъ... А мясо? Сама Анна Сергѣевна воспиталась въ эпоху крѣпкихъ бульоновъ, мясныхъ вытяжекъ, либиховскаго мясного экстракта и—главное—въ эпоху „пылающаго ростбифа“ и кровавыхъ бифштексовъ. И вдругъ... Да, англичане уже не ѣдятъ бульоновъ, нѣмцы признаютъ кровавое мясо источникомъ всевозможной заразы, французы питаются одной булкой съ салатомъ. При такихъ условіяхъ развѣ легко заказать обѣдъ, такъ себѣ, съ легкимъ сердцемъ, особенно когда главный вопросъ заключается въ питаніи Еввочки. Павелъ Максимовичъ не шелъ въ счетъ, и его завтракъ заключался въ нѣсколькихъ бутербродахъ изъ супового мяса,

которые онъ уносилъ въ своемъ портфелѣ на службу и которыми заѣдалъ ежедневную жатву газетныхъ объявленій.

„Мужчины — самые жестокіе эгоисты,—любила повторять Анна Сергѣевна.—Что бы сталъ дѣлать Павелъ Максимычъ, если бы къ нему въ правленіе явилась кухарка и стала требовать меню обѣда? Въ кухнѣ для женщины притаился послѣдній призракъ рабства...“

Анна Сергѣевна забывала прибавить, что сама она очень любила покупать и могла питаться за-разъ по разнымъ системамъ, особенно, если за это не нужно платить.

Еввочка проснулась и долго потягивалась въ своей постели. У нея была отдѣльная спальня, устроенная по плану знаменитостей медицины, а рядомъ— кабинетъ, съ письменнымъ столомъ довольно почтенныхъ размѣровъ. Еввочка любила понѣжиться утромъ, любила, чтобы горничная надѣла ей чулки, и долго жмурила слипавшіеся послѣ крѣпкаго сна глаза. Умывшись самой холодной водой, Еввочка накидывала на себя какой-то утренній халатикъ изъ термаламы и шла здороваться съ мамой, цвѣтущая, красивая, улыбающаяся, съ еще не проспувшей улыбкой. Она немножко по-дѣтски шепелявила, и Анна Сергѣевна долго цѣловала ея русую, кругленькую, какъ у куклы, головку.

— Ты здорова, Еввочка?—тревожно спрашивала Анна Сергѣевна, заглядывая дочери въ глаза. — Ахъ, ты, мой котепочекъ...

Сегодня Еввочка вошла въ кабинетъ мамы съ обычной, стереотипной улыбкой любящей дочери и даже протянула руки впередъ для объятій, но мамы въ кабинетѣ не было. Утренній зарядъ дочернней нѣжности такъ и пропалъ даромъ... Еввочка нахмурилась и подошла къ столу, на которомъ валялось рекомендательное письмо Алексѣя Васильича.

— Фу, какой дурацкій конвертъ!—подумала она вслухъ. — И почеркъ дурацкій... Отъ кого это?.. Какой-то Малявинъ... нѣтъ, Мальвинъ... Малининъ... Малинъ... Ничего не разберешь!..

Анна Сергѣевна вернулась именно въ этотъ моментъ, на ходу объясняя слѣдовавшей за ней кухаркѣ какой-то кухонный рецептъ.

— Ахъ, это ты, Еввочка... Ты здорова?

Мать и дочь нѣкоторое время душили другъ друга въ объятіяхъ, хотя Еввочка капризно отворачивалась отъ неистовыхъ материнскихъ поцѣлуевъ.

— Мама, это кто у тебя былъ? — капризно спрашивала Еввочка, вырвавшись наконецъ изъ материнскихъ объятій. — Вотъ это письмо... такое смѣшное...

— Да, да... Была одна дѣвушка, которую зовутъ тоже Еввочкой... Я хорошо знала ея отца... Опоздала на курсы, ищетъ переводовъ... Однимъ словомъ, самая обыкновенная исторія. Боже мой, что это я болтаю, — вѣдь ты еще не пила своего кофе?!.. — въ ужасѣ спохватилась Анна Сергѣевна. — У тебя нѣтъ аппетита?!..

— А какое смѣшное письмо, мама... Буквы такія тощія, точно ихъ выдерживаютъ на самой строгой діэтѣ... голодныя буквы совсѣмъ, мама.

Боже мой, какъ Еввочка иногда бываетъ остроумна! Не правда ли, какъ это хорошо и вѣрно сказано: голодныя буквы? Анна Сергѣевна смѣялась до слезъ. Пока Еввочка пила въ столовой свой утренній кофе, обмакивая любимые бисквиты въ ароматный напитокъ, Анна Сергѣевна все время любовалась ею и думала о томъ счастливцѣ-мужчинѣ, которому со временемъ будетъ принадлежать это живое совершенство. Да, бываютъ такіе безумно-счастливые люди... Отпивая кофе маленькими глотками, Еввочка продолжала болтать о смѣшномъ письмѣ.

— Да, бываютъ и такія письма, — соглашалась Анна Сергѣевна и почему-то вздохнула. — Мнѣ иногда кажется, Ввочка, что ты не достаточно цѣнишь то, чѣмъ пользуешься даромъ. Ахъ, какъ намъ съ тобой нужно много-много работать!.. А ты иногда маникируешь своими переводами... Меня ужъ спрашивали въ редакціи о статьѣ, которую ты сейчасъ переводишь... Ты не понимаешь, какъ трудно доставать работу, и не цѣнишь этого. Да...

Ввочка посмотрѣла на мать улыбающимися глазами и отвѣтила:

— А у насъ будетъ, наконецъ, абонементъ на оперу, мама? Я безъ ума отъ Фигнера...

Рекомендательное письмо Алексѣя Васильича было забыто на письменномъ столѣ Анны Сергѣевны, — это былъ осенній листъ, палый съ дерева дружбы...

1900.

ГОЛОСЪ КРОВИ

Разсказъ.

I.

Волжскій пароходъ, тяжело разгребая мутную, покрытую радужными нефтяными пятнами воду, подвигался впередъ съ убійственной медленностью, т.-е. такъ казалось Марьѣ Александровнѣ. Судорожныя подергиванія пароходнаго корпуса отъ работы машины чувствовались даже въ рубкѣ перваго класса, гдѣ сейчасъ сидѣла Марья Александровна, что̀ ее волновало и злило, точно какая-то невидимая рука дергала ее, Марью Александровну. Она морщилась и устало закрывала глаза. Ее раздражалъ и голосъ мужа, который разговаривалъ съ господиномъ представительной наружности „критическаго возраста“, разыгрывавшимъ изъ себя какого-то волжскаго лэндлорда.

„Какіе они оба противные,—думала она, съеживаясь.—И какъ противно оба кривляются...“

Мужъ, еще молодой человѣкъ съ бородкой „анри-катръ“, въ незнакомомъ обществѣ всегда дѣлался какимъ-то фальшивымъ, какъ былъ фальшивымъ за своимъ прокурорскимъ столомъ. У него какъ-то по-мертвому поднимались угловатыя плечи, грудь вваливалась, и голосъ получалъ терпкія интонаціи, точно царапали по сухому дереву. На пароходѣ онъ разыгрывалъ изъ себя настоящаго джентльмена и на этомъ основаніи спряталъ свою судейскую фуражку въ чемоданъ, а ходилъ въ котелкѣ. Бывали моменты, когда Марья Александровна начинала ненавидѣть мужа и тяготилась его присутствіемъ. Попытки преодолѣть это чувство не приводили ни къ чему, и сейчасъ она переживала именно такой моментъ, и мужъ начиналъ ей казаться совершенно постороннимъ человѣкомъ, какъ и его собесѣдникъ, такой же фальшивый и какой-то наломанный. У нихъ даже въ голосѣ было что-то общее и въ самой манерѣ говорить.

— Я съ вами никакъ не могу согласиться,—говорилъ мужъ, растягивая для важности слова.—Есть, конечно, наслѣдственность, что̀ и доказано наукой блестяще, но есть извѣстныя границы... да!.. Наука немного увлекается...

— Извините меня, если я съ вами не соглашусь, — мягко возражалъ волжскій лэндлордъ. — Именно здѣсь нѣтъ и не можетъ быть никакихъ предѣловъ, и никакая наука не можетъ ихъ установить. Народъ опредѣляетъ крайне характерно и просто: голосъ крови. Что̀ это значитъ? А то, что есть безконечно связующая органическая сила, которая несокрушима, которая проявляетъ себя болѣе или менѣе интенсивно, даже на время какъ будто теряется и выпадаетъ, но это не мѣшаетъ ей существовать въ каждомъ изъ насъ. Въ нѣкоторомъ родѣ каждый изъ насъ является живымъ итогомъ всѣхъ своихъ

предковъ. Выражаясь бухгалтерскимъ языкомъ, природа „заитоживаетъ“ въ насъ всѣ пережитки нашихъ кровныхъ предшественниковъ.

Волжскій лэндлордъ, очевидно, старался выражаться какъ можно кудрявѣе и временами поглядывалъ на Марью Александровну, стараясь провѣрить произведенное впечатлѣніе. Мужъ въ свою очередь начиналъ волноваться, потому что считалъ себя недюжиннымъ ораторомъ, а тутъ выходило такъ, что онъ встрѣтилъ недюжиннаго соперника. Въ рубкѣ было еще двое, но они не обращали на споривщихъ никакого вниманія: „лэндлордова жена“, какъ назвала про себя Марья Александровна пышную высокую брюнетку, и сынъ Марьи Александровны, мальчикъ лѣтъ четырехъ, который давно присматривался къ лэндлордовой женѣ, кокетливо прятался за мать и кончилъ тѣмъ, что подошелъ къ ней. Марья Александровна составила отъ-нечего-дѣлать характеристику этой дамы: она изъ какой-нибудь бѣдной дворянской семьи, училась въ институтѣ, провела нѣсколько дѣвичьихъ зимнихъ сезоновъ безъ всякаго успѣха и, обозленная на все, вышла очертя голову за богатаго представительнаго старика. Она была еще молода, однихъ почти лѣтъ съ Марьей Александровной, но ее уже старила преждевременная брюзгливая полнота, вялыя движенія и апатичный взглядъ красивыхъ темныхъ глазъ. Потомъ Марья Александровна опредѣлила по завистливому взгляду, какимъ смотрѣла лэндлордова жена на ея ребенка, что у нея нѣтъ своихъ дѣтей. Старѣвшаяся прежде времени женщина точно боялась самой себя и не рѣшалась проявить затаенную нѣжность къ чужому ребенку.

„Какая она несчастная“,—рѣшила въ заключеніе Марья Александровна.

— А тебя какъ зовутъ?—спрашивалъ мальчикъ. усаживаясь на колѣни къ лэндлордовой женѣ.

— Клеопатрой Павловной,—отвѣтила та, стараясь попасть въ наивный ребячій тонъ.

— А меня Борей... папу зовутъ Петромъ Николаевичемъ. А твоего папу?

Клеопатра Павловна слегка заалѣлась и отвѣтила не вдругъ. Ее кольнуло это дѣтское слово: папа.

— Моего папу зовутъ Николаемъ Петровичемъ, — отвѣтила она, взглянувъ на Марью Александровну съ больной улыбкой.

Забравшись на колѣни, Боря безъ церемоніи принялся играть часовой цѣпочкой съ дорогими брелоками, потомъ заставилъ снять брошь съ розовой жемчужиной, браслеты, кольца, однимъ словомъ — велъ себя, какъ настоящій маленькій дикарь. Эта безцеремонность маленькаго мужчины волновала и раздражала Клеопатру Павловну. Ей хотѣлось стиснуть его и долго-долго цѣловать это розовое личико, пухлую шейку, крошечныя ручки, но ей было совѣстно проявлять свои ласки открыто.

А мужчины продолжали спорить, уснащая рѣчь учеными терминами и послѣдними словами науки. Старикъ время отъ времени повторялъ засѣвшее у него въ мозгу „голосъ крови“, и Марья Александровна готова была его возненавидѣть именно за это. Желая выдержать джентльменскій тонъ, споривніе обращались другъ къ другу съ изысканнѣйшими любезностями: „Беру на себя смѣлость обратить ваше вниманіе...“, „Позвольте мнѣ не согласиться съ вами...“, „Простите, если я предложу вамъ такую комбинацію...“ и т. д. Это было тоже противно.

— Если хотите, наслѣдственность — все...

— А какъ же тогда прогрессъ?

— Именно въ наслѣдственности и заключается прогрессъ, какъ въ зернѣ заключается будущее растеніе... да-съ...

Разыгравшійся Боря въ это время началъ шалить съ присущей мальчикамъ грубостью. Онъ тянулся обѣими ручонками, чтобы схватить шляпу. Клеопатра Павловна отклоняла голову, но мальчикъ оказался сильнымъ и успѣлъ схватить добычу, причемъ шляпа съѣхала на бокъ и пострадала прическа. Эта борьба закончилась совершенно неожиданно: когда Клеопатра Павловна схватила буяна за обѣ руки, онъ пребольно укусилъ ее...

— Ахъ, какой злой!..—крикнула она.

Марья Александровна бросилась на выручку и страшно сконфузилась. Но Боря вошелъ въ ражъ и вцѣпился въ Клеопатру Павловну, какъ волчонокъ. Въ моменты такихъ вспышекъ его лицо принимало совсѣмъ не дѣтское выраженіе, какъ было и сейчасъ.

— Извините, пожалуйста, Клеопатра Павловна,—бормотала она, силой стаскивая Борю съ колѣнъ.—Это такой... такой негодный мальчишка!..

Клеопатра Павловна тоже была сконфужена и, стараясь улыбаться, быстро ушла къ себѣ въ каюту, чтобы поправить прическу. Боря продолжалъ барахтаться и дѣлалъ попытку укусить материнскую руку. Марью Александровну поразило больше всего то, что въ лицѣ взбѣсившагося мальчишки было что-то общее съ выраженіемъ волжскаго лэндлорда, несмотря на громадную разницу лѣтъ. Она схватила сына за руку и потащила его изъ рубки. Мужчины не обратили никакого вниманія на эту маленькую сценку и продолжали свой споръ, причемъ Марья Александровна еще разъ услышала при выходѣ ненавистную ей фразу: „голосъ крови“.

II.

Пока Марья Александровна устроилась на палубѣ, гдѣ у нея была своя любимая скамеечка, она успѣла пережить тысячи самыхъ разнообразныхъ, спеціально-материнскихъ мыслей и чувствъ. Да, она уже видѣла своего Борю взрослымъ мужчиной, въ которомъ, по всей вѣроятности, повторится его отецъ. Онъ будетъ такъ же тянуть слова, такъ же отвратительно спорить и любить на свѣтѣ только самого себя. Жену онъ выберетъ себѣ такую же безотвѣтную, какъ его мамаша, и будетъ ее подавлять на каждомъ шагу своимъ ничтожнымъ величіемъ. А подъ старость превратится вотъ въ такого волжскаго лэндлорда, какъ этотъ Николай Петровичъ. Марью Александровну охватило какое-то щемящее и нехорошее чувство, точно она была въ чемъ-то виновата.

„Да, голосъ крови“,—почему-то повторила она про себя, резюмируя безпорядочное теченіе своихъ мыслей.

Боря успокоился и смотрѣлъ на Волгу усталыми глазами. А она была такъ красива, эта истинно-русская рѣка,—красива какою-то лѣнивой красотой, точно безконечная проголосная пѣсня, которая лилась безъ конца-края, выкидывая отмели, заливая луга и заслоняя горизонтъ широкими плёсами. Хотѣлось смотрѣть на нее безъ конца, переживая ту русскую тоску, которой тоже нѣтъ конца-края. Да, хорошо и немного жутко, и какъ будто чего-то жаль... Вѣдь въ жизни каждаго найдутся и свои мели, и перекаты, и высокіе берега, и широкіе весенніе разливы... Именно такое настроеніе переживала Марья Александровна, по цѣлымъ часамъ сидя на палубѣ, а сейчасъ ей сдѣлалось какъ-то особенно грустно. Что осталось впереди, если разобрать? Неужели вся жизнь уже исчерпана, и все сводится на отбываніе какой-то повинности, день за днемъ, недѣля за недѣлей?..

— Скучно...—резюмировала она вслухъ свои мысли.—И Клеопатрѣ Павловнѣ тоже скучно...

Мужчины отъ скуки хоть играютъ въ карты или напиваются, а въ лучшемъ случаѣ заводятъ безконечный русскій споръ, кончающійся ничѣмъ.

Занятая своими мыслями, Марья Александровна совсѣмъ не замѣтила, какъ показалась вдали та пристань, на которой они должны были выйти. Мужъ ее разыскалъ и сухо проговорилъ, поднимая плечи:

— Вы готовы, Marie?

Онъ терпѣть не могъ этихъ безконечныхъ дамскихъ сборовъ, когда десять разъ приходится отворять чемоданы, чтобы положить одну за другой забытыя вещи. А чего стоитъ дамѣ одѣться, когда шляпа валится на бокъ' крючки разстегиваются, завязки рвутся, шпильки выпадаютъ...

— Сейчасъ пристань,—проговорилъ Петръ Николаевичъ, дѣлая усталое лицо.

— Пожалуйста, пусть Боря побудетъ съ тобой, пока я укладываю вещи,— почему-то виноватымъ голосомъ отвѣтила Марья Александровна.—Я не заставлю себя ждать...

— Хорошо.

Марья Александровна никакъ не могла понять мужа, который раздражался изъ-за всякихъ пустяковъ. Это ее сердило до слезъ, какъ и сейчасъ. Она торопливо принялась за работу и быстро ее кончила, такъ что пароходъ не успѣлъ еще дать свистка. Она вся раскраснѣлась и должна была напудриться, къ чему прибѣгала только въ крайнихъ случаяхъ. Въ коридорчикѣ, раздѣлявшемъ каюты, Марья Александровна при выходѣ встрѣтила Клеопатру Павловну и еще разъ извинилась предъ ней за своего буяна.

— Развѣ можно сердиться на дѣтей?—отвѣтила та со своею печальною улыбкой.

— Да, но все-таки непріятно, когда это милое созданіе начинаетъ кусаться...

Мужья были на палубѣ и опять спорили, причемъ волжскій лэндлордъ держалъ Петра Николаевича за бортъ пиджака и торопился доказать что-то тревожно поглядывая на быстро приближавшуюся пристань.

— Если я не ошибаюсь...—напрасно старался перебить его Петръ Николаевичъ.—Мнѣ, вообще, кажется...

— Нѣтъ, позвольте мнѣ докончить мою мысль... Конечно, я не больше, какъ человѣкъ толпы, и мое мнѣніе, конечно, ни для кого не обязательно, но за всѣмъ тѣмъ я позволяю себѣ имѣть свое собственное мнѣніе. Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre...

Это словоизверженіе было прервано пароходнымъ свисткомъ, и Петръ Николаевичъ наконецъ освободился отъ своего мучителя. Его немножко начинала шокировать фамильярная манера почтеннаго собесѣдника держать себя,—Петръ Николаевичъ не выносилъ фамильярности и амикошонства. Приличія, конечно, условная вещь, но пріятно имѣть дѣло именно съ воспитаннымъ человѣкомъ.

Пристань была уже совсѣмъ близко. На пароходѣ поднялась обычная въ такихъ случаяхъ суматоха. Русская публика, по принятому обычаю на всѣхъ пристаняхъ и желѣзнодорожныхъ станціяхъ, напоминаетъ толпу людей, охваченныхъ припадкомъ остраго помѣшательства. Петръ Николаевичъ возмущался поведеніемъ невоспитаннаго человѣчества и принималъ прокурорскій видъ.

Когда пароходъ причалилъ и публика ринулась на пристань, волжскій лэндлордъ разыскалъ въ толпѣ Петра Николаевича и, любезно приподнявъ мягкую шляпу, вручилъ ему свою визитную карточку.

— На всякій случай... Знаете, иногда пріятно вспомнить о дорожномъ, случайномъ знакомствѣ.

Петръ Николаевичъ вручилъ свою визитную карточку, пробормотавъ что-то пріятное, что̀ говорится въ такихъ случаяхъ. Когда случайные знакомые прочли карточки, то съ удивленіемъ посмотрѣли другъ на друга и еще разъ молча пожали другъ другу руку.

— Да, очень... пріятно...—проговорилъ лэндлордъ, еще разъ приподнимая свою шляпу.—Бываютъ удивительныя встрѣчи... Не правда ли?

— Да, очень...

Марья Александровна видѣла эту сцену только мелькомъ, потому что едва не была смята въ напиравшей на мостки толпѣ. А тутъ еще приходилось сдерживать рвавшагося впередъ Борю. Когда они очутились на пристани, Петръ Николаевичъ остановился у барьера и нѣсколько разъ приподнималъ свой котелокъ, отвѣчая махавшему шляпой лэндлорду.

— Кто этотъ странный господинъ?—спросила Марья Александровна, удивляясь такому трогательному прощанію.

Петръ Николаевичъ посмотрѣлъ на нее, поднялъ плечи и отвѣтилъ довольно сухо:

— Это... гм... это мой отецъ. Я его вижу въ первый разъ въ жизни, потому что онъ бросилъ мою мать, когда я еще не родился. Она осталась беременной.

— И ты... ты не плюнулъ въ лицо этому негодяю?!..—шептала Марья Александровна, задыхаясь отъ волненія.—Вѣдь это... это... Этому нѣтъ названья!..

Онъ пожалъ плечами, взглянулъ на нее сбоку и отвѣтилъ уже прокурорскимъ тономъ:

— *Это* было ихъ дѣло, то-есть отца и матери, а я—лицо постороннее, и меня *это* не касается...

1910.

ДВЕРЬ ДОБРА И ДВЕРЬ ЗЛА.

Разсказъ.

I.

Тетя Марина вѣчно находилась въ какомъ-то осадномъ положеніи. Это была очень милая и добрая старушка, кутавшаяся въ шаль и носившая на вискахъ букольки изъ сѣдыхъ волосъ. Сморщенное старое лицо тети Марины сохраняло тревожное выраженіе, рѣдко смѣнявшееся удивительно доброй улыбкой. Она ходила въ темныхъ платьяхъ изъ какихъ-то удивительно старомодныхъ матерій и вѣчно лѣчилась отъ какихъ-то таинственныхъ старческихъ недуговъ, причемъ довѣряла только одному старичку-доктору изъ остзейскихъ нѣмцевъ, который прожилъ всю жизнь въ Россіи и говорилъ очень скверно по-русски. Самымъ замѣчательнымъ у тети Марины были темныя очки, которыя являлись чѣмъ-то въ родѣ термометра, показывавшаго температуру ея душевнаго настроенія. Если очки были на лбу—настроеніе было ясное, если они спускались къ носу—собиралась туча, а если очки прикрывали глаза—начиналась буря. Всѣ эти перемѣны душевной температуры особенно хорошо были извѣстны прислугѣ, пользовавшейся ею въ своихъ личныхъ интересахъ.

Жила тетя Марина въ Царскомъ Селѣ, занимала второй этажъ деревяннаго домика, такого же старенькаго и добродушнаго, какъ сама тетя Марина, и такъ же глядѣвшаго на улицу своими небольшими оконцами съ какой-то затаенной тревогой. Въ ненастье и въ холодные зимніе дни эти окна застилались слезой, точно не желая смотрѣть на то, что дѣлалось за предѣлами старыхъ стѣнъ стараго домика. Въ свѣтлые, хорошіе дни въ этихъ окнахъ среди цвѣтовъ появлялось такое свѣженькое, молодое дѣвичье личико, какъ будто хотѣвшее сказать, что старый домикъ хочетъ жить. Это была таинственная племянница тети Марины, которую она называла Нитой. Русоволосая дѣвушка, съ ясными карими глазами и не по лѣтамъ серьезнымъ, скорѣе грустнымъ лицомъ, являлась чѣмъ-то въ родѣ продолженія самой тети Марины, напоминая ея портретъ въ молодости, висѣвшій въ гостиной. Около дома былъ маленькій садикъ, гдѣ Нита проводила лучшіе весенніе и лѣтніе дни. Она сажала цвѣты, ухаживала за ними съ самой трогательной заботливостью и не смѣла подходить къ садовой рѣшеткѣ, за которой начинался міръ злобы, лжи, коварства и всякихъ пороковъ. Садикомъ для Ниты заканчивался внѣшній міръ.

Самымъ замѣчательнымъ въ домикѣ, гдѣ проживала тетя Марина, были, конечно, двѣ двери—одна, которая вела на парадное крыльцо, и другая, которая служила входомъ въ кухню. Послѣдняя дверь для тети Марины являлась

постояннымъ источникомъ тревогъ и неугасавшаго страха, потому что, несмотря на всѣ предосторожности доброй старушки, внѣшнее зло постоянно вторгалось именно этимъ путемъ. Тетя Марина цѣлые дни прислушивалась къ скрипу этой двери (смазывать шарниры было строго воспрещено; это составляло маленькую военную хитрость старушки) и вскакивала даже ночью, когда ей казалось, что кухонная дверь скрипитъ. Причиной этихъ старческихъ страховъ было то, что въ Царскомъ Селѣ сосредоточивалось до десяти тысячъ отборнаго войска—кирасиры, гусары, лейбъ-казаки, уланы, конвой, и тетя Марина находилась на военномъ положеніи, какъ крѣпость, осажденная десятитысячнымъ непріятелемъ. Дѣло въ томъ, что тетя Марина держала двѣ женскія прислуги—кухарку и горничную. Она очень тщательно выбирала ихъ, неустанно слѣдила за ихъ нравственностью, читала постоянно нотаціи, уговаривала, стараясь привить твердыя основы нравственности и внѣдрить въ души простыхъ и неопытныхъ дѣвушекъ страхъ передъ порокомъ, который могъ проникнуть черезъ дверь зла каждую минуту, и всѣ эти трогательныя усилія оказывались тщетными. Десятитысячный врагъ, въ свою очередь, не дремалъ и наносилъ тетѣ Маринѣ постоянныя пораженія.

Когда къ тетѣ Маринѣ пріѣзжалъ худенькій, старенькій генералъ Мочкинъ, бывшій артиллеристъ (у тети Марины всѣ знакомые были старенькіе, болѣзненные и совсѣмъ ветхіе), старушка жаловалась ему въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ:

— Я не понимаю, генералъ, чего смотритъ правительство?

Старичокъ-генералъ впередъ зналъ, о чемъ будетъ рѣчь, и только жевалъ губами.

— Да, правительство...—повторялъ онъ, какъ эхо.

— Не понимаю!—начинала волноваться тетя Марина.—Развѣ нельзя издать такой спеціальный приказъ по войскамъ... о нравственности?

— Да, о нравственности...

— Войдите въ мое положеніе, генералъ: ихъ десятитысячный корпусъ, а я совершенно одна и притомъ дѣвушка. Конечно, теоретически я понимаю всякую гадость, а практически лишена возможности даже назвать нѣкоторыя вещи ихъ собственными именами. Правительство должно войти въ мое положеніе...

— Да, дѣйствительно, положеніе...

— И я должна все терпѣть отъ этихъ противныхъ солдатъ... Третьягодня захожу въ кухню, а изъ людской выставляется солдатскій сапожище... Я, конечно, сдѣлала видъ, что ничего не замѣчаю, но мнѣ сдѣлалось дурно отъ одного воздуха, который онъ принесъ въ мою квартиру. Вѣдь у меня не казармы, не правда ли? Правительство должно особенно войти въ мое положеніе, какъ дѣвушки, которая можетъ понимать только теоретически.

— Да, теоретически...

Тетя Марина вѣчно что-то вязала, и при разговорахъ о правительствѣ въ ея сухихъ рукахъ деревянныя спицы начинали дѣлать какія-то судорожныя движенія, точно онѣ танцовали danse macabre.

— Помните Наташу?—заканчивала тетя Марина свои жалобы.

— Да... Рыженькая такая?—старался догадаться старичокъ-генералъ, хотя слышалъ эту исторію сто разъ.

— Вотъ и нѣтъ, совсѣмъ не рыженькая, сердилась тетя Марина, причемъ очки у нея сползали на носъ.—Рыженькая была Даша... кухарка Даша. Ну, та была замужемъ, и меня ея поведеніе не касалось. А Наташа... Я ее

взяла дѣвчонкой-подросткомъ, воспитала, научила всему... Выросла такая хорошенькая дѣвушка...

— Да, помню, дѣйствительно, хорошенькая... Бѣлокурые волосы, вздернутый носикъ...

— Опять не то!.. Совершенная шатенка...

— Именно я хотѣлъ сказать: шатенка.

— Я ее очень любила, то-есть привыкла... Я не понимаю, что этимъ женщинамъ нужно? Одѣты, сыты, къ праздникамъ получаютъ подарки, часто даютъ на чай... Кажется, что еще можетъ пожелать простая дѣвушка? Да, совсѣмъ, совсѣмъ простая...

— Да, совсѣмъ простая...

У тети Марины вся родня была титулованная и всѣ знакомые съ заслугами передъ отечествомъ, и она любила употреблять слово: правительство, потому что правительство должно было защищать дѣвушекъ, которыя если и понимали все, то только теоретически. По присущему дѣвушкамъ, даже не понимавшимъ ничего теоретически, такту, Нита всегда исчезала изъ комнаты, когда очки тети Марины принимали угрожающее положеніе. Молоденькая дѣвушка совершенно не интересовалась тѣмъ, что волновало тетю Марину, а ея ветхими генералами меньше всего.

Когда Нита уходила, тетя Марина говорила съ тяжелымъ вздохомъ:

— Можетъ-быть, это очень нехорошо, но я начинаю приходить къ убѣжденію, что люди дѣлятся на двѣ породы: высшую и низшую. Наши понятія, правила и убѣжденія для низшей породы совершенно не существуютъ, потому что ея жизнь регулируется низшими животными инстинктами. Конечно, и мы дѣлаемъ свои ошибки, часто забуждаемся, но это совсѣмъ-совсѣмъ не то. У нашей кухни своя собственная психологія, логика и этика... Меня это крайне огорчаетъ, какъ убѣжденную христіанку, и мнѣ иногда начинаетъ казаться, что древніе философы были правы, когда считали рабовъ особаго рода существами. Знаю, что это даже грѣшно именно съ христіанской точки зрѣнія, но, если правительство совершенно не желаетъ войти въ мое положеніе, что же мнѣ дѣлать?

II.

Наступала весна, холодная, сырая и непріятная. Снѣгъ таялъ медленно, точно по заказу. Талая вода застывала по ночамъ. Иногда ни съ того ни съ сего начиналъ итти снѣжокъ, точно пудрившій весеннюю грязь на улицахъ, чахлые садики при домахъ и крыши. Нитѣ было уже восемнадцать лѣтъ, и весной она начинала переживать какую-то неясную для самой себя тревогу. Ее куда-то тянуло, хотѣлось что-то такое дѣлать, просто—посмотрѣть, какъ живутъ на свѣтѣ другіе люди. Тетя Марина, конечно, была прекрасный человѣкъ и очень любила Ниту, но хорошая и добрая старушка никакъ не желала понимать, что восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ скучно въ обществѣ стариковъ и старухъ. А другихъ знакомыхъ не было. Нита терпѣть не могла, когда тетя Марина тащила ее за собой въ Петербургъ, гдѣ у ней сохранялись чопорныя знакомства съ такими же ветхими старушками, какъ и она сама. И говорили непремѣнно все о чемъ-то старомъ, о людяхъ, которыхъ давно и на свѣтѣ не было, вспоминали разные интересные случаи въ своей жизни, которымъ было лѣтъ пятьдесятъ давности. Старушки даже оживлялись отъ этихъ воспоминаній и въ присутствіи Ниты боялись сказать что-нибудь лишнее. Нита выносила эту пытку и часто думала, что всѣ эти старушонки

только притворяются, что были когда-нибудь молодыми. Ей казалось, что она всегда-всегда останется такой же молоденькой и свѣжей, и что жизнь безконечно длинна, и что она непремѣнно умретъ, когда на ея лицѣ появится первая морщина.

Тетя Марина, въ свою очередь, тоже переживала весеннюю тревогу, и Нита чувствовала, какъ старушка долго-долго смотритъ на нее такими грустными глазами и подавленно вздыхаетъ.

— Теточка, ты нездорова?

— Ахъ, нѣтъ, моя дорогая...

— Ты чѣмъ-то недовольна?

Очки тети Марины начали переѣзжать на носъ, и Нита прекращала свой допросъ. Дѣвушка боялась больше всего на свѣтѣ чѣмъ-нибудь огорчить милую, дорогую тетю и успокаивалась, что ни въ чемъ не виновата.

Царскосельская весна наконецъ вступала въ свои права, какъ выражались стилисты добраго стараго времени. Развернулись почки, высыпала на проталинкахъ и солнечныхъ угрѣвахъ первая зелень, въ садахъ запестрѣли блѣдные анемоны, эти цвѣты-рахитики, едва державшіеся на своихъ зеленыхъ прозрачныхъ ножкахъ. Дворникъ, исполнявшій и должность садовника, приводилъ въ порядокъ садовыя куртины, приготовлялъ грядки, посыпалъ дорожки свѣжимъ пескомъ. Каждый новый солнечный день производилъ новое чудо, особенно въ небольшомъ парничкѣ, который Нита любила, какъ что-то живое, гдѣ почти на глазахъ творилась неразрѣшимая тайна—изъ казавшагося мертвымъ зернышка точно просыпалась жизнь, радостная, бодрая, цвѣтущая, благоухающая. Ахъ, какъ хороши эти первые весенніе цвѣты, походившіе на прелестныхъ дѣтей!.. Если бы они могли говорить...

Во второй половинѣ мая нѣкоторые цвѣты были высажены на клумбы, и Нита съ особеннымъ усердіемъ ухаживала за ними, какъ ухаживаютъ за дорогими гостями. Но это невинное удовольствіе имѣло и свои темныя стороны. Вмѣстѣ съ холеными и изнѣженными цвѣтами выбивалась изъ земли буйная сорная трава, которую приходилось вырывать безъ всякаго сожалѣнія, а между тѣмъ Нитѣ было какъ-то совѣстно лишать жизни какую-нибудь безыменную травку, которая, какъ казалось ей, съ какой-то дѣтской довѣрчивостью смотрѣла на нее. Вырванная съ корнемъ травка такъ быстро умирала, превращаясь въ никуда негодный садовый соръ. У Ниты даже являлось сомнѣніе въ томъ, что дѣйствительно ли настолько красивы всѣ эти садовые цвѣты, чтобы для ихъ благополучія губить такую милую, такую простенькую зеленую травку. Вѣдь, если взять молоденькую крапивку, одуванчики—какіе они милые, не правда ли? И такъ скромненько, какъ бѣдные родственники, жмутся гдѣ-нибудь около забора. Другое огорченіе представляли акаціи и кратегусы, которые торчали какой-то стриженой щеткой. Навѣрно, имъ, бѣднымъ, было очень больно, когда осенью дворникъ подстригалъ ихъ. Да, это было тяжело и обидно, тѣмъ болѣе, что они не могли разсказать о своихъ страданіяхъ. Когда Нита обращалась за разъясненіями къ тетѣ Маринѣ, старушка объясняла какъ-то неопредѣленно, почему все это нужно.

— Иначе нельзя, Нита, а то сорная трава заглушитъ всѣ наши цвѣты, а неподстриженные кусты будутъ расти, какъ непричесанные волосы.

Потомъ какъ-то само собой получалось нравоученіе въ томъ смыслѣ, что стрижка деревьевъ и кустовъ—это то же самое, что воспитаніе, а удаленіе сорной травы—это только желаніе благородныхъ растеній остаться въ своемъ обществѣ.

— Для сорной травы достаточно мѣста въ поляхъ и въ лѣсу,—поучительно объясняла тетя Марина.—Зачѣмъ она лѣзетъ туда, куда ее не приглашали?

— По-твоему, тетя, сорная трава—это наши горничныя, кухарки, дворники, извозчики, вообще мужичье?

— Ахъ, какъ ты глупа, Нита! Совсѣмъ, совсѣмъ ребенокъ!

Наивность молоденькой дѣвушки приводила старушку въ восторгъ, какъ залогъ полной нетронутости.

Дворникъ повторялъ то же, что̀ и тетя Марина, хотя выражался грубѣе. Нита иногда съ нимъ спорила. Разъ, когда они копались въ садикѣ и по обыкновенію спорили, Нита услышала за своей спиной чей-то непріятный женскій голосъ.

— Тетя Марина дома? — спрашивала средняго роста дама среднихъ лѣтъ.

— Да, дома...—какъ-то по-дѣтски отвѣтила Нита и недружелюбно посмотрѣла на гостью.

Дама и одѣта была какъ-то не по лѣтамъ, и лицо у ней было подкрашено, и голосъ непріятный, а больше всего Нитѣ не понравилось то, что она называетъ тетю Марину просто тетей Мариной, какъ называли ее только самые близкіе люди, а не Мариной Ильиничной. У садовой калитки стоялъ извозчикъ, нагруженный дорожными вещами — чемоданчиками, саквояжами, свертками въ ремняхъ, картонками. Въ одной рукѣ у незнакомки болтался дорожный кожаный мѣшокъ, а въ другой она держала завернутую въ пледъ крошечную собачку.

Нита побѣжала впередъ, чтобы предупредить тетю Марину, но гостья, не дожидаясь приглашенія, вошла въ гостиную вслѣдъ за ней. Старушка подняла глаза на нее, хотѣла подняться въ креслѣ и поблѣднѣла, какъ полотно. Она едва имѣла силы, чтобы дать Нитѣ условный знакъ о выходѣ.

— Ты... ты... жива?—шептала тетя Марина въ ужасѣ, причемъ очки у нея свалились на полъ.

— Тетя Марина...

Гостья сдѣлала нѣсколько быстрыхъ шаговъ впередъ, чтобы обнять старушку, но та поднялась и съ необычайной для ея лѣтъ быстротой спряталась за высокую спинку своего старомоднаго кресла.

— Я удивляюсь... удивляюсь, что ты рѣшилась... да, рѣшилась переступить порогъ моего дома,—шептала она, чувствуя, какъ вся комната начинаетъ кружиться у нея передъ глазами.

Вмѣсто отвѣта, гостья опустилась на ближайшій стулъ, закрыла лицо руками, и въ комнатѣ послышались сдержанныя рыданія. Тетя Марина не выносила женскихъ слезъ, на ея лицѣ выступили красныя пятна.

— Для чего еще эта комедія? — заговорила она уже по-французски, оглядываясь на дверь, въ которую вышла Нита. — Кажется, уже достаточно было всякихъ комедій...

Наступила тяжелая и мучительная пауза. Тетя Марина тяжело дышала и все поправляла несуществовавшіе на носу очки.

— Мнѣ некуда итти,—трагическимъ шопотомъ проговорила наконецъ гостья.—Я знаю, что я гадкая... вся гадкая... да... Но вѣдь и собаку жалѣютъ... Мнѣ некуда итти, тетя Марина...

— Я это давно знаю,—строго и сухо отвѣтила старушка, собираясь съ

силами. — Но я и не говорю о тебѣ... Дѣло идетъ о третьемъ лицѣ, которое меньше всего виновато и которое можетъ пострадать больше всѣхъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — застонала гостья. — Развѣ я врагъ собственному ребенку?

— Не вѣрю, ничему не вѣрю!.. Нитѣ было всего два года, когда я взяла ее, брошенную всѣми, несчастную, погибавшую... и для нея ты умерла, какъ мать. Такъ и знай...

— Боже мой, Боже мой!.. Вѣдь я, кажется, ничего, ничего не требую?.. Я такъ устала жить...

III.

Въ маленькомъ деревянномъ домикѣ совершилось что-то необыкновенное и до послѣдней степени странное, начиная съ того, что странная гостья поселилась у тети Марины, за что Нита возненавидѣла ее еще больше, потому что видѣла по очкамъ тети Марины (куплены были новые), какъ старушка волнуется.

— Я всего на нѣсколько дней,—какъ-то виновато объяснила она, не глядя ни на кого.—А потомъ я опять уѣду...

Въ отвѣтъ очки тети Марины съѣзжали на самый кончикъ носа, и Нита чувствовала, что въ ихъ скромное жилище ворвалась какая-то громадная ложь. Она знала только, что гостью зовутъ Александрой Васильевной, что она приходится тетѣ Маринѣ какой-то дальней родственницей и что она очень-очень несчастна. Когда Александра Васильевна подавленно вздыхала, опуская глаза, Нита не испытывала ни малѣйшаго сожалѣнія. Дѣвушка чувствовала какую-то фальшь даже въ самомъ дыханіи этой таинственной несчастной женщины. Когда появлялись въ домѣ гости, т.-е. ветхіе генералы и не менѣе ветхія титулованныя старушки, гостья пряталась въ своей комнатѣ. Между прочимъ, Нитѣ входъ въ эту комнату былъ строго воспрещенъ. Надъ маленькимъ деревяннымъ домикомъ точно повисла какая-то туча. Ниту удивляло больше всего то, что временами Александра Васильевна какъ-то неожиданно хорошѣла, а иногда казалась совершенно старухой.

Положеніе тети Марины въ буквальномъ смыслѣ было отчаянное, такъ что даже генералъ Мочкинъ замѣтилъ:

— А вы мнѣ не нравитесь, сударыня... У васъ что-то такое въ лицѣ... да. Нужно пить парное молоко и больше гулять въ паркѣ...

— Ахъ, оставьте меня, ради Бога, генералъ!

— Нужно пользоваться весной...

Старушка сама не знала, что̀ съ ней дѣлается. Въ первый моментъ она ни за что не хотѣла, чтобы Александра Васильевна хоть на нѣсколько дней поселилась подъ одной кровлей съ Нитой, но эта несчастная женщина такъ плакала, такъ раскаивалась и давала такія обѣщанія, что не выдержало бы каменное сердце.

— Ахъ, какъ я сама желала бы умереть, тетя Марина,—повторяла она постоянно:—да, совсѣмъ умереть, чтобы ничего не чувствовать, не знать и не думать и чтобы всѣ меня забыли. Есть вещи, которыя женщинѣ не прощаются, и я это знаю... Возврата нѣтъ, остается прозябаніе, приходится скрывать даже самыя естественныя привязанности... Развѣ я виновата, что меня такъ воспитали, что я никуда-никуда не годна? Я не способна ни къ какому труду—это главное, у меня нѣтъ никакихъ интересовъ, какими наполняется жизнь, до извѣстнаго возраста я умѣла только быть красивой...

Тетя Марина терпѣливо выслушивала эти покаянныя рѣчи и въ глубинѣ души не вѣрила ни одному слову. О, сколько разъ она выслушивала ихъ и была обманута. Первый удобный случай—и Александра Васильевна дѣлалась совершенно другимъ человѣкомъ, у котораго, вмѣсто раскаянія, появлялся какой-то отчаянный голодъ жизни.

— Что же ты думаешь дѣлать, Alexandrine?—спрашивала старушка по нѣскольку разъ въ день. — Вѣдь надо же какъ-нибудь жить...

— Не знаю, ничего не знаю, кромѣ того, что желаю умереть... И я чувствую, что скоро не буду мѣшать никому-никому.

Вопросъ такъ и оставался открытымъ, и очки тети Марины больше не поднимались на лобъ. А женщина, мечтавшая о смерти, какъ объ избавленіи, половину дня тратила на „приведеніе себя въ порядокъ", какъ она скромно выражалась, то-есть безъ конца мылась, обтиралась какими-то мудреными спеціями, красилась, прихорашивалась и т. д. Горничная Оля, простоватая дѣвушка, сообщала дворнику Маркелу удивительныя вещи про гостью, какъ, напримѣръ, она стоитъ чуть не часъ на одной ногѣ, заставляетъ сѣчь себя по спинѣ какими-то резниками, какъ заставляетъ по цѣлымъ часамъ растирать кожу на щекахъ, гладить шею и много-много еще чего другого.

— Не иначе дѣло, что повреждена чѣмъ-нибудь, — рѣшалъ Маркелъ съ свойственнымъ ему глубокомысліемъ. — Съ барынями это случается и даже очень просто. Первое дѣло, что имъ какъ есть нѣтъ никакого занятія... Ну, вотъ она и полощется въ водѣ цѣлый день, какъ утка.

Тетя Марина не заглядывала въ комнату гостьи ни разу, но та почти силой затащила ее къ себѣ и показала ей все, что заключалось въ чемоданахъ, саквояжахъ и картонкахъ. Въ большинствѣ все это были никуда ненужныя вещи, говорившія о прежней роскоши и легкомысліи Александры Васильевны, и тетя Марина только удивлялась, для чего она все это ей показываетъ. А между тѣмъ основаніе было, и очень серьезное. Александра Васильевна отлично знала, что выжившая изъ ума старушонка не вѣритъ ни одному ея слову и что, съ другой стороны, подозрѣваетъ ее во всевозможныхъ гадостяхъ и, прежде всего и послѣ всего, въ невидимомъ присутствіи какого-нибудь мужчины. Она даже обнюхивала фотографіи и разныя бездѣлушки, точно врагъ могъ здѣсь спрятаться. Александра Васильевна торжествовала: пусть старушонка ищетъ. Но этимъ дѣло не ограничилось, и она разъ со слезами на глазахъ заявила:

— Милая тетя, вы не обидитесь, если я попрошу васъ получать мою почту и... просматривать ее, какъ это дѣлалось въ золотые дни моей юности.

— Что ты, что ты!.. — обидѣлась старушка. — Ты меня принимаешь, кажется, за сыщика или что-то въ этомъ родѣ... Какое мнѣ дѣло до того, съ кѣмъ ты переписываешься.

— Нѣтъ, нѣтъ, тетя, я этого требую, если могу чего-нибудь требовать... Я и свои письма буду показывать тебѣ. Тайнъ у меня нѣтъ...

Странно устроено человѣческое сердце. То, что въ первый моментъ даже испугало тетю Марину, въ слѣдующую минуту сильно ее подкупило. Она даже не сообразила, что, принимая на себя контроль корреспонденціи, тѣмъ самымъ какъ бы санкціонируетъ присутствіе Александры Васильевны въ ея домѣ. Послѣдняя мысль пришла къ ней въ голову уже потомъ, и только тогда она поняла, въ какую западню попалась.

Нита стала замѣчать, какъ Александра Васильевна постепенно точно завоевываетъ тетю Марину. Онѣ вѣчно о чемъ-то разговаривали, а когда

входила Нита, разговоръ сейчасъ же прекращался, и Александра Васильевна уходила въ свою комнату. О чемъ это онѣ могли постоянно разговаривать— для Ниты оставалось тайной. Разъ дѣвушку одолѣло такое любопытство, что она рѣшилась подслушать. Все вышло само собой, безъ всякаго намѣренія съ ея стороны, но все-таки она могла уйти и не ушла. Дѣло было въ саду, когда Нита пересаживала левкои. Тетя Марина и Александра Васильевна прошли въ садовую бесѣдку и не замѣтили ея.

— По-моему, всѣ женщины одинаково жалки,—говорила Александра Васильевна. — Это въ ихъ организаціи... А короткая женская жизнь? Да и та вся уходитъ на дѣтей. А когда женщина наконецъ проснется, почувствуетъ себя самой собой и захочетъ дѣйствительной жизни—ея время уже прошло. Начинается жалкое существованіе, когда женщину уважаютъ, когда считаютъ нужнымъ высказывать ей свое почтеніе, преданность, а въ сущности—все это такая же ложь, какъ надписи на могильныхъ плитахъ.

Тетя Марина ничего не отвѣчала, и только было слышно, какъ деревянныя спицы въ ея рукахъ выбивали лихорадочную дробь. Нита ничего не поняла изъ этой тирады, кромѣ того, что Александра Васильевна говоритъ какой-то раздражающій тетю вздоръ.

— Вѣдь нѣтъ ничего легче, какъ обвинить кого-нибудь,—продолжала Александра Васильевна:—и нѣтъ ничего тяжелѣе, когда женщину обвиняетъ женщина...

Дальше обѣ разговаривавшія женщины плакали, потомъ послышались поцѣлуи и сдержанный шопотъ. Александра Васильевна что-то разсказывала вполголоса, дѣлая паузы. Закончилась эта бесѣда уже совершенно неожиданно. Нита услышала, какъ смѣялась тетя Марина, что̀ съ ней случалось крайне рѣдко, и смѣялась она какъ-то особенно смѣшно, совсѣмъ по-дѣтски, — тоненькимъ-тоненькимъ голоскомъ, съ чисто-дѣтскими всхлипываніями.

— Ахъ, какіе глупые эти мужчины!— повторяла старушка, раскашлявшись отъ смѣха. — Совсѣмъ глупые...

— Я разскажу вамъ, тетя, еще одинъ случай...

— Нѣтъ, довольно, милая. Я, кажется, лѣтъ двадцать такъ не смѣялась...

Появленіе въ саду Маркела прекратило эту сцену, и Александра Васильевна увела тетю Марину подъ-руку въ комнату. Старушка нѣсколько разъ останавливалась, махала худенькой костлявой ручкой и повторяла:

— Ахъ какіе глупые...

IV.

Александра Васильевна шагъ за шагомъ завладѣла тетей Мариной и дѣлала это въ такой мягкой формѣ, что старушка не замѣчала уже собственнаго плѣна. Эта Alexandrine знала, кажется, рѣшительно все и умѣла такъ смѣшно разсказывать, особенно о негодяяхъ-мужчинахъ, которые заставляли ее такъ страдать, пока она ничего-ничего не понимала и всему вѣрила.

— Много ли нужно, чтобы обмануть совершенно неопытную молодую женщину?— повторяла она, подавляя вздохъ. — Я слишкомъ хорошо думала о людяхъ и слишкомъ дорого заплатила за свою глупую довѣрчивость.

Переходы отъ мрачнаго настроенія, раскаянія и полной отрѣшенности отъ жизни къ самому заразительному веселью у Александры Васильевны происходили какъ-то особенно быстро, что̀ коробило тетю Марину, и ея очки сползали на носъ. Впрочемъ, Александра Васильевна скоро спохватывалась

и поправляла ошибку. Въ присутствіи Нины она вела себя чрезвычайно корректно, вѣрнѣе сказать—дѣлала видъ, что не замѣчаетъ ея присутствія, какъ не замѣчаютъ сидящихъ за общимъ столомъ гувернантокъ, бѣдныхъ дальнихъ родственницъ и подростковъ въ неблагодарномъ переходномъ возрастѣ. Нина платила ей той же монетой, и тетя Марина только удивлялась, откуда берется у дѣвочки столько такта. Мать и дочь держались совершенно чужими, и это выходило даже смѣшно, хотя тетѣ Маринѣ совсѣмъ ужъ было не до смѣха.

Однимъ словомъ, въ маленькомъ домикѣ начиналось что-то новое и таинственное. Тетя Марина переживала смѣнявшіяся настроенія: то она вѣрила Александрѣ Васильевнѣ, то начинала сомнѣваться. Иногда на старушку нападалъ совершенно безпричинный страхъ, и она начинала бояться выдуманными страхами. А вдругъ она умретъ? Куда дѣнется тогда Нина? Естественной руководительницей останется Александра Васильевна, а это... Дальше мысль тети Марины отказывалась работать, и старушка въ ужасѣ закрывала глаза.

Горничная Оля, существо обезволенное до послѣдней степени, и та приняла довольно дѣятельное участіе въ происходившемъ.

— Вотъ ужо пріѣдетъ генералъ, такъ онъ эту прощалыгу за хвостъ да объ стѣну,—сообщала она дворнику Маркелу.—Вишь, какъ разлетѣлась... Генералъ ей покажетъ.

— Извѣстно, генералъ,—мрачно соглашался Маркелъ.

— Наша старая барышня даже совсѣмъ поддается... А та лопочетъ по-французскому, та лопочетъ—прямо изводитъ.

— Извѣстно, бабы...

Въ порывѣ усердія Оля попробовала закинуть словечко молодой барышнѣ, но, къ удивленію, встрѣтила глухой отпоръ.

— Это не ваше дѣло, Оля.

Раньше молодая барышня такъ не разговаривала, и горничная обиженно замолчала. Одна надежда оставалась на генерала, который все разберетъ. Когда Мочкинъ пріѣхалъ, Оля чуть не сбила его съ ногъ отъ усердія. Старикъ иногда шутилъ съ ней, трогалъ за пухлый подбородокъ и грозилъ пальцемъ.

Александра Васильевна ни за что не захотѣла выйти къ гостю и даже попросила подать обѣдъ къ себѣ въ комнату.

— Нѣтъ, это ужъ невозможно,—обидѣлась тетя Марина и отправилась сама уговаривать упрямую гостью. — Генералъ старый-старый и ничего не узнаетъ, однимъ словомъ...

— Да и я его совсѣмъ не помню, тетя.

— Замухрышка такой и все повторяетъ чужія слова... Вообще, милое, но погибшее созданіе.

Послѣдняя вульгарная фраза, сорвавшаяся съ языка тети Марины совершенно случайно, привела ее въ ужасъ. Боже, до чего можетъ дойти человѣкъ... Эта гадкая фраза всегда ее возмущала, а тутъ она сама ее выговорила, да и выговорила какимъ-то пошлымъ тономъ.

— Я уступаю только насилію, — отвѣтила Александра Васильевна, принимая видъ жертвы, и прибавила:—За послѣдствія я не отвѣчаю, тетя...

Старый генералъ посмотрѣлъ на Александру Васильевну прищуренными глазами и проговорилъ:

— Мнѣ кажется, сударыня, что я васъ гдѣ-то встрѣчалъ...

— Очень можетъ быть... — сухо отвѣтила она. — Вѣроятно, за границей.

— Представьте себѣ, не бывалъ-съ за границей... Все собираюсь туда. Говорятъ, даже необходимо тамъ быть, чтобы, такъ сказать, довершить образованіе. Хе-хе... Нѣтъ, рѣшительно, я гдѣ-то васъ встрѣчалъ.

Потомъ тетя Марина сдѣлалась свидѣтельницей, какъ старый генералъ развеселился и даже разсказалъ какой-то ветхій анекдотъ изъ своего боевого прошлаго. Александра Васильевна дѣлала видъ, что не обращаетъ на старика вниманія и слушаетъ его старческую болтовню только изъ вѣжливости, желая угодить тетѣ Маринѣ.

— Нѣтъ, я васъ встрѣчалъ,—повторялъ старикъ, напрасно стараясь возстановить далекое прошлое. — Да... гм... Вѣдь васъ зовутъ Александрой Васильевной?.. Тэ-тэ-тэ...

Очки тети Марины очутились на самомъ кончикѣ носа, и она строго посмотрѣла на разболтавшагося генерала, указывая глазами на Нину.

— Вы не могли встрѣчать Alexandrine, — замѣтила она. — Она полжизни провела за границей...

Но эта маленькая военная хитрость не спасла старушку. Генералъ Мочкинъ, прищуривъ одинъ глазъ, улыбался, точно ему было двадцать пять лѣтъ. Онъ узналъ Александру Васильевну.

„Боже мой, что я надѣлала, что надѣлала... — въ ужасѣ думала тетя Марина.—Этотъ выжившій изъ ума старикъ способенъ на все... Онъ ведетъ себя, какъ военный писарекъ...“

Чтобы перемѣнить тему, старушка заговорила о прислугѣ, которая испорчена вконецъ, и генералъ Мочкинъ успокоился. Но на прощанье онъ все-таки успѣлъ шепнуть:

— А Нита ничего не подозрѣваетъ?

— Ради всего святого, генералъ, молчите...

Чему этотъ ветхій генералъ радовался? И еще улыбается и подмигиваетъ... Фи, какая гадость. Александра Васильевна приняла обиженный видъ и молчала. Тетѣ Маринѣ сдѣлалось совѣстно, что она „поставила ее въ такое неловкое положеніе“, и ея очки показывали скверную погоду.

Дальнѣйшія событія полетѣли съ быстротой вихря. Генералъ Мочкинъ началъ бывать все чаще и чаще. Александра Васильевна пряталась отъ него, но онъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ высиживалъ цѣлые часы, пока она не выходила наконецъ изъ своей комнаты. Это было верхомъ неприличія, и старикъ точно рехнулся.

— Я его какъ-нибудь прогоню, — рѣшила тетя Марина. — Приличіе— прежде всего, и мужчинѣ можно простить рѣшительно все, кромѣ безтактности. И какой примѣръ для несчастной Ниты...

Закончилась вся эта глупая исторія уже совсѣмъ неожиданно. Въ одно прекрасное утро Александра Васильевна объявила за утреннимъ кофе, что уѣзжаетъ.

— Куда?—удивилась тетя Марина.

Этотъ естественный вопросъ смутилъ Александру Васильевну, т.-е. она опустила глаза и покраснѣла.

— Я, тетя Марина... да, я выхожу замужъ...

— То-есть какъ замужъ? А твой мужъ?

— О, съ мужемъ у насъ все кончено, то-есть онъ уступаетъ мнѣ десять тысячъ.

— Ничего не понимаю!..

— Очень просто. Раньше онъ просилъ тридцать тысячъ, а теперь соглашается за двадцать тысячъ.

— Ничего не понимаю.

— Ахъ, тетя Марина... Ну, это такъ нынче принято. Мы разводимся, онъ принимаетъ вину на себя, а вѣдь даромъ ничего на свѣтѣ не дѣлается. Вотъ и все...

— Отлично. А откуда ты возьмешь столько денегъ?

— Мнѣ... мнѣ ихъ даетъ генералъ Мочкинъ. Кстати, я выхожу замужъ вѣдь за него же... А когда онъ умретъ, я буду получать пенсію.

Осенью состоялась свадьба генерала Мочкина, и, когда Нита узнала объ этомъ, тетя Марина проговорила:

— Дѣточка, я больше ничего не понимаю, что̀ дѣлается на свѣтѣ... Если ужъ генералъ Мочкинъ... однимъ словомъ, не сто̀итъ говорить. Пора мнѣ умирать...

Нита такъ ничего и не узнала, что новая генеральша Мочкина—ея родная мать, а тетя Марина совершенно не понимала, которая сейчасъ дверь добра и какая—дверь зла...

1930.

ЛЮБОВЬ.

I.

Марья Сергѣевна Горлицына стояла у окна, охваченная однимъ чувствомъ, одной мыслью, однимъ желаніемъ... Бываютъ такіе моменты, когда человѣкъ, сосредоточившись на одномъ, забываетъ все окружающее, ничего не видитъ и ничего не слышитъ. Именно въ такомъ настроеніи и находилась Марья Сергѣевна въ это сѣренькое дождливое утро. Очень щепетильная и аккуратная, она не замѣчала, что у лифа разстегнулось нѣсколько пуговицъ; что воротъ платья съѣхалъ на-бокъ; что начинавшіе сѣдѣть волосы некрасивыми прядями выбивались изъ-подъ темной шелковой косыночки, приколотой на головѣ домашнимъ токомъ; что наконецъ вѣки глазъ у нея распухли, а по лицу катились тѣ обидныя своимъ безсиліемъ слезы, которыя остаются про себя и являются непрошенными. Да, она плакала, тогда какъ по всѣмъ принятымъ обычаямъ должна была бы радоваться...

— Люба... Люба...—повторяли сухія губы.—Что ты надѣлала, моя крошка!.. Ахъ, Боже мой... Боже...

Въ сущности, Люба не сдѣлала ничего, что стоило бы такъ горько оплакивать. Всѣ Любы на свѣтѣ рано или поздно дѣлаютъ то же самое... Люба выходила замужъ, о чемъ объявила сегодня утромъ. Марья Сергѣевна со страхомъ готовилась къ этому событію, впередъ переживая всѣ его послѣдствія, и все-таки была поражена, какъ громомъ, когда Люба за утреннимъ чаемъ заявила свое непремѣнное желаніе выйти замужъ за Сергѣя Петровича Шерстнева, очень приличнаго молодого человѣка, стоявшаго на хорошей дорогѣ. Она даже желала этого брака, когда Шерстневъ сталъ бывать у нихъ въ домѣ, и все-таки испугалась при первомъ извѣстіи о сватовствѣ. Откуда онъ взялся, этотъ Шерстневъ? Почему именно Шерстневъ, а не Ивановъ, не Петровъ, не Сидоровъ? Наконецъ какое онъ имѣетъ право дѣлать предложеніе? Вѣдь Люба одна, и другой такой Любы нѣтъ... Да, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ въ цѣломъ мірѣ! Почему этотъ Шерстневъ не женится на другихъ дѣвушкахъ, а ихъ такъ много? И вдругъ получится Люба Шерстнева. Нѣтъ, это ужасно, и только матери знаютъ, какъ ужасно. Въ душѣ Марьи Сергѣевны медленно поднималось и нарастало такое нехорошее и враждебное чувство къ Шерстневу, вотъ къ этому самому Шерстневу, котораго она никакъ не могла представить себѣ въ роли зятя. Просто, знакомый молодой человѣкъ, наконецъ знакомый Любы,—и только. Женихъ Любы въ воображеніи Марьи Сергѣевны являлся какимъ-то высшимъ существомъ, а Сергѣй Шерстневъ—самый обыкновенный человѣкъ. Да, обыкновенный, и Люба, бѣдная Люба этого не замѣчаетъ...

— Ахъ, Люба, Люба, что ты надѣлала!..

Марья Сергѣевна стояла у окна и безучастно смотрѣла на мокрый дворъ, на открытыя ворота, на маленькій флигелекъ, тотъ самый флигелекъ, гдѣ семнадцать лѣтъ тому назадъ разыгралась страшная драма. Да, семнадцать лѣтъ... Боже, какъ быстро пролетѣло время!.. Давно ли все это было: вчера, третьяго-дня... А между тѣмъ она успѣла уже состариться. Вотъ и волосы посѣдѣли, и лицо обрюзгло, подъ глазами легли первыя морщины... Сегодня такой же ненастный осенній день, какъ и *тогда*, такой же назойливый осенній дождь зарядилъ съ утра. По стекламъ струйками сбѣгаетъ дождевая вода, она же журчитъ по водосточнымъ трубамъ, заставляетъ блестѣть желѣзную крышу, а старый тополь всегда такъ красиво зеленѣетъ, точно онъ умылся. Марья Сергѣевна, поглощенная своимъ горемъ, не замѣчаетъ осторожныхъ шаговъ и только вздрагиваетъ, когда на ея плечо ложится сильная мужская рука.

— Маня... Манечка.

— А, это ты, Nicolas!..

— Да, я, моя голубка...

Средняго роста, плотный и коренастый мужчина какъ-то виновато замолкъ. Онъ тяжело переступаетъ съ ноги на ногу и говоритъ сдавленнымъ шопотомъ:

— Она тамъ, Люба... въ столовой... и ждетъ отвѣта...

— Отвѣта не будетъ! Понимаешь, я не могу себѣ представить, что она не будетъ жить съ нами, что мы опять останемся одни, что... Ахъ, это ужасно, ужасно, ужасно!..

— Манечка, да вѣдь всѣ дѣвушки выходятъ замужъ, а Люба такъ его любитъ!.. И онъ тоже...

— Не смѣй мнѣ говорить про него!.. Не смѣй...

— Маня, Манечка...

— Вы всѣ сговорились противъ меня... да. Пусть Люба дѣлаетъ, какъ знаетъ, а я не согласна... Да, не согласна.

Николай Яковлевичъ дѣлаетъ жалкое лицо, пожимаетъ плечами и проводитъ рукой по вьющимся волосамъ, посеребреннымъ первымъ снѣгомъ наступающей осени жизни. Онъ долго жуетъ губами, подбирая въ умѣ тѣ слова, которыя долженъ сказать сейчасъ, и никакъ не можетъ выговорить. Широкое русское лицо полно натуги и безплодной энергіи. Марья Сергѣевна остается въ прежней позѣ и, видимо, не желаетъ повернуть къ нему своего лица.

— Сколько безсонныхъ ночей провела я вотъ у этого окна *тогда*...— говоритъ она медленно, и ея слова падаютъ, какъ холодныя капли осенняго дождя.—Ты вѣчно былъ въ клубѣ или у знакомыхъ, а я оставалась одна, одна, одна... Одна со своимъ горемъ, жалкая, разбитая, уничтоженная. Сколько разъ мнѣ приходила въ голову мысль о самоубійствѣ... Ахъ, какъ было тяжело!..

— Манечка, зачѣмъ же вспоминать старое? Кажется, ты теперь не можешь пожаловаться на меня?..

— Я и не хочу упрекать тебя, а такъ... Нѣтъ, ты лучше ничего не говори со мной, Nicolas. Меня давеча охватило такое безумное горе, что я не могу опомниться до сихъ поръ...

Николай Яковлевичъ на цыпочкахъ отошелъ къ двери, точно боялся разбудить жену, и остановился. Да, вотъ это та самая комната, куда принесли

маленькую Любу; здѣсь она любила играть ребенкомъ; вотъ рояль, на которомъ она продѣлывала свои гаммы,—все до мельчайшихъ подробностей напоминало ее, милую дѣвочку, и Николай Яковлевичъ съ трудомъ перевелъ дыханіе, точно его что̀ придавило. Да, всякая вещь здѣсь будетъ говорить о Любѣ, кричать о ней... Эти нѣмые свидѣтели тихаго семейнаго счастія неумолимы, и онъ впередъ переживалъ все. Скверное положеніе, какъ хотите, особенно когда за плечами пятьдесятъ лѣтъ и впереди ничего. Но все-таки нужно же что-нибудь дѣлать, а въ такихъ случаяхъ единственное спасеніе—поступать рѣшительно. Онъ вернулся къ женѣ и торопливо проговорилъ, точно боялся, что роковыя слова засядутъ у него въ горлѣ:

— Ты, Маня, должна объясниться съ Любой, а я переговорю съ нимъ... Нельзя же откладывать, моя хорошая. Соберись съ силами...

— Ахъ, я не могу, не могу...

— Да, конечно, *это* нужно было сдѣлать раньше... Я даже говорилъ тебѣ объ этомъ раньше.

— Ничего ты не говорилъ никогда!—рѣзко замѣтила Марья Сергѣевна, и у нея на лицѣ выступили тѣ красныя пятна, которыхъ всегда такъ боялся Николай Яковлевичъ.—Это я тебѣ говорила, а ты по своей безхарактерности все откладывалъ... Вотъ и дождались. О, Боже мой, Боже... Это убьетъ Любу. Она, бѣдняжка, ничего не подозрѣваетъ... Теперь ступай и объясняйся съ ней самъ.

— Что̀ же, я и пойду. Да, пойду...

Николай Яковлевичъ даже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію столовой, но жена его остановила.

— Нѣтъ, я сама... Ты ничего не сумѣешь сдѣлать.

Она, слегка пошатываясь, какъ отуманенная, пошла въ столовую, а Николай Яковлевичъ остался въ гостиной. Онъ безсильно опустился на ближайшій вѣнскій стулъ и даже закрылъ глаза, какъ человѣкъ, приготовившійся принять роковой ударъ. А шаги жены все замирали... Вотъ она прошла залу, вотъ слегка скрипнула дверь въ столовую (сколько разъ было говорено старой нянькѣ, чтобы смазала чѣмъ-нибудь шарниръ!); вотъ все смолкло... У Николая Яковлевича побѣжали мурашки по спинѣ, а въ горлѣ что-то защипало. Ахъ, какое скверное положеніе!.. Главное, дышать совсѣмъ нечѣмъ.

Когда Марья Сергѣевна вошла въ столовую, Люба сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ и подняла вопросительно свои сѣрые умные глаза. Первое, что̀ бросилось матери въ глаза,—это рѣшительное выраженіе этихъ глазъ, и лица, и всей фигуры. Такъ смотрятъ только обреченные люди... Да, Люба уже теперь была чужою въ этихъ самыхъ стѣнахъ, и у нея было уже „лицо“. Въ разговорахъ съ женой Николай Яковлевичъ часто говорилъ шутя:

— Наша Люба совсѣмъ еще ребенокъ: у нея нѣтъ еще лица. Нельзя даже сказать, красивая она или некрасивая, а такъ что-то совсѣмъ неопредѣленное... ребячье...

И вотъ „лицо“ явилось—и какое лицо! Марья Сергѣевна посмотрѣла на дочь какъ-то испуганно. Именно это „лицо“ придало ей и рѣшимость и силу для объясненія. Люба въ своемъ домашнемъ шерстяномъ платьѣ сегодня была почти красавицей. Правильное русское лицо дышало утренней свѣжестью, глаза казались темнѣе, небрежно зачесанные русые волосы открывали красивый бѣлый лобъ; дѣтская полнота подбородка и мягкій носикъ, покрытый чуть замѣтными крапинками веснушекъ, придавали ей особенную миловидность.

Марья Сергѣевна остановилась въ дверяхъ, чтобы перевести духъ. Люба сдѣлала движеніе подняться, но мать предупредила ее и жестомъ попросила остаться на томъ же мѣстѣ. Ей вдругъ показалось во взглядѣ дочери какое-то враждебное выраженіе. Это ее на мгновеніе смутило, и она только чувствовала, что забыла всѣ тѣ слова, съ которыми шла вотъ въ эту столовую.

— Люба, мнѣ нужно поговорить съ тобой серьезно...—начала наконецъ Марья Сергѣевна, машинально поправляя волосы.—Дѣло въ томъ, что все случилось такъ неожиданно...

Бѣлый лобъ Любы нахмурился. Она высвободила руку изъ-подъ стола и вызывающе взглянула на мать, ожидая цѣлаго потока „жалкихъ“ материнскихъ словъ. Кажется, все просто и ясно,—такъ нѣтъ, нужно душу тянуть изъ живого человѣка.

— Только одно условіе, мама: нельзя ли поскорѣе...—нетерпѣливо отвѣтила Люба, облокачиваясь на столъ.—Я вообще не понимаю, мама, что вы имѣете противъ Сергѣя Петровича?..

— Я о немъ ничего не говорю, моя дорогая... Для насъ онъ приличный молодой человѣкъ, и только. Разъ мы принимали его въ своемъ домѣ, слѣдовательно должны были разсчитывать на извѣстныя послѣдствія... Однимъ словомъ, дѣло сейчасъ не о немъ...

Люба облегченно вздохнула и посмотрѣла на мать благодарными глазами. Милая мама, какъ она встревожена!—и все только потому, что не знаетъ, какой хорошій человѣкъ Сергѣй Петровичъ и какъ онъ любитъ ее, Любу. Да вотъ и онъ, легокъ на поминѣ... Въ передней раздался знакомый звонокъ, а затѣмъ послышался голосъ Николая Яковлевича. Чуткое ухо Любы ловило знакомые звуки, и невольная радостная улыбка освѣтила ея лицо. Вѣдь онъ тутъ, Сережа, а мама продолжаетъ дѣлать свое постное лицо. Ахъ, какая она миленькая и какая смѣшная!.. Марья Сергѣевна тоже прислушивалась къ шуму, доносившемуся изъ гостиной. Она различала мужскіе тяжелые шаги и какое-то мычанье мужа, который, по своему обыкновенію, мямлилъ и не говорилъ сразу, что было нужно сказать. Этотъ несносный Николай Яковлевичъ всегда такъ, и еще что-нибудь, навѣрное, напортитъ.

— Мама, я жду...

Въ переводѣ это значило, что Люба сгорала отъ нетерпѣнія поскорѣе выскочить въ гостиную, чтобы увидѣть „своего“ Сергѣя Петровича. Марью Сергѣевну точно что кольнуло въ сердце: прежней Любы не было, а передъ ней сидѣла совсѣмъ другая дѣвушка... Да, другая и чужая.

— Мы сами виноваты, Люба, что раньше не предупредили тебя,—заговорила Марья Сергѣевна, возвращаясь къ своему печально-торжественному тону.—Да, это было несправедливо—оставлять тебя въ невѣдѣніи, но когда ты будешь взрослой женщиной, то поймешь наши чувства... Едва ли кто-нибудь осудитъ насъ за это, но бываютъ особенныя положенія... Ты принесла намъ, Люба, такое счастье, такое счастье...

Крупныя слезы такъ и покатились по лицу Марьи Сергѣевны. Она теперь ненавидѣла себя за то, что никакъ не можетъ произнести рокового слова. Люба вдругъ присмирѣла и смотрѣла на нее испуганными глазами. Что такое случилось?.. Можетъ-быть, что-нибудь наговорили про Сережу? Но нѣтъ, ему стоитъ войти, взглянуть, заговорить, чтобы каждый сразу увидѣлъ, какая это чистая и прекрасная душа. Это сомнѣніе смѣнилось такой увѣренностью, что Люба опять смотрѣла на мать и только пожала плечами.

— Видишь ли, голубчикъ...—заговорила Марья Сергѣевна, собирая все

своэ присутствіе духа.—Нужно тебѣ сказать... дѣло въ томъ, что... Однимъ словомъ, ты—не наша дочь... да.

Люба поднялась и посмотрѣла на мать остановившимися, непонимавшими глазами. Лицо сразу поблѣднѣло, и бѣлая рука крѣпко ухватилась за ручку стула, точно въ ней заключалось все спасеніе.

— Не... не... какъ не ваша?—медленно спросила дѣвушка, чувствуя, что вся комната начинаетъ двигаться около нея.—Что это значитъ?.. Я... я... я не понимаю...

— Голубчикъ, не волнуйся... Я все разскажу тебѣ по порядку. Если хочешь, такъ ты гораздо больше наша дочь, чѣмъ если бы я тебя родила... Наконецъ для дѣвушки это и не важно, какую она фамилію носитъ, потому что всегда можетъ ее перемѣнить на другую.

— Мама, мама... Я ничего не хочу знать! не хочу ничего слушать!.. Я твоя... всегда твоя!..—лепетала Люба, какъ-то по-дѣтски протягивая руки впередъ.—Къ чему ты мнѣ все это говоришь? Я не хочу знать ничего... Мама, мама...

Марья Сергѣевна только теперь поняла, какъ нетактично повела дѣло. А Люба лежала у нея на плечѣ, цѣловала ея лицо, шею, руки и не давала говорить дальше. Въ первоначальной редакціи объясненіе съ Любой предполагалось въ другой формѣ: Марья Сергѣевна должна была разсказать аналогичный случай съ другой дѣвушкой, узнающей наканунѣ замужества, что она не настоящая дочь, и, уже судя по произведенному впечатлѣнію, открыть ей горькую истину. А языкъ сказалъ совершенно иначе... Ахъ, какъ это глупо, глупо и еще разъ глупо!.. Бѣдная дѣвочка такъ страдаетъ...

Усадивъ Любу на стулъ и давъ время ей немного оправиться, Марья Сергѣевна приступила къ печальному разсказу. Дѣвушка слушала ее съ изступленнымъ вниманіемъ и чувствовала, какъ каждое слово падало на ея голову холодной каплей воды. Въ теченіе рокового часа разрушено было все прошлое, все настоящее и все будуще. Люба не плакала, а только судорожно набирала въ грудь воздуха и время отъ времени обводила комнату глазами, точно хотѣла убѣдиться, что все это сонъ, бредъ, галлюцинація.

— Я была такъ несчастна *тогда*... такъ убита...—разсказывала Марья Сергѣевна, опустивъ голову.—Нѣсколько разъ у меня даже являлась мысль о самоубійствѣ... Но Господь услышалъ мои слезы, мое одинокое горе и послалъ мнѣ тебя, моя крошка: ты принесла намъ счастье и любовь.

Николай Яковлевичъ нѣсколько разъ подходилъ на цыпочкахъ къ затворенной двери въ столовую и даже конвульсивно улыбнулся: слышался голосъ одной Марьи Сергѣевны, а Люба молчала. Ну что же, немного поплачетъ, и тому дѣлу конецъ. На молодомъ тѣлѣ и не это изнашивается, а тутъ и утѣшитель налицо... Вонъ какимъ орломъ похаживаетъ Сергѣй-то Петровичъ! Въ сущности, Николай Яковлевичъ смалодушествовалъ и никакихъ серьезныхъ объясненій съ будущимъ зятемъ не имѣлъ. Онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что пусть сначала мать переговоритъ съ Любой, а потомъ... Не все ли равно Сергѣю Петровичу, какая фамилія у Любы?.. Въ сущности, смѣшно было поднимать всю эту кутерьму.

Совѣщаніе матери и дочери кончились совершенно неожиданно. Марья Сергѣевна вышла изъ столовой такая блѣдная и разстроенная, молча поздоровалась съ Шерстневымъ и заявила, что Люба не можетъ сегодня выйти. Шерстневъ, въ свою очередь, только развелъ руками. Что сей сонъ значитъ? Это былъ приличной наружности молодой человѣкъ, прилично одѣтый, съ при-

личными манерами. Бѣлокурая пушистая бородка придавала ему преждевременно-солидный видъ.

— Какъ же такъ?—повторялъ онъ, пощипывая бородку:—надѣюсь, болѣзнь не опасная?..

Въ этотъ моментъ въ дверяхъ гостиной показалась Люба, точно привидѣніе. Она обвела всѣхъ глазами и проговорила:

— Сергѣй Петровичъ, я беру свое слово назадъ, потому что... потому что...

Она не договорила, закрыла лицо руками и такъ же быстро исчезла, какъ появилась.

II.

Вотъ о чемъ разсказала Любѣ Марья Сергѣевна.

Она вышла замужъ очень молодой, всего шестнадцати лѣтъ, и первые годы была очень счастлива. Николай Яковлевичъ былъ тоже молодъ, и это молодое счастье неслось стрѣлой. Женились они по любви, и счастью не предвидѣлось конца. У Николая Яковлевича было свое небольшое состояніе, хорошая служба и вообще совершенно обезпеченное положеніе, такъ что нужда ни разу не постучалась въ дверь счастливаго дома. Такъ прошелъ и годъ, и другой, и третій. Впереди было то же счастье. Всѣ знакомые любовались примѣрной парочкой и говорили: „вотъ какъ нужно жить“. Да, все это было и все это прошло. Безпричинное молодое счастье разсѣялось, какъ утренній туманъ. Какъ это случилось—Марья Сергѣевна до сихъ поръ не могла дать себѣ опредѣленнаго отчета. Молодое счастье разрушалось день за днемъ незамѣтно, какъ берегъ, подмываемый водой. Серьезныхъ причинъ никакихъ не было. Марья Сергѣевна не могла упрекнуть себя ни въ чемъ, да и Николай Яковлевичъ былъ по натурѣ не злой и не испорченный человѣкъ. Можетъ-быть, какъ всѣ счастливые люди, онъ не хотѣлъ замѣчать своего счастья; можетъ-быть, это безоблачное счастье придало ему излишнюю самоувѣренность, просто надоѣло наконецъ. Вѣдь здоровые люди не чувствуютъ своего здоровья, пока здоровы, и часто разрушаютъ его самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Такъ было и тутъ... Началось съ того, что Николай Яковлевичъ замѣтно сталъ скучать дома и искалъ развлеченій. Появились новые знакомые, которыхъ Марья Сергѣевна принимала только для мужа; затѣмъ Николай Яковлевичъ началъ исчезать изъ дома. Ахъ, какъ это было ужасно! Днемъ онъ на службѣ, а какъ только наступитъ вечеръ... Нѣтъ, это была медленная пытка, отравлявшая жизнь капля за каплей... Марья Сергѣевна видѣла, какъ мужъ бѣжалъ изъ дому, и ничего не могла подѣлать. Силой милому не быть... Она даже не старалась удержать мужа, потому что это не привело бы ни къ чему. Разъ—этому мѣшала ея собственная женская гордость, а второе—она не желала показаться смѣшной и лишней въ собственныхъ глазахъ. Какое это ужасное слово: лишній человѣкъ, то-есть человѣкъ, который никому не нуженъ и отъ котораго бѣгутъ, какъ отъ чумы. Затѣмъ, изъ чувства той же гордости, Марья Сергѣевна не только никому не жаловалась на свое положеніе, но самымъ тщательнымъ образомъ скрывала его и отъ родныхъ и отъ самыхъ близкихъ знакомыхъ. Если счастье брызжетъ у всѣхъ на глазахъ всѣми цвѣтами радуги, то горе прячется по темнымъ угламъ и боится свѣта. По внѣшности Марья Сергѣевна продолжала разыгрывать роль счастливой женщины даже передъ самой собой,—она по натурѣ не выносила вѣчно хныкающихъ, слезливыхъ „бабъ“, которыя тащатъ въ люди всѣ свои домашнія дрязги, не-

пріятности и огорченія. Это всегда ее возмущало, и она не желала повторить своимъ примѣромъ одну изъ такихъ жалкихъ женъ. Счастье—такъ счастье, горе—такъ горе, но и счастье и горе—у себя дома, скрытыя отъ каждаго посторонняго глаза, какъ дорогая могила,

Этотъ женскій героизмъ доходилъ до того, что Марья Сергѣевна со спокойнымъ лицомъ сама совѣтовала мужу, чтобы онъ ѣхалъ вечеромъ въ клубъ или куда-нибудь къ знакомымъ.

— Тебѣ тамъ будетъ весело, Nicolas,—прибавляла она съ веселой улыбкой.

— Да... гм... А какъ же ты, Маня?.. Тебѣ скучно одной сидѣть дома,—говорилъ Николай Яковлевичъ для формы, испытующе глядя на жену.

— Я? О, пожалуйста, обо мнѣ не безпокойся... У меня есть и свои домашнія дѣла и чтеніе. Однимъ словомъ, я не буду скучать...

Николай Яковлевичъ, конечно, чувствовалъ всю эту самоотверженную ложь, но старался увѣрить себя, что это чистая монета, потому что хотѣлъ этому вѣрить. Онъ каждый разъ вздыхалъ свободно, когда выходилъ изъ дома, и сразу веселѣлъ, какъ всѣ легкомысленные люди. Конечно, женѣ скучно сидѣть одной, да вѣдь и онъ не сидѣлка... Наконецъ всѣ другіе такъ же дѣлаютъ, и тутъ рѣшительно ничего дурного нѣтъ. А тамъ веселая мужская компанія, разговоры, карты, холостые ужины и выпивки. Домой Николай Яковлевичъ частенько возвращался навеселѣ, и, когда бы онъ ни вернулся, всегда повторялась одна и та же исторія: окна въ спальнѣ жены были освѣщены. Она никакъ не могла усвоить себѣ прекрасную привычку другихъ женъ, которыя мирно спали. Эти освѣщенныя окна каждый разъ поднимали въ душѣ Николая Яковлевича тяжелое чувство, точно живой упрекъ, та неумирающая совѣсть, которая подаетъ свой неподкупный голосъ даже и въ душѣ отъявленнаго бездѣльника. Рѣшительно, эти освѣщенныя окна отравляли жизнь, и Николай Яковлевичъ входилъ въ спальню жены хмурый и раздраженный. Онъ впередъ былъ готовъ отвѣтить на ея упреки и жалобы. Въ немъ кипѣла жажда сказать ей что-нибудь непріятное, обидное. Это было странное чувство, испытываемое только виноватыми людьми, желающими оправдаться во что бы то ни стало. Иногда Николай Яковлевичъ начиналъ придираться къ женѣ.

— Отчего ты не спишь?

— Не хочется... Я читала.

Николай Яковлевичъ дѣлалъ нетерпѣливое движеніе: жена явно лгала. Да... она просто хотѣла сдѣлать ему непріятность: пусть, молъ, смотритъ и казнится, какая она несчастная женщина. Эта мысль возмущала его. Къ чему эта комедія?..

— Ты желаешь, Маня, афишировать свое одиночество...—ядовито говорилъ Николай Яковлевичъ, улыбаясь.—Всѣ знакомые, которые ѣдутъ по улицѣ, будутъ думать: „Бѣдная Марья Сергѣевна опять одна, а муженекъ шляется по клубамъ... Бѣдняжка, напрасно она его ждетъ!“. Что жъ, ты достигаешь своей цѣли и прекрасно разыгрываешь роль несчастной жертвы.

— Не могу же я лежать съ закрытыми глазами, когда мнѣ не хочется спать!..

— А какъ же другія женщины?.. Впрочемъ, всѣ бабы цѣпляются за своихъ мужей, какъ репей... Отчего, напримѣръ, ты не хочешь бывать въ обществѣ? Завела бы такихъ знакомыхъ женщинъ, съ которыми не было бы скучно... Наконецъ у насъ столько знакомыхъ, и всѣ спрашиваютъ про тебя: „Что Марья Сергѣевна? Отчего не видно Марьи Сергѣевны?“. Въ переводѣ

это значитъ: „ахъ, какой вы бездѣльникъ, Николай Яковлевичъ"... Развѣ я не понимаю? Сдѣлай милость, все вижу насквозь...

Марья Сергѣевна собирала всѣ силы, чтобы выдержать характеръ и не наговорить, въ свою очередь, ему непріятныхъ вещей. Но иногда она не могла выдерживать, и происходили горячія сцены, тѣ гадкія, обидныя домашнія сцены, когда стороны начинаютъ осыпать другъ друга упреками, жалкими словами, оскорбленіями и обвиненіями въ самыхъ ужасныхъ вещахъ. Чѣмъ нелѣпѣе и чудовищнѣе были оскорбленія, тѣмъ они быстрѣе пускались въ ходъ и сейчасъ же вызывали отвѣтный взрывъ. Такая сцена заканчивалась для Марьи Сергѣевны горькими слезами, а Николай Яковлевичъ бѣгалъ по комнатѣ, какъ сумасшедшій, размахивалъ руками и хриплымъ голосомъ выкрикивалъ какое-нибудь новое проклятіе. Какіе они были жалкіе, когда такая сцена наконецъ кончалась! Не было даже того хорошаго и здороваго стыда, который наступаетъ послѣ сдѣланной несправедливости, а оставалось какое-то мертвое чувство озлобленія, точно самое сердце ржавѣло въ этихъ несчастныхъ домашнихъ сценахъ.

Было нѣсколько такихъ сценъ, которыя заканчивались тѣмъ, что Николай Яковлевичъ убѣгалъ изъ дому. Марья Сергѣевна оставалась одна, уничтоженная, жалкая, несчастная. Ей некуда было бѣжать, и она начинала думать о смерти. Вѣдь умираютъ же другіе люди, молодые, любимые, счастливые, а она должна жить,—если можно назвать жизнью это жалкое прозябаніе. Да, хорошо умереть именно тогда, когда человѣкъ еще не развалина, а въ полныхъ силахъ. Тотъ же Николай одумался бы и пожалѣлъ ее... Онъ сталъ бы горько раскаиваться и оплакивать свою несправедливость, а она лежала бы въ могилѣ такая молодая, съ неизжитымъ запасомъ силъ. Мысль о смерти все чаще и чаще приходила въ голову Марьи Сергѣевны, и ей нравилось останавливаться на ней. Это было послѣднее возмездіе за короткое счастье... Она часто видѣла себя именно въ гробу и горько оплакивала свою испорченную молодую жизнь...

Въ семьяхъ счастье, какъ и здоровье, накопляется золотниками, а уходитъ пудами. Домъ, охваченный несчастіемъ, является могилой, съ той разницей, что тутъ каждая вещь, каждая мелочь—напоминаетъ краткія мгновенія улетѣвшаго счастья. Именно съ такимъ чувствомъ ходила по своимъ комнатамъ Марья Сергѣевна, точно покойникъ, вставшій изъ могилы, по своему кладбищу. Душа отлетѣла, оставалась одна мертвая форма, никому ненужная форма, которая держалась чисто-механически. Не было того внутренняго свѣта, который живилъ и согрѣвалъ всю эту мертвую обстановку, любимыя вещи, этихъ нѣмыхъ свидѣтелей улетѣвшаго счастья. Женщина вся—въ этой обстановкѣ своего гнѣзда; слѣдъ ея руки остается на каждой мелочи; ея вкусы, мысли, желанія отливаются въ эти домашнія вещи... И вдругъ все это мертво, все это чужое, ненужное, почти враждебное, и отъ всего вѣетъ холодомъ смерти. Вѣдь любовь не возвращается, какъ не возвращается жизнь, и только чудо можетъ воскресить мертваго человѣка. По цѣлымъ часамъ Марья Сергѣевна молилась передъ образкомъ, благословеніемъ матери, и со слезами просила Матерь Божію заступить, спасти и помиловать. Божественная кротость глядѣла на нее, и тихое спокойствіе на время осѣняло ее... Незримо творилось великое чудо молитвы, и оно спасало приходившую въ отчаяніе душу; но Марья Сергѣевна не всегда могла молиться, а молитва вынужденная не давала успокоенія. Ахъ, какое это было ужасное чувство, когда душа пустѣла и покрывалась мракомъ!..

Оставаясь одна, Марья Сергѣевна часто думала о томъ, что̀ за человѣкъ Николай Яковлевичъ, и что̀ за причина ихъ семейнаго разлада. Ее каждый разъ огорчала одна и та же мысль, именно, что Николай Яковлевичъ человѣкъ хорошій и всѣ знакомые его любили. Глядя на него со стороны, она сказала бы то же самое, хорошій человѣкъ,—и только. Посторонніе люди всегда справедливѣе. Да, хорошій... Конечно, онъ не геній и нисколько не виноватъ, что порохъ изобрѣтенъ до него. Немножко безхарактерный, немножко самонадѣянный, но вѣдь всѣ мужчины одинаковы. У него было даже то, что̀ называется „семейной шишкой“. И вдругъ вотъ этотъ самый хорошій человѣкъ бѣгаетъ изъ своего дома, ему скучно дома, у себя дома онъ—какъ мертвый... Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи чувствовалось именно это омертвѣніе. А гдѣ причины? Марья Сергѣевна со строгостью слѣдователя разбирала всю свою жизнь, свой характеръ, наружность и не находила объясненія охлажденію мужа. Вѣдь она-то все та же... Ей часто хотѣлось сказать именно такую фразу:—„Nicolas, вѣдь я все та же, твоя Маня“... Но роковыя слова замирали на губахъ, а вмѣсто нихъ получался безжалостный выводъ, что какъ много есть людей, прекрасныхъ въ отдѣльности и несчастныхъ вмѣстѣ. Отсюда прямое заключеніе: необходимо разойтись, пока не случилось чего-нибудь худшаго, чего нельзя и поправить. Да, разойтись... Сколько нынче такихъ соломенныхъ вдовъ и соломенныхъ вдовцовъ! Нѣкоторые опять находятъ новое счастье... Одна мысль объ этомъ ледянила мозгъ Марьи Сергѣевны своей чудовищностью: она даже не могла представить себѣ другого мужчину, который замѣнилъ бы ей Nicolas, того Nicolas, который былъ неразрывной частью ея самой, лучшей ея частью. Она часто думала о томъ, что̀ если бы онъ умеръ... Нѣтъ, она свято пронесла бы свое одиночество, свои слезы, и въ ея душу закрадывалось преступное желаніе, чтобы мужъ умеръ. О, тогда онъ былъ бы весь ея; она оплакивала бы его, молилась бы за него, и ничто, ничто не вырвало бы его изъ ея объятій! Вѣдь смерть заставила бы забыть всѣ обиды, всю горечь жизни, всѣ оскорбленія. Она опять любила бы его, и ея сердце было бы его могилой. Но всѣ эти мысли и чувства разлетались, какъ дымъ, предъ дѣйствительностью..

А худшее, горшее было впереди.

Марья Сергѣевна со страхомъ ожидала того рокового дня, когда у нея явится счастливая соперница. Вѣдь это должно было случиться, это было неизбѣжно. Она инстинктивно готовилась къ этой мысли, сверлившей ея мозгъ. Въ несчастіяхъ есть своя логика, своя послѣдовательность и своя неизбѣжность. Она не слѣдила за мужемъ, какъ это дѣлаютъ другія женщины, не выспрашивала, не допытывалась. Къ чему? Когда знакомыя въ ея присутствіи дѣлали какой-нибудь нескромный намекъ или начинали говорить между строкъ, она сейчасъ же уходила. Nicolas можетъ, конечно, ошибаться и дѣлать глупости, какъ всѣ другіе люди, но для нея онъ оставался все тѣмъ же, нѣтъ!—еще болѣе дорогимъ и любимымъ. Она насильно вызывала образы недавняго счастья, шептала слова недавней любви, и этими сухими осенними листьями покрывалась свѣжая, еще не остывшая могила. Чужая рука не должна была касаться до ея горя... Да, она несчастна, но несчастна про себя.

Случилось наконецъ и послѣднее страшное, что̀ проходило раньше только въ воображеніи. Марья Сергѣевна это почувствовала всѣмъ своимъ существомъ, когда мужъ посмотрѣлъ на нее виноватыми глазами. Ее охватилъ физическій ужасъ, отвращеніе, гордое негодованіе. Ей не нужно было словъ, когда все такъ было ясно. Есть такія вещи, которыя не называются словами.

потому что для такихъ вещей нѣтъ подходящихъ словъ. Она не желала даже знать, кто ея счастливая соперница. Не все ли равно, кто она?.. Вотъ эти любимые глаза смотрѣли на нее, эти руки протягивались къ ней, эти губы прошептали первыя преступныя слова, и все чистое, все святое было смято, уничтожено и загрязнено. И слезъ больше не было... Не было и сценъ. Напротивъ, Nicolas какъ-то притихъ и старался быть даже ласковымъ. Ахъ, какая обидная ласковость!—точно свѣтъ холоднаго осенняго солнца, который потерялъ свою живую теплоту. Не нужно, ничего не нужно... Какъ онъ не понимаетъ, что она все знаетъ... все!.. Раньше была несчастная женщина, а теперь обманутая... Да, обманутая, поруганная и гордая своимъ погибшимъ счастьемъ. Вѣдь она такъ не сдѣлаетъ, она не можетъ такъ сдѣлать... И у Nicolas такой потерянный видъ. Онъ не нашелъ своего второго счастья и тоже мучится?

Если раньше время тянулось съ убійственной медленностью, то теперь оно полетѣло стрѣлой. Первое смущеніе Nicolas смѣнилось тѣмъ фатальнымъ чувствомъ, которое испытываетъ человѣкъ, отбитый волной отъ родного берега. Страшенъ былъ первый шагъ, а тамъ безбрежное открытое море, море порока и жалкихъ увлеченій. Скоро получено было письмо: Марья Сергѣевна узнала его по конверту, по женскому почерку, но не распечатала изъ гордости, а сама передала въ руки мужу.

— Это, кажется, тебѣ, Nicolas...

Нужно было видѣть смущеніе попавшагося Николая Яковлевича, какъ онъ торопливо сунулъ письмо въ карманъ.

— Что же ты его не прочитаешь?—замѣтила Марья Сергѣевна.—Можетъ-быть, какое-нибудь дѣловое письмо...

— Нѣтъ... такъ... то-есть вздоръ.

Марья Сергѣевна опустила глаза и покраснѣла за мужа. У него еще оставался маленькій стыдъ, послѣдній отблескъ совѣсти, и ей сдѣлалось даже его жаль.

Скоро она увидѣла ее собственными глазами. Это было въ концертѣ. Марья Сергѣевна любила музыку. Въ ней она находила нѣвучія иллюстраціи къ собственнымъ мукамъ. Тотъ таинственный міръ тончайшихъ ощущеній и смутныхъ мыслей, предъ которыми безсильно было слово, облекался здѣсь въ такія изящныя звуковыя формы. Наболѣвшее сердце находило отвѣтъ, аккорды плакали и звали въ невѣдомую даль. Марья Сергѣевна проводила нѣсколько часовъ въ какомъ-то сладкомъ забытьѣ и чувствовала себя лучше, чище, бодрѣе. Все временное, горькое, обидное стряхивалось, замѣнялось чувствомъ полноты и неумирающей поэзіи. Таинственнымъ путемъ это горе и слезы точно переплавлялись во что-то такое хорошее и новое. Именно въ такомъ настроеніи находилась Марья Сергѣевна, когда ей указали во второмъ ряду креселъ молодую бѣлокурую даму съ близорукими глазами. Это была *она*, да, та самая, которая написала Nicolas письмо. Ужаснаго въ ней Марья Сергѣевна ничего не нашла и могла только удивляться вкусу Nicolas.

— Докторша,—рекомендовала ее одна старая знакомая.—У нея молодой мужъ, но это не мѣшаетъ ей быть „пріятной во всѣхъ отношеніяхъ“. И что въ ней нашелъ Nicolas?.. Моль какая-то... Бѣлобрысая, рыхлая...

Марья Сергѣевна уѣхала сейчасъ же домой, потому что не могла видѣть этой дамы, пріятной во всѣхъ отношеніяхъ. Ей было и больно и гадко, а воображеніе рисовало рядъ самыхъ обидныхъ картинъ. Вотъ эта ничтожная, пухлая тварь растоптала ея счастье... Нѣтъ, этого слишкомъ много для нея: она донашивала призракъ этого счастья, какъ донашиваютъ старое платье.

Больше Марья Сергѣевна ничего не хотѣла знать о докторшѣ: что она такое, что за человѣкъ ея мужъ, что могло понравиться въ ней Nicolas. Нѣтъ, не надо, ничего не надо...

Въ слѣдующій разъ Марья Сергѣевна встрѣтила роковую докторшу на улицѣ. Та, очевидно, узнала ее и вскинула свои сѣрые глаза съ торжествующимъ любопытствомъ. Да, она торжествовала свое паденіе, и Марьѣ Сергѣевнѣ хотѣлось ей крикнуть: „Мнѣ жаль васъ, пріятная дама... да. Я обманута, но я чистая, а вы даже не имѣете права смотрѣть мнѣ прямо въ глаза". Затѣмъ, эта докторша не знаетъ той простой истины, что она является для Nicolas только первой ступенькой въ лѣстницѣ грядущихъ радостей. Такія связи слишкомъ непрочны.

И дѣйствительно, не прошло мѣсяца, какъ опять получилось письмо на имя Nicolas, написанное тѣмъ же женскимъ почеркомъ, но уже написанное впопыхахъ, прыгающими буквами. Оно, очевидно, было разсчитано на скандалъ: пусть жена прочитаетъ и полюбуется... Но Марья Сергѣевна не взяла его даже въ руки. На слѣдующій день — новое посланіе: адресъ былъ написанъ дрожавшей рукой, и строчки шли ломаной линіей. Ахъ, какъ отлично понимала Марья Сергѣевна содержаніе этихъ писемъ!.. Это была первая горячая разволока, и Nicolas цѣлый вечеръ просидѣлъ дома. Затѣмъ онъ видимо одумался, и третьяго письма не было. Счастье возстановилось, и блондинка торжествовала.

III.

Но худшее было еще впереди. Марья Сергѣевна боялась полнаго нравственнаго паденія Nicolas, и оно случилось. Онъ началъ пить и возвращался домой только утромъ, измятый, грязный и упрямый упрямствомъ погибающаго человѣка. Онъ дошелъ до послѣднихъ ступенекъ той роковой лѣстницы, по которой поднимался, и находилъ утѣшеніе въ ласкахъ продажныхъ женщинъ. Да, она это чувствовала и брезгливо вздрагивала, когда онъ входилъ въ ея комнату, внося съ собой атмосферу дешевенькаго разврата. У него больше не оставалось стыда, того стыда, который сдерживаетъ человѣка въ крайности. Nicolas прошелъ роковую границу и плылъ по теченію, очертя голову.

— Nicolas, что ты дѣлаешь?—вырвалось однажды у Марьи Сергѣевны.

— Я? Не больше того, что ты предполагаешь... А впрочемъ, все равно, мы не поймемъ другъ друга.

Онъ смотрѣлъ на нее такими безсовѣстными глазами, что ей сдѣлалось страшно: такіе люди способны на все. А какія письма получались?! Отчаяніе сквозило въ каждой буквѣ, ревность, безсильныя женскія слезы, запоздавшій женскій стыдъ, глухая безсильная злоба... Nicolas нарочно оставлялъ распечатанныя письма на своемъ письменномъ столѣ и только улыбался, нехорошо улыбался, какъ сытый звѣрь, который рветъ живое мясо только для собственнаго удовольствія. Марья Сергѣевна теперь ненавидѣла его вдвойнѣ, какъ гадину. О, да, она еще могла понять увлеченія, ошибки, страсть, но этотъ холодный купленный развратъ возмущалъ ее до до послѣдней степени. Больше ничего не оставалось. Она пробовала уговорить мужа, плакала, умоляла, а онъ смѣялся и говорилъ съ циничесой улобкой:

— У женщинъ одинъ общій недостатокъ: онѣ ужасно походятъ одна на другую и повторяются даже въ недостаткахъ. Понимаешь, мнѣ это надоѣло...

— Я понимаю одно, что мнѣ слѣдовало давно уйти... Да...

— Ну вотъ, теперь всѣ женщины именно такъ разсуждаютъ, но это, матушка, просто банально... Сотни такихъ ушедшихъ отъ своихъ мужей женщинъ, и всѣ онѣ похожи одна на другую до тошноты.

— Nicolas, что ты говоришь?.. Опомнись... Есть, наконецъ, совѣсть... правда...

— Можетъ-быть... Но есть также и скука выслушивать жалкія слова.

Блондинка оказалась гораздо энергичнѣе, чѣмъ можно было предполагать, и сумѣла отмстить. Она не остановилась даже передъ тѣмъ, что разсказала все мужу. Докторъ Мѣшковъ принадлежалъ къ типу тружениковъ. Онъ вѣчно корпѣлъ у себя въ больницѣ или разъѣзжалъ по больнымъ. Болѣзненный по натурѣ, тихій и любящій, онъ не повѣрилъ женѣ въ первую минуту, принявъ ея признаніе за галлюцинацію. Развѣ можно обмануть любящаго человѣка?.. Онъ отказывался понять подобный фактъ и уѣхалъ по больнымъ съ обычной аккуратностью. Ни сценъ, ни упрековъ, ни жалкихъ словъ... Что онъ переживалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней—никто не зналъ, а закончилось все катастрофой. Докторъ дождался Николая Яковлевича на подъѣздѣ клуба и въ упоръ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера.

— Подлецъ... — спокойно замѣтилъ онъ, бросая оружіе.

Воспользовавшись суматохой, докторъ отправился прямо къ Марьѣ Сергѣевнѣ, съ которой былъ немного знакомъ, и такъ же спокойно заявилъ, что убилъ Николая Яковлевича.

— ...Потому онъ былъ большимъ негодяемъ... да, — объяснилъ онъ съ рѣшительнымъ видомъ. — Если я передъ кѣмъ виноватъ, такъ передъ вами, Марья Сергѣевна...

Съ Марьей Сергѣевной сдѣлалось дурно, и доктору пришлось походить за ней, какъ за паціенткой.

Николай Яковлевичъ совсѣмъ не былъ убитъ, а только раненъ, да и раненъ легко. Первое слово, которое онъ сказалъ, придя въ себя, было: „домой“... А дома онъ встрѣтилъ своего врага, ухаживавшаго за его женой. Марья Сергѣевна вскрикнула отъ радости, когда увидала мужа живымъ. Она сама уложила его въ постель, сама осмотрѣла прострѣленную руку и легкую рану въ боку—пуля скользнула по ребру, обмыла обѣ раны и сдѣлала перевязку. Чужіе люди были удалены. Мужъ и жена очутились снова въ самомъ неловкомъ положеніи: сознаніе опасности сблизило ихъ на одно мгновеніе, а теперь обоимъ сдѣлалось совѣстно именно за этотъ сердечный порывъ.

— Это какая-то комедія...—ворчалъ Николай Яковлевичъ.—Развѣ такъ стрѣляютъ порядочные люди?.. Теперь глаза никуда нельзя будетъ показать... И вдобавокъ я ужасно струсилъ: дрянно такъ струсилъ... запищалъ... Вообще, была картина!..

А въ кухнѣ въ это время сидѣла бѣлокурая женщина и горько плакала. Она прибѣжала въ отчаяніи, плохо сознавая, что дѣлаетъ. Кухарка Агаѳья едва успѣла загородить ей дорогу въ столовую.

— Что вы, сударыня... Развѣ полагается въ этакое время постороннему человѣку врываться?.

— Онъ будетъ живъ? да?.. — повторяла несчастная въ сотый разъ. — Ты меня обманываешь... Мнѣ только одинъ разъ взглянуть на него... хоть издали!

— Никакъ невозможно, потому что тамъ сама барыня... Не таковское дѣло. А Николаю Яковлевичу впередъ наука... Отлились барынины-то слезы.

Бѣлокурая женщина плакала и ломала руки. Потомъ кухарка Агаѳья

опять ее видѣла, какъ она вечеромъ бродила по тротуару и заглядывала въ окна. Оглашенная какая-то... Ничего не оставалось, какъ доложить самой барынѣ: ихнее дѣло, господское.

— Та птаха-то, Марья Сергѣевна, значитъ, тутъ...—шопотомъ сообщала Агаѳья, вызвавъ барыню въ кухню.—Набѣжала давѣ, какъ оглашенная, ну, да я ее заворотила... А теперь по тротувару расхаживаетъ, какъ стѣпь...

Марья Сергѣевна видѣла въ окно эту женщину, какъ она два раза прошла мимо, жадными глазами вглядываясь въ окна. Она, дѣйствительно, походила на тѣнь... Что было нужно этой нелѣпой женщинѣ?.. Докторъ Мѣшковъ разсказалъ Марьѣ Сергѣевнѣ, какъ все вышло, и Марья Сергѣевна теперь отказывалась понять поведеніе этой взбалмошной особы.

А Николай Яковлевичъ лежалъ въ своемъ кабинетѣ, на широкомъ диванѣ, ничего не подозрѣвая. Его вдругъ охватила жажда раскаянія, желаніе исповѣдаться и выложить всю душу.

— Меня стоило застрѣлить, какъ собаку,—говорилъ онъ съ горькой усмѣшкой.—Да, я негодяй, мерзавецъ.

Какъ Марья Сергѣевна ни удерживала, но Николай Яковлевичъ разсказалъ отъ начала до конца всѣ свои похожденія. Онъ самъ теперь возмущался, негодовалъ и презиралъ себя...

— Маня, голубка, я недостоинъ прикоснуться къ твоему мизинцу... да. Я весь—одна грязь и развратъ...

— Какъ это вышло все, Nicolas, какъ это могло случиться? Кто наконецъ виноватъ?..

— Виновата моя гнилая натуришка и никто больше... Эта жажда разнообразія, пикантныя ощущенія, туманъ легкихъ интрижекъ—вотъ что мнѣ было нужно.

Ночью у Николая Яковлевича сдѣлалась лихорадка, сопровождаемая бредомъ. Онъ нѣсколько разъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на жену, очевидно, не узнавая ея. Марья Сергѣевна сидѣла въ тѣни, чтобы не безпокоить больного.

— Маня, ты здѣсь?—шопотомъ спросилъ онъ, приподнимаясь на локтѣ.

— Да... Хочешь пить?..

— О, нѣтъ... Зачѣмъ ты здѣсь?.. Уходи, миленькая, оставь меня... Я—проклятый человѣкъ. Да... Я заражаю своимъ дыханіемъ самый воздухъ, которымъ ты дышишь. Знаешь, Маня, я нѣсколько разъ думалъ, какъ было бы хорошо, если бы... О, нѣтъ, уходи, уходи!.. Передъ тобой лежитъ гнусная гадина, которую нужно только раздавить, какъ гадину...

— Nicolas, тебѣ вредно волноваться.

— Ты чистая и не поймешь меня... Знаю одно, что я слишкомъ низко упалъ, чтобы подняться снова. Я безконечно уважаю тебя, но мнѣ скучно съ тобою!..

Это горячечное признаніе вызвало реакцію. Марья Сергѣевна бросилась къ мужу, осыпала его ласками, называла самыми нѣжными именами, какія даетъ одна любовь, и съ женскимъ героизмомъ во всемъ обвиняла себя. Это была отчаянная погоня за тѣнью счастья... О, да, она не умѣла во-время удержать его, не умѣла сдѣлаться интересной для него, не умѣла войти въ его вкусы и привычки. Этотъ эгоизмъ порядочныхъ людей и погубилъ его. Но этого больше не будетъ. Да, она теперь будетъ держать его въ рукахъ, она его не пуститъ отъ себя... Nicolas, милый, любимый Nicolas... Николай Яковлевичъ плакалъ и молча цѣловалъ руки жены, и тутъ же заснулъ, точно растаялъ подъ этимъ горячимъ дыханіемъ пробудившагося счастья.

Такія сцены слишкомъ сильны, чтобы повторяться.

Николай Яковлевичъ быстро поправился. Рана оказалась самой незначительной. Маленькое неудобство заключалось только въ томъ, что нѣкоторое время пришлось носить раненую руку на повязкѣ. Какъ это дико, глупо и смѣшно: Николай Яковлевичъ Горлицынъ съ прострѣленной рукой!.. Странно, что онъ больше всего стыдился кухарки Агаѳьи и горничной Маши. Конечно, прислуга была на сторонѣ барыни и потихоньку, вѣроятно, посмѣивалась надъ нимъ.

Цѣлыхъ двѣ недѣли Николай Яковлевичъ высидѣлъ дома и никуда не показывался. Опять мелькнула счастливая пора... Марья Сергѣевна сразу ожила. Пуля доктора Мѣшкова дала ей жизнь, радость и покой. Если что ее тревожило, такъ это таинственная женская тѣнь, продолжавшая свои прогулки подъ окнами. Что ей нужно? Николай Яковлевичъ ничего не подозрѣвалъ, но Марья Сергѣевна чувствовала, что онъ начиналъ безпокоиться именно въ эти моменты,—какъ будто существовало какое-то таинственное вліяніе, которое работало помимо сознанія и проникало черезъ стѣны и запертыя двери.

Потомъ... потомъ Николай Яковлевичъ совершенно поправился и черезъ два дня опять исчезъ изъ дому самымъ коварнымъ образомъ.

Это былъ такой ударъ, что Марья Сергѣевна чуть не сошла съ ума. Зачѣмъ нуженъ былъ еще этотъ обманъ?.. Она повѣрила страшному призраку вернувшагося счастья, и онъ обманулъ ее... Раньше она сжилась со своимъ горемъ, одиночествомъ и позоромъ, а теперь должна была страдать въ сто разъ сильнѣе. Господи, за что же?.. Она умирала во второй разъ, умирала медленной и мучительной смертью, не чувствуя даже потребности сопротивляться.

Да, это было ужасное время, и тогда именно у Марьи Сергѣевны явилась мысль о самоубійствѣ. Въ первое мгновеніе она ужаснулась: живой человѣкъ, и вдругъ—ничего. Пугала самая форма,—именно ей представлялся собственный окровавленный трупъ... медицинское вскрытіе... полиція... похороны самоубійцы. Вѣдь въ каждомъ номерѣ любой газеты есть описаніе такихъ самоубійствъ, и Марья Сергѣевна вчитывалась въ нихъ съ жадностью. Она точно примѣривала каждый случай къ себѣ и находила съ ужасомъ такъ много общаго. „Въ смерти моей прошу никого не обвинять“—и только. А за каждой такой стереотипной записочкой скрывалась какая-нибудь ужасная драма—одна изъ тѣхъ драмъ, которая касалась только одного человѣка... Марья Сергѣевна завидовала этимъ рѣшительнымъ людямъ, которые собственной волей нашли себѣ вѣчный покой. Да, какое это святое слово: покой... Лежать тихо-тихо въ гробу, съ сложенными на груди руками, съ закрытыми глазами, и никакое горе не коснется этого покоя. Будутъ чередоваться времена года, будетъ каждое утро подниматься солнце, будетъ зеленѣть трава и бушевать снѣжная вьюга, прилетитъ крошечная птичка и, задыхаясь отъ своего маленькаго счастья, споетъ свою пѣсенку, а она будетъ лежать въ своей могилѣ, полная мертваго покоя.

Именно въ такомъ похоронномъ настроеніи Марья Сергѣевна стояла у окна въ гостиной и смотрѣла на дворъ, у того самаго окна, у котораго переживала теперь сватовство Любы. Былъ такой же осенній, дождливый день. Стекла отпотѣли, и по нимъ слезливыми струйками сбѣгала вода. Марья Сергѣевна по цѣлымъ часамъ простаивала почему-то именно у этого окна, когда ей дѣлалось особенно тяжело, и здѣсь въ тысячу первый разъ передумывала

свои грустныя думы. Ненастный день гармонировалъ съ ея настроеніемъ, и въ самомъ воздухѣ, казалось, разлита была мертвая грусть. Весело зеленѣлъ одинъ тополь. Семнадцать лѣтъ тому назадъ это было пышное дерево, настоящій зеленый богатырь. Марья Сергѣевна изъ своего окна видѣла и часть улицы, по которой тряслись крестьянскія телѣги и съ трескомъ проѣзжали городскіе экипажи. Куда эти люди могутъ ѣхать? что ихъ интересуетъ?.. Для нея міръ былъ закрытъ, и живые люди казались тѣнями, которыя проносились мимо нея безъ цѣли и смысла, какъ блуждающіе огоньки. Марья Сергѣевна даже вздрогнула, когда на дворъ въѣхалъ извозчичій экипажъ съ двумя сѣдоками. Ужъ не гости ли?.. Въ первую минуту она испугалась этой мысли, а потомъ успокоилась: пріѣхали, очевидно, новые квартиранты въ ихъ флигель. Кстати, этотъ флигель составлялъ настоящее наказаніе. Помѣщеніе было маленькое,—всего двѣ небольшихъ комнаты съ кухней, и снимали его такіе маленькіе люди, которые рѣдко могли заплатить за квартиру. Это были мелкіе служащіе, какіе-то писаря, микроскопическіе чиновники, лишившіеся мѣста или отставные, и у всѣхъ была одна общая черта: всѣ пили водку, ссорились съ женами и устраивали болѣе или менѣе крупные скандалы. Спустя нѣкоторое время имъ отказывали, чтобы пустить на ихъ мѣсто точно такихъ же субъектовъ. Это былъ совершенно особенный міръ, который Марья Сергѣевна видѣла только изъ своего окна и удивлялась, зачѣмъ живутъ эти отбросы, эти человѣческіе помои. Вотъ и теперь новые жильцы, навѣрное, повторятъ ту же вѣчную исторію... Сколько разъ она говорила своему мужу чтобы просто запереть этотъ несчастный флигель и никого не пускать.

Новые квартиранты были совсѣмъ молодые люди. Онъ—высокій, худощавый брюнетъ въ заношенномъ осеннемъ пальто и широкополой поповской шляпѣ, а она—полная блондинка съ хорошенькимъ здоровымъ личикомъ. Ей, очевидно, не понравилась квартира, и она осталась на извозчикѣ, пославъ мужа осмотрѣть помѣщеніе еще разъ. Онъ покорно прошагалъ во флигель. Блондинка достала заношенный портмонэ и сунула извозчику какую-то мелочь. Нужно было видѣть то презрѣніе, съ какимъ извозчикъ взялъ эти деньги. Вся его фигура выражала одну уничтожающую мысль: „Тоже — хорошіе господа называются“... Марьѣ Сергѣевнѣ вдругъ сдѣлалось совѣстно вотъ за эту молоденькую женщину, которая, вѣроятно, ужасно мучится этой сценой. Когда показался мужъ, извозчикъ поднялъ настоящій скандалъ.

— Всякая шантрапа тоже ѣздила бы на извозчикахъ!—кричалъ извозчикъ, размахивая вожжами.—Двоегривеннаго нѣтъ...

— Да вѣдь ты рядился за пятнадцать копеекъ?—спокойно возражалъ молодой человѣкъ.

— Рядился... Кабы правильные господа, такъ о пятачкѣ не стали бы разговаривать. Видали мы стракулистовъ весьма достаточно...

Извозчикъ поднялъ этотъ скандалъ благодаря тому, что на дворѣ собралась публика въ лицѣ дворника, кучера, кухарки Агаѳьи и горничной Маши.

Блондинка, испуганная и сконфуженная этой сценой, хотѣла быстро соскочить съ извозчичьихъ дрожекъ, но легко вскрикнула и, вѣроятно, упала бы, если бы мужъ во-время не подхватилъ ее на руки. Широкая ротонда при этомъ движеніи распахнулась, и всѣ—дворникъ, кучеръ, Агаѳья и Маша увидѣли, что барыня находилась въ „такомъ положеніи“. Марья Сергѣевна замѣтила только ея испуганное личико, такое жалкое, по-дѣтски больное.

— Что ты, въ самомъ-то дѣлѣ, привязался, судорога!..—накинулась на

извозчика кухарка Агаѳья, сразу принявшая сторону пріѣзжихъ.—Дворникъ, а ты чего буркалами-то ворочаешь?..

Сцена сразу перемѣнилась. Дворникъ обругалъ извозчика, взялъ въ одну руку тощій кожаный чемоданчикъ, а въ другую узелъ, завернутый въ старый пледъ, и пошелъ за „господами“. Онъ остановился въ дверяхъ и презрительно встряхнулъ легкій багажъ, что̀ въ переводѣ означало: „Тоже им-му-ще-ство называется“... Обруганный извозчикъ съ обиженной медленностью повернулъ свою клячу, и старенькій экипажъ жалобно задребезжалъ всѣми своими винтами и гайками.

Съ Марьей Сергѣевной произошла удивительная перемѣна. Она женскимъ инстинктомъ поняла сейчасъ все: и причину своего несчастья, окруженнаго сытымъ довольствомъ, и причину того счастья, которое привезла съ собой вотъ эта бѣдная молодая парочка. О, они счастливы, эти молодые люди съ тощимъ чемоданчикомъ и подозрительнымъ тюкомъ въ пледѣ!.. Она это чувствовала по выраженію ея дѣтскаго личика, по тому страстному вниманію, которое сказывалось въ каждомъ его движеніи, въ каждомъ взглядѣ. Да, счастливы, счастливы... Какая-то странная ревность проснулась въ душѣ Марьи Сергѣевны, и съ какой бы радостью она промѣняла свое внѣшнее довольство на эту счастливую бѣдность, полную внутренняго свѣта! Съ ней сдѣлалось что-то въ родѣ истерики—она и плакала, и смѣялась, и никогда еще не чувствовала себя такой жалкой. Засохшее дерево, у котораго въ голыхъ вѣтвяхъ свиститъ одинъ вѣтеръ, вѣроятно, чувствуетъ то же самое...

IV.

Съ переѣздомъ новыхъ жильцовъ въ существованіи Марьи Сергѣевны произошла яркая перемѣна. Она вся точно встрепенулась, ожила и насторожилась, какъ птица. Да, теперь была жизнь, были интересы—не ея жизнь и не ея интересы, но все-таки жизнь и интересы, хотя и въ отраженной формѣ. Бываютъ такіе блуждающіе огни, которые выводятъ на дорогу... По цѣлымъ часамъ Марья Сергѣевна проводила теперь у своего окна, какъ часовой на сторожевомъ посту, и быстро изучила жизнь флигеля до мельчайшихъ подробностей. Каждый день утромъ, въ восемь часовъ, онъ торопливо выходилъ изъ своего флигеля, на ходу нахлобучивая свою поповскую шляпу, и широкими, рѣшительными шагами направлялся въ калитку. Потомъ его шляпа мелькала подъ окнами, а черезъ пять минутъ возвращалась.

—Это онъ ходитъ въ булочную...—соображала Марья Сергѣевна, отыскивая глазами въ рукахъ жильца завернутую въ бумагу булку.—Да, да... Она, вѣроятно, любитъ свѣжій, горячій хлѣбъ. Теперь она нѣжится еще въ постели, а онъ хочетъ ее побаловать... да. Потомъ будутъ чай пить, а потомъ онъ уйдетъ на службу...

Должно-быть, каждое утро она задерживала его нѣсколько лишнихъ минутъ, потому что онъ выскакивалъ на крыльцо, какъ сумасшедшій, и бѣжалъ по двору чуть не бѣгомъ. Бѣжитъ, а самъ оглядывается на окно, въ которомъ мелькало улыбавшееся личико... Какъ имъ трудно было разставаться каждое утро, и какъ она, бѣдняжка, должна была скучать безъ него. Впрочемъ, когда окно оставалось пустымъ и онъ не оглядывался—значитъ, или она больна, или сердится. Прислуги они не держали, и она сама готовила очень скромный обѣдъ. Онъ приходилъ ровно въ два часа, но она его начинала ждать съ двѣнадцати, и блѣдное дѣтское личико показывалось въ окнѣ все чаще. Ахъ, какъ медленно идетъ проклятое время!.. Марья Сергѣевна тоже начинала вол-

поваться и всегда первая видѣла съ высоты своего второго этажа, когда онъ показывался на углу улицы. Она бросалась къ своему окну и хотѣла крикнуть ей: онъ идетъ! идетъ!.. Но счастливая женщина чувствовала его приближеніе и съ тревожной улыбкой стояла въ окнѣ. Вотъ и онъ... Какъ онъ быстро входилъ въ калитку—не входилъ, а влеталъ, и почти бѣгомъ бросался къ завѣтной двери.

— Милые... милые...—шептала Марья Сергѣевна со слезами на глазахъ:—какъ они любятъ другъ друга!.. И какіе, должно-быть, бѣдные...

Кухарка Агаѳья и горничная Маша давно вызнали всѣ подробности о новыхъ жильцахъ. Марья Сергѣевна не любила слушать сплетни прислуги, а тутъ сама разспрашивала про жильцовъ.

— Не здѣшніе они...—разсказывала Агаѳья,—значитъ, дальніе. Его Аркадіемъ Васильичемъ звать, а она Надежда Петровна... Онъ фершаломъ опредѣлился въ земскій лазаретъ. Молоденькіе такіе да бѣдные... Ничего-то у нихъ нѣтъ, а купить не на что. Такъ сильно колотятся... А промежду себя дружно живутъ: не наглядятся. Извѣстно, молодые.. Охъ-хо-хо!.. Она сама и въ куфнѣ стряпаетъ... Ничего, бабочка славная и хозяйство знаетъ. Все высчитываетъ, каждый грошикъ, чтобы аккуратнѣе... А мужъ придетъ—она ему сейчасъ въ бумажку читать: вотъ это купила, милый, другое купила, безцѣнный... Сильно колотятся деньгами-то. Она ему свою бумажку читаетъ, а онъ ей ручки цѣлуетъ... Бѣдные, а господскій обычай соблюдаютъ. Онъ когда купитъ что̀ лишнее, чтобы ее побаловать, такъ она какъ его бранитъ!.. Весело поглядѣть на нихъ, барыня. А какъ-то я прихожу къ ней въ куфню, а она сидитъ, моя голубушка, плачетъ-заливается... Супъ испортила... То-то, подумаешь, горе великое!.. А въ другой разъ говядину сожгла и спрятала... Совѣсть тоже есть. Востренькая бабочка, и все сама, вездѣ сама, кабы не ея-то женская часть... Близко ужъ время: проходить не проходитъ недѣли съ двѣ.

Иногда она ходила безъ него за покупками. Нужно было видѣть, съ какимъ дѣловымъ видомъ она выходила на улицу, на ходу разсчитывая свои издержки. Возвращалась она такая усталая и недовольная. Видимо, что ее мучили вотъ эти крошечные расчеты; можетъ-быть, она даже покупала что-нибудь лишнее, соблазнившись слишкомъ хозяйственными соображеніями. Бѣдненькая, какъ Марьѣ Сергѣвнѣ хотѣлось помочь ей, успокоить, обласкать, приголубить, но ее удерживалъ ложный стыдъ, и нежеланіе навязываться съ непрошеннымъ знакомствомъ, и боязнь показаться нахальной. Бѣдные люди имѣютъ свою гордость, и они правы. Кромѣ всего этого, Марью Сергѣевну удерживало еще совершенно особенное чувство: она боялась заразить своимъ несчастіемъ... Вѣдь бываютъ заразительныя болѣзни, а несчастіе — тоже болѣзнь, самая худшая изъ всѣхъ болѣзней. Потомъ, это чужое счастье еще рельефнѣе выставляло ее собственное горе... Нѣтъ, она останется одна, вотъ здѣсь, и будетъ переживать все со стороны.

Самая трогательная картина получалась послѣ обѣда., когда молодая парочка отправлялась гулять. Это было необходимо для нея, и онъ съ такимъ торжествующимъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждымъ движеніемъ. Молодое счастье сказывалось въ каждомъ шагѣ. Марья Сергѣевна нѣсколько разъ потихоньку выходила на улицу и шла за нами, какъ скорбная тѣнь. Да, они счастливы, счастливы до того, что даже не сознаютъ своего счастья. Какъ *онъ* боялся, чтобы *она* не сдѣлала какого-нибудь неловкаго движенія, чтобы кто-нибудь не толкнулъ ее, чтобы она не утомилась слишкомъ... Милые, милые, милые... Эта парочка останавливалась передъ магази-

нами и очень внимательно осматривала всѣ вещи, особенно тѣ, на которыхъ были обозначены цѣны.

— Аркадій, мы это купимъ, когда... — съ оживленіемъ говорила она, глядя на него глазами, полными нѣмой радости.

— О, да. Мы прямо весь магазинъ купимъ...

— Но вѣдь все это будетъ нужно, Аркаша.

— Купимъ, голубчикъ, все купимъ...

Особенно долго они останавливались предъ магазинами съ дѣтскими вещами. Всѣ эти распашонки, портъ-бэбэ, платьица, вообще все дѣтское приданое — такъ прелестны. Она особенно пристально разсматривала всѣ эти чудныя вещи, вздыхала и молча прижималась къ мужу. О, она сдѣлаетъ все это сама... все. Но была одна вещь, которую нельзя было сдѣлать дома и на которую они приходили посмотрѣть ежедневно. Эта была великолѣпная дѣтская колясочка, на рессорахъ, на резиновыхъ шинахъ и съ раздвижнымъ верхомъ. На колясочкѣ висѣлъ билетикъ: 25 рублей. Завѣтную вещицу они смотрѣли молча и не говорили ни одного слова, потому что вѣдь это была недосягаемая мечта... Марья Сергѣевна издали наблюдала молодую чету и то жадное вниманіе, съ которымъ она любовалась колясочкой, и про себя рѣшила, что подаритъ имъ ее, какъ только родится ребенокъ. Да, подаритъ потихоньку, чтобы не знали, отъ кого она, и будетъ издали любоваться ихъ счастьемъ.

Гуляя мимо магазиновъ, они составили себѣ приблизительно всю будущую обстановку,—вѣрнѣе сказать, составила она: вѣдь онъ въ этомъ случаѣ смотрѣлъ ея глазами и впередъ былъ согласенъ на все, тѣмъ болѣе, что она относилась къ вещамъ съ какой-то болѣзненной страстностью, рѣзко разграничивая любимыя отъ никуда негодныхъ. Да, она впередъ любила свою будущую обстановку, то гнѣздо, которое вила мысленно, и пристальнымъ вниманіемъ взвѣшивала мельчайшія подробности. Эта способность дѣлить всѣ вещи на двѣ рѣзкихъ категоріи: отличныя, любимыя, прекрасныя, съ одной стороны, и никуда негодныя съ другой—эта способность постоянно удивляла его мужской умъ, и онъ часто подшучивалъ надъ ребячествомъ жены. Она спорила съ нимъ до слезъ, пока онъ не соглашался съ ней во всемъ. Развѣ была какая-нибудь возможность не согласиться, когда спорятъ до слезъ? И какъ мило она спорила... Эти дѣтскіе глаза темнѣли, губы складывались такъ рѣшительно, слова говорились тономъ, не допускающимъ возраженія—нѣтъ, оставалось только соглашаться. Всего забавнѣе выходило то, что, когда онъ соглашался—она плакала: слезами выливалась неизрасходованная энергія. Милыя женскія слезы, сколько въ нихъ безпомощной поэзіи, сколько той правды, которую мужчины въ большинствѣ случаевъ понимаютъ немного поздно.

— Да, есть вещи любимыя...—продолжала доказывать Надежда Петровна, хотя мужъ уже согласился съ ней во всемъ. — Онѣ сами по себѣ ничего не значатъ, а дороги именно тѣмъ, что нравятся. Пріятно такую вещь всегда видѣть около себя, напримѣръ, колясочка на резинѣ... Она намъ замѣнитъ и дѣтскую кроватку, и въ ней мы будемъ вывозить нашу дѣвочку гулять, — вѣдь у насъ будетъ дѣвочка!

— Да, да... Конечно, дѣвочка.

— Такая маленькая дѣвочка... Я всегда буду водить ее въ бѣломъ. Лучше бѣлаго костюма ничего не можетъ быть для ребенка.

— Да, да... хотя это и не совсѣмъ удобно, потому что бѣлое такъ скоро

пачкается. Впрочемъ, я это такъ... Именно дѣвочка, Надя. Въ домъ дѣвочка вноситъ тепло, уютность, поэзію, а мальчишки вѣчно шалятъ, кричатъ, и вообще—пренепріятный народъ.

— Да, дѣвочка въ бѣломъ... Помнишь, какой смѣшной бѣлый капоръ выставленъ былъ въ окнѣ? Весь въ кружевахъ, а изъ капора будетъ смотрѣть такая забавная рожица.

Часть этихъ разговоровъ Марья Сергѣевна случайно подслушивала, и у нея каждый разъ навертывались слезы на глазахъ. Да, вотъ какое должно быть счастье, и всего удивительнѣе то, что они совсѣмъ не замѣчали своего счастья.

По вечерамъ во флигелькѣ подолгу горѣла лампа съ зеленымъ абажуромъ, и Марья Сергѣевна наблюдала изъ своего окна, что они дѣлаютъ. Окна были завѣшены какими-то старенькими сторками только до половины, и ей сверху все было видно. Конечно, нехорошо подглядывать, что дѣлается въ чужой квартирѣ, но, во-первыхъ, она была такъ несчастна, а во-вторыхъ, дѣлала это совершенно машинально, безъ всякаго злого умысла. Да и эта парочка была счастлива такимъ чистымъ счастьемъ, что могла бы настежъ открывать всѣ окна и двери.

Марья Сергѣевна знала, когда онъ ставилъ въ кухнѣ самоваръ, потому что она въ это время приготовляла чайную посуду. Какъ она мило суетилась, какъ любовно ставила на свое мѣсто каждый стаканъ, отходила и сама любовалась образцовымъ порядкомъ. Наконецъ онъ вносилъ кипѣвшій самоваръ. Какъ долго они сидѣли за чайнымъ столомъ! Она нарочно пила изъ своей маленькой чашечки такъ медленно, чтобы выиграть время. Вѣдь сейчасъ послѣ чая онъ опять сядетъ за свою работу, а она будетъ скучать. Бѣдняжка, она не могла даже читать. Ей вообще дѣлалось тяжелѣе съ каждымъ днемъ, хотя она и имѣла такой бодрый видъ. Конечно, она не желала огорчать мужа и многое скрывала: да, тяжело, но зачѣмъ безпокоить его, когда ему нужно работать.

Марья Сергѣевна чувствовала, какъ ей было тяжело и скучно, пока онъ сидѣлъ за своей работой. Она лежала на диванѣ, гуляла по комнатѣ, садилась къ окну, брала книгу, пробовала шить и кончала тѣмъ, что подходила къ нему, обнимала его за шею и говорила:

— Вѣдь я тебѣ не мѣшаю, Аркаша?

— Нѣтъ, не мѣшаешь, голубчикъ... Я скоро кончу.

Она успокаивалась на нѣсколько минутъ и опять подходила къ нему.

— Я тебѣ не мѣшаю?

— О, нисколько...

Въ его голосѣ слышалось уже легкое раздраженіе, и она дѣлалась грустной, забиралась куда-нибудь въ дальній уголокъ и засыпала здѣсь, какъ напроказившій и наказанный ребенокъ. Марья Сергѣевна, конечно, не слышала ихъ разговоровъ, но чувствовала, что они должны говорить именно такъ. Да, она убѣждена была въ этомъ.

Но вотъ работа кончена. Онъ поднимается, подходитъ къ ней. Нѣтъ, рѣшительно въ такіе моменты въ маленькой комнаткѣ дѣлалось свѣтлѣе, потому что свѣтлѣла она своей дѣтской улыбкой, свѣтлѣла счастливыми глазами и такъ хорошо протягивала ему свои руки.

— Милый, подними меня... А что мы теперь будемъ дѣлать?.. Что дѣлать?..

Онъ обнималъ ее, и, обнявшись, они долго ходили по комнатѣ, пока

она не уставала. Онъ чувствовалъ, какъ у него въ рукахъ распускалась эта молодая жизнь, какъ у нея начинала кружиться голова, и бережно усаживалъ ее на любимый стулъ, на любимое мѣсто къ столу,—у нея все было любимое, начиная съ красныхъ туфелекъ. Появлялись карты—это онъ придумалъ, чтобы чѣмъ-нибудь развлечь ее. Они играли въ рамсъ по цѣлымъ часамъ. Эта механическая забава всегда оживляла ее. Не правда ли, какъ весело иногда сплутовать, особенно если вы умѣете незамѣтно спрятать туза? Онъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ, когда она сдавала, и все-таки нерѣдко попадалъ впросакъ. Какъ она весело хохотала, когда невинное плутовство удавалось! Съ ней смѣялось все... Эта дрожь смѣха вырывалась даже на улицу. Да, она смѣялась до слезъ и на время забывала все. Да, все... Это было такое хорошее дѣтское веселье, и онъ готовъ былъ вѣчно проигрывать въ рамсъ. Впрочемъ, происходили и недоразумѣнія, когда онъ ловилъ ее съ поличнымъ. Она отчаянно защищалась, потому что и шестая карта была сдана случайно, и тузъ попалъ тоже случайно, и передернула она двѣ карты тоже случайно.

— Я удивляюсь Надя, что ты можешь лгать изъ такихъ пустяковъ!..

— Я?!.. лгать?..

Карты летѣли на столъ, и они расходились. Она—въ любимый уголокъ на диванѣ, онъ—къ своему письменному столу. Но такая размолвка продолжалась всего нѣсколько минутъ, потому что Надя признавалась во всемъ, и съ новымъ хохотомъ разсказывалось все то, чего онъ и не подозрѣвалъ. Онъ удивлялся, крѣпко цѣловалъ ее, и игра загоралась съ новымъ азартомъ.

— Аркашечка, честное слово, я не буду больше плутовать.

— Хорошо, увидимъ.

Онъ увлекался игрой до того, что не замѣчалъ, какъ по-дѣтски начинали слипаться эти дорогіе глаза, какъ устало шевелились бѣлые тонкіе пальцы, какъ равнодушно выкрадывались тузы — карты были старыя, заигранныя до того, что изъ нихъ можно было сварить супъ. Но неудобство заключалось не въ ихъ почтенной давности, а въ томъ, что Надя размѣтила всѣ лучшія карты царапинами, пятнами, загнутыми углами. Часто въ самый интересный моментъ, когда ему только-что начинало улыбаться карточное счастье, она выпускала свою игру и говорила усталымъ голосомъ:

— Вчера мы проходили мимо колбасной, Аркаша... тамъ на тарелочкѣ лежали такія аппетитныя сосиски...

— Отлично! Мы ихъ сейчасъ добудемъ...

— Ради Бога, только тѣ самыя... Онѣ на тарелочкѣ... тарелочка стоитъ въ уголкѣ. Съ синимъ ободочкомъ... Я ихъ замѣтила еще вчера.

— И горячій розанчикъ?

— И горячій розанчикъ...

Онъ быстро нахлобучивалъ свою поповскую шляпу и летѣлъ за сосисками. Она ждала его съ великимъ истерпѣніемъ, считая минуты. Но бывало и такъ: онъ является съ покупкой и находитъ ее заснувшей въ своемъ уголкѣ на диванѣ. Милая крошка, какъ она хорошо умѣла спать!.. Его охватывала каждый разъ какая-то необъяснимая жалость къ ней и та мужская нѣжность, которая боится даже проявить себя. Онъ на цыпочкахъ усаживался къ своему столу и старался не шумѣть бумагой,—вѣдь у нея былъ такой чуткій и тревожный сонъ. Вотъ она дышитъ такъ неровно и порывисто... Бѣдняжка не находитъ покоя и во снѣ, да это и не сонъ въ собственномъ смыслѣ, а тяжелое забытье, послѣ котораго она поднималась съ тяжелой головой и крас-

ными глазами. Странно, что это пробужденіе отмѣчалось концомъ недоговоренной фразы:

— ...Купилъ?

— Да, все купилъ, моя радость, мое счастье...

Она страдала аппетитомъ женщинъ въ ея положеніи, и онъ любовался, какъ она съѣдала все, изъ вѣжливости предлагая ему сначала половину, потомъ четверть, потомъ послѣдній „стыдливый кусочекъ“.

Ахъ, милые, бѣдные, счастливые!..

Разъ въ воскресенье утромъ горничная Маша прибѣжала сказать Марьѣ Сергѣевнѣ, что *онъ* пришелъ и желаетъ ее видѣть „по дѣлу“. Марья Сергѣевна даже испугалась, безпричинно испугалась, какъ боятся только хорошія женщины. Она вышла къ нему въ гостиную и только тутъ въ первый разъ хорошенько разсмотрѣла его. Онъ не произвелъ на нее хорошаго впечатлѣнія: такой худой, съ сосредоточеннымъ взглядомъ, усталый и одѣтый довольно небрежно. Въ ея воображеніи сложился другой человѣкъ.

— Мнѣ необходимо переговорить съ вами относительно платы за квартиру,—смущенно началъ онъ, перебирая въ рукахъ свою поповскую шляпу.— Видите ли, сейчасъ я... т.-е. мнѣ было бы трудно платить вамъ за квартиру. Положимъ, сумма сама по себѣ ничтожная, но...

Ей не понравился и тонъ его голоса, а главное, что-то такое раздраженное и вызывающее чувствовалось въ каждомъ словѣ.

— Вы можете платить, какъ найдете удобнымъ для себя, — довольно сухо отвѣтила она, удивляясь самой себѣ. — Во всякомъ случаѣ, мы можемъ подождать...

Даже этотъ отвѣтъ, повидимому, произвелъ на него непріятное впечатлѣніе, потому что онъ пришелъ съ очевиднымъ намѣреніемъ отстаивать свои интересы и совсѣмъ не ожидалъ такой легкой побѣды. Онъ даже взглянулъ на нее какъ-то исподлобья, точно боялся прочитать у „рантьерши“ на лицѣ роковую мысль о благодѣяніи.

— Какъ найдете удобнымъ для себя,—повторила Марья Сергѣевна.

Онъ сухо поклонился и вышелъ, а она была рада, что дверь затворилась за нимъ. Какой странный и непріятный человѣкъ!.. Неужели можно было любить такого человѣка?

V.

Но въ счастливомъ флигелькѣ происходило многое такое, чего Марья Сергѣевна не могла и подозрѣвать.

Была своя „подводная часть“ и у этого молодого счастья. Да... Это были грустныя страницы въ жизни молодой четы, о которыхъ никто не зналъ и о которыхъ не говорилось даже съ глазу на глазъ.

Часто Надежда Петровна, среди работы или оживленнаго разговора, вдругъ забывала все и задумывалась. Глаза не видѣли, уши не слышали, а только неумолимо работалъ въ тишинѣ забытья одинъ умъ. Это молодое, красивое лицо покрывалось точно тѣнью, какая падаетъ на землю отъ бѣгущаго въ вышинѣ облачка. Аркадій Васильевичъ всегда съ особенной жгучей болью въ сердцѣ ловилъ эти минуты тяжелаго раздумья. Вѣдь въ душѣ каждаго человѣка есть свой тайничокъ, въ который не пускаются даже самые близкія люди. Молодой человѣкъ наблюдалъ жену—и весь точно черпѣлъ. Густые брови сдвигались, глаза дѣлались глубже, губы сжимались въ твердую, злую улыбку. Онъ наконецъ вскакивалъ и начиналъ бѣгать по комнатѣ, ероша

густые волосы. А она ничего не слышала, отдаваясь подхватывающему ее теченію.

— Надя...

— А... что?..

— Опять?..

Она испуганно взглядывала на него и смущалась.

— Аркаша, я такъ... я, право, ничего,—говорила она виноватымъ голосомъ, протягивая къ нему руки съ нѣмой мольбой, точно искала въ немъ защиты отъ своихъ тяжелыхъ думъ.—Ты... ты не понимаешь меня.

— Я? О, я слишкомъ хорошо понимаю тебя и впередъ могу сказать, о чемъ ты думала сейчасъ.

— Аркашечка, голубчикъ, не нужно... Это пройдетъ. Ахъ, какой ты нехорошій! Ты меня не любишь. Ну, признайся?..

— Въ эту минуту—нѣтъ...

Онъ хватался за голову, а она закрывала лицо и плакала. Въ его душѣ происходила страшная борьба: схватывались на-смерть два противоположныхъ чувства—любовь и ненависть. Да, ненависть, вѣрнѣе—презрѣніе, тяжелое и гнетущее презрѣніе, оставлявшее въ душѣ горькій осадокъ. Нужно было нѣсколько дней, чтобы это ужасное чувство улеглось, смѣнившись свѣтлымъ, счастливымъ настроеніемъ. Надежда Петровна ходила всѣ эти дни, какъ въ воду опущенная, и старалась ухаживать за мужемъ, что еще сильнѣе его раздражало. Потомъ онъ начиналъ чувствовать себя крайне жалкимъ и разбитымъ, и жизнь входила въ свою колею. Ахъ, какой это былъ страшный другой человѣкъ, который приходилъ незваным, садился по ночамъ у изголовья и томилъ душу своимъ молчаливымъ присутствіемъ. Надежда Петровна вздыхала и потихоньку плакала.

— Аркаша, я тебѣ говорила... ты знаешь...

— Да, да... Въ этомъ мое несчастіе, Надя. Пожалуйста, не обращай на меня вниманія. Это пройдетъ.

Бывало и хуже. Увлекшись какимъ-нибудь разговоромъ, Надежда Петровна иногда случайно проговаривалась: „Мы какъ-то были въ театрѣ... мы ѣздили на тройкахъ... мы останавливались въ такихъ-то номерахъ“... При одномъ словѣ „мы“—Аркадій Васильевичъ, какъ бѣшеный, начиналъ говорить женѣ тѣ безсмысленныя дерзости, на какія способны обезумѣвшіе люди. Она сразу вся съёживалась, глаза испуганно округливались, и она смотрѣла на него съ рефлекторной ненавистью. Да, ее охватывало то бѣшенство, съ какимъ защищается раненый звѣрь. Этотъ дѣтскій ротъ начиналъ выговаривать ужасныя слова... Онъ блѣднѣлъ, какъ полотно, и, задыхаясь, бросался къ ней съ сжатыми кулаками.

— Я тебя ненавижу... ненавижу!..—повторяла она съ отчаянной рѣшимостью.—Я тебя никогда не любила...

— О, змѣя, змѣя...

— Я и не хотѣла тебя любить... Если бы я хотѣла, если бы искала,—да развѣ я не нашла бы мужчину въ тысячу разъ лучше! Что ты такое? Я тебя ненавижу...

Онъ подыскивалъ самыя обидныя слова, какія только зналъ, и бросалъ ихъ ей въ лицо, наслаждаясь ея муками. Такія сцены заканчивались всегда однимъ и тѣмъ же: она гордо поднималась и молча начинала собирать свои вещи въ тощій чемоданчикъ. Его бѣшенство сразу падало. Онъ ползалъ за ней на колѣняхъ, цѣловалъ со слезами эти дѣтскія руки и просилъ прощенія самымъ униженнымъ образомъ, какъ провинившаяся собачонка.

— Что ты такое! Развѣ ты мнѣ мужъ?..—давила она его каждымъ словомъ, точно могильной плитой.—Ты даже не можешь себѣ представить, что такое настоящій мужъ... мужъ, котораго я могла бы назвать открыто своимъ...

— Надя... ради Бога!.. Надя, Надя...

— Я мало религіозна и не придаю церковному обряду особеннаго значенія, но это совсѣмъ другое...

— Надя, голубчикъ, остановись... Довольно!.. Надя, Надя...

Любимыя вещи (ихъ было такъ немного) быстро укладывались въ чемоданъ, а Аркадій Васильевичъ ловилъ ея похолодѣвшія дѣтскія руки и покрывалъ ихъ своими горячими слезами и безумными поцѣлуями. Сначала она сопротивлялась отчаянно, а потомъ опускалась въ изнеможеніи.

Послѣ такой ужасной сцены Аркадій Васильевичъ ухаживалъ за женой съ удесятеренной нѣжностью и страшно мучился за свой невоздержный характеръ. Она не могла долго успокоиться,—это была особенность ея характера. Даже ночь не приносила мира, и она поднималась утромъ, полная того же молчаливаго гнѣва и презрѣнія.

— Я—женщина, я могу говорить все...—объясняла она съ дѣтской логикой.—Да... Отъ женщины, отъ любимой женщины не можетъ быть оскорбленія. Но это еще не даетъ права мужчинѣ говорить оскорбительныя вещи... да. И я тебя ненавижу... да. Лучше убить человѣка, но не оскорблять его... Ахъ, какъ я тебя ненавижу, ненавижу, ненавижу!.. Если бы ты только могъ знать, какъ я тебя ненавижу, то ни одной секунды не остался бы здѣсь.

Но онъ оставался и не думалъ уходить, несмотря на весь ужасъ такой ненависти. Онъ молчалъ, онъ выслушивалъ все и чувствовалъ только одно, что не можетъ жить безъ нея, не можетъ дышать... Вѣдь для него весь міръ слился въ ней одной, и онъ не могъ представить отдѣльнаго существованія, какъ мы не можемъ представить тѣни безъ предмета, который ее отбрасываетъ. Свои муки, свое униженіе, свои слезы—все это ничто передъ однимъ ея ласковымъ взглядомъ, передъ одной ея улыбкой. О, только бы улыбнулась... Когда на ея лицѣ появлялась эта желанная улыбка, онъ чувствовалъ то же радостно-торжественное настроеніе, какое, вѣроятно, испытываютъ цвѣты, когда поднимается ликующее утреннее солнце. Вѣдь больше такихъ ужасныхъ сценъ не можетъ повториться, вѣдь это былъ припадокъ двойного безумія, вѣдь впереди одинъ свѣтъ, тепло, радость, счастье.

Послѣ [такихъ взрывовъ и бурь наступали самые счастливые дни,—точно невидимая рука хотѣла возстановить нарушенное равновѣсіе. Она дѣлалась такой кроткой, любящей, покорной, ласковой, тѣмъ ребенкомъ, котораго онъ такъ любилъ въ ней. У него дѣлалось хорошее, счастливое лицо, и въ маленькомъ флигелькѣ весело горѣлъ огонекъ семейнаго счастья.

— Аркаша, я часто думаю о томъ, какъ жизнь, въ сущности, проста,—часто говаривала она въ задумчивости.—И все просто... А мы сами ее портимъ и своими руками отравляемъ свое короткое счастье. Не правда ли?..

Онъ этого не находилъ и каждый разъ только хмурился. Ребенокъ успокаивался и забывалъ недавнее горе, но это не мѣшало ему мучиться, мучиться одному, безмолвно, ужасно мучиться, какъ молча страдаетъ живая рыба, когда ее распластываютъ ножомъ. Она не должна была даже подозрѣвать этихъ мукъ, наглухо запертыхъ въ его тайничкѣ. Часто, когда она спала своимъ дѣтскимъ сномъ, онъ подолгу любовался ея чудной головкой, серьезнымъ видомъ этого остановившагося лица, этими бѣлокурыми волосами, обрамлявшими бѣлый лобъ, темными рѣсницами, отъ которыхъ падала стрѣльчатая тѣнь на легкій румянецъ, разлитый подъ тонкой кожей... О, она была такая

красивая, особенно на этой бѣлой подушкѣ, и онъ чувствовалъ, какъ глубоко любитъ ее. Но бывали минуты, когда онъ вздрагивалъ и отвертывался именно отъ этого лица... Да. Это было самое ужасное, что онъ только переживалъ, что никому никогда не высказывалъ и о чемъ боялся даже думать. Да, вотъ эти дѣтскіе глаза искали *другого*, эти дѣтски-пухлыя губы улыбались *другому*, эта головка была полна мыслью *о другомъ*, эти руки обнимали *другого*... Аркадій Васильевичъ даже стоналъ, когда въ его мозгу проносились ревнивыя картины. О, она ничего не должна знать, и *это* умретъ вмѣстѣ съ нимъ: его любовь освящала все, какъ огонь очищаетъ грязную руду.

Да, это были онѣ, муки безумной ревности. Это было то, что отравляетъ жизнь, что доводитъ людей до страшныхъ преступленій, что заставляетъ, наконецъ, лишать себя жизни. Аркадій Васильевичъ, закрывая глаза, видѣлъ ужасныя картины... Онъ видѣлъ свою встрѣчу *съ нимъ*, видѣлъ свое искаженное лицо, судорожно сжатыя руки и... Въ немъ просыпалась неистовая жажда мести, крови, уничтоженія. Да, этотъ добрый по натурѣ человѣкъ могъ сдѣлать все и съ радостью пошелъ бы навстрѣчу возмездію. Тогда у него свалилась бы съ души цѣлая гора... „Я убилъ его, потому что любилъ ее. Судите меня... Я ничего не имѣю сказать въ свое оправданіе“. Да, онъ много разъ видѣлъ себя на скамьѣ подсудимыхъ, видѣлъ удивленныя лица знакомыхъ, не понимавшихъ, какъ могъ сдѣлать это именно онъ, такой добрый человѣкъ... „Да вѣдь я любилъ ее!..—кричалъ онъ имъ.—Меня давило горе, а теперь мнѣ легко. Я счастливъ, что могу страданіями еще разъ купить эту любовь!“ Въ самомъ дѣлѣ, какъ странно люди смотрятъ на преступленія и преступниковъ: это какіе-то ужасные люди, исключительные, порочные, а между тѣмъ въ каждомъ человѣкѣ сидитъ такой преступникъ. Нужна только причина, чтобы онъ проснулся... И какъ это просто!.. (Надя такими же словами говорила о жизни). Когда въ первый разъ Аркадій Васильевичъ почувствовалъ въ себѣ такого именно преступника, онъ даже испугался... Вѣдь это *другіе* дѣлали и дѣлаютъ преступленія, а онъ—такой простой, любящій, честный. Читая въ газетахъ о разныхъ уголовныхъ процессахъ, Аркадій Васильевичъ удивлялся всегда одному: какъ эти господа преступники не подумаютъ объ одномъ, именно, что нужно только отойти отъ ненавистнаго человѣка, и роковая причина устранена самой простой перемѣной мѣста. Но тутъ картина измѣнилась: Аркадій Васильевичъ чувствовалъ, что онъ не только не можетъ никуда уйти, да и нѣтъ такого другого мѣста. Въ преступленіяхъ есть своя фатальная ариѳметика. Жизнь ставитъ иногда въ безсмысленныя положенія, какъ въ данномъ случаѣ поставила его: онъ любилъ жену и въ то же время ненавидѣлъ ее, отыскивая въ ней съ упорствомъ сумасшедшаго роковыхъ слѣдовъ, оставленныхъ *другимъ*. Да, они есть, они должны быть, и онъ уничтожитъ ихъ въ корнѣ, чтобы самому прійти въ равновѣсіе и найти душевный покой. Животное въ этомъ случаѣ счастливѣе человѣка, потому что бросается на кровнаго врага безъ разсужденій. О, это такая зоологически-жестокая правда, отъ которой ничто не спасетъ, и въ мужчинѣ она должна появляться особенно рельефно, поскольку онъ—настоящій мужчина. Въ этомъ коренится и настоящій источникъ жалкихъ семейныхъ сценъ, семейной несправедливости и вообще несчастія его жизни. Странно, что, если бы ему предложили другую жизнь, онъ не взялъ бы ея: онъ сжился со своими муками, выносилъ ихъ, воспиталъ, какъ мать выкармливаетъ собственной грудью ребенка.

Вотъ это прошлое, которое служило „подводной частью“ настоящаго.

Аркадій Васильевичъ Меркуловъ, „сынъ бѣдныхъ, но благородныхъ

родителей", состоялъ на третьемъ курсѣ медицинскаго факультета казанскаго университета. Отъ природы это былъ неглупый человѣкъ, отличавшійся выдержкой, какъ большинство бѣдныхъ молодыхъ людей, которымъ не на кого и не на что разсчитывать, кромѣ своей головы и пары рабочихъ рукъ. Онъ отлично зналъ, что̀ будетъ: кончитъ курсъ, поступитъ лѣкаремъ въ родную провинцію и посвятитъ свою жизнь страждущимъ. О своихъ идеалахъ и стремленіяхъ онъ не любилъ говорить, потому что все это было такъ просто и естественно—съ одной стороны, а съ другой—онъ чувствовалъ органическое отвращеніе къ болтунамъ. Слишкомъ ужъ много хорошихъ людей, потому что въ двадцать лѣтъ это рѣшительно ничего не сто̀итъ, да и хорошихъ словъ сколько угодно. Вотъ другое дѣло—вытянуть цѣлую жизнь честнымъ работникомъ, быть справедливымъ до послѣдней мелочи. Прежде всего, нужно умѣть быть рядовымъ, а остальное придетъ само собой, и жизнь скажетъ, кто чего сто̀итъ. Настоящее тяжелое зерно, „князекъ", въ силу удѣльнаго вѣса, падетъ въ центрѣ, а мякина разлетится по вѣтру. Въ университетѣ Меркуловъ чувствовалъ себя немного чужимъ, потому что не могъ раздѣлять розовыхъ надеждъ и радужныхъ увлеченій,—онъ зналъ и людей, и нужду, и то, что̀ его ждетъ впереди. Поэтому, вѣроятно, въ теченіе университетской жизни у него не нашлось ни одного „друга", а были просто товарищи и знакомые. Вообще онъ велъ замкнутую, суровую жизнь и ничего не хотѣлъ знать, пока самъ не станетъ на ноги. Когда онъ былъ на третьемъ курсѣ, неожиданно умеръ отецъ, оставивъ семью безъ куска хлѣба. Пришлось самому позаботиться о своемъ существованіи и, прежде всего, обратиться къ урокамъ.

Вотъ здѣсь Меркуловъ и столкнулся съ Надеждой Петровной.

Онъ отлично помнилъ, какъ пришелъ въ первый разъ на урокъ, полученный черезъ десятыя руки. Это было на городской окраинѣ, гдѣ старый помѣщичій домъ являлся исключеніемъ. Прежде всего, Меркулова поразилъ мертвый безпорядокъ, который царилъ здѣсь во всемъ. Это впечатлѣніе провожало его отъ подъѣзда до гостиной. Когда-то домъ былъ полной чашей, а теперь на всемъ лежала печать мерзости запустѣнія. Особенно поразила его внутренняя обстановка. Мебель, драпировки, ковры, вообще всѣ мелочи домашняго обихода говорили о прошломъ богатствѣ, а сейчасъ все это являлось въ этихъ стѣнахъ чужимъ, никому ненужнымъ, и это отсутствіе пульса живой жизни рѣзало глазъ. Съ другой стороны, на каждомъ шагу выступала чистопомѣщичья безпорядочность, воспитанная на даровомъ трудѣ. Въ этомъ домѣ никто не хотѣлъ работать, и всѣхъ больше этого не хотѣлъ его будущій ученикъ. Вообще весь домъ и его обитатели представляли собой захудалое дворянское гнѣздо. Во главѣ фамиліи оставался старикъ Койранскій, бывшій конногвардеецъ, спустившій нѣсколько состояній. Онъ послѣ смерти жены остался съ громадной семьей на рукахъ. Дѣти росли безъ призора, а старшая дочь Надежда была баловнемъ и слабостью.

Меркуловъ попалъ къ Койранскимъ въ самый критическій моментъ, именно, когда Надежда Петровна разошлась со своимъ мужемъ. Она шестнадцати лѣтъ выскочила замужъ за русскаго нѣмца Шмидта, съ которымъ и прожила лѣтъ пять, а потомъ бросила его. Это было капризное и взбалмошное существо, представлявшее собой невозможно-пеструю смѣсь добра и зла, какъ истинно-русскій человѣкъ. Но были основныя черты, которыя служили фономъ для всего остального: это была глубоко-честная натура прежде всего. Рѣзкій характеръ и оригинальный, сильный отъ природы умъ дополняли остальное. Отецъ былъ противъ ея брака, а теперь былъ противъ соломеннаго вдов-

тва. Въ первый же день на глазахъ у новаго учителя разыгралась откровенная семейная сцена.

— Надя, я тебя самъ отвезу къ мужу,—говорилъ отецъ, пуская облака табачнаго дыма.—Я его самъ терпѣть не могу, но онъ все-таки мужъ.

— И большой негодяй при этомъ...

— Я бы на его мѣстѣ вытребовалъ тебя по этапу...

— А я застрѣлила бы его, какъ собаку.

Въ доказательство своихъ словъ Надежда Петровна съ улыбкой показала маленькій карманный револьверъ, который носила постоянно въ карманѣ.

— О, я узнаю мою кровь!—съ восторгомъ шепталъ старикъ.—Такъ ему и нужно, нѣмчурѣ... Не по себѣ дерево выбралъ. Молодецъ Надька!..

На студента Меркулова эта странная особа произвела для перваго раза невыгодное впечатлѣніе. Бывая на урокѣ, онъ даже избѣгалъ ея первое время. Онъ совсѣмъ не зналъ женщинъ, а взбалмошныхъ людей не переносилъ. Она тоже не обращала на него никакого вниманія. Сближеніе произошло при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Разъ Меркуловъ является на урокъ и находитъ весь домъ въ страшной суматохѣ: Надеждѣ Петровнѣ было угодно отравиться. Отецъ совсѣмъ потерялъ голову и цѣловалъ руки у студента, умоляя спасти дочь. Надежда Петровна приняла слишкомъ большую дозу мышьяку, такъ что отрава была выброшена назадъ судорожной рвотой, что̀ ее и спасло. Меркуловъ имѣлъ здѣсь первую медицинскую практику и ходилъ за больной съ прилежаніемъ новичка.

— Зачѣмъ вы помѣшали мнѣ умереть?—накинулась она на него, какъ только пришла въ себя.—Кто васъ просилъ соваться не въ свое дѣло?

— Позвольте, я обязанъ былъ оказать помощь...

— Обязанъ!..—передразнила его больная.—Что̀ вы можете понимать въ обязанностяхъ?

Меркуловъ покраснѣлъ отъ оскорбленія, но ничего не отвѣтилъ.

Сближеніе произошло само собой. Надежда Петровна только теперь замѣтила безвѣстнаго студента и нашла его очень некрасивымъ. Черезъ двѣ недѣли этотъ студентъ взялъ ее за руку и проговорилъ:

— Если бы вы были свободной женщиной, я предложилъ бы вамъ свою руку, Надежда Петровна; но такъ какъ...

Онъ говорилъ такъ рѣшительно, что она даже опустила глаза. Онъ еще что-то говорилъ ей, безсвязное и горячее, что̀ понимаютъ однѣ женщины, и она отвѣтила:

— Дайте мнѣ подумать до завтра...

— Завтра не будетъ!..—рѣшительно заявилъ онъ, поднимаясь.

Эта роковая фраза рѣшила ея судьбу.

VI.

Перваго поцѣлуя не было. Но онъ такъ любилъ ее, что ӧна не могла устоять подъ напоромъ этой страсти.

— О, ты меня будешь любить!—повторялъ онъ.—Это будетъ чудо, но оно будетъ.

Такая любовь всесильна, и только такая любовь творитъ чудеса. Она отдалась ему пассивно, безъ увлеченія, покоряясь болѣе сильной волѣ и бурному приливу первой любви. Это обстоятельство впослѣдствіи часто удивляло ее, когда она провѣряла свои чувства. Да, она полюбила его, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше любила.

— Я бросаю университетъ и поступаю простымъ фельдшеромъ,—сказалъ

онъ ей черезъ два мѣсяца.—Да, ты будешь женой простого фельдшера, который будетъ лѣчить простыхъ людей самыми простыми средствами. Доктора существуютъ только для богатыхъ людей, а мы будемъ жить для бѣдняковъ. Я составлю свою домашнюю аптеку изъ самыхъ домашнихъ средствъ, и бѣдпота будетъ благословлять насъ. Фельдшеръ нужнѣе, чѣмъ докторъ...

— Милый мой фершалъ!..

— И еще какой милый...

— Мнѣ ничего не нужно, Аркаша. Буду ходить въ простыхъ сарафанахъ... Уѣдемъ въ деревню, купимъ простую избу.

Первымъ врагомъ новаго счастья явился старикъ Койранскій, который прямо проклялъ дочь и отказался отъ нея. Ну, вышла замужъ за нѣмчуру Шмидта—чортъ съ нимъ, а сойтись съ студентомъ-санкюлотомъ—нѣтъ, это ужъ совсѣмъ изъ рукъ вонъ!

„Молодые“ должны были спасаться бѣгствомъ, потому что старикъ разыскалъ ненавистнаго нѣмчуру Шмидта и хотѣлъ воспользоваться его правами мужа. Началась скитальческая жизнь, полная всякихъ неудобствъ, непріятностей и огорченій. Одно добываніе видовъ на жительство чего стоило. Но Надежда Петровна все выносила покорно и стойко, а жаловаться она не умѣла. Вообще у нея былъ совершенно особенный характеръ. Въ случаяхъ непріятностей возьметъ и замолчитъ,—и только. У нея не было подругъ, потому что всѣхъ женщинъ она презирала за ихъ чисто-женскія слабости.

Жизнь идеальнаго фельдшера была полна совсѣмъ не идеальныхъ лишеній, передрягъ и непріятностей. Въ теченіе двухъ лѣтъ Меркулову пришлось перемѣнить пять мѣстъ, пока судьба не загнала его въ губернскій городъ Пропадинскъ, въ которомъ онъ не предполагалъ заживаться. Скитаньямъ былъ положенъ конецъ тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что Надежда Петровна почувствовала себя беременной. Она страшно взволновалась при первой мысли о возможности подобной комбинаціи. Этого еще недоставало!.. Благодарю покорно. Что же ожидаетъ несчастнаго ребенка?.. Нѣтъ, это невозможно, это дико, это наконецъ просто несправедливо. Потомъ она заплакала. А онъ былъ радъ и счастливъ и боялся выдать свое радостное настроеніе: это была какая-то обидная радость.

— Я тебя возненавижу, несчастный!—кричала Надежда Петровна, ломая въ отчаяньи руки.—Что же это будетъ?.. Нѣтъ, я этого не заслужила...

„Несчастный“ сосредоточенно молчалъ, чувствуя, какъ у него забилось сердце отъ неиспытанныхъ ощущеній. Съ другой стороны, ему сдѣлалось ужасно жаль жены, на которую должна была упасть вся тяжесть готовившейся семейной радости. Ребенокъ принесетъ съ собой то счастье, котораго недоставало, онъ примиритъ, успокоитъ, дастъ смыслъ всей жизни. Да, это было краденое счастье, но именно потому-то оно и было такъ дорого... Ахъ, какъ это было бы хорошо, и какъ Надя была бы счастлива!.. Именно одинъ ребенокъ могъ снять съ ихъ жизни послѣдній слѣдъ прошлаго. Это было обновленіе.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ жизнь молодой четы совершенно измѣнилась. Совершившійся таинственный органическій процессъ вносилъ съ собой что-то до того новое, огромное и подавляющее, что все остальное само собою отступало на задній планъ. Съ затаенной радостью Аркадій Васильевичъ видѣлъ, какъ на его глазахъ жена дѣлалась совершенно другимъ человѣкомъ. Да, совершенно другимъ, лучшимъ, чистымъ и безконечно дорогимъ. Первое чувство страха смѣнилось такой милой покорностью своей судьбѣ, такимъ торжественно-дѣтскимъ настроеніемъ. А впереди грядущее материнство... тихое

семейное счастье... Неизвѣстное маленькое существо должно было принести съ собой цѣлый новый міръ, и молодые родители готовились къ его встрѣчѣ. Это была новая цѣль жизни, новое счастье, передъ которымъ блѣднѣло все остальное.

— Это будетъ дѣвочка, и мы назовемъ ее Надеждой,—говорилъ Аркадій Васильевичъ.—Я не люблю мальчишекъ...

— Да, конечно, дѣвочка,—соглашалась она.—Я это чувствую... Нѣтъ, я рѣшительно не могу себѣ представить, какъ все это будетъ. Когда она вырастетъ большой, мы будемъ такіе старенькіе, сѣденькіе, смѣшные...

Они часто говорили между собой на эту тему, дѣлая предположенія относительно грядущаго будущаго. Вѣдь наступала совсѣмъ новая жизнь. Иногда она задумывалась, и онъ по ея лицу зналъ, о чемъ она думаетъ. Да, она чаще и чаще вспоминала о своей матери, отъ которой осталась дѣвочкой-подросткомъ, и объ отцѣ. Если бы мать была жива—о, она давно прилетѣла бы къ ней, научила, какъ и что̀ дѣлать, ободрила, утѣшила, порадовалась бы вмѣстѣ. Каждый разъ при воспоминаніи о матери у Надежды Петровны выступали на глазахъ слезы. О, только она, мама, все поняла бы, все простила и всему научила. Онъ чувствовалъ эти мысли и хмурился. У него была жива мать, но отъ этого ему не было легче: она никогда не проститъ ему, что онъ для „этой женщины“ погубилъ все свое будущее, бросивъ университетъ. Вѣдь его наука стоила семьѣ такъ дорого,—и вдругъ бросить все. Конечно, мать любила его и во всемъ обвиняла ее, Надю. Милая, несправедливая мама, какъ она ошибалась, и какъ вообще ошибаются всѣ слишкомъ любящіе люди. Да, эти милые близкіе люди умѣютъ быть несправедливыми. Мать Аркадія Васильевича являлась больнымъ мѣстомъ для Надежды Петровны, какъ нѣмой упрекъ: вѣдь она, Надежда Петровна, отняла сына, она заставила его бросить университетъ, она лишила его всякаго будущаго. А вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ она была невиновата во всемъ этомъ, рѣшительно невиновата. Развѣ она хотѣла чего-нибудь, добивалась?.. Нѣтъ, онъ принудилъ ее насильно полюбить его—онъ, онъ самъ. Изъ деликатности людей, слишкомъ сжившихся вмѣстѣ, они никогда не говорили о своихъ семьяхъ. Только разъ у Надежды Петровны вырвалось:

— У другихъ есть матери, старшія сестры, а я одна, одна.

Когда на нее нападало малодушіе, онъ разсказывалъ о несчастныхъ дѣвушкахъ, которыя родятъ дѣтей на чердакахъ, о крестьянкахъ, которыя приносятъ новорожденныхъ въ подолѣ прямо съ поля, о тѣхъ ненужныхъ страданіяхъ и несчастіяхъ, которыя для нихъ связаны съ появленіемъ новаго существа. О, въ мірѣ такъ много несправедливости и еще больше такихъ никому ненужныхъ страданій! Сама природа несправедлива, возложивъ всю тяжесть рожденія на одинъ полъ, а другому предоставивъ только радости. Да, это несправедливо, и мужчина долженъ заглаживать эту несправедливость всей своей жизнью.

Да, мать—святое слово. И когда Аркадій Васильевичъ про себя раздумывался на эту тему, въ его душѣ опять поднимались черныя мысли. Это была совершенно новая комбинація и самая ужасная комбинація. Вѣдь, когда онъ полюбилъ Надежду Петровну, даже тѣни мысли о дѣтяхъ не было, а говорило только одно свое эгоистическое чувство. Если его такъ мучили ревнивыя мысли, когда онъ смотрѣлъ на жену, только какъ на жену, а что̀ будетъ, когда она сдѣлается матерью его ребенка? Вотъ когда начнется настоящая казнь за увлеченія молодости. И ничего этого не было бы, если бы онъ женился на дѣвушкѣ, самой простой дѣвушкѣ, за которой не стояло бы никакого прошлаго. Да, это звѣрскія, нечистыя мысли, но онѣ есть, онѣ здѣсь,

онѣ всегда будутъ съ нимъ... Разъ, когда Аркадій Васильевичъ раздумался въ этомъ направленіи, на улицѣ взвыла шарманка, и, точно въ отвѣтъ ему, надтреснутый женскій голосъ пропѣлъ:

...Не женись на вдовушкѣ:
Старый мужъ придетъ!.

Онъ даже поблѣднѣлъ весь и задрожалъ,—точно тамъ, на улицѣ, подслушали его самыя тайныя мысли. Аркадій Васильевичъ старался взглянуть на свое положеніе со стороны, какъ безстрастный посторонній зритель, ставилъ на свое мѣсто другого человѣка, но и со стороны получалась та же безжалостная зоологическая правда. Вѣдь если бы онъ могъ знать навѣрное, что у него будутъ дѣти, если бы онъ серьезно подумалъ объ этомъ, то едва ли рѣшился бы дать этимъ дѣтямъ матерью жену другого... Фактъ остается фактомъ, что̀ вы тамъ ни говорите. Все это было и грубо, и гадко, и несправедливо, но онъ не могъ отдѣлаться отъ этихъ мыслей. Съ другой стороны, онъ могъ только удивляться, что Надя совсѣмъ не думала въ этомъ направленіи, всецѣло растворяясь въ своемъ настоящемъ. Раньше онъ ловилъ ее на мысляхъ о первомъ мужѣ, а теперь не было и тѣни такихъ мыслей. Для нея не существовало именно того, что̀ должно было бы ее особенно мучить, и онъ не понималъ ея. Грядущее материнство покрывало все, а онъ мучился своею зоологическою правдой одинъ.

Получился тяжелый разладъ, котораго она не хотѣла понимать. Конечно, онъ не подавалъ никакого вида и отдавался своимъ мукамъ одинъ, что̀ было еще тяжелѣе. Съ другой стороны, онъ видѣлъ совершавшуюся въ ней громадную перемѣну. Капризной, избалованной и взбалмошной женщины точно никогда и не бывало, а на ея мѣстѣ вырастала такая любящая, кроткая и спокойная. Да, въ ней уже чувствовалась эта увѣренность, съ которою человѣкъ можетъ вынести всякія страданія и пойдетъ въ огонь. Материнство свѣтилось блуждающимъ огонькомъ во взглядѣ; оно же проявлялось самымъ трогательнымъ образомъ въ тысячѣ тѣхъ мелочей, которыя получили смыслъ только теперь. Аркадій Васильевичъ поялъ многое такое, что̀ раньше оставалось закрытымъ. Какъ дѣтски-трогательно вила она свое гнѣздо. Въ сущности, у нихъ ничего не было, но она сумѣла изъ ничего сдѣлать все, какъ ласточка лѣпитъ свое гнѣздо изъ соломинокъ, перьевъ и грязи. Двадцать разъ она переставляла всю мебель, выгадывая каждый вершокъ и разсчитывая всѣ удобства, На окнахъ появились занавѣски, въ спальной иледъ замѣнилъ собою коверъ, его письменный столъ приводился въ образцовый порядокъ и т. д. Все было предусмотрѣно, взвѣшено и обсужено.

— Когда я буду больна, Аркаша, вотъ этотъ столикъ будетъ у меня въ комнатѣ,—говорила она.—Можетъ-быть, понадобятся лѣкарства...

Откуда-то появился старинный образокъ-складень, который повѣшенъ былъ надъ кроватью.

— Аркаша, это материнское благословеніе...—объясняла она.—Этимъ образкомъ я тебя благословлю, если умру. Такъ и помни... Мы ничего не знаемъ, что̀ будетъ *тамъ*, но я это чувствую. Мнѣ часто хочется молиться, не потому, что я боюсь смерти, а потому, что душа полна... Если я умру, такъ съ жаждой жизни, съ страстнымъ желаніемъ счастья. Милый мой, хорошій, если бы ты только зналъ, какъ я люблю тебя!

Да, она его любила... Тихо и хорошо любила. Онъ чувствовалъ это въ ея пристальномъ взглядѣ, въ томъ смущеніи, когда онъ ловилъ такой взглядъ. Въ немъ она видѣла теперь другого человѣка, именно отца своего ребенка, и

ея душу наполняло такое спокойно-благоговѣйное чувство. Это былъ другой человѣкъ, и такой органически близкій, что трудно было сказать, хорошъ онъ или нехорошъ, красивъ или некрасивъ. Часто случалось, что онъ говорилъ то самое, что она думала, и наоборотъ.

— Что это такое, Аркаша?—въ изумленіи спрашивала она.—Вѣдь это наконецъ страшно!.. Я не желаю, чтобы ты слышалъ каждую мою мысль.

Какіе хорошіе два послѣднихъ мѣсяца, именно тѣ, когда она должна была бы особенно страдать! Положеніе усложнялось еще тѣмъ, что мѣстный акушеръ, конечно, маленькая провинціальная знаменитость, ошибся относительно наступленія срока родовъ именно на эти два мѣсяца. Томительное ожиданіе выкупалось такимъ хорошимъ настроеніемъ. Сценъ больше не было, потому что все вниманіе, всѣ мысли и чувства витали въ будущемъ. Сколько хорошихъ плановъ было выстроено за это время, сколько сдѣлано приготовленій... Она сшила первую дѣтскую рубашку-распашонку, которую долго прятала отъ него, потомъ явилось фланелевое одѣяло съ мѣткой *Л*, потомъ тотъ маленькій гардеробъ, который матери готовятъ съ такой милой стыдливой радостью. Потомъ она спрятала свою головку у него на груди и прошептала:

— Любовь ей имя... Мы ее назовемъ: Любовь.

— Да, Любовь!..—отвѣтилъ онъ.—Милая моя...

Въ числѣ плановъ на первомъ мѣстѣ стояла деревня. О, они непремѣнно будутъ жить въ деревнѣ, въ своей избѣ, будутъ имѣть свою землю, свою корову, свою лошадь. Не правда ли, какъ это будетъ хорошо? Уйти отъ всѣхъ и наслаждаться трудовымъ, здоровымъ счастьемъ въ своемъ уголкѣ. Жизнь была такъ проста и ясна. И нигдѣ фельдшеръ такъ не нуженъ, какъ именно въ деревнѣ. Онъ будетъ тамъ все... Аркадій Васильевичъ занялся теперь изученіемъ тѣхъ простыхъ народныхъ средствъ, которыми народъ лѣчитъ домашними способами, и дѣлалъ открытіе за открытіемъ. Напримѣръ, дорогая хина замѣняется сокомъ рѣдьки или хрѣна. Ему уже приходилось примѣнять эти средства, когда нужно было лѣчить бѣдноту и городскую голь. Какія тамъ лѣкарства, когда нѣтъ хлѣба и дровъ!..

— Милый, милый...—шептала она, припадая къ нему.—Сколько на свѣтѣ горя и нужды, и какіе мы богачи, сравнительно!

— Въ городѣ пятьдесятъ рублей моего жалованья—приличная нищета, Надя, а въ деревнѣ это цѣлое богатство. Вотъ увидишь... Даже совѣстно будетъ получать такія страшныя деньги.

— Помнишь, мы читали въ газетахъ, съ какимъ сожалѣніемъ пишутъ о двухъ молодыхъ врачахъ, которые поступили куда-то фельдшерами?.. Навѣрно, и сами эти господа врачи разыгрывали изъ себя жертвъ общественной несправедливости...

— У насъ все такъ: съ одной стороны—хорошія слова, а съ другой—хорошее желованье. Впрочемъ, мы торопимся осуждать другихъ. Надя... Можетъ-быть, и сами сбѣжимъ изъ деревни черезъ полгода.

— Ну, ужъ этого не будетъ, Аркаша. Вотъ увидишь, какой славной деревенской бабенкой я буду...

Незамѣтно для самихъ себя у нихъ выработалось какое-то органическое отвращеніе къ городу, къ условнымъ формамъ этого городского существованія и ко всему, на чемъ лежала печать города. Ахъ, скорѣе бы уѣхать туда, гдѣ желтѣютъ нивы, гдѣ зеленѣетъ лѣсъ, гдѣ идетъ настоящая жизнь, а не созданная искусственнымъ способомъ. Да, скорѣе туда, въ деревню... Эта деревня являлась любимой темой безконечныхъ разговоровъ, предположеній и плановъ. Она являлась рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ.

Въ жизни каждаго человѣка бываютъ свѣтлыя полосы, и такую именно свѣтлую полосу переживала теперь молодая чета. Какъ свѣтло было будущее, какъ оно просто и ясно! На время скрылись даже тѣ больныя мысли, которыя продумываются съ глазу на глазъ только съ собственной совѣстью. Вѣдь прошлое отпадало, какъ скорлупа зерна, изъ котораго показался молоденькій ростокъ... Процессъ тяжелый и мучительный, но онъ выкупается именно тѣмъ будущимъ, которое несетъ въ себѣ вотъ этотъ самый ростокъ.

— Я часто думаю о себѣ,—говорила Надежда Петровна задумчиво.—И мнѣ кажется, что я—не я, а что-то общее. Тѣ же ощущенія, тѣ же чувства и мысли испытывала и праматерь Ева, и женщины всего свѣта испытываютъ сейчасъ. Не даромъ Гейне сказалъ, что съ каждымъ человѣкомъ родится вселенная, и я чувствую ее, эту вселенную. Ты не можешь себѣ представить блаженнаго настроенія, которое наступаетъ иногда... И такъ хорошо думается. Въ материнствѣ—вся женщина. Прежде, когда я видѣла беременныхъ женщинъ, то испытывала и страхъ за нихъ, и какое-то особенное брезгливое чувство. Вѣдь это такъ некрасиво съ эстетической точки зрѣнія!.. А теперь я не чувствую собственнаго безобразія, и мнѣ хочется крикнуть: я счастлива, потому что я—жизнь!

— А у меня другой порядокъ чувствъ: я только теперь понялъ, почему мужчина долженъ нести и тяжесть работы, и умирать, защищая родину. Что значитъ рискъ солдата передъ рискомъ беременной женщины?.. Хорошо умереть, когда знаешь, что это нужно.

Раздумавшись какъ-то на эту тему ночью, Аркадій Васильевичъ почувствовалъ, какъ ему вдругъ сдѣлалось легко, совсѣмъ легко, точно свалилась какая-то шелуха. Если онъ раньше испытывалъ кровную ненависть *къ другому*, то теперь просто не замѣтилъ бы его, какъ швыряютъ попавшій подъ ногу камень.

Впрочемъ, его нервы были настолько приподняты, что свѣтлая полоса смѣнялась иногда самымъ мрачнымъ настроеніемъ. Такъ, онъ разъ не могъ заснуть цѣлую ночь, раздумавшись о видѣ на жительство. Надежда Петровна отъ мужа такого вида не имѣла и жила по отсрочкамъ, выдаваемымъ изъ полиціи. Срокъ послѣдней такой отсрочки уже истекалъ, а Аркадій Васильевичъ не хотѣлъ, чтобы она въ такомъ видѣ отправилась въ участокъ. Это всегда ее волновало, а теперь взволновало бы въ особенности. Онъ лежалъ и мучился за всѣхъ женщинъ, которыя теперь живутъ по такимъ отсрочкамъ. А сколько ихъ, такихъ женщинъ!.. Утромъ Аркадій Васильевичъ всталъ съ тяжелой головой и откровенно разсказалъ все женѣ.

— Ахъ, какіе пустяки!..—весело отвѣтила она.—Ты просто преувеличиваешь. Не первый годъ живу по отсрочкамъ, да и не я одна.

И онъ облегченно вздохнулъ, глядя на это дѣтское лицо. Конечно, пустяки, когда нужно думать о главномъ, что придетъ не-сегодня-завтра. Онъ сразу успокоился и повеселѣлъ. Вообще ему часто приходилось совѣтоваться съ женой, и это даже вошло въ привычку. У нея было какое-то чутье въ отношеніи къ людямъ, которыхъ она даже не видѣла ни разу. Во многихъ случаяхъ она оказалась гораздо дальновиднѣе мужа, и онъ, рѣшаясь на что-нибудь, мысленно совѣтовался съ ней: а что сказала бы Надя?

VII.

Роковой моментъ наступилъ совершенно неожиданно, какъ все роковое. Вѣдь столько времени они ждали наступленія его, и все-таки оба испугались. Это случилось какъ разъ во время обѣда. Надя поблѣднѣла и уронила ножъ.

Лицо сразу потеряло всѣ краски, глаза округлились, поблѣдиѣвшія губы сжались.

— Аркаша, милый... начинается.

Онъ это видѣлъ, чувствовалъ и понималъ безъ словъ. Да, начиналось то, что̀ заставляетъ блѣднѣть и теряться самыхъ мужественныхъ людей. Страстная жалость охватила его, та безсильная жалость, которая хватается слабѣющими руками за соломинку. Онъ наклонился къ ней, поцѣловалъ этотъ похолодѣвшій лобъ и помогъ ей подняться. Она, опираясь на его руку, сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Аркаша, мнѣ страшно...

— Милочка... родная...

Но первая схватка прошла, и Надя сразу повеселѣла. Она кончила свой обѣдъ съ веселымъ лицомъ и проговорила, вытирая ротъ салфеткой:

— Вотъ и пообѣдала въ послѣдній разъ...

Боже мой, сколько жестокой правды было въ этой случайной фразѣ, и сколько тысячъ разъ потомъ Аркадій Васильевичъ повторялъ ее про себя! А тутъ онъ даже разсердился, глупо и несправедливо разсердился: для чего говорить такія нелѣпости—„въ послѣдній разъ“?.. Онъ что-то ворчалъ, а она только смотрѣла на него такими испуганными, покорными глазами, полными физическихъ страданій. И это были послѣднія минуты короткаго счастья, пѣтъ—послѣднія мгновенія. Впослѣдствіи онъ тысячу тысячъ разъ раскаялся въ этой ничтожной сценѣ, плакалъ и зубами рвалъ подушку. Послѣднія мгновенія... Какъ глупо и какъ жестоко-несправедливо складывается наша жизнь, состоящая изъ такихъ мелочей и пустяковъ! Его убили вотъ эта ея покорность и дѣтскій взглядъ.

Дальше событія полетѣли съ быстротой вѣтра. Раньше онъ часто думалъ: вѣдь нужно пережить только нѣсколько тяжелыхъ дней, можетъ-быть, нѣсколько часовъ, и все устроится. У каждаго есть такіе дни, и нужно умѣть съ твердостью ихъ переносить. Вотъ они наступили, эти нѣсколько дней... Вотъ и Надя лежитъ въ постели съ лихорадочнымъ взглядомъ, запекшимися губами, съ застывшимъ лицомъ, по которому молніей пробѣгаетъ болевая судорога. Неужели это она, его Надя, его голубка, его счастье?.. Потомъ она поднималась и переходила на диванъ, а отсюда—обратно на кровать. Щемящая тоска вдругъ охватила Аркадія Васильевича, и онъ почувствовалъ, какъ его оставляетъ самообладаніе.

— Надя, я схожу за акушеркой...

— Нѣтъ, не нужно... Вѣдь ты знаешь, какъ все должно быть, Аркаша...

— Да... да... Я нѣсколько разъ принималъ дѣтей... Прежде всего: терпѣніе.

Какія глупыя слова иногда говоритъ языкъ: терпѣніе! Вѣдь это не болѣе какъ глупое слово, а онъ его повторялъ столько разъ. Терпѣніе, когда человѣкъ, живой человѣкъ превращается въ одно больное мѣсто, когда сознаніе гаснетъ, когда душу ледянитъ смертельный страхъ... Да, онъ все это чувствовалъ, когда его шею обвивала холодная маленькая ручка, такая безпомощная и страдающая. Что̀ же это такое?.. Ничего не нужно, только не было бы этихъ страшныхъ мукъ... Да, ничего. Аркадій Васильевичъ съ какой-то ненавистью подумалъ о страстно ожидаемомъ ребенкѣ—ничего не нужно, только прекратились бы эти страданія. У него кружилась голова, навертывались слезы, горло точно сдавливалось какой-то рукой.

Главное неудобство, какое выступило съ особенной рельефностью, заключалось въ томъ, что, „не было женщины“, а она сейчасъ особенно была

необходима. Знакомствъ никакихъ молодая чета не успѣла сдѣлать, да и Надя была такъ скупа на знакомства, особенно съ женщинами. Съ трудомъ переводя духъ, она повторяла нѣсколько разъ:

— Аркаша, у другихъ есть матери... старшія сестры, а у меня никого... ахъ, какъ это тяжело, Аркаша!

— Горлинка, не нужно падать духомъ!..

— Знаю, знаю... Аркаша, поставь вотъ сюда образокъ. Это благословеніе моей матери... Я буду молиться общей нашей Матери.

Религіозные моменты проявлялись и раньше, но въ полусознательной формѣ, а теперь запекшіяся губы повторяли по старой памяти молитвы, усвоенныя еще въ дѣтствѣ. Изъ полузакрытыхъ глазъ выдавилась слезинка и украдкой пробѣжала по мертвенно-блѣдной щекѣ... Аркадій Васильевичъ чувствовалъ, какъ въ ея больномъ мозгу проходитъ черной тѣнью отцовское проклятіе,—положимъ, сумасшедшій старикъ находился въ моментъ проклятія въ состояніи невмѣняемости, но именно теперь оно отзывалось непужной тяжестью, вызывая эти горькія молчаливыя слезы.

Въ одну изъ самыхъ горькихъ минутъ, именно ночью, явилась неожиданная помощь въ лицѣ кухарки Агаѳьи. Аркадій Васильевичъ удивился, когда увидѣлъ ее въ кухнѣ.

— Что вамъ нужно?—сухо спросилъ онъ, оглядывая ее съ ногъ до головы.

— А вотъ это самое...—грубо отвѣтила Агаѳья.—Можетъ, въ аптеку нужно, либо что, такъ я, значитъ, живой рукой... Барыня прислала, потому какъ она у окна торчитъ съ самаго обѣда... Извѣстно: барыня. Поди, грить, къ жильцамъ, можетъ, что нужно.

— Ничего не нужно, и вы можете итти домой.

Въ сущности, Аркадій Васильевичъ ничего не понялъ: какая барыня стоитъ у окна? Зачѣмъ она стоитъ? Для чего явилась эта баба, наконецъ?.. Онъ еще больше удивился, когда въ слѣдующій моментъ увидѣлъ Агаѳью у постели больной. Эта баба оправляла бѣлье, совалась по комнатѣ и вообще проявляла желаніе быть полезной. Надя открыла глаза и сморщилась. Ей было непріятно видѣть чужое лицо, а затѣмъ существуетъ народное повѣрье, что при постороннемъ глазѣ роды труднѣе. Аркадій Васильевичъ отвелъ Агаѳью въ слѣдующую комнату и посовѣтовалъ ей уходить самымъ рѣшительнымъ образомъ.

— Да ты въ умѣ ли, баринъ?—удивилась, въ свою очередь, Агаѳья.—Таковское ли это дѣло, чтобы мужчина одинъ управился... Фершалъ, а лучше бы баушку пригласить. Она бы поправила, а то въ баню сводила бы. Да съ кѣмъ я говорю-то о такихъ дѣлахъ?.. Развѣ ты можешь что понимать по нашей женской части!

Аркадій Васильевичъ молча взялъ Агаѳью за руку и довольно невѣжливо выпроводилъ ее и дверь затворилъ за ней на крючокъ. Агаѳья защищалась отчаянно и нѣсколько разъ успѣла толкнуть сердитаго барина локтемъ. Очутившись на крыльцѣ, она погрозила всему флигелю кулакомъ. Потомъ Агаѳья отправилась съ докладомъ къ барынѣ, занимавшей свой наблюдательный постъ.

— Ну что, Агаѳья?..

— Въ шею выгналъ, вотъ что. Оглашенный какой-то!.. А она, голубушка, лежитъ бѣдная-бѣлая, краше въ гробъ кладутъ... И красивая такая: натретъ. Долго ей не разродиться, потому какъ идолъ-то этотъ мѣшаетъ. Баушку бы позвать.

Марья Сергѣевна отъ души пожалѣла, что послала во флигель Агаѳью, которая, навѣрно, что-нибудь напутала. Нужно было итти самой. Отпустивъ Агаѳью, Марья Сергѣевна осталась у своего окна и съ пристальнымъ вниманіемъ слѣдила за всѣмъ, что происходило во флигелѣ. Сверху ей была видна освѣщенная лампой гостиная и часть спальни, гдѣ лежала больная. Она съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдила за длинной колебавшейся тѣнью, которая время отъ времени появлялась въ гостиной и сейчасъ же исчезала въ спальнѣ. Это былъ *онъ*... Господи, сколько муки долженъ былъ переживать теперь этотъ фельдшеръ!.. Въ такую минуту и совершенно одинъ... Почему она не пошла давеча къ нимъ сама, а подослала эту дуру Агаѳью? Ее удержало какое-то ложное чувство стыда: съ какой стати она будетъ навязывать свои непрошенныя услуги чужимъ людямъ? Но вѣдь это фальшивое, глупое и несправедливое чувство, когда на сценѣ, можетъ-быть, стоитъ вся жизнь. Да, жизнь страстно любимаго, дорогого человѣка... Итти сейчасъ? Но онъ выгналъ Агаѳью и можетъ выгнать ее: въ такія минуты не церемонятся. Марья Сергѣевна даже отыскала свою шаль, накинула ее на голову и дошла до передней, но съ полдороги вернулась опять къ своему окну... У нея не хватало силы, увѣренности въ себѣ.

Николая Яковлевича, по обыкновенію, не было дома. Онъ возвращался только въ четыре или пять часовъ утра, возвращался такой усталый, гадкій, иногда сильно навеселѣ.

„Боже мой, хоть бы онъ скорѣе вернулся!—думала Марья Сергѣевна, глядя на часы, показывавшіе половину второго.—А время такъ медленно ползетъ, точно застыло. Что-то тамъ дѣлается?.. Ахъ, какая я дрянная, безполезная женщина!.. Недаромъ мужъ меня не любитъ... Вотъ *ту* любятъ, бѣдняжку, и она счастлива даже своими муками“.

Она не помнила, сколько времени прошло, не помнила, когда явился подгулявшій Николай Яковлевичъ, очень удивившійся, что жена не въ постели, а стоитъ совсѣмъ одѣтая у окна.

— Это... гм... что это значитъ?—придрался онъ, слегка пошатываясь.

— Тише...—шопотомъ остановила она его.—Тамъ во флигелѣ... у насъ... ахъ, какъ она мучится!.. Теперь ужъ больше полусутокъ прошло.

— Кто мучится?

— Боже мой, какой ты гадкій!.. Она, жена этого фельдшера, рожаетъ... Они бѣдные, у нихъ никого нѣтъ, а онъ такъ ее любитъ!

— Любитъ...—повторилъ онъ, какъ эхо, и обрушился на ближайшій стулъ, точно придавленный этимъ словомъ.

Онъ былъ пораженъ тономъ, какимъ говорила съ нимъ сегодня жена, выраженіемъ ея лица, той энергіей, которой пахнуло на него отъ нея,—это была другая женщина, совсѣмъ другая, какой онъ не зналъ до сихъ поръ и о существованіи которой даже не подозрѣвалъ. Фельдшеръ любитъ жену, жена фельдшера рожаетъ, жена его, Николая Яковлевича, торчитъ у окна до пяти часовъ утра и говоритъ съ нимъ шопотомъ, а самъ онъ, Николай Яковлевичъ, сидитъ на стулѣ и рѣшительно ничего не можетъ понять. Въ головѣ бродятъ какіе-то обрывки мыслей, какія-то слова, точно спутанныя нитки пряжи. Потомъ ему вдругъ сдѣлалось смѣшно: фельдшеръ?.. любитъ?.. Развѣ фельдшера могутъ любить? Они должны дѣлать компрессы, пластыри, ухаживать за больными, а не любить... Нѣтъ, это о-ри-гиналь-но!.. Затѣмъ онъ чувствовалъ, какъ жена съ какой-то тоской посмотрѣла на него, какъ смотрятъ на хорошую, но никому и ни на что негодную вещь, и какъ она прошла мимо него, сдѣлавъ брезгливое движеніе плечомъ.

— Фельдшеръ... любить... х-ха!..—бормоталъ Николай Яковлевичъ, поднимаясь.

Но его остановила чья-то твердая рука. Она его усадила на стулъ, какъ ребенка, а затѣмъ къ самому его лицу придвинулось другое, возбужденное лицо, и энергичный шопотъ проговорилъ:

— Несчастный, ты сейчасъ же пойдешь въ церковь... знаешь, на углу Проломной улицы стоитъ такая маленькая старая церковь Всѣхъ Скорбящихъ? Разбуди священника и попроси его отворить царскія врата... Понимаешь?..

— Позволь...

— Довольно! Слушай... *Это* дѣлается въ случаѣ трудныхъ родовъ, и простой народъ *этому* вѣритъ. Понимаешь? Если священникъ не согласится, проси его... умоляй... слышишь?.. Сейчасъ же... Каждая минута дорога. Затѣмъ ты купишь свѣчку и поставишь передъ образомъ Скорбящей... понимаешь?.. Чтобы сію минуту!..

Видъ пьянаго мужа преобразилъ Марью Сергѣевну, поднявъ въ ней всю энергію. О, она теперь знала, что̀ дѣлать... И это безсмысленное животное будетъ дѣлать все, что̀ она скажетъ. Николай Яковлевичъ повиновался, не проронивъ ни одного звука, Что̀ же, онъ провелъ вечеръ въ клубѣ, потомъ былъ *тамъ*, а теперь... Фельдшеръ... любитъ... Кстати, извозчики стоятъ сейчасъ на углу.—А въ аптеку не нужно?..—Выходя изъ комнаты, онъ оглянулся и все понялъ. Изъ дому вышелъ онъ твердой походкой, на углу взялъ извозчика и велѣлъ ѣхать въ Проломную. Дорога шла какъ разъ мимо клуба, и Николай Яковлевичъ только покрутилъ головой. Да, бываютъ случаи...

Марья Сергѣевна, выпроводивъ мужа, постояла нѣсколько времени у окна, а потомъ быстро вышла изъ комнаты, быстро сбѣжала по лѣстницѣ и быстро постучала у дверей флигеля. Ее поразила царившая тамъ мертвая тишина. Она слышала, какъ бьется ея собственное сердце, какъ она дышитъ. Пришлось повторить стукъ. Показался *онъ*... Въ первую минуту она его не узнала. Это былъ состарившійся, сгорбленный человѣкъ. Прежде всего ее поразило, что онъ совсѣмъ не походилъ на того, который приходилъ тогда къ ней. Да, это былъ совсѣмъ другой и такой близкій, безконечно близкій, родной. Она молча взяла его за холодную большую руку, молча поцѣловала и молча прошла черезъ маленькую переднюю. За ней слышались какіе-то мертвые шаги, точно стучалъ маятникъ большихъ старыхъ часовъ. Вотъ она въ гостиной, гдѣ зеленый свѣтъ лампы мучительно боролся съ бѣлесоватымъ разсвѣтомъ. Она машинально оглянула бѣдную обстановку, гдѣ каждая мелочь говорила о короткомъ молодомъ счастьѣ, гдѣ царилъ тотъ безпорядокъ, который приноситъ съ собой тяжелая бѣдность... Да, это была та самая комната, за жизнью которой она наблюдала изъ своего окна въ теченіе длинныхъ, мучительныхъ длинныхъ мѣсяцевъ. Да, здѣсь самый воздухъ былъ насыщенъ горячимъ счастьемъ, ожиданіемъ, мольбой... Она, шатаясь, какъ пьяная, остановилась на порогѣ спальни. На кровати лежала съ закрытыми глазами та женщина, которой она такъ завидовала. Это была тѣнь человѣка, съ той разницей, что эта тѣнь такъ порывисто и тяжело дышала. Марья Сергѣевна вся вздрогнула, когда гдѣ-то тутъ близко что-то жалобно пискнуло, и она только теперь увидала маленькую корзинку, прикрытую старымъ пледомъ. Значитъ, все кончено, все благополучно... Она затаила дыханіе и выпятилась въ дверь.

— Слава Богу... — прошептала она и перекрестилась. — Да, слава Богу... А я такъ мучилась за нее все это время.

— Бѣдняжка, она такъ мучилась!.. — шопотомъ отвѣтилъ ей другой голосъ. — За что? Ну, скажите: за что?..

Она подошла къ нему, сѣла на стулъ и взяла его за руку.

За что? А вотъ за то счастье, которое здѣсь незримо витало, за это будущее счастье, которое уже явилось на свѣтъ... Вамъ этого мало?..

Они молча понимали другъ друга, перестрадавъ всякій по-своему все случившееся. Онъ горько улыбнулся и опустилъ глаза... Господи, давно ли онъ ревновалъ ее, полный звѣриныхъ инстинктовъ и зоологической правды?.. Онъ временами презиралъ ее и даже вздрагивалъ, когда въ мозгу проносились обидныя картины ея счастья съ другимъ, того перваго счастья, которое не повторяется, которое испытываетъ каждая женщина, но не каждый мужчина. Какой онъ былъ гадкій, какія отвратительныя мысли змѣями шевелились у него въ головѣ, и какъ онъ жалокъ и ничтоженъ теперь предъ величіемъ совершившагося факта! Да, онъ все забылъ, все простилъ, очистился, сдѣлался лучше, и вотъ то маленькое существо принесло съ собой желанный покой душѣ. Теперь все свѣтло, все чисто, и нѣтъ больше звѣриныхъ чувствъ и звѣриныхъ мыслей. Онъ закрылъ лицо руками и тихо зарыдалъ. Эти слезы безъ названія, безъ имени, безъ объясненія были лучше всего, что онъ дѣлалъ раньше, думалъ и чувствовалъ. Ихъ вызвало присутствіе вотъ этой незнакомой женщины, которую привело сюда ея женское сердце, ея желаніе чѣмъ-нибудь помочь, успокоить, утѣшить. Да, опять эта маленькая теплая женская рука протянулась къ нему, и онъ машинально ее поцѣловалъ отъ избытка счастья. Затѣмъ онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее широко раскрытыми глазами, хотѣлъ что-то сказать, но такъ и остался съ полуоткрытымъ ртомъ—на порогѣ показался Николай Яковлевичъ и докторъ Иксовъ, мѣстная знаменитость.

Николай Яковлевичъ успѣлъ отрезвиться дорогой и замѣтно конфузился своей новой роли. Докторъ, сгорбленный и худой старикъ, даже не взглянулъ ни на кого, а какъ-то хмуро проковылялъ въ спальню. Аркадій Васильевичъ на ходу что-то объяснялъ ему, и докторская голова наклонялась въ такъ его словамъ.

Марья Сергѣевна и Николай Яковлевичъ сидѣли у стола и не рѣшались взглянуть другъ на друга. Раздавшійся дѣтскій писк заставилъ ею какъ-то виновато вздрогнуть. Она сидѣла, опустивъ глаза, такая спокойная и полная какой-то рѣшимости. Докторъ оставался у больной довольно долго, а потомъ вышелъ еще болѣе хмурый.

— Мнѣ она не нравится... да... — повторялъ докторъ, точно съ трудомъ разжевывая каждое слово.

Аркадій Васильевичъ шелъ за нимъ блѣдный, потерявшійся, жалкій. Когда Марья Сергѣевна взглянула на него, то сразу поняла, что случилось что-то ужасное—и это ужасное совсѣмъ близко, вотъ здѣсь, рядомъ. У нея захолонуло на душѣ.

— Вы упустили самую обыкновенную вещь, которую знаетъ каждая повитуха... — ворчалъ докторъ, надѣвая очки. — Да, она мнѣ не нравится...

— Да, да... ахъ, что я надѣлалъ?!.. — вырвалось у Аркадія Васильевича. — Ахъ, что я надѣлалъ!.. Вѣдь я же знаю это, докторъ... знаю!.. Но тутъ точно вышибло изъ головы.

— Вотъ всегда такъ: молодежь самонадѣянна... — ворчалъ старикъ, подписывая рецептъ. — Да, мнѣ не нравится... Отчего вы не пригласили опытнаго врача? Наконецъ акушерку?..

— Я... я... то-есть у меня не было денегъ... — тихо отвѣтилъ Аркадій Васильевичъ, хватаясь за голову. — Ахъ, что я надѣлалъ?!.. Надя... Надя... Надя...

VIII.

Уходя, старикъ-докторъ счелъ своимъ долгомъ сказать убитому мужу нѣсколько словъ утѣшенія:

— Конечно, трудный случай, но бываютъ счастливые исходы... гм... Не слѣдуетъ падать духомъ... да. Нѣтъ такой болѣзни, отъ которой нельзя было бы выздоровѣть... гм... Во всякомъ случаѣ, лично я не теряю надежды.

Эта была послѣдняя милостыня науки, но Аркадій Васильевичъ ничего не видѣлъ и ничего не слышалъ, придавленный одной мыслью: вѣдь это онъ, да, онъ убилъ Надю вдвойнѣ... Марья Сергѣевна догнала доктора на крыльцѣ.

— Нѣтъ надежды, докторъ?

— Никакой... Къ вечеру она умретъ... Мнѣ ее жаль... Самонадѣянный молодой человѣкъ...

Впопыхахъ Марья Сергѣевна даже не простилась съ докторомъ, а бросилась назадъ въ комнату.

— Nicolas, бери сейчасъ извозчика и привези кормилицу...

— Я? Гдѣ же я ее возьму?.. Наконецъ, это будетъ просто смѣшно: я вдругъ буду разыскивать по всему городу кормилицу. Еще встрѣтится кто-нибудь изъ знакомыхъ...

— Безъ разговоровъ!..

Николай Яковлевичъ только развелъ руками, но ничего не оставалось, какъ только повиноваться.

Аркадій Васильевичъ стоялъ у кровати и смотрѣлъ на жену. Она лежала съ закрытыми глазами и такъ тяжело дышала. Около носа легли двѣ темныхъ полосы, которыя приковали его вниманіе: это была смерть, разливавшаяся въ крови. Да, онъ чувствовалъ присутствіе этой смерти и самъ застывалъ отъ ея холоднаго дыханія. Съ другой стороны, умъ никакъ не могъ помириться даже съ самымъ словомъ: смерть! Человѣкъ былъ живъ, человѣкъ былъ полонъ мыслями о будущемъ, и вдругъ—ничего... А какъ же ребенокъ? какъ онъ самъ?.. Вообще, что все это значитъ?.. Въ немъ проснулась отчаянная надежда, страстная жажда какого-нибудь чуда,—вѣдь теперь могло спасти ее только чудо!.. Вотъ и образокъ, материнское благословеніе, и дѣтская молитва, и таинственный страхъ предъ неизвѣстнымъ будущимъ...

— Надя... родная... ты слышишь меня? — спросилъ онъ, приникнувъ къ изголовью.

— Да... — отвѣтили запекшіяся губы, и холодѣвшая рука протянулась къ нему. — Благослови меня...

У него затряслись руки и ноги, въ груди что-то остановилось, и онъ дрожащей рукой перекрестилъ это блѣдное лицо, подернутое первыми тѣнями близившейся смерти.

Кто-то вошелъ въ комнату, взялъ корзинку съ ребенкомъ и вышелъ—онъ не шевельнулся. На столикѣ въ углу продолжала горѣть позабытая ночная лампочка, а въ окно глядѣлъ сѣрый осенній день, точно бѣльмо. Надя... Надя... Надя... Она еще здѣсь, вотъ здѣсь на кровати, хотя сознаніе уже подернулось застилавшей его тьмой. Бѣдняжка не чувствуетъ, что быстро умираетъ. Въ каждой каплѣ крови таинственно неслось это уничтоженіе, сердце било тревогу, а мысль уже утонула въ обступавшей ее безднѣ небытія. Бѣдный человѣческій умъ, этотъ услужливый рабъ, который подавалъ всегда то, чего хотѣли вотъ эти глаза, эти уши, это цвѣтущее тѣло... И теперь совсѣмъ не

нужны его услуги. Да, не нужны... Такъ отказываютъ отъ мѣста прислугѣ, когда господа разоряются. Слуга и уходитъ такъ же быстро, какъ ему отказали.

Но оставался другой слуга, который не желалъ уходить и боязливо вызывалъ картины недавняго богатства. Вотъ въ этихъ стѣнахъ было все, чего только можно пожелать... Жизнь цвѣла всѣми своими красками, всѣми линіями и звуками. Да, жизнь, а теперь ее смѣняла мучительная пустота. Ничего... Темно... Аркадій Васильевичъ даже протеръ глаза—нѣтъ, въ комнатѣ свѣтло, но это свѣтъ безъ свѣта, безъ тепла, безъ души. Улыбка искривила его губы. Онъ крѣпко держалъ въ своей рукѣ ея маленькую ручку и чувствовалъ, какъ она начинаетъ холодѣть, какъ тонкіе пальцы начинаютъ терять свою гибкость. Онъ прильнулъ къ этой ручкѣ губами, хотѣлъ ее согрѣть своимъ горячимъ дыханіемъ, какъ упавшую ручку ребенка. Но это была жалкая попытка, а смерть дѣлала свое дѣло—медленно и вмѣстѣ быстро, безповоротно и неуклонно... Откуда явился священникъ?.. Какая-то женщина затеплила свѣчу передъ образкомъ. Послышался заученный речитативъ молитвы... Дѣтскій ужасъ охватилъ Аркадія Васильевича. Онъ прислонился къ стѣнѣ и смотрѣлъ, какъ широкая спина священника наклонилась надъ кроватью, какъ поднялась благословляющая въ послѣдній разъ рука, какъ... Надя хотѣла говѣть передъ родами, но онъ удержалъ ее. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?.. Да вѣдь онъ не думалъ о смерти, не думалъ о томъ, что не только дни, но сочтены и часы... А ей нужно было примириться съ своей совѣстью, въ ней жила еще эта дѣтская святая вѣра... И вотъ сама пришла благословляющая рука съ послѣднимъ утѣшеніемъ, съ послѣднимъ словомъ надежды на другую жизнь, на то, о чемъ мы боимся думать. Какая-то дрожь охватила Аркадія Васильевича, и въ немъ съ удвоенной силой проснулась жажда чуда, да, того чуда, которое могло вдохнуть жизнь. А въ комнатѣ было такъ душно, не хватало воздуха, свѣта...

— Безумецъ, тебѣ не будетъ чуда...—шепталъ таинственный голосъ.— Не будетъ... Ты думалъ о жизни, постоянно былъ полонъ земныхъ расчетовъ и соображеній и не думалъ о смерти. Чуда не будетъ!.. Каждый прожитый день былъ чудомъ, днемъ посѣщенія, а ты его не видалъ, потому что думалъ о другомъ. Каждый часъ былъ чудомъ и каждое твое дыханіе, а ты не чувствовалъ этого... Чудеса не повторяются по желанію, и вчерашній день не вернется...

Голосъ былъ правъ. Аркадій Васильевичъ стоялъ съ раскрытыми глазами и видѣлъ эти дни, невозвратные, дорогіе, счастливые дни... И онъ ихъ не замѣчалъ, раньше—онъ терзалъ придуманными муками, картинами и собственной несправедливостью. Правда жизни оставалась въ сторонѣ, а онъ, полный безумныхъ сомнѣній и тревогъ, топталъ свое счастье... Вѣдь *она* не могла этого не чувствовать и тоже терзалась, за него терзалась, за его звѣрскія мысли и чувства... А теперь она искупила своими страданіями все, она дала жизнь и права вдвойнѣ. Вотъ отчего свѣтлѣетъ это лицо, вотъ отчего оно принимаетъ такое спокойное выраженіе: въ немъ осталась одна правда,—та правда, которая не нуждается въ оболочкѣ изъ словъ.

Дыханіе становилось медленнѣе, точно грудь давила какая-то невидимая рука. Больная вытянулась. Одна рука лежала на груди съ пальцами, сложенными по-мертвому, а другая безсильно опустилась. Все кончено... все... навсегда... Аркадій Васильевичъ наклонился надъ дорогимъ лицомъ и принялся его крестить, не спуская глазъ съ полураскрытаго рта, изъ котораго еще вырывалось слабое дыханіе, прерываемое предсмертными хрипами. Вотъ оно рѣже... Еще одинъ вздохъ, и жизнь отлетѣла..

— Аркадій Васильичъ... голубчикъ...—шепталъ надъ нимъ незнакомый мужской голосъ, и чья-то рука старалась отвести его отъ трупа.

Онъ повиновался. Онъ вышелъ въ слѣдующую комнату и увидѣлъ корзинку съ ребенкомъ, а около нея незнакомую женщину, смотрѣвшую на него красными отъ слезъ глазами.

— Ребенка мы пока перенесемъ къ себѣ, туда...

— Да...

— Nicolas, ты бери корзинку, а я пойду за тобой.

Аркадій Васильевичъ ничего не чувствовалъ. Къ ребенку онъ отнесся съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ... Его муки были тамъ, гдѣ все было такъ тихо.

Николай Яковлевичъ торопливо и неумѣло взялъ корзинку и понесъ ее изъ комнаты съ такимъ напряженнымъ видомъ, точно боялся что-нибудь пролить. Марья Сергѣевна съ строгимъ лицомъ шла за нимъ, ступая на одни носки... Кормилица, простая деревенская баба, была уже тамъ, въ столовой. Она только-что оставила своего ребенка и съ тоской посмотрѣла на внесенную барномъ корзинку.

— Ну, кажется, теперь все? — недовольнымъ тономъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, еще не все... — рѣшительно отвѣтила Марья Сергѣевна. — Нельзя тамъ оставлять одного... понимаешь?..

— А я что буду съ нимъ дѣлать?..

Марья Сергѣевна только пожала презрительно плечами и быстро принялась хлопотать около плакавшаго ребенка. Нужно было его успокоить, согрѣть, научить кормилицу, что дѣлать. Изъ-подъ стараго пледа, въ который былъ завернутъ ребенокъ, выставлялась такая маленькая-маленькая ручонка, и Марья Сергѣевна поцѣловала ее съ какимъ-то благоговѣніемъ. Съ этой крохотной дѣтской ручонкой къ ней протягивалась новая жизнь, полная новыхъ заботъ, интересовъ и счастья.

Но это было всего одно мгновенье. Марья Сергѣевна устыдилась своего безчеловѣчнаго эгоизма и бросилась во флигель. Николай Яковлевичъ былъ тамъ и старался всѣми силами не пускать Аркадія Васильевича къ покойницѣ.

— Вы видите: я спокоенъ... — повторялъ тотъ, стараясь освободить свою руку. — Вѣдь это я ее убилъ... да.

— Перестаньте, ради Бога!.. — вступилась Марья Сергѣевна, дѣлая глазами мужу знакъ уходить.—Объ этомъ мы еще успѣемъ поговорить... Теперь вы предоставьте пока все мнѣ. Согласны?

Онъ схватилъ ея руку и поцѣловалъ. О, женщины такъ добры, милыя женщины... Когда Николай Яковлевичъ, обрадованный отпускомъ, выходилъ, на порогѣ его догнала фраза:

— Но это еще ничего: я убилъ ее безъ намѣренія... Есть вещи похуже...

Николай Яковлевичъ остановился, а потомъ махнулъ рукой и съ дѣловымъ видомъ зашагалъ къ себѣ на крыльцо.

— Если бы вы тоже вышли на полчаса,—спохватилась Марья Сергѣевна, увидѣвъ въ окно уленетывавшаго мужа. — Всего на полчаса... Мы въ это время успѣли бы приготовить покойницу...

Послѣднее слово испортило все дѣло. Аркадій Васильевичъ весь затрясся, побѣлѣлъ и посмотрѣлъ на Марью Сергѣевну такими страшными, остановившимися глазами. Надя—покойница?.. Его Надя?.. Надя... Надя... Надя... Нѣтъ, этого не можетъ быть! Онъ бросился въ спальную... Надя, дорогая, родная, милая!.. Нѣтъ никакой покойницы... О, милая, милая, милая!..

— Аркадій Васильевичъ... подумайте, у васъ есть ребенокъ. Нужно жить для ребенка...

— Ребенокъ?.. А онъ мнѣ вернетъ мать?.. Да нѣтъ, что я говорю... Ребенокъ тутъ ни при чемъ: я ее убилъ. Хуже...

Онъ отвелъ Марью Сергѣевну въ другую комнату, оглянулся и заговорилъ тихимъ, придавленнымъ голосомъ:

— Вотъ вы меня утѣшаете... да. А между тѣмъ я желалъ этой смерти... Да, я такъ думалъ—и еще недавно. Я ревновалъ жену къ ея прошлому и не могъ его забыть. Да, не могъ, потому что это было выше моихъ силъ, потому что я былъ ничтожный, гадкій человѣкъ, потому что я никогда не любилъ ея... Какъ-то мы вмѣстѣ гуляли и встрѣтили хорошенькую гимназистку, и я подумалъ, что если бы Надя умерла, то я женился бы именно на такой чистой, нетронутой дѣвушкѣ. Въ другой разъ я думалъ то же ночью... цѣлую ночь думалъ... Думалъ, что именно Надя можетъ умереть отъ родовъ, и я буду опять свободнымъ, какъ птица. Да, я такъ думалъ, и вы не жалѣйте меня... Это гораздо хуже того, что я убилъ ее своей неосторожностью, своей самонадѣянностью...

— Голубчикъ, не нужно *такъ* говорить...

— А потомъ я знаю, что будетъ. Я буду горевать полгода, цѣлый годъ, а потомъ острое чувство улягется, и я буду смотрѣть на другихъ женщинъ съ спокойной совѣстью. Не забудьте, что есть хорошіе, чистые люди, которые свято несутъ свое горе до могилы, и есть такіе дрянные люди, какъ я, которые побѣгутъ за первой юбкой и въ новыхъ объятіяхъ найдутъ новое счастье. Имейте это и не жалѣйте меня... Ахъ, какъ я презираю и ненавижу себя, и знаю, что и это не надолго, и что я примирюсь съ самимъ собой и найду другую... другую...

— Не будемте теперь говорить объ этомъ, а что будетъ — извѣстно одному Богу. Нужно успокоиться прежде всего... У васъ есть обязанности... Наконецъ вы должны слушаться меня.

— Хорошо, хорошо...

Онъ взглянулъ на нее и улыбнулся.

— Хорошо... Вы хотите обмывать покойницу?—выговорилъ онъ, налегая на послѣднее слово.—Хорошо... Только исполните мою послѣднюю просьбу: дайте мнѣ въ послѣдній разъ побыть съ ней одному. Мнѣ нужно собраться съ мыслями, а потомъ я весь вашъ... Черезъ часъ вы придете...

Она поддалась его спокойному тону и согласилась уйти. Этого она никогда не могла себѣ простить... Такъ, накатилась минута затменія, а главное, мелькнула мысль, что нужно съѣздить въ магазинъ и купить всего необходимаго, чтобы прилично одѣть покойницу. Онъ такъ же спокойно проводилъ ее до дверей и уже на порогѣ спросилъ:

— Ребенокъ у васъ?..

— Да... пока.

— Назовите его: Любовь. Такъ хотѣла Надя... да, Любовь.

Вопросъ о ребенкѣ смутилъ Марью Сергѣевну, а еще больше смутило ее то, что дверь за ней сейчасъ же была плотно притворена и щелкнулъ ключъ въ замкѣ. Она постучалась: отвѣта не послѣдовало. Предчувствіе чего-то нехорошаго мелькнуло у нея въ головѣ, но онъ былъ такъ спокоенъ. Затѣмъ, что же такого особеннаго въ этомъ желаніи побыть въ послѣдній разъ наединѣ съ покойницей? Для успокоенія совѣсти она подошла къ окну и заглянула. Онъ спокойно шагалъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину, а потомъ замѣтилъ ее и улыбнулся. Марьѣ Сергѣевнѣ сдѣлалось очень совѣстно за это подглядываніе, и она торопливо убѣжала къ себѣ.

Да, онъ улыбнулся, когда увидѣлъ въ окнѣ любопытное женское лицо.

Что ей было нужно? Вѣдь онъ сказалъ ей все, что его мучило и убивало. Нѣтъ, не все... Развѣ бѣдное человѣческое слово въ состояніи выразить хотя приблизительно то, что онъ переживалъ сейчасъ? Жизнь идетъ скачками, и въ нѣсколько минутъ человѣкъ можетъ пережить все. Да, все... О, какъ все было ясно, просто и безжалостно, и какъ это все понималъ сейчасъ Аркадій Васильевичъ! И всѣхъ онъ понималъ... Ему даже хотѣлось крикнуть: — что вы дѣлаете, безумцы?.. Да... Онъ видѣлъ всю эту паутину житейскихъ мелочей, дрязгъ и несправедливости, которая опутываетъ каждую живую душу. Да... И все это только оттого, что никто не думаетъ о смерти, о днѣ итога. А между тѣмъ съ каждымъ человѣкомъ родится и умираетъ вселенная. Человѣческая воля затемнена звѣрскими инстинктами, умъ лжетъ, чувства тоже... Вѣдь страшно жить!.. А смерть не страшна... Вѣчный покой, вѣчное молчаніе, вѣчная правда.

Аркадій Васильевичъ нѣсколько разъ подходилъ къ покойницѣ и подолгу всматривался въ нее. Нѣтъ рѣшительно ничего страшнаго... Въ этомъ застывшемъ лицѣ было столько спокойствія. Онъ поправилъ сбившіеся волосы на лбу, одѣяло, руки. Боже, какъ она хороша! Живая она никогда не была такой красивой... Это—послѣдній аккордъ, а тамъ—быстрое разрушеніе и уничтоженіе. Но и это не страшно...

— Милая... милая... милая... ты меня не слышишь?.. Смерть насъ разлучила, но она же и соединитъ... Мы опять будемъ вмѣстѣ и вмѣстѣ навсегда. И ничто, ничто насъ не разъединитъ...

Онъ былъ спокоенъ, потому что зналъ, что нужно дѣлать. Эта рѣшимость просвѣтила его. Да, такъ нужно—и только. Кому счастье, кому горе, а прежде всего нужно быть господиномъ самого себя. Воля выше смерти... Да, я такъ хочу, и ничто меня не удержитъ. Ничто...

О, да, онъ зналъ, что долженъ былъ дѣлать, и это наполнило его душу чуднымъ спокойствіемъ.

Онъ присѣлъ къ столу и перебралъ свои бумаги. Какъ все это ничтожно, ненужно, все чужое... Онъ даже взялъ бумагу и хотѣлъ что-то писать, но и писать было не нужно. Все равно никто не пойметъ того настроенія, которое онъ переживалъ сейчасъ, его мыслей, его чувствъ... Довольно!.. Неисписанный листочекъ бумаги былъ разорванъ и брошенъ. Зачѣмъ еще эта послѣдняя ложь?

IX.

Когда Марья Сергѣевна возвращалась съ покупками, она предчувствовала что-то недоброе. Зачѣмъ Аркадій Васильевичъ заперъ за ней дверь? зачѣмъ онъ улыбнулся, когда она смотрѣла въ окно? зачѣмъ онъ спрашивалъ, гдѣ дочь, и просилъ назвать ее Любовью? Въ этомъ тревожномъ настроеніи она вернулась домой и прошла прямо во флигель, гдѣ все было тихо попрежнему, и дверь тоже была заперта попрежнему. На повторенный звонокъ никто не отозвался... Предчувствіе чего-то дурного охватило Марью Сергѣевну, и она въ ужасѣ бросилась къ себѣ.

Когда дверь во флигель была выломана полиціей, представилось „ужасное зрѣлище“, какъ сообщила мѣстная газетка: Аркадій Васильевичъ лежалъ мертвый на постели, рядомъ съ женой. Онъ отравился ціанистымъ кали... Эта картина произвела на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Вѣдь вчера оба были живы, а сегодня они лежали рядомъ мертвые. На лицѣ Аркадія Васильевича застыла конвульсивная улыбка. Одной рукой онъ обнималъ свою жену... Даже Николай Яковлевичъ прослезился, глядя на эту счастливую парочку.

Два гроба провожала громадная толпа, состоявшая главнымъ образомъ изъ народа. Особенно надрывались и плакали простыя бабы... Откуда онѣ узнали все, зачѣмъ пришли, о чемъ плакали?.. Особенно удивляло это Николая Яковлевича. Мало этого,—на могилку счастливой парочки стали ходить послѣ влюбленные, покинутыя женщины, несчастные, точно ждали отъ нея чуда. Было запрещено кладбищенскому сторожу показывать „счастливую могилку“. Но и это не помѣшало, потому что устраивались настоящія паломничества дамами пропадинскаго большого свѣта, узнавшими печальную исторію двухъ возлюбленныхъ черезъ своихъ горничныхъ. Общее вниманіе было подогрѣто особенно тѣмъ, что фельдшеръ оказался не простымъ фельдшеромъ, а студентомъ. Наложенное запрещеніе на могилу докончило остальное. На могилѣ появились свѣжіе вѣнки, иммортели, незабудки, и она сдѣлалась модньшъ мѣстомъ загородныхъ прогулокъ. Всѣхъ довольнѣе оказался, конечно, кладбищенскій сторожъ, на котораго посыпались двугривенные и пятиалтынные. Въ пылу усердія онъ даже попробовалъ сочинить легенду о какомъ-то синемъ огонькѣ, который каждую ночь горѣлъ на могилкѣ, а потомъ—что къ ненастью слышатся стоны. За это ему досталось отъ священника сугубо. Панихиды въ девятый, двадцатый и сороковой дни являлись настоящими событіями, и кладбище наполнялось самой избранной публикой. Дамы крестились маленькими крестиками и прикладывали бѣлые платки къ глазамъ; мужчины хмурились и принимали задумчивый видъ. Однимъ словомъ, продѣлывалась послѣдняя кладбищенская ложь.

Ребенокъ оставался у Горлицыныхъ и былъ окрещенъ тѣмъ именемъ, которое назначилъ отецъ. У Марьи Сергѣевны явилось нехорошее, почти злобное чувство, когда эта крошка сдѣлалась предметомъ праздпаго любопытства, разговоровъ и пересудовъ. Нѣкоторыя дамы пріѣзжали нарочно только затѣмъ, чтобы взглянуть на „дитя любви“ и отереть слезу, обязательную въ такихъ случаяхъ. Ахамъ, охамъ и вздохамъ не было конца.

Интересная перемѣна произошла въ Николаѣ Яковлевичѣ. Когда первая суматоха улеглась, онъ, по обыкновенію, скромно исчезъ изъ дому. Онъ даже былъ радъ, что теперь жена остается не одна, и слѣдовательно ей не будетъ скучно. Но, странная вещь, самъ онъ точно былъ другой. Завернулъ въ клубъ, посмотрѣлъ на партнёровъ и только пожалъ плечами: какіе они всѣ странные, т.-е., другими словами, мерзавцы... Именно мерзавцы!—Николай Яковлевичъ такъ прямо и подумалъ этимъ словомъ. Просиживать цѣлыя ночи въ этой помойной ямѣ, чтобы выиграть или проиграть нѣсколько сотенъ рублей—это, воля ваша, дѣйствительно, мерзость. Онъ даже присѣлъ на одинъ роберъ и едва дождался конца—такъ ему сдѣлалось все противно. Изъ клуба онъ проѣхалъ *къ ней*, но и тамъ оставался недолго. Здѣсь его тоже коробило... Развѣ это женщина? Развѣ это любовь? Къ одиннадцати часамъ онъ вернулся домой, чѣмъ больше всего поражена была прислуга, а Марья Сергѣевна какъ-то даже не замѣтила его, когда онъ въ туфляхъ прокрался въ столовую, временно превращенную въ дѣтскую. Ребенокъ спалъ въ своей корзинкѣ. Марья Сергѣевна сидѣла у стола и что-то быстро работала. На столѣ валялись обрѣзки стараго заношеннаго полотна, какіе-то свертки и совсѣмъ скромныя вещи дѣтскаго приданаго.

— Послушай, ты только будешь мѣшать...—шопотомъ замѣтила Марья Сергѣевна, не поднимая отъ работы головы. — Я была такъ рада, что ты уѣхалъ къ себѣ въ клубъ...

„Къ себѣ“—это было недурно сказано. Она была „такъ рада“ — это ужъ совсѣмъ отлично... Николай Яковлевичъ почувствовалъ себя чужимъ

именно здѣсь и даже вздохнулъ. Да вѣдь на него такъ и смотрятъ всѣ: и жена, и прислуга, и кормилица. Ему сдѣлалось обидно. Его не понимали. Да, онъ дѣлалъ ошибки, онъ былъ несправедливъ, но онъ не вконецъ испорченный человѣкъ... да. Наконецъ онъ можетъ исправиться и сегодня уже сдѣлалъ первый шагъ въ этомъ направленіи.

Вызвавъ жену въ гостиную, Николай Яковлевичъ спросилъ съ озабоченнымъ видомъ:

— Маня, а что мы будемъ дѣлать... ну, съ этимъ ребенкомъ? Нужно этотъ вопросъ вырѣшить.

Она подняла на него свои озабоченные глаза и спокойно отвѣтила:

— Какъ: что?.. Сегодня уже присылали отъ купца Мѣшкова... Они въ нашей улицѣ живутъ.

— Ну?

— Желаютъ взять на воспитаніе. Потомъ пріѣзжала третьяго-дня жена воинскаго начальника и тоже согласна взять Любу...

— И ты... ты ничего мнѣ не сказала?

— Что же тутъ говорить?.. Куда мы съ нимъ, съ ребенкомъ? Ему нужно теплое гнѣздышко, гдѣ его любили бы, а это возможно только тогда, когда есть семья... есть любовь, есть счастье... На дѣтяхъ это отражается больше всего. Ахъ, я такъ много передумала за эти дни и нахожу, что лучше всего Любѣ будетъ у Мѣшковыхъ. Конечно, они простые люди, необразованные, но семья хорошая и живутъ душа въ душу...

— Отдать такого ребенка купцамъ? Никогда...

— Какого *такого* ребенка? Всѣ дѣти одинаковы.

— Нѣтъ, извини, голубушка... Въ этомъ ребенкѣ столько заложено любви, чувства, вообще силы, что его нельзя сравнивать. Ты только подумай, чего онъ стоилъ своимъ несчастнымъ родителямъ... И вдругъ отдать какимъ-то купцамъ, чтобы изъ Любы вышла толстая купеческая дочь... Никогда... понимаешь?.. Если наконецъ ты не согласна взять его, то беру я... Я для него сдѣлаю все, что могу и умѣю. Да... Вообще меня удивляетъ твое поведеніе...

Она ничего не отвѣтила, а только отвернулась и тихо заплакала: это были не обидныя, горькія слезы одиночества, а теплыя слезы радости, тотъ первый теплый весенній дождь, отъ котораго зеленѣетъ первая весенняя травка и развертываются набухшія почки.

— Маня... что съ тобой? Развѣ я сказалъ что-нибудь обидное тебѣ?..

Она такъ же безмолвно обняла его, и ея голова очутилась на его плечѣ. Онъ страстно цѣловалъ эти заплаканные глаза, мокрыя щеки и чувствовалъ, что еще никогда такъ не любилъ ее, свою бѣдную Маню. Потомъ она вдругъ вырвалась изъ его объятій и сказала:

— Мы воруемъ чужую любовь, Nicolas... *Это* принадлежитъ ей, нашей крошкѣ. Она принесетъ намъ счастье... Мнѣ все кажется, что ея мать, настоящая мать, незримо витаетъ надъ ребенкомъ печальной тѣнью. Вѣдь она должна быть здѣсь, гдѣ ея послѣдняя любовь, послѣднее счастье... Бѣдняжка, какъ я ее люблю!.. Она почти не видѣла своего ребенка, купленнаго такой дорогой цѣной... Это меня такъ гнететъ. Ахъ, какъ я плачу надъ этой крошкой Любой!.. Разъ ночью—ты спалъ—мнѣ показалось, что кто-то вошелъ въ дѣтскую. Понимаешь: легкіе женскіе шаги... Я увѣрена, что это была она... Она приходила къ своему ребенку... Что я говорю: приходила!.. Она постоянно съ нимъ... Нѣтъ, они оба тутъ... они все видятъ...

— Голубка моя, нужно успокоиться. Такъ нельзя... Что же дѣлать, мы не виноваты, если все такъ случилось. Постараемся, съ своей стороны, сдѣлать

все для ребенка... Вѣдь онъ намъ нисколько не помѣшаетъ. Пока будетъ въ столовой... Рѣшительно не стѣснитъ. Много ли нужно такой крошкѣ?.. И, знаешь, мнѣ кажется, что она походитъ на мать; наша Люба будетъ такая же красивая...

— О, совершенная мать... Прехорошенькая дѣвчурочка. Я часто смотрю на нее и не могу налюбоваться. Если бы жива была мать... Господи, сколько было бы у нея радости... Какъ бы она щебетала надъ колыбелькой своей малютки, какъ бы смѣялась, заботилась. Nicolas, ты не можешь себѣ представить, до чего я поглощена этой мыслью о матери...

Ребенокъ остался у Горлицыныхъ и постепенно наполнилъ собой весь домъ. Случилось это какъ-то само собой, совершенно незамѣтно, такъ что никто этого даже не чувствовалъ. Первое перемѣщеніе изъ столовой произошло благодаря бронхиту. Марья Сергѣевна страшно перепугалась, когда ребенокъ началъ кричать, пересталъ брать грудь и вообще заболѣлъ. Много ли нужно такой крошкѣ... Первая мысль, которая мелькнула у нея въ головѣ, была та, что будь на ея мѣстѣ родная мать — этого не случилось бы. Да, она сумѣла бы уберечь ребенка отъ простуды... Приглашенный врачъ подтвердилъ эту мысль и замѣтилъ:

— Начать съ того, что мать не помѣстила бы ребенка въ проходную комнату, какъ ваша столовая...

— Но другихъ свободныхъ комнатъ у насъ нѣтъ!..

— А ваша спальня? а кабинетъ Николая Яковлевича?.. Я совѣтовалъ бы занять именно кабинетъ...

Когда Николай Яковлевичъ вернулся со службы домой, то нашелъ свой письменный столъ въ гостиной. Сначала онъ даже какъ будто смутился, а потомъ весело замѣтилъ:

— Что же, я нахожу это очень разумнымъ... На кой мнѣ чортъ отдѣльный кабинетъ? Вѣдь я не министръ, да и работать можно въ гостиной такъ же хорошо... Дурацкая мода—непремѣнно устраивать себѣ кабинетъ, и больше ничего. Отлично...

Марья Сергѣевна даже ухаживала за мужемъ въ теченіе нѣсколькихъ дней за эту маленькую уступку, а онъ про себя смѣялся надъ ея наивностью и дѣлалъ видъ, что принимаетъ ея нѣжности за настоящую монету. Онъ теперь часто такъ дѣлалъ, и это доставляло ему удовольствіе. Съ клубомъ все было кончено, а также и съ другими легкими удовольствіями. Когда старые знакомые встрѣчали Николая Яковлевича гдѣ-нибудь на улицѣ, то дѣлали большіе глаза и качали головами, точно онъ сошелъ съ ума.

— Что же это ты, братъ, того?..

— Нѣтъ, я *этого*... Занятъ. У меня завелась интрижка съ одной дѣвицей...

— Ну, и чортъ съ тобой...

Ужасные пахалы! и каждая такая вещица злила Николая Яковлевича, потому что онъ отлично зналъ, что думаютъ вотъ эти господа про него: обабился, распустилъ нюни, прокисъ... А затѣмъ каждый, вѣроятно, думаетъ про себя: посмотримъ, г. Горлицынъ, какъ вы выиграете козликомъ! Нѣтъ, рѣшительно пахалы... Когда вечеромъ Николая Яковлевича начинало тянуть куда-нибудь изъ дому, онъ сейчасъ же представлялъ себѣ физіономіи этихъ безнадежно пропащихъ людей,—и все какъ рукой снимало. Долго имъ придется ждать... да. Довольно глупостей; пора и за умъ взяться, тѣмъ болѣе, что теперь есть и обязанности, и извѣстнаго рода отвѣтственность. Да, понимаете ли вы, чортъ васъ всѣхъ возьми, что такое отвѣтственность?...

А время летѣло такъ быстро. И каждый день приносилъ что-нибудь новое. Марья Сергѣевна получила на Новый годъ педагогическій журналъ. Да, необходимо было серьезно подготовиться къ обязанностямъ матери. Она въ теченіе этихъ первыхъ мѣсяцевъ, несмотря на новыя заботы и безсонныя ночи, значительно поправилась и даже похорошѣла,—сказывалось отраженное материнство, смягчившее выраженіе всего лица, придавшее глазамъ такую милую своей тревогой задумчивость и вообще помолодившее ее. Да, это была уже другая женщина...

Пропадинская публика такъ же быстро забыла всю эту исторію несчастной четы, какъ быстро ею заинтересовалась, а о ребенкѣ — тѣмъ болѣе. Это несказанно радовало Марью Сергѣевну, которой хотѣлось схоронить свое счастье отъ всѣхъ постороннихъ глазъ. Истинное счастье всегда ищетъ укромныхъ уголковъ, потому что полно однимъ собой. Эта психологія счастья одинакова для всѣхъ: для богатыхъ и бѣдныхъ, образованныхъ и необразованныхъ. Скупецъ прячетъ свое сокровище, чтобъ его не украли. Но рядомъ съ этимъ шелъ другой процессъ. Около маленькаго существа незамѣтно выросъ кружокъ тѣхъ близкихъ людей, которые дѣлятъ одни заботы, радости, интересы. Тутъ былъ и дѣтскій врачъ, тоже семейный человѣкъ, съ которымъ познакомились изъ-за дѣтскихъ болѣзней Любы, и семья одного инженера, ребенку котораго прививали оспу вмѣстѣ съ Любой, и т. д. Все это были скромные люди, которые сидѣли по своимъ домамъ, каждый за своимъ дѣломъ. Съ внѣшней стороны жизнь этихъ семей очерчивалась однимъ словомъ: дѣти...

У Горлицыныхъ теперь ввелась своя домашняя хронологія: это — было тогда, когда Люба въ первый разъ сказала „мама“; это, когда она сдѣлала свой первый зубъ. Да, она сказала это дѣтское словечко, и въ душѣ Марьи Сергѣевны оно отозвалось жгучей болью, незаслуженной обидой, самой ужасной изъ всѣхъ фальсификацій. Она нѣсколько разъ плакала. Ей казалось, что она не должна присвоивать этого святого слова, не должна отнимать его у настоящей матери, которая одна должна была его слышать. Все старое опять поднялось въ душѣ Марьи Сергѣевны, и она нѣсколько дней ходила какъ потерянная. Ей опять слышались таинственные шаги, а ночью она просыпалась съ крикомъ:

— Nicolas, *она* здѣсь... неужели ты ничего не чувствуешь?.. Она ревнуетъ меня... она сердится...

— Это ты ее ревнуешь...—успокаивалъ Николай Яковлевичъ. — Ахъ, ужъ эти нервы!..

Онъ угадалъ: это именно была ревность, ревность къ покойницѣ. И это чувство росло, развивалось и крѣпло вмѣстѣ съ ребенкомъ. Сначала, правда, Марья Сергѣевна стѣснялась присвоивать себѣ званіе матери. Какой-то тайный голосъ смутно говорилъ ей, что она не должна переходить извѣстныхъ границъ и, когда въ дѣтскихъ глазахъ засвѣтится первый лучъ сознанія, должна показать ей портретъ и сказать: вотъ твоя настоящая мать, а я... Что такое она?.. Дальше получалась очень сложная вещь. Да, у каждаго ребенка по природѣ вещей одна мать,—та мать, которая его выносила и произвела на свѣтъ. А безсонныя ночи, которыя другая женщина проводила у кроватки вотъ этого чужого ребенка; а та любовь, которая осѣняла своимъ крыломъ это беззащитное существо; а тѣ страхи, заботы, огорченія — развѣ это все не выше простого физическаго акта рожденія? Развѣ этотъ дѣтскій языкъ не повторялъ ея словъ, этотъ дѣтскій мозгъ не думалъ ея мыслями, это дѣтское сердце не наполнялось ея чувствами, и вообще вся эта молодая

душа не отливалась по ея душѣ? Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе Марья Сергѣевна чувствовала себя матерью и въ свое время припрятала всѣ вещи, которыя могли бы напомнить дѣвочкѣ своимъ существованіемъ о настоящей матери.

— Вотъ она подрастетъ, я ей все объясню,—говорила Марья Сергѣевна, когда Николай Яковлевичъ начиналъ опасаться.—Зачѣмъ лишать несчастнаго ребенка иллюзіи?.. Мы даже не имѣемъ на это права...

Эта отсрочка успокоила и Николая Яковлевича. Да, конечно, въ свое время все будетъ объяснено...

А время летѣло такъ быстро. Въ сущности, жизнь всѣхъ счастливыхъ семей никакого внѣшняго интереса не представляетъ, какъ не представляла она и у Горлицыныхъ. Да, они были счастливы, и это счастье принесла къ нимъ маленькая Люба. Часто Николай Яковлевичъ подходилъ къ зеркалу и подолгу наблюдалъ себя. Вѣдь совсѣмъ другое лицо, другой человѣкъ... Конечно, онъ быстро началъ старѣть, но такой хорошей, солидной старостью—это чувствовалось въ выраженіи глазъ, въ складѣ рта, въ общемъ очеркѣ лица. У него были солидныя привычки, манера себя держать, костюмы, знакомства, потому что была пара наблюдательныхъ дѣтскихъ глазъ, которые должны были видѣть въ немъ эту солидность. Съ какой гордостью онъ выходилъ гулять со *своей* Любой, съ какой сдержанной снисходительностью отвѣчалъ на ея дѣтскіе вопросы, съ какой радостью слѣдилъ за ея маленькими успѣхами и окончательно освоился со своей ролью отца, не переживъ того мучительнаго процесса, которымъ Марья Сергѣевна дошла до своего материнства. Мысль о настоящемъ отцѣ приходила Николаю Яковлевичу очень рѣдко; онъ хмурился и отгонялъ ее какимъ-нибудь солиднымъ аргументомъ.

X.

Такъ время пронеслось до того рокового дня, въ который тѣни настоящаго отца и настоящей матери снова выплыли изъ пучины забвенія. Да, они пришли въ этотъ домъ, властно заняли свое мѣсто и потребовали отчета...

Послѣ рокового объясненія съ матерью, Люба заперлась въ своей комнатѣ и не выходила цѣлыхъ два дня. Къ ней входила одна старая кухарка Агаѳья, подававшая обѣдъ и чай. Старуха хмурилась и тяжело вздыхала. Люба повертывалась къ ней каждый разъ спиной, чтобы спрятать отъ нея свое опухшее отъ слезъ лицо. Господи, чего-чего она ни передумала и ни перечувствовала вотъ за эти два дня!.. Въ головѣ вихремъ проносились самыя разнообразныя мысли, и она чувствовала, какъ сходитъ съ ума. Почему ей раньше ничего не сказали?.. Почему отъ нея скрывали эту печальную истину и заставляли жить обманомъ?.. Наконецъ другіе знакомые знали всю исторію и тоже скрывали отъ нея. Однимъ словомъ, всѣ были въ заговорѣ, всѣ были противъ нея...

Отказавъ жениху, Люба первымъ дѣломъ потребовала себѣ у Марьи Сергѣевны портретъ своей настоящей мамы. Марья Сергѣевна ужасно смутилась и молча принесла двѣ выцвѣтшихъ фотографіи. Люба впилась въ нихъ глазами. Да, вотъ она, бѣдная мама... Какая она была красивая даже на этой плохой фотографіи! Вотъ это тонкое лицо съ дѣтски-серьезнымъ выраженіемъ, небрежно зачесанными волосами и чуть замѣтной улыбкой. Ей было, вѣроятно, въ этотъ моментъ около двадцати лѣтъ, и она могла бы быть ея подругой. Другая фотографія была старше, уже снята въ Пропадинскѣ. Лицо подернулось скрытой заботой—можетъ-быть, она думала уже о будущемъ ребенкѣ, о своей Любѣ. Бѣдная, милая, несчастная, родная... Слезы душили Любу, и она

съ рыданіями цѣловала эти фотографіи,—единственное, что̀ осталось отъ настоящей живой мамы. И нашлись люди, которые могли скрыть отъ нея это? Да, они принимали ея дѣтскія ласки, любовались ею, были счастливы, а та, настоящая мама лежала забытой въ своей могилѣ. Нѣтъ, это жестоко, это несправедливо, этому нѣтъ названія...

— Мама, мама... милая, родная мама, слышишь ли ты меня?—вслухъ повторяла Люба, прижимая фотографіи къ своей груди.—Я—твоя Люба, навсегда твоя!.. Я никого больше не люблю, кромѣ тебя, моя страдалица, голубка!

Портретъ отца сохранился одинъ,—именно, студенческій. Онъ не нравился Любѣ. Худощавое лицо, тонкія губы, прищуренные глаза—все ей не нравилось, и она чувствовала себя чужой. Для отца наконецъ этотъ студентъ былъ слишкомъ молодъ. Другое дѣло мама—она была такая хорошая, милая, и Люба обливала горькими слезами ея фотографіи. Бѣдная, даже не успѣла и приласкать своего ребенка, купленнаго цѣной жизни!.. Ахъ, какъ бы она ее любила, какъ ласкала, какъ цѣловала... Бѣдная настоящая мама!.. Но изъ-за этихъ фотографій выступало другое живое лицо, такое заплаканное и несчастное, которое вносило въ душу мучительное чувство раздвоенія. Господи, да что̀ же это такое наконецъ? И за что?.. Нѣтъ, теперь Люба больше не любитъ Марьи Сергѣевны, больше—она питала къ ней почти враждебное чувство. Воспользоваться чужимъ ребенкомъ и на забытой памяти настоящей матери построить свое собственное счастье—какъ это несправедливо, гадко, безчеловѣчно! Тѣхъ нѣтъ, они лежатъ въ своей могилѣ, а она зоветъ папой и мамой чужихъ людей... Развѣ такія слова покупаются?..

— Мама, дорогая, родная, приди ко мнѣ хоть во снѣ!—вслухъ умоляла Люба, протягивая руки.—Ты вѣдь со мной? да? О, мама, мама, мама...

Люба была убѣждена, что если будетъ упорно думать о матери, смотрѣть на ея портретъ и вообще всѣмъ существомъ сосредоточится на одной этой точкѣ, то мать придетъ. Пусть это будетъ галлюцинація, сонъ, туманная грёза—все равно, только бы увидѣть ее, милую, родную, дорогую... Хотя бы издали увидѣть,—почувствовать ея присутствіе. Это было такое страстное желаніе, такой порывъ, такое сосредоточеніе, что Любѣ начинало казаться самой, что она сходитъ съ ума. Она по цѣлымъ часамъ горячо молилась Богу, полная хорошаго, благоговѣйнаго настроенія—мысль и чувства отрѣшались отъ земли и витали внѣ времени и пространства, въ области вѣчной любви, красоты и правды. Ахъ, какъ хорошо она чувствовала себя въ эти минуты и даже закрывала глаза, испытывая приближеніе чего-то такого, что̀ ее точно приподнимало и дѣлало такой свѣтлой. Казалось, что еще одно мгновенье, только одно мгновенье, и она войдетъ въ новый міръ, гдѣ ее уже ждетъ она, бѣдная страдалица. Это была скорбная, негодующая, полузабытая тѣнь, которая даже не могла защищаться, когда другіе люди присвоили себѣ ея святое имя матери, когда другіе присвоили себѣ ея ребенка.

Въ одну изъ такихъ минутъ религіознаго экстаза Люба ужасно испугалась. Она не слыхала, какъ въ комнату вошла Агаѳья и молча наблюдала ее, по-бабьи подпершись щеку рукой.

— Что̀ тебѣ нужно?—сурово спросила Люба.—Зачѣмъ ты лѣзешь безъ спросу?

Дѣвушка подбирала слова, чтобы сказать Агаѳьѣ что-нибудь очень обидное, но взглянула на ея лицо и остановилась: по лицу Агаѳьи катились слезы...

— Ты это о чемъ плачешь?—спросила Люба, смягчая тонъ.

— А какъ же, барышня... Какъ я поглядѣла давѣ на васъ: вылитая мать. Вѣдь я тогда ее видѣла не однова, какъ она во флигелѣ у насъ, значитъ, жила. Такая же молоденькая была... Лицомъ-то ты вся въ нее издалась.

Раньше эта мысль ни разу не пришла въ голову Любѣ, именно, что вотъ эта самая Агаѳья жила у Горлицыныхъ съ незапамятныхъ временъ и была живымъ свидѣтелемъ разыгравшейся во флигелѣ драмы. Дѣвушка усадила ее и со слезами стала выпытывать все, что только могла сохранить старая бабья память, дополняя разсказомъ Агаѳьи тѣ свѣдѣнія, какія уже имѣла отъ Марьи Сергѣевны. Новаго ничего не было, но зато Агаѳья сообщила массу тѣхъ мелочей, которыя замѣчаютъ только простые люди. Старуха подробно разсказала, какъ пріѣхали новые жильцы, какъ устроились, какъ онъ хлопоталъ, какъ они гуляли вмѣстѣ, какъ перебивались и т. д.

— Они были очень бѣдные, Агаѳья?..

— Ахъ, какіе бѣдные, барышня!.. Одинъ чемоданишко да что на себѣ. Такъ перебивались... Конечно, молодымъ-то это незамѣтно, потому какъ ужъ больно промежду себя-то дружно жили... Всѣ сусѣди на нихъ любовались, какъ нарочкой, бывало, выдутъ гулять по тротуарамъ. Нашъ-то баринъ въ тѣ поры плохо жилъ,—ну, барыня и любуется въ окошко, любуется, а сама плачетъ. Дружно жили, нечего сказать. Только вотъ покойницѣ твоей маменькѣ Богъ вѣку не далъ... Это ужъ завсегда такъ: другой бы и самъ померъ, а смерти нѣтъ. А кому бы жить да радоваться—тѣхъ Богъ и приберетъ.

— Зачѣмъ же это такъ, Агаѳья?—машинально спрашивала Люба.

— А ужъ такъ, ровняетъ Господь Батюшка богатаго съ бѣднымъ, несчастнаго съ счастливымъ... Отъ счастья человѣкъ забывается и даже не видитъ, а оглянулся—анъ, его и нѣтъ. Улетѣло... Покойничекъ-то родитель твой и не стерпѣлъ. Захожу я къ нимъ тогда, а они на одной кровати лежатъ... Обнялъ онъ ее одной ручкой... приналъ головушкой...

Люба выслушивала эту бабью болтовню съ жаднымъ вниманіемъ, стараясь уловить въ ней крупицы истины. Простой умъ наблюдательнѣе, а память удерживаетъ массу мелочей, совершенно ускользающихъ отъ вниманія образованнаго человѣка. Иногда Агаѳья останавливалась и перепачивала уже разсказанное: это убивало Любу.

— Агаѳья, голубушка, ради Бога, хорошенько припомни...—умоляла дѣвушка, ломая руки.

— Стараюсь, барышня, да память-то наша, бабья, какъ худое рѣшето. Чего не надо, такъ помнишь, а вотъ тутъ и затемнишься. Бѣдные были твои родители—это вотъ помню. Куфарки даже не держали. Сами и въ куфнѣ стряпали. Барыня-то веселая была...

Бѣдная... Да, а она, Люба, выращена въ роскоши и въ нѣгѣ. Для чего? Развѣ ея отецъ желалъ этого? Никогда. Она выросла бы въ нуждѣ, въ самой трудовой обстановкѣ, и вышла бы замужъ за такого же труженика-бѣдняка, а не за господина Шерстнева. Люба отлично рисовала себѣ картину встрѣчи ея труженика-отца съ этимъ женихомъ... Съ какимъ презрѣніемъ отнесся бы простой фельдшеръ къ этому трутню, который гдѣ-то служитъ, что-то такое дѣлаетъ, а въ сущности—самая безполезная тварь. Да, отецъ былъ строгій человѣкъ, строго кончилъ. О, какъ она его понимала!.. Вотъ за что любила его мать, эта увлекающаяся, мягкая натура, опиравшаяся на чужую волю.

Потихоньку отъ всѣхъ Люба нѣсколько разъ уводила Агаѳью во флигель и просила указать, гдѣ и что стояло *тогда*, какія были занавѣски на окнахъ и вообще какой видъ имѣла обстановка. Флигель стоялъ пустой, и

Агаѳья съ увлеченіемъ разсказывала всѣ подробности. А помнила она отлично въ этомъ случаѣ все... И кровать цѣла, и ситцевый диванчикъ, и стулья—на чердакѣ валяются. Люба упросила Агаѳью достать потихоньку всѣ эти вещи и разставить во флигелѣ, какъ онѣ стояли тогда. Ей хотѣлось хоть приблизительно возстановить все это. Вѣдь на каждой вещи останавливался ихъ взглядъ, и ей казалось, что каждая такая вещь сохраняетъ на себѣ таинственный отпечатокъ своихъ хозяевъ. Ахъ, какъ она плакала надъ этими инвалидами!.. На кругломъ столѣ, который стоялъ передъ диваномъ, оставались еще круги отъ горячихъ стакановъ, царапины и полосы. Ночной столикъ былъ закапанъ стеариномъ и облитъ какимъ-то ѣдкимъ лѣкарствомъ. Да, вотъ на немъ стояла ночная лампочка и освѣщала молодое больное лицо... Вотъ по этой комнатѣ шагалъ отецъ въ нѣмомъ отчаяніи. Милые, дорогіе, родные. Агаѳья заливалась дешевыми бабьими слезами вмѣстѣ съ барышней Любой и малую толику привирала для пущей жалости; она сама вѣрила въ эти поэтическія прибавки, что̀ иногда случается съ очень добрыми людьми.

Чтобы провѣрить Агаѳью, Люба повезла ее на кладбище и просила указать могилку. Пришлось разыскивать довольно долго, и Агаѳья дѣлала отчаянныя попытки признать „счастливую могилку“. За шестнадцать лѣтъ и кладбище совершенно измѣнилось: гдѣ тутъ узнаешь... Кончилось тѣмъ, что Люба сама указала ей, благодаря тому, что каждый годъ осенью Марья Сергѣевна привозила ее сюда и заставляла молиться за какую-то „рабу Божію Надежду“. Ахъ, какая это возмутительная ложь,—ложь даже надъ могилой родной матери!..

— Здѣсь, здѣсь...—умиленно повторяла Агаѳья, узнавъ наконецъ могилку.—Такъ рядышкомъ и положили сердечныхъ. Попъ тогда сердитый былъ, отпѣвать, слышь, не хотѣлъ; ну, да ему полицеймейстеръ велѣлъ... Нехорошій попъ, и тоже умеръ давно.

Марья Сергѣевна не вмѣшивалась въ жизнь Любы, предоставивъ все времени. Она мучилась и терзалась про себя. Кто бы могъ подумать, что эта кроткая и послушная дѣвушка начнетъ выдѣлывать такія штуки! Именно штуки—такъ Марья Сергѣевна и говорила про себя, потому что какъ же назвать всѣ эти слезы надъ портретами, ежедневныя поѣздки на кладбище, реставрацію флигеля, а главное—отказъ жениху?

— Я—бѣдная дѣвушка и выйду за бѣднаго,—коротко объяснила Люба, отвѣчая на нѣмой вопросъ Марьи Сергѣевны.

— Какъ знаешь, Люба...—соглашалась Марья Сергѣевна, счастливая такой развязкой мучившаго ее рокового шага.—Время еще не ушло, бѣдныхъ людей много!

Марья Сергѣевна ревновала теперь Любу къ ея покойной матери и, незамѣтно для самой себя, дѣлалась къ ней несправедливою. Это было тяжелое двойственное чувство. Оно съ особенной яркостью всплыло наружу, когда Люба заявила, что уѣзжаетъ.

— Можно, по крайней мѣрѣ, узнать—куда?—сухо спросила Марья Сергѣевна.

— Къ роднымъ...—такъ же сухо отвѣтила Люба.

Марья Сергѣевна только пожала плечами. Люба, которая не выходила еще ни разу на улицу безъ строгаго присмотра, поѣдетъ одна, неизвѣстно куда... Этого еще недоставало!.. Отчаянію Марьи Сергѣевны не было границъ, хотя она по наружному виду и старалась не выдать себя. Произошелъ экстренный военный совѣтъ съ Nicolas.

— Д-да... положеніе...—мычалъ онъ, шагая по кабинету.—Если удер-

живать ее насильно, то выйдетъ, пожалуй, еще хуже. Дѣвица оказывается съ характеромъ...

— Да... Но вѣдь нужно же что-нибудь сдѣлать?.. Люба одна потащится за тысячу верстъ... *Одна* поѣдетъ по желѣзнымъ дорогамъ, *одна* на пароходѣ, *одна* на лошадяхъ—нѣтъ, это ужасно! И какіе родственники милые... Ни разу ни одна душа даже не вспомнила, что осталась дѣвочка-сирота.

— Всѣ родственники, Маня, одинаковы... Конечно, ты не сдѣлала бы такъ, но я говорю про другихъ людей.

— Я ни за что ее не отпущу...

— Гм... да... конечно... Но вѣдь она совсѣмъ взрослая.

Люба ожидала отчаяннаго сопротивленія и поэтому въ особенности стремилась проявить свою самостоятельность. Да, она поѣдетъ во что бы то ни стало, и поѣдетъ одна. Марья Сергѣевна сначала старалась ее уговорить, даже плакала, а потомъ вдругъ согласилась совершенно спокойно.

— Что же дѣлать, Люба, если ужъ ты не хочешь слушать насъ...— проговорила она въ заключеніе. — Съѣзди, познакомься. У твоей матери большая родня... Я даже писала имъ нѣсколько разъ, но отвѣта не получила. Можетъ-быть, ты будешь счастливѣе. Во всякомъ случаѣ, отъ души желаю тебѣ успѣха.

Это согласіе обидѣло Любу. Она невольно подумала: развѣ родная мать отпустила бы ее?.. Конечно, чужимъ людямъ все равно, а главное, была бы соблюдена форма. Вѣдь уговаривали, упрашивали, даже уронили слезу, однимъ словомъ, исполненъ весь репертуаръ,—чего же больше?.. Марья Сергѣевна сама собрала всѣ необходимыя вещи и переложила ихъ еще болѣе необходимыми наставленіями. Ахъ, какъ нужно быть осторожной въ дорогѣ, особенно когда такая молодая особа ѣдетъ одна.

— Мнѣ кажется, что вы даже рады выпроводить меня...—замѣтила Люба откровенно.—Я это чувствую.

— Нѣтъ, мы будемъ скучать и тревожиться о тебѣ, но путешествіе для тебя необходимо... Надѣюсь, что мы понимаемъ другъ друга и нѣтъ необходимости ставить надъ *і* точку.

Люба ничего не отвѣчала. Ей хотѣлось поскорѣе уѣхать. Планъ поѣздки былъ обдуманъ очень быстро. Нужно было увидать родныхъ матери, а потомъ разыскать отцовскую родню. Адресъ первыхъ былъ извѣстенъ. Эта помѣщичья семья хоть и разбилась, но два-три человѣка жили недалеко другъ отъ друга. У нихъ Люба надѣялась узнать исторію матери, именно то, чего не могли ей сообщить ни Марья Сергѣевна ни Агаѳья. Дѣвушкѣ хотѣлось возстановить образъ матери по этимъ новымъ свѣдѣніямъ, чтобы потомъ увидѣть ее. На послѣднее она не теряла надежды. Объ отцѣ она вообще думала какъ-то мало, что се въ теоріи огорчало,—она не чувствовала по отношенію къ нему кровной тяги.

Сборы были короткіе. Горлицыны проводили свою воспитанницу до вокзала. Николай Яковлевичъ имѣлъ нѣсколько смущенный видъ, старательно избѣгая привычныхъ нѣжностей. Марья Сергѣевна чувствовала себя совершенно спокойно. Она дорогой до вокзала давала послѣдніе совѣты съ такимъ видомъ, точно привыкла провожать Любу. Люба въ послѣднюю минуту чувствовала себя какъ будто виноватой. Въ ней все сильнѣй и сильнѣй поднималось чувство дѣтской привязанности. Близившаяся самостоятельность и радовала и пугала ее. Во всякомъ случаѣ, это былъ рѣшительный шагъ. Даже можно и совсѣмъ не вернуться вотъ въ этотъ самый Пропадинскъ. Богъ съ нимъ совсѣмъ, а свѣтъ не клиномъ сошелся. Впрочемъ, тамъ увидимъ, что будетъ.

На вокзалѣ Люба храбрилась все время и вызывающе улыбалась Николаю Яковлевичу, когда его спрашивали, куда онъ провожаетъ *дочь*. Да, хороша дочь!.. Марья Сергѣевна кусала губы отъ волненія и старалась не встрѣчаться глазами съ знакомыми. Четверть часа, проведенныхъ на вокзалѣ, показались всѣмъ троимъ цѣлой вѣчностью—столько было всѣми пережито. Но вотъ звонокъ, поѣздъ тронулся, и Пропадинскъ точно отодвинулся назадъ, а люди на дебаркадерѣ казались такими маленькими и ничтожными. Люба облегченно вздохнула и даже закрыла глаза.

Три первыхъ станціи пролетѣли незамѣтно. На четвертой поѣздъ стоялъ семнадцать минутъ. Люба безучастно разсматривала публику, этихъ чужихъ людей, ѣхавшихъ неизвѣстно куда и неизвѣстно зачѣмъ. Вѣроятно, кто-нибудь ихъ тоже провожалъ, а тамъ впереди кто-нибудь ждетъ. Разглядывая толпу, Люба вдругъ откинулась назадъ отъ окна и даже спряталась за косякъ. По платформѣ съ разсѣяннымъ видомъ проходилъ Шерстневъ. Онъ, вѣроятно, и не подозрѣвалъ объ ея присутствіи. На слѣдующей станціи Люба совсѣмъ не подходила къ окну и встрѣтила неожиданно Шерстнева только почью за общимъ столомъ буфета. Онъ издали раскланялся съ ней, какъ человѣкъ, который встрѣчалъ ее у знакомыхъ. Потомъ онъ подошелъ къ ней и заговорилъ:

— Вотъ неожиданная встрѣча, Любовь Николаевна... Я глазамъ своимъ не повѣрилъ. Надѣюсь, вы—недалеко?

— Да, къ знакомымъ.

— А я въ Казанскую губернію, къ роднымъ.

Люба вся вспыхнула и посмотрѣла на Шерстнева злыми глазами.

XI.

Бываютъ такія полосы жизни, когда человѣкъ точно стряхиваетъ съ себя все прежнее и превращается во что-то новое. Вѣроятно, то же испытываетъ бабочка, которая вылетаетъ изъ своего кокона. Правда, такой опытъ старитъ человѣка, оставляетъ въ душѣ горькій осадокъ, линяетъ иллюзій и юношескихъ грёзъ, но только такой тяжелый опытъ дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Слабые люди его не выдерживаютъ и падаютъ, а сильные люди дѣлаются еще сильнѣе. Именно такую полосу переживала Люба и во времени и въ пространствѣ. Дорога ее нѣсколько успокоила... Она могла теперь взглянуть на свое прошлое издали и отнестись къ нему безпристрастно. Да, въ сущности, она была несправедлива, очень несправедлива именно къ Марьѣ Сергѣевнѣ, отплативъ ей за всю ея любовь, уходъ, ласки и вниманіе самой черной неблагодарностью. Но, ставя себя на ея мѣсто, Люба знала одно, что она, Люба, такъ никогда бы не сдѣлала и этимъ много бы выиграла въ глазахъ сироты. Всѣ эти мысли и чувства дѣвушка везла съ собой, какъ застрахованный багажъ, который не могъ даже потеряться.

По желѣзной дорогѣ Люба ѣхала ровно сутки, а потомъ пересѣла на пароходъ. Все было ново и немного пугало ее. Шерстневъ очутился на томъ же пароходѣ. Это уже окончательно возмутило дѣвушку. Что это такое: преслѣдованіе? травля?.. Положимъ, что онъ держался на самомъ почтительномъ разстояніи и даже не подходилъ къ ней, но все-таки... Благодаря его присутствію, Люба весь первый день просидѣла въ дамской общей каютѣ и страшно скучала. Ей больше всего надоѣдало проклятое любопытство, съ какимъ разсматривали ее дамы. Всю съ ногъ до головы осматривали и дѣлали самыя глупыя лица, когда узнавали, что она ѣдетъ одна, хотя и къ роднымъ. А тутъ еще молодой человѣкъ. Любопытныя дамы имѣли полное право на

самыя игривыя предположенія, отъ которыхъ Любу впередъ коробило. И всѣ онѣ такія скучныя, глупыя, точно выжатыя. И всѣ походятъ она на другую. Потомъ эта скверная привычка приставать къ каждому новому человѣку съ разспросами, кто, откуда, куда ѣдетъ, по какому дѣлу и т. д. На другой день Люба не выдержала и вышла въ рубку. Тамъ можно будетъ, по крайней мѣрѣ, ходить, и никто не пристаетъ. Пароходъ просто очаровалъ ее—такая могучая сила, и что-то такое въ ней бодрое и хорошее, какъ сама молодость. И рѣка отличная—широкая, вольная, настоящая русская рѣка. Правда, берега довольно пустынны, и попадающіяся селенія тоже ничего завиднаго не представляютъ.

„Ахъ, какъ хорошо!..—думала Люба, съ наслажденіемъ подставляя свое лицо встрѣчному вѣтру.—Вотъ это свобода, просторъ, ширь“.

Ей казалось, что она навсегда простилась съ Пропадинскомъ, и все, что тамъ осталось, представлялось ей такимъ маленькимъ, ничтожнымъ и жалкимъ, особенно по сравненію съ этимъ просторомъ и ширью. Вонъ и г. Шерстневъ прогуливается по палубѣ, и точно онъ тоже измѣнился за эти дни. Она теперь могла смотрѣть на него совсѣмъ спокойно, какъ смотрѣла на другихъ посторонніхъ людей. Такой же, какъ всѣ. Вообще самый обыкновенный человѣкъ. Удивительно, что она могла находить въ немъ *тогда*? Впрочемъ, вѣдь она же никого другого и не видѣла. Значитъ, просто сказалась потребность кого-нибудь любить, и г. Шерстневъ оказался роковымъ номеромъ, на который палъ выигрышъ. И какая теперь неизмѣримая разница между той Любой и Любой настоящей, и г. Шерстневу никогда, никогда этого не понять. Онъ и теперь не понимаетъ, какъ ей рѣшительно все равно, существуетъ онъ на бѣломъ свѣтѣ или нѣтъ. Да. Она даже сердиться не можетъ, что онъ ѣдетъ: нравится, нужно—и пусть себѣ ѣдетъ,—ей-то какое дѣло? На Любу даже нашло желаніе пококетировать, и она сама заговорила съ нимъ, чтобы дать почувствовать, что онъ—чужой, совсѣмъ не страшный и еще разъ чужой. Но если бы онъ позволилъ себѣ впасть въ нѣжность—ну, тогда извините, м-г Шерстневъ! Онъ, впрочемъ, держалъ себя по-новому, ни однимъ движеніемъ не выдавая своего истиннаго настроенія. Просто, былъ вѣжливъ, внимателенъ и чуть-чуть холоденъ, какъ человѣкъ, которому тоже все равно.

„О, да онъ совсѣмъ не глупъ!“—думала Люба, нѣсколько обиженная такой быстрой перемѣной декорацій.

Да, оно даже немножко обидно, что такія горячія чувства и такъ быстро проходятъ. Впрочемъ, развѣ она въ правѣ что-нибудь требовать?.. Хорошо, что все это выяснилось въ свое время. Онъ первый сказалъ ей:

— Вы теперь совсѣмъ другая, Любовь Николаевна...

— А какая?..

— Вы очень много пережили за это время.

Незамѣтно они разговорились просто и спокойно, какъ старые хорошіе друзья. О прошломъ ни слова, какъ будто его и не существовало. Шерстневъ нѣсколько разъ путешествовалъ и дѣлился своей опытностью, какъ старшій братъ. Это выходило даже смѣшно, когда онъ начиналъ говорить тономъ старшаго и давалъ хорошіе совѣты, точно Марья Сергѣевна. Люба, между прочимъ, узнала, что Шерстневъ тоже думаетъ оставить Пропадинскъ и переселиться куда-нибудь въ университетскій городъ. Скучно въ этомъ провинціальномъ захолустьѣ, и только привычка засидѣвшагося человѣка удерживаетъ въ большинствѣ случаевъ. Кстати, онъ поинтересовался, какъ думаетъ Люба устроиться въ будущемъ.

— Пока я не имѣю еще опредѣленнаго плана,—призналась она.—Но всего вѣроятнѣе, что тоже не вернусь въ Пропадинскъ. Разыщу родныхъ, а затѣмъ... затѣмъ поступлю куда-нибудь на мѣсто учительницей, гувернанткой, телеграфисткой. Надо какъ-нибудь жить. Впрочемъ, все это еще въ будущемъ, а пока я меньше всего думаю именно о себѣ.

Въ Казани они разстались, разстались, какъ и слѣдуетъ хорошимъ знакомымъ—безъ особеннаго сожалѣнія и почти равнодушно. Впрочемъ, Люба почувствовала именно теперь свое полное одиночество, но къ этому нужно было привыкать. Она долго провожала глазами уѣзжавшаго на извозчикѣ Шерстнева и съ какимъ-то ужасомъ подумала, что вѣдь этотъ человѣкъ могъ быть ея судьбой. Какъ это глупо, когда цѣлый міръ сосредоточивается въ одномъ человѣкѣ, тѣмъ болѣе глупо, что этого міра она даже и не знала. Мало ли хорошихъ людей на свѣтѣ, и почему именно отдать преимущество Шерстневу? Но этими размышленіями ей пришлось заниматься недолго, потому что она уже была въ районѣ своихъ дѣйствій. Приходилось разставаться съ пароходомъ и на лошадяхъ отправляться на поиски по старымъ адресамъ. Можно было, конечно, сначала остановиться въ Казани и разыскать тамъ семью Койранскихъ, но этому помѣшалъ Шерстневъ: Люба не хотѣла ѣхать вмѣстѣ съ нимъ.

Старушку Меркулову, мать отца, Любѣ приходилось разыскивать въ теченіе нѣсколькихъ дней. У нея было какое-то маленькое имѣньице, въ которомъ она и перебивалась съ двумя дочерьми, оставшимися въ дѣвушкахъ. Появленіе Любы произвело сенсацію. Маленькая квартирка Меркуловыхъ наполнилась новыми словами, о которыхъ уже давно здѣсь не было помину.

— Я ваша внучка...—говорила Люба, стараясь быть ласковой съ бабушкой.—Мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть... обнять...

Старуха смотрѣла на нее какими-то испуганными глазами, точно она пришла съ того свѣта, а потомъ какъ-то вдругъ расплакалась, горько и неутѣшно, какъ плачутъ старые люди, много перенесшіе горя. Это была простая привычка плакать.

Отъ охватившаго ее волненія Люба въ первый моментъ не разсмотрѣла ни обстановки ни самихъ родственниковъ. Это пришло ей въ голову, когда она уже лежала въ постели и почувствовала себя чужой, какъ никогда. Да, кругомъ чужая, и даже больше—ей показалось, что тетки смотрятъ на нее почти враждебно. Осмотрѣлась она только на другой день. Старый деревянный домикъ и покосился, и прогнилъ, и обветшалъ. Внутри царила настоящая бѣдность,—та бѣдность, которая лишена даже надежды на какое-нибудь будущее: его не было. Оно умерло вмѣстѣ съ Аркашей, и Люба поняла, почему ей показалось, что тетки смотрѣли на нее враждебно: она являлась невольной причиной страшной катастрофы. Затѣмъ, ея скромный дорожный костюмъ, щегольской чемоданчикъ, сакъ-вояжъ, ватеръ-пруфъ, шляпа, сапоги—все казалось здѣсь роскошью и, можетъ-быть, вызывало въ старыхъ дѣвахъ смутное чувство ревнивой зависти. Да, вотъ она, хваленая честная бѣдность, и у Любы сжалось сердце... Бабушку звали Аѳисой Аркадьевной, а тетокъ—Катериной Васильевной и Ольгой Васильевной. Въ ихъ лицахъ Люба еще разъ прослѣдила то жестокое и непріятное выраженіе, которое ей не нравилось у отца,—это была опять она же, бѣдность... Она придавала скорбную озлобленность и молчаливую натугу, она свѣтилась во взглядѣ, она складывала губы, она ложилась преждевременными морщинами и покрывала голову сѣдиной. Всѣ трое были такія худыя, изможденныя, а своей работы платья изъ дешевенькой линючей матеріи не придавали красоты. Это была застарѣ-

лая бѣдность, державшая въ своихъ когтяхъ всю семью, и въ ней лежала разгадка суроваго характера представителей этой семьи.

Бабушка Аѳиса Аркадьевна двигалась уже съ трудомъ, но неожиданное появленіе внучки расшевелило ее, поднявъ цѣлый рой старыхъ, полузабытыхъ воспоминаній. Да, она долго и напряженно всматривалась въ Любу и долго никакъ не могла что-то припомнить. А потомъ воспоминанья хлынули рѣкой, точно прорвало плотину. Главнымъ образомъ старушка разсказывала о дѣтствѣ своего Аркаши: какой онъ былъ серьезный, да умный, да трудолюбивый. Она вытащила откуда-то связку пожелтѣвшихъ писемъ и, надѣвъ очки, принялась ихъ читать. Аркаша въ письмахъ являлся такимъ хорошимъ и заботливымъ сыномъ, и они вызвали новый потокъ слезъ.

— Развѣ мы такъ бы жили, если бы Аркаша остался живъ?...—заключила свои жалобы Аѳиса Аркадьевна.—Господь судилъ другое.

Тетки какъ-то напряженно отмалчивались. Но ни бабушка ни тетки ни слова не сказали про мать Любы, точно ея и не существовало на свѣтѣ. Понятно, что снѣ во всемъ винили ее: изъ-за нея Аркаша въ землю улегъ... Это не было высказано прямо, но тѣмъ не менѣе чувствовалось между строкъ. Люба старалась настроить себя на болѣе откровенный разговоръ, но изъ этого ничего не выходило. Все-таки, всматриваясь въ обстановку своихъ родственницъ, ихъ физіономіи и всѣ мелочи, Люба смутно стала возстановлять въ своемъ воображеніи портретъ отца, его характеръ, особенности ума и все то, что̀ завершилось роковой катастрофой. Она незамѣтно прониклась къ нему горячей симпатіей и поняла ту силу, которая поработила чувства матери. Да, это была сила, настоящая, цѣльная сила... Но чего она не нашла здѣсь, это того тепла, къ которому рвалось ея молодое сердце.

Она уѣхала такой же чужой, какъ и пріѣхала, унося съ собой тяжелое чувство чего-то несправедливаго, холоднаго и безучастнаго. Старость ли, бѣдность ли, одиночество ли были этому виной, но это было такъ... Люба чувствовала, что и сама она холодѣетъ и стынетъ и не можетъ вызвать того настроенія, съ которымъ рвалась сюда.

Это былъ первый грустный опытъ, и Люба облегченно вздохнула, когда опять очутилась на пароходѣ. Это былъ эгоизмъ молодого, нетронутаго существа, и это ее огорчало до глубины души. Она думала, что̀ было бы, если бы она осталась жить у бабушки, и опять чувствовала холодъ, точно спускалась въ подполье. Нѣтъ, дальше, впередъ!..

Въ Казани разыскать Койранскихъ было совсѣмъ не трудно. Старикъ былъ еще живъ, хотя и лежалъ въ креслѣ, разбитый параличемъ. Первый, кто встрѣтилъ Любу, былъ Шмидтъ. Да, онъ жилъ у своего тестя, этотъ толстенькій, чистенькій, выбритый трутень, несмотря на то, что имѣлъ уже вторую семью. Люба отрекомендовалась.

— О, весьма пріятно!—осклабился Шмидтъ, пришуривая одинъ глазъ.—Весьма пріятно... да. Мы не совсѣмъ чужіе, хотя обстоятельства... гм... Вообще, пріятно.

Любу такъ и обдало новымъ холодомъ. Но здѣсь ее пронизало такое чувство отвращенія и гадливости, какое она испытывала при видѣ всѣхъ пресмыкающихся. И этотъ человѣкъ могъ испортить жизнь матери какъ-нибудь... Она могла думать о немъ, плакала, отравлялась — нѣтъ, это уже слишкомъ! Можетъ-быть, и Шереметевъ будетъ такимъ же... И это жизнь!.. Нѣтъ, это ужасно, ужасная вещь—жизнь, какъ обманъ, какъ иллюзія, какъ тяжелый призракъ. Бѣдная мама... Она должна была выправливать видъ на жительство у этого сытенькаго нѣмчурки, потомъ должна была скрываться

безъ всякаго вида и вѣчно чувствовать себя въ фальшивомъ положеніи, особенно, когда готовилась сдѣлаться матерью. Гдѣ же справедливость? Гдѣ простая порядочность? Гдѣ самыя простыя человѣческія чувства? И вотъ теперь этотъ Шмидтъ безсиленъ, онъ не имѣетъ права вытребовать жену по этапу, но для этого бѣдной мамѣ нужно было умереть: одна могила освободила ее отъ этихъ узъ... А Шмидтъ—такой жирненькій, довольный, и никогда-никогда въ немъ не шевельнется даже призракъ какой-нибудь совѣсти.

Благодаря лѣтнему времени, вся семья Койранскихъ была въ сборѣ. Дѣти были уже большія, и Люба познакомилась съ двумя дядями и новой теткой Лидіей, походившей лицомъ на сестру. Все это были жалкіе тупеядцы, объѣдавшіе параличнаго старика, получавшаго какую-то пенсію. Къ труду они всѣ питали фамильное отвращеніе. Впрочемъ, тетка Лидія разыгрывала изъ себя актрису, а въ сущности это была одна маска. Дяди откровенно ничего не дѣлали и всякими способами обирали больного отца. Эта дворянская поросль представляла собою яркую иллюстрацію безповоротнаго вырожденія. И что было всего хуже, такъ это то, что всѣ они поголовно были заражены жаждой лѣтнихъ нездоровыхъ удовольствій по разнымъ притонамъ. Нужно было и одѣться прилично, и имѣть карманныя деньги, а источникомъ всѣхъ благъ являлся только старикъ.

— Вы узнаёте во мнѣ вашу внучку?—спрашивала Люба старика, глядѣвшаго на нее однимъ глазомъ,—другой былъ парализованъ.

— У меня нѣтъ дочери,—хрипѣлъ паралитикъ, кривя губы.—Была жена Шмидта, но я ее проклялъ... У меня нѣтъ внучки.

Этотъ семейный разговоръ происходилъ въ присутствіи Шмидта, который сохранилъ невозмутимый видъ. Люба тоже не смущалась, охваченная общей атмосферой безцеремонности и холоднаго расчета.

— Да, нѣтъ дочери, а есть Шмидтъ...—продолжалъ старикъ.—Онъ терпѣливо ждетъ моей смерти, Шмидтъ. Онъ даже пытался меня отравить нѣсколько разъ, Шмидтъ.

— Папаша принимаетъ за отраву всѣ лѣкарства,—объяснилъ невозмутимо Шмидтъ.—У папаши голова не въ порядкѣ...

Старикъ захохоталъ. У него голова не въ порядкѣ? О, если бы онъ могъ подняться со своего кресла. А дочери все-таки нѣтъ. Да, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. И Лидія тоже не дочь. Старикъ сказалъ такое слово, что Люба вся затряслась. Все это—дѣти жены, а кто ихъ отецъ—знала она одна. Эта запоздалая старческая ревность покрывала разъѣдающей плѣсенью атрофированный мозгъ, и старикъ наслаждался тѣмъ, что могъ говорить ужасныя слова. Да, онъ ничему не вѣритъ, а женщинамъ—меньше всего. Когда умерла жена, то онъ нашелъ цѣлую переписку и узналъ многое, что не мѣшало знать немного раньше. Проклятыя женщины!..

— Все это онъ вретъ,—коротко объяснила Лидія, дѣвица безъ предразсудковъ.—У папа размягченіе мозга, и онъ галлюцинируетъ, создавая нелѣпости.

Люба прожила въ семьѣ милаго дѣдушки нѣсколько дней и почувствовала такой ужасъ, такое отвращеніе къ жизни, что ей сдѣлалось страшно. Но всѣхъ хуже былъ этотъ Шмидтъ, внушавшій ей непреодолимую гадливость, особенно когда онъ подходилъ къ ней со своей улыбочкой. Онъ часто и подолгу вглядывался въ нее, точно старался что-то припомнить, и опять улыбался. Что ему было нужно? Разъ онъ даже подсѣлъ на диванъ рядомъ съ Любой и проговорилъ ей:

— Я уже имѣлъ честь говорить вамъ, что мы не чужіе. А затѣмъ вы забыли маленькую неудобность, именно, что носите мою фамилію, и слѣдовательно это дастъ мнѣ очень опредѣленныя права, которыми я не поступлюсь. Да...

Любѣ сдѣлалось и страшно и гадко. Она убѣжала въ комнату Лидіи, заперлась и расплакалась. Господи, что же это такое? Куда она попала?.. Это какіе-то звѣри, а не люди. И хуже всѣхъ вотъ этотъ Шмидтъ съ его улыбкой. Зачѣмъ она не мужчина—съ какимъ удовольствіемъ она бросилась бы на него и задушила собственными руками! Вѣдь убиваютъ же клоповъ и другихъ вредныхъ гадовъ и паразитовъ, а Шмидтъ—худшій изъ всѣхъ. Тетка Лидія, въ припадкѣ безшабашной откровенности, разсказала про него ужасныя вещи и вообще не довѣряла чистотѣ родственныхъ чувствъ Шмидта.

— О, для него ничего нѣтъ святого, и ты берегись его, какъ огня!— предупреждала Лидія. — Онъ на все способенъ. Пригласитъ полицію и отниметъ у тебя видъ на жительство.

— У меня?

— Да... У него всѣ права... Ахъ, ты ничего не понимаешь, точно съ того свѣта пріѣхала!..

XII.

Въ домѣ Горлицыныхъ чувствовалась гнетущая пустота, точно послѣ покойника. Марья Сергѣевна собирала послѣднія силы, чтобы не выдать себя даже передъ мужемъ, и эти трогательныя усилія разрѣшались одинокими обидными слезами. Nicolas хмурился и дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ. Теперь они садились обѣдать одни, за самоваръ одни, — вездѣ одни. Не слышно было молодого смѣха и той болтовни, которую вноситъ съ собой одна молодость. Въ солнечные яркіе дни иногда случается, что вдругъ набѣжитъ грозовое облачко и броситъ на землю тѣнь.

„Да, старики... одни... Эхъ, жизнь!“ — думали каждый про себя супруги.

Отсюда проистекали легкія размолвки, старческое брюзжанье и глухое недовольство, окрашивавшія ежедневныя мелочи. Даже кухарка Агаѳья чувствовала этотъ гнетъ, сидя у себя въ кухнѣ, и тяжко вздыхала.

— Ну, что?—спрашивала Марья Сергѣевна каждое утро, когда получалась почта.

— Пока ничего особеннаго...

„Старики“ ѣхали мысленно вмѣстѣ съ Любой по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ, были вмѣстѣ съ ней у бабушки Меркуловой, а потомъ у дѣдушки Койранскаго, и мучились неизвѣстностью. Всѣ извѣстія они получали черезъ Шерстнева, который настойчиво слѣдилъ за каждымъ шагомъ Любы. Такъ прошли три мучительныхъ недѣли, четыре, пять... Марья Сергѣевна похудѣла, осунулась и молчала. „Что же это такое? за что?“—спрашивала она себя и не находила отвѣта. Теперь даже она не боялась за мужа, что онъ уйдетъ куда-нибудь и натворитъ Богъ знаетъ что, какъ бывало прежде:—куда онъ пойдетъ, такой старый, опустившійся, размякшій? И его время ушло, да и привычки другія образовались. Свой уголъ сдѣлался дорогъ... Однимъ словомъ, вполнѣ безвредное домашнее животное, какъ и слѣдуетъ быть порядочному мужу. Часто, наблюдая мужа за обѣдомъ, Марья Сергѣевна даже удивлялась, что вотъ онъ, Nicolas, могъ когда-то такъ огорчать ее. А теперь запрется у себя въ кабинетѣ и хнычетъ. Въ эти годы и горе дѣлается какимъ-то безцвѣтнымъ и не вызываетъ такого участія, какъ то же молодое горе.

— Все ли у нея есть? — иногда спрашивалъ Nicolas. — Однимъ словомъ, не забыла ли ты чего-нибудь? Скоро осень... начнутся холода. Она можетъ схватить простуду, а молодые люди меньше всего думаютъ о своемъ здоровьѣ.

Здоровье было теперь слабостью Nicolas, которую Марья Сергѣевна эксплоатировала по-своему. Онъ боялся простуды, какъ огня, жаловался на печень, на желудокъ, считалъ себѣ постоянно пульсъ, мѣрилъ температуру и вообще находился подъ гнетомъ мысли о смерти. Это доходило до смѣшного, обнажая старческое безсиліе. Докторовъ Nicolas ругалъ, но это не мѣшало ему постоянно совѣтоваться съ ними по разнымъ вопросамъ. Иногда Марья Сергѣевна, желая его попугать, заводила разговоръ о какой-нибудь неожиданной смерти и улыбалась.

— Чему ты смѣешься? — сердился Nicolas, — много ли нужно, чтобы умереть... Сегодня живъ, здоровъ, а завтра фюить—и ничего.

— А развѣ ты боишься смерти?

— Бояться не боюсь, а все-таки опо... гм... Необходима прежде всего осторожность. Да... Ты какая-то странная, Маня. Право...

— Я тебя не понимаю, вотъ и все. Женщины вообще живучѣе... Посмотри, сколько всегда вдовъ.

— Это оттого, что мужчины женятся поздно и берутъ женъ моложе себя minimum лѣтъ на десять.

— Нѣтъ, мужчины вообще менѣе жизненны. Что жъ дѣлать, нужно быть готовой ко всему, и я, когда останусь вдовой...

Nicolas ужасно сердился, убѣгалъ къ себѣ въ кабинетъ. Помилуй, что это за разговоры? Живого человѣка въ гробъ кладутъ.

А Марья Сергѣевна сдѣлалась какъ-то странно спокойна, точно она одна знала, что будетъ. Дѣйствительно, ровно черезъ полтора мѣсяца послѣ отъѣзда Любы, утромъ, когда Nicolas былъ на службѣ, она получила какую-то таинственную телеграмму, поблѣднѣла, распечатала ее дрожавшими руками, прочитала, перекрестилась и торопливо спрятала въ свой письменный столъ. Потомъ она нѣсколько разъ доставала ее и перечитывала съ большими предосторожностями

— Что это отъ Шерстнева нѣтъ больше писемъ?—спрашивалъ Nicolas за обѣдомъ. — Онъ того...

— Чего?

— А вотъ этого... Ума у него нѣтъ, да. Тоже дѣло не легкое... Оно только со стороны кажется, что взялъ да и конецъ дѣлу. Не тутъ-то было...

Марья Сергѣевна промолчала, внимательно разглядывая свою тарелку. Ее такъ и подмывало разсказать содержаніе телеграммы, но она выдержала характеръ: пусть Nicolas помучится. Она достаточно помучилась на своемъ вѣку...

Письма отъ Шерстнева совсѣмъ прекратились, и Nicolas началъ уже сердиться на него.

— Онъ рѣшительно глупъ, этотъ господинъ Шерстневъ!—ворчалъ Nicolas, шагая по комнатѣ. — Остается, чортъ возьми, мнѣ самому ѣхать... да. Нельзя же одну дѣвушку оставлять... Мало ли что можетъ случиться. Тоже, родственники называются. А Шерстневъ—размазня и больше ничего. Самъ поѣду и привезу Любу домой.

— А какъ ты осенью на пароходѣ поѣдешь? Еще простудишься.

Помучивъ недѣли двѣ, Марья Сергѣевна показала наконецъ полученную телеграмму, Nicolas какъ-то безсильно опустился на первый стулъ и горько-горько заплакалъ.

— Люба... Люба... Люба... — шепталъ онъ. — Ахъ, Люба, Люба...

Марья Сергѣевна отнеслась ко всему съ какимъ-то дѣловитымъ видомъ, точно такъ и должно было быть. Это даже обидѣло Nicolas.

— Что же мы теперь будемъ дѣлать, Маня?

— Ждать... Молодые пусть одни порадуются. Имъ не до насъ... А такъ увидимъ.

— И ты можешь говорить такъ спокойно объ этомъ? Положимъ, что Шерстневъ—хорошая партія, но... Эхъ, Люба, Люба! Вѣдь она хорошая... Вся—огонь. Я такой же молодой былъ... Не чета Шерстневу. Да...

Телеграммой Шерстневъ извѣщалъ Марью Сергѣевну о своей женитьбѣ. Ему много помогъ Шмидтъ, дѣйствительно предъявившій свои отцовскія права на Любу. Въ этотъ критическій моментъ Шерстневъ явился спасителемъ, и Люба перемѣнила ненавистную фамилію съ легкимъ сердцемъ. Все случилось такъ неожиданно и быстро, что даже молодой мужъ удивлялся. На зиму молодые остались въ Казани, но Люба ничего не писала. Ей было стыдно, что все кончилось именно такъ.

— Я вышла за васъ замужъ по необходимости,—увѣряла она.—Такъ и знайте...

— Всѣ это дѣлаютъ по необходимости, Люба... У меня одинъ недостатокъ: я простой человѣкъ и люблю тебя тоже просто. Когда-то и ты меня любила, то-есть я такъ думалъ.

— Я ошибалась...

Nicolas очень былъ огорченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что письма прекратились. Ну, Люба могла еще не писать. Она вообще какая-то странная, а Шерстневъ уже прямо невѣжа. Марья Сергѣевна и тутъ находила поводы оправдывать „зятя“: молодое счастье всегда эгоистично, да и вообще русскіе люди плохіе корреспонденты; наконецъ имъ просто не о чемъ писать. Первое письмо было получено только на Рождествѣ, и то такое странное, что Nicolas только развелъ руками, подавая его Марьѣ Сергѣевнѣ.

— Вотъ удивительная фантазія!—бормоталъ онъ.—Если Люба сходитъ съ ума, то Шерстневъ могъ бы быть благоразумнѣе. Это наконецъ смѣшно...

Марья Сергѣевна прочла письмо и нашла, что ничего въ немъ страннаго нѣтъ. Шерстневъ извинялся, что такъ давно не писалъ, что жена здорова, что они, кажется, счастливы, и что даже былъ разговоръ о поѣздкѣ въ Пронадинскъ—первою заговорила объ этомъ Люба. Если послѣднее состоится, то онъ, Шерстневъ, желалъ бы *нанять* у нихъ подъ квартиру флигелекъ, который ему такъ нравился. На этомъ пунктѣ брови Марьи Сергѣевны немного сжались, а потомъ лицо сразу прояснилось, и даже появилась улыбка.

— Ему нравится нашъ флигелекъ, скажите, пожалуйста! — волновался Nicolas, бѣгая по комнатѣ. — Онъ хочетъ *нанять* его у насъ!.. Точно мы содержатели меблированныхъ комнатъ... Господи, да пусть занимаютъ хоть цѣлый домъ, если нравится. Пусть живутъ... Я даже готовъ самъ переѣхать во флигель, чтобы ихъ не стѣснять.

— Ну, я на это не согласна, мой милый... Я отвѣчу Сергѣю Петровичу, что флигелекъ свободенъ и сдается нами по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ.

— Маня, да никогда этого не бывало: за семь сдавали.

— То было раньше, а теперь квартиры вздорожали. У насъ свои интересы, и флигелекъ не богадѣльня.

Это уже совсѣмъ было удивительно. Марья Сергѣевна—и вдругъ такіе

расчеты подводить—нѣтъ, Nicolas отказывался понимать и махнулъ рукой. Пусть дѣлаетъ, какъ знаетъ, а его все это только волнуетъ напрасно и портитъ кровь. Онъ такъ и не поинтересовался, что̀ отвѣтила жена. Вообще, день за днемъ накоплялись разныя мелкія непріятности... Что̀ это такое, въ самомъ дѣлѣ! Люба—ни слова, точно чужая... нанимаютъ квартиру, какъ у чужихъ... потомъ молчаніе на цѣлый мѣсяцъ. Нѣтъ, конечно, всему бываютъ границы! Такъ нельзя-съ... Что̀ жъ дѣлать, одни такъ одни—такъ ужъ на роду написано. Вотъ только передъ знакомыми совѣстно. А чортъ съ ними, съ знакомыми... Никого не нужно!..

Такъ протянулась зима, а въ мартѣ мѣсяцѣ неожиданно явился Шерстневъ. Пріѣхалъ вечеромъ къ чаю, какъ будто вчера разстались, разсказываетъ о дорогѣ, о погодѣ, о Казани, а о главномъ—ни слова.

— Вы гдѣ же остановились, Сергѣй Петровичъ? — спрашивала Марья Сергѣевна.

— Гм... пока въ гостиницѣ. Знаете, тамъ есть свои удобства...

Nicolas такъ и рветъ: вотъ хоронъ!.. О Любѣ — хоть бы одно словечко.

— А вы давно изволили прибыть, Сергѣй Петровичъ? — ядовито спросилъ онъ.

— Да ужъ дня три..

Nicolas сердито двинулъ стулъ, вскочилъ, что-то хотѣлъ сказать, но только махнулъ рукой и убѣжалъ къ себѣ въ кабинетъ. Марья Сергѣевна проводила его улыбающимися глазами и тихонько проговорила:

— *Тамъ* все готово...

Шерстневъ молча поцѣловалъ ея руку. О, онъ былъ такъ счастливъ, что она понимала его безъ словъ. Да и какія могли бы быть тутъ слова? Просто, счастливъ, глупо счастливъ, безумно счастливъ... Понимала его еще старая Агаоья, выглядывавшая въ дверь столовой. Старуха даже прослезилась отъ тайной радости. А старый баринъ—смѣшной: какъ есть ничего не понимаетъ! Ребеночекъ несмысленный...

Они переѣхали во флигелекъ вечеромъ. Марья Сергѣевна опять стояла у своего завѣтнаго окна и наблюдала, какъ загорѣлся веселый зеленый огонекъ, какъ это было давно-давно. Она вздохнула и перекрестилась. Во флигель торопливо перебѣгала только одна Агаоья, принявшая такой озабоченно-важный видъ. Что-то тамъ дѣлается?.. Nicolas не хотѣлъ ничего знать и заперся у себя въ кабинетѣ.

А стонавшій мертвымъ столько лѣтъ флигель точно ожилъ. Слышались осторожные шаги, сдержанный шопотъ и тревожные вопросы.

— Люба... милая...

— Ахъ, оставьте меня!

Какая-то таинственная особа въ бѣломъ передникѣ входила въ спальню и возвращалась оттуда съ такимъ важнымъ видомъ. Люба лежала на старой кровати, съ закрытыми глазами, блѣдная, какъ наволочка подушки. Русые волосы прилипли къ бѣлому лбу спутанными завитками. О, она не спала уже вторую ночь, и никто не зналъ, какъ она мучилась. И къ чему имъ знать это? На стѣнкѣ у изголовья висѣлъ знакомый образокъ—материнское благословенье. Открывавшіеся глаза искали его, а запекшіяся губы шептали молитву. Сергѣй Петровичъ подкрадывался къ двери, прислушивался и отступалъ еще осторожнѣе.

Какая безконечная, мучительная ночь!.. Къ утру Люба начала забываться. Одна, двѣ минуты тяжелаго забытья. И вотъ въ одну изъ такихъ

минуту она увидѣла, какъ отворилась дверь спальни, и въ нее вошли *они* вмѣстѣ. О, она узнала ихъ, узнала ее... Это лицо наклонилось надъ ней, родное, любимое, красивое, молодое, полное святой любви и тревоги. Люба протянула руки, хотѣла крикнуть, но голосъ замеръ въ груди. Все застилалось свѣтлымъ туманомъ, и только яркими бликами горѣлъ одинъ образокъ. Въ ушахъ Любы еще стоялъ знакомый шопотъ...

— Мама... мама...

Агаоья сидѣла на кухнѣ, когда туда выскочилъ Шерстневъ, точно сумасшедшій, сначала пробѣжалъ мимо нея, а потомъ вернулся и проговорилъ прерывавшимся отъ волненія голосомъ:

— Скорѣе... бѣги... Марья Сергѣевна...

На дворѣ онъ обогналъ старуху и, прыгая черезъ двѣ ступеньки, ворвался въ залу, гдѣ стояла у своего окна Марья Сергѣевна. Онъ молча схватилъ ее за руку и потащилъ за собой, а потомъ вернулся въ кабинетъ и потащилъ Николая Яковлевича.

— *Она* желаетъ васъ видѣть... скорѣе... Слава Богу, все кончилось!.. О, какъ я боялся... Нѣтъ, извините, этого въ другой разъ не будетъ! Довольно...

Николай Яковлевичъ остался въ гостиной, гдѣ акушерка возилась около какой-то корзинки, прикрытой чѣмъ-то бѣлымъ. Марья Сергѣевна вошла въ спальню одна.

— Мама, милая мама! — шептала Люба, протягивая ей исхудавшую руку.—О, какъ я тебя люблю... всѣхъ люблю...

— Не волнуйся, родная моя... тебѣ вредно.

— Нѣтъ, мнѣ хорошо...

Она закрыла глаза, перекатила голову на подушкѣ и прошептала:

— *Они* были здѣсь... я ихъ видѣла... Ахъ, какая она молодая, красивая... Она наклонилась надо мной и сказала...

— Люба, не нужно волноваться...

— Всѣхъ люблю, мама...

Николай Яковлевичъ открылъ въ это время корзинку, въ которой лежалъ новорожденный. Шерстневъ выглядывалъ изъ-за его плеча и съ напряженнымъ видомъ слѣдилъ за его руками.

— Дѣвочка,—проговорила акушерка, помогая открыть личико ребенка.

— Мы ее назовемъ Любовью, — прошепталъ Шерстневъ, — такъ хочетъ жена.

— О, да, именно Любовь! — шопотомъ отвѣтилъ Николай Яковлевичъ, чувствуя, что у него некрое лицо.

1892.

МАТЬ-МАЧЕХА.

Повѣсть.

I.

Еще на вокзалѣ, при самомъ отъѣздѣ, Анну Ѳедоровну охватило какое-то смутное и непріятное чувство. Ее утомили всѣ эти глупыя свадебныя церемоніи, а главнымъ образомъ—гости. Они, кажется, дали себѣ слово преслѣдовать ее по пятамъ и въ полномъ составѣ явились на Николаевскій вокзалъ. До отхода поѣзда оставалось еще цѣлыхъ полчаса. Сошлись двѣ семьи—семья молодой и семья молодого. Впрочемъ, послѣдняя была невелика: дядя Захаръ Ильичъ Парначевъ, отставной сербскій добровольцъ, сестра Варвара Васильевна, пожилая дѣвушка, и братъ Владиміръ Васильевичъ, молодой человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій. Зато семья молодой представляла собой цѣлую коллекцію сестеръ, братьевъ, дядюшекъ, тетушекъ и просто родственниковъ безъ опредѣленной номенклатуры. Все это были вѣточки одного генеалогическаго дерева Гагенъ. Да, потомство того Карла Гагена, который на Васильевскомъ островѣ имѣлъ собственный домъ, нажитый какими-то темными комиссіонерскими операціями. Всѣ Гагены чрезвычайно гордились тѣмъ, что они именно Гагены и что у родоначальника Гагена былъ собственный домъ. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Анна Ѳедоровна выходитъ замужъ за русскаго помѣщика Парначева, всѣ Гагены сначала глубоко возмутились, потомъ горячо протестовали и наконецъ согласились, потому что даже упрямство Анны Ѳедоровны являлось доказательствомъ строгой выдержки тевтонскаго характера. Парначевы, съ своей стороны, отнеслись къ петербургскимъ нѣмцамъ съ какимъ-то обиднымъ покровительствомъ и чуть не снисхожденіемъ, то-есть Захаръ Парначевъ, стоявшій во главѣ своего дворянскаго рода.

— Парначевы, братъ, еще при Иванѣ Калитѣ заявили себя,—объяснялъ отставной сербскій добровольцъ чопорному нѣмецкому дядюшкѣ, приличному и корректному старику, служившему въ правленіи какого-то банка.—Да, братъ, мы еще тогда колотили нѣмчуру...

Это было верхомъ безтактности, какъ и все поведеніе Захара Парначева, принявшее подъ конецъ свадьбы самый бурный характеръ. Женихъ мучился больше всѣхъ и проклиналъ себя, что пригласилъ главу рода на свою свадьбу. Впрочемъ, бурное поведеніе дяди получило неожиданное объясненіе, благодаря которому на его выходки родные невѣсты смотрѣли сквозь пальцы. Кто-то пустилъ слухъ, что Захаръ Парначевъ, оставшійся старымъ холостякомъ, все свое состояніе оставляетъ жениху. Это примирило его со всѣми, и мать невѣсты оказывала ему особенное вниманіе, какъ и сама Анна Ѳедоровна.

— Хоть ты, братъ, и нѣмка, а люблю!—говорилъ Захаръ Парначевъ, хлопая невѣсту по плечу.—Я самъ, братъ, того... чуть не женился на нѣмкѣ, то-есть меня хотѣли заставить жениться.

Сестра Варвара Васильевна все время была какая-то неестественная, подавленно вздыхала и смотрѣла на жениха печальными глазами, точно всѣ эти люди навсегда отнимали у нея брата. Вообще между двумя семьями сразу установились тѣ натянутыя отношенія, которыхъ не распутать никакимъ мудрецамъ. Семенъ Васильевичъ Парначевъ, женихъ, а сейчасъ молодой мужъ, волновался все время, тѣмъ болѣе, что онъ искренно уважалъ всѣхъ этихъ Гагеновъ, трудолюбивыхъ, скромныхъ и выдержанныхъ. Нѣмцами они оставались только по названію, и молодой, если говорить правду, былъ гораздо больше всѣхъ ихъ нѣмцемъ, потому что усвоилъ себѣ всѣ привычки и добродѣтели этого трудолюбиваго, выдержаннаго и культурнаго народа.

— Шампанскаго!—кричалъ Захаръ Парначевъ; силой талца за собой молодыхъ въ отдѣльный кабинетъ.—Эй, ты, зебра, полдюжины...

Татаринъ-офиціантъ сразу понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и выразилъ всей своей фигурой самую невѣроятную готовность услужить настоящимъ господамъ. Провожавшіе молодую Гагены смотрѣли на расходившагося дядюшку съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, тѣмъ болѣе, что не привыкли кидать деньги, а „полдюжины“ стоили пятьдесятъ четыре рубля. Только старушка Гагенъ, какъ болѣе опытный человѣкъ, относилась къ этимъ пустякамъ совершенно равнодушно. Ей нравился зять, и она смотрѣла уже на него съ чувствомъ собственности—вообще хорошій и обстоятельный человѣкъ: Аня будетъ съ нимъ счастлива; но было одно обстоятельство, которое заставляло ее вздыхать и подбирать губы оборочкой. Улучивъ минуту, старушка шепнула дочери:

— Аня, пожалуйста, будь осторожна съ этой дѣвочкой... Понимаешь: это ужасно трудно; отъ этого зависитъ все.

— Знаю, знаю, мама,—увѣренно отвѣчала Анна Ѳедоровна.—Я уже люблю ее... да. Я видѣла фотографію: премилешкая дѣвчурка. Ей уже пять лѣтъ, и я буду ее воспитывать.

— Главное, Аня, выдержать характеръ...

Аннѣ Ѳедоровнѣ вдругъ сдѣлалось жаль матери. Она отлично понимала именно теперь ея сдержанную грусть и тѣ усилія казаться веселой, которыхъ другіе не замѣчали. Старушка, конечно, теперь думала о дорогомъ человѣкѣ, который имѣлъ право радоваться больше другихъ и отсутствовалъ,—Аня отъ отца осталась всего восьми лѣтъ и плохо помнила старика.

— Ну, нѣмцы, выпьемъ!—командовалъ Захаръ Парначевъ, когда татаринъ подалъ шампанское.—Урра!..

Анна Ѳедоровна ужасно была рада, когда раздался второй звонокъ. Наконецъ-то все кончилось. Когда они выходили изъ кабинета веселой гурьбой, публика разступилась и провожала ихъ улыбающимися глазами. Впереди всѣхъ шелъ Захаръ Парначевъ, распахнувъ енотовую шубу и сдвинувъ бобровую шапку на затылокъ. Онъ по пути еще что-то шепнулъ татарину-офиціанту. Гагены замыкали шествіе. Они старались принять видъ беззаботно кутящихъ людей и разсчитанно говорили громко и еще громче смѣялись.

Для молодыхъ было взято купе перваго класса, и тамъ встрѣтилъ ихъ татаринъ съ новымъ подносомъ шампанскаго.

— Ахъ, дядя, для чего это?—дѣловымъ тономъ замѣтилъ молодой.

— Ничего ты не понимаешь, Сенька... Урра!..—ревѣлъ добровольецъ, цѣлуя молодую прямо въ губы.—А ты, братъ, Анна Ѳедоровна, держи его въ енотовыхъ рукавицахъ. Онъ и порядка хорошенько не знаетъ.

— Хорошо, хорошо... Иди, пожалуйста, поѣздъ сейчасъ тронется,—уговаривалъ молодой.

Добровольцу почему-то показалось это обидно, и онъ упрямо заявилъ:

— А если я не хочу? Не хочу, и баста... Я самъ поѣду съ вами... Шабашъ...

Оставшаяся на платформѣ публика ничего не подозрѣвала, и только когда поѣздъ тронулся, татаринъ-офиціантъ бросился за вагономъ и кричалъ стоявшему на площадкѣ и раскланивавшемуся, какъ оперный пѣвецъ, Захару Парначеву:

— Господинъ, деньги!.. Деньги, баринъ... Ваше сіятельство!..

Въ отвѣтъ ему полетѣла скомканная трехрублевая ассигнація.

— Это тебѣ на чай, зебра!..

Варвара Васильевна волновалась все время за нѣкстоваго дядю, но такой выходки никакъ не ожидала. Это выходилъ уже настоящій скандалъ. Съ ней было всего десять рублей, и она обратилась къ брату Владиміру:

— Володя, вѣдь дядя не заплатилъ за шампанское... Нѣтъ ли съ тобой денегъ?

Молодой человѣкъ только выразительно развелъ руками. Его смѣшилъ татаринъ, оставшійся съ носомъ. Вотъ такъ дядя, устроилъ штуку... Ха-ха!.. Теперь только остается улизнуть благороднымъ манеромъ. Пусть нѣмцы раскошеливаются. Варвара Васильевна не раздѣляла этого веселаго настроенія и обратилась къ старушкѣ Гагенъ.

— Я потомъ заплачу, когда получу изъ гимназіи жалованье,—объясняла она вполголоса.—А сейчасъ со мной всего десять рублей... Дядя пьянъ и ничего, вѣроятно, не помнитъ.

У старушки Гагенъ денегъ тоже не оказалось, и она обратилась къ брату, тому самому, которому Захаръ Парначевъ объяснялъ, какъ его предки еще при Иванѣ Калитѣ колотили нѣмчуру. Братъ Гагенъ молча подялъ брови, молча досталъ бумажникъ и уплатилъ по счету.

— Я вамъ потомъ заплачу, — конфузливо повторялъ Варвара Васильевна.

Нѣмецъ спряталъ счетъ на память и спокойно отвѣтилъ:

— Зачѣмъ же вы будете платить, когда уже заплачено? Вы дѣвушка, которая сама зарабатываетъ хлѣбъ тяжелымъ трудомъ, а платить должны мужчины... Я такъ думаю.

Варварѣ Васильевнѣ казалось, что честный нѣмецъ презираетъ теперь ее до глубины души, и она краснѣла до слезъ, проклиная легкомысленнаго дядю.

Молодой, занятый устройствомъ купе, совсѣмъ не зналъ о случившейся непріятности, но Анна Ѳедоровна слышала, какъ татаринъ просилъ деньги, и возненавидѣла стараго пьяницу. Онъ положительно отравлялъ ей все. Къ счастью, старикъ ушелъ въ сосѣднее купе и сейчасъ же заснулъ мертвымъ сномъ.

Оставшись одни, молодые почувствовали нѣкоторую неловкость. Анна Ѳедоровна знала, что онъ сядетъ рядомъ съ ней, обниметъ ее и будетъ молча смотрѣть ей въ глаза. Онъ не отличался краснорѣчіемъ, и раньше ее забавляло его смущеніе. Она понимала, что онъ стѣсняется быть легкомысленнымъ, какъ молодой человѣкъ, да и по натурѣ не могъ проявлять свои чувства въ легкой формѣ.

— Аня, вотъ мы и одни...—проговорилъ онъ, цѣлуя у нея руку.—Ты устала?

— Да, немножко...

— Ночью мы будемъ дома... Отъ послѣдней станціи намъ придется ѣхать на лошадяхъ верстъ двѣнадцать.

— На своихъ лошадяхъ?..—спросила она, улыбаясь.

— Да, на своихъ... Тамъ у насъ все свое.

Аннѣ Ѳедоровнѣ ужасно нравилось, что у нея теперь есть и свое маленькое имѣнье, и свое хозяйство, и даже свои лошади. Она всегда съ завистью смотрѣла на людей, у которыхъ есть все свое, и считала ихъ счастливцами, которымъ не нужно платить ни за квартиру, ни за извозчика, ни за что, однимъ словомъ, теперь у нея самой будетъ все свое... Кто-то уже ее ждетъ *тамъ*, на станціи ждетъ свой кучеръ и свои лошади. Къ этому она могла бы прибавить еще своего новаго пьяницу-дядю, свои долги на имѣніи и свою падчерицу, но сейчасъ ей было такъ хорошо, что она старалась не думать о непріятныхъ вещахъ. На первомъ планѣ пока оставался *свой* мужъ, и Анна Ѳедоровна никакъ не могла рѣшить вопроса, любитъ она его или не любитъ. Иногда ей казалось, что да, иногда—нѣтъ, а сейчасъ она смутно чего-то боялась. Вотъ онъ уже смотритъ на нее, какъ на свою вещь, и въ тонѣ его голоса слышатся другія ноты, и ей странно, что нѣтъ возврата. Еще вчера она была свободна и могла располагать собой, а теперь связана на всю жизнь. Что-то будетъ тамъ, впереди... Потомъ она думала о матери. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это ужасно несправедливо — воспитать дочь и разстаться съ ней навсегда, уступивъ ее какому-то незнакомому человѣку.

— Знаешь, Сеня, у каждаго человѣка есть своя судьба,—говорила она, стараясь легонько освободиться изъ объятій мужа.—Да, судьба... Когда я была маленькой дѣвочкой, мы лѣтомъ жили на дачѣ въ Третьемъ Парголовѣ. Одинажды приходитъ цыганка... Горничная Варя заманила ее въ кухню поворожить. А мама терпѣть не можетъ цыганокъ, и я стала ее гнать. Цыганка разсердилась, ушла, а по дорогѣ сорвала одно растеніе, которое называется „мать-и-мачеха“, и бросила его мнѣ. Бросила и говоритъ: „помни цыганку Машу“... Вотъ я ее сейчасъ и вспомнила. Не правда ли, какъ иногда сбываются эти глупыя предсказанія?

— Да... вообще... Не будемъ сегодня объ этомъ говорить, Аня.

Семенъ Васильевичъ, еще молодой тридцатилѣтній мужчина, красивый по-своему, имѣлъ немного суровый видъ дѣлового человѣка, у котораго каждый часъ разсчитанъ. Онъ прошелъ тяжелую школу, прежде чѣмъ выработать себѣ самостоятельное положеніе—именно заработалъ. Дворянское гнѣздо Парначевыхъ принадлежало къ числу вымирающихъ. Его члены быстро сходили со сцены, и большинство роковымъ образомъ спивалось. Это было чѣмъ-то въ родѣ наслѣдственной болѣзни, какой-то кары. Изъ всѣхъ Парначевыхъ только одинъ Семенъ Васильевичъ выбился на дорогу и понемножку приводилъ свои фамильныя дѣла въ порядокъ. Правда, что въ наслѣдство онъ получилъ почти одни долги, но, можетъ-быть, это именно и спасло его. Съ теченіемъ времени онъ какъ-то совсѣмъ отсталъ отъ своего дворянскаго круга, съ которымъ не имѣлъ ничего общаго. Да, это были для него уже совсѣмъ чужіе люди, лишенные главнаго достоинства—способности къ упорному и выдержанному труду. Семенъ Васильевичъ женился рано на такой же небогатой дѣвушкѣ, какимъ былъ самъ, но семейная жизнь скоро кончилась—жена умерла, оставивъ ему дѣвочку двухъ лѣтъ. Это было для него самымъ больнымъ мѣстомъ. Какъ онъ ни любилъ свою дѣвочку, но все-таки оставалось въ жизни пустое мѣсто. Онъ еще былъ молодъ, являлась тоска вынужденнаго одиночества, а тутъ еще на каждомъ шагу примѣры чужого семейнаго

счастья. Въ результатѣ знакомство съ трудолюбивой семьей Гагеновъ и женитьба на Аннѣ Ѳедоровнѣ. Сейчасъ онъ думалъ то же, что̀ и молодая жена, съ той разницей, что въ его памяти проносились другія картины и вставало другое женское лицо съ грустными глазами. Лаская эту жену, ему казалось, что онъ отнимаетъ что-то у первой. Потомъ онъ боялся, что эта вторая жена замѣтитъ двойственность его чувствъ и обидится. Все-таки она и моложе его и не имѣетъ за собою никакого прошлаго.

— Ты о чемъ думаешь?—неожиданно спрашивала Анна Ѳедоровна нѣсколько разъ, точно хотѣла его поймать на чемъ-то.

— Я?.. А ты о чемъ, Аня?

— Я? Мнѣ жаль маму... Она, вѣроятно, вернулась къ себѣ, заперлась въ своей комнатѣ и плачетъ...

II.

Парначевка, занесенная глубокимъ снѣгомъ, уже погружалась въ мирный сонъ, когда о. Петръ Спасовходскій, сѣденькій, сгорбленный старичокъ, вышелъ изъ своего церковнаго домика на погостѣ. Онъ посмотрѣлъ кругомъ, на небо, обложенное низкими зимними облаками, и сказалъ:

— Добре... Погодка будетъ хорошая.

Точно въ отвѣтъ невидимая снѣжинка сѣла къ нему на носъ и моментально растаяла.

— О, совсѣмъ добре... Добрая погодка.

Старикъ не пошелъ селомъ, гдѣ кое-гдѣ еще мигали красные огоньки, а прямо полемъ направился къ чернѣвшейся вдали помѣщичьей усадьбѣ. Дорогой о. Петръ имѣлъ достаточно времени высчитать, что, если поѣздъ придетъ на станцію въ восемь часовъ, то молодые должны быть въ девять. Кучеръ Спиридонъ ужъ постарается, потому что служилъ еще поддужнымъ при старыхъ господахъ и понимаетъ, какъ и что̀ нужно. Да, были старые господа, а молодые всѣ разбѣжались изъ своихъ усадебъ, расточили имѣнія и обрекли себя на неизвѣстность. Изъ Парначевыхъ хоть одинъ Семенъ Васильевичъ удержался и выкупаетъ изъ банка заложенное и перезаложенное родителями гнѣздо. Дѣло хорошее и для другихъ примѣръ поучительный.

— Немного получилъ отъ родителей Семенъ Васильевичъ, но не закопалъ свой одинъ талантъ, какъ лѣнивый рабъ,—думалъ вслухъ о. Петръ.—Одобряю весьма...

О. Петръ былъ живой лѣтописью Парначевки. Онъ крестилъ нѣсколько поколѣній господъ Парначевыхъ и перехоронилъ ихъ достаточно. Вотъ и первую жену Семена Васильевича онъ же похоронилъ. Хорошая была женщина, а вѣку Богъ не далъ, Другія въ тысячу разъ хуже ея, а живутъ. Да, много видѣлъ о. Петръ на своемъ вѣку и горя и радости, которыми чередовалась жизнь парначевской усадьбы, а теперь тихо стало и съ горемъ и съ радостью. Вотъ что̀ будетъ съ Семеномъ Васильевичемъ, когда онъ войдетъ въ силу. Этотъ, пожалуй, подтянетъ...

Къ усадьбѣ о. Петръ подошелъ совсѣмъ запушенный снѣгомъ. Мягкіе бѣлые хлопья такъ и валили,—тоже добрый знакъ для молодыхъ. Старика удивило, что въ усадьбѣ не было ни одного огонька, а потомъ вспомнилъ наставленіе своей старушки-попадьи и горько улыбнулся. Это старая няня Гавриловна, няньчившая еще Семена Васильевича, нарочно сдѣлала, чтобы досадить своему вскормленному барчуку. И на что обидѣлась старуха: зачѣмъ на нѣмкѣ женился Семенъ Васильичъ... Ну, а потомъ очень ужъ жалѣетъ Настеньку. Конечно, Настенька сиротка, это вѣрно, а только зачѣмъ же впе-

редъ разстраивать и себя и другихъ. Охъ, весьма слабое это женское дѣло и отъ ума недостаточно твердое.

О. Петръ едва достучался въ калитку. Потонувшая въ снѣгу усадьба имѣла не особенно привлекательный видъ. Даже, пожалуй, и поправлять нечего, а лучше поставить новую. Гостю отворила кухарка Акулина.

— Гостей ждете, Акулина?

— Кто ихъ знаетъ...—равнодушно отвѣтила кухарка.—Можетъ, и не пріѣдутъ...

— Спиридонъ-то выѣхалъ на станцію?

— Спиридонъ-то выѣхалъ...

— А почему у васъ огня нѣтъ?

— А съ какой радости огни намъ палить? Гавриловна съ барышней въ спальнѣ сидятъ, ну, у нихъ и есть огонь...

Отцу Петру пришлось постоять въ передней, пока вышла Гавриловна, низенькая и толстая старушка въ очкахъ. За ней, цѣпляясь за платье, вышла Настенька, бѣлокурая, полная дѣвочка, походившая на отца. Она очень обрадовалась, когда узнала о. Петра.

— Ну, будемъ ждать гостей...—проговорилъ о. Петръ, освобождаясь отъ шубы.—Надо, Гавриловна, и въ гостиной и въ залѣ зажечь лампы. Того гляди, и пріѣдутъ... Погодка добрая.

— Пріѣдутъ, тогда и засвѣтимъ лампы,—отвѣтила Гавриловна со вздохомъ.—Не велика радость...

— И чехлы съ мебели надо снять, чтобы весь порядокъ, а потомъ, что̀ касается ужина...

— Ну, еще и ужинъ...

Гавриловна что-то хотѣла еще сказать, но присѣла на стулъ и горько заплакала. Настенька стояла около нея и тоже готова была расплакаться.

— Младенца жа-аль...—всхлипывала Гавриловна, вытирая глаза уголкомъ передника.—Несмышленышъ еще, о. Петръ. Охъ, за какіе грѣхи только Богъ насъ наказываетъ...

— Женщина, перестань. А при юницѣ и совсѣмъ не подобаетъ произносить такихъ словъ. Богъ посылаетъ ей вторую мать, и надо не плакать, а радоваться. Только напрасно разстраиваешь юницу... Иди и дѣлай, что̀ слѣдуетъ по порядку.

Привычка повиноваться сказалась сейчасъ же въ старой нянѣ, и она покорно отправилась приводить все въ порядокъ. Зажжены были лампы, сняты съ мебели чехлы, смахнута кое-гдѣ пыль—Гавриловна все это дѣлала съ какимъ-то шопотомъ, точно завораживала впередъ каждую вещь. Обстановка въ усадьбѣ оставалась старинная, какой была еще при генералѣ Парначевѣ, служившемъ при Аракчеевѣ. Это былъ извѣстный генералъ, составлявшій честь фамиліи. Его портретъ висѣлъ въ гостиной. Для старой Гавриловны каждая мелочь этой обстановки являлась чѣмъ-то священнымъ. Каждый стулъ простоялъ на своемъ мѣстѣ полстолѣтія, и она помнила его съ ранней юности, когда попала въ барскіе покои еще дѣвочкой, которую взяли на побѣгушки. И вдругъ явится какая-то нѣмка и приметси заводить свои порядки. Эта мысль убивала почтенную старушку.

О. Петръ занялся Настенькой. Дѣвочка обыкновенно пріѣзжала въ усадьбу только лѣтомъ, вмѣстѣ съ отцомъ, а зимой жила въ Петербургѣ, у тетки Варвары Васильевны. Въ виду свадьбы ее точно сослали въ деревню вмѣстѣ со старухой-нянькой, и это послужило поводомъ для разговоровъ. Обсуждался этотъ вопросъ главнымъ образомъ въ попевскомъ домѣ, хотя о. Петръ изъ

принципа и не любилъ вмѣшиваться въ чужія дѣла. Но матушка была другого мнѣнія и по цѣлымъ часамъ вела съ Гавриловной тихія, задушевныя бесѣды.

— И въ самый бы разъ намъ оставаться у Варвары Васильевны,— горевала старая няня, качая головой.—Вѣдь жили же раньше, а тутъ вдругъ помѣшали...

— Ну, это не спроста сдѣлано, Гавриловна,—разсуждала матушка.—То раньше, а то теперь... Мачеха-то что подумаетъ: прячутъ отъ меня дѣвочку, значитъ, боятся, что буду ее изводить. Такъ я говорю?.. Варвара Васильевна умная и всякія науки въ институтѣ произошла, ну, и все понимаетъ. Вѣдь великій хочетъ сдѣлать, какъ лучше...

— Охъ, ничего я не понимаю, матушка. Стара стала...

— Да ужъ такъ, вѣрно тебѣ говорю. И притомъ Семенъ Васильевичъ человѣкъ обстоятельный и не дастъ въ обиду роднаго дѣтища. Конечно, родной матери, какъ птичьяго молока, не купить, а за сиротъ Богъ...

— Да это что же, что на второй женился: дѣло житейское. А вотъ вся бѣда, что нѣмка... Еще въ роду не бывало у насъ нѣмокъ-то.

— Ну, и русскія хороши бываютъ. Другая такая изъѣдуга попадетъ, что не приведи Царица Небесная... И у господъ и въ простомъ званіи— вездѣ сиротамъ-то не сладко живется.

О. Петръ хотя и зналъ, что женскій языкъ весьма склоненъ болтать самыя неподобныя благоглупости, но потихоньку жалѣлъ Настеньку, точно предчувствовалъ что-то недоброе. И теперь, сидя въ ожиданіи молодыхъ, онъ долго и ласково гладилъ шелковые волосы Настеньки и повторялъ точно про себя:

— Настенька, а ты люби мачеху... Она тебѣ будетъ второй матерью. Значитъ, такъ было угодно Богу. Ты будешь слушаться мачехи, а она тебя будетъ любить. Ссориться нехорошо, и нужно слушаться старшихъ. Ты будешь слушаться?

— Буду... Я только боюсь, о. Петръ.

— Чего же ты боишься, глупенькая?

— А сама не знаю, чего... такъ...

Дѣвочкѣ было пять лѣтъ, но она казалась старше своихъ лѣтъ, благодаря высокому росту. Когда о. Петръ пошелъ осматривать комнаты, чтобы проѣрить Гавриловну, она шла за нимъ и болтала все время.

— А у насъ третьяго-дня телочка пестренькая родилась, о. Петръ. Ее посадили въ баню... мы съ няней ходили ее смотрѣть... Смѣшная такая!.. Прыгаетъ, а ноги врозь катятся...

О. Петръ осмотрѣлъ залу и гостиную и остался всѣмъ доволенъ. Вотъ такъ-то онъ ждалъ Семена Васильевича съ первой женой. Кроткая была женщина, обходительная. Въ гостиной висѣлъ ея портретъ, сдѣланный уже послѣ смерти. О. Петръ вздохнулъ. Да, у всякаго свой предѣлъ. Эти печальныя размышленія были прерваны слабымъ звукомъ колокольчика. Гавриловна, оправлявшая салфетку на столѣ, безмолвно всплеснула руками, а потомъ бросилась къ Настенькѣ.

— Женщина...—строго замѣтилъ ей о. Петръ, запахивая полы своей люстриновой ряски и указывая глазами на дѣвочку.

Звукъ колокольчика повторился и опять замеръ. Наступившая пауза всѣмъ казалась безконечной. Настенька ухватилась обѣими ручками за платье няни и смотрѣла испуганными глазами на о. Петра, начавшаго откашливаться.

— Угодники безсребренники, спаси насъ!.. шептала Гавриловна, когда звонъ колокольчика послышался уже совсѣмъ близко.—Пресвятая Владычица... Охъ, батюшки, калитку-то позабыли отпереть!

Въ хлопотахъ, дѣйствительно, всѣ забыли про калитку, и о. Петръ покачалъ только головой, когда кто-то началъ стучать въ ворота со всего плеча. Да, нехорошій знакъ... Гавриловна совсѣмъ растерялась и едва нашла калиточную задвижку.

— Эй, ты, старая ворона, живѣй шевелись!—рычалъ за калиткой мужской голосъ.—Померли вы тутъ всѣ?

— Охъ, батюшка, Захаръ Ильичъ, прости ты меня старую дуру... Затемнилась я совсѣмъ отъ радости.

— Ну, ладно. Я съ тобой потомъ разсчитаюсь...

Эта запертая калитка испортила настроеніе всѣмъ, а главнымъ образомъ Аннѣ Ѳедоровнѣ, точно предсказаніе чего-то недобраго. Впрочемъ, она сдержала себя и вошла въ свой домъ съ веселымъ лицомъ. Въ передней было темно,—забыли поставить лампочку. Но все это было пустяки, и молодая, пока мужъ помогалъ ей раздѣваться, все время смотрѣла въ освѣщенное пространство двери, гдѣ, какъ на экранѣ волшебнаго фонаря, обрисовался рѣзкими контурами силуэтъ маленькой дѣвочки. „Да она совсѣмъ большая...“—облегченно подумала Анна Ѳедоровна. Но это хорошее впечатлѣніе сейчасъ же было испорчено выдвинувшейся въ дверь фигурой о. Петра. Зачѣмъ тутъ попъ, и что̀ ему нужно?.. Семенъ Васильевичъ взялъ молодую жену подъ руку и торжественно ввелъ ее въ небольшую залу. О. Петръ благословилъ молодыхъ прадѣдовской иконой Зосимы и Савватія и произнесъ приготовленное раньше краткое слово:

— Да благословитъ васъ Господь Богъ... Любите другъ друга, какъ заповѣдалъ Богъ, и любите всѣхъ. Сударыня, а ваша любовь пусть согрѣетъ этотъ старый домъ, ибо и велика радость и великъ отвѣтъ предъ Господомъ...

Семенъ Васильевичъ приложился къ образу и поцѣловалъ руку у батюшки, а молодая не сдѣлала ни того ни другого. Она быстро подошла къ Настенькѣ, наклонилась къ ней, чтобы поцѣловать, но дѣвочка съ крикомъ бросилась къ нянѣ.

— Не хочу... Не хочу...

Семенъ Васильевичъ взялъ дѣвочку на руки, успокоилъ и поднесъ къ женѣ.

— Ну, поцѣлуй, дурочка, маму... Это твоя вторая мама.

— Оставьте ее,—замѣтила Анна Ѳедоровна.—Мы сами познакомимся...

Захаръ Парначевъ въ это время успѣлъ сбѣгать въ столовую, гдѣ отыскалъ початую бутылку какой-то наливки. Но бѣда въ томъ, что не было совсѣмъ бокаловъ, а рюмокъ всего три.

— Э, плевать, я буду изъ чашки поздравлять,—рѣшилъ онъ.

О. Петръ выпилъ всю рюмку до дна, а молодая едва притронулась изъ вѣжливости. Гавриловна обидѣлась, что ее забыли и не предложили выпить за здоровье молодыхъ, но, скрѣпя сердце, подошла къ ручкѣ нѣмки и проговорила:

— Совѣтъ да любовь, молодая наша барыня... Жить намъ, поживать добра наживать. Служила я еще маменькѣ Семена Васильевича и вамъ, дастъ Богъ, послужу.

— Спасибо, няня...

Молодая побрезговала и не поцѣловала Гавриловны, что̀ ей и было поставлено въ счетъ, какъ и то, что не приложилась къ образу и не обла[illegible]

руки батюшки. Однимъ словомъ, нѣмка и никакихъ господскихъ порядковъ не понимаетъ...

Всѣ чувствовали себя неловко, и выручила только Акулина, подавшая кипѣвшій самоваръ „въ самый разъ“. Это былъ выходъ изъ общаго неловкаго положенія, да и въ дорогѣ всѣ прозябли немного. Гавриловна замѣтила, какъ молодая оглядываетъ комнаты, и подумала со злостью: „Ишь какъ шмыгаетъ глазами... Обрадовалась ворона, что попала въ барскія хоромы“.

За часомъ всѣхъ занималъ Захаръ Парначевъ. Его голосъ такъ и гремѣлъ, точно труба. Впрочемъ, Анна Ѳедоровна была теперь рада этому милому родственнику. Старикъ почти одинъ выпилъ всю наливку и опять захмелѣлъ.

— Сенька, я тебя люблю, а ты все-таки не гордись!—бормоталъ онъ.—Да... Я знаю, братъ, ты считаешь себя умнѣе всѣхъ... Шалишь, братъ, Захара Парначева не проведешь!.. Говорю прямо: не гордись. Вѣрно, о. Петръ?

— И смиреніе бываетъ паче гордости, Захаръ Ильичъ,—уклончиво отвѣтилъ батюшка.

— А богъ и не то!—гремѣлъ Захаръ Парначевъ.—Къ чему я клоню сью рѣчь? Слушай: Сенька гордецъ, а того не знаетъ, что первая жена отъ Бога, вторая отъ людей, третья отъ чорта... А между прочимъ, намъ пора ѣхать домой, отецъ, то-есть я пойду ночевать къ тебѣ.

— Милости просимъ, Захаръ Ильичъ...—приглашалъ батюшка.—Весьма даже пора.

III.

Медовый мѣсяцъ... Какъ впослѣдствіи Анна Ѳедоровна ненавидѣла это дурацкое выраженіе, вызывавшее у нея въ душѣ цѣлый рядъ самыхъ глубокихъ оскорбленій, какія только могутъ выпасть на долю женщины. Она дошла до такого состоянія, что перестала вѣрить себѣ и задавала вопросъ, неотступно преслѣдовавшій ее: а можетъ-быть, она злая женщина, безсердечная, вообще нехорошая, то, что называется мачехой въ дурномъ смыслѣ этого слова? Но мы забѣгаемъ впередъ, опережая событія.

Семенъ Васильичъ по случаю женитьбы взялъ мѣсячный отпускъ, и все это время молодые провели въ Парначевкѣ, въ *своей* Парначевкѣ, какъ писала Анна Ѳедоровна матери въ Петербургъ. Первые дни прошли быстро, точно въ туманѣ,—такъ было много новыхъ впечатлѣній. Анна Ѳедоровна знала только свой Петербургъ и нѣсколько дачныхъ окрестностей, а остальная деревенская Россія для нея совершенно не существовала, и она не могла даже приблизительно представить себѣ, кто и какъ живутъ въ этой настоящей Россіи. А тутъ она сразу очутилась точно на днѣ какого-то подводнаго царства—до того все было ново и необыкновенно. Исходнымъ пунктомъ этихъ новыхъ впечатлѣній являлась своя барская усадьба, похоронившая въ себѣ воспоминанія нѣсколькихъ поколѣній. На другой день по пріѣздѣ Анна Ѳедоровна подробно осмотрѣла свои владѣнія и пришла къ убѣжденію, что все рушилось, и что нѣтъ возможности что-нибудь реставрировать.

— Мы сломаемъ это старье и выстроимъ новую усадьбу,—говорилъ Семенъ Васильичъ, показывая женѣ все жилье.—Это давно слѣдовало сдѣлать, но какъ-то руки не доходили. Да и не для кого было хлопотать. А теперь совсѣмъ другое дѣло...

— Ахъ, какъ это будетъ хорошо...—шептала въ восторгѣ Анна Ѳедоровна.

— И все хозяйство необходимо поставить на новую ногу, а то, говоря откровенно, все страшно распущено и никуда не годится.

— Я въ хозяйствѣ ничего не понимаю, Сеня.

— Выучишься помаленьку...

При одномъ словѣ „хозяйство“ Аннѣ Ѳедоровнѣ представлялась прежде всего старая нянька Гавриловна, которая слѣдила, какъ тѣнь, за каждымъ ея шагомъ и которая будетъ ее подсчитывать во всемъ, сравнивая въ глаза и за глаза съ „первой барыней“. Да, эта первая барыня незримо продолжала наполнять всю старую усадьбу, и Анна Ѳедоровна каждый разъ вздрагивала, когда Гавриловна въ видѣ окончательнаго, рѣшающаго мотива повторяла стереотипную фразу:

— А *у насъ* прежде совсѣмъ по-другому было...

У насъ—это значило, что такъ дѣлалось при первой барынѣ. Гавриловна ревниво оберегала этотъ старый режимъ, какъ своего рода святыню, и выказывала мертвое бабье сопротивленіе, сопротивленіе безъ словъ. Старуха ни за что не желала переставить мебель по-новому, измѣнить часъ обѣда, выборъ кушаній и т. д., до послѣднихъ мелочей ежедневнаго обихода. Между старой вѣрной „слугой“ и новой барыней съ первыхъ же шаговъ завязалась глухая, безпощадная борьба, причемъ за Гавриловной было громадное преимущество цѣлаго прошлаго и настоящаго въ лицѣ маленькой Настеньки. Анна Ѳедоровна выдерживала характеръ и не подавала вида, что замѣчаетъ что-нибудь, особенно при мужѣ, который уже сдѣлалъ нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній старой нянькѣ.

— Оставь ее, пожалуйста,—уговаривала его Анна Ѳедоровна.—Она, просто, ревнуетъ меня ко всему, что вполнѣ понятно...

Затѣмъ, постепенно выяснилось, что у Гавриловны есть масса сторонниковъ, вполнѣ раздѣлявшихъ ея настроеніе. На погостѣ за Гавриловну была попадья, а въ деревнѣ нѣсколько старыхъ дворовыхъ, хранившихъ традиціи захудавшаго барскаго гнѣзда. Эти дворовые приходили нарочно въ усадьбу, чтобы посмотрѣть на новую барыню-нѣмку, шептались о чемъ-то съ Гавриловной, качали головой и проявляли необыкновенную нѣжность къ Настенькѣ. Анна Ѳедоровна понимала только одно, именно, что за ней зорко слѣдили сотни глазъ, подозрѣвая въ чемъ-то дурномъ. У нея все чаще и чаще началъ являться невольный вопросъ: „Что я сдѣлала всѣмъ этимъ людямъ? Отчего всѣ они такіе злые?..“ Этотъ тайный врагъ выбралъ исходнымъ пунктомъ Настеньку, точно дѣвочка подвергалась какой-то смертельной опасности. Пунктъ былъ вѣрный, больше—изъ этого положенія не было рѣшительно никакого выхода, въ чемъ Анна Ѳедоровна убѣдилась слишкомъ скоро. Она старалась держать себя съ дѣвочкой просто, какъ съ младшей сестрой, но это выходило баловать ее, что та же Гавриловна и объяснила съ грубой откровенностью заслуженнаго человѣка.

— Вы ее набалуете, барыня, то-есть Настасью Семеновну.

— Зачѣмъ вы называете дѣвочку Настасьей Семеновной?

— А то какъ же иначе-то? Не какая-нибудь, а настоящая, природная барышня. У насъ завсегда ужъ такъ велось въ дому...

— Зовите просто Настенькой. Она еще такъ мала...

— Слушаю-съ...

— А затѣмъ мнѣ совсѣмъ не нравятся ваши замѣчанія, Гавриловна. Я понимаю и цѣню васъ, какъ вѣрнаго человѣка, какъ няню Семена Васильевича, но это еще не значитъ, что я во всемъ должна соглашаться съ вами. Думаю, что и для васъ и для меня удобнѣе будетъ, если именно вы будете соглашаться со мной. Я даже этого требую, няня, именно въ интересахъ дѣвочки, потому что, если я буду съ ней ласкова, вы будете обвинять меня

въ баловствѣ; если буду строга, вы меня будете называть злой мачехой. Дѣло гораздо проще: Настенька будетъ моей младшей сестрой и только. Кажется, понятно?

— Слушаю-съ...

Аннѣ Ѳедоровнѣ сейчасъ же пришлось раскаяться въ этихъ откровенныхъ объясненіяхъ, потому что Гавриловна въ тотъ же день вечеромъ разсчитанно громко говорила въ кухнѣ кухаркѣ Акулинѣ:

— Наша-то притка больно... Сестра, гритъ, будетъ моя младшая. Сно я похожо на то... Съ перваго разу въ сестры произвела, а дальше-то ужъ к по-другому. Тоже очень хорошо понимаемъ... А то забыла, что когда законъ принимала, такъ въ матери ставилась. Законъ-то для всѣхъ бабъ одинъ... А тутъ—сестра.

Вступить въ какія-нибудь объясненія съ Гавриловной было уже непростительной ошибкой, потому что старуха находилась въ возбужденномъ состояніи и могла наговорить дерзостей, а послѣднее повело бы къ нежелательнымъ объясненіямъ съ мужемъ. Кстати, Анна Ѳедоровна чувствовала каждую минуту, что и мужъ зорко слѣдитъ за ея отношеніями къ Настенькѣ и смутно готовится, можетъ-быть, защищать дочь отъ ея деспотизма. Да, все это въ порядкѣ вещей, и нужно выдержать характеръ до послѣднихъ мелочей, пока все не устроится. Время—самый справедливый человѣкъ, какъ говоритъ какая-то итальянская пословица.

Странно, что между мужемъ и женой уже являлись недоговоренныя вещи. Анна Ѳедоровна была убѣждена, что присутствіе Гавриловны для Настеньки, кромѣ вреда, ничего не приноситъ, и она не могла сказать откровенно этого мужу прямо въ глаза, предоставляя ему самому догадаться. Это была какая-то молчаливая ложь, которая отравляла жизнь съ первыхъ шаговъ. Приходилось молчать, затаивать и просто скрывать, а мужъ точно намѣренно ничего не замѣчалъ и продолжалъ оставаться все такимъ же, какимъ она знала его дѣвушкой. Въ жизнь прокрадывался какой-то тайный разладъ, какое-то неустранимое противорѣчіе, и незамѣтно вырастала роковая стѣнка, навсегда раздѣляющая самыхъ близкихъ людей.

Анна Ѳедоровна научилась въ нѣсколько дней слѣдить за самой собой и за другими—это былъ отвѣтъ на общее выслѣживаніе. Она тысячи разъ провѣряла себя въ отношеніяхъ къ падчерицѣ и рѣшительно ни въ чемъ не могла себя упрекнуть. И времени прошло такъ мало, и дѣвочка сама по себѣ нравилась ей, какъ и всякій другой здоровый и милый ребенокъ. Будущее Настеньки всецѣло зависѣло отъ воспитанія, и если чего можно было пожелать, такъ это удаленія Гавриловны, которая не-сегодня-завтра начнетъ разстраивать ребенка. Дѣвочка, съ своей стороны, внимательно присматривалась къ мачехѣ и пока оставалась въ нерѣшимости, какъ къ ней отнестись. Новая мама, конечно, была для нея пока чужой, и нужно было предоставить времени то естественное сближеніе, изъ котораго развиваются постепенно органическія родственныя чувства.

— Почему я должна звать васъ мамой?—откровенно спрашивала дѣвочка, точно не рѣшаясь приласкаться къ ней.—Моя мама умерла...

— Да, твоя родная мама умерла, а я для тебя буду второй мамой, дѣточка.

— И я буду васъ любить?

— И будешь любить, очень любить...

Присматриваясь внимательно къ дѣвочкѣ, Анна Ѳедоровна пришла къ удивительному заключенію, именно, что, будь она, Анна Ѳедоровна, въ домѣ

Семена Васильевича просто гувернанткой, она полюбила бы вотъ эту Настеньку отъ всего сердца, и Настенька отвѣтила бы ей тѣмъ же. Но сейчасъ онѣ обѣ точно сторонились и боялись другъ друга. Это было и обидно, и нелѣпо, и несправедливо, и рѣшительно ни для кого не нужно. Еще обиднѣе было то, что и няня Гавриловна, и кухарка Акулина, и старые дворовые изъ Парначевки, и попадья съ погоста—всѣ сами по себѣ, вѣроятно, люди хорошіе и добрые и дѣйствовали сейчасъ изъ самыхъ добрыхъ и хорошихъ побужденій. Аннѣ Ѳедоровнѣ иногда хотѣлось, просто, крикнуть имъ всѣмъ: „Зачѣмъ вы обижаете меня, милые, добрые люди, когда я хочу всѣхъ васъ любить и быть счастливой именно этой любовью? Вѣдь я совсѣмъ не злая и никому не желаю зла“... Но эти ораторскіе порывы не проявлялись ничѣмъ внѣшнимъ, замирая подъ гнетомъ опутывавшихъ зарождавшееся счастье мелочей.

Бывали иногда, просто, минуты молчаливаго отчаянія, и Анна Ѳедоровна начинала думать на тему о томъ, когда Настенька вырастетъ большая и она разскажетъ ей всѣ свои муки, самыя тайныя мысли и нелѣпыя сторченія. О, она, та, большая Настенька, пойметъ и оцѣнитъ ее... Вся бѣда въ томъ, что приходилось ждать этого рѣшающаго момента цѣлыхъ десять—двѣнадцать лѣтъ, когда Настенька превратится въ совсѣмъ взрослую дѣвушку. А теперь ждать и терпѣть... Анна Ѳедоровна по какому-то инстинкту ничего не рѣшилась написать даже родной матери: *этого* никто не долженъ былъ знать, даже самые близкіе люди, какъ мужъ или мать. И это такъ будетъ...

Семенъ Васильевичъ былъ очень внимателенъ къ женѣ и часто смѣшилъ ее желаніемъ угодить ей. Послѣднее у него выходило какъ-то угловато и неловко, какъ у человѣка, попавшаго случайно въ совершенно незнакомое ему общество. Но, говоря правду, это ухаживанье льстило Аннѣ Ѳедоровнѣ, и она чувствовала бы себя почти несчастной, если бы мужъ относился иначе. Впрочемъ, отдавая эту дань своему молодому счастью, Семенъ Васильичъ продолжалъ оставаться дѣловымъ человѣкомъ и не терялъ напрасно своего свадебнаго отпуска. Онъ теперь почти каждый день уѣзжалъ въ Парначевку, гдѣ у него тянулось какое-то безконечное дѣло съ крестьянами изъ-за земли. Необходимо было съ нимъ развязаться разъ и навсегда. Когда мужъ уѣзжалъ вечеромъ и оставался долго въ волостномъ правленіи, Анна Ѳедоровна начинала тяготиться своимъ одиночествомъ и не знала, какъ убить свое время. Въ хозяйство она совсѣмъ не желала вмѣшиваться, чтобы чѣмъ-нибудь не возстановить противъ себя старую прислугу, мѣрявшую ее „первой барышей“, а потомъ, говоря откровенно, она по натурѣ и не была хозяйкой и мало интересовалась домашними хозяйственными комбинаціями.

Оставаясь одна, Анна Ѳедоровна обыкновенно занималась Настенькой, чтобы понемногу приручить ее къ себѣ. Она пробовала съ разныхъ сторонъ подойти къ этой дѣтской душѣ, которая готова была закрыться для нея навсегда при первомъ неосторожномъ шагѣ. Она разговаривала съ дѣвочкой о всевозможныхъ предметахъ, разсказывала ей сказки, пробовала читать какую-то старую дѣтскую книжку, осторожно выспрашивала ее о томъ, что она любитъ.

— Я люблю только папу...—повторяла настойчиво Настенька, точно ее кто оспаривалъ.—И больше никого не люблю...

— И меня не любишь?

— И васъ не люблю...

— Почему?

— Потому что люблю свою настоящую маму, которая виситъ въ гостиной.

Этотъ наивный дѣтскій отвѣтъ освѣтилъ сразу всю картину. Да, что ни дѣлай, а эта настоящая мама будетъ вѣчно стоять передъ глазами, пока существуетъ вотъ эта Настенька. Въ первый еще разъ въ душѣ Анны Ѳедоровны шевельнулось нехорошее и злое чувство, не относившееся собственно ни къ кому. Она начинала ревновать Настеньку къ отцу, припоминая цѣлый рядъ самыхъ трогательныхъ сценъ, точно дѣвочка своимъ дѣтскимъ лепетомъ и поцѣлуями отнимала у нея что-то такое дорогое, чему нѣтъ возврата.

IV.

Семенъ Васильевичъ, охваченный счастливымъ эгоизмомъ, ничего не замѣчалъ почти до самаго конца. Вѣрнѣе сказать, онъ служилъ своему счастью съ такой же добросовѣстностью, какъ служилъ и въ своемъ банкѣ. И тамъ и тутъ предъ нимъ раскрывались горизонты, и онъ уходилъ въ мечты о будущемъ. Мысль о первой женѣ совершенно заслонялась настоящимъ, тѣмъ болѣе, что оставался на рукахъ ея живой портретъ—Настенька. Онъ любилъ думать, что въ лицѣ дочери какъ будто искупитъ какую-то невольную вину предъ покойной женой, а тутъ еще другая женщина, которая замѣнитъ Настенькѣ мать. Заботиться о двухъ любимыхъ женщинахъ, соединить ихъ въ одно—это ли не счастье? Да, онъ будетъ любить обѣихъ, будетъ неустанно работать для нихъ и будетъ еще счастливѣе сознаніемъ, что трудился не напрасно.

Всѣ эти мысли связывались какъ-то особенно тѣсно именно со старинной дѣдовской усадьбой, полной еще дѣтскихъ воспоминаній. Ему было жаль зорить это старое дворянское гнѣздо, хотя оставлять его въ настоящемъ убожествѣ тоже было невозможно. Семенъ Васильевичъ успѣлъ составить уже нѣсколько плановъ новой усадьбы и съ особеннымъ стараніемъ вычерчивалъ фасадъ. Наверху помѣщалась свѣтелка, предназначавшаяся Настенькѣ. Да, время летитъ, и не замѣтишь, какъ маленькая дѣвочка превратится въ большую дѣвушку. Мысленно онъ часто видѣлъ дочь большой, любилъ думать на эту тему. Составляя планы, Семенъ Васильевичъ подолгу совѣтовался съ женой относительно разныхъ комбинацій. Она любила страстно цвѣты и требовала, чтобы рядомъ съ домомъ непремѣнно была устроена маленькая оранжерейка, соединенная съ комнатами теплымъ ходомъ. Зимой это будетъ доставлять массу удовольствія, особенно въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ развлеченій.

— Подъ старость мы и совсѣмъ поселимся въ деревнѣ,—мечтала Анна Ѳедоровна.—Тогда уже ничего не будетъ нужно, кромѣ своего угла. Привыкну къ хозяйству, буду считать горшки молока, яйца...

Это было въ самомъ началѣ, а потомъ Анна Ѳедоровна только соглашалась съ мужемъ во всемъ, дѣлая равнодушное лицо. Послѣднее его положительно обижало, расхолаживая тѣ мечты о будущемъ, которыя свивались вмѣстѣ съ этимъ будущимъ гнѣздомъ.

— Кажется, я тебѣ просто надоѣлъ, Аня, своими планами,—замѣтилъ разъ Семенъ Васильевичъ, сдерживая невольное раздраженіе.—Я больше не буду приставать...

— Я уже сказала, Сеня, что дѣлай, какъ хочешь. Мнѣ рѣшительно все равно, т.-е. даже не все равно, а, просто, я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю.

— Ты, какъ мнѣ кажется, чего-то не договариваешь...

— Я?

Анна Ѳедоровна даже покраснѣла, пойманная врасплохъ, и проговорила оправдывающимся тономъ:

— Видишь ли, Сеня, я не понимаю, къ чему такъ торопиться съ этой

постройкой? Можно и подождать... Мнѣ кажется, что тебѣ жаль уничтожать старую усадьбу, и я вполнѣ это понимаю. Вообще необходимо подождать...

— Никакихъ другихъ мотивовъ больше?

— Рѣшительно никакихъ...

Молодому мужу еще въ первый разъ показалось, что жена не совсѣмъ искренно говоритъ съ нимъ и что-то скрываетъ. Впрочемъ, объясненіе было сейчасъ же подъ рукой: сказывалась петербургская барышня, ничего не видавшая, кромѣ столицы. Конечно, ей трудно сразу привыкнуть къ деревнѣ, и нужно будетъ подождать. Потомъ ее тянули въ столицу родственныя привязанности, такъ сильно развитыя въ нѣмецкихъ семьяхъ. Дурного во всемъ этомъ, конечно, ничего нѣтъ, и Аня просто большой ребенокъ, которому не по себѣ въ новой обстановкѣ.

Но эти успокоивающія размышленія не устраняли какого-то смутнаго предчувствія чего-то еще недосказаннаго, что̀ уже рѣшительно не имѣло никакихъ объясненій. Оно только чувствовалось. Въ первый разъ это чувство закралось въ душу Семена Васильевича по самому незначительному поводу. Разъ онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, составляя приблизительную смѣту будущей постройки. Около него, по обыкновенію, вертѣлась Настенька. Это былъ тихій ребенокъ, не умѣвшій даже надоѣдать, какъ другія дѣти. Дѣвочка совершенно удовлетворялась тѣмъ, что находится въ одной комнатѣ съ отцомъ. Она любила тереться около него, какъ это дѣлаютъ ласковые котята. Сейчасъ она какъ-то особенно жалась къ нему всѣмъ тѣльцемъ, и Семенъ Васильевичъ замѣтилъ:

— Настенька, ты мнѣ мѣшаешь...

Дѣвочка посмотрѣла на него испуганными большими глазами и вдругъ заплакала неудержимыми дѣтскими слезами.

— Дѣвочка, о чемъ ты плачешь?

Онъ взялъ ее на колѣни, началъ ласкать, цѣловать, а она все рыдала.

— Ну, скажи, крошка, о чемъ ты плачешь?

— Я не знаю, папа...

Она, дѣйствительно, не знала, и онъ понялъ, что въ этой крошечной маленькой женщинѣ просыпалось чувство ревности. Да, настоящая ревность... Раньше онъ безъ церемоніи выгонялъ иногда ее изъ кабинета, а сейчасъ она обидѣлась на самое простое замѣчаніе. Бѣдная маленькая женщина... Отцовское сердце невольно сжалось отъ какой-то смутной боли. Ребенокъ еще не умѣлъ высказать, сколько у него отняла другая, чужая для него женщина, а маленькое сердце уже чувствовало быстро образовавшуюся пропасть. Семенъ Васильевичъ долго и молча ласкалъ свою дѣвочку, съ трудомъ сдерживая душившія его слезы. Кто знаетъ, что̀ будетъ впереди, а сейчасъ вѣрно то, что онъ уже не принадлежалъ ей одной безраздѣльно, какъ это было раньше.

Теперь уже Семену Васильевичу пришлось скрывать отъ жены свое настроеніе, и онъ смущался, когда чувствовалъ на себѣ ея пытливый взглядъ. Да и какъ онъ могъ объяснить волновавшія его чувства, когда она еще не испытала, что̀ такое значитъ имѣть своего ребенка,—есть своя, спеціально-дѣтская логика. Конечно, Настеньку сейчасъ никто не обижалъ и никто не смѣетъ пошевелить ее пальцемъ, пока онъ живъ, а все-таки чувство какой-то особенной жалости охватывало его каждый разъ, когда онъ видѣлъ ее. Ему начинало казаться, что и дѣвочка уже не та, какой была раньше, когда жила у тетки Варвары. Да, въ маленькомъ поведеніи было что-то новое, чего онъ пока еще не могъ опредѣлить и назвать своимъ настоящимъ именемъ. Дѣвочка,

точно насторожившаяся маленькая птичка, ждала чего-то, ждала всѣмъ маленькимъ беззащитнымъ тѣльцемъ, и отцовское сердце болѣло за нее впередъ.

Охваченный этимъ настроеніемъ, Семенъ Васильевичъ мучился больше всего тѣмъ, что ему рѣшительно не съ кѣмъ было посовѣтоваться, просто поговорить по душѣ. Со своей родней онъ уже давно разошелся и не могъ разсчитывать на участіе даже сестры Варвары, которая оставалась ближе другихъ. Разговорился Семенъ Васильевичъ совершенно случайно со старикомъ о. Петромъ, къ которому завернулъ по дѣлу съ крестьянами. Онъ привыкъ съ дѣтства относиться съ уваженіемъ къ этому хорошему старику, и теперь у него невольно вырвалось все то, чѣмъ наболѣла душа.

— Такъ, такъ...—повторялъ о. Петръ, шагая по комнатѣ.—Весьма одобряю, что питаете подобныя мысли относительно своей сироты. Но что же дѣлать, слабъ человѣкъ, прилѣпившійся къ женѣ... Такъ и въ Писаніи сказано: женившійся печется о женѣ своей...

— Но вѣдь одно другому не должно мѣшать, о. Петръ?

— Совершенно правильно, хотя бываютъ случаи... гм... да... А главное, чтобы была совѣсть покойна, а это спокойствіе достигается только исполненіемъ долга. Все понемногу устроится само собой, Семенъ Васильевичъ.

— А отчего же я боюсь, о. Петръ? Совсѣмъ не знаю, чего боюсь.

— Вотъ, вотъ, это и хорошо.

О. Петръ пошагалъ, разгладилъ нѣсколько разъ бороду, оглянулся на запертую дверь въ комнату попадьи и заговорилъ уже вполголоса.

— Видите ли, Семенъ Васильевичъ, я самъ хотѣлъ поговорить съ вами объ этомъ, но пока не рѣшался. Да, не рѣшался... Дѣло въ слѣдующемъ. Я, конечно, не мѣшаюсь въ женскія дѣла, но нѣчто уже слышалъ. Конечно, женскій умъ, какъ трость, колеблемая вѣтромъ, а все-таки есть своя острота... да. Мы и не замѣчаемъ, а женщина уже видитъ по своему малодушію, ибо сама есть скудельный сосудъ.

О. Петръ еще походилъ и послѣ паузы продолжалъ:

— Весьма мнѣ даже жаль вашу молодую подружію...

— Какъ жаль?

— Да такъ... Трудненько придется молодой госпожѣ при ихъ полной неопытности жизни... Нѣчто уже говорятъ злые языки, говорятъ, прикрывая себя нѣкоторой жалостью якобы къ сиротѣ. Бываетъ... То-есть женскій полъ весьма жалѣетъ Настеньку, хотя еще ничего и не обозначилось, за что бы ее жалѣть, какъ вотъ вы и сами изволили сейчасъ говорить, Семенъ Васильевичъ.

— Кто же говоритъ, о. Петръ?

— Nomina odiosa sunt, ежели изволите помнить, какъ говорили латиняне. Сіе безразлично и для васъ даже не нужно. Заключеніе, по-моему, одно: вамъ необходимо оберечь младую подружію отъ сихъ пустыхъ женскихъ словъ, чтобы она прежде времени сама не ожесточилась. Бываетъ по неопытности лѣтъ это часто... Нужно беречь госпожу, а когда она освоится со своимъ новымъ положеніемъ, то и сама будетъ знать, что ей подобаетъ дѣлать.

Этотъ случайный разговоръ открылъ глаза Семену Васильевичу на то, о чемъ онъ боялся догадаться, именно, о той глухой оппозиціи, которую Анна Ѳедоровна неизбѣжно должна встрѣтить въ окружающихъ. Кто могъ что-нибудь говорить про нее? Конечно, старая нянька Гавриловна, выжившая изъ ума, попадья, совавшая свой носъ въ чужія дѣла, старые дворовые изъ Парначевки. Онъ никому не дѣлалъ зла, а они отравляли ему самое лучшее время капля по каплѣ. Вотъ почему Аня сдѣлалась совершенно равнодушной къ не-

стройкѣ новой усадьбы. Вѣроятно, она уже что-нибудь слышала и не хочетъ только его безпокоить.

Нѣсколько разъ Семенъ Васильевичъ думалъ вполнѣ откровенно объясниться съ женой, но изъ этого ничего не выходило. Ему было жаль разрушать этими объясненіями счастливый призракъ медоваго мѣсяца. Въ свое время все придетъ, зачѣмъ предупреждать событія. Пока онъ предпринялъ только одно, именно, предложилъ уѣхать изъ Парначевки раньше предполагавшагося срока. Анна Ѳедоровна съ радостью ухватилась за эту мысль, такъ что даже выдала свое искреннее желаніе поскорѣе разстаться со *своей* усадьбой, которой еще такъ недавно гордилась.

— Намъ необходимо заѣхать къ дядѣ Захару Ильичу въ Заозерскъ,— объяснялъ Семенъ Васильевичъ дѣловымъ тономъ.— Всего шестьдесятъ верстъ на лошадяхъ. Старикъ, конечно, чудакъ, а все-таки онъ остается старшимъ въ нашемъ родѣ.

— Я ничего не имѣю и даже очень рада... Сначала дядя мнѣ не нравился, а потомъ... Однимъ словомъ, я буду рада его видѣть.

— Долженъ тебя предупредить: онъ живетъ чудакомъ, и нужно быть готовымъ ко всему.

Семена Васильевича непріятно поразило то, что жена ни слова не сказала о Настенькѣ, точно бѣдная дѣвочка совсѣмъ не существовала на бѣломъ свѣтѣ. Она такъ была рада вырваться, наконецъ, изъ своей усадьбы... Потомъ, чтобы поправить свою ошибку, Анна Ѳедоровна наканунѣ отъѣзда увѣреннымъ тономъ замѣтила:

— Настенька, конечно, поѣдетъ съ нами...

— Нѣтъ, ей въ Заозерскѣ нечего дѣлать,—довольно сухо отвѣтилъ Семенъ Васильевичъ.—За ней пріѣдетъ тетка Варвара Васильевна и увезетъ въ Петербургъ...

Никакой сцены по этому поводу не произошло, но Анна Ѳедоровна въ первый разъ почувствовала себя несправедливо обиженной, тѣмъ болѣе обиженной, что, дѣйствительно, совсѣмъ забыла о существованіи Настеньки, когда рѣчь зашла о поѣздкѣ въ Заозерскъ. Семенъ Васильевичъ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и тоже чувствовалъ себя обиженнымъ.

V.

Уѣздный городъ Заозерскъ, какъ многое множество другихъ уѣздныхъ русскихъ городовъ, замѣчателенъ былъ тѣмъ, что въ немъ рѣшительно ничего не было замѣчательнаго, какъ выражался извѣстный заозерскій острякъ Шевяковъ. Ни добывающей промышленности ни обрабатывающей, ни естественныхъ богатствъ, ни торговаго тракта, ни силавной рѣки—какъ есть ничего. Даже не было мѣстной чудотворной иконы, которая привлекала бы къ себѣ изъ ближайшихъ окрестностей благочестивыхъ людей. Однимъ словомъ, какъ есть ничего. Кто строилъ городъ, когда и для чего—тоже было неизвѣстно. Сохранилось смутное преданіе, что черезъ эти мѣста пролегала когда-то вольная новгородская тропа на Двину, по которой удалы добры молодцы новгородскіе выводили домой и волокъ, и лушнину, и узорочье, и разную рухлядишку, вообще все, что могли награбить. По другой версіи, городъ былъ основанъ однимъ изъ московскихъ великихъ князей-собирателей, который построилъ городъ построилъ, но никому не сказалъ зачѣмъ. Несомнѣннымъ доказательствомъ древности Заозерска служили развалины какой-то башни, которая, по преданію, стояла въ центрѣ уничтоженнаго безпощаднымъ временемъ кремля. Заозерцы немало дивились тому, что городъ стоялъ въ трехъ верстахъ отъ

большого озера, а не на самомъ берегу. Ходила легенда, что въ древнія времена городъ стоялъ у самой воды, но за грѣхи обывателей озеро ушло отъ нихъ на три версты. По другой легендѣ, самъ городъ въ одну ночь ушелъ отъ озера. Вообще исторія Заозерска представляла много сомнительнаго, и было нѣсколько серьезныхъ попытокъ ее возстановить. Послѣднее объяснялось тѣмъ, что обыватели очень любили свой Заозерскъ и даже гордились имъ. Было три такихъ попытки возстановленія исторіи Заозерска. Въ первый разъ это хотѣлъ сдѣлать дѣдушка нынѣшняго остряка Шевякова, когда у него не было еще заложено имѣніе, но онъ потомъ передумалъ и рѣшилъ возстановить кремль. Въ результатѣ вышло какъ-то такъ, что не вышло ни исторіи ни кремля, а ассигнованныя на это деньги погибли во время крушенія знаменитаго Скопинскаго банка. Во второй разъ возстановить исторію хотѣлъ купецъ Болдыревъ, когда выигралъ двѣсти тысячъ. Онъ даже нарочно ѣздилъ въ Москву и подыскивалъ тамъ историка по сходной цѣнѣ, но историки дорожились, Болдыревъ обидѣлся и, на зло имъ, деньги, ассигнованныя на исторію, употребилъ на устройство церковнаго хора при соборѣ и постройку торговыхъ бань. Въ третій разъ возстановлялъ исторію Захаръ Парначевъ, когда у него въ теченіе трехъ недѣль умерло двѣ богатыхъ тетки. Онъ даже сдѣлалъ въ клубѣ подписку, которая въ одинъ вечеръ дала семнадцать рублей шестьдесятъ копеекъ. Но тутъ, какъ на грѣхъ, подвернулась сербская кампанія. Захаръ Парначевъ отправился къ генералу Черняеву добровольцемъ, а Заозерскъ такъ и остался безъ исторіи.

Мы уже сказали, что обыватели очень любили свой городъ. И, говоря откровенно, его нельзя было не любить, какъ послѣднее дворянское гнѣздо. Заозерскіе дворяне славились, потому что сохранили за собой свои помѣстья, какъ это было до эмансипаціи. Чумазый нѣсколько разъ дѣлалъ попытки слопать ихъ, но, прикинувъ въ умѣ стоимость болотъ и лѣсовъ, откладывалъ это предпріятіе, какъ не стоящее его прожорливости. Такъ и жили заозерскіе помѣщики и даже на что-то надѣялись, и наконецъ дождались новой эры, когда открылся Дворянскій банкъ. Это было настоящимъ воскресеніемъ для заозерскихъ дворянъ. Первую ссуду взялъ въ банкѣ, конечно, Захаръ Парначевъ и, конечно, сейчасъ же великодушно затратилъ ее на украшеніе города,—онъ устроилъ циркъ. Это великодушное предпріятіе не встрѣтило сочувствія гражданъ, а пріѣзжавшая странствующая труппа потерпѣла убытки. Эта неудача не охладила благороднаго рвенія Захара Парначева, и онъ убѣдился только въ томъ, что нужно было выстроить совсѣмъ не циркъ, а купальни „въ турецкомъ вкусѣ“. Бани уже были, а купаленъ не было. Какой же благоустроенный городъ не имѣетъ купаленъ?

— Я имъ устрою купальни,—упрямо повторялъ Парначевъ.—Если не могли поддержать цирка, пусть купаются. Это необходимо, особенно для дамъ, которыя очень стѣсняются, когда приходится купаться на озерѣ вмѣстѣ съ мужчинами. Прежде это еще было можно, а нынче другое... Современность, батенька.

Семенъ Васильевичъ, при всей своей положительности, доходившей до черствости, питалъ самыя нѣжныя чувства къ милому Заозерску, съ которымъ у него были связаны теплыя дѣтскія воспоминанія. Отчасти поэтому онъ повезъ сюда и молодую жену, точно хотѣлъ ее въ чемъ-то провѣрить. Собственно говоря, ѣхать въ Заозерскъ не было никакой надобности, а старый дядя являлся только предлогомъ. Анна Ѳедоровна была рада этой поѣздкѣ, чтобы вырваться изъ *своей* Парначевки. Уже дорогой она замѣтно оживилась, точно навсегда оставляла Парначевку. Даже первая размолвка была забыта, и Анна

Ѳедоровна опять могла радоваться, что ѣдетъ на своихъ лошадяхъ, и смотрѣла на спину кучера Спиридона съ чувствомъ собственности. Въ головѣ молодой женщины невольно являлась мысль, что она была бы совсѣмъ счастлива, если бы не эта дѣвочка Настенька. Да, совсѣмъ...

Дядя Захаръ Ильичъ встрѣтилъ молодыхъ съ распростертыми объятіями... Онъ жилъ на холостую ногу, занимая квартиру въ восемь комнатъ. Прислуживалъ ему одинъ казачокъ Васька, ухитрявшійся каждую минуту проваливаться сквозь землю.

— Васька, подлецъ, ты опять пропалъ?!—кричалъ старикъ.—Васька... Ну, Анюта, я очень радъ, что ты вспомнила про старика. Да... А мы тутъ живемъ попросту, голубчикъ, какъ жили еще при Гостомыслѣ.

Дома Захаръ Парначевъ расхаживалъ въ черкескѣ и въ валенкахъ, что придавало ему видъ человѣка, счастливо убѣжавшаго изъ сумасшедшаго дома. Безпорядокъ въ квартирѣ былъ ужасный, тѣмъ болѣе, что тутъ же жили ирландскій сеттеръ и двѣ облѣзлыя борзыя. Собаки имѣли довольно жалкій видъ, потому что подлецъ Васька не кормилъ ихъ и не чесалъ.

— Не красна изба углами,—рекомендовалъ Парначевъ свое логовище.—Но зато какой ухой изъ налимьей печенки угощу... А затѣмъ пирогъ на четыре угла—пальчики оближете.

Анна Ѳедоровна еще въ первый разъ видѣла квартиру стараго холостяка въ полномъ блескѣ и только брезгливо пожимала плечами, что забавляло Семена Васильевича. Развѣ такъ можно жить?.. Когда-то хорошая мебель была испорчена собаками, крашеные полы не мылись, вездѣ пыль и безобразіе невѣроятное.

— Старикъ хорошій, хотя и любитъ чудить,—точно извинялся передъ женой за дядю Семенъ Васильевичъ.

— О, онъ мнѣ очень нравится...

Анна Ѳедоровна хохотала чуть не до истерики, когда дядя принимался разсказывать о жизни въ Заозерскѣ. Это было что-то невѣроятное и нелѣпое до послѣдней степени.

— Вамъ, должно-быть, здѣсь очень скучно, дядя?—спрашивала Анна Ѳедоровна.

— Намъ? скучно?—изумлялся старикъ.—Да мы и не слыхали, что есть скука на свѣтѣ. Во-первыхъ, ѣда... Потомъ карты, потомъ охота, потомъ любовь. Ты пріѣзжай, братецъ ты мой, къ намъ лѣтомъ и посмотри, какъ мы тутъ живемъ. Вонъ видишь площадь, гдѣ мой циркъ стоитъ. Ну, напротивъ нашъ клубъ.

— Въ этомъ маленькомъ деревянномъ доминкѣ?

— А для чего же намъ больше? Совершенно достаточно... Вотъ мы и собираемся въ клубѣ каждый вечеръ. Передъ клубомъ зеленая полянка, намъ столы вынесутъ на полянку, ну, мы и играемъ. Когда совсѣмъ стемнѣетъ, свѣчи подадутъ. Гдѣ ты это увидишь?

По части ѣды у дяди, дѣйствительно, было все приспособлено замѣчательно, а если чего не хватало, подлецъ Васька летѣлъ въ клубъ, служившій какъ бы продолженіемъ собственной кухни. Вообще картина получалась единственная въ своемъ родѣ.

— Знаешь, Аня, я часто думалъ о томъ, что кончу свои дни именно въ Заозерскѣ,—говорилъ Семенъ Васильевичъ въ припадкѣ откровенности.—Здѣсь есть что-то такое мирное, спокойное... То-есть я думалъ объ этомъ раньше, до знакомства съ тобой.

— Могу только удивляться твоимъ вкусамъ...

— Да, ты удивляешься, потому что не знаешь этого милаго Заозерска и представляешь его себѣ чѣмъ-то въ родѣ зоологическаго сада или дома сумасшедшихъ. А это невѣрно... Другого такого города во всей Россіи не найдешь. И я убѣжденъ, что ты его полюбила бы, если бы узнала поближе.

Молодые прожили у дяди цѣлую недѣлю, и Анна Ѳедоровна, дѣйствительно, узнала много такого, о существованіи чего даже не могла подозрѣвать. По вечерамъ Захаръ Парначевъ любилъ предаваться воспоминаніямъ и впадалъ по этому поводу въ грустное настроеніе. И было что вспомнить... Развѣ нынче люди? Такъ и мрутъ, какъ мухи, мрутъ цѣлыми семьями, мрутъ отъ самыхъ пустяковъ. Мужчины почти поголовно спиваются. Захаръ Парначевъ, отгибая пальцы, перечислялъ: Голышевы три брата спились, Бояркины—отецъ и два сына, Мезгалевы—цѣлыхъ пять человѣкъ, Андрусевы—вся семья, и т. д. и т. д. Въ дворянскихъ усадьбахъ остаются только одни женщины.

— Дядя, вѣдь это ужасно!—возмущалась Анна Ѳедоровна.—Отчего же это?

— Отчего? Отъ современности, братецъ ты мой... И при этомъ дрянь народъ. Да вотъ хоть я,—развѣ я человѣкъ? Тоже дрянь... Какіе еще мои года, всего пятьдесятъ съ хвостикомъ, а у меня ужъ поясница къ ненастью болитъ, зубы выпадаютъ. Однимъ словомъ, дрянь... А вонъ прадѣдушка Асафъ Парначевъ...

Присутствовавшій при этомъ разговорѣ Семенъ Васильевичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, но удержать старика было трудно.

— Ты его не помнишь, Сенька? Впрочемъ, что же я говорю, когда онъ умеръ еще до твоего появленія на свѣтъ. Да, вотъ это былъ человѣкъ, Анюта. И не человѣкъ, а прямо герой. Хоть сейчасъ на памятникъ ставь. Ему уже было девяносто лѣтъ, когда я его зналъ, а онъ и лѣто и зиму спалъ въ саду, на открытомъ воздухѣ. И всѣ зубы до одного цѣлехоньки... Онъ еще суворовской закалки былъ. А кончилъ... Всю жизнь никогда не лѣчился, а тутъ подъ старость желудокъ старику сталъ измѣнять. Вотъ онъ и придумалъ себѣ лѣкарство... Вотчина была большая, вотъ онъ и набралъ себѣ тридцать бабъ-кормилокъ и цѣлый годъ женскимъ молокомъ питался.

— Фу, какая гадость...—возмущалась Анна Ѳедоровна.

— Для обыкновеннаго человѣка это гадость, а Асафъ Парначевъ былъ герой. Онъ потомъ француза изъ Россіи выгонялъ, а изъ Заозерска хотѣлъ устроить крѣпость.

Родъ Парначевыхъ тоже шелъ „на переводъ“. Мужчины быстро вымирали, спиваясь съ круга. Такъ спился старшій братъ Семена Васильевича, потомъ двое дядей, три племянника и даже одна племянница. Надъ семьей висѣло что-то роковое. Анна Ѳедоровна слушала эти разсказы съ ужасомъ, что она и сама могла спиться, попавъ въ этотъ заколдованный кругъ.

Пребываніе въ Заозерскѣ было прервано телеграммой сестры Варвары Васильевны. Она извѣщала, что перевезла Настеньку изъ Парначевки въ Петербургъ, и что дѣвочка больна тифомъ. Семенъ Васильевичъ даже измѣнился въ лицѣ, пробѣгая эти немногія строки, и телеграмма у него дрожала въ рукахъ, какъ помертвѣвшій осенній листъ. Анна Ѳедоровна тоже встревожилась, точно была въ чемъ-то виновата.

— Э, вздоръ!—успокаивалъ Захаръ Ильичъ.—Ребятишки ужъ такъ созданы, что постоянно хвораютъ... Отлежится, дастъ Богъ. Остались бы еще погостить...

— Нѣтъ, дядя, намъ пора...—разсѣянно повторялъ Семенъ Васильевичъ,

весь поглощенный мыслью о больной дѣвочкѣ.—Въ другой разъ пріѣдемъ... Какъ-нибудь лѣтомъ.

Молодые сильно волновались весь обратный путь въ Петербургъ. Семенъ Васильевичъ отмалчивался, а Аннѣ Ѳедоровнѣ казалось, что онъ сердится, и сердится именно на нее. Надо же было случиться, чтобы дѣвочка захворала ни раньше ни позже...

— Вѣдь она и раньше хворала?—спрашивала Анна Ѳедоровна, точно подыскивая самой себѣ оправданіе.

— Да... была корь. А вообще дѣвочка здоровенькая...

Семену Васильевичу казалось, что еще никогда поѣзда желѣзной дороги не ходили такъ тихо, какъ сейчасъ, и онъ поминутно вынималъ часы, точно хотѣлъ кого-то поторопить. Боже мой, вѣдь дорогъ каждый часъ... Онъ только чуть-чуть задремалъ ночью и сейчасъ же увидѣлъ страшный сонъ. Онъ держалъ горѣвшую въ огнѣ Настеньку на рукахъ, и она дѣлалась все меньше и меньше, точно таяла. Пухлый дѣтскій ротикъ повторялъ только одно слово: „Папа“... Онъ проснулся въ ужасѣ, обливаясь холоднымъ потомъ.

Когда поѣздъ подходилъ къ Николаевскому вокзалу, Семена Васильевича охватилъ какой-то паническій страхъ. Онъ выглядывалъ въ окна и боялся увидѣть какое-нибудь знакомое лицо, явившееся на вокзалъ съ спеціальной цѣлью подготовить его. Но никого знакомаго не оказалось, и онъ вздохнулъ свободнѣе. Значитъ, Настенька еще жива.

VI.

Семенъ Васильевичъ занялъ большую квартиру на Николаевской. Раньше Настенька жила у тетки Варвары Васильевны, а теперь у нея была своя комната въ квартирѣ отца. Это было оговорено Анной Ѳедоровной еще до свадьбы. Раньше, конечно, дѣвочка могла жить у тетки, потому что отецъ цѣлый день проводилъ на службѣ, а теперь это было бы неудобно. Семенъ Васильевичъ не жилъ вмѣстѣ съ сестрой потому, что она пользовалась казенной квартирой, да и вообще привыкла къ своему дѣвичьему одиночеству.

О своемъ пріѣздѣ Семенъ Васильевичъ предупредилъ сестру телеграммой, и Варвара Васильевна встрѣтила молодыхъ въ передней.

— Ну, что дѣвочка?—спрашивалъ Семенъ Васильевичъ, не снимая шубы.

— Пока еще болѣзнь не опредѣлилась, Сеня. Сегодня идетъ шестой день, а кризисъ долженъ произойти на девятый...

Новая квартира была обставлена почти роскошно, а дѣтская—свѣтлая и большая комната, по всѣмъ требованіямъ дѣтской гигіены и педагогики, надъ чѣмъ Варвара Васильевна особенно постаралась. Теперь дѣтская была полуосвѣщена благодаря спущеннымъ шторамъ. Дѣтская кроватка стояла по срединѣ комнаты. Около нея сидѣла няня Гавриловна. Больная не спала и повернула головку на шумъ осторожныхъ шаговъ.

— Это ты, папа?—спросила она, тяжело перекатывая голову на подушкѣ.—Ахъ, какъ я тебя ждала, папа... Теперь мнѣ будетъ лучше.

— Да, да, мы не будемъ хворать...—повторялъ Семенъ Васильевичъ, цѣлуя горѣвшій лобикъ.—Дѣвочка будетъ умненькая...

— Ты, папа, больше не уѣдешь?

— Нѣтъ, не уѣду, крошка...

Послѣднему дѣвочка не совсѣмъ довѣряла и крѣпко держала отца своей маленькой, горячей ручкой. Анна Ѳедоровна стояла у кровати, и на нее никто не обращалъ вниманія, какъ на гостью, которая пришла въ домъ не во-время.

Присутствующіе, видимо, о ней позабыли, и Анна Ѳедоровна сама напомнила о своемъ существованіи:

— Настенька, а меня ты узнаёшь?

Больная посмотрѣла на нее такими глазами, когда человѣкъ старается что-нибудь припомнить, и равнодушно отвѣтила:

— Да...

Анна Ѳедоровна вдругъ почувствовала себя лишней и вышла изъ комнаты, чтобы не выдать охватившаго ее волненія. Семенъ Васильевичъ вышелъ вслѣдъ за ней. Онъ замѣтно успокоился и принялся разсматривать захваченные изъ дѣтской рецепты. Жена для него въ данный моментъ не существовала, и онъ не хотѣлъ знать, какой важный моментъ въ жизни каждой молодой женщины, когда она въ первый разъ переступила порогъ своего новаго дома. Анна Ѳедоровна оставила мужа въ гостиной и прошла въ свою комнату, которой еще не видала. И здѣсь все было обставлено очень хорошо, даже слишкомъ хорошо. На всемъ видна была женская рука. Анна Ѳедоровна стояла посреди комнаты и рѣшительно не знала, что̀ ей дѣлать, даже забыла, что съ дороги слѣдовало переодѣться. Изъ этого тяжелаго раздумья ее вывела Варвара Васильевна,

— Здравствуйте, Анюта,—проговорила она ласково и просто, не рѣшаясь расцѣловать невѣстку по-родственному.—Мы съ вами еще не поздоровались хорошенько...

— Ахъ, виновата, Варвара Васильевна. Вѣдь это вы устраивали всю квартиру? Очень, очень все мило... Только, какъ мнѣ кажется, слишкомъ роскошно. Вы вѣдь знаете, какъ у мамы все просто...

— Такъ хотѣлъ Сеня... Онъ даже разсердился на меня, что квартира не поспѣла къ самой свадьбѣ. А я тутъ, право, нисколько не виновата...

Анна Ѳедоровна почувствовала, что вотъ эта старѣвшаяся дѣвушка любитъ ее и въ ея молодомъ счастьѣ переживаетъ свои неосуществившіяся дѣвичьи мечты. Этотъ женскій героизмъ ее тронулъ, и она показалась самой себѣ такой эгоисткой и вообще нехорошей. Анна Ѳедоровна молча обняла Варвару Васильевну и крѣпко ее расцѣловала.

— Анюта, о чемъ вы плачете?—удивлялась, въ свою очередь, растроганная Варвара Васильевна.—У васъ слезы на глазахъ... Вы несчастливы?

— Нѣтъ, это такъ... Счастье вообще понятіе относительное, голубчикъ, а пока я совсѣмъ, совсѣмъ счастлива. Немножко нервы... Слишкомъ много новыхъ впечатлѣній.

Варвара Васильевна посмотрѣла на нее недовѣрчивымъ взглядомъ, но не стала допытываться. У замужнихъ женщинъ своя логика... Она боялась догадаться объ истинной причинѣ нервнаго настроенія невѣстки и проговорила совсѣмъ не то, что̀ хотѣла бы высказать по душѣ:

— Анюта, вамъ нужно сейчасъ же ѣхать къ вашей матери, т.-е. вмѣстѣ съ Сеней, конечно. Это обязательный визитъ...

— Я знаю, но только мужъ очень волнуется. Вотъ пріѣдетъ докторъ, и тогда все разъяснится... Я вообще не понимаю этихъ церемоній и желаю ѣхать къ мамѣ не съ визитомъ, а просто такъ, по-домашнему. Я очень соскучилась о ней...

Въ передней раздался звонокъ. Это былъ докторъ. Послышались шаги Семена Васильевича, который шелъ къ нему навстрѣчу.

— Вы идите *туда*...—предлагала Анна Ѳедоровна.—А я побуду здѣсь.

Когда Варвара Васильевна вышла. Анна Ѳедоровна уже не чувствовала себя чужой, какъ давеча въ дѣтской. О, все пройдетъ и все въ свое время

придетъ въ извѣстную норму, только слѣдуетъ выдержать характеръ. Анна Ѳедоровна кстати спохватилась, что ни слова не сказала Варварѣ Васильевнѣ ни о Парначевкѣ ни о Заозерскѣ. А вѣдь это сейчасъ навѣрно интересуетъ дѣвушку больше всего, потому что съ этими мѣстами для нея связаны и дѣтскія воспоминанія и фамильныя отношенія.

— Какая я глупая, въ самомъ дѣлѣ,—говорила самой себѣ Анна Ѳедоровна, начиная раздѣваться.—Я только думаю о себѣ...

Когда Варвара Васильевна вернулась съ извѣстіемъ, что докторъ не нашелъ ничего особеннаго и что нужно ждать, Анна Ѳедоровна извинилась, что будетъ переодѣваться при ней, и, переодѣваясь, принялась разсказывать о своихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ свадебной поѣздки. Она не скрыла того затаеннаго враждебнаго чувства, съ какимъ ее встрѣтили няня Гавриловна, попадья съ погоста и старые дворовые изъ Парначевки.

— Я ихъ вполнѣ понимаю,—объясняла она спокойно.—На ихъ мѣстѣ и я, вѣроятно, сдѣлала бы то же самое. Если что̀ меня постоянно обижало, такъ это то, что всѣ они видѣли во мнѣ нѣмку, до милаго дядюшки включительно. Это, наконецъ, мнѣ начало надоѣдать, тѣмъ болѣе, что мой мужъ гораздо больше нѣмецъ, чѣмъ я нѣмка.

Затѣмъ она не безъ юмора передала всѣ подробности своего пребыванія въ Заозерскѣ и о томъ, какъ дядя тогда на вокзалѣ не заплатилъ за шампанское.

— Онъ мнѣ кажется большимъ ребенкомъ, — резюмировала она свои родственныя впечатлѣнія.

Докторъ не могъ окончательно успокоить Семена Васильевича, но придалъ ему нѣкоторую дозу мужества. Хорошаго, конечно, немного, но и серьезной опасности пока нѣтъ,—докторъ взвѣшивалъ каждое слово съ кабалистической точностью своего аптекарскаго вѣса.

— Теперь мы можемъ ѣхать къ мамѣ,—предложилъ Семенъ Васильевичъ, когда докторъ ушелъ.

Онъ сдѣлался вдругъ какъ-то особенно внимателенъ къ женѣ, точно почувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ. Эта перемѣна не понравилась Аннѣ Ѳедоровнѣ, какъ невольная фальшь. Вполнѣ естественно, что родная дочь ближе тещи...

Гагены жили на Васильевскомъ островѣ, недалеко отъ Средняго проспекта. Старушка Маргарита Егоровна ужасно обрадовалась, когда увидѣла наконецъ молодыхъ. Она долго-долго обнимала дочь и смотрѣла на нее такими глазами, точно кто за этотъ срокъ первой разлуки могъ ее подмѣнить. Потомъ старушка обидѣлась, когда узнала о болѣзни Настеньки.

— Отчего же Варвара Васильевна не дала знать мнѣ?—роптала Маргарита Егоровна, стараясь сдержать себя. — Вѣдь я теперь не чужая дѣвочкѣ...

— Мама, представь себѣ, даже я забыла объ этомъ, — успокаивала ее Анна Ѳедоровна.—Такъ какъ-то... Ну, перестань, мама.

— Вы меня всѣ забываете...

Впрочемъ, это неудовольствіе скоро смѣнилось новымъ приливомъ родительской любви, тѣмъ болѣе, что Маргарита Егоровна вспомнила, что молодые съ самаго утра еще ничего не ѣли. Она принялась угощать ихъ съ такимъ видомъ, точно они умирали голодной смертью. Въ семьѣ Гагеновъ питаніе, вообще, составляло своего рода культъ и было обставлено своего рода фамильными церемоніями. Анна Ѳедоровна только улыбалась про себя, припоминая пеструю формы питанія милѣйшаго дядюшки Захара Ильича, котораго

она начинала любить вопреки всей своей нѣмецкой крови и даже тому, что у дѣдушки былъ свой домъ въ Петербургѣ.

Аннѣ Ѳедоровнѣ сдѣлалось совсѣмъ весело, когда она вспомнила, что она теперь дама, настоящая дама, вполнѣ самостоятельный человѣкъ, а Семенъ Васильевичъ не простой гость, который въ теченіе цѣлаго года ходилъ къ нимъ, а ея собственный мужъ. Она съ дѣвичьей живостью побѣжала въ свою комнату, обставленную съ педантичной простотой. Боже мой, какая маленькая комнатка и какъ все бѣдно. Вотъ и ея рабочій столикъ, и полочка съ книжками, и стеклянный шкапикъ съ разными сувенирами. Да, тутъ была цѣлая коллекція этихъ дешевенькихъ сувенировъ, по которымъ можно было бы возстановить все дѣтство.

— О, я этотъ шкапикъ возьму себѣ,—рѣшила про себя Анна Ѳедоровна.—Когда состарѣюсь—пріятно будетъ взглянуть...

Вообще этотъ первый визитъ прошелъ очень весело и непринужденно, и Маргарита Егоровна успокоилась за счастье дочери. О, она впередъ чувствовала, что Семенъ Васильевичъ будетъ прекраснымъ мужемъ... О Парначевкѣ Анна Ѳедоровна разсказывала въ общихъ чертахъ, усвоивъ себѣ давешній шутливый тонъ, и ни словомъ не выдала своихъ первыхъ житейскихъ неудачъ. Замужество уже провело роковую черту, которая навсегда отдѣлила дѣвушку отъ роднаго очага. У нея теперь была собственная жизнь, свои радости и свои огорченія,—зачѣмъ говорить о послѣднихъ даже матери и напрасно тревожить ее? Вѣдь эти огорченія со стороны даже и непонятны, потому что существовали только для нея одной и никого не должны были касаться.

При прощаньи Маргарита Егоровна спросила дочь:

— А какъ, Аня, твои отношенія къ этой дѣвочкѣ?

— Пока ничего, мама,—уклончиво отвѣтила Анна Ѳедоровна.—Думаю, что поналеньку все устроится со временемъ.

Домой Анна Ѳедоровна вернулась успокоенная, точно набралась какой силы, побывавъ въ родномъ гнѣздѣ. Теперь ей казалось страннымъ, что она еще такъ недавно могла придавать какое-то значеніе болтовнѣ няньки Гавриловны или попадьѣ съ погоста. Если ужъ на то пошло, такъ онѣ должны ея бояться, а не она ихъ.

Болѣзнь Настеньки черезъ три дня совершенно опредѣлилась. Кризисъ миновалъ благополучно. Выздоровленіе наступило быстро, какъ это бываетъ только у дѣтей. Семенъ Васильевичъ уходилъ на службу и возвращался домой только къ обѣду. Анна Ѳедоровна бо̀льшую часть дня оставалась дома одна и постепенно входила въ роль молодой хозяйки. Варвара Васильевна приходила только провѣдать время отъ времени племянницу, и Анна Ѳедоровна постепенно вводила свои порядки. Мѣрка для воспитанія Настеньки была готова,—Анна Ѳедоровна при каждомъ нерѣшительномъ случаѣ вспоминала собственное дѣтство. Она дѣйствовала съ мягкой настойчивостью и не принимала возраженій. Напримѣръ, Настенька не была пріучена каждое утро чистить зубы, умываться холодной водой, самой одѣваться и самой прибирать свои игрушки. Собственно, виновата была няня Гавриловна, видѣвшая въ Настенькѣ „рожоное дворянское дитё“. Необходимо было воевать съ этой выжившей изъ ума старухой, и Анна Ѳедоровна была рада, что ни разу не погорячилась и не вышла изъ себя, а дѣлала по-своему, съ мягкой настойчивостью опытной въ такихъ мелочахъ женщины.

Но былъ одинъ пунктъ, гдѣ всякая логика была безсильна и Анна Ѳедоровна чувствовала себя безнадежно чужой. Это было для нея самымъ больнымъ мѣстомъ. Именно, дѣвочка была страстно привязана къ отцу, хотя

онъ рѣшительно ничего не дѣлалъ для того, чтобы вызвать такое чувство. Даже напротивъ, онъ держалъ себя съ дочерью строго и взыскательно. Но достаточно было одного его слова, чтобы Настенька вся расцвѣла. Она была готова для отца сдѣлать все, потому что весь ея дѣтскій міръ помѣщался въ немъ одномъ. Конечно, по-своему Семенъ Васильевичъ очень любилъ дочь, но никогда не баловалъ. Предъ Анной Ѳедоровной стояла непроницаемая тайна дѣтской любви, и она напрасно ломала свою голову надъ ея разгадкой. Разъ уже она испытала ревнивое чувство и теперь отгоняла его, какъ заразу. Собственно, къ ней Настенька относилась безучастно и принимала ея ласки, какъ сытый человѣкъ свое купанье.

— Настенька, ты все-таки любишь меня?—спрашивала Анна Ѳедоровна.

— Не знаю, мама...

Это дѣтское „не знаю“ являлось какимъ-то роковымъ порогомъ, отдѣлявшимъ мачеху отъ падчерицы. Въ существованіи его Анна Ѳедоровна не могла обвинять даже старую Гавриловну. Эта любовь къ отцу заслоняла все и служила проявленіемъ какого-то темнаго органическаго чувства. Изъ-за него смутно обрисовывалась тѣнь другой женщины, женщины-матери, которой всецѣло принадлежали эти дѣтскія чувства.

VII.

Прошло полгода. Время дѣлаетъ свое дѣло. Жизнь Парначевыхъ вошла въ свою колею. Семенъ Васильевичъ, возвращаясь каждый день домой со службы, чувствовалъ себя безсовѣстно счастливымъ. Свое гнѣздо было возстановлено. Нѣкоторыя недоразумѣнія, возникавшія сначалѣ изъ-за дѣвочки, давно улеглись, и все пришло въ порядокъ, а именно послѣднее Семенъ Васильевичъ цѣнилъ въ жизни больше всего. Изъ этого принципа онъ понемногу раззнакомился даже со старыми пріятелями, съ которыми завязалъ дружбу во время своего вдовства. Къ чему вести, когда они внесутъ въ правильно поставленную жизнь безпорядокъ... Достаточно было новыхъ родственниковъ, которые, по крайней мѣрѣ, умѣли себя держать и въ своихъ родственныхъ отношеніяхъ отбывали какую-то повинность. Анна Ѳедоровна тоже не любила гостей и, въ видѣ развлеченія, позволяла себѣ только рѣдкіе выѣзды въ театръ. Сказывался эгоизмъ счастливыхъ людей.

Лѣто Парначевы прожили на дачѣ въ Озеркахъ. Семенъ Васильевичъ хотѣлъ-было взять отпускъ, чтобы ѣхать въ Парначевку, но Анна Ѳедоровна его отговорила. Зачѣмъ брать второй отпускъ въ теченіе одного года, что можетъ повредить на службѣ. А изъ Озерковъ можно было ѣздить въ Петербургъ каждый день. Съ этимъ нельзя было не согласиться. Осенью Парначевъ переѣхалъ на ту же квартиру на Николаевской улицѣ.

Время летѣло незамѣтно. Стояла уже крѣпкая осень. Земля была скована первымъ морозомъ. По утрамъ выпадалъ первый снѣжокъ и къ вечеру таялъ. Въ этотъ переходный моментъ Петербургъ пріобрѣтаетъ особенно бодрый видъ, предвѣщающій наступленіе шумнаго зимняго сезона. Со всѣхъ сторонъ въ Петербургъ стягиваются запоздалые гдѣ-нибудь на водахъ петербуржцы и ѣдущіе по дѣламъ провинціалы.

Итакъ, въ одинъ изъ такихъ морозныхъ осеннихъ дней Семенъ Васильевичъ возвращался къ обѣду домой. Онъ чувствовалъ себя необыкновенно бодро и даже что-то насвистывалъ изъ „Жармэнъ“. У самаго подъѣзда неожиданно къ нему въ ноги бросилась какая-то старуха и причитала:

— Батюшка, Семенъ Васильевичъ, выгнала!.. И дѣвочку прибила...

Въ первый моментъ Семенъ Васильевичъ принялъ старуху за нищенку и только потомъ разсмотрѣлъ, что это была няня Гавриловна.

— Няня, что̀ случилось?!.

— Охъ, кормилецъ, дѣвочку прибила... Я, значитъ, заступилась, а она и меня выгнала...

Въ дверяхъ стоялъ швейцаръ Андрей и ждалъ только знака, чтобы оттащить старуху. Второй дворникъ уже снялъ шапку, чтобы тоже что-то такое исполнить. Семенъ Васильевичъ переконфузился и коротко сказалъ:

— Няня, ты мнѣ дѣлаешь скандалъ на улицѣ. Иди домой...

— Охъ, боюсь, родной...

— Пожалуйста, не болтай глупостей.

Семенъ Васильевичъ не помнилъ, какъ взбѣжалъ къ себѣ въ третій этажъ, какъ позвонилъ, какъ снялъ шубу и бросилъ на руки оторопѣвшей горничной.

— Гдѣ дѣвочка?

— Барышня въ кухнѣ...

Въ кухнѣ у окна дѣйствительно стояла Настенька съ опухшими отъ слезъ глазами. На розовыхъ щечкахъ оставались грязныя полосы недавнихъ слезъ. Она какъ-то испуганно посмотрѣла на отца и не рѣшилась броситься къ нему, какъ это дѣлала раньше.

— Дѣточка, что̀ такое случилось?—спрашивалъ Семенъ Васильевичъ, поднимая на руки Настеньку.—О чемъ ты плакала?

— Меня... мама... прибила...

Дѣвочка неудержимо зарыдала. Семенъ Васильевичъ что-то хотѣлъ сказать, но увидѣлъ кухарку и молча унесъ дѣвочку къ себѣ въ кабинетъ. Дорогой онъ успѣлъ рѣшить, что прежде всего нужно переговорить съ женой.

Анна Ѳедоровна, одѣтая, лежала у себя въ спальнѣ на кровати и, очевидно, приготовилась къ встрѣчѣ съ мужемъ. Она была блѣднѣе обыкновеннаго и взглянула на него исподлобья, какъ загнанный звѣрь.

— Аня, голубчикъ, что̀ случилось?—строго и виновато спросилъ Семенъ Васильевичъ, подбирая тонъ.

— Вы знаете, что̀ случилось...—разсчитанно-грубо отвѣтила она.—Идите и разспрашивайте вашу прислугу.

— Ты... ты била дѣвочку?—уже шопотомъ спросилъ Семенъ Васильевичъ, чувствуя, какъ его начинаетъ трясти.—Ты ее била?

Она сѣла на кровать, посмотрѣла ему въ лицо и отвѣтила съ улыбкой:

— Да, я ее била, потому что это дрянная дѣвчонка, которая отравляетъ мнѣ жизнь по каплѣ.

— Но вѣдь она ребенокъ, Аня!.. Наконецъ, отчего ты мнѣ раньше сама ничего не сказала?.. Я... я принялъ бы мѣры...

Она иронически засмѣялась.

— А гдѣ вы раньше были? Отчего вы не желали замѣчать, что меня всѣ ненавидятъ въ моемъ собственномъ домѣ? Вы упорно не желали видѣть, какъ меня изводила какая-то Гавриловна... Теперь довольно. Я больше ничего не хочу знать.

Семенъ Васильевичъ задрожалъ отъ бѣшенства и быстро заговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Но это еще не давало тебѣ никакого права бить беззащитнаго ребенка, тѣмъ болѣе, что у него есть отецъ!..

Она точно обрадовалась этой репликѣ и глухо захохотала.

— Да, да, отецъ...—повторяла она, глядя на него злыми глазами.—И я ее ненавижу, ненавижу вашу дочь!.. Теперь вы довольны? Такъ и знайте...

Она даже рванула подушку и заскрипѣла зубами. Лицо покрылось мертвенной блѣдностью, зрачки глазъ расширились, грудь тяжело поднималась. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но, взглянувъ на это помертвѣвшее лицо, отвернулся и тяжело зашагалъ по комнатѣ. Она, какъ звѣрь, котораго укрощаютъ, не спускала съ него глазъ и боялась пошевельнуться...

— Это гадость...—заговорилъ онъ, останавливаясь.—Можетъ-быть, дѣвочка и виновата, но бить ребенка...

— Не дѣвочка виновата, а ваша дочь.

— Аня, ты сходишь съ ума.

— Да. Я всѣхъ ненавижу. Я всѣмъ угождала, ко всѣмъ подлаживалась... пряталась отъ самой себя... Я готова была просить, какъ милостыни, хоть одну капельку этой дѣтской любви... А теперь мнѣ ничего не нужно!.. Я и васъ ненавижу вмѣстѣ съ вашей порядочностью...

Произошла самая бурная сцена, причемъ супруги не поскупились на взаимныя обвиненія и оскорбительныя слова. Въ результатѣ съ Анной Ѳедоровной сдѣлалась настоящая истерика. Семенъ Васильевичъ махнулъ рукой и, хлопнувъ дверью, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Онъ ненавидѣлъ жену въ свою очередь.

Настенька сидѣла въ кабинетѣ. Отецъ вошелъ и строго посмотрѣлъ на нее. Дѣвочка видимо смутилась и опустила глаза.

— За что тебя била мама?—спросилъ Семенъ Васильевичъ, сдерживая строгій тонъ.

— Не знаю. Я сказала, что она надѣла мамину брошку.

— Такъ. Откуда же ты узнала, что это мамина брошка?

— Няня сказала... А тетя меня ударила... рукой, потомъ схватила за волосы.

— Довольно.

Семена Васильевича охватила страстная жалость. Онъ посадилъ дѣвочку къ себѣ на колѣни и молча цѣловалъ ея личико, глазки, маленькія дѣтскія руки. Произошло что-то безобразное и дикое, чему нельзя было подыскать названія. А главное, всякая логика была безсильна... Въ самомъ дѣлѣ, не изъ-за какой-нибудь дурацкой брошки все это произошло. И все это въ его домѣ, вотъ въ этомъ самомъ домѣ. Семенъ Васильевичъ задыхался отъ безсильной ярости. Потомъ онъ, пошатываясь, какъ пьяный, отправился въ кухню. Няня Гавриловна сидѣла тамъ совсѣмъ одѣтая.

— Гавриловна, во всемъ виновата ты одна,—быстро заговорилъ Семенъ Васильевичъ, не глядя на старуху.—Да, ты, ты, ты... потому что ты настраивала дѣвочку противъ мачехи. Да...

— Извѣстно: мачеха.

— Молчать... И вотъ до чего довела... Ты знала, что дѣлаешь. Однимъ словомъ, намъ нужно разстаться...

Онъ досталъ бумажникъ, отсчиталъ слѣдующее нянѣ жалованье, молча подалъ деньги старухѣ, повернулся и вышелъ.

— Еще помянете меня, баринъ...—донеслось ему вслѣдъ.

Онъ остановился, хотѣлъ вернуться, но махнулъ только рукой и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Ни баринъ ни барыня не стали обѣдать. Плита топилась до самаго вечера, и всѣ кушанья остались. Горничная ходила на цыпочкахъ. Она говорила съ кухаркой шопотомъ.

— Хороши господа, нечего сказать... Вотъ какую выставку сдѣлали

старухѣ-нянькѣ, а еще самого барина выняньчила. Чего только и ждать нынче отъ господъ... Стыда у нихъ нѣтъ...

Семенъ Васильевичъ пожалѣлъ въ тотъ же день, что сгоряча отказалъ нянькѣ. Нужно было ей сдѣлать строгій выговоръ, заставить просить прощенія у барыни, и все бы уладилось само собой. Женскія обиды, самыя страшныя, сплошь и рядомъ кончаются ничѣмъ. Въ своей ошибкѣ онъ убѣдился въ тотъ же вечеръ, когда предъ сномъ пошелъ въ спальню съ твердымъ намѣреніемъ помириться съ женой.

— Я отказалъ нянькѣ...—заявилъ онъ въ видѣ извиненія.

Анна Ѳедоровна молчала. Она попрежнему лежала на кровати съ стиснутыми зубами.

— Я разобралъ все и нахожу, что кругомъ виновата именно старуха.

— Да? Какъ вы любезны...—отвѣтила Анна Ѳедоровна.—Теперь эта виноватая старуха сидитъ у Варвары Васильевны и разсказываетъ про мое звѣрство. Очень хорошо.

— Что же я могъ сдѣлать другое? Наконецъ, ты давеча сама ее выгнала... Вообще я ничего не понимаю...

Это было второй ошибкой, какъ впослѣдствіи Семенъ Васильевичъ убѣдился горькимъ опытомъ. Ему ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало итти къ женѣ съ этими дрянными извиненіями, а слѣдовало выдержать характеръ до конца. Такъ примиренія и не состоялось, и Семенъ Васильевичъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, не простившись съ женой.

Укладываясь спать въ кабинетѣ, Семенъ Васильевичъ думалъ о томъ, что все дѣло слѣдовало повести совершенно иначе, именно ѣхать сейчасъ же къ Маргаритѣ Егоровнѣ и объяснить ей все. Конечно, мужская гордость возмущалась вмѣшательствомъ третьяго лица въ чисто-семейное дѣло, а съ другой стороны, Маргарита Егоровна, хотя съ нѣкоторыми дипломатическими предосторожностями, въ концѣ концовъ, по естественному материнскому чувству, приняла бы сторону дочери, но все-таки это было единственнымъ исходомъ. Вообще получилось нелѣпое и скверное положеніе.

На другой день онъ встрѣтился съ женой за утреннимъ чаемъ. Оба все время промолчали. Настенька сидѣла тутъ же и тоже молча пила свое молоко. Семенъ Васильевичъ по лицу жены замѣтилъ одно, что въ теченіе ночи она нисколько не одумалась и продолжала оставаться въ томъ же ожесточенномъ настроеніи.

— Что же, мы возьмемъ другую няньку?—спросилъ Семенъ Васильевичъ, отправляясь на службу.

— Это для чего?—удивилась Анна Ѳедоровна.—Совершенно излишнія нѣжности.

— Тогда нужно искать гувернантку...

— Вздоръ. Я понимаю, что вы готовы на зло мнѣ сдѣлать все. Разъ вы наймете гувернатку, всѣ закричатъ: вотъ мачеха, которая сама не хочетъ заняться падчерицей. О, я отлично васъ понимаю, Семенъ Васильевичъ...

Что было тутъ говорить? Семена Васильевича удивляло больше всего то, что все случилось какъ-то вдругъ и безъ всякой причины. Онъ не узналъ жены, этой разсудительной и корректной нѣмочки, которую такъ любилъ.

Нелѣпое положеніе продолжалось цѣлыхъ три дня. Анна Ѳедоровна продолжала удерживать за собой позицію и подавляла Настеньку своимъ молчаливымъ пренебреженіемъ. Бѣдный ребенокъ какъ-то сразу притихъ и потерялся. Дѣвочка не жаловалась и не плакала, но Семену Васильевичу казалось, что

она уходитъ отъ него все дальше и дальше, и его отцовское сердце болѣло тоже молча. Онъ теперь чувствовалъ, какъ жена слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ ревнивыми глазами, и старался при ней не проявлять прежней нѣжности къ дочери, чтобы не возбуждать напрасно ея.

Эти ужасные дни разрѣшились совершенно неожиданно. Разъ, вернувшись со службы, Семенъ Васильевичъ засталъ у себя Маргариту Егоровну, пріѣзжавшую къ нимъ не часто. Старушка прихварывала и считала поѣздку на Николаевскую цѣлымъ путешествіемъ. По озлобленному выраженію ея лица онъ догадался, что Маргарита Егоровна все знаетъ, и у него захолонуло на душѣ.

— Мнѣ съ вами нужно серьезно поговорить...—замѣтила старушка, когда Анна Ѳедоровна вышла изъ комнаты.

Онъ этого ждалъ и приготовился къ непріятному объясненію. Они ушли въ кабинетъ, и Маргарита Егоровна притворила за собой дверь.

— Вы, конечно, знаете, что Аня въ такомъ положеніи...—начала она, съ тревогой глядя на него.

— Аня?!..

— Развѣ она вамъ ничего не говорила? Впрочемъ, молодыя женщины всегда стѣсняются...

Онъ бросился обнимать тещу. О, у него съ души свалилась цѣлая гора! Теперь было все понятно, рѣшительно все.

VIII.

Радость этого открытія продолжалась не долго. Анна Ѳедоровна оставалась попрежнему въ своемъ ежесточенномъ настроеніи и смотрѣла на мужа каждый разъ такими злыми глазами. Теперь онъ рѣшительно ничѣмъ не могъ ей угодить, несмотря на всѣ старанія, и чувствовалъ только одно, именно, что она ненавидитъ его. Преслѣдованіе Настеньки являлось только предлогомъ сдѣлать ему самую большую непріятность.

Разъ онъ со всѣми предосторожностями заявилъ женѣ:

— Я думаю, Аня, отправить Настеньку къ теткѣ... Это, конечно, на время, пока... то-есть я хочу сказать...

— Я этого ожидала!.. Вы хотите наглядно показать вашей сестрѣ, какъ мачеха выгнала вашу дочь изъ дому?!.. Кстати и Гавриловна живетъ тамъ... Оно ужъ заодно.

— Гавриловна живетъ у сестры, потому что выняньчила ее, какъ и меня.

— О, я отлично все понимаю! Не безпокойтесь объяснять... Если бы вы дѣйствительно—не любили, а просто уважали меня, то этого никогда бы не было.

— Аня, Богъ съ тобой, опомнись. Что ты говоришь? Наконецъ, какое я имѣю право вмѣшиваться въ дѣла сестры? Она самостоятельный человѣкъ и знаетъ, что дѣлаетъ...

— Именно знаетъ, что и требовалось доказать. Но падчерицы я имъ не отдамъ... Она будетъ жить вмѣстѣ съ нами, если вы не хотите, чтобы я ушла изъ вашего дома навсегда.

Получилось самое невозможное положеніе, не поддававшееся никакимъ разумнымъ объясненіямъ. Анна Ѳедоровна рѣшительно ничего не хотѣла знать. Это былъ совсѣмъ другой человѣкъ, не узнававшій самого себя. Оставаясь одна, Анна Ѳедоровна часто раскаивалась въ своемъ поведеніи и нѣсколько разъ хотѣла раскрыть всю душу мужу. Но достаточно было ему

войти въ комнату, какъ это настроеніе сейчасъ же исчезало. Она преслѣдовала его на каждомъ шагу и изводила, главнымъ образомъ, самыми безсмысленными пустяками, а особенно Настенькой, къ которой придиралась за всякіе пустяки.

Разъ она довела его до такого бѣшенства, что Семенъ Васильевичъ, не помня себя отъ бѣшенства, ударилъ ее и вытолкалъ изъ столовой. Это была ужасная минута.... Когда Семенъ Васильевичъ опомнился и пришелъ въ себя, его охватилъ ужасъ. Вотъ именно такъ убиваютъ людей... Одна минута безумія, и все кончено. Въ отвѣтъ на это оскорбленіе Анна Ѳедоровна заперлась въ своей спальнѣ на цѣлыхъ три дня и не откликалась ни на какія жалкія слова, которыя Семенъ Васильевичъ говорилъ, стоя у дверей. Онъ зналъ только одно, что Анна Ѳедоровна никому не выдастъ своего позора, даже родной матери. Къ счастью, во время этой ужасной сцены въ столовой не было Настеньки, и все произошло съ глазу на глазъ.

— Вы меня напрасно били,—говорила Анна Ѳедоровна, появившись на четвертый день къ обѣду.—Я и безъ того умру... Вы будете счастливы, что избавитесь отъ такой змѣи.

— Анюта, что ты говоришь?

Онъ просилъ прощенія на колѣняхъ, цѣловалъ ея ноги и унижался въ теченіе нѣсколькихъ дней.

— Мнѣ совсѣмъ не было больно, когда вы меня ударили,—спокойно объясняла она.—И я жалѣю, что вы тогда не убили меня. Можетъ-быть, это было бы лучше... Вѣдь простыхъ бабъ бьютъ, значитъ, это въ порядкѣ вещей. И французы и англичане тоже колотятъ нещадно своихъ женъ...

Изъ этой бесѣды Семенъ Васильевичъ понялъ только одно, именно, что жена притворяется и что при первомъ случаѣ отомститъ ему. Такой случай не заставилъ себя ждать. Прошло еще три дня. Вернувшись на четвертый къ обѣду, Семенъ Васильевичъ засталъ такую сцену: Анна Ѳедоровна тащила плакавшую Настеньку за руку къ себѣ въ спальню и по пути шлепала ее по спинѣ рукой.

— Анна Ѳедоровна, оставьте дѣвочку...

Вмѣсто отвѣта, Анна Ѳедоровна съ дьявольской ловкостью выдернула дѣвочку изъ отцовскихъ рукъ и утащила къ себѣ въ спальню. Дверь сейчасъ же была заперта на ключъ.

— Мама, не буду!..—послышался голосъ Настеньки, а затѣмъ дѣтскій визгъ.

— Анна Ѳедоровна, оставьте дѣвочку, а то я выломаю дверь!..

Визгъ перешелъ въ рыданія. Семенъ Васильевичъ схватилъ табуретку отъ рояля и принялся бить ею въ дверь.

— Мама, милая мама, не буду... не буду!..

— Анна Ѳедоровна, я позову дворниковъ!.. Я приглашу полицію... я...

Это было что-то невозможное, сумасшедшее. Семенъ Васильевичъ бѣгомъ отправился въ кабинетъ, принесъ оттуда массивную чугунную плевальницу и принялся ею выбивать дверь. Дѣтскіе крики въ спальнѣ прерывались тяжелыми ударами, но дверь была крѣпка и не поддавалась. Семенъ Васильевичъ началъ бросать въ нее стульями, канделябрами, всѣмъ, что попадало подъ руку.

— Я ее сейчасъ буду колотить головой объ стѣну...—послышался голосъ Анны Ѳедоровны.

Наступила страшная минута. Семенъ Васильевичъ вспомнилъ про ре-

вольверъ большого калибра, спрятанный въ письменномъ столѣ, и ринулся за нимъ. Но на дорогѣ онъ опомнился, схватилъ себя за волосы и бросился съ рыданіями на диванъ. Не оставалось никакого сомнѣнія, что она сошла съ ума, да и онъ вмѣстѣ съ ней... Господи, развѣ это жизнь? Развѣ онъ когда-нибудь думалъ такъ жить?

— За что?!—спрашивалъ онъ громко.—Кому и какое зло я сдѣлалъ?..

Онъ нѣсколько разъ подкрадывался къ спальнѣ жены, но тамъ было тихо, какъ въ могилѣ. Жива ли она? Что съ Настенькой?

Мысли въ его головѣ пересыпались, какъ каленые уголья. Ему было больно думать. А потомъ охватывалъ стыдъ человѣка, привыкшаго уважать и себя и другихъ.

Часа черезъ три была выпущена Настенька. Онъ бросился къ ней и утащилъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Тебя больно била мама?

— Больно, папа...

На одной щекѣ у дѣвочки была царапина, на противоположной припухъ глазъ, волосы были въ безпорядкѣ. Его первой мыслью было сейчасъ же отвезти дѣвочку къ теткѣ, но какъ увезти въ такомъ ужасномъ видѣ, а потомъ нужно окончательно объясниться съ женой. Не было сомнѣнія, что эта ужасная ненависть къ ребенку, вспыхнувшая въ ней пожаромъ, находилась въ органической связи съ беременностью. Онъ припомнилъ, что даже гдѣ-то читалъ именно о такомъ случаѣ и еще посмѣялся надъ шальной фантазіей романиста. Вотъ тебѣ и фантазія...

— Что я буду дѣлать?!..—повторялъ онъ въ отчаяніи, шагая по кабинету.

Отвѣтомъ послужила записка, которую подала горничная.

„Вы сами виноваты во всемъ и доведете меня до того, что я ее убью. Если вы ее уведете куда-нибудь изъ дому—я ухожу навсегда“.

Что было дѣлать?

Семенъ Васильевичъ чувствовалъ себя настолько разбитымъ, что не пошелъ на другой день на службу. Это, кажется, было еще въ первый разъ, какъ онъ поступилъ на свое мѣсто въ банкѣ. Въ проведенную безъ сна ночь онъ придумалъ только одно, именно, что слѣдовало обратиться къ доктору-психіатру, такъ какъ, безъ сомнѣнія, она была больна. Но, все-таки, какъ тяжело тащить свою домашнюю бѣду въ люди... Ему было жаль и Настеньку и жену. Вѣдь съ этими женщинами для него было связано все будущее, и онъ такъ любилъ думать о нихъ, заботиться, доставлять удобства и маленькія удовольствія. Теперь онъ впередъ оплакивалъ Настеньку, которой все равно не жить съ отцомъ. Конечно, періодъ беременности пройдетъ, а вмѣстѣ съ нимъ минуетъ и непонятное ожесточеніе. Но въ жизнь вошла все-таки страшная рознь, которой не забыть.

При мысли о Настенькѣ у Семена Васильевича начинала кружиться голова. Гдѣ будетъ жить этотъ несчастный ребенокъ, который при отцѣ останется безъ отца? Что она будетъ думать о немъ, когда вырастетъ большая? Какіе люди будутъ имѣть на нее вліяніе, кто внушитъ ей хорошія, честныя мысли?

— Бѣдная, бѣдная...—шепталъ несчастный отецъ, хватаясь за голову.—Бѣдная моя дѣвочка...

Разойтись съ женой сейчасъ, другими словами, выбросить ее беременной на улицу—это было выше его силъ. Когда не будетъ Настеньки, она успокоится и придетъ въ себя. Конечно, она въ лицѣ этой дѣвочки видитъ его

прошлое и страшно ревнуетъ къ этому прошлому. Когда онъ женился во второй разъ, то долженъ былъ подумать объ этомъ заранѣе. Вѣдь это же вѣчная исторія мачехи, которая вездѣ одинакова...

Потянулась ужасная жизнь, полная какихъ-то тяжелыхъ предчувствій, точно было мало настоящей бѣды. Уходя на службу, Семенъ Васильевичъ испытывалъ самое угнетенное состояніе. Онъ сдѣлался мнительнымъ и видѣлъ то, чего раньше не замѣчалъ. Разъ, проходя мимо кухни, онъ слышалъ, какъ сказала кухарка:

— Не избывай постылаго, приберетъ Богъ милаго...

Конечно, это относилось прямо къ нему, и, вдобавокъ, вотъ эта самая кухарка была совершенно права.

Въ другой разъ, сидя за своимъ столомъ въ банкѣ, онъ услыхалъ разговоръ вполголоса у сосѣдней конторки.

— Удивительно то, что мужъ могъ допустить подобную вещь...—говорилъ помощникъ бухгалтера, толстенькій веселый человѣкъ.—Вѣдь родная дочь, и вдругъ...

Семенъ Васильевичъ даже вздрогнулъ и началъ прислушиваться, что о немъ говорятъ. Конечно, это о немъ...

Я бы ее убилъ, эту змѣю,—возмущался невидимый голосъ. — Ну жена, ну что же изъ этого? Слава Богу, мы живемъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ... А еще образованная женщина!

Разговоръ шелъ о судебномъ процессѣ, который разбирался въ петербургскомъ окружномъ судѣ. Дѣло было сенсаціонное, потому что судились за истязаніе ребенка интеллигентные люди. Всѣ газеты кричали объ этомъ дѣлѣ. Семену Васильевичу начинало казаться, что и процессъ, и газетный шумъ, и эти разговоры по его поводу—все это дѣлалось ему въ пику. Онъ уже видѣлъ себя на скамьѣ подсудимыхъ въ самой жалкой роли попустителя-мужа. Это его обвиняютъ всѣ, потому что онъ мужчина и не долженъ былъ допускать въ своемъ домѣ преступленія.

Даже во снѣ Семенъ Васильевичъ видѣлъ себя на скамьѣ подсудимыхъ и говорилъ „послѣднее слово“, обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ. И его осудили, и ему больше всего было жаль Анну Ѳедоровну, которая сидѣла въ публикѣ и улыбалась.

IX.

Послѣдній періодъ беременности прошелъ для Анны Ѳедоровны особенно тяжело, и тяжело не въ физическомъ отношеніи, а въ нравственномъ. У нея являлись настоящія галлюцинаціи. Дѣло въ томъ, что Анну Ѳедоровну неотступно преслѣдовала мысль о первой женѣ Семена Васильевича. Вѣдь онъ ее любилъ, и ласкалъ, и такъ же ухаживалъ, какъ сейчасъ ухаживаетъ за ней. Нѣтъ, гораздо больше, потому что тогда не было Настеньки... Развѣ она, Анна Ѳедоровна, могла бы любить второго мужа, и развѣ первый не стоялъ бы вѣчно передъ ея глазами, какъ единственная мѣрка для сравненій? Ей казалось, что ревнивая тѣнь этой первой жены наполняетъ собой весь домъ, она даже слышала ея шаги и не разъ, по ночамъ, чувствовала, какъ кто-то наклоняется надъ ея изголовьемъ. Анна Ѳедоровна напрягала всѣ силы, чтобы отогнать отъ себя эту больную мысль, но все было напрасно. Теперь она часто призывала къ себѣ Настеньку, велѣла ей неподвижно сидѣть на стулѣ и съ мучительной пытливостью разсматривала ее, точно хотѣла угадать по ней свою предшественницу, ея физическій складъ,

привычки, недостатки, всю душу. Ей хотѣлось открыть, что она была нехорошая, злая и не любившая мужа женщина, точно въ этомъ могло заключаться ея собственное оправданіе.

Настенька вся холодѣла, когда слышала голосъ Анны Ѳедоровны, и переживала страшную пытку, сидя передъ ней на стулѣ. Дѣвочкѣ казалось, что мачеха ее непремѣнно убьетъ, какъ говорила няня Гавриловна. Въ дѣтскихъ глазахъ было столько страха, что это бѣсило Анну Ѳедоровну.

— Что ты на меня смотришь, какъ волчонокъ?

— Я, мама...

— Молчать!.. Я знаю. что вы всѣ здѣсь ненавидите меня... Сиди смирно и сдѣлай ласковое лицо.

У Настеньки показывались на глазахъ слезы, и это окончательно бѣсило Анну Ѳедоровну.

— Ты это о чемъ ревешь? Что я тебѣ сдѣлала... ну, сейчасъ? Ты негодная дѣвчонка... злая... Убирайся вонъ!

Этихъ дѣтскихъ слезъ Анна Ѳедоровна не могла переносить и выгоняла Настеньку изъ комнаты. Ей казалось, что дѣвчонка нарочно изводитъ ее своими слезами. Что можно было сказать на эти слезы, чѣмъ оправдать себя? Боже мой, вѣдь умираютъ же другія дѣти, а Настенька осталась жива Тогда, во время болѣзни дѣвочки, эта мысль не приходила ей въ голову, а сейчасъ она любила думать на эту тему. Да, было бы хорошо... Какъ радовался Семенъ Васильевичъ, когда родилась вотъ эта Настенька, какъ ее пѣстовалъ, какъ ждалъ первой дѣтской улыбки, перваго дѣтскаго слова—въ нее былъ заложенъ цѣлый капиталъ отцовской любви, и этотъ капиталъ не повторится, какъ всякая радость. Близившееся материнство казалось Аннѣ Ѳедоровнѣ чѣмъ-то особенно обиднымъ, какъ повтореніе уже пережитаго, какъ только тѣнь миновавшаго настоящаго, какъ поддѣлка подъ настоящее счастье. Эти первыя отцовскія радости уже были пережиты, и ей доставались объѣдки...

Старушка Маргарита Егоровна бывала теперь у дочери почти каждый день и часто оставалась ночевать. По нѣкоторымъ мелочамъ она смутно догадывалась, что между молодыми супругами что-то такое произошло, а что именно—она никакъ не могла догадаться, да и не старалась. Ее безпокоило только то, что Семенъ Васильевичъ казался такимъ озабоченнымъ, а затѣмъ, что въ домѣ не было тѣхъ разговоровъ, какіе ведутъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Даже такой капитальный вопросъ, какъ полъ будущаго ребенка, оставался открытымъ.

— Аня, ты кого желала бы имѣть: мальчика или дѣвочку?—осторожно спрашивала Маргарита Егоровна.

— Ахъ, мама, не все ли равно?..

— Однако... Всѣ матери желаютъ имѣть сыновей.

— У каждаго свой вкусъ... Мнѣ кажется, что это, просто, смѣшной вопросъ.

— Не понимаю я васъ, Аня...

Старушка даже сердилась на такое равнодушное отношеніе къ такому серьезному дѣлу и потихоньку отводила душу только съ Варварой Васильевной, приходившей провѣдать невѣстку. Онѣ уходили въ столовую и тамъ вели тихіе, задушевные разговоры по цѣлымъ часамъ. Но и здѣсь Маргарита Егоровна чувствовала что-то недосказанное. Видимо, что Варвара Васильевна все знала и только отмалчивалась. Она вообще являлась въ домъ съ какимъ-то виноватымъ видомъ и почему-то сильно смущалась, когда встрѣчала брата.

— Да что̀ такое случилось?—спросила разъ Маргарита Егоровна, потерявъ всякое терпѣніе.—Всѣ вы отъ меня что-то скрываете...

— Ничего особеннаго, Маргарита Егоровна. Просто, Аня не поладила со старухой-нянькой и прогнала ее, а я приняла ее къ себѣ. Братъ на меня и сердится. Самая обыкновенная исторія...

Варвара Васильевна сама старалась вѣрить своимъ словамъ, какъ больной, который утѣшаетъ самого себя выгодными объясненіями. Въ сущности, она боялась одного, именно, серьезнаго объясненія съ братомъ, которое откладывала день за днемъ. Но объясниться было необходимо. Судьба Настеньки не давала покоя Варварѣ Васильевнѣ, и откладывать это объясненіе было преступленіемъ. Конечно, самымъ лучшимъ было бы то, когда Семенъ Васильевичъ заговорилъ бы первымъ, но онъ, видимо, этого избѣгалъ.

Уловивъ моментъ, когда они остались вдвоемъ, Варвара Васильевна рѣшилась заговорить первой.

— Сеня, ты, вѣроятно, догадываешься, что̀ я хочу тебѣ сказать?..

Онъ весь точно съежился и посмотрѣлъ на нее исподлобья.

— Именно?

Въ тонѣ его голоса слышалась сухая нотка, не предвѣщавшая ничего хорошаго. Но отступать было поздно.

— Дѣло въ томъ, Сеня, что... Однимъ словомъ, отдай мнѣ Настеньку. Пусть она живетъ у меня, какъ прежде жила...

Семенъ Васильевичъ сухо засмѣялся, съежилъ плечи и отвѣтилъ:

— Да, я этого ожидалъ, но думалъ, что ты будешь тактичнѣе...

— Я ничего обиднаго не сказала, Сеня!

— Нѣтъ, ты знала, что это будетъ обидно... Поставь себя на мѣсто Анны Ѳедоровны и подумай, что̀ значитъ твое предложеніе.

— У Анны Ѳеодоровны достаточно будетъ хлопотъ съ собственнымъ ребенкомъ, Сеня. Пусть Настенька поживетъ у меня пока...

— Это чисто-женская уловка... Но я именно этого и не желаю. Понимаете: не же-ла-ю.

— Зачѣмъ же ты раздражаешься, Сеня? Мы могли бы обсуждать этотъ вопросъ совершенно спокойно...

Лицо Варвары Васильевны отъ волненія покрылось красными пятнами, голосъ дрожалъ, и она чувствовала, что начинаетъ задыхаться. Семенъ Васильевичъ тяжело шагалъ по комнатѣ, стараясь не смотрѣть на сестру.

— Своимъ „не желаю“, Сеня, ты вынуждаешь меня высказать тебѣ непріятную вещь. Кромѣ нашихъ нежеланій и желаній есть еще обязанности, скажу больше: долгъ... Я вотъ тоже не желала бы говорить тебѣ непріятности, но должна.

— Должна?

Онъ остановился и въ упоръ проговорилъ:

— Это называется без-такт-ностью, сударыня. Вы вмѣшиваетесь въ чужія семейныя дѣла...

— Настенька мнѣ не чужая.

— У Настеньки есть отецъ.

— Сеня, ты заставляешь меня... заставляешь сказать всю правду. Да... И я скажу. Анна Ѳедоровна возненавидѣла дѣвочку по совершенно неизвѣстной причинѣ и дошла до того, что бьетъ ее. Тебѣ это хорошо извѣстно... да... Ваши семейныя отношенія никого не касаются, но истязать дѣвочку...

Теперь уже покраснѣлъ Семенъ Васильевичъ. У него все завертѣлось передъ глазами, и онъ заговорилъ уже хриплымъ голосомъ:

— А кто ее довелъ до этого, Анну Ѳедоровну? Вы ее довели, какъ вотъ дѣлаешь сейчасъ ты... Вѣдь дыма безъ огня не бываетъ, и Анна Ѳедоровна въ первое время относилась къ дѣвочкѣ замѣчательно хорошо. Но ее преслѣдовали, подозрѣвали, оскорбляли. Ты требуешь, чтобы и я дѣлалъ то же самое, что̀ дѣлали и дѣлаете всѣ вы, но именно этого и не будетъ. Отдать Настеньку тебѣ—означаетъ въ переводѣ то, что мачеха выгнала падчерицу изъ дому. Всѣ будутъ говорить именно это, и я не желаю именно этого.

— Допустимъ, что всѣ виноваты, но вѣдь дѣвочка-то не виновата?

— И она виновата... Я слѣжу теперь за ней и нахожу, что она въ достаточной мѣрѣ испорчена.

— Отчего же ты этого не замѣчалъ раньше?

— По той простой причинѣ, что она жила у тебя, и я мало ее видѣлъ. Это уже моя вина, за которую сейчасъ и приходится расплачиваться... Что̀ дѣлать!

— Мнѣ остается только поблагодарить тебя, потому что, кромѣ меня, некому было ее испортить.

— Если хочешь: да. Мнѣ это тяжело сказать, но я тоже долженъ быть справедливымъ. Въ интересахъ дѣвочки я не могу снова отдать ее тебѣ...

— Это безчестно—такъ говорить... да!..

Варвара Васильевна страшно поблѣднѣла и наговорила брату самыхъ обидныхъ вещей. Она уже боль.. не стѣснялась и называла вещи своими именами.

— Анна Ѳедоровна сама готовится быть матерью, и Богъ ее накажетъ... Да! Богъ за сиротку накажетъ... Вотъ увидишь!.. А что̀ касается тебя... Однимъ словомъ, кромѣ суда Божьяго, есть и судъ людской.

— Будешь жаловаться на меня въ окружный судъ?

— Да, буду... Сама отправлюсь къ прокурору... я... я...

Семенъ Васильевичъ схватилъ ее за плечо и молча вытолкалъ изъ кабинета.

Это былъ ужасный моментъ, когда все было порвано съ прошлымъ. Семенъ Васильевичъ долго шагалъ по своему кабинету и мысленно повторялъ происшедшую дикую сцену. Вѣдь онъ такъ любилъ вотъ эту сестру, и она его любила... Вѣдь она хорошая, честная дѣвушка, любившая Настеньку немного больной любовью. Что̀ же такое случилось? Кому все это нужно? Да, онъ погорячился, вспылилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что возврата нѣтъ и что они разстались съ сестрой навсегда. За что? Развѣ онъ кому-нибудь желалъ зла?.. А все кругомъ такъ складывалось, что выхода не было...

Когда онъ вошелъ въ спальню къ женѣ, Анна Ѳедоровна сразу поняла, въ чемъ дѣло.

— У тебя было объясненіе съ сестрой?

— Да... я ее выгналъ...

Она помолчала, закусивъ губу, а потомъ проговорила:

— Самое худшее, что̀ ты могъ придумать... Варвара Васильевна ненавидѣла меня и раньше—я это знаю, а сейчасъ она будетъ кричать на всѣхъ перекресткахъ. Раньше наши семейныя недоразумѣнія не выходили за порогъ дома, а теперь... Однимъ словомъ, мой злѣйшій врагъ не могъ бы придумать худшаго.

— Аня, что̀ ты говоришь?

— Я говорю то, что̀ есть... Скоро ты самъ убѣдишься, что я права. Ты хотѣлъ, чтобы всѣ близкіе тебѣ люди были противъ меня, и добился своей цѣли блестящимъ образомъ. Однимъ словомъ, я—мачеха, змѣя подколодная...

Анна Ѳедоровна говорила все это совершенно спокойно, какъ человѣкъ, обдумавшій и взвѣсившій каждое слово и впередъ приготовившійся къ самому худшему. Именно это спокойствіе какъ-то совсѣмъ ошеломило Семена Васильевича, и онъ не зналъ, что̀ отвѣтить женѣ. Въ послѣднее время онъ усиленно ухаживалъ за ней, стараясь загладить печальный инциндентъ въ столовой, но это приносило обратный результатъ. Анна Ѳедоровна вся точно сжималась и смотрѣла на мужа недовѣрчивыми глазами.

— Милостыни не надо,—замѣтила она однажды.—Мнѣ твое вниманіе совсѣмъ не нужно, какъ осужденному, которому передъ казнью предлагаютъ стаканъ вина...

— Кто же тебя собирается казнить, Аня?

— Я сама... А впрочемъ, все равно ты ничего не понимаешь.

X.

Роды прошли благополучно, и первое, что̀ Анна Ѳедоровна пожелала — это уѣхать на лѣто въ Парначевку. Семена Васильевича удивила эта фантазія, но онъ ничего не сказалъ и даже былъ радъ отдохнуть въ родномъ гнѣздѣ. Родилась дѣвочка, которую назвали Сусанной. Молодая мать ревниво слѣдила за каждымъ движеніемъ мужа, точно задалась цѣлью подкараулить его въ чемъ-то дурномъ. Ей казалось, что онъ притворно радуется, а въ сущности совершенно равнодушенъ къ ребенку. Когда родилась Настенька, онъ, навѣрно, больше радовался, а теперь только повторяетъ уже пережитый опытъ. Своихъ мыслей Анна Ѳедоровна, конечно, не высказывала никому и тѣмъ сильнѣе мучилась, какъ человѣкъ, попавшій въ одиночное заключеніе.

— Что̀ съ тобой, Аня?—осторожно выпытывала Маргарита Егоровна.—И ты и Семенъ Васильевичъ точно даже и не рады ребенку... Не пойму я ничего.

— У меня нервы, мама... Вотъ поправлюсь въ деревнѣ, тогда и будемъ всѣ радоваться.

Старушку огорчало и то, что ни зять ни дочь не приглашали ее съ собой въ деревню, а между тѣмъ какъ же можно обойтись безъ бабушки. Опять получалась нелѣпость... Отъ вниманія Маргариты Егоровны не ускользнуло, что зять при ней старался совсѣмъ не говорить о деревнѣ и даже прямо заминалъ разговоръ о ней. Очевидно, онъ не желалъ ея присутствія въ Парначевкѣ, а жена только вторила ему. Въ дѣйствительности не желала приглашать мать въ деревню сама Анна Ѳедоровна, а Семенъ Васильевичъ не хотѣлъ ей противорѣчить. Ему было непріятно огорчать добрую старуху, которая сейчасъ была положительно необходима.

Настенька за это время оставалась въ сторонѣ и была совершенно счастлива, что на нее никто не обращаетъ вниманія. Бо̀льшую часть своего времени дѣвочка проводила на кухнѣ и чувствовала себя здѣсь гораздо лучше, чѣмъ въ своей дѣтской. У нея явилась новая привязанность—это кухарка Пелагея, довольно неопрятная и грубая баба, не дѣлавшая рѣшительно ничего, чтобы привлечь къ себѣ дѣтскія симпатіи. Всего только одинъ разъ Пелагея „пожалѣла“ маленькую барышню, но пожалѣла такой хорошей бабьей жалостью.

— Хуже ты у насъ круглой сиротки,—говорила Пелагея, гладя Настеньку по головкѣ.—Охъ, горюша, горюша...

— А что̀ такое, Пелагея, круглая сирота?

— А такая... у которой, значитъ, ни отца ни матери. Ну, и вышла круглая сирота...

— У меня есть папа...

— Есть-то есть, да только отъ этого самаго толку нѣтъ... Всѣ отцы при мачехахъ на одну руку. Однимъ словомъ, говорить-то тошно, а еще господа называются... Ежели бы, напримѣрно, была жива мать, такъ развѣ бы это было...

Послѣдняя фраза Настенькѣ была хорошо знакома и не производила впечатлѣнія, хотя съ представленіемъ мамы у дѣвочки связывалось что-то особенно хорошее и доброе. Она любила думать о мамѣ, и ей хотѣлось плакать. Но одно Настенькѣ совершенно было понятно и ясно, какъ день: мама дѣлала бы совершенно иначе, чѣмъ Анна Ѳедоровна. Смутная мысль о справедливости окрашивалась въ головѣ ребенка однимъ словомъ: мама. И Настенька все больше уходила въ себя, дѣтское сердце замыкалось, и дѣвочка казалась неласковой и даже грубой.

— Ну, теперь тебѣ совсѣмъ шабашъ, барышня,—коротко объяснила Пелагея, когда родилась маленькая Сусанна:—у папы другая дочка родилась.

Настенька плохо понимала, въ чемъ дѣло, кромѣ того, что отецъ уже не любитъ ее по-прежнему. Раньше она каждый вечеръ забиралась къ нему въ кабинетъ и любила играть на диванѣ. Отецъ бралъ ее къ себѣ на колѣни и ласкалъ. О, какъ хорошо она помнила это счастливое время... Папа былъ добрый и, когда она засыпала у него въ кабинетѣ, уносилъ ее на рукахъ въ дѣтскую. А теперь было совсѣмъ другое. Настенька приходила въ кабинетъ къ отцу только здороваться и прощаться, а днемъ отецъ говорилъ ей сурово:

— Ты мнѣ мѣшаешь... Иди къ себѣ въ дѣтскую.

Въ пустой дѣтской Настенька страшно скучала и постоянно рвалась въ кухню, гдѣ были живые люди. Анна Ѳедоровна послѣдняго терпѣть не могла и постоянно ее ловила. Утащивъ за руку изъ кухни, толкнетъ въ дѣтскую и скажетъ:

— Читай книжку... Въ кухнѣ тебѣ нечего дѣлать. Если я еще разъ увижу тебя въ кухнѣ, смотри...

Въ наказаніе Анна Ѳедоровна сажала дѣвочку на стулъ и забывала о ея существованіи. Настенька просиживала цѣлые часы въ самомъ томительномъ бездѣйствіи и плакала неизвѣстно о чемъ. Ей хотѣлось убѣжать къ теткѣ Варварѣ и жить тамъ, какъ раньше. Папа опять ее будетъ любить. Всѣ свои дѣтскія горести Настенька приписывала Аннѣ Ѳедоровнѣ, и маленькое дѣтское сердце постепенно заполнялось ненавистью къ мачехѣ. О, она вырастетъ большая и тогда скажетъ папѣ, какъ всегда его любила, а мачеху выгонитъ изъ квартиры. Тогда папѣ ужъ не нужна будетъ эта Анна Ѳедоровна, потому что большая Настенька будетъ все умѣть дѣлать сама, и папа будетъ ею доволенъ. Настенька каждый вечеръ молилась, чтобы поскорѣе вырасти большой.

По наружности Настенька сильно измѣнилась за эти два года и измѣнилась не въ свою пользу—вытянулась, похудѣла и вообще подурнѣла. У нея явилось непріятное выраженіе лица, какъ у всѣхъ загнанныхъ и забитыхъ дѣтей. Много ее портили домашнія платья, изъ которыхъ она выросла, а отецъ только морщился, когда встрѣчалъ ее. Ему казалось, что это она виновата, если рукава сдѣлались короткими, а юбка едва прикрывала колѣни. Отчего другія дѣвочки одѣты всегда прилично, а эта на то ему ходитъ запа-

рашкой? И руки у Настеньки часто были грязны, и волосы не причесаны, какъ слѣдуетъ, и зубы не вычищены—однимъ словомъ, все, какъ не слѣдуетъ тому быть.

Переѣздъ въ Парначевку произошелъ быстро, какъ только явилась возможность уѣхать. Анна Ѳедоровна ужасно торопилась и считала часы. Послѣ болѣзни она очень похорошѣла и точно сдѣлалась даже выше. Въ характерѣ тоже явилась большая перемѣна. Анна Ѳедоровна больше не волновалась и относилась ко всему спокойно. Настеньки она попрежнему не замѣчала, но и не придиралась къ ней. Семенъ Васильевичъ чувствовалъ себя опять счастливымъ и удвоилъ свою нѣжность къ женѣ.

— Мы тамъ отлично проведемъ лѣто, Аня,—мечталъ онъ.—Не понимаю, почему тебѣ тогда тамъ не понравилось...

— Не стоитъ объ этомъ говорить,—уклончиво отвѣчала Анна Ѳедоровна.—Я тогда, просто, многаго не понимала...

Съ появленіемъ маленькой Сусанны домъ зажилъ по-новому. Явилась красивая кормилица, старушка-няня, дѣтскій врачъ—однимъ словомъ, цѣлый репертуаръ новыхъ людей, интересовъ и заботъ. Каждый день былъ наполненъ, и время летѣло незамѣтно. Настенька оставалась совершенно въ тѣни и была счастлива, что ее никто не безпокоитъ. Анна Ѳедоровна ревниво не подпускала ея къ своему ребенку, и это было единственнымъ огорченіемъ.

Еще дорогой Семенъ Васильевичъ началъ проявлять свое недовольство Настенькой, которая какъ-то всѣмъ мѣшала—просила не во-время пить, ѣла всякую дрянь, нагрубила новой нянькѣ.

— Это невозможный ребенокъ!—повторялъ онъ въ отчаяніи.—Настенька, если ты не исправишься, я буду вынужденъ тебя наказать. Не доводи мѣня до этого...

Настенька молчала и только исподлобья смотрѣла на отца. Этотъ тупой взглядъ раздражалъ его. Вообще, онъ теперь слѣдилъ за каждымъ шагомъ дѣвочки и открывалъ въ ней все новые недостатки. Невоспитанная, упрямая, злая... Когда Семенъ Васильевичъ особенно раздражался и начиналъ придираться къ Настенькѣ, Анна Ѳедоровна вступалась за нее.

— Оставь ее, Сеня. Она еще мала и не понимаетъ...

— Какъ мала!?.. Теперь-то именно ее и нельзя оставлять, а послѣ будетъ уже поздно.

Настенька вообще являлась совершенно лишней.

Въ Парначевку пріѣхали ночью. Тамъ было все по-старому, и по-старому встрѣтилъ тотъ же старичокъ-батюшка, нерушимо хранившій завѣты и обычаи недавней помѣщичьей старины. Недоставало только старухи Гавриловны. Когда распредѣлили комнаты, оказалось, что для Настеньки не оставалось своей отдѣльной дѣтской, и ее пока помѣстили въ гостиной. Старый домъ вообще не отличался удобствомъ и нуждался въ усиленномъ ремонтѣ. Семенъ Васильевичъ опять погрузился въ свои хозяйственные хлопоты, расчеты и соображенія. Это была его родная стихія, и онъ былъ радъ, что Анна Ѳедоровна полюбила старое дворянское гнѣздо. Да, здѣсь можно было и стоило жить по-настоящему, безъ той лихорадочной суеты, которая захватываетъ въ столицахъ.

За всѣми этими хлопотами у Семена Васильевича все-таки оставалось достаточно времени, чтобы слѣдить за дочерью. Утромъ она должна была являться къ нему, и онъ самъ слѣдилъ за всѣмъ: вычищены ли зубы, вымыта ли шея, причесаны ли волосы, въ порядкѣ ли весь костюмъ. Часто происхо-

дили очень бурныя сцены изъ-за ничтожныхъ пустяковъ, и Настенька входила въ отцовскій кабинетъ съ какимъ-то тупымъ страхомъ.

— Покажи руки... Опять не вымыты хорошенько! Ты не хочешь слушать никого, такъ я тебя заставлю...

Слѣдовалъ рядъ мелкихъ наказаній: стоянье въ углу, щелчки, дерганье за уши, запиранье въ чуланъ. Когда Семенъ Васильевичъ горячился, наказаніе происходило на мѣстѣ и вина искупалась быстро, но было хуже, когда онъ говорилъ спокойно:

— Ты сегодня останешься безъ обѣда... А если еще разъ повторится это самое—я тебя буду запирать на цѣлый день въ свиной хлѣвъ.

Чѣмъ больше присматривался Семенъ Васильевичъ къ дочери, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что Анна Ѳедоровна была права, когда наказывала ее. Онъ теперь чувствовалъ себя виноватымъ передъ женой и вымещалъ на дочери свою ошибку. Безъ сомнѣнія, это былъ испорченный ребенокъ, который въ состояніи вывести изъ терпѣнія ангела. Его возмущало больше всего то, что Настенька не жаловалась и даже не плакала больше. Это была какая-то идіотка... Когда Анна Ѳедоровна вступалась за нее, онъ повторялъ:

— Это мое несчастіе!.. Развѣ можно поступать съ ней, какъ съ другими дѣтьми?

Вмѣшательство жены раздражало Семена Васильича больше всего, и между супругами произошло нѣсколько горячихъ сценъ. Теперь роли перемѣнились, и Анна Ѳедоровна могла удивляться быстрой перемѣнѣ въ характерѣ мужа. Но окончательно вышелъ изъ себя Семенъ Васильевичъ, когда вечеркомъ завернулъ о. Петръ и, послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ разговоровъ, попросилъ спеціальной аудіенціи.

— Имѣю серьезное дѣло къ вамъ, Семенъ Васильевичъ...

— Очень радъ... Чѣмъ могу служить вамъ?

Разговоръ происходилъ въ кабинетѣ, при закрытыхъ дверяхъ.

— Пришелъ я къ вамъ, Семенъ Васильевичъ, по долгу пастыря, каковой не всегда бываетъ пріятенъ... Имѣлъ долгое и обстоятельное размышленіе, прежде чѣмъ рѣшился обратиться персонально къ вамъ. Да... Дѣло въ томъ, Семенъ Васильевичъ, что вы утѣсняете отроковицу.

— А вы откуда это знаете?

— Слухомъ земля полнится...

Кричать на старика не приходилось, а поэтому Семенъ Васильевичъ сдержалъ себя и повелъ разговоръ спокойно.

— Вѣроятно, вамъ писала, о. Петръ, милая сестра Варвара?

— Не скрою: было и отъ нихъ письмо. А главное, всѣ говорятъ...

— Что же вамъ нужно отъ меня?

— Гм... Я полагаю такъ, что вамъ лучше всего отпустить дочь куда-нибудь въ надежныя руки.

— Опять къ Варварѣ Васильевнѣ, которая окончательно испортитъ дѣвочку?

— Имѣете весьма пристрастное сужденіе относительно вашей сестры... Повѣрьте, что я вамъ желаю добра и единственно съ этой цѣлью вмѣшиваюсь въ ваши семейныя дѣла. Иначе я никогда не рѣшился бы безпокоить васъ...

— Вы совершенно правы, что это дѣло никого не касается, о. Петръ, и я прибавлю, что оно и не можетъ никого касаться. Такъ напишите и Варварѣ Васильевнѣ... Я не потерплю вмѣшательства въ свои семейныя дѣла. А

что̀ касается ребенка... какъ отецъ, я имѣю право воспитывать его по собственному усмотрѣнію.

— Только и всего, Семенъ Васильевичъ?

— Да... Я не виноватъ, что сестра выжила изъ ума и распространяетъ обо мнѣ Богъ знаетъ что̀. Она мнѣ даже прокуроромъ грозила...

О. Петръ ушелъ ни съ чѣмъ. Варвара Васильевна пріѣхала потихоньку въ Парначевку и скрывалась на погостѣ. Она съ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія о. Петра и очень была огорчена его отвѣтомъ.

— Рѣшительно не понимаю, что̀ сдѣлалось съ братомъ,—горевала она.—На Анну Ѳедоровну никто теперь не жалуется, а все онъ притѣсняетъ Настеньку...

— Очень даже просто сдѣлалось...—объяснила попадья.—Умнѣе стала Анна-то Ѳедоровна, ну, и травитъ отца на падчерицу... Дѣло даже очень извѣстное. И то не такъ и это не такъ—ни ступить, ни сѣсть, ни дохнуть не даютъ младенцу.

Варвара Васильевна потихоньку же ночью уѣхала въ Заозерскъ къ дядѣ.

XI.

Лѣто пролетѣло съ особенной быстротой, потому что время теперь мѣрялось маленькой Сусанной, а она такъ быстро росла и дѣлала такіе быстрые успѣхи. Вѣдь другой такой дѣвочки еще никогда не бывало на свѣтѣ, какъ начинала подозрѣвать Анна Ѳедоровна. Семенъ Васильевичъ думалъ въ свою очередь, что маленькая Сусанна послана ему въ награду за первую неудачную дочь, изъ-за которой онъ не переставалъ переживать всевозможныя непріятности. Онъ уже замѣтилъ, что Сусанна будетъ такая же добрая, какъ мать: дѣвочка кричала, когда онъ неосторожно билъ у нея на глазахъ Настеньку. Послѣднее случалось все чаще и чаще, потому что Настенька не желала исправляться. Окончательно она возстановила противъ себя отца, когда убѣжала ночью изъ дома, и ее едва поймали на дорогѣ.

— Куда ты бѣжала, несчастная?—допытывалъ ее Семенъ Васильевичъ, запершись въ кабинетѣ.

— Къ тетѣ Варѣ...

— Хорошо, я тебѣ пропишу такую тетю Варю, что никогда не забудешь...

Когда Семенъ Васильевичъ дѣлалъ нѣкоторыя приготовленія для окончательнаго исправленія упрямой дѣвчонки, Анна Ѳедоровна горячо вступалась за нее. Наказывать розгами такую большую дѣвочку—это возмутительно!..

— Оставь, Аня... Ты была всегда слишкомъ добра и только портила упрямую дѣвчонку своей добротой. Такъ нельзя... Я знаю, что̀ дѣлаю.

Настенька была наказана отцомъ собственноручно. Это былъ позорный день въ жизни старой барской усадьбы, и въ тотъ же день со стѣны гостиной былъ убранъ портретъ матери Настеньки.

Случилось такъ, что, какъ разъ на другой день послѣ этой экзекуціи, въ Парначевку совершенно неожиданно пріѣхалъ дядя Захаръ Ильичъ. Старикъ сильно похудѣлъ, пожелтѣлъ, осунулся и уже цѣлый годъ ничего не пилъ.

— Ну, здравствуйте, дѣти,—какъ-то вяло говорилъ онъ, моргая слезившимися глазами.—Давненько мы не видались... да. Вотъ я и умирать уже собрался... Пора...

— Зачѣмъ, дядя, говорить о смерти?—мягко сказала Анна Ѳедоровна, немного струсившая гостя.—Вы еще выглядите молодцомъ...

— Да, совершенный молодецъ... Что же, будетъ, пожилъ—пора и честь знать. Нехорошо, когда въ чужой вѣкъ люди живутъ... Братецъ ты мой, Анна Ѳедоровна, мы теперь весьма думаемъ о нашей многогрѣшной душѣ. Есть о чемъ подумать...

Старикъ какъ-то особенно былъ вѣжливъ съ Анной Ѳедоровной и говорилъ ей „вы“. Полюбовался онъ маленькой Сусанной, подкинулъ ее на рукахъ, поцѣловалъ и, возвращая матери, проговорилъ:

— Бѣдная дѣвочка...

— Почему, дядя, бѣдная?—обидѣлась Анна Ѳедоровна.

— Развѣ я сказалъ? Вамъ это послышалось, Анна Ѳедоровна. Впрочемъ, если хотите, всѣ люди бѣдные...

Старикъ любилъ иногда говорить загадками, и Анна Ѳедоровна не могла понять, что онъ хотѣлъ сказать. Она была рада, что онъ ничего не пьетъ, слѣдовательно не будетъ скандалить, а это уже одно стоило много. Семенъ Васильевичъ тоже ежился, предчувствуя, что Захаръ Парначевъ не даромъ пріѣхалъ. Человѣкъ онъ, положимъ, взбалмошный, но что заберетъ себѣ въ голову—топоромъ не вырубишь.

Вечеромъ Семенъ Васильевичъ сказалъ женѣ:

— Аня, необходимо приготовиться ко всему... Я убѣжденъ, что дядю подослала милая сестрица Варвара Васильевна. Вотъ увидишь...

— Что же онъ можетъ сдѣлать?

— Пока трудно сказать, но онъ способенъ на все.

— Я его начинаю бояться, Сеня.

— А я нисколько...

О главной причинѣ пріѣзда дяди между супругами не было сказано ни слова.

Дядя пріѣхалъ на своихъ лошадяхъ, какъ ѣздилъ въ старину, и дѣлалъ такой видъ, что желаетъ погостить. Онъ внимательно осмотрѣлъ все хозяйство, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній и, повидимому, остался доволенъ. На Настеньку онъ мало обращалъ вниманія и только замѣтилъ при встрѣчѣ:

— Да ужъ ты совсѣмъ большая дѣвица...

Настенька посмотрѣла на него испуганными глазами и ничего не отвѣтила. Дѣвочкѣ казалось, что дядя и весь свѣтъ знаютъ о ея позорномъ наказаніи.

— Да, да, большая...—бормоталъ Захаръ Парначевъ.—Еще годковъ пять-шесть, и невѣста. Ахъ, какъ время летитъ!

Старикъ жилъ день за днемъ и не желалъ обнаруживать своихъ намѣреній. Это было такое мучительное положеніе, что Семенъ Васильевичъ рѣшился покончить его разомъ. Онъ самъ пошелъ настрѣчу неловкому объясненію и разъ вечеромъ, когда дядя курилъ у него въ кабинетѣ трубку, проговорилъ:

— Дядя, у тебя была сестра Варвара?

— Да, была... И кстати пріѣхала. Я лежалъ совсѣмъ больной, а она ухаживала за мной цѣлыя двѣ недѣли.

— Она, конечно, жаловалась тебѣ на меня?

— Да, да, было что-то такое... А ты знаешь, что я вообще не охотникъ до бабьихъ пересудовъ. Не люблю...

Старикъ, видимо, отвиливалъ отъ откровеннаго объясненія и притво-

рялся. Семенъ Васильевичъ заговорилъ съ нимъ о Настенькѣ напрямикъ и подробно изложилъ всю исторію, не безъ ловкости выгораживая жену. Голова Захара Парначева покачивалась въ критическіе моменты, а изъ трубки сердито вылетали клубы дыма.

— Я ничего не скрываю, — объяснялъ Семенъ Васильевичъ уже съ увѣренностью. — Мало ли что бываетъ въ семьѣ, и не всякое лыко въ строку. Только я своей дочери желаю не зла, а добра... И Анна Ѳедоровна тоже.

— Что ты, точно оправдываешься, Сенька? Вѣдь я ничего не говорю... Мало ли что болтаютъ бабы. Что касается Анны Ѳедоровны, то она мнѣ положительно нравится... Серьезно говорю. Я-то вѣдь не судить васъ пріѣхалъ, а отдохнуть по-родственному.

Ободренный этимъ отвѣтомъ, Семенъ Васильевичъ разсказалъ о вмѣшательствѣ сестры Варвары, грозившей прокуроромъ, и о политичномъ разговорѣ о. Петра. Дядя даже расхохотался.

— А ихъ-то кто спрашивалъ? Вотъ еще придумали отъ большого ума... А ты никого не слушай, Сенька. Я всегда такъ дѣлалъ: возьму и сдѣлаю по-своему. Все равно, всѣхъ не переслушаешь.

— Говоря откровенно, дядя, я совершенно измучился съ дѣвочкой и просто не знаю, что съ ней дѣлать.

— Вырастетъ большая—умнѣе будетъ. А въ сущности все это, братику, пустяки... Не стоитъ говорить. Будь мужчиной и не слушай бабъ. Я даже въ газетахъ гдѣ-то читалъ... Точно такой же случай вышелъ. Вотъ только одного, извини, не могу одобрить: зачѣмъ ты высѣкъ родную дочь? Я старый человѣкъ и помню хорошо, что „наказаніе да не коснется благороднаго“, а всякій человѣкъ благороденъ.

— Я и не оправдываю себя, дядя... Дѣйствительно, погорячился, вышелъ изъ себя. Кстати, я читалъ у Джона Стюарта Милля,—извѣстный англійскій философъ,—что и онъ допускаетъ тѣлесное наказаніе для дѣтей, какъ мѣру исправленія.

Захаръ Парначевъ совершенно неожиданно вспылилъ.—Что-о? Стуартъ Миль, аглицкій философъ? Дуракъ онъ аглицкій и больше ничего. Въ Заозерскѣ и то понимаютъ отлично, что матушка Екатерина сказала великое слово про всѣхъ... Нѣтъ, ужъ это, братъ, шалишь! Вретъ твой Стуартъ Миль, какъ зеленая лошадь. Впрочемъ, я это такъ, къ слову,—уставшимъ голосомъ прибавилъ старикъ.—Слабъ я нынче сталъ. Сердце такъ задребезжитъ, какъ худой горшокъ. Да, Пожалуй, и домой пора... Загостился я у васъ... А тамъ меня ждутъ. Помнишь Шевякина? Это, братъ, такая голова, что всякому аглицкому философу двадцать очковъ впередъ дастъ. Потомъ у насъ новый земскій начальникъ назначенъ... Вотъ рѣжется въ карты—отдай все. А коньякъ пьетъ—фю-фю! Точно вмѣсто желудка у него какое-то подполье. Можетъ весь Атлантическій океанъ выпить, то-есть если бы онъ состоялъ не изъ морской воды, а изъ коньяку. Да, ждутъ они меня, потому что куда же имъ безъ Захара Парначева...

Когда Семенъ Васильевичъ проснулся на другой день утромъ, кухарка Пелагея поманила его пальцемъ и сообщила шопотомъ:

— Баринъ, а вѣдь баринъ-то уѣхалъ...

— Какой баринъ?

— А Захаръ Ильичъ. На самомъ брезгу велѣли заложить лошадей и уѣхали...

— Ты что-нибудь путаешь...

— Чего тутъ путать, когда они и барышню съ собой увезли. Сами и одѣвали барышню...

У себя въ кабинетѣ Семенъ Васильевичъ нашелъ на письменномъ столѣ лаконическую записку:

„Увожу Настеньку... Если будешь догонять или требовать ее назадъ— убью на мѣстѣ. Такъ и знай. И твою великолѣпную Анну Ѳедоровну тоже убью и отвѣчать никому не буду. Твой дядя Захаръ Парначевъ".

На окнѣ спальни Анны Ѳедоровны красовался букетъ изъ „мать-и-мачехи".

XII.

Прошло пять лѣтъ.

Парначевы жили зимой попрежнему на Николаевской, а на лѣто уѣзжали въ Парначевку. Сусанночка превратилась въ хорошенькую пятилѣтнюю дѣвочку, напоминавшую нѣсколько по типу Настеньку. Послѣднее просто убивало Анну Ѳедоровну, напоминая ей о прошломъ. Да, Настенька уже принадлежала прошлому... Захаръ Парначевъ похитилъ ее, а затѣмъ опредѣлилъ на свой счетъ въ институтъ. Это было лучшимъ разрѣшеніемъ вопроса. Настенькѣ было уже тринадцать лѣтъ, и ее видѣла по праздникамъ только одна Варвара Васильевна. Изъ института не отпускали домой даже лѣтомъ. Дѣвочка сильно выросла, пополнѣла и отлично училась. Прошлое для нея было подернуто тяжелой дымкой, и она старалась не думать о немъ. Впрочемъ, ей иногда почему-то дѣлалось жаль отца, того отца, какимъ онъ былъ до своей женитьбы. Почему-то ей казалось, что онъ опять будетъ такимъ и, она крайне огорчалась, что въ теченіе пяти лѣтъ онъ ни разу не заѣхалъ навѣстить ее и не написалъ ни одного письма. И все-таки Настенька продолжала его любить и считала хорошимъ.

— Папа кланяется,—говорила каждый разъ Варвара Васильевна.— Только онъ страшно занятъ...

Настенька опускала глаза, выслушивая эту святую ложь. Она знала, что тетка говоритъ это въ утѣшеніе ей и что отецъ попрежнему не хочетъ ея знать. Разъ дѣвочка боязливо спросила тетку:

— А дѣвочка?

— Какая дѣвочка? Ахъ, да, Сусанночка... Она уже большая.

— Мнѣ ее хотѣлось бы видѣть, тетя... Вѣдь она мнѣ сестра, тетя! Я часто думаю о ней и люблю ее...

Разъ Варвара Васильевна пріѣхала очень встревоженная и сказала Настенькѣ, что онѣ поѣдутъ къ отцу.

— Папа нездоровъ?—испугалась Настенька.

— Да... Серьезнаго ничего нѣтъ, но онъ желаетъ тебя видѣть. Я взяла для тебя отпускъ всего на нѣсколько часовъ.

Настенька страшно испугалась и была рада. У нея дрожали руки и ноги отъ волненія, когда она выходила на подъѣздъ. Ей казалось, что отецъ умираетъ... О, какъ она желала его видѣть и какъ боялась желать этого!

— Папа давно боленъ?—спрашивала она дорогой.

— Да, милая... Скоро уже будетъ годъ. У него что-то съ сердцемъ...

— А когда сердце болитъ, умираютъ?

— То-есть какъ тебѣ сказать... Болѣзней сердца много. У него что то мудреное: перемѣщеніе сердца.

— Ты когда его видѣла, тетя?

— Вчера... Онъ посылалъ за мной и все время говорилъ о тебѣ. Вѣдь онъ любитъ тебя...

— Я это знаю, тетя...

Имъ отворила двери нарядная горничная въ крахмальномъ передникѣ. Варвара Васильевна торопливо раздѣлась и повела Настеньку въ гостиную. Въ гостиной одна дверь вела въ столовую, а другая въ кабинетъ. Горничная сходила узнать, можно ли войти къ барину, и проговорила:

— Пожалуйте...

Она все время не спускала глазъ съ барышни, въ которой сразу узнала старшую сестру Сусанночки. Между дѣвочками было самое трогательное сходство, и горничная только покачала головой. Надо же было случиться такой оказіи...

Въ кабинетѣ былъ полусвѣтъ, и Настенькѣ показалось, что на широкой оттоманкѣ лежитъ одинъ плэдъ. Но этотъ плэдъ тяжело зашевелился, отъ бѣлой подушки отдѣлилась совсѣмъ бѣлая голова, и послышался слабый голосъ:

— Ахъ, какъ я тебя ждалъ... да, ждалъ...

— Семенъ Васильевичъ, помните наше условіе: не волноваться. Докторъ вамъ строго запретилъ...

— Да, да...

Настенька нерѣшительно подошла къ оттоманкѣ и сама взяла искавшую ее сухую, горячую, исхудавшую руку. Два большіе, лихорадочные глаза такъ и впились въ нее. Она совсѣмъ не узнала отца.

— Настенька, ты... ты меня не узнаёшь...

Запекшіяся губы вытянулись въ больную улыбку. Варвара Васильевна подошла къ окну и смотрѣла черезъ штору на улицу. Настенька опустилась на колѣни и поцѣловала отца въ лобъ.

— Какая ты большая...—слабо говорилъ больной, закрывая глаза.—Да, большая совсѣмъ...

— Мнѣ скоро четырнадцать лѣтъ...

— Да, да... помню... И ты ужасно походишь на свою мать...

Варвара Васильевна сдѣлала нетерпѣливое движеніе. Больной посмотрѣлъ на нее и умоляюще проговорилъ:

— Варя... оставь насъ однихъ... я позову...

— Семенъ Васильевичъ, а что сказалъ докторъ?

— Ахъ, Боже мой... Не все ли равно? А я такъ счастливъ... Я позову, Варя...

Варвара Васильевна тихо вышла.

Наступила тяжелая пауза. Сдѣланное усиліе стоило дорого больному, и онъ чувствовалъ, какъ его голова кружится и мысли точно расползаются. Боже, какъ онъ ждалъ этого дня и вотъ теперь не можетъ говорить.

— Настенька, садись... вотъ сюда... ближе... Я много думалъ о тебѣ... всѣ пять лѣтъ думалъ...

— Я знаю, папа...

— Я знаю, что ты не сердишься на меня... и немножко меня любишь... да?

— Очень люблю, папа...

— Да, да...

Опять пауза. Больной тяжело закашлялся. Отъ каждаго усилія у него ходили круги передъ глазами.

— Видишь, дѣвочка... я очень боленъ и скоро умру. Плакать не нужно... Всѣ въ свое время должны умереть... да... Это законъ природы... Вотъ я и хотѣлъ тебя видѣть... чтобы сказать тебѣ... какъ я мучился все время... Я былъ несправедливъ, но ты еще мала, чтобы судить объ этомъ... Когда будешь совсѣмъ большая, тогда поймешь все... Я никогда не былъ злымъ, а дѣлалъ великое зло... Понялъ это я слишкомъ поздно, когда понялъ, что смерть ужъ совсѣмъ близка... И всѣ такъ живутъ, потому что не думаютъ о смерти...

— Папа, ты много говоришь...—строго замѣтила Настенька, подражая теткѣ.—Тебѣ вредно волноваться...

— Мнѣ уже не можетъ быть вредно. Не страшно, когда болитъ и умираетъ тѣло, а страшно, когда болитъ и умираетъ душа... Боже мой, какъ я думалъ все время о тебѣ, Настенька, и какъ опять любилъ...

— Я знаю, папа... Я тоже думала это же самое..

— Ты? это же?

Семенъ Васильевичъ тяжело приподнялся, облокотился и заговорилъ, быстро роняя слова:

— Да, я думалъ о тебѣ... и думалъ о другой дѣвочкѣ... она тоже останется одна и тоже... Нѣтъ, я не могу... позвони...

Настенька позвонила. Вошла Варвара Васильевна.

— Варя, приведи сюда Сусанну...

Варвара Васильевна нѣсколько смутилась, но, не желая тревожить больного, повиновалась Она вернулась не скоро, и больной морщился, поглядывая на дверь. Наконецъ послышались шаги, и онъ облегченно вздохнулъ. Вошла Сусанна, одѣтая съ дорогой простотой на англійскій манеръ.

— Сусанночка, это твоя сестра... Поцѣлуйтесь, дѣтки... и помните, что вы сестры.

Дѣвочки поцѣловались и молча смотрѣли другъ на друга. Больной сдѣлалъ знакъ, чтобы Сусанночку увели.

— Ты ее видѣла, Настенька?—заговорилъ онъ, тяжело перекатывая голову на подушкѣ.—Ты ее будешь любить?

— Я ее люблю, папа...

— Я это зналъ... У тебя добрая душа... Всѣхъ нужно любить... очень любить... и Анна Ѳедоровна тоже добрая... Ахъ, Настенька, ты еще мала, и я не могу тебѣ объяснить всего, что̀ передумалъ... Да, Анна Ѳедоровна и хорошая и добрая, но... Нѣтъ, не могу!.. И добрый и хорошій человѣкъ можетъ дѣлать злыя вещи... А какая страшная отвѣтственность за каждый шагъ... мы тоже не думаемъ объ этомъ, какъ не думаемъ о смерти. Быть справедливымъ у себя въ четырехъ стѣнахъ—вотъ величайшая мудрость.

Онъ опять закрылъ глаза отъ усталости. Настенька сидѣла на оттоманкѣ, не смѣя шевельнуться. Ей казалось, что онъ заснулъ. Но онъ не спалъ, а, напротивъ, жилъ усиленно. Предъ его глазами проносилась вся жизнь съ ея мелкимъ эгоизмомъ и большими несправедливостями. Онъ видѣлъ собственныя мысли и мучился вдвойнѣ. Это былъ собственный смертный приговоръ. Боже, если бы онъ могъ подняться со своей постели и вернуться въ среду живыхъ людей... О, онъ принесъ бы съ собой чудо любви... Онъ сталъ бы искупать надѣланное зло, и всѣ были бы счастливы. Но это было невозможно... Онъ долженъ понести страшную кару и умереть съ страшной мыслью о покинутыхъ дѣвочкахъ. Что̀ ждетъ бѣдныхъ дѣтокъ?..

— О, Боже мой...—простоналъ больной.

Въ гостиной сидѣли Варвара Васильевна и Анна Ѳедоровна. Онѣ давно не видались и осматривали другъ друга. Варвара Васильевна сильно похудѣла и посѣдѣла, Анна Ѳедоровна продолжала оставаться красивой. Онѣ нѣсколько времени молчали, а потомъ Анна Ѳедоровна неожиданно проговорила:

— Знаете, что̀ сказалъ дядя Захаръ Ильичъ, когда увидѣлъ Сусаночку? Взялъ ее на руки, поцѣловалъ и говорилъ: „Несчастная дѣвочка“... Я тогда не поняла его, а теперь понимаю все... Семенъ безнадеженъ, и дѣвочка будетъ расти сиротой.

Варвара Васильевна молчала. Она столько лѣтъ ненавидѣла эту женщину, столько лѣтъ мучилась изъ-за нея и не могла себѣ представить ее страдающей. Она уже впередъ рисовала себѣ картину того, какъ Анна Ѳедоровна останется красивой, молодой вдовой, добросовѣстно переживетъ періодъ траура, а потомъ выйдетъ замужъ за какого-нибудь нѣмчика. Братъ ей оставитъ цѣлое состояніе, и этого будетъ совершенно достаточно для будущаго нѣмецкаго счастья. Анна Ѳедоровна посмотрѣла на нее и улыбнулась.

— Я знаю, о чемъ вы думаете, Варвара Васильевна...

Она, дѣйствительно, угадала и повторила мысли Варвары Васильевны почти слово въ слово, такъ что та даже покраснѣла.

— Да, вы думаете, Варвара Васильевна, что я выйду замужъ и переживу поневолѣ то, что̀ заставила пережить Семена Васильевича, и что въ этомъ будетъ мое наказаніе за Настеньку... Ахъ, это ужасная вещь, Варвара Васильевна, и не дай Богъ, съ кѣмъ она случится. Вотъ вы не знаете того, какой несчастный человѣкъ каждая мачеха. Конечно, бываютъ счастливыя исключенія, но общее правило останется всегда... Со стороны это такъ просто, а въ дѣйствительности нѣтъ ничего труднѣе. Я совсѣмъ не желаю въ чемъ-нибудь оправдываться или извинять себя и, говоря откровенно, не желала бы повторять этотъ опытъ въ другой разъ...

Это объясненіе было прервано Настенькой, которая выскочила изъ кабинета вся блѣдная и перепуганная.

— Папа не дышитъ!..

НЕ МАМА.

I.

— Кто тамъ, Ольга?

— Ришелъ этотъ... ну, баронеска ришелъ.

Чухонка Ольга осклабилась по неизвѣстной причинѣ и даже закрыла свое квадратное лицо рукой.

— Что же ты докладываешь, глупая? Зови сюда скорѣе Катерину Петровну!

— Онъ ришелъ... Зачѣмъ его звалъ?

Татьяна Ивановна была немножко недовольна этимъ визитомъ, хотя и ожидала его. Ея молодое лицо, подернутое подозрительною усталостью, выражало теперь раздраженную нерѣшительность. Развѣ она сама не знаетъ, что ей нужно дѣлать?.. Наконецъ, что это за недовѣріе? Удивительно!.. Она нетерпѣливымъ движеніемъ оправила свой утренній шелковый капотъ и сѣла на мягкій диванчикъ, какъ человѣкъ, приготовившійся къ незаслуженной непріятности. Дверь пріотворилась, и въ ней показалась „баронесса“. Это была молодая женщина лѣтъ тридцати, казавшаяся гораздо старше своихъ лѣтъ. Темное шерстяное платье сидѣло на ней кое-какъ, волосы были прибраны на скорую руку, помятая шляпа съ линючими цвѣтами сидѣла на головѣ бокомъ,—однимъ словомъ, получался незавидный типъ семейной женщины, урвавшейся изъ дому на одну минутку по самому спѣшному дѣлу. Лицо „баронессы“ когда-то было, можетъ-быть, и красиво, а сейчасъ носило печать спеціально-семейнаго изнуренія: темные глаза ввалились, щеки осунулись, цвѣтъ лица землистый. Хорошей оставалась одна улыбка, добрая и ласковая, особенно когда „баронесса“ начинала говорить. Рядомъ съ Татьяной Ивановной, начинавшей блекнуть, но все еще красивой, „баронесса“ много проигрывала.

— Вы на меня не сердитесь, милая Татьяна Ивановна,—быстро заговорила „баронесса“, точно боялась, что ея слова займутъ слишкомъ много мѣста въ этой комнаткѣ, обставленной почти роскошно.—Я на одну минутку, всего на одну минутку!

— Я и не думала сердиться... Садитесь, пожалуйста.

„Баронесса“ осмотрѣла костюмъ хозяйки какимъ-то тревожнымъ взглядомъ и вопросительно кашлянула. Это уже окончательно взорвало Татьяну Ивановну.

— Успокойтесь, ради Бога: ѣду... Да, сейчасъ ѣду.

— Я ничего не говорю, Татьяна Ивановна. Дай Богъ! Ахъ, какъ хорошо, что вы рѣшились наконецъ! Только говорите, ради Бога, тише. Я увѣрена, что эта Ольга все подслушиваетъ, а потомъ передастъ мамѣ.

— Что же, развѣ я боюсь вашей мамы? Вотъ еще новость! Я свободный человѣкъ, кажется, дѣлаю, что хочу.

„Баронесса“ все-таки не могла удержаться, пошла и притворила дверь. Въ коридорѣ дѣйствительно послышались осторожно удалявшіеся шаги. Татьяна Ивановна нахмурилась.

— Поѣздъ идетъ въ три часа,—шопотомъ проговорила „баронесса“.

— Знаю... Послушайте, это наконецъ скучно, Катерина Петровна. Слава Богу, я сама не маленькая.

— Не буду больше, милая... никогда не буду, хорошая—быстро зашептала „баронесса“ съ какими-то дѣтскими нотами напроказившаго ребенка.—Только вотъ поѣздъ...

— А, поѣздъ!.. Такъ я не хочу!—рѣшительно заявила Татьяна Ивановна.—Не приставайте!

— Миленькая, хорошая, не буду.

Татьяна Ивановна начала быстро одѣваться, стараясь не глядѣть на свою мучительницу. Съ одной стороны, она вѣдь очень любила вотъ эту безотвѣтную „баронессу“, а съ другой—ее мучило это молчаливое насиліе надъ ея волей. Одѣваясь, Татьяна Ивановна отодвинула драпировки большого окна и посмотрѣла на улицу,—погода была отличная, и яркое вешнее солнце слѣпило глаза. Дворники уже начинали колоть и рубить належавшійся и заѣзженный на мостовой снѣгъ, чтобъ увезти остатки петербургской зимы.

— Захватите, голубушка, пледикъ,—зашептала „баронесса“.—Поѣдете *тамъ*, будетъ холодно и нужно укрыться. Знаете, все необходимо предусмотрѣть. Я захватила съ собой узелокъ съ кое-какими вещами.

На лицѣ „баронессы“ изобразился ужасъ, и она даже сѣла, точно ее кто удержалъ.

— Что еще случилось?

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!.. Вѣдь узелочекъ-то я въ передней оставила, а эта Ольга, навѣрное, все высмотрѣла.

— Вотъ вы всегда такъ.

— Ничего, скажу, что по пути зашла.

Онѣ вышли въ широкій коридоръ, гдѣ сейчасъ же встрѣтили *maman*, стоявшую въ дверяхъ своей комнаты. Заплывшее, обрюзгшее лицо съ трехъэтажнымъ подбородкомъ смотрѣло на нихъ ястребиными глазами. Крючковатый носъ, неприбранные сѣдые волосы и утренній безпорядокъ костюма придавали старухѣ неособенно красивый видъ хищной птицы въ отставкѣ.

— Иди сюда... иди,—хрипло проговорила старуха, впившись глазами въ „баронессу“.—Мой на тебя будетъ посмотрѣть.

„Баронесса“ переконфузилась и даже остановилась.

Maman однимъ взглядомъ окинула ее съ головы до ногъ и презрительно покачала головой.

— Опять?—зашипѣла она, показывая гнилые зубы.—Такъ дѣлаютъ только собаки, да!

— Мама, да вѣдь я...—бормотала „баронесса“, краснѣя.—То-есть это тебѣ кажется, мама. Я...

— Молшять, сумашедчій!

Татьяна Ивановна слишкомъ привыкла къ подобнаго рода сценамъ и прошла мимо, не обращая никакого вниманія на старуху. За ней торопливо шмыгнула „баронесса“, по пути приложившись къ ручкѣ грозной *maman*. Ее занималъ больше всего узелъ, сунутый въ уголокъ передней. На шумъ изъ

кухни выскочила чухонка Ольга и бросилась къ узлу, но „баронесса“ ее отстранила.

— Намъ, Татьяна Ивановна, съ вами, кажется, не по дорогѣ,—быстро говорила она, догоняя ее въ дверяхъ.—Мнѣ нужно съ узломъ къ портнихѣ.

Это было придумано для отвода чухонскихъ глазъ любопытной Ольги. Татьяна Ивановна, не торопясь, спускалась по лѣстницѣ, и по ея молчанію „баронесса“ чувствовала, что она недовольна. И все напортилъ проклятый узелъ.

Обѣ женщины молча вышли на подъѣздъ, молча взяли извозчика и молча поѣхали. „Баронесса“ успокоилась, когда ея узелъ исчезъ подъ полстью саней, и облегченно вздохнула. Ее безпокоило только то, что Татьяна Ивановна поѣхала не въ шубкѣ, а въ осеннемъ пальто. Затѣмъ, эта городская шляпа съ широкими полями тоже не годилась для дороги. Лучше бы просто въ платочкѣ, какъ ѣздятъ купчихи. Ну, да ничего, дорогой какъ-нибудь все устроится.

— Я возьму билетъ сама,—предупредила „баронесса“, когда извозчичьи сани подползли къ Николаевскому вокзалу.—О, осталось всего двадцать минутъ! Какъ разъ во-время поспѣли.

Татьяна Ивановна быстро вышла изъ саней и, не глядя ни на кого, отправилась въ залу перваго класса. На улицѣ это была другая женщина,— и походка другая, и выраженіе лица, и даже ростъ. Едва поспѣвавшая за ней со своимъ узломъ „баронесса“ невольно полюбовалась и подумала про себя съ какимъ-то благоговѣніемъ: „красавица!“. Въ собственномъ смыслѣ слова красавицей Татьяна Ивановна не была, но въ ней было что-то особенное, что ее выдѣляло изъ остальной толпы и что французы характеризуютъ однимъ словомъ: chien. Сидѣвшіе за отдѣльнымъ столикомъ два офицера переглянулись, когда Татьяна Ивановна прошла мимо нихъ. Похмельный купчикъ осклабился и что-то забормоталъ, сдѣлавъ поощрительный жестъ въ пространство. Но Татьяна Ивановна ни на кого не обращала вниманія и заняла уголокъ дальняго диванчика.

— Я сейчасъ,—шептала „баронесса“, запихивая свой узелъ въ уголокъ.

Десять минутъ ожиданія Татьянѣ Ивановнѣ показались вѣчностью, особенно когда въ ея уголокъ заглянули два раннихъ петербургскихъ пшюта. Одинъ, кажется, узналъ ее и взялся за котелокъ, но она брезгливо отвернулась. И здѣсь не дадутъ покоя... Пшюты исчезли и показались снова. Татьяна Ивановна узнала одного изъ нихъ, бѣлокураго, съ мышиными глазками, усиками шильцемъ и лисьею мордочкой. Она гдѣ-то встрѣчалась съ нимъ, но гдѣ— все исчезало въ туманѣ смѣшанныхъ воспоминаній. Мало ли у нея знакомыхъ, и гдѣ же припомнить всѣхъ! А сейчасъ она меньше всего желала съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться. Да и „баронесса“ точно сквозь землю провалилась.

За десять минутъ до звонка торопливо вошла супружеская чета. Жена вела дѣвочку и мальчика, мужъ несъ грудного ребенка на рукахъ. Они поискали глазами свободнаго мѣста и остановились на ея диванчикѣ. Она была рада такимъ сосѣдямъ и съ особеннымъ вниманіемъ принялась разсматривать дѣтей. Видимо, люди не богатые. У жены такое же лицо, какъ у „баронессы“. Пшюты опять заглянули, но, завидѣвъ цѣлую семью, ретировались.

— Я подвинусь немного,—предложила Татьяна Ивановна сбившейся съ ногъ матери.—Садите сюда мальчика.

Счастливая мать сунула ей ребенка и даже не поблагодарила. Она была поглощена мыслью о томъ, успѣетъ ли мужъ купить билеты и сдать багажъ. Затѣмъ грудной ребенокъ началъ тихонько хныкать, и она его укачивала, придерживая конецъ распахивавшагося одѣяльца зубами.

„Какъ они должны быть счастливы!—мелькнуло въ головѣ Татьяны Ивановны, съ завистью поглядывавшей на изнемогавшую мать.—Что изъ того, что трудно?“

Въ этотъ моментъ показалась „баронесса“. Татьяна Ивановна хотѣла взять посыльнаго, чтобъ отнести узелъ, но „баронесса“ ни за что не согласилась. Съ какой стати бросать этимъ дармоѣдамъ цѣлыхъ 15 копеекъ? Она схватила свой узелъ и потащила его въ вагонъ третьяго класса съ спальнымъ дамскимъ отдѣленіемъ.

— Вотъ здѣсь будетъ отлично,—говорила она, устраивая узелъ на вязаную сѣтку вверху.—И соснуть можно... Впрочемъ, вамъ не приведется и спать. Поѣздъ придетъ на станцію въ десять часовъ. Только вы въ ночь не ѣздите. Неудобно молодой женщинѣ одной. А вы переночуете тамъ гдѣ-нибудь.

— Гдѣ же это?

— Ну, на постояломъ. Тамъ всегда есть для пріѣзжающихъ чистая половина... Татьяна Ивановна, хватитъ ли у васъ денегъ-то? Если нужно, такъ я могу вамъ дать немножко.

„Баронесса“ даже вытащила худенькій и затасканный портмонэ, но Татьяна Ивановна ее остановила.

— Нѣтъ, нѣтъ... У меня есть достаточно. Цѣлыхъ шестьдесятъ рублей.

— Ну, маловато, но какъ-нибудь хватитъ... Дай вамъ Богъ, миленькая, все устроить, а я буду молиться за васъ.

Послѣднія слова „баронесса“ проговорила со слезами на глазахъ, а потомъ порывисто благословила путешественницу. У Татьяны Ивановны что-то защипало въ горлѣ, и она должна была закусить губы, чтобы не расплакаться.

— Идите, идите, второй звонокъ.

— Шляпу-то оставьте на станціи, то-есть на постояломъ,—совѣтовала „баронесса“, высовывая голову въ дверцы купэ.—А то неловко будетъ ѣхать на лошадяхъ.

— Хорошо, хорошо...

Какъ это ни странно, но Татьяна Ивановна вздохнула свободнѣе, когда доброе существо оставило ее наконецъ въ покоѣ. Добрые люди бываютъ иногда надоѣдливы... Но „баронесса“ не унялась, и ея лицо скоро прильнуло къ окну вагона. Это опять вызвало вниманіе слонявшихся по платформѣ пшютовъ. Бѣлокурый подошелъ къ „баронессѣ“ и что-то заговорилъ. Татьяна Ивановна откинулась въ уголъ и видѣла только лицо „баронессы“, вспыхнувшее красными пятнами. Нѣтъ, она устроитъ ей скандалъ... Что же это поѣздъ стоитъ? Точно въ отвѣтъ на эту мысль послышался рѣзкій свистокъ оберъ-кондуктора, непріятно ухнулъ паровозъ, гдѣ-то залязгали желѣзныя цѣпи, и поѣздъ тяжело тронулся. Платформа точно поплыла. Татьяна Ивановна видѣла только, какъ „баронесса“ торопливо перекрестила ея окно, какъ мелькнула красная фуражка начальника станціи, еще разъ показались противные пшюты, а потомъ все заволокло дымомъ.

— Слава Богу,—прошептала Татьяна Ивановна, когда поѣздъ выбрался изъ-подъ навѣса и яркій весенній свѣтъ залилъ ея купэ.

Какъ многимъ кореннымъ петербурженцамъ, ей случилось только въ пер-

вый разъ выѣхать изъ Петербурга въ настоящее путешествіе. Дальше Павловска, Озерковъ и Екатерингофа ей не приходилось ѣздить. Слава Богу, проклятый городъ оставался позади... И какъ быстро все исчезло! Только влѣво, гдѣ протекала невидимая Нева, долго еще тянулись громадныя фабричныя зданія и поднимались высокія трубы. Поѣздъ развивалъ скорость, и картины смѣнялись быстро. На поляхъ еще лежалъ снѣгъ, и только кое-гдѣ чернѣли первыя проталинки. Татьяну Ивановну охватило еще не испытанное чувство свободы. Да, сидитъ она одна и ничего и никого не хочетъ знать. Она походила на птицу, вырвавшуюся изъ клѣтки. Да, вотъ и голубое небо, и солнце, и просторъ, и она сама такая молодая и сильная. Въ душѣ теплилось пріятное сознаніе, что она наконецъ приступаетъ къ выполненію давно задуманнаго плана. Но мысли опережали поѣздъ и летѣли далеко впередъ, гдѣ нѣтъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни пшютовъ, ни гнетущей и давящей петербургской неволи.

II.

Дорогой лучше всего думается. Дома что-нибудь да мѣшаетъ, а тутъ для мысли полный просторъ. Несутся мимо равнины, перелѣски, рѣчки, насыпи, телеграфные столбы, сторожки, деревни, гдѣ-то на горизонтѣ мелькаетъ стройный силуэтъ бѣлой сельской церкви, гдѣ-то дымитъ фабричная высокая труба, и въ головѣ тоже несутся лица, воспоминанія, полузабытыя грёзы, мечты о будущемъ, мелкіе расчеты и тонкія соображенія. Одно движеніе вызываетъ другое.

Именно такое раздумье переживала сейчасъ Татьяна Ивановна. А въ послѣдніе годы ей такъ мало оставалось времени именно на это. День катился незамѣтно одинъ за другимъ, и она все что-то откладывала. Удивительно, какъ это она раньше не подумала вотъ о томъ, о чемъ сейчасъ... Ей дѣлалось даже обидно, когда она припоминала вмѣшательство „баронессы“.

„Что же, я и безъ нея поѣхала бы... Ну, не сегодня, положимъ, а лѣтомъ непремѣнно...“

Затѣмъ являлась облегчающая мысль: вѣдь ее никто не знаетъ ни въ поѣздѣ, ни на станціи, ни тамъ, куда она поѣдетъ на лошадяхъ. Какъ это хорошо и какъ легко, въ родѣ того, какъ если бы человѣкъ могъ родиться во второй разъ. Татьянѣ Ивановнѣ сдѣлалось вдругъ весело, и она даже замурлыкала про себя знакомый опереточный мотивъ. Ну, положительно весело. А давеча этотъ бѣлобрысый пшютъ какъ смотрѣлъ на нее! Развеселившись, дѣвушка сдѣлала даже рукой посъ по адресу именно этого нахала. Кончено, все кончено... ха-ха!.. Какъ будутъ всѣ удивлены, какъ будетъ злиться maman „баронессы“. Э, пусть хоть лопнетъ со всѣми своими тремя подбородками! Припомнивъ свою квартирную хозяйку, Татьяна Ивановна даже разсердилась,—вотъ безсовѣстная старуха! Ахъ, какая безсовѣстная! Что она давеча „баронессѣ“ сказала: „Такъ дѣлаютъ собаки“. А что же такого дурного сдѣлала „баронесса“? Рѣшительно ничего. Старуха разозлилась по поводу того, что „баронесса“ опять въ интересномъ положеніи, но вѣдь она замужняя женщина, и позорнаго въ этомъ ничего нѣтъ.

— У-у! Ненавижу!—вслухъ проговорила дѣвушка и погрозила кулакомъ старой нѣмецкой твари.—Вся ты фальшивая и гадкая, а „баронесса“—добрая... Конечно, ей трудно перебиваться съ тремя ребятишками, а вѣдь она никого не проситъ помогать ей. Да еще кто бы и говорилъ, а не эта старая нѣмецкая кляча—у самой трое живыхъ дѣтей да сколькихъ перехоронила.

День быстро клонился къ вечеру. Мелькали какія-то маленькія станціи и полустанки, но Татьяна Ивановна даже не интересовалась прочитывать ихъ названія: ея станція будетъ ровно въ десять часовъ вечера, а остальное для нея не существовало. Добывъ записную книжку, она нѣсколько разъ перечитывала тщательно записанный адресъ: деревня Моркотина, крестьянка Агаѳья Ефимова, № 3507. Положимъ, она знала этотъ адресъ наизусть, но нападало сомнѣніе: а вдругъ она его позабудетъ или потеряетъ?

На одной изъ большихъ станцій дѣвушка вышла напиться чаю. Ее рѣшительно не интересовало, какая публика ѣдетъ въ одномъ поѣздѣ. Какое ей дѣло до нихъ? За столомъ противъ нея помѣстился толстый господинъ съ длинными усами и все время не сводилъ съ нея своихъ выпуклыхъ темныхъ глазъ. Вотъ нахалъ... Потомъ ей пришла въ голову мысль, что, вѣроятно, въ ней есть что-нибудь такое, почему онъ такъ безцеремонно уставился на нее. Она вдругъ смутилась, даже слегка покраснѣла и, не допивъ стакана, ушла къ себѣ въ вагонъ. Этотъ толстякъ испортилъ ей все настроеніе.

„Неужели на мнѣ написано, кто я такая?—въ ужасѣ подумала она, забиваясь въ свое купэ.—Отчего онъ не смотритъ такими глазами на другихъ женщинъ?.. Если бы я была мужчиной, то дала бы ему въ морду“.

Татьяна Ивановна даже всплакнула, глупо и по-дѣтски, потому что эти непріятныя мысли такъ не гармонировали съ ея свѣтлымъ настроеніемъ. Да, ей хотѣлось уѣхать совсѣмъ, въ неизвѣстную даль, уѣхать отъ самой себя. Со слезами она и заснула, прикурнувъ на деревянной лавочкѣ. И сонъ былъ гадкій: по сторонамъ поѣзда бѣжали бѣлобрысый пшютъ и толстый господинъ съ усами, что-то кричали и указывали на ея окно. Вся публика собралась у оконъ.

— Вотъ она, Татьяна Ивановна!.. Ахъ, Татьяна Ивановна, милашка!..

— Сударыня, станція!—разбудилъ ее кондукторъ.

Это была небольшая станція, на которой поѣздъ стоялъ всего пять минутъ. На платформѣ было темно, и дѣвушка съ трудомъ тащила свой узелъ. Какой-то молодой человѣкъ въ охотничьей куркѣ окликнулъ ее.

— Сударыня, вамъ лошадей-съ? Пожалуйте на постоялый... Эй, Иванъ, помоги барышнѣ!

— Здѣсь!—отвѣтилъ изъ темноты хриплый голосъ.

Показался мужикъ въ полушубкѣ и взялъ узелъ. Татьяна Ивановна не могла разсмотрѣть, что дѣлается кругомъ. Гдѣ-то въ сторонѣ мелькали какіе-то жалкіе огоньки и что-то такое чернѣло: лѣсъ не лѣсъ, строеніе не строеніе. Мужикъ пошелъ быстро впередъ, свернулъ съ платформы и точно потонулъ въ темнотѣ.

— Эй, ты, дядя, гдѣ ты?

— А здѣсь... Держи правѣе, забирай все вправо.

До постоялаго двора было рукой подать; обошли какой-то сарай, прошли мимо какихъ-то лошадей и очутились прямо на темной лѣстницѣ большого деревяннаго двухъэтажнаго дома.

— Эй, Митрей Митричъ, гдѣ ты запропастился?—кричалъ мужикъ, топая по лѣстницѣ ногами.—Я тебѣ вотъ какую барыню предоставилъ, старичку...

Наверху показался огонь, и гостью встрѣтилъ благообразный бритый старичокъ, одѣтый въ длиннополый сюртукъ. У Татьяны Ивановны отлегло на сердцѣ, когда она увидѣла свѣтлую высокую комнату, очень чисто прибранную, даже съ вѣнскою мебелью и кисейными занавѣсками на окнахъ. Въ одномъ углу теплилась лампадка.

— Пожалуйте, сударыня, на чаекъ.

— Прикажете самоварчикъ, сударыня?

— Да, я переночую у васъ... У васъ клоповъ нѣтъ?

— Ни Боже мой... Даже и названіе забыли, что̀ есть такое—клопъ. Не сумлѣвайтесь... А утречкомъ лошадокъ прикажете?

— Да.

— Вамъ куда-съ?

— Завтра скажу.

Старичокъ пожевалъ губами и засѣменилъ куда-то за занавѣску.

Дѣвушка сняла съ себя шляпу, калоши и пальто. У нея немножко болѣла голова. По привычкѣ она подошла къ зеркалу, но на нее изъ неровнаго стекла посмотрѣло такое уродливое лицо, что она сейчасъ же отошла. Послышались опять шмыгавшіе шаги старика.

— Можетъ-быть, закусить прикажете? Только, знаете, у насъ все постное, на крестьянскую руку... Пожалуй, и не понравится вамъ.

— Нѣтъ, я хочу только чаю.

— Слушаю-съ. А лошадокъ къ которому часу прикажете?

— Я скажу утромъ.

— Оно бы лучше съ вечера.

— Хорошо. Ну, въ девять. Тутъ есть деревня Моркотина, такъ туда и обратно.

— Моркотина? Такъ-съ... Это совсѣмъ въ сторону, сударыня, значитъ, не по тракту... Ужъ не знаю, что̀ вамъ и сказать. Ахъ, батюшки, да вѣдь Моркотиныхъ-то вѣдь двѣ: Моркотина-Верхъ, Моркотина-Низы. Такъ вамъ въ которую?

— Какъ двѣ? Впрочемъ, это все равно. Вѣдь онѣ недалеко одна отъ другой?

— Извѣстно, деревни... Ужъ не знаю, какъ насчетъ лошадокъ. Пожалуй, ямщики-то не повезутъ...

Однимъ словомъ, началось то деревенское вымогательство, которое заканчивается тройною цѣной.

За самоваромъ Татьяна Ивановна просидѣла часа два. Ее охватило сознаніе такого одиночества, какъ еще никогда. Гдѣ-то тихо постукиваетъ маятникъ, гдѣ-то лаетъ сонная собака, гдѣ-то рѣзко взвизгиваетъ свистокъ. Потомъ дѣвушкѣ сдѣлалось безотчетно страшно. Да, страшно жить, страшно за свою молодость, страшно за то хорошее, что̀ она везла съ собой въ эту деревенскую глушь, страшно за неизвѣстное будущее. Какіе всѣ нехорошіе, кончая вотъ этимъ благочестивымъ станціоннымъ старцемъ, ободравшимъ ее, какъ липку. И всѣ такіе же... Безсовѣстные, гадкіе, отвратительные!.. Почему-то ей вспомнилась давешняя чета съ тремя дѣтьми. Можетъ-быть, они уже теперь дома, въ своемъ гнѣздѣ, уложили дѣтей спать, а сами тоже сидятъ за самоваромъ. Тепло, хорошо, любовно. Почему одни родятся на свѣтъ счастливыми, а другіе несчастными?

Съ послѣдней мыслью Татьяна Ивановна и заснула на томъ самомъ диванчикѣ, гдѣ сидѣла,—заснула не раздѣваясь. Утромъ ее разбудилъ благочестиво-бритый старецъ и заявилъ, что лошади поданы.

— Только извините, сударыня, до Моркотиной-то не восемнадцать верстъ, а цѣлыхъ двадцать восемь. Ребята знаютъ... Вчера-то я ошибся, значитъ.

— Вы меня считаете, кажется, совсѣмъ дурой?

— Помилуйте, зачѣмъ же-съ?.. Вотъ поѣдете, сами увидите-съ...

За пару лошадей старецъ содралъ пятнадцать рублей, т.-е. ровно вчетверо, и еще пожалѣлъ, что не умѣлъ взять прямо четвертной билетъ. Куда ей дѣться, барынѣ-то?

Утро было свѣтлое и теплое, такъ что Татьяна Ивановна поѣхала въ шляпѣ. Ямщикъ оказался вчерашній Иванъ, которому сегодня было, видимо, съ похмелья. Онъ встряхивалъ своей лохматой головой, ерзалъ плечами, вздыхалъ и наконецъ проговорилъ:

— Испортила ты меня вечоръ, барыня... Къ твоему-то двугривенному своихъ два прибавилъ. Тяжеленькая копеечка подвернулась. Ахъ, ты, Боже мой. А ужъ Митрей Митричъ охулки на руку не положитъ. Пятнадцать рубликовъ съ тебя сгрѣлъ? Такъ... Красная цѣна два рубли... Ловко!

— Разбойники вы, вотъ что! Конечно, я не знаю, а вы пользуетесь случаемъ.

— Это точно, даже весьма грѣшно. Ну, и Митрей Митричъ... И верстовъ присчиталъ цѣлыхъ десять. Въ лучшемъ видѣ!

Взлохмаченная пара почтовыхъ одровъ неторопливо тащила рогожную кибитку сначала по тракту, а потомъ свернула на окончательный проселокъ, пролегавшій грязною полоской по унылой низменности, кое-гдѣ тронутой чахлыми заморенными кустиками. Развертывалась невеселая русская картина. У Татьяны Ивановны щемило на сердцѣ, когда кибитка проѣзжала мимо деревушекъ, походившихъ издали на кучи навоза. Какъ могутъ жить здѣсь люди? Настоящая деревенская бѣдность глядѣла здѣсь изъ каждой дыры, черезъ обдерганныя соломенныя крыши, въ подслѣповатыя оконца, въ прорѣхи и щели всего крестьянскаго жилья. Неужели и Моркотина такая-то? Если бы Татьяна Ивановна знала раньше, что такое русская деревня. Нѣтъ, что тутъ говорить, когда прошло цѣлыхъ шесть лѣтъ. Вѣдь это ужасно: цѣлыхъ шесть лѣтъ!

— А вотъ тебѣ и Моркотина,—неожиданно заявилъ Иванъ, указывая кнутовищемъ куда-то въ сторону.

— Гдѣ?

— А вонъ вправо, подъ горкой, значитъ.

— Это которая Моркотина?

— А Низы... Тебѣ кого тамъ надобно?

— Вотъ пріѣдемъ и спросимъ.

Моркотина-Низы, какъ большинство русскихъ деревень, была „чѣмъ ближе, тѣмъ хуже“. Татьяна Ивановна съ какимъ-то ужасомъ смотрѣла на это приближающееся убожество и не вѣрила собственнымъ глазамъ: сотни избушекъ залегли по болотистымъ берегамъ покрытой сейчасъ льдомъ рѣчонки. Вотъ и первыя постройки. Кибитка остановилась у одной изъ избушекъ, гдѣ стоялъ за воротами мужикъ.

— Это Моркотина, дядюшка?

— Моркотина.

— А гдѣ здѣсь живетъ Агаѳья Ефимова?

— Агаѳья-то? Да у насъ ихъ двѣ, значитъ. Агаѳьи... Пожалуй, и третья найдется, я тому какъ она съ мужемъ не живетъ—по отцу-то тоже Ефимова. Тебѣ которую?

— Мнѣ нужно ту, у которой на воспитаніи дѣвочка.

— А великопька дѣвчонка, значитъ, шпитонка?

— Лѣтъ шести.

— Ну, такъ это не здѣсь, а надо тебѣ податься на Верхъ-Моркотину. Тамъ и Агаѳья твоя со шпитонкой... Въ самый разъ.

— Иванъ, поѣдемъ.

На этотъ разъ Иванъ почесалъ затылокъ и послѣ нѣкотораго раздумья заявилъ, что дальше не поѣдетъ: ряда была до Низовъ..

— Какъ не поѣдешь?

— А вотъ такъ... Ряда. Ваше дѣло съ Митреемъ Митричемъ было... Ежели трешную соблаговолишь ямщику, тогда могу ублаготворить вполнѣ... Что я буду зря коней томить?.. Главное, ряда была до Низовъ.

Нечего дѣлать, пришлось выдать нахалу три рубля. Татьяна Ивановна съ ненавистью смотрѣла на спину грабителя, изнывая отъ безсильной злобы.

Кибитка поползла маленькою дорожкой влѣво отъ деревни. Черезъ полчаса показалась и Верхъ-Моркотина, ничѣмъ не отличавшаяся отъ Низовъ. Здѣсь Агаѳью Ефимову было уже совсѣмъ не трудно отыскать. Татьяна Ивановна вошла въ довольно скверную избу, гдѣ ее охватило убійственно-кислою вонью. Въ первую минуту дѣвушка не могла ничего разглядѣть, кромѣ небольшой дѣвочки, колыхавшей люльку.

— Да вѣдь это вы, барышня-сударышня!—закричалъ плаксивый бабій голосъ гдѣ-то у печки.

— Едва тебя разыскала, Агаѳья...

Татьяна Ивановна устало опустилась на грязную лавку и не могла отвести глаза отъ дѣвочки. Неужели это ея Наташа? Она не смѣла шевельнуться, не смѣла подойти къ дѣвочкѣ и только смотрѣла на нее испуганно-округлившимися глазами. Она не замѣтила даже, хороша она или нѣтъ, какіе у нея глаза, волосы, носъ, всѣ эти подробности выступили только потомъ, когда она пришла въ себя.

— Эта самая и есть,—шопотомъ объяснила Агаѳья, довольно грязная баба съ плаксиво-злымъ лицомъ.—Наташка, подь сюды... Барыня изъ городу гостинцу тебѣ привезла.

III.

Дѣвочка сначала смотрѣла на городскую гостью, а потомъ быстро кинулась къ Агаѳьѣ и спряталась за ея юбку. Татьяна Ивановна тяжело дышала, точно боялась въ маленькой замарашкѣ узнать то безконечно родное и близкое, что могла только смутно чувствовать. Ей казалось, что и въ избѣ душно, и что недостаетъ свѣта, и что все это какой-то сонъ.

— Ахъ, ты, дурашливая, перестань!—уговаривала Агаѳья, стараясь выдвинуть прятавшуюся дѣвочку впередъ.—Вѣдь не чужая пріѣхала! Вотъ, поглядите, сударышня-барышня, и родимое пятнышко.

Она оголила худенькую дѣтскую ручку и показала повыше локтя двѣ маленькія родинки. Дѣвочка еще больше переконфузилась и даже закричала, когда городская гостья схватила ее, посадила на колѣни къ себѣ и принялась цѣловать.

— Милая... милая... милая... Ты вѣдь моя, моя, моя!.. Я—твоя мама!

Дѣвочка защищалась отчаянно, отталкивая мать прямо въ грудь. Свѣтлые глазенки потемнѣли, бровки сдвинулись, розовыя губки сложились строго. Татьяна Ивановна усадила ее на лавку, опустилась на колѣни и порывисто начала цѣловать худенькія ручонки, шейку, плечики, всклокоченные волосенки.

— Мама гостинцу изъ городу привезла,—повторяла Агаѳья, желая подкупить ребенка.—Не блажи, Наташка.

— Н-нѣ-е!—капризно повторяла дѣвочка, продолжая отталкивать городскую маму.—Не хочу гостинца, мамка... Пусть она уйдетъ... Н-нѣ-е!..

— Моя, моя, моя... Родная моя... дѣточка...—всхлипывала Татьяна Ивановна, припадая своей головой къ дѣтскимъ колѣнямъ.

Дѣвочка тоже разревѣлась, пустивъ отчаянную ноту. Агаѳья, стоя за спиной городской мамы, показывала ей кулакъ, но и это не помогало. Въ умѣ Агаѳьи вихремъ неслись свои бабьи мысли: зачѣмъ прилетѣла изъ города барышня, неужто она отыметъ дѣвчонку? Ровно черезъ каждые два мѣсяца Агаѳья ѣздила въ городъ къ Татьянѣ Ивановнѣ и обирала ее съ ловкостью опытнаго человѣка. Дѣвушка платила за содержаніе ребенка по десяти рублей въ мѣсяцъ и кромѣ того снабжала ее разнымъ тряпьемъ, жаренымъ и варенымъ. И вдругъ эта доходная статья прекратится... А Татьяна Ивановна, стоя на колѣняхъ, жадными глазами вглядывалась въ заплаканное дѣтское личико, отыскивая въ немъ то родное и близкое, къ чему рвалась ея душа, чѣмъ наболѣло это сердце. Всѣ чувства теперь были сосредоточены на этомъ дѣтскомъ личикѣ, мучительно ожидая отъ него отвѣта, но личико продолжало хмуриться и заливаться слезами.

— Я ее увезу въ городъ,—съ рѣшительнымъ видомъ заявила Татьяна Ивановна, поднимаясь на ноги.

— Какъ же это такъ, барышня-сударышня?—испуганно забормотала Агаѳья, дѣлая глупое лицо.—Мы вспоили, вскормили дитю, а вы вдругъ—въ городъ.

— Да, вдругъ... Вѣдь вы не даромъ поили и кормили. Я все время платила вамъ. А теперь я желаю взять ребенка себѣ... Понимаете?

— Не знаю, какъ мужъ... Ужо, вотъ онъ придетъ. И куда онъ дѣлся?

— А я знаю, потому что дѣвочка моя... У меня и билетъ изъ воспитательнаго дома съ собой. Позовите старосту, я распишусь... А вамъ я заплачу.

Дѣвушка достала портмонэ и начала совать двадцатипятирублевую ассигнацію Агаѳьѣ, которая не знала, что ей дѣлать—брать или не брать. Она, дѣйствительно, боялась мужа. И дѣвочку было жаль выпустить изъ рукъ. Въ этотъ рѣшительный моментъ на порогѣ показался ямщикъ Иванъ и заявилъ самымъ грубымъ образомъ, что ждать больше не можетъ.

— Я вотъ тебѣ покажу, какъ ты не можешь ждать!——накинулась на него Татьяна Ивановна съ неожиданнымъ ожесточеніемъ.—Разбойники вы, вотъ что?

— Что же, я и уѣду!—еще грубѣе заявилъ Иванъ, почесывая въ затылкѣ.—Мнѣ плевать!

— Ахъ, ты... Молчать! Я еще съ вами разсчитаюсь... Прямо къ уряднику. Знаешь урядника?.. То-то... Поговори у меня еще... Я вамъ покажу... Убирайся вонъ! Постой, тамъ у меня въ кибиткѣ остался узелъ, такъ принеси его сюда. Да живѣе ворочайся.

Недавній разбойникъ, разсчитывавшій сорвать съ простоватой городской барыни за „простой“ еще трешный билетъ, только почесалъ затылокъ и отправился за узломъ.

— Ишь ты, прыть какую напустила!—бормоталъ онъ.—Такъ на дыбы и поднялась, какъ медвѣдица. Всѣ эти дѣтныя бабы такія: какъ увидала своево дитю, такъ и остребенилась. Теперь къ ней не подступишься... Медвѣдь, и тотъ не деретъ корову, которая съ теленкомъ ходитъ по лѣсу. Послѣдняя курица, и та... Вотъ тебѣ и трешный билетъ! Къ уряднику... Самый настоящій разговоръ. Теперь бы въ самый разъ напустить на Митрея Ми-

трича: всю бы моль изъ него духомъ выпустила... Ахъ, братецъ ты мой, дѣло-то какое вышло!

Развернувъ узелъ, Татьяна Ивановна мысленно поблагодарила предусмотрѣвшую все „баронессу“. На первомъ планѣ была простыня, полотенце и мыло съ губкой. Конечно, прежде всего, нужно вымыть дѣвочку, а въ такомъ видѣ куда же ее повезешь? Агаѳья молча налила теплой воды въ корыто, и Наташа поступила въ полное распоряженіе городской мамы. Ахъ, какія у нея были грязныя ножки и ручки, какая грязная шея, уши, личико!.. Губка нѣсколько разъ дѣлалась совсѣмъ грязной. Татьяна Ивановна дѣлала все быстро и рѣшительно, такъ что дѣвочка даже не сопротивлялась, невольно поддаваясь болѣе сильной волѣ. Агаѳья качала люльку и иронически наблюдала расхлопотавшуюся барышню-сударышню.

— А въ люлькѣ у васъ тоже шпитонка?—спрашивала дѣвушка, оканчивая мытье Наташи.

— Извѣстно, шпитонка... Свои-то дѣтишки перемерли, такъ вотъ чужихъ воспитываемъ. Только эта шпитонка не жилецъ... Какъ бы не окочурилась. Животомъ скудается больно.

Дѣвушка заглянула въ люльку. Тамъ лежалъ ребенокъ мѣсяцевъ трехъ, съ какимъ-то восковымъ личикомъ. Онъ не плакалъ и не кричалъ, а только тяжело дышалъ. А вѣдь гдѣ-то у этого несчастнаго есть мать. Она, навѣрное, думаетъ о немъ, убивается. А тутъ такъ грязно и душно... Боже мой, если бъ она только знала, въ какой обстановкѣ росла ея несчастная Наташа! И какъ она могла это допустить?.. А какая милая „баронесса“: вотъ и чистая рубашка для дѣвочки, старенькая и въ заплаткахъ, но чистенькая, и панталоны, и чулочки, и башмачки, и лифчикъ, и какое-то шерстяное платьице, и старенькая шубка, и теплый платокъ,—однимъ словомъ, все дѣтское приданое. Наташа позволяла себя обряжать, изрѣдка поглядывая вопросительно на Агаѳью.

— Вотъ и ты, Наташка, стала городскою барышней,—иронически замѣтила Агаѳья, когда туалетъ былъ законченъ.—Только шляпку тебѣ нацѣпить да хвостъ.

— Агаѳья, вы сходили бы лучше за мужемъ, чѣмъ болтать пустяки. А я присмотрю за ребенкомъ.

— И то схожу...—ворчливо согласилась Агаѳья.—Очень ужъ вы скоро наклались, барышня-сударышня, дѣвчонку-то увозить. Тоже и на васъ судъ найдемъ...

— Хорошо, хорошо. Скажите по пути старостѣ, чтобы зашелъ сюда. мнѣ некогда ждать.

Агаѳья вышла изъ избы, продолжая ворчать.

— Что, и тебѣ на орѣхи досталось? — встрѣтилъ ее на улицѣ ямщикъ Иванъ.—Нѣтъ, братъ, теперь шабашъ, совсѣмъ другая музыка... Слышала, какъ она даве про урядника отвѣтила? И предоставитъ въ лучшемъ видѣ... Нѣтъ, братъ Агаѳья, теперь ее больше въ оглоблю не заведешь. Шабашъ!

Оставшись въ избѣ одна, Татьяна Ивановна хотѣла разговориться съ дочерью, которая все еще продолжала ея дичиться и больше всего была занята своимъ новымъ костюмомъ.

— Поѣдешь со мной на станцію?—спрашивала дѣвушка.—Поѣдешь, крошка?

— Н-нѣ-с...—плаксиво отвѣтила Наташа, вытирая носъ рукой.

— А тамъ у меня игрушки оставлены... Много игрушекъ.

— Гостинецъ?

— И гостинцы... Пріѣдемъ туда и все заберемъ.

— А мамка?

— Мамка здѣсь останется... На лошадкахъ поѣдемъ, дѣточка.

Дѣвочка въ первый разъ улыбнулась, глядя недовѣрчиво на нарядную городскую маму. Послѣ нѣкотораго раздумья она отрицательно покачала головой:

— Нѣтъ, не поѣду на лошадкахъ безъ мамки.

— Да вѣдь мы вернемся опять сюда, глупенькая! А вотъ посмотри: часы... Вотъ браслетъ. Я тебѣ подарю часы, если поѣдешь.

Дѣвочка не понимала половины городскихъ словъ и продолжала взглядывать недовѣрчиво, какъ только-что пойманный звѣрекъ. Татьяна Ивановна пробовала ее приласкать, точно своими объятіями и поцѣлуями хотѣла перелить въ нее переполнявшія ее чувства, но маленькая звѣрушка не поддавалась и повторяла одно: мамка. Эта сцена наконецъ измучила Татьяну Ивановну. Что она будетъ дѣлать съ этою упрямицей? Въ концѣ концовъ было просто обидно...

Дѣвушка присѣла къ столу въ тяжеломъ раздумьѣ. Наташа около лавки пробралась къ печкѣ и изъ своей засады наблюдала ее. Еще немножко, и Татьяна Ивановна, вѣроятно, расплакалась бы безсильными женскими слезами, но въ этотъ моментъ въ сѣняхъ послышался тяжелый топотъ, говоръ, и дверь избы распахнулась. Первымъ вошелъ пожилой мужикъ съ жиденькою бородкой и мѣдною бляхой,—староста, какъ догадалась Татьяна Ивановна. Изъ-за него выдвинулся другой, помоложе, приземистый и косолапый, съ помятымъ отъ перепоя лицомъ. Онъ швырнулъ свою рваную шапку на печь и вызывающе оглядѣлъ гостью съ ногъ до головы. Шествіе замыкали Агаѳья и ямщикъ Иванъ.

— Здравствуй,—проговорилъ хозяинъ, протягивая свою лапу.

— Здравствуйте,—спокойно отвѣтила гостья, не подавая руки.—Я пріѣхала за своею дѣвочкой.

— Такъ-съ, оно конечно... Только свои-то дѣти у родителевъ живутъ, а не по чужимъ людямъ,—грубо отвѣтилъ мужикъ.—Больно прытко ты разлетѣлась...

— Я съ тобою не желаю разговаривать, а вотъ со старостой. Да... вотъ номеръ билета, по которому выданъ былъ ребенокъ изъ воспитательнаго дома Агаѳьѣ: 3507. Наконецъ Агаѳья меня знаетъ. Я ей шесть лѣтъ платила за содержаніе ребенка...

— Агаѳья, ты получала?—обратился староста къ хозяйкѣ.

— Что получать-то...—вмѣшался хозяинъ, дѣлая азартный жестъ.

— Помалкивай, Андрей,—остановилъ его староста.—Бабье дѣло... Пусть онѣ промежду себя разберутся. Ну, Агаѳья, получала съ барыни жалованье?

— Случалось...—нерѣшительно отвѣтила Агаѳья, глядя на мужа.—Только какое это жалованье?.. Двугривенными поманивали, и только всего.

— Это ужъ ты врешь, Агаѳья,—неожиданно вступился ямщикъ Иванъ.—Поди-ка, вся деревня знаетъ... Понапрасну запираешься. Говори лучше прямо.

Хозяинъ съ азартомъ накинулся на непрошеннаго заступника, такъ что староста едва ихъ рознялъ. Въ избѣ поднялся ужасный гвалтъ. Наташа опять заплакала и юркнула на печь.

— Что тутъ съ ними разговаривать-то!—кричалъ Иванъ.—Получайте деньги, пока барыня даетъ. Четвертной билетъ жертвуетъ, а послѣ еще пристегнетъ малую толику... Ну, староста, благословясь, вдарь по рукамъ. Лучше такъ-то будетъ.

Староста замялся, почесывая затылокъ. Его нерѣшительность разрѣшилась только пятирублевою ассигнаціей. Онъ сразу пріосанился и заговорилъ другимъ тономъ.

— Ну, Агаѳья, примай деньги... Что тутъ попусту балакать. Да собирайте дѣвчонку... Съ Богомъ!

Мужъ Агаѳьи нехотя взялъ двадцатипятирублевую ассигнацію и презрительно зажалъ ее въ кулакъ.

— Я совсѣмъ не желаю обижать васъ,—заговорила Татьяна Ивановна, точно оправдываясь.—У меня сейчасъ больше нѣтъ денегъ, а послѣ я съ удовольствіемъ заплачу еще.

Агаѳья разразилась отчаяннымъ воемъ и спряталась за печкой. Теперь ужъ мужики окончательно не знали, что имъ дѣлать. Развѣ съ бабой сговоришь?.. Наташа переползла съ печи на полати и съ любопытствомъ наблюдала все происходившее.

— Эй, дѣвонька, оболакайся!—обратился къ ней Иванъ, окончательно вошедшій въ роль посредника.—Дальніе проводы—лишнія слезы... А я на станцію вотъ какъ подмахну! Главная причина—барыня добрѣющая.

Татьянѣ Ивановнѣ вдругъ сдѣлалось совѣстно за происходившую сцену. Она отправилась за печку, обняла Агаѳью и начала ее утѣшать.

— Агаѳья, вы не сердитесь... Помните, я еще въ прошломъ году предупреждала васъ, что возьму дѣвочку.

— Да вѣдь мнѣ-то, поди, тоже жаль ее, сударынюшка-барынюшка... Какъ своя выросла. Было за ей похожено.

— Я вамъ за все заплачу, Агаѳья. Пріѣзжайте только въ городъ.

Агаѳья покосилась на мужа и зашептала:

— При ёмъ-то не говорите... Вонъ онъ сграбасталъ денежки, какъ ястребъ, а я только ихъ и видѣла.

— Хорошо, хорошо...

Дѣло наконецъ сладилось. Оставалось уговорить только Наташу, что было не такъ-то легко. Дѣвочка оказала самое отчаянное сопротивленіе и согласилась ѣхать только до станціи, гдѣ надѣялась получить игрушки и городскіе гостинцы.

— Только ты не моя мамка,—упорно твердила она, глядя на дѣвушку злыми глазами.

— Конечно, не мамка, а мама...

— Н-нѣ-е...

— Ну, слава Богу!—проговорилъ Иванъ, усаживаясь на облучокъ.—Ну, и народецъ!.. Вотъ уцѣпились! Живымъ мясомъ готовы рвать... Эхъ, вы, други, трогай!

Татьяна Ивановна крѣпко прижимала къ себѣ тихо плакавшую Наташу. Когда кибитка тронулась, она перекрестилась.

Начиналась новая жизнь...

IV.

Неожиданный отъѣздъ Татьяны Ивановны произвелъ въ квартирѣ Каролины Карловны Драгъ своего рода сенсацію. Сначала старая нѣмка не придала ему никакого особеннаго значенія, потому что разсердилась на не-

исправимую „баронессу“. Она долго ругала легкомысленную дочь на двухъ языкахъ и даже грозила въ пространство жирнымъ кулакомъ. „О, не есть ли это сумасшедчій женщинъ, который на пятьдесятъ рублей жалованья будетъ имѣть четвертый дитю?.. Donnerwetter, побирай меня шортъ, если я могу понимайтъ... Богатый люди могутъ имѣть двадцать дитю, богатый люди дитю радостъ, богатый люди все могутъ, а „баронесса“ дуракъ!“ Чухонка Ольга была того же мнѣнія.

— Однако куда она могъ ѣхать?—разсуждала фрау Дрангъ.

— Баню ѣкалъ,— объяснила Ольга.—Одинъ извозчикъ ѣкалъ.

Наступилъ вечеръ, а Татьяна Ивановна не возвращалась. Положимъ, она часто не бывала дома по нѣскольку дней, но то совсѣмъ другое дѣло, начиная съ костюма, въ которомъ выѣзжала Татьяна Ивановна. Фрау Дрангъ знала, гдѣ жилица, и была спокойна. Она не волновалась даже тогда, когда Татьяну Ивановну привозили изъ какого-нибудь веселаго загороднаго уголка въ такомъ видѣ, что она едва могла дойти до своей комнаты. Съ ней обыкновенно отважи-валась въ такихъ случаяхъ Ольга, занимавшаяся, прежде всего, карманами подгулявшей барышни. Она обворовывала ее самымъ безсовѣстнымъ образомъ и разъ стащила даже дорогой золотой браслетъ. На другой день утромъ Татьяна Ивановна обыкновенно чувствовала себя скверно, сидѣла у себя въ комнатѣ, и Ольга выговаривала ей, что нехорошо терять браслеты. Да, все это было въ порядкѣ вещей и никто этому не удивлялся, а теперь случилось что-то другое. Потомъ это таинственное вмѣшательство „баронессы“,—фрау Дрангъ еще разсердилась на сумасшедшую дочь, разсердилась какъ-то всѣмъ своимъ старымъ нѣмецкимъ жиромъ.

Вечеромъ пріѣхала Лоти, младшая дочь фрау Дрангъ, и старуха успо-коилась. Это была ея любимица. Лоти не походила на „баронессу“. Высокая плотная, бѣлокурая, она напоминала тотъ племенной скотъ, который фигу-рируетъ на сельскохозяйственныхъ выставкахъ. Одѣвалась она съ вызыва-ющей пестротой и съ тѣмъ особеннымъ шикомъ, который заставляетъ муж-чинъ оглядываться. Нѣкоторый недочетъ по части вкуса выкупался дорогими ма-теріями, кружевами и цѣнными бездѣлушками. Каролина Карловна не могла смотрѣть равнодушно на свою любимицу и со слезами на глазахъ повторяла:

— Вотъ я такой же былъ... какъ обѣ двѣ капли вода!

Старуха немало гордилась и общественнымъ положеніемъ своей Лоти, которая была просто содержанкой одного выжившаго изъ ума стараго генерала. У Лоти была своя квартира, свои лошади, штатъ прислуги, брильянты,— чего же еще можно желать? Въ этотъ вечеръ Лоти пріѣхала къ мутерхенъ въ дурномъ расположеніи духа. У нея была скверная привычка пріѣзжать къ матери именно въ такомъ настроеніи, и старухѣ стоило большого труда успокоить ее. Лоти была немножко вспыльчива и ругалась, какъ два из-возчика.

— Ну, что новаго?—спрашивала Лоти еще въ передней, бросая свое манто прямо въ физіономію Ольги.—Мутерхенъ, какъ тебѣ не надоѣстъ эта чухонская морда?.. Видѣть ея не могу!

— Ништево, Лоти... У тебя опять нервы?

— Какой тамъ чортъ первы... Со своимъ старымъ чортомъ поругалась и выгнала его въ шею.

Чтобъ успокоить Лоти, старуха сейчасъ же разсказала ей объ интересномъ положеніи „баронессы“ и таинственномъ исчезновеніи Татьяны Ивановны. Лоти презрительно пожала плечами и не удостоила отвѣтомъ. Развѣ можно говорить о сумасшедшихъ женщинахъ?

— Я на твоемъ мѣстѣ давно бы отказала этой Татьянѣ Ивановнѣ,— замѣтила Лоти, лѣниво зѣвая.—Хочется тебѣ съ нею путаться.

— Она мнѣ за одинъ комнатъ девяносто рублей платитъ... Я имѣетъ отъ нея свой маленькій доходъ.

— Ну, довольно. Надоѣла... Всѣмъ вамъ цѣна расколотый грошъ. Было время у Татьяны Ивановны, когда она была въ модѣ,—ну, и вышла круглая дура, потому что не умѣла во-время устроиться. Жила бы не хуже меня... А какой у ней голосъ былъ, когда она пѣла на Островахъ! Цѣлый капиталъ въ горлѣ, и она его пропила на шампанскомъ.

— Дуракъ была.

— Ну, плевать. Не стоитъ говорить.

Фрау Драгъ занимала двѣ большихъ комнаты. Въ одной была ея спальня, а другая представляла гостиную. Вся обстановка сложилась здѣсь изъ ненужныхъ вещей Лоти, характеризуя тѣ стадіи, которыя проходила эта практическая дѣвица. Да, тутъ была и простенькая мебель, обитая дешевенькимъ кретономъ, и кушетка, обтянутая подозрительно-краснымъ, гранитрнымъ трипомъ, и настоящіе шелковые пуфчики, козетки и кресла. Долго бѣдствовала фрау Драгъ, пока дочери были малы, но зато теперь вполнѣ блаженствовала, утопая въ этомъ сборномъ великолѣпіи. Положимъ, Лоти часто ее корила своими благодѣяніями и даже обѣщала вышвырнуть прямо на улицу, но между своими людьми какіе счеты? Фрау Драгъ отлично знала, что такое жизнь и что такое горячія слова.

Итакъ, Лоти лежала на кушеткѣ и курила папиросу. Фрау Драгъ немного была встревожена: а вдругъ изгнанный генералъ разсердится? Лоти, конечно, погорячилась, и нужно было ее успокоить. Она любила малиновое варенье, рябиновку, сосиски, сыръ, сельтерскую воду,—нужно было начать съ этого. Поѣвшій человѣкъ всегда спокойнѣе, какъ знала фрау Драгъ по собственному опыту, но только вопросъ, съ чего начать? Въ моментъ этихъ размышленій въ коридорѣ послышался сторожевой кашель Ольги. Фрау Драгъ сдѣлала недовольное лицо. Вѣчно некстати пристаетъ эта чухонская морда.

— Ну, чего тебѣ, пергаля?—сердито спросила она, выйдя въ коридоръ.— Не знаешь свой время.

— Барина, а я тебѣ буду говорилъ,—бормотала Ольга, дѣлая таинственные знаки и задыхаясь отъ волненія.—Рибенка ѣкалъ...

— Какой ребенокъ ѣхалъ? Что ты мелешь-то?

— Она ѣкалъ рибенокъ... Баронеска узелъ тащилъ, я смотрѣлъ узелъ... дѣтскія вещи узелъ... Она ѣкалъ узелъ рибенокъ.

Фрау Драгъ наконецъ поняла и хлопнула себя по лбу, какъ дѣлала въ рѣшительные моменты. Да, теперь все было ясно. Вотъ зачѣмъ „баронесса“ юлила въ послѣднее время около Татьяны Ивановны! Она ее и подбила... Фрау Драгъ знала, что у Татьяны Ивановны есть ребенокъ и что онъ воспитывается гдѣ-то въ деревнѣ. Раза два, защищая интересы жилицы, она выгоняла Агаопо, являвшуюся обирать Татьяну Ивановну. Но фрау Драгъ была порядочная женщина и не любила совать носъ въ чужія дѣла, пока это не касалось ея. А теперь другое дѣло. Вѣдь эта сумасшедшая привезетъ своего ребенка сюда. Нѣтъ, ужъ извините, всякому терпѣнію бываютъ границы. Этого только недоставало. Въ глубинѣ души фрау Драгъ считала себя благодѣтельницей. Боже мой, сколько добра она сдѣлала Татьянѣ Ивановнѣ, когда та пришла къ ней на квартиру чуть не въ одномъ платьѣ! Все она, фрау Драгъ, и вотъ вамъ благодарность.

Въ гостиную фрау Дрангъ вернулась, какъ грозовая туча, и принялась такъ ругаться, что Лоти хохотала до слезъ.

— Дорого бы я дала, чтобы посмотрѣть на васъ, когда та вернется съ ребенкомъ, — повторяла Лоти, хватаясь за бока. — Баронесса отличилась... о-ха-ха!.. У тебя, мутерхенъ, скоро будетъ свой собственный воспитательный домъ. Тебѣ дадутъ медаль за человѣколюбіе.

Догадка Ольги растревожила Каролину Карловну до того, что она выпила вечеромъ лишнюю бутылку пива. И цѣлую ночь ей снились самые гадкіе сны, начиная съ того, что Каролина Карловна видѣла себя молодой, со всѣми послѣдствіями и необходимыми ошибками этого опаснаго возраста, такъ что, проснувшись утромъ, она плюнула и сказала: „Donnerwetter!“.

— Будемъ посмотрѣть, какъ она пріѣдетъ,—повторяла старуха, грозно расхаживая по своей квартирѣ.—Это меня нравится.

До обѣда время тянулось ужасно медленно, такъ что Каролина Карловна три раза принималась ругаться съ Ольгой, пока не впала въ изнеможеніе. Лежа въ постели, она нюхала какія-то такія старинныя соли, что отъ нихъ уже ничѣмъ не пахло, кромѣ пыли. Потомъ Каролина Карловна пила кофе, и вотъ именно въ этотъ трогательный моментъ послышался звонокъ въ передней. Это была она, Татьяна Ивановна... Каролину Карловну охватило такое волненіе, что она не могла даже выйти въ коридоръ, а только видѣла въ отворенную дверь, какъ жилица прошла мимо съ дѣвочкой. Да, съ дѣвочкой.

— Ривезла,—доложила шопотомъ Ольга.—Ребенка большой... дѣвочка.

Дѣвочка? Нѣтъ, это ужъ, какъ хотите, хоть кого взорветъ. Каролина Карловна поднялась, оправилась передъ зеркаломъ и грозно поплыла къ жилицѣ.

— Можно войти?

— Нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Я хозяика.

Каролина Карловна вошла безъ позволенія и грознымъ взглядомъ окинула происходившую семейную сцену. Дѣвочка сидѣла у стола и съ аппетитомъ ѣла бутерброды съ масломъ и колбасой.

— Вы съ ума сошли, — заявила Каролина Карловна. — Вы — дуракъ.

— Какъ вы смѣете? Я васъ выгоню вонъ.

Въ первый моментъ Каролина Карловна растерялась. Она никакъ не ожидала такого отпора. Что же это такое?.. А Татьяна Ивановна смотрѣла на нее въ упоръ злыми глазами и имѣла такой видъ, что вотъ-вотъ вцѣпится. Это ужъ было слишкомъ, и Каролина Карловна рухнула на ближайшій стулъ, какъ жирная лавина. Татьяна Ивановна молчала, и только по ускоренному дыханію можно было судить, какъ она волновалась.

— И это мнѣ благодарность?—указала старуха на дѣвочку.

— Это васъ не касается, Каролина Карловна.

— Меня? Не касаетъ? Я, я знаю, что такое любовъ... Когда я былъ молодой, меня тоже коснулся любовъ. Да... Это былъ отецъ баронессы. И я оставался съ такою же дѣвочкой... Одинъ оставался... Я плакалъ день и ночь, потому что былъ дуракъ. Да... Я плакалъ о баронъ, отецъ баронессы... я ѣлъ корка черный хлѣбъ.

— Отчего же вамъ баронъ не помогъ?

— Баронъ?.. Пфуй! У баронъ былъ одни панталонъ и семьдесятъ незаконныхъ дитю... Баронъ былъ веселый характеръ, а я плакалъ. Нужно было взять другой баронъ, старый баронъ, а я плакалъ. Тогда я былъ дуракъ, а

теперь вы дуракъ... Меня это очень касаетъ, да. Дѣвочка жилъ, вы жилъ, а теперь и вы и дѣвочка будетъ плакалъ корка черный хлѣбъ.

— У васъ не буду просить, Каролина Карловна, а тамъ что̀ Богъ дастъ.

— И не дамъ... У меня не богадѣльня. А баронессѣ я дамъ на кулаки.

— Она-то при чемъ тутъ?

— О, я понимайтъ все!.. Я баронессѣ дамъ на морда! Вы жилъ, дѣвочка жилъ, а теперь сталъ нищій,—вотъ что̀ баронесса.

— Нѣтъ, ужъ вы ее оставьте: она тутъ ни при чемъ. Я сама давно хотѣла взять дѣвочку.

— О, я понимайтъ!.. Я былъ дуракъ, а вы есть дуракъ!

Сначала Татьяна Ивановна разсердилась на старуху, а потомъ припялась ее внимательно разсматривать, точно видѣла въ первый разъ. Напримѣръ, раньше она совсѣмъ не замѣчала, что у Каролины Карловны какіе-то ржавые глаза. Раньше, вѣроятно, они были сѣрыми, а теперь заржавѣли. Затѣмъ, вѣдь старуха, если разобрать, совсѣмъ не злая, даже по-своему добрая, только рѣшительно потеряла всякій вкусъ къ добру и злу. Эта философія безразличія выработалась долгимъ житейскимъ опытомъ съ разнаго рода баронами, и Каролина Карловна была столько же виновата, какъ старинная тяжелая монета, потерявшая отъ времени всякій чеканъ. Татьяна Ивановна посмотрѣла на старуху даже съ сожалѣніемъ: вѣдь она, Татьяна Ивановна, была такъ сейчасъ счастлива. Время отъ времени она наблюдала Наташу. Дѣвочка сначала косилась на старуху, а потомъ равнодушно занялась опять своими бутербродами.

— Вотъ что̀, Каролина Карловна,—заговорила Татьяна Ивановна, набирая воздуху (ей было тяжело говорить).—Жили мы съ вами, не ссорились и разстанемтесь по-хорошему, друзьями. Жить я у васъ больше не могу, и вы знаете почему. Имѣя дѣвочку на рукахъ, я не могу вести прежній образъ жизни. Надоѣло и... нехорошо. Я еще молода, могу работать... Однимъ словомъ, какъ-нибудь устроюсь.

— Знаю, знаю... Теперь одинъ дѣвочка, а устроишь себѣ другой, какъ баронесса. Знаю... Теперь ты жилъ комната, будешь жилъ на улица.

— Это ужъ какъ Богъ дастъ. Нужно намъ сосчитаться. По моимъ расчетамъ я вамъ ничего не должна.

— Будемъ посмотрѣть.

Каролина Карловна удалилась и долго что-то вычисляла и писала у себя въ спальнѣ. Результатомъ этой удивительной математики оказалось то, что Татьяна Ивановна была должна за три мѣсяца за квартиру, за два платья, за прошлогоднюю шляпу, за извозчиковъ и т. д. Получалась солидная сумма рублей въ четыреста. Эта сумма ошеломила дѣвушку. Произошла горячая сцена повѣрки счетовъ. По небрежности Татьяна Ивановна ничего не записывала, и всѣ расходы прикидывала только приблизительно въ умѣ.

— Вы на меня насчитали, Каролина Карловна.

— Я? Я все записывалъ.

— Что̀ же я буду дѣлать? Денегъ у меня сейчасъ нѣтъ. Могу вамъ оставить въ обезпеченіе только свои тряпки и золотыя бездѣлушки. Берите, если у васъ рука поднимется. Вы не отъ меня отнимаете послѣдній кусокъ хлѣба, а вотъ у этого несчастнаго ребенка... Впрочемъ, что̀ тутъ говорить: какъ все пришло, такъ и ушло.

Каролина Карловна по части расчетовъ была неумолима и торжество-

гала впередъ. Но съ Татьяной Ивановной вдругъ произошла перемѣна. Дѣвушка гордо выпрямилась и проговорила совершенно спокойно:

— Берите все, Каролина Карловна. Мнѣ ничего не нужно. Да, ничего... Даже это будетъ лучше.

— Какъ лучше?

— А такъ... Однимъ словомъ, мы не поймемъ другъ друга.

Она даже улыбнулась и съ какимъ-то сожалѣніемъ посмотрѣла на жадную старуху, на ея ржавые глаза, на крючковатый носъ.

V.

Татьяна Ивановна очутилась въ томъ безвыходномъ положеніи, въ какое можетъ попасть только одинокая женщина, не имѣющая никакой посторонней поддержки. У нея былъ расчетъ на то, что первое время она просуществуетъ, закладывая ненужныя для нея вещи, а теперь все это оставалось въ рукахъ Каролины Карловны. Это было тяжелое и горькое испытаніе. Куда итти? Съ кѣмъ посовѣтоваться? Конечно, къ „баронессѣ“, которая должна была все знать.

„Баронесса“ жила въ глубинахъ Песковъ, въ деревянномъ флигелькѣ, стоявшемъ на дворѣ. Крошечная квартирка въ три комнаты выходила окнами въ стѣну сосѣдняго каменнаго дома. Татьяна Ивановна отправилась къ ней пѣшкомъ, чтобы не тратить денегъ на извозчика, и взяла съ собой Наташу. Она ужасно устала. Къ счастью, „баронесса“ была дома и встрѣтила гостью съ распростертыми объятіями.

— Ну, слава Богу!—повторяла она, обнимая Наташу.—Поздравляю, Татьяна Ивановна. Теперь нужно устраиваться по-новому.

— Да, нужно. Для начала мутерхенъ выгнала меня на улицу. Вотъ все, что̀ есть на себѣ.

Татьяна Ивановна присѣла къ столику и заплакала. На нее удручающее впечатлѣніе произвела бѣдная обстановка квартиры „баронессы“, бѣдно одѣтыя дѣти, вообще вся та приличная нищета, которая проникаетъ всюду, какъ ржавчина. Старшему сыну „баронессы“ было около шести лѣтъ, какъ Наташѣ, за нимъ или двѣ дѣвочки—одна четырехъ, а другая—двухъ лѣтъ. Дѣти столпились около Наташи и разсматривали ее съ тѣмъ безцеремоннымъ любопытствомъ, какъ это умѣютъ дѣлать только дѣти.

— Какъ же это такъ, а?—повторяла растерявшаяся „баронесса“.—Вотъ ужъ этого я не ожидала отъ матери... И для чего ей? Все у нея есть.

— Считаетъ, что я должна ей больше четырехсотъ рублей.

— А она не считаетъ того, что цѣлыхъ два года жила на вашъ счетъ? Наконецъ, она по закону не имѣетъ права захватывать такія вещи, какъ кровать, необходимое платье, швейная машина. Вотъ мужъ придетъ со службы, и онъ то же скажетъ. Нѣтъ, такъ нельзя!

— Ну, да это устроится все помаленьку. А вотъ какъ вы находите дѣвочку? Она очень миленькая... и будетъ хорошенькая.

Немного успокоившись, Татьяна Ивановна подробно разсказала всѣ свои похожденія. Наташа слушала очень внимательно и, когда дѣло дошло до Моркотиной, расплакалась.

— Хочу къ мамкѣ... не хочу въ городѣ жить...—повторяла она, захлебываясь отъ слезъ.

— Ничего, помаленьку привыкнетъ,—успокаивала „баронесса“.—Кстати, Татьяна Ивановна, можно на первое время устроиться такъ: я вамъ уступлю вонъ ту маленькую комнатку. Пока устроитесь, и живите въ ней съ Наташей,

а мы ничего, потѣснимся какъ-нибудь. Весна на дворѣ, и ребятишки цѣлые дни будутъ на улицѣ. У насъ тутъ есть близко скверъ, такъ они тамъ толкутся.

— Мнѣ будетъ совѣстно васъ стѣснять, Катерина Петровна.

— Э, что за совѣсть! Вѣдь только пока, а тамъ и свою квартиру наймете.

Какъ разъ мужъ пришелъ со службы. Это былъ бородатый, среднихъ лѣтъ мужчина въ какой-то желѣзнодорожной формѣ,—онъ служилъ на желѣзной дорогѣ. Простое и серьезное лицо понравилось Татьянѣ Ивановнѣ.

— Домой Иванъ Семеновичъ приходитъ только ѣсть да спать,—объясняла „баронесса“, приготовляя на столѣ все необходимое для обѣда.—У нихъ служба трудная. И отвѣтственность при этомъ.

— Служба, какъ служба,—скромно замѣтилъ Иванъ Семеновичъ.

— И жалованье маленькое.

Гостья внимательно вглядывалась въ лицо хозяина и старалась про себя рѣшить, почему оно такое хорошее—не красивое, а именно хорошее. Что-то такое правдивое было въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи.

— Въ самомъ дѣлѣ, переѣзжайте къ намъ, Татьяна Ивановна,—продолжалъ онъ, выслушавъ планъ своей „баронессы“.—Тѣсненько, правда, но въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ, какъ говоритъ пословица. Не правда ли, Катя?

— Сегодня и переѣзжайте, а я все приготовлю.

Ждать Татьянѣ Ивановнѣ было нечего, и она переѣхала въ тотъ же день. Все имущество она привезла на одномъ извозчикѣ. „Баронесса“ только покачала головой. Фрау Драгъ, провожая жилицу, даже прослезилась.

— Мнѣ жаль васъ, Каролина Карловна,—говорила Татьяна Ивановна на прощанье.—Когда я вела дурную жизнь, вы ничего мнѣ не говорили, а бранитесь теперь, когда я хочу жить своимъ трудомъ.

Устройство на новой квартирѣ заняло всего нѣсколько минутъ. Комната была всего въ одно окно. У внутренней стѣны стояла дѣтская кроватка, а напротивъ большой приземистый диванъ, на которомъ Татьяна Ивановна должна была спать. Столъ у окна, комодъ въ углу, нѣсколько стульевъ—вотъ и вся обстановка. Съ какимъ нетерпѣніемъ дѣвушка ждала момента, когда останется наконецъ съ дочерью съ глазу на глазъ! Наташа ко всѣмъ перемѣнамъ относилась какъ-то пассивно.

— Тебѣ скучно съ мамой, дѣточка?

— Н-нѣ-е...

Дѣвочка не знала самаго слова: „скучно“, и только съ удивленіемъ смотрѣла на мудреную городскую маму. Въ дѣтской душѣ оставалась еще крѣпкая надежда, что все это пока и что мама увезетъ ее опять въ деревню, къ настоящей мамкѣ. Эта замкнутость ребенка непріятно дѣйствовала на Татьяну Ивановну, точно она стучалась въ запертую дверь и не получала отвѣта. Она даже стѣснялась приласкать дѣвочку, какъ это ей хотѣлось.

„Ужъ моя ли это дѣвочка?—съ тоской думала Татьяна Ивановна, въ сотый разъ разглядывая родимыя пятна на рукѣ.—Вѣдь должно же въ ней сказаться органическое чувство къ родной матери. Вотъ я, я чувствую, что она моя“.

— Пусть дѣвочка осмотрится,—совѣтовала „баронесса“.—А когда привыкнетъ, тогда все само собой будетъ. У дѣтей память коротка. Послѣ деревни-то трудно привыкать къ городу.

„Баронесса“ принимала самое дѣятельное участіе въ каждомъ шагѣ

своихъ жильцовъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за процессомъ прирученія Наташи. Татьяна Ивановна часто чувствовала на себѣ ея пристальный взглядъ и смущалась, точно была въ чемъ-то виновата. Впрочемъ, теперь было не до психологическихъ анализовъ. Шли послѣднія недѣли Великаго поста, и „баронесса“ раздобыла откуда-то работы. Въ магазинахъ и мастерскихъ шла отчаянная спѣшка, и работу охотно давали на домъ. Татьяна Ивановна умѣла порядочно шить, и это было большимъ подспорьемъ. Въ сутки она могла заработать около рубля, т.-е. въ сутки настоящей швеи, состоящія изъ восемнадцати рабочихъ часовъ. Въ маленькой каморкѣ затрещала швейная машинка, точно неугомонный сверчокъ. Первые дни дались, правда, трудно, а потомъ Татьяна Ивановна понемногу привыкла и даже полюбила свою работу. Вѣдь она теперь существуетъ уже своимъ трудомъ, ѣла свой собственный трудовой хлѣбъ, а это придавало и силы и увѣренность въ самой себѣ. Вѣдь когда-то она работала въ магазинѣ, правда, очень давно, и старая привычка къ тяжелому труду сказалась. За шитьемъ такъ хорошо думается. Машинка трещитъ, тянется безконечная стежка, а въ головѣ мысли такъ и бѣгутъ, точно по дорожкѣ. Ахъ, какъ много этихъ мыслей и какія тяжелыя мысли! Даже духъ захватывало, и Татьяна Ивановна только закрывала глаза, точно боялась ихъ увидѣть открытыми глазами.

Видѣла Татьяна Ивановна себя совсѣмъ маленькою дѣвочкой. Больной отецъ-чиновникъ страшно кашлялъ, мать убивалась надъ работой, дѣтей было трое, и всѣ дѣвочки. Старшія сестры учились въ гимназіи, а маленькая Таня осталась безъ всякаго образованія, потому что отецъ умеръ какъ разъ въ то время, когда ее нужно было отдавать въ гимназію. Какое ужасное слово: бѣдность, въ частности—петербургская бѣдность! Отвратительныя каморки, вѣчные займы, униженіе и голодовка. Двѣнадцати лѣтъ Таня очутилась въ модномъ магазинѣ и въ теченіе четырехъ лѣтъ прошла тяжелую школу петербургской швейки. Чего-чего она тутъ ни насмотрѣлась и ни натерпѣлась. Страшно даже вспомнить. Старшія сестры въ это время успѣли выйти замужъ въ провинціи, мать перебивалась какою-то микроскопическою пенсіей. Старушка отъ нужды, непосильной работы и глодавшей ее всю жизнь нужды впала въ какое-то дѣтство. Таня бывала у нея иногда по праздникамъ, и эти побывки были для нея тяжелѣе всего.

— Для чего я родила тебя дѣвочкой, несчастная?—повторяла старуха, глядя на нее слезившимися глазами.—Ахъ, если бъ ты была мальчикомъ!

— А что бы было, мама?

— Ахъ, совсѣмъ другое, совсѣмъ другое!.. Это несчастіе родиться въ Петербургѣ дѣвочкой. Ты еще молода, глупа и ничего не понимаешь.

Скоро Таня поняла эту роковую разницу, которая отдѣляетъ петербургскихъ дѣвочекъ отъ петербургскихъ мальчиковъ. Ея магазинный курсъ кончился, и она получила извѣстную самостоятельность. Старшія подруги посвятили ее въ то, о чемъ она знала только по слухамъ. Къ ея несчастію, она была красива и вдобавокъ имѣла довольно хорошій голосъ. Послѣднее ее и погубило. Въ шестнадцать лѣтъ Таня очутилась на подмосткахъ довольно скверная загороднаго театрика, куда поступила хористкой. Здѣсь о какой-нибудь работѣ не могло быть и рѣчи. Недавнія подруги по мастерской такъ откровенно завидовали ей, считая ее счастливицей.

Жизнь понеслась бурной волной. Здѣсь всѣ плыли по теченію, не думая о завтрашнемъ днѣ. „Что же? Не одна я такая-то“,—утѣшала себя Таня. И дѣйствительно она была не одна. Въ хорѣ служило до тридцати дѣвушекъ, получавшихъ такое микроскопическое жалованье, на которое могла существо-

вать развѣ самая скромная комнатная муха. Приходилось прибѣгнуть къ косвеннымъ доходамъ, какъ это дѣлали всѣ другія. Собственно жизнь проходила въ какомъ-то чаду. День спали, а работа начиналась только вечеромъ, когда зажигались электрическіе фонари. Заканчивалась эта работа отдѣльными кабинетами, гдѣ кутили запоздавшіе гости. Деньги швырялись полною горстью, и въ головѣ начинающей хористки перевернулись вверхъ дномъ всѣ понятія о жизни, добрѣ и злѣ. Жили вѣдь только здѣсь, а остальные жалко пресмыкались. Окончательно погубило Таню то, что она, благодаря голосу и счастливой наружности, скоро перешла на амплуа солистки и сразу выдвинулась изъ общей массы. Аплодисменты, вызовы, подарки и всякіе знаки вниманія благодарной садовой публики окончательно вскружили ей голову. Омутъ столичнаго разгула закружилъ ее съ головой. О ней даже печатали въ газетахъ, какъ о „начинающей звѣздочкѣ“.

Здѣсь же разыгрался и первый романъ, закончившійся очень трагически. Солистка Таня, какъ ее называли въ труппѣ, влюбилась въ режиссера, человѣка пожилого и некрасиваго, но почему-то пользовавшагося большимъ успѣхомъ у садовыхъ женщинъ. Результатомъ романа явилась беременность. Режиссеръ, конечно, бросилъ ее на произволъ судьбы, а самъ уѣхалъ съ новой жертвой куда-то на югъ. Осень Таня кое-какъ протянула, работая въ одномъ изъ зимнихъ садовъ, а потомъ должна была оставить сцену. Первый опытъ былъ слишкомъ жестокъ, и появленіе Наташи не дало той радости, которую приноситъ матери первый ребенокъ. Въ отчаяніи солистка Таня отдала его въ воспитательный домъ. Это и была маленькая Наташа.

Странно, что появленіе ребенка не вызвало материнскихъ чувствъ. Они были подавлены въ зародышѣ ненавистью къ отцу и мыслью о томъ, что, все равно, съ ребенкомъ на рукахъ она не могла бы существовать честнымъ трудомъ, а тѣмъ больше не могла оставаться солисткой Таней. Въ результатѣ осталась какая-то озлобленность.

Нужно было жить, и жизнь покатилась. Какъ прошли цѣлыхъ пять лѣтъ—Татьяна Ивановна не могла бы отвѣтить, какъ человѣкъ въ состояніи угара плохо сознаётъ, что дѣлается съ нимъ. День за днемъ летѣли съ поразительной быстротой, тѣмъ болѣе, что она пользовалась извѣстнымъ успѣхомъ, за ней ухаживали, ея имя на афишѣ привлекало публику. Но, несмотря успѣхъ, озлобленность ея не оставляла. Она больше никому не довѣряла и всѣхъ мужчинъ считала подлецами. О, она слишкомъ хорошо знала ихъ! О дѣвочкѣ, отданной въ деревню на воспитаніе, она вспоминала только тогда, когда появлялась Агаоья за подачкой. Разъ даже у Татьяны Ивановны являлось желаніе увидѣть ребенка, но оно сейчасъ же заглохло подъ давленіемъ сознанія, что какая она мать и какими она глазами будетъ смотрѣть на это ни въ чемъ неповинное существо? Закончился этотъ бурный періодъ тѣмъ, что Татьяна Ивановна простудилась на одномъ зимнемъ пикникѣ и потеряла голосъ. Деньги, какія были, ушли на лѣченье, а затѣмъ пришлось круто перемѣнить образъ жизни. Именно въ этотъ критическій моментъ Татьяна Ивановна и поступила подъ крылышко фрау Драгъ. У нея оставались еще кое-какія старыя знакомства, и она жила на остатки своей недавней популярности, появляясь въ модныхъ кабакахъ въ качествѣ одной изъ шикарныхъ ces dames.

Оставался одинъ шагъ до открытой торговли собой, не прикрытой уже никакою иллюзіей, и только тутъ Татьяна Ивановна опомнилась. Въ первую минуту она такъ возненавидѣла и себя и свое прошлое, что хотѣла отравиться. Ее спасло только знакомство съ „баронессой“, чутьемъ угадавшей,

что съ ней дѣлается. Материнство „баронессы“ открыло глаза Татьянѣ Ивановнѣ.

Вотъ о чемъ думала и передумывала Татьяна Ивановна, цѣлые дни работая на своей машинкѣ. Ее охватывалъ какой-то ужасъ при одномъ воспоминаніи о прошломъ, и она опять ненавидѣла себя. Ей показалось, что Наташа чувствуетъ къ ней инстинктивное отвращеніе, какъ къ нечистому животному, и эта мысль ее убивала. Она не могла въ этомъ случаѣ быть откровенной даже съ „баронессой“, потому что есть вещи, о которыхъ не говорятъ. Успокаивала ее только одна работа, вѣрнѣе—чисто-физическое утомленіе.

Зато какъ хороша была эта первая трудовая Пасха, это заработанное тяжелымъ трудомъ воскресеніе! У Наташи явилось первое новенькое ситцевое платье, новые башмачки, шляпка и осеннее пальто,—все было свое, кровное, и Татьяна Ивановна гордилась этими пустяками.

— Мы пойдемъ въ самую маленькую церковь встрѣчать Христа,—говорила она „баронессѣ“.—Когда я была маленькой дѣвочкой, то всегда ходила вмѣстѣ съ мамой.

Нашлась и маленькая церковь. Татьяна Ивановна молилась со слезами на глазахъ, и молилась не о себѣ, а о своей дѣвочкѣ, передъ которой чувствовала себя такою виноватой. Ей казалось, что это для нея служатъ, для нея поютъ, для нея всѣ радуются,—вѣдь она воскресла для другой жизни.

VI.

— Вы счастливая, Татьяна Ивановна,—говорила „баронесса“, когда Татьяна Ивановна вскорѣ послѣ Пасхи нашла себѣ мѣсто продавщицы въ одномъ изъ модныхъ магазиновъ.—Это вамъ Богъ на дѣвочку посылаетъ.

Мѣсто было неважное, всего на двадцать пять рублей, но зато постоянное, а это много значило для маленькаго хозяйства. Прежде всего, Татьяна Ивановна нашла себѣ маленькую квартирку въ двѣ комнаты и была такъ счастлива этимъ своимъ угломъ, какъ никогда. Было только одно неудобство, именно, что ей приходилось оставлять дѣвочку одну, съ прислугой. Вечера, положимъ, были свободны, но дѣвочка въ это время ложилась спать. Свободными оставались праздники, когда Татьяна Ивановна могла цѣлый день посвящать своей Наташѣ. Это были счастливые дни, и мыслью о нихъ дѣвушка жила всю трудовую недѣлю. Заработанныхъ средствъ, конечно, не хватало, и Татьяна Ивановна боролась съ обступавшею ее кругомъ нуждой съ героизмомъ всѣхъ бѣдныхъ труженицъ. Она экономила на своихъ платьяхъ, на обуви, на пищѣ, только бы свести концы съ концами. Нѣкоторымъ подспорьемъ являлась частная работа, которую дѣвушка брала на праздники, а отчасти исполняла по вечерамъ, когда Наташа спала въ своей кроваткѣ.

Вся жизнь Татьяны Ивановны сосредоточивалась теперь въ дочери. Она не могла себѣ представить, какъ бы могла жить безъ нея. Мысль о дѣвочкѣ являлась для нея чѣмъ-то магическимъ, что заслоняло всѣ житейскія невзгоды, непріятности и непосильный трудъ. Сидя вечеромъ за работой и прислушиваясь къ ровному дыханію ребенка, дѣвушка часто удивлялась, какъ она могла жить раньше, какъ не умерла просто отъ стыда? Наташа являлась провѣркой всей ея жизни, и во всѣхъ случаяхъ она прежде всего думала о ней: а какъ Наташа? Это былъ центральный пунктъ, изъ котораго исходило уже все остальное. Любуясь иногда на тихо спавшую дѣвочку, Татьяна Ивановна часто съ тоской думала о томъ, какое будущее ждетъ вотъ эту дѣтскую

русую головку. Ей дѣлалось страшно, потому что она сама можетъ заболѣть, умереть, и дѣвочка очутится на улицѣ. Это была ужасная мысль, тѣмъ болѣе, что Татьяна Ивановна именно въ эти минуты чувствовала особенно ярко свое полное одиночество. Вонъ у другихъ дѣтей есть отцы, взрослые братья и сестры. Нѣтъ, лучше не думать о такихъ вещахъ!

Вся жизнь Татьяны Ивановны измѣрялась теперь однимъ словомъ: Наташа. Весь ея трудовой день, каждая свободная минута, каждая копейка, каждая мысль, каждое движеніе,—все это сосредоточивалось, какъ въ центрѣ, въ ребенкѣ. А Наташа оставалась все такимъ же дичкомъ и ужасно тосковала по своей деревнѣ, грязной мамкѣ Агаѳьѣ, по пьяномъ тяткѣ Андреѣ.

— Тебѣ скучно, дѣточка?—часто спрашивала Татьяна Ивановна, любовно заглядывая въ дѣтскіе глаза.

— Да...—отвѣчала дѣвочка; она уже теперь знала, что̀ такое „скучно“.

— Въ деревнѣ лучше?

— Куды лучше...

— Нужно говорить: куда.

Наташа не могла отвыкнуть отъ деревенскихъ словъ и приводила Татьяну Ивановну въ отчаяніе своимъ произношеніемъ. Напримѣръ, Наташа по-новгородски говорила „оны“, вмѣсто они. Дѣвочка вообще какъ-то сторонилась матери и часто смотрѣла на нее „чужими глазами“, какъ называла про себя Татьяна Ивановна этотъ недовѣрчивый дѣтскій взглядъ. Конечно, время должно было сдѣлать свое дѣло, но вѣдь приходилось ждать, ждать и ждать, когда на сердцѣ скребли кошки. Лѣтомъ Татьяна Ивановна по праздникамъ ходила гулять съ дѣвочкой, чтобы развлечь ее. Побывали въ Лѣтнемъ саду, въ Таврическомъ, въ Зоологическомъ, разъ даже ѣздили на пароходѣ на Острова,—Наташѣ было все-таки скучно.

Внутренно Татьяна Ивановна переживала тяжелое испытаніе. Изо дня въ день велась упорная борьба между материнскою любовью и дѣтскимъ равнодушіемъ. Наташа не сдавалась. Это маленькое дѣтское сердце было глухо и слѣпо къ окружавшей его атмосферѣ любви. Татьяна Ивановна приходила въ отчаяніе и потихоньку плакала. Да, это была ужасная кара за ея прошлое. По-своему вѣдь ребенокъ былъ совершенно правъ. Въ самомъ дѣлѣ, если разобрать серьезно, какая она мать? Развѣ матери бросаютъ дѣтей на произволъ судьбы, откупаясь отъ нихъ деньгами? Конечно, дѣвочка сейчасъ не умѣла ей сказать всего, но это не мѣшало ей чувствовать, и затѣмъ вѣдь придетъ время, когда она ей скажетъ *это*. Да, скажетъ. И никакой искусъ, никакой подвигъ, ничто не покроетъ этого жалкаго прошлаго.

Прошло полгода, прежде чѣмъ Татьяна Ивановна рѣшилась спросить дочь:

— Наташа, а ты меня любишь? Ну, немножечко, чуть-чуть?

Дѣвочка посмотрѣла на нее „чужими глазами“ и отрицательно покачала головой.

— Н-нѣ-е...

— Нужно говорить: нѣтъ. Да вѣдь я твоя мама? Понимаешь, ма-ма... Настоящая твоя мама. Другой у тебя мамы нѣтъ...

— Нѣтъ, не мама... Мамка осталась въ деревнѣ.

— А ту мамку любишь?

— Люблю.

Это было ужасно. Настоящая драма и, какъ всѣ настоящія драмы, она разыгрывалась въ самыхъ простыхъ, наивныхъ формахъ. Искреніе отвѣты дѣвочки приводили Татьяну Ивановну въ отчаяніе. А что̀ она могла подѣлать? Дѣтское сердце не купишь.

Стояла уже осень, настоящая петербургская гнилая осень. У Татьяны Ивановны было очень плохонькое осеннее пальто, а купить новаго было не на что. Часто она возвращалась домой съ мокрыми ногами,—вопросъ о новыхъ калошахъ являлся неразрѣшимымъ. А эти темные осенніе вечера, когда дождь хлещетъ, завываетъ вѣтеръ, и кругомъ разстилается какая-то мокрая тоска! Хорошо тому, у кого есть свой теплый уголъ, семья, хорошіе знакомые, гдѣ можно, по крайней мѣрѣ, выговориться и отвести душу. У Татьяны Ивановны была только одна „баронесса“, и она изрѣдка отправлялась къ ней повѣрить свое горе.

— Трудно вамъ, милая,—соглашалась „баронесса“.—Дѣвочка, конечно, привыкнетъ и броситъ эту деревенскую дичь. А главная причина, что сами-то вы еще такая молодая, Татьяна Ивановна... Одурь возьметъ сидѣть одной въ четырехъ стѣнахъ.

— Ну, какая я молодая! Все это пустяки!

„Баронесса“ уже не разъ стороной заводила рѣчь объ этомъ одиночествѣ, и Татьяна Ивановна даже краснѣла, чувствуя, куда она клонитъ. Съ другой стороны, „баронесса“ заводила политическій разговоръ о разныхъ „хорошихъ людяхъ“. Вотъ, напримѣръ, конторщикъ въ багажномъ отдѣленіи, какой скромный молодой человѣкъ. Какъ-то приходитъ съ мужемъ—красная дѣвушка. Были у „баронессы“ на примѣтѣ и другіе хорошіе люди: аптекарскій ученикъ, приказчикъ изъ мануфактурнаго магазина, служащій въ ссудной кассѣ и т. д.

— Никогда мнѣ объ этомъ ничего не говорите,—замѣтила разъ Татьяна Ивановна, еще болѣе краснѣя.—Замужъ я не пойду...

— Пустяки! Только нашелся бы хорошій человѣкъ по сердцу...

— А Наташа? Да я и не желаю заѣдать чужую жизнь.

— И Наташѣ будетъ лучше. Вдвоемъ-то вотъ какъ заживете.

— Нѣтъ, нѣтъ... никогда! Я свое уже все прожила и теперь могу жить только для дочери. Вы этого не можете понять, Катерина Петровна, поэтому не будемте говорить. Не огорчайте меня.

— Какъ знаете. А я такъ, жалѣючи васъ же, сказала...

— Нѣтъ, ужъ лучше не жалѣйте.

Эти наговоры „баронессы“ ужасно разстраивали Татьяну Ивановну, и, возвратившись домой, она каждый разъ горько плакала. Ее огорчало больше всего то, что добрая и хорошая „баронесса“ дѣлала ей больно и не понимала этого. Вѣдь у нея, у Татьяны Ивановны, нѣтъ и не можетъ быть будущаго,—зачѣмъ же трогать больное мѣсто? Какою семейною женщиною она можетъ быть и какой это „хорошій человѣкъ“, который будетъ смотрѣть, какъ на его жену будутъ указывать пальцами? Нѣтъ, въ жизни все идетъ съ страшною послѣдовательностью, и одно связано съ другимъ. Татьяна Ивановна теперь часто про себя повторяла все то, что случилось съ момента, когда она отправилась за ребенкомъ въ Моркотину. Вотъ она ѣдетъ по желѣзной дорогѣ, вотъ ночь на постояломъ дворѣ, вотъ благочестиво-безсовѣстный Митрій Митричъ, вотъ добродушно-нахальный ямщикъ Иванъ, а тамъ первая встрѣча съ Наташей, сцена отъѣзда, появленіе въ городѣ, исторія съ фрау Драигъ,—все одно съ другимъ связано, какъ кольца желѣзной цѣпи. Дѣвушка тысячу разъ проходила по этому пути и не находила именно того, къ чему стремилась: Наташа была ей чужой. Можетъ-быть, единственный разъ въ жизни она поступила по совѣсти, и изъ этого ровно ничего не выходитъ, т.-е. не выходитъ главнаго.

Наступила зима. Петербургскія улицы точно принарядились. Скучающая

столичная публика точно почувствовала себя бодрѣе. Легкій морозецъ заставлялъ всѣхъ торопиться, щипалъ носы и румянилъ щеки. Только бѣдные люди почувствовали себя еще бѣднѣе. Маленькія квартирки отсырѣли, а мысль о дровахъ являлась настоящею мукой. То же было и съ Татьяной Ивановной: ее съѣдала сажень дровъ. Да, эта статья расхода вышибала ее изъ бюджета. Необходимо было прибавить еще пять рублей, а гдѣ ихъ взять? Потомъ нужна была шубка, зимнее платье, обувь, а доходы оставались тѣ же. На двадцать пять рублей хоть разорвись, а, все равно, ничего не выйдетъ, кромѣ этихъ же двадцати пяти рублей. Бѣдность обступала все тѣснѣе, точно сжимался какой-то роковой кругъ, изъ котораго не было выхода.

Выручала, какъ могла, все та же „баронесса“, хотя пользоваться ея благодѣяніями Татьянѣ Ивановнѣ и было очень тяжело. „Баронесса“ отдала свою шубку, теплую юбку, чулки и готова была, кажется, снять съ себя кожу. Часто, глядя на нее, Татьяна Ивановна съ смущеніемъ думала про себя, что сама она такъ не могла бы сдѣлать, и эта мысль заставляла ее стыдиться. Да, она не могла бы отдать послѣдняго.

Разъ, незадолго до Рождества, Татьяна Ивановна пришла къ „баронессѣ“ совершенно разстроенная. Такой она еще не бывала.

— Милая, вы больны?—встревожилась „баронесса“.—На васъ лица нѣтъ, голубушка.

— Нѣтъ, ничего.

— Что-нибудь случилось?

Татьяна Ивановна присѣла къ столу и разрыдалась горько и безпомощно, какъ плачетъ наболѣвшее горе. „Баронесса“ отпаивала ее холодною водой, говорила какія-то слова и вообще ухаживала, какъ за больнымъ ребенкомъ.

— Все устроится понемножку, Татьяна Ивановна. Богъ не безъ милости, а казакъ не безъ счастья. Когда бываетъ трудно, нужно думать о другихъ, которымъ еще труднѣе. Вѣдь, подумайте, есть больные люди, которые совсѣмъ не могутъ работать. Конечно, вамъ трудненько достается, а все-таки помаленьку да потихоньку устроимся какъ-нибудь. Зима пройдетъ, тогда и дровъ будетъ не нужно.

— Ахъ, не то, совсѣмъ не то, Катерина Петровна! Мнѣ просто сдѣлалось и страшно и тошно. Все мнѣ тошно... да.

— Ну, это такъ, пройдетъ.

— Нѣтъ, я знаю свой характеръ. У другихъ это проходитъ, а у меня останется.

Она посмотрѣла на „баронессу“ своими заплаканными глазами и проговорила съ такимъ трудомъ, точно отрывала каждое слово:

— Знаете что, Катерина Петровна? Мнѣ кажется, да, мнѣ кажется, что я... я не люблю Наташу... да.

— Что вы, Татьяна Ивановна, Богъ съ вами!.. Что вы говорите? Опомнитесь... Нужно молиться, когда такія мысли приходятъ въ голову.

— Больше скажу: я ее начинаю ненавидѣть.

— Ребенка? Нѣтъ, не говорите, не говорите... Вы сами не помните, что говорите. Этого не можетъ быть.

— Я сама испугалась... Мнѣ сдѣлалось такъ страшно, точно кругомъ все потемнѣло. Я не умѣю вамъ даже объяснить, что чувствую.

— Миленькая, не думайте ничего, а будемте говорить о чемъ-нибудь другомъ. Это отъ заботы да отъ нужды. Бываетъ, что человѣкъ помутится. Господь съ вами!

„Баронесса“ даже перекрестила Татьяну Ивановну и долго цѣловала ея заплаканное лицо, остававшееся красивымъ даже въ горѣ.

— Вѣдь я живу, какъ тѣнь,—шептала Татьяна Ивановна и неожиданно улыбнулась.—Иду какъ-то вечеромъ изъ своего магазина, а ко мнѣ присталъ молодой человѣкъ. Бѣжитъ за мной собачкой... „Позвольте проводить, барышня?“ Я молчу. Онъ все за мной. Мнѣ наконецъ это надоѣло. Остановилась и говорю: „Что вамъ нужно, несчастный? Развѣ вы не видите, что идетъ не человѣкъ, не женщина, а тѣнь женщины? Понимаете, идетъ смерть?“ Какъ онъ отъ меня ударится въ сторону... Глупый такой!

— Вотъ видите, какія у васъ нехорошія мысли. Раньше смерти никто не умретъ, а вотъ о дѣвочкѣ-то вы нехорошо сказали... Ахъ какъ нехорошо!

— А если это правда? Знаете, я постоянно думаю о ней, и мнѣ кажется, что мы сдѣлали ошибку. Каролина Карловна тогда была права... Росла бы Наташа въ своей деревнѣ и выросла здоровою деревенскою дѣвушкой. Вѣдь есть хорошія деревенскія дѣвушки... А потомъ вышла бы замужъ за деревенскаго парня и была бы счастлива. Вѣдь это мы думаемъ, что только и свѣту въ окнѣ, что жить въ Петербургѣ... Развѣ это жизнь?.. Я не о себѣ говорю, а про нее. У меня сердце все изболѣлось, изныло... Иногда мнѣ кажется, что я просто начинаю сходить съ ума.

— Не нужно такія слова говорить, родная.

Въ концѣ концовъ „баронессѣ“ все-таки удалось разговорить гостью, и Татьяна Ивановна вернулась домой успокоенная. Даже больше, у нея наступила реакція. Наташа крѣпко спала въ своей кроваткѣ, и Татьяна Ивановна долго сидѣла у ея изголовья, любуясь этимъ прелестнымъ дѣтскимъ личикомъ. Вѣдь дѣти всѣ хороши, потому что ихъ не коснулась еще ни одна темная мысль, ни одно нехорошее желаніе. Татьянѣ Ивановнѣ казалось, что она еще никогда такъ не любила свою дѣвочку. Она припала къ этому дѣтскому тѣльцу своею головой и въ такомъ положеніи забылась.

— Милая, родная... моя, моя, моя...—шептала она въ полузабытьѣ.

VII.

Зима Татьянѣ Ивановнѣ далась очень тяжело. Послѣ масленицы она слегла въ постель. Болѣла голова, душилъ кашель, трепала лихорадка. Лѣчиться было не на что, и дѣвушка лежала одна-одинешенька. Она не хотѣла даже послать за „баронессой“, потому что ее охватило какое-то холодное отчаяніе. Все равно, чѣмъ можетъ помочь „баронесса“? А какія были ужасныя ночи!.. Какіе тяжелые сны и грёзы!.. Татьянѣ Ивановнѣ все казалось, что она опять ѣдетъ въ Моркотину, опять торгуется съ Митріемъ Митричемъ, опять воюетъ за свою Наташу и опять получаетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „нѣтъ, не мама...“ Дѣвушка просыпалась въ какомъ-то ужасѣ, съ холоднымъ потомъ на лбу, и боялась закрыть глаза, чтобы роковой сонъ не повторился. Онъ ее измучилъ, этотъ сонъ, какъ повтореніе одного и того же.

— Мама больна...—говорила она игравшей гдѣ-нибудь Наташѣ.—Тебѣ не жаль мамы?

— Нѣтъ.

Татьяна Ивановна отвертывалась къ стѣнѣ, чтобы скрыть слезы.

Прохворать цѣлыхъ двѣ недѣли бѣдному рабочему человѣку стоило дорого. Работа въ магазинѣ не ждетъ, и на ея мѣсто была нанята новая продавщица. Приходилось по выздоровленіи искать новаго мѣста, а между тѣмъ все было заложено, даже подушки. Не въ чемъ было выйти на улицу.

„Э, пусть,—съ ожесточеніемъ думала Татьяна Ивановна.—Все равно!"

Черезъ двѣ недѣли она поднялась съ постели и начала бродить по комнатѣ. Отъ болѣзни оставался кашель, мучившій ее по ночамъ, и лихорадка. За квартиру было не заплачено уже за цѣлый мѣсяцъ, кухаркѣ за два мѣсяца. Эта послѣдняя положительно отравляла жизнь своимъ ворчаньемъ, грубостями и просто нахальствомъ. И все приходилось переносить.

Начиналась опять весна. День сдѣлался длиннѣе. Яркое солнце заглядывало въ окна, и при этомъ освѣщеніи убожество двухъ комнатъ Татьяны Ивановны выступало еще сильнѣе. Взглянувъ на себя въ осколокъ зеркала, взятый у кухарки, она испугалась. На нее смотрѣло такое исхудавшее, больное лицо, хотя еще сохранявшее слѣды недавней красоты. Неужели это она?

Разъ Татьяна Ивановна сидѣла за машинкой и кончала какую-то работу, взятую изъ магазина. Въ кухнѣ послышались споривше голоса. Кто бы это могъ прійти? Къ ней никто не ходилъ. Скоро въ комнату ввалилась сама фрау Драпгъ, одѣтая въ бархатную кофточку и яркую шляпу.

— Здравствуй... Пришелъ тебя видѣть,—заявила она, протягивая жирную руку.—Какой ты худой сталъ... я говорилъ.

— Я была больна, Каролина Карловна. Только-что встала съ постели.

Фрау Драпгъ долго искала глазами, гдѣ ей сѣсть, и помѣстилась на кровати. Она задохлась и тяжело дышала.

— Мой хотѣлъ давать на морда твой кухарка,—объяснила она наконецъ.—О, это такой швинъ! Мой долго сердилъ на тебя... мой потомъ очень жалѣлъ... мой пришелъ... потому что мой не помнилъ зла.

Татьяна Ивановна молчала, предчувствуя какое-то тяжелое объясненіе. Она выслала Наташу въ кухню. Фрау Драпгъ нѣсколько разъ принималась оглядывать бѣдную обстановку квартиры и качала головой, какъ фарфоровый идолъ. Она усвоила себѣ привычку краситься и теперь была противно намазана.

— Такъ, такъ,—повторяла про себя фрау Драпгъ, провѣряя какую-то тайную мысль, принесенную съ собой.—Очень пехорошо. Молодой женщинъ и такой бѣдность. Нѣтъ, пехорошо. И никому это не нужно... да. Ахъ, если бъ ты слюшалъ старый Каролинъ Карловна!.. Онъ тебѣ добра желалъ, Каролинъ Карловна, и сейчасъ добра желалъ.

Татьяна Ивановна сначала точно испугалась нежданной гостьи, а потомъ отнеслась къ ней совершенно дружелюбно. Даже была рада. Все-таки живой человѣкъ. Да и смѣшная эта Каролина Карловна, если къ ней присмотрѣться.

— Вамъ очень меня жаль?—спрашивала дѣвушка.—А мнѣ жаль васъ.

— Послюшай, дуракъ, ти не болтай глюпости... Мой самъ хуже тебя былъ. Тогда жалѣлъ Каролинъ Карловна... Худой былъ, какъ шпилеть изъ клиникъ убѣжалъ.

— Какъ я сейчасъ?

— О, ja... Мой долго дуракъ былъ.

— Знаю, знаю... А теперь васъ не мучитъ иногда совѣсть? Вотъ я, напримѣръ, знаю, зачѣмъ вы сейчасъ пришли. Говорите прямо.

Фрау Драпгъ поднялась, оглядѣлась кругомъ, хлопнула Татьяну Ивановну по плечу и, подмигнувъ, заговорила.

— *Онъ* приходилъ... *Онъ* спрашивалъ адресъ.

— Который *онъ*? Я ужъ забыла.

— Глюпости, дуракъ... Развѣ онъ виноватъ, что богатъ? Почему бѣдный люди лючше?.. Пфуй! Онъ тоже жалѣлъ, очень жалѣлъ... Онъ просилъ меня

твой посмотрѣть и говорить... Онъ сказалъ одинъ слово, и у тебя опять былъ все. Все...

— Да? А дѣвочка какъ же?.. Нѣтъ, Каролина Карловна, это дѣло нужно оставить.

— У меня былъ двѣ дѣвочки, а мой не умиралъ съ голоду. Ти—дуракъ. Посмотри на мой Лоти. О, это умный голова!.. Пріѣзжалъ, ругалъ, плакалъ, уѣхалъ. Старый генералъ выгонялъ... Твой дѣвочка не будетъ лючше, когда ти помиралъ съ голодъ. Дѣвочка не понимайтъ.

— А зачѣмъ вы меня тогда ограбили, Каролина Карловна, и пустили въ одной рубашкѣ?

— Мой грабилъ?.. Твой дѣлалъ мнѣ зло, а не мой грабилъ... Пфуй!

Фрау Драигъ была великолѣпна въ своей обезстыженной наивности, и Татьяна Ивановна весело смѣялась. Да, ей было теперь весело, какъ давно не было. Жизнь такъ проста, а она-то убивается. Нужно на все смотрѣть глазами Каролины Карловны... Въ самомъ дѣлѣ, весело. Фрау Драигъ тоже развеселилась и еще разъ хлопнула Татьяну Ивановну по плечу. Она сдѣлала такой видъ, что ушибла руку о худое плечо, и замѣтила:

— Шкилетъ... Бифтексъ нужно кушать, яйца, вино... Будетъ жирный плечо, а теперь пфуй!

— Подождите, будетъ и жиръ... какъ у васъ. Только вѣдь нужно совѣсть потерять—и жиръ будетъ. Всѣ будутъ любоваться, хвалить... Развѣ много нужно? Вотъ только...

— Што только?

— Я боюсь „баронессы“.

— Вотъ твой „баронесса“!

Фрау Драигъ плюнула и растерла ногой. Что такое „баронесса“? Наплевать на „баронессу“... Она тоже подохнетъ съ голоду, потому что дура. Она всегда была дура и ничего не хотѣла понимать.

— Вотъ что, Каролина Карловна, мнѣ очень хотѣлось бы угостить васъ кофеемъ, да только его нѣтъ. У меня ничего нѣтъ... Вчера посылала кухарку продавать калоши, и сегодня этимъ мы только сыты.

— Приходи ко мнѣ, дуракъ... Отчего ты раньше не прихаживалъ?.. Посмотри въ зеркало на свой морда... Каролинъ Карловна очень жалѣлъ дурака. Каролинъ Карловна все присылалъ: бѣлье, платье... А дѣвочка не понимайтъ... Совсѣмъ еще глюпый дѣвочка.

— Хорошо, присылайте. Не бойтесь, ничего не заложу... Вы совершенно правы, Каролина Карловна.

Уходя домой, фрау Драигъ уже въ дверяхъ проговорила:

— А Лоти того... свой генералъ по шапкамъ давалъ... У Лоти другой генералъ... старый-старый генералъ... А твой беретъ первый генералъ.

— Подумаю, Каролина Карловна.

— Тебѣ добра желаю, дуракъ.

Когда старуха ушла, Татьяна Ивановна долго сидѣла у окна и улыбалась. Какая это смѣшная Каролина Карловна!.. А въ сущности, если разобрать, такъ она по-своему совершенно права. Развѣ честнымъ трудомъ проживешь? Впрочемъ, остается въ запасѣ еще „хорошій человѣкъ“... Дѣвушка опять улыбалась, припоминая матримоніальную политику „баронессы“. Въ самомъ дѣлѣ, или старый генералъ, выгнанный Лоти, или хорошій человѣкъ „баронессы“—другого выхода нѣтъ.

Такъ Татьяна Ивановна и просидѣла до самаго вечера, когда чухонка Ольга привезла ей посланные фрау Драигъ костюмы.

— Привезла,—объявила она, жадными глазами оглядывая бѣдную обстановку.

— Спасибо... Кланяйся.

У Татьяны Ивановны даже не было пятнадцати копеекъ, чтобы дать чухонкѣ на чай. Ну, ничего, и такъ сойдетъ... Ольга прошла въ кухню и долго о чемъ-то шепталась съ кухаркой. Это таинственное совѣщаніе почему-то взволновало Татьяну Ивановну, хотя, въ сущности, ей рѣшительно было все равно.

Темнѣло. Грустныя эти петербургскія сумерки. Въ воздухѣ точно разлита какая-то глухая тоска. Дневной шумъ медленно замираетъ. Гдѣ-то звонитъ церковный колоколъ. Развѣ сходить помолиться?.. Говорятъ, дѣлается легче... Но Татьяна Ивановна не чувствовала въ себѣ молитвеннаго настроенія. Она зажгла лампу. Керосину оставалось часа на два, а купить новаго не на что. Въ долгъ лавочникъ не даетъ уже вторую недѣлю. Впрочемъ, не все ли равно?.. Выраженіе лица дѣвушки было спокойное и рѣшительное.

— Наташа, ты хочешь спать?

— Я хочу ѣсть.

— Хорошо.

Въ запасѣ оставался кусокъ ржаного хлѣба, двѣ картофелины и крошечный кусочекъ масла. Это былъ обѣдъ Татьяны Ивановны, но она отказалась отъ него, чтобъ у Наташи былъ ужинъ. Дѣвочка все съѣла, вытерла по-деревенски ротъ рукой и успокоенно вздохнула.

— Теперь спать, дѣточка?

— Спать.

Татьяна Ивановна раздѣла Наташу и уложила въ кроватку. Дѣвочка такъ аппетитно потягивалась подъ своимъ одѣяльцемъ. Глаза у нея слипались.

— Ты спи, а я посижу около тебя, дѣточка... Дай мнѣ свою ручку. Вотъ такъ... Тебѣ хорошо? Ну, спи...

Тихо въ комнатѣ. Слышно только, какъ возится въ кухнѣ кухарка, точно крыса въ пустомъ амбарѣ. Что она могла тамъ дѣлать? Эта возня раздражала Татьяну Ивановну, мѣшала сосредоточиться на одномъ, что было сейчасъ самое главное. Боже мой, какъ она была глупа!.. Взять хоть сегодня, когда она смѣялась надъ сумасшедшею болтовней фрау Драгъ Вѣдь старуха выжила совсѣмъ изъ ума и потеряла всякую совѣсть. А потомъ, зачѣмъ она согласилась, чтобъ ей принесли костюмы? Ничего не нужно, рѣшительно ничего... И какъ легко, когда чувствуешь, что ничего не нужно.

Дѣвочка уже спала. Она была особенно мила въ своей постелькѣ. Такихъ дѣвочекъ рисуютъ даже на картинкахъ. Дѣвушка долго всматривалась въ это дѣтское личико, которое не отвѣтило ей ни одною улыбкой, ни однимъ взглядомъ, и тихо прошептала съ горькою улыбкой:

— Нѣтъ, не мама...

Да, это былъ смертный приговоръ, произнесенный дѣтскимъ языкомъ.

Потомъ Татьяна Ивановна начала разсматривать присланные фрау Драгъ костюмы. Все это было когда-то нужно. А сейчасъ она не могла смотрѣть на нихъ безъ омерзѣнія, потому что опять видѣла себя разодѣтой въ шелкъ и бархатъ, видѣла тотъ омутъ, куда ведутъ бѣдныхъ дѣвушекъ вотъ такія платья, видѣла собственный позоръ. Неужели опять начинать все снова? Эта мысль заставила Татьяну Ивановну похолодѣть. Она начинала ненавидѣть себя,—ту себя, которая отъ бѣдности опять бросается въ омутъ головой. Одинъ голодъ чего стоитъ... А потомъ для Наташи какой дурной

примѣръ, какой позоръ. Если она не могла признать въ ней своимъ дѣтскимъ сердцемъ родную мать, то, по крайней мѣрѣ, не должна за нее стыдиться.

Татьянѣ Ивановнѣ казалось, что она опять куда-то ѣдетъ, быстро-быстро ѣдетъ, вѣрнѣе—летитъ... Въ головѣ шумъ, передъ глазами мелькаютъ телеграфные столбы, за ней кто-то гонится... Нѣтъ, это она сама за собой гонится и слышитъ, какъ шумятъ шелковыя платья, гдѣ-то гудитъ пьяный опереточный мотивъ, гдѣ-то хохочутъ охрипшіе отъ пьянства голоса...

На другой день рано утромъ пришла „баронесса“. Она уже слышала о визитѣ maman и явилась провѣдать пріятельницу. Татьяна Ивановна лежала на диванѣ совсѣмъ одѣтая. Голова была закинута, одна рука свѣсилась на полъ. На окнѣ валялся пузырекъ съ остатками какой-то бурой жидкости. Дѣвушка отравилась.

Наташу взяла къ себѣ на воспитаніе „баронесса“.

1894.

Оглавленіе

IX тома.

	стр.
Золото. Романъ	3

Ноктюрны.

Дорогой другъ	186
Встрѣча	203
Неотправленныя письма	209
Бездѣлушка. Эскизъ	245
Роковые дни	252
Дурнушка	273
Листъ желтѣетъ	300
Темная вода	316
Риваль	322
Тѣни боговъ	329
Вкругъ ракитова куста. Повѣсть	336
Стрекоза. Изъ лѣтнихъ идиллій	374
Между нами	384
Ангелочки. Разсказъ	402
Черное слово. Эскизъ	409
Клятва Антона. Разсказъ	415
Отчаянный человѣкъ. Разсказъ	424
Рекомендательное письмо. Разсказъ	434
Голосъ крови. Разсказъ	444
Дверь добра и дверь зла. Разсказъ	449
Любовь	460
Мать-мачеха	520
Не мама	565

494577
LR
M2655B
Mamin, Dmitry Narkisovich
Полное собрание сочинений ... [П.В.Быков]
v.9. [Translit: Polnoe sobranie sochineny ...
[P.V.Bykov]]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED